

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МОСКАЛЕВА Наталья Николаевна

**КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕТАНАРРАТИВА НЕЗАВИСИМОСТИ В ГАЗЕТЕ
«ЗЕРКАЛО ТИБЕТА» В 1950–1960-Е ГГ.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научные руководители

кандидат филологических наук, доцент

Гроховский Павел Леонович

кандидат филологических наук, доцент

Родионов Алексей Анатольевич

Санкт-Петербург

2023

Введение	4
Глава 1. Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник	32
1.1. Особенности газет как исторических источников	32
1.2. Историко-географический контекст издания «Зеркала Тибета»	34
1.3. Издатель «Зеркала Тибета»	39
1.4. История издания и распространения «Зеркала Тибета»	47
1.5. Выводы.....	69
Глава 2. «Зеркало Тибета» в призме метанаррации независимости в 1950–1960-е гг.	73
2.1. История Тибета в дискурсе политики и генезис тибетского национализма	73
2.2. Материалы «Зеркала Тибета» в категориях дискурс-анализа	85
2.2.1. Общие понятия дискурс-анализа.....	85
2.2.2. Участники дискурса	92
2.2.3. Область дискурса	102
2.2.3.1. Конструирование прошлого	104
2.2.3.2. Конструирование настоящего	135
2.2.3.3. Конструирование будущего	179
2.2.3.4. Конструирование образа «чужих».....	203
2.2.3.5. Конструирование образа «своих».....	232
2.2.3.6. Конструирование круга «друзей» Тибета и интернационализация «тибетского вопроса»	262
2.2.4. Тон дискурса.....	300
2.2.4.1. Лексические средства и стилистические приемы	300
2.2.4.2. Жанровое своеобразие	316
2.2.4.2.1. Дидактические публикации.....	317
2.2.4.2.2. Предсказания	344
2.2.4.2.3. Оппозиционные песни и стихи	349

2.2.5. Средства визуального воздействия	367
2.2.5.1. Национальные символы тибетской диаспоры.....	368
2.2.5.2. «Друзья» Тибета	397
2.2.5.3. Политические карикатуры и агитационные иллюстрации	414
2.3. Выводы.....	433
Глава 3. Историко-культурное наследие «Зеркала Тибета»	439
3.1. «Зеркало Тибета» как инструмент социально-политической модернизации Тибета.....	439
3.2. «Зеркало Тибета» и национальный нарратив тибетской диаспоры.....	458
3.3. Выводы.....	483
Заключение	488
Список использованных источников и литературы	498

Введение

«Юлчог сосой саргьюр мелонг»¹ (букв. «Зеркало новостей из разных стран», также известное как «Зеркало Тибета»²; годы издания 1925–1963) – вероятно, первое периодическое издание на тибетском языке, начало которому положил издатель тибетского происхождения. Несмотря на то, что газету публиковали на пограничной с Тибетом территории в г. Калимпонг (ныне штат Западная Бенгалия, Индия), «Зеркало Тибета» являлось важным информационным ресурсом для носителей тибетского языка как в Индии, так и в самом Тибете. Будучи одним из немногочисленных средств массовой информации на тибетском языке в указанный период, «Зеркало Тибета» оказало значимое влияние на традиционное мировоззрение тибетоязычных читателей и развитие современной тибетской общественно-политической мысли.

Главный редактор «Зеркала Тибета» Дордже Тарчин Бабу³ (1890–1976) прославился среди тибетцев как видный общественный деятель и христианский миссионер, а также, что не менее существенно, как непримиримый противник коммунизма, который неоднократно предостерегал тибетское правительство о «неизбежной угрозе» коммунистического наступления на Тибет⁴. Очевидно, что Тарчин, как основной идеолог и автор публикаций в «Зеркале Тибета», едва ли мог избежать в них оценочных суждений и собственной трактовки описываемых событий. Начиная с 1950 г. редактор открыто критиковал политику китайских коммунистических властей и призывал к борьбе за независимость Тибета. Пропагандистские публикации Тарчина о независимом историческом развитии Тибета легли в основу формирования своеобразного протибетского дискурса на страницах «Зеркала Тибета» и стали образцами первых пронационалистических публицистических текстов на тибетском языке, подготовленных к изданию этническим тибетцем. На протяжении 1950–1960-х гг. Тарчин создавал в «Зеркале

¹ Тиб. *yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long*.

² Поскольку редактор газеты Дордже Тарчин обычно использовал в качестве сокращенного английского названия газеты именно «Зеркало Тибета» (англ. *The Tibet Mirror*), в дальнейшем в данной диссертации также будет употребляться это краткое название.

³ Тиб. *rdo rje mthar phyin sba' sbu*.

⁴ Engelhardt 2012: 186.

Тибета» свою протибетскую версию истории тибетской нации, воспроизводил элементы тибетской национальной символики и актуализировал так называемый «тибетский вопрос» в фрейме тибетско-китайского конфликта, тем самым конструируя всеохватывающий метанарратив ⁵ независимости, который впоследствии был благоприятно воспринят тибетоязычной общиной в Индии и получил развитие в более поздних публикациях по истории Тибета пронационалистически-настроенных авторов из тибетской диаспоры.

«Тибетский вопрос», или проблема интерпретации исторических фактов, имеющих первостепенное значение для определения легитимного права на управление Тибетским плато ⁶, прошел многоэтапный путь эволюционного развития от неизвестности мировой общественности и безуспешных попыток тибетцев привлечь внимание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) к данному вопросу в 1950 г. до первой резолюции ООН, осудившей политику Китайской Народной Республики (КНР) в Тибете, в 1959 г. и последующей популяризации кампании за свободу Тибета среди целого ряда стран мира. Официальное включение центрального Тибета в состав КНР в результате мирного подписания Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. в Пекине не остановило, а, наоборот, стимулировало действовать активнее протибетское лобби «тибетского вопроса», в состав которого можно с уверенностью записать и редактора «Зеркала Тибета». В 1950-е гг. Дордже Тарчин трансформировал свою газету в орудие идеологической борьбы против коммунизма, регулярно пропагандируя протибетские националистические идеи и призывая к сопротивлению власти КНР в Тибете.

После масштабного вооруженного конфликта в Лхасе в 1959 г. Далай-лама XIV Тэндзин Гьяцо ⁷ и несколько десятков тысяч жителей Тибета эмигрировали за

⁵ Термин «метанарратив» – «гранд-нарратив», «великий рассказ» или «великое повествование» – приобрел особую популярность после публикации в 1979 г. произведения «Состояние постмодерна» французским философом Жан-Франсуа Лиотаром (1924–1998). В контексте исторической науки теория исторических нарративов активно разрабатывалась американским представителем постструктуралистской философии истории Хейденом Уайтом (1928–2018) в работе под названием «Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в.» (1973 г.). Обоснование использования данного термина в рамках настоящей работы будет подробнее рассмотрено далее в подразделе о методологии и методах исследования.

⁶ Powers 2004: 4.

⁷ Тиб. *bstan 'dzin rgya mtsho*; 1935–наст. время.

пределы КНР, положив начало так называемой «тибетской общине в изгнании». Эмиграция Далай-ламы из Тибета и учреждение в Индии непризнанного «правительства Тибета в изгнании» (также известного как Центральная тибетская администрация или ЦТА) обострили актуальность «тибетского вопроса» в поле международных отношений. Проблема толкования истории Тибета уже более 70 лет волнует как тибетских и китайских исследователей, так и других, казалось бы, свободных от националистических предубеждений представителей самых разных научных учреждений мира. Начиная с 1950-х гг. и вплоть до настоящего времени усилиями тибетской иммигрантской общины, хотя и не без помощи других заинтересованных акторов, «тибетский вопрос» непрерывно актуализировался на международной арене, представляя широкое поле для полемики и зачастую выступая в роли лакмусовой бумаги в отношениях других стран с КНР. Разыгрывание «тибетского вопроса» в данном ключе привело к тому, что политическая элита «Тибета в изгнании», разработав собственную версию истории тибетской нации, не только провела внутреннюю легитимацию своей власти над общиной тибетоязычных эмигрантов из КНР, но и, продолжив полемику о «тибетском вопросе» из иммиграции, заручилась определенной поддержкой со стороны мирового сообщества, в то время как население Тибета, по выражению бывшего профессора Колумбийского университета и основателя Тибетского дома в США Роберта Турмана (1941–наст. время), превратилось в «тюленят движения за права человека»⁸.

Изучение «тибетского вопроса» и конкурирующих репрезентаций тибетской истории требует анализа истоков зарождения идеологии тибетского национализма и критического переосмысления всей истории Тибета в дискурсе ее политизации. Данная диссертация предлагает ознакомиться с попыткой разработки метанарратива тибетской независимости и сформированной на его основе пронационалистической модели репрезентации тибетской истории на примере публикаций из периодического издания на тибетском языке, которое выходило в 1950–1960-е гг. и, следовательно, с одной стороны, было современником многих

---

⁸ R. Thurman *cit. ex* Barnett 2001: 277.

неоднозначно оцениваемых событий в новейшей истории Тибета, а, с другой, заняло место в авангарде публицистической литературы на тибетском языке по теме тибетского национализма.

Актуальность темы исследования

Актуальность исследования обусловлена тем, что материалы периодической печати на тибетском языке до сих пор являются крайне малоизученными с точки зрения влияния прессы на формирование национального самосознания и популяризацию нарратива исторически независимого Тибета. Изучение раннего периода становления современного тибетского национализма и роли «Зеркала Тибета» как канала для актуализации пронационалистического дискурса позволяет описать, как разрабатывался политический инструментарий властвующей элиты «Тибета в изгнании» и объяснить, через какие речевые и экстралингвистические средства воздействия было организовано манипулирование массовым сознанием.

Материалы для изучения «Зеркала Тибета» стали доступны для мирового научного сообщества сравнительно недавно, а именно в мае 2009 года после публикации на сайте библиотеки Колумбийского университета⁹ небольшой подборки выпусков газеты в электронном виде, которая на протяжении последующих лет последовательно пополнялась и к 2020 г. составила 70% сохранившихся выпусков «Зеркала Тибета». Большинство публикаций «Зеркала Тибета» до сих пор остаются практически не освоенными ни отечественной наукой, ни мировой тибетологией. В то же время изучение материалов «Зеркала Тибета» неизменно вызывает широкий отклик коллег-тибетологов на Западе, где до сих пор не существовало подобных работ, и, насколько известно по итогам последних встреч-обсуждений современного состояния и перспектив изучения «Зеркала Тибета» на конференции в Париже в ноябре 2016 г., также нет тибетологов, которые бы занимались исследованием «Зеркала Тибета» в направлении интерпретации публикаций за 1950–1960-е гг. с целью осмысления процесса

⁹ См. “Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me loñ” // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html (дата обращения: 27.06.2022).

развития тибетского национализма. При этом зарубежные коллеги отмечают, что «Зеркало Тибета» как исторический источник заслуживает большего внимания исследователей, чем ему было предоставлено до сих пор¹⁰.

Актуальность диссертации также объясняется высокой степенью политизированности проблемы «тибетского вопроса» и неизменной эмоциональной заряженностью дискуссий о статусе Тибета в рамках китайско-тибетских отношений. Обсуждения феномена тибетского национализма, истории движения за свободу Тибета или, наоборот, против тибетского сепаратизма с трудом удается выдерживать в нейтральном тоне без попадания в ловушку «сентиментальности», которая характерна для многих исследований на данную тематику¹¹. Историки Тибета регулярно сталкиваются с претензиями со стороны протибетских или прокитайски-настроенных оппонентов в зависимости от того, какую позицию они занимают в своих научных работах, что также представляет некоторую сложность и побуждает многих тибетологов отказаться от исследования «тибетского вопроса» в пользу изучения более «безопасных» политически-нейтральных тем.

Обзор использованной литературы и степень разработанности темы

Существует обширный список научной литературы по истории Тибета начиная от древнейших времен и вплоть до начала XXI в. Многим из этих работ, однако, свойственна определенная степень политизации и идеологизации, в связи с чем зачастую требуется проводить дополнительное исследование биографических данных авторов трудов по истории Тибета и в соответствии с полученными результатами более критически оценивать заимствуемую у авторов информацию. Для написания данной диссертации использовались монографии и статьи по истории Тибета российских и зарубежных исследователей¹². Среди ключевых источников по истории Тибета необходимо отметить, в первую очередь,

---

¹⁰ Например, см. Engelhardt 2012: 187; Willock 2016: 146.

¹¹ Misra 2003: 203; Asfuroglu 2012: 13.

¹² Для большей наглядности и удобства в данном подразделе с обзором литературы приведены полные библиографические данные использованных монографий и статей. В остальном тексте диссертации используется сокращенная форма оформления ссылок на цитируемую литературу (например, Willock 2016: 146).

четырёхтомный труд по периоду новейшей истории Тибета американского тибетолога Мелвина Голдстейна¹³, а также его монографию под названием «Снежный лев и дракон: Китай, Тибет и Далай-лама», рассматривающую историю китайско-тибетских отношений в контексте политической риторики¹⁴. Отдельные аспекты различных периодов истории Тибета представлены на основании исследований итальянского историка Лучано Петека¹⁵, профессора тибетологии Боннского университета Питера Швигера¹⁶, тибетского историка Церинг Шаки¹⁷, почетного профессора Практической школы высших исследований Мэттью Капштейна¹⁸, британского тибетолога Сэма ван Скайка¹⁹, российских востоковедов Ирины Регбиевны Гарри²⁰, Евгения Ивановича Кычанова и Бориса Николаевича Мельниченко²¹. В качестве вспомогательного справочного пособия по истории Тибета был полезен «Исторический словарь Тибета»²², составленный американским тибетологом Джоном Пауэрсом и научным сотрудником Университета Ла Троба Дэвидом Темплмэном.

Работы, посвященные политическому статусу Тибета, существующим образам Тибета, особенностям полемики о «тибетском вопросе», генезису тибетского национализма и идеологической политике в тибетской общине в изгнании, сравнимы и по количеству, и по степени дискурсивности с более общими трудами по истории Тибета. Важным трудом для разработки концепции данной

¹³ Goldstein M. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State. Berkeley: University of California Press, 1992; Goldstein M. A History of Modern Tibet, Vol.2. The Calm before the Storm: 1951–1955. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2007; Goldstein M. A History of Modern Tibet, Vol.3. The Storm Clouds Descend: 1955–1957. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2014; Goldstein M. A History of Modern Tibet, Vol.4. In the Eye of the Storm: 1957–1959. Oakland: University of California Press, 2019.

¹⁴ Goldstein M. The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet, and the Dalai Lama. Berkeley, Los Angeles, and Oxford: University of California Press, 1997.

¹⁵ Petech L. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: E.J. Brill, 1972; Petech L. Central Tibet and the Mongols: The Yuan–Sa-skya Period of Tibetan History. Rome: Istituto Italiano Per Il Medio Ed Estremo Oriente, 1990.

¹⁶ Schwiager P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015.

¹⁷ Shaky Tsering. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947. New York: Penguin Compass, 2000.

¹⁸ Kapstein M. The Tibetans. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

¹⁹ van Schaik S. Tibet: A History. New Haven and London: Yale University Press, 2011.

²⁰ Гарри И.Р. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX–начало XXI вв.). Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009.

²¹ Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. Москва: Восточная литература РАН, 2005.

²² Powers J., Templeman D. Historical Dictionary of Tibet. Lanham, Toronto, and Plymouth (UK): The Scarecrow Press, Inc., 2012.

диссертации изначально стала монография вышеупомянутого Дж. Пауэрса под названием «История как пропаганда: тибетские эмигранты vs. Китайская Народная Республика»²³. Помимо этого, были задействованы аналитические исследования новозеландского тибетолога Алекса Маккея²⁴, швейцарского профессора тибетологии Жоржа Дрейфуса²⁵, норвежского антрополога Асхильд Колос²⁶, американского историка Тибета Эллиота Сперлинга²⁷, главы Школы социальных наук Вестминстерского университета Дибьеш Ананда²⁸, австралийского политолога Бена Хилмана²⁹, почетного профессора Кардиффского университета Джеффри Сэмюэла³⁰, американского антрополога Кристиана Клигера³¹, норвежского тибетолога Трине Брокс³², выпускницы аспирантуры Женевского института международных отношений Энн-Софи Бенц³³ и выпускника аспирантуры Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Рохит Сингха³⁴. Не менее интересными источниками информации по истории формирования тибетской идентичности послужили магистерская диссертация Пелин Асфуруглу из Лейденского университета под названием «Политика репрезентации:

²³ Powers J. *History as Propaganda. Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China*. New York: Oxford University Press, 2004.

²⁴ McKay A. *Tibet and the British Raj, 1904–47: The Influence of the Indian Political Department Officers*. PhD Diss. London: SOAS London University, 1995; McKay A. “‘Kicking the Buddha’s Head’: India, Tibet and Footballing Colonialism” // *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*, ed. by P. Dimeo and J. Mills. London: Franc Cass, 2001. P.89–104; McKay A. “‘Truth,’ Perception, and Politics: The British Construction of an Image of Tibet” // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications, 2001. P.67–89.

²⁵ Dreyfus G. “Are We Prisoners of Shangrila? Orientalism, Nationalism, and the Study of Tibet” // *Journal of the International Association of Tibetan Studies*. No.1. 2005. P.1–21.

²⁶ Kolás A. “Tibetan Nationalism: The Politics of Religion” // *Journal of Peace Research*. Vol.33, No.1. 1996. P.51–66.

²⁷ Sperling E. *The Tibet-China Conflict: History and Polemics*. Washington DC: East-West Center, 2004.

²⁸ Anand D. “(Re)imagining Nationalism: Identity and Representation in the Tibetan Diaspora of South Asia” // *Contemporary South Asia*. Vol.9, No.3. 2010. P.271–287.

²⁹ Hillman B. “Studying Tibetan Identity” // *The Sage Handbook of Contemporary China*, Vol.2, ed. by W. Wu and M. Frazier. London: Sage Publication, 2018. P.713–735.

³⁰ Samuel G. *Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1993.

³¹ Klieger Ch. “Ideology and the Framing of Tibetan History” // *The Tibet Journal*. Vol.14, No.4. 1989. P.3–16.

³² Brox T. “Tibetan Culture as Battlefield: How the Term ‘Tibetan Culture’ is Utilized as Political Strategy” // *Buddhism in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltlosigkeit im Buddhismus*, Vol.X, ed. by L. Schmithausen. Hamburg: Universität Hamburg, 2006. P.85–105; Brox T. “Constructing a Tibetan Demos in Exile” // *Citizenship Studies*. Vol.16, Nos.3–4. 2012. P.451–467.

³³ Bentz A.-S. “Reinterpreting the Past or Asserting the Future? National History and Nations in Peril–The Case of the Tibetan Nation” // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol.6, No.2. Special Issue: Nations and Their Pasts. 2006. P.56–70.

³⁴ Singh Rohit. “Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity” // *Oxford Handbooks Online*. 2015. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7> (дата обращения: 27.06.2022).

конструирование тибетской национальной идентичности в изгнании»³⁵ и докторская диссертация Райан Фишера из Южного методистского университета (США) под названием «Диалогическое конструирование нарративов “тибетскости”: нарративы о тибетской идентичности и памяти»³⁶. Для изучения специфики репрезентаций событий, связанных с учреждением и функционированием власти КНР в Тибете в 1950-е гг., была также использована коллективная монография «Конфликтующие воспоминания. Пересказанная история Тибета во времена Мао: эссе и основные документы» под редакцией английского тибетолога Роберта Барнетта, американского историка Тибета Бенно Вайнера и французского тибетолога Франсуазы Робэн³⁷.

Главным источником для описания истории издания «Зеркала Тибета» стала подробная биография Дордже Тарчина, опубликованная американским исследователем Гербертом Луисом Фейдером в трех томах в 2002–2009 гг.³⁸. Дополнительные детали, связанные с историей распространения «Зеркала Тибета» и деятельностью редактора газеты, были заимствованы из исследований зарубежных тибетологов Анны Заверталь³⁹, Исрун Энгельхардт⁴⁰, Ксавьера

³⁵ Asfuroglu P. The Politics of Representation: The Construction of the Tibetan National Identity in Exile. MA Thesis. Leiden: Universiteit Leiden, 2012.

³⁶ Fisher R. The Dialogical Construction of Tibetan-ness: Narratives of Tibetan Identity and Memory. PhD Diss. Dallas: Southern Methodist University, 2011.

³⁷ Barnett R., Weiner B., and Robin F., eds. *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*. Leiden and Boston: Brill, 2020.

³⁸ Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002; Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004; Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.3. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2009.

³⁹ Sawerthal A. *The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press*. MA Diss. Vienna: University of Vienna, 2011; Sawerthal A. *A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the “Tibet Mirror” (Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long, 1925–1963)* from Kalimpong. PhD Diss. Heidelberg: Heidelberg University, 2018.

⁴⁰ Engelhardt I. “Reflections in *The Tibet Mirror: News of the World, 1937–1946*” // *Mapping the Modern in Tibet*. PIATS 2006: Tibetan Studies: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Königswinter, ed. by G. Tuttle. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH, 2011. P.205–264; Engelhardt I. “Tharchin’s *Tibet Mirror*: A Christian Oriented Newspaper?” // *Historical and Philological Studies of China’s Western Regions*. No.6. Beijing: Science Press, 2013. P.129–155; Engelhardt I. “Tharchin’s One Man War with Mao” // *Studies on the History and Literature of Tibet and the Himalaya*, ed. by R. Vitali. Katmandu: Vajra Books, 2012. P.183–211; Engelhardt I. “The Quip as the Whip: Political Cartoons in the *Melong*” // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.41–57; Engelhardt I. “A Dedicated Initiator of Cultural Exchange: Tharchin’s Innovative Communication of Knowledge between the Tibetan and Western Worlds” // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. P.91–109.

Эрхарда⁴¹, Пола Хэкетта⁴², Кэрол Макгрэнэхан⁴³, Николь Уиллок⁴⁴, Эми Холмс-Тэгчунгдарпа⁴⁵, публицистических статей Джамьянг Норбу⁴⁶, Дава Норбу⁴⁷ и Таши Церинга⁴⁸, предисловия Далай-ламы XIV к вышеупомянутой биографии Дордже Тарчина⁴⁹ и сохранившихся архивных материалов редактора «Зеркала Тибета» из коллекции Колумбийского университета⁵⁰. Кроме того, в первую главу диссертации вошли материалы из коллективной монографии о месте издания «Зеркала Тибета» под редакцией постдок-исследователя из Венского университета Маркуса Фибэка за 2017 г.⁵¹, в которой собрано 14 научных статей, анализирующих роль Калимпонга как особой зоны транскультурных контактов.

Сравнение конструируемого в «Зеркале Тибета» метанарратива тибетской независимости с фрагментами национального нарратива тибетской общины в изгнании выполнено на основании изданных трудов Далай-ламы XIV Тэндзин

⁴¹ Erhard F.X. "Tibetan Mass Media: A Preliminary Survey of Tibetan Language Newspapers" // *The Illuminating Mirror. Contributions to Tibetan Studies*, Vol.12, ed. by O. Czaja and G. Hazod. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2015. P.155–171; Erhard F.X., Hou H. "The *Melong* in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.1–39.

⁴² Hackett P.G. "Kalimpong, Gergan Dorje Tharchin, and His *Mirror* Newspaper. The Tharchin Collection Introductory Article". n.d. // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/eastasian/Mirror_Hackett.pdf (дата обращения: 27.06.2022).

⁴³ McGranahan C. *Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet*. PhD Diss. Ann Arbor: The University of Michigan, 2001; McGranahan C. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. Durham and London: Duke University Press, 2010.

⁴⁴ Willock N. "Dorjé Tharchin, the *Mélong*, and the Tibet Mirror Press: Negotiating Discourse on the Religious and the Secular" // *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*. Vol.36, No.1. 2016. P.145–162.

⁴⁵ Holmes-Tagchungdarpa A. "Representations of Religion in *The Tibet Mirror*. The Newspaper as Religious Object and Patterns of Continuity and Rupture in Tibetan Material Culture" // *Material Culture and Asian Religions: Text, Image, Object*, ed. by B.J. Fleming and R.D. Mann. New York and London: Routledge, 2014. P.73–93.

⁴⁶ Norbu Jamyang. "Newspeak & New Tibet: Part III. June 2005" // Jamyang Norbu's Online Blog. URL: <http://jnorbu.blogspot.ru/2007/02/newspeak-new-tibet-part-iii.html> (дата обращения: 27.06.2022); также см. Norbu Jamyang. *Shadow Tibet: Jamyang Norbu's Online Blog*. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/> (дата обращения: 27.06.2022).

⁴⁷ Norbu Dawa. "Introduction" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002. P.XI–XII; Norbu Dawa. "Pioneer and Patriot: An Extract from an Interview with Rev. G. Tharchin" // *Lungta*. No.11. 1998. P.11–12.

⁴⁸ Tsering Tashi. "The Life of Reverend G. Tharchin, Missionary and Pioneer" // *Lungta*. No. 11. 1998. P.9–10.

⁴⁹ Dalai Lama XIV. "Foreword" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004. P.IX–X.

⁵⁰ Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University. Описание архива доступно на сайте библиотек Колумбийского университета, см. "The Tharchin Collection" // Columbia University Libraries. URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books---special_collections/tharchin.html (дата обращения: 27.06.2022). К сожалению, при фотографировании материалов архива во время посещения Колумбийского университета в сентябре 2016 г. в кадр не всегда попадал номер папки, за которой закреплен материал согласно составленной сотрудниками библиотеки Колумбийского университета описи содержания архива. В связи с этим в данной диссертации ссылки на материалы архива, к которым был получен доступ автором диссертации, будут указаны в редуцированном виде.

⁵¹ Viehbeck M., ed. *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone"*. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2017.

Гьяцо⁵², его двух старших братьев Тубтэн Джигме Норбу⁵³ и Гьело Дондуба⁵⁴, сотрудников Центральной тибетской администрации и других известных представителей тибетской диаспоры⁵⁵.

Как уже говорилось, «Зеркало Тибета» до сих пор является относительно малоизученным источником. Если перечислить все имеющиеся на сегодня направления исследований отдельных аспектов «Зеркала Тибета», то следует указать вклад следующих авторов⁵⁶:

- Пол Хэкетт (Колумбийский университет) – составление коллекции сохранившихся выпусков «Зеркала Тибета», вводная статья к архиву Дордже Тарчина в Колумбийском университете и краткий анализ тематики публикаций «Зеркала Тибета»⁵⁷;
- Исрун Энгельхардт (Боннский университет) – изучение христианских материалов, международных новостей за 1937–1946 гг., антикоммунистических статей и карикатур в «Зеркале Тибета»;
- Анна Заверталь («Дер Штандард») – исследование процесса развития тибетоязычной прессы на примере «Зеркала Тибета», материалов о современной науке и рубрики зарубежных новостей в «Зеркале Тибета»⁵⁸;

⁵² Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. *My Land and My People: The Original Autobiography of His Holiness the Dalai Lama of Tibet*. New York and Boston: Warner Books, 1997.

⁵³ Тиб. *thub bstan 'jigs med nor bu*; 1922–2008. См. Norbu Thubten Jigme. *Tibet Is My Country, as Told to Heinrich Harrer*. Transl. by E. Fitzgerald. London: Readers Union Rupert Hart-Davis, 1961; Norbu Jigme Thubten and Turnbull C. *Tibet: Its History, Religion and People*. New York: Penguin Books, 1983.

⁵⁴ Тиб. *gyal lo don 'grub*; 1927–наст. время. См. Thondup Gyalo and Thurston A.F. *The Noodle Maker of Kalimpong: My Untold Story of the Struggle for Tibet*. London: Rider, 2015.

⁵⁵ Например, Shakabpa Tsepon W.D. *Tibet: A Political History*. New York: Potala Publications, 1984; Norbu Dawa. *China's Tibet Policy*. Richmond: Curzon Press, 2001.

⁵⁶ Работы некоторых исследователей уже были перечислены только что в источниках для описания истории издания и распространения «Зеркала Тибета», в связи с чем их названия не будут здесь дублироваться.

⁵⁷ Hackett P.G. "On the Outside Looking In, On the Inside Looking Out: Tharchin Babu's Two-way 'Mirror' on Twentieth Century Tibet and the World" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.81–89.

⁵⁸ Sawerthal A. "Foreign News in Early Tibetan-Language Newspapers: Covering Adolf Hitler in the *Melong*" // *Ancient Currents, New Traditions. Papers Presented at the Fourth International Seminar of Young Tibetologists Held at the Leipzig University from September 7–12, 2015*, ed. by F.X. Erhard *et al.* Potsdam: Edition Tethys, 2017. P.315–334; Sawerthal A. "The Round World in Early Tibetan-language Newspapers" // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. P.151–168.

- Церинг Шакья (Университет Британской Колумбии) – оценка роли «Зеркала Тибета» в процессе становления современной тибетской литературы и прессы⁵⁹;
- Николь Уиллок (Университет Олд Доминион) – изучение соотношения религиозных и светских материалов в «Зеркале Тибета»;
- Кэрол Макгрэнэхан (Колорадский университет в Боулдере) – исследование феномена «новой» тибетской истории на примере новостей о восточном Тибете в «Зеркале Тибета»;
- Эми Холмс-Тагчунгдарпа (Гриннеллский колледж) – освещение религиозных материалов в «Зеркале Тибета» и изучение роли газеты как религиозного объекта;
- Тина Харрис (Амстердамский университет) – анализ публикаций о торговле в «Зеркале Тибета»⁶⁰;
- Франсуаза Ван-Тутен (Научно-исследовательский центр цивилизаций Восточной Азии, CRCAO) – исследование материалов о буддизме в Индии в публикациях «Зеркала Тибета»⁶¹;
- Цангдук Топла (Колледж высших тибетологических исследований Сэра) – изучение новостей о Панчен-ламе IX и Панчен-ламе X в «Зеркале Тибета»⁶²;
- Сонам Топгьел (Библиотека тибетских сочинений и архивов) – описание содержания выпусков «Зеркала Тибета», которые хранятся в Библиотеке тибетских сочинений и архивов в Дхарамсале⁶³;

⁵⁹ Shakya Tsering. The Emergence of Modern Tibetan Literature—*gsar rtsom*. PhD Diss. London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004.

⁶⁰ Harris T. Geographical Diversions: Tibetan Trade, Global Transactions. Athens and London: The University of Georgia Press, 2013.

⁶¹ Wang-Toutain F. “Le retour en Asie des reliques de Śāriputra et Maudgalyāyana d’après le Mirror” [The Return to Asia of the Relics of Śāriputra and Maudgalyāyana according to the Mirror] // Cahiers du Mirror, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.91–146.

⁶² Topla Tsangdruk. «*gsar 'gyur me long* » *las byung ba'i kun gzigs paN chen sku phreng gnyis kyi gsar 'gyur'* [News concerning the Ninth and the Tenth Panchen Lama in the Mirror] // Cahiers du Mirror, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.59–80.

⁶³ Topgyal Sonam. *bod kyi dpe mdzod khang du bzhugs pa'i yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long gi dkar chag dge'o'* [Table of Contents of the Issues of the Tibet Mirror Collection Kept in LTWA] // Cahiers du Mirror, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.169–215.

- Ксавьер Эрхард (Лейпцигский университет) – общий обзор всей имеющейся периодики на тибетском языке, включающий описание «Зеркала Тибета».

Из всех перечисленных выше ученых наиболее комплексное и полное исследование «Зеркала Тибета» на сегодняшний день выполнила австрийская исследовательница А. Заверталь в магистерской диссертации под названием «“Зеркало”. Пример создания периодического издания на тибетском языке» за 2011 г. и докторской диссертации «Газета для Тибета: Бабу Тарчин и “Зеркало Тибета” (тиб. *yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*, 1925–1963) из Калимпонга» за 2018 г.

Необходимо отметить, что интерес к «Зеркалу Тибета» продолжает расти. В ноябре 2016 г. в Париже состоялась первая специализированная конференция, посвященная изучению «Зеркала Тибета», под названием «“Зеркало Тибета”, тибетская газета в г. Калимпонг: текущие исследования и перспективы»⁶⁴. На данной конференции смогли встретиться внук Дордже Тарчина Дэниэл Тарчин⁶⁵ и 13 тибетологов со всего мира, которые занимались ранее или занимаются в настоящем времени исследованием какого-либо аспекта «Зеркала Тибета». На конференции стало известно об официальном запуске нового проекта по работе с «Зеркалом Тибета», а именно профессионального компьютерного набора тибетцами содержания всех доступных на сегодняшний день выпусков газеты, что открывает новые перспективы для использования «Зеркала Тибета» в качестве источника для самых разнообразных исследований. В настоящее время проектом руководит французская исследовательница Элис Траверс (Французский национальный центр научных исследований, CNRS). По результатам организованной в Париже конференции в конце 2018 г. была опубликована первая коллективная монография, посвященная изучению «Зеркала Тибета», под названием «Заметки из “Зеркала [Тибета]”»⁶⁶.

⁶⁴ Англ. *The Tibet Mirror, a Tibetan Newspaper in Kalimpong: Current Researches and Perspectives.*

⁶⁵ Англ. *Daniel Tharchin.*

⁶⁶ Wang-Toutain F. and Preziosi M., eds. *Cahiers du Mirror.* Paris: BET, Collège de France, 2018.

Цель и задачи исследования

Целью данной диссертации является комплексное исследование конструируемого на страницах «Зеркала Тибета» метанарратива исторической независимости Тибета, а также определение точек пересечения данного метанарратива с популярной в тибетской диаспоре протибетской версией истории Тибета.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: описать историю издания «Зеркала Тибета» и особенности газеты как исторического источника; рассмотреть с помощью дискурс-анализа избранные публикации «Зеркала Тибета» на тему истории Тибета и событий, происходивших на территории географического Тибета⁶⁷ и приграничных участках в 1949–1963 гг.; оценить культурно-историческое наследие «Зеркала Тибета» в контексте формирования характерной для тибетской диаспоры пронационалистической репрезентации истории Тибета.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – концептуализация «тибетского вопроса» и разработка пронационалистической модели репрезентации истории Тибета в материалах периодической печати на тибетском языке в 1950–1960-е гг. на примере газеты «Зеркало Тибета».

Предмет исследования – процесс конструирования специфического метанарратива исторической независимости Тибета в выпусках газеты «Зеркало Тибета» за 1949–1963 гг., содержание и дискурсивные особенности данного метанарратива.

Хронологические рамки

Метанарратив тибетской независимости разрабатывался в публикациях «Зеркала Тибета» посредством актуализации фрейма «конфликт» между местным

---

⁶⁷ Под географическим Тибетом понимается территория Тибетского автономного района КНР и отдельные части территорий современных китайских провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, населенные тибетоязычным населением и ранее известные под тибетскими названиями Кам (тиб. *kham*s) и Амдо (тиб. *a mdo*).

населением Тибета и представителями КНР. Поэтому хронологические рамки исследования заданы в соответствии с датой образования Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., вскоре после чего правительство КНР направило усилия на «мирное освобождение» Тибета, и 1 ноября 1963 г. – датой издания последнего сохранившегося выпуска «Зеркала Тибета».

Источниковая база исследования

Основным источником для проведения исследования является газета на тибетском языке под названием «Зеркало Тибета». Анализ избранных публикаций «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. был выполнен на основе электронной публикации выпусков данной газеты на сайте библиотеки Колумбийского университета и дополнительной подборки отсканированных копий выпусков «Зеркала Тибета», любезно предоставленной автору диссертации Полом Хэкеттом из его личной коллекции.

Рассматриваемый временной интервал охватывает 15 лет, в течение которых Тарчин издал 115 выпусков «Зеркала Тибета» с Vol.XVIII No.1 по Vol.XXVIII No.8, в том числе 11 сдвоенных выпусков (Vol.XIX No.1–2, Vol.XX No.2–3, Vol.XXIV No.7–8, Vol.XXIV No.9–10, Vol.XXV No.3–4, Vol.XXV No.9–10, Vol.XXVI No.2–3, Vol.XXVI No.4–5, Vol.XXVI No.6–7, Vol.XXVI No.8–9, Vol.XXVII No.8–9) и один строенный выпуск (Vol.XX No.10–12).

Общее количество сохранившихся до настоящего времени выпусков «Зеркала Тибета» за весь период издания газеты составляет 311 номеров (из них 295 одинарных номера, 23 сдвоенных и один строенный номер). Сохранившиеся выпуски размещены в библиотеках и архивах разных стран, что обуславливает необходимость международного сотрудничества при изучении материалов «Зеркала Тибета». Выпуски «Зеркала Тибета» хранятся в фондах Музея Гиме, Боннского университета, Колумбийского университета, Калифорнийского университета в Беркли, Библиотеки Конгресса США, Баварской государственной библиотеки.

Приблизительно 50% от общего количества сохранившихся изданий хранится в Библиотеке тибетских сочинений и архивов (Дхарамсала, Индия), около 44% сохранено в архивах Института Амnye Мачен (Дхарамсала, Индия) и примерно 32% в библиотеке Йельского университета. Что касается других фондов, на четвертом месте находится Национальный музей Дании в Копенгагене, где в 2014 г. в архивах Принца Петра Греческого и Датского обнаружили коллекцию сохранившихся выпусков «Зеркала Тибета» общей численностью в 51 номер за 1950–1957 гг. (16% от общего количества сохранившихся выпусков). Далее на пятом месте следует Колумбийский университет (10%). Шестое место занимает Калифорнийский университет в Беркли (5%). Все остальные учреждения содержат коллекции, составляющие менее 5% от общего количества сохранившихся выпусков «Зеркала Тибета».

Также имеются сведения о наличии выпусков «Зеркала Тибета» в Бодлианской библиотеке в Оксфордском университете. Выпуски газеты поступили туда из личной коллекции тибетолога Джона Драйвера⁶⁸, который имел подписку на «Зеркало Тибета» на свой адрес в Лондоне и занимался полевыми тибетологическими исследованиями в 1960-е гг. Известно, что в коллекции Дж. Драйвера есть выпуски «Зеркала Тибета» за 1957–1963 гг. (с Vol.XXIV No.2 по Vol.XXVIII No.8), однако точная численность и состояние сохранившихся выпусков пока что не были оценены специалистами.

Из работы австрийской исследовательницы А. Заверталь следует, что выпуски «Зеркала Тибета» также сохранились в Институте тибетологии Намгел в столице Сиккима г. Гангток, Центре информационных ресурсов по тибетскому буддизму в Нью-Йорке, Вашингтонском университете в Сиэтле и Тибетском институте в Риконе (Швейцария)⁶⁹. Вполне возможно, что отдельные выпуски «Зеркала Тибета» могут находиться и в каких-то других архивах и частных коллекциях, о которых исследователям еще только предстоит узнать в будущем.

---

⁶⁸ Англ. *John Stapleton Driver*; 1931–2014.

⁶⁹ Sawerthal 2011: 15.

Методология и методы исследования

Отбор релевантных для исследования публикаций «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. производился на основании тематических заголовков рубрик газетных материалов и двух списков ключевых слов. Кроме того, учитывались рисунки, фотографии, карты и иное специфическое визуальное оформление.

Тематические заголовки анализируемых рубрик включали в себя «Новости Тибета» и «Новости Китая», а также отдельные новости пограничных с Тибетом регионов, например «Новости Индии», «Новости Непала», «Международные новости» и другие газетные материалы, в которых благодаря ключевым терминам была замечена актуальная для исследования информация.

Для отбора газетных материалов без заголовков применялись два списка ключевых слов: список «идеальных» терминов на русском языке (базовый набор понятий, которые должны освещать интересующую тематику и имеют гипотетическое отношение к публикациям по истории Тибета, процессу включения Тибета в КНР и его функционированию в составе КНР) и «реальные» термины на тибетском языке, обнаруженные в релевантных материалах «Зеркала Тибета» и занесенные в список в процессе прочтения газетных материалов.

«Идеальные» и «реальные» ключевые слова были разделены на тематические группы: *географические названия* (например Тибет, Китай, Китайская Народная Республика, Тайвань, Монголия, Лхаса, Пекин, Чамдо, Массури), *официальные лица* (например Мао Цзэдун, Далай-лама, Панчен-лама), *политические структуры и должности* (государство, правительство, ООН, тибетский/китайский представитель, председатель КНР, партия, Коммунистическая партия Китая (КПК), Гоминьдан, коммунисты, съезд КПК), *военные действия* (например Народно-освободительная армия Китая (НОАК), Тибетская добровольческая армия защитников Учения, военные, военачальник, солдаты, партизаны, наступление, атака, столкновения, конфликт, арест, освобождение), *вопросы урегулирования и план развития* (Соглашение из 17 пунктов, переговоры, делегация, перемирие, урегулирование, план/программа развития, экономическое развитие, финансы,

петиция и т.д.), а также другие термины из политической сферы (например независимость, свобода, пропаганда, агрессия, притеснение, политика, права).

Теоретико-методологическая база исследования материалов «Зеркала Тибета» разработана на основании трудов М. Ферро⁷⁰, М. Фуко⁷¹, Р. Козеллека⁷², Б. Андерсона⁷³, М.А.К. Холлидея⁷⁴, Т.А. ван Дейка⁷⁵, П. Чилтона⁷⁶, Л.П. Репиной⁷⁷, А.А. Даниловой⁷⁸, Н.Д. Потаповой⁷⁹, М.А. Кукарцевой⁸⁰, В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко⁸¹.

Методология представлена инструментальным анализом языка в преломлении исторического исследования. В диссертации использован междисциплинарный подход, сочетающий элементы расширенного понятийно-терминологического аппарата, который сформировался в результате

⁷⁰ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. Е.И. Лебедевой. Москва: Книжный клуб 36.6, 2014.

⁷¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. Табачниковой, под общей ред. А. Пузыря. Москва: Касталь, 1996; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса, под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Москва: Практикс, 2002; Foucault M. "Truth and Power" // The Foucault Reader, ed. by P. Rabinau. New York: Penguin Books, 1984. P.51–75.

⁷² Koselleck R. Futures Past. On the Semantics of Historical Time. Transl. by K. Tribe. New York: Columbia University Press, 2004.

⁷³ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London and New York: Verso, 2016.

⁷⁴ Halliday M.A.K. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Hong Kong: Oxford University Press, 1989.

⁷⁵ van Dijk T.A. "Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline" // Handbook of Discourse Analysis, Vol.1: Disciplines of Discourse, ed. by T.A. van Dijk. Orlando: Academic Press, 1985. P.1–10; van Dijk T.A. "Principles of Critical Discourse Analysis" // Discourse & Society. Vol.4, No.2 Special Issue: Critical Discourse Analysis. 1993. P.249–283; van Dijk T.A. "The Study of Discourse" // Discourse as Structure and Process, Vol.1. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction, ed. by T.A. van Dijk. London: Sage Publications, 1997. P.1–34; van Dijk T.A. "Discourse and Manipulation" // Discourse and Society. Vol.17, No.3. 2006. P.359–383; van Dijk T.A. "Critical Discourse Analysis" // The Handbook of Discourse Analysis, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. Malden and Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P.352–371; van Dijk T.A. "Critical Discourse Analysis" // The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1, Second Edition, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. West Sussex: Wiley Blackwell, 2015. P.466–485.

⁷⁶ Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London and New York: Routledge, 2004.

⁷⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная история и историографическая практика. Москва: Круть, 2011; Репина Л.П. «Историческая память и нарративы национальной идентичности: "практика истории на службе памяти"» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы идентичности: коллективная монография, под общ. ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2020. С.9–36.

⁷⁸ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. Москва: Добросвет, Издательство «КДУ», 2014.

⁷⁹ Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015.

⁸⁰ Кукарцева М.А. Исследования по философии истории, политики, безопасности. Том 1: Философия истории и историческая наука. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018.

⁸¹ Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». Москва: Ленанд, 2014.

лингвистического поворота в историографии⁸². Язык «структурирует реальность» и формирует представления человека о реальности, поскольку любая мысль находит свое воплощение в форме языка и зависит от средств языка⁸³. Будучи идеологически нагружен, язык не просто передает значение, но, преломляя это значение, активно «создает, производит, задает видение ситуации и предопределяет способ действия в ней»⁸⁴. В связи с этим можно утверждать, что любое историографическое описание не нейтрально. Историк связывает факты цепочками собственных объяснений, а исторический источник является одновременно смыслодержательной и смыслопорождающей системой⁸⁵. При этом за производство дополнительных смыслов ответственен не только автор текста, но и сам читатель, так как последний вместе с автором участвует в создании интерпретации фактов, «реализуя или исключая возможности», которые заложены историком в представленном им описании событий⁸⁶.

В данной диссертации главному редактору газеты Дордже Тарчину отводится роль автора-историка, а его публикации рассматриваются в качестве примеров исторического нарратива⁸⁷, который он создавал и транслировал в

⁸² Под брендом «лингвистический поворот» понимается интеллектуальное движение, начало которому заложили в 1920-е гг. традиции формализма и логического позитивизма. В ходе развития движения произошло объединение логиков, лингвистов, литературоведов, теоретиков драматургии и других ученых, привлекающих внимание к функции языка (Потапова 2015: 56). «Лингвистический поворот», также определяемый как «постструктурализм» или «постмодернизм» в научной мысли, – зонтичный термин, который объединяет разнообразные исследовательские практики и направления – от нового историзма и истории культуры до критики дискурсов и критики идеологии, новой нарративной истории и обсуждения художественных форм реализации исследования. Все эти новые направления ознаменовали распространение критического подхода к собственному сознанию и роли языка в работе историка, а также проблематизировали исторический дискурс и его идеологичность (Потапова 2015: 11–12, 28). Переключив внимание ученых на исследования роли языка объекта исторического исследования, стилистики, риторики и способов построения сюжета, лингвистический поворот привел к переосмыслению многообразия моделей репрезентации, сущности и функций исторического нарратива, в результате чего у историков возникла потребность заимствовать методологическую базу структурного и семантического анализов, социолингвистики, нарратологии, тропологии и других научных дисциплин (Кукарцева 2018: 20). Несмотря на то, что согласия относительно того, кого именно следует считать истинным апологетом начала лингвистического поворота в истории, нет, среди ключевых трудов в формировании новых трендов в исторической науке и развитии того инструментального аппарата, который доступен сейчас, называют работы Хейдена Уайта («Метаистория», «Тропика дискурса», «Форма и содержание»), Поля Рикера («Время и рассказ»), Райнхарта Козеллека («Прошедшее будущее: к семантике исторического времени»), Луи Минка («Нарративная форма как когнитивный инструмент») и Фрэнка Анкерсмита («Нарративная логика») (Кукарцева 2018: 6–7).

⁸³ Потапова 2015: 56.

⁸⁴ Потапова 2015: 14.

⁸⁵ Денисов 2011: 166.

⁸⁶ Потапова 2015: 74.

⁸⁷ Термин «нарратив», родственный, но не тождественный понятиям «повествование» или «рассказ», заслужил особую популярность в эпоху постмодернизма и стал основополагающим во всех социально-гуманитарных дисциплинах. Нарратив – это инструмент связности и придания смысла, который придает непрерывность и целостность историческому повествованию (Кукарцева 2018: 19, 176).

«Зеркале Тибета» на протяжении определяющего периода в современной истории Тибета длительностью в 15 лет. С учетом принципа объективности и принципа историзма материалы «Зеркала Тибета» исследуются в диссертации в первую очередь с точки зрения языка, структуры и визуального оформления. Фрагменты конструируемого исторического нарратива, символы тибетского национализма и создаваемые антагонистические образы Тибета и КНР описываются посредством элементов лингвистического, семиотического и социокультурного анализа, контент-анализа и дискурс-анализа.

Данная работа опирается на теоретические разработки французского философа М. Фуко о господствующей роли идеологии в процессе артикуляции «истинного» знания и анализирует материалы «Зеркала Тибета» с той позиции, что «любое речевое сообщение является действием, направленным на адресата и предполагающим воздействовать на него»⁸⁸. Поскольку языковые игры – это «властные игры», в ходе которых происходит «дискурсивное конструирование субъективностей, реляционных идентичностей социальных акторов с их способом концептуализации мира и действия в нем, ролей, норм и оценок»⁸⁹, дискурс-анализ помогает поднять на поверхность содержание языковых игр редактора «Зеркала Тибета», а именно то, что скрывается за риторикой Тарчина, специфическими способами передачи логической связи и аргументацией, пресуппозициями, дискурсивными стратегиями воздействия на читателя, метафорами и прочими тропами, то есть всем тем, что имплицитно воспроизводит определенные политические и националистические смыслы и приучает читателей воспринимать и разделять желаемую идеологию как «данность, очевидное, традиционное, общепринятое, закрепленное на уровне обыденной логики»⁹⁰. С помощью базового дискурс-анализа, разработанного по модели австралийского лингвиста М. Холлидея⁹¹, в данной диссертации были изучены участники дискурса, область

---

⁸⁸ См. Фуко 2002: 208, Потапова 2015: 155.

⁸⁹ См. Spiegel 1990: 82; Потапова 2015: 157.

⁹⁰ Потапова 2015: 183.

⁹¹ См. Halliday 1989.

дискурса и тон дискурса. Более подробное описание и конкретные термины применяемого дискурс-анализа представлены во второй главе диссертации.

Что касается обоснования использования термина «метанарратив» применительно к материалам «Зеркала Тибета», знакомиться с описываемой в газете историей Тибета было бы логично в хронологическом порядке, однако дискурс постоянно прерывает временную последовательность повествования, вводя некоторые дополнения или пояснения. Дискурс удерживает вместе многообразие новостей из Тибета, неординарную интерпретацию исторических фактов и находки авторской аргументации редактора газеты, трансформируя содержание самых разных публикаций «Зеркала Тибета» в цельную желаемую репрезентацию истории Тибета и тибетско-китайских отношений. Считается, что в тех случаях, когда в тексте содержится более чем одно утверждение о том, что «произошло событие X» относительно того, что случилось всего один раз в рассказываемой истории, остальной дискурс представляет собой метанарративное явление⁹². Нарратив демонстрирует, как дискурс манипулирует историей, в то время как метанарратив говорит о нарративе и существует в виде функции дискурса⁹³. Метанарратив как «великий рассказ» или всеохватывающий нарратив объясняет и определяет то, в какие истории нужно верить, а в какие нет, тем самым легитимируя знание. Будучи зачастую оценочен, метанарратив рисует явления и события «в черно-белом ключе, без полутонов»⁹⁴. Часть событий метанарратива относится к области будущего, события которого автор, претендуя на адекватный прогноз, предсказывает в своем повествовании и отображает как желаемую действительность, поэтому метанарратив представляется одновременно как предсказание о том, как будет, и как предписание того, как должно быть⁹⁵. Подробное знакомство с газетными материалами за 1949–1963 гг. позволяет говорить о том, что регулярное воспроизведение Тарчином идеи об исторической независимости Тибета и необходимости борьбы за будущую независимость Тибета

---

⁹² Munson 2001: 27.

⁹³ Munson 2001: 21.

⁹⁴ Маслов 2015: 151.

⁹⁵ Маслов 2015: 150–151.

связывает публикации «Зеркала Тибета» на соответствующую тематику в единый метанарратив тибетской независимости.

Научная новизна

Абсолютное большинство использованных в ходе исследования материалов «Зеркала Тибета» были впервые переведены на русский и английский языки и стали доступны более широкому научному сообществу. Освоение малоизученных публикаций «Зеркала Тибета» расширяет источниковую базу для исследования сложного исторического периода, во время которого Тибет официально вошел в состав КНР, а также предоставляет новые возможности для критического переосмысления популярных в тибетоязычной диаспоре нарративов об историческом прошлом Тибета и, в частности, канонов воспроизведения истории установления власти КНР в Тибете в 1950–1960-е гг. Изучение первого протибетского медийного дискурса, актуализированного автором тибетского происхождения, приоткрывает интересную перспективу на то, как создавались и транслировались в массы актуальные до сих пор этноисторические мифы⁹⁶ и традиции репрезентации протибетской версии истории Тибета, помогает оценить роль материалов периодической печати на тибетском языке в процессе становления тибетского национализма, теоретической разработке «тибетского вопроса» и утверждении пропагандируемой правительством Тибета в изгнании идеологии.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в применении междисциплинарного подхода и, в особенности, дискурс-анализа к изучению связи между периодикой на тибетском языке, протибетской репрезентацией истории Тибета, формированием тибетской идентичности и внутренней легитимацией власти правительства Тибета в изгнании. Насколько известно, на данный момент отсутствуют подобные исследования становления националистической идеологии и утверждения пронационалистической версии истории Тибета в материалах

---

⁹⁶ Подробнее о политической функции этноисторических мифов см. Шнирельман 1999.

периодической печати на тибетском языке в 1950–1960-е гг. Выявленные в ходе исследования дискурсивные особенности метанарратива тибетской независимости дают основание для переосмысления процесса концептуализации «тибетского вопроса» и реализации более критического подхода к другим образцам протибетской исторической литературы, написанной в среде тибетской иммигрантской общины начиная с 1950-х гг.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов исследования для написания новых трудов по истории Тибета, более свободных от протибетского/прокитайского идеологического влияния и политизированного международного дискурса свободы и прав человека. Результаты исследования также могут быть использованы для проведения занятий по истории Тибета, тибетскому языку и современной тибетской литературе.

Структура диссертации

Основная часть диссертации состоит из трех глав, каждая из которых содержит несколько содержательных разделов и выводы к главам. Для удобства чтения разделы второй главы разбиты на более дробные тематические подразделы.

Апробация и внедрение результатов

Разработки по методологии и отдельные выводы, сделанные в ходе написания диссертации, были использованы в рамках выполнения проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 14-31-01021 «Новейшая история Тибета по материалам первой тибетской газеты “Зеркало Тибета” (1949–1963)». Некоторые аспекты исследования нашли отражение в монографии «Тибетская литература в современном литературном процессе КНР»⁹⁷, которая была подготовлена коллективом исполнителей научного проекта РГНФ № 12-34-09004 и опубликована в 2014 г.

---

⁹⁷ Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики: науч. издание, под ред. П.Л. Гроховского. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2014.

Исследование прошло апробацию в виде двух устных докладов по теме диссертации в Северном институте азиатских исследований⁹⁸ в Копенгагене (октябрь 2014 г. и октябрь 2017 г.), онлайн-докладе в Университете Востока в Неаполе⁹⁹ (октябрь 2022 г.), 16 докладов на международных научных конференциях и четырех опубликованных научных статей в рецензируемых журналах (ВАК и Web of Science).

Список работ по теме диссертации (ВАК, РИНЦ, Web of Science и доклады на российских и зарубежных конференциях)

Диссертация подготовлена на основании нижеследующих выступлений на международных научных конференциях с докладами по теме исследования:

1. Москалева Н.Н. Борьба добра против зла: пропаганда национально-освободительного движения в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг. Международная научная конференция «Добро и зло на Востоке: этика, политика, экономика», г. 13–15 ноября 2022 г., г. Москва.

2. Moskaleva N. Unraveling the “Liberation” Discourse in *The Tibet Mirror* in the 1950s. 16-я конференция Международной ассоциации тибетологических исследований (International Association for Tibetan Studies (IATS)), 3–9 июля 2022 г., г. Прага.

3. Москалева Н.Н. «Воображаемый» Тибет тибетской диаспоры: дискурс национального строительства в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг. XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–22 июня 2021 г., г. Санкт-Петербург.

4. Moskaleva N. Experimental Genres in *The Tibet Mirror* (1949–1963). IX Международная конференция научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока», 28–30 января 2021 г., г. Санкт-Петербург.

⁹⁸ Англ. *Nordic Institute of Asian Studies (NIAS)*.

⁹⁹ Итал. *L'Università degli Studi di Napoli L'Orientale*.

5. Москалева Н.Н. Газета «Зеркало Тибета» и формирование идеологии тибетского национализма в 1950–1960-е гг. Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности». 30 октября 2020 г., г. Москва.

6. Москалева Н.Н. Газета «Зеркало Тибета» как фактор тибетской политической жизни в 1950–1960-е гг. XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г., г. Санкт-Петербург.

7. Moskaleva N. Tibet's "Friends" and "Enemies" in *The Tibet Mirror* (1949–1963). 5-я Международная конференция молодых тибетологов (International Seminar of Young Tibetologists (ISYT)), 3–7 сентября 2018 г., г. Санкт-Петербург.

8. Москалева Н.Н. Constructing Tibetan History: A Case Study of *The Tibet Mirror* (1949–1963). Международная междисциплинарная научная конференция «Нации и этничность в гуманитарных науках. Колониализм и неоколониализм: дискурсы и практики», 26–28 февраля 2018 г., г. Санкт-Петербург.

9. Moskaleva N. Tibetan History Telling on the Indo-Chinese Borderland: A Case Study of *The Tibet Mirror*. 10-й Международный конгресс востоковедов (International Convention of Asia Scholars (ICAS)), 20–23 июля 2017 г., г. Чиангмай.

10. Москалева Н.Н. «Тибетский вопрос» на страницах газеты «Зеркало Тибета» (1949–1963). XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка: наследие и современность», 21–23 июня 2017 г., г. Санкт-Петербург.

11. Moskaleva N. Dorje Tharchin and *The Tibet Mirror* Figurative Stories on Tibet (1949–1959). 1-я Международная конференция, посвященная изучению газеты «Зеркало Тибета», под названием «*The Tibet Mirror, a Tibetan Newspaper in Kalimpong: Current Researches and Perspectives*», 16–18 ноября 2016 г., г. Париж.

12. Moskaleva N. Tibetan Newspaper *The Tibet Mirror* as a Tool for Propaganda? 21-я конференция Европейской ассоциации китаеведения (European Association for Chinese Studies (EACS)), 23–28 августа 2016 г., г. Санкт-Петербург.

13. Moskaleva N. Image of Tibetans in *The Tibet Mirror* (1949–1959). 14-я конференция Международной ассоциации тибетологических исследований (International Association for Tibetan Studies (IATS)), 19–25 июня 2016 г., г. Берген.

14. Moskaleva N. Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963). 4-я Международная конференция молодых тибетологов (International Seminar of Young Tibetologists (ISYT)), 7–12 сентября 2015 г., г. Лейпциг.

15. Москалева Н.Н. Тибетское восстание в Лхасе в 1959 г. на страницах газеты «Зеркало Тибета». XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», 22–24 апреля 2015 г., г. Санкт-Петербург.

16. Mikhaylova N. Formation of Tibetan Political Discourse in *Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long*. VI Международная конференция научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока», 25–29 июня 2014 г., г. Санкт-Петербург.

Помимо этого, по теме диссертации было подготовлено шесть научных статей:

1. Москалева Н.Н. «Воображаемый» Тибет в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг. // Сборник докладов XXXI-го Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. СПб: ИПК «НП-Принт», 2022. С.366–381. Сборник включен в РИНЦ.

2. Москалева Н.Н. Газета «Зеркало Тибета» и формирование идеологии тибетского национализма в 1950–1960-е гг. // Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности. Сборник Международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: Пробел-2000, 2020. С.231–234. Сборник включен в РИНЦ.

3. Moskaleva N. *The Tibet Mirror* and History Spinning in the 1950s and 1960s // *Revue d'Etudes Tibétaines*, No.55. Juillet 2020. P.409–439. Журнал индексируется в Web of Science.

4. Moskaleva N. “What Does Babu Say?”, a Pinch of Artistic Approach to News Reporting in *The Tibet Mirror* (1949–1963) // *Revue d’Etudes Tibétaines*, No.46. Octobre 2018. P.98–148. Журнал индексируется в Web of Science.

5. Москалева Н.Н. Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник // Проблемы Дальнего Востока №2, март–апрель 2017 г. С.117–127. Журнал входит в список ВАК.

6. Moskaleva N. Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963) // *Revue d’Etudes Tibétaines*, No.37. December 2016. P.247–261. Журнал индексируется в Web of Science.

Положения, выносимые на защиту

1. Предоставляя на протяжении 1950–1960-х гг. пространство для концептуализации «тибетского вопроса» и участвуя в разработке пронационалистической модели репрезентации исторического прошлого, настоящего и будущего Тибета, Дордже Тарчин воплотил в «Зеркале Тибета» проект первого тибетоязычного рупора тибетского национализма.

2. Конструируемый в «Зеркале Тибета» метанарратив тибетской независимости способствовал нагнетанию антагонизма в тибетско-китайских отношениях и подрыву конструктивного диалога между местным населением Тибета и представителями КНР. Изображая китайских коммунистов в образе «чужих», «агрессоров», «варваров», «демонов» и «врагов Учения», редактор «Зеркала Тибета» с самого начала 1950-х гг. убеждал тибетоязычных читателей в невозможности мирной интеграции Тибета в КНР и призывал к открытому противостоянию коммунистической власти.

3. В рамках конструирования метанарратива тибетской независимости редактор «Зеркала Тибета» формировал ключевые объединяющие понятия «тибетская нация» и «тибетская идентичность», а также основные идеологемы, тропы и способы аргументации, национальные «истины» и «доказательства», поддерживающие пропагандируемое им видение независимого политического статуса Тибета.

4. Конструируемый в «Зеркале Тибета» метанарратив тибетской независимости поддержал оформление протибетского исторического нарратива в нарратив жертв агрессии, закрепив за Тибетом идеализированный образ чистой религиозной земли с мирным добродетельным населением, которое с приходом к власти китайских коммунистов оказалось под угрозой тотального уничтожения.

5. Метанарратив тибетской независимости стал особенно актуальным после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию в 1959 г. Воспроизводимые в «Зеркале Тибета» национальные символы, политические мифы и идеи получили развитие в официальном нарративе Центральной тибетской администрации, были благоприятно восприняты членами тибетоязычной диаспоры в Индии и нашли отражение в их собственных версиях истории Тибета. Тем самым «Зеркало Тибета» внесло значимый вклад в достижение цели непризнанного на международном уровне правительства Тибета в изгнании по объединению обособленных тибетоязычных эмигрантов из КНР в относительно успешную и солидарную «тибетскую нацию в изгнании», которая признает власть ЦТА.

Примечание

Для записи тибетского текста в диссертации использована стандартная система расширенной латинской транслитерации Т. Уайли (англ. *Extended Wylie Transliteration Scheme, EWTS*), представленная на сайте Тибетской и гималайской библиотеки¹⁰⁰.

При кириллическом написании тибетских имен собственных и названий (за исключением отдельных устоявшихся форм кириллической записи тибетских терминов) использовалась система транскрипции, разработанная на базе транскрипции авторов монографии «Тибетская литература в современном литературном процессе КНР»¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ “The Extended Wylie Transliteration Scheme” // The Tibetan and Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/transliteration/#essay=thl/ewts> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁰¹ Гроховский 2014: 6–7. Отклонением от системы транскрипции авторов монографии является использование в данной диссертации следующих соответствий: инициаль [zh] = [ш]; перед финалью [l] гласный [a] переходит в [э]. При совпадении в слове согласной финали первого слога и согласной инициали последующего слога согласный на стыке слогов не удваивается. В отдельных случаях в двусложных словах, где первый слог заканчивается на согласный, который не читается, или гласный, на стыке слогов указывается назализация.

Для передачи китайских имен использована стандартная кириллическая транскрипция Палладия.

Для записи терминов на санскрите использован Международный алфавит транслитерации санскрита (англ. *International Alphabet of Sanskrit Transliteration, IAST*).

При прямом цитировании в квадратных скобках в диссертации, как правило, приводятся дополнения или уточнения автора диссертации.

Все цитируемые в работе переводы материалов «Зеркала Тибета» выполнены (если не указано иное) автором диссертации.

Глава 1. Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник

1.1. Особенности газет как исторических источников

Оперативное информирование читательской аудитории о происходящих событиях является одной из ключевых функций газеты, в связи с чем следует полагать, что через некоторое время она устаревает и утрачивает свою ценность для читателей. Тем не менее, несмотря на то что «просроченные» газеты, действительно, пользуются значительно более низким спросом у читателей, со временем они превращаются из средств оперативной информации в ценный исторический источник¹⁰².

По мнению российского историка В.М. Рынкова, материалы периодической печати занимают существенное место в системе исторических источников¹⁰³. Газеты – важный источник информации для исследований в социальных и гуманитарных науках. Газетные публикации предоставляют фактическую информацию о времени, странах и людях, зачастую не отмеченную в каких-либо других первичных источниках, например архивных материалах. В материалах периодической печати можно найти отражение политических, социальных и культурных реалий существующего общества, а также духа того времени, когда их публиковали.

Как правило, историки используют газеты как дополнительный источник информации для изучения исторического контекста происходивших событий, исследования конкретных фактов и деталей определенного события или поиска каких-либо долгосрочных тенденций в материалах периодической печати. Однако в отдельных случаях, когда официальные документы были утрачены или являются недоступными для историка, газеты могут служить единственным сохранившимся первичным источником¹⁰⁴.

Газета как источник имеет свои преимущества. Во-первых, газетные сообщения в основном пишут сразу после произошедшего или по мере развития

---

¹⁰² Сапожников 2009: 53.

¹⁰³ См. Рынков 2010.

¹⁰⁴ Baumgartner 1981: 256.

событий. Более того, во многих случаях информацию собирают непосредственно на месте происходящих событий. Во-вторых, газеты выходят с определенной периодичностью, что позволяет отслеживать интересующую исследователя тенденцию или наблюдать за развитием событий на страницах последующих выпусков газет. В-третьих, в газетах нередко публикуют официальные решения властей и другие официальные документы, способные заменить утраченные и засекреченные первоисточники или направить усилия исследователя на поиск конкретных архивных документов. Помимо этого, общедоступность периодических изданий помогает историку легче найти нужные выпуски газеты, поскольку вероятность того, что они сохранились в каком-либо архиве или коллекции рядового читателя, достаточно высока.

Вместе с тем нельзя не отметить, что материалы периодической печати имеют существенные недостатки, вследствие чего историки редко полагаются исключительно на сведения из газет. Пресса – специфический источник информации, при ознакомлении с которым исследователь неизбежно сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, необходимо понимать, что достоверность газетных публикаций лежит на совести издателей: в газетах допускаются фактические ошибки, а публикуемые материалы всегда отражают определенную точку зрения. Довольно часто в газетных сообщениях приводится фрагментарная, ангажированная или неточная информация. Издатели редко стремятся исправить неточную информацию, виновником которой они могли оказаться, а, если публикуют поправки или извинения, то размещают их далеко не на первых страницах издания с тем, чтобы меньшее число читателей заметили их наличие¹⁰⁵. Близость публикуемого текста к первоисточнику информации может зависеть не только от добросовестности издателя, но и от отведенного для публикации места, которое зачастую строго ограничено¹⁰⁶. Другой существенной особенностью информационно-новостных источников является то, что в них в свободной форме описывается событие или пересказывается содержание какого-то документа¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵ Baumgartner 1981: 256.

¹⁰⁶ Рынков 2010: 48.

¹⁰⁷ Рынков 2010: 48.

Кроме того, при публикации материала издатели полагают, что читатели знакомы с контекстом описываемого события, однако годы спустя историки могут уже не знать все обстоятельства произошедшего. Данные проблемы, тем не менее, не должны останавливать историков перед использованием газеты в качестве информационного источника.

«Юлчог сосой саргьюр мелонг», или «Зеркало Тибета», – одно из немногих ранних периодических изданий на тибетском языке и, вероятно, первая тибетская газета, которая была учреждена и издавалась редактором тибетского происхождения. Знакомство с «Зеркалом Тибета» как историческим источником представляется необходимым начать с ответа на вопросы:

1. Где и когда публиковали газету?
2. Кто издавал газету?
3. С какой целью публиковали газету?
4. Откуда происходило финансирование газеты?
5. Кто читал данную газету?
6. Какие виды материалов публиковались в газете?
7. Какие использовались источники информации?
8. Какой редакционной политики придерживался издатель?
9. Были ли у газеты конкуренты?

Ответы на эти вопросы представлены в трех нижеследующих разделах данной главы.

1.2. Историко-географический контекст издания «Зеркала Тибета»

Самая широко известная на сегодняшний день тибетоязычная газета под названием «Зеркало Тибета» выходила с 1925 по 1963 гг. в индийском городе Калимпонг¹⁰⁸. Несмотря на географическое расположение места издания газеты за пределами Тибета, «Зеркало Тибета» на протяжении более тридцати лет фактически сохраняло статус единственного периодического издания на тибетском

---

¹⁰⁸ См. Erhard and Hou 2018: 1.

языке, публикуемого достаточно регулярно и в течение столь длительного времени¹⁰⁹. Газета запечатлела на своих страницах ряд наиболее противоречивых этапов в современной истории Тибета: от периода так называемой де-факто независимости Тибета до официального включения Тибета в состав Китайской Народной Республики в 1951 г., последующих реформ новых коммунистических властей, восстания в Лхасе в марте 1959 г. и эмиграции Далай-ламы XIV Тэндзин Гьяцо из Тибета, переселения в Индию большой группы тибетоязычных эмигрантов из КНР и создания там правительства Тибета в изгнании.

До 1959 г. Калимпонг был первым городом, куда после пересечения границы попадали тибетцы по пути в Индию¹¹⁰. Калимпонг расположен на берегу реки Тиста на севере современного индийского штата Западная Бенгалия. До XVIII в. город входил в состав Сиккима, затем перешел под юрисдикцию Бутана, однако уже в 1865 г. в результате столкновений с британцами власти Бутана передали 1300 км² своей территории Британской Индии¹¹¹. На этой территории находился и Калимпонг, вскоре получивший известность как центр британского Бутана. Из маленького тихого поселения Калимпонг постепенно вырос в большой оживленный и динамично развивающийся город, который занял важное положение на главном тибетско-индийском торговом пути, проложенном военной экспедицией Ф. Янгхазбенда в 1903–1904 гг.

К 1920 г. половина всей индо-тибетской торговли осуществлялась через маршрут Лхаса–Калимпонг, и, в силу того что иностранцам крайне редко разрешалось пересекать тибетскую границу, Калимпонг называли «гаванью Тибета»¹¹². Тибетско-британское торговое сотрудничество повлекло за собой развитие индийских городов у тибетской границы и привело к росту процветающего класса тибетских торговцев¹¹³. Со временем Калимпонг стал

---

¹⁰⁹ Москалева 2017: 117.

¹¹⁰ McGranahan 2001: 243.

¹¹¹ Fader 2002: 256–257.

¹¹² Fader 2002: 259.

¹¹³ Snellgrove and Richardson 1968: 235.

экономической столицей региона, откуда тибетские товары отправлялись в порт Калькутты и далее экспортировались в Европу и Америку¹¹⁴.

Торговцы из Тибета привозили в Калимпонг разнообразные товары: хвосты яков, меха, овечью шерсть, мускус, золотой песок, бирюзу, буру, соль¹¹⁵. Основным предметом тибетского экспорта была шерсть, торговля которой шла наиболее активно в зимний период, когда у торговцев не было опасений, что товар может намокнуть из-за муссонов. Ежегодно через Калимпонг проходило около 3840 тонн шерсти¹¹⁶. Обратное с собой торговцы увозили то, что могло пользоваться спросом в Тибете, – английское сукно, табак, зерно, сахар, краски, драгоценные камни, жемчуг, кораллы, свечи, фонари, керосин, цемент, канцелярские принадлежности, часы, лекарства¹¹⁷.

В первой половине XX в. Калимпонг являлся не только процветающим центром торговли, но и местом встречи представителей разнообразных культур: непальцев, бенгальцев, лепча, англичан, тибетцев, китайцев. Все они могли находиться там в ежедневном контакте с идеями, товарами и другими людьми, которые традиционно и географически, и исторически были в отдалении от них¹¹⁸. Тибетцы, ранее не пересекавшие границы Тибета, имели возможность впервые в жизни встретить в Калимпонге европейцев и такие завораживающие предметы современности, как, например, тарелки из меди и другие образцы промышленно-произведенной продукции¹¹⁹.

В Калимпонге также располагался крупный пункт миссионерской деятельности представителей нескольких христианских церквей. Калимпонг служил «окном» Тибета во внешний мир: именно через этот город тибетцы могли путешествовать за границы Тибета, отправлять детей в индийские миссионерские школы и получать информацию о состоянии дел на международной арене¹²⁰. Калимпонг был излюбленным местом сезонной миграции тибетцев, которые

---

¹¹⁴ Brox and Zeitzen 2017: 251, 253.

¹¹⁵ Fader 2002: 259.

¹¹⁶ Fader 2002: 259.

¹¹⁷ Snellgrove and Richardson 1968: 235.

¹¹⁸ Sharma 2017: 26, 31.

¹¹⁹ Sharma 2017: 32.

¹²⁰ Shakya 2000: 11.

отправлялись туда пережить холодные тибетские зимы¹²¹. Более того, для некоторых жителей Тибета Калимпонг имел статус «идеального второго дома»¹²². Предоставляя простор для интеллектуальных исканий и развития прогрессивных идей, Калимпонг привлекал и тибетоязычных диссидентов: в 1939 г. город стал местом учреждения революционной «Партии реформ Тибета»¹²³, члены которой вдохновлялись идеями китайского политического деятеля Сунь Ятсена (1866–1925), однако так и не смогли распространить их в Тибете¹²⁴.

Вторая мировая война, индийское национально-освободительное движение, борьба за независимость Тибета и совокупность других факторов в 1940–1960-е гг. принесли Калимпонгу славу «фабрики сплетен» о Тибете: город превратился в эпицентр новостей из различных частей Индии, Тибета и прилегающих пограничных территорий¹²⁵. Поскольку границы Тибета были закрыты для иностранных репортеров, в разгар Холодной войны Калимпонг считался вторым лучшим местом после самого Тибета, где можно было собрать сведения о происходящем на Тибетском плато¹²⁶. Нахождение в городе, к сожалению, не гарантировало стопроцентно достоверных репортажей, поскольку услышанные на городских рынках новости от путешественников из Тибета или от проживающих в Калимпонге европейских и американских исследователей, чиновников и торговцев, отчасти были результатом работы воображения опрашиваемых, а отчасти являлись продуктом калимпонгской «фабрики сплетен»¹²⁷.

В 1950-е гг. общественную жизнь Калимпонга полностью захватила политика. Город, оказавшись вовлеченным в «сложную игру в шахматы»¹²⁸ представителей шпионажа и контршпионажа различных национальностей, получил название «рассадника шпионов»¹²⁹. Стратегически выгодное геополитическое положение Калимпонга представляло интерес не только для

¹²¹ Prince Peter of Greece and Denmark *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 257.

¹²² Basu 2018: 29.

¹²³ Тиб. *nub bod legs bcos skyid sdug*, кит. 西藏革命党. Подробнее см. Goldstein 1992: 449–463.

¹²⁴ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161n31.

¹²⁵ Sawerthal 2011: 61.

¹²⁶ Brox and Zeitzen 2017: 255–256.

¹²⁷ Brox and Zeitzen 2017: 255–256.

¹²⁸ J. Nehru *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 254.

¹²⁹ G. Patterson *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 254.

тибетцев и индийцев. Кого только не было в городе – сотрудники британской и индийской службы разведки, агенты Центрального Разведывательного Управления США (ЦРУ) и Гомиьндана под прикрытием иностранных туристов, русские старообрядцы, члены королевских семей в изгнании и аристократы со всей протяженности Гималаев, западные антропологи и миссионеры, тибетские паломники, торговцы, чиновники и диссиденты, индийские йоги, маги и заклинатели¹³⁰. После официального включения Тибета в состав КНР и начала коммунистических реформ в восточном, а позднее и центральном Тибете, Калимпонг также служил транзитным пунктом на пути эмигрантов из Китая. Более того, именно Калимпонг стал штаб-квартирой тибетского движения сопротивления, где с помощью Гьело Дондуба, старшего брата Далай-ламы XIV, было налажено сотрудничество ЦРУ и представителей тибетской иммигрантской общины по организации партизанской борьбы в Тибете¹³¹.

Неудивительно, что во второй половине 1950-х гг. Калимпонг попал под пристальное наблюдение КНР как проблемное место концентрации тибетских «реакционеров»¹³². После восстания в Лхасе в марте 1959 г. власти КНР предъявили обвинения индийскому правительству в том, что в Калимпонге тибетцы не только печатали провокационные листовки и издавали враждебную КНР газету «Зеркало Тибета», но и, вступив в сговор против КНР с представителями США и Гомиьндана, занимались подрывной антикоммунистической деятельностью, организовывали контрабандные поставки оружия в Тибет и вели подготовку к восстанию в Лхасе в 1959 г.¹³³.

Власти Индии признавали, что во второй половине 1950-х гг. в Калимпонге находилось «больше шпионов, чем обычных жителей», поэтому в ответ на обвинения КНР вынесли предупреждение авторам листовок, издателю «Зеркала Тибета», а также всем подозреваемым в ведении подозрительной подпольной

¹³⁰ Brox and Zeitzen 2017: 258; McGranahan 2001: 244.

¹³¹ Brox and Zeitzen 2017: 254–255; Brox and Zeitzen 2021: 3. Подробнее об оппозиционной деятельности представителей тибетской иммигрантской общины в Индии см. Goldstein 2007: 464–477; Goldstein 2014: 141–224, 335–409; Goldstein 2019: 74–100.

¹³² Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161.

¹³³ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 162.

деятельности, что тем не менее не оказало существенного влияния на накал политических страстей в городе¹³⁴. В декабре 1959 г. индийское правительство приняло решение ограничить въезд в Калимпонг: иностранцев обязали предъявлять при въезде паспорт и специальное разрешение на пребывание в городе дольше семи дней¹³⁵. Однако только с остановкой торговой деятельности в результате вооруженного конфликта КНР и Индии в 1962 г. и полного закрытия китайско-индийской границы Калимпонг стал утрачивать свою значимость как важный геополитический центр и транскультурная «зона контактов», а многие иностранцы были вынуждены покинуть город¹³⁶. Угасание стратегической роли Калимпонга совпало с прекращением издания «Зеркала Тибета», последний сохранившийся выпуск которого датируется ноябрем 1963 г.

1.3. Издатель «Зеркала Тибета»

Об издателе и главном редакторе «Зеркала Тибета» – общественном деятеле и христианском проповеднике, а также тайном агенте спецслужб – Дордже Тарчине (или, как его часто называли в Индии, Тарчине Бабу¹³⁷) пишут, что он был единственным, кто мог с относительной легкостью общаться с любым представителем разнородной публики Калимпонга¹³⁸. Многочисленные таланты и секреты Тарчина, о которых пойдет речь в данном разделе, сыграли немаловажную роль в его становлении как, вероятно, самого известного тибетоязычного жителя Калимпонга и популяризации «Зеркала Тибета» среди читателей в Тибете.

Дордже Тарчин родился 18 апреля 1890 г. в деревне Пу¹³⁹, ныне расположенной в округе Киннаур индийского штата Химачал-Прадеш¹⁴⁰. История Киннаура и его расположение практически на границе с Тибетом объясняют проживание там сравнительно многочисленного населения тибетского происхождения, большинство из которого традиционно буддисты. Однако судьба

¹³⁴ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161.

¹³⁵ Fader 2009: 530.

¹³⁶ Viehbeck 2017b: 287.

¹³⁷ «Бабу» – заимствование из хинди, индийская форма уважительного обращения «господин» (Fader 2004: 273).

¹³⁸ McGranahan 2001: 243–244.

¹³⁹ Тиб. *spu*, англ. *Poo*.

¹⁴⁰ Fader 2002: 20.

Тарчина сложилась иначе, в 1892 г. его крестил моравский миссионер Теодор Шреве¹⁴¹. Ранние годы Тарчин провел там же в Пу, занимаясь в школе при моравской миссии и изучая тибетский и урду. Окончив школу, он устроился поваром и прислугой в семье одного из местных миссионеров. После смерти матери в 1906 г. Тарчин решил отправиться в Тибет для углубленного изучения тибетского языка и покинул родную деревню¹⁴². Сначала он искал работу в Дели, где работал мойщиком посуды в отеле, чтобы скопить деньги на путешествие в Тибет, но, заразившись малярией, после непродолжительной болезни перебрался в Симлу¹⁴³ и принимал участие в строительстве индустанско-тибетской дороги¹⁴⁴. Позднее Тарчин получил стипендию индийского правительства в рамках программы подготовки школьных учителей и, переехав в Бенгалию, помимо прочего, взялся за изучение английского языка и непали. В 1916 г. он завершил составление краткого пособия по тибетскому языку для начинающих, которое опубликовали в 1917 г. в типографии баптистской миссии в Калькутте¹⁴⁵, а в 1919 г. окончил курс педагогической подготовки, вскоре после чего Тарчина пригласили преподавать тибетский язык в школе при Институте шотландской миссии¹⁴⁶ в Калимпонге, где он с тех пор и осел¹⁴⁷.

Тарчин приобрел известность как просветитель, способствовавший развитию светской литературы на тибетском языке, деятель в сфере образования, журналист, издатель и политический активист. Он выпустил большое количество справочников и пособий для изучения хинди, тибетского и английского языков, интересовался деятельностью Сиккимского института тибетологии в Гангтоке¹⁴⁸ и входил в состав Совета по образованию тибетских эмигрантов при Далай-ламе XIV¹⁴⁹. Позиционируя себя как преданный борец за идею независимости

¹⁴¹ Нем. *Theodore Schreve*; 1860–1930. См. Fader 2002: 20.

¹⁴² Fader 2002: 144, 154.

¹⁴³ Англ. *Shimla*. Город Шимла также известен как Симла, в связи с чем в российских историографических работах закрепился термин «Симльская конвенция». В данной диссертации также предлагается использовать название Симла и Симльская конвенция соответственно.

¹⁴⁴ Англ. *the Hindustan-Tibet Road*. См. Fader 2002: 155, 164.

¹⁴⁵ Англ. *the Baptist Mission Press in Calcutta*.

¹⁴⁶ Англ. *Scottish Universities' Mission Institution (SUMI) of the Eastern Himalayan Mission of the Church of Scotland*.

¹⁴⁷ Fader 2004: 21, 28.

¹⁴⁸ Англ. *the Sikkim Research Institute of Tibetology*.

¹⁴⁹ Tsering Tashi 1998: 9; Sawerthal 2011: 73.

Тибета и сохранение тибетской культуры, Тарчин утверждал, что население Кама борется против власти китайских коммунистов с помощью оружия, а он как журналист борется с помощью пера¹⁵⁰.

Разнообразные направления деятельности и многосторонние таланты Тарчина – владение урду, хинди, тибетским и английским языками, проповедническая деятельность в Сиккиме и неоднократные путешествия в Тибет, работа учителем тибетского языка, переводчиком и издателем газеты – предоставили ему возможность познакомиться с самыми разными людьми: высокопоставленными тибетскими, британскими и индийскими чиновниками, тибетской аристократией и духовенством, западными миссионерами, исследователями и путешественниками¹⁵¹. Во время второй поездки в Тибет в 1927–1928 г. Тарчин впервые получил аудиенцию у Далай-ламы XIII Тубтэн Гьяцо¹⁵², а в 1940 г. в качестве гида и переводчика сопровождал британского советника по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете Бэзила Гулда¹⁵³ и британского торгового представителя в Гьелце и Ятунге Хью Ричардсона¹⁵⁴ в Лхасу на церемонию интронизации Далай-ламы XIV¹⁵⁵.

С годами сеть контактов Тарчина все более расширялась, и его дом зачастую был первой остановкой на пути практически любого представителя интеллигенции, прибывающего в Калимпонг¹⁵⁶. Каждый год у Тарчина жили ученые и высокопоставленные ламы¹⁵⁷. По прибытию в Калимпонг тибетцы отправлялись в офис редактора «Зеркала Тибета» поделиться с ним историями о происходящем в Тибете, а любой паломник из Лхасы к буддийским святыням Индии мог получить у Тарчина специально подготовленные брошюры и карты вместе с приглашением остановиться в помещении напротив его типографии¹⁵⁸. Многие тибетские иммигранты, пребывающие в Калимпонг после 1959 г., обращались к Тарчину за

¹⁵⁰ Fader 2009: 415.

¹⁵¹ Sawerthal 2011: 88.

¹⁵² Тиб. *thub bstan rgya mtsho*; 1876–1933.

¹⁵³ Англ. *Basil Gould*; 1883–1956.

¹⁵⁴ Англ. *Hugh Richardson*; 1905–2000.

¹⁵⁵ Fader 2004: 309; Sawerthal 2011: 72.

¹⁵⁶ Tsering Tashi *cit. ex* Sawerthal 2011: 88.

¹⁵⁷ Engelhardt 2011: 209.

¹⁵⁸ McGranahan 2001: 244; Sawerthal 2011: 88.

помощью в обустройстве новой жизни в Индии и консультациями по юридическим вопросам и иммиграционным правилам¹⁵⁹.

Известный своими космополитическими взглядами Тарчин пользовался большим уважением у тибетцев. По сообщениям современников, все то, что некоторые тибетцы знали о Западе в то время, они почерпнули из общения с Тарчином¹⁶⁰. Тарчина называли «посредником между двумя мирами»: в Калимпонге к его услугам часто прибегали при необходимости перевода с тибетского или на тибетский, а также при разрешении конфликтов в буддийской общине или во время споров с участием западных лиц¹⁶¹.

По сообщению британского писателя и буддийского деятеля Денниса Лингвуда¹⁶², Тарчин блестяще владел как разговорным тибетским, так и классическим, и пользовался большим спросом среди западных исследователей как учитель тибетского языка¹⁶³. В числе знакомых Тарчина были такие видные иностранные ученые как британцы Дэвид Снэллгроув¹⁶⁴ и Марко Паллис¹⁶⁵, итальянец Джузеппе Туччи¹⁶⁶, чех Рене Небески-Войковиц¹⁶⁷, француз Жак Бако¹⁶⁸, грек Принц Петр Греческий и Датский¹⁶⁹, русский Юрий Николаевич Рерих и другие¹⁷⁰. Со временем редактор «Зеркала Тибета», который в автобиографии сообщал о своем скромном происхождении от родителей низшего социального ранга, закрепил статус одного из первых людей в Калимпонге, а связи Тарчина достигли Лондона, где его родственник и протеже Ригдзин Ванпо¹⁷¹ устроился ассистентом со знанием тибетского языка в Школе азиатских и африканских исследований при Лондонском университете¹⁷².

¹⁵⁹ Fader 2009: 537.

¹⁶⁰ McGranahan 2001: 244.

¹⁶¹ Engelhardt 2018a: 91–92.

¹⁶² Также известен как Сангхаракшита (англ. *Dennis Lingwood Sangharakshita*); 1925–2018.

¹⁶³ Engelhardt 2018a: 93–94.

¹⁶⁴ Англ. *David Snellgrove*; 1920–2016.

¹⁶⁵ Англ. *Marco Pallis*; 1895–1989.

¹⁶⁶ Итал. *Giuseppe Tucci*; 1894–1984.

¹⁶⁷ Нем. *René Nebesky-Wojkowitz*; 1923–1959.

¹⁶⁸ Франц. *Jacques Bacot*; 1877–1965.

¹⁶⁹ Англ. *Prince Peter of Greece and Denmark*; 1908–1980.

¹⁷⁰ Sawerthal 2018a: 108.

¹⁷¹ Тиб. *rig 'dzin dbang po*; 1920–1985.

¹⁷² Англ. *School of Oriental and African Studies*. Подробнее см. Viehbeck 2017b.

Вместе с тем отдельные детали биографии Тарчина и воспоминания современников о нем с трудом складываются в цельную картину и создают неоднозначное впечатление о личности редактора «Зеркала Тибета». С одной стороны, Тарчин предстает довольно предприимчивым и в некоторой степени авантюрным человеком, который на первых порах не тяготился тяжелым физическим трудом и в то же время был открыт любой возможности освоить какое-то новое ремесло, благодаря чему он, вероятно, и достиг столь значительного успеха в карьере¹⁷³. Предприимчивость Тарчина успешно сочеталась с ловкостью ума. Например, представляет интерес следующий эпизод из автобиографии редактора «Зеркала Тибета». Тарчин рассказывает, как в свои ранние годы, увидев объявление о вакансии в типографии, он отправил заявку, но получил ответ, что данная вакансия уже закрыта, однако имеется свободное место учителя хинди, в связи с чем работодатель интересовался, знает ли он хинди. Не растерявшись, Тарчин в тот же день приобрел букварь и начал изучать хинди, выслав ответ в типографию, что может преподавать не только хинди, но и тибетский¹⁷⁴.

С другой стороны, сохранившаяся личная корреспонденция Тарчина и его публикации в «Зеркале Тибета» создают впечатление, что он, вероятно, тяготел к некоторому оппортунизму и имел тенденцию менять идентичность в зависимости от ситуации, действуя конъюнктурно и акцентируя то свое тибетское происхождение, то индийское гражданство. Так, фактически являясь гражданином Британской Индии и позднее независимой Индии, Тарчин попеременно называл себя то верным британским подданным или индийцем¹⁷⁵, то верным Тибету тибетцем¹⁷⁶, а также периодически выступал то в роли истового христианина и

¹⁷³ Engelhardt 2018a: 94.

¹⁷⁴ Dorje Tharchin *cit. ex* Engelhardt 2018a: 93–94.

¹⁷⁵ Например, в письме Ч. Беллу за 1937 г. Тарчин пишет: «я преданный британский подданный» (*cit. ex* Fader 2009: 332). В письме Тарчина за 1962 г., написанном во время китайско-индийского пограничного конфликта: «По этой причине мы, все индийские граждане, – от детей до стариков и женщин из разных общин – все объединимся в единое целое, и мы будем бороться и выдворим [отсюда] агрессоров в ближайшем будущем. Бесстыжие красные коммунисты беспокоили не только нас, миролюбивых индийцев, но и все другие миролюбивые страны мира» (*cit. ex* Fader 2009: 430). В письме советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г.: «Что касается моей преданной службы, Ваша честь, возможно, осведомлены, что в Вашем кабинете находится большая папка, которая содержит все о моей верности и работах, выполненных для правительства [Индии]» (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

¹⁷⁶ Например, в десятом выпуске «Зеркала Тибета» 18-го года издания за сентябрь 1950 г. Тарчин пишет: «Опубликовано глубоко преданным Тибету издателем газеты» (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5).

настойчивого проповедника христианства¹⁷⁷, то как буддист, акцентирующий внимание на важности буддийской религии в Тибете¹⁷⁸. Заявления об индийской идентичности Тарчина и его христианских взглядах регулярно встречаются в его письмах к британским или индийским чиновникам, в то время как в «Зеркале Тибета» Тарчин зачастую позиционирует себя как тибетец и равнодушный защитник буддизма.

Немаловажным фактом из биографии главного редактора «Зеркала Тибета», свидетельствующим о его предприимчивости, является и то, что, работая над распространением информации, Тарчин не ограничивался изданием газеты, но также сообщал важные новости другим заинтересованным лицам, а именно сотрудникам британских и индийских спецслужб. Известно, что еще в 1928 г. Тарчин продавал информацию британским чиновникам, а с 1940-х гг. официально работал на британскую разведку под номером ATS23¹⁷⁹. Тарчин участвовал в регулярном обмене официальной информацией между британскими торговыми представителями в Гьелце и Ятунге, британской миссией в Лхасе и британским советником по политическим вопросам в Сиккиме, и с 1948 г. также собирал данные для Центрального разведывательного бюро Индии¹⁸⁰. По словам Эрика Ламберта¹⁸¹, британского чиновника, ответственного за курирование политики в отношении Тибета в Центральном разведывательном бюро Индии, Тарчин служил его «самым полезным источником информации» о Тибете¹⁸². О высоком профессионализме Тарчина как подпольного британского и индийского агента

В письме Тарчина за 1952 г.: «Нам очень жалко нашу страну, поскольку она попала в руки красных коммунистов. Мы пытались сделать все возможное, но не смогли защитить [Тибет], поскольку помощи [от других стран] не последовало. Как бы там ни было, мы тем не менее надеемся, что очень скоро снова сможем освободиться от оков нечестивых коммунистов-атеистов» (*cit. ex Fader 2009: 420*).

¹⁷⁷ См. Norbu Dawa 2002: XI. По выражению Х.Л. Фейдера, «В течение многих-многих лет Тарчин ежедневно молился об обращении Тибета и его народа в христианство» (Fader 2009: 333). В письме М. Паллису за 1958 г. Тарчин писал: «Моя жизнь в опасности, но я верю в Бога. [...] Если Бог на нашей стороне, кто может навредить нам?» (*cit. ex Fader 2009: 430*).

¹⁷⁸ В седьмом выпуске «Зеркала Тибета» 20-го года издания за октябрь 1952 г. Тарчин обращается к читателям из Тибета: «Мы, [...] носители единого [тибетского] языка, последователи [буддизма] Махаяны, братья из [...] Тибета, – должны мысленно объединиться. [Мы] должны стремиться освободиться из-под гнета [коммунистического Китая]. Когда освободимся из-под гнета иностранного врага, [мы] уничтожим внутренних демонов, после чего народ [...] Тибета будет пребывать в свободе и независимости и буддизм будет процветать» (*The Tibet Mirror Vol. XX No. 7, October 1952: 8*).

¹⁷⁹ Sawerthal 2011: 73.

¹⁸⁰ Sawerthal 2018a: 109.

¹⁸¹ Англ. *Eric Lambert; 1909–1996*.

¹⁸² *Cit. ex Sawerthal 2018a: 109*.

можно судить и по тому факту, что, по сообщению автора биографии Тарчина Х.Л. Фейдера, несмотря на то, что он около 40 лет выполнял тайные служебные задания по сбору и передаче разведанных, об этом аспекте жизни редактора «Зеркала Тибета» не знали ни две его жены, ни кто-либо иной из родственников, друзей или сотрудников открытой им в 1948 г. типографии, работа в которой считалась его основной и, вероятно, служила хорошим прикрытием для подобной подпольной активности¹⁸³.

Тарчин собирал информацию о деятельности и передвижениях важных тибетских лиц, а также событиях, содержании разговоров и даже телеграмм, писем и отчетов, которые имели либо журналистское, либо политическое значение и могли быть использованы в качестве разведанных и/или для написания газетных публикаций¹⁸⁴. Для сбора необходимых данных Тарчин пользовался услугами личных осведомителей, как постоянно проживающих в определенной местности (Лхаса, Шигацзе, Пагри, Гьелце, Ятунг, Калимпонг), так и путешествующих по территории Тибета и Индии (например, странствующих монгольских монахов)¹⁸⁵. По словам Х.Л. Фейдера, монгольские путешественники и тибетские паломники, будучи богатым источником разведанных, не могли оставаться вне поля внимания «такого сообразительного, умелого и располагающегося в стратегически важном месте человека» как Тарчин, который «быстро осознавал уникальность ситуации и использовал ее по полной»¹⁸⁶. Помимо этого, редактор «Зеркала Тибета» предоставлял сведения о людях, останавливающихся в его доме¹⁸⁷.

Ни гости Тарчина, ни хозяева домов, где редактор «Зеркала Тибета» гостил сам, не знали о вестующем сборе информации. Х.Л. Фейдер приводит пример, что во время одной из поездок в Тибет в 1937 г. Тарчин почувствовал необходимость срочно сообщить британскому чиновнику Чарльзу Беллу¹⁸⁸ высоко конфиденциальную информацию, которую он почерпнул из личного разговора с

---

¹⁸³ Fader 2009: 347.

¹⁸⁴ Fader 2009: 342–343.

¹⁸⁵ Fader 2009: 343–344.

¹⁸⁶ Fader 2009: 346.

¹⁸⁷ Sawerthal 2011: 74.

¹⁸⁸ Англ. *Charles Bell*; 1870–1945.

тибетским чиновником Царонгом¹⁸⁹, все еще находясь в его доме в качестве гостя¹⁹⁰. Даже те осведомители Тарчина, которые сами были знакомы с представителями британской и индийской разведки (например, переводчик из индийского консульства в Лхасе Сонам Тобгьел Кадзи¹⁹¹), не знали о том, что в дополнение к работе в типографии редактор «Зеркала Тибета» вел разведывательную деятельность¹⁹².

Известно, что после провозглашения независимости Индии в 1947 г. Тарчин, используя привилегии своего тибетского происхождения, продолжил сотрудничество с индийским правительством. С 1955 по 1960 гг. он принимал участие в подготовке индийского периодического издания на тибетском и хинди, а после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию участвовал в сборе благотворительной помощи для тибетских иммигрантов, организации системы обучения для их детей, а также разработке и издании учебных материалов на тибетском языке для школьников¹⁹³. Из материалов архива Дордже Тарчина в Колумбийском университете известно, что даже после окончания издания «Зеркала Тибета» в 1963 г. Тарчин, очевидно, продолжал получать тибетские новости от своих осведомителей и пытался предлагать эти материалы в другие газеты, в частности калькуттскую газету «Стейтсмен»¹⁹⁴. После завершения карьеры редактора «Зеркала Тибета» Тарчин работал над созданием англо-хинди-тибетского карманного словаря, за что в 1965 г. был высоко отмечен и вознагражден Далай-ламой XIV, и занимался публикацией религиозно-философских буддийских сочинений¹⁹⁵. Одним из последних проектов издателя «Зеркала Тибета» стал приют для сирот¹⁹⁶ в Калимпонге, который он открыл вместе

¹⁸⁹ Тиб. *tsha rong*; 1888–1959.

¹⁹⁰ Fader 2009: 341.

¹⁹¹ Тиб. *bsod nams stobs rgyal ka dzi*; 1925–2009.

¹⁹² Fader 2009: 328.

¹⁹³ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University; Sawerthal 2018a: 112.

¹⁹⁴ Англ. *The Statesman*. См. Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

¹⁹⁵ Fader 2009: 515–516; Tsering Tashi 1998: 10.

¹⁹⁶ Англ. *the Himalayan Children's Home*.

с супругой в 1962 г¹⁹⁷. Дордже Тарчин скончался 6 февраля 1976 г. на 86-м году жизни¹⁹⁸.

1.4. История издания и распространения «Зеркала Тибета»

Издание «Зеркала Тибета» было важным достижением и предметом особой гордости Тарчина¹⁹⁹. Представляет интерес история печати первого тиража газеты. По версии Х.Л. Фейдера, однажды в кабинете своего друга шотландского миссионера Джона Грэма²⁰⁰ Тарчин обратил внимание на стоявший на полу мимеограф. Ранее, в ходе тщетных попыток настроить машину сотрудники миссии испортили часть деталей и отказались от ее использования. Тарчин, увидев заброшенный мимеограф, загорелся желанием применить его для воплощения в жизнь давней идеи издавать собственную газету. Члены миссии настойчиво убеждали будущего редактора «Зеркала Тибета» в том, что он лишь напрасно потратит время и силы, так как машину невозможно настроить, но тот, проявив твердость намерений, перенес мимеограф домой и после нескольких недель попыток все-таки смог напечатать первый экземпляр газеты. Выпуск состоял из четырех страниц и был отпечатан довольно криво, однако уже через месяц Тарчину удалось окончательно наладить станок, и он принес первый выпуск «Зеркала Тибета» Дж. Грэму, который сердечно поздравил друга с успехом²⁰¹.

Первый официальный номер «Зеркала Тибета» вышел 1 октября 1925 г. тиражом в 50 экземпляров²⁰². Один экземпляр редактор отправил лично Далай-ламе XIII, за что тот, выразив свое восхищение трудами Тарчина, выслал денежное вознаграждение и подписался на издание. Далай-лама XIV получил подписку своего предшественника в наследство и числился в числе официальных подписчиков «Зеркала Тибета» вплоть до 1959 г²⁰³.

---

¹⁹⁷ Fader 2009: 455–457.

¹⁹⁸ Fader 2009: 622.

¹⁹⁹ Интервью с Тарчином, см. Norbu Dawa 1998: 11.

²⁰⁰ Англ. *John Anderson Graham*; 1861–1942.

²⁰¹ Fader 2004: 258–260.

²⁰² Fader 2004: 264.

²⁰³ Fader 2004: 267.

В письме индийскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме за декабрь 1963 г. Тарчин сообщает, что главной целью издания газеты было предоставление международных новостей друзьям в Тибете, а также возобновление и развитие дружественных отношений между Индией и Тибетом²⁰⁴. В предисловии к самому первому выпуску «Зеркала Тибета» Тарчин объясняет цели издания газеты более подробно:

В наши дни в Индии, Китае, во всех больших и маленьких зарубежных государствах издаются газеты на своих языках и это приносит большую пользу, позволяет узнавать у себя дома новости о том, что происходит ежедневно в каждой стране, несмотря на далекие расстояния; позволяет сообщить в каждом государстве новости о неблагоприятных временах, новости о коммерческих прибылях и убытках, сведения о распространении знаний и мудрости, новости о возникновении эпидемий, наводнений, голода, землетрясений и т.д., а для подданных – обратиться к правителям со своими радостями и печалью. Поскольку у нас до сих пор нет подобных газет на языке Страны снегов, я, Тарчин из Куну²⁰⁵ и некоторые тибетцы, проживающие в Калимпонге, подумали: «Если что-то подобное появится на нашем языке, то не возникнет ли у нас, тибетцев, нечто полезное и позволяющее достичь понимания ввиду различий между диалектами?» [...] Чтобы сделать такую газету полезной для всех, я надеюсь на то, что в [газете] можно будет изложить разнообразные новости всех стран, рассказать для блага монахов историю распространения и упадка в прошлом Учения Будды в Индии, предоставить [сведения] о поставщиках товаров и рынках, железных дорогах, карты и прочее в помощь торговцам, разнообразные новости для аристократов, сведения о видах лекарств для блага больных и учебные материалы для детей²⁰⁶.

Исходя из предисловия к первому выпуску газеты, можно выделить две основные функции издания «Зеркала Тибета»: информационную и культурно-просветительскую. В то же время, принимая во внимание миссионерскую деятельность Тарчина и то, что начало изданию «Зеркала Тибета» было положено в стенах шотландской миссии, следует отметить, что в отдельных случаях (особенно в первые годы издания газеты) редактор мог использовать «Зеркало

²⁰⁴ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

²⁰⁵ Куну (тиб. *khu nu*, также англ. *Kunawar*) – местность в северной Индии, где находится деревня Пу, родина Тарчина.

²⁰⁶ *The Tibet Mirror* Vol.1 No.1, October 1925: 1. Полный перевод всех материалов первого выпуска «Зеркала Тибета» на английский язык см. Moskaleva and Grokhovskiy 2018: 147–167.

Тибета» для проповеди христианства среди тибетского населения. Более близкое знакомство с содержанием выпусков газеты и историей работы Тарчина в миссии (а именно его неоднократные разногласия с руководством из-за содержания «Зеркала Тибета»), однако, позволяет сделать вывод о том, что газетные материалы носили преимущественно светский характер. По оценке немецкой ученой И. Энгельхардт, из 2500 страниц публикаций в «Зеркале Тибета» лишь около 100 содержат материалы о христианстве²⁰⁷. Более того, будучи ценителем тибетской культуры и принимая во внимание интересы тибетоязычных читателей, Тарчин привлекал к сотрудничеству духовных лиц из Тибета и регулярно размещал в газете публикации, посвященные буддизму. В ходе исследования И. Энгельхардт установила, что материалы о буддизме в «Зеркале Тибета» как численно, так и по объему отведенного для них места в выпусках, преобладали над публикациями о христианстве²⁰⁸.

Для анализа «Зеркала Тибета» как исторического источника важно описать финансовый аспект производства газеты. Издание «Зеркала Тибета» определенно принесло славу Тарчину, но при этом, по сообщению самого редактора, никогда не было самоокупаемым²⁰⁹. Взносы читателей за подписку и средства, выручаемые за регулярное размещение рекламных материалов на страницах «Зеркала Тибета», не покрывали расходов. Денег было мало, вследствие чего иногда происходили вынужденные паузы в издании газеты: например, в 1940 г. Тарчину пришлось полностью прекратить выпуск «Зеркала Тибета» на два с половиной года²¹⁰. Несмотря на то, что до 1946 г., хотя и с небольшими перерывами, Тарчин издавал газету в типографии шотландской миссии и мог пользоваться принадлежащими миссии печатным станком и рабочей силой, издание «Зеркала Тибета» все-таки было его личной инициативой и нехватка средств побуждала издателя искать

---

²⁰⁷ Engelhardt 2013: 153.

²⁰⁸ Engelhardt 2013: 152.

²⁰⁹ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University). В одном из писем Тарчина за сентябрь 1961 г. встречается упоминание, что как будто бы его газета все-таки была самоокупаемой в какой-то отрезок времени после 1948 г., однако в остальных сохранившихся письмах из архива редактор утверждает обратное.

²¹⁰ Sawerthal 2011: 80.

внешней поддержки и идти на сотрудничество²¹¹. Время от времени Тарчину везло: определенное финансирование поступало от британского колониального правительства в Индии и тибетского правительства в Лхасе. Вместе с тем данная поддержка, по мнению И. Энгельхардт, по большей части была относительно нерегулярной и скромной, особенно со стороны тибетского правительства²¹².

Известно, что в годы Второй мировой войны британское правительство в Индии решило поддержать издание «Зеркала Тибета» с целью организации «небольшой честной пропаганды» в Тибете²¹³. Из письма Тарчина индийскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме за декабрь 1963 г. следует, что в июле 1942 г. при посредничестве британского советника по политическим вопросам в Сиккиме Б. Гулда редактор отправился в Дели, где встретился с несколькими военными и высокопоставленными штатскими чиновниками, которые «приказали» ему продолжить издание газеты под чутким руководством советника по политическим вопросам в Сиккиме при условии полного покрытия издательских расходов британским правительством²¹⁴. Британское правительство также начало оплачивать подписку на 250 выпусков «Зеркала Тибета» для бесплатного распространения в Тибете, благодаря чему процесс издания газеты был возобновлен после длительного перерыва с февраля 1940 г. по август 1942 г.²¹⁵. По словам британского дипломата Х. Ричардсона, их пропаганда сводилась к публикации новостей о ходе Второй мировой войны, британских ресурсах, успехах и уверенности в победе²¹⁶. Однако тибетолог А. Маккей, посвятивший свою диссертацию исследованию британской колониальной политики в Тибете, называет организацию Б. Гулдом субсидий для «Зеркала Тибета» в 1940-е гг. британским средством пропаганды обособленного положения Тибета

---

²¹¹ Engelhardt 2011: 235.

²¹² Engelhardt 2011: 245, 250.

²¹³ Engelhardt 2011: 242.

²¹⁴ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

²¹⁵ Engelhardt 2011: 242–243.

²¹⁶ Engelhardt 2011: 245.

относительно Китая с целью укрепления позиций Тибета как буферного государства на северо-восточных границах Британской Индии²¹⁷.

Британские власти решили поддержать «Зеркало Тибета» и после окончания Второй мировой войны, когда Тарчин окончательно оставил шотландскую миссию в июне 1946 г.²¹⁸. С июля 1946 г. издатель получал от британского колониального правительства пособие в 200 (позднее 250) рупий в месяц, и, что оказалось более существенно для газеты, в начале 1947 г. каждого тибетского торговца, который обращался к британскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме за разрешением на экспорт хлопчатобумажной ткани из Индии, обязывали подписаться на «Зеркало Тибета»²¹⁹. Кроме того, при помощи британского советника по политическим вопросам в Сиккиме Артура Хопкинсона²²⁰ Тарчин смог получить беспроцентную ссуду у правительства Индии и приобрел в 1947 г. новый печатный станок, а также участок земли для своей будущей типографии²²¹. За счет беспроцентной ссуды Тарчин учредил в марте 1948 г. собственную типографию под одноименным с его газетой названием «Зеркало Тибета», на церемонии открытия которой, по его выражению, присутствовали «высокопоставленные британские чиновники и более тысячи тибетцев»²²².

По оценке А. Заверталь, только в краткосрочный период применения британской политики обязательной подписки в отношении тибетских торговцев в 1947 г. «Зеркало Тибета» самостоятельно окупало производственные затраты²²³. Но уже в начале 1948 г. вслед за обретением Индией независимости программу обязательной подписки торговцев на «Зеркало Тибета» отменили, и у издателя газеты снова начались финансовые трудности. Тарчин неоднократно самостоятельно обращался к различным представителям правительства Индии за дополнительными субсидиями на издание «Зеркала Тибета», вплоть до столь

²¹⁷ McKay 1995: 217.

²¹⁸ Sawerthal 2018a: 117.

²¹⁹ Sawerthal 2011: 83–84; Sawerthal 2018a: 117–119.

²²⁰ Англ. *Arthur John Hopkinson*; 1894–1953.

²²¹ Fader 2009: 181–184.

²²² Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

²²³ Sawerthal 2018a: 119.

неожиданного варианта источника субсидирования как директор Школы иностранных языков при Министерстве обороны Индии в Дели, но его попытки были сравнительно безуспешны²²⁴. Однако типография «Зеркало Тибета» при этом не стояла без работы и, помимо газеты, выполняла заказы по печати других материалов, за что Тарчин выражал благодарность советникам по политическим вопросам в Сиккиме и уверял их, что несмотря на то, что официально типография – это его частное предприятие, она всегда работала «ради [индийского] правительства, а также на благо тибетцев»²²⁵.

В одном из писем за декабрь 1959 г. Тарчин уверяет индийского советника по политическим вопросам в Сиккиме, что в течение многих лет он «делал все, что мог, чтобы верно служить нашему правительству [правительству Индии] самыми разными способами и особенно путем издания тибетской газеты»²²⁶. Подобная формулировка усиливает сложившееся впечатление, что поддержка со стороны британского, а затем индийского правительства все-таки существовала и ощутимо помогала Тарчину в деле издания газеты. Единственное, что остается непонятным, была ли это постоянная программа какой-то минимальной поддержки «Зеркала Тибета» со стороны британского (а затем, возможно, также индийского) правительства, или помощь все-таки оставалась нерегулярной и представляла собой результат личной инициативы отдельных, особо расположенных к Тарчину советников по политическим вопросам в Сиккиме.

Что касается поддержки Тарчина тибетским правительством, и Далай-лама XIII, и Далай-лама XIV положительно относились к «Зеркалу Тибета» и периодически финансово поддерживали издание. Из личной переписки Тарчина можно узнать, что с 1927 по 1932 г. Далай-лама XIII высылал ему по 20 рупий в год²²⁷. По сообщению И. Энгельхардт, от тибетского правительства Тарчин также получил 100 рупий в 1937 г. с просьбой продолжать регулярно высылать газету в

²²⁴ Fader 2009: 428.

²²⁵ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

²²⁶ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 11 декабря 1959 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

²²⁷ Sawerthal 2018a: 125; письмо Тарчина за 6 сентября 1961 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

Лхасу, 100 рупий в 1940 г. и письмо-ходатайство, которое позволяло получить подписку от тибетских официальных лиц и торговцев, и 300 рупий в 1945 г. наряду с наставлением не отчаиваться и не прекращать издание «Зеркала Тибета»²²⁸. Несмотря на просьбы Тарчина, тибетское правительство было не готово предоставить более широкую поддержку «Зеркалу Тибета», объясняя это тем, что издание газеты происходит за пределами Тибета²²⁹. В одном из писем из архива Тарчина в Колумбийском университете сохранилась информация о том, что с 1949 г. тибетское правительство уже ничего не платило издателю²³⁰. Однако в других письмах из того же архива имеется информация о том, что Тарчин получил от Далай-ламы XIV 500 рупий в 1949 г. и 300 рупий в 1951 г.²³¹. В дополнение к этому в биографии Тарчина указано, что во время визита Далай-ламы XIV в Индию в 1956–1957 гг. Тэндзин Гьяцо через своего чиновника передал Тарчину за его труды подарок в 1000 рупий²³². Также есть сообщение о том, что за неделю до смерти Тарчин получил еще 2000 или 3000 рупий от Далай-ламы XIV²³³.

И. Энгельхардт в своем исследовании 2012 г. утверждает, что остается неизвестным, получал ли когда-либо Тарчин финансовую помощь со стороны Соединенных Штатов Америки²³⁴. На этот счет А. Заверталь приводит сведения о том, что в апреле 1950 г. «Зеркалом Тибета» заинтересовались американское посольство в Дели и американское консульство в Калькутте, в связи с чем те оформили подписку на издание и запросили копии всех предыдущих выпусков газеты, а уже в мае 1951 г. Государственный департамент США указывал в числе мер поддержки «тибетского вопроса» – «помощь Тарчину, владельцу единственной тибетской газеты»²³⁵. Интересно, что, исходя из сохранившейся переписки в архиве Тарчина, посольство США в Дели сделало запрос на подписку на «Зеркало Тибета», обратившись не напрямую к издателю газеты, а через

²²⁸ Engelhardt 2011: 246–250.

²²⁹ Engelhardt 2011: 249; Sawerthal 2018a: 125.

²³⁰ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

²³¹ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

²³² Fader 2009: 477.

²³³ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 125.

²³⁴ Engelhardt 2012: 203.

²³⁵ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University; Sawerthal 2018a: 122.

индийского советника по политическим вопросам в Сиккиме Харишвар Даяла²³⁶. По информации Х.Л. Фейдера, в январе 1951 г. подписку на «Зеркало Тибета» также оформил Вашингтонский университет, а в ноябре 1952 г. – международное телерадиовещание Госдепартамента США в Нью-Йорке²³⁷.

Непонятно, какого рода помощь была предоставлена Тарчину со стороны Госдепартамента США, но, по мнению А. Заверталь, в 1954 г. «Зеркало Тибета» не без денежного вознаграждения в ответ вошло в сферу политической активности Гьело Дондуба, который, как уже было упомянуто, занимался организацией повстанческого движения в Тибете при содействии ЦРУ²³⁸. После этого «Зеркало Тибета» стало выходить еженедельно, при этом особенное внимание в выпусках уделялось теме борьбы за независимость Тибета. Сам Тарчин объяснил решение издавать еженедельные выпуски газеты тем, что его попросили об этом читатели, которые, наконец, осознали ценность «Зеркала Тибета»²³⁹.

По сообщению А. Заверталь, с середины 1950-х гг. супруга Тарчина, вероятно, совместно с британцем М. Паллисом участвовала в финансировании «Зеркала Тибета», а в 1958 г. Тарчин лично получал средства на издание газеты от М. Паллиса, который, в свою очередь, сам был не только ученым, а тоже имел связи с британской разведкой²⁴⁰. Более точных сведений о стороннем финансировании «Зеркала Тибета» в поздние 1950-е и начале 1960-х гг., к сожалению, нет. Равно как и нет какой-либо информации относительно финансирования «Зеркала Тибета» представителями Гоминьдана.

Необходимо отметить, что сам Тарчин официально отрицал стороннее финансирование «Зеркала Тибета». В августе 1952 г. он опубликовал в «Зеркале Тибета» заявление о том, что ему нравятся новости в поддержку Тибета, поэтому он публикует их, и какие бы слухи не ходили о возможном финансировании газеты со стороны партии Гоминьдан, китайских коммунистов, тибетского правительства,

²³⁶ Англ. *Harishwar Dayal*, годы службы советником по политическим вопросам в Сиккиме 1948–1952. См. архив Tarchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

²³⁷ Fader 2009: 421.

²³⁸ Sawerthal 2018a: 122–123. Об установлении контакта повстанческой организации Гьело Дондуба с Тарчином относительно учащения регулярности издания «Зеркала Тибета» сообщает и М. Голдштейн (Goldstein 2014: 167–168).

²³⁹ См. Sawerthal 2018a: 123.

²⁴⁰ Sawerthal 2018a: 110–111, 124, 267; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 168.

Индии или каких-либо зарубежных государств, «до настоящего дня никто совершенно точно не оказывал помощь» изданию²⁴¹.

Переходя к немаловажному вопросу обратной связи со спонсорами «Зеркала Тибета», следует сказать, что редактор не просто получал стороннее финансирование, но и в каких-то случаях расплачивался за него своей свободой редакционной политики. Например, во времена британской финансовой помощи Тарчин обещал не публиковать ничего «враждебного» относительно правительства Британской Индии, а в каких-то случаях был вынужден и вовсе удалить публикации в соответствии с желанием советника по политическим вопросам в Сиккиме А. Хопкинсона²⁴². На основании личных писем Тарчина можно предположить, что отдельные статьи о Тибете редактор предварительно согласовывал с советником по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете даже после того, как Индия обрела независимость. Так, в одном из писем за июнь 1950 г. Тарчин спрашивает индийского советника по политическим вопросам в Сиккиме Х. Даяла, не возражает ли тот против опубликования в «Зеркале Тибета» цитат из текстов Англо-тибетской конвенции 1904 г., договора между Великобританией и Китаем 1906 г. или Симлской конвенции 1914 г.:

Если Ваша честь не возражает, для блага Тибета я мог бы процитировать некоторые из этих текстов в моей газете и сделать комментарии, что послужило бы основой для интересной статьи о независимости или автономии Тибета. Если Ваша честь не возражает, я был бы благодарен иметь вышеупомянутые соглашения на тибетском для моего [личного] пользования время от времени²⁴³.

Особенный интерес представляет то, что на момент написания данного письма в июне 1950 г. редактор «Зеркала Тибета» еще не решил, на чем делать упор в готовящейся публикации – автономии или все-таки независимости Тибета. Однако в самом «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг. Тарчин однозначно описывал «тибетский вопрос» как проблему незаконного вторжения КНР в «независимое тибетское государство».

²⁴¹ Тиб. *da bar su gang gis rogs ram byed mkhan med nges brian* (*The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 2). Полный перевод этой заметки см. Sawerthal 2018a: 156–157.

²⁴² Подробнее см. Sawerthal 2018a: 132n188.

²⁴³ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

Или, например, в письме тому же Х. Даялу за декабрь 1949 г. Тарчин сообщает:

Последнее время в других газетах было много новостей о Тибете; я не уверен, стоит ли их размещать в моей газете или нет. Я буду благодарен, если Ваша честь посоветует мне, следует ли мне переводить [и печатать в моей газете] эти новости о Тибете. [...]

Большинство [этих] новостей могут быть неправдой, но, говорят, красные китайцы [коммунисты] из Пекина то и дело вещают на тибетском. Я думаю, это именно то время, когда тибетское правительство должно проявить интерес к тибетской газете, заговорить с аудиторией и давать советы [читателям] через газету, чтобы [на тот случай], если какая-либо пропаганда красных [коммунистов] попадет в Тибет, народ не стал открывать свои уши. Ходят многочисленные слухи и толки среди тибетцев, прибывающих в Индию, и они также увозят с собой бесчисленные слухи, которые слышат здесь. [Поэтому] тибетское правительство должно опровергать публикуемые в [других] газетах новости.

Я не уверен, будет ли это разумно с моей стороны, но иногда я подумываю попросить тибетское правительство, чтобы они присылали статьи и советы для тибетской аудитории [для публикации в моей газете] и распространяли газету в каждом *dzong*²⁴⁴ в Тибете и также в монастырях. Если народ будет предупрежден вовремя, это может оказаться ему же на благо. Я встречаю высокопоставленных и обычных тибетцев, но практически все они высказываются против собственного правительства. Я считаю, это самое время для тибетского правительства приободрить народ и дать хорошие наставления. Возможно, Ваша честь даст им [тибетскому правительству] совет.

Я подумываю о том, чтобы опровергать в моей газете новости, которые публикуют в других газетах, а также показать и постараться доказать, что Тибет не является частью Китая; но без поддержки тибетского правительства это, возможно, не только не будет иметь какого-либо веса, но и будет риском для меня самого; люди также могут не понять [мои идеи] на тибетском.

Пожалуйста, будьте любезны предоставить мне инструкции и наставления, чтобы я мог публиковать правильные новости для блага и защиты Тибета так, чтобы [читательская] аудитория не была введена в заблуждение, поскольку Тибет является чрезвычайно важным для нашей страны Индии²⁴⁵.

²⁴⁴ Тиб. *rdzong*, букв. «район» или «уезд», единица административного деления.

²⁴⁵ Fader 2009: 417.

В ответ Тарчин получил следующие инструкции от Х. Даяла:

[...] 3. Что касается новостей про Тибет: многое из того, что публикуют в индийских газетах не точно, и, если Вы предлагаете перевести любой из подобных материалов для Вашей газеты, будет лучше для Вас сначала проконсультироваться со мной насчет его [материала] точности.

4. Заявление, которое тибетское правительство предоставило господину Лоуэллу Томасу²⁴⁶, уже было опубликовано в индийских газетах. Вы можете опубликовать перевод этого в своей газете. Аналогично Вы также можете опубликовать любое другое публичное заявление, которое сделает тибетское правительство.

5. Я надеюсь, что Вы сможете найти другого агента в Лхасе, чтобы продавать Вашу газету. Вы также можете попробовать заполучить агента в Ладакхе. Ладакхские делегации иногда посещают Индию, и, если Вы сможете заинтересовать их, они могут согласиться помочь²⁴⁷.

А. Маккей отмечает, что в Британской Индии существовала система жесткой цензуры, поэтому публикации должны были воссоздавать только тот образ Тибета, который соответствовал британским интересам²⁴⁸. Британские колониальные чиновники понимали, что любое расхождение с официальной британской политикой могло препятствовать их карьерному росту, в связи с чем имели достаточный стимул для самоцензуры²⁴⁹. Поскольку фактически Тарчин являлся британским служащим, режим жесткой цензуры и самоцензуры также, вероятно, применялся и для его «Зеркала Тибета». Учитывая то, что редактор «Зеркала Тибета» получал средства для издания газеты от британца М. Паллиса и в 1950-е гг., возможно, что режим цензуры был актуален даже после того, как британские колониальные чиновники покинули Индию, а Тарчин продолжил работать уже под руководством индийских советников по политическим вопросам в Сиккиме.

Как бы то ни было, несмотря на зафиксированные случаи финансовой поддержки «Зеркала Тибета» со стороны всех вышеописанных акторов, формально газета Тарчина имела статус частного предприятия, в связи с чем протибетские и антикоммунистические публикации Тарчина должны были быть результатом

²⁴⁶ Англ. *Lowell Thomas*. Отец и сын с одинаковыми именами – Лоуэлл Томас старший (1892–1981) и Лоуэлл Томас младший (1923–2016) – находились в 1949–1950 гг. в Тибете по приглашению тибетского правительства для съемок фильма о местной жизни.

²⁴⁷ Fader 2009: 418.

²⁴⁸ McKay 1995: 218.

²⁴⁹ McKay 1995: 216.

пересечения его личных интересов как главного редактора издания и интересов его спонсоров. Несмотря на свидетельства в виде переписки Тарчина о содержании публикаций о Тибете с советником по политическим вопросам в Сиккиме, данные письма выглядят консультативными. Кроме того, ничего неизвестно о том, как материалы «Зеркала Тибета» оценивались после их опубликования и какие санкции применялись за отклонение от рекомендуемых советником мер. В то же время каких-либо свидетельств заказанных публикаций или консультаций Тарчина с представителями США в 1950-е гг. нет совсем.

Что касается подписчиков «Зеркала Тибета», в силу того что в начале XX в. 90% тибетского населения не владели навыками чтения, информация из «Зеркала Тибета» могла быть доступной для большинства тибетцев лишь в том случае, если кто-то читал новости вслух²⁵⁰. Читатели газеты представляли элитарное меньшинство населения, состоящее преимущественно из аристократов, настоятелей монастырей, лам и богатых торговцев²⁵¹. Первоначальные 14 подписчиков «Зеркала Тибета» к 1928 г. превратились в 50, но, фактически, тираж превышал эту цифру, поскольку более 100 выпусков газеты Тарчин отправлял тибетским чиновникам бесплатно²⁵². Известно, что к 1929 г. тираж «Зеркала Тибета» возрос примерно до 200 копий, а в годы Второй мировой войны Тарчин издавал более 500 экземпляров газеты, так как британское колониальное правительство в Индии выкупало большую часть выпусков для распространения в Тибете и на пограничных территориях в Дарджилинге, Сиккиме, Кашмире, Лехе, Симле, Бутане²⁵³. Самое большое число подписчиков «Зеркала Тибета» при британской поддержке составило 1200 человек в 1947 г.²⁵⁴. Позднее количество подписчиков снова сократилось, и в феврале 1953 г. тираж «Зеркала Тибета» насчитывал 300–400 копий, а в середине 1950-х гг. – около 100–150 копий²⁵⁵.

²⁵⁰ Sawerthal 2011: 85.

²⁵¹ Tsering Tashi *cit. ex* Sawerthal 2011: 85.

²⁵² Hackett n.d.: 3.

²⁵³ Fader 2009: 171.

²⁵⁴ Sawerthal 2018a: 119.

²⁵⁵ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library; Sawerthal 2018a: 282.

Область распространения газеты охватывала территорию от Калимпонга до Амдо вдоль торгового пути из Монголии в Переднюю Азию и вдоль восточной границы Тибета с Ассамом²⁵⁶. «Зеркало Тибета» достигало Гьелце и Шигацзе, современных провинций Сычуань и Цинхай, Чунцина и Непала²⁵⁷. По утверждению Х.Л. Фейдера, в 1940–1950-е гг. у Тарчина были специальные агенты, которым удавалось доставлять в различные уголки Тибета объемный узел с индивидуально адресованными выпусками «Зеркала Тибета»²⁵⁸. В одном из сохранившихся писем Тарчина отмечено, что вплоть до 1959 г. «Зеркало Тибета» попадало в Лхасу (сначала легально, а в конце 1950-х гг. тайно при помощи торговцев и паломников)²⁵⁹.

По мнению И. Энгельхардт, читательская аудитория «Зеркала Тибета» в действительности была больше, чем ее небольшой тираж, поскольку каждый выпуск читали (или воспринимали на слух) несколько человек²⁶⁰. В письме индийскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме за июнь 1950 г. Тарчин сообщает, что старший брат Далай-ламы XIV из монастыря Кумбум благодарит его за работу над «Зеркалом Тибета» и просит отправлять выпуски газеты напрямую, в то время как сам редактор выражает удивление, откуда тот мог получать выпуски «Зеркала Тибета», не имея подписки²⁶¹.

Из материалов архива Тарчина в Колумбийском университете создается впечатление, что лица, занимавшие пост советника по политическим вопросам в Сиккиме, играли очень важную роль для редактора «Зеркала Тибета». Тарчин не только консультировался с ними о содержании подготавливаемых материалов о Тибете, но и держал их в курсе относительно своих подписчиков и количества выпусков «Зеркала Тибета», направляемых тибетскому правительству. При этом распространять газету в Тибете помогали сотрудники индийской миссии в Лхасе. Так, например, в письме за 28 апреля 1950 г. Тарчин сообщает возглавлявшему

---

²⁵⁶ Fader 2004: 282.

²⁵⁷ Sawerthal 2011: 86; архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

²⁵⁸ Fader 2009: 419.

²⁵⁹ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

²⁶⁰ Engelhardt 2011: 214.

²⁶¹ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

индийскую миссию в Лхасе Х. Ричардсону, что пока что ему не удалось найти подходящего агента для распространения «Зеркала Тибета» в Лхасе, но раньше он отправлял 32 копии для тибетского правительства и пять копий для самой миссии, в этот раз он направляет девять копий и прикрепляет список адресатов²⁶². Согласно сохранившейся переписке, ровно через неделю 5 мая 1950 г. Тарчин выслал копию данного письма и такой же список индийскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме.

По сообщению А. Заверталь, с августа 1952 г. сотрудники индийской миссии в Лхасе по политическим причинам отказались оказывать помощь по доставке «Зеркала Тибета» адресатам Тарчина, а с июля 1954 г. власти КНР начали полностью блокировать распространение «Зеркала Тибета» в Тибете²⁶³. Однако в одном из писем за 1958 г. Тарчин информировал М. Паллиса, что, несмотря на запрет китайских коммунистов, его газета имеет большой спрос среди тибетцев и даже достигает отдаленных уголков восточного Тибета, где ее читают тысячи мирян и монахов²⁶⁴. По утверждению Тарчина, после 1959 г. «Зеркало Тибета» обрело особую популярность среди тибетоязычных иммигрантов в Индии, но денег на подписку у них не было, вследствие чего среди них он распространял газету бесплатно²⁶⁵.

У «Зеркала Тибета» были подписчики и за пределами Индии и Тибета. Австрийский путешественник и друг детства Далай-ламы XIV Генрих Харрер²⁶⁶, посетивший Тибет и Индию в 1944–1952 гг., упоминает «Зеркало Тибета» в своей книге «Семь лет в Тибете» и утверждает, что газета имела широкий круг читателей в Лхасе, а отдельные выпуски высылались тибетологам по всему миру (подписчиками, к примеру, были американский буддолог Теос Бернард²⁶⁷ и немецкий тибетолог Иоганнес Шуберт²⁶⁸)²⁶⁹. Статьи, свидетельствующие об

²⁶² Письмо Тарчина за 28 апреля 1950 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library).

²⁶³ Sawerthal 2018a: 278, 281.

²⁶⁴ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 281.

²⁶⁵ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library.

²⁶⁶ Нем. *Heinrich Harrer*; 1912–2006.

²⁶⁷ Англ. *Theos Bernard*; 1908–1947.

²⁶⁸ Нем. *Johannes Schubert*; 1896–1976.

²⁶⁹ Harrer 2009: 90; Sawerthal 2011: 86.

известности «Зеркала Тибета» мировому сообществу, также встречаются в зарубежных периодических изданиях, например «Нью-Йорк Таймс»²⁷⁰, «Сингапур Фри Пресс»²⁷¹ и «Норт Чайна Геральд»²⁷². А. Заверталь приводит данные, согласно которым после включения Тибета в состав КНР в 1951 г. количество иностранных подписчиков «Зеркала Тибета» стало меняться в сторону возрастания, а в сентябре 1952 г. выпуск «Зеркала Тибета» даже доставили на Тайвань для главы Гоминьдана маршала Чан Кайши (1887–1975)²⁷³.

В силу того, что жители Тибета почти не имели доступа к какой-либо информации о происходящих в мире событиях, до начала 1960-х гг. «Зеркало Тибета» сохраняло статус одного из главных информационных источников на тибетском языке. И. Энгельхардт приходит к выводу, что «Зеркало Тибета» содержало описания новостей из практически всех стран мира, за исключением государств Латинской Америки и Тропической Африки²⁷⁴. Однако в ходе данного исследования в публикации за январь 1961 г. встретилось упоминание событий и в одной из стран Тропической Африки, а именно «Конголезский кризис»²⁷⁵.

Материалы «Зеркала Тибета» содержали самую разнообразную информацию: международные новости, сообщения с полей сражений, статьи о последних технических достижениях и новых видах вооружения, политические персоналии, практические сведения для тибетских торговцев, краткие сочинения дидактического характера, сведения об иностранных экспедициях в Гималаи и заметки о зарубежных путешественниках и исследователях, остававшихся в Калимпонге или посещавших Тибет²⁷⁶. Интересно, что, хотя в «Зеркале Тибета» публиковались фактографические описания событий и инноваций, заимствованные из других газет или радиосводок, большинство материалов также содержали редакторские комментарии самого Тарчина²⁷⁷. Пытаясь расширить

²⁷⁰ Англ. *The New York Times*.

²⁷¹ Англ. *The Singapore Free Press*.

²⁷² Англ. *North China Herald*. См. Fader 2004: 273, 280; Engelhardt 2012: 210.

²⁷³ Подробнее об иностранных подписчиках «Зеркала Тибета» см. Sawerthal 2018a: 279–280.

²⁷⁴ Engelhardt 2011: 215.

²⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.5, January 1961: 8.

²⁷⁶ Москалева 2017: 122.

²⁷⁷ Hackett 2018: 82.

познания тибетцев в мировой политике и географии, Тарчин публиковал подробные статьи, которые снабжали читателей дополнительной информацией по истории описываемого вопроса и разъясняли проблему в контексте прочих происходящих событий²⁷⁸. Чтобы сделать материалы более информативными и визуально привлекательными, редактор периодически иллюстрировал новости фотографиями, картами, рисунками и карикатурами.

Несмотря на то, что в типографии «Зеркала Тибета» работали и постоянные рядовые сотрудники, и на краткосрочной основе различные ученые и важные политические лица, Тарчина называют «человеком-газетой», поскольку он сам одновременно выполнял функции издателя, главного редактора и автора газетных публикаций²⁷⁹. Тарчин заимствовал новости для публикаций из различных источников: иностранных газет (преимущественно индийских и британских периодических изданий на английском языке, однако в своих источниках он упоминает и китайские газеты), радио и переписки с личными осведомителями. По сообщению внука Тарчина, рядом с кроватью редактора «Зеркала Тибета» стояло три–четыре транзисторных радиоприемника, которые он слушал целыми днями²⁸⁰. Вероятно, обычный режим работы Тарчина над газетными публикациями (кроме материалов, написанных по сведениям от личных осведомителей редактора) предполагал первичное ознакомление с новостями доступных газет и радио, затем организовывался перевод необходимых материалов на тибетский язык, после чего на основании перевода редактор готовил статьи для «Зеркала Тибета»²⁸¹.

Тарчин сравнительно редко указывал точный источник новостей. Среди названий его информационных источников встречаются, например, одна из ведущих газет на английском языке в Западной Бенгалии «Стейтсмен», ежедневная лондонская газета «Таймс»²⁸² и первая в мире иллюстрированная еженедельная газета «Иллюстрейтед Лондон Ньюс»²⁸³. Среди подписок Тарчина А. Заверталь

²⁷⁸ Engelhardt 2011: 220.

²⁷⁹ Sawerthal 2018a: 129–130; McGranahan 2001: 250.

²⁸⁰ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 112.

²⁸¹ Sawerthal 2011: 87.

²⁸² Англ. *The Times*.

²⁸³ Англ. *The Illustrated London News*. См. Москалева 2017: 122.

также называет гоминьдановскую газету «Иньду Жибао»²⁸⁴ и индийские издания «Амрита Базар Патрика»²⁸⁵, «Хиндустан Стэндард»²⁸⁶ и «Иллюстрейтед Уикли ов Индия»²⁸⁷. Помимо этого, после 1951 г. в «Зеркале Тибета» встречаются материалы, в которых Тарчин обсуждает публикации из учрежденных правительством КНР газет на тибетском языке или содержание новостных сводок, озвученных по громкоговорителю в Лхасе²⁸⁸.

Перед более подробным знакомством с содержанием выпусков «Зеркала Тибета» в следующей главе диссертации важно рассмотреть вопрос о политических взглядах Тарчина и их влиянии на редакционную политику издания. Г.Л. Фейдер утверждает, что еще во времена так называемой де-факто независимости Тибета дом Тарчина был одним из мест встреч тибетских националистов, целью которых провозглашалось реформирование традиционного Тибета²⁸⁹. Непонятно, что больше интересовало Тарчина во время подобных встреч – обсуждение возможной модернизации Тибета или сбор актуальной информации для разведывательной службы, но фактом остается то, что Тарчин тщательно следил за политической судьбой Тибета еще до того, как стало проясняться, кто одержит победу в борьбе за власть в Китае. При этом Тарчин резко негативно относился к коммунизму и успехам Коммунистической партии Китая, однако благосклонно отзывался о представителях партии Гоминьдан.

На вопрос о китайско-тибетском Соглашении из 17 пунктов Тарчин как-то ответил, что данное соглашение напоминает ему старую тибетскую поговорку о «шерсти с твердым камешком внутри», которую на русский язык, вероятно, лучше передать с помощью поговорок «глядит овцой, а пахнет волком» или «на языке мед, а под языком лед»²⁹⁰. Также известно, что на приеме в честь визита представителя правительства КНР в Тибете Чжан Цзинъю²⁹¹ в Калимпонг в июле 1951 г. Тарчин

²⁸⁴ Кит. 印度日報.

²⁸⁵ Англ. *Amrita Bazar Patrika*.

²⁸⁶ Англ. *Hindustan Standard*.

²⁸⁷ Англ. *The Illustrated Weekly of India*. См. Sawerthal 2018a: 112.

²⁸⁸ Подробнее см. Sawerthal 2018a: 328.

²⁸⁹ Fader 2009: 111.

²⁹⁰ *Cit. ex Engelhardt* 2012: 201.

²⁹¹ Кит. 张经武; 1906–1971.

был заключительным спикером. Когда подошла очередь Тарчина выступить с речью, он заявил, что Тибет был независимой страной и китайцам придется отказаться от их притязаний на Тибетское плато, более того, в будущем Тибет освободится от власти КНР и снова будет наслаждаться свободой и независимостью как раньше²⁹². Идентичные заявления Тарчин последовательно озвучивал и в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг.

После официального провозглашения китайскими властями задачи по «освобождению» Тибета силами Народно-освободительной армии Китая в 1949 г., Тарчин регулярно размещал в «Зеркале Тибета» различного рода пропагандистские материалы, которые сформировали элементы своеобразного антикоммунистического дискурса на страницах издания. Отклики антикоммунистической полемики Тарчина в «Зеркале Тибета» достаточно быстро привлекли внимание мирового сообщества, и уже в сентябре 1950 г. в одном из сингапурских изданий вышла статья о редакторе «Зеркала Тибета» под названием «Битва одиночки с Мао»²⁹³. В статье Тарчина называли «маленьким тибетцем острым на язык и любящим свободу», а про само «Зеркало Тибета» писали, что в Китае уже известно об уничижительном дискурсе Тарчина относительно китайских коммунистов, в связи с чем любой, кого поймают с выпуском газеты на границе, подлежит расстрелу²⁹⁴.

Вместе с тем совершенно непонятно, почему Тарчин благосклонно относился к Гоминьдану, если представители данной партии, как и КПК, выступали за то, чтобы считать Тибет неотъемлемой частью Китая. Сейчас не представляется возможным установить, во что действительно верил и как думал Тарчин. Относительно политических взглядов редактора «Зеркала Тибета» можно выдвигать лишь гипотезы. Во-первых, возможно, Тарчин искренне ненавидел коммунизм, или даже скорее атеизм, пропагандируемый коммунистической идеологией, поскольку был глубоко верующим христианином. Во-вторых, Тарчин также мог неподдельно переживать за судьбу Тибета и верить в его независимый

---

²⁹² Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 164–165.

²⁹³ Англ. *A Lone Battle with Mao*.

²⁹⁴ *Cit. ex Engelhardt* 2012: 210–211.

политический статус на протяжении истории. В-третьих, возможно и то, что по каким-то причинам Тарчин считал, что Гоминьдан предоставит Тибету независимость, если вернется к власти в материковом Китае, вследствие чего редактор выпускал соответствующие публикации в своей газете и даже после 1949 г. утверждал, что легитимным правительством Китая является правительство Гоминьдан²⁹⁵. В то же время нельзя опускать тот факт, что Тарчин работал на британскую и индийскую разведку, а позднее, скорее всего, сотрудничал с американскими спецслужбами. Что именно входило в рабочие обязанности Тарчина, неизвестно. Но Тарчин получал дополнительное финансирование для своей газеты, а редакционная политика «Зеркала Тибета», вероятно, зависела не только от самого редактора. Таким образом, можно предположить, что политическая повестка в «Зеркале Тибета» относительно «тибетского вопроса», КПК и Гоминьдана определялась сочетанием личных убеждений Тарчина, последствий его социализации в Британской Индии и профессиональной среде спецслужб капиталистических государств, а также, возможно, отчасти его рабочими задачами. Принимая во внимание отмеченную ранее склонность Тарчина к оппортунизму и конъюнктурному поведению, вполне вероятной представляется возможность того, что редактор готовил антикоммунистические публикации в «Зеркале Тибета» от чистого сердца, но получал взамен поддержку от сторонних заинтересованных лиц, которым тоже не нравилась коммунистическая идеология.

Учитывая редакционную политику Тарчина, неудивительно, что новые коммунистические власти, по словам редактора, уже с 1950 г. запретили распространение «Зеркала Тибета» в Тибете и он более не мог отправлять газету в Тибет почтой²⁹⁶. Несмотря на относительно небольшой тираж «Зеркала Тибета», правительство КНР, по всей видимости, тщательно отслеживало содержание материалов газеты. По утверждению Тарчина, в 1950-е гг. китайская сторона предлагала ему материальную помощь и регулярную подписку на 500 копий газеты в обмен на публикации, направленные на создание положительного имиджа

---

²⁹⁵ Конкретные примеры из «Зеркала Тибета» представлены во второй главе данной диссертации.

²⁹⁶ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

коммунистического Китая, но, вопреки имеющимся финансовым трудностям, он отказался²⁹⁷. Более того, в 1958 г. Министерство иностранных дел КНР направило официальный протест в Министерство иностранных дел Индии относительно реакционного характера «Зеркала Тибета» и его враждебной позиции по отношению к китайскому коммунистическому правительству, в ответ на который индийское правительство обещало сделать предупреждение Тарчину²⁹⁸. Однако, как сообщает сам Тарчин в письме советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 1963 г., индийское правительство было вынуждено сделать предупреждение ему под давлением Китая, но он, тем не менее, продолжил вести антикоммунистическую пропаганду²⁹⁹.

Для оценки роли «Зеркала Тибета» как исторического источника необходимо кратко перечислить основных конкурентов газеты³⁰⁰. Газеты миссионеров на тибетском языке – предшественники и современники «Зеркала Тибета»³⁰¹ («Ладакхи акбар»³⁰² 1904–1907 гг. издания, «Ладакх понья»³⁰³ 1908–1910 гг. издания, «Кьеланг акбар»³⁰⁴ 1926–1935 гг. издания и «Ладакх понья»³⁰⁵ 1937–1947 и 1952–1956/59 гг. издания) – ставили своей основной целью распространение христианства, в то время как для тибетцев больший интерес представляли политические новости и исторические заметки, а также практическая информация для ведения торговли³⁰⁶. Исследователи убеждены, что газеты миссионеров не могли преодолеть традиционный консерватизм и подозрительность тибетцев и едва ли могли составить конкуренцию Тарчину в деле завоевания внимания тибетоязычных читателей³⁰⁷. Свидетельством особой популярности издания

²⁹⁷ Norbu Dawa 1998: 12.

²⁹⁸ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University; Engelhardt 2012: 203–204.

²⁹⁹ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

³⁰⁰ Подробнее о различных периодических изданиях на тибетском языке см. Erhard 2015, Erhard and Hou 2018, Sawerthal 2018a: 68–91.

³⁰¹ Подробнее о газетах миссионеров см. «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке» (Михайлова 2014b: 83–87).

³⁰² Тиб. *la dwags kyi ag bAr*, «Новости Ладакха». Даты издания газет миссионеров указаны по Sawerthal 2018a: 68–71.

³⁰³ Тиб. *la dwags pho nya*, «Вестник Ладакха».

³⁰⁴ Тиб. *kye lang ag bAr*, «Новости Кьеланга».

³⁰⁵ Тиб. *la dwags pho nya*, «Вестник Ладакха».

³⁰⁶ Erhard 2015: 159.

³⁰⁷ Shakya 2004: 21.

Тарчина среди тибетоязычной читательской аудитории называют вопрос «Что говорит Бабу?»³⁰⁸ (т.е. что говорит Тарчин в «Зеркале Тибета?»), который был распространен в Тибете в первой половине XX в.³⁰⁹

Что касается газет-конкурентов из Китая, большинство вышедших в республиканский период изданий перестали публиковаться в середине 1940-х гг., и, соответственно, до момента учреждения новых печатных органов правительством КНР в 1950-е гг., у Тарчина не было китайских конкурентов³¹⁰. Однако начиная с 1951 г. в Лхасе, Синине и Пекине стали появляться новые газеты на тибетском языке: в частности, «Саргьюр дорду»³¹¹, «Боджонг ньинрей цагпар»³¹², «Лхаса гонгдо цагпар»³¹³ и «Цонгон бойиг саргьюр»³¹⁴. В 1954 г. Тарчин жаловался, что в Пекине китайцы издают красочный иллюстрированный журнал на тибетском языке и рассылают его бесплатно по всему Тибету и даже в Калимпонг³¹⁵. Редактор также писал, что правительство КНР открыло типографию в Лхасе, где раз в пять дней выпускают газету³¹⁶, которая представляет из себя «чистую пропаганду», но его «Зеркало Тибета» все равно достигает Тибета, и он получает множество писем с просьбой публиковать антикоммунистические статьи³¹⁷.

Соответственно, можно заключить, что, хотя после установления коммунистической власти в Тибете у «Зеркала Тибета» возникли первые настоящие конкуренты, 25-летняя история издания газеты и опыт Тарчина к тому времени, устоявшаяся целевая аудитория читателей и антикоммунистическая направленность редакционной политики позволили «Зеркалу Тибета» оставаться конкурентоспособным на рынке тибетоязычной прессы вплоть до начала 1960-х гг.,

³⁰⁸ Тиб. *bha bug ga re zer gyi*.

³⁰⁹ Erhard 2015: 160.

³¹⁰ Erhard 2015: 161; Erhard and Hou 2018: 15–17.

³¹¹ Тиб. *gsar 'gyur mdor bsdus*, букв. «Новости вкратце». Газета выходила раз в пять дней в центральном Тибете с 1953 г. (Sawerthal 2018a: 83).

³¹² Тиб. *bod ljongs nyin re'i tshags par*, букв. «Тибетская ежедневная газета». С 1955 г. газета выходила в Лхасе три раза в неделю, а с 1956 г. выпускалась ежедневно (Sawerthal 2018a: 83–84).

³¹³ Тиб. *lha sa dgong dro tshags par*, букв. «Вечерняя лхасская газета».

³¹⁴ Тиб. *mtsho sngon bod yig gsar 'gyur*, букв. «Новости Цинхая на тибетском языке». Газета выходила в Синине с января 1951 г. (Sawerthal 2018a: 82; Erhard 2015: 161; Erhard and Hou 2018: 23).

³¹⁵ Вероятно, речь идет о журнале «Мисер ньенпар» (тиб. *mi ser brnyan par*), позднее известном как «Миманг ньенпар» (тиб. *mi dmangs brnyan par*). Журнал выходил с 1951 г. в Пекине тиражом в 6000 экземпляров (Sawerthal 2018a: 86).

³¹⁶ Наиболее вероятно, что Тарчин имел в виду «Саргьюр дорду».

³¹⁷ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

когда представители правящей тибетской элиты в изгнании взялись за создание своего печатного органа. В марте 1960 г. под эгидой и при финансовой помощи брата Далай-ламы XIV Гьело Дондуба началось издание «Ранванг саршог»³¹⁸, а с июля 1963 г. секретарь Гьело Дондуба стал издавать собственную еженедельную газету «Ранванг сунгкьоб саршог»³¹⁹.

Газеты тибетских эмигрантов составили ощутимую конкуренцию для «Зеркала Тибета» и подорвали позицию Тарчина как издателя главной газеты на тибетском языке в Индии. С октября 1961 г. до декабря 1962 г. редактор не выпускал «Зеркало Тибета» ввиду проблем со здоровьем, а также, вероятно, в силу неблагоприятной финансовой обстановки³²⁰. Из адресованного индийскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме письма Тарчина с учтивой просьбой о возобновлении финансового содействия за декабрь 1963 г., выходит, что издатель «Зеркала Тибета» до последнего верил в свою газету и не оставлял надежд получить дополнительное финансирование для продолжения работы над ней:

Несмотря на то, что сейчас существует несколько газет на тибетском языке, всем тибетским иммигрантам в Индии и даже Его Святейшеству Далай-ламе очень нравится моя газета, и они просят меня продолжать издание газеты, так как у них есть большая уверенность в публикуемых в ней новостях, и я стараюсь сделать все возможное для этого³²¹.

Издание «Зеркала Тибета», однако, все-таки было окончательно остановлено из-за финансовых сложностей Тарчина и всевозрастающей конкуренции с другими тибетоязычными газетами. Последний сохранившийся выпуск «Зеркала Тибета» вышел в ноябре 1963 г. При этом К. Макгрэнэхан в своей диссертации 2001 г. цитирует отрывок из выпуска «Зеркала Тибета» за 9 октября 1964 г., что необычно,

³¹⁸ Тиб. *rang dbang gсар shog*, букв. «Газета свободы».

³¹⁹ Тиб. *rang dbang srung skyobs gсар shog*, букв. «Газета по защите свободы». Разделение на две газеты произошло в связи с конфликтом новоприбывших тибетоязычных эмигрантов из Кама в Дарджилинг. Позднее в конфликт вмешался Далай-лама XIV, и в марте 1965 г. две газеты объединили в одну – «Бомий рангванг» (тиб. *bod mi'i rang dbang*, букв. «Свобода тибетцев»), которая до сих пор выходит в Дхарамсале (Sawerthal 2018a: 87–89).

³²⁰ Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University.

³²¹ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University).

поскольку в описанных на сегодняшний день архивных коллекциях ни одного датированного позднее 1963 г. выпуска «Зеркала Тибета» не встречается³²².

1.5. Выводы

Обобщая имеющиеся сведения из истории издания газеты и жизни ее редактора, следует, в первую очередь, отметить, что Дордже Тарчин издавал «Зеркало Тибета» в важном геополитическом, торговом, культурном и информационном центре на территории Индии, который в первой половине XX в. считался «окном» Тибета во внешний мир, а после включения Тибета в состав КНР в 1951 г. – наоборот, служил «окном» для «подглядывания» за происходящим на Тибетском плато. Калимпонг утратил свою значимость только после закрытия китайско-индийской границы в 1962 гг., вскоре после чего и Тарчин остановил выпуск «Зеркала Тибета».

Используя личную предприимчивость и привилегии тибетского происхождения, Тарчин построил впечатляющую карьеру и обрел влиятельные связи в тибетском, колониальном британском и индийском правительствах. Благодаря своим многочисленным контактам и работе в разведке Тарчин собирал информацию для публикаций, привлекал различных людей к сотрудничеству в выпуске газеты, приобретал новых подписчиков для «Зеркала Тибета» и осуществлял доставку газеты в Тибет. Несмотря на сравнительно небольшой тираж, читатели «Зеркала Тибета» проживали не только на территории Индии и Тибета, но и на Западе.

Газета Тарчина выходила на фоне глобального идеологического противостояния в рамках Холодной войны и в 1950-е гг. представляла собой единственное антикоммунистическое (и, что не менее существенно, протибетское) периодическое издание на тибетском языке. Выпуск газеты был личной инициативой Тарчина, однако в отдельные периоды «Зеркало Тибета» пользовалось поддержкой сторонних спонсоров, в число которых входили

---

³²² McGranahan 2001: 317.

колониальное британское правительство, тибетское правительство и Далай-лама XIV. Редактор «Зеркала Тибета» также сотрудничал с правительством независимой Индии и был привлечен политически активными эмигрантами из Тибета к ведению пропаганды движения за независимость Тибета.

Говоря о недостатках «Зеркала Тибета» как исторического источника, следует начать с того, что для издания Тарчина как для любой газеты характерны фрагментарность и неполнота предоставляемой информации. Поскольку редакция газеты, как правило, целенаправленно определяет совокупность и порядок публикаций, а издатели склонны позволять личным убеждениям и симпатиям влиять на выбор того, что печатать в газете³²³, сложно не заметить влияния политических взглядов Тарчина на публикации в «Зеркале Тибета» и отчетливую антикоммунистическую ангажированность издания. Принимая во внимание службу Тарчина в британской разведке, справедливо говорить о том, что ряд публикаций редактора «Зеркала Тибета» открыто отражал пробританскую позицию.

Еще одной сложностью использования газеты как источника представляется степень точности и надежности газетных публикаций. При анализе материалов «Зеркала Тибета» необходимо понимать, что ограниченные финансовые средства иногда побуждали Тарчина максимально компактно размещать новости на страницах газеты, что могло влиять на близость публикуемого текста к первоисточнику и полноту предоставляемой информации. Редактор «Зеркала Тибета» заимствовал новости из доступных на территории Индии газет и радиопрограмм, и, так как любые материалы периодической печати подвергаются цензуре, то, как источники Тарчина, так и его собственные публикации должны были проходить через цензуру колониального британского, а после 1947 г. индийского правительства. Кроме того, из сохранившихся архивных материалов видно, что в некоторых случаях Тарчин согласовывал публикуемые материалы о Тибете с советником по политическим вопросам в Сиккиме.

---

³²³ См. Baumgartner 1981: 256.

С другой стороны, на основании известных деталей издания «Зеркала Тибета» можно сделать выводы и об исключительных достоинствах данной газеты как исторического источника. Во-первых, стратегическое расположение места издания «Зеркала Тибета» и доступ Тарчина к информации от очевидцев событий (его личных осведомителей в Тибете, тибетоязычных путешественников и эмигрантов, прибывавших в Калимпонг из Китая в 1950-е гг.) способствовали получению новостей из первых уст. И, хотя в 1940-е гг. проект по изданию «Зеркала Тибета» продолжил свое существование и получил значимый импульс к развитию именно благодаря внешней финансовой поддержке, по мнению А. Заверталь, газету нельзя назвать пропагандистским изданием³²⁴. Тарчин, вероятно, был заинтересован в получении финансовой выгоды, но он также стремился, чтобы его газета сохраняла достойный имидж, и придерживался жесткой антикоммунистической позиции даже после того, как в 1954 г. правительство Индии подписало индийско-китайское соглашение, признающее Тибет частью КНР. Редактор прилагал большие усилия для обоснования идеи исторической независимости Тибета на страницах собственной газеты, и до 1960 г. «Зеркало Тибета» было единственным периодическим изданием на тибетском языке, которое отражало тибетские пронационалистические взгляды, в связи с чем Тарчина можно считать первым автором протибетского медийного дискурса на тибетском языке.

Для исследователей истории Тибета главную ценность в «Зеркале Тибета», безусловно, представляют именно тибетские новости, в частности описание процесса «освобождения» Тибета силами НОАК и последующих событий на Тибетском плато, которые позволили наблюдать за жизнью тибетоязычного населения на протяжении первых 13 лет после официального включения Тибета в состав КНР глазами их современника тибетского происхождения. Материалы «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. предлагают протибетскую перспективу на историю Тибета и помогают дополнить имеющиеся сведения по истории китайско-тибетских отношений в указанный период. Уникальность и малоизученность

---

³²⁴ Sawerthal 2011: 84.

«Зеркала Тибета» обуславливают необходимость обращения внимания исследователей к данной газете как ценному источнику для изучения раннего формирования протибетской модели репрезентации истории Тибета и идеологии тибетского национализма.

Глава 2. «Зеркало Тибета» в призме метанаррации независимости в 1950–1960-е гг.

2.1. История Тибета в дискурсе политики и генезис тибетского национализма

В монографии «Индия: история в истории» индолог Е.Ю. Ванина пишет, что история и политика слишком тесно срослись в современной Индии³²⁵. Данная ситуация, однако, характерна не только для Индии. История целого ряда культурно-исторических общностей предоставляет примеры «актуализации прошлого» с целью его переосмысления с позиций и в интересах настоящего³²⁶. Те, кто находятся у власти или желают обрести власть, стремятся контролировать историческое прошлое как властный ресурс. По мнению отечественного историка Л.П. Репиной, тот, кто контролирует прошлое, контролирует и будущее: «разделяемые или оспариваемые смыслы и ценности *прошлого* “вплетаются” в понимание *настоящего* нации, а также в массовые ожидания и социально-политические проекты *будущего*»³²⁷. История Тибета не является исключением: будучи одним из объектов борьбы за власть, она служит яркой иллюстрацией существования многочисленных «историй в истории».

При изучении истории Тибета представляется целесообразным обратиться к трудам исследователей, которые занимались теоретическим осмыслением отношений истории и политики, или, говоря шире, истории и власти, – например М. Фуко, Р. Козеллеку и М. Ферро. Так, рассуждая о трансформации функций истории в обществе по мере развития наук и изменения идеологии, французский историк М. Ферро утверждает: «История становится все более весомым аргументом в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Ссылаясь на прошлое, легче овладеть настоящим, придать легитимность власти, обосновать претензии»³²⁸. М. Ферро убежден, что практически у каждой нации есть несколько версий собственной истории, которые накладываются друг на друга и

³²⁵ Ванина 2014: 10.

³²⁶ Репина 2020: 14.

³²⁷ Репина 2020: 16.

³²⁸ Ферро 2014: 7–8.

спорят между собой. Явление множественности версий исторического прошлого в особенности актуально для деколонизированных народов, поскольку после освобождения от колониальной зависимости они заново создают свою историю, конструируя прошлое, противоположное тому, что им навязывали прежде колонизаторы³²⁹. И, хотя в современной историографии не распространена традиция называть Тибет «колонией», а Тибет официально не был колонией ни одной из стран Европы, историю Тибета, тем не менее, можно рассматривать в том числе с точки зрения постколониального дискурса и субалтерных исследований³³⁰.

Размышления М. Ферро пересекаются с идеями немецкого теоретика исторической науки Р. Козеллека об изменчивости истории. По словам Р. Козеллека, доминирующее положение истории обуславливает ее «конструктивизируемость»: будущее современной истории представляется неизвестным, вследствие чего оно подвержено планированию, и с каждым новым планом привносится новый уровень степени неуверенности и неточности. По мнению Р. Козеллека, уже в XIX в. исторические труды становятся не столько предметом фальсификации, сколько предметом манипуляции³³¹. Манипуляции историческим опытом при этом могут быть представлены в весьма презентабельной и убедительной «обертке» профессионального историка. Однако, по убеждению М. Ферро, наукообразия и методология служат не более чем «фиговым листком» государственной идеологии, и при написании истории что-то неизбежно преувеличивается, а что-то замалчивается и преуменьшается³³². Подобная способность истории выполнять одновременно функции «врачевания» и

---

³²⁹ Ферро 2014: 8.

³³⁰ С позиции постколониализма современная история Тибета определяется двумя важнейшими фактами: в первой половине XX в. Тибет входил в сферу имперского влияния Великобритании, а вскоре после распада Британской Индии в 1947 г. Тибетское плато, по мнению К. Макгрэнэхан, превратилось в арену борьбы за идеологическое доминирование Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки (McGranahan 2001: 2). В связи с этим в современной историографии господствующее положение занимают именно колониалистическая и националистическая версии истории Тибета (McGranahan 2001: 10). Одной из работ, представляющей альтернативную точку зрения на современную историю Тибета в рамках субалтерного направления, является докторская диссертация К. Макгрэнэхан. Подробнее о возможности применения субалтерного подхода к изучению истории Тибета см. Hansen 2003.

³³¹ Koselleck 2004: 39.

³³² Ферро 2014: 9–10.

«борьбы», играет важную роль для конструирования националистической версии истории³³³.

Французский философ М. Фуко, излагая свои соображения о связи истории, власти и истины, замечает: «История, которая направляет и определяет наше мировосприятие, скорее предстает в форме войны, чем в виде языка: соотношение сил, а не взаимоотношение смыслов. У истории нет “смысла”»³³⁴. Известный тезис польского исследователя А. Коржибски «карта не есть территория» позволяет логично продолжить мысль М. Фуко и заявить, что равно и историографические работы – не есть реальность, поскольку это лишь изображение или репрезентация минувшей реальности в текстовых источниках. Авторы книги «История в дискурсе политики: лингвистический образ “своих” и “чужих”» В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыченко считают, что широко используемый в исторической науке метод репрезентации предполагает замещение реального объекта моделью – языковой структурой, то есть текстом, который выступает в качестве посредника между историком и самим объектом познания. В связи с этим исследователи выдвигают на обсуждение закономерный риторический вопрос: может ли конструируемая в форме текста модель истории быть истинной картиной исторического прошлого³³⁵? Данный вопрос призывает к критическому анализу любой из рассматриваемых исторических моделей, включающему изучение условий создания каждой конкретной модели и предполагаемых интенций ее создателя.

Обращаясь к истории Тибета, исследователь сталкивается с тем, что для корпуса историографических работ характерна полярность трактовок, которая делает сложной оценку отдельных исторических фактов и выбор в пользу той или иной «истинной» модели истории. По мнению М. Фуко, «в воображаемой оппозиции к чему-то, что принято считать истиной» всегда находится идеология³³⁶. Американский востоковед Дж. Пауэрс, посвятивший свою монографию изучению

³³³ Ферро 2014: 9.

³³⁴ Foucault 1984: 56.

³³⁵ Чернявская, Молодыченко 2014: 146.

³³⁶ Foucault 1984: 60.

дискурса об истории Тибета, также убежден: отличительным признаком конфликта между соревнующимися группами в наше время является идеологическая битва за воспроизведение исторической «правды», которая продолжается даже после того, как военные действия завершились³³⁷. Современные технологии, включая доступность публикации любого текста и возможности сети Интернет, позволяют людям, которые давно проиграли фактическую войну на поле битвы, продолжать вести идеологическую борьбу посредством производства и тиражирования собственной версии произошедшего³³⁸.

История Тибета предстает неразрывно связанной с политикой и понятием китайско-тибетского конфликта, который произошел уже более половины столетия назад, но последствия которого продолжают вызывать антагонизм конфликтовавших сторон до настоящего времени³³⁹. Восстание в Лхасе в марте 1959 г. и последовавшие за этим события в Тибете не только привели к эмиграции большой группы тибетоязычного населения за пределы Китая и учреждению в Индии правительства Тибета в изгнании, но также разделили историков Тибета на два воинствующих лагеря³⁴⁰. Конструируемые ими модели истории Тибета являются продуктами двух основных идеологий и принципиальных разногласий о так называемом «тибетском вопросе», или проблеме исторической интерпретации политического статуса Тибета относительно Китая и возникшего на этой основе конфликта из-за запроса некоторых представителей тибетского народа на право самоопределения³⁴¹. В то время как прокитайские историки считают «тибетский вопрос» искусственным изобретением сепаратистски-настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, протибетские исследователи рассматривают споры об историческом прошлом Тибета как возможность привлечь внимание к искаженному, с их точки зрения, толкованию политического статуса Тибета и отстаивать право Тибета на независимость.

---

³³⁷ Powers 2004: 3.

³³⁸ Powers 2004: 3–4.

³³⁹ Москалева 2020: 231.

³⁴⁰ Moskaleva 2020: 410.

³⁴¹ Powers 2004: 4; Goldstein 1997: IX.

Если изложить суть конфликта кратко, то, согласно протибетской версии истории Тибета, являющейся базовой для тибетоязычной диаспоры в Индии, до заключения Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. Тибет представлял собой независимое государство, жидившееся на буддийских ценностях, а в основе тибетской культуры лежали автохтонные тибетские мифы и символы, вследствие чего она существенно отличалась от китайской³⁴². По мнению прокитайских исследователей, Китай представляет собой многонациональное государство и, хотя более 90% населения КНР составляют ханьцы, 55 других национальных меньшинств, к которым относят тибетцев, являются неотъемлемой частью семьи народов Китая и проживают совместно с народностью хань с давних времен. Ряд китайских ученых утверждают, что еще начиная с VII в. тибетцы попали в культурную орбиту влияния Китая, а со времени установления формального сюзеренитета Китая в XIII в. при династии Юань (1271–1368) Тибет находился под управлением китайского правительства³⁴³. Несмотря на то, что обе из озвученных интерпретаций истории Тибета являются радикально обобщающими и не учитывающими специфику отдельных периодов в истории Тибета, как у прокитайской, так и у протибетской версии имеются свои сторонники за пределами КНР и Индии, в том числе среди западных исследователей.

Вопрос о политическом статусе и роли Тибета на международной арене непрерывно актуализировался со времен падения династии Цин (1644–1912) и, в конце концов, получил всемирный резонанс после масштабного восстания в Лхасе в марте 1959 г. На настоящий момент вопросу исторического развития Тибета посвящено достаточно большое количество научных работ и публицистических материалов, авторы которых, как правило, либо выступают в поддержку прокитайской точки зрения, призывающей к сохранению территориальной целостности КНР и противодействию сепаратизму, либо встают на защиту протибетской аргументации, тем самым подпитывая надежды сторонников тибетского национализма на утверждение своей исторической «правды». При этом

---

³⁴² Powers 2004: 4.

³⁴³ Powers 2004: 4. Также см. Bentz 2006.

исследователи указывают на то, что полярность взглядов китайского правительства и Центральной тибетской администрации на историю Тибета существенно сузила пространство для проведения свободных от ангажированности научных исследований в области тибетологии³⁴⁴.

Хотя национализм не является единственным способом легитимации статуса государства и заявления о праве народа на самоопределение, его называют преобладающим в наше время³⁴⁵. Национализм проходит свое становление в результате принуждения и согласия и выступает одновременно в роли источника и продукта политической власти³⁴⁶. Когда появился феномен тибетского национализма, с чем связывают его возникновение, и источником чьей политической власти он стал после 1959 г.?

Тибетологи сходятся во мнении, что тибетский национализм получил сравнительно позднее развитие³⁴⁷. Разработка националистических идей и соответствующей канвы всеохватывающего метанарратива тибетской независимости началась в первой половине XX в. при поддержке прагматичных британских колониальных чиновников, заинтересованных в Тибете как в стабильной буферной зоне на северных рубежах Британской Индии. Профессор Института изучения мира в Осло А. Колос полагает, что концепция «независимости» в ее западном смысле появилась в дискурсе тибетской элиты лишь после падения в Тибете формального сюзеренитета династии Цин в 1912 г., а также на фоне того, что вынужденные контакты тибетского правительства с представителями Британской Индии в ходе военного вторжения экспедиции Ф. Янгхазбенда в 1903–1904 гг. постепенно превратились в стимул и источник вдохновения и поддержки для проведения инновационных преобразований в Тибете³⁴⁸. Считается, что сам термин «независимость» был впервые официально введен в 1913 г. в так называемой Декларации независимости Далай-ламы XIII, в

³⁴⁴ Например, см. Hansen 2003: 9.

³⁴⁵ Kolás 1996: 61.

³⁴⁶ *Cit. ex* Woolf 2007: 71.

³⁴⁷ См. Dreyfus 2005, Shakya 1993, Гаппи 2020.

³⁴⁸ Kolás 1996: 59.

которой тот призывал подданных усердно трудиться, чтобы «охранять» и «поддерживать независимость» Тибета³⁴⁹.

Чтобы претендовать на международное признание тибетской независимости, требовалось не только предоставить доказательства независимого существования Тибета на протяжении своего исторического развития, но и грамотно презентовать мировому сообществу образ современного тибетского государства, территориально-целостного, с установленными государственными границами, национальной символикой и единой национальной культурой. В 1913–1923 гг., следуя советам Ч. Белла, британского советника по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете, Далай-лама XIII ввел в Тибете большинство символов и необходимых атрибутов современного независимого государства³⁵⁰. Далай-лама XIII утвердил национальный флаг, валюту и почтовые марки, определил границы своих владений в согласии с британскими соседями, занялся вопросами реформирования экономики, государственного аппарата и местного правительства³⁵¹. При британской поддержке были предприняты попытки усиления тибетской армии, организации системы светского образования, введения национальных цветов тибетского государства и даже внедрения в Тибете нового вида национального спорта – футбола³⁵². Хотя Далай-лама XIII был вынужден достаточно быстро свернуть реформы, и вышеуказанные инновации не принесли Тибету ни международного признания, ни того, чтобы все тибетоязычное население, отбросив свои региональные и конфессиональные различия, осознало себя представителями единой нации, населяющей единое территориальное пространство – «государство Тибет», начинания британских колониальных чиновников, по оценке А. Маккея, заложили основу для последующего этапа становления тибетского национализма³⁵³.

Тибетолог Ж. Дрейфус высказывает мнение, что на территории центрального Тибета имелись определенные зачатки «прото-национализма», но в целом Тибет не

³⁴⁹ Kolás 1996: 59. Текст декларации см. Goldstein 1992: 61.

³⁵⁰ McKay 2001b: 78.

³⁵¹ McKay 2001b: 78.

³⁵² Подробнее о футболе в Тибете см. McKay 2001a.

³⁵³ McKay 1995: 187.

знал развитого национализма вплоть до 1950 г.³⁵⁴. Ощутимый толчок к развитию тибетский национализм получил после того, как сначала тибетская элита, а вскоре и остальное население Тибетского плато ощутили твердость намерений провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики интегрировать весь Тибет в состав своей большой многонациональной семьи. Несмотря на то, что формально Тибет вошел в состав КНР мирно в результате подписания 23 мая 1951 г. Соглашения из 17 пунктов, в нарративе идеологов тибетского национализма уже с конца 1949 г. и самого первого приближения войск Народно-освободительной армии Китая к границам территории, находящейся под контролем Далай-ламы XIV, борьба за сохранение власти традиционного тибетского правительства приняла форму «освободительной войны», которая впоследствии и смогла стать «точкой сборки» тибетской нации в изгнании.

В 1950-е гг. тибетский национализм характеризовался прежде всего обращением к религиозной тематике. Определяя «тибетскую нацию» через такие традиционные буддийские ценности как сострадание, карма и особая связь населения Тибета с их покровителем бодхисаттвой милосердия Авалокитешварой, сторонники тибетского национализма противопоставляли духовность Тибета атеизму представителей Китайской Народной Республики и способствовали мобилизации движения сопротивления «чужим» – китайским «захватчикам» и «врагам буддийской религии»³⁵⁵. Одним из первых проявлений современного тибетского национализма Ж. Дрейфус называет формирование в Тибете в 1954 г. «Народных собраний»³⁵⁶ из числа низших чиновников и торговцев, которые проповедовали культ местных тибетских божеств и принимали участие в организации антикитайских протестов³⁵⁷. Ко второму важному шагу Ж. Дрейфус относит 4 июля 1957 г., когда проживающие в Лхасе торговцы из Кама, собрав пожертвования из разных районов Тибета, преподнесли в дар Далай-ламе XIV

³⁵⁴ Dreyfus 2005: 10. Манифестацией прото-национализма Ж. Дрейфус, в частности, считает существование таких объединяющих нарративов как собрание текстов под названием «Мани Кабум» (тиб. *ma ni bka' 'bum*), в котором постулируется особая роль бодхисаттвы Авалокитешвары для Тибета, а также описывается его связь с тибетским царем Сонгцэн Гампо (тиб. *srong btsan sgam po*, прибл. 605–650).

³⁵⁵ Dreyfus 2005: 12.

³⁵⁶ Тиб. *mi dmang tshogs 'dus*.

³⁵⁷ Dreyfus 2005: 11.

золотой трон как традиционный символ власти и таким образом способствовали символическому единению населения Тибета с их духовным лидером – эманацией бодхисаттвы Авалокитешвары, вскоре после чего было официально создано оппозиционное движение «Чуши Гангдуг»³⁵⁸.

Обращение к буддизму как преобладающей религии населения Тибетского плато на данном этапе становления тибетского национализма в 1950-е гг., однако, не стало достаточным условием для полного народного единения. Тибетский историк Церинг Шакия убежден, что жители Тибета до 1959 г. практически не мыслили о себе как представителях единой этнической группы³⁵⁹. Индивидуальное восприятие схожего религиозного вероисповедания, языка и культурных элементов никогда не переходило во всеобщую идентификацию населения Тибетского плато как представителей единого народа и, более того, единой политической общности³⁶⁰. Главным объединяющим фактором, который определил дальнейшее развитие современного тибетского национализма, стало именно противостояние «чужим» в рамках полномасштабного китайско-тибетского конфликта в 1959 г. Вместе с тем представители тибетоязычного населения сформировали стандартизированные представления о своей национальной идентичности уже только в иммиграции в результате осознанного распространения Центральной тибетской администрацией националистической идеологии и манипуляции национальными символами и новыми традициями³⁶¹. Ж. Дрейфус тоже считает, что после иммиграции части тибетоязычного населения в Индию и утверждения Далай-ламой XIV проекта «демократической конституции» правительства Тибета в изгнании в 1963 г., тибетский национализм развивался все активнее и, кроме того, расширил свой инструментарий за счет ориентации на современные западные идеалы, в частности такие светские концепции как «демократия» и «права человека»³⁶². Таким образом, после 1959 г.

³⁵⁸ Тиб. *chu bzhi sgang drug*, букв. «Четыре реки и шесть пиков», традиционное название Кама (Dreyfus 2005: 11–12).

³⁵⁹ Shakya 1993: 9.

³⁶⁰ Shakya 1993: 9.

³⁶¹ Shakya 1993: 11.

³⁶² Dreyfus 2005: 14.

тибетский национализм стал источником и продуктом политической власти Центральной тибетской администрации в Индии.

Возвращаясь к обсуждению связи истории, власти и идеологии в контексте тибетского национализма, можно только согласиться с утверждением Американской исторической ассоциации, что история всегда была и будет значимой для существования наций, которые обретают идентичность из реального или вымышленного ими общего прошлого³⁶³. Как часть государственной идеологии и обязательная дисциплина, изучаемая во многих странах на уровне среднего и высшего образования, история служит не только источником легитимации власти, но и эффективным инструментом для создания, воспроизведения и популяризации националистических идей. Конструируемое общее историческое прошлое играет ключевую роль для развития национального самосознания³⁶⁴. Национальные истории разрабатывают образ нации и защищают его³⁶⁵. Производство исторического знания создает пометку очевидности, придающую естественность идеологии и размывающую непоследовательность, разрывы и противоречия в повествовании³⁶⁶. Моделируемое историческое знание обеспечивает читателей связным нарративом, в котором закодированы скрытые культурные аксиомы и который представляет определенную версию событий как единственно приемлемую и правдоподобную. При всем этом метанарратив, захватывая индивидуальные и групповые нарративы, подчиняет их путем повторения и лишения свободы внутри нарративного пространства³⁶⁷. Метанарратив независимости как формообразующий компонент современного тибетского национализма определил протибетскую националистическую версию истории Тибета и стал историей в истории, которая возвысилась до доминантной позиции и стала претендовать на привилегированное положение³⁶⁸. Актуализированный в рамках китайско-тибетского конфликта метанарратив

---

³⁶³ *Cit. ex Woolf 2007: 71.*

³⁶⁴ Репина 2020: 30.

³⁶⁵ *Cit. ex Woolf 2007: 71.*

³⁶⁶ Powers 2004: 157.

³⁶⁷ Fisher 2011: 104.

³⁶⁸ Fisher 2011: 103.

независимости собрал микроистории жителей Тибетского плато в единую историю независимой тибетской нации и после 1959 г. занял главное место в официальном нарративном пространстве тибетской диаспоры. Авторы националистической репрезентации истории Тибета выстроили эвристическую аргументацию с акцентами исключительно на тех фактах, которые поддерживают образ исторически независимого Тибета, и заполнили нелогично-прерывающиеся пробелы исторического нарратива при помощи эмоционально-окрашенного тона повествования и обращения к специфическим культурным маркерам, понятным и близким тибетоязычному населению. Подобные линейные, однонаправленные «большие нарративы», сконструированные в результате сознательного отбора «фактов» (отдельных событий, ключевых лиц и высказываний) и не оставляющие места для инакомыслия, критики и свободы выбора между правдой и вымыслом, по выражению Л.П. Репиной, являются наиболее успешными версиями «национальных историй»³⁶⁹.

Создание националистической репрезентации прошлого Тибета как независимого государства и нации способствовало возвращению чувства групповой солидарности и являлось неотъемлемой частью поддержания протестного настроения тибетоязычного населения в ходе борьбы правительства Тибета в изгнании за свое идеологическое и политическое влияние. Метанарратив служит ресурсом для идентификации, поэтому принимая метанарратив, индивид выражает свое культурное приобщение и доказывает другим свое членство в группе³⁷⁰. Для членов тибетоязычной диаспоры, в которой ведется постоянное обсуждение культурных границ между тибетцами и китайцами, а одно неверное движение может привести к тому, что остальные члены сообщества усомнятся в идентичности индивида, жизненно необходимо соответствовать идеалам групповой идентификации и демонстрировать разделение идей метанарратива независимости³⁷¹. В настоящее время многие тибетоязычные иммигранты верят в то, что исторические факты однозначно поддерживают идею независимости

---

³⁶⁹ Репина 2020: 20–21.

³⁷⁰ Fisher 2011: 107.

³⁷¹ Fisher 2011: 106–107.

Тибета и, поскольку, в их представлении, до 1950 г. Китай играл лишь периферийную роль в тибетской истории, притязания КНР на территорию их родины не легитимны³⁷².

Л.П. Репина отмечает, что образы прошлого также используют в ходе политической борьбы для формирования специфической матрицы негативного восприятия актуального настоящего, которая противопоставляет настоящее утопическому идеалу утраченного «золотого века» и ностальгическому образу «утраченной» страны³⁷³. С самого начала 1950-х гг. данный прием успешно применялся и до сих пор применяется идеологами тибетского национализма, неустанно предвещающими скорое уничтожение уникальной культуры традиционного Тибета из-за прихода к власти китайских коммунистов. Сейчас молодое поколение тибетоязычной диаспоры, которое родилось за пределами Тибета и никогда не бывало там, разделяет сформированные через призму метанарратива независимости представления об образе своей исторической родины, заменяющие им в силу сложившихся обстоятельств реальный Тибет³⁷⁴. Воображаемый Тибет версии тибетской диаспоры – это образ идеальной «утраченной страны» – глубоко религиозной земли вездесущего мира и спокойствия, которой управляли мудрые ламы и которая была осквернена «китайским вторжением» и «незаконно аннексирована Китаем»³⁷⁵.

Как происходило становление метанарратива независимости Тибета? И кто занимался разработкой идеологии тибетского национализма? Следующий раздел второй главы предлагает результаты анализа широкой подборки публикаций «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. и трудов главного редактора газеты Дордже Тарчина как представителя авангарда идеологов тибетского национализма и апологета популярного среди тибетоязычной диаспоры концептуального наполнения метанарратива тибетской независимости.

---

³⁷² Powers 2004: 147, 155.

³⁷³ Репина 2020: 16–17.

³⁷⁴ Powers 2004: 148–149.

³⁷⁵ Powers 2004: 149–150.

2.2. Материалы «Зеркала Тибета» в категориях дискурс-анализа

2.2.1. Общие понятия дискурс-анализа

Для введения метода исследования представляется необходимым начать с краткой характеристики самого термина «дискурс» и используемой концепции дискурс-анализа³⁷⁶. В настоящее время изучение дискурса имеет большую популярность и служит предметом оживленной дискуссии среди исследователей общественно-политических процессов. При этом в академической среде до сих пор отсутствует консенсус по поводу сущности и содержания понятия «дискурс», а также единой методологии его исследования. Как отмечает один из ключевых современных теоретиков дискурсивных исследований голландец Т.А. ван Дейк, понятие «дискурс» так же расплывчато, как понятия «язык», «общество» и «культура»³⁷⁷.

В обыденном смысле термин «дискурс», как правило, обозначает использованную форму словоупотребления или манеру говорить, например «дискурс президента США Б. Обамы». Еще одно популярное неформальное толкование «дискурса» встречается в средствах массовой информации и некоторых общественных науках: так, под «дискурсом неолиберализма» подразумевается не только то, как неолиберальные мыслители используют язык, но и та идеология или философия, которую мыслители воспроизводят и пропагандируют. Применительно к историческим исследованиям отечественный ученый Ю.П. Денисов предлагает придерживаться следующего определения дискурса: дискурс – это корпус текстов, связанных установленной содержательной согласованностью, обязательным условием существования и функционирования которого при этом является акт коммуникации³⁷⁸.

По мнению М. Фуко, дискурс – это «предзаданный способ мышления» – система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу

---

³⁷⁶ Об истории развития дискурс-анализа как нового междисциплинарного подхода в науке см. van Dijk 1985. Подробнее о применении дискурсивного подхода при исследовании исторических источников см. Денисов 2011.

³⁷⁷ van Dijk 1997: 1.

³⁷⁸ Денисов 2011: 165.

определенной социальной, идеологической, научной позиции³⁷⁹. М. Фуко изображал дискурс как властный ресурс, воспроизводящий отношения доминирования и способствующий поддержанию неравенства в обществе³⁸⁰. Максимально расширив трактовку понятия «дискурс» в ходе лингвистического поворота в XX в., французский постмодернист Жак Деррида утверждал, что все есть дискурс³⁸¹. Продолжая традиции постмодерна, В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыченко заявляют, что любые социальные явления детерминированы дискурсивными практиками: дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе через систему взаимосвязанных речевых или текстовых средств, форм и приемов воздействия³⁸². Власть дискурса предоставляет его автору возможность и условия для многократного воспроизводства конкретной идеологии в форме различных текстов³⁸³.

Что касается дискурс-анализа, в данном случае под «дискурсом» подразумевается не только форма словоупотребления: ученый, выходя за пределы обыденного толкования термина, делает обязательным в своем анализе исследование того, *кто* говорит или пишет, *как*, *зачем* и *когда*, рассматривая в процессе говорения или написания нечто *большее*, чем только коммуникативный акт³⁸⁴. Таким образом, можно сказать, что самое общее толкование дискурс-анализа – это изучение коммуникативного акта в контексте.

Язык, как средство формирования представлений об окружающем мире, обуславливает то, что факты, процессы и явления действительности получают социально значимые смыслы именно через их выражение в языковых структурах³⁸⁵. Изучая роль языка как инструмента социального доминирования и борьбы за власть, критический дискурс-анализ ставит целью выявление в коммуникативном акте практик манипулирования, в связи с чем считается актуальным для

³⁷⁹ Цит. по Чернявская, Молодыченко 2014: 18.

³⁸⁰ Фуко 1996: 202.

³⁸¹ Derrida 1978: 280.

³⁸² Чернявская, Молодыченко 2014: 19.

³⁸³ Чернявская, Молодыченко 2014: 24.

³⁸⁴ van Dijk 1997: 1–2.

³⁸⁵ Чернявская, Молодыченко 2014: 12–13.

исследования средств массовой информации (СМИ)³⁸⁶. СМИ создают особое институциональное пространство для мобилизации и воспроизводства дискурсивных практик. Журналисты, равно как политики и другие представители правящей элиты, обладают возможностью определять границы «легитимного» и усиливать определенную идеологию как доминантный дискурс³⁸⁷. Цель доминантного дискурса – не просто описать, а убедить адресата, пробудить в нем какие-то намерения, создать почву для манипулирования, побудить его к действию. При этом манипулирование особенно опасно в случае, когда реципиенты дискурса не обладают специфическими знаниями, которые могут быть использованы для противостояния манипулятору³⁸⁸.

Критический дискурс-анализ позволяет исследователю вычлнить из текстовой ткани техники, речевые стратегии и тактики, приемы и базовые семантические структуры, посредством которых создавался рассматриваемый интеллектуальный конструкт, а также специфические социокультурные характеристики адресанта и предполагаемого им адресата³⁸⁹. В рамках критического дискурс-анализа выделяют несколько последовательных стадий. Так, задачей исследования на микроуровне является изучение семантики отдельных языковых элементов текста: анализ значений слов, словосочетаний, отдельных формулировок и предложений, отношений и взаимосвязей между ними, а также стилистического и риторического образования значений³⁹⁰. В ходе анализа дискурса на микроуровне уделяют внимание словам-маркерам, визуальному оформлению текста (размер шрифта, наличие курсива и заглавных букв), а также употреблению средств выразительности речи, которые «подчеркивают» в тексте идейный посыл автора и усиливают формируемое у реципиента «впечатление» (например гипербола или литота)³⁹¹. Следующий этап анализа предполагает обращение к макроуровню, то есть семантическим макроструктурам, на основании

---

³⁸⁶ van Dijk 2015: 477.

³⁸⁷ Henry and Tator 2002: 25–26.

³⁸⁸ van Dijk 2006: 361.

³⁸⁹ Денисов 2011: 171.

³⁹⁰ Денисов 2011: 172.

³⁹¹ Денисов 2011: 173.

изучения которых происходит воссоздание конструктора с точки зрения событийной канвы повествования, сюжетной линии текста, темпа, с которым развиваются события, определения ремы и темы сообщения. На данном этапе исследователь обращает внимание на риторический аспект конструируемого нарратива и конкретные средства, с помощью которых автор придает своему тексту большую убедительность, способствует лучшему запоминанию информации и углубляет воздействие на читателей путем использования ассонанса на фонологическом уровне, параллелизма на синтаксическом уровне, семантических приемов (метафор, сравнений) ³⁹². Кроме того, при дискурс-анализе представляется полезным вычленение суперструктур дискурса, например вкраплений в исторический источник фрагментов других текстов, цитат или ссылок на дополнительные источники, которые влияют на восприятие информации и делают ее в глазах читателя менее или, наоборот, более релевантной и репрезентативной ³⁹³. Выделение этих уровней, тем не менее, носит условный характер, поскольку дискурс, по выражению Ю.П. Денисова, включает в себе всю «совокупность неразрывно связанных между собой рационально организованных правил словоупотребления и взаимодействия отдельных высказываний в структуре коммуникативной деятельности, жестко детерминированной окружающей средой во всех ее проявлениях»³⁹⁴.

При анализе дискурсов В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыхченко рекомендуют использовать такие категории когнитивной лингвистики как «фрейм» и «слот»³⁹⁵. Под термином «фрейм» обычно подразумевается некая «схема», «план», «сценарий», «концептуальная модель». Фрейм – это область какого-то опыта в определенной культуре, теоретический конструкт когнитивной реальности и ментальная модель, концептуализирующая тип ситуации и ее языковое выражение³⁹⁶. Фреймы, направляя фокус восприятия, оказывают существенное влияние на интерпретацию человеком действительности. Как ментальная рамка

³⁹² Денисов 2011: 174–175.

³⁹³ Денисов 2011: 178.

³⁹⁴ Денисов 2011: 181.

³⁹⁵ Чернявская, Молодыхченко 2014: 23.

³⁹⁶ Chilton 2004: 51.

фрейм определяет отдельные факты, процессы и явления как взаимообусловленные и подразумевающие друг друга³⁹⁷. Фрейм обуславливает восприятие какой-либо ситуации с помощью конкретных ситуативных «слотов», то есть взаимосвязанных структурных единиц или смысловых ячеек, заполняемых на основании энциклопедических, процедурных и других видов знаний³⁹⁸. При дискурс-анализе через обнаруженные в текстах слоты и особые семантические отношения между отдельными ключевыми словами реконструируется рамочная структура фрейма, который был предназначен для восприятия адресатом. Таким образом, если в окружении слова «лес» встречаются слоты «вырубать», «вред» и «уничтожение», то автор активизирует фрейм «лес в опасности» и возникает дискурсивная связь текста с экологическим дискурсом. И наоборот, если рядом с «лесом» употреблены слова «прогулка», «польза», «тишина» и «свежий воздух», то будет зафиксирован фрейм «лес как место отдыха», который устанавливает связь с совершенно иным дискурсом³⁹⁹.

Помимо этого, одним из важнейших понятий в дискурс-анализе является базовая дискурсивная оппозиция «свой vs. чужие»⁴⁰⁰. Для противоборствующих идеологий характерно формирование отношений поляризации, которые проводят строгое разделение на группу «своих» и группу «чужих» и в соответствии с этим устанавливают контроль над смысловой и лингвостилистической структурой текста⁴⁰¹. Оппозиция «свой vs. чужие» выстраивает в тексте отношения антагонистичности на основании двух стандартизированных категорий принадлежности, составляющих часть схематических представлений человека относительно организации социума. При этом идентичность «мы» конструируется через определение того, кем являются «они»⁴⁰². По мнению В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко, групповые представления о разделении на «мы» и «они» тесно связаны с так называемыми «мифами политического сознания», то есть принятием

³⁹⁷ Чернявская, Молодыхенко 2014: 23.

³⁹⁸ Чернявская, Молодыхенко 2014: 23.

³⁹⁹ Чернявская, Молодыхенко 2014: 23–24.

⁴⁰⁰ Чернявская, Молодыхенко 2014: 30.

⁴⁰¹ Чернявская, Молодыхенко 2014: 31.

⁴⁰² Чернявская, Молодыхенко 2014: 33.

на веру определенных стереотипов массового сознания⁴⁰³. Подобному мифическому представлению о «своих» и «чужих» свойственна аксиоматичность и невозможность верификации, вследствие чего соответствующий дискурс характеризуется упрощением реальности и причинных связей между объектами и событиями. Структурирование дискурса вокруг «своих» и «чужих» зачастую воссоздает сценарий классической сказки, в которой есть «герой», «злодей», «преступление» и «жертва»⁴⁰⁴.

Бинарная оппозиция «свой vs. чужие», будучи фундаментальной идеологической основой дискурса на макротекстовом уровне, актуализирует фрейм «конфликт». Для навязывания реципиентам дискурса желаемых суждений о «чужих» и «своих» автор нередко прибегает к противопоставлению в тексте соотносящихся с данными категориями пространства «страха» и пространства «уверенности», а также представляет сложное и многоаспектное понимание проблемы в редуцированном варианте, лишенном отдельных аспектов и тонкостей⁴⁰⁵. Обращаясь к стереотипам общественного сознания, автор дискурса стремится тем самым разбить когнитивную модель текста на части и сделать ее поляризованной («они – мы», «черное – белое», «плохие – хорошие»), без оттенков «серого» и переходных значений⁴⁰⁶. Наиболее популярными персуазивными стратегиями для реализации фрейма «конфликт» в текстовой ткани дискурса В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыченко называют *стратегию создания круга «чужих»*⁴⁰⁷, *стратегию создания фантомной угрозы*⁴⁰⁸ и *стратегию демонизации*

⁴⁰³ Чернявская, Молодыченко 2014: 33.

⁴⁰⁴ Lakoff 2004: 71.

⁴⁰⁵ Чернявская, Молодыченко 2014: 34–35.

⁴⁰⁶ Чернявская, Молодыченко 2014: 36.

⁴⁰⁷ Стратегия создания круга «чужих» помогает осуществить отчуждение определенных акторов и связанной с ними активности от группы «своих». Данная стратегия может реализовываться в виде тактики создания интегративного образа врага, тактики конкретизации образа врага и тактики поляризации vs. тактики кооперации (см. Чернявская, Молодыченко 2014: 63–95).

⁴⁰⁸ Стратегия создания фантомной угрозы моделирует исходящую от врага угрозу для круга «своих» и реализуется посредством применения тактики создания и приближения образа угрозы к реципиенту, тактики моделирования альтернативного будущего, тактики экстраполяции прецедентов, тактики интенсификации степени угрозы, тактики создания уникальности угрозы и тактики персонализации угрозы (см. Чернявская, Молодыченко 2014: 95–123).

*врага*⁴⁰⁹, конкретные примеры использования которых в «Зеркале Тибета» будут приведены в последующих разделах данной главы.

В диссертации предлагается обратить внимание на наиболее интересные дискурсивные конструкты, которые редактор «Зеркала Тибета» создавал в призме метанаррации независимости Тибета. Необходимо понимать, что в силу жесткой антикоммунистической позиции Дордже Тарчина данные публикации отражают, в первую очередь, позицию редактора «Зеркала Тибета» и воссоздают именно его действительное и/или желаемое видение как прошлой истории Тибета, так и современных ему событий. Пропагандируемые Тарчином взгляды на историю Тибета могли частично или полностью совпадать с видением происходящего его тибетоязычными читателями. В то же время для кого-то из читательской аудитории «Зеркало Тибета» определенно формировало их воззрения, тем самым наделяя дискурс Тарчина властным ресурсом. Отобранные для исследования газетные публикации проанализированы в рамках базовой модели дискурс-анализа австралийского лингвиста М. Холлидея, которая включает три аспекта⁴¹⁰:

1. **Участники дискурса** (англ. *tenor of discourse*) – кто принимает участие в дискурсе, характер участников, их статусы и роли.
2. **Область дискурса** (англ. *field of discourse*) – что происходит, природа социальной активности и происходящего, о чем дискурс.
3. **Тон дискурса** (англ. *mode of discourse*) – какую роль играет язык, чего ждут участники дискурса от языка: символическая организация текста, статус текста, его функция в контексте, а также риторическая модальность текста, которая может определяться как убедительная, пояснительная, дидактическая и т.д.

---

⁴⁰⁹ В рамках стратегии демонизации врага создается наиболее радикальный образ врага, который полностью дискредитирует самого врага и внушает страх реципиентам дискурса. Стратегия демонизации врага реализуется с помощью тактики приписывания мнения врагу, тактики магнификации агрессии врага и тактики детализации жертв агрессии (см. Чернявская, Молодыхенко 2014: 124–139).

⁴¹⁰ Halliday 1989: 12.

2.2.2. Участники дискурса

В данной диссертации под «участниками дискурса» понимается автор дискурса и его реципиенты. Очевидно, что ключевым участником дискурса в «Зеркале Тибета» был главный редактор и учредитель издания Дордже Тарчин – этнический тибетец и гражданин Индии. Будучи общественным деятелем, переводчиком, педагогом, методистом и владельцем типографии, Дордже Тарчин не только пользовался уважением и имел большой авторитет среди тибетоязычной общины в Индии, но и был известен в самом Тибете. Как основной идеолог и владелец издания, журналист и редактор публикаций Тарчин занял место в авангарде разработчиков метанарратива тибетской независимости, последовательно конструируя и транслируя в «Зеркале Тибета» на протяжении 1950–1960-х гг. пронационалистическую версию прошлого, настоящего и будущего Тибета.

Обобщая подробно описанные в первой главе сведения о редакторе «Зеркала Тибета», следует повторить, что Дордже Тарчин рос и обучался в среде западных миссионеров, что, безусловно, оказало колоссальное влияние на становление его мировоззрения, включая политические взгляды. Несмотря на то, что, по воспоминанию современников, внешне Тарчин был похож больше на индийца, чем тибетца, редактор «Зеркала Тибета» развивал свои языковые навыки и знания о Тибете, выстраивая карьеру вокруг своей второй идентичности, а именно тибетского происхождения⁴¹¹. Помимо миссионеров, Тарчин также достаточно рано обрел связи среди служащих британского колониального правительства, после чего был завербован и активно сотрудничал сначала с британскими, а затем индийскими и позднее, скорее всего, американскими спецслужбами. Информацию для публикаций редактор «Зеркала Тибета» заимствовал из местных индийских и зарубежных газет, радио, переписки и интервью с личными осведомителями. И, хотя Тарчин отрицал стороннее финансирование своей газеты и позиционировал себя как независимый издатель, «Зеркало Тибета» все-таки во многом существовало за счет финансовой помощи со стороны. Очевидно, что

---

⁴¹¹ Fader 2009: 346.

финансирование едва ли могло быть безвозмездным, и взамен спонсоры, вероятно, что-то ожидали от Тарчина. Более того, имеются свидетельства, что относительно некоторых публикаций о Тибете Тарчин совершенно точно консультировался с советником по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете, который в то же время являлся посредником для получения финансовой помощи. Соответственно, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, Дордже Тарчин был субъектом или автором собственного дискурса в «Зеркале Тибета», а, с другой стороны, являлся объектом или реципиентом глобального дискурса антикоммунистического блока, идеологические взгляды которого он не просто разделял, а осознанно транслировал в своих публикациях.

Дордже Тарчина обоснованно называют «одним из самых ревностных защитников Тибета перед лицом китайского коммунистического вторжения»⁴¹². Критически настроенный относительно коммунистической идеологии в целом, Тарчин еще негативнее относился к факту ее распространению в Тибете. После официального провозглашения правительством КНР задачи по «освобождению» Тибета в 1949 г., редактор регулярно публиковал в «Зеркале Тибета» дискурсивные материалы, в которых осуждал политику китайских коммунистов в Тибете и, предрекая опасность уничтожения тибетской культуры и народа, призывал к борьбе за независимость Тибета. При этом Тарчин парировал обвинения в антикитайском шовинизме, утверждая, что он не испытывает никаких враждебных чувств к китайскому народу в целом. Например, в пятом выпуске 21-го года издания «Зеркала Тибета» от 1 августа 1953 г. Тарчин объясняет свою позицию относительно Китая следующим образом:

Не то, чтобы мне не нравятся китайцы. Мне очень нравятся китайцы. Что бы там ни говорили, издавна на протяжении нескольких тысячелетий они демонстрировали всему миру [свою] цивилизованность, храбрость, счастье, благополучие и прогресс, а [их] вера и почтение к чистой религии были огромны. Кроме того, под управлением достопочтенного императора и его министров [китайские] учителя и студенты, родители, сыновья и внуки, друзья и их жены были истинно высоко искусны в несении своей службы. [...]

---

⁴¹² McGranahan 2001: 250.

Что бы ни случилось в мире, я не портил [новости] путем преувеличения и был вынужден публиковать только то, что относится к правде. [Мне] нет необходимости писать о неприязни к китайцам в новостях. Зачем? Китайский народ и наши предки не были врагами из-за убийств. Если только ради того, чтобы написать, что, китайцы уничтожили и отказались от своих собственных почтенных предков, древних императорских традиций и прекрасного религиозного и светского уклада, и, поскольку в течение 40 лет их умы и сердца следовали за и были отданы процветающей атеистской коммунистической системе, [теперь] прекрасные древние религиозные и светские обычаи, символизирующие мир во всем мире, полностью утрачены. Я совершенно не испытываю неприязни к китайскому народу, [испытываю] неприязнь только к последователям коммунистической идеологии. Газеты со всего мира, не говоря уже о газетах с Формозы⁴¹³, не согласны со [сложившейся] ситуацией. Но, как вам всем хорошо известно, даже среди китайского народа внутри одной и той же страны и [представителей] одной и той же национальности сотни миллионов людей испытывают глубокое отвращение к тому, что их сердца гниют в трудовой системе порочной коммунистической идеологии. [...]

[Если] сравнить угнетение коммунистическими сторонниками в настоящем времени даже здесь в Тибете, истинное китайское правительство никогда не угнетало Тибет с подобной силой. Даже если нужно было надавить [на Тибет], не делало [так]. Поэтому китайский народ мне исключительно нравится, а не не нравится. Тем не менее, я всегда испытываю неприязнь к коммунистическим последователям. Я буду молиться о том, чтобы в ближайшем времени весь китайский народ обрел мир путем скорого обретения истинного освобождения от коммунистического гнета⁴¹⁴.

В публикации Тарчин, действительно, старается продемонстрировать, что он не испытывает ненависть по отношению к китайцам. В самом начале редактор даже использует уважительную форму местоимения «они» (тиб. *khong tsho*) для обозначения китайцев. Тарчин подчеркивает, что «издавна на протяжении нескольких тысячелетий» народ Китая «демонстрировал всему миру цивилизованность, храбрость, счастье, благополучие и прогресс, а [его] вера и почтение к чистой религии были огромны»⁴¹⁵. Однако сейчас все изменилось.

⁴¹³ Еще одно название острова Тайвань. Считается, что название «Формоза» происходит от португальского «прекрасный остров» (порт. *Ilha Formosa*) и было дано острову португальскими моряками в XVI в. («Формоза» // Большая советская энциклопедия онлайн. URL: <https://bse.slovaronline.com/47936-FORMOZA> (дата обращения: 27.06.2022)).

⁴¹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 7.

⁴¹⁵ Тиб. *mi lo stong phrag du ma'i sngon nas 'dzam gling yongs su shes rig dpa' stobs bde skyid mnga' thang yar rgyas kyis mtshon dam pa'i chos lugs la dad gus che ba.*

Как уже говорилось, противопоставление групп «своих» и «чужих» рассматривается как фундаментальная основа дискурса, и данный отрывок статьи из «Зеркала Тибета» служит хорошим примером конструирования образа «чужих». Кто эти «чужие», и что с ними не так? «Они» – китайские коммунисты, которые «уничтожили» своих предков, древние традиции и прекрасный религиозный и светский уклад⁴¹⁶. «Они» отдали свои умы и сердца коммунизму, и теперь их «сердца гниют» в системе «порочной коммунистической идеологии»⁴¹⁷. Разве «они» не выглядят совершенно чуждыми «нам», верующему и почитающему традиции народу Тибета? По мнению Тарчина, из-за этих «чужих» страдают не только в Китае, из-за «них» прекрасные древние религиозные и светские обычаи, символизирующие «мир во всем мире», полностью утрачены⁴¹⁸. Не должен ли весь праведный мир опасаться этих «чужих»? Более того, редактор «Зеркала Тибета» заявляет, что «истинное китайское правительство никогда не угнетало Тибет» так, это делают китайские коммунисты сейчас⁴¹⁹, на основании чего реципиенты считают пресуппозицию, что коммунистическое правительство Китая не является «истинным», т.е. легитимным.

Справедливо отметить, что в своей критике Дордже Тарчин не ограничивался лишь порицанием действий китайских коммунистов, а также, хоть и не в таких сильных выражениях, мог позволить себе, например, с сожалением отзываться о нежелании индийского премьер-министра Дж. Неру (1889–1964) предоставить военную помощь Тибету в конфликте с КНР в 1959 г. или осудить недальновидность политики традиционного тибетского правительства⁴²⁰. Кроме того, в самом начале 1950-х гг. Тарчин иногда публиковал и нейтрально окрашенные материалы о политике китайских коммунистов в Тибете. Так, в «Зеркале Тибета» есть сообщения о строительстве новыми коммунистическими властями аэропорта⁴²¹ и автомобильного шоссе в Тибете⁴²², которые при этом не

⁴¹⁶ Тиб. *rgya mis rang gi pha mes ya rabs gong ma 'i sngar srol lam lugs bzang po 'i chos srid rnam bshigs 'dor.*

⁴¹⁷ Тиб. *chos min dmar po 'i las lugs kyi rjes su blo snying 'brang gtad; lta ngan dmar po 'i las lugs la snying rul.*

⁴¹⁸ Тиб. *'dzam gling yongs la zhi bde mtshon gna' srol chos srid bzang po gtad nas med.*

⁴¹⁹ Тиб. *rgya gzhung ngo mas bod la nam yang 'di lta 'i btsan dbang du gnon yod pa ma red.*

⁴²⁰ Анализ примеров соответствующих публикаций в «Зеркале Тибета» см. Engelhardt 2012: 192–193, 197.

⁴²¹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

⁴²² *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.1, April 1953: 4.

содержат каких-либо дополнительных оценочных комментариев редактора. Или, к примеру, в седьмом выпуске 19-го года издания «Зеркала Тибета» от 1 октября 1951 г. встречается краткая сравнительно положительная оценка солдат Народно-освободительной армии Китая: «Говорят, что у китайских солдат очень серьезная дисциплина, они не совершают нападений на других людей и грабежей»⁴²³. Однако в более поздний период, публикуя в «Зеркале Тибета» какие-либо новости, положительно характеризующие политику китайских коммунистических властей, Тарчин, как правило, тут же опровергал эти сообщения, сопровождая их своими редакторскими замечаниями о том, что он слышал совсем иное и китайским коммунистам ни в коем случае нельзя верить⁴²⁴.

Т.А. ван Дейк отмечает, что при анализе дискурса важно понимать, кто осуществляет контроль над выбором тем сообщений (т.е. семантических макроструктур дискурса) и кто принимает решение о смене темы⁴²⁵. Для того, чтобы установить, какие именно темы для публикаций предпочитал Дордже Тарчин и как он их выбирал, необходимо понимать, какие из публикаций «Зеркала Тибета» являются авторскими (то есть написаны самим редактором газеты, исходя из его личных соображений), а какие являются прямыми заимствованиями из других источников, и, если так, то тогда из каких именно источников. В случае с «Зеркалом Тибета» приходится признать, что Тарчин практически никогда не указывал точный источник публикуемых новостей, зачастую ограничиваясь лишь фразами: «слышал новости, что ...»⁴²⁶, «в соответствии с тем, что сообщают, ...»⁴²⁷, «ходят слухи, что ...»⁴²⁸, «как сообщается в одной газете, ...»⁴²⁹, «как известно всем просвещенным людям, ...»⁴³⁰, «вот такие новости вкратце: ...»⁴³¹. Лишь иногда Тарчин приводил уточняющее определение в виде географического расположения источника или еще реже названия источника: «как сообщается в новостях из Нью-

⁴²³ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

⁴²⁴ Например, *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

⁴²⁵ van Dijk 1993: 256.

⁴²⁶ Тиб. *gnas tshul thos* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

⁴²⁷ Тиб. *brjod gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

⁴²⁸ Тиб. *phan tshun nas go thos su* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5).

⁴²⁹ Тиб. *gsar 'gyur zhig nang gsal* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 5).

⁴³⁰ Тиб. *mkyen ldan tshang mas dgongs mnga' ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

⁴³¹ Тиб. *gnas tshul mdor bsdu* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 5).

Дели, ...»⁴³², «в соответствии с новостями из Массури, ...»⁴³³, «в новостях из Лхасы, [опубликованных] в Катманду: ...»⁴³⁴, «краткий перевод новостей, опубликованных в калькуттской газете на английском языке»⁴³⁵, «по сообщению калькуттской газеты “Стейтсмен”: ...»⁴³⁶, «из вашингтонской газеты»⁴³⁷, «из гонконгской газеты»⁴³⁸, «в соответствии с [информацией] из калькуттской газеты на английском языке, ...»⁴³⁹, «в соответствии с [информацией] из газеты в Нью-Дели»⁴⁴⁰, «официальное заявление КНР: ...»⁴⁴¹, «по китайскому радио сообщают: ...»⁴⁴², «по [свидетельствам] очевидцев ...»⁴⁴³, «как видели несколько человек собственными глазами в Тибете»⁴⁴⁴, «[статья] написана совместно с его [описываемого погибшего повстанца] друзьями»⁴⁴⁵. При этом, даже при указании источника публикации, создается впечатление, что материалы «Зеркала Тибета» зачастую дополнены авторской правкой, в частности средствами выразительности речи и/или оценочными комментариями, что позволяет сделать вывод о том, что при заимствовании информации Гарчин самостоятельно перерабатывал и редактировал ее, добавляя элементы собственного стиля.

Считается, что средства массовой информации проигрывают в своем стремлении быть независимыми, не столько в силу возможной ангажированности периодического издания, а поскольку журналисты транслируют информацию в общепринятых рамках⁴⁴⁶. Как уже говорилось, в случае с «Зеркалом Тибета» степень потенциального стороннего воздействия на редакционную политику издания сейчас не может быть установлена точно и является лишь гипотетической.

⁴³² Тиб. *ne'u di li nas* [...] *gsar gsal du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

⁴³³ Тиб. *ma su ri nas* [...] *gsar gsal du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6).

⁴³⁴ Тиб. *ka Ta man Du nas* [...] *lha sa'i gnas tshul du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3).

⁴³⁵ Тиб. *ka ta'i in ji'i gsar shog tu bkod 'dug pa las rags bsgyur mdor bsdus* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

⁴³⁶ Тиб. *ka ta'i gsar shog si Te Ta man nang gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

⁴³⁷ Тиб. *wa shing Ton gyi gsar gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

⁴³⁸ Тиб. *hong kong gsar gsal ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

⁴³⁹ Тиб. *ka ta'i dbyin yig gsar shog ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

⁴⁴⁰ Тиб. *ni'u dil li'i gsar gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 5).

⁴⁴¹ Тиб. *rgya dmar gyi khyab bsgrags* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2)

⁴⁴² Тиб. *rgya dmar gyi rlung 'phrin nang* [...] *gnas tshul mang po zhig shod kyi 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2).

⁴⁴³ Тиб. *dingos mthong* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2).

⁴⁴⁴ Тиб. *mi 'ga' shas nas bod du mig mthong byung gsal* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 8).

⁴⁴⁵ Тиб. *khong gi grogs po lhan nas bris pa'o* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2).

⁴⁴⁶ Левченко 2012: 102.

Помимо переписки консультативного характера с советником по политическим вопросам в Сиккиме, каких-либо других свидетельств обсуждения Тарчином содержания публикаций о Тибете или Китае с иными лицами нет. Более того, издатель, вероятно, сам искренне разделял антикоммунистические воззрения спонсоров «Зеркала Тибета». Соответственно, можно предположить, что Тарчин все-таки обладал достаточной редакционной свободой, чтобы выносить окончательное решение относительно того, что и в какой форме размещать в своей газете. Как главный редактор Тарчин имел возможность самостоятельно задавать «рамки» трансляции информации, сужая или расширяя их на свое усмотрение. Вплоть до 1951 г., когда начали появляться первые учрежденные по инициативе правительства КНР периодические издания на тибетском языке, у «Зеркала Тибета» не было действительно равных конкурентов, а жители Тибетского плато не обладали каким-либо существенным выбором альтернативных источников получения новостей на тибетском языке. Отдельные современные социально-политические понятия, упоминаемые Тарчином в газетных публикациях, до этого не имели средств выражения в тибетском языке, в связи с чем можно говорить о том, что для тибетоязычных читателей «Зеркало Тибета» служило первоисточником различных неологизмов и тем самым формировало их представления о современном мире.

Исследователи дискурса отмечают, что транслируемые в средствах массовой информации образы являются дискурсивными формациями, которые становятся неотъемлемой частью культуры и повседневной жизни целевых читателей издания ⁴⁴⁷. Поскольку «идеологический климат» издания представляется невидимым и естественным для целевой группы читателей, автор дискурса реализует возможность пропагандировать никем не оспариваемые обобщения о том, каков мир и каким он должен быть ⁴⁴⁸. Медийный дискурс предоставляет его автору власть не только создавать образы социальных групп, но и идентифицировать, регулировать и конструировать социальные группы,

---

⁴⁴⁷ Henry and Tator 2002: 27.

⁴⁴⁸ Henry and Tator 2002: 27.

устанавливая тем самым, кто есть «мы» в «воображаемом сообществе» нации, а кто является «чужим»⁴⁴⁹. По мнению антрополога А. Колос, власть доминантного легитимирующего дискурса также отражается в способности определять шаблоны коммуникации, выбирать, какие заключенные ранее договоренности являются действующими и каковы границы возможного самовыражения⁴⁵⁰. Именно такой властью обладал Дордже Тарчин, конструируя в «Зеркале Тибета» метанарратив тибетской независимости и определяя, что входит в понятия «тибетское государство», «тибетская культура» и «тибетский народ».

Популяризуемые в СМИ образы и идеи играют ключевую роль для доступа маргинализированных групп к культурной, социальной, экономической и политической власти. В случае с «Зеркалом Тибета» пропаганда метанарратива независимости была критически важна в 1950-е гг. для стимулирования в обществе протестных настроений против представителей коммунистической власти и создания условий для консолидации жителей Тибета как единой группы «своих», которая вынуждена бороться с группой «чужих» на своей законной территории, а позднее в 1960-е гг., после эмиграции Далай-ламы XIV, – для интернационализации «тибетского вопроса» и легитимации власти новой тибетской политической элиты в изгнании над растущей тибетоязычной диаспорой в Индии.

Вместе с тем необходимо заметить, что Дордже Тарчин не был единственным участником дискурса. Среди других участников следует также назвать реципиентов публикуемых материалов – в первую очередь, масс-медиа-неискушенную тибетоязычную аудиторию читателей, а также потенциальных иностранных читателей выпусков «Зеркала Тибета», включая идеологических «врагов» Тарчина – китайских коммунистов.

При анализе тибетоязычных участников дискурса Тарчина целесообразно обратить внимание на несколько критериев, выделенных Т.А. ван Дейком для оценки реципиентов дискурса⁴⁵¹:

---

⁴⁴⁹ Henry and Tator 2002: 27.

⁴⁵⁰ Kolás 1996: 51.

⁴⁵¹ van Dijk 2001: 357.

1. Реципиенты дискурса имеют тенденцию хорошо принимать дискурсивные убеждения, знания и мнения тех, кого они считают заслуживающими доверие, авторитетными и надежными источниками, например ученых, экспертов, специалистов или представителей солидных средств массовой информации. В случае с «Зеркалом Тибета» следует понимать, что Дордже Тарчин как широко известный просветитель и владелец одной из немногочисленных ранних газет на тибетском языке, безусловно, должен был пользоваться авторитетом и доверием у своих тибетоязычных читателей.

2. В некоторых ситуациях участники дискурса обязаны быть реципиентами дискурса, например, в школе. Как уже говорилось, тибетоязычная читательская аудитория «Зеркала Тибета» не имела какого-либо существенного выбора альтернативных источников получения новостных сводок на тибетском языке. Более того, грубо обобщая, можно сказать, что в 1950-е гг. было всего два возможных варианта, какие новости на тибетском языке слушать: антикоммунистические воззвания Тарчина пронационалистического характера или коммунистические призывы руководства КНР к постепенному реформированию традиционного тибетского уклада и борьбе с антикоммунистическими реакционерами в Тибете.

3. Во многих ситуациях, по мнению Т.А. ван Дейка, нет публичного дискурса или прессы, способных предоставить необходимую для формирования альтернативных убеждений информацию. Данный пункт соотносится с вышеописанной во втором пункте ситуацией, которая сложилась в сфере тибетоязычной прессы в 1950-е гг. Следует отметить, что в 1950–1960-е гг. на восприятие тибетоязычных реципиентов влиял не только пропагандируемый в «Зеркале Тибета» пронационалистический идеологический климат, но также такие глобальные процессы как волна деколонизации после Второй мировой войны и непримиримое столкновение коммунистической и капиталистической идеологий, определившее условное разделение мира надвое.

4. Реципиенты могут не обладать знаниями и убеждениями, необходимыми для зарождения сомнений и оспаривания дискурсивной информации, с которой они

столкнулись. Данное замечание также соотносится с выводами относительно «Зеркала Тибета», указанными выше во втором и третьем пунктах.

Последнее, что можно отметить при обсуждении участников дискурса «Зеркала Тибета», – это то, что, помимо тибетского, в 1950–1960-е гг. Тарчин регулярно использовал английский язык в своих публикациях о Тибете. Среди исследованных дискурсивных материалов встречаются как публикации, где только заголовок или отдельные фрагменты материала дублируются на английском языке⁴⁵², так и примеры, где статья приведена сразу на двух языках (тибетском с полным переводом на английский язык)⁴⁵³. Данный факт позволяет говорить о том, что, хотя Тарчин конструировал метанарратив независимости, в первую очередь, для тибетоязычных читателей, редактор видел среди своих потенциальных реципиентов максимально разнообразную аудиторию и стремился привлечь внимание любых англоговорящих читателей к «тибетскому вопросу», с тем чтобы успешнее интернационализировать его и расширить группу поддержки Тибета в ООН и всем мире.

Таким образом, на первый взгляд кажется, что Тарчин был прекрасным кандидатом на роль автора независимого дискурса, который мог бросить вызов и конкурировать с националистической и колониальными версиями истории Тибета, представив свою альтернативную репрезентацию исторического прошлого и настоящего Тибета и предоставив в «Зеркале Тибета» голос субалтерным выходцам с Тибетского плато. Однако при детальном знакомстве с биографией редактора и форматом его работы над публикациями в «Зеркале Тибета» становится очевидно, что фактически Тарчин работал на британское колониальное правительство, а позднее, вероятно, был вовлечен в программу сотрудничества группы тибетских иммигрантов в Индии с представителями ЦРУ по организации повстанческого движения в Тибете. Поэтому в случае «Зеркала Тибета»

⁴⁵² Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 11; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

⁴⁵³ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4–5; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.5, May–June 1963: suppl.1–2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.6, July–August 1963: suppl.1–4.

обоснованно говорить не о совершенно иной, альтернативной репрезентации истории Тибета, которая находится вне рамок действующего конфликта протибетских и прокитайских исследователей, а о том, что конструируемый Тарчином метанарратив независимости Тибета предвосхитил и предопределил националистическую модель истории Тибета, утвержденную после 1959 г. Центральной тибетской администрацией в среде тибетоязычной диаспоры.

2.2.3. Область дискурса

Область дискурса в «Зеркале Тибета» может быть охарактеризована как попытка проблематизации процесса «освобождения» территорий проживания тибетоязычного населения силами Народно-освободительной армии Китая. Транслируя через призму метанаррации независимости актуальные новости об установлении коммунистической власти в тибетоязычных районах Китая и последующей региональной политике правительства КНР, редактор «Зеркала Тибета» параллельно вел пропаганду националистической версии исторического прошлого Тибета и китайско-тибетских отношений. На протяжении рассматриваемых 15 лет издания с 1949 по 1963 гг. Тарчин неизменно публиковал тексты антикоммунистического и протибетского содержания, что позволяет говорить об определенной регулярности дискурса и наличии в «Зеркале Тибета» единой дискурсивной формации с соответствующей националистической семантикой.

Дискурсивные материалы в «Зеркале Тибета» можно разделить на две основные группы: текстовые публикации (на тибетском и английском языках) и иллюстративные материалы (фотографии, карты, рисунки, политические карикатуры). Кратко перечисляя наиболее популярные темы дискурсивных публикаций в указанный период, следует отметить: деятельность Далай-ламы XIV и представителей коммунистической власти в Тибете, социально-экономическое развитие Тибета, внутренние беспорядки в КНР и противостояние КПК и Гоминьдана, локальные восстания и военные операции НОАК на территории

Тибетского плато, повстанческая деятельность Тибетской добровольческой армии защитников Учения, жизнь Далай-ламы XIV в иммиграции в Индии и его официальные заявления, петиции против коммунистического режима в Тибете, обращения тибетского правительства в Генеральную Ассамблею ООН, существующие международные соглашения относительно Тибета, оказание помощи тибетоязычным беженцам и призывы к участию в совместной интернациональной борьбе против КНР. Большинство публикаций Тарчина при этом сопровождалось его редакторскими комментариями, предостережениями, наставлениями и конкретными инструкциями к действию против коммунистической власти в Тибете и во имя независимости Тибета.

Для утверждения протибетской националистической парадигмы редактор «Зеркала Тибета» прибегал к таким приемам как:

1. Избирательное искажение исторических фактов.
2. Проведение исторических аналогий.
3. Нелинейное повествование с акцентом на тех сведениях, которые способны поддержать дискурс независимости, и параллельным замалчиванием альтернативной информации, которая могла бы скомпрометировать конструируемую пронационалистическую репрезентацию истории Тибета.
4. Трансляция информации в рамках фрейма «конфликт» и столкновение в информационном поле ярких образов *агрессоров*-«чужих» и их *жертв*-«своих».
5. Навязывание тибетоязычным читателям матрицы негативного восприятия настоящего путем дискредитации коммунистического режима в Китае, гиперболизированного и эмоционально-окрашенного описания текущих событий на Тибетском плато, воспроизведения иллюзии утрачиваемого по вине китайских коммунистов «золотого века» независимого Тибета.
6. Программирование тибетоязычной читательской аудитории на предвкушение счастливого будущего независимого Тибета при условии своевременного единения в освободительной борьбе против «чужих».
7. Запугивание читателей надвигающейся угрозой геноцида жителей Тибета и последующей погибелью всего мира от рук китайских коммунистов.

Вышеуказанные манипулятивные инструменты использовались Тарчином как точно по отдельности, так и комбинаторно. С их помощью редактор «Зеркала Тибета» успешно конструировал в своих публикациях желаемые репрезентации независимого прошлого, настоящего и будущего Тибета, развивал концепцию «тибетской нации» и идею нелегитимности власти КПК в Китае, формировал образы безжалостных китайских коммунистов, притесняемых мирных жителей Тибета и их поистине милосердного верховного лидера Далай-ламы XIV, который иммигрировал в Индию ради блага своего народа.

По содержанию дискурсивные публикации Тарчина в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. можно разделить на шесть условных категорий. Первые три категории материалов выделены по критерию времени и, соответственно, посвящены дискурсу независимости Тибета в прошлом, настоящем и будущем. Три другие категории публикаций выделены на основании доминирующей группы действующих лиц, а именно «своих», «чужих» и членов международного сообщества, поддерживающих пронационалистические настроения в Тибете. Наиболее интересные для анализа примеры перечисленных категорий представлены в следующих шести подразделах второго раздела второй главы.

2.2.3.1. Конструирование прошлого

Дордже Тарчин рассматривал историческое прошлое Тибета как одну из важнейших арен идеологической борьбы за тибетскую независимость. Редактор «Зеркала Тибета» считал чрезвычайно важным сохранение «истинной» истории Тибета⁴⁵⁴ и материальных доказательств независимости Тибета от Китая⁴⁵⁵. Интерпретируя историю Тибета и китайско-тибетских отношений, Тарчин обращался к событиям самых разных исторических периодов начиная с VII в. Деконтекстуализируя исторические факты и манипулируя информацией в призме метанаррации независимости, Тарчин призывал к борьбе за тибетскую

⁴⁵⁴ См. «Призыв к друзьям из китайского Кама и тибетского Кама» (тиб. *kham sde dang bod sde khul gyi grogs po rnam la zhu rgyur*), *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 7, October 1952: 8.

⁴⁵⁵ См. *The Tibet Mirror* Vol. XXII No. 2, June 1954: 12–14.

независимость в настоящем и внушал читателям националистические идеи, которые определили будущую протибетскую репрезентацию истории Тибета. Так, в выпуске за сентябрь 1950 г. редактор «Зеркала Тибета» раскрывает свое видение тибетской концепции «*чойон*»⁴⁵⁶ (тиб. *mchod yon*, «светский покровитель – духовный наставник»), начало которой было положено при династии Юань. Под заголовком «Покровитель в отношениях “светский покровитель – духовный наставник”»⁴⁵⁷ Тарчин изображает следующую картину:

Во имя верующих лама с помощью Учения совершает подношение Трех Драгоценностям и приносит пользу в этой жизни и следующей. За это верующий покровитель – через концепции «Трех Драгоценностей» или «истинного Будды» – действует с верой в соответствии с указаниями ламы и ставит его [ламу] во главу. Как говорил Панчен Наропа: «Во времена, когда не было лам, не было даже термина “Будда”. Даже Будды тысячи *кальн*»⁴⁵⁸ появились, опираясь на лам). Поэтому лама более драгоценный, или покровитель более драгоценный?

Ранее, когда в Китае были монгольские императоры, божество Страны снегов – уважаемый великий всеведущий победоносный бодхисаттва Авалокитешвара – был духовным наставником императора, а император был [его] преданным покровителем. Таким образом общины монахов главных монастырей, китайский император, китайцы и монголы находились в [отношениях] «покровитель – духовный наставник». Поэтому, китайцы и монголы были духовными подданными Тибета, и Китай, соответственно, делал подношения [Тибету].

Чтобы Далай-лама был подлинным духовным наставником [китайского] императора, [исправно] выполняющим [для императора] молитвенные ритуалы, представители императора трясли золотую урну. Помимо этой [процедуры], выбор нового ламы императором не был насильственным. В то время император разместил в Лхасе амбана с охраной. Это тоже было сделано только для охраны службы духовного наставника императора, а не из-за того, что [Тибет] находился под властью Китая.

⁴⁵⁶ Тибетский термин *mchod yon* является сложным термином, образованным от двух существительных-компонентов *mchod gnas* («духовный наставник») и *yon bdag* («светский покровитель»). Согласно традиции, духовный наставник нес религиозную службу для светского покровителя, в ответ на это светский покровитель оказывал политическую и физическую протекцию своему духовному наставнику (Kauffmann 2015: 86). В попытке доказать независимость Тибета от Китая сторонники протибетской репрезентации истории Тибета вплоть до настоящего времени спорят о природе отношений *чойон*. Однако, по мнению американского тибетолога Э. Сперлинга, концепция «*чойон*» совершенно точно не исключала отношения «политического подчинения» и «существовала с политической субординацией Тибета династиям Юань и Цин» (Spurling 2004: 30).

⁴⁵⁷ Тиб. *mchod yon sbyin bdag*.

⁴⁵⁸ *Кальна* (тиб. *bskal pa*) – единица измерения (цикл или период) времени в буддизме (Касевич 1996: 72).

Ранее *дхармараджи*⁴⁵⁹ и *дхармараджа* Сонгцэн Гампо⁴⁶⁰ много раз воевали с Китаем и контролировали многие китайские земли. Ради установления в дальнейшем дружественных отношений между Китаем и Тибетом [император] даже отправил в Тибет китайскую жену [для тибетского царя]. Более того, в дополнение к дружественным отношениям между Китаем и Тибетом, на каменных стелах высекли взаимные клятвы о ненападении друг на друга и установили [их]. Вплоть до настоящего времени на большой стеле в Лхасе сохранилась надпись. Таким образом, Тибет, по всей видимости, был ничем иным как независимым государством [и] никогда не попадал под власть Китая.

Однако постепенно [Китай] силой съел [присоединил к своей территории] многие тибетские районы в Амдо и Каме. После того, как [китайцы] свергли своего императора в результате восстания, [они] также отправили войска в Тибет и атаковали. Из-за этого уважаемому всеведущему Далай-ламе XIII пришлось отправиться в Индию, теряя лишения и преодолевая трудности.

Тем не менее, постепенно силой кармического воздаяния китайские войска остановили словно поток воды из водоохранилища, и, как всем известно, вплоть до настоящего времени религиозное и светское правительство Тибета не распалось, а, [наоборот,] развивается, [в то время как] китайский император онемел [стал анахронизмом]. Поскольку [китайская армия] осуществила вторжение в Тибет, данная ранее клятва [о дружбе и ненападении] была нарушена, и в Китае не только сейчас нет мира, но и в будущем будут сложности с тем, чтобы наступил мир.

Если прямо сейчас оставите в праведной независимости тибетское религиозное государство, [если] дадите новую клятву о почтительной службе и раскаетесь в нарушении предыдущей клятвы, в Китай придет мир. Поэтому Вы, новое и старое [китайские] правительства и весь народ, хорошенько подумайте!

Также, если все тибетские буддисты, находящиеся в районах под властью Китая, будут прикладывать усилия и нести верную службу на благо развития их религиозного государства, то [они] точно достигнут цели в этой жизни и следующей.

Это написал издатель тибетской газеты «Зеркало» в г. Калимпонг Куну Тарчин⁴⁶¹.

Редактор «Зеркала Тибета» представляет сильно упрощенную версию истории китайско-тибетских отношений, предлагая вниманию читателей лишь те

⁴⁵⁹ Скр. *dharmarāja*. Буддийский термин *дхармараджа* означает «повелитель закона», также может переводиться как «царь Дхармы», «царь правосудия», «буддийский царь».

⁴⁶⁰ Сонгцэн Гампо называют первым историческим царем Тибета и одним из трех великих буддийских царей (или *дхармарадж*) Тибета. Несмотря на то, что трех великих буддийских царей Тибета считают воплощениями Будды, в имперские времена они устраивали кровопролитные походы на территории соседних государств и грабили там местное население (Powers and Templeman 2012: 717).

⁴⁶¹ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 3.

выборочные факты, которые в его интерпретации хорошо встраиваются в метанарратив исторической независимости Тибета и выставляют китайскую сторону как виновника разлада в отношениях. Повествование ведется нелинейно, а отдельные факты искажены и истолкованы в плоскости религиозно-мифологического мышления. Тарчин начинает с упоминания широко известного в Тибете буддийского учителя и тантрического йога XI–XII веков Наропы⁴⁶², затем переключается на XIII век, далее на XVIII век, а потом возвращается обратно в VII–IX века, откуда, пропуская все последующие периоды, отправляется уже прямо в начало XX века.

Говоря о фактологическом наполнении статьи, необходимо отметить несколько ключевых моментов. Во-первых, из публикации Тарчина следует, что начиная с XIII в. китайцы и монголы стали частью тибетской буддийской общины. Никак не упоминая тибетские подношения китайским императорам, Тарчин фокусируется исключительно на подношениях Тибету со стороны Китая, тем самым изображая Тибет в роли религиозного гегемона, а размещение амбаней (т.е. наместников китайского императора) с китайским гарнизоном в Тибете как жест, символизирующий благочестивую службу китайского императора своему духовному наставнику Далай-ламе – живому воплощению «божества Страны снегов, уважаемого великого всеведущего победоносного бодхисаттвы Авалокитешвары»⁴⁶³. Редактор «Зеркала Тибета» считает, что китайских амбаней и солдат выслали в Тибет лишь «для охраны службы» Далай-ламы⁴⁶⁴, и, в то время как китайский император «онемел»⁴⁶⁵, т.е. стал пережитком прошлого, «религиозное и светское правительство Тибета не распалось, а, [наоборот, продолжило] развиваться»⁴⁶⁶ и процветать.

Современные тибетологи иначе трактуют историю тибетско-китайских отношений в XVIII в. По мнению исследователей, цинский император учредил институт амбаней после гражданской войны в Тибете в 1727–1728 гг. с конкретной

⁴⁶² Тиб. *na ro pa*; 1016–1100 (Powers and Templeman 2012: 467).

⁴⁶³ Тиб. *gangs ljongs lha gcig phyag na pad mo rgyal ba thams cad mkhyen gzigs chen po mchog*.

⁴⁶⁴ Тиб. *gong ma 'i dbu bla 'i zhabs 'degs sku srung ched du bzhas*.

⁴⁶⁵ Тиб. *rgya nag gi gong ma spid [sprid]*.

⁴⁶⁶ Тиб. *bod ljongs chos srid rgyal srid gnyis ka deng bar mi nyams gong 'phel du yod*.

прагматической целью, а именно для того, чтобы усилить контроль за политической обстановкой на Тибетском плато⁴⁶⁷. Хотя первое время в основные обязанности амбаней входило руководство небольшим китайским гарнизоном в Лхасе и информирование китайского императора о ситуации в Тибете, к концу XVIII в. власть амбаней существенно возросла⁴⁶⁸. В 1751 г. амбаней наделили широким правом надзора за тибетскими чиновниками, а позднее в 1792 г. императорские наместники в результате реформ получили право прямого участия в деятельности тибетского правительства⁴⁶⁹. Поскольку амбани официально надзирали за делами в центральном Тибете до самого падения империи Цин, данный этап в истории Тибета принято называть периодом китайского протектората. Однако, как можно заметить, Тарчин настаивает, что практически двухсотлетняя служба амбаней в Тибете совсем не означала, что Тибет находится под властью Китая.

Далее в публикации, обращаясь ко времени существования Тибетской империи (VII–IX вв.) и ее основателю царю Сонгцэн Гампо, правившему в VII в., Тарчин подкрепляет свой пронационалистический нарратив заявлениями о том, что Тибет неоднократно вступал в войну с Китаем, захватывал китайские земли и выходил из конфликтов победителем, поэтому ради налаживания дружественных отношений два государства дали взаимные клятвы о ненападении, и, более того, Китай отправил в Тибет китайскую принцессу. Подводя итоги раннего периода китайско-тибетских отношений, Тарчин резюмирует: «Тибет, по всей видимости, был ничем иным как независимым государством [и] никогда не попадал под власть Китая»⁴⁷⁰.

Историки сходятся во мнении, что в VII–IX вв. тибетское государство представляло собой сильное политическое образование, которое успешно конкурировало с соседями в Центральной Азии и периодически доминировало в конфликтах с Китаем. В качестве дипломатического шага для поддержания мира

---

⁴⁶⁷ Schwieger 2015: 143–145; van Schaik 2011: 142–143.

⁴⁶⁸ Petech 1972: 256.

⁴⁶⁹ Petech 1972: 256, 260.

⁴⁷⁰ Тиб. *bod rang btsan gyi rgyal khab las rgya'i mnga' 'og tu nam yang tshud tshod mi 'dug.*

из Китая в Тибет действительно дважды направляли китайских принцесс: принцессу Вэньчэн⁴⁷¹ в 640–641 гг. и принцессу Цзиньчэн⁴⁷² в 710 г.⁴⁷³. Что касается клятв, Китай и Тибет произнесли их в 822 г., после чего так называемый Договор «дяди и племянника»⁴⁷⁴ на двух языках выгравировали на трех стелах: одну стелу разместили в Лхасе, вторую – в столице Китая в тот период Чаньане, а третью – в Циншуй на китайско-тибетской границе⁴⁷⁵.

Тем не менее, следует сказать, что, хотя в имперский период Тибет не был подчиненным Китаю⁴⁷⁶, Тарчин, представляя факты, доказывающие тибетскую независимость, опускает длительный период политической раздробленности Тибета в IX–XIII вв., когда слава Тибетской империи уже «осталась в прошлом»⁴⁷⁷. Редактор «Зеркала Тибета» также не упоминает ни тех периодов в тибетской истории, когда монголы играли немаловажную роль в администрировании Тибета во времена династии Юань и позднее снова в XVII–начале XVIII вв.⁴⁷⁸, ни того, что в октябре 1720 г. армия китайского императора Канси⁴⁷⁹ «победно вошла в Тибет»⁴⁸⁰, после чего Тибет «превратился из поля битвы конкурирующих монгольских групп» в протекторат империи Цин⁴⁸¹.

Далее, перейдя от истории имперского Тибета сразу к XX в., Тарчин изображает китайское государство агрессором, которое не только свергло с трона собственного монарха, но и нарушило ту самую давнюю клятву, поскольку напало на Тибет. В данной части статьи редактор «Зеркала Тибета», вероятно, имеет в виду военный поход на Лхасу китайского генерала Чжао Эрфэна⁴⁸² в 1910 г. Войска Чжао Эрфэна были отправлены для стабилизации политической обстановки в регионе и подтверждения контроля Китая над Тибетом⁴⁸³. Тогда в свете

⁴⁷¹ Кит. 文成; период правления VII в.

⁴⁷² Кит. 金成; период правления VIII в.

⁴⁷³ Powers 2004: 31; Kapstein 2006: 55, 63; Grunfeld 1996: 35.

⁴⁷⁴ Тиб. *dbon zhang* (Kapstein 2009: 27).

⁴⁷⁵ van Schaik 2011: 42; Kapstein 2006: 78; Grunfeld 1996: 37.

⁴⁷⁶ См. Goldstein 1997: 1.

⁴⁷⁷ Kapstein 2006: 84.

⁴⁷⁸ Kapstein 2006: 123.

⁴⁷⁹ Кит. 康熙; годы правления 1654–1722.

⁴⁸⁰ van Schaik 2011: 140.

⁴⁸¹ Kapstein 2006: 146.

⁴⁸² Кит. 赵尔丰; 1845–1911.

⁴⁸³ Goldstein 1997: 27.

наступления китайской армии Далай-лама XIII принял решение о бегстве в Индию. При этом Тарчин искажает последовательность событий. Редактор «Зеркала Тибета» утверждает, что Далай-лама XIII отправился в Индию после свержения китайского императора с престола, но фактически поход Чжао Эрфена на Лхасу предшествовал Синьхайской революции в Китае в 1911 г. и, соответственно, отречению от престола последнего императора династии Цин в 1912 г.

Исторический экскурс Тарчина заканчивается толкованием современного на момент выхода публикации этапа китайско-тибетских отношений в 1950 г. и прогнозом на будущее: поскольку Китай нарушил прежние договоренности и вторгся в Тибет, в Китае, по убеждению редактора «Зеркала Тибета», не будет мира. Тарчин пророчит, что мир придет в Китай, только если Китай раскается и признает Тибет независимым. Что именно Тарчин подразумевает под «миром» в Китае, непонятно. Полное окончание противостояния сторонников КПК и Гоминьдана? Как бы там ни было, в терминах политического дискурса данная часть статьи может быть рассмотрена как пример применения Тарчином тактики моделирования альтернативного будущего для запугивания своих китайских реципиентов⁴⁸⁴. Вместе с тем всех тибетских буддистов, даже в подчиненных Китаю районах, редактор «Зеркала Тибета» призывает выступить с миссией – «прикладывать усилия и нести верную службу на благо развития своего религиозного государства»⁴⁸⁵, то есть быть лояльными правительству Далай-ламы XIV.

В статье очевидным образом прослеживается конструирование образов «своих» и «чужих» – базовой бинарной оппозиции дискурса Тарчина. «Свои» тибетцы понимают, что «чужие» – агрессоры, они нарушили клятву, предали традиционную модель отношений с их тибетским духовным наставником, соответственно, кармическим следствием их действий стало то, что в Китае нет и не будет мира. Для «своих» понятен и близок пронизанный буддийскими

⁴⁸⁴ В рамках тактики моделирования альтернативного будущего высказывается предположение о вероятном течении событий, в частности о том, что должно произойти в случае тех или иных действий (Чернявская, Молодыченко 2014: 108).

⁴⁸⁵ Тиб. *rgya sde khul gnas pa'i bod rigs nang pa sangs rgyas pa tshang ma nas kyang rang ljongs chos ldan rgyal khab mi nyams gong 'phel la sman pa'i zhabs 'degs lhag bsam rnam dag zhu bar 'bad rtsol gnang na 'di phyi gnyis don 'grub nges so.*

понятиями и образами нарратив Тарчина: «Учение», «Три Драгоценности», «Будды тысячи *кальп*», «тибетское божество», «*дхармараджа*», «духовный наставник», «кармическое воздаяние», «достичь цели в этой жизни и следующей», «тибетское религиозное государство», «уважаемый великий всеведущий победоносный бодхисаттва Авалокитешвара», «уважаемый всеведущий Далай-лама XIII». «Своим» понятен риторический вопрос в конце первого абзаца, содержащий суперструктуру дискурса в виде предполагаемой цитаты Наропы: если бы кто-то спросил достопочтенного учителя Наропу, тот непременно бы сказал, что Тибет как «духовный наставник» является более «драгоценным» и важным, чем его «светский покровитель» Китай, который к тому же еще и нарушил древнюю клятву о дружбе. Религиозный нарратив Тарчина пробуждает образное мышление и подготавливает тибетоязычных читателей к тому, чтобы воспринимать «чужих» не просто как предателей и агрессоров, а как «врагов Учения».

В том же выпуске «Зеркала Тибета» за сентябрь 1950 г. опубликован еще один интересный пример специфического толкования Тарчином событий истории с целью конструирования образа независимого Тибета. Под тибетским заголовком «Скромное прошение о включении в ООН»⁴⁸⁶, продублированном на английском языке, редактор разместил следующее обращение:

В прошлом году непальское правительство подавало петицию с просьбой о включении своего представителя в состав ООН. Как ответило непальское правительство на многочисленные вопросы ООН, было опубликовано в газете [«Зеркало Тибета»] ранее. Тибетское правительство, вероятно, так и не подало подобную петицию в ООН.

Был ли Тибет независимым или не был в древние времена, [но] ранее, в 1856 г., была тибетско-непальская война. Тибетское правительство самостоятельно приняло решение вступить в переговоры с непальским правительством. Поскольку условия соглашения соблюдаются до настоящего времени, Тибет, кажется, выплачивал и выплачивает непальскому правительству 100 тысяч *гормо*⁴⁸⁷ ежегодно.

⁴⁸⁶ Тиб. *'dzam gling spyi tshogs su 'tshud pa 'i rmongs 'char*.

⁴⁸⁷ Тиб. *sgor mo* – базовая денежная единица, которая может быть использована для передачи любой валюты, т.е. один *гормо* может быть одной рупией/долларом/юанем/фунтом/пр. (Goldstein 2004: 280). В данном случае *гормо*, вероятно, обозначает непальские рупии.

Позднее, в год Деревянного Дракона [или] 1904 год по западному календарю, Англия – процветающее государство, обладающее силой в мире, богатством и мощным вооружением, – отправило военную экспедицию в Тибет. В то время тибетское правительство было не только намного слабее в плане армии и вооружения, но и в плане военной подготовки и военной стратегии. Однако, всем известно, что ради защиты своей Родины, независимой страны, [тибетцы] храбро выступили против армии этого сильного и обеспеченного государства. Пожалуйста, взгляните еще раз на старые новости в газете за прошлый месяц, [где] опубликовано, что было написано в одной книге о той ситуации, когда Англия напала на Тибет. Соглашение, которое подписали Англия и Тибет, когда английская армия вошла в тибетское государство, также является доказательством независимости Тибета.

Хотя в то время в Лхасе находился китайский императорский амбань с охраной для защиты Далай-ламы, поскольку Тибет был независимым, [амбань и солдаты] не только не оказали помощи [тибетцам] в виде подкрепления, но и не вмешивались в [процесс] подписания соглашения.

Что такого в выплате контрибуции Англии [Китаем вместо самого Тибета]? В силу того, что уважаемый Далай-лама являлся духовным наставником [китайского] императора, Китай был его духовным подданным, а ради главного ламы, который оказывает духовную помощь и поддержку в этой и последующей жизни, если необходимо, лишают себя жизни. [Так] что же удивительного в выплате [Китаем] контрибуции?

После того, как великого [китайского] императора свергли с трона в результате народного восстания, амбана, назначенного императором для охраны уважаемого Далай-ламы, вместе с солдатами и свитой выслали из Тибета.

Также, в 1914 г. представители британского правительства Индии, китайского и тибетского государств собрались в Симле. Когда [они] подписывали соглашение, причина, по которой Англии было необходимо признание Тибета в тени Китая – или то, что по-английски называется «сюзеренитетом»⁴⁸⁸, – в те времена такое восприятие [Тибета] было необходимо для личной выгоды Англии. Тем не менее, смысл «сюзеренитета»⁴⁸⁹, вероятно, не сводился к тому, что [Тибет] был частью Китая или подчиненной Китаю территорией.

Китайское правительство ни [условий] того соглашения не определяло, ни [каких-либо] изменений в него не вносило. Более того, китайское правительство не соблюдало условия соглашения: в 1918 г. и позднее на границе Китая и Тибета даже возникали довольно многочисленные военные столкновения. К тому же те общины в районе Кама, которые

⁴⁸⁸ Термин употреблен в тексте статьи на английском языке (англ. *suzerainty*).

⁴⁸⁹ Термин употреблен в тексте статьи на английском языке (англ. *suzerainty*).

сделали подчиненными Китаю, тоже неоднократно поднимали восстания и воевали с Китаем.

Всем известно, что в Тибете были зарубежные представительства независимых государств, армия, [а также] собственные монеты, банкноты и почтовые марки, которые издавало тибетское государство.

После того, как китайцы заставили императора отречься от престола, Китай перестал быть покровителем Тибета в отношении «духовный наставник – светский покровитель» [как это было ранее]. Однако ради дружбы с пограничным государством, в 1934 г., после смерти Далай-ламы XIII, китайское правительство отправило [в Тибет своих] представителей с подношением, чтобы почтить смерть [Далай-ламы XIII], и [затем] учредило в Лхасе [китайское] представительство. Аналогичным образом было учреждено и представительство индийского правительства. В прошлом году [1949 г.], в соответствии с приказом [тибетского правительства] о высылке китайского представительства, [китайских представителей] выслали.

Если обобщить кратко, Тибет совершенно точно является независимым государством. Поэтому не будет ли прекрасно, если зарубежные государства, [хорошенько] подумав, придумают способ принять [Тибет] в состав ООН и окажут помощь и поддержку так, чтобы религиозному государству не нанесли какого-либо вреда?

Это написал истинно верный Тибету издатель газеты. Если допустил ошибки, прошу не обессудьте⁴⁹⁰.

В данной статье Тарчин продолжает представлять свое видение истории китайско-тибетских отношений и приводит девять новых фактов, поддерживающих оформление метанарратива исторической независимости в «Зеркале Тибета», после чего редактор делает аподиктическое заключение о том, что «Тибет совершенно точно является независимым государством»⁴⁹¹. Помимо этого, в статье еще трижды в той или иной форме повторяется, что Тибет был и ранее независимым (тибетцы воевали «ради защиты своей Родины, независимой страны»⁴⁹², «доказательство независимости Тибета»⁴⁹³, «поскольку Тибет был независимым»⁴⁹⁴).

⁴⁹⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5.

⁴⁹¹ Тиб. *bod rang btsan rgyal khab yin nges britan*.

⁴⁹² Тиб. *rang ljongs rang dbang rgyal khab bsrung skyobs ched du [...] dpung rgol bgyis*.

⁴⁹³ Тиб. *bod rang dbang yin pa 'i rtags*.

⁴⁹⁴ Тиб. *bod rang dbang yin stabs*.

При обращении к дополнительным источникам по истории Тибета становится очевидным, что некоторые факты, приведенные Тарчином для убеждения читателей в тибетской независимости, лишены обоснованности и деконтекстуализированы. Например, редактор «Зеркала Тибета» заявляет, что, поскольку китайский амбань не только не предоставил военную поддержку тибетскому правительству во время вооруженного наступления британской экспедиции Ф. Янгхазбенда на Тибет в 1903–1904 гг., но и не вмешивался в процесс подписания Англо-тибетской конвенции 1904 г., то этот договор является доказательством независимости Тибета. Аргументацию Тарчина в данном случае можно дополнить и оспорить.

Во-первых, конвенцию 1904 г. подписывали тибетские чиновники, на которых Далай-лама XIII временно возложил руководящие функции, при этом сам Далай-лама XIII вместо ведения переговоров с британцами бежал в Монголию. Во-вторых, китайский амбань отказался подписывать данную конвенцию, поэтому, в силу того что Тибет не был ни подчиненной Великобритании территорией, ни независимым государством, чтобы обрести законную силу, Лхасская конвенция 1904 г. должна была быть признана китайской стороной⁴⁹⁵. В свете данных обстоятельств два года спустя Великобритания и Китай – не утруждаясь тем, чтобы обсудить свои планы с Тибетом, – подписали двустороннюю Англо-китайскую конвенцию 1906 г., которая, по мнению современных тибетологов, среди прочего подтверждала «законную власть» Китая над его «подчиненной территорией Тибетом»⁴⁹⁶. Более того, по условиям конвенции 1906 г. Китай взял на себя обязательства обеспечить выполнение пункта Англо-тибетской конвенции 1904 г. по выплате контрибуции Великобритании вместо самого Тибета. Для испытывающей трудности и близящейся к закату империи Цин в тот период решение о выплате тибетской контрибуции вряд ли было жестом благочестивой службы своему «духовному наставнику» и скорее предпринималось как ловкий тактический ход, который должен был ускорить вывод контингента британских

---

⁴⁹⁵ Goldstein 1997: 25.

⁴⁹⁶ Goldstein 1997: 25; Powers and Templeman 2012: 642.

войск с территории Тибета. Также важно подчеркнуть, что за бегство в Монголию китайский император лишил Далай-ламу XIII всех его титулов, и, чтобы получить разрешение вернуться в Лхасу, Далай-ламе XIII пришлось предварительно предстать перед цинским двором в 1908 г.⁴⁹⁷.

Еще одним неоднозначным аргументом Тарчина в пользу заявления о независимости Тибета являются упоминание переговоров о заключении Симлской конвенции. Трехсторонние переговоры в Симле в 1913–1914 гг. не закончились официальным признанием Тибета как независимого государства. Главные пункты Симлской конвенции касались обещания Великобритании не аннексировать Тибет и предложения разделить Тибет на «Внутренний Тибет» под полной властью Китая и автономный «Внешний Тибет» под китайским сюзеренитетом⁴⁹⁸. Однако, поскольку стороны так и не пришли к согласию относительно нескольких пунктов договора, 3 июля 1914 г. представители Великобритании и Тибета подписали отдельную декларацию к тексту Симлской конвенции, в которой признали условия конвенции обязательными для своих государств, в то время как Китай не мог пользоваться привилегиями данной конвенции до тех пор, пока не подпишет ее⁴⁹⁹. Китай данную конвенцию так и не ратифицировал, и в своей политике, соответственно, ей не руководствовался⁵⁰⁰. Тарчин неоднократно обращался в своих публикациях к тексту Симлской конвенции, поскольку, по его мнению, она имела очень важное значение в деле признания независимости Тибета. Все восемь выпусков «Зеркала Тибета» за последний 28-й год издания (1963 г.) содержат публикации копий Симлской конвенции и соответствующие пронационалистические комментарии Тарчина. Тот факт, что Китай отказался подписывать конвенцию, в которой было однозначно прописано, что Тибет находится под китайским сюзеренитетом, до сих пор используется протибетскими авторами в работах по истории Тибета в поддержку заявления о праве Тибета на независимость от Китая⁵⁰¹.

⁴⁹⁷ Kapstein 2006: 170.

⁴⁹⁸ Kapstein 2006: 172; van Schaik 2011: 194.

⁴⁹⁹ Кычанов, Мельниченко 2005: 224–225.

⁵⁰⁰ Goldstein 1997: 34.

⁵⁰¹ Powers and Templeman 2012: 243.

В начале статьи редактор «Зеркала Тибета» обращается к оценке тибетско-непальского конфликта в 1855–1856 гг. По словам Тарчина, Тибет «самостоятельно принял решение вступить в переговоры с непальским правительством»⁵⁰², импликацией чего считается популярный среди тибетской диаспоры тезис о том, что цинское правительство не оказало помощи Тибету в конфликте с Непалом. Однако американский тибетолог М. Капстейн убежден, что решение о ведении переговоров с непальцами принимал находящийся в Лхасе китайский амбань⁵⁰³. Несмотря на достигнутые договоренности, непальцы продолжили вторжение, что закончилось полным поражением тибетской стороны и подписанием мирного договора на непальских условиях. В результате конфликта в Лхасе открыли непальское представительство, Непал наделили правом свободной торговли и правом экстерриториальности в Тибете, а также тибетское правительство действительно обязали выплачивать ежегодную контрибуцию непальскому правительству. При этом существенным фактом, который вводит в заблуждение читателей «Зеркала Тибета», является указанная Тарчином сумма контрибуции. Редактор завышает сумму контрибуции в десять раз и из 10 тысяч серебряных рупий превращает ее в 100 тысяч⁵⁰⁴ рупий. Чем больше цифры, тем более впечатляюще они должны были звучать для реципиентов дискурса. Очевидно, что, обвиняя китайских коммунистов в преувеличении фактов и лжи⁵⁰⁵, Тарчин сам периодически прибегал к приукрашиванию и искажению информации в целях повышения убедительности конструируемого им метанарратива независимости.

Обсуждение тибетско-непальского договора 1856 г. встречается и в других публикациях «Зеркала Тибета». Например, в одиннадцатом выпуске 18-го года издания за 1 октября 1950 г. Тарчин в свете приближающегося наступления войск НОАК на восточный Тибет сообщает, что, согласно договору, «если на Тибет нападет другое иностранное государство, непальское правительство окажет

⁵⁰² Тиб. *bod gzhung nas gor gzhung dang chings bsgrigs kyis rang thag bead.*

⁵⁰³ Kapstein 2006: 164.

⁵⁰⁴ Тиб. *khri phrag bcu tham pa.*

⁵⁰⁵ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5, 8.

[Тибету] военную помощь»⁵⁰⁶. Однако необходимо отметить, что конфликт в 1855–1856 гг. не был единственным в истории тибетско-непальским столкновением. Не менее иллюстративным является и более раннее непальское вторжение в Тибет в 1788 г. Тогда тибетскому правительству не удалось самостоятельно защитить Тибет, и война закончилась только после того, как китайский император отправил семидесятитысячную китайскую армию на помощь своему тибетскому вассалу⁵⁰⁷. Тибетско-непальский конфликт в 1788–1792 гг. тоже закончился подписанием договора, но на китайских условиях. Непал обязали платить дань китайскому императору, а в Тибете в 1792 г. расширили права цинских амбаней, которые стали равны по статусу самому Далай-ламе⁵⁰⁸. Тарчин избегает упоминания данного эпизода в тибетской истории, поскольку тибетско-непальский конфликт 1788–1792 гг. не вписывается в конструируемый им образ независимого Тибета.

Что касается китайского представительства в Тибете, учрежденного в 1934 г., то, по убеждению Тарчина, оно было аналогично индийскому представительству в Тибете. Импликацией данного тезиса является то, что Индия не претендует на власть в Тибете, поэтому и Китай не должен претендовать на «освобождение» Тибета. Более того, Тарчин обращает внимание на тот факт, что еще в 1949 г. сотрудников китайского представительства выслали из Тибета по указу тибетского правительства. Американский тибетолог М. Голдстейн иначе оценивает визит делегации Хуан Мусуна⁵⁰⁹ в Лхасу в 1934 г. и ее значение для китайско-тибетских отношений⁵¹⁰. Целью поездки Хуан Мусуна было не просто выражение соболезнований по поводу смерти Далай-ламы XIII и установление дружественных отношений с Тибетом, как утверждал редактор «Зеркала Тибета». Отправление делегации Хуан Мусуна стало важной попыткой восстановления китайского влияния в Тибете после Синьхайской революции и провозглашения Далай-ламой

⁵⁰⁶ Тиб. *'das lo 1856pa 'i nang gor bod gnyis kyi chings don nang gsal gal srid bod la phyi rgyal su zhig nas dpung 'jug byed na gor gzhung nas dpung rogs byed rgyu yin.*

⁵⁰⁷ Goldstein 1997: 19; Powers and Templeman 2012: 260.

⁵⁰⁸ Kapstein: 158, 190.

⁵⁰⁹ Кит. 黄慕松; 1883–1937.

⁵¹⁰ Goldstein 1992: 213–214.

XIII независимости Тибета в 1913 г. Хотя Далай-ламе XIII не удалось добиться признания тибетской независимости на международном уровне, после 1913 г. он, тем не менее, пытался реализовывать де-факто независимую от Китая политику. М. Голдстейн полагает, что Чан Кайши считал Тибет неотъемлемой частью Китайской Республики, но китайское правительство стремилось получить официальное подтверждение Тибета, что тот признает себя частью Китая⁵¹¹. При этом тибетское правительство, обескровленное войной с Китаем в восточном Тибете, осознавало крайне высокую цену поддержания де-факто независимого статуса Тибета и рассматривало возможность сближения с новым республиканским правительством Китая, в связи с чем, по выражению М. Голдстейна, «с трепетом и надеждой» ожидало прибытие китайской делегации в Лхасу в 1934 г.⁵¹². В результате длительных переговоров Хуан Мусун и тибетское правительство не достигли согласия относительно статуса Тибета, но для поддержания возможности вести диалог тибетские министры разрешили остаться в Лхасе нескольким китайским представителям, тем самым обеспечив условия для учреждения китайского представительства⁵¹³. М. Голдстейн называет визит делегации Хуан Мусуна «крупным тактическим успехом» Китайской Республики, благодаря которому китайскому правительству не только удалось улучшить отношение тибетских чиновников и духовенства к Китаю, но и заявить всему миру, что Китай восстановил свое присутствие и власть в Тибете⁵¹⁴.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться при обсуждении озвученных в публикации идей Тарчина для петиции о вступлении Тибета в ООН, – это образ Тибета. Тарчин стремится убедить своих реципиентов в исторической независимости тибетского государства и высоком патриотическом духе тибетского народа. Идеализируя уровень национального самосознания жителей Тибета, Тарчин сначала подбадривает тибетоязычных читателей: во времена военной экспедиции Ф. Янгхазбенда, несмотря на плохое вооружение, тибетцы во имя

---

⁵¹¹ Goldstein 1992: 214, 224.

⁵¹² Goldstein 1992: 224.

⁵¹³ Goldstein 1992: 241.

⁵¹⁴ Goldstein 1992: 245.

независимости своей Родины храбро атаковали армию Великобритании, «сильного и обеспеченного государства»⁵¹⁵. Однако закончить пространный исторический нарратив Тарчин предпочитает риторическим вопросом, в котором Тибет предстает как независимое, но слабое «религиозное государство», которое находится в опасности и нуждается в помощи мирового сообщества: «Не будет ли прекрасно, если зарубежные государства, [хорошенько] подумав, придумают способ принять [Тибет] в состав ООН и окажут помощь и поддержку так, чтобы религиозному государству не нанесли какого-либо вреда?»⁵¹⁶. Поднимая дискурс о независимости Тибета на новый уровень, Тарчин включается в процесс интернационализации «тибетского вопроса» и призывает мировое сообщество принять Тибет в состав ООН, то есть признать тибетскую независимость.

Еще один показательный пример креативного подхода Тарчина к толкованию фактов из истории китайско-тибетских отношений и созданию убедительной подборки «доказательств» независимости Тибета можно найти в объемной публикации во втором выпуске 22-го года издания за 1 июня 1954 г. Под оформленным в виде риторического вопроса заголовком «Каким образом Тибет является китайской территорией?»⁵¹⁷ редактор перечисляет десять пунктов, доказывающих, по его мнению, историческую независимость Тибета от Китая:

1. Китайское правительство сделало так, что [сейчас] Тибет по всем аспектам является китайской территорией. Хотя и говорят, что раньше китайская армия контролировала территорию [протяженностью] до самой Лхасы, в древних царских генеалогиях Китая и Тибета есть всеобщие известные исторические документы с историей о том, что раньше сотни тысяч тибетских солдат контролировали территорию [протяженностью] вплоть до китайской столицы Пекин. Поэтому я теперь прошу доказательств! Подумайте, можно ли сказать, что, когда тибетцы обладали военной мощью, Китай являлся тибетской территорией?
2. Монгол или монгольский правитель по имени Хубилай-хан [1215–1294], имеющий происхождение из линии потомков монгольского правителя Чингисхана [ок.1162–1227],

⁵¹⁵ Тиб. *bod gzhung dpung dmag go mtshon ha cang zhan khar dmag rtsed dmag byus sogs gang ci nas stobs zhan pa zhig yin rung rang ljongs rang dbang rgyal khab bsrung skyobs ched du rgyal khab stobs 'byor gyi dpung dmag dang dpa' rtsal snying stobs chen pos dpung rgol hgyis.*

⁵¹⁶ Тиб. *phyi rgyal rnam nas dgongs bzhes thog 'dzam gling spyi tshogs su 'tshud thabs bsam chos ldan rgyal khab la nyer skyon gang yang mi 'byung ba i rogs ram brgyab skyor gnang na mi legs sam.*

⁵¹⁷ Тиб. *bod rgya khongs ji ltar yin.*

перенес свою столицу из Каракорума в Монголии в Пекин. На этом основании правительство Китая вступает в споры, заявляя, что Тибет является китайской территорией. Что касается этих [заявлений], в те времена даже сам Китай находился под властью монгольского правителя. Более того, Корея, Россия, Тибет, государства Среднего Востока и Восточной Европы находились под властью монголов. Монгольский правитель лишь перенес столицу в Китай, [но] в то время, когда государство монголов было центральным, [монгольский правитель] осуществлял управление Китаем и другими [территориями] посредством обособленно находящихся [там правителей]. В конце концов, во время так называемой династии Юань, [основанной] Хубилай-ханом, китайцы, восстав против монгольского правителя, окончательно изгнали [монголов]. Именно тогда не осталось оснований для споров, в которых утверждают, что Тибет являлся китайской территорией, и эти [споры] стали беспочвенными.

3. Во времена монгольского правителя Годана [1206–1251], внука правителя Чингисхана, в Монголию пригласили буддийского правителя-защитника Пагпа⁵¹⁸ [1235–1280] из [школы] Сакия. Поскольку сперва [ему] преподнесли тринадцать *тикор*⁵¹⁹ У и Цанг, а затем три тибетские области⁵²⁰, а именно, весь Уй, Цанг и верхний Кам, то [таким образом] тибетскую землю вернули тибетцам. То, что китайское правительство оспаривает, что монголы отдали [тибетские земли], определенно является бесстыдным преувеличением [размером с] гору, только правды [из этого размером с] яка.

4. Также, правитель монголов Гуши-хан Тэндзин Чогьел⁵²¹ [1582–1655] постепенно собрал тибетские земли вплоть до Дарцеда на востоке и в конце концов полностью изгнал местного правителя из Цанга. С тех пор, как [Гуши-хан] преподнес весь Тибет великому Далай-ламе V [1617–1682], и вплоть до настоящего времени [в Тибете] имеется независимое правительство. Вот так.

5. Также, правительства Монгольской Республики и Тибета в 1913 г. подписали в Урге соглашение о взаимном признании независимости своих правительств, освободившихся от угнетения маньчжурского императора, и предоставлении всесторонней взаимопомощи в мирных и военных вопросах.

6. В соответствии с всемирной традицией предоставления доказательств независимости, [можно представить следующие факты]. Происхождение Тибета, народ, язык,

⁵¹⁸ Тиб. *'gro mgon chos rgyal phags pa*.

⁵¹⁹ Тиб. *khri skor*. Тибетский термин *тикор* впервые ввели в Тибете монголы во времена династии Юань для обозначения административных единиц, равных 10 тысячам семейных хозяйств (Yang 2016: 557). Несмотря на то, что аналогичный термин *mude* (тиб. *khri sde*) упоминается в документах, датируемых еще VIII–IX вв., в то время он не использовался для обозначения административных единиц самого Тибета (Petech 1990: 50).

⁵²⁰ Тиб. *chol kha gsum*. Подробнее о тибетском термине «*чолкасу*» см. подраздел 2.2.3.5. Конструирование образа «своих».

⁵²¹ Тиб. *bstan 'dzin chos rgyal*; 1582–1655.

письменность и какие бы то ни были древние традиции не похожи на китайские. Более того, в наших руках находились собственные пограничные войска, банки, почта и представительства иностранных государств. Многие годы всем было известно, что [Тибет] стал независимым государством.

7. Также, крупные государства с помощью военной силы подчиняют себе маленькие государства, [а] затем, когда [маленькие государства], восстав, обретают собственные правительства, к их независимости относились и относятся с уважением. В соответствии с [этой] традицией, с года Водяного Быка [1913 г.], когда тибетцы изгнали китайских солдат, и до настоящего времени [Тибет] примерно 40 лет пребывал в независимости. Индийское, китайское, непальское и монгольское правительства того периода – все они признали вместе с соглашением, [подписанным в Урге], то, что Тибет является независимым. Какие еще нужны доказательства сверх [того, что уже перечислено]?

8. В 1947 г., сразу же после учреждения нового индийского правительства, представители тибетского государства даже прибыли с паспортами, [выданными] собственным [тибетским] правительством, на общественное заседание независимых азиатских государств. Затем, когда торговые представители тибетского правительства вместе с их главой отправились с паспортами, [выданными] собственным правительством, в Америку, Англию, Италию, Францию, Швейцарию и Китай, они попросили признать данный факт и тем самым добились полной независимости [Тибета], что стало известно всему миру.

9. У нас, тибетского народа, даже в мыслях не было, чтобы здесь, в тибетском государстве, оказаться под властью кого-либо, [и], в особенности, [мы] никогда не хотели попасть под власть Китая. Даже если спросить кого-либо из тибетских нищих, легко узнать [это]. Более того, все тибетские люди на своей родине точно были всесторонне обеспечены едой и одеждой и пребывали в полном удовлетворении от свободы и мира. Поскольку на тибетской земле не было тирании какого-либо из иностранных государств, [у нас] не было желания и необходимости быть освобожденными. Даже уровень жизни всего тибетского народа, находясь в совершенно ужасном состоянии [сейчас], говорит о выводе [китайских] освободительных войск. На обращение [тибетцев] с прошением о [своих] лишениях [коммунистическое правительство] отвечает усилением угнетения. Как известно, согласия с желаниями народа нет.

Если нужно освободить [Тибет], то китайское правительство без обманного вмешательства освободит тибетцев одного за одним и, спросив, какая [тибетцам] нужна свобода, в соответствии с общемировой практикой, вместе с представителями государств-посредников организует голосование, как того желает каждый тибетский человек. [Вот] тогда будет все в порядке.

10. Соглашение о достижении согласия [Китайско-индийское соглашение 1954 г.], подписанное недавно в Пекине без представителей тибетского правительства, было сделано, чтобы продемонстрировать, что в том, что называют «тибетским правительством», нет смысла. Ранее на трехстороннем соглашении о свободе Тибета [Симлская конвенция], подписанном Великобританией, Китаем и Тибетом, китайский представитель поставил подпись, но, поскольку не скрепил печатью, говорят, что [то соглашение] не имеет силы. Однако [Китаю] приходилось считаться с поправками в [том двустороннем] соглашении о независимости Тибета, которое было отдельно подписано Великобританией и Тибетом [вместо трехсторонней Симлской конвенции].

В том [двухстороннем тибетско-британском соглашении] написано «владыка всей Индии великий король Англии», а, так как сейчас появилось новое индийское правительство, то [некоторые] допускают, что то соглашение не имеет силы. Поскольку независимая Индия возникла с подачи Великобритании, то [ее] наследие не отличается [от наследия Британской Индии], поэтому все начинания – без [необходимости] внесения специальных поправок – имели и продолжают иметь [такую же] силу, как во времена Британской [Индии].

Когда Индия обрела независимость, хотя тибетскому правительству обещали соблюдать Симлскую конвенцию, [Индия] не считалась с тем соглашением, о чем я чрезвычайно печалюсь. Как бы там ни было, то [двустороннее] соглашение, подписанное Великобританией и Тибетом в Симле, является подлинным договором, доказывающим независимость Тибета. Поэтому его необходимо непременно соблюдать.

Также, предположим, что то [двустороннее тибетско-британское] соглашение не подписали [бы]. Однако, если соблюдать трехстороннюю Симлскую конвенцию, подписанную Великобританией, Китаем и Тибетом, то вооруженное вторжение на территорию Тибета, которое осуществило китайское правительство, в целом противоречит мировым законам и, в частности, пунктам Симлской конвенции. Посмотрите на нее [Симлскую конвенцию]!

Более того, китайское правительство в разрез с желанием Тибета силой принудило тибетцев подписать так называемое Пекинское соглашение из 17 пунктов, тем самым нарушив пятый пункт Симлской конвенции.

[Есть] причины, по которым и раньше [надо было] соблюдать, и сейчас необходимо соблюдать [условия] Симлской конвенции. Соглашение, подписанное в Лхасе в 1904 г. [Лхасская конвенция], пришлось подписать, так как британские войска оказали давление на Тибет. [А что касается Торгового] соглашения, подписанного в Калькутте в 1908 г., когда предыдущее перерождение Далай-ламы пребывало в монастыре Кумбум, тибетское правительство не наделяло представителей Тибета правом [его подписывать]. Так как

китайцы оказывали давление, тибетское правительство выполняло, говоря, что нет возможности соблюдать оба вышеупомянутых соглашения. Тогда, поскольку в те времена военные силы тибетцев были слабее, китайское правительство в одностороннем порядке напало [на Тибет]. Из-за этого предыдущее перерождение Далай-ламы отправилось в Индию и поэтапно проводило переговоры с британским правительством. Содержание [переговоров] впоследствии [реализовали] в [процессе] подписания Симлской конвенции, поэтому чрезвычайно важно соблюдать [условия] обоих⁵²² соглашений⁵²³.

Тарчин опубликовал данную статью в июне, уже после того, как 29 апреля 1954 г. Индия и КНР подписали соглашение о мирном сосуществовании и торговле и связях между Тибетским районом и Индией. И переговоры в Пекине, и подписание соглашения проходили в двустороннем порядке без представителей Тибета, что ознаменовало официальное признание Индией суверенитета Китая над Тибетом⁵²⁴. Поскольку отношения между тибетским и китайским коммунистическим правительствами были весьма любезными в тот период, в самом Тибете Китайско-индийскому соглашению 1954 г. не придали особого значения⁵²⁵. Однако соглашение вызвало шок у радеющих за независимость Тибета представителей тибетской диаспоры в Индии во главе с братом Далай-ламы XIV Гьело Дондубом и стимулировало тибетскую оппозицию заняться более активным стратегическим планированием программы противостояния КНР с территории Индии, что в итоге привело к сотрудничеству и даже финансированию со стороны индийских спецслужб⁵²⁶. М. Голдстейн утверждает, что организация пропаганды и борьбы за независимость Тибета из Индии в том числе предполагала распространение информации в газете на тибетском языке⁵²⁷. Поскольку в 1954 г. на территории Индии существовало всего две газеты на тибетском языке (а именно «Зеркало Тибета» и более узко специализированная на проповедовании христианства «Ладакх понья»), можно сделать вывод о том, что печатным органом

---

⁵²² Не совсем понятно, почему Тарчин пишет «обоих соглашений». Имеет ли он в виду оба Симлских соглашения, то есть то, которое Китай не ратифицировал, и то, которое в двустороннем порядке подписали Великобритания и Тибет в Симле, или же речь идет про соглашения 1904 г. и 1908 г., которые он также упомянул в тексте данной публикации, не ясно.

⁵²³ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954: 10–12.

⁵²⁴ Goldstein 2007: 469.

⁵²⁵ Goldstein 2007: 471, 474.

⁵²⁶ Goldstein 2007: 470–472, 477.

⁵²⁷ Goldstein 2007: 475.

тибетской оппозиции в Индии служило именно «Зеркало Тибета», а приведенная выше статья по истории Тибета входила в их меры борьбы за независимость Тибета.

В данной публикации Тарчин, хотя и опускает достаточно длинный ряд важных исторических событий, которые могли бы скомпрометировать конструируемый им метанарратив независимости, но, тем не менее, почти не перепрыгивает хаотично туда-обратно из разных эпох, как это можно было заметить в двух проанализированных ранее статьях «Зеркала Тибета» за 1950 г. Также необходимо признать, что некоторые аргументы Тарчина в данной публикации имеют право на существование, особенно при условии оговорки или уточнения. Вместе с тем отдельные факты, приведенные им в качестве доказательства независимости Тибета от Китая, искажают историческую действительность.

Например, в первом пункте статьи Тарчин рассуждает о военной мощи Тибетской империи (VII–IX вв.), которая успешно воевала с китайской империей Тан (VII–X вв.). Редактор «Зеркала Тибета» заявляет, что раньше тибетцы контролировали территорию вплоть до китайской столицы Пекин. С одной стороны, в утверждении Тарчина есть правда, потому что в 763 г. тибетские войска на 15 дней действительно заняли столицу Китая⁵²⁸. Но тут же следует уточнить, что столицей империи Тан тогда был совсем другой город под названием Чанъань (ныне территория г. Сиань), а топоним «Пекин» появился лишь в XV в. На основании частного утверждения о военных успехах тибетской армии в конкретный исторический период Тарчин завершает первый пункт обобщающим риторическим вопросом, который расширяет поле для дальнейшей дискуссии о политическом статусе Тибета: «Можно ли сказать, что, когда тибетцы обладали военной мощью, Китай являлся тибетской территорией?»⁵²⁹.

Придерживаясь исторической хронологии, редактор переходит от имперского периода к династии Юань (XIII–XIV вв.). Акцентируя внимание читателей на монгольском происхождении династии и ее свержении самими

⁵²⁸ Кычанов, Мельниченко 2005: 55.

⁵²⁹ Тиб. *gal te bod par dpung stobs yod tshe rgya nag bod kyi khongs yin ces brjod chog gam.*

китайцами, Тарчин парирует воображаемые заявления прокитайских историков о непрерывности линии преемственности правящих Китаем династий и называет «беспочвенными»⁵³⁰ споры о том, что при династии Юань Тибет был частью Китая. Логической импликацией рассуждений Тарчина о том, что «Корея, Россия, Тибет, государства Среднего Востока и Восточной Европы находились под властью монголов»⁵³¹, соответственно, можно считать, что если в тот период Тибет и был частью какого-то государства, то это было монгольское государство, но не китайское.

Поскольку на момент издания статьи монголы уже давно не претендовали на власть в Тибете, Тарчина не смущает то, что в его аргументации в пользу тибетской независимости монгольские персонажи – Хубилай-хан (1215–1294), Годан-хан (1206–1251), Гуши-хан (1582–1655) – очевидным образом показаны как главные действующие лица на политической арене Тибета, которые вернули Тибету тибетские земли и осуществили там централизацию власти. Более того, в нарративе Тарчина, после того как Гуши-хан «преподнес весь Тибет великому Далай-ламе V»⁵³², в Тибете непрерывно правило собственное независимое правительство Далай-ламы вплоть до настоящего времени. Сравнивая заявления Тарчина с материалами исследований современных историков, следует отметить, что фактически, преподнося территорию Тибета Далай-ламе V, Гуши-хан объявил себя самого царем Тибета, и с XVII в. вплоть до 1959 г. тибетское правительство не было в состоянии эффективно постоять за Тибет без активной или негласной военной помощи извне⁵³³.

Развивая тему тибетско-монгольских отношений, Тарчин указывает на то, что в 1913 г. Тибет и «Монгольская Республика»⁵³⁴ подписали соглашение о взаимном признании независимости друг друга, что отчасти является правдой. Монгольская Народная Республика была провозглашена только в 1924 г., но в

⁵³⁰ Тиб. *ritsa med*.

⁵³¹ Тиб. *ko ri ya/_u ru su/_bod/_shar dbus ma'i rgyal khab khag/_yu rob shar phyogs kyi rgyal khab khag bcas sog pa'i mnga' 'og tu yod*.

⁵³² Тиб. *bod yongs rdzogs rgyal dbang rgyal dbang lnga pa chen por phul pa nas da bar rang dbang gi gzhung dang bcas yod pa de ltar yin*.

⁵³³ Powers and Templeman 2012: 35.

⁵³⁴ Тиб. *sog po'i mi ser rgyal khab*.

январе 1913 г. в Урге действительно подписали Монголо-тибетский договор о дружбе и взаимопомощи. От имени Тибета договор подписывал представитель Далай-ламы XIII Агван Доржиев (1853–1938), который при этом официально был подданным Российской империи, вследствие чего легитимность монголо-тибетского соглашения ставится под сомнение⁵³⁵. Кроме того, по воспоминаниям британского дипломата Х. Ричардсона, позднее во время обсуждения договора с представителями Британской империи Далай-лама XIII, вероятно, опасаясь создать впечатление, что Тибет в большей степени расположен к сближению с Россией, чем с Великобританией, сам же отрицал статус монголо-тибетского соглашения 1913 г., называя его не настоящим договором, а лишь символическим «обменом заверений о дружбе»⁵³⁶.

Далее, в седьмом пункте статьи, Тарчин заверяет читателей, что Монголо-тибетский договор 1913 г. признали другие государства, а именно правительства Индии, Непала и даже Китая. Однако это не так. Договор не получил международного признания и не был признан Британской империей, которой в 1913 г., очевидно, подчинялось и правительство Британской Индии⁵³⁷. Несмотря на то, что Тарчин заканчивает седьмой пункт очередным риторическим вопросом, «какие еще нужны доказательства»⁵³⁸ независимости после всего перечисленного выше, редактор «Зеркала Тибета», тем не менее, решает дополнить картину исторического прошлого еще тремя объемными пунктами.

В восьмом пункте статьи Тарчин приводит примеры двух других спорных исторических событий, которые он считает подтверждением тибетской независимости. В 1947 г. тибетская делегация действительно участвовала в Азиатской конференции в Дели. На церемонии открытия конференции подняли флаг независимого Тибета, а в зале заседаний вывесили карту, на которой Тибет изобразили как независимое государство, что незамедлительно вызвало протест со стороны Китайской Республики, и тибетский флаг с картой сняли⁵³⁹. Таким

⁵³⁵ Mehra 2003: 175.

⁵³⁶ Smith W. 1996: 185–186.

⁵³⁷ Кычанов, Мельниченко 2005: 223.

⁵³⁸ Тиб. *de lhag khungs bskyel ci la dgos*.

⁵³⁹ Shakya 2000: 3.

образом, международного признания независимости Тибета от Китая на Азиатской конференции не произошло.

Что касается тура тибетской торговой делегации в 1947–1948 гг., М. Голдстейн называет его «самым противоречивым эпизодом в современной истории Тибета»⁵⁴⁰. Помимо торговых вопросов, перед членами делегации стояла задача по получению международного признания их тибетских паспортов, что представлялось для тибетского правительства равнозначным признанию независимого статуса Тибета⁵⁴¹. Начав тур с Индии, тибетская делегация была вынуждена отправиться в Китай, причем по китайским паспортам, специально выданным им для этого китайским консульством в Калькутте⁵⁴². Британское и американское правительства отказались оформлять визы в тибетские паспорта на территории Индии и рекомендовали членам делегации оформить визы в Китае⁵⁴³. Китайские власти, естественно, выступали против использования делегацией тибетских паспортов во время путешествия, поэтому тибетцы схитрили. Заверив китайцев, что из Китая планируют возвращаться обратно в Тибет через Индию, члены делегации отправились в британский Гонконг, откуда, избавившись от китайских паспортов, все-таки смогли въехать по тибетским паспортам сначала в США, а затем и в Великобританию⁵⁴⁴. Китайские власти не преминули выразить свой протест и настаивали на сопровождении членов тибетской делегации в США и Великобритании представителями своего посольства⁵⁴⁵. Соответственно, хотя тибетской делегации удалось создать интересный прецедент с тибетскими паспортами, своей поездкой тибетцы не «добились полной независимости», и о независимости Тибета не «стало известно всему миру»⁵⁴⁶, как утверждает Тарчин в публикации. Важно отметить, что до 1959 г. в Тибете не существовало каких-либо единых идентификационных документов для «тибетских граждан», а

⁵⁴⁰ Goldstein 1992: 570.

⁵⁴¹ Shakya 1990: 107.

⁵⁴² Goldstein 1992: 579–580.

⁵⁴³ Goldstein 1992: 576–578.

⁵⁴⁴ Подробнее о путешествии тибетской делегации в США и Великобританию см. Goldstein 1992: 582–604.

⁵⁴⁵ Goldstein 1992: 584–588.

⁵⁴⁶ Тиб. *rang gzhung gi spA se bsnams te phebs skabs de dag gis de don ngos len zhus pa ni rang btsan gtsang ma yin pa'i sgrub rjes 'dzam ging yongs grags yin.*

тибетское правительство издало ровно четыре паспорта специально для целей поездки представителей торговой делегации за рубеж и создания данного прецедента⁵⁴⁷. По мнению М. Голдстейна, тибетская торговая делегация своим визитом в США и Великобританию никак не изменила ни официальной британской позиции по статусу Тибета, ни американской, оставив Тибет по-прежнему без желанного международного признания его независимости⁵⁴⁸.

В девятом пункте статьи Тарчин уверенно заявляет от лица всех тибетцев о том, что жители «тибетского государства» никогда не хотели быть подвластны какому-либо другому государству, и «в особенности» Китаю⁵⁴⁹. Кроме того, раньше население Тибета было «всесторонне обеспечено едой и одеждой и пребывало в полном удовлетворении от свободы и мира», в то время как сейчас из-за «освобождения» Тибета силами НОАК уровень жизни народа упал⁵⁵⁰. Для выхода из сложившейся экономической ситуации Тарчин предлагает предпринять весьма инновационную для своего времени инициативу: правительство КНР должно, «в соответствии с общемировой практикой», провести голосование, «как того желает каждый тибетский человек»⁵⁵¹, и таким образом предоставить тибетцам истинную свободу выбора – быть «освобожденными» Китаем или быть независимыми от Китая. Следует отметить, что, говоря от имени всего тибетоязычного населения, находящегося под властью КНР, Тарчин преувеличивает и искажает историческую действительность. Если с тезисом о нежелании тибетского правительства находиться в подчиненном от Китая положении, в целом, можно согласиться, то рассуждать так однозначно о мнении жителей восточного Тибета не совсем корректно. Исследователи отмечают, что часть населения восточного Тибета с презрением относилась к власти тибетского

⁵⁴⁷ Asfuroglu 2012: 53.

⁵⁴⁸ Goldstein 1992: 605.

⁵⁴⁹ Тиб. *rang re bod mi dmangs kyi 'dod par yang bod 'di rgyal khab su 'dra zhig gi 'og tu gtong sems cing / 'lhag par rgya 'og tu nam yang 'gro sems med pa yin.*

⁵⁵⁰ Тиб. *bod mi tshang ma rang yul du zas gos gang sa nas khungs 'khyol nges dang / 'rang dbang dga' bde chog shes chen pos gnas shing [...] bod mi dmangs yongs kyi skyid sdug gis kyang bcings dkrol dmag mi phyir 'then yod pa zhes 'u thug drag po.*

⁵⁵¹ Тиб. *gal te bcings dkrol ci nas dgos kyi yod tshe rgya nag gzhung gis ngan g.yo the byus med par bod mi re re bzhin bcings dkrol dang / 'rang dbang ci dgos zhes 'dzam gling spyi 'i srol dang mihun par btang snyoms rgyal khab khag gi sku tshab dang bcas bod mi so so 'i 'dod pa bzhin 'os tho bsdus tshe de kas 'grigs nges.*

правительства в регионе, выступая за автономию или даже более тесные связи с Китаем⁵⁵². Первоначально многие жители Кама благосклонно относились к наступлению НОАК и приходу к власти китайских коммунистов, видя в этом возможность большей автономии и свободы от налогового бремени и воинской повинности, накладываемых на них тибетским правительством⁵⁵³. М. Голдстейн также сообщает, что в середине 1940-х гг. и в центральном Тибете было немало сторонников восстановления близких отношений с Китаем – как среди представителей духовенства, так и среди светских чиновников⁵⁵⁴.

В десятом пункте редактор «Зеркала Тибета» снова подробно обсуждает важность Симлской конвенции для признания независимого статуса Тибета. Хотя Тарчин отмечает, что китайский представитель не поставил печать на тексте договора, он, тем не менее, двусмысленно называет конвенцию «подписанной Великобританией, Китаем и Тибетом»⁵⁵⁵. Однако, как уже говорилось ранее, Симлская конвенция не была ратифицирована и признана Китаем, поэтому китайское правительство не соблюдало ее.

В последнем пункте Тарчин создает иллюзию независимости Тибета в период правления династии Цин, в частности во время подписания Великобританией и Китаем «Правил о торговле в Тибете» в Калькутте в апреле 1908 г.⁵⁵⁶. Редактор «Зеркала Тибета» сообщает, что сам Далай-лама XIII в то время пребывал в монастыре Кумбум, а тибетское правительство не наделяло тибетских представителей правом подписывать данный документ. Необходимо пояснить, что Далай-лама XIII оставался в монастыре Кумбум в восточном Тибете в 1906–1908 гг. по приказу китайского императора. После бегства в Монголию от британской экспедиции Ф. Янгхазбенда Далай-лама ожидал в Кумбуме, когда получит приглашение на аудиенцию к императору в Пекин, чтобы вернуть себе право вернуться в Лхасу⁵⁵⁷. Более того, в период отсутствия Далай-ламы XIII

⁵⁵² McKay 2003: 656; Hillman 2018: 719.

⁵⁵³ Powers and Templeman 2012: 358.

⁵⁵⁴ Goldstein 1992: 532.

⁵⁵⁵ Тиб. *dbyin rgya bod gsum gyi bar bzhaq pa'i chings yig*.

⁵⁵⁶ См. van Walt van Praag 1987: 43.

⁵⁵⁷ Goldstein 1992: 48.

динские амбани предприняли попытки китаизировать тибетскую элиту и провести прокитайские реформы в Тибете. В 1907 г. в Лхасе открыли китайскую школу, а в 1908 г. военное училище⁵⁵⁸. После того как Китай полностью выплатил всю тибетскую контрибуцию Великобритании, о чем стороны условились ранее в рамках Англо-китайской конвенции 1906 г., представители Китая и Великобритании подписали новые «Правила торговли с Тибетом», которые ужесточали контроль Китая за британско-тибетской торговлей⁵⁵⁹. Наконец, получив разрешение императора, Далай-лама XIII вернулся в Лхасу в декабре 1909 г. Но, узнав о том, что для обеспечения контроля за ним в Лхасу также направили дополнительный контингент китайских войск, Далай-лама XIII бежал в Индию, за что снова был лишен всех своих титулов⁵⁶⁰. Китайские войска вывели из центрального Тибета только после Синьхайской революции весной 1912 г., и в январе 1913 г. Далай-ламе XIII удалось вернуться в Лхасу, которая впервые с XVIII в. была свободна от китайских чиновников и войск⁵⁶¹. В то же время даже после Синьхайской революции китайцы не покидали территорию восточного Тибета, где периодически происходили вооруженные столкновения с местным тибетоязычным населением⁵⁶².

Хотелось бы обратить внимание и на шестой пункт статьи, где Тарчин делает еще одно обобщающее заявление от имени всего тибетоязычного населения о том, что миф о происхождении Тибета, тибетский народ, язык, письменность и традиции «не похожи на китайские»⁵⁶³. Отрицание связей с Китаем и отчуждение китайской культуры стало важной составляющей метанарратива независимости Тибета. Образ «своих» конструировался через сравнение и отстранение от «чужих». Редактор «Зеркала Тибета» нивелировал существовавшее разнообразие мифов, диалектов, социальных структур, религиозных и ритуальных практик на просторах этнического Тибета и тем самым создавал собирательный образ всего

⁵⁵⁸ Goldstein 1992: 47.

⁵⁵⁹ Кычанов, Мельниченко 2005: 215.

⁵⁶⁰ Goldstein 1992: 51–52.

⁵⁶¹ Goldstein 1992: 59.

⁵⁶² Goldstein 1992: 65.

⁵⁶³ Тиб. *bod yul gyi chags tshul dang /_mi rigs/_skad yig/_sngar srol gang ci rgya nag dang 'dra ba min.*

тибетоязычного населения как единой тибетской нации⁵⁶⁴. В контексте шестого пункта интересно отметить, что Далай-лама XIV родился в той части восточного Тибета, где этнически тибетское население говорило на диалекте китайского языка с примесью тибетской лексики, вследствие чего сам Далай-лама называет своим первым языком китайский⁵⁶⁵. Идея о единой тибетской нации с гомогенной тибетской культурой, отличной от или даже чуждой китайской, неоднократно актуализировалась Тарчином в его публикациях в «Зеркале Тибета», примеры чему будут представлены далее в данной главе.

Тарчин развивал тему доказательств тибетской независимости не только в рамках текстовых публикаций, но и с помощью визуальных материалов. Так, в шестом выпуске 25-го года издания за ноябрь 1958 г. редактор разместил следующую иллюстрацию с описанием:

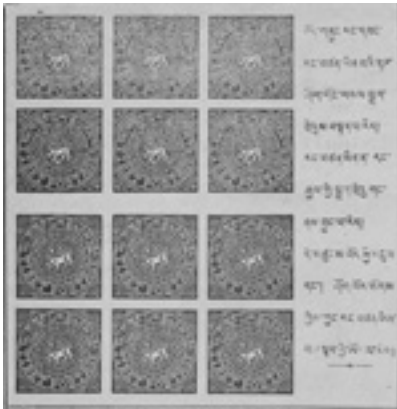

Рис. 1. Тибетские почтовые марки (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958: 2). Одним из свидетельств того, что тибетское правительство было независимым, являются представленные здесь почтовые марки. Если [Тибет] не был независимым, откуда возникли собственные государственные почтовые марки? Аналогично этому, [тибетские] монеты и денежные купюры также представляют [собой доказательство того], что [Тибет] является независимым⁵⁶⁶.

⁵⁶⁴ Подробнее о гетерогенности этнического Тибета см. Samuel 1993: 39–114. О мифах см. Powers and Templeman 2012: 13.

⁵⁶⁵ Powers and Templeman 2012: 6.

⁵⁶⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958: 2.

После экспедиции Ф. Янгхазбенда в Тибет в 1903–1904 гг. по маршруту индийского торгового пути в Лхасу были учреждены индийские почтовые бюро, через которые тибетские почтовые отправления шли за границу под индийскими марками⁵⁶⁷. Заметив нарастающее британское влияние в Тибете, империя Цин не осталась в стороне: в 1910 г. в Тибете также учредили китайские почтовые станции, где использовались китайские почтовые марки⁵⁶⁸. Однако после Синьхайской революции китайские почтовые отделения в Тибете закрыли, и в 1912 г., по инициативе вернувшегося из Британской Индии Далай-ламы XIII, в числе прочих мер по модернизации Тибета тибетское правительство эмитировало первые собственные почтовые марки⁵⁶⁹. В 1914 г. и 1933 г. осуществили еще две эмиссии тибетских марок⁵⁷⁰. Вместе с тем, поскольку независимость Тибета не была признана на международном уровне и Тибет не являлся членом Всемирного почтового союза, тибетские марки могли быть использованы только в пределах территории самого Тибета и не имели какой-либо силы за границей⁵⁷¹. Таким образом, представленные Тарчином в «Зеркале Тибета» образцы тибетских марок эмиссии 1914 г.⁵⁷² сложно назвать объективным подтверждением независимости Тибета.

При анализе данной публикации следует сказать несколько слов и об упомянутой Тарчином тибетской валюте. В XVII в. в Тибете пользовались серебряными монетами, которые чеканили в Непале⁵⁷³. В 1763 г. и 1785 г. тибетское правительство выпустило первые собственные монеты⁵⁷⁴. С 1792 г. по 1830-е гг. в Тибете массово чеканили монеты, надписи на которых делали одновременно на китайском и тибетском языках⁵⁷⁵. С 1840 г. до 1954 г. тибетское правительство чеканило монеты с надписями только на тибетском языке⁵⁷⁶. В 1913 г. в Тибете

---

⁵⁶⁷ Владинец 1984: 75.

⁵⁶⁸ Владинец 1984: 74–75; Sawerthal 2018a: 41–42; Deb 2020: 5–9.

⁵⁶⁹ Владинец 1984: 74–75.

⁵⁷⁰ Deb 2020: 7–8.

⁵⁷¹ Sawerthal 2018a: 42.

⁵⁷² Feldman 2017: 44.

⁵⁷³ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁷⁴ Ryavec 2015: 24.

⁵⁷⁵ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁷⁶ Powers and Templeman 2012: 171.

впервые ввели в оборот бумажные купюры⁵⁷⁷. Однако, по воспоминаниям посетившей Тибет француженки А. Давид-Неель, тибетские купюры в 1920-е гг. все еще не имели широкого обращения среди населения Тибета, а тибетские торговцы отказывались их принимать⁵⁷⁸. Исследователи также сообщают, что тибетская валюта иногда сосуществовала в Тибете наряду с другими валютами⁵⁷⁹. Во второй половине XIX в. и первой трети XX в. в Тибете особенно ценились британские индийские рупии с изображением королевы Виктории, которые население Кама использовало как основной вид валюты⁵⁸⁰. Кроме того, тибетская валюта не имела ценности за границей, например в Индии, поэтому для торговли там использовали бартер⁵⁸¹. Несмотря на введение собственных монет и купюр, бартер продолжали использовать и во многих отдаленных уголках Тибетского плато⁵⁸². На основании немногочисленных доступных сведений по истории обращения тибетской валюты можно сделать вывод о том, что в отдельные периоды тибетское правительство действительно выпускало собственную валюту, однако необходимо признать и то, что в истории Тибета были такие периоды, когда тибетские монеты чеканились не только с тибетскими, но и с китайскими надписями, а также тот факт, что на территории Тибетского плато не было унифицировано и регламентировано использование именно тибетской валюты, что приводило к бартеру и обороту индийских рупий и китайских серебряных монет. Соответственно, аналогично тибетским почтовым маркам, существование тибетских монет и денежных купюр не может служить безусловным доказательством независимого статуса Тибета на протяжении всей его истории.

Обобщая результаты анализа публикаций по тибетской истории в «Зеркале Тибета», необходимо сказать, что для конструируемого Тарчином нарратива свойственно искажение исторической действительности и категоричное толкование спорных фактов однозначно в пользу независимости Тибета. Помимо

---

⁵⁷⁷ Powers and Templeman 2012: 172.

⁵⁷⁸ David-Neel 1986: 268.

⁵⁷⁹ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁸⁰ Ryavec 2015: 24.

⁵⁸¹ Powers and Templeman 2012: 701.

⁵⁸² Shakabpa 1984: 10.

использования в публикациях заведомо дискуссионных трактовок исторических фактов, Тарчин усиливал персуазивное воздействие с помощью разнообразных ссылочных («вот так»⁵⁸³; «поскольку ...»⁵⁸⁴; «в силу того, что ...»⁵⁸⁵; «помимо ...»⁵⁸⁶, «как бы там ни было ...»⁵⁸⁷, «затем ...»⁵⁸⁸, «аналогично/также ...»⁵⁸⁹, «если ..., то ...»⁵⁹⁰, «однако»⁵⁹¹) и межличностных дискурсивных маркеров («хорошенько подумайте ...!»⁵⁹²; «посмотрите ...!»⁵⁹³; «взгляните еще раз ...!»⁵⁹⁴, «написал истинно верный Тибету»⁵⁹⁵), а также генерализирующих высказываний («всем известно, что ...»⁵⁹⁶; «всеобщие известные исторические документы»⁵⁹⁷; «не осталось оснований для споров»⁵⁹⁸; «многие годы всем было известно, что ...»⁵⁹⁹; «стало известно всему миру»⁶⁰⁰; «как известно, ...»⁶⁰¹; «как того желает каждый тибетский человек»⁶⁰²), риторических вопросов («что такого в ...?»⁶⁰³; «что же удивительного в ...?»⁶⁰⁴; «какие еще нужны доказательства?»⁶⁰⁵), метафоризации («император онемел»⁶⁰⁶, Китай «силой съел»⁶⁰⁷ районы Тибета, «бесстыдное преувеличение [размером с] гору, только правды [из этого размером с] яка»⁶⁰⁸).

В публикациях Тарчина Тибет предстал в образе слабого – но при этом исторически независимого – религиозного государства-жертвы, которое, находясь в опасности по вине агрессора-предателя коммунистического Китая, просит

⁵⁸³ Тиб. *de ltar yin*.

⁵⁸⁴ Тиб. [...] *gshis*; [...] *par brten*.

⁵⁸⁵ Тиб. [...] *stabs*.

⁵⁸⁶ Тиб. [...] *ma zad*.

⁵⁸⁷ Тиб. *gang ltar* [...].

⁵⁸⁸ Тиб. *de rjes* [...].

⁵⁸⁹ Тиб. *yang* [...].

⁵⁹⁰ Тиб. [...] *gal te*.

⁵⁹¹ Тиб. *'on kyang*.

⁵⁹² Тиб. *bsam blo legs zhib thongs shig*.

⁵⁹³ Тиб. *gzigs*.

⁵⁹⁴ Тиб. *bskyar du gzigs zhib gnang bar mdzod*.

⁵⁹⁵ Тиб. *zhes pa 'di yang bod la zhen che gsar 'gyur byed pos rmongs 'char du bkod*.

⁵⁹⁶ Тиб. *tshang mas mkhyen gsal*.

⁵⁹⁷ Тиб. *rgya bod gnyis ka 'i sngar gyi rgyal rabs kyi yig cha yongs grags khag*.

⁵⁹⁸ Тиб. *risod byed gzhi khungs med*.

⁵⁹⁹ Тиб. *lo mang rang btsan rgyal khab tu gyur pa yongs grags*.

⁶⁰⁰ Тиб. *'dzam ging yongs grags yin*.

⁶⁰¹ Тиб. *shes gsal*.

⁶⁰² Тиб. *bod mi so so 'i 'dod pa bzhin*.

⁶⁰³ Тиб. *don ci red*.

⁶⁰⁴ Тиб. *ha las rgyu ga re yod pa red*.

⁶⁰⁵ Тиб. *de lthag khungs bskyel ci la dgos*.

⁶⁰⁶ Тиб. *rgya nag gi gong ma spid [sprid]*.

⁶⁰⁷ Тиб. *dbang yod kyis bod kyi sa a mdo dang khams khul mang po zas pa red*.

⁶⁰⁸ Тиб. *ham ri bden g.yag thob re kho nar nges*.

международное сообщество о помощи. Если для завоевания внимания тибетоязычных читателей редактор «Зеркала Тибета» использовал буддийские понятия и аллюзии, то для привлечения сочувствия стран Запада Тарчин не только составлял целые списки исторических «доказательств» независимости Тибета, но и стремился обсуждать «тибетский вопрос» на современном языке мировой политики («принять в ООН»⁶⁰⁹, «противоречит мировым законам»⁶¹⁰, «в соответствии с общемировой практикой»⁶¹¹, «организовать голосование»⁶¹², «с паспортами, выданными собственным правительством»⁶¹³ и т.д.). Таким образом, не забывая о религиозности своей целевой аудитории в Тибете, Тарчин вооружал тибетоязычных читателей знаниями из области современных международных отношений и учил бороться за независимость путем построения понятной для Запада аргументации. Фрагменты конструируемого Тарчином метанарратива независимости до сих пор звучат актуально и убедительно для тибетоязычной диаспоры, в связи с чем воспроизводятся протибетскими авторами в их работах по истории Тибета, о чем будет подробнее рассказано в последней главе данной диссертации.

2.2.3.2. Конструирование настоящего

В данном подразделе представлен анализ подборки публикаций «Зеркала Тибета» о текущих событиях в Тибете в 1950–1960-е гг., в которых Тарчин, развивая метанарратив независимости, ставит под сомнение легитимность власти правительства КНР на Тибетском плато в настоящем и путем критики китайских коммунистов стремится пробудить пронационалистические настроения у тибетоязычной читательской аудитории.

Еще в сентябре 1949 г. стало известно, что КПК точно планирует «освободить» Тибет, однако активные наступательные действия начались только в

⁶⁰⁹ Тиб. *'dzam gling spyi tshogs su 'tshud.*

⁶¹⁰ Тиб. *'dzam gling spyi khrims dang [...] 'gal ba.*

⁶¹¹ Тиб. *'dzam gling spyi 'i srol dang mthun par.*

⁶¹² Тиб. *'os tho bsdu.*

⁶¹³ Тиб. *rang gzhung gi lag 'khyer lam yig gam spA se bsnams.*

1950 г.⁶¹⁴. Так называемое «мирное освобождение» Тибета, зафиксированное в виде Соглашения из 17 пунктов в мае 1951 г., стало определяющим событием современной тибетской истории, которое, по мнению М. Голдстейна, открыло новую главу в китайско-тибетских отношениях, официально завершив конфликт относительно «тибетского вопроса»⁶¹⁵. Вместе с тем подробное знакомство с содержанием публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. свидетельствует о том, что Тарчин уделял достаточно много внимания дискурсу «освобождения» и концептуализации данного понятия на тибетском языке, определенно не считая «тибетский вопрос» закрытым даже после мая 1951 г.

В октябре 1950 г. войска НОАК, заняв позицию у восточных границ политического Тибета, вступили в открытую конфронтацию с тибетской армией в Чамдо и в результате семнадцатидневного сражения одержали победу, открыв тем самым путь для наступления на Лхасу и более действенного принуждения тибетского правительства к переговорам⁶¹⁶. Сразу после этого в двенадцатом выпуске 18-го года издания за 1 ноября 1950 г. под заголовком «Наступление китайского коммунистического правительства на тибетское религиозное государство»⁶¹⁷ Тарчин, подхватывая тему «освобождения», спорит о независимом политическом статусе Тибета:

Недавно после переговоров представителя коммунистического Китая и представителей тибетского правительства тибетские делегаты отправились в Пекин. Хотя [тибетцы] решили вступить в переговоры и разрешить [имеющиеся противоречия], не является ли нарушением международного права то, что коммунистический Китай неожиданно отдал приказ о наступлении на Тибет?

Если китайское коммунистическое правительство не ответит назад [свои] войска [из Тибета] и не будет проводить переговоры исключительно мирным [способом], не станет ли это публичной провокацией против [всего] мира?

Северные корейцы – последователи русского коммунизма – неожиданно напали на Южную Корею. Всем хорошо известно, что последователи коммунистической России пристыжены,

⁶¹⁴ Shakyа 2000: 8–9. Подробнее о подготовке «освобождения» Тибета силами НОАК см. Raymond 2020: 217–236.

⁶¹⁵ Goldstein 1997: 47.

⁶¹⁶ Raymond 2020: 232.

⁶¹⁷ Тиб. *rgya dmar gzhung nas bod chos ldan rgyal khab la dpung 'jug*.

потому что, когда подчинили почти весь юг, [они словно] пошли против течения и сейчас находятся на грани утраты практически всех северных территорий.

[Если] продолжить [мысль], неожиданное нападение китайских коммунистов – последователей России – на тибетское религиозное государство, не является целью [такого] большого государства [как Китай]. Не является ли [их] целью [сделать так], чтобы не было религии и не было кармического воздаяния?

Утверждение, что «Тибет является китайской территорией», не есть правда. И то, что заявляют «освободим Тибет от кандалов», тоже является неприемлемой болтовней. Тибет не является кем-либо скованным. Не стыдно ли называть «освобождением» то, что атеистический коммунистический Китай хочет связать веревкой независимое тибетское религиозное государство?

Английское и индийское правительства признают, что Тибет находится [всего] лишь в тени Китая. Однако, если все ясно признают, что Тибет также является государством, [в котором] собственное правительство [самостоятельно] ведет внутренние и международные дела, для чего [тогда китайские коммунисты] перешли в наступление [на Тибет]⁶¹⁸?

В данной публикации Тарчин актуализирует типичные для дискурса бинарные категории «черного» и «белого», «правды» и «лжи», «совести» и «стыда», которые упрощают восприятие информации реципиентами. Тарчин возмущен «неожиданным» наступлением сил НОАК на Тибет вопреки тому, что делегация тибетского правительства отправилась в Пекин на переговоры. Однако, если обратиться к историческим реалиям, с редактором «Зеркала Тибета» можно поспорить относительно неожиданности наступления НОАК на Тибет.

Коммунистическая партия Китая уделяла особое внимание проблеме воссоединения Китая в границах империи Цин, что, соответственно, вносило «освобождение» и возвращение Тибета в список первоочередных задач китайского коммунистического руководства⁶¹⁹. 1 октября 1949 г. было официально провозглашено образование Китайской Народной Республики, и перед правительством Тибета обозначилась ясная перспектива неизбежности столкновения с решительными планами КПК. 2 ноября 1949 г. тибетское правительство направило Мао Цзэдуну (1893–1976) письмо, в котором просило

⁶¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

⁶¹⁹ Goldstein 1992: 623.

гарантировать, что Китай не нападет на Тибет, и сообщало, что Тибет хотел бы обсудить возвращение «аннексированных» Китаем несколько лет назад тибетских территорий, но желаемой реакции со стороны руководства КНР на это письмо не последовало⁶²⁰.

Плацдармом для начала «освобождения» Тибета был избран восточный Тибет⁶²¹. К началу 1950 г. войска Народно-освободительной армии Китая приблизились к границам территории, находящейся под контролем тибетского правительства. В январе 1950 г. был отдан приказ о начале подготовки похода в Тибет⁶²². В ответ на это 19 февраля 1950 г. тибетская делегация во главе с министром финансов Ципон Шакабпой⁶²³ покинула Лхасу, получив инструкцию вести переговоры с китайской стороной на нейтральной территории⁶²⁴. Желание тибетцев провести тибетско-китайские переговоры в Гонконге или Сингапуре (что предполагало проставление британских виз в тибетские паспорта членов делегации) было отклонено британским правительством, вследствие чего только шесть месяцев спустя, а именно 16 сентября 1950 г., встречу тибетской делегации с официальным послом КНР в Индии удалось организовать в Дели⁶²⁵. Китайская сторона заявила, что КНР никогда не признает независимость Тибета, и выдвинула предложение из трех пунктов, согласно которому Тибет должен был признать себя частью Китая, а все тибетские внешнеполитические вопросы и задачи национальной обороны переходили в распоряжение центрального китайского правительства⁶²⁶. Ципон Шакабпа в телеграмме в Лхасу запросил разрешение для тибетской миссии проследовать в Пекин для дальнейших переговоров, но 4 октября 1950 г. тибетское правительство, будучи не готово принять условия КНР, отклонило эту возможность и приказало делегации дальше тянуть время⁶²⁷. Через три дня, 7 октября 1950 г., когда внимание мирового сообщества было захвачено

---

⁶²⁰ Goldstein 1992: 624; Гарри 2009: 33.

⁶²¹ Гарри 2009: 36.

⁶²² Кычанов, Мельниченко 2005: 259.

⁶²³ Тиб. *rtsis dpon zhwa sgab pa*; 1907–1989.

⁶²⁴ Shakya 2000: 27.

⁶²⁵ Shakya 2000: 31.

⁶²⁶ Shakya 2000: 31.

⁶²⁷ Goldstein 1992: 678.

войной в Корее, войска НОАК перешли в наступление на восточный Тибет и атаковали тибетские войска⁶²⁸. После многочисленных обсуждений лишь в конце января 1951 г. тибетское правительство все-таки решило вступить в переговоры с КНР и согласилось отправить свою делегацию в Пекин⁶²⁹.

Если вернуться к анализу статьи Тарчина, получается, что на момент публикации двенадцатого выпуска 18-го года издания 1 ноября 1950 г., тибетские делегаты, вопреки сообщению редактора «Зеркала Тибета», еще не отправились на переговоры в Пекин. Необходимо также отметить пять риторических вопросов, которые структурируют нарратив Тарчина и служат композиционным средством прагматического фокусирования текста. Первый риторический вопрос содержит пресуппозицию, утверждающую то, что китайско-тибетские отношения не являются внутренним делом КНР и подлежат урегулированию с помощью норм международного права, которые при этом были нарушены: «Не является ли нарушением международного права то, что коммунистический Китай неожиданно отдал приказ о наступлении на Тибет?»⁶³⁰.

Не ограничиваясь вниманием лишь тибетоязычных читателей, Тарчин посредством второго риторического вопроса пытается расширить целевую аудиторию и масштабировать эффект произошедшего на все мировое сообщество: «Если китайское коммунистическое правительство не отзовет назад [свои] войска [из Тибета] и не будет проводить переговоры исключительно мирным [способом], не станет ли это публичной провокацией против [всего] мира?»⁶³¹. Используя пресуппозицию «проводить переговоры исключительно мирно», Тарчин обвиняет китайское коммунистическое правительство в принуждении Тибета к переговорам силовым путем и открывает поле для полемики и комментариев равнодушных представителей третьей стороны.

После этого Тарчин утверждает, что план «чужих» не просто запугать «тибетское религиозное государство». В третьем риторическом вопросе-

⁶²⁸ Shakya 2000: 43.

⁶²⁹ Goldstein 1992: 757–758; Shakya 2000: 62.

⁶³⁰ Тиб. *rgya dmar nas glo bur du bod la dpung 'jug byas pa de ni 'dzam gling spyi khrims las 'gal pa min nam.*

⁶³¹ Тиб. *gal srid rgya dmar gzhung nas dmag mi phyir then thog zhi ba'i sgo nas bka' mol ma gngang na 'dzam gling spyi 'khrugs kyi rkyen du 'gyur mi yong ngam.*

пресуппозиции редактор «Зеркала Тибета» интересуется, не является ли целью китайского коммунистического правительства пойти еще дальше и уничтожить буддизм: «Не является ли [их] целью [сделать так], чтобы не было религии и не было кармического воздаяния?»⁶³². Вопрос подразумевает утвердительный ответ, чего еще могут желать коммунисты-атеисты? Тарчин переключается с темы интернационализации «тибетского вопроса» к понятным и близким тибетоязычным читателям реалиям, изображая КНР как угрозу буддийской религии и «тибетскому религиозному государству», соответственно.

В дополнение к отсылкам к международному праву Тарчин затрагивает тему этики и нравственности. Редактор обвиняет китайских коммунистов во лжи о том, что «Тибет является китайской территорией»⁶³³, и «неприемлемой болтовне»⁶³⁴ об «освобождении Тибета от кандалов»⁶³⁵, в то время как в действительности атеисты-«чужие» делают обратное, то есть «хотят связать веревкой независимое тибетское религиозное государство»⁶³⁶. Так в форме четвертого риторического вопроса Тарчин заявляет, что подобные действия должно быть «стыдно» называть «освобождением»⁶³⁷. Тарчин противопоставляет метафору освобождения от кандалов метафоре связывания веревкой. Метафоризация перенаправляет восприятие нарратива в сферу эмоционального восприятия и, пробуждая воображение, делает излишними дополнительные фактические аргументы.

Статья заканчивается последним пятым риторическим вопросом: «Если все ясно признают, что Тибет также является государством, [в котором] собственное правительство [самостоятельно] ведет внутренние и международные дела, для чего [тогда] перешли в наступление [на Тибет]?»⁶³⁸. Тарчин закладывает в свой вопрос пресуппозицию, что «все ясно признают»: во-первых, Тибет является «государством», во-вторых, Тибет имеет «собственное правительство», и, в-

⁶³² Тиб. *chos med las 'bras med pa'i las ka ma red dam*.

⁶³³ Тиб. *bod rgya'i sa khongs yin*.

⁶³⁴ Тиб. *'os min gyi skad cha*.

⁶³⁵ Тиб. *bod bcings pa nas grol bar byed rgyu yin*.

⁶³⁶ Тиб. *bod rang dbang rang bisan chos ldan rgyal khab de la rgya dmar chos min gyis thag pas bcing 'dod yod pa*.

⁶³⁷ Тиб. *de la bcing grol brjod pa ngo mi tsha'am*.

⁶³⁸ Тиб. *bod rang gzhung phyi nang 'tsho 'dzin gyi rgyal khab yin pa'ang tshang mas ngos len gsal red na ga re don la dpung 'jug byas pa red*.

третьих, Тибет самостоятельно «ведет внутренние и международные дела». Поэтому единственно верным, по мнению Тарчина, логическим заключением должно быть всеобщее признание того, что законных причин нападать на «независимое» тибетское государство нет, и произошедшее является нарушением норм международного права. Тем не менее, необходимо отметить, что придуманную редактором «Зеркала Тибета» пресуппозицию о всеобщности признания Тибета как самостоятельного независимого государства нельзя назвать объективным аргументом в пользу тибетской независимости.

Тарчин обращался к толкованию термина «освобождение» и ранее, например, в четвертом выпуске 18-го года издания за 1 января 1950 г. В объемной статье на тибетском языке под заголовком прописными буквами на английском «ОСВОБОЖДАТЬ»⁶³⁹ Тарчин опубликовал следующие размышления:

Если перевести на тибетский значение [английского] слова «*liberate*»⁶⁴⁰, то оно означает «освободить» или «выпускать на свободу». Не совсем понятно, что имеется в виду, когда новое китайское правительство сейчас снова и снова заявляет: «Вскоре освободим Тибет». Если кто-либо путем террора сажает кого-либо в тюрьму, или, если государство-агрессор путем террора подчинило слабое государство, [а некто] добродетельный, или уважающее [идею] кармического воздаяния государство, мирным и военным путем без риска освободит посаженного в тюрьму или то более слабое государство и найдет способ, чтобы [арестант или слабое государство] пребывали в независимости, вот что значит освободить или выпустить на свободу.

В таком случае, если подумать над смыслом заявлений нового китайского правительства о том, что [китайские коммунисты] освободят Тибет, то [данное выражение] значит, что [какое-то] государство-агрессор подчинило Тибет. Однако поскольку [тибетское] религиозное государство является независимым, то все осознают, что [Тибет] не был кем-либо подчинен.

Более того, всем известно, что раньше во времена монгольского императора в религиозной сфере Китай даже сделали подчиненной Тибету территорией духовных подданных. Тибет не является кем-либо подчиненным.

Поскольку [Тибет и Китай] действительно находились в отношениях «духовный наставник – светский покровитель», в качестве фундамента дружественных отношений [китайский]

⁶³⁹ Англ. *LIBERATE*.

⁶⁴⁰ В тексте статьи английский термин записан тибетскими буквами как *li sbe re Te*.

император разместил в Тибете несколько китайских солдат для охраны [своих] представителей и великого Далай-ламы.

Но, когда ранее, в год Деревянного Дракона [1904 г.], Англия отправила военную экспедицию в Тибет, по какой причине китайские солдаты не вступили в битву с Англией? По какой причине, так сказать, не препятствовали тому, чтобы Англия дошла до Лхасы? Поскольку Тибет является независимым, хотя [он был] и слабее в плане вооружения и военной силы, вступил в сражение с могущественным английским правительством. В то время куда ушли китайцы?

В тот период предыдущее перерождение Далай-ламы отправилось в Пекинское государство. После того, как умер отец-император, на золотом троне воцарился император [Пуи] Сюаньтун.⁶⁴¹ Когда [Далай-лама XIII] вернулся в собственное государство, поскольку китайский народ взбунтовался против своего правителя, [императора Пуи] свергли с трона. Какой смысл был [тогда] отправлять [китайские] войска также и в Тибет?

Хотя из-за той ситуации достопочтенному Далай-ламе вместе с тибетским правительством пришлось на продолжительное время переместиться в Индию, постепенно тибетские войска одержали полную победу в [тибетско-китайской] войне, и достопочтенный Далай-лама со своим правительством вернулся в свое государство. Китайских чиновников с солдатами, оставленных императором ранее [в Тибете] ради [поддержания взаимного] согласия и охраны достопочтенного Далай-ламы, а также остатки китайских войск, которые прибыли из Китая для вторжения в Тибет, выслали из Тибета.

Затем, когда в 1914 г. для согласования пограничных [территорий] в летней резиденции в Симле в Индии подписывали соглашение между Великобританией, Китаем и Тибетом, достопочтенный всеведущий победоносный владыка Далай-лама [XIII] назначил [своим] представителем великого премьер-министра господина Шэда⁶⁴². [На переговорах] озвучили следующие идеи Далай-ламы:

1. Стратегия внутренней политики Тибета – сделать так, чтобы Тибет самостоятельно себя обеспечивал.
2. Тибетские дела с иностранными государствами тибетское правительство будет вести самостоятельно. Во время важных вопросов будут советоваться с английским правительством.
3. Высокопоставленным и мелким [чиновникам]-представителям китайского правительства и каким бы то ни было [китайским] солдатам не разрешается оставаться в Тибете.

⁶⁴¹ Кит. [溥仪] 宣统; 1906–1967.

⁶⁴² Тиб. *srid blon mi dbang bshad sgra ba chen po*; 1860–1919.

4. Все земли на востоке Тибета вплоть до Дарцедо и районы, где находится тибетский народ, которые примерно 200 лет удерживали китайцы, должны быть возвращены Тибету.

Тогда представитель китайского правительства поставил на соглашении лишь [свою] подпись, [но] не [скрепил] печатью китайского правительства. К тому же, [китайский представитель] и в дальнейшем какие-либо правки в то соглашение больше не вносил. Однако, если посмотреть на то, что всем известно, сколько подписанных ранее соглашений Великобритания и Тибет соблюдают и даже используют в качестве основы [для взаимоотношений] вплоть до настоящего времени, то зачем [китайские коммунисты] говорят: «Будем заниматься освобождением», при том, что Тибет [и так] является свободным?

Если Тибет является подчиненным Гоминьдану или другому государству, китайские коммунисты говорят, что, не рискуя, будут осуществлять освобождение от чужой власти, [в то время как правительство] Гоминьдан подобно отцу оставило [идею о] подчинении Тибета.

В прошлом, в соответствии с общемировой практикой, в качестве гаранта дружественных отношений [государства] обоюдно обменивались [своими] представителями на местах. Однако, как все [уже] поняли, недавно представителей Тибета отозвали обратно, [а] представителей китайского правительства отправили обратно [в Китай], поэтому не является ли Тибет независимым государством? Если на основании этого свидетельства можно прийти к заключению [о независимости Тибета], то зачем снова и снова повторять: «Будем осуществлять освобождение»?

К примеру, допустим, есть какое-то государство, которое подчинили чужой власти. То государство не просило о содействии в освобождении из-под чужой власти посредством [принятия] помощи со стороны другого государства. «[Мы] добровольно вызвались осуществить освобождение», – [в таком случае] можно будет сказать?

Поэтому, не будет ли прекрасно, если вместо заявлений о том, что будут освобождать Тибет, новое коммунистическое правительство Китая найдет способ освободить подчинившиеся чужой власти Внешнюю Монголию и Корею, которые раньше относились к территории китайцев?

Коммунистическое правительство продолжает утверждать, что освободило Китай. Разве вместо того, чтобы быть освобождены, [китайцы], отказавшись от своих древних прекрасных традиций и будучи пойманными арканом коммунистической идеологии, себя и других не подчинили власти [тех, кто] не признает [идею] кармического воздаяния?

Если вместо этого [китайские коммунисты], оставив освобождение Тибета, весь тибетский народ в северном и восточном Тибете, который сейчас находится под властью Китая, в дальнейшем вернут самому тибетскому государству, восхищению людей не будет предела. И, если [еще] и подпишут новое соглашение о дружбе Китая и Тибета, подумайте, как для всех точно будет взаимно прекрасно.

Если будете запугивать Тибет, то сильно пожалеете. Если спросите почему? [Ответ будет таким:] Тибет является религиозной землей. Подумайте, в наши дни, вероятно, больше нигде в мире нет такого, [как Тибет], государства, где, полагаясь на кармическое воздаяние, правитель и подданные, все монахи и миряне принимают добродетель и отказываются от греховных [деяний], а также всегда искренне простираются и делают подношения Трех Драгоценностям. Как бы было прекрасно, если бы все почтительно полностью отказались от [подчинения] такого религиозного государства. Если не откажутся, постигнет наказание по велению Трех Драгоценностей.

Вы превосходите [своей] мощью нового механического стрелкового вооружения, [но], даже если враг крупнее меня, когда полностью приму прибежище в объединенном воплощении Трех Драгоценностей, то какой будет толк от превосходства в мощи механического стрелкового вооружения?

Поэтому, если Вы, все государства, оставите [в покое] и будете ценить словно великолепное украшение мира или сокровищницу Вайшраваны тибетское религиозное государство, которое до настоящего времени, не допуская упадка, сохраняет древние благородные традиции и прекрасную систему религиозной и светской власти, то благодаря этому [Тибет] будет демонстрировать Вам великолепное наглядное изображение прекрасного примера религиозного и светского [уклада]. В обратном случае, если будете злонамеренно запугивать, чтобы задавить здесь Тибет грабежами и тиранией, то вскоре Вы, будучи настигнуты чередой суровых наказаний, [насланными на Вас] по указу Трех Драгоценностей, точно испугаетесь того, что вместо настоящего [наступит] ужасная *кальпа* войны во всем мире.

Пример: [тот, кто] в ту сторону в скалу тыкает кончиком ножа, дырку в скале не сделает, а в свою сторону сам кончик [ножа] искривит. Аналогично этому [примеру], не [случится] ли похожее при нападении на государство, которое принимает прибежище в Трех Драгоценностях?

Более того, не поступайте по примеру тех враждебных людей, которые [своим] хвостом устраивают беспорядок и [подобны] горшку с экскрементами, которые из-за того, что накопили [негативные] кармические последствия, бросили свое родное государство, попросили о том, чтобы посадить [к себе] на колени чужую страну, или капитуляции перед

чужими, которые хотят отдать во власть чужих свою страну, народ, религию и прекрасные древние традиции.

Тот, кто верен своему народу, своей религии и своему правительству, кто предан своему клану, и кто, вдобавок [к этому], знает, как без вражды, проявляя единодушие, защищать свое правительство, будут, по всей вероятности, не обманываясь обмазанным медом острым ножом и [кусочком] мяса на кончике железного крючка, с непоколебимой силой духа прикладывать усилия, чтобы попытаться удержать свои родные края.

Кроме того, если [кто-нибудь] разъяснит причины [содеянного] и затем обратится к своему родному государству с раскаянием во всех совершенных преступлениях, то и великое тибетское правительство, без сомнений, смягчит гнев и примет любящими руками [к себе обратно].

К примеру, несмотря на то, что главными из пяти органов чувств являются два глаза, тем не менее, поскольку однажды глаза заболели, невозможно сказать: «Все сильнее страдаю, поэтому сейчас оба глаза [мне] не нужны», и выколоть острым кончиком ножа собственные глаза. Будучи аккуратными с ними [глазами], в лечении полагаешься на терпение, после чего, обретя еще более ясное зрение, чем раньше, радуешься, когда видишь разнообразные чрезвычайно удивительные зрелища. Со смыслом вот какого примера сравнимо.

Вышесказанное пришло на ум и было опубликовано в газете «Зеркало» на тибетском языке [Вашим] скромным [службой] по случаю иностранного Нового года. Прошу всех хорошенько изучить. Если имеются ошибки, пожалуйста, не обессудьте⁶⁴³!

Начав с перевода термина «освободить» с английского языка на тибетский, Тарчин представляет читателям свою концептуализацию обещанного правительством КНР «освобождения». Непонятно, почему Тарчин использует английский язык и почему именно с этого начинается статья. Возможно, использование терминов на английском языке в «Зеркале Тибета» связано с тем, что таким образом Тарчин маркировал материалы, которые могут быть интересны либо кому-то из его иностранных подписчиков, либо сотрудникам индийской, британской или американской разведки. Однако подтверждения этой гипотезы нет.

Рассуждая о значении термина «освободить», Тарчин настаивает на том, что «все осознают», что Тибет не был и не является «кем-либо подчиненным»⁶⁴⁴, и, соответственно, не может быть «освобожденным». Более того, по выражению

⁶⁴³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 2, 7.

⁶⁴⁴ Тиб. *chos ldan rgyal khab ni rang dbang rang bisan yin gshis gzhan dbang su zhig gi 'og tu tshud med pa tshang mas ha go don rtogs yin*, а также тиб. *bod su zhig gi mnga' 'og tu tshud pa ni ma yin*.

редактора «Зеркала Тибета», «всем известно» и то, что когда-то сам Китай был «подчиненным»⁶⁴⁵ Тибету, хотя и лишь в религиозном плане. Специфически кадрируя и искажая реальную историческую картину, Тарчин перебирает приблизительно те же сюжеты, что и в других публикациях на тему китайско-тибетских отношений, и изображает тибетское религиозное государство как стабильно независимое на протяжении своей истории, а Далай-ламу как неоспоримого признанного главу этого государства⁶⁴⁶. Редактор напоминает об оформлении модели отношений «духовный наставник – светский покровитель» при династии Юань, после чего переходит к династии Цин в XVIII в., дважды повторяя, что китайские чиновники и солдаты были размещены в Лхасе для «охраны»⁶⁴⁷ Далай-ламы. Далее Тарчин делает особый акцент на вторжении британской экспедиции Ф. Янгхазбенда в 1903–1904 гг. в контексте отсутствия своевременной помощи Тибету со стороны Китая, а затем обращается к периоду вынужденной иммиграции Далай-ламы XIII в Британскую Индию, последующем возвращении тибетского лидера «в свое государство»⁶⁴⁸ и высылке китайских солдат из Тибета. Тарчин упоминает и трехсторонние переговоры в Симле в 1913–1914 гг., подробно перечисляя в этот раз требования Далай-ламы XIII, в частности о проведении независимой внешней политики Тибета и возвращении Китаем территорий с тибетоязычным населением. Редактор «Зеркала Тибета» при этом умалчивает о том, что Симльская конвенция не была признана Китаем, и заканчивает свою историческую справку риторическим вопросом о смысле «освобождения», с помощью которого возвращает фокус на настоящее и продолжает убеждать читателей, что Тибет имеет статус независимого государства: «Зачем [китайские коммунисты] говорят: “Будем заниматься освобождением”, при том, что Тибет [и так] является свободным?»⁶⁴⁹.

⁶⁴⁵ Тиб. *sngar sog po'i gong ma'i skabs su chos phyogs nas rgya nag bod kyi chos 'bangs mnga' khongs su gtogs pa'ang tshang mas shes gsal.*

⁶⁴⁶ См. обсуждение большинства приведенных в данной статье аргументов в пользу независимости Тибета с точки зрения их объективности в предыдущем подразделе 2.2.3.1. Конструирование прошлого.

⁶⁴⁷ Тиб. *gong sa chen po'i sku srung du* и тиб. *rgyal dbang thams cad mkhyen pa mchog gi sku srung ched du.*

⁶⁴⁸ Тиб. *rang ljongs rgyal khab tu phyir phebs bskyangs pa red.*

⁶⁴⁹ Тиб. *bod rang dbang yin par ga re'i don la sgröl bar byed rgyu yin zhes brjod kyi yod pa red.*

В нарративе Тарчина китайцы сами вместо того, чтобы быть «освобождены», оказались «пойманными арканом коммунистической идеологии» и были вынуждены отказаться «от своих древних прекрасных традиций» и – особенно важной для тибетоязычных читателей – идеи «кармического воздаяния»⁶⁵⁰. Для усиления персуазивного эффекта редактор образно сравнивает задачу КНР по «освобождению» Тибета с «обмазанным медом острым ножом и [кусочком] мяса на кончике железного крючка»⁶⁵¹, то есть наживкой для захвата Тибета китайскими коммунистами, и с помощью очередного риторического вопроса-пресуппозиции утверждает, что «будет прекрасно», если Китай переключит свое внимание на «освобождение» утраченных территорий во Внешней Монголии и Корею, которые в отличие от Тибета «раньше относились к территории китайцев»⁶⁵².

Тарчин не забывает адресовать «тибетский вопрос» и мировому сообществу, призывая «все государства» ценить Тибет «словно великолепное украшение мира или сокровищницу Вайшраваны»⁶⁵³, а также сделать из Тибета «великолепное наглядное изображение прекрасного примера религиозного и светского [уклада]»⁶⁵⁴, поскольку такого государства «больше нигде в мире нет»⁶⁵⁵. Навязывая читателям образ Тибета как глубоко «религиозной земли»⁶⁵⁶ и уникального государства в опасности, редактор угрожает потенциальному агрессору, под которым подразумевается КНР, неизбежной кармической расплатой, а именно «чередой суровых наказаний, [насланными] по указу Трех Драгоценностей» и «ужасной *кальпой* войны во всем мире»⁶⁵⁷.

⁶⁵⁰ Тиб. *gung phran gzhung nas rgya nag sgröl bar byas pa yin brjod mus su 'dug ste sgröl rgyu'i tshab tu rang gi sngar srol bzang po rnam spong nas dmar po'i lta ba'i zhags thag tu tshud nas rang gzhan tshang ma las 'bras la khas len med pa'i dbang 'og tu tshud pa min nam.*

⁶⁵¹ Тиб. *sbrang rtsi byugs pa'i spu gri dang lcags kyu'i rise yi sha.*

⁶⁵² Тиб. *rgya gzhung gsar pa gung phran rang nas bod sgröl bar byed rgyu yin brjod pa'i tshab tu sngon du rgya mi'i khongs gtogs yin pa phyi sog dang ko ri ya la sogs pa gzhan dbang du tshud yod pa rnam sgröl thabs byed na mi legs sam.*

⁶⁵³ Тиб. *khyed cag rgyal khab tshang ma nas sngar srol ya rabs dam pa'i chos srid lugs srol bzang po da bar nyams chags med par 'dzin pa'i bod chos ldan rgyal khab 'di nyid la 'dzam gling mdzes pa'i rgyan geig gam rnam sras bang mdzod ltar gces par gzung nas bzhang.*

⁶⁵⁴ Тиб. *khyed cag rnam la chos dang srid kyi dpe srol bzang po'i ri mo mdzes pa mig yul du bstan pa yin.*

⁶⁵⁵ Тиб. *rgyal khab 'di lta bu zhig deng dus 'dzam gling gang du'ang e yod.*

⁶⁵⁶ Тиб. *bod chos ldan gyi zhing sa red.*

⁶⁵⁷ Тиб. *mi ring dkon mchog gi bka' chad drag po rgyud thog de rang du 'phog nas 'dzam gling kun tu g.yul 'khrugs bskal ngan da lta las 'jigs pa zhig shar nges pa yin no.*

Тема «освобождения» освещалась в «Зеркале Тибета» и в более поздние годы. Например, в выпуске за май–июнь 1952 г., то есть ровно через год после подписания Соглашения из 17 пунктов, выходит сразу несколько материалов, критически оценивающих обстановку в Тибете после его «освобождения» силами войск НОАК. Под заголовком «Освобождение ремесленников в Лхасе»⁶⁵⁸ Тарчин обозначает свою позицию относительно того, кто на самом деле несет «освобождение» народу Тибета:

Недавно, третьего числа третьего месяца по тибетскому календарю, Китайская коммунистическая партия собрала лхасских ремесленников на разносолы. Наряду с речами, [полными] элегантных силлогизмов, сказали: «С сегодняшнего дня Вы освобождены». Втайне обокрав, дали в подарок каждому человеку по китайской серебряной монете и чашке чая с хлебом.

Хотя сказали, что необходимо высказаться, какие есть у каждого радости, горести и нужды, поскольку ни один проситель не выступил, снова и снова задавали вопросы. В конце концов, не было ни одного, кто бы попросил [что-то]. Тем не менее, двое – Далай-лама и Панчен-лама – и главы Трех великих монастырей⁶⁵⁹ вместе с монахами сказали, что не имеют каких-либо других потребностей, кроме как молиться о том, чтобы здесь, в Тибете, буддизм не приходил в упадок и, [наоборот], процветал.

Тибетских ремесленников кто не заковал [в оковы]? Есть ли какой-либо смысл в том, что говорят: «Их освободили»⁶⁶⁰?

От ранней полемики о необоснованности притязаний КНР на «освобождение» территории Тибета редактор постепенно переходит к оценке состоявшегося «освобождения» и критике политики китайского коммунистического руководства в Тибете. Культивируя подозрительное отношение к коммунистической власти, Тарчин обвиняет китайских коммунистов в том, что под предлогом «освобождения» те, едва вступив на территорию Тибета, обкрадывают тибетский народ и прикрывают своим показным участием стремление «заковать»⁶⁶¹ жителей Тибета в оковы. Редактор заканчивает новостную заметку двумя наводящими вопросами, намекая тибетоязычным

⁶⁵⁸ Тиб. *lha sar bzo rigs rnam la bcings dkrol*.

⁶⁵⁹ Тиб. *gdan sa nam gsum*. Подробнее о роли трех главных монастырей традиции Гелуг (Дзунг, Сера и Гандэн) в Тибете см. Goldstein 1992: 24–30.

⁶⁶⁰ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 2–3, May–June 1952: 3.

⁶⁶¹ Тиб. *bcings*.

читателям, что истинное «освобождение», как физическое, так и духовное, достигается не путем коллаборационизма с коммунистическим руководством, а благодаря добродетелям тибетского буддийского духовенства (Далай-ламы, Панчен-ламы, глав Трех великих монастырей и монахов), поскольку именно они просят китайских коммунистов о том, чтобы «в Тибете, буддизм не приходил в упадок и, [наоборот], процветал»⁶⁶². Таким образом Тарчин представляет группу альтернативных «освободителей» Тибета, которые подлинно переживают за «своих» и кого, соответственно, стоит восхвалять.

На той же странице «Зеркала Тибета» вслед за публикацией о ремесленниках Тарчин продолжил в полустихотворной форме⁶⁶³ убеждать читателей в том, что вместо «освобождения» правительство КНР «заковало» Тибет в оковы:

В этом году во время Великого молитвенного фестиваля⁶⁶⁴ солдаты НОАК из военного лагеря в Тибете делали подношения настоятелям монастырей и монахам, каждому по десять серебряных монет. На распространенных в то время листовках было несколько слов. Например, написали «братьям-монахам». То, что в целом назвали монахов братьями, [тогда как] все буддисты признают драгоценную сангху одной из Трех Драгоценностей, [случилось] потому, что в собственном привычном языке варваров [такого понятия] нет? [...]

Хотя новый Тибет и называют новым Китаем, фундаментом [Тибета являются] сочетающие светскую и религиозную власть государственные законы, буддийская религия и живые существа. Издавна хорошенько определив, [что] лишено моральной скверны, [народ Тибета] руководствовался добротой и следовал [своему курсу].

Так называемое «освобождение» по сравнению с этим [представляется] неопределенным. Ни одно иностранное государство не подчинит [себе Тибет]. Что касается владыки нашей территории, доброта [его] велика. На словах называя [происходящее] «освобождением», не заковали ли [Тибет] в оковы⁶⁶⁵?

Описывая достаточно доброжелательный жест правительства КНР по случаю Монлам Ченмо, одного из крупнейших религиозных праздников в

⁶⁶² Тиб. *bod 'dir rgyal bstan mi nyams gong 'phel yong*.

⁶⁶³ Часть заметки состоит из двенадцати девятисложных строк.

⁶⁶⁴ Тиб. *smon lam chen mo*. Учрежденный в 1409 г. Цзонхавой (тиб. *tsong kha pa*; 1357–1419) молитвенный фестиваль Монлам Ченмо называют одним из наиболее значимых ежегодных фестивалей в тибетском буддизме. Фестиваль пользовался особой популярностью в Лхасе и традиционно привлекал большое количество паломников из других районов Тибетского нагорья (Powers and Templeman 2012: 238, 651–652).

⁶⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 2–3, May–June 1952: 3.

Тибете, Тарчин находит способ, как изобразить ненавистных ему коммунистов в менее привлекательном ракурсе и добавить «ложку дегтя» в восприятие настоящего. Навешивая на китайских коммунистов ярлык невежественных «варваров»⁶⁶⁶, которые раздают подношения, но не смыслят в буддизме, редактор демонстрирует тибетоязычным читателям, почему Тибет принципиально отличается от КНР. Тарчин противопоставляет основанный на сочетании религиозного и светского «фундамент»⁶⁶⁷ Тибета и высоконравственные устремления жителей Тибетского плато, которые издавна «руководствуются [в жизни] добротой»⁶⁶⁸, атеистической идеологии коммунистического режима и «неопределенности»⁶⁶⁹ концепции «освобождения».

Не остановившись на двух заметках, в том же выпуске «Зеркала Тибета» за май–июнь 1952 г. Тарчин решил разместить еще одну подогревающую протестные настроения публикацию под говорящим заголовком «Петиция о необходимости возвращения [Народно-]освободительной армии Китая из Тибета»⁶⁷⁰:

Недавно, во втором месяце по тибетскому календарю, народные массы Тибета и монахи из Трех великих монастырей подали петицию китайскому и тибетскому правительствам.

Поскольку в Тибет прибыло много китайских солдат, народ и монашеская община кроме существенных тягот никакой пользы [от этого] не получают. Здесь на маленькой земле Тибета урожая и ресурсов мало, [и], так как пришли китайские солдаты, есть большой страх голода.

У Тибета нет необходимости в таком количестве китайских солдат. Ради дружбы Китая и Тибета необходимо оставить несколько сотрудников китайского представительства с охраной численностью примерно десять солдат, [а остальным] – отправиться обратно.

Если таким образом не выведут [войска], вместо того, чтобы народ вымирал от голода, будем умирать в борьбе с китайскими солдатами, поэтому просим у тибетского правительства помочь, выдав оружие⁶⁷¹.

⁶⁶⁶ Тиб. *kla klo*.

⁶⁶⁷ Тиб. *chos srid gnyis ldan rgyal khrims bstan 'gro'i gzhi*.

⁶⁶⁸ Тиб. *dri ma med pa sngon nas legs tshugs par'/_bka' drin snying nas drangs te rjes su snyegs*.

⁶⁶⁹ Тиб. *bcings bkrol ces pa de bas ma nges*.

⁶⁷⁰ Тиб. *rgya dmag bcings bkrol bod nas phyir log dgos rgyu'i snyan zhu*.

⁶⁷¹ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 2–3, May–June 1952: 8.

Тарчин от имени местного населения заявляет о том, что присутствие НОАК в Тибете представляется не просто бесполезным, а вредным, поскольку китайские солдаты принесли с собой лишь «существенные тяготы»⁶⁷² и «большой страх голода»⁶⁷³. Редактор описывает реальное историческое событие, которое произошло в Лхасе в конце марта 1952 г., но при этом подает новость в такой авторской обработке, что искажает факты. В заблуждение вводит структура публикации и обобщающая формулировка Тарчина про авторов петиции, а именно «народные массы Тибета и монахов из Трех великих монастырей»⁶⁷⁴: у читателя появляется закономерное ожидание, что все жители Тибетского плато и монахи трех главных монастырей традиции Гелуг коллективно составили петицию, текст которой размещен ниже в заметке. Фактическое содержание петиции 1952 г., однако, существенно отличается от той информации, которую редактор предоставил в своей публикации. Ключевым отличием является тональность петиции, в частности угроза авторов петиции о готовности народа Тибета вступить в вооруженную борьбу с Народно-освободительной армией Китая. Для оценки объективности сообщения Тарчина целесообразно сравнить текст опубликованной им петиции с сохранившейся в других источниках информацией об этом эпизоде тибетской истории.

В конце 1951 г. в Лхасе сформировалась организация под названием «Народное собрание»⁶⁷⁵. Несмотря на название, эксплицитно указывающее на то, что члены организации представляют коллективные интересы всех жителей Тибета, «Народное собрание» учредили представители небольшой средней прослойки населения: бывшие и действующие тибетские монахи, которых тибетская знать, монастыри и государственные службы в частном порядке нанимали для административной работы, вследствие чего многие из них были хорошо

⁶⁷² Тиб. *dka' ngal ci che las phan pa zhig mi 'dug*.

⁶⁷³ Тиб. *mu ge 'i 'jigs pa che*.

⁶⁷⁴ Тиб. *bod kyi mi dmangs rnam s dang dgon sde che khag gsum gyi dge 'du pa rnam s*.

⁶⁷⁵ По словам М. Голдштейна, у данной организации было несколько названий на тибетском, например: *mi dmangs 'thus tshogs* (букв. «Собрание народных представителей»), *mi dmangs tshogs 'du* или *mi dmangs tshogs pa* (букв. «Народное собрание»), поэтому в русскоязычных изданиях по истории Тибета название организации упоминается как «Миманг Цогду» (см. Goldstein 2007: 314).

осведомлены относительно текущей политической обстановки⁶⁷⁶. Финансирование «Народного собрания» поступало от заинтересованных частных лиц из числа тибетской аристократии и духовенства⁶⁷⁷. Сообщается, что широкую идеологическую поддержку организации оказывали два тибетских премьер-министра и несколько других тибетских чиновников, которые были настроены решительно против китайского присутствия в Тибете⁶⁷⁸. Руководство «Народного собрания», действительно, ставило своей целью обращение к правительству КНР с петицией от имени тибетского народа⁶⁷⁹. Организация формально насчитывала тысячи членов, но имена этих людей были переписаны из учетных записей местных тибетских канцелярий, и, по мнению М. Голдстейна, большинство членов «Народного собрания» никогда не принимали активного участия в деятельности организации и не видели текст запущенной от их имени петиции⁶⁸⁰. Более того, упомянутые Тарчином три главных тибетских монастыря традиции Гелуг отказались отправлять своих официальных представителей для включения в состав организации и не поддержали идею обращения с петицией⁶⁸¹.

Текст петиции 1952 г. отличался особой учтивостью и дипломатичностью формулировок. Петиция состояла из шести пунктов и не содержала ни намека на ненависть или враждебность по отношению к китайским коммунистам⁶⁸². В петиции члены «Народного собрания», наоборот, благодарили КНР за Соглашение из 17 пунктов и критиковали тибетское правительство и традиционный уклад тибетского общества. В петиции также содержалось несколько просьб от имени тибетского народа, в частности о сокращении численности войск НОАК в Тибете, возвращении китайско-тибетских отношений к модели отношений Тибета с империей Цин в рамках концепции «светский покровитель – духовный наставник» и отмене запрета на экспорт шерсти⁶⁸³.

---

⁶⁷⁶ Goldstein 2007: 319–321.

⁶⁷⁷ Goldstein 2007: 323.

⁶⁷⁸ Goldstein 2007: 326–327, 329.

⁶⁷⁹ Goldstein 2007: 321, 335, 338.

⁶⁸⁰ Goldstein 2007: 325.

⁶⁸¹ Goldstein 2007: 325.

⁶⁸² Goldstein 2007: 334.

⁶⁸³ Полный текст петиции см. Goldstein 2007: 335–338. Запрет на торговлю шерстью был введен не со стороны КНР, а со стороны США (см. Goldstein 2007: 263).

По мнению китайских чиновников, деятельность «Народного собрания» не ограничивалась подачей петиции и вызывала рост нестабильности и антикитайских настроений в Лхасе. С ноября 1951 г. по март 1952 г. регистрировались случаи распространения антикитайских плакатов, песен и слухов, а также происходили инциденты, связанные с проявлением физической агрессии по отношению к китайским коммунистам⁶⁸⁴. Вместе с тем даже в случае провокаций солдатам НОАК предписывалось соблюдать строгую дисциплину при контактах с местным населением⁶⁸⁵. В конце концов, представители коммунистической власти оказали давление на Далай-ламу XIV и тибетское правительство, с тем чтобы те приняли меры, и 27 апреля 1952 г. подозреваемых в поддержке деятельности «Народного собрания» тибетских премьер-министров отправили в отставку, а 1 мая 1952 г. был издан указ о роспуске самой организации⁶⁸⁶. Кроме того, несмотря на то, что из-за запрета США на закупку товаров у коммунистических стран цены на тибетскую шерсть упали на 60%, в ответ на озвученную в петиции просьбу и в качестве меры поддержки правительство КНР само выкупило шерсть у тибетских торговцев по высокой цене⁶⁸⁷. По оценке И.Р. Гарри, в целом первый год после подписания Соглашения из 17 пунктов для руководства КНР прошел в Тибете успешно: коммунистам удалось устранить активную оппозицию и продолжить завоевание доверия тибетской элиты⁶⁸⁸.

Таким образом, очевидно, что в публикации о петиции Гарчин опустил существенные детали произошедшего события и, манипулируя заголовком, создал не совсем объективное впечатление полномасштабного распространения антикитайских настроений в тибетском обществе, тем самым стремясь актуализировать идею вооруженного противостояния власти КНР в Тибете.

Практически с самого начала установления коммунистической власти Гарчин утверждал матрицу негативного восприятия их политики в Тибете. Пролистывая выпуски «Зеркала Тибета» за первую половину 1950-х гг., читатель

---

⁶⁸⁴ Goldstein 2019: 31.

⁶⁸⁵ Goldstein 2019: 27.

⁶⁸⁶ Goldstein 2007: 345, 365, 367; Shakyа 2000: 109.

⁶⁸⁷ Goldstein 2007: 263, 264, 338.

⁶⁸⁸ Гарри 2009: 79.

уже в августе 1952 г. может наблюдать гиперболизированную картину низошедшего на Тибетское плато «настоящего ада»⁶⁸⁹ под властью китайских коммунистов. В пятом выпуске 20-го года издания на последней странице Тарчин публикует письмо от неизвестного «сведущего» эксперта, который в мрачных красках повествует о происходящем в Тибете и призывает тибетских соотечественников «освободиться [от] иностранных врагов»⁶⁹⁰:

Раньше правители и министры-бодхисаттвы жертвовали своими жизнями ради Дхармы, Учения и подданных. Сейчас высшая знать ради своего имущества, жизни и мелких целей, все конфиденциальные правительственные разговоры ночью передает китайским чиновникам. Чтобы угодить китайским чиновникам, как только могут открыто или тайно передают [им] собственных женщин, родственников, дочерей. На словах говоря, что [ни о ком более], кроме как о Далай-ламе и правительстве, не могут думать, пускают из глаз слезы, ладони рук [складывают и] уважительно кланяются. Про себя в тот же вечер думают, [а] не доложить ли какие есть важные конфиденциальные разговоры? Глаза на лицах китайских чиновников ходят туда-сюда. Ох, это не два оригинала, [это] на одном теле две головы, в одном рту два языка. Как презренны [подобные] совершенно собачьи и свиные методы у [этой] прелестной высшей знати. Вот уж удивительно!

Принимаю прибежище в драгоценных монахах из четырех монашеских святынь⁶⁹¹, которых, хотя и дурят с помощью подаваний и чая, не смогут обмануть, у которых нет ничего, кроме Дхармы, о которой надо думать, и Учения, о котором надо помнить, которые ради смысла этой и последующей [жизни] не ошибаются в распознавании добрых и злых деяний, которые могут пожертвовать жизнью ради Дхармы и Учения не только на словах.

Принимаю прибежище в двух драгоценных премьер-министрах-воплощениях Вишну, которые не слушают речи [обладающего] военной мощью коммунистического Китая, которых не может обмануть [тибетская] знать с [ее] облапошивающими [трюками], которые защищают со [всех] сторон слабых, которые притесняют тех, кто обладает властью, которые постоянны в [своей] вере и которые не проявляют двуличия по отношению к правительственным делам.

Принимаю прибежище в драгоценных жителях Уй, Цанг и Кама, которые, хоть [у них] и нет богатств, на деньги не ведутся, которые, хоть [их] и притесняют налогами и [повинностью] ула⁶⁹², думают, что «[это] ради Учения», и не отступают от [правительства

⁶⁸⁹ Тиб. *dmyal ba mngon sum du myong* (*The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 8).

⁶⁹⁰ Тиб. *phyi 'i dgra* [...] *sgrol*.

⁶⁹¹ Тиб. *gdan sa bzhi*.

⁶⁹² Тиб. 'u lag, монг. *ulaya*, форма транспортной повинности в Тибете.

Далай-ламы] Гандэн Поданг⁶⁹³, которые знают, что за обходительными речами есть яд, и которые не разворачиваются, следуя [примеру] китайцев.

Посмотрите! Сколько урона нанесли монастырям в стороне Амдо и Кумбума. Сколько трудностей у народа. Помимо того, что нескольких чиновников Гоминьдана [и] народ обманывают, [будучи] на словах грандиозны, [а] по смыслу пусты, держат [их] словно китайских маленьких птичек. Много десятков тысяч оставшихся [людей] убили.

Не говоря [уже] о Китае, посмотрите [на то, как] ограбили и лишили жизни много сотен тысяч богатых торговцев из Синина, Сычуани и Юньнани. Поскольку к старикам и старухам не приходят те, кто помогает готовить еду, отправляют [их тем самым] на мучительную смерть. Люди среднего возраста страдают от того, что возделывают поля, строят дороги и транспортируют вооружение. Солдат убили оружием злонамеренных иностранных врагов. Буддистов убили оружием сомнения. А тех, кто посередине [между солдатами и буддистами], убили голодом и дефицитом. Посмотрите на то, как все дети с 13 до 24 лет, и мальчики, и девочки, страдают от военного обучения и живут в настоящем аду. Спросите!

Поразмышляйте-поразмышляйте о том, как не пройдет много времени и скорее скорого [каким] точно станет сам Тибет! Поразмышляйте о будущем!

Стремитесь-стремитесь, стремитесь [найти] способ избежать [этого]!

Будете защищать-защищать, защищайте Далай-ламу!

Будете оберегать-оберегать, оберегайте политику Гандэн Поданг!

Будете объединяться-объединяться, Уй, Цанг и Кам, объединяйтесь мысленно!

Будете освобождаться-освобождаться, освободитесь [от] иностранных врагов и своих нарушителей обетов!

Более того, прошу в новостях опубликовать предложенные [мною] имена каждого нарушителя обетов.

[Ваш] скромный [слуга] Тинлэ Кункьяб⁶⁹⁴ преподнес 5-го числа 4-го месяца⁶⁹⁵.

Происхождение автора Тинлэ Кункьяба неизвестно, однако Тарчин размещает его письмо в регулярной для «Зеркала Тибета» рубрике «От сведущего»⁶⁹⁶, тем самым помечая высказанное мнение как авторитетное и

⁶⁹³ Тиб. *dga' ldan pho brang*. Название традиционного тибетского правительства, начиная со времени правления Далай-ламы V в XVII в. Власть Гандэн Поданг распространялась не на всю территорию Тибетского плато: большая часть восточного Тибета оставалась независимой и находилась под контролем местных лидеров (Powers and Templeman 2012: 190).

⁶⁹⁴ Тиб. *'phris kun khyab*.

⁶⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 5, August 1952: 8.

⁶⁹⁶ Тиб. *mkhyen ldan zhig nas*.

компетентное. Автор письма рассуждает с позиции истового буддиста-патриота, который агитирует поддерживать Далай-ламу XIV, тибетское правительство Гандэн Поданг и даже отправленных в отставку тремя месяцами ранее оппозиционно-настроенных тибетских премьер-министров. Тинлэ Кункьяб также призывает обнародовать имена тибетских коллаборационистов, статус которых он приравнивает к «нарушителям [буддийских] обетов»⁶⁹⁷. В самом начале письма автор разделяет жизнь на идеальное «раньше», когда «правители и министры-бодхисаттвы жертвовали своими жизнями ради Дхармы, Учения и подданных»⁶⁹⁸, и удручающее «сейчас», когда тибетская знать «ради своего имущества, жизни и мелких целей», втайне передает «врагам»-коммунистам «все конфиденциальные разговоры» тибетского правительства⁶⁹⁹. Фокусируя в тексте лексемы со значением «обманывать», «убивать» и «страдать», автор изображает «адское» настоящее, когда китайские коммунисты одурманивают «с помощью подаяний и чая»⁷⁰⁰ и убивают «оружием сомнения»⁷⁰¹ монахов, наносят урон монастырям⁷⁰², убивают «голодом и дефицитом» народ⁷⁰³, «отправляют на мучительную смерть» стариков и старух⁷⁰⁴, мучают детей военным обучением⁷⁰⁵.

Тарчин опубликовал письмо Тинлэ Кункьяба в августе 1952 г. Действительно ли в тот период обстановка в Тибете была настолько ужасной и напряженной? Процесс «освобождения» Тибета и последующие политические реформы там в 1950-е гг. проходили неоднородно и отличались в зависимости от конкретной территории и того, кто занимал руководящие посты в этой местности. Вместе с тем в начале 1950-х гг. КПК требовала от своих чиновников и солдат НОАК соблюдения в Тибете строгой дисциплины и невмешательства в традиционные местные социальные и религиозные практики, поэтому в первые два года после

⁶⁹⁷ Тиб. *nang gi dam nyams*.

⁶⁹⁸ Тиб. *sngar gyi rgyal blon byang chub sems dpa' rnam nas chos dang / bstan pa mi ser gyi phyir sku srog blos btang*.

⁶⁹⁹ Тиб. *deng sang gi sku drag che khag rnam nas rang gi rgyu srog phran bu'i don du' gzhung gi nang gnam tshang ma mtshan mo rgya dpon gsar bskyel*.

⁷⁰⁰ Тиб. *'gyed dang ja tshul gyis bslus*.

⁷⁰¹ Тиб. *nang dwogs pa'i mtshon chas bsad*.

⁷⁰² Тиб. *dgon khag la nyam chag ji gyur*.

⁷⁰³ Тиб. *ltog chad mu ges bsad*.

⁷⁰⁴ Тиб. *rgad po dang rgad mo rnam la lto g.yogs ma 'byor bas sdug shir 'gro ba*.

⁷⁰⁵ Тиб. *phru gu [...] pho mo tshang ma dmag sbyong gi sdug bsngal [...] myong gi yod*.

установления коммунистической власти на Тибетском плато реформ не проводилось⁷⁰⁶. Более того, в первые годы правительство КНР осуществляло в Тибете политику «единого фронта», поэтому на территориях проживания тибетоязычного населения у власти по-прежнему оставались местные вожди⁷⁰⁷. Французский тибетолог Ксения де Геринг считает, что в отдельных районах восточного Тибета, к которому относится и указанная в письме Тинлэ Кункьяба область Амдо, административные и политические реформы под началом коммунистического руководства не были замечены местным населением вплоть до 1958 г.⁷⁰⁸ Аналогичную оценку дает британский исследователь Р. Барнетт: демократические реформы и связанные с ними случаи вооруженного сопротивления на территории проживания тибетоязычного населения начались только в 1955–1956 гг. в Каме, в 1958 г. в Амдо и в 1959 г. в Лхасе⁷⁰⁹.

Что касается упомянутого Тинлэ Кункьябом «голода и дефицита», то, по мнению М. Голдстейна, дефицит зерна в 1951–1952 гг. был искусственно создан тибетским правительством со стратегической целью принудить руководство КНР принять решение о сокращении численности солдат НОАК в Тибете под тем предлогом, что их невозможно прокормить с помощью скромных тибетских ресурсов⁷¹⁰. Следует также отметить, что правительство КНР предпринимало меры по борьбе с экономическими проблемами, вызванными размещением войск НОАК в Тибете, и, в частности, запрещало своим чиновникам и военнослужащим закупать на рынке продовольственные товары в индивидуальном порядке или, например, вырубать деревья, даже если у солдат не оставалось топлива⁷¹¹. Помимо этого, еще в конце 1951 г. китайские чиновники с разрешения тибетского правительства начали эксперимент по распашке незаселенных земель под огороды на западе Лхасы, а также договорились об импорте продовольственных товаров в Тибет из Китая через Индию⁷¹².

---

⁷⁰⁶ Barnett 2020: 4; Shakya 2000: 115.

⁷⁰⁷ Shakya 2000: 107.

⁷⁰⁸ de Heering 2020: 472.

⁷⁰⁹ Barnett 2020: 4.

⁷¹⁰ Goldstein 2007: 252.

⁷¹¹ Goldstein 2007: 251, 255.

⁷¹² Goldstein 2007: 256, 258.

Таким образом, несмотря на тревожность содержания письма Тинлэ Кункьяба, фактического подтверждения информации о систематическом применении китайскими коммунистами насилия в Тибете в ранние 1950-е гг. нет. Исходя из имеющихся сведений, можно говорить о том, что в первой половине 1950-х гг. коммунистическое руководство, наоборот, действовало крайне предусмотрительно и стремилось сотрудничать с местным тибетоязычным населением в наиболее продуктивном формате. Тем не менее нужно признать, что письмо от «сведущего» Тинлэ Кункьяба органично вписывается в антикоммунистический дискурс Тарчина в «Зеркале Тибета» и поддерживает аналогичные по содержанию публикации под авторством самого редактора.

В первой половине 1950-х гг. Тарчин стимулировал протестные настроения в обществе, настойчиво предлагая различные поводы для критики «освобождения» Тибета силами НОАК. Так, в седьмом выпуске 20-го года издания за октябрь 1952 г. редактор «Зеркала Тибета» описывает «невыносимые страдания»⁷¹³ лхасских бедняков, вызванные китайскими коммунистами:

Китайцы, которые купили дома у [тибетской] знати и переехали туда, сказали множеству людей, арендовавшим там прежде комнаты, быстро выселяться. При этом найти жилье в Лхасе сложно.

Несмотря на то, что те, у кого есть имущество и деньги, нашли жилье, поскольку бедные неимущие едва ли находят еду и одежду, место, где жить [они] не нашли. Говорят, что на свободных участках в окрестностях Лхасы поставили палатки и [там] живут. Помимо того, что испытывают трудности с едой и одеждой, у палаток нет дверей, поэтому они страдают от того, что даже ту немногую еду и одежду, которая у них есть, уносят собаки и воры. При этом [Народно-]освободительная армия Китая говорит, что и на этих участках есть необходимость разбить огороды. Думая о том, когда онемеют, испытывают невозможные страдания. Говорят, увидели, [какое] в действительности освобождение⁷¹⁴.

Тарчин показывает, что в результате «освобождения» страдают самые необеспеченные слои местного населения Тибета, но Народно-освободительная армия Китая проявляет безразличие и отбирает у малоимущих и то немногое, что у них осталось. При этом какой-либо критики относительно возможной роли

⁷¹³ Тиб. *bzod rlags med pa'i sdug bsngal*.

⁷¹⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 7, October 1952: 7.

тибетского правительства или самих жителей Тибета в сложившихся обстоятельствах не звучит, и вина всецело возлагается на пришлых «чужих». Редактор «Зеркала Тибета» заканчивает свою заметку вкраплением суперструктуры дискурса, а именно косвенной цитатой из уст обделенных жителей Лхасы, которые как непосредственные очевидцы событий со знанием дела заявляют, что теперь увидели, какое (импликация: полное страданий) «освобождение» китайские коммунисты принесли им «в действительности»⁷¹⁵. Тибетский историк Церинг Шакья описывает этот период в истории Тибета иначе, отмечая, что к концу 1952 г. правительству КНР удалось успешно создать необходимую инфраструктуру в Тибете, а местные жители с энтузиазмом и доверием восприняли многие привнесенные коммунистами инновации в области сельского хозяйства, строительства и промышленности⁷¹⁶. Более того, в первой половине 1950-х гг. китайские власти поддерживали местных тибетских крестьян, скотоводов и торговцев с помощью денежных ссуд, и после того, как решилась проблема с поставками продовольствия из Китая, на смену подозрительности и недовольства присутствием НОАК в Тибет пришла «неокитайская» мода со стремлением подражать китайцам в одежде, манере поведения и даже идеологии⁷¹⁷.

На протяжении 1950-х гг. Тарчин выстраивал свой нарратив о настоящем Тибета как историю о том, чего никогда до этого не было. Приводя самые обычные примеры из жизни, редактор «Зеркала Тибета» убеждал читателей, что происходящее в Тибете под властью китайских коммунистов является экстраординарным и несет в себе беспрецедентную угрозу. Например, в девятом выпуске 20-го года издания за декабрь 1952 г. Тарчин возмущенно сообщает, что, когда некий уважаемый господин из Калимпонга сфотографировал, как китайцы убирают сено, его задержали и доставили на беседу к китайскому чиновнику, что, по мнению редактора «Зеркала Тибета», действительно указывает на то, какие «злонамеренные методы у китайских коммунистов»⁷¹⁸. Для сравнения Тарчин

⁷¹⁵ Тиб. *bcings bkrol dngos su mthong byung zer gyi yod skad*.

⁷¹⁶ Shakya 2000: 115–117.

⁷¹⁷ Shakya 2000: 117; Кычанов, Мельниченко 2005: 265.

⁷¹⁸ Тиб. *rgya dmar gyi byed stangs ngan pa ji yin* (*The Tibet Mirror* Vol. XX No. 9, December 1952: 7).

указывает на то, что в Индии разрешено перемещаться куда угодно и делать фотографии независимо от того, являешься ли ты индийцем или гражданином другого государства. Редактор настаивает на том, что «такого раньше в Тибете не было»⁷¹⁹, «однако сейчас [это] действительно проявления коммунистического гнета»⁷²⁰. Используя популярную метафору времен Холодной войны, Тарчин заявляет, что «из-за железного занавеса в Тибете постепенно возвели забор»⁷²¹. Необходимо отметить, что тезис Тарчина о беспрецедентности закрытости Тибета от внешнего мира представляется спорным, если принять во внимание длительную политику изоляции, которую тибетское правительство добровольно проводило с конца XVIII в. до начала XX в.

В гнетущих описаниях современного состояния дел в Тибете в 1950-е гг. прослеживаются даже элементы раннего экологического дискурса, который впоследствии в середине 1980-х гг. стал особо популярен среди тибетоязычной диаспоры⁷²². В пятом выпуске 21-го года издания за август 1953 г. на первой полосе под заголовком «Притеснение людей в Нгари»⁷²³ Тарчин размещает информацию о том, что несколько китайских коммунистов «насильно»⁷²⁴ вырубали на безвозмездной основе примерно две тысячи деревьев в Нгари и использовали их для строительства военного лагеря НОАК, при этом стволы деревьев мужчинам и женщинам пришлось бесплатно транспортировать на своих спинах. Подытоживая новость, редактор в очередной раз пытается доказать, что сейчас в Тибете хуже, чем до прихода китайских коммунистов, поскольку народ терпит «огромные лишения», которые не сравнимы с тем, что было «ранее»⁷²⁵.

Одной из ключевых задач Тарчина в деле отстаивания идеи независимости Тибета можно назвать подрыв доверия местного тибетоязычного населения к представителям коммунистической власти и создание идеологических препятствий для их сотрудничества. Поэтому во многих публикациях за 1950-е гг.

⁷¹⁹ Тиб. *de mtshungs sngon bod du'ang med pa yin*.

⁷²⁰ Тиб. *da ni dmar po'i btsan dbang gyi rang mdangs dngos su bston*.

⁷²¹ Тиб. *rim pas bod la lcags kyi yol bas lcags ri brgyab*.

⁷²² Подробнее об экологическом дискурсе см. Asfuroglu 2012: 42–45.

⁷²³ Тиб. *stod nga' ris khul gyi mi ser la btsan gnon* (*The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 1).

⁷²⁴ Тиб. *btsan dbang gis*.

⁷²⁵ Тиб. *mi ser rnam la sngar dang mi 'dra'i dka' sdug chen yod*.

редактор «Зеркала Тибета» направлял фокус на обличение лжи и раскрытие тайного умысла, в котором он обвинял китайских коммунистов. Например, во втором выпуске 21-го года издания за май 1953 г. Тарчин объясняет все социально-экономические нововведения планомерной программой коммунистов по угнетению Тибета:

Сейчас коммунистический Китай повсюду в Тибете учредил множество институтов, например кредиторских контор. Проводят злонамеренную политику по заманиванию тибетцев в эти институты.

Например, [учреждение] отделений банков – [это] способ забрать все тибетское золото и серебро. [Учреждение] комитетов по борьбе с голодом или по [повышению] уровня жизни – это способ подсчитать, сколько есть пахотных земель, зерна и ресурсов у тибетцев. То, что, раздав сотни тысяч серебряных монет, купили тибетские запасы зерна сейчас, – это способ оставить тибетский народ голодать и заманить [их] с помощью аркана в ловушку. Строительство дорог сейчас – это способ постепенно поместить тибетских людей за мощный забор путем транспортировки множества солдат и вооружения. Засевание большого количества полей сейчас – это способ постепенно привести и заселить туда множество китайцев. Постепенно точно уничтожат тибетскую нацию.

Например, какой смысл в том, что говорят, что сейчас будут увеличивать малочисленное население в Тибете? Учреждение школ с преподаванием тибетского языка сейчас есть уловка. Речи о том, что религии не причиняют вреда сейчас, есть уловка. Уловки ли это, можно понять, если посмотреть на то, есть ли у китайцев, которые прибыли в Тибет, Учение. То, что хорошо и дружелюбно относятся к знати сейчас, тоже является уловкой. Так это или нет, все точно увидят, когда пройдет длительный промежуток времени. Всем хорошо известно, как поступили с районом Амдо⁷²⁶.

Первая часть публикации построена на параллелизме конструкций: нечто, учрежденное в Тибете китайскими коммунистами, – «это способ»⁷²⁷ тайно достичь обратного от заявленных целей официальной программы развития региона. Вторая часть статьи строится на параллелизме аналогичных конструкций: любая инициатива правительства КНР в действительности является «уловкой»⁷²⁸. Обоснованность своих рассуждений Тарчин предлагает оценить на основании того,

⁷²⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.2, May 1953: 3.

⁷²⁷ Тиб. *thabs red*.

⁷²⁸ Тиб. *mgo skor red*.

«есть ли Учение» у китайцев, которые прибыли в Тибет⁷²⁹. Путем повторения лексемы «постепенно» редактор дает устрашающий прогноз будущего Тибета под властью китайских коммунистов: тибетоязычное население «постепенно поместят за мощный забор»⁷³⁰, в Тибет «постепенно заселят множество китайцев»⁷³¹ и затем «постепенно точно уничтожат тибетскую нацию»⁷³².

Публикуя в 1950-е гг. любую новость, которая могла бы положительно охарактеризовать политику КНР в Тибете, редактор «Зеркала Тибета» дополнял ее замечанием, что, если что-то хорошее при коммунистах и есть, то все совсем не так, каким кажется на первый взгляд. Так, в выпуске за ноябрь 1953 г. Тарчин комментирует новости из Тибета следующим образом:

В настоящее время Коммунистическая партия Китая построила автодорогу до Чамдо. Говорят, каждый день много сотен машин доставляют товары и прочее. [...]

Также слышал новости, что в Лхасе и Шигацзе строится большое количество школ и огромных казарм. Хотя говорят, что сельское хозяйство развивается и что сажали и продолжают сажать много хороших видов зеленых овощей, не слышал, чтобы к настоящему времени рыночные цены на товары в Тибете с каждым днем переходили от роста к снижению. Говорят, вплоть до настоящего времени строгая дисциплина и законопослушные поступки китайских солдат не провоцируют тибетский народ на какие-либо стычки. Говорят, что даже тибетскому религиозному учению вплоть до настоящего времени не чинили каких-либо препятствий.

Хотя [так и] есть, поскольку рыночные цены на товары растут, говорят, что, помимо того, что [это] изнурительно для общин различных монастырей, общины также все сокращаются [численно]. Как бы там ни было, разве [это] не подобно шляпе из сырой кожи? [...]

Сейчас в Лхасе, как и раньше, наряду с тем, что нельзя повсеместно разбрасывать помои и мочиться, говорят, улочки очень чисто убраны. Хотя сейчас играют в кости, маджонг и прочее, говорят, что нельзя делать ставки в виде денег и украшений. Если правда, то это очень хорошо. То, что [китайцы] изучают нашу письменность и добродетели, [ввели] гигиену здоровья и учредили новые больницы, – это очень хорошо. Тем не менее не понял, какой смысл в заявлениях о том, что освободили и будут освобождать, если тибетцев никто не связывал.

⁷²⁹ Тиб. *mgo skor yin min bod du bslebs pa'i rgya mi chos yod med bltas na ha go thub kyi red.*

⁷³⁰ Тиб. *bod kyi mi rnams la rim pas lcags ri btsan po'i nang la bcug.*

⁷³¹ Тиб. *rim pas rgya mi mang po 'khrid de 'jog.*

⁷³² Тиб. *rim pas bod rigs rtsa med gtong nges red.*

Хотя говорят: «Добровольно не причиняем вреда Учению», по слухам, в районе Синина свалив в кучу множество тысяч драгоценных статуй, хорошие красивые предметы продают по пять китайских серебряных монет за каждый. Если [это] правда, вероятно, Учение не оставили на личное усмотрение каждого.

Также, по слухам, хотя раньше торговцы получали большую прибыль, товары покупали, сейчас, даже когда примерно урезали капитал, не покупают.

Опубликовал в соответствии с тем, что слышал. Правда или нет, пусть проживающие в [той] местности расследуют⁷³³!

Несмотря на то, что в первые годы китайское руководство придерживалось политики плавной интеграции Тибета в КНР и не давало повода для сомнений в своих намерениях соблюдать достигнутые соглашения, Тарчин стремился обозлить тибетоязычных читателей против коммунистической власти. Поэтому на страницах «Зеркала Тибета» китайские коммунисты лицемерно обещали оберегать буддийскую религию, а затем сваливали в кучу и продавали священные предметы. Параллельно воспроизводя метанарратив тибетской независимости, редактор раз за разом повторял, что не понимает, зачем и от кого китайские коммунисты «освобождали» жителей Тибета, если они и так были свободны⁷³⁴. Используя для описания текущей обстановки в Тибете сравнение «подобно шляпе из сырой кожи»⁷³⁵, то есть тому, что сначала удобно, но затем становится ужасным, Тарчин навязывал реципиентам своего дискурса ощущение страха, что в будущем их зажмут в тиски «коммунистического гнета», даже если сейчас они уверены в том, что жить под властью китайских коммунистов весьма комфортно.

Вкрапляя негативные новости о коммунистах практически в каждый выпуск «Зеркала Тибета» в 1950-е гг., редактор старательно преуменьшал достижения КНР в Тибете и помещал под увеличительное стекло злободневные социально-экономические последствия «освобождения» Тибета. Создавать иллюзию того, что происходящее в Тибете вызывало аналогичные удручающие впечатления не только у самого Тарчина, но и у читательской аудитории «Зеркала Тибета», помогала

⁷³³ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4.

⁷³⁴ Тиб. *bod kyi mi rnam la su gang zhig gis bcings med pa la bcings bkrol byas dang byed rgyu yin zhes pa'i don ga re yin nam ha go ma byung.*

⁷³⁵ Тиб. *ko rlon gyi zhwa ltar min nam.*

рубрика писем в редакцию. Например, в десятом выпуске 21-го года издания⁷³⁶ за январь 1954 г. редактор публикует на первой полосе очередное письмо от читателя, в котором автор жалуется, что идет третий год с тех пор, как НОАК прибыла в Тибет, но местные жители «так и не поняли смысл того, что называют “освобождением”»⁷³⁷. Цены, по сообщению автора, взлетели до небывалых высот. Владельцы домов «бесстыдно»⁷³⁸ безмерно повышают ежегодную арендную плату. Люди не могут думать ни о чем ином, кроме как чем питаться и где им жить. Вторая Тарчину, автор письма идеализирует Тибет до 1951 г. и убеждает читателей, что «ранее такого распространено не было»⁷³⁹. Следует отметить, что, по оценке М. Голдстейна, инфляция и проблемы с продовольствием, хотя и в меньшем масштабе, чем непосредственно сразу после вступления войск НОАК на территорию Тибета, действительно периодически обострялись вплоть до конца 1954 г., когда завершилось строительство двух автотрасс из Китая в Тибет⁷⁴⁰. Однако поступали ли в редакцию «Зеркала Тибета» письма от пронационалистически-настроенных читателей, с упоением вспоминающих о былых временах в Тибете до прихода коммунистов, или Тарчин сочинял их сам, достоверно установить сейчас невозможно.

В выпуске «Зеркала Тибета» за август 1953 г. Тарчин просит читателей взглянуть на еще одно «подлинное»⁷⁴¹ письмо, которое прислали в его газету⁷⁴². Наиболее интересными в процитированном обращении представляются колоритные пейоративные ярлыки, использованные автором для китайских коммунистов, а именно «стадо лицемерных коммунистических бандитов»⁷⁴³, и их сторонников-«обладателей интеллекта детей пожилых крестьян»⁷⁴⁴. Изображая настоящее в редуцированных категориях «черного» и «белого», автор письма утверждает, что на подконтрольной КНР территории китайские чиновники

⁷³⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

⁷³⁷ Тиб. *bcing dkrol zhes pa ji yin don ni ha go ma song*.

⁷³⁸ Тиб. *khang yod rnam nas ngo tsha med pa 'i khang gla lo bstar tshad med spar bzhin 'dug*.

⁷³⁹ Тиб. *de ni ngar mi grags pa 'i gnas lugs la brten dka ' las khag po red*.

⁷⁴⁰ Goldstein 2007: 407–408.

⁷⁴¹ Тиб. *yi ge zhig gzar khang du skyar 'dug pa 'i 'dra shus ngo ma*.

⁷⁴² *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 6.

⁷⁴³ Тиб. *ngan g.yo can dmar lugs 'dzin pa 'i jag pa 'i khyu*.

⁷⁴⁴ Тиб. *dmar lugs 'dzin mkhan dmangs rigs zhing pa rgad po 'i bu phrug shes rigs idan pa*.

«уничтожили все религиозные и светские традиции» и «не различают добро и зло»⁷⁴⁵, в то время как «все граждане испытывают страдания, будучи эксплуатируемы словно животные»⁷⁴⁶. Письма в редакцию «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. преимущественно содержали жалобы на коммунистическое руководство и осуждение тех жителей Тибета, которые решили сотрудничать с китайскими коммунистами вместо того, чтобы противостоять им. Авторы большинства обращений помечались как свидетели описываемых событий, в связи с чем содержание их сообщений должно было автоматически заслуживать у читателей «Зеркала Тибета» большой кредит доверия. Характерная антикоммунистическая направленность писем в редакцию повторяла тон дискурса Тарчина и повышала убедительность публикаций под авторством самого редактора «Зеркала Тибета».

Помимо размещения в «Зеркале Тибета» показаний антикитайски-настроенных очевидцев и собственных скептических комментариев об успехах экономического развития Тибета под началом КНР, Тарчин также спорил в своих публикациях с иностранными журналистами, которые посетили Тибет в 1955 г. и распространили «ложную»⁷⁴⁷ информацию о благополучном введении китайскими коммунистами инноваций в дорожном сообщении и сельском хозяйстве в Тибете. В стремлении доказать независимое историческое развитие Тибета редактор опубликовал в пятом выпуске 23-го года издания за февраль 1956 г. заявление о том, что иностранные репортеры были «введены в заблуждение»⁷⁴⁸, так как, на самом деле, в Тибете разводили помидоры и цветную капусту задолго до китайских коммунистов, а вот того, чего там не было, так до сих пор и нет. Реализуя стратегию дискредитации КНР, Тарчин в своей заметке также обвинил китайских коммунистов в том, что все нововведения в Тибете они распространяют не для

⁷⁴⁵ Тиб. *chos srid lugs srol kun bstor nas bzang ngan dbye 'byed med*.

⁷⁴⁶ Тиб. *mi ser thams cad dud 'gro lta bu gzhan dbang bkol bcod sdug bsngal myong ba*.

⁷⁴⁷ Тиб. *bden pa ma red*.

⁷⁴⁸ Тиб. *gsar mkhan de mgo thoms pa red*.

блага местного народа, а «ради самих себя»⁷⁴⁹, и путем развития сельского хозяйства принесут, наоборот, лишь «вред вместо пользы»⁷⁵⁰.

По мере роста напряженности на Тибетском плато во второй половине 1950-х гг. редактор «Зеркала Тибета» с еще большей энергичностью высказывался о проявлениях «коммунистического гнета» и продолжал убеждать читателей в том, что политика КНР в Тибете ориентирована исключительно на обман, а не заботу о местном населении. Тарчин сравнивал настоящее Тибета под коммунистическим руководством с тем, что было до 1951 г., и идеализировал прошлое Тибета. В одиннадцатом выпуске 26-го года издания за апрель–май 1960 г. под длинным заголовком с готовым обвинением «Хотя распространяют различные слухи, что коммунистический Китай улучшает [условия] жизни в Тибете, в действительности [это] пустая и лживая болтовня»⁷⁵¹ Тарчин публикует следующее сравнение настоящего с прошлым:

В настоящее время благозвучными речами об улучшении жизни в Тибете коммунистический Китай обманывал и продолжает обманывать [с помощью] различных уловок остальной мир. [Однако] у всех [Вас] нет никакой причины доверять [этим речам]. Ранее не было историй о том, чтобы население Тибета умирало от голода. Даже если тибетец был бедным, у него было точно достаточно средств [для обеспечения] своего существования. Кроме того, [представители] высшего класса делали подношения Трем Драгоценностям, [представители] низшего класса делали пожертвования нищим, а те, кто посередине, могли заботиться о своих родственниках. Вдобавок к тому, провизии [у жителей Тибета] было достаточно как минимум на один год. Таким образом, поскольку даже у нищих не было горестей в жизни, [они] жили как певцы, танцоры и музыканты.

Однако, хотя сейчас китайцы утверждают, что жизнь в Тибете улучшается, не говоря уже о бедняках, но даже богатые не получают больше восьми *cup*⁷⁵² зерна в месяц. Из-за большого количества людей ежедневно трудно [получить] достаточно [зерна], поэтому только если с вечера остаться ночевать на пороге здания, где выдают зерно, с трудом получишь собственную норму, вследствие чего многие пожилые люди умирают от голода.

⁷⁴⁹ Тиб. *da lta gung phran nas 'bor chen spel gyi yod nges red/_de yang rang don ched du las bod kyi mi dmangs ched du e yin cha ma rtogs.*

⁷⁵⁰ Тиб. *des so nams gong 'phel yong rgyu red ces pa de bod du so nams la phan pa las skyon du 'gyur srid kyi red (The Tibet Mirror Vol.XXIII No.5, February 1956: 2).*

⁷⁵¹ Тиб. *rgya dmar nas bod la 'tsho ba yar rgyas gtong tshul gyi 'bir gtam sna tshogs grags kyang don dam bkyl brdzun bkyl nag red.*

⁷⁵² *Cup* (тиб. *sher*, англ. *seer*) – мера веса, используемая преимущественно в северной Индии, равна 1.25 кг.

Не только в Тибете, но и в самом Китае, не получить ничего, кроме нескольких сладких картофеля, и многие люди умирают от голода.

Как видели несколько человек собственными глазами в Тибете, поскольку китайцы забрали в [исправительно-]трудоустройственный лагерь мужей у многодетных матерей-одиночек, о них [детях] некому заботиться. Поэтому, когда дети просят у матери еду, чтобы обмануть детей, она вынуждена валять шарики «цампы» из грязи и давать им.

Раньше мать, бросив детей в воду, затем сама тоже должна была прыгнуть в воду. Лхасу, которая раньше была [местом, где все] совершенно благополучно, сейчас поистине превратили в район с голодными духами. Это и есть то, как Коммунистическая партия Китая улучшает жизнь. То, что внутри [Тибета] нет *цампы*, чтобы поесть, соотносится с тем, что за пределами [Тибета] притворяются, что едят суп⁷⁵³.

Создавая ощущение неопределенной длительности обманной политики коммунистического руководства с помощью грамматико-синтаксической конструкции «обманывал и продолжает обманывать»⁷⁵⁴, редактор обвиняет китайских коммунистов не только во «лжи» об улучшении уровня жизни в Тибете, но и в массовой гибели населения КНР от голода. Для описания ужасающей обстановки в Тибете приводится очередная яркая метафора из области потустороннего мира: китайские коммунисты «поистине превратили» Лхасу «в район с голодными духами»⁷⁵⁵. Демонстрируя, что по вине китайских коммунистов страдают самые незащищенные социальные группы, а именно пожилые люди, матери-одиночки, дети и малоимущие, Тарчин воздействует на эмоции читателей и нагнетает тревогу от описаний плачевного состояния Тибета в настоящем. Вместе с тем Тарчин усиливает персуазивный потенциал своего нарратива за счет утверждения о том, что данные новости он опубликовал не на основании слухов, а получил от свидетелей-очевидцев из Тибета. Проводя контрастное сравнение с идеальным «золотым веком» Тибета до прихода к власти коммунистов, редактор убеждает читателей, что раньше в Тибете было всего достаточно, «даже нищие» не

⁷⁵³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 8.

⁷⁵⁴ Тиб. *deng sang rgya dmar nas bod la 'tsho ba yar rgyas btang lugs skor phyi rgyar kha gtam snyan pos mgo bskor sna tshogs btang dang gtong mus.*

⁷⁵⁵ Тиб. *lha sa de ni deng sang yi dwags kyi yul dngos su btang 'dug.*

имели «горестей в жизни» и «жили как певцы, танцоры и музыканты»⁷⁵⁶, а в Лхасе все было «совершенно благополучно»⁷⁵⁷.

В качестве еще одного наглядного примера навязывания иллюзии о прекрасном прошлом Тибета до 1951 г., которое не сравнится с настоящим, можно привести заметку под заголовком «Официальное заявление коммунистического Китая»⁷⁵⁸ из первого выпуска 26-го года издания за июнь 1959 г.:

По китайскому радио сейчас сообщают, что тибетских граждан сделали счастливыми, и [они] обрели великолепие счастья. Распространяемые многочисленные сообщения о том, что ранее [тибетская] знать и ламы приносили много страданий простому народу, китайские коммунисты сами придумывают и заставляют [других] людей рассказывать. Это не соответствует желанию [самих] граждан.

Хотя ранее ламы и знать и причиняли самую малость страданий [своим гражданам], такого гнета как сейчас никогда не было.

Прежде во времена лам и аристократов никогда не было такого, чтобы как сейчас у нас не было права на пищу, права на одежду, права на свободу передвижения, права на ведение дискуссий, права на совершение подношений Трем Драгоценностям, права на собственноручно накопленное имущество, права стремиться [накапливать] свое имущество, и вдобавок к тому, чтобы после целого дня тяжелого физического труда не было достаточно [для насыщения] порции еды, которую выдали.

Хотя, возможно, [ранее] и были похожие сложности, в Тибете совершенно точно никогда не происходило подобного угнетения как то, что делает коммунистический Китай сейчас⁷⁵⁹.

Редактор «Зеркала Тибета» признает, что «ранее ламы и знать причиняли самую малость страданий»⁷⁶⁰ народу в Тибете. Однако параллельно с этим, применяя тактику создания уникальности угрозы⁷⁶¹, Тарчин тут же переключает акцент публикации на то, что «такого гнета как сейчас никогда не было»⁷⁶² в Тибете. Практически идентичное утверждение завершает заметку: «Хотя, возможно, [ранее] и были похожие сложности, в Тибете совершенно точно никогда не происходило

⁷⁵⁶ Тиб. *sprang po rnams kyang 'tsho gos kyes sems sdug med pas glu gar rol bzhin sdod rgyu yod.*

⁷⁵⁷ Тиб. *sngon du bde skyid phun sum tshogs.*

⁷⁵⁸ Тиб. *rgya dmar gyi khyab bsgrags.*

⁷⁵⁹ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.1, June 1959: suppl.2–3.

⁷⁶⁰ Тиб. *sngon du bla sger khag gi phran bu re sdug po btang.*

⁷⁶¹ Тактика создания уникальности угрозы направлена на убеждение реципиентов дискурса в особой значимости, уникальности и беспрецедентности существующей угрозы (Чернявская, Молодыхенко 2014: 117).

⁷⁶² Тиб. *da lta lta bu 'i tisan dbang nam yang byung yod pa ma red.*

подобного угнетения как то, что делает коммунистический Китай сейчас»⁷⁶³. Между этими двумя предложениями редактор вставляет аналогичное третье утверждение, в котором еще раз подчеркивает: «Прежде во времена лам и аристократов никогда не было такого, чтобы как сейчас [...]»⁷⁶⁴. Таким образом, реципиенты дискурса обязаны понять, насколько экстраординарно положение дел в Тибете под властью китайских коммунистов. Более того, Тарчин уточняет, что именно сейчас иначе и чего никогда не было ранее: используя лексико-синтаксической повтор («права на ...»⁷⁶⁵), он сообщает, что тибетцев лишили всех базовых прав человека, заставляют заниматься тяжелым физическим трудом и скудно кормят. Уличая китайских коммунистов в распространении пропаганды в средствах массовой информации от имени граждан Тибета, Тарчин выступает с ответной контрпропагандой от имени жителей Тибета и утверждает, что тибетоязычное население не согласно с официальными заявлениями представителей КНР.

Во второй половине 1950-х гг. редактор «Зеркала Тибета» сосредоточился на освещении новостей о локальных восстаниях на территории Тибетского плато и культивировании патриотического духа тибетоязычного населения. Церинг Шакья озвучивает мнение что, самые первые тибетско-китайские столкновения из-за попыток проведения демократических реформ произошли в Каме и Амдо в конце 1954 г.⁷⁶⁶. М. Голдстейн считает, что для населения этнографического Тибета первые шесть лет под властью китайских коммунистов прошли без существенных изменений: религиозная и светская элита взаимовыгодно сотрудничала с представителями коммунистической власти, сохраняя свои земельные владения и имущество и даже получая руководящие должности в составе нового коммунистического правительства⁷⁶⁷. По оценке М. Голдстейна, лишь в конце 1955–начале 1956 гг. обсуждения дальнейшего демократического реформирования

⁷⁶³ Тиб. *ma gshis rdab bsigs 'dra byung yod srid kyang da lta'i rgya dmar gyis mnar spyod ltar nam yang bod du byung med nges gtan red.*

⁷⁶⁴ Тиб. *sngar bla sger khag gi dus su nam yang byung yod pa ma red.*

⁷⁶⁵ Тиб. *... pa'i/kyi/gyi dbang cha.*

⁷⁶⁶ Shakya 2000: 138.

⁷⁶⁷ Goldstein 2014: 116–118.

традиционного уклада в Каме встретили недоверие и сопротивление со стороны представителей местной элиты, что привело к вооруженным столкновениям в регионе⁷⁶⁸. В то же время, что касается центрального Тибета, на территории которого действовало Соглашение из 17 пунктов, проведение реформ там было официально отложено на пять–десять лет и началось только после антикитайского восстания в Лхасе в марте 1959 г.⁷⁶⁹ В выпуске «Зеркала Тибета» за февраль–март 1959 г., изданном, когда руководство КНР уже некоторое время подавляло восстания в восточном Тибете, а многие жители из мятежных восточных районов бежали в центральный Тибет, тем самым создавая максимальное напряжение и на той территории Тибета, где не проводилось никаких демократических реформ и сохранялись прежние порядки, Тарчин использовал кризисную ситуацию для «развенчания лживых речей»⁷⁷⁰ КНР и усиления протестных настроений в обществе:

До настоящего времени Коммунистическая партия Китая говорила всему миру только откровенную ложь. «Помимо того, что мы оказывали и продолжаем оказывать Тибету нужную помощь, поскольку совершенно никаких притеснений нет, все тибетские монахи и миряне, люди всех сословий, любят коммунистов. Несколько бандитов устроили мятеж», – так откровенно лгали.

Весь мир знает, что все монахи и миряне тринадцати тибетских *тикор* совершенно не любят китайских коммунистов и все солидарны [в этом]. В связи с этим, когда Тибету нужна помощь, всем необходимо оперативно предоставить [ее]. Если так не сделаете, позднее будете сожалеть⁷⁷¹.

В достаточно краткой заметке Тарчин дважды обвиняет китайских коммунистов в «откровенной лжи»⁷⁷² о происходящем в Тибете, после чего, вводя генерализирующие утверждения, представляет псевдоколлективное суждение всего населения Тибета («все монахи и миряне тринадцати тибетских *тикор*»⁷⁷³) о их «солидарности» в нелюбви к китайским коммунистам, обрاملенное в

⁷⁶⁸ Goldstein 2014: 118–119.

⁷⁶⁹ Shakya 2000: 152, 156.

⁷⁷⁰ Тиб. *brdzun gtam mthil rdol*.

⁷⁷¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 13.

⁷⁷² Тиб. *skyag brdzun skyag nag kho na bshad* и тиб. [...] *ces brjod pa skyag brdzun skyag nag red*.

⁷⁷³ Подробнее о том, что Тарчин включал в «тринадцать тибетских *тикор*» и как представлял тибетскую нацию см. подраздел 2.2.3.5. Конструирование образа «своих».

псевдомнение мировой общественности относительно ситуации в Тибете («весь мир знает» об этом)⁷⁷⁴.

После восстания в Лхасе в марте 1959 г. и иммиграции Далай-ламы XIV в Индию редактор «Зеркала Тибета» получил возможность транслировать новости об обстановке в Тибете из уст самого Далай-ламы XIV. Будучи весьма авторитетной фигурой для тибетоязычных читателей, Далай-лама XIV как источник информации определенно пользовался еще более высоким кредитом доверия у читательской аудитории «Зеркала Тибета», чем рядовые очевидцы событий, на которых Тарчин периодически ссылался в статьях. Включая в газетные публикации отрывки официальных речей Далай-ламы XIV, Тарчин повышал авторитетность своего дискурса и статус «Зеркала Тибета» как важного информационного источника на тибетском языке. Например, в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. редактор разместил интервью, которое Далай-лама XIV дал корреспонденту газеты «Стейтсмен» вскоре после прибытия в Индию. Речь Далай-ламы, опубликованная в изложении Тарчина под заголовком «Новости о том, что более 65 тысяч тибетцев убиты»⁷⁷⁵, содержит основные тезисы по ситуации в Тибете, которые идентичны тому, что пропагандировал сам редактор газеты:

[...] «Китайцы прикладывают усилия только для того, чтобы полностью уничтожить всю тибетскую нацию и тибетскую религиозную и светскую культуру. Начиная с 1956 г. более 65 тысяч тибетцев были убиты. В северо-восточных районах Тибета, а также в районах и [отдельных] местностях на востоке обосновалось более пяти миллионов китайцев. Помимо этого, в районах У и Цанг поселилось 400 тысяч [китайских] военных, гражданских и рабочих лиц. Более того, китайцы пытаются переселить еще 400 тысяч человек.

К 1958 г. [китайские коммунисты] не только разрушили тысячу монастырей, но и убили бесчисленное количество лам и монахов. Изжив буддийское учение, они постепенно пытаются уничтожить религиозную традицию.

⁷⁷⁴ Тиб. *bod khri skor bcu gsum gi ser skya mi mang tshang mas kho la dga' gi med pa dang tshang ma chig sgril yin pa da lam 'dzam gling yongs kyi mkhyen gsal red.*

⁷⁷⁵ Тиб. *bod mi _65000lhag tsam bsad 'dug pa 'i gnas tshul.*

Хотя китайцы путем жестоких насильственных законов осуществляют подобные невыносимые репрессии, храбрость тибетцев не знает страха и осторожности, и [они] по-прежнему сохраняют стойкость и даже сейчас ведут повстанческую деятельность.

Я вернусь в Тибет, когда получу ту истинную власть, которая была у Тибета до вторжения [китайских коммунистов]», – сказал достопочтенный Далай-лама [XIV]. [...] ⁷⁷⁶

Из приведенного отрывка интервью очевидно, что тибетский религиозный и светский правитель однозначно считает КНР агрессором, «вторгшимся» на чужую территорию и лишившим Тибет той «истинной власти», которая была у него «до вторжения» ⁷⁷⁷. Речь Далай-ламы XIV подтверждает обоснованность обвинений, которые Тарчин сам регулярно вменял представителям КНР: это и «жестокые насильственные законы» ⁷⁷⁸, и «невыносимые репрессии» ⁷⁷⁹, и то, что китайские коммунисты «прикладывают усилия только для того, чтобы полностью уничтожить всю тибетскую нацию и тибетскую религиозную и светскую культуру» ⁷⁸⁰. Статистические данные с динамикой по годам о количестве переселившихся на территорию Тибета китайцев, разрушенных монастырей и убитых тибетских мирян, лам и монахов поддерживают оформление протибетской репрезентации истории китайско-тибетского конфликта в нарратив невинной жертвы жестокой агрессии КНР. Не менее важно и то, что в своей речи Далай-лама XIV упоминает и положительно оценивает действия тибетских повстанцев.

С большим воодушевлением восприняв новости о решении Далай-ламы XIV иммигрировать в Индию, Тарчин сравнивал данное событие с освобождением «птицы из ловушки» ⁷⁸¹ и объяснял своим читателям побег из КНР как единственно возможный выход для спасения тибетского лидера. На эту тему в двенадцатом выпуске 25-го года издания за май 1959 г. под заголовком «Стратегия коммунистического Китая обманула сведущих» ⁷⁸² редактор опубликовал пылкое

⁷⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6–7.

⁷⁷⁷ Тиб. *bisan 'dzul ma byas pa'i gong du bden 'bral dbang cha ji yod la bod kyis longs su spyad dbang de kho na thob mtshams bod la phyir phebs gnang gi yin zhes gong sa mchog gis gsungs byung.*

⁷⁷⁸ Тиб. *bisan khrims drag po.*

⁷⁷⁹ Тиб. *mnar gcod mi bzad pa.*

⁷⁸⁰ Тиб. *rgya mis bod kyi mi rigs dang chos srid shes rigs tshang ma rtsa ba nas gtor thabs kho nar 'bad rtsol byed mus red.*

⁷⁸¹ Тиб. *bya rgyal gzeb nas thar ba bzhin du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5).

⁷⁸² Тиб. *rgya dmar srid byus mkhas por thang khug g.yogs song.*

опровержение распространяемых в КНР слухов о том, что Далай-ламу похитили представители тибетской оппозиции:

В силу того, что владыка всего Победоносного Учения на земле и исполняющая желания драгоценность Далай-лама [XIV] и его свита не могли рисковать оставаться на религиозной земле Тибета, которая должна быть автономной, это просто замечательно, что, вырвавшись, подобно, к примеру, птице из ловушки, из-под мощного забора коммунистического гнета, [они] смогли в безопасности прибыть на святые земли Индии.

Коммунистический Китай обычно заявляет: что касается Тибета, по всем аспектам отстает от остального мира, народ [там], поскольку не обладает знаниями, является слабым в плане силы, поэтому мы путем предоставления помощи и наставлений во всех аспектах сделаем их народом, обладающим знанием. Хотя [китайские коммунисты] так говорят, [это] странно. В последнее время политика тибетского государства прославилась во всем мире как смелая, толерантная и продуманная, и все поняли, какова стратегия коммунистической партии.

В соответствии со смыслом поговорки «зализать [рану] по-собачьи», [китайским коммунистам], пристыженным тем, что их полностью одурачили, ничего не оставалось, кроме как преувеличивать, спасаясь [заявлениями о том], что уважаемого Далай-ламу похитили реакционеры.

Если бы достопочтенный Далай-лама мог жить в Тибете свободно и счастливо действительно [так], как ему угодно, то [ему] не было бы никакого смысла, испытывая такие трудности, без цели отправляться в Индию. Поскольку их [китайских коммунистов] внешне мягкие речи изнутри повернули на силу, [и] лишили [Тибет] свободы, [Далай-лама] не мог не уехать.

[...] Мы отсталыми не являемся. Вы сами не являетесь ли отсталыми^{783?}

Редактор завершает публикацию ответом на пропагандируемый в КНР тезис о малоразвитости тибетского региона, который оформлен в виде риторического вопроса-пресуппозиции: «Вы сами не являетесь ли отсталыми?»⁷⁸⁴. Риторика статьи построена на погружении КНР в семантическое поле пейоративов («мощный забор коммунистического гнета»⁷⁸⁵, «зализать по-собачьи»⁷⁸⁶, «пристыженные тем, что их полностью одурачили»⁷⁸⁷, «их внешне мягкие речи

⁷⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5, 8.

⁷⁸⁴ Тиб. *khyed rang rjes lus 'thebs yod pa ma red pas*.

⁷⁸⁵ Тиб. *gung bran btsan dbang lcags ri btsan po*.

⁷⁸⁶ Тиб. *khyi kha bskyangs nas chu ldag*.

⁷⁸⁷ Тиб. *kho par lkug pa lkug nag la btang bas ngo tshas kha bskyangs*.

изнутри повернули на силу [и] лишили [Тибет] свободы»⁷⁸⁸) и одновременном использовании амелиорации для Далай-ламы XIV («владыка всего Победоносного Учения на земле»⁷⁸⁹, «исполняющая желания драгоценность»⁷⁹⁰), Тибета («религиозная земля Тибета»⁷⁹¹, «смелая, толерантная и продуманная политика тибетского государства»⁷⁹²) и Индии как нового места пребывания тибетского лидера («святые земли»⁷⁹³). В результате столкновения образов КНР и Тибета как двух полных противоположностей Тарчин стремится доказать, что Тибет не является «отсталым»⁷⁹⁴ и об известно «во всем мире»⁷⁹⁵.

После иммиграции Далай-ламы XIV и части тибетского правительства в Индию Тарчин последовательно конструировал нарратив, легитимирующий преемственность учрежденного в Индии тибетского правительства в изгнании как «истинного»⁷⁹⁶ правительства Тибета:

Достопочтенный Далай-лама и Кашаг⁷⁹⁷ утвердили программу подлинного независимого тибетского правительства. Более того, тибетцы признали, что тибетское правительство находится там, где пребывают достопочтенный Далай-лама и собрание *калонов*.

Китайцы не только угнетали, истязали, убивали и держали в великом страхе тибетцев, но и выдвигали против достопочтенного Далай-ламы множество ложных обвинений, называя его повстанцем, и даже неоднократно оскорбляли Будду. [Так] рассказал [Далай-лама]. Достопочтенный Далай-лама вместе с Советом министров тибетского правительства покинул Лхасу ради блага тибетцев. [...]

Также, что касается тибетского восстания сейчас, [оно] безостановочно продолжается, и, поскольку тибетские земли обширны, во множестве районов к северо-востоку от Лхасы *кампа*⁷⁹⁸ продолжают повстанческую деятельность.

⁷⁸⁸ Тиб. *kho pa'i phyi gtam snyan 'jam nang don btsan gcur rang dbang med par bzos*.

⁷⁸⁹ Тиб. *sa steng rgyal bstan yongs rdzogs kyi bdag po*.

⁷⁹⁰ Тиб. *gong sa yid bzhin nor bu*.

⁷⁹¹ Тиб. *bod chos ldan zhing*.

⁷⁹² Тиб. *bod rgyal khab kyi srid byus de bzhin dpa' mdzangs khog grung dang ldan pa zhig yin*.

⁷⁹³ Тиб. *rgya gar 'phags pa'i yul*.

⁷⁹⁴ Тиб. *nga tsho ni rjes lus 'thebs pa ma yin*.

⁷⁹⁵ Тиб. *'dzam gling yongs grags su shes rtogs byung*.

⁷⁹⁶ Тиб. *ngo ma*.

⁷⁹⁷ Кашаг (тиб. *bka' shag*) – совет из четырех министров, возглавлявший традиционное тибетское правительство с 1751 г. по 1959 г. (Goldstein 2019: 9; Powers and Templeman 2012: 76, 81). *Калон* (тиб. *bka' blon*) – один из четырех министров в составе Кашага (Goldstein 2019: 14).

⁷⁹⁸ Тиб. *kham pa*, уроженцы региона Кам.

Проведение прямых китайско-тибетских переговоров бессмысленно. Китайцы никогда не будут считаться с пунктами мирного [соглашения]. Поэтому в качестве посредников для Китая и Тибета понадобятся представители иностранных государств.

Достопочтенный Далай-лама не поднимал восстание, чтобы китайцы пересмотрели [свою политику] в Тибете. В действительности китайцы нанесли нежелательный ущерб [своему] плану по благоприятному реформированию [функций] достопочтенного Далай-ламы и тибетского правительства.

Поскольку достопочтенный Далай-лама и тибетское правительство являются буддистами, если гарантируют, что Тибет обретет ту независимость и свободу, [которая была у него] ранее до 1950 г., то [они] готовы решать тибетский вопрос мирно.

Вот такие многочисленные речи вкратце произнес Далай-лама, а я их перевел и разместил⁷⁹⁹.

После марта 1959 г. редактор неизменно представлял Далай-ламу XIV и эмигрировавших с ним тибетских чиновников как добродетельное легитимное правительство Тибета, которое действует «ради блага»⁸⁰⁰ своего народа. Учреждение правительства Тибета в изгнании Тарчин описывает как весьма демократичный процесс: Далай-лама XIV и тибетские министры не просто в одностороннем порядке провозгласили себя «подлинным независимым тибетским правительством», а это начинание было поддержано самими тибетцами, которые признали новое правительство легитимным⁸⁰¹. Особое внимание привлекает утверждение о том, что «Далай-лама и тибетское правительство являются [импликация: мирными] буддистами», в связи с чем они рассматривают возможность мирных переговоров с КНР, но при строгом условии гарантий, что «Тибет обретет ту независимость и свободу, [которая была у него] ранее до 1950 г.»⁸⁰². На контрасте с правительством Тибета в изгнании действия правительства КНР Тарчин, подкрепив свой нарратив ссылкой на цитату Далай-ламы XIV, изображал как примеры беспредельной агрессии («угнетали, истязали, убивали и держали в великом страхе тибетцев»⁸⁰³), непростительного кощунства («выдвигали

⁷⁹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 2, 3.

⁸⁰⁰ Тиб. *bod mi rnam la legs phan yong ched du*.

⁸⁰¹ Тиб. *gong sa mchog dang bka' shag lhan rgyas rnam kyis bod rang btsan gzhung ngo ma'i skor rtsa 'dzin gtan 'bebs gngang zhing / de yang gong sa mchog dang bka' blon lhan rgyas gang du sku bzhuvs gngang ba der bod mi rnam kyis bod gzhung du ngos 'dzin byed kyi yod pa red*.

⁸⁰² Тиб. *gong sa mchog dang bod gzhung gnyis nang pa yin par brten sngon spyi lo _1950gong du bod rang dbang rang btsan gang yod par 'gan len byas na zhi bde'i sgo nas bod don skor thag gcod byed par gra sgrigs yod*.

⁸⁰³ Тиб. *rgya mis bod la btsan dbang mnar gsod 'tshabs chen btang*.

против достопочтенного Далай-ламы множество ложных обвинений»⁸⁰⁴, «даже неоднократно оскорбляли Будду»⁸⁰⁵) и непорядочности («никогда не будут считаться с пунктами мирного [Соглашения из 17 пунктов]»⁸⁰⁶).

В публикациях за 1960-е гг. Тарчин отдельно отмечал современный и демократичный характер тибетского правительства в изгнании. Так, в двенадцатом выпуске 26-го года издания за июнь–июль 1960 г. под заголовком «Избранные представители тибетского народа»⁸⁰⁷ редактор сообщает о выборах в общине тибетоязычных иммигрантов в Индии, которые прошли «по приказу исполняющей желания драгоценности – достопочтенного Далай-ламы» XIV⁸⁰⁸ и в результате которых народ трех тибетских областей, получив список кандидатов, избрал своих представителей⁸⁰⁹.

Конструируя нарратив легитимного демократического правительства Тибета в изгнании, Тарчин даже пытался умерить народные толки и подозрения о возможном присвоении общественных денежных средств представителями тибетского правительства. Как замечает К. Макгрэнэхан, в тибетоязычной иммигрантской общине в Индии деньги играют решающее значение, в связи с чем обвинения в присвоении средств, получении финансирования от Тайваня или эгоистичном использовании собственных накоплений приносят грандиозные репутационные потери⁸¹⁰. Очевидно, поэтому в десятом выпуске 26-го года издания за март 1960 г. редактор приводит объяснение Далай-ламы XIV относительно того, хранятся ли его денежные средства с 1951 г. в Сиккиме. Комментируя имеющиеся слухи, Далай-лама подтверждает, что это правда, однако поясняет, что это не государственные, а его личные средства, но при этом он все равно желает потратить их «на благо народа своей страны»⁸¹¹. Благодаря подобным публикациям Тарчин создавал и поддерживал имидж Далай-ламы XIV не только

⁸⁰⁴ Тиб. *gong sa mchog la ngo rgol gnang mi red ces brnyas 'dogs mang po [...]* btang.

⁸⁰⁵ Тиб. *sangs rgyas la'ang smad ra mang po btang.*

⁸⁰⁶ Тиб. *rgya mis zhi mthun don tshan la rtsis 'jogs nam yang byed kyi ma red.*

⁸⁰⁷ Тиб. *bod mi dmangs spyi 'thus 'dems bskos.*

⁸⁰⁸ Тиб. *gong sa yid bzhin nor bu mchog.*

⁸⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

⁸¹⁰ McGranahan 2001: 332.

⁸¹¹ Тиб. *de ni sku sger gyi sku rdzas kho na yin stabs rang rang yul gyi mi nrams kyi phan don du phyag gron gnang rgyu 'i thugs 'dod yod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2, 3).

как легитимного и демократичного главы Тибета в изгнании, но и как некорыстного и преданного своему народу правителя.

Кроме того, в 1960-е гг. редактор «Зеркала Тибета» регулярно воспроизводил идею о том, что в отличие от китайских коммунистов, которые целенаправленно уничтожают все тибетское, находящееся на территории Индии правительство Тибета заботится о тибетском народе и сохранении тибетской культуры. Например, в шестом выпуске 27-го года издания за февраль–март 1961 г. под заголовком «В этом году лхасский [фестиваль] Монлам Ченмо провели в индийской Бодхгае»⁸¹² Тарчин повествует о том, как вместе с Далай-ламой XIV в Индию иммигрировала и традиция празднования данного тибетского фестиваля:

По этому случаю уважаемое тибетское правительство раздало каждому монаху подавание [в виде] денег, чая и супа. [Члены] «Чуши Гангдуг» предоставили тысячное подавание [из тысячи цветов, благовоний, масляных ламп, подношений воды и *торма*], пожертвования [в виде] денег, чая и супа. [...] Монахи [монастырей] Сера, Дэпунг и Гандэн и народ трех тибетских областей получают религиозные наставления по развитию *бодхиचितты*. [...]

Черными ладонями коммунистов-врагов Учения

Как можно затмить солнце истинной Дхармы?

Даже если ненадолго устроили затмение в Тибете,

Как удивительно это сияние света в Бодхгае!

Поскольку эфемерный свет коммунистической звезды тускл,

Может ли что-либо сравниться с дневным светом Учения Победоносного?

То, что злонамеренные коммунисты с гнилым нутром и порочными взглядами

Хотят уничтожить истинную Дхарму, смехотворно⁸¹³.

В отличие от представленной ранее в данном подразделе публикации, где Тарчин критиковал подношения тибетским монахам от несведущих в буддизме представителей КНР по случаю Великого молитвенного фестиваля в 1952 г., эта заметка о праздновании Монлам Ченмо в 1961 г. в Индии отчетливо демонстрирует, как правительство Тибета в изгнании чтит тибетские традиции и организует правильные условия для развития высшей ступени просветления и сострадания у своих подданных. Помимо того, что подавание монахам традиционно раздало

⁸¹² Тиб. *'di lo lha sa smon lam che mo rgya gar rdor gdan du tshugs 'dug.*

⁸¹³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 5.

тибетское правительство, в нарративе Тарчина появляется новый политический актер: сыгравшая большую роль в радикализации общественных настроений в Тибете и эскалации тибетско-китайского конфликта повстанческая организация «Чуши Гангдуг» также приняла участие в фестивале и сделала от себя щедрые жертвования. Заметка заканчивается поэтическим этюдом на тему тщетности борьбы китайских коммунистов против буддизма. Интересен придуманный Тарчином метафорический ряд: редактор изображает коммунизм в виде тусклой звезды, свет которой кратковременен и поэтому не сможет затмить яркий свет солнечной звезды буддийской религии. Для коммунистов Тарчин вводит инвективный ярлык «врагов Учения»⁸¹⁴, выстраивая тем самым с первой строки стихотворения отношения антагонизма между поддерживающим свет буддийского учения правительством Тибета в изгнании и их врагами-«злонамеренными коммунистами с гнилым нутром и порочными взглядами»⁸¹⁵, которые «хотят уничтожить истинную Дхарму»⁸¹⁶.

Конструируя нарратив о настоящем, Тарчин смещает фокус публикаций с попытки доказать историческую независимость Тибета на концептуализацию «освобождения» Тибета силами НОАК. С самого начала 1950-х гг. редактор «Зеркала Тибета» настраивал своих читателей против китайских коммунистов и неоднократно повторял, что Тибет не нуждался в «освобождении», а сам термин «освобождение» – это лишь эвфемизм для закрепления пут «коммунистического гнета». После подписания и официального признания в Тибете Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. стало ясно, что и Далай-лама XIV, и большинство представителей духовенства и аристократии сделали свой выбор в пользу нового формата отношений с КНР, который на данном этапе представлялся им выгодным и исключал необходимость немедленного реформирования традиционного уклада, вследствие чего в «Зеркале Тибета» Тарчин сделал ставку на критику и дискредитацию политики КНР в Тибете. Конструируемый нарратив редактор нацелил на идеализацию Тибета до 1951 г. и создание идеологических препятствий

⁸¹⁴ Тиб. *bstan dgra gung bran*.

⁸¹⁵ Тиб. *log smon rgyud brlams lta ngan gung bran*.

⁸¹⁶ Тиб. *dam chos snub par 'dod*.

для мирной интеграции тибетского региона в состав КНР. Пропагандируемый образ китайских коммунистов как особо опасных и хитрых лжецов Тарчин дополнительно украшал уничижительными ярлыками «варваров» и «врагов Учения». Кроме того, после эмиграции Далай-ламы XIV в 1959 г. редактор стал регулярно воспроизводить идею о том, что Далай-лама был вынужден бежать из КНР во имя блага тибетского народа, а «истинное» легитимное правительство Тибета отныне находится в Индии и оттуда трудится над сохранением тибетской культуры.

2.2.3.3. Конструирование будущего

В данном подразделе рассмотрена подборка материалов «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг., в которых Дордже Тарчин пропагандировал желаемое видение независимого будущего Тибета, делился вдохновляющими примерами для достижения этой цели, а также озвучивал альтернативный прогноз будущего Тибета и всего мира в том случае, если к его советам не прислушаются.

Не ограничиваясь декларативными заявлениями о том, что Тибет является независимым государством и был таковым на протяжении многих веков, редактор «Зеркала Тибета» регулярно публиковал в 1950-е гг. свои соображения относительно актуальных мер и конкретных шагов для обеспечения этой независимости. Например, 1 августа 1950 г., за два месяца до начала активного наступления на Тибет Народно-освободительной армии Китая в октябре 1950 г., Тарчин напомнил читателям, что еще 12 лет назад он указывал на такое абсолютно необходимое в деле отстаивания независимости государства условие как поддержание боеготовности армии:

В настоящее время, за исключением только тибетского религиозного государства, большинство государств озабочены лишь созданием новых отравляющих машин для разрушения как самих себя, так и других. Как печально! [Но], конечно, винить [в этом] нельзя. Если так не делать, разве не обойдет один другого? Не будет ли один притеснять другого? [...]

Критически важно, чтобы подготовленное к войне машинное оборудование, военные стратегии и обученные войска были в идеальном состоянии. К примеру, в одной книге на английском языке о войне в Тибете в год Деревянного Дракона [1904 г.] написали: «*We killed several thousand of these brave, ill armed men*». Если приблизительно перевести на тибетский язык, это значит: «Мы убили несколько тысяч храбрых, плохо вооруженных людей». Хотя тибетцы хорошо известны как те, кто действительно обладает энтузиазмом и храбростью, если вооружение слишком слабое, то соответствующий штаб [командования] всей тибетской армией, озаботившись тем, чтобы немедленно стратегически усилить тренировки режима боеготовности и [предоставить] своим солдатам необходимые для [участия в] современном вооруженном конфликте оружие, машинные комплексы вооружения и [соответствующую] подготовку, [тем самым] обеспечит способ оставить Тибет свободным и независимым.

Если в информации от [Вашего] покорного слуги есть ошибки, не обесцудьте⁸¹⁷.

Помимо совета о необходимости снабжения тибетской армии современным вооружением и проведения соответствующей подготовки для ведения боевых действий, публикация также интересна включением прямой цитаты на английском языке. Зачем Тарчин публикует данную строку на английском, а не приводит ее сразу в переводе на тибетский язык, непонятно. Возможно, как уже говорилось ранее, таким образом Тарчин привлекал к конкретной статье внимание иностранных читателей или своих работодателей из служб разведки.

В качестве еще одного важного шага для обеспечения независимого статуса «тибетского религиозного государства» Тарчин постулировал необходимость единения всего тибетоязычного населения Тибетского плато как единой тибетской нации. В двенадцатом выпуске 18-го года издания за ноябрь 1950 г., то есть менее месяца спустя после того, как войска НОАК вступили на территорию восточного Тибета, редактор опубликовал очередной совет для своей читательской аудитории под заголовком «Китайское коммунистическое правительство отправило войска в Тибет»⁸¹⁸:

Однако всему тибетскому народу не нужно бояться. Всем необходимо мысленно объединиться и ответно атаковать врагов Учения – коммунистическую армию.

⁸¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 2–3.

⁸¹⁸ Тиб. *rgya mi dmar gzhung gis bod la dmag mi btang 'dug*.

Если правитель и все подданные тибетского религиозного государства, соединившись железной цепью истинной Дхармы, совершат атаку на врагов, то непременно одержат полную победу.

Однако, если будут беспокоиться лишь о личных интересах и мысленно не объединятся, коммунистическое пламя принесет урон⁸¹⁹.

Используя тактику моделирования альтернативного будущего, Тарчин принимает на себя роль пророка. Редактор возвышенно призывает «тибетский народ» объединяться с помощью «железной цепи истинной Дхармы»⁸²⁰ и также озвучивает более практически ориентированную рекомендацию – брать в руки оружие и атаковать «врагов Учения». Тарчин обещает читателям, что народное сплочение против китайских коммунистов непременно принесет успех в борьбе за независимость Тибета, а в случае неповиновения своему наказу и бездействия предсказывает нанесение «уруна» «коммунистическим пламенем»⁸²¹.

Прогнозы Тарчина нередко содержали предостережения как для жителей Тибета, так и для всего мира. Например, ниже на той же странице «Зеркала Тибета» редактор, продолжая мысль о потенциальном «уруне», раздувает последствия «коммунистического пламени» уже до масштабов всего мира:

Великое индийское религиозное государство является источником зарождения Дхармы. Маленькое тибетское религиозное государство является забором для великого индийского религиозного государства. Тибет является забором [протяженностью во] много тысяч миль от верхнего Ладакха и Кашмира до индийского [штата] Ассам. Забор приносит огромную пользу, защищая Индию. Если сделать так, что такого забора не станет, то для Индии определенно возникнет большая опасность в виде иностранных врагов. Поэтому для защиты необходимо возвести забор из солдат и военных лагерей.

В силу данных обстоятельств, если во время трудностей индийское правительство и пакистанское правительство не поддержат и не защитят тибетское государство, которое служит мощным забором для Индии, то в будущем это станет причиной огромных сожалений [для них].

Если коммунистический Китай не откажется от наступления на Тибет, то не будет ли прекрасно, если Индия окажет военную помощь? Или же, если сейчас индийское

⁸¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

⁸²⁰ Тиб. *dam pa'i chos kyi lcags thag gis bcings*.

⁸²¹ Тиб. *dmar mes skyon yong gi red*.

правительство, очень искусно ладя с Китаем, не откажется от [таких взаимоотношений], то не будет ли прекрасно вернуться в сторону сильных религиозных стран Запада? Не будет ли прекрасно, если отозвать тех, кто сейчас поддерживает коммунизм в ООН? Не будет ли прекрасно, если ковать медь, пока горяча? Всем известно, что, когда медь остывает и затвердевает, выковать [что-либо] из нее сложно.

Вины самого коммунистического Китая нет, поскольку [он] попал под влияние коммунистической России, [у него] не было возможности не следовать за ней. Поэтому не будет ли прекрасно, если Индия и [другие] религиозные государства в мире как можно быстрее также обеспечат освобождение всего китайского народа от аркана коммунистической России?

Заявления коммунистического Китая о том, что [китайские коммунисты] собираются освободить Тибет от власти Англии, Америки и других [государств], являются черной ложью. В [дела] в Тибете нет вмешательства [со стороны] Англии, Америки или какого-либо другого государства. Тибет является самодостаточным государством.

Не является ли весьма злонамеренным то, что коммунистический Китай хочет сделать его [Тибет] узником? Вы, китайские коммунисты, заявляете, что являетесь освободителями Китая. [Но] коммунистическая Россия связала Вас коммунистическим арканом, который подобен пламени, и, хотя сейчас Вы этого не понимаете, потом непременно поймете. [А], если понимаете это, не будет ли прекрасно, если, оставив запугивание других, найдете способ самим освободиться из-под власти России?

Как бы там ни было, будет просто прекрасно, если Вы, китайское коммунистическое правительство, после того как отзовете наступление на Тибет, проведете переговоры о дружбе мирным способом, и оставите Тибет свободным и автономным. Если же нет, в будущем сильно пожалеете.

Если ООН посредством строгого постановления относительно нарушений закона коммунистическим Китаем не помешает вторжению в Тибет, то весь мир точно будет охвачен коммунистическим пламенем. Подумайте об этом⁸²²!

В то время как китайские коммунисты докладывали о своих успехах по «освобождению» Тибета, редактор «Зеркала Тибета» взывал к «религиозным государствам» всего мира с тем, чтобы они немедленно занялись «освобождением»⁸²³ самих китайцев от коммунизма. При этом главным источником зла Тарчин провозглашал даже не КНР, а РСФСР.

⁸²² *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

⁸²³ Тиб. *rgya gar dang 'dzam gling chos ldan rgyal khab rnam nas rgya nag mi dmangs tshang ma'ang u dmar gyi zhags thag nas grol thabs gang myur gnang na mi legs sam.*

Выделив религию в качестве фактора для сближения, редактор подчеркивал важность индийско-тибетских отношений и актуализировал «тибетский вопрос» в рамках военно-политического дискурса территориальной обороны Индии и Пакистана. И Индия, и Тибет в нарративе Тарчина предстают в образе «религиозных государств», что, соответственно, открывает пропасть между ними и их соседом-«врагом Учения» КНР. Предвосхищая отсутствие у Индии и Пакистана интереса к спасению Тибета от коммунизма, Тарчин делится новым практическим советом: обратить взор в сторону ООН и других «сильных религиозных стран Запада»⁸²⁴.

Тарчин структурирует статью с помощью шести риторических вопросов, построенных на синтаксическом параллелизме («не будет ли прекрасно, если ...?») ⁸²⁵, после чего констатирует, что «будет просто прекрасно», если руководство КНР остановит наступление на Тибет, организует мирные переговоры и, главное, «оставит Тибет свободным и автономным»⁸²⁶. Интересно, что через полгода после данной публикации желание Тарчина фактически исполнилось, будучи реализовано в виде Соглашения из 17 пунктов, однако редактор «Зеркала Тибета» все равно остался недоволен и продолжил пропагандировать идею независимого будущего Тибета.

Написанная в свойственном для Тарчина стиле статья демонстрирует увлечение редактора средствами художественной выразительности («черная ложь»⁸²⁷; «ковать медь, пока горяча»⁸²⁸; Тибет как «забор»⁸²⁹ для защиты Индии; Россия связала Китай «коммунистическим арканом, который подобен пламени»⁸³⁰; Китай «хочет сделать узником»⁸³¹ Тибет), а также персуазивной стратегией создания фантомной угрозы, которая в данном случае реализуется в виде тактики моделирования альтернативного будущего (если не остановите КНР, то, во-первых,

⁸²⁴ Тиб. *nub gling dbang ldan chos ldan rgyal khab rnams kyi phyogs su zhal bsgyur na mi legs sam.*

⁸²⁵ Тиб. [...] *na mi legs sam.*

⁸²⁶ Тиб. *gang ltar khyed rgya dmar gzhung nas bod la dpung 'jug byed rgyu phyir then thog zhi ba 'i sgo nas mthun lam gyi bka' mol gnang nas bod la rang dbang rang skyong du cog ge tsam mer bzhang na gang legs.*

⁸²⁷ Тиб. [...] *brjod pa kyag rdzun kyag nag red.*

⁸²⁸ Тиб. *lcags dmar tsha po yod dus brdungs na mi legs sam.*

⁸²⁹ Тиб. *bod chos ldan rgyal khab chung chung rgya gar chos ldan rgyal khab chen po 'i lcags ri red.*

⁸³⁰ Тиб. *khyed rnams la u ru su dmar po 'i zhags thag dmar po me dang mtshungs pa de yis bcings yod.*

⁸³¹ Тиб. *de la rgya dmar gyis bison pa bzo 'dod.*

«в будущем это станет причиной огромных сожалений»⁸³² для Индии и Пакистана, во-вторых, «в будущем [сам Китай] сильно пожалеет»⁸³³, и, в-третьих, «весь мир точно будет охвачен коммунистическим пламенем»⁸³⁴).

Среди других пророчеств Тарчина в 1950-е гг. неоднократно встречается предсказание будущего геноцида народа Тибета, в связи с чем редактор просит тибетоязычное население быть снисходительнее к тибетским чиновникам и озаботиться сохранением тибетской истории. В седьмом выпуске 20-го года издания за октябрь 1952 г. Тарчин публикует следующее «Обращение к друзьям из китайских и тибетских районов Кама»⁸³⁵:

Хорошо известно, сколько страданий Вы претерпели ранее, когда в течение многих лет находились под гнетом Китая. Сейчас новое китайское правительство, слепо следуя за атеистической Россией, хоть временно и относится к Вам хорошо, вскоре точно принесет еще [больше] страданий, чем то, что причинили китайцы ранее [до них]. [Китайское коммунистическое правительство] точно уничтожит народ и Учение Страны снегов Тибета. Поэтому во имя верности своей нации и ради сохранения истории [тибетского государства] Вам чрезвычайно важно серьезно задуматься.

Вы, проживающие на территории тибетского Кама тибетцы, не виноваты в том, что несколько чиновников-пограничников из собственного правительства причиняли страдания и притесняли [Вас]. Однако хорошо известно, что это [Ваша] карма, [накопленная] в предыдущих жизнях, и те страдания, которые причиняют собственные чиновники, лучше, чем уничтожение своей нации и Учения Победоносного в результате одурачивания уловками других [то есть китайских коммунистов]. Те страдания, которые [Вам] нанесли свои [то есть местные тибетские чиновники], однако, постепенно развеются, и непременно наступит время, когда [Вы] сможете обратиться с петицией к [Вашему] доброму правителю и духовному лидеру. Поэтому в данный момент для освобождения из-под гнета иностранных врагов необходимо, отбросив все имеющиеся внутренние разногласия и печали, стараться обрести независимость путем всеобщего единения⁸³⁶.

Хотя Тарчин открыто признает, что простых жителей Тибета раньше притесняли тибетские чиновники, он старательно сглаживает вину тибетской

⁸³² Тиб. *rgya gar gzhung dang pa gzhung gnyis ka nas bod rgyal khab rgya gar gyi lcags ri btsan po yin pa de la bar chad yod dus rgyab snon gnang nas ma srung na phugs su 'gyod pa chen po 'i rgyu zhig 'byung gi red.*

⁸³³ Тиб. *de min phugs su 'gyod pa chen po skye yong ngo.*

⁸³⁴ Тиб. *bod la dpung 'jug byas pa ma bkag na 'dzam gling yongs su dmar me 'bar nges gtan la dgongs shig.*

⁸³⁵ Тиб. *kham rgya sde dang bod sde khul gyi grogs po rnam la zhu rgyur.*

⁸³⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 7, October 1952: 8.

элиты, убеждая читателей, что подобные притеснения стали результатом плохой кармы самих жертв притеснения и в любом случае не сравнятся с тем, что с ними сделают в будущем китайские коммунисты. Кроме того, редактор признает, что в период написания данной заметки, а именно октябрь 1952 г., представители КНР хорошо относились к населению Тибета, вследствие чего местные жители не сопротивлялись установлению коммунистической власти в регионе. Тем не менее, поскольку в задачи Тарчина входило внушение патриотических чувств читателям в Тибете, редактор навязывал им идеологизированное восприятие тибетско-китайских отношений через фрейм конфликта «своих» и «чужих» и, обращаясь к стратегии создания фантомной угрозы, голословно обвинял «чужих» в том, что в будущем они «точно уничтожат народ и Учение Страны снегов»⁸³⁷. Повторив дважды тезис о грядущем «геноциде» тибетского народа и уничтожении буддизма⁸³⁸, редактор призывал тибетоязычное население выбрать страдания под властью «своих» и сплотиться ради «освобождения из-под гнета иностранных врагов»-коммунистов и борьбы за независимость⁸³⁹.

В целях обеспечения независимости Тибета Тарчин также предлагал беречь документальные «доказательства»⁸⁴⁰ независимости и необходимые атрибуты современного национального государства. Так, во втором выпуске 22-го года издания за июнь 1954 г. в объемном материале под заголовком «Относительно того, чтобы не обманываться в будущем уловками китайцев»⁸⁴¹ редактор подробно анализирует последние события в Тибете в контексте стратегического планирования достижения независимого от КНР будущего:

Недавно почтово-телеграфные отделения должны были забрать из рук индийцев, а затем передать тибетскому правительству. Если слухи об этом правда, то это [было сделано] не только, чтобы обмануть тибетцев, [но] в действительности [также] является выгодным для [осуществления] контроля за смыслом [термина] «Тибет».

⁸³⁷ Тиб. *bod gangs can ljongs kyi mi rigs dang bstan pa rtsa med gtong nges brtan red.*

⁸³⁸ Тиб. *rang rigs dang rgyal bstan rtsa rlag tu btang.*

⁸³⁹ Тиб. *phyi dgra nang lhag gi btsan dbang 'og nas thar thabs su [...] tshang ma gcig mthun thog rang btsan lon thabs la 'bad dgos.*

⁸⁴⁰ Тиб. *bod kyi rang dbang khungs bskyel.*

⁸⁴¹ Тиб. *'byung 'gyur rgya'i ngan g.yos dbu ma 'khor ba gnang rgyu'i skor.*

Более того, [китайские коммунисты] решили вывести [из Тибета] горсть индийских солдат, [а] заявили, что выслали [из Тибета] войска иностранных государств. Хоть и могут бахвалиться этим, в действительности в недавнем Пекинском мирном соглашении⁸⁴² не то, что [термина] «тибетское государство» нет, но даже нет термина «тибетское правительство». Помимо этого, они присвоили новые, не известные до настоящего времени названия Тибету: «территория Китая» и «Тибет – всецело китайская территориальная зона». И с помощью только вот этого Китай уже без особого труда извлек огромную выгоду.

Также в недавнем Пекинском соглашении [1954 г. заявили], что власть поровну поделят между двумя правительствами [Китая и Индии]. Кроме [тех, кто находится на территории] Индии, в Тибете никто не сомневается, что поступят таким образом, поэтому необходимо не допускать заблуждений. Чтобы, как было сказано выше, наделить равной властью, китайское правительство сейчас учредит в Индии три [своих] торговых представительства по аналогии с тем, что на территории Тибета до сих пор находятся три торговых представительства индийцев. За исключением того, что называлось «главный торговый представитель и служащие» этих [представительств], [в названии представительств] даже термина «Тибет» не останется. Если и будет возможным включить в состав [представительств] одного–двух тибетских служащих, они будут не более, чем прислуга китайцев.

Также, если разговоры о том, что договоры о независимости⁸⁴³ и границах Тибета на время отвезли в Китай, правда, поскольку это подобно тому, что в руки врага передали всеобщее сердце и аорту Тибета, то в дальнейшем, если они будут утрачены, очень важно не потерять возможность доказать [это] посредством вот этой новости.

[КНР] уничтожает доказательную базу, [подтверждающую] независимость Тибета. Во-первых, в иностранное представительство тибетского правительства назначили китайских чиновников. Во-вторых, [тибетские] войска, осуществляющие охрану тибетского правительства, религии и политики, [реорганизуются так, что] пополняют китайские войска. Если по этому [вопросу] взглянуть на восьмой пункт Пекинского соглашения, заключенного [в 1951 г.] между Китаем и Тибетом, всем станет известен грандиозный обман, [ставящий целью] угнетение [Тибета]. В-третьих, в тибетском районе Амдо в

⁸⁴² Вероятно, в данном случае Тарчин имеет в виду подписанное в Пекине в апреле 1954 г. Соглашение о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией.

⁸⁴³ В данной статье Тарчин последовательно использует тибетский термин *rang dbang*. В настоящее время термин *rang dbang* чаще передает значение «свобода», в то время как термин *rang btsan* используется для обозначения «независимости». Однако в более ранние времена, например период правления Далай-ламы XIII, такого четкого разграничения не существовало и оба термина (*rang dbang* и *rang btsan*) могли обозначать «независимость» (Kobayashi 2019: 202n5). В связи с этим в данной диссертации в цитируемых примерах публикаций из «Зеркала Тибета» предлагается переводить термин *rang dbang* как «свобода» или «независимость» в зависимости от контекста и наличия/отсутствия синонимичного термина *rang btsan* в пределах той же публикации.

обращении ходят китайские банкноты, [а] в Лхасе – китайский серебряный юань. Учредили банки, [но] обмен денег, чтобы убрать китайский серебряный юань, не осуществляют. Более того, в результате принуждения и обмана захватили электростанцию в Даши⁸⁴⁴. Постепенно даже печать денег перенесли на территорию Китая, [а] выпуск тибетских денег прекратили. Обращение собственной тибетской валюты остановили, и [оно так] до сих пор и является остановленным.

[Все] это чрезвычайно важные пункты, доказывающие, что Тибет является независимым. Поскольку [эти доказательства] подобны всеобщему сердцу и аорте Тибета, когда лицемерное правительство Китая закончило, запугивая, затапливать песок водой, в соответствии с пятнадцатым пунктом Пекинского соглашения [1951 г.] в аккурат начали учреждать Военно-административный комитет. Когда таким образом будет [сверху] насажден [этот комитет], тибетские религиозная и светская идеология, права и какие бы то ни было местные законы придут в упадок. Не только недовольные правительством тибетцы из высшей, низшей и средней социальных страт, но даже те оппортунисты, которые ищут протекции у китайского правительства, в соответствии с пророчеством предыдущего перерождения Далай-ламы [XIII], будут вынуждены безостановочно испытывать ужасные страдания и страх от того, что лишились возможности [жить в] свободе и безопасности. При лишь упоминании терминов «тибетская земля» и «тибетцы», благих путей для страны, всеобщей и частной свободе непременно станет так, что, не умерев, а оставшись в живых, будут испытывать ад [на земле].

Вот поэтому, предчувствуя будущее, правитель и подданные, все монахи и миряне, вопреки тому, какие бы ни случались временные печали и радости, добро и зло, [должны отбросить]:

1. Междоусобную вражду и поступки из [чувства] зависти и [желания] нанести вред, поскольку это главный враг коллективной мощи.
2. Свокорыстные деяния, [совершаемые] без преданности своему государству в поисках малейшей возможности [получить] выгоду.
3. Мощь государства зависит не только от оружия, [она] зависит от энтузиазма и стараний каждого человека, поэтому необходимо отбросить трусость, лень и низменное подчинение вражескому обману.

Все, подобно живым существам в ковчеге, объединились в мощном устремлении. Наше тибетское государство нейтрализует непродолжительную власть сильного лицемерного

⁸⁴⁴ Тиб. *grwa bzhi*, место на севере от Лхасы и к югу от монастыря Сера (Goldstein 2004: 208).

врага. Великий защитник Далай-лама-[*чакравартин*⁸⁴⁵] повернет колесо религиозных и светских деяний.

Отныне, чтобы постепенно учредить одобренное всеми и защищающее всех благое правительство, непременно необходимо искренне стараться, действовать смело и с умом, не утрачивая в пользу Китая ни [собственную] отдельную национальную идентичность, ни религиозные и светские полномочия, ни идеологию, ни язык и письменность, ни [национальный] костюм, ни власть и права гражданских и военных министерств, [установленные в соответствии] с отдельным [собственным] законом, ни монетный двор, ни почту и телеграф. Так же необходимо как можно лучше заботиться о том, чтобы никогда не утрачивать в чужие руки любые книги и документы, необходимые для доказательства независимости [Тибета], даже если [они] находятся у каких бы то ни было государственных и частных лиц⁸⁴⁶.

Помимо первого употребления лексемы «обман» в заголовке («не обманываться [...] уловками китайского правительства»⁸⁴⁷), в самом тексте статьи Тарчин еще четыре раза повторяет разнообразные вариации словосочетаний с данной лексемой («чтобы обмануть тибетцев»⁸⁴⁸; «грандиозный обман, [ставящий целью] угнетение» Тибета⁸⁴⁹; «в результате принуждения и обмана захватили [тибетскую] электростанцию»⁸⁵⁰; «отбросить [...] низменное подчинение обману» КНР⁸⁵¹). Кроме того, редактор называет правительство КНР «лицемерным»⁸⁵² и трижды повторяет применительно к нему лексему «враг» («в руки врага отдали»⁸⁵³; «подчинение обману врага»⁸⁵⁴; «воспротивится власти сильного лицемерного врага»⁸⁵⁵). Погружая деятельность коммунистического правительства на территории Тибета в семантическое поле фальши и враждебности, Тарчин тем самым добивается эффекта отчуждения и стремится сформировать у реципиентов своего дискурса негативное отношение к коммунистическому режиму.

⁸⁴⁵ Скр. *cakravartin*, букв. «тот, который поворачивает колесо», идеальный буддийский правитель вселенной (Островская, Рудой 2009: 226).

⁸⁴⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXII No.2, June 1954: 12–14.

⁸⁴⁷ Тиб. *rgya'i ngan g.yos dbu ma 'khor*.

⁸⁴⁸ Тиб. *bod mir mgo skor ched*.

⁸⁴⁹ Тиб. *btsan dbang mgo bskor che ba*.

⁸⁵⁰ Тиб. *glog 'phrul khang btsan shed mgo bskor gyis bzungs bsdad*.

⁸⁵¹ Тиб. *mgo bskor gyi ngan dbang du song ba [...] spangs*.

⁸⁵² Тиб. *rgya nag gzhung g.yo can*.

⁸⁵³ Тиб. *dgra lag tu sprad pa*.

⁸⁵⁴ Тиб. *dgra'i mgo bskor ngan dbang du song ba*.

⁸⁵⁵ Тиб. *stobs ldan g.yo can dgra bo'i dbang 'og las ldog*.

Среди прочего Тарчин обсуждает возможность использования таких терминов как «Тибет», «тибетское государство» и «тибетское правительство» после установления коммунистической власти в регионе. Редактор убеждает читателей, что правительство КНР проводит политику постепенного искоренения данных понятий наряду с уничтожением «тибетской религиозной и светской идеологии, права и каких бы то ни было местных законов»⁸⁵⁶ и, еще существеннее, всей «доказательной базы, [которая подтверждает] независимость Тибета»⁸⁵⁷. Усиливая персуазивный тон публикации подключением сферы эмоционального восприятия, Тарчин задействует средства выразительности речи и, дважды сравнив доказательства независимости Тибета с «всеобщим сердцем и аортой Тибета»⁸⁵⁸, уподобляет тщетность действий КНР по уничтожению этих доказательств «затоплению песка водой»⁸⁵⁹.

Запугивая читателей, редактор гиперболизировано изображает будущее Тибета под властью «чужих» как пространство тотального ужаса: по вине китайских коммунистов жители Тибета неизбежно будут «вынуждены безостановочно испытывать ужасные страдания и страх от того, что лишились возможности [жить в] свободе и безопасности»⁸⁶⁰, и, «не умерев, а оставшись в живых, испытывать ад [на земле]»⁸⁶¹. Спасение от китайских коммунистов в нарративе Тарчина возможно только при условии независимости Тибета. Для достижения этой цели редактор дает тибетоязычным читателям несколько рекомендаций: не обманываться, не лениться, не преследовать эгоистичные интересы и не вступать в междоусобные конфликты, а, наоборот, объединяться, стараться и быть «преданными своему государству»⁸⁶². Самым стратегически важным и необычным при этом представляется совет Тарчина сохранять такие важные атрибуты современной нации как национальная идентичность,

⁸⁵⁶ Тиб. *bod kyi chos srid kyi lta spyod dang / _dbang lung / _yul khrims gang ci rtsa nyam du 'gro rgyu.*

⁸⁵⁷ Тиб. *bod kyi rang dbang khungs bskyel gyi rtsa ba gtor mus.*

⁸⁵⁸ Тиб. *bod spyi 'i snying srog [...]* dang 'dra ba и тиб. *bod spyi 'i srog snying dang 'dra ba.*

⁸⁵⁹ Тиб. *bye ma chu 'jigs su btang.*

⁸⁶⁰ Тиб. *rang dbang bzod bde 'i go skabs bral ba 'i 'jigs rngam sdug bsngal drag po rgyun ma chad du myong dgos.*

⁸⁶¹ Тиб. *dmyal ba ma shi gson steng nas myong.*

⁸⁶² Тиб. *rang gyi rgyal khab la sha zhen [...].*

национальный язык и письменность, национальный костюм, суверенная власть, идеология и правовая система, национальная валюта, почта и телеграф.

Последнее, что хотелось бы прокомментировать в данной публикации Тарчина, – это тезис о необходимости сохранения национального костюма. Не совсем понятно, какие элементы гардероба редактор «Зеркала Тибета» выделяет в качестве тибетского национального костюма, поскольку традиции различались на территории Тибетского плато. Так, знаменитый представитель тибетоязычной диаспоры в Индии и активный борец за независимость Тибета Джамьянг Норбу⁸⁶³ отмечает, что мать Далай-ламы XIV, после того как переехала жить в Лхасу, отказывалась носить традиционный лхасский женский костюм, который ей полагалось носить по статусу, предпочитая ходить в традиционной одежде своего родного региона Амдо⁸⁶⁴. Различия в традиционной одежде населения Кама, Амдо и центральных тибетских областей У–Цанг также признает и известный исследователь и уроженец центрального Тибета Дава Норбу⁸⁶⁵. Таким образом, Тарчин поделился актуальными рекомендациями, исходя из идеальных критериев национального государства, но применительно к Тибетскому региону не все из них получилось безукоризненно наложить на исторические реалии.

Для повышения убедительности своей риторики Тарчин предоставлял возможность высказаться в «Зеркале Тибета» другим воодушевленным на борьбу за независимость авторам-тибетцам. Например, в третьем выпуске 22-го года издания за июль 1954 г. и через шесть лет в четвертом выпуске 27-го года издания за ноябрь–декабрь 1960 г. редактор дважды публикует один и тот же текст под заголовком «Предложение одного думающего тибетца»⁸⁶⁶. Кто был «думающим тибетцем», Тарчин не уточняет, однако достаточно длинная публикация о том, как надлежит действовать ради обретения независимости, уместно дополняет конструируемый в «Зеркале Тибета» метанарратив тибетской независимости:

⁸⁶³ Тиб. *'jam dbyangs nor bu*; 1949–наст. время.

⁸⁶⁴ Norbu Jamyang 2016. Подробнее о специфике традиционного костюма населения Кама писали и западные исследователи также см., например, Adams 1996: 512.

⁸⁶⁵ Тиб. *zla ba nor bu*; 1949–2006. См. Norbu Dawa 2001: 338.

⁸⁶⁶ Тиб. *bod mi bsam yod zhig gis bsam 'char*.

Просьба к тибетцам, преданным [своей] стране и обладающим благородной добродетелью, и, в особенности, к тибетцам великих [тибетских] кланов, верующих в учение Будды и преданных [своему традиционному] политическому режиму.

Так как в течение некоторого времени наша коллективная добродетель была небольшой, не появилось ни сострадательных чиновников, действующих на благо народа, религии и политики, ни честного правительства, ни одного преданного человека. Поэтому [наша] Родина попала в руки врага, и [мы] лишились возможности сохранить [свою] независимость⁸⁶⁷.

Однако сейчас общий потенциал [наших] кармических деяний и молитв не мал. С тех пор, как великий защитник Далай-лама взял ответственность за религиозную и светскую [власть], в силу его безграничной заботы о благополучии подданных, все полностью положились на веру. Видя, что коварный обман коммунистического Китая словно мед на кончике острого ножа, [мы] находимся в состоянии страха и крайней настороженности. Кроме того, отныне каждый из нас несет равную ответственность за всеобщее благо, чтобы наша Родина обрела независимость, чтобы учредили новое правительство, которое включало бы представителей тибетского народа и было бы всеми одобрено, и чтобы религиозные и светские полномочия великого Далай-ламы расширились еще более, чем [то, что было] ранее. Аналогично, если проявлять по отношению к этому безразличие, пренебрежение и неуважение, то постепенно наши силы будут исчерпаны и придется жить, испытывая лишь страдания под властью врага.

В таком случае, если поразмышлять, каков тот, кто несет подобную ответственность [за всеобщее благо], то является вот таким:

1. В качестве метода достижения независимости собственного государства [у него] всегда то, что превосходит оружие, – действия с усердием и осознанностью.
2. Чтобы достичь цели, какие бы трудности ни возникали, все [ответственные люди], полностью отбросив сомнение, уныние, разрушающую злость и зависть, объединяются в мощном устремлении.
3. «Сейчас враг полон сил, поэтому нет возможности обрести независимость», – [так] сказав, трусливые, праздные и ленивые, эгоистичные и боязливые [люди] ищут защиты у врага, полагаются [на врага], получив от врага зарплату и подарки, ведут подпольную работу [на врага] и тому подобное. [Это] очень нехорошо. От работы животных, поскольку она является презренной, [ответственный человек] отказывается.

⁸⁶⁷ Использованный в данной публикации тибетский термин *rang dbang* последовательно переведен в цитируемом тексте как «независимость».

4. Поскольку образованность и сила народа являются основой для обретения независимости, то все [ответственные люди] в свободное время делают так, чтобы не забывать какие бы то ни было имеющиеся [у них] в индивидуальном порядке знания, [основы] логики и ремесла, [а также] расширяют [свои] познания, совершенствуют [их] и с нуля изучают то, что [еще] не знали. Более того, каждый [ответственный человек] все, что он знает, без кривляний в совершенстве преподаёт своим слугам, друзьям и соседям, [тем самым] распространяя [знания]. Вот таким образом [ответственные люди] оказывают взаимную помощь и занимаются коллективным развитием.

5. [Ответственный человек] каждого ребенка в первую очередь обучает своей религии и добродетели, [а также] вновь и вновь преподаёт [ребенку] урок по развитию преданности своему народу и стране.

Если регулярно вспоминать и практиковать [вышеперечисленное], то нет сомнений в том, что вскоре благодаря плодам истины солнце независимости и счастья вновь взойдет.

Мудрость широка и глубока как великий океан.

Дух тверд и бесстрашен как гора.

Усердие заключает [в себе] силу несмолкающего ветра.

Эти три [качества] являются оружием для преодоления врага.

В кузове просторной колесницы единогласной истины

Вместе с умело управляющим [колесницей] предводителем

На континенте всеобщее одобренной независимости мы

Будем наслаждаться великолепием счастья благой *кальпы*⁸⁶⁸.

«Думающий тибетец» так же, как и редактор «Зеркала Тибета», навешивает на коммунистическое правительство Китая ярлык «врага», воспроизводя в тексте лексему «враг» целых шесть раз: «Родина попала в руки врага»⁸⁶⁹; «придется жить, испытывая лишь страдания под властью врага»⁸⁷⁰; «сейчас враг полон сил»⁸⁷¹; «оружие для преодоления врага»⁸⁷²; «трусливые [...] ищут защиты у врага»⁸⁷³ и, «получив от врага зарплату и подарки, ведут подпольную работу»⁸⁷⁴. Помимо этого, автор обращения обвиняет руководство КНР в «коварном обмане»⁸⁷⁵,

⁸⁶⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960: 8–9.

⁸⁶⁹ Тиб. *rang yul dgra lag tu shor*.

⁸⁷⁰ Тиб. *dgra 'og tu sdug bsngal kho na myong bzhin sdod dgos*.

⁸⁷¹ Тиб. *da ni dgra bo stobs shugs bisan pa*.

⁸⁷² Тиб. *dgra las rgyal ba 'i mtshon cha*.

⁸⁷³ Тиб. *dpa' zhum pa [...] dgra la mgo bcol*.

⁸⁷⁴ Тиб. *dpa' zhum pa [...] dgra bo 'i phogs dang rngan pa blangs te gsang ba 'i las byed*.

⁸⁷⁵ Тиб. *rgya dmar gyi g.yo sgyu 'i mgo bskor*.

который «подобен меду на кончике острого ножа»⁸⁷⁶. Интересно отметить, что в 1950–1960-е гг. данное сравнение в контексте осуждения политики КНР появлялось в материалах «Зеркала Тибета» и под авторством самого редактора газеты, вследствие чего можно предположить, что либо сравнение с обмазанным медом ножом пользовалось в тот период популярностью, либо Тарчин сам участвовал в сочинении писем в редакцию.

Пространству «обмана» коммунистического «врага», в котором жителям Тибета приходится жить «в состоянии страха и крайней настороженности»⁸⁷⁷ и в дальнейшем придется «испытывать лишь страдания», «думающий тибетец» противопоставляет пространство «независимости», «счастья» и «истины», за которые нужно бороться прямо сейчас. Повторяя семь раз лексему «независимость», автор, с одной стороны, указывает на то, что до прихода к власти коммунистического «врага» Тибет был независимым («лишились возможности сохранить независимость»⁸⁷⁸), а, с другой стороны, стимулирует тибетоязычное население возвращать «плоды истины»⁸⁷⁹ для возвращения этой независимости («чтобы наша Родина обрела независимость»⁸⁸⁰; «сейчас [...] нет возможности обрести независимость» говорят «трусливые, праздные и ленивые, эгоистичные и боязливые» люди⁸⁸¹; «метод достижения независимости»⁸⁸²; «основа для обретения независимости»⁸⁸³; «солнце независимости и счастья»⁸⁸⁴; «на континенте всеобщее одобренной независимости»⁸⁸⁵).

«Думающий тибетец» разрабатывает кодекс идеального борца за тибетскую независимость из пяти пунктов, согласно которому возбраняется вступать в коллаборационизм с правительством КНР, но следует демонстрировать

⁸⁷⁶ Тиб. *spu gri'i rtshe mor sbrang rtsi ltar*.

⁸⁷⁷ Тиб. *'jigs snang dang /_dwoqs zon chen po'i ngang du gnas*.

⁸⁷⁸ Тиб. *rang dbang bzod bde'i go skabs dang bral ba'i gnas su gyur*.

⁸⁷⁹ Тиб. *bden pa'i 'bras bu*.

⁸⁸⁰ Тиб. *rang yul rang dbang 'thob pa [...] ched du*.

⁸⁸¹ Тиб. *da ni [...] rang dbang yong thabs med ces dpa' zhus pa dang /_sgyid lug le lo rang don/_rang gzon gyis dgra la mgo bcol*.

⁸⁸² Тиб. *rang dbang thob thabs*.

⁸⁸³ Тиб. *rang dbang yong thabs kyi rtsa ba*.

⁸⁸⁴ Тиб. *rang dbang bde skyid kyi nyi ma*.

⁸⁸⁵ Тиб. *rang dbang kun dga'i gling chen por*.

«преданность» своей «стране»⁸⁸⁶ и традиционному тибетскому «политическому режиму»⁸⁸⁷, объединяться, прикладывать усилия, сохранять и распространять знания традиционных тибетских наук и ремесел, а также воспитывать патриотический дух среди молодого поколения. Свое наставление «думающий тибетец» заканчивает торжественным поэтическим самовнушением о будущей победе над «врагом» и обретении «великолепия счастья благой *кальпы*»⁸⁸⁸.

Используя метод самовнушения или принятия желаемого за действительное, Тарчин публиковал различные материалы в «Зеркале Тибета» и от своего имени. Так, в пятом выпуске 22-го года издания⁸⁸⁹ за 1 сентября 1954 г., когда Далай-лама отправился в Пекин для посещения первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) первого созыва, где должны были принять первую конституцию КНР, редактор разместил краткую публикацию под заголовком «Речь о жажде независимости всего Тибета»⁸⁹⁰. Внушая читательской аудитории, какое прекрасное будущее их ждет при условии независимости Тибета, Тарчин утверждал, что «достопочтенный Далай-лама – великий владыка и всеобщая драгоценность всех живых существ Тибета»⁸⁹¹ – вскоре вернется в «собственное государство»⁸⁹², а Тибет «в соответствии с желанием тибетского народа»⁸⁹³ обретет независимость, и поэтому, помимо «благого празднования» дня независимости «великого государства Индия»⁸⁹⁴, который существует уже семь лет, в будущем все вместе будут праздновать «процветание независимости» Тибета и Индии⁸⁹⁵.

В «Зеркале Тибета» Тарчин регулярно распространял различные слухи, если они гармонично поддерживали конструируемый им метанарратив независимости. Например, в седьмом выпуске 25-го года издания за декабрь 1958 г. редактор

⁸⁸⁶ Тиб. *yul zhen*.

⁸⁸⁷ Тиб. *chab srid la zhen*.

⁸⁸⁸ Тиб. *bskal bzang dga' bde'i dpal la spyod par 'gyur*.

⁸⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 2.

⁸⁹⁰ Тиб. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam*.

⁸⁹¹ Тиб. *bod ljongs skye bo yongs kyi spyi nor gong sa skyabs mgon chen po mchog*.

⁸⁹² Тиб. *rang ljongs rgyal khab*.

⁸⁹³ Тиб. *bod mi dmangs rnam kyi thugs mos ltar*.

⁸⁹⁴ Тиб. *rgya gar rgyal khab chen po'i rang dbang lo ngo bdun pa'i skal bzang dus chen*.

⁸⁹⁵ Тиб. *'byung 'gyur rang dbang stobs 'byor rgyas pa bcas kyi rten 'brel dga' ston dus gcig tu zhus*.

просит посмотреть на перевод анонимного сообщения, якобы оставленного на фасаде Центрального университета национальностей в Пекине в феврале 1957 г. «во время проведения кампании против правых уклонистов»⁸⁹⁶:

1. Не знали ли, что Тибет независим?
2. Те, кто отрезают собственное мясо, не находятся ли в огромной нищете?
3. Для блага кого построили автомобильную дорогу Кам–Тибет?
4. Не для того ли построили, чтобы [китайские] войска беспрерывно с легкостью осуществляли вторжение [в Тибет]?
5. Что, говорят, за свобода и равенство? Знаем ли истинный смысл [этих слов]?
6. Давайте не заниматься тем, чтобы делать из себя пожизненных рабов!
7. Давайте не заниматься низвержением своего рода в котловину страданий!
8. Давайте не заниматься тем, в результате чего от нашей истории и культуры останутся только названия!
9. Давайте не заниматься тем, чтобы бездумно жить под чужой властью, не зная хотя бы происхождение своего рода!
10. Давайте не заниматься тем, чтобы проводить реформы, которые лишают нас малейшей власти⁸⁹⁷!

Анонимное обращение состоит из десяти пунктов. Первые пять пунктов представляют собой риторические вопросы-пресуппозиции, утверждающие независимость Тибета до установления власти КНР и указывающие на угнетение Тибета в настоящем. Последующие пять пунктов – это императивные конструкции с отрицанием, побуждающие тибетоязычное население сохранять национальную историю и культуру и оказывать сопротивление дальнейшей интеграции Тибета в КНР. Непротивление коммунистической власти автор обращения осуждающе приравнивает к «бездумной жизни под чужой властью»⁸⁹⁸, добровольному

⁸⁹⁶ Тиб. *kun spyod dag ther dang 'brel ba'i g.yas phyogs par ngo rgol las 'gul 'khrugs bzhin pa'i skabs der*. Описываемые Тарчином события в феврале 1957 г., вероятно, все-таки относились к кампании «Пусть расцветают сто цветов» по усилению гласности и критики политики центрального правительства КНР (подробнее см. Тихвинский 2017: 95–98). Кампания против правых уклонистов началась в июле 1957 г. в связи с выходом из-под контроля последствий кампании «Пусть расцветают сто цветов» (Тихвинский 2017: 101). Возможно, подобная формулировка Тарчина указывает на то, что редактор считал кампанию «ста цветов» подготовительной частью к последующему подавлению «правых уклонистов».

⁸⁹⁷ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 7, December 1958: 4.

⁸⁹⁸ Тиб. *gzhan dbang mun 'thoms su sdod rgyu*.

превращению в «пожизненных рабов»⁸⁹⁹ и «низвержению своего рода в котловину страданий»⁹⁰⁰.

Для стимулирования в обществе патриотических настроений Тарчин размещал в «Зеркале Тибета» и хвалебные публикации, ставя в пример то, как надлежит бороться за независимость Тибета. Например, в десятом выпуске 23-го года издания за октябрь 1956 г. редактор описывает двух образцовых «героев»⁹⁰¹:

Недавно представителя тибетского народа Ало Чодзэ⁹⁰² – героя, приносящего в жертву свое тело и жизнь ради Учения Победоносного и независимости своей Родины, – несправедливо обвинили и, без какого-либо расследования правды и неправды в соответствии с законом, поместили в тюрьму и держали [там]. [Я] воодушевлен услышанными новостями о том, что в день, когда [Ало Чодзэ] освободили из тюрьмы, народ в Лхасе и большое количество крупных и мелких торговцев с *хадаками* активно приветствовали [его], и [он] мирно отправился к себе домой. Очень надеюсь опубликовать [эту историю] еще [раз] в подробностях в следующем месяце.

Услышав неприятную новость о том, что [другой] пожилой представитель [тибетского народа], сидя в заключении, скончался в тюрьме, я расстроился. Однако, поскольку он является человеком высшего порядка, который пожертвовал своей жизнью и телом ради независимости своей Родины и Учения, в будущем его прекрасное деяние непременно запишут в государственной истории Тибета. Более того, он показал всем прекрасный несравненный пример во благо независимости и Учения. И хотя сам он умер, его имя никогда не умрет⁹⁰³.

Воспеваемого Тарчином богатого торговца из Литанга по имени Ало Чодзэ⁹⁰⁴ называют лидером возрожденной в 1954 г. организации «Народное собрание» или «Миманг Цогду». Ало Чодзэ заработал свое состояние на тибетско-индийской торговле и, став свидетелем индийского движения за независимость, решил заняться политической активностью в Тибете⁹⁰⁵. Во второй половине 1950-х гг.

⁸⁹⁹ Тиб. *rang nyid tshe g.yog rgyugs rgyu*.

⁹⁰⁰ Тиб. *rang brgyud sdug bsngal gyi khung 'bur 'jug*.

⁹⁰¹ Тиб. *dpa' bo*.

⁹⁰² Тиб. *a lo chos mdzad*; годы жизни неизвестны.

⁹⁰³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 3.

⁹⁰⁴ В двойном третьем–четвертом выпуске 25-го года издания за июль–август 1958 г. Тарчин даже разместил фотографию Ало Чодзэ с подписью на тибетском «Фотография всеобщее одобренного представителя тибетского народа Ало Чодзэ» (тиб. *bod mi dmangs spyis mos kyi thus mi a lo chos mdzad kyi sku par*) и английском «Главный лидер Миманг [Цогду] Ало Чодзэ» (англ. *Alo Chonnzad the Chief Leader of Mimang*, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2).

⁹⁰⁵ Shakyа 2000: 145; Powers and Templeman 2012: 439.

члены возрожденного «Народного собрания» снова занялись проведением антикитайской пропаганды среди населения Тибета, выступая, в частности, за сохранение тибетской валюты, независимой от Китая тибетской армии и полной политической власти Далай-ламы⁹⁰⁶. В 1956 г., по требованию представителей КНР, тибетский Кашаг вынес предупреждение Ало Чодзэ о том, что его деятельность в «Миманг Цогду» наносит вред китайско-тибетским отношениям, в связи с чем он рискует быть арестован и должен прекратить свою политическую активность⁹⁰⁷. После предупреждения Ало Чодзэ и двух других участников организации все-таки задержали и поместили под арест на несколько месяцев. В августе 1956 г. Ало Чодзэ освободили при условии его дальнейшего устранения из сферы политической деятельности, после чего он иммигрировал в Калимпонг, откуда продолжил выступать за независимость Тибета⁹⁰⁸.

Второго участника «Миманг Цогду», восхваляемого Тарчином в данной публикации, вероятно, звали Лхачуг Дагпа Тинлэ⁹⁰⁹. Мелкий чиновник из тибетского правительства по имени Лхачуг Дагпа Тинлэ был так же, как и Ало Чодзэ, арестован за ведение подрывной антикитайской деятельности, однако во время пребывания в тюрьме скончался⁹¹⁰. Вопреки обещанию Тарчина о вечной памяти «героев» борьбы за тибетскую независимость, Лхачуг Дагпа Тинлэ остался менее известным, чем Ало Чодзэ, вследствие чего найти какую-либо дополнительную информацию о нем сейчас сложно.

Поборники тибетской независимости в нарративе Тарчина самоотверженно «жертвуют своим телом и жизнью ради Учения Победоносного и независимости своей Родины»⁹¹¹, в результате чего обретают статус даже не просто «героев», а людей «высшего порядка»⁹¹², которые обладают верным пониманием устройства мира и помышляют о благе других. Приводя в одной публикации сразу два примера идеальных борцов за независимость, редактор показывает, что те, кто остаются в

⁹⁰⁶ Powers and Templeman 2012: 438–439.

⁹⁰⁷ Powers and Templeman 2012: 440.

⁹⁰⁸ Powers and Templeman 2012: 440.

⁹⁰⁹ Тиб. *lha phyug grags pa 'phrin las*; годы жизни неизвестны.

⁹¹⁰ См. Powers and Templeman 2012: 439–440.

⁹¹¹ Тиб. *rgyal bstan dang rang ljongs rang dbang gi ched du lus srog blos btang*.

⁹¹² Тиб. *skyes bu dam pa*.

живых, обретают в обществе почет и уважение (их приветствуют с *хадаками*), в то время как те, кто погибают в ходе борьбы, награждаются бессмертной славой «героев» («его имя никогда не умрет»⁹¹³), а их «прекрасные деяния» «непрерывно» записывают «в государственную историю Тибета»⁹¹⁴.

В качестве еще одного образцового защитника тибетской независимости редактор «Зеркала Тибета» прославлял члена «Народного собрания» и лидера повстанческого движения выходцев из восточного Тибета «Чуши Гангдуг» Андуг Гонпо Таши⁹¹⁵. В одиннадцатом выпуске 25-го года издания за апрель 1959 г., то есть непосредственно после мартовского восстания в Лхасе, под заголовком «Герой Гонпо Таши становится во главе и поднимает большое восстание против китайских коммунистов в Конгпо»⁹¹⁶ Тарчин публикует краткую заметку-пояснение, почему тибетские «герои» восстают против власти КНР:

Поскольку китайские коммунисты, бессмысленно притесняя, много стреляли в юго-восточном Тибете в Конгпо, герой Гонпо Таши возглавил и поднял восстание Добровольческой армии защитников Учения.

В силу того, что коммунистический Китай признал верным решение уничтожить тибетцев под предводительством Добровольческой армии защитников Учения, недавно, 25 и 26 января 1959 г., коммунистический Китай для изгнания солдат-*кампа* отправил из Лхасы в район Конгпо примерно 180 машин с оружием и солдатами. Кроме того, из Лхасы и других военных лагерей отправили солдат и прочее в западные районы Тибета⁹¹⁷.

Вслед за этой заметкой на той же странице Тарчин дополнительно украшает создаваемые образы: Китая как жестокого агрессора и Тибета как его жертвы:

В Тибете молятся об обеспечении противостояния усилению запугиваний коммунистов и их низменным взглядам, об освобождении Тибета из-под гнета, а [также] чтобы [различные] государства в мире, наслаждающиеся независимостью, могли узнать об этом⁹¹⁸.

Редактор приводит целый ряд причин, почему КНР однозначно должна быть признана агрессором: «бессмысленное притеснение»⁹¹⁹, наращивание вооружения

⁹¹³ Тиб. *khong gi mtshan nam yang 'da' bar mi 'gyur ro.*

⁹¹⁴ Тиб. *mdzad bzang ni ma 'ongs bod kyi rgyal rabs su 'khod nges pa.*

⁹¹⁵ Тиб. *a 'brug mgon po bkra shis; 1905–1964.*

⁹¹⁶ Тиб. *dpa' bo mgon po bkra shis kyiis 'go 'khrid gngang nas kong po khul rgya dmar la ngo rgol chen po byed pa.*

⁹¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 4.

⁹¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 4.

⁹¹⁹ Тиб. *rgya dmar nas don med btsan dbang gis me sg.yogs mang po rgyab.*

и численности войск, обстрелы и «решение уничтожить тибетцев»⁹²⁰. При этом ни в первом отрывке о «Добровольческой армии защитников Учения»⁹²¹ и ее героическом предводителе, ни в последующей заметке о молитвах об «освобождении из-под гнета»⁹²² КНР, Тарчин никак не упоминает то, что тибетоязычные повстанцы противостоят коммунистической власти не мирными молитвами, а проявлением ответной агрессии с оружием в руках, и, наоборот, восхваляет подобные действия как проявление героизма. В идеализированных описаниях повстанческого движения в «Зеркале Тибета» редактор также ни разу не упоминает, что повстанцы *кампа* из отрядов Андуг Гонпо Таши в некоторых случаях силой отбирали у местных жителей продовольствие, фураж для лошадей, самих лошадей и мулов⁹²³. Кроме того, отдельные повстанцы *кампа* были замечены в краже драгоценностей и изнасилованиях местных женщин, в связи с чем у населения Тибетского плато, которое сталкивалось с подобными случаями, представители «Чуши Гангдуг» вызывали если не отвращение, то точно страх⁹²⁴.

Тарчин романтизировал смерть во имя независимости Тибета, многочисленные подтверждения чего можно найти в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Так, в десятом выпуске 26-го года издания за март 1960 г., опубликованном ровно через год после восстания в Лхасе в марте 1959 г., Тарчин приводит очередной пример героической смерти тибетского повстанца под заголовком «Молодой герой, который достиг высшей цели во имя свободы тибетского народа и свободы религии»⁹²⁵:

Недавно, в феврале, группа [людей], присоединившихся в районе Деге в Каме к кампании революционной оппозиции коммунистическому Китаю, рассчитывала прибыть в Индию. Когда [они] прибыли на границу с верхним Ладакхом, солдаты НОАК, преследуя [их по пятам], в течение нескольких дней совершали [на них] нападения, и в конце концов 21

⁹²⁰ Тиб. *bod rigs mams rtsa med giong bar gtan 'khel ba*.

⁹²¹ Тиб. *bstan srung dang len dmag mi*.

⁹²² Тиб. *bod bisan gnon 'og nas thar ba*.

⁹²³ Goldstein 2019: 255, 257.

⁹²⁴ Goldstein 2019: 257–259.

⁹²⁵ Тиб. *bod mi rigs kyi rang dbang dang /_chos lugs kyi rang dbang bcas kyi ched du las don mthar phyin pa'i dpa' bo gzhon nu*.

мужчина и женщина под предводительством молодого тибетца [по имени] Дечен Дагпа⁹²⁶ лишились жизни. Двое из той группы прибыли в Индию.

Дечен Дагпа был юношей, которому в этом году [1960 г.] исполнилось 28 лет. Он был сыном министра великого буддийского правителя Деге в Каме. В 1952 г. он [Дечен Дагпа] проходил обучение в школе китайских коммунистических кадров. В 1953 г. он работал учителем для приблизительно 500 студентов в так называемом Чжунчжоу⁹²⁷ в Каме. В 1955 г. он исполнял обязанности крупного управляющего, так называемого *шэнчжан*⁹²⁸, в Пэлюю⁹²⁹ *дзонге* в Каме. Поскольку он хорошо знал тибетский язык, тибетскую культуру, а также китайский язык, и был одним из чрезвычайно прогрессивных людей, в 1956 г. он вышел из коммунистических структур, встал во главе народа из разных регионов и осуществлял нападения на группы коммунистических варваров, сочетая мирные и военные методы. В 1958 г. он прибыл в Кьюнпо⁹³⁰ в Каме. Возглавив [там] примерно 1500 местных солдат, [он] во время восьми нападений убил и ранил свыше 7000 солдат НОАК. В 1959 г., выдвинувшись в сторону за северной Нагчука⁹³¹ в Тибете вместе с 500 кавалеристами, во время шести нападений убил и ранил свыше 1000 китайских солдат. В конце концов, из-за того, что было невозможно поддерживать постоянное количество солдат и [военной] силы, его [отряд] солдат был расформирован. В феврале 1960 г. он, его дядя Аге и 23 других мужчины и женщины рассчитывали бежать в Индию, поэтому, когда они прибыли в верхний Ладакх, в течение трех дней снова и снова сражались с более чем 5000 солдатами [НОАК], которые коммунистический Китай [отправил] вдогонку [за ними]. В конце концов, по свидетельствам очевидцев, земля покрылась трупами свыше примерно 1000 убитых китайских солдат. 21 мужчина и женщина погибли вместе со скончавшимся героем-предводителем.

Даже если этот скончавшийся герой умрет в следующей жизни, его святое имя никогда не сможет исчезнуть из вселенной. Его исключительные благие деяния смогут навсегда остаться в самом сердце всех тибетских монахов и мирян.

Подобно тому, как молодой скончавшийся герой достиг [высшей] цели, [заняв] позицию революционера, который осуществляет нападения на коммунистический Китай, мы

⁹²⁶ Тиб. *bde chen grags pa*, букв. «прославившийся великим счастьем».

⁹²⁷ Тиб. *krung byo 'u*. Вероятно, имеется в виду город в провинции Хэнань, кит. 中州.

⁹²⁸ Тиб. *zhan krang*. Вероятно, Тарчин имеет в виду китайский термин 省长 «председатель народного правительства провинции» или «губернатор провинции».

⁹²⁹ Тиб. *dpal yul*.

⁹³⁰ Тиб. *khyung po*.

⁹³¹ Тиб. *nag chu kha*.

решили, что ни на секунду не будем предаваться праздности, непременно заботясь об исполнении всех его идей. [Статья] написана совместно с его [героя] друзьями⁹³².

Рассказывая историю молодого и, главное, «чрезвычайно прогрессивного»⁹³³ лидера тибетоязычных повстанцев, Тарчин четыре раза вместе с заголовком повторяет применительно к нему лексему «герой»⁹³⁴. В нарративе редактора «Зеркала Тибета» героизм молодого человека проявляется не только в том, что тот прошел обучение в школе для коммунистических кадров и, тем не менее, оставил высокопоставленную руководящую должность, чтобы стать «революционером»⁹³⁵ и восстать против китайских коммунистов. О его героизме также свидетельствует впечатляющее число солдат НОАК, которых за последние три года уничтожили тибетоязычные повстанцы под предводительством данного лидера («убил и ранил свыше 7000 солдат НОАК»⁹³⁶, «убил и ранил свыше 1000 китайских солдат»⁹³⁷, «в конце концов, по свидетельствам очевидцев, земля покрылась трупами свыше примерно 1000 убитых китайских солдат»⁹³⁸). В то время как китайским коммунистам Тарчин присваивает традиционный ярлык «варваров»⁹³⁹, действия повстанцев редактор оценивает не как вид нарушения общечеловеческих норм морали, а, наоборот, применяя амелиорацию, описывает как «исключительно благие»⁹⁴⁰ и ставит в пример жителям Тибета. Создавая образ идеального тибетского повстанца-патриота, Тарчин заверяет читателей, что «святое имя»⁹⁴¹ такого героя, который «достиг [высшей] цели»⁹⁴² путем уничтожения китайских коммунистов, «никогда не исчезнет из вселенной»⁹⁴³, а его «деяния смогут навсегда остаться в самом сердце всех тибетских монахов и мирян»⁹⁴⁴. Имя Дечен Дагпа, однако, во время написания данной диссертации не встретилось в каких-либо

⁹³² *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2.

⁹³³ Тиб. *ha cang sngon thon*.

⁹³⁴ Тиб. *dpa' bo*.

⁹³⁵ Тиб. *rgya dmar la 'thabs rgo! byed pa'i gsar brje'i las 'khur*.

⁹³⁶ Тиб. *rgya dmar gyi dmag mi bdun stong lhag tsam bsad rmas byas*.

⁹³⁷ Тиб. *rgya dmag chig stong lhag tsam bsad rmas byas*.

⁹³⁸ Тиб. *rgya dmag gcig stong lhag tsam dngos mthong bsad de mi ros yul ljongs khengs par byas 'dug*.

⁹³⁹ Тиб. *kla klo dmar po*.

⁹⁴⁰ Тиб. *mdzad bzang khyad par can*.

⁹⁴¹ Тиб. *mshan dam pa*.

⁹⁴² Тиб. *mthar phyin pa*.

⁹⁴³ Тиб. *'jig rten du nam yang med par 'gyur mi thub*.

⁹⁴⁴ Тиб. *khong gi mdzad bzang khyad par can de ni bod rigs ser skya yongs rdzogs kyi snying dbus su rtag tu gnas thub pa yong gi red*.

источниках по истории Тибета этого периода, в связи с чем уместно предположить, что представленный в статье Тарчина персонаж, вероятно, носил не исторический, а нарицательный характер.

Обобщая итоги анализа подборки публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг., можно отметить, что в процессе конструирования метанарратива независимости Тарчин одновременно предсказывал то, как будут развиваться события в Тибете, и указывал на то, как должно быть и что необходимо делать, чтобы это было так. Редактор изображал прекрасное счастливое будущее независимого Тибета и параллельно запугивал читателей ужасающим грядущим геноцидом тибетоязычного населения в случае сохранения власти в руках китайских коммунистов. Прибегая к методу самовнушения и принятия желаемого за действительное, Тарчин обещал, что Тибет непременно будет независимым, если жители Тибетского плато будут следовать предложенным в «Зеркале Тибета» шагам по достижению независимости. Внедряя элементы дискурсивной стратегии создания фантомной угрозы, редактор стремился подорвать возможность конструктивного взаимодействия местного тибетоязычного населения с представителями КНР и убедить читателей взять в руки оружие, чтобы они коллективно восстали и уничтожили «врагов Учения». Еще в первой половине 1950-х гг. Тарчин, указывая на важность таких атрибутов современной нации как национальный язык, костюм, валюта и армия, рекомендовал беречь документальные доказательства независимости Тибета, поддерживать полную боеготовность войск и сотрудничать с ООН и другими «религиозными государствами» в деле «освобождения» Тибета от коммунистов. Редактор романтизировал смерть во имя независимости Тибета и регулярно приводил вдохновляющие примеры «героизма» отдельных жителей Тибета, определяя их поведение не только как идеал освободительной борьбы, но и как образец достижения высшей цели в буддизме.

2.2.3.4. Конструирование образа «чужих»

Для поддержания целостности метанарратива тибетской независимости Тарчину требовалось не только представить в своих публикациях доказательства того, что Тибет был независимым в прошлом, и воодушевить читателей на борьбу за независимость Тибета в настоящем и будущем. Немаловажным фактором для организации движения за независимость Тибета было создание в «Зеркале Тибета» и в умах читателей газеты круга «чужих», то есть тех, против кого необходимо бороться за эту независимость. Противостояние «своих» и «чужих» служит базовой бинарной оппозицией политического дискурса и составляет неотъемлемую часть освободительной войны, которая, в свою очередь, является «точкой сборки» нации.

«Чужие» в нарративе Тарчина – это представители коммунистической власти в Тибете, войска НОАК и коммунисты в целом. Дискурсивная оппозиция «свои vs. чужие» реализовывалась в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг. в рамках фрейма «конфликт», который заполнялся с помощью таких слотов как «коммунистический гнет», «запугивание», «репрессии», «жестокие», «лицемерные», «бандиты», «убийцы», «вторжение», «захват силой», «военные столкновения», «аресты», «ложные обвинения», «незаслуженно», «убивать», «принуждение», «притеснение», «мучить» и другие. Таким образом пространство «чужих» устойчиво ассоциировалось с зоной «страха», «обмана», «насилия» и «жестокости».

Дискурсивная стратегия создания круга «чужих» актуализировалась в «Зеркале Тибета» посредством отчуждения китайских коммунистов от группы «своих». В нарративе Тарчина «они» или «чужие» действуют враждебно по отношению к Тибету и его населению. «Они» вторглись в независимый Тибет. «Они» не уважают тибетскую религию. «Они» говорят о прогрессе и развитии, но, на самом деле, хотят уничтожить тибетский народ и тибетскую культуру. «Они» устраивают репрессии. «Они» лгут, что в Тибете при «них» власти люди живут счастливо. «Они» заставляют тибетских монахов заниматься неподобающей деятельностью и оскверняют буддийские святыни. У «них» нет милосердия даже к пожилым людям и детям. «Они» идут против норм морали. «Они» пытаются свести

верующего тибетского ламу на ложный путь, подсылая к нему ночевать молодую привлекательную китайянку, а затем, потерпев неудачу, заставляют ламу работать извозчиком⁹⁴⁵. «Они» делают из знаменитого монастыря Лабранг Ташикбил военный лагерь для 10 тысяч китайских солдат и подвергают там пыткам свыше четырех тысяч монахов⁹⁴⁶.

Опровергая официальный нарратив Китайской Народной Республики о возвращении Тибета в многонациональную семью народов, Тарчин конструировал свой альтернативный нарратив независимого от Китая Тибета. С самого начала 1950-х гг. и вступления китайских коммунистов на территорию Тибетского плато Тарчин делал в своих публикациях акцент на том, что Тибет не является частью большой китайской родины, а китайцы, будучи «чужими» в Тибете, скучают там по своей настоящей родине – Китаю. Например, в шестом выпуске 21-го года издания за сентябрь 1953 г. редактор делится следующими слухами:

По слухам, многие солдаты из разных подразделений Коммунистической партии красного Китая скучают по своей родине, родителям, братьям и сестрам. Огромное количество людей, очень сильно желая увидеться [с родными], предпринимает попытки бежать на свою родину. Примерно 500 пустившихся в бегство [солдат] схватили и в настоящее время поместили в Лхасе в тюрьму вместе с арестантами. Днем их выводят на улицу и заставляют выполнять очень тяжелую работу. [Вот такие] новости слышал⁹⁴⁷.

Так, в достаточно краткой публикации Тарчин обеспечивает идеологический противовес официальному нарративу КНР, дважды повторяя, что у китайских солдат есть «своя родина»⁹⁴⁸, и, более того, они мечтают покинуть Тибет. Соответственно, в качестве логической импликации заметки можно заключить, что население Тибета не «братья» и «сестры» китайцам, а Тибет не часть Китая.

Одновременно с этим с самого начала 1950-х гг. Тарчин последовательно воспроизводил образ китайских коммунистов как воинствующих атеистов и, следовательно, непримиримых врагов тибетского буддизма. Поскольку в ноябре 1953 г. в центральном Тибете коммунистические власти проводили осторожную

⁹⁴⁵ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.3.

⁹⁴⁶ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 2.

⁹⁴⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 5.

⁹⁴⁸ Тиб. *rang yul*.

политику и пытались завоевать доверие местного населения, редактор «Зеркала Тибета» придумал, как уличить китайских коммунистов в неуважительном отношении к религии и культурному наследию на примере самого Китая:

Новое китайское коммунистическое правительство не только запретило в Китае изучать и читать большое количество ценных книг с древними религиозными комментариями, но и сожгло в огне множество сотен тысяч *мондов*⁹⁴⁹ книг. Слышал новости, что впоследствии изготавливают бумагу, сбрасывая множество тон книг в машины на перерабатывающем макулатуры заводе. В особенности уничтожают все религиозные книги, трактаты о дисциплине и духовных обетах родителей и детей, дальних родственников, супругов и близких друзей. Если кто-то знает кого-то, кто спрятал [запрещенную литературу], к нему применяют злостный закон о нетерпении⁹⁵⁰.

В своей заметке Тарчин демонстрирует тибетоязычным читателям, что, если «чужие» даже у себя в Китае запрещают и уничтожают религиозные трактаты и карают по «злостному закону»⁹⁵¹ тех, кто утаивает книги на запрещенную тематику, то и в религиозном Тибете «они» в дальнейшем будут поступать аналогично.

На протяжении 1950–1960-х гг. «чужие» в нарративе Тарчина неизменно накапливали плохую карму из различных низменных деяний, которые они совершали по отношению к тибетскому государству, монашеской общине и простому народу. Например, в десятом выпуске 23-го года издания за октябрь 1956 г. редактор обвиняет «чужих» в «бесстыдном терроре»⁹⁵² населения восточного Тибета:

Хотя китайцы хорошо говорят о монастыре Кардзе⁹⁵³ в Каме, [оттуда] бежало свыше 300 монахов. Недавно три китайских самолета прилетели в Ба и Литанг в Каме, [они] стреляли в людей и монастыри из пулемета множество [раз], [так] словно падал град. Вот так бесстыдно терроризировали людей⁹⁵⁴.

Украшая свои материалы яркими запоминающимися тропами, в более позднем выпуске «Зеркала Тибета» за май 1957 г. Тарчин добавляет к сравнению

⁹⁴⁹ *Монд* (англ. *maund*) – мера веса. Один *монд* равен примерно 37 кг.

⁹⁵⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

⁹⁵¹ Тиб. *khriims sdug po*.

⁹⁵² Тиб. 'di 'dra khrel med mi dmangs la thub tshod byas 'dug.

⁹⁵³ Тиб. *dkar mdzes*.

⁹⁵⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 2.

обстрела из пулемета с «градом»⁹⁵⁵ метафору «дождя из бомб»⁹⁵⁶ и публикует под одноименным заголовком следующую информацию:

Слышал новости, что в прошлом году [1956 г.] в Капе китайские коммунисты сбросили с неба 138 бомб, включая 73 бомбы на монастырь Чоде⁹⁵⁷ в Ба, 63 бомбы на монастырь Чатин⁹⁵⁸, одну на монастырь Литанг и одну на Лингкагши⁹⁵⁹. Более того, самолеты снижались и метали пули из пулеметов словно град и молнии. В настоящее время богатое, сильное и обладающее оружием государство накопило неискупимую низменную карму путем притеснения действующих монастырей, слабого плохо вооруженного государства и общины практикующих религию монахов. [Это] является насилием, нарушающим общемировые законы. Совершенно точно, что плоды низменной кармы, накопленной не только в прошлой жизни, но и в будущей, вернутся к ним обратно⁹⁶⁰.

Начав со статистической сводки по обстрелам монастырей, Тарчин через обращение к средствам художественной выразительности, а именно сравнению китайского обстрела из пулемета с «градом и молнией»⁹⁶¹, избавляется от необходимости указывать источник информации и проводит анализ действий «чужих» в Тибете в рамках буддийской парадигмы. Редактор представляет Тибет и КНР как два отдельных государства-антагониста: «слабое плохо вооруженное государство»⁹⁶² тибетцев является несчастной жертвой «богатого, сильного и обладающего оружием»⁹⁶³ государства «чужих», которое «нарушает общемировые законы»⁹⁶⁴ и тем самым накапливает «неискупимую низменную карму»⁹⁶⁵. Вместе с тем, практикуя метод самовнушения, Тарчин предпочитает завершить заметку заверением своих читателей-буддистов в том, что «чужим» непременно придется расплатиться за их «плоды низменной кармы»⁹⁶⁶.

В конце 1950-х гг. Тарчин продолжал регулярно обвинять китайские коммунистические власти в терроре и нарушении общемировых законов в Тибете,

⁹⁵⁵ Тиб. *mi ser dang dgon pa rnam kyi steng la ser ba 'babs pa 'dra 'i sbag sbag mang po 'phangs 'dug.*

⁹⁵⁶ Тиб. *sbom gyi char pa.*

⁹⁵⁷ Тиб. *'ba ' chos sde dgon pa.*

⁹⁵⁸ Тиб. *cha phrin dgon pa.*

⁹⁵⁹ Тиб. *gling khag bzhi.*

⁹⁶⁰ *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No.2, May 1957: 9.

⁹⁶¹ Тиб. *'bag 'bag gi mde 'u thog ser ltar 'phangs pa red.*

⁹⁶² Тиб. *go mtshon zhan pa 'i rgyal khab stobs chung zhig.*

⁹⁶³ Тиб. *go mtshon ldan pa 'i rgyal khab stobs 'byor gnyis ldan zhig.*

⁹⁶⁴ Тиб. *'dzam gling spyi khrims dang 'gal ba 'i gnya ' gnon.*

⁹⁶⁵ Тиб. *bisan gnon gyis mtshams med las ngan bsags.*

⁹⁶⁶ Тиб. *las ngan bsags pa 'i rnam smin rang log la 'khor rgyu ni nges gtan red.*

при этом количество его уничижительных публикаций о китайских коммунистах экспоненциально возрастало, а политика «чужих» изображалась как беспрецедентная угроза не только для тибетоязычного населения, но и для всего мира. Так, в двояном выпуске «Зеркала Тибета» за сентябрь–октябрь 1959 г. под заголовком «В услышанных неприятных новостях из Тибета»⁹⁶⁷ Тарчин убеждает читателей в том, что «чужие» творят «невиданное где-либо в мире беззаконие»⁹⁶⁸:

Путем невиданного где-либо в мире беззакония Коммунистическая партия Китая арестовывала и осуществляла насилие, убивала и убивает [сейчас] лам, *тулку*, настоятелей и послушников различных тибетских монастырей⁹⁶⁹.

Для поддержания образа КНР как злостного агрессора Тарчин постоянно приводил красочные примеры притеснения народа Тибета. В выпуске «Зеркала Тибета» за ноябрь–декабрь 1959 г. под заголовком «В Тибете уничтожили имущество и товары жителей Кама и Амдо, в монастырях уничтожили Три опоры Учения, религиозные предметы и всех монахов»⁹⁷⁰ редактор размещает сообщение о жестокой расправе китайских коммунистов с уроженцами Кама и Амдо, опуская при этом информацию, что причиной подобной политики КНР была воинственная повстанческая деятельность *кампа* и *амдова*⁹⁷¹:

В этом году [1959 г.] с апреля по ноябрь командующий НОАК дал солдатам следующий официальный приказ: «В крупных поселениях на территории Тибета – Лхасе, Шигацзе, Гьелце, Пагри, Рутог и других [городах] – переселенцы-*кампа* и уроженцы из Амдо [должны быть] уничтожены. Все их земли, дома, имущество и товары [должны быть] конфискованы. Вдобавок к этому молодежь [нужно] силой заставлять заниматься тяжелым физическим трудом, детей – отправлять в школы, стариков – арестовывать. Кроме того, если с этого дня впредь у какого-либо тибетца дома поймают тайно спрятанного *кампа* или *амдова*, им [обоим] будет вынесен суровый приговор». Сейчас в районах У и Цанг делают так, чтобы от *кампа* и *амдова* осталось не больше, чем лишь названия⁹⁷².

⁹⁶⁷ Тиб. *bod kyi gnas tshul mi snyan pa go thos su*.

⁹⁶⁸ Тиб. *rgya dmar gung bran tang gis 'dzam gling yongs su med pa'i khrims med thog* [...].

⁹⁶⁹ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 4–5, September–October 1959: 10.

⁹⁷⁰ Тиб. *bod du kham pa dang a mdo'i rgyu zog rtsa gtor dang dgon sde khag gi rten gsum chos rdzas dang dge 'dun pa tshang ma rtsa gtor biang 'dug*.

⁹⁷¹ Тиб. *a mdo ba*, уроженцы региона Амдо.

⁹⁷² *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 6–7, November–December 1959: 6.

Главным средством «раскачивания» эмоциональной сферы восприятия реципиентов дискурса служит создание и использование аномальной кризисной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства потенциального реципиента⁹⁷³. В случае с «Зеркалом Тибета» такой ситуацией можно назвать восстание в Лхасе в марте 1959 г. Наиболее яркий образ «чужих» складывался именно в масштабных описаниях данного восстания и последующего массивного подавления повстанческого движения китайскими коммунистами. В качестве примера подобной риторики Тарчина в «Зеркале Тибета» можно привести отрывок из публикации под заголовком «Ниже размещены чрезвычайно тревожные новости из Лхасы, которые написаны в соответствии с услышанным»⁹⁷⁴ за февраль–март 1959 г.:

Недавно в первую неделю марта 1959 г. китайские чиновники-коммунисты в Лхасе пригласили достопочтенного Далай-ламу на прием. Однако [они] попросили приходить на обед без личной охраны. [Сказали], если все-таки необходима охрана, то [охранники] должны прийти без какого-либо оружия. [Вот такое] приглашение прислали.

Когда пришло время уже ехать [на обед], примерно 30 тысяч тибетцев спонтанно собрались у дворца Норлинг Кэлсанг⁹⁷⁵. Они простирались перед Далай-ламой и настойчиво его упрасивали, говоря, что, если нужно ехать на прием, то необходимо точно отказаться от приглашения в Китай из-за злых намерений китайских коммунистов. В связи с [этим], вдобавок к тем 500 телохранителям, которые были [у Далай-ламы], еще 500 телохранителям-добровольцам раздали оружие из личного военного лагеря. По этой причине из военного лагеря китайских коммунистов в парке Норто⁹⁷⁶ по радио передавали: «Весь тибетский народ живет счастливо, и достопочтенного Далай-ламу не собираются приглашать в Китай».

Кроме того, на следующий день вышеупомянутые люди, старые и молодые, и даже дети, численностью примерно 30 тысяч человек, [из которых] только женщин [было] примерно пять тысяч, проследовали в виде процессии по Баркору⁹⁷⁷ и улицам Лхасы. Подняв национальный флаг [Тибета], [они] громко кричали: «Начиная с сегодняшнего дня Тибет является полностью независимым и свободным государством. Коммунистическому Китаю

⁹⁷³ Чернявская, Молодыченко 2014: 104.

⁹⁷⁴ Тиб. *lha sa 'i gnas tshul shin tu 'tshabs che ba 'i skor go thos byung gsal ltar bkod pa gsham gsal ltar ro.*

⁹⁷⁵ Тиб. *nor gling bskal bzang pho brang.*

⁹⁷⁶ Тиб. *nor thod gling kha.*

⁹⁷⁷ Tib. *bar skor*; район вокруг известного храма Джоканг в Лхасе, обход территории которого традиционно совершают буддийские паломники и местные жители.

совершенно не нужно вмешиваться в тибетские дела. Мы никогда не сможем жить под властью Китая. Вы, все китайские гражданские и военные начальники-коммунисты, должны покинуть тибетскую землю!»). Они не просто проследовали [по Лхасе] с героическими криками, но и, придя в главное управление тибетского религиозного и светского правительства Гандэн Поданг, тибетские монахи и миряне вместе с различными чиновниками составили и также подписали [петицию] о том, что [они] солидарны относительно свободы и независимости [Тибета]. Придя в индийское, непальское и бутанское представительства в парке Декьи⁹⁷⁸ в Лхасе, [они] сказали: «Просим Вас быть свидетелями наших требований, которые [мы] хотим донести до китайцев!». Затем, крича, [тибетцы] отправились в представительство коммунистического Китая. Свыше пяти тысяч женщин вместе с пожилыми и молодыми людьми и детьми, всего примерно 30 тысяч человек, шли в виде процессии и громко скандировали. Более того, тибетские солдаты даже сняли китайскую форму и надели тибетскую одежду. По их примеру многие люди, работавшие на китайцев, бросили свою работу.

Китайские коммунисты путем массивного подавления [тибетцев] силой и террором окружили Лхасу с помощью свыше 50 тысяч китайских солдат. Пришлось даже закрыть китайские школы и подобные учреждения.

Если китайские коммунисты олицетворяют [собой] государство, которое обладает культурой и знаниями, то не могут вот так неподобающе подавлять такие маленькие практикующие религию государства как Тибет. Как бы там ни было, после проведения мирных переговоров тибетского правительства с китайцами, китайцы, выслушав и поняв их [тибетцев], не отправятся ли мирно в место собственного проживания?

Из-за того, что чиновники и войска коммунистического Китая до сих пор находятся в крепости и хранилище в Гьелце, военные лагеря [тибетских] защитников Учения словно [цепь] железных гор окружили их и продолжают держать [в осаде].

Ранее на протяжении десятилетия в Тибете и в районах Великого Тибета⁹⁷⁹ китайские коммунисты наряду с захватом контроля и террором, [действуя] исключительно путем насилия, которое не подчиняется религии, закону причинно-следственной связи и каким-либо моральным нормам, вот так постепенно совершали невыносимые, тревожные, вопиющие низменные деяния, убивая, арестовывая и всевозможными способами запугивая тибетских монахов и мирян, лам и *тулку*. [...] ⁹⁸⁰.

⁹⁷⁸ Тиб. *bde bskyid gling kha*.

⁹⁷⁹ Тиб. *bod chen po*.

⁹⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12.

В процитированном отрывке отчетливо выделяется группа «чужих», чьи действия Тарчин погружает в семантическое поле зла и насилия. Для описания политики «чужих» редактор выбирает прагматически заряженные лексические единицы с пейоративной семантикой и, реализуя эффект синергизма, эксплицитно обвиняет КНР в самых тяжких преступлениях против народа Тибета: «из-за злых намерений китайских коммунистов»⁹⁸¹; «путем массивного подавления [тибетцев] силой и террором»⁹⁸²; «невыносимые, тревожные, вопиющие низменные деяния»⁹⁸³; «убивая, арестовывая и всевозможными способами запугивая»⁹⁸⁴; «наряду с захватом контроля и террором»⁹⁸⁵; «исключительно путем насилия, которое не подчиняется религии, закону причинно-следственной связи и каким-либо моральным нормам»⁹⁸⁶. В условное предложение «если китайские коммунисты олицетворяют [собой] государство, которое обладает культурой и знаниями, то не могут вот так неподобающе подавлять [...] Тибет»⁹⁸⁷ Тарчин закладывает логическую импликацию, согласно которой китайские коммунисты, вероятно, не обладают какой-либо культурой и знаниями, поэтому и ведут себя подобным образом в Тибете. Непосредственно сразу после этого редактор вводит вопросительное предложение («Как бы там ни было, после проведения мирных переговоров тибетского правительства с китайцами, китайцы, выслушав и поняв их [тибетцев], не отправятся ли мирно в место собственного проживания?»⁹⁸⁸), отсылая читателя к пресуппозиции, согласно которой предполагается, что Тибет не должен быть местом проживания китайцев и у китайцев есть более подходящее «место собственного проживания».

Указание количества тибетских протестующих и количества китайских солдат, отправленных в качестве подкрепления в сторону Лхасы, реализуется в рамках дискурсивного манипулирования полнотой описания. Тарчин трижды

⁹⁸¹ Тиб. *rgya dmar gyis bsam ngan khog gcug*.

⁹⁸² Тиб. *bisan dbang 'jigs gnon chen pos*.

⁹⁸³ Тиб. *mi bzod pa'i bya ngan 'tshab che brjod lyis mi lang ba*.

⁹⁸⁴ Тиб. *bsad bzung gang thub kyis 'jigs 'tsher*.

⁹⁸⁵ Тиб. *bdag bzung dbang gnon dang 'brel*.

⁹⁸⁶ Тиб. *chos dang las 'bras sogs mi chos khriims lung gang la 'ang mi ltos pa'i btsan shed kho nas*.

⁹⁸⁷ Тиб. *rgya dmar de dag shes rigs slob sbyong ldan pa'i rgyal khab gcig yin na*.

⁹⁸⁸ Тиб. *gang ltar bod gzhung sogs nas rgya mi dang zhi mthun bka' mol gngang nas der rgya mis nyan shes thog zhi 'jam rang gnas su gnas mi yong ngam*.

называет численность тибетских протестующих (30 тысяч человек), которая почти в два раза уступает численности солдат НОАК (50 тысяч человек), а также дважды детализирует, какую часть протестующих составляют женщины, и упоминает стариков и детей, тем самым охватывая все возрастные и гендерные группы населения. При этом в нарративе Тарчина местные жители Тибета предстают не зачинщиками хаотичных антиправительственных волнений, а как мирные цивилизованные протестанты против агрессии «чужих» и героические поборники тибетской независимости.

В публикации редактор как от своего имени, так и от имени тибетских протестующих трижды повторяет, что Тибет является «независимым» от Китая «государством»: «такие маленькие практикующие религию государства как Тибет»⁹⁸⁹; «Тибет является полностью независимым и свободным государством»⁹⁹⁰; «солидарны относительно свободы и независимости» Тибета⁹⁹¹. Кроме того, Тарчин актуализирует в тексте такие маркеры независимости Тибета как тибетский «национальный флаг»⁹⁹², тибетская национальная «одежда»⁹⁹³, «тибетские дела», в которые китайские коммунисты «не должны вмешиваться»⁹⁹⁴, и «тибетская земля», которую китайские коммунисты «должны покинуть»⁹⁹⁵.

В том же выпуске «Зеркала Тибета» фигурирует еще один характерный пример дискурсивной стратегии создания круга «чужих». В публикации под названием «Вкратце о восстании солдат-добровольцев»⁹⁹⁶ редактор сообщает, что «опубликовал примерный перевод из газеты на английском языке»⁹⁹⁷, однако очевидно, что переведенная статья обогащена комментариями самого Тарчина и является продолжением его авторского дискурса:

В год Земляной Собаки [1958 г.] в седьмом месяце по тибетскому календарю после того, как китайские коммунисты выдвинули разнообразные неприемлемые ложные обвинения

⁹⁸⁹ Тиб. *chos byed rgyal khab chung ngu bod 'dra ba*.

⁹⁹⁰ Тиб. *bod 'di nyi ma da ring nas bzung rang dbang rang btsan gtsang ma 'i rgyal khab yin*.

⁹⁹¹ Тиб. *rang dbang rang btsan gyi phyogs la blo sems chig bsgril yin*.

⁹⁹² Тиб. *rgyal dar*.

⁹⁹³ Тиб. *bod chas*.

⁹⁹⁴ Тиб. *rgya dmar nas bod don the byus byed dgos gtan nas med*.

⁹⁹⁵ Тиб. *rgya dmar zhi drag dpon dmag tshang ma bod kyi sa thog nas phyir log 'gro dgos*.

⁹⁹⁶ Тиб. *dang len dmag mi rnams kyi ngo rgol mdor bsdus ni*.

⁹⁹⁷ Тиб. *dbyin yig gsar 'gyur nas rags bsgyur tsam bkod pa 'o*.

против монахов, практикующих религию, [они] силой проникли в монастырь [Раньяг⁹⁹⁸]. Поэтому монахи ради защиты Учения отложили четки, [взяли в руки] оружие и, рискуя своей жизнью, подняли восстание против [своих] врагов, китайских коммунистов. Однако, так как в борьбу вступили сильный и слабый, долго [монахам] было не выстоять, и [они] неизбежно потерпели поражение. Монастырь и большую часть Трех опор Учения [статуи, книги и ступы] сожгли. Большую часть лам и монахов убили в результате подлых приговоров. [Вот] такая обстановка, которую невыносимо наблюдать, сложилась примерно пять месяцев назад.

Также сейчас войска китайских коммунистов, собравшись словно сваленные в кучу пилюли, пребывают вблизи перекрестков в Лхасе. Кроме того, на крышах разных религиозных построек буддистов [китайские солдаты] соорудили укрепления, которые служат местом для размещения пулеметов, что [делается] против воли тибетцев и вразрез с местными традициями. [...]

Китайские коммунисты в Тибете в течение уже долгого времени и до сих пор сейчас осуществляют постоянное жестокое запугивание [тибетцев]. В силу того, что коренной народ Тибета, религия и политика были уничтожены и пришли в полный упадок, от Тибета и тибетцев совершенно точно даже названия не осталось. [...]

Хотя китайские коммунисты в Тибете, как и в Китае, путем насильственного реформирования, которое идет вразрез с местными обычаями и традициями, возможно, достигли подобия незначительного прогресса исключительно в области тибетской политики, в области религии и свободы [в Тибете] такого нет⁹⁹⁹.

В пропозициональной структуре текста китайские коммунисты снова представлены в роли агенса жестоких и несправедливых действий, а в качестве пациенса их агрессии выступают занимающие оборонительную позицию тибетцы. Чтобы убедить тибетоязычных читателей в «невыносимости»¹⁰⁰⁰ политики «чужих», Тарчин нагнетает обстановку с помощью семантических и лексических повторов: «против монахов выдвинули разнообразные неприемлемые ложные обвинения»¹⁰⁰¹ и «монахов убили в результате подлых приговоров»¹⁰⁰²; «большую часть Трех опор Учения сожгли»¹⁰⁰³ и «большую часть лам и монахов убили»¹⁰⁰⁴,

⁹⁹⁸ Тиб. *ra nyag dgon pa*.

⁹⁹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 5, 7.

¹⁰⁰⁰ Тиб. *gnas lugs lta bur mi bzod pa de nyid ni zla ba lnga tsam gyi gong du byung song*.

¹⁰⁰¹ Тиб. *dge 'dun pa rnam la mi 'dod bsnyad btags 'dra min sna tshogs brjod*.

¹⁰⁰² Тиб. *dge rnam* [...] *khrims gcod ngan pas bkrongs*.

¹⁰⁰³ Тиб. *rten gsum chos rdzas phal cher bsregs btang ba*.

¹⁰⁰⁴ Тиб. *bla dge rnam phal cher* [...] *bkrongs*.

разместили пулеметы «против воли тибетцев и вразрез с местными традициями»¹⁰⁰⁵ и провели «насильственное реформирование», которое «идет вразрез с местными обычаями и традициями»¹⁰⁰⁶.

В антитезу «в борьбу вступили сильный и слабый»¹⁰⁰⁷ Тарчин закладывает логическую импликацию, которую читатели могут считать одним единственным образом: хотя «ради защиты Учения» тибетским монахам пришлось, «рискуя своей жизнью», выполнить нечто совершенно неординарное, а именно «отложить четки» и взять в руки оружие¹⁰⁰⁸, они оказались слабее сильных «чужих» и потерпели поражение. Гиперболизируя масштабы китайско-тибетского конфликта, Тарчин утверждает, что по вине «чужих», которые занимаются «постоянным жестоким запугиванием»¹⁰⁰⁹, «коренной народ Тибета, религия и политика были уничтожены и пришли в полный упадок»¹⁰¹⁰, а «от Тибета и тибетцев совершенно точно даже названия не осталось»¹⁰¹¹. Дополнительное смятение и отторжение «чужих» среди тибетоязычных читателей вызывает описание того, как в священном для любого верующего последователя тибетского буддизма городе Лхасе на крышах религиозных строений китайцы размещают пулеметы.

О злодеяниях «чужих» Тарчин сообщал и со слов очевидцев, вероятно, также редактируя их рассказы в своем авторском стиле. Так, под заголовком «Краткое устное повествование о восстании в Лхасе»¹⁰¹² в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. редактор размещает очень длинный и подробный эмоциональный рассказ монаха о бегстве из монастыря Дэпунг в Индию:

Из-за начала [тибетского] восстания с 1-го числа второго тибетского месяца [1959 г.] 11-го числа примерно с одиннадцати часов дня китайские коммунисты, нарушая [нормы] международного права, многократно обстреливали дворец Потала – резиденцию [нашего] покровителя Далай-ламы, который олицетворяет собой линию преемственности религиозных царей Тибета. Хотя [китайские коммунисты] вели обстрел в течение

¹⁰⁰⁵ Тиб. *bod mi 'i blo mos yul srol dang 'gal ba 'i mi sin gan sogs bzhag.*

¹⁰⁰⁶ Тиб. *yul gyi goms gshis lam srol dang mi mthun pa 'i btsan gnon bsgyur bcos gtong ba.*

¹⁰⁰⁷ Тиб. *stobs che chung thug pa.*

¹⁰⁰⁸ Тиб. *dge 'dun pa rnam kyis phreng ba bzhag nas go mtshon thog ste bstan srung slad rang srog dang bcas pa blong.*

¹⁰⁰⁹ Тиб. *yun ring rgya dmar gtan gnas kyis da mus bzhin dbang gnon btsan po byas.*

¹⁰¹⁰ Тиб. *bod kyi rtsa ba 'i mi rigs chos srid dang bcas pa rtsa brlags 'chal 'chol gang min du song.*

¹⁰¹¹ Тиб. *bod yul dang / bod mi 'i ming tsam lhag lus med par gyur nges.*

¹⁰¹² Тиб. *lha sar zing 'khrugs lang pa 'i skor ngag thog nas brjod gsal mdor bsdu.*

практически 24 часов без перерыва, кроме того, что разрушили комнаты монахов в монастыре Намгьел¹⁰¹³ [в Потале], какого-либо вреда дворцу в действительности не нанесли.

12-го числа примерно в три часа дня из военного лагеря Ютог¹⁰¹⁴ начали усиленно обстреливать буддийский храмовый комплекс Цуглагканг [в Лхасе]. Когда несколько пуль попали в фигуру Манджушири, то, поскольку пули [летели] с огромной силой, стены превратились в пепел. Поэтому в силу того, что люди лишились возможности оставаться внутри [своих] домов, когда чуть стемнело, я выбрался наружу через окошко в нижней части дома и через храм Рамоче бежал на гору Мичунг¹⁰¹⁵. Когда [я] шел, китайцы выстрелили из артиллерийского орудия, и вся местность озарилась [таким] светом, как будто взшло солнце. Во всех, кто тогда бежал, [китайцы] стреляли из пулеметов и ружей и убивали. Тем не менее благодаря состраданию Трех Драгоценностей мне кое-как удалось спастись из-под дождя пуль.

Затем примерно в пять часов утра [я] прибыл в женский монастырь на горе Мичунг. Там немного отдохнул. Когда смотрел на Лхасу, [летний] дворец [Далай-ламы] Норбулинка, [монастырь] Кунделинг¹⁰¹⁶, [священная гора] Чогпори¹⁰¹⁷, а также лхасский [храмовый комплекс] Цуглагканг, храм Рамоче, верхние и нижние дацаны тантрического монастыря Меру¹⁰¹⁸ – вся местность пылала огромным пожарищем. Из-за того, что [все] заволок кружащийся [в воздухе] пепел, выглядело так, словно вся атмосфера [стала] непрозрачной. [Я] почувствовал грусть, и из глаз полились слезы. Смотри вниз на Лхасу с хребта горы Мичунг, [я] сделал три простирания и произнес истовую молитву.

Когда сходил с горной гряды Ерпа¹⁰¹⁹, из-за сильной снежной бури наверху и сурового и мучительного пути, множество тибетских мужчин и женщин и даже некоторые представители [тибетской] аристократии на вершине пришли в изнеможение, губы их посинели, и [этих людей] оставили там [наверху].

13-го числа самолеты китайцев, обстреливая из пулеметов людей, которые спускались с горной гряды, убивали [их].

14-го числа после того, как китайские коммунисты трижды обстреляли из артиллерийских орудий Дэпунг, [монастырь] сдался.

¹⁰¹³ Тиб. *rtse rnam rgyal grwa tshang*.

¹⁰¹⁴ Тиб. *g.yu thog dmag sgar*.

¹⁰¹⁵ Тиб. *mi chung ri*.

¹⁰¹⁶ Тиб. *kun bde gling*.

¹⁰¹⁷ Тиб. *lcog po ri*.

¹⁰¹⁸ Тиб. *rme ru rgyud*.

¹⁰¹⁹ Тиб. *yer pa'i ri*.

Несколько человек из нас, совершив ритуальный обход длиной в несколько дней [вокруг местности] Пэньюл Шарбумпа¹⁰²⁰, которая [находится] позади Ерпа, ожидали. Тогда в один из дней прислали письмо, скрепленное печатями настоятелей дацанов каждого из Трех великих монастырей, а также [печатями] разных землячеств [монастырей]. В силу того, что в нем [письме] написали много приятных увещаний о том, что бежавшим монахам необходимо вернуться, что религиозные дела каждого оставят в соответствии со старыми традициями и что не будут проводить реформирование, то, положившись на то, что имеются печати настоятелей [главных] монастырей, [мы] вернулись обратно. Тогда, прибыв в монастырь Дэпунг Шамдарпаг¹⁰²¹, [монахи] взглянули наверх и, поскольку [увидели, что] на крыше каждого дацана и над главным молитвенным залом водрузили множество огромных красных флагов коммунистов, от огорчения [нам] хотелось плакать. Когда после этого они зашли в монастырь, не то, что каждый последовал в свою комнату, а монахов разделили и поместили в отдельных дацанах. Затем, поскольку всех монахов заперли в молитвенном зале, знакомые [монахи] говорили: «Что же Вы, избежав смерти, снова попали в руки мясников? Мы день и ночь испытываем огромные страдания от того, что [никогда] не спасемся отсюда».

Примерно 17-го числа всех монахов собрали на каменном полу молитвенного зала. [Китайцы], окружив монахов пушками и пулеметами, запугивали [их] и приготовились убивать, открыв огонь. [Китайцы] сказали: «Начиная с сегодняшнего дня Вы должны сдать [все] виды оружия, которое [имеется] в каждом из Ваших дацанов, [а также] зонах монастыря, выделенных для землячеств, и Ваших комнатах. Кроме того, если впоследствии при осмотре ваших комнат найдут какие-либо виды оружия, даже вплоть до перочинного ножа, то вдобавок к обыску совершенно точно последует жестокое наказание [за это]». После того, как [так] сказали, [нам] ничего не осталось кроме как сдать все вплоть до иголок и ниток из каждой комнаты.

Затем, заперев монахов в молитвенном зале и раздав китайские газеты, заставили читать. Как было написано в газетах, кто-то заявил: «Если мы, коммунистическое правительство Китая, не только захватили еще и Индию, но и боремся сейчас с Америкой, то Вы, даже если убежите в Индию, не спасетесь. Хоть достопочтенный Далай-лама и бежал в Индию, в Индии сейчас посажен под арест. Вскоре [его] вернут в Тибет». [Вот такие] неслыханные ложные новости в большом количестве написали. Также кто-то заявил: «Индия вплоть до [города] Силигури является нашей территорией, поэтому скоро должны забрать [эту землю обратно]. Пусть даже Вы сбежите из Тибета в какую-либо местность, не спасетесь».

¹⁰²⁰ Тиб. *phan yul shar bum pa*.

¹⁰²¹ Тиб. *gsham dar lpag*.

Еще в молитвенном зале китайские коммунисты показывали фильмы и устроили школы в каждом из дацанов и центральном зале для собраний. Там молодых монахов обучали китайским песням и заставляли петь тибетские песни. Хотя молодым монахам раздавали вкусную еду и деньги, мы же, старые монахи, должны были оставаться в течение примерно трех дней в молитвенном зале без какой-либо пищи.

Затем, если раньше монашеская община составляла приблизительно 10 тысяч монахов, то сейчас ее разделили на три группы примерно по три тысячи человек. Настоятелей, *тулку* и высших лиц монастырей из первой группы заточили в нижнюю часть здания для собраний. Более высокий класс монахов-спонсоров дацанов и монастыря из второй группы заточили в храме монастыря. Остальных обычных монахов заточили в молитвенные залы каждого из дацанов, а также разделили на три возрастные категории. Тем, кому от 70 до 60 лет, разрешили оставаться в комнатах. Тех, кому от 60 до 20 лет, подвергали тщательной проверке и мучительным пыткам. Те, кому от 20 до 15 лет, должны были изучать китайские песни.

Потом китайские коммунисты забрали ключи от всех землячеств дацанов. Потом после того, как разделили *кампа*, тибетцев, монголов и *амдова*, [китайцы] назначили над каждым десятком людьми десятника, который должен был надзирать за ними. Также во время фильмов и прослушивания радиопередач китайцы не разрешали обмениваться репликами. В пять утра [монахов] выводили из молитвенных залов, и до пяти вечера [они] должны были слушать о прекрасных планах китайцев. [Монахам] не разрешалось отлучаться в свои комнаты кроме как на десять минут для того, чтобы поесть. Ввели насильственный строгий закон, по которому монахи из Лосэлинга¹⁰²² не могли знать, что делают с монахами из дацана Гоманг¹⁰²³.

Затем в один из дней китайские коммунисты сказали, что сейчас здесь находится управляющий дацана Гоманг по имени Джигме¹⁰²⁴, который является сторонником реакционеров. С помощью разнообразных ложных обвинений в том, что он передал в руки реакционеров ружья и 300 *келов*¹⁰²⁵ крупы, [они его] оскорбляли. После этого китайские коммунисты, предварительно тайно выдав еду и деньги молодым монахам, которые утратили способность критически мыслить, многократно подстрекали [их] совершать злые поступки. Поэтому, в конце концов, монахи поднялись и многократно высказывали бесосновательную критику по отношению к управляющему дацана, после чего монахов по очереди заставляли бить [управляющего]. В конце концов, все его тело и голова покраснели

¹⁰²² Тиб. *blo gsal gling*.

¹⁰²³ Тиб. *sgo mang*.

¹⁰²⁴ Тиб. *'jigs med*, букв. «бесстрашный».

¹⁰²⁵ *Кел* (тиб. *khal*) – тибетская мера объема, равная примерно 30 фунтам ячменя (Goldstein 2004: 118).

от крови. Потом, когда рядовых монахов допрашивали, не нужно ли что-то сделать, если ему [управляющему уже] не вынести наказания, один тибетец и один монгол встали и высказались. Когда [они] обратились с настойчивой просьбой: «Пожалуйста, не нужно казнить его. Можно заставить его выполнять какую-то дополнительную работу», то этих двоих также объявили группой реакционеров и схватили. После этого рядовые монахи не могли ничего сделать, в силу того что оказались в безвыходной ситуации, [им] ничего не осталось кроме как, вытянув руки вверх, сказать: «Пожалуйста, убейте [управляющего]». Позднее, когда также привели помощника настоятеля дацана Гоманг, *амдова* по происхождению, по имени Хехе¹⁰²⁶, аналогично тому, что было ранее, [его] раскритиковали и избili, [и] все его тело и голова покрылись кровью.

Так как на следующий день должны были привести настоятеля дацана Гоманг, когда сказали: «Нужно критиковать настоятеля и убить», [я] был в ужасе от [этого] греха и поэтому в тот же вечер твердо решил бежать.

В тот же вечер мы, три монаха, приготовились бежать. Взяв с собой немного еды и шесть буддийских рукописей, примерно в полночь выдвинулись в путь из Дэпунга. Разувшись, мы пошли позади ущелья за монастырем. Хотя иногда ноги наступали на колючки, мы продолжали идти так, словно колючек не было, и примерно в пять утра достигли вершины горы, [где находится монастырь] Гадонг¹⁰²⁷. Затем, когда мы оттуда спускались, [видели, что] многие монахи оставались в горных пещерах. [Путь] до Ньясога¹⁰²⁸ занял 11 дней. За это время мы преодолели 11 горных перевалов. То, что, после этого мы, пройдя через Ронгнанг¹⁰²⁹, Сэринце *дзонг*¹⁰³⁰, Лачен¹⁰³¹ и Лачунг¹⁰³² и едва не умерев, смогли прибыть сюда является [результатом] сострадания Трех Драгоценностей.

Публикую здесь то, что услышал от одного монаха, который прибыл из одного из Трех великих тибетских монастырей – прославленного монастыря Дэпунг¹⁰³³.

Рассказы очевидцев подтверждали и укрепляли конструируемый Тарчином образ «чужих». Пожилой бежавший монах, со слов которого редактор подготовил данную объемную публикацию, подробно рассказывает, как «чужие» распространяют «неслыханные ложные новости»¹⁰³⁴ и «разнообразные ложные

¹⁰²⁶ Тиб. *he he*.

¹⁰²⁷ Тиб. *dga' gdong gi ri*.

¹⁰²⁸ Тиб. *nya sog*.

¹⁰²⁹ Тиб. *rong nang*.

¹⁰³⁰ Тиб. *sras rin rise rdzong*.

¹⁰³¹ Тиб. *la chen*.

¹⁰³² Тиб. *la chung*.

¹⁰³³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 4-5.

¹⁰³⁴ Тиб. *rna bar mi 'gro ba'i gsar 'gyur brdzun ma*.

обвинения»¹⁰³⁵, «нарушают [нормы] международного права»¹⁰³⁶, расстреливают, пытаются и убивают жителей Тибета, а также разрушают на территории Тибета священные религиозные строения и такие объекты культурного наследия, как храмовый комплекс Цуглаканг и резиденция «преемника религиозных царей Тибета» и «защитника» народа Тибета Далай-ламы XIV, дворец Потала¹⁰³⁷. «Чужие» мроят голодом старых монахов и затуманивают сознание молодых монахов деньгами и пищей. Исходящая от «чужих» угроза актуализируется в тексте в том числе с помощью лексем со значением «стрелять», повторяющихся в тексте публикации применительно к действиям «чужих» семь раз: «многократно обстреливали дворец»¹⁰³⁸; «вели обстрел в течение практически 24 часов»¹⁰³⁹; «начали усиленно обстреливать Цуглаканг»¹⁰⁴⁰; «выстрелили из артиллерийского орудия»¹⁰⁴¹; «стреляли из пулеметов и ружей и убивали»¹⁰⁴²; «обстреливая людей из пулеметов, убивали»¹⁰⁴³; «трижды обстреляли из артиллерийских орудий Дэпунг»¹⁰⁴⁴. Кроме того, китайские коммунисты в рассказе монаха получают новый инвективный ярлык, который еще не встречался ранее, – «мясники»¹⁰⁴⁵.

При воссоздании картины подавления восстания в Лхасе и побега монаха относительно реалистичные зарисовки с указанием точных дат и топонимов дополняются средствами выразительности речи: метафорами («спастись из-под дождя пуль»¹⁰⁴⁶), сравнениями («выстрелили [...], и вся местность озарилась [таким] светом, как будто взошло солнце»¹⁰⁴⁷), гиперболами (не только оружие, а «из каждой комнаты сдать все вплоть до иголок и ниток отдали»¹⁰⁴⁸; «когда несколько пуль попали в фигуру Манджушри, то [...] стены превратились в пепел»¹⁰⁴⁹).

¹⁰³⁵ Тиб. *brnyas 'dogs sna tshogs pa*.

¹⁰³⁶ Тиб. *'dzam gling spyi khrims las 'gal*.

¹⁰³⁷ Тиб. *bod kyi chos rgyal rim pas mtshon skyabs mgon tA la 'i bla ma 'i bzhugs gnas pho brang po ta la*.

¹⁰³⁸ Тиб. *pho brang po ta lar me sgyovs grangs mang 'phen*.

¹⁰³⁹ Тиб. *ha lam chu tshod nyer bzhi ring bar med du phangs*.

¹⁰⁴⁰ Тиб. *gtsug lag khang du me sgyovs shugs chen 'phen*.

¹⁰⁴¹ Тиб. *glog rdzas me mdel zhig 'phangs*.

¹⁰⁴² Тиб. *ma shin gan dang me 'da 'phangs nas bsad*.

¹⁰⁴³ Тиб. *mi rnam la 'bag 'bag rgyab nas gsod gyi 'dug*.

¹⁰⁴⁴ Тиб. *'bras spung la me sgyovs gsum 'phang*.

¹⁰⁴⁵ Тиб. *gshan pa*.

¹⁰⁴⁶ Тиб. *me mdel char babs pa 'i 'og nas thar tsam byung*.

¹⁰⁴⁷ Тиб. *'phangs pas sa gzhi tshang ma nyi ma shar ba ltar gsal gyi 'dug*.

¹⁰⁴⁸ Тиб. *khab skud yan chad rtsis sprod*.

¹⁰⁴⁹ Тиб. *'jam dbyangs dkyil du 'phogs skabs [...] rtsig pa thal phug tu btang*.

Очевидец событий также включает в свой рассказ ремарки, описывающие его тяжелое психоэмоциональное состояние («почувствовал грусть, и из глаз полились слезы»¹⁰⁵⁰, «от огорчения хотелось плакать»¹⁰⁵¹, «был в ужасе»¹⁰⁵²), в результате чего реципиенты дискурса неизбежно должны были проникнуться бóльшим доверием к рассказчику и бóльшим сочувствием к притесняемым китайскими коммунистами жителям Тибета.

Среди публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. также встречаются образцы использования дискурсивной тактики детализации описания жертв агрессии¹⁰⁵³. Будучи средством прагматического фокусирования в тексте особой жесткости врага, данная тактика помогает Тарчину стратегически дополнить образ «чужих» такими качествами как хладнокровность и беспринципность по отношению к самым уязвимым и невинным жертвам агрессии. Например, в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. Тарчин сообщает следующие новости из восточного Тибета:

[В Маркаме] находилось приблизительно 15 тысяч воинов-защитников Учения. Китайские коммунисты подумали, что необходимо [их] истребить. [Повстанцев] окружили 11 дивизий, прибыли свыше 20 тысяч китайских солдат.

Сражались 14 дней и ночей. [Китайские коммунисты] убили 150 защитников Учения из [числа] монахов и мирян. Беспричинно убили женщин и детей старше пяти лет из простого народа, в совокупности убили 55 [человек]. Полностью уничтожили местное правительство Маркама и все буддийское в монастыре Гонлура¹⁰⁵⁴. [Китайские военные] сидели на Ганджуре и Данджуре, топтали ногами священные изображения и статуи. Самолеты сбросили много бомб. С земли произвели 30 выстрелов из артиллерийских орудий вперед [на поражение] и разрушили около половины [строений]. Убили примерно 30 старых лам и монахов-детей, которые не могли вступить [в ряды повстанческой] армии. Поскольку остальные [повстанцы] не были знакомы с местностью, в одну минуту [они] попали в плен. [Китайские коммунисты] разрушили до основания 20 больших и малых монастырей. У

¹⁰⁵⁰ Тиб. *sems skyo zhing mig nas mchi ma lug*.

¹⁰⁵¹ Тиб. *sems sdug la ngu bro ba zhig byung*.

¹⁰⁵² Тиб. *'tshabs ha cang che ba*.

¹⁰⁵³ В рамках тактики детализации описания жертв агрессии автор дискурса намеренно детализирует излишние для текста или нерелевантные детали агрессии врага, например, описывает конкретных жертв агрессии с указанием их возраста, имени и т.д. (Чернявская, Молодыченко 2014: 136).

¹⁰⁵⁴ Тиб. *dgon glu ra dgon pa*.

граждан украли примерно 400 выючных животных и унесли всю, какую только нашли, упряжь.

[Китайские военные] беспричинно сделали бесчисленное число выстрелов в подлинное перерождение Рэчунга, [ученика] просветленного Миларепы, по имени Лама Карма¹⁰⁵⁵, который с 17 лет, занимаясь только [буддийской] практикой, жил в отшельничестве в пещерах и у подножия деревьев. Китайские коммунисты посадили [его] в тюрьму. Через четыре дня этого ученика прикончили [и] сказали, что он сам умер¹⁰⁵⁶.

Редактор детализирует последствия агрессии врага: «150 защитников Учения из [числа] монахов и мирян»¹⁰⁵⁷, 55 «женщин и детей старше пяти лет из простого народа»¹⁰⁵⁸, «правительство Маркама и все буддийское в монастыре Гонлура»¹⁰⁵⁹, «около 30 старых лам и маленьких монахов, которые не могли вступить [в ряды повстанческой] армии»¹⁰⁶⁰, «20 больших и малых монастырей»¹⁰⁶¹ и, главное, «подлинное перерождение Рэчунга, [ученика] просветленного Миларепы», который «с 17 лет, занимаясь только [буддийской] практикой, жил в отшельничестве в пещерах и у подножия деревьев»¹⁰⁶². Более того, Тарчин даже указывает такую деталь как имя убитого буддийского отшельника.

Из описания ясно, что агрессор в лице коммунистического Китая, силы которого существенно превосходили возможности тибетских повстанцев (20 тысяч китайских солдат vs. 15 тысяч тибетских), предпринял необоснованно жестокие действия как против защитников независимости, так и в отношении самых беззащитных групп населения (женщины, дети, пожилые ламы, маленькие монахи, просветленный буддийский аскет), в отношении мирных жителей (миряне, простые люди), в отношении местных властей (правительство Маркама) и в отношении буддийской религии (монастыри, священные тексты и изображения).

¹⁰⁵⁵ Тиб. *bla ma skar ma*.

¹⁰⁵⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.1, June 1959: 3–4.

¹⁰⁵⁷ Тиб. *bstan srung ser skya mi grangs* 150.

¹⁰⁵⁸ Тиб. *mi ser skye dman dang phru gu lo nga tsam yan la*.

¹⁰⁵⁹ Тиб. *rmar khams khul gzhung dgon glu ra dgon pa'i nang bstan tshang ma*.

¹⁰⁶⁰ Тиб. *bla rgan dang grwa pa chung chung dmag la phebs ma thub pa*.

¹⁰⁶¹ Тиб. *dgon pa che chung* 20.

¹⁰⁶² Тиб. *bla ma skar ma zer ba'i sangs rgyas mi la ras chung rnam sprul 'phrul med dgung lo bcu bdun nas sgrub pa kho na gnang nas dben gnas spang ri la brten nas brag phug dang / _shing sdong rtsa bar bzhugs pa'i bla ma*.

В данном небольшом отрывке редактор четыре раза использует лексему «убить»¹⁰⁶³ и еще пять раз повторяет синонимичные лексемы со значением «уничтожать»¹⁰⁶⁴. О дикости, варварском характере и несправедливости действий агрессора в нарративе Тарчина свидетельствует не только то, что китайские коммунисты «беспричинно убили»¹⁰⁶⁵, «полностью уничтожили»¹⁰⁶⁶ и «прикончили»¹⁰⁶⁷ все указанные выше категории людей, но и то, что поведение китайских военных совершенно не сопоставимо с буддийской верой жителей Тибета (они «сидели на Ганджуре и Данджуре, топтали ногами священные изображения и статуи»¹⁰⁶⁸ и «беспричинно» сделали «бесчисленное число выстрелов» в невинного аскета¹⁰⁶⁹).

В исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. для описания китайских коммунистов и характеристики политики КНР Тарчин также активно применял дискурсивную стратегию демонизации врага¹⁰⁷⁰. В указанный период редактор неоднократно публиковал новости, где действия китайских коммунистов изображались «чужими» не только с точки зрения традиционной тибетской культуры, но и представлялись абсолютно дикими и из ряда вон выходящими для всего остального мира. Так, в рубрике «Новости Китая»¹⁰⁷¹ за февраль–март 1959 г. Тарчин размещает информацию, которую он якобы заимствовал из китайских газет, однако авторство поэтического вступления, вероятно, все-таки принадлежит самому редактору «Зеркала Тибета»:

Вместо экскрементов людей, собак и свиней
Насекомых кормят плотью человеческих трупов,
Куропаток кормят человеческими костями,
Ранее не пробовали [такого] производства
Самогона и браги.

¹⁰⁶³ Тиб. *bsad*.

¹⁰⁶⁴ Тиб. *rtsa med gtong dgos*; тиб. *rtsa med gtor*; тиб. *gtor*; тиб. *ming med btang*; тиб. *rlags*.

¹⁰⁶⁵ Тиб. *don med [...]* *bsad*.

¹⁰⁶⁶ Тиб. *rtsa med gtor*.

¹⁰⁶⁷ Тиб. *rlags*.

¹⁰⁶⁸ Тиб. *bka' gyur rten 'gyur la rkub steg byas/_sku 'dra la rkang rdzis byas*.

¹⁰⁶⁹ Тиб. *don med mda' grangs med rgyab*.

¹⁰⁷⁰ Дискурсивная стратегия демонизации врага ставит своей целью устрашение реципиентов дискурса путем дискредитации врага и создания внушающего страх образа «чужих» (Чернявская, Молодыхенко 2014: 124).

¹⁰⁷¹ Тиб. *rgya nag gi gnas tshul*.

Производили жирных куриц,
 [А] превратились в жирных свиней.
 Наши инновации удивительны.

Похоже, могут делать бензин и керосин из мочи яка. И страшно, и смешно. Говорят, если в экскременты людей, собак и свиней замешать химикаты, можно приготовить самогон отменного вкуса.

Также, в соответствии с новостями за 15 февраля [1959 г.] из Гонконга из «Газеты рабочих Гуанчжоу», правительство [КНР] в этом году ввело налог на экскременты для солдат НОАК. А именно, согласно изданного указа правительства: «Каждый месяц Вы должны передавать правительству Ваши экскременты в соответствии с размером [Вашей] полной ежемесячной военной зарплаты и равные количеству всей ежедневно употребляемой пищи». Если во время передачи ежемесячных экскрементов [у кого-то] не хватает [своих], так не пойдет, поэтому некоторым приходится красть экскременты других [людей], и, более того, сильные и слабые вступают в конфликты за экскременты. Приготовив экскременты как [буханки] хлеба, необходимо доставлять их на самолетах на поля России в качестве удобрения.

Также, когда в захороненных под землей трупах людей вырастают личинки, если личинки дать курицам, [курицы] вырастут и станут крупнее. Также, если кости сжечь и дать свиньям, свиньи вырастут очень крупными. Ввиду этого, хотя ранее были отдельные могилы, в настоящее время, в соответствии с реализацией новой программы утилизации трупов, трупы собирают в больших общественных социалистических могилах. Более того, могилы людей, которые умерли тысячу лет назад, разрывают, и из сердцевины их костей извлекают хорошее лекарство. Вот такие новости о том, что даже древние могилы разрывают. Кратко изложил примерный перевод из [газеты] «Бэйцзин гунжэнь жибао»¹⁰⁷².

Саркастическое поэтическое вступление, смысл которого не очевиден читателю поначалу, раскрывается после прочтения следующего за ним краткого изложения новостей из Китая. Не поднимая в данном случае дискурс о независимости Тибета, Тарчин хочет доказать, что даже у себя на родине китайские коммунисты проводят абсолютно варварскую политику: пренебрежительно относятся к человеческим трупам, оскверняют могилы предков и своих современников, а также сеют вражду в рядах собственной армии из-за такой странной причины как необходимость выполнять норму по налогу на экскременты. Ссылаясь на китайские газеты в качестве источника информации, редактор

¹⁰⁷² *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 11.

дискредитирует китайских коммунистов и добивается эффекта отторжения группы «чужих» как целевой группой тибетоязычных¹⁰⁷³ читателей «Зеркала Тибета», так и всем остальным цивилизованным миром.

Сразу после новости про сбор экскрементов и выкапывание трупов на той же странице «Зеркала Тибета» Тарчин дополняет образ странных «чужих» с помощью еще одной душераздирающей публикации о китайских коммунистах:

В настоящее время в ряде крупных административных единиц, находящихся под управлением монастыря Лабранг Ташикыл, который территориально принадлежит провинции Ганьсу, – Амчо, Гаргья, Хорцанг, Миу¹⁰⁷⁴ и других крупных административных единицах – аристократов, простых людей, лам, *тулку* и монахов исправляют в [ходе] кампании по [созданию] народных кооперативов. Все монахи и миряне, будучи смешанными в одном большом доме, должны совместно питаться, жить и спать.

Кроме того, в холодное зимнее время большие группы монахов и мирян истязают с помощью суровых законов. Обвязывают шеи обнаженных людей веревками и подвешивают на высоком дереве. Обе ноги ставят на лед и льют холодную воду поверх [их] голов. Помимо такого способа убийства, [им также] наносят удары, поэтому из-за лютого холода плоть [их] тел лопается. [Это] подобно тому, что испытываешь в восьми холодных адах. У некоторых же плоть снаружи разрывается, и можно увидеть [их] легкие, сердце и прочие виднеющиеся [внутренности].

Ввиду вынесения [такого] невыносимого сурового приговора несколько пожилых людей умерли от ужаса увиденного. Что касается молодых людей, из-за увиденного [ужаса] они [все] отправляются и отправляются в бегство.

Написал вкратце подлинные новости в соответствии с услышанным рассказом человека, который бежал из тех мест¹⁰⁷⁵.

Тарчин со слов очевидца рассказывает полные ужаса «подлинные новости»¹⁰⁷⁶ о происходящем в Тибете при власти китайских коммунистов. Редактор подчеркивает, что все категории граждан без исключения подлежат программе «исправления» («аристократы, простые люди, ламы, *тулку* и

¹⁰⁷³ М. Голдстейн сообщает, что использование экскрементов людей или животных в качестве удобрения для земли рассматривалось некоторыми жителями Тибета как оскорбление местных божеств, которые охраняли эту землю (Goldstein 2007: 256–257).

¹⁰⁷⁴ Тиб. *a mchod*; тиб. *dga' brgya*; тиб. *hor tshang*; тиб. *mi'u*.

¹⁰⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 11.

¹⁰⁷⁶ Тиб. *gnas tshul ngo ma*.

монахи»¹⁰⁷⁷), а агрессия врага не знает границ, будучи направлена и на мирян, и на духовенство. Обвиняя «чужих» в применении «суровых законов»¹⁰⁷⁸ в отношении жителей Тибета и не указывая причину для вынесения подобных приговоров, Тарчин для усиления наглядности отсылает читателей к буддийской космологии и сравнивает жестокие пытки с «восемью холодными адами»¹⁰⁷⁹.

Редактор «Зеркала Тибета» также стремился достичь эффекта отчуждения китайских коммунистов с помощью элементов дискурсивной тактики магнизации агрессии врага¹⁰⁸⁰. В рамках данной тактики в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. Тарчин представляет краткую публикацию под заголовком «Мировое освобождение»¹⁰⁸¹:

В одной газете сообщается следующая новость: с тех пор, как Коммунистическая партия [Китая] установила свою власть в Пекине, [коммунисты], раскопав все имеющиеся гробницы древних предков, [китайских] императоров и военачальников, извлекают [оттуда] священные предметы времен древней благой *кальпы* и [другие] бесценные вещи. [Они] отправляют [эти вещи] на изготовление современных домов, тяжелого машинного оборудования, вооружения и прочего. Вскоре [они] предпримут усилия, чтобы освободить весь мир.

Выкопав трупы, грабят выживших.

Режут собственные глотки и изготавливают оружие.

Говорят, что необходимо осуществить мировое освобождение.

Опьянели от самонадеянной гордости и обезумели¹⁰⁸².

Интересно, что Тарчин не указывает точный источник информации, поэтому есть вероятность, что поэтическую концовку сочинил сам редактор «Зеркала Тибета». Начав с обвинения китайских коммунистов в разграблении древних гробниц своих предков и упоминания о том, что до прихода к власти коммунистов в Китае, как и в Тибете, тоже были «золотые» времена, редактор тем не менее завершает новость в соответствии с заявленной темой публикации. Масштабируя

¹⁰⁷⁷ Тиб. *mi drag dang / _mi ser dgon pa 'i bla sprul dge 'dun pa rnam*.

¹⁰⁷⁸ Тиб. *khriims drag pos mnar*.

¹⁰⁷⁹ Тиб. *grang dmyal brgyad*.

¹⁰⁸⁰ Дискурсивная тактика магнизации агрессии врага ставит своей целью увеличение и глобализацию масштабов агрессии врага, представляя ее как угрозу для всего «цивилизованного» мира (Чернявская, Молодыхенко 2014: 134).

¹⁰⁸¹ Тиб. *'dzam gling bcing dkrol*.

¹⁰⁸² *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.1, June 1959: 5.

будущую потенциальную агрессию со стороны врага, Тарчин делает категоричное необоснованное заявление: «Вскоре предпримут усилия, чтобы освободить весь мир»¹⁰⁸³. После этого в поэтической форме, используя дискурсивную тактику приписывания мнения¹⁰⁸⁴, Тарчин закрепляет персуазивный эффект надвигающейся угрозы для всего мира со стороны китайских коммунистов: «Говорят, что необходимо осуществить мировое освобождение»¹⁰⁸⁵.

В качестве еще одного примера публикации, способствовавшей отчуждению китайских коммунистов из-за их негуманного и противоречащего общественным нормам поведения, можно привести заметку под заголовком «Я видел удивительное. В наши дни люди ездят верхом на людях»¹⁰⁸⁶ из первого выпуска 25-го года издания за май 1958 г.:

На моей родине есть [женщина] по имени Дагьяб Пунцог Вангмо¹⁰⁸⁷. Когда ранее работала управляющей, [она] относилась к простому народу с любовью и состраданием. Однако, когда китайцы проводили реформирование, то сказали: «Поскольку Вы были управляющей, то преступления [Ваши] велики». Надели [ей] на рот лошадиную узду, на спину [надели] лошадиное седло, и, оседлав, китайцы поехали. Поскольку я [своими] глазами видел, у меня в голове крутилась мысль. Что бы ни говорили, [а] я с самого начала знал, что китайцы проводят опыты, играя в игрушки нами, тибетским народом в Каме. Написал Гунгцэн¹⁰⁸⁸.

Поскольку заметку подготовил некий очевидец событий, его сообщение автоматически должно было заслужить больший кредит доверия у читателей «Зеркала Тибета». Противопоставляя бесчеловечное обращение «чужих» с населением Тибета во время проведения социалистических реформ (отношение к человеку как к лошади¹⁰⁸⁹) и человеческое обращение «своих», которое было принято до прихода к власти китайских коммунистов (управляющая «относилась к простому народу с любовью и состраданием»¹⁰⁹⁰), автор создает яркий образ

¹⁰⁸³ Тиб. *ring min 'dzam gling yongs la bcing dkrol gtong thabs la 'bad kyi yod pa red.*

¹⁰⁸⁴ Дискурсивная тактика приписывания мнения используется для приписывания врагу определенного мнения, суждения или устремления. При этом автор дискурса, как правило, не выражает эксплицитно в тексте маркеры субъективности своего суждения об убеждениях или устремлениях врага (Чернявская, Молодыхенко 2014: 131–132).

¹⁰⁸⁵ Тиб. *'dzam gling bcing dkrol gtong dgos zer.*

¹⁰⁸⁶ Тиб. *ngas mishar mo zhig mthong byung / deng sang mi yis mi zhon nas 'gro gi 'dug.*

¹⁰⁸⁷ Тиб. *brag g.yab phun tshogs dbang mo.*

¹⁰⁸⁸ Тиб. *gung btsan (The Tibet Mirror Vol.XXV No.1, May 1958: 5).*

¹⁰⁸⁹ Тиб. *kha la rta yi srab bkon/ rgyab la rta yi sga rgyab te rgya mi tshos zhon nas 'gro gi 'dug.*

¹⁰⁹⁰ Тиб. *mo rang sngon dpon mo byed skabs mi ser la byams pa dang / _snying rje byed mkhan zhig red.*

беспринципного агрессора в лице КНР. В конце заметки Гунгцэн, прибегая к метафоре, добавляет колоритности образу «чужих» и делает вывод, что китайцы «играют в игрушки» тибетским народом¹⁰⁹¹.

Тарчину, очевидно, так понравилось сообщение Гунгцэна, что он не остановился на одном выпуске и продолжил тему в следующем втором выпуске 25-го года издания за июнь 1958 г., где в рубрике «Новости в рисунках»¹⁰⁹² разместил иллюстрацию с просьбой «посмотреть на это изображение того, как человек ездит на человеке»¹⁰⁹³ (см. рис. 2).

Рис. 2. Новости в рисунках (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958: 5).

В более поздних выпусках «Зеркала Тибета» за 1960-е гг. антикоммунистическая риторика Тарчина стала еще жестче. В первом выпуске 27-го года издания в длинной статье под заголовком «Ракета для нападения на коммунистов»¹⁰⁹⁴, приведенном одновременно на тибетском и английском языках, редактор эмоционально описывает «абсолютно невыносимую безнадежную ситуацию»¹⁰⁹⁵, которая сложилась в Тибете по вине «китайских коммунистических бандитов»¹⁰⁹⁶ к сентябрю 1960 г.:

¹⁰⁹¹ Тиб. *rgya mis nga tsho khams bod mi dmangs kyis rtsed mo rtsed dpyad byed kyin yod.*

¹⁰⁹² Тиб. *ri mo 'i gсар gyur.*

¹⁰⁹³ Тиб. *mis mi la zhon pa'i 'dra ri 'di la g-zigs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958: 5).

¹⁰⁹⁴ Тиб. *dmar por rgol ba'i me shugs 'phur mdel*; англ. *Rocket for Assailing the Red.*

¹⁰⁹⁵ Тиб. *'u thug bzod thabs rbad bral gyi gnas.*

¹⁰⁹⁶ Тиб. *rgya dmar jag pa.*

Китайские коммунистические бандиты – плотоядные демоны, которые полностью вышли за пределы [норм] человеческого поведения, – насильственно вторгшись, захватили государство наших любимых и дорогих предков Страну снегов Тибет. [Они] зверски убили бесчисленное количество наших миролюбивых добродетельных родителей, родственников и близких друзей, пожилых и молодых [людей]. [Они] залили кровью и слезами все регионы чистой и прекрасной земли Тибета.

Особенно начиная с 1956 г. свирепая ужасающая сущность плотоядных демонов проявилась в реальности. Нас, тибетский народ, который наслаждался миром и прекрасными традициями, жестоко притесняли вдвое сильнее, чем раньше, поэтому мы, все кровные родственники и друзья со всего тибетского государства, оказались в абсолютно невыносимой безнадежной ситуации.

Днем 10 марта 1959 г. в нашей столице Лхасе в очень тяжелых условиях чрезвычайной опасности и ужаса [языки] пламени нашего праведного гнева соединились в единый костер, и ракета, которая атаковала коммунистов с вершины необъятного мира, подожгла все вокруг. Благодаря этому на всемирном собрании всех народов, которые наслаждаются миром, лицемерную маску так называемых («Пяти пунктов мирного сосуществования») китайских коммунистов разбили вдребезги. Не оставив ни шанса их лживой низменной стратегии, [мы] сделали так, что [коммунисты] были вынуждены раскрыть реальное [положение дел].

Сейчас прошло более года, и нам необходимо снова вспомнить о том успехе. Мы, все заинтересованные тибетцы, размышляем о возрастании безусловной важности необходимости внимательно изучить наше положение в прошлом. Это [произошло] благодаря смелости и достойно нашей похвалы. [Это] подлинная история расплаты плотью и кровью.

Родителей, родственников и близких друзей, пожилых и молодых [людей] – абсолютно всех на нашей Родине – заставляют [носить] одежду из солнца, луны, снега и дождя и питаться грязью и пылью, а [их] тела терпят невыносимые ощущения от веревок, железных цепей, лошадиных плетей, палок, пуль и взрывчатки. В [таких] тяжелых условиях неизменно мощное праведное пламя [гнева народа] тем не менее разрастается все больше, и [люди] решительно противостояли и противостоят бандитской шайке китайских коммунистических демонов.

Противостояние китайским коммунистическим демонам [путем] измены составляет единственную общую цель всего нашего тибетского народа. Все понимают, что цель эта является правомерной и непогрешимой. Даже достопочтенный Далай-лама постоянно нас наставляет: «Мы должны сосредоточить свои умы только на одном – Трех Драгоценностях

и [тех] людях в мире, которые являются порядочными и миролюбивыми живыми существами. Они предоставят нам поддержку и помощь. Они знают, что наша цель является правомерной и непогрешимой. Ввиду этого в нашем устремлении [мы] непременно одержим победу».

Что касается множества свидетелей, которые могли бы подтвердить эту очевидную ситуацию, то [ими] неизменно становятся наши очень смелые и отважные родственники и близкие друзья [в ходе] постоянных атак на бандитские шайки китайских коммунистических демонов. Они¹⁰⁹⁷ [китайские коммунисты], пребывая в ошеломлении и днем и ночью, должны оставаться настороже.

В силу того, что мы, тибетский народ, с незапамятных времен были нацией, которая любит мир и благополучие, [по] принятому в нашем роду обычаю, даже в экстремальных [условиях] мы относимся с состраданием и любовью ко [всем] живым существам, включая насекомых. Поэтому мы никогда не осуществляли насильственные и жестокие деяния. Тем не менее, мы совершенно не можем выносить тяготы предательства и противостояния им – бессердечным вредителям человеческой расе, демонам, бандитским шайкам китайских коммунистов. Мы, весь тибетский народ, в какие бы то ни было тяжелые условия [нас не] поставили, как бы слабее мы ни были в плане силы, тем не менее, несомненно, доведем до конца кампанию по нападению на коммунистов.

Среди нас, тибетцев, которые странствуют и живут в Индии, Непале, Бутане и Сиккиме, старых и молодых родственных этнических групп, лишь два–три тибетца не разделяют идею преданности [своей] нации. [Среди всех] остальных же нет ни одного, кто бы не был обеспокоен тем, что нашей Родине причинили столько страданий и что наши родители, родственники и близкие друзья испытывают бесконечные страдания, став для демонов едой и рабами. Вместе с тем родственные этнические группы, которых сделали рабами врагов, единодушно искренне преклоняются перед поистине выдающейся борьбой в чрезвычайно тяжелых условиях с китайскими коммунистическими демонами и приносят свои поздравления [тем, кто борется с китайскими коммунистами]. Более того, ради всеобщего блага мы должны с помощью непоколебимой объединяющей клятвы соединить воедино [наши] белоснежные альтруистичные устремления, которые подобны высочайшей в мире снежной вершине Эверест, и неотступно поддерживать имеющийся потенциал родственных этнических групп, принимающих участие в борьбе [с китайскими коммунистами].

---

¹⁰⁹⁷ Тибетский термин *kho tsho* «они» не принадлежит к уважительному регистру. Предлагается рассматривать его в качестве местоимения для китайских коммунистов. Однако также возможно, что под местоимением «они» Тарчин имел в виду тибетских родственников и друзей.

Мы должны создать возможность усиленно шагать в сторону великой цели и великолепия под названием «свобода и независимость». То, что мы несомненно одержим победу, предрешено.

Опубликовано в соответствии с полученными новостями¹⁰⁹⁸.

Данная статья является одним из наиболее ярких примеров конструирования образа «чужих» в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг. Помимо уже известного инвективного ярлыка «врага», в качестве оценочной характеристики китайских коммунистов Тарчин восемь раз повторяет лексему «демон»¹⁰⁹⁹, трижды называет их «бандитскими шайками»¹¹⁰⁰ и еще один раз просто «бандитами»¹¹⁰¹, а также присваивает им новый ярлык «бессердечных вредителей человеческой расе»¹¹⁰².

Демонизация врага достигается не только за счет метафорического воплощения китайских коммунистов в образе «плотоядных демонов, которые полностью вышли за пределы [норм] человеческого поведения»¹¹⁰³. Погружая действия китайских коммунистов в семантическое поле тотального зла, Тарчин использует избыточную конкретизацию агрессии врага: китайские коммунисты «насильственно вторгшись, захватили государство» «любимых и дорогих предков» тибетцев¹¹⁰⁴; «жестоко притесняли»¹¹⁰⁵ тибетцев; заставляли тибетцев «терпеть невыносимые ощущения от веревок, железных цепей, лошадиных плетей, палок, пуль и взрывчатки»¹¹⁰⁶ и «питаться пылью и грязью»¹¹⁰⁷; причинили «бесконечные страдания» тибетцам, сделал из них «еду и рабов для демонов»¹¹⁰⁸; «зверски убили бесчисленное количество» «миролюбивых добродетельных родителей, родственников и близких друзей, пожилых и молодых»¹¹⁰⁹ тибетцев и «залили

¹⁰⁹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2.

¹⁰⁹⁹ Тиб. *srin po*.

¹¹⁰⁰ Тиб. *jag tshogs*.

¹¹⁰¹ Тиб. *jag pa*.

¹¹⁰² Тиб. *mi'i rigs rgyud dang bcas par ya nga bral ba'i gnod 'tshes byed mkhan*.

¹¹⁰³ Тиб. *mi'i spyod pa las yongs su 'das pa'i srin po rgya dmar*.

¹¹⁰⁴ Тиб. *nga tsho'i dga' zhing gces pa'i pha mes kyi rgyal khab [...] drag po'i btsan 'dzul byas pa nas bzung*.

¹¹⁰⁵ Тиб. *bod mi mangs thog btsan gnon drag po [...] biang*.

¹¹⁰⁶ Тиб. *lus la rtsa thag dang / lcags thag_rta lcag dang / rgyug pa/ me mdel 'bar rdzas kyi reg bya mi bzod pa myong*.

¹¹⁰⁷ Тиб. *sa lud thal ba zas su byed*.

¹¹⁰⁸ Тиб. *srin po'i zas dang bran g.yog tu gyur pa'i sdug bsngal bar med myong*.

¹¹⁰⁹ Тиб. *zhi dul dge sems can gyi pha ma spun nye rgan gzhon grangs las 'das pa dmar gsod biang*.

кровью и слезами все регионы чистой и прекрасной земли Тибета»¹¹¹⁰, тем самым принеся «столько страданий Родине»¹¹¹¹ тибетского народа.

Круг «чужих» в статье отчетливо противопоставлен кругу «своих». Редактор успешно достигает персуазивного эффекта за счет напряжения, которое возникает между семантикой пространства жестокого агрессора и пространства его невинной жертвы. Для описания пространства «своих» Тарчин четыре раза использует лексический повтор «в тяжелых условиях»: тибетцы пребывают «в очень тяжелых условиях чрезвычайной опасности и ужаса»¹¹¹²; «в [таких] тяжелых условиях «праведное пламя» гнева тибетцев все возрастает»¹¹¹³; тибетцы «единодушно искренне преклоняются перед поистине выдающейся борьбой в чрезвычайно тяжелых условиях»¹¹¹⁴; тибетцы «в какие бы то ни было тяжелые условия [их не] поставили»¹¹¹⁵ тем не менее будут бороться до конца.

При помощи лексической амелиорации тибетский народ предстает не просто мирными мучениками, а благородными, практически святыми людьми: до вторжения «чужих» тибетский народ «наслаждался миром и прекрасными традициями»¹¹¹⁶; «тибетский народ с незапамятных времен был нацией, которая любит мир и благополучие»¹¹¹⁷; по принятому у тибетцев обычаю, даже в экстремальных условиях они «относятся с состраданием и любовью ко [всем] живым существам, включая насекомых»¹¹¹⁸; тибетцы «никогда не осуществляли насильственные и жестокие деяния»¹¹¹⁹.

Антагонизм «своих» и «чужих» определяет в нарративе Тарчина то, что «единственной общей целью» всего народа Тибета становится «противостояние китайским коммунистическим демонам»¹¹²⁰. Для полного убеждения читателей в

¹¹¹⁰ Тиб. *gtsang zhing yid du 'ong ba'i bod sa gang sar khrag dang /_mig chus khengs pa zhig bzos.*

¹¹¹¹ Тиб. *pha yul la sdug po 'di tsam byung.*

¹¹¹² Тиб. *'jigs dngangs nyen tshabs shin tu che ba'i gnas tshul ha cang khag po'i 'og nas.*

¹¹¹³ Тиб. *gnas tshul khag po'i 'og tu da dung mu mthud stobs ldan bden pa'i me shugs je chir bskyed.*

¹¹¹⁴ Тиб. *gnas tshul shin tu khag po de'i nang du rgya dmar srin por 'thab 'dzings byed pa'i bya ba gzi brjid can ngo ma de la sems mthud dang 'brel ba'i snying nas gus bkur.*

¹¹¹⁵ Тиб. *gnas tshul khag po gang 'dra zhig gi 'og tu tshud.*

¹¹¹⁶ Тиб. *zhi bde lugs bzang la dga' ba'i bod mi mangs.*

¹¹¹⁷ Тиб. *bod mi mangs ni dus rabs thog ma'i skabs nas zhi bde la dga' ba'i mi rigs shig yin.*

¹¹¹⁸ Тиб. *mi brgyud du bzhag pa'i goms gshis kyang mtha' na srog chags 'bu srin yan chad la snying rje dang brise sems yod pa zhig yin.*

¹¹¹⁹ Тиб. *drag cing rtsub pa'i bya spyod lag len nam yang mi bstar ba yin.*

¹¹²⁰ Тиб. *rgya dmar srin por rgyab gtod ngo rgol byed pa de ni nga tsho bod rigs yongs kyi dmigs yul gcig pu kho na yin.*

«праведности»¹¹²¹ направленного на КНР гнева редактор даже вводит генерализирующее утверждение, отражающее псевдоколлективное суждение всего мира: «все понимают, что цель эта [по противостоянию КНР] является правомерной и непогрешимой»¹¹²². Несколькими строками ниже, Тарчин закрепляет персуазивный эффект, приписывая практически идентичную фразу самому Далай-ламе XIV: «Они [порядочные и миролюбивые люди на Земле¹¹²³] знают, что наша цель является правомерной и непогрешимой»¹¹²⁴.

В заключении редактор воодушевляет читателей бороться за «великолепие под названием “свобода и независимость”»¹¹²⁵ и, подключая практику самовнушения, примерно повторяет процитированные ранее слова Далай-ламы XIV: «То, что мы несомненно одержим победу, предreshено»¹¹²⁶. Заключительные предложения гармонично встраиваются в метанарратив независимости Тибета: в конце концов «злодеи» будут повержены, а праведный народ Тибета одержит победу и обретет желаемую независимость.

Таким образом, в публикациях «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Тарчин способствовал актуализации и закреплению следующих оценочных пейоративных номинаций китайских коммунистов: «противники», «враги», «враги Учения», «варвары», «мясники», «китайские коммунистические бандиты», «плотоядные демоны», «обладатели интеллекта детей пожилых крестьян», «стадо лицемерных коммунистических бандитов». Народно-освободительная армия Китая при этом получила инвективный ярлык «бандитской армии»¹¹²⁷. Сочетая различные дискурсивные тактики и риторические приемы, редактор изображал КНР в образе жестокого агрессора, который попирает все возможные традиционные ценности тибетоязычного населения и покушается на святое: буддийское учение и благополучие самого высокопоставленного политического и духовного лица Далай-ламы XIV. Тарчин настойчиво стремился дискредитировать китайских

¹¹²¹ Тиб. *bden pa dang ldan pa'i khong khro*.

¹¹²² Тиб. *dmigs yul 'di yang lugs mthun yang dag cig yin pa kun gyis rtogs gsal ltar yin*.

¹¹²³ Тиб. *'dzam gling ya rabs zhi sems can gyi mi mangs*.

¹¹²⁴ Тиб. *khong rnam pas rang tsho'i dmigs yul de lugs mthun yang dag yin pa mkhyen yod*.

¹¹²⁵ Тиб. *rang dbang dang rang btsan zhes pa'i gzi brjid*.

¹¹²⁶ Тиб. *rgyal kha nges par du thob kyi red*; тиб. *rgyal kha ni nges par du nga tshor thob rgyur gtan 'khel ba zhig yin no*.

¹¹²⁷ Тиб. *gung bran jag dmag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3).

коммунистов с тем, чтобы подорвать любое возможное сотрудничество местного тибетоязычного населения с представителями новой коммунистической власти и препятствовать полной интеграции Тибета в состав КНР, а также настроить весь мир против коммунистического Китая как источника глобальной угрозы.

2.2.3.5. Конструирование образа «своих»

Создание метанарратива независимости в «Зеркале Тибета» неизбежно поднимало вопрос определения того, что такое «Тибет» и кто является протагонистами в борьбе с «чужими» за тибетскую независимость. В публикациях за 1950–1960-е гг. Тарчин не только воспроизводил пронационалистическую версию истории независимого на протяжении своего развития тибетского государства, но и формировал концепцию единой «тибетской нации», которая населяет данное государство.

Дискурс, предлагая реципиенту определенный предзаданный способ мышления, создает рамочное пространство вокруг «своего». В «Зеркале Тибета» Тарчин актуализировал пространство «своих» через дискурсивный конструкт «независимого Тибета» – государства, суверенитет которого был нарушен вторжением войск КНР; глубоко религиозной страны, где на протяжении веков правил достопочтенный Далай-лама – преемник буддийских царей Тибета и воплощение бесконечного сострадания всех Будд бодхисаттвы Авалокитешвары; прекрасной мирной буддийской земли, где в жизни людей на первом месте стоит вера и духовность.

«Свои» в «Зеркале Тибета» – это все тибетоязычное население всего Тибетского плато, буддийские монахи и миряне, глубоко почитаемый Далай-лама и его традиционное религиозное и светское правительство Гандэн Поданг. В некоторых публикациях, вероятно, в связи с индийским гражданством Тарчина и местом издания «Зеркала Тибета» в Калимпонге, круг «своих» расширился и включал также тибетоязычное население Индии, Сиккима, Бутана и Непала.

Образ «своих» конструировался через идеализацию Тибета до 1951 г. и полное отстранение от «чужих». «Свои» – благородные, верующие, милосердные, мирные и неконфликтные жители Тибета – противопоставлялись «чужим» – злым, неверующим, агрессивным, лицемерным и подлым китайским коммунистам. В нарративе Тарчина «чужие» вели вооруженное наступление на Тибет, в то время как «свои» «в больших и маленьких тибетских монастырях день и ночь молились и просили у Трех Драгоценностей об устранении коммунистической угрозы»¹¹²⁸. Пространство «своих» в «Зеркале Тибета» ассоциировалось с зоной «уверенности», «мира», «одухотворенности», «гармонии» и «счастья», которая была уничтожена в результате нападения КНР, но которую при этом можно было вернуть в ходе освободительной войны против «чужих».

Для «своих» в «Зеркале Тибета» тиражировались специальные ключевые слова, которые несли регулятивную функцию и обладали силой эмоционального воздействия, отсылая реципиентов дискурса к традиционным буддийским культурным кодам: «[буддийское] Учение», «буддийский царь», отношения «светский покровитель – духовный наставник», «религиозное и светское правительство», «Три Драгоценности [буддизма]», «Три великих [буддийских] монастыря Тибета», «Три опоры Учения», «священные [буддийские] тексты», «священные [буддийские] строения», «священные [буддийские] изображения и статуи», «молитвы», «моральные законы», «кармическое воздаяние», «тибетские традиции». В своих публикациях Тарчин также систематически повторял ключевые понятия, связанные с противостоянием коммунистическим «врагам Учения»: «защита Учения», «освобождение», «свобода», «борьба за независимость», «героизм», «всеобщее единение».

Традиционные для тибетцев культурные маркеры в большинстве выпусков «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. с жестокостью осквернялись китайскими коммунистами. В публикациях Тарчина все самое ценное и святое, заложенное с юных лет в сознание традиционного тибетского реципиента-буддиста, становилось

¹¹²⁸ Тиб. *bod kyi dgon sde che chung khag tu bla gra tshang ma nas dmar po'i nyen mi 'byung ched du nyin mtshan med par zhabs britan dang dkon mchog la gsol 'debs gnang* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 4).

жертвой вопиющего произвола и беззакония со стороны новых коммунистических властей. Подобные новости, публикуемые уважаемым издателем в одной из немногих в 1950-е гг. газет на тибетском языке, очевидно, не могли порождать у читателей «Зеркала Тибета» ничего, кроме чувства несправедливости, неприятия или даже ненависти по отношению к коммунистическим «агрессорам».

Поскольку отдельные примеры вышеописанной риторики Тарчина уже были рассмотрены в предыдущих подразделах, в данном подразделе диссертации предлагается сфокусироваться на том, как в 1950–1960-е гг. Тарчин конструировал саму концепцию «тибетской нации», кого он включал в круг «своих» и как стимулировал тибетоязычных читателей объединяться против общего коммунистического «врага».

Например, в седьмом выпуске 20-го года издания за октябрь 1952 г. Тарчин дает определение тех, кого он причисляет к «своим»:

Мы – те, кто ест *цанпу*, те, кто носит *чулу*, те, кто играет в кости, те, кто ест сырое и вяленое мясо, носители единого [тибетского] языка, последователи [буддизма] Махаяны, братья из То–Нгари Корсум, У–Цанг Руши, До–Кам Гангдуг¹¹²⁹, тринадцати *тикор* Тибета, – должны мысленно объединиться. [Мы] должны стремиться освободиться из-под гнета [коммунистического Китая]. Когда освободимся из-под гнета иностранного врага, [мы] уничтожим внутренних демонов, после чего народ тринадцати тибетских *тикор* будет пребывать в свободе и независимости и Учение Будды будет процветать. Ради этого все должны приложить большие усилия! Издатель газеты смиренно напоминает друзьям об этом и обращается [к ним] с просьбой¹¹³⁰.

В 1950-е гг. Тарчин определял «тибетскую нацию» как народ тринадцати тибетских *тикор*. По тибетским источникам, в XIII в. Хубилай-хан отдал тринадцать *тикор* под управление тибетскому лидеру школы Сакья Пагпа Лодо Гьелцэну¹¹³¹ в награду за его службу¹¹³². Считается, что те тринадцать *тикор* изначально ограничивались территорией центрального Тибета, то есть включали только У–Цанг¹¹³³. Однако в «Зеркале Тибета» термин «тринадцать *тикор*» несет

¹¹²⁹ Тиб. *stod mnga' ris skor gsum dbus gtsang ru bzhi mdo khams sgang drug*.

¹¹³⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8.

¹¹³¹ Тиб. *'phags pa blo gros rgyal mtshan*; 1235–1280.

¹¹³² Yang 2016: 561.

¹¹³³ Nor brang o rgyan 2008: 2798.

иной смысл, обозначая три района Нгари на западе Тибета, четыре района центральных провинций У–Цанг и шесть областей Амдо и Кама на востоке. Таким образом «тринадцать тибетских *тикор*» в толковании Тарчина включают территорию так называемого этнографического Тибета и соотносятся с другой хорошо известной системой административного деления Тибета под названием «*чолкасум*» (тиб. *chol kha gsum*), которая ныне официально утверждена Центральной тибетской администрацией в Индии. Согласно принятому в тибетской диаспоре современному толкованию концепции «*чолкасум*», тибетская нация происходит из трех крупных областей или «*чолка*» (тиб. *chol kha*) Тибета: У–Цанг, Амдо и Кам¹¹³⁴.

Термин «*чолкасум*» происходит от транслитерации монгольского термина «*чуулга*» (монг. *čiyulyan*, букв. «собрание»), который в свою очередь равнозначен китайскому термину для административного деления «*лу*» (кит. 路)¹¹³⁵. Точное время происхождения и первоначальное значение термина «*чолкасум*» неизвестны. Начиная с XV в. термин «*чолкасум*» использовали для обозначения еще одной части территории Тибета, которой Хубилай-хан дополнительно наградил лидера школы Сакья Пагпа Лодо Гьелцэна за религиозное посвящение¹¹³⁶. Данные о географической протяженности территории «*чолкасум*» того периода расходятся в источниках, однако во времена Хубилай-хана данный термин все-таки, по всей видимости, не обозначал три региона У–Цанг, Кам и Амдо, как это принято сейчас¹¹³⁷.

Хотя термин «*чолкасум*» имеет сложную историю происхождения, а его упоминания зафиксированы в источниках еще XIV в., после 1959 г. данная концепция стала использоваться тибетской диаспорой для обозначения территории Тибета, из которой происходят представители «*тибетской нации*»¹¹³⁸. Антрополог К. Макгрэнэхан высказывает мнение, что в настоящее время идеология «*чолкасум*»,

¹¹³⁴ Подробнее о возникновении и истории использования концепции «*чолкасум*» на протяжении разных периодов истории Тибета см. Mills 2014.

¹¹³⁵ Mills 2014: 404; Yang 2016: 553.

¹¹³⁶ Yang 2016: 561.

¹¹³⁷ Yang 2016: 561–564.

¹¹³⁸ Powers and Templeman 2012: 147.

объединив выходцев из областей У–Цанг, Кам и Амдо как «тибетскую нацию и государство», стала особенно успешной «культурной и политической организационной силой» для создания и поддержания образа тибетской диаспоры в Индии как «сильного единого фронта»¹¹³⁹. Тем не менее необходимо отметить, что концепция «*чолкасум*» в то же время вызывает и споры, поскольку отдельные члены тибетской диаспоры заявляют, что данная модель предлагает «центрально-тибетскую» перспективу и отражает преимущественное влияние выходцев из У–Цанг в Центральной тибетской администрации. Некоторые мигранты из Кама и Амдо сообщают, что с ними никогда не обсуждали концепцию «*чолкасум*», в связи с чем многие из них отвергают ее¹¹⁴⁰.

Помимо концептуализации области проживания представителей тибетской нации как территории «тринадцати тибетских *тикор*», редактор «Зеркала Тибета», призывая к борьбе с «иностранным врагом»¹¹⁴¹ за «свободу и независимость»¹¹⁴², стремился сплотить население Тибета на основании общности таких культурных характеристик как национальная пища («*цампа*»¹¹⁴³, «сырое и вяленое мясо»¹¹⁴⁴), национальная одежда («*чупа*»¹¹⁴⁵), единый язык и единая религия. Тибетский историк Церинг Шакья считает, что в данной статье Тарчину действительно удалось отметить «самый базовый элемент, который объединяет тибетоязычный мир», а именно пережаренную с маслом ячменную муку под названием «*цампа*»¹¹⁴⁶. Ячмень, будучи базовой сельскохозяйственной культурой, входил в традиционный рацион жителей Тибетского плато независимо от их языковых, конфессиональных и региональных различий¹¹⁴⁷.

В то же время тезис Тарчина о едином языке и единой религии «тибетского народа» несколько упрощает существовавшее положение дел в Тибете. Известная тибетская поговорка гласит: «В каждой долине свой диалект, у каждого ламы своя

¹¹³⁹ McGranahan 2010: 51.

¹¹⁴⁰ Powers and Templeman 2012: 147.

¹¹⁴¹ Тиб. *phyi dgra*.

¹¹⁴² Тиб. *rang dbang rang btsan*,

¹¹⁴³ Тиб. *tsam pa za mkhan*.

¹¹⁴⁴ Тиб. *sha dmar dang / sha skam za mkhan*.

¹¹⁴⁵ Тиб. *phyu pa gyon mkhan*.

¹¹⁴⁶ Shakya 1993: 9.

¹¹⁴⁷ Shakya 1993: 9.

религиозная школа»¹¹⁴⁸. Несмотря на то, что тибетская письменность единообразна во всех регионах Тибетского плато, существуют многочисленные региональные диалекты тибетского языка, некоторые из которых не являются взаимопонятными¹¹⁴⁹. Однако то, что в «Зеркале Тибета» Тарчин однозначно выделяет тибетский язык в качестве единого национального языка всех жителей Тибета, согласуется с политикой, проводимой ЦТА среди тибетской диаспоры в Индии после 1959 г.¹¹⁵⁰

Что касается единой религии жителей Тибета, как справедливо подмечено в тибетской поговорке, для тибетского буддизма характерно разделение на школы. Помимо четырех наиболее крупных религиозных школ Гелуг, Сакья, Ньингма и Кагью, в тибетском буддизме имелись и другие более мелкие традиции преемственности учения. По мнению Церинг Шакьи, до 1959 г. в тибетоязычном обществе доминировало конфессиональное разделение по школам буддизма, поэтому верность своему «коренному учителю»¹¹⁵¹ всегда превалировала над индивидуальным осознанием себя представителем единой тибетской нации¹¹⁵². В отдельные периоды разногласия между школами тибетского буддизма были настолько существенными, что, например, в XVII в. 18-й держатель престола школы Дугпа¹¹⁵³ Нгагванг Намгьел¹¹⁵⁴, будучи преследуем представителями школы Гелуг, бежал на территорию Бутана, где объединил отдельные регионы в единое королевство под своей властью и продолжил развивать направление школы Дугпа¹¹⁵⁵. Борьба за власть Гелуг как главной школы тибетского буддизма привела к ее полному доминированию в центральном Тибете, однако, к примеру, Кам, став в XIX в. областью возникновения обновленческого движения «Риме»¹¹⁵⁶, выступавшего против конфессионального разделения в тибетском буддизме, так и

¹¹⁴⁸ Тиб. *lung pa re la skad lugs red/ /bla ma re la chos lugs red.*

¹¹⁴⁹ Powers and Templeman 2012: 396.

¹¹⁵⁰ Hess 2009: 22.

¹¹⁵¹ Тиб. *rtsa ba'i bla ma.*

¹¹⁵² Shakya 1993: 10.

¹¹⁵³ Тиб. *'brug pa.*

¹¹⁵⁴ Тиб. *ngag dbang rnam rgyal; 1594–1651.*

¹¹⁵⁵ Powers and Templeman 2012: 480–481. Shakya 1993: 10–11.

¹¹⁵⁶ Тиб. *ris med.*

остался многоликим в плане религиозных традиций¹¹⁵⁷. Более того, предлагаемая Тарчином форма концептуализации «тибетской нации» как исключительно буддийской означает исключение из ее состава последователей ранней дубуддийской религии Тибета бон¹¹⁵⁸, а также таких религиозных меньшинств как тибетские мусульмане и христиане¹¹⁵⁹.

Похожие призывы к консолидации тибетоязычного общества на всей протяженности Тибетского плато встречаются и в других выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Интересно, что Тарчин предпринимал попытки выработать единую концепцию «тибетской нации» и развить национальное самосознание населения Тибета еще в самом начале 1950-х гг., то есть практически за десять лет до того, как учредили ЦТА и началась планомерная программа по внедрению объединяющей концепции «чолкасум» в официальный нарратив тибетской диаспоры. Один из наиболее ранних примеров воспроизведения модели «тринадцати тибетских *тикор*» в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. был обнаружен в десятом выпуске 18-го года издания за сентябрь 1950 г.:

Хотя в тибетском религиозном государстве есть так называемые тринадцать тибетских *тикор*, которые включают Го¹¹⁶⁰, У, Цанг, Домэ¹¹⁶¹ и так далее, все они являются единым тибетским народом. Поэтому, [даже если] меня называют *уна*, тебя – *цангна*, его – *мона*¹¹⁶², их – *кампа*, [тибетцы], будучи единым народом с единым языком и единой религией, обнаружив [какие-то] различия, не разделяются на группы, [а], представляя всех как единую нацию или тех, кого укротило тибетское божество Страны снегов бодхисаттва Авалокитешвара, живут во всеобщем взаимном согласии.

Не будет ли прекрасно, если, в соответствии со [сказанным], те, кто разделился сейчас [на группы] во многих государствах, возьмут Тибет в качестве примера? Какой смысл [разделять] северную и южную Корею? Какой смысл [разделять] Индию и Пакистан? Какой смысл [разделять] восточную и западную Германию? Какой смысл [разделять] Израиль и арабские страны? Сейчас из-за того, что в государствах, разделившись, сделали много

¹¹⁵⁷ McGranahan 2001: 22.

¹¹⁵⁸ Необходимо отметить, что в некоторых трактовках религию бон все-таки включают в тибетскую концепцию «Дхармы» или «религии» (тиб. *chos*) (Brox 2006: 97). Представители бон также признаны Центральной тибетской администрацией и могут избираться в тибетский парламент в изгнании (Brox 2012: 459).

¹¹⁵⁹ Brox 2012: 461; Singh Rohit 2015.

¹¹⁶⁰ Тиб. *stod*, западный Тибет.

¹¹⁶¹ Тиб. *mdo smad*. В настоящее время этот термин считается вторым названием Амдо, однако из данной публикации не ясно, имел ли в виду Тарчин лишь Амдо или, шире, весь восточный Тибет.

¹¹⁶² Тиб. *stod pa*, уроженец западного Тибета.

частей и поделились на [отдельные] группировки, стало так, что на [нашей] Земле нет мира. Те, кто обладает интеллектом, хорошенько подумайте, не является ли это правдой! Хотя у одного тела много конечностей, все они собраны воедино. Что произойдет с телом, если все главные конечности будут спорить: «Я важнее Вас», [а] «Вы сильнее меня», [а] «Вы слабее меня», [а] «Вы меньше меня»? Какой бы ни была ценность и какой бы ни была сила, оставаясь каждый на своем месте, каждый делает какое-то свое дело, поэтому тело и ум подобны миру [и покою]¹¹⁶³.

Редактор «Зеркала Тибета» конструирует концепцию «тибетской нации» как «единого тибетского народа»¹¹⁶⁴, объединенного на основании общей государственности и единой географической территории проживания («тибетское религиозное государство» состоит из «тринадцати тибетских *тикор*, которые включают То, У, Цанг, Домэ и т.д.»¹¹⁶⁵), единого тибетского языка и единой буддийской религии¹¹⁶⁶. Помимо этого, в качестве уникальной национальной особенности народа Тибета Тарчин выделяет то, что представителей тибетской нации «укротило тибетское божество Страны снегов бодхисаттва Авалокитешвара»¹¹⁶⁷. Поскольку, по выражению Тарчина, тибетский народ живет «во всеобщем взаимном согласии»¹¹⁶⁸, редактор позиционирует Тибет как достойный подражания пример для всего мира.

Данная статья была опубликована в сентябре 1950 г., когда представители КНР уже заняли позиции в некоторых районах этнографического Тибета и когда совершенно точно было очевидно, что наступление сил НОАК на центральный Тибет – лишь дело времени. Поэтому утверждение Тарчина о том, что тибетоязычные жители западного, центрального и восточного Тибета в тот период осознавали себя единой тибетской нацией и пребывали в полной гармонии и единодушии, является спорным. Представители тибетской диаспоры сообщают о том, что в связи с ограниченностью контактов между жителями отдаленных районов Тибетского нагорья до эмиграции большинство из них осознавали себя

¹¹⁶³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 6.

¹¹⁶⁴ Тиб. *bod rigs gcig*.

¹¹⁶⁵ Тиб. *bod chos ldan rgyal khab gcig la bod khri skor bcu gsum zhes pa stod dbus gtsang mdo smad la sogs pa yod rung tshang ma bod rigs gcig yin*.

¹¹⁶⁶ Тиб. *mi rigs gcig pa / skad rigs chos lugs gcig pa yin*.

¹¹⁶⁷ Тиб. *bod gangs can ljongs kyi lha gcig phyag na pad mo 'i 'dul bya yin*.

¹¹⁶⁸ Тиб. *phan tshun tshang ma gcig mthun du bzhugs*.

скорее «жителями определенной области» в Тибете или «членами отдельного клана», но не «тибетцами»¹¹⁶⁹. Идея пантибетской национальной идентичности получила импульс к развитию уже после 1959 г. и стала широко пропагандироваться среди тибетоязычной диаспоры в Индии Центральной тибетской администрацией.

Также следует сказать несколько слов о границах территории, подвластной тибетскому правительству на момент подписания Соглашения из 17 пунктов в 1951 г., которые не соответствуют представленной в «Зеркале Тибета» модели «тибетского государства» как всей территории У–Цанг, Кама и Амдо. В восточных районах Тибета, в частности Каме, местное население могло признавать религиозную власть Далай-ламы, но при этом отрицало светскую власть Лхасы¹¹⁷⁰. Фактически в годы, предшествующие включению Тибета в состав КНР, тибетское правительство обладало политической властью в У–Цанг, однако восточные районы Кама¹¹⁷¹ с 1932 г. принадлежали Китайской Республике и в 1939 г. были преобразованы в китайскую провинцию Сикан¹¹⁷². Что касается Амдо, преимущественно кочевое население там не управлялось Лхасой с XVIII в. и имело независимую организацию в рамках племенных союзов, которые номинально подчинялись Китаю, а те районы, где было развито оседлое земледелие, контролировали аристократические семьи Амдо и несколько крупных монастырей¹¹⁷³. В 1930-х гг. северо-восточную часть Амдо включили в состав китайской провинции Цинхай¹¹⁷⁴. Таким образом, еще до наступления войск Народно-освободительной армии Китая на Тибет Кам и Амдо уже были юридически подведомственными Китаю¹¹⁷⁵. По словам известного исследователя истории Тибета А. Маккея, даже на территории центрального Тибета в областях У и Цанг идея единой тибетской идентичности была далеко не повсеместно

---

¹¹⁶⁹ Powers 2004: 156.

¹¹⁷⁰ McKay 2001a: 96.

¹¹⁷¹ Территория восточнее верхнего течения р. Янцзы.

¹¹⁷² Goldstein 2014: 86; Kolás 1996: 53.

¹¹⁷³ Goldstein 2014: 83; Kolás 1996: 53; McKay 2001: 96.

¹¹⁷⁴ Powers and Templeman 2012: 51.

¹¹⁷⁵ Shakya 2000: 136.

принятой¹¹⁷⁶. Исторически У и Цанг находились в отношениях соперничества, которое неоднократно переходило в форму открытой конфронтации¹¹⁷⁷. Второй по величине город на Тибетском плато Шигацзе относился к области Цанг и традиционно считался территорией Панчен-ламы, второго по рангу после Далай-ламы буддийского иерарха в Тибете. Панчен-лама не только имел свой двор, но и вел независимую от правительства Далай-ламы внешнюю политику¹¹⁷⁸. Большая часть местного населения Цанга воспринимала Панчен-ламу как своего верховного лидера и были враждебно настроены относительно политики централизации, проводимой Лхасой¹¹⁷⁹. Вместе с тем правительство Гандэн Поданг в Лхасе так и не признало утрату влияния в Каме и Амдо¹¹⁸⁰, поэтому после иммиграции Далай-ламы XIV и тибетского правительства в Индию в 1959 г., их национальная политика получила воплощение в виде описанной выше обновленной концепции «чолкасум»¹¹⁸¹.

Свои заявления о суверенитете «тибетского религиозного государства» и особой национальной идентичности тибетского народа Гарчин подкреплял тезисами еще одного известного защитника независимости Тибета – старшего брата Далай-ламы XIV Гьело Дондуба. Например, в восьмом выпуске 18-го года издания за июль 1950 г. редактор «Зеркала Тибета» публикует следующий отрывок из интервью Гьело Дондуба после его визита на Тайвань:

Тибет является религиозной землей. Это не радует коммунистов. Они общемировые враги. Мы, этнические группы Тибета, стоим особняком от китайского народа. [Наш] язык, общественный строй и религиозная система занимают обособленное положение [от Китая]. Мы маленькое государство. [...]

Сильным и богатым зарубежным государствам нужно не свысока смотреть на Тибет, а оказать помощь в виде оружия и военного оборудования. Если таким образом поддержат, то коммунисты не нападут на Тибет. Даже если нападут, сможем [их] остановить. Если

¹¹⁷⁶ McKay 2001a: 96.

¹¹⁷⁷ Powers and Templeman 2012: 281.

¹¹⁷⁸ McKay 2001a: 96

¹¹⁷⁹ McKay 2001a: 96.

¹¹⁸⁰ Например, в поисках перерождения Далай-ламы XIII представители правительства Гандэн Поданг решили отправиться в 1936 г. именно в подчиненный Китаю Амдо (пров. Цинхай), на территории которого они и обнаружили Далай-ламу XIV (см. Goldstein 1992: 314–321).

¹¹⁸¹ Goldstein 2014: 80.

[другие страны] хотят таким образом помочь, то необходимо немедленно это сделать. Если Тибет попадет под власть коммунистов, то, поскольку Тибет подобен рту и губам Индии, а Индия подобна зубам, для Индии также [возникнет] большая опасность. Эта просьба ко всем государствам о помощи Тибету является общемировым благом. [...] Если есть желание оказать помощь Тибету, не стремитесь долго раздумывать. Если немедленно поможете, будет прекрасно¹¹⁸².

Сообразно конструируемому Тарчином метанарративу независимости, Гьело Дондуб утверждает, что, во-первых, Тибет является отдельным от Китая «государством»¹¹⁸³, а, во-вторых, делает заявление об обособленном положении тибетоязычного народа от китайской нации на основании отличных этнических признаков¹¹⁸⁴, «языка, общественного строя и религиозной системы»¹¹⁸⁵. Хотя Гьело Дондуб не уточняет, какие именно части Тибетского плато он включает в состав «тибетского государства», обращаясь к средствам выразительности речи, он не забывает упомянуть важность геополитического положения Тибета для Индии и всего мира: «Если Тибет попадет под власть коммунистов, то, поскольку Тибет подобен рту и губам Индии, а Индия подобна зубам, для Индии также [возникнет] большая опасность»¹¹⁸⁶. Играя на противопоставлении «религиозной земли»¹¹⁸⁷ Тибета обители «общемировых врагов»¹¹⁸⁸ в лице КНР, Гьело Дондуб позиционирует помощь Тибету в борьбе с китайскими коммунистами как «общемировое благо»¹¹⁸⁹.

В более поздние 1950-е гг. Тарчин развивал тему необходимости единения тибетоязычного народа, уже зачастую даже не указывая какой-либо набор характеристик, на основании которых жители Тибета должны были осознать себя как единую тибетскую нацию. Главным стимулом для народного единения редактор провозгласил освободительную войну против «врагов Учения»¹¹⁹⁰. Так, в

¹¹⁸² *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 3.

¹¹⁸³ Тиб. *nga tsho rgyal khab chung chung zhig red.*

¹¹⁸⁴ Тиб. *nga tsho bod kyi mi rigs rnam/ rgya'i mi rigs las khag khag red.*

¹¹⁸⁵ Тиб. *skad yig lam lugs chos lugs sogs khag khag red.*

¹¹⁸⁶ Тиб. *gal srid bod gung phran gyis dbang dbang du song na/ bod 'di rgya gar gyi kha dang mchu 'dra zhing / rgya gar so dang 'dra ba yin pas/ rgya gar la'ang nyen kha che.*

¹¹⁸⁷ Тиб. *bod chos ldan gyi zhing red.*

¹¹⁸⁸ Тиб. *khong tsho 'dzam gling spyi'i dgra bo red.*

¹¹⁸⁹ Тиб. *bod la rogs ram ched du 'dzam gling rgyal khag tshang mar zhus pa de yang 'dzam gling spyi don red.*

¹¹⁹⁰ Тиб. *bstan dgra rnam (The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

выпуске «Зеркала Тибета» за февраль–март 1959 г., то есть как раз в тот период, когда произошло восстание в Лхасе, Тарчин размещает мотивационную публикацию под заголовком «Единство всего народа тринадцати тибетских тикор»¹¹⁹¹:

Хотя враги Учения великого тибетского государства постоянно раз за разом лишь пытаются нагнать на Тибет холод, это подобно рисованию на воде, [и они] не смогут нанести вред [Тибету]. В основе этого – то, что, с точки зрения тибетской религии, великие держатели Учения, которые прибыли из [областей] У, Цанг, Кам и То страны Тибет, не разделились на группы, и даже так называемых *лхасава* из такой местности как столица Лхаса называют жителями тринадцати тибетских тикор.

В ряду неизменных покровителей [тибетской] религии есть аристократы, крупные торговцы и другие верующие тибетцы, [проживающие] от Амдо на востоке и до горы Кайлас на западе. Также есть [верующие] чиновники из [тибетского] правительства и даже представители высшей аристократии, например происходящая [...] из Кама семья аристократов Докар Рагашар¹¹⁹², семья Ютог¹¹⁹³, [...] семья Пунканг¹¹⁹⁴. [...] Также аналогично есть [верующие] ламы и аристократы из Кама, То, Амдо, Цанг и других мест, которые сейчас проживают на постоянной основе в У, и в особенности семья Далай-ламы [XIV] из Амдо.

Если спросите у знающих людей, [они подтвердят], что это истинная правда, что [Тибет] в действительности является единым государством без деления на то, что называют У, Цанг, Кам и То. Отныне, если все тибетцы объединятся, никто не сможет навредить [Тибету] путем провоцирования разлада, и [тибетский народ] непременно одержит полную победу по всем направлениям. Опубликовано в соответствии с тем, что [издатель] получил от одного сведущего¹¹⁹⁵.

Публикация интересна не только призывом к объединению всех тибетцев ради борьбы с «врагами Учения», которые, как указывает пресуппозиция в первом и предпоследнем предложениях («не смогут нанести вред [...]»¹¹⁹⁶ и «никто не сможет навредить [...]»¹¹⁹⁷), планируют нанести вред Тибету, но и тем, что тот «сведущий», на основании чьей информации Тарчин подготовил данный материал,

¹¹⁹¹ Тиб. *bod khri skor bcu gsum gyi mi dmangs yongs rdzogs mdung shugs gcig sgril*.

¹¹⁹² Тиб. *mdo mkhar ba ra ga shar*.

¹¹⁹³ Тиб. *gyu thog*.

¹¹⁹⁴ Тиб. *phun khang*.

¹¹⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 9–10, February–March 1959: 7.

¹¹⁹⁶ Тиб. *skyon byed mi nus*.

¹¹⁹⁷ Тиб. *gnod mi thub*.

не включил в состав «единого [тибетского] государства» регион Амдо. Жители и выходцы из Амдо перечислены в публикации как «покровители [тибетской] религии»¹¹⁹⁸, но при этом далее утверждается, что Тибет «является единым государством без деления на то, что называют У, Цанг, Кам и То»¹¹⁹⁹, но не Амдо. Данная концептуализация отличается от приведенных выше примеров нарратива редактора «Зеркала Тибета», который также включал жителей Амдо в состав «тибетской нации». Помимо этого, необычно, что «сведущий» отдельно заостряет внимание на жителях Лхасы: «даже так называемые *лхасава*» входят в состав «тринадцати тибетских *тикор*»¹²⁰⁰.

Варьирование содержания понятий «тибетский народ» или «тибетская нация» в «Зеркале Тибета» подтверждает заявления исследователей о сравнительно непродолжительной истории существования концепции «тибетской нации» и ее активной разработке уже после 1959 г. на этапе развития национальной политики ЦТА. Вместе с тем необходимо отметить, что в 1950–1960-е гг. практически в каждой публикации Тарчина на тему национального строительства был и, наоборот, неизменный акцент – это буддизм и религиозность народа Тибета. Обращение к религиозной тематике представлялось особенно важным для тибетоязычных читателей «Зеркала Тибета», поскольку в 1950-е гг. в условиях фактического отсутствия единой национальной идентичности и принятой самоидентификации через призму региональных различий жителям Тибетского плато было понятнее разделение не на «тибетцев» и «не-тибетцев», а на «своих» или «буддистов» (тиб. *nang pa*) и «не-буддистов» (тиб. *phyi pa*)¹²⁰¹. Антрополог А. Колос высказывает мнение, что в среде тибетской диаспоры тибетское понятие «дхарма» или «религия» (тиб. *chos*) стало «главной идиомой тибетской идентичности и источником единения для всех тибетцев»¹²⁰². После 1959 г. религия, будучи одним из инструментов для коллективной идентификации тех, кого можно назвать «тибетцы», превратилась в способ концептуализации и коллективного

¹¹⁹⁸ Тиб. *mchod rgyun sbyin bdag*.

¹¹⁹⁹ Тиб. *dbus gtsang khams stod ces dbye ba med pa 'i rgyal khab gcig yin pa*.

¹²⁰⁰ Тиб. *rgyal sa lha ldan lta bu 'i yul mi lha sa ba zhes pa rnam kyang bod khri skor bcu gsum gyi mi 'dus pa rnam la zer*.

¹²⁰¹ Kolås 1996: 53.

¹²⁰² Kolås 1996: 64.

«воображения» Тибета¹²⁰³. И можно с уверенностью заключить, что Тарчин еще в начале 1950-х гг. определенно занял почетное место в авангарде тибетоязычных авторов, которые конструировали и регулярно воспроизводили образ религиозной «тибетской нации».

В том же выпуске «Зеркала Тибета» за февраль–март 1959 г. Тарчин посвятил еще одну длинную публикацию концептуализации понятия «тибетский народ» и теме необходимости борьбы против «врагов Учения»:

Мы, все этнические группы Тибета и Великого Тибета, который охватывает [территорию] от Ладакха на западе до Дарцедо на востоке и от озера Кукунор на севере до бутанцев на юге, – все являемся народом, который, опираясь на особое знание сочетания религиозного и светского, верит в разграничение добра и зла. Подобно братьям от одних родителей [мы] соединены белым флагом единства.

Благодаря жизни в духовном богатстве, мире и счастье, Тибет превосходил рай. Однако коммунистические враги Учения, словно большое насекомое сожрало маленькое, вторгшись в Тибет, захватили [его]. Внутри Тибета путем обманных уловок, направленных на бесконечное одурачивание и провоцирование волнений, разрушили единство [тибетского народа]. После этого, в особенности в нашем районе Домэ, назвав лам «желтыми бандитами», а монахов «красными ворами», насильно разграбили до основания религиозные школы. Лам и чиновников лишили титулов, феодалов из высшей аристократии также, несправедливо обвинив, последовательно уничтожили. Насильно разграбили все имущество высшей и низшей аристократии вплоть до иголок и ниток. Помимо того, что не разрешают владение частной собственностью, гнет [китайских коммунистов], при котором людей принуждают выполнять мучительную работу животных, день ото дня все возрастает. [...] ¹²⁰⁴.

В данной статье Тарчин отказывается от используемого им ранее деления Тибета на отдельные области и *тикор* в пользу масштабирования зоны проживания единого «тибетского народа». Редактор вводит новое определение тибетского культурного ареала, который охватывает всю территорию «Тибета и Великого Тибета» «от Ладакха на западе до Дарцедо на востоке и от озера Кукунор на севере до бутанцев на юге»¹²⁰⁵. Помимо общей территории проживания, тибетский народ

¹²⁰³ Kolás 1996: 53, 65.

¹²⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 9–10, February–March 1959: 3–5.

¹²⁰⁵ Тиб. *nga rang tsho bod dang bod chen po 'i mnga' khongs su gtogs pa 'i nub la dwags/ 'shar dar mdo byang mtsho sngon lho 'brug pa tshun gyi mi rigs tshang ma*.

в нарративе Тарчина объединяет общность культурных норм: все тибетские этнические группы, «опираясь на особое знание сочетания религиозного и светского, верят в разграничение добра и зла»¹²⁰⁶. Для характеристики взаимоотношений внутри тибетского ареала редактор использует фигуру сравнения, с помощью которой уподобляет отношения различных этнических групп Тибета «единству» «братьев от одних родителей»¹²⁰⁷. Одухотворенная жизнь тибетского народа до прихода коммунистов гиперболизированно идеализируется как «рай» на Земле: «Благодаря жизни в духовном богатстве, мире и счастье, Тибет превосходил рай»¹²⁰⁸.

Однако из-за вторжения «врагов Учения» идилическое пространство тибетского ареала оказалось под угрозой уничтожения. Мало того, что «враги Учения» разрушили единство тибетского народа «путем обманных уловок, направленных на бесконечное одурачивание и провоцирование волнений»¹²⁰⁹, для создания более впечатляющего эффекта Тарчин вводит еще одно сравнение: они захватили Тибет «словно большое насекомое сожрало маленькое»¹²¹⁰. Кроме того, редактор уличает «врагов Учения» и в других неподобающих действиях: они «насилно разграбляют»¹²¹¹, «несправедливо обвиняют»¹²¹², «последовательно уничтожают»¹²¹³ тибетскую аристократию и духовенство. Гиперболизируя масштабы бесчинств, Тарчин утверждает, что китайские коммунисты силой забрали все «вплоть до иголок и ниток»¹²¹⁴, и «гнет» «врагов Учения» «день ото дня» лишь возрастает, поэтому жизнь тибетцев уже далека от райской и их «принуждают выполнять мучительную работу животных»¹²¹⁵.

¹²⁰⁶ Тиб. *chos srid gnyis ldan gyi dge mtshan la brten nas dge sdiḡ gnyis kyi blang dor la yid ches kyi mi dmangs.*

¹²⁰⁷ Тиб. *pha ma gcig gi bu spun bzhin mthun bsgril dar dkar yug gcig tu gnas.*

¹²⁰⁸ Тиб. *chos 'byor bde skyid kyi 'tsho bas bod ljongs lha yul las lhag pa yod.*

¹²⁰⁹ Тиб. *bod nang khul la mgo bskor phung dkrugs tshad med kyi g.yo thabs kho nas mthun sgril gtor gshigs su btang.*

¹²¹⁰ Тиб. *'bu ches chung bzos pa ltar.* Данное устойчивое выражение также можно перевести как «сильный воспользовался слабым» или «сильный эксплуатирует слабого» (Goldstein 2004: 763). Идиома, очевидно, была популярна среди тибетцев, поскольку, по словам Церинг Шаки, в середине 1940-х гг. она использовалась применительно к британским властям, предпринявшим попытку расширить территорию Индии на севере за счет территорий, которые тибетское правительство Гандэн Поданг считало своими (Shakya 2000: 279).

¹²¹¹ Тиб. *bitsan dbang gis [...] rtsa 'phrog.*

¹²¹² Тиб. *nag med nyes 'gel.*

¹²¹³ Тиб. *rim bzhin [...] rtsa med du btang.*

¹²¹⁴ Тиб. *mkhar dbang khab skud yan chad phrog.*

¹²¹⁵ Тиб. *mi la sems can dud 'gro las sdug pa 'i las bskul gyi bitsan dbang nyin re las nyin re ji cher btang byung.*

Хотя в большинстве исследованных публикаций в «Зеркале Тибета» за 1950–1960-е гг. жители Тибета изображены как невинные жертвы, которые беспрестанно страдают под «гнетом» КНР, Тарчин также конструировал нарратив, в котором объяснял, как «миролюбивые» и «добродетельные» тибетцы начали нападать на китайских коммунистов и как в Тибете сформировалось повстанческое движение. Во второй половине 1950-х гг. редактор «Зеркала Тибета» активно включается в описание вооруженных столкновений в восточном Тибете. Он называет восставших «героями»¹²¹⁶ и представляет вспышки восстаний населения восточного Тибета как борьбу тибетского народа за независимость тибетского государства. К «тибетцам»¹²¹⁷ Тарчин относит даже представителей народности местности Голог¹²¹⁸ в Амдо. Голог большую часть своей истории были известны как воинственные независимые племена, которые не признавали ни власть традиционного тибетского правительства Гандэн Поданг, ни Китая и которых «повсеместно боялись как воинов и бандитов»¹²¹⁹. Однако в восьмом выпуске 23-го года издания за июль 1956 г. под заголовком «Неимоверные истязания»¹²²⁰ редактор рассказывает, как «героический народ»¹²²¹ Голог, который в течение многих сотен лет проживал на принадлежащей Тибету территории «как бы под частным управлением»¹²²² и который особенно прославился тем, что препятствовал войскам КПК, когда те ранее отступали через их территорию, потерпев поражение Гомиьндану, ныне китайские коммунисты «истязают еще сильнее, чем остальных тибетцев»¹²²³. Тарчин навязывает читателям пресуппозицию, согласно которой жители Голог – это такие же «тибетцы», как и население всего остального Тибетского плато, и представляет «освобождение» Голог силами НОАК как следствие затаенной «глубокой ненависти»¹²²⁴ китайских коммунистов.

---

¹²¹⁶ Тиб. *dpa' bo*.

¹²¹⁷ Тиб. *bod mi*.

¹²¹⁸ Тиб. *mgo log*.

¹²¹⁹ Horlemann 2020: 91.

¹²²⁰ Тиб. *sdug sbyong tshad med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.8, July 1956: 6).

¹²²¹ Тиб. *dpa' bo 'i mi rigs*.

¹²²² Тиб. *bod khongs nas sger btsan lta bur gnas*.

¹²²³ Тиб. *da lam de 'i zhe nad 'khon 'dzin gyis rgya mis bod du bslebs pa nas bzungs mgo log par bod mi byings las sdug sbyongs che ba gtong ba 'i dgos pa de yin pa phran tshos go thos liar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.8, July 1956: 6).

¹²²⁴ Тиб. *zhe nad 'khon 'dzin*.

Чуть дальше в том же выпуске редактор «Зеркала Тибета» публикует пылкое воззвание под заголовком «Вдохновляющее на верность предложение»¹²²⁵, обращаясь к представителям Голог и остальному населению Тибета как «братьям-тибетцам»¹²²⁶ и воодушевляя их на борьбу за независимость своей страны:

Слушайте, братья-тибетцы! Недавно 3 мая на церемонию [в честь] непальского *махараджи* прибыли представители примерно 15 различных иностранных государств. Как только [они] услышали, что в то время тибетский народ Голог¹²²⁷ убил [букв. «отправил на смерть»] примерно 900 китайских коммунистов, то несколько представителей государств Восточной Азии выразили сомнение насчет новости, что тибетцы¹²²⁸ убили [букв. «отправили на смерть»] примерно 900 китайских коммунистов, сказав: «Вероятно, не убили».

Однако, как бы там ни было, [информацию] распространили, и во всех мировых новостях слышно о том, что Тибет сплотил воедино монахов, народ, солдат и полицию [и] что, испытывая отвращение к тирании китайских коммунистов и всем сердцем [их] ненавидя, тибетский народ¹²²⁹ в Каме, Голог и других местах ради независимости своей Родины с великой отвагой бесстрашно восстает и протестует против китайцев. Более того, тибетцы¹²³⁰ считают, что независимость Тибета даже важнее, чем их собственная жизнь.

В течение нескольких лет вплоть до настоящего времени из-за гнета коммунистического Китая [тибетцы] противились и протестовали против насилия. Вдобавок к тому, что терпят бесчисленные лишения и издевательства, во всех мирных обращениях к власти по поводу проблем в большой спешке [они] озвучивали лишь нарушение закона путем [такого] угнетения, о котором в прошлом не знали. Помимо того, что тибетский народ¹²³¹ лишен свободы слова, мыслей, передвижения и действий, чтобы Китаю было удобно управлять Тибетом, [китайские коммунисты] запланировали учредить так называемое автономное правительство.

Исчерпав сотни способов, [тибетцы] восстают, видя все возможные попытки путем исключительного обмана по всем аспектам постепенно уничтожить тибетскую нацию¹²³² и прекрасную религиозно-светскую систему [тибетского государства]. Поскольку мать Земля

¹²²⁵ Тиб. *zhen bskul bsam 'char*.

¹²²⁶ Тиб. *bod rigs spun zla rnam*s.

¹²²⁷ Тиб. *bod mi mgo log pa*.

¹²²⁸ Тиб. *bod pa*.

¹²²⁹ Тиб. *bod mi*.

¹²³⁰ Тиб. *bod mi rnam*s.

¹²³¹ Тиб. *bod mi*.

¹²³² Тиб. *bod kyi mi rigs*.

наблюдает за этим чистым взором, [наполненным] любовью, все тибетцы¹²³³, чтобы изгнать силы коммунистического гнета, сейчас объединившись, жертвуют своими жизнями.

Сейчас чрезвычайно важно терпеливо и отважно действовать и за спиной, и [напрямую] в лицо относительно независимости Учения и политики. Поскольку отовсюду из [всех стран] мира непременно придет поддержка тех, кто обладает преданностью, будьте храбрыми в сердце¹²³⁴!

Тарчин погружает деятельность «чужих» в семантическое поле насилия, для чего применяет исключительно пейоративную лексику: «тирания китайских коммунистов»¹²³⁵, «насилие»¹²³⁶, «бесчисленные лишения и издевательства»¹²³⁷, «гнет коммунистического Китая»¹²³⁸, «силы коммунистического гнета»¹²³⁹, «нарушение закона путем [такого] угнетения, о котором в прошлом не знали»¹²⁴⁰, «попытки путем исключительного обмана по всем аспектам постепенно уничтожить тибетскую нацию и прекрасную религиозно-светскую систему»¹²⁴¹. На контрасте с «чужими» жители Тибета предстают в тексте публикации не просто мучениками и жертвами, а, несмотря на свои насильственные действия («убили примерно 900 китайских коммунистов»¹²⁴²), обретают ореол благородного патриотизма: «ради независимости своей Родины с великой отвагой бесстрашно восстают и протестуют»¹²⁴³, «считают, что независимость Тибета даже важнее, чем их собственная жизнь»¹²⁴⁴, «жертвуют своими жизнями»¹²⁴⁵. Необходимо также отметить, что для описания действий «своих» редактор прибегает к эвфемизации, отказываясь от обычного термина «убили» (тиб. *bsad*) и заменяя его на «отправили на смерть» (тиб. *lnga lam du btang*).

В сносках к процитированному переводу данной публикации отмечен ряд терминов, с помощью которых Тарчин передает собирательный этноним

¹²³³ Тиб. *bod mi tshang ma*.

¹²³⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No.8, July 1956: 8.

¹²³⁵ Тиб. *rgya dmar btsan dbang*.

¹²³⁶ Тиб. *dbang shed*.

¹²³⁷ Тиб. *dka' ngal sdug sbyongs tshod med*.

¹²³⁸ Тиб. *rgya dmar btsan dbang*.

¹²³⁹ Тиб. *dmar btsan dbang gi dbang shugs*.

¹²⁴⁰ Тиб. *btsan gnon sngan ma grags pa kho nas khrims 'gal*.

¹²⁴¹ Тиб. *bod kyi mi rigs dang / _chos srid srol gna' bzang po sogs mgo bskor kho na 'i ngang / _rim pas rtsa med gdong thabs*.

¹²⁴² Тиб. *rgya dmar dgu brgya tsam lnga lam du btang*.

¹²⁴³ Тиб. *bod mis rgya mir dpa' snying chen pos rang yul rang dbang gi ched du gyen langs ngo rgol zhum pa med par byed*.

¹²⁴⁴ Тиб. *bod mi rnam nas bod kyi rang dbang 'di nyid srog las kyang lhag par brtsis*.

¹²⁴⁵ Тиб. *srog blos btang*.

«тибетцы», «тибетский народ» и «тибетская нация»: «*bod rigs*», «*bod kyi mi rigs*», «*bod mi*», «*bod mi rnam*», «*bod pa*». По мнению А. Колос, термины «Тибет» и «тибетец» сами по себе являются политическим инструментом и используются в дискурсе для оспаривания принадлежащей Тибету территории и народа, который можно называть «тибетским»¹²⁴⁶. Изначально тибетский термин *bod* или «Тибет» обозначал только территорию У–Цанг, то есть центрального Тибета, в то время как территория Амдо, Кама и У–Цанг была известна под термином *bod chen* или «Великий Тибет»¹²⁴⁷. Тибетский историк Церинг Шакья утверждает, что тибетский термин *bod pa* раньше использовался кочевниками плато Чангтан для обозначения оседлого населения Лхасской долины, в то время как жители Кама и Амдо подразумевали под *bod pa* население центрального Тибета, то есть областей У и Цанг¹²⁴⁸. Более того, термин *bod pa* не было принято использовать для самоидентификации, то есть те, кого называли *bod pa*, сами так себя не называли¹²⁴⁹. Что касается населения Амдо и Кама, то они называли себя и были известны в других регионах Тибета как «амдова» и «кампа» соответственно.

Церинг Шакья убежден, что региональная идентификация, отраженная в разнообразии названий народов Тибетского нагорья, не была лишь номинальной и играла существенную роль во взаимоотношениях этих народов, которые до 1959 г. не воспринимали себя как представителей единой тибетской нации или даже единой политики¹²⁵⁰. Поэтому, когда осенью 1950 г. войска НОАК впервые пересекли верхнее течение р. Янцзы, по которой на тот момент проходила граница Китая и подвластной правительству Гандэн Поданг территории Тибета, китайцы наняли представителей гражданского ополчения *кампа* для нападения на Чамдо, и камские ополченцы не восприняли данное предложение как участие в нападении на своих соотечественников¹²⁵¹. Аналогично, когда во второй половине 1950-х гг. *кампа* переживали тяжелые последствия политики «Большого скачка», жители

---

¹²⁴⁶ Kolás 1996: 52.

¹²⁴⁷ Kolás 1996: 52.

¹²⁴⁸ Shakya 1993: 9.

¹²⁴⁹ Shakya 1993: 9.

¹²⁵⁰ Shakya 1993: 9.

¹²⁵¹ Shakya 1993: 9.

центрального Тибета, социалистическое реформирование которого было отложено на неопределенный срок по условиям Соглашения из 17 пунктов, практически никак не поддержали население Кама¹²⁵². Широко распространенное стереотипное восприятие *кампа* как неотесанных свирепых бандитов обусловило тот факт, что во второй половине 1950-х гг., когда НОАК подавляла восстания в восточном Тибете, а повстанцы из Кама, покидая свои родные края, скрывались в центральном Тибете, многие местные жители У–Цанга враждебно воспринимали камских беженцев¹²⁵³. Кроме того, большинство *кампа* говорили на диалекте тибетского языка, который из-за специфической фонетики и диалектной лексики уроженцы центрального Тибета могли понять лишь с большим трудом¹²⁵⁴. М. Голдстейн, подкрепляя свое мнение ссылкой на интервью с бывшим министром тибетского правительства Гандэн Поданг, утверждает, что Кам традиционно не отличался ни культурной гомогенностью, ни единой политической организацией, а сами *кампа*, повсеместно известные своими междоусобными конфликтами и многообразием религиозных традиций, с презрением относились к жителям центрального Тибета и тибетским чиновникам¹²⁵⁵. По сообщению М. Голдстейна, чиновники из правительства Гандэн Поданг также не очень любезно высказывались о *кампа*, называя их «глупыми, грубыми и безрассудными» с «ушами в заднице»¹²⁵⁶. О трудных взаимоотношениях *кампа* и тибетского правительства Гандэн Поданг упоминает и старший брат Далай-ламы Гьело Дондуб, заявляя, что местное население Кама было враждебно настроено по отношению к размещенным в их регионе солдатам тибетской армии, которые славились коррумпированностью и применением насилия¹²⁵⁷.

Учитывая данные обстоятельства, необходимо признать, что заявления Тарчина о том, что жители восточного Тибета боролись за «независимость Тибета», не совсем объективны. Поднимая восстания, население восточного Тибета

¹²⁵² Shakyа 1993: 9.

¹²⁵³ Гарри 2009: 94–95; McGranahan 2001: 22.

¹²⁵⁴ Powers and Templeman 2012: 355–356.

¹²⁵⁵ Goldstein 2019: 74–75, 96.

¹²⁵⁶ По мнению М. Голдстейна, тибетские чиновники имели в виду, что *кампа* слушались только после того, как в них применяли физическое наказание в виде порки (Goldstein 2019: 96).

¹²⁵⁷ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 101.

защищало, в первую очередь, свои родные места, традиционный уклад жизни и религию, но не независимость тибетской нации, потому что до эмиграции они не осознавали себя представителями этой нации¹²⁵⁸. Вместе с тем эмиграция из КНР Далай-ламы XIV и большой группы тибетоязычного населения, борьба за независимость Тибета из иммиграции, институционализация общины тибетоязычных иммигрантов в Индии и стремление Центральной тибетской администрации занять позицию единственного легитимного представителя «всех тибетцев и в Тибете, и в изгнании»¹²⁵⁹ обусловили необходимость разработки националистической идеологии, формирования соответствующей терминологии и стандартизации таких понятий как «тибетец», «тибетская культура» и «тибетская идентичность», вследствие чего после 1959 г. в среде тибетской диаспоры термин *bod pa* стали использовать для обозначения населения всех регионов Тибета¹²⁶⁰. Попытки Тарчина с самого начала 1950-х гг. подобрать и внедрить необходимые собирательные этнонимы для обозначения «тибетцев» доказывают, что в ходе своей виртуальной борьбы за независимость Тибета редактор стремился создать убедительный образ «тибетской нации» задолго до волны массовой эмиграции тибетцев за пределы КНР в 1959 г. и учреждения ЦТА в Индии, в то время как создаваемые в рамках метанарратива независимости тексты публикаций «Зеркала Тибета» содержат одни из наиболее ранних образцов дискурса национального строительства на тибетском языке, который в 1960-е гг. продолжил свое развитие в рамках политики ЦТА и трудах членов тибетоязычной диаспоры.

В целях национального строительства Тарчин также неоднократно упоминал в «Зеркале Тибета» новость о подношении Далай-ламе XIV золотого трона – событию, которое, по мнению Ж. Дрейфуса, предопределило будущее становление национальной идентичности тибетцев¹²⁶¹. Например, во втором выпуске 24-го года издания за май 1957 г. редактор публикует следующую заметку под заголовком

---

¹²⁵⁸ Goldstein 2014: 384–385; Shakya 1993: 10.

¹²⁵⁹ Подробнее см. Brox 2006: 89.

¹²⁶⁰ Kolás 1996: 52.

¹²⁶¹ См. Dreyfus 2005: 12.

«Подготовление преподношения трона и *мандалы* из чистого золота достопочтенному защитнику божеству Страны снегов Авалокитешваре»¹²⁶²:

Подданные из тринадцати тибетских *тикор* и даже, в частности, из Амдо, Синина, Голог, Серта¹²⁶³, Чамдо, Деге, Дагьяб¹²⁶⁴, Ба, Литанг, Тау¹²⁶⁵, Чатен¹²⁶⁶, Ньягронг¹²⁶⁷, четырех главных монастырей регентов в Лхасе¹²⁶⁸, Джедам¹²⁶⁹, монастыря Даргье¹²⁷⁰, Гонгкар¹²⁷¹, все тибетские верующие, монашеские общины, крупные и мелкие торговцы, высокопоставленные и другие [лица] с северо-востока, юго-востока и остальной [части Тибетского плато] объединятся в общем устремлении. В этом году в великий день празднования фестиваля Сага Дава¹²⁷² достопочтенному божеству Страны снегов Держателю Белого Лотоса решено преподнести величественный трон из чистого золота вместе с золотой *мандалой*. Услышанная [об этом] новость ознаменовала наступление благой *кальпы*, которая достойна восхищения. Если все крупные и мелкие торговцы, которые находятся в соответствующем регионе тринадцати тибетских *тикор*, в этот период благой *кальпы* соберутся здесь в религиозном государстве, то будет совершенно прекрасно. Вот такие новости услышал из письма, которое прислали¹²⁷³.

В четвертом выпуске 24-го года издания за август 1957 г. Тарчин публикует анонс еще одной будущей публикации о состоявшемся подношении золотого трона и просит читателей «дорожить»¹²⁷⁴ этой информацией:

О том, как народы тринадцати тибетских *тикор* преподнесли золотой трон Далай-ламе – исполняющей желания драгоценности – и как [он] провел религиозные учения, надеюсь в подробностях опубликовать в следующем месяце. Все [должны] высоко ценить [эту] новость¹²⁷⁵!

¹²⁶² Тиб. *gangs can lha gcig skyabs mgon phyag na pad+mo mchog la gser btso ma'i bzhugs khri dang 'khor lo 'bul rgyu'i sta gon*.

¹²⁶³ Тиб. *ser phra*.

¹²⁶⁴ Тиб. *brag g.yab*.

¹²⁶⁵ Тиб. *ta'u*.

¹²⁶⁶ Тиб. *cha phren*.

¹²⁶⁷ Тиб. *nyag rong*.

¹²⁶⁸ Тиб. *gling khag*. Четыре главных монастыря перерожденцев линии Гелуг в Лхасе (Ретинг, Тэнгелинг, Цемонлинг и Кунделинг), откуда избирали регентов для Далай-лам (Goldstein 2004: 210).

¹²⁶⁹ Тиб. *rje gdams*.

¹²⁷⁰ Тиб. *dar rgyas dgon*.

¹²⁷¹ Тиб. *gong dkar*.

¹²⁷² Тиб. *sa ga zla ba*. Фестиваль Сага Дава празднуется в 15-й день четвертого месяца и отмечает рождение, пробуждение и смерть Будды Шакьямуни (Powers and Templeman 2012: 238).

¹²⁷³ *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No. 2, May 1957: 9.

¹²⁷⁴ Тиб. *gsar 'gyur la tshang mas gces 'dzin gnang bar mdzod*.

¹²⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No. 4, August 1957: 4.

В кратком анонсе Тарчин ограничивается лишь термином «тринадцать тибетских *тикор*», не перечисляя дополнительно территории на востоке Тибета, как в предыдущей заметке, что, вероятно, значит, что редактор «Зеркала Тибета» действительно включал все указанные выше местности (Амдо, Синин, Голог, Серта, Чамдо, Деге, Дагьяб, Ба, Литанг, Гау, Чатен, Ньягронг) в состав тринадцати *тикор*, чем противоречил историческому значению данного понятия.

Тибетолог Ж. Дрейфус называет 4 июля 1957 г. днем зарождения тибетского национализма¹²⁷⁶. В этот день, по инициативе группы проживавших в Лхасе крупных торговцев из Кама, в Норбулинке, летней резиденции Далай-ламы, провели церемонию в честь долголетия Далай-ламы XIV и сделали ему подношение в виде золотого трона. Для сбора пожертвований для подношения уже упомянутый ранее в диссертации будущий «герой» повстанческого движения «Чуши Гангдуг» Андуг Гонпо Таши отправил группу своих людей в самые разные регионы Тибета¹²⁷⁷. Ж. Дрейфус считает, что подношение золотого трона как символа власти способствовало укреплению связи между жителями Тибета и Далай-ламой XIV как их лидером и предопределило последующее формирование «Чуши Гангдуг»¹²⁷⁸. По мнению тибетского историка Церинг Шакья, подношение золотого трона, в первую очередь, было обусловлено религиозными мотивами жителей Тибета и свидетельствовало о народном признании Далай-ламы как религиозного лидера Тибета¹²⁷⁹. В то же время ввиду начала реформ в восточном Тибете и формирования там негативного отношения к китайским коммунистам как «врагам Учения», подношение золотого трона Далай-ламе XIV, по выражению Церинг Шакья, также символизировало массовое сопротивление социалистическим реформам и веру в Далай-ламу как народного лидера и защитника¹²⁸⁰. Американский тибетолог М. Голдстейн, полагая, что подношение золотого трона вызвало большой отклик у населения Тибета, поскольку Далай-лама XIV как раз недавно вернулся из длительной поездки в Индию в честь

---

¹²⁷⁶ Dreyfus 2005: 12.

¹²⁷⁷ Shakya 2000: 165.

¹²⁷⁸ Dreyfus 2005: 12.

¹²⁷⁹ Shakya 2000: 165.

¹²⁸⁰ Shakya 2000: 165–166.

празднования 2500-летия паринирваны Будды, предлагает альтернативное толкование данного события¹²⁸¹. М. Голдстейн называет другую причину подношения золотого трона и прямое следствие для дальнейшей истории Тибета: в центральный Тибет стекались беженцы из восточного Тибета, где из-за социалистических реформ сложилась неблагоприятная обстановка и происходили разрозненные антикитайские восстания, поэтому китайские власти следили за деятельностью *кампа* в Лхасе и Андуг Гонпо Таши было необходимо правдоподобное прикрытие для организации подпольных встреч с другими оппозиционно-настроенными *кампа*¹²⁸². Андуг Гонпо Таши придумал инициировать сбор пожертвований для изготовления золотого трона для Далай-ламы, чтобы замаскировать свою деятельность по организации повстанческого движения выходцев из восточного Тибета¹²⁸³.

Что касается официального оформления повстанческой структуры Андуг Гонпо Таши, еще в апреле 1957 г. при помощи США началась тайная операция ЦРУ по подготовке повстанцев из Тибета¹²⁸⁴. А уже в мае 1957 г. в Тибете принялись за работу над изготовлением золотого трона, вскоре после чего и сформировалось движение «Чуши Гангдуг»¹²⁸⁵. Таким образом, начало некоторой консолидации населения Тибета и рост антикитайских настроений в поздние 1950-е гг., которое Ж. Дрейфус определяет как «зарождение тибетского национализма» и связывает с церемонией подношения золотого трона, вероятно, нельзя приписывать лишь успеху символической церемонии, поскольку параллельно с изготовлением трона масштабной работой над формированием антикитайской оппозиции и военной и идеологической подготовкой тибетоязычных повстанцев занимались и члены

---

¹²⁸¹ Goldstein 2019: 76.

¹²⁸² Goldstein 2019: 75–76.

¹²⁸³ Goldstein 2019: 76

¹²⁸⁴ Goldstein 2019: 80. По мнению К. Макгрэнэхан, представители Тибета обратились за военной помощью к США в 1955 г., и уже в следующем году, то есть 1956 г., ЦРУ запустило программу помощи повстанцам в Тибете (McGranahan 2001: 264).

¹²⁸⁵ М. Голдстейн считает, что движение Андуг Гонпо Таши официально оформилось уже в мае 1957 г. (см. Goldstein 2019: 76–79). Однако в «Историческом словаре Тибета» Дж. Пауэрс и Д. Темплман указывают 16 июня 1958 г. как официальную дату образования «Чуши Гангдуг» (Powers and Templeman 2012: 160).

иммигрантской группировки «Ченкэнцисум»¹²⁸⁶ в Калимпонге, и представители ЦРУ, и даже сам Тарчин.

Тарчин не мог оставить без внимания в «Зеркале Тибета» и само учреждение повстанческой организации «Чуши Гангдуг». В первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. под заголовком «Безостановочная кампания Коммунистической партии Китая»¹²⁸⁷ редактор объясняет, откуда появились повстанцы и почему тибетцы отправились в иммиграцию в Индию:

Как известно всем просвещенным людям, китайские коммунисты безостановочно бомбардировали монастыри в районе Кама и посредством жестоких истязаний сделали жертвами бесчисленное количество монашеских общин и [мирного] населения. Когда, будучи не в состоянии оставаться в родных местах, жители Кама, чтобы спасти свои жизни, отправились в Лхасский регион¹²⁸⁸, коммунисты приступили к низменной тактике, [согласно которой] должны были задерживать [кампа], если все они не вернутся домой. В связи с этим, когда множество *кампа* отправились из Лхасы в другие местности, то, поскольку по дороге коммунисты нападали на них, у них не оставалось другого выбора, кроме как атаковать в ответ. Постепенно столкновения становились все более интенсивными, и сформировалось [движение] «Чуши Гангдуг», или «Добровольческая армия защитников Учения». Героические воины убили [букв. «отправили на смерть»] множество тысяч китайских коммунистов.

Помимо того, что китайские коммунисты указывали на значительный урон от того, что у тибетского правительства есть сговор с Добровольческой армией защитников Учения, [они] также беспрестанно постепенно подготавливали низменные деяния по отношению к исполняющей желания драгоценности – достопочтенному Далай-ламе. [...]

¹²⁸⁶ Тиб. *gcen mkhan rtsis gsum*, букв. сокращение от «старший брат», «светский чиновник ранга *ципон*» и «монах-чиновник 4-го ранга». Антикитайско-настроенная группа тибетоязычных эмигрантов, которую сформировали в 1950-е гг. в Калимпонге старший брат Далай-ламы XIV Гьело Дондуб, бывший тибетский министр Ципон Шакабпа и тибетский монах-чиновник 4-го ранга Кэнчунг Лобсанг Гьелцэн (тиб. *mkhan chung blo bzang rgyal mtshan*). С 1954 г. группа неофициально сотрудничала с правительством Индии и разведывательным бюро Индии как про-индийская тибетская организация, получая индийское финансирование для сбора разведанных об обстановке в Тибете и на границе Индии и КНР (Goldstein 2014: 155–157, 161, 163, 168–169). Подробнее см. Goldstein 2014: 141–206.

¹²⁸⁷ Тиб. *rgya dmar gung phran tang gis mtshams med kyi las 'gul*.

¹²⁸⁸ Тиб. *lha sa rgyal khab*. В данной статье тибетский термин *rgyal khab* переведен как «регион», однако это единственный случай, когда в переводах публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. такое толкование термина *rgyal khab* представляется более подходящим, чем «государство» или «нация». Соответственно, можно сделать вывод, что либо данную статью подготовил к публикации не Тарчин, а кто-то иной, кто действительно подразумевал под термином *rgyal khab* «регион», либо, если автором статьи все-таки был Тарчин, то это означает, что редактор «Зеркала Тибета» противоречит самому себе, обозначая центральный Тибет как отдельное «Лхасское государство», а не единое «тибетское религиозное государство», охватывающее «тринадцать тибетских *тикор*», как в других материалах «Зеркала Тибета».

Затем прибывало все большее подкрепление для армии китайских коммунистов, и в силу того, что тибетцев было численно меньше и их вооружение уступало [китайскому], [им] ничего не оставалось кроме как сдаться в ходе борьбы. После этого высокопоставленных и простых тибетцев арестовали, а монахов Трех великих монастырей взяли под стражу и подвергли неопишущим истязаниям. Поэтому многие тысячи монахов, а также защитники Учения из района Лхока были вынуждены отправиться [искать] временное убежище в Индии вслед за исполняющей желания драгоценностью [Далай-ламой]¹²⁸⁹.

Смысл указанной в заголовке статьи «безостановочной кампании» раскрывается в тексте публикации с помощью повторения лексемы «безостановочная» (тиб. *mtshams med*): «китайские коммунисты безостановочно бомбардировали монастыри в районе Кама»¹²⁹⁰ и «безостановочно подготавливали низменные деяния по отношению к исполняющей желания драгоценности – достопочтенному Далай-ламе»¹²⁹¹. Помимо этих «низменных действий» по отношению к буддийским монастырям и Далай-ламе, «чужих» дважды обвиняют в «истязаниях» (тиб. *mnar gcod*) монахов: «посредством жестоких истязаний сделали жертвами бесчисленное количество монашеских общин и [мирного] населения»¹²⁹² и «монахов Трех великих монастырей взяли под стражу и подвергли неопишущим истязаниям»¹²⁹³. Автор публикации делает акцент на том, что агрессия «чужих» направлена против самого высокопоставленного религиозного иерарха Тибета, статус которого дважды дополнительно подчеркивается с помощью почтительного эпитета-приложения («исполняющая желания драгоценность»¹²⁹⁴), и против тибетских монахов, также традиционно почитаемых в Тибете как обладателей более высокого статуса, чем простые миряне¹²⁹⁵.

Из рассказа Тарчина непонятно, почему «чужие» стали бомбить такие святые для буддистов места как монастыри. Из публикации единственным логическим объяснением действий китайских коммунистов представляется низменность их тактики и морально-этических качеств. Редактор «Зеркала Тибета» естественно не

¹²⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1.

¹²⁹⁰ Тиб. *rgya dmar gyis khams khul mtshams med kyiis dgon sde khag la sbom [...] btang.*

¹²⁹¹ Тиб. *gong sa yid bzhin nor bu mchog la 'ang mtshams med kyi las ngan bshams.*

¹²⁹² Тиб. *dge 'dun gyi sde dang mi dmangs grangs med la mnar gcod drag pos srog skyon du btang.*

¹²⁹³ Тиб. *gdan sa rnam gsum gyi dge sde rnam la 'ang do dam thog mnar gcod brjod kyiis mi lang ba btang.*

¹²⁹⁴ Тиб. *gong sa yid bzhin nor bu mchog.*

¹²⁹⁵ Goldstein 2019: 2.

сообщает о том, что во второй половине 1950-х гг. в монастырях в Каме находились не только монахи. Поскольку некоторые монастыри поддерживали антикитайские восстания, они разрешали прятаться у себя оппозиционно-настроенным местным жителям и оказывали активное сопротивление войскам НОАК, отказываясь сдать мирно¹²⁹⁶. Таким образом, рассматривая отдельные монастыри как место базирования вооруженных противников социалистических реформ, китайские войска отвечали симметрично силой и пытались подавить повстанцев посредством применения имеющегося вооружения¹²⁹⁷. Однако в нарративе Гарчина «свои» вынуждены по вине «чужих» делать то, что они делают, то есть жителям Тибета в отличие от китайских коммунистов «ничего не остается, кроме как атаковать в ответ»¹²⁹⁸. Более того, для описания насильственных действий «своих» редактор снова прибегает к эвфемизму: «героические воины» не убили, а «отправили на смерть множество тысяч китайских коммунистов»¹²⁹⁹. Таким образом, «своим» пришлось сформировать повстанческое движение «Чуши Гангдуг», хотя и сделали это они добровольно во имя религии. Но, несмотря на подобный героизм, «защитники Учения» оказались малочисленнее и хуже вооружены, чем «чужие», поэтому тибетцы вынуждены отправиться в эмиграцию вслед за своей «исполняющей желания драгоценностью», то есть Далай-ламой.

Интересно, что вскоре после учреждения Центральной тибетской администрации в Индии от «тринадцати тибетских *тикор*» Гарчин перешел к концепции «*чолкасум*» в «Зеркале Тибета». Так, в выпуске за июнь–июль 1960 г.¹³⁰⁰, то есть чуть больше года спустя после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию, в заметке об организации выборов представителей тибетского народа редактор изображает «тибетскую нацию» как «народ трех тибетских областей» (букв. «народ

¹²⁹⁶ Shakyа 2000: 140–141.

¹²⁹⁷ Shakyа 2000: 140.

¹²⁹⁸ Тиб. *rgya dmar gyis* [...] *tshur rgol byas stabs phar rgol mi byed ka med du gyur*.

¹²⁹⁹ Тиб. *dpa' dmag rnamis kyis rgya dmar stong phrag du ma lnga lam du btang*.

¹³⁰⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

трех тибетских *чолка*», тиб. *bod chol kha gsum gyi mi dmangs*), которые включают: «У–Цанг *чолка*»¹³⁰¹, «Амдо *чолка*»¹³⁰² и «Кам *чолка*»¹³⁰³.

В 1960-е гг. Тарчин получил возможность вести в «Зеркале Тибета» пропаганду обновленной объединяющей модели «*чолка*сум» и сплочения представителей «тибетской нации» с помощью призывов от имени самого Далай-ламы XIV. Например, в первом выпуске 27-го года издания за август–сентябрь 1960 г. под заголовком на тибетском и английском языках «Из наставлений, данных недавно достопочтенным Далай-ламой народу в Дальхузи»¹³⁰⁴ тибетский лидер обращается к своим подданным, используя концепцию «*чолка*сум» следующим образом:

Некоторые по всей видимости думают, что если говорят «амдо[ва]» и «кампа», то [эти люди] не являются тибетцами. Это ошибка. Чрезвычайно большая ошибка. В таком случае я, будучи уроженцем Амдо, являюсь тибетцем или не являюсь?

Хоть и является амдова, хоть и является кампа, хоть и является цангпа, хоть и является упа, хоть и является [уроженцем] из какой-либо другой тибетской местности, все [они] – тибетцы. Все [мы представители] тибетской нации.

Все [мы] не только [представители] действительно одной нации, но [мы] также [не похожи] ни на одну другую нацию, которая обладает смешанным составом. Всех [нас] вырастили в едином тибетском государстве.

Все [мы] являемся теми, кто совместно переносит радости и горести. У всех [нас] действительно есть единая цель. Путем единения всего народа [трех] тибетских [областей] *чолка*сум все [мы] прикладываем усилия, чтобы снова обрести свободу и независимость тибетского государства.

Несмотря на это, некоторые осуществляют жалкие попытки [провоцировать] междоусобное разобщение. Те, кто не думает о смысле [нашей] главной цели как всеобщем благе для тибетской нации, не понимают истинный смысл «нации». Вам необходимо сформировать более ясное понимание относительно этого [вопроса]¹³⁰⁵.

¹³⁰¹ Тиб. *dbus gtsang chol kha*.

¹³⁰² Тиб. *mdo smad a mdo'i chol kha*.

¹³⁰³ Тиб. *kham bod chol kha*.

¹³⁰⁴ Тиб. *gong sa mchog gis nye lam Da la'o sir mi mangs la bka' slob gngang ba las*; англ. *His Holiness the Dalai Lama's Address on Unity Delivered to the Tibetans at Dalhousie*.

¹³⁰⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2, 11, 12. Страницы 11–12 отсутствуют в электронной подборке выпусков «Зеркала Тибета» на сайте библиотек Колумбийского университета, но были любезно предоставлены автору диссертации Полом Хэкеттом.

Пропагандируя концепцию «чолкасум» среди членов тибетоязычной диаспоры в Индии, Далай-лама XIV подчеркивает, что единая «тибетская нация» (тиб. *bod rigs*) состоит именно из «тибетцев» (тиб. *bod pa*), а не перечисленных им разрозненных представителей обособленных регионов Тибета («амдова», «кампа», «упа», «цангпа»). Опираясь на свой авторитет («в таком случае я, будучи уроженцем Амдо, являюсь тибетцем или не являюсь?»¹³⁰⁶), лидер Тибета в изгнании семь раз повторяет лексему «все» (тиб. *tshang ma*), чтобы точно убедить своих подданных в том, что «все» представители тибетской нации выросли «в едином тибетском государстве»¹³⁰⁷, «не похожи ни на одну другую нацию»¹³⁰⁸, «действительно имеют единую цель»¹³⁰⁹ и «путем единения прикладывают усилия, чтобы снова обрести свободу и независимость тибетского государства»¹³¹⁰. Подобные наставления Далай-ламы XIV подтверждают, что в первые годы после эмиграции в среде тибетоязычной диаспоры в Индии не была принята самоидентификация как «тибетцы» или «тибетская нация», а по-прежнему доминировало традиционное региональное разделение. Авторитарная риторика Далай-ламы XIV также объясняет недовольство эмигрантов из восточных районов Тибетского плато доминированием представителей центрального Тибета в Центральной тибетской администрации и тибетском дискурсе национального строительства¹³¹¹.

После слов Далай-ламы XIV редактор «Зеркала Тибета» продолжает развивать идеи тибетского лидера в той же публикации уже самостоятельно:

При этом, хотя наша правда неизбежно станет известна в конце концов, люди должны предпринять для этого [какие-то] меры. [Наша цель] не осуществится чудесным образом сама собой. Мы, постоянно думая достаточно широко и долго, должны найти и собрать все возможные стратегии. [...] ¹³¹².

¹³⁰⁶ Тиб. 'o na nga a mdo sa skyes rdo skyes kyi mi zhig yin/_nga bod pa red dam ma red?

¹³⁰⁷ Тиб. *tshang ma bod rgyal khab gcig gi nang la 'tshar longs byas*.

¹³⁰⁸ Тиб. *tshang ma mi rigs gcig rang red ma gtogs/_gzhan gyi 'dres yod mi rigs gzhan dag gang yang ma red*.

¹³⁰⁹ Тиб. *tshang ma 'i dmigs yul gcig rang red*.

¹³¹⁰ Тиб. *tshang mas bod chol kha gsum gyi mi mang thams cad gcig sgril gyi thog nas bod rgyal khab rang dbang rang btisan skyar du lon thabs la 'bad brtson byed*.

¹³¹¹ Подробнее о конфликтах восточно-тибетских представителей иммигрантской общины в Индии с ЦТА в 1960–1970-е гг. см. Brox 2012: 460.

¹³¹² *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2, 11, 12.

Хотя Тарчин, переключая восприятие своих читателей в формат черно-белого мышления в категориях «правды» и «лжи», заявляет, что «наша правда» о тибетском государстве и тибетской нации «неизбежно станет известна»¹³¹³, он тем не менее продолжает контролировать процесс утверждения «правды» и настойчиво побуждает все равно «предпринять для этого [какие-то] меры»¹³¹⁴ и «собрать все возможные стратегии»¹³¹⁵.

Материалы выпусков «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. свидетельствуют о том, что Тарчин начал идеологическую войну за независимость Тибета практически за десятилетие до учреждения правительства Тибета в изгнании в Индии, вследствие чего к разработке концепций «тибетской нации» и «независимого тибетского государства» редактор также приступил гораздо раньше, чем чиновники Центральной тибетской администрации. Тарчин конструировал свой метанарратив независимости в форме истории тибетской нации, которая пала невинной жертвой агрессии не просто «инострannого», а «общемирового» врага КНР. Редактор «Зеркала Тибета» пропагандировал идеализированный образ Тибета как уникального «религиозного государства» и «чистой земли», где до 1951 г. «миролюбивые и добродетельные» тибетские буддисты «наслаждались миром и прекрасными традициями». В материалах «Зеркала Тибета» за 1950–1960 гг. до прихода к власти китайских коммунистов все тибетцы, говоря на едином тибетском языке, разделяли традиции национальной кухни (ели *цампу*, сырое и вяленое мясо), национального костюма (носили *чуну*) и даже национального досуга (играли в кости). Тарчин также воспроизводил в своих публикациях объединяющий этноисторический миф об «укрощении» тибетцев бодхисаттвой Авалокитешварой и идею об особых духовно-нравственных ценностях тибетской нации. Кроме того, в нарративе Тарчина тибетская нация подчеркнута отличалась от китайской. Обрамляя отношения населения Тибетского плато с китайскими коммунистами в фрейм конфликта в 1950–1960-е гг., редактор «Зеркала Тибета» призывал к формированию единого тибетского фронта и участию всего

¹³¹³ Тиб. *nga tsho'i bden pa'i mtha' gsal rgyu nyag gcig*.

¹³¹⁴ Тиб. *de la mi yis thabs shes byed dgos*.

¹³¹⁵ Тиб. *thabs shes yod rgu btsal sgrug byed dgos*.

населения Тибета в освободительной войне во имя защиты тибетского буддизма и независимости тибетского государства. Хотя территориальные границы проживания тибетской нации совпадали не во всех в материалах «Зеркала Тибета», до 1959 г. наиболее часто встречалась концепция «тринадцати тибетских *тикор*», включающих в себя, в интерпретации Тарчина, в том числе районы восточного Тибета, которые на тот момент уже на протяжении длительного времени официально подлежали юрисдикции Китая. С начала 1960-х гг. редактор актуализировал в «Зеркале Тибета» новую модель тибетской нации под названием «*чолкасум*», которая территориально неизменно включала три крупных региона: У–Цанг, Кам и Амдо. Очевидно, что изобретение нового современного толкования «*чолкасум*» не принадлежало авторству Тарчина, поскольку данная концепция появилась в «Зеркале Тибета» лишь после учреждения ЦТА в Индии.

2.2.3.6. Конструирование круга «друзей» Тибета и интернационализация «тибетского вопроса»

Тарчин понимал важность поддержки представителей международного сообщества в деле отстаивания независимости Тибета. Поэтому в рамках метанаррации независимости в 1950–1960-е гг. редактор «Зеркала Тибета», помимо собственных размышлений и сообщений от «сведущих» экспертов, также регулярно публиковал новости о «друзьях» Тибета, например отдельных иностранцах, высказывавшихся в поддержку тибетской независимости, или целых стран, которые словом и/или делом оказывали содействие народу Тибета.

Одним из наиболее ранних примеров такого рода публикаций в рассматриваемый период в «Зеркале Тибета» является десятый выпуск 18-го года издания за 1 сентября 1950 г., где Тарчин друг за другом размещает благодарственные слова двум британским «друзьям» Тибета. Сначала под заголовком «Поддержка независимости Тибета»¹³¹⁶ редактор «Зеркала Тибета» выражает благодарность греко-британскому исследователю Марко Паллису:

¹³¹⁶ Тиб. *bod rang bisan la bryab skyor*.

Уважаемый господин Марко Паллис, [также] известный под духовным именем Тубтэн Тэндзин¹³¹⁷, который в совершенстве познал прекрасные древние традиции тибетского религиозного государства и учение Будды, недавно распространил в английских газетах информацию: «Если все государства путем переговоров о поддержке независимости тибетского религиозного государства найдут способ оставить [Тибет] в качестве украшения [всего] мира, то это несомненно окажется очень выгодным для всех государств в мире». [Я] выражаю благодарность за это и говорю ему спасибо¹³¹⁸.

Сразу за этим Тарчин благодарит британского дипломата Артура Хопкинсона:

Уважаемый [господин А.] Хопкинсон, прославленный бывший советник по политическим вопросам в Сиккиме, тоже распространил информацию о том, что Тибет является независимым, по радио и в газетах. [Ему] также премного благодарен¹³¹⁹.

Оба «друга» Тибета описаны Тарчином весьма лестно, в связи с чем авторитетность их мнений о тибетской независимости не должна была вызвать сомнений у читателей «Зеркала Тибета». Более того, если А. Хопкинсон ограничился лаконичным замечанием о независимости Тибета, то М. Паллис, который, по словам редактора, отлично знаком с историей и культурой Тибета («в совершенстве познал прекрасные древние традиции тибетского религиозного государства и учение Будды»¹³²⁰), призывает другие страны не просто вступить за независимость Тибета, а наделить Тибет особым метафорическим статусом «украшения мира»¹³²¹, обещая при этом, что данный жест «несомненно» будет «очень выгодным для всех государств в мире»¹³²². Смысл выгоды подобного признания для других стран, однако, не раскрывается в краткой заметке Тарчина.

Интересно, что оба упомянутых сторонника тибетской независимости были связаны с британскими спецслужбами. Хорошо известный как последний британский советник по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете (1945–1947 гг.), А. Хопкинсон ранее с 1927 г. по 1928 г. работал британским

¹³¹⁷ Тиб. *thub bstan bstan 'dzin*.

¹³¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 9.

¹³¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 9.

¹³²⁰ Тиб. *bod chos ldan rgyal khab kyi gna' srol bzang po dang sangs rgyas kyi bstan par yid kyi rab tu bsten*.

¹³²¹ Тиб. *'dzam gling mdzes brgyan du 'jogs thabs gngang*.

¹³²² Тиб. *'dzam gling rgyal khab tshang mar phan don chen po 'byung nges*.

торговым представителем в Гьелце, третьем по величине городе Тибета¹³²³. Как сообщает А. Маккей, торговля имела малую значимость для британских торговых представителей, поскольку их основной задачей было выстраивание дружеских отношений с тибетцами и сбор информации о политической и социально-экономической обстановке в Тибете¹³²⁴. Так называемые «торговые представители», будучи должностными лицами дипломатического корпуса правительства Британской Индии, находились под непосредственным контролем советника по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете, который располагался в столице Сиккима г. Гангток¹³²⁵. Советник по политическим вопросам нес прямую ответственность за отношения Британской Индии с Сиккимом, Бутаном и Тибетом и возглавлял британскую миссию в Лхасе во время своих визитов в столицу Тибета¹³²⁶. Как уже упоминалось, А. Хопкинсон и редактор «Зеркала Тибета» сотрудничали в контексте работы Тарчина на британскую разведку.

Что касается М. Паллиса, известно, что он увлекался альпинизмом, изучением Тибета и тибетского буддизма, а еще, по словам старшего брата Далай-ламы XIV Гьело Дондуба, носил тибетскую одежду и тоже был связан с британской разведкой. В частности, Гьело Дондуб сообщает, что в начале 1960-х гг. М. Паллис организовал его встречу с начальником секретной разведывательной службы МИД Великобритании МИ-6 в Лондоне¹³²⁷. Об участии М. Паллиса в разведывательной деятельности, его связях с Тарчином и финансировании «Зеркала Тибета» упоминает и австрийская исследовательница А. Заверталь в своей диссертации¹³²⁸.

По мнению А. Маккея, политический статус Тибета не играл существенной роли для британских властей, однако им было важно, чтобы Тибет был стабильным северным рубежом для Британской Индии и помогал в противостоянии их ключевому сопернику в Центральной Азии – России¹³²⁹. Поэтому до 1947 г.

---

¹³²³ McKay 1995: 263–264.

¹³²⁴ McKay 2001a: 94.

¹³²⁵ McKay 2001a: 94.

¹³²⁶ McKay 1995: 1, 270.

¹³²⁷ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 168.

¹³²⁸ Sawerthal 2018a: 109–111, 121, 124, 267.

¹³²⁹ McKay 2001a: 97.

британские колониальные чиновники поддерживали традиционное тибетское правительство и стремились стимулировать Гандэн Поданг принимать меры, направленные на укрепление и объединение Тибета с тем, чтобы жители Тибета могли претендовать на свое место среди современных наций¹³³⁰. В 1950–1960-е гг. некоторые бывшие колониальные чиновники, которые ранее служили в Тибете, предпринимали попытки придать большую гласность «тибетскому вопросу»¹³³¹. При этом, несмотря на все их старания, как до 1947 г., так и после само британское правительство, балансируя и избегая ухудшения отношений с Китаем из-за слишком активной поддержки Тибета, никогда не признавало Тибет независимым государством. По убеждению Церинг Шаки, после того как Индия обрела независимость, Великобритания полностью утратила интерес к Тибету, оставив «тибетский вопрос» на усмотрение независимой Индии¹³³².

Несмотря на фактическое устранение из тибетской политики Великобритании после 1947 г., Тарчин продолжал воспроизводить ее положительный образ в «Зеркале Тибета». Так, в выпуске за ноябрь 1950 г. редактор сообщает, что представителей тибетской делегации особенно «обрадовало» обещание британского правительства предоставить им «лучшую посильную помощь»¹³³³, когда они проследуют через Гонконг в Пекин для ведения переговоров с представителями КНР¹³³⁴. Тарчин также постоянно повторял в своих публикациях, что при участии британского колониального правительства состоялись переговоры в Симле, а в Симлской конвенции Великобритания признала, что Тибет «находится лишь в тени Китая»¹³³⁵, а не под властью Китая:

Когда в 1914 г. подписывали соглашение в Симле, хотя Великобритания признала, что Тибет находится лишь в тени Китая, китайское правительство не обжаловало то, что по соглашению китайскому правительству не разрешалось управлять Тибетом, захватывать [Тибет], расширять [свои владения в Тибете] и во что-либо вмешиваться. Сейчас [ноябрь

¹³³⁰ McKay 2001a: 97.

¹³³¹ McKay 1995: 254.

¹³³² Shaky 2000: 19.

¹³³³ Тиб. *in gzhung nas grogs ram gang drag gnang rgyu*.

¹³³⁴ Тиб. *in ji nas grogs ram gnang rgyu 'i bka' mol la 'thus mi nams thugs mnyes po byung 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol. XVIII No. 12, November 1950: 6).

¹³³⁵ Тиб. *in ji nas bod rgya nag gi grib 'og tsam du ngos len gnang 'dug*.

1950 г.] тибетское правительство дало своим представителям приказ о необходимости проведения переговоров [с КНР] с опорой исключительно на то предыдущее соглашение в Симле¹³³⁶.

После иммиграции части населения Тибета в Индию вслед за Далай-ламой, Великобритания все так же продолжала занимать позицию «друга» Тибета в публикациях Тарчина. Например, в шестом выпуске 27-го года издания за февраль–март 1961 г. под заголовком «Помощь британского правительства для тибетских беженцев»¹³³⁷ редактор докладывает об оказываемой Великобританией материальной поддержке тибетской диаспоры в Индии:

Уважаемый посол Великобритании в Индии сэр Пол Гор-Бут¹³³⁸ недавно, 17 марта, передал в руки уважаемого К.Л. Мехта, коллеги генерального секретаря Министерства иностранных дел Индии, помощь британского правительства для тибетских беженцев, которые прибыли в Индию, в виде 50 тысяч британских фунтов, что при конвертации составляет 666 тысяч индийских рупий¹³³⁹.

Другим давним «другом» Тибета в конструируемом метанарративе независимости выступает Индия. Индия предстает в «Зеркале Тибета» как «земля бодхисаттв»¹³⁴⁰ с «религиозным правительством»¹³⁴¹, что тем самым роднит ее с «тибетским религиозным государством». Тема тесных культурных и религиозных связей именно с Индией, но не Китаем, регулярно поднималась редактором в 1950-е гг. Так, в пятом выпуске 22-го года издания за сентябрь 1954 г. Тарчин пишет о великих многовековых связях Индии и Тибета в области религии, науки и торговли, а также процветании взаимной дружбы и разнообразной помощи между двумя странами¹³⁴². После восстания в Лхасе в 1959 г. редактор «Зеркала Тибета» с еще большим воодушевлением продолжил актуализировать нарратив о древней дружбе Индии и Тибета. В одиннадцатом выпуске 25-го года издания за апрель 1959 г.

¹³³⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 6.

¹³³⁷ Тиб. *bod kyi skyabs bcol ba rnams kyi ched du dbyin gzhung gi mthun rkyen*.

¹³³⁸ Англ. *Sir Paul Gore-Booth*. В самой публикации Тарчин немного искажает его имя как англ. *Sir Paul Gore Broth*.

¹³³⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

¹³⁴⁰ Тиб. *rgya gar 'phags pa'i yul* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5).

¹³⁴¹ Тиб. *rgya gar chos ldan gzhung* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3).

¹³⁴² *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 4.

можно прочесть следующее «краткое обобщение приблизительного перевода новостей»¹³⁴³ из калькутской газеты «Стейтсмен» за 31 марта 1959 г.:

Вкратце сообщаю несколько ключевых моментов из детального обсуждения Тибета уважаемым премьер-министром [Дж.] Неру во время заседания индийского совета министров [*sic*] под названием «Лок сабха»¹³⁴⁴ 30 марта [1959 г.] в Нью-Дели.

Примерно три года прошло, как индийское правительство оказывало прием независимому автономному правительству Тибета, находящемуся в тени Китая. Когда индийское правительство обрело полную независимость от власти Великобритании, в других местностях, которые ранее были взяты под власть Великобритании, не думали, что Индия возьмет власть [в свои руки], и отказывались соглашаться с подобным захватом власти.

Хотя, с точки зрения политики, Индия, действуя в соответствии с законами, не может что-либо сделать относительно «тибетского [вопроса]», тем не менее, с точки зрения религии, опираясь на имеющиеся с давних времен тесные культурные и религиозные связи с Тибетом, [Индия] испытывает глубокую симпатию к тибетцам и [видит] тот урон, который коммунистический Китай нанес многочисленным монашеским общинам путем неподобающего насилия и [который] стал причиной тотального упадка благих добродетелей.

Поскольку у нас есть желание находиться в тесных связях в чистой взаимной дружбе с тибетцами, мы очень просим для них расширения свободы и независимости. Одновременно с этим для нас крайне важна необходимость поддержания дружественных отношений также и с Китаем. Хотя он [Китай] является вот таким государством, [мы] не капитулируем перед ними [китайцами], [когда они] отдают приказ Индии.

Хотя Индия и тибетцы имеют прочные родственные, культурные и прочие связи, мы не вмешивались в кипение тибетской политики. Поэтому, когда ранее примерно 55 лет назад [1904 г.] индийское правительство отправило в Тибет войска под командованием офицера по имени [Ф.] Янгхазбенд, хоть [мы] и определенно вмешались, это не было устрашающим вмешательством с захватом по указу правительства. Это наследие, полученное из рук индийского правительства того времени и Великобритании.

Индия, постоянно захватывая власть на тибетских территориях, отказывалась от них, чтобы [те] остались [в том же статусе, что и прежде]. Однако, какую бы политику относительно «тибетского [вопроса]» не проводили, коммунистический Китай в ответ установил

¹³⁴³ Тиб. *gnas tshul rags bsgyur mdor bsdus*.

¹³⁴⁴ Тиб. *rgya gar log sa ba zhes pa 'i bka' shag lhan rgyas*. Лок сабха (хин. लोकसभा, букв. «Народная палата») является нижней палатой Парламента Индии.

практику не следовать [по аналогичному пути]. У нас не было желания устанавливать подобную власть в какой бы то ни было стране мира. [...]

Хотя каждое китайское правительство заявляло, что Тибет принадлежит Китаю, сменяющие друг друга тибетские правительства не принимали [это]. Нам не нужно вмешиваться в законы или существующую реальность и выступать в роли свидетелей.

Уважаемый [премьер-министр Дж.] Неру припомнил, что, когда два с половиной года назад [в 1956 г.] премьер [Государственного совета] КНР Чжоу Эньлай прибыл в Индию, они вдвоем обсудили обстановку в Тибете. Сейчас он [Дж. Неру] не вспомнит, какие вопросы [они] задали друг другу относительной той обстановки. Однако [Дж. Неру] сказал следующее: «В соответствии с его [Чжоу Эньлая] заявлением тогда, хотя Тибет является частью Китая, Тибет не является Китаем, [и], поскольку Тибет всегда был подвластной Китаю территорией с автономным правительством, [Китай] даже имел желание наделить [Тибет] полной автономией. В соответствии с тем, как я [Дж. Неру] запомнил, он сказал такие слова насчет политики относительно “тибетского вопроса”. Я сам очень обрадовался тому, что он настойчиво говорил о наделении Тибета полной автономией и независимостью. Я ответил ему [Чжоу Эньлаю]: “Если, в соответствии с тем, что он сказал, Тибет наделят правом полной автономии и независимости, сложности, которые возникли ранее в Тибете, несомненно пойдут на убыль”. [...]»¹³⁴⁵.

Резюмируя длинную речь Дж. Неру в авторской обработке Тарчина, необходимо, в первую очередь, отметить акцент на прочности и близости исторических связей Индии и Тибета, который трижды появляется в тексте. Дж. Неру утверждает, что такие связи имеются между Индией и Тибетом («Индия и тибетцы имеют прочные родственные, культурные и прочие связи»¹³⁴⁶), что Индия руководствуется этими связями в своей политике по отношению к Тибету («опираясь на имеющиеся с давних времен тесные культурные и религиозные связи с Тибетом, [Индия] испытывает глубокую симпатию к тибетцам»¹³⁴⁷) и что Индия желает и далее сохранять такие связи с Тибетом («у нас есть желание находиться в тесных связях в чистой взаимной дружбе с тибетцами»¹³⁴⁸).

¹³⁴⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 2–3.

¹³⁴⁶ Тиб. *rgya gar dang bod mi rnams gyis bar la/ nye tshan gyi 'brel ba dang shes rig sogs kyi 'brel ba brtan por yod.*

¹³⁴⁷ Тиб. *bod dang sngon nas shes rig dang chos sogs kyi 'brel gnas dam por yod par brten/ bod mi rnams la sha tsha 'i sems tshor chen por yod.*

¹³⁴⁸ Тиб. *nga tshos bod mi rnams dang mthun 'brel gtsang mar nye 'brel byed 'dod yod.*

В статье Дж. Неру осуждает КНР за применение силы против тибетских монахов («тот урон, который коммунистический Китай нанес многочисленным монашеским общинам путем неподобающего насилия, является причиной тотального упадка благих добродетелей»¹³⁴⁹) и «очень» просит «расширения свободы и независимости» Тибета¹³⁵⁰. Дж. Неру, в изложении Тарчина, словно вторя самому редактору «Зеркала Тибета», заявляет о том, что тибетское правительство никогда не признавало свое подчинение Китаю¹³⁵¹. Таким образом, Индия в «Зеркале Тибета» оказывается полностью на стороне Тибета в противостоянии с КНР, хоть и, «с точки зрения политики», никак не может помочь Тибету¹³⁵², и в то же время даже хотела бы дружить и с Китаем.

Последнее, что можно отметить в данной публикации, – это сглаживание brutального «наследия» колониальной Индии и Великобритании. В результате военной экспедиции Ф. Янгхазбенда в Тибет британские солдаты с помощью современных артиллерийских орудий и пулеметов убили сотни примитивно вооруженных тибетцев, разграбили отдельные монастыри и форты, а также принудили тибетское правительство подписать договор на выгодных для Великобритании условиях¹³⁵³. Однако Дж. Неру, в обработке Тарчина, смягчает реалии вторжения экспедиции полковника Ф. Янгхазбенда в Тибет, утверждая, что «это не было устрашающим вмешательством с захватом по указу правительства»¹³⁵⁴. Еще одним спорным тезисом в речи Дж. Неру является заявление о том, что Индия, даже если и захватывала тибетские территории ранее, всегда отдавала их обратно. По сообщению Церинг Шакьи, через два месяца после провозглашения независимости Индии в октябре 1947 г., тибетское правительство потребовало у Индии вернуть «тибетские территории, которые были постепенно аннексированы британцами», однако Дж. Неру отклонил данное требование как

¹³⁴⁹ Тиб. *rgya dmar nas tshul min dbang gis dgon sde khag mang gtor skyon btang ba de ni gang min bsod nams nyams pa'i rgyu red.*

¹³⁵⁰ Тиб. *nga tsho khong tshor rang dbang rang btsan yar 'phel yong rgyur yid 'dod chen po zhu gi yod.*

¹³⁵¹ Тиб. *rgya nag gzhung re re nas bod 'di rgya khongs yin par brjod 'dug kyang / 'bod gzhung rim pa nas ngo len byas mi 'dug.*

¹³⁵² Тиб. *rgya gar nas khrims bstun ltar bod skor srid phyogs nas gang yang byed mi thub.*

¹³⁵³ Powers and Templeman 2012: 271, 740–741. McKay 2012: 14, 19.

¹³⁵⁴ Тиб. *'di ni bkas bskos rgyud 'dzin pa'i dbang gnon the byus byas pa ma red.*

«нереалистичное»¹³⁵⁵. Позднее в свете деятельности тибетоязычных повстанцев в конце 1950-х–начале 1960-х гг. и иммиграции Далай-ламы XIV в Индию нерешенные территориальные споры на границе Индии и Тибета привели к эскалации напряженности в регионе и китайско-индийскому конфликту в октябре–ноябре 1962 г.

Для более поздних заявлений премьер-министра Индии Дж. Неру о «тибетском вопросе» в «Зеркале Тибета», тем не менее, характерен более сдержанный дипломатический тон. Например, в выпуске за июль 1959 г. Тарчин размещает текст еще одного выступления Дж. Неру, однако в этот раз премьер-министр Индии не делает никаких заявлений относительно политического статуса Тибета и ограничивается лишь отчетом о текущей ситуации с тибетоязычными иммигрантами:

Как сообщается в новостях из Нью-Дели от 7 июля [1959 г.], во время ежемесячной встречи с корреспондентами в Дели уважаемый премьер-министр [Дж.] Неру выступил с речью.

Насчет достопочтенного Далай-ламы уважаемый премьер-министр [Дж.] Неру [заявил]: «Сложно понять, что необходимо сказать, [но] мы отчетливо видим, как обстоят и не обстоят его дела. Мы в равной степени осознаем [его] чувства [из-за] сложностей. Достопочтенный Далай-лама достиг возраста 25 лет¹³⁵⁶. Не только он, но и его земляки пережили ужаसाющий опыт.

Как Вы понимаете, поскольку он главный духовный лидер [Тибета], мы выразили ему уважение путем радушного приема. Пока достопочтенный Далай-лама находится в Индии, мы будем проявлять по отношению к нему большую любовь и уважение. [Мы] не только радушно приняли также примерно 12 тысяч человек [из Тибета], но и, постепенно разделив тибетцев, которые просят об убежище, на группы, отправим их в различные горные области. Беженцев не будут отправлять на равнинную местность. [Некоторых] из них отправят в древние монастыри Сиккима, а некоторых поселят в других областях, которые не имеют

¹³⁵⁵ Shakyа 2000: 280.

¹³⁵⁶ Далай-лама XIV Тэндзин Гьяцо родился 6 июля 1935 г., то есть в 1959 г. ему было 24 года по западной системе подсчета возраста. Дж. Неру в данном изложении Тарчина, очевидно, использует восточноазиатскую систему подсчета возраста, согласно которой после рождения ребенка к его возрасту прибавляют один год. Церинг Шакья сообщает, что 1959 г., когда Далай-ламе исполнилось 25 лет, считался астрологически неблагоприятным для тибетского лидера, поэтому некоторые верили в то, что этот год принесет сложности не только самому Далай-ламе XIV, но и всему его народу (Shakyа 2000: 191). Возможно, Дж. Неру упоминает в своей речи возраст Далай-ламы XIV в связи с этим предубеждением тибетцев.

отношения к Сиккиму. Детей беженцев отправляли и отправляем в школы и подобные учреждения. Мы пытаемся постепенно преодолеть эти трудные обстоятельства»¹³⁵⁷.

В нарративе Тарчина Индия «радушно принимает»¹³⁵⁸ Далай-ламу XIV и бежавших вместе с ним жителей Тибета, при организации поселений беженцев учитывает высокогорную специфику их родных мест проживания и ищет способы решить имеющиеся трудности. Дж. Неру выражает сочувствие и симпатию жителям Тибета и Далай-ламе, однако он четко обозначает статус Тэндзин Гьяцо как «духовного лидера»¹³⁵⁹, но не политического. И, хотя премьер-министр Индии признает «ужасающим»¹³⁶⁰ пережитое Далай-ламой, тибетоязычных беженцев он дипломатично называет «земляками»¹³⁶¹ Далай-ламы, но не его «подданными» или его «народом».

Интересно, что непосредственно перед этой публикацией Тарчин разместил краткую заметку, состоящую из всего одного предложения: «Каким бы ни было тибетское правительство на территории Индии, [оно] не будет признано»¹³⁶². Вероятно, как бы ни хотелось редактору «Зеркала Тибета» обратного, но тематически выдержанное исключительно в рамках гуманитарной помощи выступление Дж. Неру не позволило ему в этот раз развить тему поддержки тибетской независимости от имени Индии.

В том же выпуске «Зеркала Тибета» за июль 1959 г. Тарчин посвящает еще одну публикацию созданию положительного образа Индии и Сиккима как «друзей» Тибета, которые пришли на помощь тибетским иммигрантам:

Индийское правительство предоставило убежище для всех, кто отправился в изгнание из Тибета во главе с Далай-ламой. Для примерно 10 тысяч монахов и мирян, прибывших через Таванг¹³⁶³ в [районе] Мон, и нескольких тысяч монахов и мирян, прибывших через Бутан, – общей численностью свыше 13 тысяч – индийское правительство создало условия для временного расселения в [местности] под названием Массури¹³⁶⁴ и в [местности] под

¹³⁵⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7–8.

¹³⁵⁸ Тиб. *dga' bsu zhus*.

¹³⁵⁹ Тиб. *chos kyi dbu gtso*.

¹³⁶⁰ Тиб. *'jigs rung gi nyams myong myangs pa red*.

¹³⁶¹ Тиб. *khong gi lung pa'i mi rnams*.

¹³⁶² Тиб. *rgya gar sa gnas su bod gzhung dang 'dra zhig yin rung ngos 'dzin byed kyi ma red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

¹³⁶³ Тиб. *mon rta dbang*.

¹³⁶⁴ Англ. *Mussoorie*.

названием Бакса Дуары¹³⁶⁵ на границе с Бутаном. Условия [для жизни там] продолжают улучшаться.

Из-за того, что в сжатые сроки пытаются переселить [тибетцев] в более прохладные места, правительство Сиккима в силу чрезвычайного милосердия к тибетцам также предоставило работу по строительству дорог в прохладных районах Сиккима для более чем двух тысяч человек, и к настоящему времени свыше примерно тысячи [тибетцев] отправились в Гангток.

Уважаемое правительство Сиккима оказывает существенную помощь в лечении многочисленных заболевших из-за жарких [погодных] условий. Более того, во время непродолжительной встречи в Гангоке я был очевидцем того, как уважаемая госпожа Пунканг¹³⁶⁶ из семьи Далай-ламы [XI Кэдуб Гьяцо¹³⁶⁷] вместе с принцессой Сиккима и сыном уважаемого сиккимского чиновника Бартинга¹³⁶⁸ ежедневно осматривают и утешают больных, за что я должен выразить им благодарность.

Помимо этого, многие ламы и *тулку*, самостоятельно выдвинулись и прибыли в Калимпонг, так как из-за жары им было некомфортно находиться в Массури. Однако, хоть фактически у всех, вероятно, и имеются трудности, главное, что достопочтенный Далай-лама и тибетское правительство непременно сделают все возможное.

Вдобавок к этому, для примерно сотни беженцев Калимпонгский район организует необходимые условия для сбора людьми пожертвований. Недавно сюда прибыл достопочтенный Ачарья Крипалани¹³⁶⁹. Когда [он] обратился с прошением относительно назначения Собрания представителей заведующих хозяйством, глава заведующих хозяйством ответил, что помощь придет, однако до сих пор благоприятные условия не сложились, но есть большая надежда, что вскоре сложатся.

Также индийское правительство уделяет существенное внимание и принимает меры для того, чтобы более полутора тысяч ученых-монахов со степенью *геше* поселились в местности Бакса и преподавали [там Учение], меры для того, чтобы более 500 лам, которые являются носителями линий передачи [Учения], прибыли и разместились в Пенджабе в местности под названием Дальхузи, а также делает все возможное для обычных монахов¹³⁷⁰.

¹³⁶⁵ Англ. *Buxa Dooars*.

¹³⁶⁶ Тиб. *yab gzhi phun khang lha lcam mchog*.

¹³⁶⁷ Тиб. *mkhas grub rgya mtsho*; 1838–1856.

¹³⁶⁸ Тиб. *'bar thing*. Вероятно, Тарчин имеет в виду одного из двух сыновей сиккимского чиновника Бармиок Атинга (англ. *Barmiok Athing*; 1904–1988). См. Tashi Tenzin 2010.

¹³⁶⁹ Англ. *Acharya Kripalani*; 1888–1982. Индийский общественно-политический деятель и активист движения за независимость Индии.

¹³⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: suppl. 1.

Таким образом, Индия в нарративе Тарчина приходит на помощь и делает «все возможное»¹³⁷¹ для бежавших из КНР тибетцев: предоставляет для всех убежище, старается расселить в более прохладных районах, улучшает условия жизни, организует сбор пожертвований, заботится о тибетских ламах и монахах. Еще один «друг» Тибета Сикким¹³⁷² проявляет не менее сочувственное отношение к тибетским иммигрантам и также оказывает им существенную помощь. При этом «главным» в публикации Тарчин отмечает то, что, несмотря на имеющиеся трудности, «достопочтенный Далай-лама и тибетское правительство непременно сделают все возможное»¹³⁷³ для тибетцев. Тем самым редактор «Зеркала Тибета» продолжает конструировать нарратив, в котором тибетское правительство Гандэн Поданг, иммигрировав вместе с Далай-ламой XIV в Индию, не утрачивает своей легитимности и все так же трудится на благо своих граждан, только теперь из Индии.

Публикации Тарчина о неравнодушии Индии к «тибетскому вопросу» не ограничивались сообщениями о поддержке тибетских иммигрантов. Отдельные представители Индии в «Зеркале Тибета» в конце 1950-х–начале 1960-х гг. также проявляли солидарность в осуждении притеснений и нарушения прав человека в Тибете. Например, в выпуске за ноябрь–декабрь 1959 г. под громким заголовком «В Тибете разыгрывают трагедию страданий и террора»¹³⁷⁴ Тарчин публикует перевод выступления на тему «тибетского вопроса» индийского политика Канайялала Манеклала Мунши¹³⁷⁵:

Согласно последним новостям из Агры за 13 декабря [1959 г.], лидер группы под названием «Независимая Индия», который ранее служил губернатором штата Уттар-Прадеш, господин К.М. Мунши в течение двух дней проводил заседание по «тибетскому вопросу».

Приблизительный перевод того, что он сказал тогда:

«Поскольку слышали о том, что в Тибете сейчас ужасающая ситуация с притеснениями путем [причинения] невыносимых страданий, мы тоже искренне сильно огорчились.

¹³⁷¹ Тиб. *thabs shes gang drag gnang mus su mchis*.

¹³⁷² Индологи Ф.Н. Юрлов и Е.С. Юрлова определяют Сикким того периода как «квазисуверенное государство, которое имело договорные отношения с Индией и находилось под ее протекторатом» (Юрлов, Юрлова 2010: 313).

¹³⁷³ Тиб. *gtso che gong sa mchog dang bod gzhung nas thabs shes gang drag gnang nges*.

¹³⁷⁴ Тиб. *bod du mya ngan dang 'jigs skrag can gyi zlos gar zhig khrab bzhin pa red*.

¹³⁷⁵ Англ. *Kanaiyalal Maneklal Munshi*; 1887–1971.

Вместе с тем, раньше Тибет, как и мы, являлся независимым религиозным государством. Нововведения каких бы то ни было злонамеренных и чрезвычайно неподобающих мер относительно ограничений прав человека и религиозной сферы в независимом государстве являются ничем иным, как непристойными низменными деяниями, которые нарушают этические нормы. Более того, с помощью сочетания древней политической стратегии и коммунистической идеологии коммунистический Китай усиливал ужасную обстановку в Тибете.

Поскольку это касается не только Тибета и распространяется и у нас на пороге, нам нельзя допускать ни малейшей ошибки. Представители китайского народа под названием «хань» проводили и проводят кампанию насильственного экспансионизма. Они говорили и говорят, что освободят не только Тибет, [но и] все народы Азии.

Как сказал уважаемый [Ципон] Шакабпа, министр и политический фронтмен (идеолог политической стратегии), которого достопочтенный Далай-лама [XIV] специально отправил на это собрание, коммунистический Китай подвергал и подвергает Тибет невыносимой тирании. [Китайские коммунисты] начали уничтожать прекрасную древнюю традиционную религию и культуру всего тибетского народа, а также социальные нормы, права и благосостояние живых существ. По мнению некоторых людей, за исключением всего нескольких лам, монахов и чиновников, по отношению к другим подобной неподобающей обстановки [китайские коммунисты] не создают. Хотя [кто-то так] думает, это не так. Коммунистический Китай уничтожал весь тибетский народ, не считаясь с высоким или низким происхождением, религией и чем-либо еще. Поэтому важно помочь [заложить] фундамент обретения мира в Тибете с помощью справедливой этико-правовой системы»¹³⁷⁶.

Если бы Тарчин не сообщил в начале публикации о том, что это перевод речи К.М. Мунши, можно было бы подумать, что редактор «Зеркала Тибета» сам предоставил эту крайне критическую оценку действий КНР в Тибете. Индиец К.М. Мунши, активист индийского национально-освободительного движения, политик и писатель, выступает в «Зеркале Тибета» от имени всей Индии. Заявление было сделано через девять месяцев после иммиграции Далай-ламы в Индию, однако по сравнению с вышеупомянутыми выступлениями Дж. Неру за апрель 1959 г. риторика К.М. Мунши звучит существенно жестче: Индия уже не говорит о созеренитете Китая, переноса акцент на то, что ранее Тибет определенно был

¹³⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959: 9.

независимым («раньше Тибет, как и мы, являлся независимым религиозным государством»¹³⁷⁷). Более того, создается дополнительная амбивалентность, поскольку К.М. Мунши, продолжая рассуждать о сравнительно недавнем времени, когда Тибет уже стал частью КНР, намекает на «независимый» политический статус Тибета: «Нововведения каких бы то ни было злонамеренных и чрезвычайно неподобающих мер относительно ограничений прав человека и религиозной сферы в независимом государстве являются ничем иным, как непристойными низменными деяниями, которые нарушают этические нормы»¹³⁷⁸.

Как и в публикациях от имени самого Тарчина, КНР в речи индийского политика предстает в образе агрессора и тирана. В трех последовательных предложениях К.М. Мунши, в изложении Тарчина, использует грамматические конструкции, с помощью которых нагнетает обстановку и создает эффект неопределенной длительности агрессии Китая, направленной не только на Тибет, но и потенциально на всю Азию: китайские коммунисты «проводили и проводят кампанию насильственного экспансионизма»¹³⁷⁹, «говорили и говорят, что освободят не только Тибет, [но и] все народы Азии»¹³⁸⁰, «подвергали и подвергают Тибет невыносимой тирании»¹³⁸¹.

Докладчик дважды подчеркивает, что политика КНР в Тибете ужасает Индию («в Тибете ужасающая ситуация с притеснениями путем [причинения] невыносимых страданий»¹³⁸² и «коммунистический Китай усиливал ужасную обстановку в Тибете»¹³⁸³), и обвиняет КНР в уничтожении тибетского народа и его культуры («начали уничтожать прекрасную древнюю традиционную религию и культуру всего тибетского народа, а также социальные нормы, права и благосостояние живых существ»¹³⁸⁴, «уничтожал весь тибетский народ»¹³⁸⁵).

¹³⁷⁷ Тиб. *sngon du bod 'di ni nga tsho dang 'dra bas chos ldan rang btsan rgyal khab gcig yin.*

¹³⁷⁸ Тиб. *rang btsan rgyal khab de 'i mi 'i dbang tshad dang / _chos phyogs su shin tu mi mtshams pa 'i lag len ngan pa ji dang ji bstar ba nmams ni mi chos khriims 'gal gyi las ngan 'tshabs chen sha stag bgyis.*

¹³⁷⁹ Тиб. *rgya nag han zer ba 'i mi rigs de dag ni rgya 'gyed btsan bshed ring lugs kyi las 'gul byas dang byed mus red.*

¹³⁸⁰ Тиб. *de tshos bod tsam ma yin par e she ya 'i mi rigs yongs la bcing bkrol btang gi yin zhes brjod dang brjod mus red.*

¹³⁸¹ Тиб. *rgya dmar nas bod la mnar gcod mi bzod pa btang dang gtong bzhin.*

¹³⁸² Тиб. *bod yul du deng sang mya ngan mi bzod pas mnar ba 'i gnas lugs 'jigs su rung ba 'i skor thos.*

¹³⁸³ Тиб. *rgya dmar nas [...] bod la gnas lugs ngan pa rgya cher spel ba red.*

¹³⁸⁴ Тиб. *bod rigs yongs rdzogs kyi sngar srol bzang po 'i chos dang shes rig nmams dang 'gro ba mi 'i tshad dbang bde rtsa nmams rtisa med bzo 'gyur brtsams pa red.*

¹³⁸⁵ Тиб. *bod rigs yongs rdzogs rtisa med bzos pa red.*

Выступление К.М. Мунши завершается его заверением об озабоченности «тибетским вопросом» и симпатии Индии к Тибету: «важно помочь [заложить] фундамент обретения мира в Тибете»¹³⁸⁶.

Не только К.М. Мунши рассуждал об опасности такого соседа «на пороге»¹³⁸⁷ Индии как КНР. Эту идею пропагандировал и сам Тарчин в своих публикациях, пытаясь внести ноту отчуждения в отношения Индии и Китая. В шестом выпуске 27-го года издания за февраль–март 1961 г. под заголовком «Опасения, что благополучие малочисленных народов, которые находятся в долинах Гималаев, собираются съесть красные демоны с востока»¹³⁸⁸ редактор размещает злое предупреждение с оригинальной поэтической концовкой:

Сейчас коммунистическому Китаю вскружило голову процветание и могущество независимого индийского государства, и [он] применяет разнообразные грубые и мягкие стратегии [для удовлетворения своего] голода.

Если спросите, почему такие стратегии? Это потому, что [КНР], чтобы проглотить и терроризировать критически важные регионы, которые подобны пальцам на севере Индии – на западе верхний Ладакх и район ниже на востоке Ассама, [а также] соседние государства Непал, Сикким и Бутан между [ними] – под предлогом притворной любви пытается распространить коммунистические стратегии [там] и отделить [эти территории] от Индии. Иначе говоря, [китайские коммунисты] пытаются навредить мощи Индии, [чтобы она стала] как, к примеру, ладонь без пальцев, которая лишена какой-либо силы.

Кроме того, раньше, например, между Индией и Китаем было независимое тибетское религиозное государство, поэтому два сильных государства могли находиться каждое на своем собственном месте без необходимости встречаться лицом к лицу, или независимое тибетское государство стояло как пограничная охрана между двух обоюдно процветающих государств.

Тем не менее, когда в 1950 г. коммунистический Китай вторгся в Тибет, правительство независимого Тибета обратилось с петицией в ООН и к правительству [своего] соседа Индии, однако, так как проигнорировали и не придали ей какого-либо значения, не оказалось никого, кто бы обратил внимание и поверил [в содержание петиции].

¹³⁸⁶ Тиб. *bod la zhi bde 'thob pa'i gzhi rtsar phan grogs nges par gngang dgos gal che zhes gsungs 'dug.*

¹³⁸⁷ Тиб. *rang re's sgo 'gram la.*

¹³⁸⁸ Тиб. *hi ma la ya'i ri bsul du chags pa'i mi rigs grangs nyung rnam kyi bde skyid la shar phyogs srin dmar gyis za sems la dwogs zon.*

Более того, Тибет принимали за составляющую Китая, поэтому в настоящее время независимому тибетскому государству также ничего не остается, кроме как быть под властью коммунистического Китая. Поскольку монахи и миряне, все люди высшего и низшего [сословия] из Кама и Тибета не предвидели [дурного], все они пострадали, будучи одурачены лживыми речами китайских коммунистических демонов в «Соглашении из 17 пунктов», которое подобно обмазанному медом острому ножу и шляпе из сырой кожи. А сейчас посмотрите, как в мире людей [жители Тибета] испытывают страдания от совершения самоубийств [обмазанным медом] острым ножом, сжатия своих голов шляпой из мокрой кожи и других лишений.

Аналогично, сейчас маленьким государствам и народам, которые находятся между Индией и Тибетом, коммунистический Китай будет говорить приятную демоническую ложь. Если будете чрезвычайно осторожны относительно этого и не будете обманываться, будет очень хорошо. Иначе [и у Вас] непременно будет как [то, что] сейчас видите и слышите про происходящее в Китае и Тибете.

«Соглашением из 17 пунктов»

Будучи обманута, целая тибетская нация была уничтожена.

«Пятью принципами мирного сосуществования»

будучи обманута, Индия поставлена в неудобное положение¹³⁸⁹.

В публикации Тарчин развивает конспирологическую теорию «критически важных» для Индии «пяти пальцев», которые, по убеждению редактора, стремятся захватить КНР¹³⁹⁰, чтобы подорвать «мощь»¹³⁹¹ Индии. Изобретение внешнеполитической теории под названием «Пять пальцев Тибета»¹³⁹² приписывают Мао Цзэдуну¹³⁹³, однако научного подтверждения этому найти не удалось. Согласно теории, лидер КНР рассматривал Тибет как «ладонь», а территории Непала, Бутана, Сиккима, Ладакха и современного Аруначал-Прадеша как пять «пальцев»¹³⁹⁴. После включения Тибета в состав КНР в 1951 г. китайские

¹³⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

¹³⁹⁰ Тиб. *rgya gar gyi byang phyogs su lag sor lta bu'i sa gnas 'gag rtsa che ba nub stod la dwags dang smad shar a sam khul dang / bar du khyim mtshes rgyal khab bal yul dang 'bras 'brug khag la [...]* za sems dbang gnon byed phyir dmar po'i srid byus spel thabs dang / *rgya gar nas tha dad du 'phral thabs byed kyi yod pa red.*

¹³⁹¹ Тиб. *rgya gar gyi stobs shugs la gnod thabs byed kyi yod pa red.*

¹³⁹² Кит. 西藏的五指.

¹³⁹³ В частности, такую гипотезу выдвигает Тешу Сингх, сотрудница индийского Института исследования мира и конфликтов (англ. *Institute of Peace and Conflict Studies*), ссылки на источник информации она не приводит (Singh Teshu 2013: 1).

¹³⁹⁴ Singh Teshu 2013: 1. Профессор Военно-морского колледжа США (англ. *The US Naval War College*) Пол Дж. Смит считает, что автором метафоры «пяти пальцев» был британский журналист Десмонд Дойг (англ. *Desmond Doig*), который опубликовал статью «Индия должна защитить пограничные государства» (англ. *India to Protect*

коммунисты якобы стремились создать буферную зону на китайско-индийской границе, которую и должны были сформировать так называемые «пять пальцев»¹³⁹⁵. Пропагандируя теорию «Пяти пальцев», Тарчин пытается враждебно настроить против КНР, в первую очередь, Индию, однако параллельно он также призывает Сикким, Непал и Бутан «быть чрезвычайно осторожными» и «не обманываться»¹³⁹⁶ обещаниями китайцев.

Применительно к китайским коммунистам редактор использует инвективный ярлык «демонов»¹³⁹⁷, в данном случае буквально отчуждая их от «мира людей»¹³⁹⁸, где действия КНР вызывают лишь «страдания»¹³⁹⁹. Для характеристики политики «коммунистических демонов» Тарчин подбирает яркие сравнения («Соглашение из 17 пунктов» «подобно обмазанному медом острому ножу и шляпе из сырой кожи»¹⁴⁰⁰; «навредить» Индии, чтобы она была «как [...] ладонь без пальцев, которая лишена какой-либо силы»¹⁴⁰¹), метафоры (тибетцы по вине «демонов» страдают от «совершения самоубийств [обмазанным медом] острым ножом»¹⁴⁰² и «сжатия своих голов шляпой из мокрой кожи»¹⁴⁰³), эпитеты («притворная любовь»¹⁴⁰⁴, «приятная ложь»¹⁴⁰⁵). В то же время редактор четыре раза повторяет, что Тибет был и до сих пор остается «независимым государством»: «между Индией и Китаем было независимое тибетское религиозное государство»¹⁴⁰⁶, «независимое тибетское государство стояло как пограничная охрана»¹⁴⁰⁷, «правительство независимого Тибета обратилось с петицией»¹⁴⁰⁸, «в

Border States) в выпуске «Вашингтон пост» за 26 августа 1959 г. (Smith P.J. 2013: 27, 34). Интересно, что обе публикации на тему «Теории пяти пальцев» (и Тешу Сингх, и Пола Дж. Смита) вышли в 2013 г.

¹³⁹⁵ Teshu Singh 2013: 1; Smith P.J. 2013: 27.

¹³⁹⁶ Тиб. *de la dwogs zon chen po gngang zhing / _dbu ma 'khor na ha cang yag po red.*

¹³⁹⁷ Тиб. *srin mo*; тиб. *srin dmar.*

¹³⁹⁸ Тиб. *mi yul.*

¹³⁹⁹ Тиб. *sdug bsgal.*

¹⁴⁰⁰ Тиб. *sbrang rtsi byugs pa 'i spu gri dang klo rlon zhwa mo dang 'dra ba 'i gros mthun don mtshan l7pa.*

¹⁴⁰¹ Тиб. *sor mo med pa 'i lag mthil la nus shugs gang yang bral ba ltar rgya gar [...] la gnod.*

¹⁴⁰² Тиб. *spu gris rang srog bcaid.*

¹⁴⁰³ Тиб. *ko rlon zha mos rang mgo btsir.*

¹⁴⁰⁴ Тиб. *bcos ma 'i brtse ba.*

¹⁴⁰⁵ Тиб. *gyo gtam snyan po.*

¹⁴⁰⁶ Тиб. *sngon du rgya gar dang rgya nag gnyis kyi bar la bod chos ldan rang bisan rgyal khab yod.*

¹⁴⁰⁷ Тиб. *bod rang dbang rgyal khab kyis [...] sa srung ba lta bur gnas yod pa red.*

¹⁴⁰⁸ Тиб. *bod rang bisan gzhung gis [...] snyan gseng zhus.*

настоящее время независимому тибетскому государству ничего не остается [...]»¹⁴⁰⁹.

В конце статьи в четырех семисложных строках Тарчин прибегает к гиперболизации и заявляет об уничтожении «целой тибетской нации»¹⁴¹⁰, после чего с помощью синтаксического и лексического параллелизма уподобляет «Пять принципов мирного сосуществования» (также известные как «Панча шила»¹⁴¹¹), которые были утверждены Индией и КНР в 1954 г. в преамбуле китайско-индийского «Соглашения о торговле и связях Тибетского района Китая с Индией»¹⁴¹², «Соглашению из 17 пунктов», в результате которого Тибет официально признал себя частью КНР в 1951 г., тем самым убеждая Индию, что она была обманута Китаем в 1954 г., и внося напряженность в индийско-китайские отношения.

Кто еще входил в круг «друзей» Тибета, по мнению Тарчина? Как уже упоминалось, в публикациях «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. представители партии Гоминьдан в отличие от китайских коммунистов изображались не «врагами» Тибета, а, наоборот, союзниками тибетцев. Тарчин называл Гоминьдан «истинным» или «настоящим» китайским правительством¹⁴¹³ и, самое главное, утверждал, что представители Гоминьдана предоставят Тибету независимость, если вновь придут к власти в Китае¹⁴¹⁴. Публикуя новости о Гоминьдане в 1950–1960-е гг., редактор «Зеркала Тибета» выступал за возвращение Гоминьдана на материковый Китай и прогнозировал успех Чан Кайши в противостоянии с КНР¹⁴¹⁵.

Тарчин не раз размещал новости о Гоминьдане рядом с новостями из Тибета. Так, на первой полосе десятого выпуска 21-го года издания за январь 1954 г. в окружении новостей о Гоминьдане редактор публикует полученное им письмо из Тибета с критикой политического курса КНР и «освобождения» Тибета силами

¹⁴⁰⁹ Тиб. *rang bisan bod rgyal khab de yang da cha rgya dmar bisan 'og tu mi tshud ka med byung ba red.*

¹⁴¹⁰ Тиб. *bod rigs thams cad phung.*

¹⁴¹¹ Хин. पंचशील.

¹⁴¹² Тихвинский 2017: 570.

¹⁴¹³ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2 или *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 7.

¹⁴¹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

¹⁴¹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

НОАК¹⁴¹⁶. Непосредственно над письмом Тарчин помещает новость о том, что правительство Гоминьдан собирается атаковать Коммунистическую партию Китая, а сразу после письма из Тибета – сообщение о том, что правительство США оказывает помощь Гоминьдану в виде поставок вооружения и уже скоро войска Гоминьдана войдут в районы материкового Китая¹⁴¹⁷.

В выпусках за 1950–1960-е гг. редактор «Зеркала Тибета» изображал Гоминьдан как выгодного союзника в решении «тибетского вопроса» не только потому, что любой «враг» КНР автоматически становился «другом» сторонников независимости Тибета, а потому, что в интерпретации Тарчина союз с Гоминьданом практически приравнивался к союзу с США. Тарчин неоднократно подчеркивал, что Гоминьдан пользуется широкой поддержкой США, соответственно, потенциальная коалиция этих двух правительств должна была не оставить ни шанса на победу КНР. Например, в пятом выпуске 22-го года издания за сентябрь 1954 г. под заголовком «Раздутое заявление об освобождении Формозы или Тайваня»¹⁴¹⁸ Тарчин демонстрирует, что любые угрозы правительства КНР безопасности Тайваня встретят не менее решительный ответ со стороны США:

Недавно по пекинскому радио объявили: «Вскоре непременно будем освобождать остров Формоза. В это время ни одному иностранному государству не разрешено вмешиваться. Если кто-то так сделает [вмешается], ему не поздоровится».

Американский президент дал наподобие вот такого ответа: «Седьмой полк морской пехоты [США] непременно защитит остров Формоза».

Когда я смотрю на подобные заявления, то ясно вижу, что, если Коммунистическая партия [Китая] осуществит вторжение на остров Формоза, то США предоставит поддержку Чан Кайши. При таких обстоятельствах не разгорится ли с Формозы пожара Третьей мировой войны, в котором солдаты и коммунистический огонь [сами] уничтожат себя и других¹⁴¹⁹?

С помощью лексического повтора «непременно» Тарчин презентует свою версию («наподобие вот такого ответа»¹⁴²⁰) зеркального ответа США на заявление

¹⁴¹⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

¹⁴¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

¹⁴¹⁸ Тиб. *phor mo sa'am da'i wan bcings bkrol gtong rgyu'i 'ur gtam*.

¹⁴¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 11.

¹⁴²⁰ Тиб. *de'i lan ta bu*.

КНР о грядущем освобождении о. Тайвань, в котором показывает, что на агрессию китайских коммунистов найдется равное по силе противодействие: КНР «непрерывно будет освобождать»¹⁴²¹, а США «непрерывно защитит»¹⁴²².

Сразу же за этой новостью на той же странице под заголовком «Освобождение Китая»¹⁴²³ Тарчин анонсирует решительные планы уже самого главы правительства Гоминьдан Чан Кайши:

Из заявления главы истинного правительства Китая Чан Кайши: «Вскоре весь народ Китая, который [еще] остается в труднодоступных районах, непременно будет осчастливлен путем освобождения из-под гнета последователей русских коммунистов».

[Чан Кайши] не только это сказал, но также заявил, что тибетский буддизм, которому насильственно наносят вред путем [насаждения] атеизма в религиозном регионе, тоже освободят. Говорят, что даже утвердили программу, [согласно которой] в дальнейшем Тибет будет оставлен независимым.

Как бы там ни было, хотя обе стороны и говорят, что освободят друг друга, кто кого освободит, сейчас [остается] только наблюдать. Если [Гоминьдан] не освободит [Тибет], то Третья мировая война освободит¹⁴²⁴.

В то время как китайские коммунисты в нарративе Тарчина лишь притесняют народ Китая и насильственно вредят тибетскому буддизму, главный представитель Гоминьдана Чан Кайши, обозначенный как «глава истинного правительства Китая»¹⁴²⁵, используя ту же лексику «непрерывно», что и главные персонажи предыдущей публикации на той же странице, обещает принести освобождение и счастье всем угнетенным: «Вскоре весь народ Китая [...] непременно будет осчастливлен путем освобождения из-под гнета последователей русских коммунистов»¹⁴²⁶. При этом Тибету глава Гоминьдана, в изложении редактора «Зеркала Тибета», гарантирует не просто освобождение, а именно независимость¹⁴²⁷. Более того, Тарчин дополняет образ правительства Гоминьдан таким важным штрихом как покровительственное отношение к тибетской религии

¹⁴²¹ Тиб. *ring ming phor gling bcings bkrol byed nges gtan*.

¹⁴²² Тиб. *phor gling la msho dmag ang bdun pas bsrung skyobs byed nges gtan yin*.

¹⁴²³ Тиб. *rgya nag bcings dkrol*.

¹⁴²⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXII No. 5, September 1954: 11.

¹⁴²⁵ Тиб. *rgya gzhung ngo ma 'i spyi khyab cang kai shag*.

¹⁴²⁶ Тиб. *btsan dbang nas rgya nag yongs kyi mi dmagms mya ngam thang lus rnam la bcings bkrol thog bde la 'god rgyu nges gtan yin*.

¹⁴²⁷ Тиб. *slad phyin bod rang dbang rang btsan du 'jog rgyu 'i rtsa 'dzin sogs kyang gtan la phab bsgrubs*.

(«тибетское Учение [...] тоже освободят»¹⁴²⁸), что в корне отличает гоминьдановцев от китайских коммунистов-«врагов Учения».

На протяжении 1950–1960-х гг. редактор неоднократно публиковал новости, с помощью которых стремился сформировать у читателей «Зеркала Тибета» позитивное отношение и доверие к представителям Гоминьдана. Правительство Гоминьдан в сводках новостей Тарчина полностью поддерживает восстания против коммунистической власти в Тибете и даже планирует помогать жителям Тибета. Так, в выпуске за июль–август 1958 г. редактор сообщает следующее:

В соответствии с примерным переводом сообщения из китайской газеты из Калькутты, Комитет по делам Тибета и Монголии на Формозе заявил:

«[Мы] чрезвычайно рады, что в настоящее время в тибетском районе Кам ради защиты своей религиозной системы и независимости народ, собрав собственное войско, организует крупное восстание против коммунистического Китая. Ситуацию с их нуждами, целями и прочим смогут подробно проанализировать, и в дальнейшем Комитет по делам Монголии и Тибета рассчитывает оказывать соответствующую масштабную помощь. Отправляя в Тибет большое количество китайского народа, коммунистический Китай задействует многочисленные стратегии по уничтожению тибетской нации. Тибетцам несомненно необходимо опасаться этого»¹⁴²⁹.

Живой интерес Гоминьдана к «тибетскому вопросу» выражается в их «чрезвычайной радости»¹⁴³⁰ за антикоммунистические начинания тибетоязычных повстанцев во имя независимости Тибета и буддийского учения, а также в их озабоченности миграционной политикой КНР, которая, по мнению гоминьдановцев, так же, как и в публикациях от имени самого Тарчина, ставит своей целью «уничтожение тибетской нации»¹⁴³¹. Кроме того, образ Гоминьдана в «Зеркале Тибета» коренным образом отличается от китайских коммунистов еще и потому, что Гоминьдан обещает «масштабную помощь»¹⁴³² защитникам независимости Тибета.

¹⁴²⁸ Тиб. *bod chos chos ldan ljongs la chos min gyis btsan gnod byas pa'ang bkrol*.

¹⁴²⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 12.

¹⁴³⁰ Тиб. *deng dus khams bod khul du rang gi chos lugs dang rang dbang bsrung ched [...] rgya dmar la ngo rgol chen po byed kyi yod 'dug pa de la ha cang dga' spro chen po byung*.

¹⁴³¹ Тиб. *rgya dmar nas rgya yi mi dmangs mang po bod du btang nas bod kyi mi rigs med pa byed pa'i thabs byus mang po byed kyi yod pa red*.

¹⁴³² Тиб. *gang la gang 'os kyi rogs ram rgya chen po byed rtsis yin*.

В выпусках «Зеркала Тибета», которые выходили уже после марта 1959 г., Тарчин освещал саму помощь Гоминьдана тибетоязычным эмигрантам. Например, в выпуске за ноябрь–декабрь 1959 г. под заголовком «Глава гоминьдановского Комитета по делам Монголии и Тибета Ли Юнсинь¹⁴³³ заявил на встрече»¹⁴³⁴ Тарчин публикует отрывок «приблизительного перевода»¹⁴³⁵ выступления чиновника от имени правительства Гоминьдан:

После восстания в Лхасе в марте 1959 г. имеется более 25 тысяч тибетских монахов и мирян, которые отправились в бегство, и тайваньское правительство должно найти способ принять их всех. Кроме того, от более пяти тысяч из них тайваньское правительство получило петицию: «Мы непременно выдворим китайских коммунистов, поэтому просим о возможной помощи, поддержке и содействии». В связи с этим, чтобы спасти тибетских братьев, тайваньское правительство найдет способ принять [их], сказал [Ли Юнсинь].

Из граждан Тайваня более 700 человек в правительстве оказывают добровольную помощь тибетским братьям. Более того, люди, которые делают денежные пожертвования, передали тайваньскому правительству свыше 800 тайваньских долларов¹⁴³⁶ на помощь Тибету.

Сейчас среди жителей [о.] Тайвань есть в общей сложности 466 тибетца и монгола.

Правительство предоставляет им помощь, и у них очень хорошие условия жизни¹⁴³⁷.

Речь Ли Юнсиня свидетельствует о том, что, во-первых, правительство Гоминьдан тщательно следит за событиями в Тибете, а, во-вторых, выражает озабоченность судьбой тибетоязычных беженцев. Глава Комитета по делам Монголии и Тибета дважды повторяет, что правительство Гоминьдан хочет принять тибетских беженцев на о. Тайвань («тайваньское правительство должно найти способ принять их всех»¹⁴³⁸ и «тайваньское правительство найдет способ принять»¹⁴³⁹ беженцев), а также дважды называет тибетцев «братьями» («спасти тибетских братьев»¹⁴⁴⁰ и «оказывают добровольную помощь тибетским

¹⁴³³ Кит. 李永新; 1901–1972.

¹⁴³⁴ Тиб. *go min tang gi bod sog las khungs kyi dpon po rlis yun shing nas tshogs 'dur gungs par*.

¹⁴³⁵ Тиб. *rags bsgyur*.

¹⁴³⁶ В тексте использован базовый термин *sgor*, который может означать любую валюту. В силу того, что публикация представляет собой перевод речи чиновника правительства Гоминьдан, выступавшего на территории о. Тайвань, данный тибетский термин переведен как «тайваньский доллар».

¹⁴³⁷ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 6–7, November–December 1959: 9.

¹⁴³⁸ Тиб. *de tshang ma da'i wan gzhung nas tshur blang thabs byed dgos*.

¹⁴³⁹ Тиб. *da'i wan gzhung nas [...] tshur blang thabs byed kyi yin*.

¹⁴⁴⁰ Тиб. *bod rigs spun zla rnam la rogs skyabs slad*.

братьям»¹⁴⁴¹). Гомиьндан в нарративе Тарчина предстает как добрый благодетель, который предоставляет помощь даже тем тибетцам, которые не являются беженцами, а просто живут на постоянной основе на территории Тайваня («правительство предоставляет им помощь, и у них очень хорошие условия жизни»¹⁴⁴²). Последнее предложение в публикации несет в себе импликацию, что, если кто-то из тибетоязычных эмигрантов сейчас отправится на Тайвань, то правительство Гомиьндан будет помогать им и обеспечит такие же «хорошие условия жизни».

Для подтверждения покровительственного отношения к буддизму правительства Гомиьндан Тарчин освещал в «Зеркале Тибета», как гомиьндановцы делают подношения тибетским монахам во время празднования фестиваля Монлам Ченмо в Индии. В шестом выпуске 27-го года издания за февраль–март 1961 г. на следующей странице после сообщений о том, что правительство Тибета в изгнании и члены «Чуши Гангдуг» сделали подношения монахам во время Монлам Ченмо, редактор опубликовал новость о таком же почтительном жесте и со стороны Гомиьндана:

Слышал новости о том, что недавно во время празднования лхасского фестиваля Монлам Ченмо в тибетском монастыре в Бодхгае китайское правительство Гомиьндан почтительно преподнесло каждому монаху подношение в виде денег, чая и супа¹⁴⁴³.

Правительство Гомиьндан в антикоммунистическом дискурсе Тарчина занимает важное положение «друга» Тибета и тибетской диаспоры: Гомиьндан обещает Тибету независимость в случае победы над КПК, Гомиьндан поддерживает антикоммунистические восстания в Тибете, Гомиьндан благосклонно относится к проживающим на территории о. Тайвань тибетцам, а также в отличие от КНР с глубоким почтением относится к тибетскому буддизму. Однако сейчас позиция Центральной тибетской администрации относительно связей с Гомиьнданом разительно отличается от пропагандируемой Тарчином в 1950–1960-е гг. «дружбы».

¹⁴⁴¹ Тиб. *bod rigs spun zla rnam la dwangs blang rogs ram byed*.

¹⁴⁴² Тиб. *de tshor gzung nas rogs ram gnang zhing 'tsho gos sogs ha cang yag po 'dug*.

¹⁴⁴³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

По сообщению Церинг Шаки, в марте 1959 г. США удалось склонить Чан Кайши объявить о предоставлении Тибету возможности самоопределения при условии возвращения Гоминьдана на материковый Китай¹⁴⁴⁴. Представители Гоминьдана также, действительно, предлагали финансовую помощь и поставки вооружения для тибетоязычных повстанцев¹⁴⁴⁵. Возможность самоопределения Тибета в составе Китая под властью Гоминьдана, тем не менее, совсем не означала, что правительство Гоминьдан отказалось от сюзеренитета Китая над Тибетом. Более того, поскольку сотрудничество с Гоминьданом очевидным образом компрометировало образ независимого от Китая Тибета, учрежденное в Индии правительство Тибета в изгнании, по утверждению японского тибетолога Кенсаку Окавы, впоследствии стало признавать «изменниками» тех тибетцев, которые вступали в сотрудничество с правительством Гоминьдан в 1960–1970-е гг., и до сих пор придерживается соответствующей риторики в среде тибетской диаспоры¹⁴⁴⁶.

Хотя текущий политический курс Центральной тибетской администрации расходится с воспроизводимым Тарчином образом правительства Гоминьдан как «друга» Тибета, мнение тибетских политиков относительно сотрудничества с Гоминьданом не всегда было негативным. В частности, до того, как к «тибетскому вопросу» начали проявлять более активный интерес США, старший брат Далай-ламы XIV Гьело Дондуб, который обучался в Китае при полной финансовой поддержке самого Чан Кайши, благосклонно отзывался и о Гоминьдане, и о самом лидере партии. По словам Гьело Дондуба, Чан Кайши относился к нему «как к сыну», «никогда не утверждал, что Тибет когда-либо был частью Китая», и «желал, чтобы Тибет остался независимым»¹⁴⁴⁷. Кроме того, Гьело Дондуб был женат на дочери одного из ведущих генералов Гоминьдана, которую считали агентом Гоминьдана¹⁴⁴⁸. В мае 1950 г. Гьело Дондуб, используя выданный правительством Гоминьдан паспорт, прибыл на о. Тайвань, где находился в контакте с Чан Кайши,

---

¹⁴⁴⁴ Shaky 2000: 231.

¹⁴⁴⁵ Shaky 2000: 170–172; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

¹⁴⁴⁶ Okawa 2007: 607, 599.

¹⁴⁴⁷ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 73–75.

¹⁴⁴⁸ Knaus 2003: 64; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 80, 121.

который предложил ему пост главы Комитета по делам Монголии и Тибета¹⁴⁴⁹. После шестнадцати месяцев на Тайване на полном содержании у Чан Кайши Гьело Дондуб с тем же выданным правительством Гоминьдан паспортом и чеком на 50 тысяч американских долларов от лидера Гоминьдана отправился в США¹⁴⁵⁰. Только после визита в США Гьело Дондуб изменил свою позицию относительно сотрудничества с Гоминьданом по «тибетскому вопросу» и поставил в приоритет контакты напрямую с США. Объясняя перемену расхождением целей борьбы против китайских коммунистов у Гоминьдана и сторонников независимости Тибета (а именно возвращение к власти на материковом Китае vs. «борьба за свободный и независимый Тибет» без каких-либо китайских войск соответственно), в своей книге «Производитель лапши в Калимпонге. Моя нерассказанная история борьбы за Тибет»¹⁴⁵¹ Гьело Дондуб пишет, что в те годы ему казалось, что «Соединенные Штаты настолько велики и сильны, что могут сделать возможным практически все, что угодно»¹⁴⁵².

В своих воспоминаниях Гьело Дондуб также подтверждает, что группе тибетских иммигрантов в Калимпонге, которые занимались «тибетским вопросом» в Индии в 1950–1960-е гг. (т.е. «Ченкэнцисум»), удалось «убедить» Дордже Тарчина опубликовать вместо ежемесячных изданий «Зеркала Тибета» еженедельные выпуски¹⁴⁵³. При этом сотрудничество Тарчина и Гьело Дондуба, вероятно, не ограничивалось однократным контактом по поводу увеличения частоты выпусков газеты. Взгляды на «тибетский вопрос», формулировки и конкретные лица, которых Гьело Дондуб упоминает в своей книге, во многом совпадают с тем, что Тарчин публиковал в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг.

Упоминания США в «Зеркале Тибета» встречаются не только в контексте помощи американского правительства по превращению о. Тайвань в представляющий угрозу для КПК «непотопляемый авианосец»¹⁴⁵⁴. Тарчин также

¹⁴⁴⁹ Shakyа 2000: 40; Okawa 2007: 600; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 118.

¹⁴⁵⁰ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 121, 123.

¹⁴⁵¹ Англ. *The Noodle Maker of Kalimpong. My Untold Story of the Struggle for Tibet*. Книга вышла в 2015 г. в соавторстве с Энн Ф. Терстон.

¹⁴⁵² Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

¹⁴⁵³ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 149.

¹⁴⁵⁴ Метафора заимствована из Тихвинский 2017: 569.

размещал в своей газете хвалебные речи о том, как Соединенные Штаты Америки прекрасны в целом. В первом выпуске 25-го года издания за май 1958 г.¹⁴⁵⁵ редактор «Зеркала Тибета» симметрично размещает на странице заголовки двух статей. Первый заголовок звучит как «Америка – прекрасная мать азиатских государств»¹⁴⁵⁶, а в другом, расположенном симметрично напротив, Тарчин размещает публикацию под заголовком «Китайские коммунисты стали общим врагом для всех азиатских государств»¹⁴⁵⁷. То есть в то время как Китайскую Народную Республику в «Зеркале Тибета» редактор маркировал как «всеобщего врага», Соединенные Штаты Америки Тарчин изображал в образе «матери», которая оказывает финансовую помощь (в данной статье это 399 миллионов американских долларов) Южной Корее, Японии, Тайваню, Республике Вьетнам, Филиппинам, Таиланду, Лаосу и тем самым защищает Азию от «великой опасности», в которой могут оказаться азиатские страны, если «попадут в руки коммунистов»¹⁴⁵⁸.

Намекая на наличие общих ценностей с «тибетским религиозным государством», Тарчин также воспроизводил в «Зеркале Тибета» образ США как «религиозного государства»¹⁴⁵⁹. Приводя в качестве наглядного подтверждения пять фотографий монгольской общины в США и нового буддийского храма, который американцы построили для монголов¹⁴⁶⁰, редактор подчеркивал благосклонное отношение США к буддизму и имеющийся потенциал для развития дружественных отношений с Тибетом.

Позитивный образ США как «друга» Тибета выстраивался и на основании американской позиции по «тибетскому вопросу» в отношениях с правительством Гоминьдан. Тарчин демонстрировал в «Зеркале Тибета», что США имеет большое влияние на правительство Чан Кайши и поддерживает независимость Тибета, что, соответственно, может означать, что при условии возвращения Гоминьдана на

¹⁴⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1, May 1958: 6.

¹⁴⁵⁶ Тиб. *a mi ri ka ni e she ya 'i rgyal khab rnam kyi a ma bzang po zhig yin*.

¹⁴⁵⁷ Тиб. *rgya nag gung bran ni e she ya 'i rgyal khab tshang ma 'i spyi dgrar longs 'dug*.

¹⁴⁵⁸ Тиб. *gal srid [...] gung bran gyi lag tu shor na e she ya rgyal khab tshang ma gnas thabs med pa 'i nyen kha chen po zhig yod*.

¹⁴⁵⁹ Тиб. *chos ldan rgyal khab a me ri ka* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁴⁶⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1, 2.

материковый Китай, Тибет при поддержке США гарантированно будет независимым. Например, в одиннадцатом выпуске 25-го года издания за апрель 1959 г. Тарчин публикует «репортаж из Вашингтона»¹⁴⁶¹, который свидетельствует о дружественном настрое США по отношению к идее тибетской независимости:

Пресс-секретарь американского правительства заявил: «То, что уважаемый глава китайского гоминьдановского правительства Чан Кайши и его правительство повторили, что, поскольку [они] уважительно относятся к тибетскому религиозному и светскому автономному правительству, то предоставляют [Тибету] независимость, стало предметом радости для нас»¹⁴⁶².

Помимо радостных чувств правительства США за решение Тайваня предоставить Тибету независимость, Тарчин освещал реальную американскую помощь тибетским эмигрантам. В двух сообщениях, которые размещены сразу же за прокламацией Тибетской добровольческой армии защитников Учения, заголовок которой при этом продублирован на английском языке¹⁴⁶³, Тарчин сначала докладывает о том, что США готовы оказывать содействие в обучении тибетской молодежи и обустройстве места постоянного жительства тибетских эмигрантов, а затем во второй заметке сообщает, что США предоставили гуманитарную помощь тибетским беженцам в виде лекарств и витаминов в общей сложности на 410 тысяч долларов¹⁴⁶⁴. Интересно, что сразу вслед за новостями об американской помощи Тарчин публикует информацию о том, что Тайвань тоже предоставляет помощь тибетским эмигрантам и правительство Тибета в изгнании благодарит за это правительство Гоминьдан¹⁴⁶⁵. Вместе с тем нужно отметить, что среди всех исследованных выпусков «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. не встретилось каких-либо упоминаний о помощи тибетоязычным повстанцам со стороны ЦРУ, поскольку такую помощь, если Тарчин и знал о ней, афишировать не полагалось.

¹⁴⁶¹ Тиб. *wa shing Ton gyi gsar gsal ltar*.

¹⁴⁶² *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3.

¹⁴⁶³ Тиб. *bstan srid dmag sgar gyis dril bsgrags*. Англ. *Proclamation Made by the Tibetan Volunteer Army for Defence [sic] of Religion on 19-3-1959*.

¹⁴⁶⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 15 [i.e. 17].

¹⁴⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 15 [i.e. 17].

В рамках конструирования метанарратива тибетской независимости в «Зеркале Тибета» Тарчин не только формировал образы конкретных стран-«друзей» Тибета, но и рассуждал о необходимости поддержки «тибетского вопроса» со стороны международного сообщества. Тарчин неоднократно упоминал в своих публикациях важность в деле отстаивания независимости государства такой современной межправительственной структуры как Организация Объединенных Наций. Еще в первом выпуске 18-го года издания за 1 октября 1949 г., когда было провозглашено образование КНР, редактор «Зеркала Тибета» в статье под заголовком «Попытка непальского правительства вступить в ООН»¹⁴⁶⁶ обозначил для тибетоязычных читателей актуальность членства в ООН:

В соответствии с недавним новостным сообщением, непальское правительство подало петицию о вступлении в ООН. Примерный перевод с английского языка ответа непальского правительства на вопросы Организации [Объединенных Наций] приведен ниже:

«Непальское правительство является независимым государством. [Мы] могли сами защитить свои земли. Помимо того, что сами отправляем всех официальных представителей в зарубежные государства, [мы] не находимся под властью каких-либо влиятельных государств. Ранее в 1815 г. [Королевство] гуркхов, или Непал, воевал с англичанами, и даже был подписан мирный договор. Также, когда в 1792 г. напали на Китай и когда в 1855 г. воевали с Тибетом, при заключении договоров [мы] самостоятельно принимали решения без третьего государства-посредника. В силу [всего вышперечисленного] и того, что [в стране] были произведены внутренние урегулирования, Непал просит о разрешении вступить в Организацию Объединенных Наций.

Заявление о том, что владения и доходы Непала находятся под властью Индии, правдой не является. Поскольку собственные непальские ресурсы и товары сопоставимы с индийскими, [мы] развиваем торговые отношения с зарубежными государствами. Чтобы быть способными самостоятельно защищать территорию Непала, [у нас] есть хорошо оснащенные войска и приемлемое вооружение для ведения военных действий. В непальском правительстве и военных подразделениях нет ни одного иностранца. Непальское правительство даже может объявить войну и отдать приказ о мобилизации войск. [Непальское правительство также] обладает властью самостоятельно заключать мир[ный договор]»¹⁴⁶⁷.

¹⁴⁶⁶ Тиб. *gor sha gzhung 'dzam gling mthun tshogs su tshud thabs*.

¹⁴⁶⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949: 5.

В статье о запросе непальского правительства о возможности вступления в ООН Тарчин демонстрирует примерный перечень аргументов, которые доказывают независимость государства и служат достаточным обоснованием для подачи подобной заявки. В более позднем выпуске «Зеркала Тибета» за сентябрь 1950 г. редактор упоминает данную статью о заявке непальского правительства и представляет читателям пример своего аргументированного обоснования для включения Тибета в состав ООН¹⁴⁶⁸. Таким образом, с самого начала 1950-х гг. Тарчин последовательно изображал ООН как еще одного потенциального «друга» Тибета, внимания которого тибетцы должны добиться, чтобы независимость Тибета официально признали на международном уровне.

Редактор «Зеркала Тибета» уделял достаточно много внимания освещению тибетских новостей в мировой прессе, представляя это как подтверждение того, что все международное сообщество с сочувствием поддерживает Тибет в борьбе против «агрессора» КНР. Например, в двенадцатом выпуске 26-го года издания за июнь–июль 1960 г. Тарчин сообщает, что угнетение Тибета китайскими коммунистами было признано такой авторитетной организацией как Международная комиссия юристов:

Международная комиссия юристов описала достоверное положение дел в книге о «тибетском вопросе» и представила [ее] Генеральной Ассамблее ООН. [Они сообщили, что] коммунистический Китай безостановочно притеснял и притесняет Тибет. [Китайские коммунисты] разрушили защитные ступы и прочие [религиозные объекты], чтобы уничтожить учение Будды. В ходе сессий борьбы и критики¹⁴⁶⁹ убили множество высокопоставленных лам и *тулку*¹⁴⁷⁰.

Интересно, что учрежденная в 1952 г. Международная комиссия юристов должна была служить объективным противовесом Международной ассоциации юристов-демократов, которая в годы Холодной войны оказалась под контролем Советского Союза и, соответственно, рассматривалась как прокоммунистическая

¹⁴⁶⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5. Полный перевод статьи представлен в подразделе 2.2.2.1. Конструирование прошлого.

¹⁴⁶⁹ Тиб. *'thab 'dzings*, кит. 批斗会. Сессии публичной критики и унижения в КНР, во время которых «объекты борьбы», или «контрреволюционеры», подвергались физическому и вербальному насилию до тех пор, пока не признавали свою вину (Гарри 2009: 124–125).

¹⁴⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

организация. Международную комиссию юристов, тем не менее, сложно назвать более независимой и объективной, поскольку организация была изначально задумана как инструмент США в Холодной войне и до 1967 г. ее деятельность тайно спонсировало ЦРУ¹⁴⁷¹. По словам Церинг Шакьи, отчет Международной комиссии юристов о ситуации в Тибете был «беззащитно протибетским»¹⁴⁷². И, хотя было очевидно, что организация подготовила свой доклад в характерном антикоммунистическом духе 1950–1960-х гг., заключение Международной комиссии юристов сыграло важную роль в деле придания публичности «тибетскому вопросу» и его дальнейшей интернационализации¹⁴⁷³.

Тема интернационализации «тибетского вопроса» нашла отражение и в других выпусках «Зеркала Тибета». Так, в номере за август–сентябрь 1960 г. под заголовком «Международное собрание иностранных государств»¹⁴⁷⁴ Тарчин снова упоминает ООН и заключение все той же Международной комиссии юристов относительно политики КНР в Тибете:

20-го числа в этом месяце [сентябре 1960 г.] в большом американском городе под названием «Нью-Йорк» назначена [15-я] сессия Генеральной Ассамблеи ООН. На этой встрече должны обсуждать «тибетский вопрос».

Тщательно исследовав «тибетский вопрос», Международная комиссия юристов представила книгу, где в деталях описала ситуацию, при которой коммунистический Китай уничтожил истинную Дхарму в Тибете, а также полностью истребляет тибетский народ.

Недавно индийское правительство через операционную группу¹⁴⁷⁵ тоже подало петицию Генеральной Ассамблее ООН с просьбой оказать поддержку «тибетскому вопросу».

Во время обсуждения «тибетского вопроса» на [14-й сессии] Генеральной Ассамблеи ООН в прошлом году [1959 г.] представители непальского правительства не то, что не стали поддерживать Тибет, своего соседа, с которым [они] связаны тысячелетней взаимной любовью к религии, но и, более того, [начали] вести даже [некое] подобие вредоносной дискуссии [о «тибетском вопросе»]¹⁴⁷⁶, поэтому мы, тибетцы, чрезвычайно расстроились.

¹⁴⁷¹ Tolley 1994: 31; Claude 1994: 576–577.

¹⁴⁷² Shakya 2000: 223.

¹⁴⁷³ Shakya 2000: 223.

¹⁴⁷⁴ Тиб. *'dzam gling spyi'i rgyal khab tshogs 'du*.

¹⁴⁷⁵ Тиб. *ape ro e she yan tshogs pa*. К сожалению, термин, который скрывается под данным выражением Тарчина, установить более точно не удалось.

¹⁴⁷⁶ Исходя из данных голосования по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по «тибетскому вопросу» за 21 октября 1959 г., Непал воздержался во время голосования (“Question of Tibet: Resolution / Adopted by the General

Если в последнее время непальское правительство хорошенько осознало, какова [политическая] система коммунистического Китая, не придет ли [от них] подобие поддержки «тибетского вопроса» [в этот раз]¹⁴⁷⁷?

Выдвижение на обсуждение «тибетского вопроса» на сессии 15-й Генеральной Ассамблеи ООН, однако, не получило достаточной поддержки (49 проголосовали «за», 13 проголосовали «против» и 35 воздержались¹⁴⁷⁸), поэтому, вопреки заключению Международной комиссии юристов о геноциде тибетского народа, ни признания независимости Тибета, ни принятия резолюции о нарушении прав тибетцев в КНР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г. не состоялось.

Поучая тибетоязычную аудиторию относительно важности взаимодействия с ООН в процессе борьбы за независимость Тибета от Китая, Тарчин снабжал читателей конкретными аргументами, которые нужно использовать, чтобы привлечь внимание международного сообщества и успешно презентовать «тибетский вопрос», не вступая в полемику о политическом статусе Тибета. В пяти выпусках «Зеркала Тибета» за июнь–октябрь 1950 г.¹⁴⁷⁹ редактор последовательно размещал на последней странице рекламное объявление на английском языке о продаже грампластинок и учебников тибетского языка, но в объявлении привлекают внимание не товары, а использованное Тарчином обоснование актуальности изучения тибетского:

Сейчас Тибет стремительно обретает международную славу и важность для мировой политики. В действительности великие мировые державы проявляют все больший интерес к тибетским делам. Тибет – это не только мистическая земля, но и мировой «МУЗЕЙ», поскольку он [Тибет] может утверждать, что сохранил от разрушения древнюю культуру, религию и искусства Азии. Современный мир может научиться многим хорошим вещам у Тибета. Тибет сохранил обширную древнюю литературу на санскрите вместе с точными переводами на тибетский, которых нет в Индии. Поэтому сейчас самое время, чтобы Индия

Assembly 1959" // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/664377?ln=en> (дата обращения 27.06.2022)).

¹⁴⁷⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 12.

¹⁴⁷⁸ Shakyа 2000: 234.

¹⁴⁷⁹ См. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.7, June 1950: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 8; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.11, October 1950: 6.

и все мировые державы, помимо его [Тибета] политики, проявили больший интерес к изучению его [Тибета] религии, культуры и различных древних обычаев и традиций. Можно много чему научиться у Тибета, чтобы принести мир всему миру. Поэтому очень важно хорошо знать этот [тибетский] язык. Сейчас это можно с легкостью сделать с помощью набора тибетских грампластинок и учебников. Грампластинки подготовлены правительством Индии, учебные пособия – бывшим советником по политическим вопросам в Сиккиме сэром Б.Дж. Гулдом, [...] и главой индийской миссии в Лхасе господином Х.Э. Ричардсоном [...].

Учебные пособия и наборы грампластинок сейчас продаются в типографии «Зеркало Тибета», Калимпонг, (Западная Бенгалия) Индия¹⁴⁸⁰.

Придерживаясь заложенной британскими колониальными чиновниками традиции воспроизводить таинственный образ Тибета, Тарчин подтверждает, что Тибет является «мистической землей»¹⁴⁸¹. Параллельно редактор «Зеркала Тибета» обозначает важность Тибета для мировой политики и делает даже больший акцент на культурном наследии Тибета. Называя Тибет мировым «музеем»¹⁴⁸², Тарчин дважды повторяет, что тибетцы бережно относятся к азиатскому культурному наследию («сохранил от разрушения древнюю культуру, религию и искусства Азии»¹⁴⁸³ и «сохранил обширную древнюю литературу на санскрите»¹⁴⁸⁴), а всему миру есть чему поучиться у них («современный мир может научиться многим хорошим вещам у Тибета»¹⁴⁸⁵ и «можно много чему научиться у Тибета, чтобы принести мир всему миру»¹⁴⁸⁶). Таким образом, поддержание независимости Тибета в нарративе Тарчина способствует исключительно позитивному созиданию и сохранению мира во всем мире.

По мнению А. Маккея, на международном уровне воспроизведение мистического образа Тибета способствовало продвижению идеи о том, что Тибет является отдельным государством¹⁴⁸⁷. Мистический образ также был должен

¹⁴⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 6.

¹⁴⁸¹ Англ. *a land of mystery*. Подробнее об образе Тибета, конструируемом британскими колониальными властями, см. McKay 1995: 189–198.

¹⁴⁸² Англ. *“MUSEUM” of the world*.

¹⁴⁸³ Англ. *have preserved the ancient culture, religion and arts of Asia from ruin*.

¹⁴⁸⁴ Англ. *has preserved vast ancient Sanskrit literature*.

¹⁴⁸⁵ Англ. *the modern world can learn many things good [sic] from Tibet*.

¹⁴⁸⁶ Англ. *one can learn many things from Tibet for bringing peace to the world*.

¹⁴⁸⁷ McKay 1995: 193.

сформировать впечатление об особом положении Тибета как колыбели буддизма и места сосредоточения высокой духовности¹⁴⁸⁸. После 1959 г. противопоставление уникальности тибетской культуры и исключительной духовности населения Тибета атеизму китайских коммунистов стали использовать Далай-лама XIV и Центральная тибетская администрация в качестве политической стратегии по интернационализации «тибетского вопроса» и завоеванию симпатии международного сообщества к Тибету и тибетской диаспоре¹⁴⁸⁹. Во второй половине XX в. благодаря усилиям ЦТА культура Тибета стала настолько широко известной на международном уровне, что была утверждена как часть мирового культурного наследия, которая заслуживает покровительства мирового сообщества¹⁴⁹⁰. Провозгласив курс на сохранение тибетской культуры среди тибетской диаспоры, ЦТА закрепила за собой статус единственного легитимного представителя аутентичной тибетской культуры, поддерживающего истинные культурные и религиозные традиции тибетцев¹⁴⁹¹.

В качестве еще одной важной стратегии интернационализации «тибетского вопроса» Тарчин использовал проведение исторических аналогий. Помещая ситуацию на Тибетском плато в расширенный контекст мировой истории и политики, редактор «Зеркала Тибета» указывал на прецеденты других стран, независимость которых признали на международном уровне или которые получили поддержку ООН в ходе борьбы за независимость. Среди таких публикаций, например, встречается заметка о Внешней Монголии, которая так же, как и Тибет, была частью империи Цин, но при поддержке Советского Союза смогла обрести независимость¹⁴⁹². Вероятно, с этой же целью Тарчин также неоднократно публиковал на первой полосе «Зеркала Тибета» красочные материалы, посвященные независимости Индии¹⁴⁹³.

---

¹⁴⁸⁸ McKay 1995: 193–194.

¹⁴⁸⁹ Brox 2006: 93.

¹⁴⁹⁰ Brox 2006: 93

¹⁴⁹¹ Brox 2006: 89

¹⁴⁹² *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 6.

¹⁴⁹³ Например, *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 1. Иллюстративные материалы представлены в подразделе 2.2.5.2. «Друзья» Тибета.

Кроме того, помещая «тибетский вопрос» в контекст международной политики, Тарчин проводил аналогию между положением восточного Тибета под властью КНР и советско-югославским конфликтом в 1948–1953 гг. В этой связи, например, в четвертом выпуске 21-го года издания за июль 1953 г. Тарчин обращается к жителям Кама с призывом восстать «как Тито»:

Проживающие в тибетском районе Кам братья, в силу временной необходимости Вы [все] родные [друг другу]. Хотя, вероятно, нет возможности не поступать в соответствии с повелениями чужих [китайских коммунистов], в ближайшее время поднимайте восстание за независимость как Тито!

Проживающие в тибетском районе Кам тито[исты], чтобы ваш регион всегда оставался независимым государством, будучи изобретательными, воодушевленными и очень смелыми, в ближайшее время поднимайте восстание за независимость как Тито!

В тибетском районе Кам есть много тито[истов]. О том, что [там] есть [титоиствы], я, пожилой человек, знаю. Воодушевленные и очень смелые тито[исты], в ближайшее время поднимайте восстание за независимость как Тито!¹⁴⁹⁴

Используя эпифору, Тарчин трижды повторяет призыв к восстанию против «чужих»¹⁴⁹⁵ в восточном Тибете во имя «независимости» тибетского государства¹⁴⁹⁶: «в ближайшее время поднимайте восстание за независимость как Тито!»¹⁴⁹⁷. Лидер Югославии Иосип Броз Тито (1892–1980) прославился как инициатор независимого политического и экономического курса Югославии, в результате которого из-за разногласий с председателем Совета Министров СССР И.В. Сталиным (1878–1953) в конце 1940-х гг. Коммунистическую партию Югославии исключили из Коминформа, а отношения СССР и Югославии разорвали¹⁴⁹⁸. Потепление в советско-югославских отношениях наметилось только после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г., вскоре после чего в июле 1953 г. Тарчин и опубликовал данный призыв к «тито[истам]»¹⁴⁹⁹ Кама. Обращаясь к образу широко известного в мире политика И.Б. Тито, Тарчин поставил в один ряд Югославию, независимость которой не оспаривалась после Второй мировой войны,

¹⁴⁹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.4, July 1953: 3.

¹⁴⁹⁵ Тиб. *gzhan*.

¹⁴⁹⁶ Тиб. *rang ljongs rgyal khab rang btsan yun gnas ched*.

¹⁴⁹⁷ Тиб. *mi ring Ti To bzhin du sger langgs shog*.

¹⁴⁹⁸ Дворниченко, Тот, Ходяков 2008: 398–399.

¹⁴⁹⁹ Тиб. *kham bod khul du bzhugs pa'i Ti To rnam*.

и Тибет, независимость которого никогда не была официально признана на международном уровне. По мнению А.А. Даниловой, с помощью исторических параллелей автор дискурса манипулирует восприятием читателей, поскольку, подчеркивая «внешнюю схожесть двух сравниваемых объектов или даже одного показателя», автор «подменяет одно явление другим» и вместе с исторической параллелью привносит в текст готовый комплекс ассоциаций, эмоций и коннотаций, которые имеют отношение к предмету сравнения, но необязательно отражают действительность относительно объекта сравнения¹⁵⁰⁰.

Позднее, снова вводя исторические параллели, редактор «Зеркала Тибета» сравнивал конфликт *кампа* и представителей коммунистической власти в восточном Тибете с подавлением войсками СССР Венгерского восстания 1956 г.:

По [нормам] международного права, сильному государству не разрешается обстреливать бомбами с неба и из танков с земли каких-либо протестующих во имя независимости из более слабого в плане силы и вооружения государства. То, что на нас – слабо вооруженных тибетцев, практикующих религию и выступающих за независимость, – китайские коммунисты сбросили с неба бомбы, является незаконным низменным деянием. Говорят, что сейчас из-за опасений повторных восстаний в Лхасу прибыло даже несколько танков. Недавно русские коммунисты тоже так с помощью [сбрасывания] дождя из бомб на выступающих за независимость людей и [введения] танков осуществили вторжение в Венгрию. Однако, говорят, люди с еще большей отвагой продолжают противостоять и бороться.

Хотя [в ответ] на то, что недавно Великобритания и Франция вторглись в республиканскую страну, все государства заявили, что это неприемлемо, вероятно, нет тех, кто сказал бы «неприемлемо» ради нашего Тибета.

Если в Тибете не наступит мир, то и во всем мире, вероятно, не будет мира¹⁵⁰¹.

Венгерское восстание осенью 1956 г. началось с многотысячной демонстрации студентов, требовавших среди прочего пересмотреть советско-венгерские отношения, вывести советские войска с территории Венгрии и учредить новое правительство во главе с Имре Надем (1896–1958)¹⁵⁰². После того, как мирная демонстрация переросла в вооруженные столкновения, СССР принял решение о

¹⁵⁰⁰ Данилова 2014: 84.

¹⁵⁰¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

¹⁵⁰² Дворниченко, Тот, Ходяков 2008: 410–411.

проведении масштабной военной операции с целью свержения правительства И. Надя. Многие государства выступили с осуждением жестокости подавления Венгерского восстания Советским Союзом, что было зафиксировано в виде нескольких резолюций ООН за ноябрь 1956 г., призывающих к прекращению вмешательства СССР во внутренние дела Венгрии и выводу вооруженных сил СССР из Венгрии¹⁵⁰³. Хотя советские войска действительно использовали танки и бронетранспортеры для подавления венгерских восставших, сведений о воздушной бомбардировке Венгрии, о которой сообщает Тарчин в своей публикации («русские коммунисты тоже так с помощью [сбрасывания] дождя из бомб на выступающих за независимость людей [...] осуществили вторжение в Венгрию»¹⁵⁰⁴), найти не удалось, поэтому сравнение обстановки в Венгрии и восточном Тибете даже по этому параметру не совсем объективно. Другим еще более существенным отличием является то, что возмущившее мировую общественность Венгерское восстание 1956 г., которое Тарчин ставит в пример своим тибетоязычным читателям как образец отважности протестного духа («говорят, люди с еще большей отвагой продолжают противостоять и бороться»¹⁵⁰⁵), произошло на территории суверенного венгерского государства, которое на тот момент уже было членом ООН в отличие от непризнанного тибетского государства.

Другим сюжетом мировой политики, который Тарчин одновременно подключает для проведения исторической параллели в данной публикации, является упоминание Суэцкого кризиса. Тройственная англо-франко-израильская агрессия против Египта в связи с египетской национализацией Суэцкого канала осенью 1956 г. привела не только к осуждению большинства представителей мирового сообщества и дипломатическому давлению на Великобританию, Францию и Израиль, но и закончилась впервые в истории вводом миротворческих сил ООН с целью поддержания режима прекращения огня между Израилем и

¹⁵⁰³ Резолюции по ситуации в Венгрии и данные голосования доступны на сайте электронной библиотеки ООН ("Voting Data: Hungary" // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data&p=hungary&f=&action_search=Search&rm=&ln=en&sf=&so=d&rg=50&c=Voting+Data&c=&of=hb&fti=0&fti=0 (дата обращения 27.06.2022)).

¹⁵⁰⁴ Тиб. *nye sngon hang ge rir u dmar gyis kyang de mtshungs de ga'i mi dmangs rang dbang la dga' ba rnam la sbom char dang Teng+ga gis dpung 'jug byas 'dug.*

¹⁵⁰⁵ Тиб. *mi dmangs rnam da dung snying stobs chen pos rgol 'dzings byed mus su yod skad.*

Египтом¹⁵⁰⁶. Как и в случае с Венгрией, придуманное Тарчином сравнение вмешательства ООН в Суэцкий кризис на стороне Египта не совсем уместно применять в контексте обсуждения подавления восстания в восточном Тибете силами НОАК, поскольку Египет еще с 1945 г. имел статус члена ООН.

Последнее, что хотелось бы отметить в данной публикации, – это ее пророческая концовка, где Тарчин в очередной раз заявляет о важности геополитического положения Тибета, убеждая читателей, что отсутствие мирного урегулирования «тибетского вопроса» приведет к нестабильности во всем мире¹⁵⁰⁷.

В одиннадцатом выпуске 25-го года издания за апрель 1959 г., то есть три года спустя после проанализированной выше публикации и через месяц после восстания в Лхасе, Тарчин вновь обратился к образу Венгерского восстания 1956 г. в попытке доказать, что не только он увидел сходство в советском подавлении венгерских протестующих и подавлении восстаний в Тибете войсками НОАК:

В соответствии с новостями от 30 марта [1959 г.] из малайской столицы Куала-Лумпур, правительство Малайской Федерации заявило: попытка китайского коммунистического правительства безжалостно уничтожить [путем] притеснений [протестующих] в Тибете тождественна Венгерскому восстанию 1956 г. против СССР¹⁵⁰⁸.

Проанализированные в данном подразделе публикации являются лишь малой частью примеров, которые содержат выпуски «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Однако и на их основании можно сделать вывод о том, что в рамках метанарратива тибетской независимости Тарчин воспроизводил в «Зеркале Тибета» не только образы «своих» и «чужих», но также уделял существенное внимание созданию международной группы поддержки Тибета в борьбе против КНР. Главными в составе группы поддержки Тибета предстают Великобритания, Индия и США, а также самый интересный и неоднозначный член группы – правительство Гоминьдан. Представители Гоминьдана, вопреки своим реальным историческим притязаниям на Тибет, в интерпретации Тарчина гарантировали предоставление Тибету независимости. Партия Гоминьдан также положительно

¹⁵⁰⁶ См. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1001 (ES-I) от 7 ноября 1956 г. (“Resolution 1001 (ES-I)” // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/208418?ln=en> (дата обращения 27.06.2022)).

¹⁵⁰⁷ Тиб. *gal srid bod du bde ba ma byung na' 'dzam gling yongs su bde ba zhig e yong*.

¹⁵⁰⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 8.

отличалась от КПК в «Зеркале Тибета» тем, что поддерживала тибетский буддизм и эмигрантов из Тибета, а еще состояла в плотном контакте с могущественной «матерью азиатских государств» США.

Помимо этого, Тарчин актуализировал в «Зеркале Тибета» еще один важный аспект борьбы за независимость Тибета, а именно необходимость интернационализации «тибетского вопроса» и попыток взаимодействия с такой структурой как ООН. Редактор учил тибетоязычных читателей, как следует презентовать «тибетский вопрос» мировому сообществу, какие факты и исторические параллели необходимо использовать для выстраивания убедительной аргументации в пользу независимости Тибета, куда обращаться за поддержкой.

Идеи Тарчина определенно получили развитие в политике правительства Тибета в изгнании. Об этом свидетельствуют такие публикации как, например, 300-страничное издание под названием «Международные резолюции и признание Тибета (1959–2004)»¹⁵⁰⁹, выпущенное Департаментом информации и международных связей Центральной тибетской администрации в Индии, где один из тибетских министров в изгнании собирает вместе все имеющиеся упоминания Тибета на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, Международной комиссии юристов, Европейского парламента, Конгресса США, Парламента Австралии, Бундестага, Парламента Италии, Ландага Лихтенштейна, Федерального парламента Бельгии, Парламента Венгрии и других государств, а также Нобелевского комитета, от которого Премия мира Далай-ламе XIV в 1989 г. перечислена в длинном списке оглавления самой первой. В качестве еще одного примера можно привести брошюру Центральной тибетской администрации под названием «Тибет доказывает истину по фактам»¹⁵¹⁰, где среди прочих доказательств независимости Тибета указаны «независимые дипломатические связи» Непала с Тибетом, о которых непальское правительство сообщило в своей

¹⁵⁰⁹ Lobsang Nyandak Zayul, Kalon. International Resolutions and Recognition of Tibet (1959 to 2004). Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration. Dharamsala, India. n.d.

¹⁵¹⁰ Англ. *Tibet Proving Truth from Facts.*

заявке о включении в ООН¹⁵¹¹. Более того, в данной брошюре ЦТА также, как и Тарчин в «Зеркале Тибета», указывает как факт «признания права Тибета на самоопределение» выступление Дж. Неру по «тибетскому вопросу» в Лок сабха в 1959 г.¹⁵¹².

2.2.4. Тон дискурса

Тон дискурса отражает общее настроение повествования и особенности языка автора дискурса. Хотя в проанализированных выше публикациях «Зеркала Тибета» уже встречались многочисленные примеры инструментов речевого воздействия Тарчина, в данном подразделе предлагается кратко описать использованные языковые средства и более подробно рассмотреть специфические жанры, с помощью которых редактор газеты конструировал метанарратив тибетской независимости в 1950–1960-е гг.

2.2.4.1. Лексические средства и стилистические приемы

Авторы дискурса прибегают к использованию разнообразных средств языкового воздействия, в том числе могут применять лексическое манипулирование посредством игры с коннотациями отдельных слов и понятий. По выражению Н.Д. Потаповой, подобные игры являются «игрой с точкой зрения», с помощью которых автор передает отношение к тому, кого или что он описывает¹⁵¹³. В случае с «Зеркалом Тибета» особенно интересной находкой представляется игра с написанием имени основателя Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна. В более ранних выпусках «Зеркала Тибета» (например, в первом выпуске 18-го года издания от 1 октября 1949 г.¹⁵¹⁴ или пятом выпуске 18-го года издания за февраль–март 1950 г.¹⁵¹⁵.) для написания имени Мао Цзэдуна

¹⁵¹¹ Англ. *Nepal not only concluded peace treaties with Tibet and maintained an Ambassador in Lhasa, but also formally stated to the United Nations in 1949, as part of its application for UN membership, that it maintained independent diplomatic relations with Tibet* (Tibet Proving Truth from Facts: 5).

¹⁵¹² Англ. *recognition of Tibet's right to self-determination* (Tibet Proving Truth from Facts: 14).

¹⁵¹³ Потапова 2015: 143.

¹⁵¹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949: 3.

¹⁵¹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.5, February–March 1950: 7.

Тарчин использовал комбинацию слогов *dma' tshe thung*, которые буквально обозначают «низкий»/«низменный», «жизнь» и «короткий», что, соответственно, можно интерпретировать как «[некто] низменный, обладающий короткой жизнью». Однако в более поздних публикациях Тарчин передавал имя Мао Цзэдуна с помощью слогов, которые не несли какого-либо уничижительного значения. Например, в шестом выпуске 19-го года издания за 1 сентября 1951 г. это *ma'o tshe tung*¹⁵¹⁶, в седьмом выпуске 19-го года издания за 1 октября 1951 г. это *ma'o rtse tung*¹⁵¹⁷, в пятом выпуске 21-го года издания за август 1953 г. это *ma'o tshe thong*¹⁵¹⁸, а в восьмом выпуске 21-го года издания за 1 ноября 1953 г. это *ma'o tse tong*¹⁵¹⁹. Еще один примечательный пример написания имени Мао Цзэдуна был замечен на карикатуре из двенадцатого выпуска 27-го года издания за декабрь 1962 г.¹⁵²⁰, где изображена голова Мао Цзэдуна с надписью на лбу, передающей имя лидера КНР как *dmag tshe ltungs*, что буквально по слогам означает «военный», «жизнь»/«время» и «нарушать закон/правило». Данный вариант написания имени, соответственно, можно интерпретировать как попытку Тарчина назвать Мао Цзэдуна «военным преступником».

Отношение редактора «Зеркала Тибета» к описываемым событиям и людям также можно проследить на основании его выбора уровня уважительности лексики. В тибетском выделяют три степени уважительности: обычная, уважительная и очень уважительная. В ходе анализа было установлено, что для описания действий Далай-ламы XIV и семьи Далай-ламы XIV Тарчин всегда использовал лексику уважительной степени и очень уважительной степени. Более того, для Далай-ламы XIV редактор «Зеркала Тибета» регулярно употреблял различные эпитеты, например «великий»¹⁵²¹, «великий всеведущий и всевидящий»¹⁵²², «превосходящий других своей мудростью»¹⁵²³, а также такие более развернутые эпитеты и

¹⁵¹⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 7.

¹⁵¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

¹⁵¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 4.

¹⁵¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4.

¹⁵²⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

¹⁵²¹ Тиб. *gong sa chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵²² Тиб. *gong sa thams cad mkyen gzigs chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 4).

¹⁵²³ Тиб. *gzhan las lhag pa'i mkhyen rtogs gsal po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

приложения как «исполняющая желания драгоценность»¹⁵²⁴, «великий владыка и всеобщая драгоценность всех живых существ Тибета»¹⁵²⁵, «не имеющий себе равных покровитель и заступник всех живых существ, включая божеств, достопочтенный великий всеведущий и всевидящий хранитель и победоносный владыка»¹⁵²⁶. Что касается Далай-ламы XIII, то упоминание его имени Тарчин также дополнял изящными эпитетами, например, «великое тринадцатое перерождение несравненного по [своей] доброте победоносного владыки»¹⁵²⁷.

Другим средством выражения отношения Тарчина к описываемому лицу служило наличие или отсутствие после имени человека уважительной служебной лексемы *mchog* со значением «достопочтенный» или «уважаемый». При анализе публикаций было замечено, что после имени Мао Цзэдуна в «Зеркале Тибета» практически никогда не употреблялась служебная лексема *mchog*. Единственным исключением, которое было обнаружено в подборке выпусков «Зеркала Тибета» с 1949 г. по 1963 г., является письменное обращение к Мао Цзэдуну от имени тибетской общины в Индии с просьбой об обеспечении благоприятных условий для скорого возвращения в Тибет из поездки по Китаю Далай-ламы XIV, опубликованное во втором выпуске 23-го года издания за январь 1955 г.¹⁵²⁸. Другим примером отсутствия служебной лексемы *mchog* может служить материал про китайского военачальника Чжан Цзинью, прибывшего с визитом в Индию в пятом выпуске 19-го года издания за август 1951 г.¹⁵²⁹. Однако необходимо отметить, что в следующем выпуске «Зеркала Тибета» за сентябрь 1951 г. редактор все-таки добавил *mchog* к имени Чжан Цзинью¹⁵³⁰.

¹⁵²⁴ Тиб. *gong sa yid bzhin nor bu* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 9; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 4).

¹⁵²⁵ Тиб. *bod ljongs skye bo yongs kyi spyi nor gong sa skyobs mgon chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 2).

¹⁵²⁶ Тиб. *lha dang bcas pa'i 'gro ba yongs kyi mgon skyabs dang dpung gnyen mtshungs zla mi mchis pa gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3).

¹⁵²⁷ Тиб. *bka' drin zla med rgyal dbang sku 'phreng bcu gsum pa chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.9, September 1954: 3).

¹⁵²⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3.

¹⁵²⁹ Тиб. *rgya dpon sku tshab krang cing u* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 5).

¹⁵³⁰ Тиб. *rgya'i sku tshab krang cing u'u mchog rgya dpon krang cing mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 5).

В то же время имена высокопоставленных тибетских, индийских, британских и американских лиц, как правило, всегда сопровождалась лексемой *mchog*, например: «четыре достопочтенных *калона* [министра] Кашага великого тибетского правительства»¹⁵³¹, «арестовали достопочтенного всевидящего Панчен-ринпоче»¹⁵³², «уважаемый премьер-министр [Дж.] Неру»¹⁵³³, «уважаемое сиккимское правительство»¹⁵³⁴, «уважаемая госпожа Пунканг из семьи Далай-ламы [XI]»¹⁵³⁵, «с сыном достопочтенного сиккимского чиновника Бартинга»¹⁵³⁶, «достопочтенная королева Елизавета [II] из английского правительства»¹⁵³⁷, «уважаемый советник [по политическим вопросам в Сиккиме] сэра Чарльз Белл»¹⁵³⁸, «уважаемый премьер-министр [Великобритании Морис Гарольд] Макмиллан»¹⁵³⁹, «уважаемый великий президент [США Дуайт Дэвид Эйзенхауэр]»¹⁵⁴⁰.

Кроме того, Гарчин также использовал лексему *mchog* при упоминании Чан Кайши: «уважаемый председатель китайского гоминьдановского правительства Чан Кайши»¹⁵⁴¹. Интересно, что редактор использовал уважительную служебную лексему и для такой неоднозначной фигуры как китайский генерал-лейтенант Ма Буфан¹⁵⁴²: в сдвоенном третьем–четвертом выпуске 25-го года издания за июль–август 1958 г. Гарчин опубликовал его фотографию с краткой заметкой о том, что «уважаемого великого Ма Буфана»¹⁵⁴³ назначили представителем правительства Гоминьдан в Саудовской Аравии¹⁵⁴⁴. Для многих жителей восточного Тибета Ма Буфан ассоциировался с присоединением северо-восточной части Амдо к

¹⁵³¹ Тиб. *bod gzhung chen po 'i bka' shag bka' blon lhan rgyas rnam bzhi mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 5).

¹⁵³² Тиб. *kun gzigs paN chen rin po che mchog la rgya dmar gyis do dam byas skad* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁵³³ Тиб. *srid blon neh ru mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 2).

¹⁵³⁴ Тиб. *'bras gzhung mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵³⁵ Тиб. *yab gzhi phun khang lha lcam mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵³⁶ Тиб. *'bras blon 'bar thing mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵³⁷ Тиб. *dbyin gzhung btsun mo i li sa bed mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁵³⁸ Тиб. *sar cal 'bel blon mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 8).

¹⁵³⁹ Тиб. *srid blon meg mi lon mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁵⁴⁰ Тиб. *spyi khyab chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁵⁴¹ Тиб. *rgya gzhung ko min tang gzhung gi srid skyong cang ki shag mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

¹⁵⁴² Кит. 马步芳; 1903–1975.

¹⁵⁴³ Тиб. *zi ling zhing chen gyi dpon po ma bu phang chen po mchog*.

¹⁵⁴⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 11.

китайской провинции Цинхай и применением там репрессивных мер¹⁵⁴⁵. С целью подчинения местного тибетоязычного населения в 1930–1940-е гг. Ма Буфан организовал ряд карательных походов и разрушил несколько буддийских монастырей¹⁵⁴⁶. Среди прочего Ма Буфан прославился тем, что заставил тибетское правительство выплатить крупный выкуп за разрешение проследовать в 1939 г. через подвластные ему территории в Амдо маленькому Далай-ламе XIV на церемонию интронизации в Лхасе¹⁵⁴⁷. Однако все это не помешало Тарчину выбрать почтительную форму обращения к Ма Буфану в своей публикации в «Зеркале Тибета» в конце 1950-х гг.

В качестве еще одного вида лексического преломления призмы метанаррации независимости Тибета нужно указать попытки толкования редактором «Зеркала Тибета» ключевого для рассматриваемого периода термина «освобождение». Например, в седьмом выпуске 19-го года издания за 1 октября 1951 г. в заметке под заголовком «Освобождение»¹⁵⁴⁸ Тарчин завуалированно рассуждает о терминологии, отсылая реципиентов к преконструкту «мирного освобождения» Тибета силами НОАК:

Сейчас из уст многих людей звучит вопрос, каково значение так называемого «освобождения», и есть много людей, рассуждающих на эту [тему]. Изложу здесь доступно краткое толкование смысла [термина «освобождение»]:

1. *Bcings* – это форма прошедшего времени от [глагола] '*ching* «связывать». Что касается смысла, означает связывание или удерживание веревкой. Например, [некий] агрессор, обладающий силой, связал руки и ноги слабого и бессильного с помощью веревки или кандалов. Или, [к примеру], жестокий охотник поймал с помощью аркана и посадил в клетку беззаботно живших в горах, долинах и лесах газелей и хищников – тигров, львов и прочих, и [они] вынуждены жить, выпрашивая у него еду. Или государство-агрессор, обладающее силой, богатством, вооружением и военной мощью, у которого другой народ и другой язык, сокрыв свои мирные и военные стратегии, подчинило и поработило слабое независимое государство.

¹⁵⁴⁵ Powers and Templeman 2012: 51.

¹⁵⁴⁶ Lin 2006: 113; Bulag 2002: 54.

¹⁵⁴⁷ Powers and Templeman 2012: 333; Goldstein 1992: 320–324.

¹⁵⁴⁸ Тиб. *bcings bkrol*.

2. *Bkrol* – это форма прошедшего времени от [глагола] *'grol* «развязывать». Что касается смысла, означает, что некто, обладающий силой и добродетельными намерениями, предоставляя помощь и защиту, освобождает тех, кого агрессор связал, поймал с помощью аркана или поработил с помощью мирных и военных стратегий, как в приведенном выше примере, и [они] как раньше могут жить самостоятельно, независимо и свободно.

Вот такое вкратце значение слова «освобождение»¹⁵⁴⁹.

Принимая во внимание развернутый Тарчином дискурс вокруг «мирного освобождения» Тибета, который был описан в подразделе 2.2.3.2, можно заключить, что с помощью подобного, как кажется на первый взгляд, абстрактного толкования термина редактор «Зеркала Тибета» в очередной раз иносказательно утверждает, что «слабое независимое государство»¹⁵⁵⁰ Тибет не было кем-либо подчинено до вступления войск НОАК на территорию восточного Тибета с целью его «освобождения» в 1950 г. После этого во второй части заметки о толковании термина Тарчин намекает, что, даже если Тибет и нуждался в «освобождении», как заявляло правительство КНР, то после подписания Соглашения из 17 пунктов, в результате которого Тибет должен был стать «развязанным»¹⁵⁵¹ или «освобожденным» от «веревки или кандалов»¹⁵⁵², тибетцы не получили возможность «как раньше жить самостоятельно, независимо и свободно»¹⁵⁵³, как им полагалось после истинного освобождения.

Попытка лексического манипулирования встречается и, к примеру, в восьмом выпуске 21-го года издания за ноябрь 1953 г., где редактор «Зеркала Тибета» распространяет дискредитирующие слухи о политике КНР под заголовком «Новости о том, что нет счастливых и довольных в Гьегудо»¹⁵⁵⁴:

После того, как в местности Гьегу коммунистический Китай поместил под арест двух солдат, первого заставили копать яму в земле. Затем внезапно [в них] стали стрелять и едва не сделали их жертвами. После этого, пока еще не умерли, сбросив в яму в земле, посыпали [солдат] сверху горячими тлеющими углями. Потом, говорят, посыпав землей, еще не

¹⁵⁴⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 2.

¹⁵⁵⁰ Тиб. *rang btsan rgyal khab stobs zhan zhig*.

¹⁵⁵¹ Тиб. *bkrol*.

¹⁵⁵² Тиб. *thag pa'am lcags sgrog*.

¹⁵⁵³ Тиб. *sngar mus ltar rang gnas rang btsan rang dgar gnas thub*.

¹⁵⁵⁴ Тиб. *skyid mgu mdo la skyid po dang mgu po'i med pa'i gnas tshul*.

умерших похоронили живьем. Когда расследуют, правда ли, [об этом] станет известно [всем].

В наше время где бы ни было в мире не было того, кто бы мог создать настоящий ад с подобными этому низменными законами. Не будут ли страдать исполнители таких низменных законов от дикости того вреда, который они, слепо веря, наносят другим?

О как печально, о как печально! Сострадание, сострадание. Будьте осторожны, будьте осторожны! Едят *цанпу*, носят *чулу*. Тибетский народ. Тибетский народ¹⁵⁵⁵.

Тарчин придумал лексическую игру с заголовком статьи, специально поставив рядом с топонимом «Гьегудо» (тиб. *skye dgu mdo*)¹⁵⁵⁶ созвучные тибетские слова «счастливый» (тиб. *skyid po*) и «довольный» (тиб. *mgu po*). Путем изменения двух первых слогов в оригинальном названии города (тиб. *skye* заменил на созвучное тиб. *skyid* из вышеупомянутого прилагательного, а тиб. *dgu* – на тиб. *mgu*) редактор создал остроумное каламбурное сочетание со «счастливой» коннотацией для альтернативного написания Гьегудо (тиб. *skyid mgu mdo*). Объясняя, почему в Гьегудо «нет счастливых и довольных», Тарчин изобразил китайских коммунистов в запоминающемся образе жестоких убийц, которые творят невиданный более нигде в мире «настоящий ад с [...] низменными законами»¹⁵⁵⁷, руководствуются «слепой верой» и проявляют «дикость» по отношению к невинным людям¹⁵⁵⁸.

Переходя на следующий уровень анализа тона дискурса, необходимо отметить разнообразие тропов и фигур речи, которыми Тарчин украшал тексты публикаций в «Зеркале Тибета». Американский историк Х. Уайт отмечает, что тропологическое измерение при изучении исторического дискурса является абсолютно необходимым, так как позволяет понять, почему конкретный дискурс имеет «смысл» вопреки фактическим неточностям и логическим противоречиям, которые могут содержаться в нем¹⁵⁵⁹. Фигуративный язык, будучи инструментальным в создании образов объектов, которые уже более недоступны

¹⁵⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

¹⁵⁵⁶ Гьегу или Гьегудо – ранее важный торговый центр в восточном Тибете, ныне административный центр Юйшу-Тибетского автономного округа и уезда Юйшу в провинции Цинхай.

¹⁵⁵⁷ Тиб. *deng dus 'dzam gling gang du 'ang 'di lta bu'i khrims ngan dmyal ba dangos las thub gtong mkhan yod pa ma red*.

¹⁵⁵⁸ Тиб. *'di 'dra'i khrims ngan gtong mkhan de tsho 'tsho ba chos su smra ba'i kla klo*.

¹⁵⁵⁹ Уайт 2002: 8.

восприятию, и наделении их аурой «реальности», помогает уместнее вписать эти объекты в избранные историком техники объяснения и интерпретации¹⁵⁶⁰.

На основании проанализированного корпуса публикаций «Зеркала Тибета» можно сделать вывод, что Тарчин достаточно часто прибегал к поэтическому описанию рядовых новостей из Тибета и любил использовать эпитеты. В «Зеркале Тибета» тиражировались статьи о «злонамеренной стратегии»¹⁵⁶¹, «жестоком угнетении»¹⁵⁶² и «невыносимых низменных деяниях» китайских коммунистов, «расплата за которые [будет] велика и неопишима»¹⁵⁶³. В ответ на действия коммунистического агрессора жители Тибета произносили «истовые молитвы»¹⁵⁶⁴ о спасении от «врагов Учения», участвовали в «мощных восстаниях, добровольно поднятыми храбрыми кампа в Тибете»¹⁵⁶⁵, и вели «ожесточенную борьбу»¹⁵⁶⁶ за независимость Тибета¹⁵⁶⁷.

Большой популярностью у редактора «Зеркала Тибета» пользовались и сравнения. Например, в двукратном девятом–десятом выпуске 25-го года издания за февраль–март 1959 г. Тарчин создает яркий образ повстанческого движения, утверждая, что восстания в Тибете «распространились повсюду как летнее наводнение»¹⁵⁶⁸, и делится своей надеждой на то, что «умные и храбрые [тибетцы] вскоре смогут обрести чистую прекрасную победу, которая подобна солнцу без облаков»¹⁵⁶⁹. Редактор «Зеркала Тибета» эмоционально рассказывает, как повстанцы «ради обретения независимости бросили свои пахотные земли, имущество, семью, друзей, пищу и дом словно камень с плато Чангтанг»¹⁵⁷⁰ и

¹⁵⁶⁰ Уайт 2002: 9.

¹⁵⁶¹ Тиб. *byus ngan* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵⁶² Тиб. *mnar gcod drag po* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁵⁶³ Тиб. *mi bzod pa 'i bya ngan 'tshab che brjod kyis mi lang ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁵⁶⁴ Тиб. *smon lam btsan po* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: 4–5).

¹⁵⁶⁵ Тиб. *bod du khams rigs dpa' ngar rnams kyis rgya dmar la rang rang dang len gyis ngo rgol shugs chen byed pa de dag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁵⁶⁶ Тиб. *'thab 'dzing shugs chen* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 5).

¹⁵⁶⁷ Дополнительные примеры см. Moskaleva 2016: 257–258.

¹⁵⁶⁸ Тиб. *dbyar gyi chu log ltar rgya khyab tu bston bzhin pa red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁵⁶⁹ Тиб. *mgo grung khog mdzangs kyis ring min nyi ma sprin bral ltar bkra shis bde legs kyi rgyal kha gtsang bzhes* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁵⁷⁰ Тиб. *rang btsan lon thabs su sa zhing rgyu nor pha ma bu phrug grogs za thang sogs byang tshang gi sa rdo ltar dor* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

«словно дикие животные обосновались в горах и лесах»¹⁵⁷¹, как они заманили войска НОАК «словно кошку в ловушку»¹⁵⁷² и окружили китайских солдат «словно стена» или буквально «словно железные горы»¹⁵⁷³. Следует отметить, что последнее сравнение с «железными горами» особенно актуально для буддийской аудитории, так как отсылает читателя к буддийской космологии и кольцу железных гор под названием «Чакравада»¹⁵⁷⁴.

Тарчин также писал, что новости о восстании в Тибете в 1959 г. вызывают «разнообразные мысли, подобные холодящей душу фотографии»¹⁵⁷⁵, что солдаты НОАК собрались в районе Лхасы «словно сваленные в кучу пилюли»¹⁵⁷⁶, что ситуация в резиденции Панчен-ламы Ташилунпо по вине китайских коммунистов становится все более «ужасной» или буквально «словно шляпа из сырой кожи начинает подсыхать»¹⁵⁷⁷. Последнее сравнение со «шляпой из сырой кожи»¹⁵⁷⁸, равно как и сравнение политики КНР в Тибете с «медом на кончике острого ножа» или «обмазанным медом острым ножом»¹⁵⁷⁹, которые неоднократно встречались в выпусках «Зеркала Тибета» за рассматриваемый период и уже упоминались в предыдущих подразделах данной диссертации, очевидно, особо нравились Тарчину.

Британский лингвист П. Чилтон убежден, что смысл не всегда выражается эксплицитно и, даже при желании, значение не всегда может быть выражено открыто¹⁵⁸⁰. Тропы и фигуры речи играют инструментальную роль в провоцировании эмоционального отклика, создании эмфазы и эффекта

¹⁵⁷¹ Тиб. *gcan gzan ri dwags bzhin du sdod gnas ri brag nags tshal sogs la brten* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁵⁷² Тиб. *byi la rgyar btsud pa ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁵⁷³ Тиб. *lcags ri ltar mtha' bskor* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁵⁷⁴ Скр. *Cakravāḍa*. См. Островская, Рудой 2009: 226.

¹⁵⁷⁵ Тиб. *sems nang 'jigs sngangs can gyi par dang 'dra ba 'i 'char sgo sna tshogs thon byung* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁵⁷⁶ Тиб. *lha sa 'i lam mdo 'i nye 'gram du rgya dmar gyi dmag nams ril bu spungs pa ltar tshogs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 5, 7).

¹⁵⁷⁷ Тиб. *bkras lhun du 'ang rgya dmar gyi ko rlon zha mo phal cher skam bzhin yod tshod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁵⁷⁸ См., например, тиб. *ko rlon gyi zhwa ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4); тиб. *klo rlon zhwa mo dang 'dra ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6).

¹⁵⁷⁹ См., например, тиб. *spu gri 'i rtse mor sbrang rtsi ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960: 8–9); тиб. *sbrang rtsi byugs pa 'i spu gri [...] dang 'dra ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6).

¹⁵⁸⁰ Chilton 2004: 61.

убеждения¹⁵⁸¹. Образные метафоричные описания по сравнению со строгими фактическими новостными сообщениями представляют собой более эффективный способ пробудить чувства читателя, вдохновить на визуализацию и стимулировать процесс воспроизведения мысленных образов. В случае с «Зеркалом Тибета» в 1950–1960-е гг. и тибетоязычными читателями со сравнительно ограниченным опытом чтения светских текстов (или даже скорее прослушивания этих текстов, в то время как кто-то один читал вслух для всех остальных собравшихся, кто читать не умел) богатые сравнениями и метафорами газетные публикации Тарчина, вероятно, были более понятными и запоминающимися, чем те, где редактор ограничивался строго официальным стилем¹⁵⁸².

Метафоры как средство речевого воздействия рассматривают как намеренный и целенаправленный способ изменить восприятие реципиентов дискурса и заложить желаемый метафорический образ в их сознание¹⁵⁸³. Н.Д. Потапова считает, что метафора в историографии «всегда заведомо пристрастна», так как «несет идеологию и указывает руководство к действию»¹⁵⁸⁴. Суть метафоры состоит в «понимании и переживании» сущности одного вида в «терминах сущности другого вида»¹⁵⁸⁵. Метафорическое описание преобразует бессознательное восприятие хорошо известной исходной области опыта в более схематичный вид, после чего этот новый метафорический контур восприятия используется для оспаривания в целевой области тех моментов, которые воспринимаются противоречиво или не совсем корректно, а также для создания логических переходов, которые в ином случае были бы концептуально невозможны или казались бы слишком размытыми¹⁵⁸⁶. Запуская механизм ассоциативного мышления реципиента, метафоры рождают устойчивый поэтический образ, который замедляет процесс рационального осмысления объекта или явления¹⁵⁸⁷. Одним из наиболее запоминающихся метафорических

---

¹⁵⁸¹ Брандес 2004: 367.

¹⁵⁸² Moskaleva 2018: 109.

¹⁵⁸³ Чернявская, Молодыхенко 2014: 54.

¹⁵⁸⁴ Потапова 2015: 293.

¹⁵⁸⁵ Лакофф, Джонсон 2004: 27.

¹⁵⁸⁶ Chilton 2004: 51–52.

¹⁵⁸⁷ Данилова 2014: 106.

образов в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. представляется «эпидемия Коммунистической партии [Китая]»¹⁵⁸⁸, сообщение о которой Гарчин разместил на первой полосе одиннадцатого выпуска 25-го года издания за апрель 1959 г.:

Сейчас, чтобы спастись от эпидемии, охватившей весь народ Тибета из-за Коммунистической партии [Китая], монахи и миряне, все высокопоставленные [лица] и средний [класс], жертвуя собственной жизнью, пыгались и пытаются уничтожить эту инфекционную болезнь. Если наслаждающиеся независимостью государства не окажут помощь в лечении, чтобы победить все шире распространяющуюся сейчас в Тибете эпидемию, эта эпидемия несомненно постепенно охватит и Ваши государства¹⁵⁸⁹.

Используя исходную область «эпидемии» или «инфекционной болезни»¹⁵⁹⁰, Гарчин запускает ментальное воспроизведение быстро распространяющейся заразной болезни среди большого количества людей и одновременно имплицитно навязывает ощущение опасности, побуждая читателей незамедлительно купировать болезнь или бежать в попытке избежать заражения. Перенос фрейм «эпидемии» на фрейм «Коммунистической партии Китая», редактор достигает эффекта заполнения фрейма последней «эпидемическими» слотами и тем самым способствует формированию у своих читателей восприятия коммунистического режима через метафорический образ «инфекционной болезни». Нагнетание потенциальной угрозы жизни людей реализуется посредством номинализации¹⁵⁹¹ процесса распространения болезни среди жителей Тибета: «чтобы спастись от эпидемии, охватившей весь народ Тибета из-за Коммунистической партии»¹⁵⁹², и «чтобы победить все шире распространяющуюся сейчас в Тибете эпидемию»¹⁵⁹³. Таким образом, метафора коммунистической «эпидемии» в Тибете изображается некоторой сущностью, которая живет собственной жизнью.

Интенсификация призрачной угрозы «заражения» коммунизмом и других стран мира достигается за счет внедрения дискурсивных тактик магнификации агрессии врага и моделирования альтернативного будущего: «Если пребывающие

¹⁵⁸⁸ Тиб. *gung phran tang gi rims nad*.

¹⁵⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 11, April 1959: 1.

¹⁵⁹⁰ Тиб. *rims nad*.

¹⁵⁹¹ О приеме номинализации как средстве речевого воздействия см. Чернявская, Молодыхенко 2014: 48–49.

¹⁵⁹² Тиб. *bod kyi mi rigs tshang mar gung phran tang gis rims nad khyab pa de las sgröl thabs su*.

¹⁵⁹³ Тиб. *bod du dar khyab che ba 'i rims nad 'joms thabs su*.

в независимости государства не окажут помощь в лечении [Тибета], [...] эта эпидемия несомненно постепенно охватит и Ваши государства»¹⁵⁹⁴. Тарчин предлагает гипотетический сценарий, который должен произойти в зависимости от того, какие шаги будут предприняты иностранными читателями «Зеркала Тибета». Сформулированная в виде предостережения концовка заметки предполагает необходимость немедленных действий против КПК.

Последним, что хотелось бы отметить при анализе стилистики данной заметки, – это «наслаждающиеся независимостью государства»¹⁵⁹⁵. Устанавливая устойчивую ассоциацию между национальной независимостью и чувством наслаждения, Тарчин неоднократно использовал в публикациях о Тибете это поэтическое выражение в отношении независимых государств, подразумевая в первую очередь крупнейшие западные державы¹⁵⁹⁶.

На первой полосе того же одиннадцатого выпуска 25-го года издания за апрель 1959 г. под заголовком «Помощь Гоминьдана Тибету»¹⁵⁹⁷ Тарчин продолжил работать над метафоризацией из исходной области медицины, изобразив Тибет в образе «больного»:

В соответствии с опубликованным сейчас в различных газетах, правительство Гоминьдан должно оказать большую помощь Тибету. Если опубликованное [заявление о том, что] «Тибет признают полностью независимым», [является] правдой, то может быть полезным, если вместе с официальным провозглашением о признании независимости Тибета в ООН, незамедлительно введут войска в центральные районы Китая. Если это не так [не является правдой], то какая польза от помощи лишь на словах?

Хотя все страны, наслаждающиеся независимостью, также ведут много разговоров о помощи Тибету, если в действительности [они] не окажут помощи, то какая польза от помощи лишь на словах?

Если больному, который еще не умер, не предоставить лечение, то какая польза от сожалений после [его] смерти¹⁵⁹⁸?

¹⁵⁹⁴ Тиб. *rang dbang la dga' ba'i rgyal khyab rnams kyis grogs ram gyi sman thabs ma gnang na rims nad 'di ni khyed tsho'i rgyal khab tu'ang rim gyis dar khyab yong nges gtan red.*

¹⁵⁹⁵ Тиб. *rand dbang la dga' ba'i rgyal khab rnams.*

¹⁵⁹⁶ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3.

¹⁵⁹⁷ Тиб. *ko min tang gis bod la grogs ram.*

¹⁵⁹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 1.

В данном случае метафорический перенос подразумевает создание образа Тибета как слабого «больного», который еще жив, но уже на грани смерти. Читатель обязан понять, что Тибет заслуживает внимания и реальной физической помощи со стороны других независимых стран. Для структурирования трех последних предложений Тарчин применяет стилистическую фигуру повтора («... то, какая польза от ...?»¹⁵⁹⁹), тем самым превращая свои риторические вопросы в имплицитный укор за бездействие и установку для остального мира оказать немедленную помощь Тибету. Редактор прогнозирует будущее Тибета в случае отсутствия помощи других государств в борьбе с китайскими коммунистами: Тибет, его население и культура «умрут», если «больному, который еще не умер, не предоставить лечение»¹⁶⁰⁰, то есть если иностранные державы не поддержат повстанческое движение против власти КНР в Тибете.

Среди других метафорических описаний медицинской направленности в качестве примера также можно привести публикацию о тибетоязычных повстанцах, которые не просто убили китайских коммунистов, а «остановили пульс врагов»¹⁶⁰¹. А.А. Данилова отмечает, что использование прагматически нагруженной медицинской терминологии характерно для стиля манипуляционных газетных текстов¹⁶⁰².

Вместе с тем Тарчин не ограничивался около-медицинскими метафорами. В «Зеркале Тибета» можно также встретить метафорические описания, основанные на использовании стихии как исходной области опыта. Например, в публикации под заголовком «Большое восстание против китайских коммунистов в Тибете»¹⁶⁰³ за февраль–март 1959 г. редактор эмоционально нагнетает обстановку путем изображения антикоммунистических волнений в Тибете в метафорическом образе «огня»¹⁶⁰⁴ и «вихря»¹⁶⁰⁵:

¹⁵⁹⁹ Тиб. *ci la phan*.

¹⁶⁰⁰ Тиб. *nad pa ma 'chi gong sman thabs ma byas na*.

¹⁶⁰¹ Тиб. *dgra bo 'i snying rtsa bca'd* (*The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 9–10, February–March 1959: 12).

¹⁶⁰² Данилова 2014: 89.

¹⁶⁰³ Тиб. *bod du rgya dmar la ngo rgol chen po*.

¹⁶⁰⁴ Тиб. *bod du rgya dmar la ngo rgol gyi dmag me rgya khyab tu mched bzhin pa red*.

¹⁶⁰⁵ Тиб. *bod du phan tshun ngo rgol rlung dmar 'tshubs*.

В Тибете повсюду распространился огонь войны от восстания против китайских коммунистов. [...]

Если Далай-лама будет лишен светской и религиозной власти, когда весь Тибет закружил вихрь восстания, то возникнет очень большая опасность для любых стараний, направленных на благо тибетского Учения, и [поэтому] сознание всех [тибетцев] пребывает в величайшем ужасе¹⁶⁰⁶.

Прогнозируя будущее в свете текущей политической нестабильности на Тибетском плато в 1959 г., Тарчин предостерегает тибетоязычных читателей об «очень большой опасности»¹⁶⁰⁷ утраты религиозной и светской власти Далай-ламой, что приравнивается в его интерпретации к угрозе для тибетского буддизма в целом.

Тарчин использовал метафору огня и для описания противостояния КПК и Гоминьдана, например: «поднялся пылающий огонь гражданской войны между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая»¹⁶⁰⁸.

Позднее в пятом выпуске 27-го года издания за январь 1961 г. редактор применил метафору «красного огня»¹⁶⁰⁹ для описания гражданской войны на Кубе, в Конго и Лаосе в связи с инфильтрацией коммунистической идеологии в этих странах. Предрекая начало Третьей мировой войны в случае, если ООН «не сможет потушить красный огонь»¹⁶¹⁰, Тарчин сразу после этой новости опубликовал отдельную заметку из всего двух семисложных строк, в которой, имитируя традиционный тибетский жанр крылатых изречений, продолжил актуализировать метафору коммунистического огня:

Если красный огонь не потушить, пока [он] маленький, когда [он] разрастется, потушить будет сложно¹⁶¹¹.

Во всех примерах с метафорами стихий огня и воздуха возникают похожие ассоциации: нечто сильное, энергичное, спонтанное и выходящее за пределы контроля людей врывается в их жизнь. В то время как огонь мог ассоциироваться

¹⁶⁰⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6.

¹⁶⁰⁷ Тиб. *ha cang nyen kha chen po shar*.

¹⁶⁰⁸ Тиб. *ko gung gnyis kyi dbar nang 'khrug gi me 'bar bar 'go tshugs* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 6).

¹⁶⁰⁹ Тиб. *me dmar* и тиб. *dmar me*.

¹⁶¹⁰ Тиб. *rgyal spyis me dmar gsod* [...] *thub min* [...] *'dzam gling dmag chen gsum pa mi lang ba 'i nges pa med*.

¹⁶¹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 8.

с напряжением, гневом и разрушением, «вихрь восстания» символизировал свободу, волю, неукротимость и грядущие перемены в Тибете.

Иногда Тарчин прибегал к гиперболизации, приводя в публикациях очевидные преувеличения. Например, редактор утверждал, что китайские коммунисты «не только мучили невыразимым образом, но и запугали практически до смерти»¹⁶¹² Панчен-ламу. Или, к примеру, цитируя тибетских монахов, Тарчин описывал их нескончаемые страдания по вине КНР: «мы день и ночь испытываем огромные страдания от того, что не спасемся»¹⁶¹³ из рук захвативших монастырь китайских коммунистов.

Стилистические изыскания редактора «Зеркала Тибета» также можно рассматривать с точки зрения прагматики. В газетных публикациях о Тибете за 1949–1963 гг. встречаются многочисленные пресуппозиции. Например, в первом выпуске 18-го года издания за 1 октября 1949 г., когда было официально провозглашено создание Китайской Народной Республики, Тарчин рассуждает о том, как скорее свергнуть коммунистическое правительство:

Если предоставить возможность хорошенько рассмотреть преступления коммунистического строя, [а также] если армия и граждане вновь поддержат правительство [Гоминьдан], коммунистическое правительство не сможет долго продержаться¹⁶¹⁴.

Введенная в данном предложении пресуппозиция предполагает, что «преступления коммунистического строя»¹⁶¹⁵ определенно существуют, но, что конкретно имеется в виду, Тарчин оставляет на усмотрение читателей.

Позднее, в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. редактор «Зеркала Тибета», наконец, детализирует состав преступлений китайских коммунистов. В заголовке «Проводимая Коммунистической партией в течение семи лет бойня в Китае»¹⁶¹⁶ редактор использует номинализацию для преобразования процесса «массового убийства» в самостоятельную сущность и

¹⁶¹² Тиб. *khong la brjod mi thub pa 'i mnar spyod byas pas mi tshad ha lam bkrongs rgyu 'i 'jigs res bskul 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 11, April 1959: 4).

¹⁶¹³ Тиб. *nga tsho ni 'di nas mi thar ba 'i sems sdug chen pos nyin mtshan mi 'khyol ba zhig 'dug ces brjod byung* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: 4).

¹⁶¹⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XVIII No. 1, October 1949: 3.

¹⁶¹⁵ Тиб. *dmar po 'i las lugs kyi nyes skyon rnam*s.

¹⁶¹⁶ Тиб. *rgya nag tu gung tang gis lo bdun nang dmar bsad btang ba*.

достигает отчуждения китайских коммунистов уже не только как «преступников», но и как «убийц»:

В Китае лидеры Коммунистической партии за семь лет убили 20 миллионов человек. 25 миллионов человек умерли от голода во время работы. Известны ли вышеуказанные обстоятельства наслаждающимся независимостью государствам?

Даже если и известны, если оставить это без внимания, то нет уверенности в том, что и в Ваших государствах не произойдет так же. Если, обдумав это, прямо сейчас не принять меры по противостоянию коммунистическому режиму, а оставить все с миром, то впоследствии сильно пожалеете. [Но] тогда уже будет слишком поздно¹⁶¹⁷.

Помимо номинализации, данную заметку можно отметить еще и как очередной пример актуализации тактики моделирования альтернативного будущего и своеобразного призыва-угрозы к остальным государствам мира выступить против КНР за независимость Тибета.

По выражению Н.Д. Потаповой, историки занимаются монтажом специфических образов и позаимствованных в источниках и литературе фактов¹⁶¹⁸. В случае с «Зеркалом Тибета» можно говорить о том, что Тарчин, выступая в роли своего рода летописца истории Тибета рассматриваемого периода, не только монтировал определенные факты прошлого, но и как художник искусно создавал желаемые образы в настоящем с помощью средств выразительности речи, которые позволяли ему обращаться к эмоциональной аргументации и избегать необходимости соблюдения строгой логической последовательности изложения информации. Самые разнообразные лексические средства и стилистические приемы помогали редактору «Зеркала Тибета» систематически воспроизводить два убедительных образа, объединенных в рамках метанарратива тибетской независимости: жестокого антагониста в лице китайских коммунистов и идеального протагониста в лице жителей Тибета. При этом контакты антагонистов и протагонистов традиционно изображались Тарчином в формате столкновения двух непримиримых миров. Воплощенные в образе «коммунистических бандитов» и «врагов Учения», антагонисты обманывали, убивали, запугивали, оскверняли

¹⁶¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3.

¹⁶¹⁸ Потапова 2015: 294.

традиции и оскорбляли чувства верующих жителей Тибета. Протагонисты же, сначала представшие в образе несчастных мирных граждан беззащитного «маленького религиозного государства»-жертвы агрессии КНР, в конце 1950-х гг. получили развитие в виде альтернативного подтипа персонажей – повстанцев-«защитников Учения» или «армии божеств»¹⁶¹⁹, чьи вооруженные нападения на китайских коммунистов Тарчин воспевал как примеры героической праведной борьбы с «коммунистическим гнетом» и «издевательствами»¹⁶²⁰. Язык редактора «Зеркала Тибета» временами звучит причудливо и даже наивно для современного читателя, однако в 1950–1960-е гг. подобный стиль повествования, вероятно, находил гораздо больший отклик у тибетоязычных читателей, чем сухие официальные тексты газетных статей.

2.2.4.2. Жанровое своеобразие

При исследовании тона дискурса Т.А. ван Дейк предлагает, помимо темы публикации, уделить внимание анализу такой характеристики текста как жанр¹⁶²¹. Необходимо отметить изобретательность Дордже Тарчина в жанровом исполнении метанарратива тибетской независимости. Из наиболее специфических для публицистического стиля жанров, к которым обращался редактор, можно назвать:

1. Пословицы и поговорки (*тамне*, тиб. *gtam dpe*), афоризмы (*легуэ*, тиб. *legs bshad*), дидактические истории (басни/притчи, тиб. *gtam*, и легенды, тиб. *lo rgyus*).
2. Предсказания (тиб. *lung bstan*).
3. Стихи и песни.

¹⁶¹⁹ Тиб. *lha dmag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

¹⁶²⁰ Тиб. *bod la gung phran gyis* [...] *dma' 'bebs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3).

¹⁶²¹ van Dijk 1993: 271–272.

2.2.4.2.1. Дидактические публикации

Обширная группа дидактических публикаций в «Зеркале Тибета» включает поговорки, пословицы, басни, притчи и легенды. В 1950–1960 гг. Тарчин регулярно публиковал рубрику «Тампе» не на какую-то отвлеченную общую тематику, а целенаправленно в русле антикоммунистического дискурса и метанаррации независимости Тибета.

Исследователи тибетских *тампе* К. Кюпперс и П. Сёренсен отмечают, что афоризмы и метафорические поговорки встречались во всех жанрах тибетской литературы на протяжении всей ее истории¹⁶²². *Тампе* называют собирательным термином для самого разного рода крылатых выражений и даже целых историй, причем особо популярным видом *тампе* в Тибете традиционно считались четырехсложные поговорки¹⁶²³. Отдельные *тампе* в «Зеркале Тибета» насчитывают всего два–три предложения, в то время как другие представленные в той же рубрике публикации составляют целые истории-аллегии. При этом в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. чаще всего встречаются семисложные *тампе*. По выражению А. Заверталь, будучи отличным мнемоническим приемом, семисложные *тампе* пользуются большой популярностью у тибетцев¹⁶²⁴.

К. Кюпперс и П. Сёренсен указывают на то, что для фольклорных и идиоматических жанров *тампе* характерны иносказательность, метафоричность и использование эвфемизации, а одно утверждение может содержать сразу несколько смыслов¹⁶²⁵, в связи с чем неудивительно, что не все опубликованные Тарчином *тампе* несут очевидный смысл, в особенности для современного читателя не-тибетского происхождения. Следует также сказать, что несколько примеров публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. были отобраны для анализа как дискурсивные только на основании их расположения на странице, а именно после, до или в окружении релевантных новостей о Тибете или Китае. Часть крылатых

¹⁶²² Cüppers and Sørensen 1998: XII.

¹⁶²³ Cüppers and Sørensen 1998: XIII–XIV.

¹⁶²⁴ Sawerthal 2018a: 188.

¹⁶²⁵ Подробнее см. Cüppers and Sørensen 1998: XXV–XXVI.

изречений и притч Тарчин все-таки сопроводил пояснением, где раскрыл свой истинный замысел, однако некоторые материалы заканчиваются лишь загадочным вопросом или комментарием редактора, например: «Какой смысл данного высказывания?»¹⁶²⁶, или «Прошу всех подумать о том, каков смысл данной поговорки»¹⁶²⁷. И, хотя все иносказательные материалы из рубрики «Тампе» интерпретировались в тесной связке с датой публикации и историческим контекстом в рассматриваемый период, необходимо подчеркнуть, что интерпретации примеров из «Зеркала Тибета», которые приведены далее в данном подразделе, носят авторский характер и претендуют на место лишь одного из возможных вариантов.

На основании проанализированного корпуса публикаций «Зеркала Тибета» можно с уверенностью утверждать, что Тарчин увлекался *тампе* и часто использовал данный жанр, чтобы выразить свое мнение на какую-то актуальную тему, дать совет или назидательную установку читателям. В качестве одного из наиболее ранних примеров в рубрике *тампе* можно назвать публикацию из девятого выпуска 18-го года издания за 1 августа 1950 г., которая размещена сразу после новостей о тревожных настроениях в восточном Тибете в связи с опасением скорого наступления войск НОАК:

Если пища утратила свой вкус, маленькая миска или большая не имеет значения. Если человек утратил свой храбрый [дух], нет ни большого количества солдат, ни малого¹⁶²⁸.

Тампе состоит из четырех семисложных строк. Если говорить об историческом фоне в конце лета 1950 г., исследователи отмечают, что еще начиная с 1949 г. в Лхасе воцарилась атмосфера страха, а некоторые тибетские аристократы начали отправлять свои семьи и ценные вещи в Индию¹⁶²⁹. Самое первое столкновение войск НОАК и тибетской армии относят к июлю 1950 г.¹⁶³⁰, то есть как раз за месяц до того, как Тарчин опубликовал свое поучительное изречение. К августу 1950 г. дальнейшее продвижение войск НОАК в Тибет представлялось

¹⁶²⁶ Тиб. *ces pa'i gtam dpe'i go don ga re red.*

¹⁶²⁷ Тиб. *gtam dpe 'di'i don ga re red tshang mas dgongs bzhes yod pa zhu.*

¹⁶²⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 2.

¹⁶²⁹ Shakya 2000: 10.

¹⁶³⁰ Goldstein 1992: 679.

лишь делом времени. Вместе с тем было очевидно, что в случае конфликта более малочисленная и слабо вооруженная тибетская армия не выстоит против сил НОАК. Поэтому данный *тампе*, вероятно, следует расценивать как креативную попытку редактора «Зеркала Тибета» укорить своих тибетоязычных читателей в трусости и взбодрить боевой дух тех жителей Тибетского плато, которые были настроены против установления власти КНР в регионе.

В пятом выпуске 19-го года издания за август 1951 г. с помощью *тампе* из двух девятисложных строк Тарчин продолжает наставлять своих читателей, подчеркивая важность аналитического мышления, которое должно непременно предшествовать любому предпринимаемому действию:

Зайца, который испугался всплеска воды, не догнать. Что бы ни делалось, всегда [сперва] хорошенько анализируй¹⁶³¹.

С одной стороны, данное дидактическое высказывание достаточно общего характера может быть универсальным советом, актуальным для любого человека. С другой стороны, эту поговорку Тарчин опубликовал в выпуске за август 1951 г., когда в «Зеркале Тибета» уже был актуализован антикитайский дискурс. Кроме того, редактор разместил данный совет после новостей о Китае и Тибете. Поэтому в самом широком смысле в контексте тибетской истории того периода этот *тампе* может быть интерпретирован как отсылка к решению тибетского правительства отправить своих делегатов в Пекин для китайско-тибетских переговоров, которые довольно быстро закончились подписанием Соглашения из 17 пунктов в мае 1951 г. Подписание данного соглашения как официального документа, который узаконил право КНР на Тибет, естественно, не радовало Тарчина, а поведение тибетской делегации во время переговоров в Пекине могло казаться ему слишком поспешным и непродуманным. Более того, в июле 1951 г. в Ятунг, временную резиденцию Далай-ламы XIV, который покинул Лхасу в опасении вступления войск НОАК на территорию центрального Тибета, прибыла делегация от КНР во главе с Чжан Цзинью¹⁶³². Китайский чиновник передал Далай-ламе XIV копию Соглашения из 17

¹⁶³¹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 8.

¹⁶³² Гарри 2009: 65.

пунктов и письмо от Мао Цзэдуна, вскоре после чего Далай-лама вернулся в Лхасу, а через пять месяцев после окончания переговоров в Пекине официально выразил от имени народа Тибета единогласную поддержку Соглашению из 17 пунктов¹⁶³³. Таким образом, выбранный Тарчином *тампе* об испуганном зайце мог характеризовать действия Далай-ламы XIV и тибетского правительства, которые решили пойти по пути признания Соглашения из 17 пунктов.

В восьмом выпуске 19-го года издания за ноябрь 1951 г. в рамках рубрики «Новости Тибета» сразу же после сообщения о том, что жену одного тибетского солдата убила дочь другого тибетского солдата размещено еще одно поучительное изречение:

Как в [вышеуказанном] примере, когда не можешь бороться с внешним, происходят внутренние конфликты. Если ссориться внутри семьи, то внутренняя сила уменьшается, а внешняя сила непременно увеличивается. Кроме того, [ссоры] будут причиной стыда перед чужими людьми. Поэтому если наладить насколько возможно дружественные и солидарные отношения в семье, люди будут восхищаться Вашим счастьем. А если нет, то люди непременно будут критиковать Ваши страдания. Прошу всех запомнить [это]¹⁶³⁴.

К 1 ноября 1951 г. Далай-лама XIV и тибетское правительство официально признали Соглашение из 17 пунктов, а войска НОАК вошли в Лхасу¹⁶³⁵. Реакция тибетской элиты была ожидаемо противоречивой, поэтому смысл данного *тампе* представляется относительно понятным. Редактор «Зеркала Тибета», очевидно, подразумевал, что тибетцы не могли открыто выступать против тех перемен, которые пришли в Тибет извне вместе с солдатами НОАК, в силу чего их внутренняя фрустрация находила выход в виде междоусобных конфликтов. При этом, по выражению Тарчина, «внутренняя сила»¹⁶³⁶ жителей Тибета ослабевала, а «внешняя сила»¹⁶³⁷, т.е. сила китайских коммунистов, возрастала, вследствие чего «чужие» получали возможность осуждать тибетцев.

В сдвоенном втором–третьем выпуске двадцатого года издания за май–июнь 1952 г. Тарчин опубликовал краткий *тампе* из четырех девятисложных строк,

¹⁶³³ Кычанов, Мельниченко 2005: 262; Goldstein 1992: 812.

¹⁶³⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 3.

¹⁶³⁵ Shakya 2000: 92; Goldstein 1992: 812.

¹⁶³⁶ Тиб. *nang stobs je zhan* [...] 'gyur.

¹⁶³⁷ Тиб. *phyi stobs je cher* 'gyur.

который, по всей видимости, выражает позицию редактора относительно статуса Тибета до подписания Соглашения из 17 пунктов:

Над независимым правитель нашел способ властвовать,
 Названное «освобождением» вызывает большое удивление.
 Даже если у другого есть сила власти,
 Смотрите, как сами попадете под [власть] другого¹⁶³⁸!

Под «независимым»¹⁶³⁹ в данной публикации Тарчин скорее всего имеет в виду статус Тибета до 1951 г. С помощью *тампе* редактор «Зеркала Тибета» в очередной раз ставит под сомнение законность действий КНР на Тибетском плато и помещает в дискурсивное поле «освобождение» Тибета силами НОАК. В двух последних строках Тарчин намекает на то, что, даже если КНР и является сильным государством сейчас, это не исключает того, что китайские коммунисты могут лишиться власти в Китае в случае нападения на них более сильного противника. Однако возможна и альтернативная интерпретация двух последних строк *тампе*, если предположить, что под «другим»¹⁶⁴⁰ Тарчин подразумевает китайских коммунистов, а под «самими»¹⁶⁴¹ – тех жителей Тибета, которые благосклонно отнеслись к подписанию Соглашения из 17 пунктов и стали сотрудничать с представителями КНР в Тибете.

Несколько обрывочный *тампе* встречается в пятом выпуске 22-го года издания за 1 сентября 1954 г.:

Нет Англии – нет стратегии. Нет Америки – нет богатства. Нет Франции – нет украшений.
 Нет Германии – нет просвещения. В чем смысл данного изречения¹⁶⁴²?

В действительности, более 65 лет спустя, для не-тибетского читателя довольно трудно разгадать, что хотел сказать этим *тампе* редактор «Зеркала Тибета». В статье под заголовком «Защита Юго-Восточной Азии»¹⁶⁴³, размещенной после данного *тампе*, Тарчин описывает обсуждения США, Великобритании и Франции относительно возможности защиты Юго-Восточной

¹⁶³⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 10.

¹⁶³⁹ Тиб. *rang bisan de la bisan pos dbang thabs byas/ ming la bcings bkrol btags pa ngo mtshar che.*

¹⁶⁴⁰ Тиб. *gzhan la dbang ba 'i stobs shugs yod na yang.*

¹⁶⁴¹ Тиб. *rang nyid gzhan gyi 'og tu tshud la ltos.*

¹⁶⁴² *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 6.

¹⁶⁴³ Тиб. *shar lho e she 'i srung skyobs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 7).

Азии и «строительства дамбы от красного наводнения»¹⁶⁴⁴ в указанном регионе. Поэтому *тампе* Тарчина скорее всего соотносится именно с этим материалом, где метафора «красного наводнения» создает впечатление необузданного стихийного распространения коммунистической идеологии в Азии. При этом, если утверждения о США, Великобритании и Германии в *тампе* имеют право на существование и звучат более-менее логично, то остается непонятным, что редактор подразумевал под французскими «украшениями»¹⁶⁴⁵. В рамках антикоммунистического дискурса данный *тампе*, вероятно, можно рассматривать как намек Тарчина для тибетоязычных читателей на текущее соотношение сил на международной арене, с тем чтобы они понимали, какие страны было бы полезно заинтересовать в борьбе с китайскими коммунистами.

В колонке с *тампе* в «Зеркале Тибета» встречался и другой тип дидактических высказываний. Так, *тампе* из восьми семисложных строк в сдвоенном четвертом–пятом выпуске 26-го года издания за сентябрь–октябрь 1959 г., свидетельствует о том, что в рамках одной рубрики Тарчин публиковал совершенно разные по объему и стилю истории:

Когда приближается конец жизни бешеной собаки, она все кусает. Когда конец коммунизма близок, [коммунисты] принимаются за освобождение других земель. Прикрепление плодов к плавучей коряге, рождение сына бесплодной женщиной и распространение коммунистической власти – это три признака окончательного саморазрушения¹⁶⁴⁶.

Тарчин использует синтаксический параллелизм и оксюморонные сочетания (например «рождение сына бесплодной женщиной»¹⁶⁴⁷) для актуализации идеи абсурдности дальнейшего распространения коммунистической власти и моделирования скорого конца коммунистического режима. В этот раз Тарчин привел объяснение своего *тампе* в виде отдельного комментария ниже на той же странице:

В соответствии со сказанным, если посмотрите на карту на странице 7, поймете. Сейчас из-за желания управлять чуть большей территорией Внешней Монголии и многим

¹⁶⁴⁴ Тиб. *dmar po'i chu rud la chu rags rgyag*.

¹⁶⁴⁵ Тиб. *pha med mdzes rgyan med*.

¹⁶⁴⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 8.

¹⁶⁴⁷ Тиб. *mo gsham la ni bu skyes*.

[территориями] на границе с Индией, Пакистаном и Бирмой, коммунистическое государство вело себя и продолжает вести неподобающе. Если посмотрите [на это], разве не напоминает вышеуказанную пословицу¹⁶⁴⁸?

Тарчин подчеркивает, что политика КНР является «неподобающей»¹⁶⁴⁹. Если перелистать на страницу назад, там действительно опубликована карта с пояснением под ней, что с помощью черного выделения редактор обозначил чужие территории, которыми «бесстыдно желает владеть коммунистический Китай»¹⁶⁵⁰ (см. рис. 3).

Рис. 3. Иллюстрация к публикации на странице 8 (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 7).

Еще один достаточно интересный краткий *тамне* из трех семисложных строк Тарчин опубликовал сразу после новости об обсуждении «тибетского вопроса» на сессии ООН в Нью-Йорке в первом выпуске 27-го года издания за август–сентябрь 1960 г.:

Обсуждение никогда не приветствуется. Если обсуждение приветствуется, это как с отцом Чандракирти¹⁶⁵¹.

Аллюзия Тарчина на историю с отцом Чандракирти предполагает, что читатель помнит, как отец Чандракирти лежал на кровати под большим мешком

¹⁶⁴⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 8.

¹⁶⁴⁹ Тиб. *deng gung bran rgyal khab kyis* [...] *tshul min byas dang byed mus*.

¹⁶⁵⁰ Тиб. *rgya dmar gyis gzhan sa ham pas dbang 'dod kyi rtags*.

¹⁶⁵¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 12 [i.e. 16].

риса, подвешенным веревкой на балке крыши его лачуги. Пока отец Чандракирти размышлял и мечтал, что он сделает со своим найденным богатством в виде такого количества риса, веревка оборвалась. Мешок упал отцу Чандракирти на голову и в ту же секунду убил его¹⁶⁵². Очевидно, что Тарчин намекал на аналогию исхода отца Чандракирти и обсуждения «тибетского вопроса» в ООН в 1960 г. «Тибетский вопрос» поднимали на заседаниях ООН несколько раз. После того, как в октябре 1959 г. достаточно успешное обсуждение «тибетского вопроса» в ООН закончилось принятием резолюции о нарушении прав человека в Тибете, официальные представители тибетской диаспоры продолжили искать возможность принятия более актуальной для них резолюции о политическом статусе Тибета¹⁶⁵³. Летом 1960 г. Таиланд и Малайская Федерация предложили включить обсуждение «тибетского вопроса» в программу 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, но их инициатива не получила достаточной поддержки от других стран-членов ООН, поэтому обсуждение не состоялось¹⁶⁵⁴. Используя аллюзию на историю об отце Чандракирти в выпуске «Зеркала Тибета» за август–сентябрь 1960 г. Тарчин, вероятно, подразумевал, что чиновники правительства Тибета в изгнании возлагали большие надежды на инициативу очередного обсуждения «тибетского вопроса» на международном уровне и уже представляли новую желаемую резолюцию 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, однако, в реальности они не получили ни новой резолюции по Тибету, ни вообще ничего.

В рубрике «*Тампе*» встречаются примеры, когда Тарчин сопровождал поучительное изречение открытым призывом к выступлению за независимость Тибета. Так, в двенадцатом выпуске 27-го года издания за декабрь 1962 г. редактор обращается к тибетоязычным читателям со следующим *тампе*:

Нет [другой такой] добродетели как независимость и [другого такого] мучения как власть чужих.

¹⁶⁵² Reynolds 1996: 112.

¹⁶⁵³ Гарпи 2009: 112–114.

¹⁶⁵⁴ Shakyа 2000: 233–234.

В соответствии со сказанным, чтобы [обрести] независимость, необходимо жертвовать не только своим имуществом, но и своей жизнью. Прошу всех служить правительству, а также делать еще больше, чем [это]¹⁶⁵⁵!

Начав с краткой поговорки из двух семисложных строк, Тарчин продолжил культивировать пронационалистические настроения в обществе в форме просьбы к членам тибетской диаспоры служить «правительству», то есть Центральной тибетской администрации в Индии. Более того, редактор «Зеркала Тибета» открыто призвал сторонников независимости жертвовать не только финансовыми средствами, но и жизнью в борьбе за независимость Тибета. Подобные призывы Тарчина пожертвовать жизнью на благо Тибета регулярно тиражировались на страницах «Зеркала Тибета» в 1950–1960-е гг. и, помимо рубрики *тампе*, также неоднократно встречались в текстах оппозиционных песен и стихов, тем самым способствуя радикализации движения за независимость Тибета.

Краткие дидактические изречения появлялись в «Зеркале Тибета» и в рубрике под названием «Афоризм» или «*Легшэ*»¹⁶⁵⁶. Жанр *легшэ* традиционно был популярен как среди образованной элиты Тибета, так и среди преимущественно неграмотного простого народа¹⁶⁵⁷. В двенадцатом выпуске 26-го года издания за июнь–июль 1960 г. под заголовком «Из “Драгоценной сокровищницы назидательных речений” [Сакья-пандиты]»¹⁶⁵⁸ Тарчин обращается с наставлением к молодому поколению тибетской диаспоры:

Необходимые для себя сведения запоминали по слову ежедневно.

Даже слабая капля воды, если смешается с океаном, не высохнет.

В соответствии со сказанным, юноши и девушки, которые, бежав от репрессий [китайских коммунистов] в районы Индии, сейчас изучают в школах язык, письменность и прочее, будьте усердны и прилежны в обучении¹⁶⁵⁹!

Для привлечения внимания молодежи редактор «Зеркала Тибета» ссылается на широко известный трактат XIII в., который неизменно пользовался большим

¹⁶⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10.

¹⁶⁵⁶ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 4.

¹⁶⁵⁷ Sawerthal 2018a: 204.

¹⁶⁵⁸ Тиб. *sa skya legs bshad las*.

¹⁶⁵⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: suppl.2.

почетом у тибетоязычного населения¹⁶⁶⁰, и оформляет свою публикацию как цитату одного из авторитетнейших в Тибете буддийских ученых Сакья-пандиты Кунга Гьелцэна¹⁶⁶¹. При этом Тарчин не заимствует какой-то конкретный полный четырехстрочный афоризм Сакья-пандиты, а соединяет вместе две первые семисложные строки в модифицированном исполнении из 449-го афоризма из главы «Размышления о Дхарме»¹⁶⁶² и две последние семисложные строки в неизменном виде из 311-го афоризма из главы «Размышления о деяниях»¹⁶⁶³. После этого редактор уже своими словами призывает молодых членов диаспоры в Индии усерднее изучать тибетский язык и письменность, вероятно, подразумевая параллель: если тибетоязычные иммигранты сплотятся и будут совместно поддерживать общие традиции, то, как бы малочисленна ни была их община и какими бы незначительными ни казались в моменте усилия членов диаспоры по сохранению культурного наследия, вместе они сила и в Индии у них всегда будет свой «Тибет».

Иногда Тарчин оживлял обычные новостные сообщения с помощью добавления в них известных тибетских поговорок. Хотя такие публикации не относятся к рубрике «Тампе», они также заслуживают внимания в рамках изучения тона дискурса «Зеркала Тибета» в 1950–1960-е гг. Например, в первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. под заголовком «Жених возвращается домой после неудачного брака» или буквально «Зайцы возвращаются в нору»¹⁶⁶⁴ редактор сообщает:

Хотя истинное правительство Китая находится на [о.] Тайвань, [они] вскоре вернут обратно все китайские земли своей родины. Поэтому ведутся масштабные приготовления для того, чтобы вместе с возвращением зайцев в нору люди, которые продолжают жить и переживать ад на Земле, были вскоре освобождены. [...]

Согласно распространяемой сейчас [информации] из гоминьдановских газет, когда они вернуться в Китай как зайцы в нору, в соответствии с желаниями многих тибетцев дадут

¹⁶⁶⁰ Подробнее см. Davenport 2000: 8, Дылыкова 1973: 42–56.

¹⁶⁶¹ Тиб. *sa skya paN Di ta kun dga' rgyal mtshan*; 1182–1251.

¹⁶⁶² Оригинальная версия 449-го афоризма см. Davenport 2000: 286.

¹⁶⁶³ Оригинальная версия 311-го афоризма см. Davenport 2000: 201.

¹⁶⁶⁴ Тиб. *ri bong tshang log*.

независимость. Кроме того, тибетское правительство, которое в настоящем времени находится за границей, совершенно точно вернется как зайцы в нору¹⁶⁶⁵.

Заметка была опубликована в июне 1959 г., всего через два месяца после восстания в Лхасе и эмиграции Далай-ламы XIV из КНР. Тарчин, предсказывая будущее возвращение «истинного китайского правительства» в Китай и тибетского правительства Гандэн Поданг в Тибет «после неудачного брака», называет правительство Гоминьдан «истинным»¹⁶⁶⁶, чем создает логическую импликацию, что коммунистическое правительство Китая не обладает легитимной властью. Кроме того, редактор иносказательно добавляет, что Тибет будет «освобожден» гоминьдановскими «зайцами» и получит независимость «в соответствии с желаниями многих тибетцев»¹⁶⁶⁷, которым приходится «переживать ад на Земле»¹⁶⁶⁸. Переноса исходную область ада на жизнь людей, Тарчин создает впечатление невыносимых страданий, пронизывающих жизнь населения КНР в конце 1950-х гг., и в противовес заявлениям КНР о «мирном освобождении» Тибета предлагает альтернативный нарратив «освобождения» Тибета, наоборот, от власти китайских коммунистов.

В том же выпуске «Зеркала Тибета» Тарчин опубликовал еще один изобретательный пример использования тибетских *тампе* для придания художественной изобразительности обычной новости:

Как говорится в поговорке: «То, что нельзя сделать со старшим братом, можно сделать с его собакой». Как видел собственными глазами человек, который недавно прибыл из Тибета, китайские коммунисты нарисовали большой портрет уважаемого великого Пэлдэн Миванг Сурканга¹⁶⁶⁹. [На изображении он] со всех сторон окружен китайскими коммунистами с огнестрельным оружием и ножами, а из окон дома [видно, что] возле стен расставлены скорбящие и плачущие супруга, дети и родственники. В соответствии с этим, возникла новая поговорка: «То, что нельзя сделать с человеком, [можно сделать] с его портретом»¹⁶⁷⁰.

¹⁶⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

¹⁶⁶⁶ Тиб. *rgya nag gi gzhung ngo ma*.

¹⁶⁶⁷ Тиб. *bod mi mang rnam kyī 'dod mos bzhin du rang dbang sprod*.

¹⁶⁶⁸ Тиб. *dnyal ba mi yul du myong bzhin pa rnam la ring min bcing bkrol gñang rgyu'i sta gon chen po gñang mus su 'dug*.

¹⁶⁶⁹ Тиб. *dpal ldan mi dbang zur khang pa chen po mchog*. В имени, которое приводит Тарчин, Пэлдэн (тиб. *dpal ldan*, букв. «славный» или «великолепный») и Миванг (тиб. *mi dbang*, букв. «господин»), вероятно, использованы в качестве титула для обозначения особой почтительности.

¹⁶⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.3.

В заметке Тарчин, вероятно, имеет в виду Сурканг Вангчен Гелека¹⁶⁷¹, аристократа и одного из важнейших тибетских министров, который входил в состав тибетского правительства начиная с 1943 г. и вплоть до Лхасского восстания 1959 г., когда структура политической власти в Тибете была реорганизована¹⁶⁷². В свете наступления войск НОАК на Тибет и последующего подписания Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. Сурканг выступал за идею иммиграции Далай-ламы XIV в США и отказ от признания Соглашения¹⁶⁷³. Считается, что в 1950-е гг. Сурканг финансировал антикитайскую деятельность членов «Миманг Цогду»¹⁶⁷⁴. В марте 1959 г. Сурканг, будучи обвинен как участник антикитайского восстания в Лхасе, отправился в иммиграцию в Индию вслед за Далай-ламой¹⁶⁷⁵. Интересно, что впоследствии из-за возникших в Центральной тибетской администрации разногласий и утраты лидирующей роли в правительстве в пользу старшего брата Далай-ламы XIV Гьело Дондуба Сурканг иммигрировал на Тайвань, где сотрудничал с Гоминьданом. Поэтому в своих воспоминаниях Гьело Дондуб называет Сурканга «двуличным министром» и даже обвиняет его в прокитайских взглядах, а именно пособничестве китайским коммунистическим властям до 1959 г., а затем, после иммиграции на Тайвань в 1971 г., подрывной деятельности по отношению к ЦТА по заданию Гоминьдана¹⁶⁷⁶.

Возвращаясь к стилистическим решениям редактора «Зеркала Тибета», следует отметить остроумие Тарчина и умелое вплетение фольклора в газетную заметку. Трансформация тибетской поговорки «То, что нельзя сделать со старшим братом, можно сделать с его собакой»¹⁶⁷⁷ в ее обновленный вариант «То, что нельзя сделать с человеком, [можно сделать] с его портретом»¹⁶⁷⁸ несомненно придала выразительности публикации, сделав ее более запоминающейся для читателей.

¹⁶⁷¹ Тиб. *zur khang dbang chen dge legs*; 1910–1977.

¹⁶⁷² Barnett 2006: 199.

¹⁶⁷³ Shakya 2000: 82–83; Barnett 2006: 199.

¹⁶⁷⁴ Powers and Templeman 2012: 440.

¹⁶⁷⁵ Shakya 2000: 207, 253.

¹⁶⁷⁶ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 135–136, 213–214; Okawa 2007: 600.

¹⁶⁷⁷ Тиб. *jo la ma thub khyi la thub*.

¹⁶⁷⁸ Тиб. *mi la ma thub 'dra par la [thub]*.

Помимо поговорок и пословиц, Тарчин также размещал в «Зеркале Тибета» более длинные истории-аллегии под заголовками «Басня», «Притча» или «Легенда», которые в настоящее время представляются еще более запутанными и сложными для интерпретации, чем краткие *тамне*. Одна из таких публикаций под заголовком «Басня о красноречивом попугае»¹⁶⁷⁹ о текущей обстановке в Тибете была опубликована в восьмом выпуске 19-го года издания за 1 ноября 1951 г.:

В период упадка многого нет. Правительство без царя. Министры без царя. Подданные без царя. Граждане без царя. Дети без родителей. Учение без лам. Ученики без учителей. Хвост без головы. Слуги без господ и так далее. Из многих отсутствующих предметов перечислил здесь десять¹⁶⁸⁰.

Построенная на синтаксическом параллелизме девяти шестисложных строк басня размещена в выпуске сразу после «Новой песни об освобождении народа»¹⁶⁸¹, которая иронично обыгрывает обещания представителей КНР улучшить качество жизни тибетоязычного населения после «освобождения» Тибета силами НОАК. Речь попугая скорее всего несла гораздо более очевидный смысл для читателей «Зеркала Тибета» в 1951 г., однако сейчас этот смысл, к сожалению, можно реконструировать лишь гипотетически. Почему редактор выбрал именно попугая и к чему читателей должна была побудить его речь? В тибетских поговорках попугай наиболее часто изображается как умелый оратор, а его главное преимущество перед другими птицами составляет обучаемость и способность говорить¹⁶⁸². Поэтому, возможно, выбор в пользу попугая был сделан именно с тем, чтобы добавить авторитетности речи, которую Тарчин заложил в «уста» птицы.

Очевидно, что под «периодом упадка»¹⁶⁸³ редактор подразумевал настоящее время, то есть ноябрь 1951 г. Как уже упоминалось, самым большим и

¹⁶⁷⁹ Тиб. *smra mkhas ne tso'i gam*.

¹⁶⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

¹⁶⁸¹ Тиб. *mi dmangs bcings bkrol gyi glu gzhas gsar pa*, см. полный перевод песни далее в подразделе 2.2.4.2.3.

¹⁶⁸² Например, «Попугая посадили в клетку за разговоры, а глупые птицы будут на свободе» (тиб. *ne tso smra bas gzeb tu tshud/ /'dab chags lkugs ba bde bar rgyu*; см. Pemba Lhamo 2007: 99), «Павлин красуется хохолком, а попугай красуется шестью слогами [мантры Ом мани падме хум]» (тиб. *rma byar ngom rgyu sgro gdongs/ /ne tsor ngom rgyu yig drug*; см. Pemba Lhamo 2007: 167), «Не является ни речистым попугаем, ни определяющим рассвет петухом» (тиб. *sgra mkhas can gyi ne tso min/ /nam tshod thig pa'i de pho yang min*; см. Pemba Lhamo 2007: 53), «Без обучения не может быть ученого, а, когда обучил, [и] попугай читает молитвы» (тиб. *ma bslabs mkhas pa yod mi srid/ /bslabs na ne tsos ma Ni 'don*; см. Pemba Lhamo 2007: 147).

¹⁶⁸³ Тиб. *sn'yigs ma'i dus*.

неоднозначным событием начала 1950-х гг. стало подписание Соглашения из 17 пунктов в мае 1951 г. и его последующее признание Далай-ламой XIV в октябре 1951 г.¹⁶⁸⁴. Соглашение из 17 пунктов узаконило право КНР на территорию Тибета и обеспечило правительство КНР действенным механизмом для постепенного преобразования традиционного тибетского социально-экономического уклада¹⁶⁸⁵. Что касается «царя»¹⁶⁸⁶ в речи попугая, Далай-ламе XIV было всего пятнадцать лет, когда в ноябре 1950 г. было принято решение о его наделении полной политической властью¹⁶⁸⁷. Вероятно, сочиняя данную басню, Тарчин имел в виду, что в долгосрочной перспективе подписание Соглашения из 17 пунктов подрывало власть тибетского правительства Гандэн Поданг и должно было привести к своеобразной беспутнице по сравнению с тем традиционным укладом, который на протяжении нескольких сотен лет существовал в Тибете до прихода к власти китайских коммунистов.

Метафорический персонаж попугая встречается и в других материалах «Зеркала Тибета». Например, в восьмом выпуске 21-го года издания за ноябрь 1953 г. под заголовком «Попугай»¹⁶⁸⁸ Тарчин публикует еще одну иносказательную историю:

Попугая водили туда-сюда. Сейчас поведут, удерживая. И даже потом будут водить. Хотят удивительное шоу. Однако [это] не шоу, [это] есть обман. Для обсуждений на радио заставляют писать письма. [Если] не сочинили слоган, необходимо показать. [Если] не сочинили, нужно снова написать. Нужно снова продемонстрировать. Нужно еще раз подкорректировать, говорят. В конце концов после осуществления многократных корректировок Вы можете сделать. Если попросят, с большой радостью то, что захотят, напишите и отдадите. Затем нужно говорить по радио словно попугай. Обманываете свой собственный народ. Ничего не остается, кроме как сделать так. Не верь этому! [Это] есть красный навозный червь на железном крюке во рту. [Это] есть намазанный медом острый нож. [Это] есть ловушка для ловли диких животных. [Это] есть аркан для ловли обезьян¹⁶⁸⁹.

¹⁶⁸⁴ Goldstein 1992: 812.

¹⁶⁸⁵ Goldstein 1992: 772.

¹⁶⁸⁶ Тиб. *rgyal po*.

¹⁶⁸⁷ Гарри 2009: 42.

¹⁶⁸⁸ Тиб. *a'u ne tso*.

¹⁶⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

История о попугае состоит из 23 семисложных строк и одной заключительной шестисложной строки. Используя уже знакомую метафору «намазанного медом острого ножа»¹⁶⁹⁰ для характеристики политики КНР в Тибете, Тарчин убеждает тибетцев, которые сотрудничают с коммунистическими властями, в опасности коллаборационизма и обвиняет их в обмане своих соотечественников путем искажения сведений о реальной обстановке в Тибете под властью китайских коммунистов. Редактор «Зеркала Тибета», настаивая на том, что подобные действия совершаются исключительно в результате принуждения со стороны КНР, призывает своих тибетоязычных читателей не верить распространяемой по китайскому радио информации. С помощью трех дополнительных метафор, которые ранее не встречались в других выпусках «Зеркала Тибета», Тарчин сравнивает политику КНР с «красным навозным червем на железном крюке во рту»¹⁶⁹¹, «ловушкой для ловли диких животных»¹⁶⁹² и «арканом для ловли обезьян»¹⁶⁹³. Во всех четырех метафорах редактор делает акцент на том, что привлекательность сотрудничества с китайскими коммунистами в Тибете является иллюзорной и в реальности таит в себе угрозу утраты свободы и жизни.

В третьем выпуске 23-го года издания за октябрь 1955 г. Тарчин опубликовал еще одну иносказательную историю с участием попугаев под заголовком «Притча о стратегической победе»¹⁶⁹⁴:

По одному древнему преданию, в стране с умеренным климатом и плодородной почвой – прекрасном и очаровательном месте пребывания мирных и добродушных людей, которые поступали в соответствии с Дхармой и обладали высшей добродетелью, – было высокое дерево, высотой до небес, массивнее у [своего] особо твердого основания и с чрезвычайно разросшейся листвой. В той листве, обосновавшись со времен своих прародителей, жила в радости, увеличивая потомство, супружеская пара мягкоперых зеленых попугаев.

В какой-то момент возникла напасть: яйца, которые самка мягкоперого зеленого попугая каждый день откладывала в гнездо, каждый день уничтожали. Поэтому муж и жена, естественно, стали печалиться. Условившись, что необходимо расследовать, что является

¹⁶⁹⁰ Тиб. *sbrang rtsi byugs pa'i spu gri*.

¹⁶⁹¹ Тиб. *lcags kyu'i kha yi 'bu dmar*.

¹⁶⁹² Тиб. *ri dwags 'dzin pa'i rnyi zhig*.

¹⁶⁹³ Тиб. *spre'u 'dzin pa'i zhags pa*.

¹⁶⁹⁴ Тиб. *thab shes kyi nam rgyal dpe gnam*.

причиной этого, они засели, спрятавшись в листве. Через некоторое время [они] увидели своими глазами, как из полости в стволе дерева выползла злобная жестокая ядовитая змея и съела [их] яйца.

Увидев это, самка ужаснулась и сказала мужу: «Если сейчас мы с тобой не переселимся из этого прекрасного леса в другой, будет сложно оставаться жить здесь мирно». В ответ на это самец сказал: «Поскольку [мы] обосновались на этом дереве со времен наших с тобой прародителей, нет необходимости отсюда переселяться. Нужно придумать насколько это возможно хорошую стратегию, [чтобы] убрать отсюда [эту] жестокую ядовитую змею».

Попытавшись постепенно избавиться от ядовитой змеи с помощью стратегии, мягкоперые зеленые попугаи-супруги одержали полную победу. Их потомство увеличивалось, и [они] жили в радости.

В этом случае, применив какие мирные и военные стратегии, те двое убрали из полости [в] дереве ядовитую змею¹⁶⁹⁵?

В названии публикации Гарчин использует термин *нетам* (тиб. *dpe gtam*), то есть буквально «речь/история, содержащая пример», или в самом широком смысле «притча». Очевидно, что под «прекрасным и очаровательным местом пребывания мирных и добродушных людей, которые поступали в соответствии с Дхармой и обладали высшей добродетелью»¹⁶⁹⁶ скрывается идеализированный образ Тибета. Супружеская пара зеленых попугаев, вероятно, является аллегорией на традиционное тибетское правительство Гандэн Поданг, а ядовитая змея – на коммунистическое правительство Китая. Считается, что в тибетской культуре змея ассоциируется с глубокой ненавистью и злом¹⁶⁹⁷. Поэтому поедание яиц змеей скорее всего символизирует распространение «низменной» коммунистической идеологии среди населения Тибета, утрату абсолютного влияния тибетского правительства над своим народом-«потомством» и попытку китайских коммунистов положить конец «золотому веку» Тибета. Вопрос в конце притчи предполагает, что читатель «Зеркала Тибета» того периода понимает, какие стратегии использовали зеленые попугаи, однако сейчас непонятно, что именно

¹⁶⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955: 6.

¹⁶⁹⁶ Тиб. *yul ljongs tsha grang snyom pa/_sa bcud dang ldan pa/_mi nams bde zhing rang brgyud 'jam pa/_chos dang mthun pa'i spyod lam spyod pa sogs ya rabs kyi yon tan dang ldan pa'i gnas mdzes shing yid du 'ong ba zhig.*

¹⁶⁹⁷ Pemba Lhamo 2007: XV.

могли предпринять птицы-тибетцы, чтобы продолжить «жить в радости»¹⁶⁹⁸ на том же месте только без змеи.

В качестве героев притч в «Зеркале Тибета» встречаются и другие интересные животные. В десятом выпуске 23-го года издания за октябрь 1956 г. на первой полосе рядом с поэтическим восхвалением Далай-ламы XIV и фотографией дворца Потала в рубрике «От сведущего»¹⁶⁹⁹ Тарчин публикует длинную поучительную притчу о сыновьях леса и черных обезьянах:

Когда я отправился в паломничество в благородную страну Индию, в окрестностях Бодхгаи, священного для паломников места, на правом берегу реки Нейранджана¹⁷⁰⁰ в роще Мамэйкьемо¹⁷⁰¹ так называемые «сыновья леса», которые были молодыми, обладали состраданием и способностью говорить и понимать, в очень большом количестве повсюду резвились. Тогда множество сильных черных обезьян неожиданно начало войну против сыновей леса. [Обезьяны] притесняли [их] невыносимым образом: зверски убивали различными видами оружия, грабили и били как только могли.

Когда в тот момент сыновья леса, собравшись вместе, стали вести обсуждение, то сын леса [по имени] Сатурн сказал: «В настоящее время абсолютно любое живое существо обладает счастьем свободы, это еще почему, когда сыновья леса сами по себе живут у себя дома, презренные обезьяны бесстыдно запугивают и притесняют [их]?».

Старший [сын леса] Марс сказал: «Кто-нибудь знает, эта власть мировой свободы у нас согласуется с общественными традициями? Не удрушает ли мрак от того, что никто не видел, что нас поработили в качестве слуг для чужих?».

Младший сын [леса] Меркурий сказал: «Если человек прикладывает усилия в своей деятельности, то ничего невозможного не остается. Хотя небесными штурманами являются птицы, человек сделал то, что быстрее [птиц]. Хотя морскими штурманами являются рыбы, человек сделал то, что быстрее [рыб]. Сила единения пронзительнее, чем молния. Объединение в гармонии тверже, чем железо. Как будет прекрасно, если сыновья [леса] со всех сторон не будут разобщаться и защитят общественную свободу. Не позволяйте презренным старым обезьянам-бандитам просто так жить в [нашей] стране».

Дядюшка Солнце сказал: «Обширные обезьяньи заросли подобны джунглям. Сильные обезьяны подобны удару грома с молнией. Состоятельные обезьяны подобны сыновьям

¹⁶⁹⁸ Тиб. *dga' mgu'i ngang du gnas pa red*.

¹⁶⁹⁹ Тиб. *mkhyen ldan zhig nas*.

¹⁷⁰⁰ Скр. *Nirañjanā*. Река Нейранджана или Ниранджана, также известна как Фальгу.

¹⁷⁰¹ Тиб. *ma smra'i skyes mos tshal*, букв. «роща неговорящих» или «роща молчунов». Точное название топонима установить не удалось. Возможно, название рощи вымышленное.

нагов. Сыновья леса никогда не смогут выдержать соперничества [с обезьянами]. Более того, если [мы], совершив подношения [обезьянам] в виде сладких плодов деревьев, будем поступать в соответствии с тем, что [нам] прикажут [обезьяны], то [мы] будем счастливы». В тот момент старая обезьяна Нголеб¹⁷⁰² сказала: «Сыновей леса не обманули. Мы [с Вами] единый род. Старые обезьяны пришли, чтобы помочь несчастным сыновьям леса. Не нужно воевать и конфликтовать. Прислушайтесь к наказу мирного [дядюшки] Солнца!».

Поскольку в течение некоторого времени все сыновья леса прислушивались к словам [дядюшки] Солнца, то старые обезьяны назначили дядюшку Солнце заместителем управляющего. Прошло несколько дней, и старая обезьяна Нголеб сказала: «Невежественные сынишки леса, разновидности плодов деревьев неисчерпаемы. Владение частной собственностью не допустимо. Преподнесите Ваше имущество обезьяньему правительству, занимайтесь тяжелым [физическим] трудом. Если так не сделаете, под землей не спрячетесь».

[Так] сказала [обезьяна Нголеб], и старшее поколение сыновей леса посадили в тюрьму. Нескольких [стариков] убили. Сделав дочерей леса женами старых обезьян, увели в дальние [края]. Хотя сын [леса] Солнце и бежал вместе со старыми обезьянами, одна старая обезьяна сказала: «Поскольку есть опасность, что он вывернет [все] наизнанку, немедленно убейте!», и [дядюшку Солнце] убили.

Если сдался незнакомому человеку, есть опасность оказаться приговоренным без вины. [Вот такую вот] притчу сочинил¹⁷⁰³.

Отсылка к запрету на частную собственность и тезис о родственном происхождении «старых обезьян» и «сыновей леса» однозначно указывают на то, что «презренные старые обезьяны-бандиты»¹⁷⁰⁴ являются аллегорией на китайских коммунистов, а «молодые, обладающие состраданием и способностью говорить и понимать»¹⁷⁰⁵ «сыновья леса»¹⁷⁰⁶, которые свободно «резвились»¹⁷⁰⁷ в свое удовольствие до прихода агрессивных обезьян, – это аллегория на жителей Тибетского плато. Обобщая мораль притчи в самом последнем предложении, редактор «Зеркала Тибета» намекает читателям на то, что сотрудничество с китайскими коммунистами не только не приводит к хорошему, но и может

¹⁷⁰² Тиб. *ngo leb*.

¹⁷⁰³ *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 10, October 1956: 1–2.

¹⁷⁰⁴ Тиб. *khrel med sprel rgan jag pa tsho*.

¹⁷⁰⁵ Тиб. *smra shes don go byams sems lang tsho dang ldan pa*.

¹⁷⁰⁶ Тиб. *shing gi bu chung*.

¹⁷⁰⁷ Тиб. *rtse zhing 'dug go*.

закончиться обвинительным приговором или даже убийством коллаборациониста. Тарчин опубликовал данную притчу в октябре 1956 г., когда из-за попыток реформирования в восточном Тибете уже начались антикитайские волнения и напряженная обстановка стала складываться на всей протяженности Тибетского плато¹⁷⁰⁸. Вероятно, с помощью притчи редактор в иносказательной форме пытался в очередной раз убедить своих читателей в Тибете не верить обещаниям правительства КНР и не сотрудничать с китайскими коммунистами, а, наоборот, объединяться вокруг тех, кто предлагает совместно противостоять гнету «чужих».

В одиннадцатом выпуске 24-го года издания за март 1958 г. Тарчин опубликовал еще один пример необычной истории-аллегии:

С целью спрятать в метафору от коммунистического Китая. Так как сейчас листья красной редьки не могут распространяться по земле, спросите, на какой корень [они] опираются? Три красных насекомых разъедали корень редьки. Когда говорят: «Если бы тех трех насекомых не уничтожили, то листья редьки никогда бы не смогли вырасти», то кто те три красных насекомых? Разве три красных насекомых – это не то, что называется Тремя главными [тибетскими] монастырями? Если спросите, та красная редька под землей – это что? Разве это не то, что называется коммунистической мощью? Если спросите, листья – это что? Не кажется ли, что это тибетский народ? Сейчас из-за Трех главных монастырей и доброты достопочтенного Далай-ламы стратегия притеснений, которую [придумал] коммунистический Китай, не смогла распространяться все дальше. Поэтому прошу [проявить] интерес к необходимости осознания этого и в любом случае [все] тщательно изучить¹⁷⁰⁹.

Редактор «Зеркала Тибета» предлагает вниманию читателей весьма запутанный ряд аллегорий: «красная редька»¹⁷¹⁰ – это коммунистическая мощь, «листья редьки»¹⁷¹¹ – это народ Тибета, а «три красных насекомых»¹⁷¹², которые съели корень редьки, – это три крупнейших тибетских монастыря традиции Гелуг (Дэпунг, Сера и Гандэн). Хотя Тарчин одновременно «скрывает в виде метафоры от коммунистического Китая»¹⁷¹³ и тут же расшифровывает то, что он пытался

¹⁷⁰⁸ Гарри 2009: 89.

¹⁷⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 2.

¹⁷¹⁰ Тиб. *la phug dmar po*.

¹⁷¹¹ Тиб. *la phug dmar po 'i lo ma rnam*s.

¹⁷¹² Тиб. *'bu dmar po gsum*.

¹⁷¹³ Тиб. *rgya dmar nas dpe bkab don du*.

скрыть, понять авторскую логику все равно не так просто. Если с помощью данной аллегории на редьку редактор стремился сказать, что благодаря «Трем главным монастырям и доброте достопочтенного Далай-ламы»¹⁷¹⁴ представителям КНР не удалось вырастить своих сторонников среди населения Тибета, то выбор красного цвета для окраса самой «редьки»-коммунистической власти кажется логичным, но возникает вопрос, почему «насекомые»-монастыри тоже красные? Делает ли это Тарчин, чтобы запутать читателя и сделать «сокрытие в метафору» более изощренным, или же данная история имеет какой-то иной дополнительный уровень метафорического смысла, остается неясным.

Публикация о редьке вышла в марте 1958 г. К началу 1958 г. тысячи жителей восточного Тибета бежали в центральный Тибет, где связанное условиями Соглашения из 17 пунктов правительство КНР не могло предпринять каких-либо карательных мер против них¹⁷¹⁵. Насильственное подавление протестов в восточном Тибете вызывало озабоченность Далай-ламы XIV, в связи с чем к 1957 г. руководство КНР приняло более осторожный подход к темпам реформирования и обещало, что реформы в центральном Тибете будут отложены на несколько лет¹⁷¹⁶. Таким образом, можно сказать, что в какой-то степени действительно именно благодаря действиям Далай-ламы XIV, коммунистические нововведения временно «не смогли распространяться все дальше»¹⁷¹⁷. Вероятно, история о красной редьке и насекомых была аллюзией именно на эти события.

В восьмом выпуске 25-го года издания за январь 1959 г. в рубрике «Тампе» Тарчин опубликовал историю-аллегию под заголовком «Притча о лягушке и крабе»¹⁷¹⁸ без каких-либо намеков на то, кого олицетворяют ее главные герои:

Ранее в одной местности было озеро, где жили лягушка и краб. Когда однажды, опасаясь разлива реки, большое количество мальков приплыли в озеро в этой местности, лягушка и краб подумали, что те создания принадлежат другой этнической группе и [сказали], что

¹⁷¹⁴ Тиб. *gdan sa chen po rnam gsum dang / gong sa mchog gi bka' drin*.

¹⁷¹⁵ Shakya 2000: 163, 166.

¹⁷¹⁶ Shakya 2000: 152, 156.

¹⁷¹⁷ Тиб. *rgya cher dar rgyas byung ma thub*.

¹⁷¹⁸ Тиб. *spal pa dang sdig srin gnyis kyi gtam*.

нужно изгнать их. Мальки услышали это обсуждение. В реальности им [лягушке и крабу] не нужно было бороться с мальками. Лягушку и краба подтолкнули к разладу.

Однажды лягушка и краб практически вышли из воды, и, в то время как они ругались на берегу, пришел рыбак и унес краба и лягушку. Когда [их] несли в сети, гнев, который они чувствовали во время ссоры, рассеялся, они обняли друг друга и почувствовали сожаление из-за того, что поругались. Как бы [они] ни придумывали, как лучше поступить, никто [уже] не мог [ничего] повернуть вспять, они были отрезаны от их дорогой сердцу [прежней] жизни. Из-за этого то озеро стало словно родина для мальков. (Прошу всех подумать о том, что значит данная притча)¹⁷¹⁹.

В тибетских поговорках лягушки традиционно символизировали грехи и уродство¹⁷²⁰, поэтому, возможно, выбор Тарчина и пал именно на это животное в качестве нарицательного героя притчи. История заканчивается призывом редактора к читателям «Зеркала Тибета» задуматься о смысле аллегии. Тарчин опубликовал притчу в январе 1959 г. К этому времени в свете наступления войск НОАК на мятежные районы восточного Тибета тысячи *кампа* в поисках безопасного укрытия пересекли границы центрального Тибета, где социалистические реформы были отсрочены на неопределенный срок по условиям Соглашения из 17 пунктов¹⁷²¹. Население Лхасы, однако, либо оставалось безразличным, либо негативно относилось к наплыву *кампа* в столицу Тибета¹⁷²². Соответственно, с помощью аллегорического поучения Тарчин скорее всего хотел продемонстрировать читателям, как прибытие китайских коммунистов в Тибет в целом и отсутствие сочувствия со стороны жителей центрального Тибета к *кампа* могло привести к такому же исходу, как у краба с лягушкой: тибетоязычное население будет вынуждено покинуть свои родные края, Тибет превратится в «родину»¹⁷²³ китайских коммунистов, и жителям Тибета ничего не останется, кроме как сожалеть о своих междоусобных разногласиях.

Загадочные истории с аллегориями регулярно появлялись в «Зеркале Тибета» и в 1960-е гг. В качестве более позднего примера можно привести историю под

¹⁷¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 6.

¹⁷²⁰ См. Pemba Lhamo 2007: XIV–XV.

¹⁷²¹ Shakya 2000: 163.

¹⁷²² van Schaik 2011: 227.

¹⁷²³ Тиб. *pha yul*.

заголовком «Шесть лживых речей совы»¹⁷²⁴ из двенадцатого выпуска 27-го года издания за декабрь 1962 г.:

1. Ранее человек спросил сову: почему Ваша голова плоская? В ответ [сова] сказала: голова стала плоской, потому что я просила много Учения и [религиозных] посвящений.
2. [Человек] снова спросил: почему Ваши уши оглохли? В ответ [сова] сказала: потому что я никогда не слышала ни звука Учения.
3. [Человек] снова спросил: почему Ваши глаза желтые? В ответ [сова] сказала: потому что я всегда пью только растопленное масло.
4. [Человек] снова спросил: почему у всех Ваших когтей треснула кутикула? В ответ [сова] сказала: потому что я жир в глаза не видела.
5. [Человек] снова спросил: почему Ваши глаза могут очень ясно видеть ночью? В ответ [сова] сказала: это результат того, что я всем приносила огромную пользу.
6. [Человек] снова спросил: почему Вы не выходите наружу днем? В ответ [сова] сказала: поскольку я приношу вред всем, нет места, куда бы я выходила в дневное время¹⁷²⁵.

К счастью, в данном случае Тарчин привел пояснение для своей аллегории, поэтому нет необходимости гадать, кто же эта противоречивая сова:

Приведенная выше ложь совы и ложь коммунистического Китая сейчас – это одно и то же. Все новости, которые коммунистический Китай сообщает по радио, являются лишь ложью. Если совсем не будете слушать эти [новости], будет хорошо. А [если] слушаете, необходимо понимать, что все заявленное [китайскими коммунистами], что они сделали вот это и то хорошее, [на самом деле.] было плохим. К примеру, в Тибете тех тибетцев, которые не делают лживых заявлений, путем запугивания заставляют говорить на фонограф.

По радио говорят: «Раньше не пил ничего, кроме черного чая, похожего на воду. То, что сейчас пью масляный чай, похожий на суп, является [проявлением] милости Мао Цзэдуна». Необходимо понимать, что это значит, если раньше пили похожий на суп масляный чай, то сейчас из-за тирании Мао Цзэдуна вместо чая не пьют даже кипяченую воду.

Всему миру хорошо известно, что, хотя коммунистический Китай, несомненно, вторгся на пограничную [территорию] мирного религиозного государства Индия, аналогично лжи совы [КНР] утверждает: «В силу того, что Индия атаковала тибетскую территорию, не могли не [ответить] силой». Однако никто не поверил [КНР]. Никогда не обманывайтесь подобной ложью! Друзья, если обманитесь, позднее будете сожалеть¹⁷²⁶.

¹⁷²⁴ Тиб. 'ug pa'i rdzun gnam drug.

¹⁷²⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10–11.

¹⁷²⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10–11.

Несмотря на то, что выбор образа совы, количество вопросов и ответы на них не дают однозначного представления о том, к чему клонит автор истории, антикоммунистическая риторика во второй части публикации расставляет все по своим местам: «все новости, которые коммунистический Китай сообщает по радио, являются лишь ложью»¹⁷²⁷; «всему миру хорошо известно»¹⁷²⁸, что «коммунистический Китай, несомненно, вторгся на пограничную [территорию] [...] Индии»¹⁷²⁹; а еще, если кто-то поверит китайским коммунистам, то «позднее будет сожалеть»¹⁷³⁰. Заявляя, что «всему миру хорошо известно» о вторжении КНР на территорию Индии, Тарчин решительно приписывает мировому сообществу собственное мнение, тем самым пытаясь повисить авторитетность своей публикации и, в частности, тезиса о том, что именно Китай был агрессором, который вторгся на пограничную территорию такого «мирного религиозного государства» как Индия.

Если говорить об историческом фоне «Шести лживых речей совы», необходимо отметить, что история была опубликована в декабре 1962 г., то есть в следующем месяце после того, как КНР объявила об одностороннем прекращении огня во время Китайско-индийского пограничного конфликта, который произошел в октябре–ноябре 1962 г. Тарчин изображает данный конфликт, как неподобающее нападение КНР на еще одно «мирное религиозное государство». Вместе с тем тибетский исследователь Церинг Шакья оценивает данный конфликт менее однозначно, утверждая, что после того, как Далай-лама XIV бежал в Индию весной 1959 г., китайско-индийская конфронтация представлялась неизбежной¹⁷³¹. Церинг Шакья сообщает, что в начале 1960-х гг. правительство КНР, разместив большой контингент войск НОАК вдоль китайско-индийской границы, обнаружило, что пограничная охрана все равно является недостаточной¹⁷³². К 1962 г. индийское правительство установило 24 новых пограничных поста вдоль той же границы, а

¹⁷²⁷ Тиб. *rgya dmar gyis rlung 'phrin nang bshad pa'i gsar 'gyur tshang ma rdzun gnam kho na red.*

¹⁷²⁸ Тиб. *'dzam gling yongs kyis shes gsal ltar.*

¹⁷²⁹ Тиб. *rgya dmar gyis rgya gar chos ldan zhi bde'i rgyal khab kyi sa mtshams su btsan 'dzul byas nges gtan yin.*

¹⁷³⁰ Тиб. *rjes su 'gyod pa skyed yong.*

¹⁷³¹ Shakya 2000: 277.

¹⁷³² Shakya 2000: 285.

правительство КНР – 30 новых пограничных постов¹⁷³³. По выражению Церинг Шакия, «индийские попытки оттолкнуть НОАК [от границы] были, естественно, восприняты китайцами как акт провокации и агрессии»¹⁷³⁴. Соответственно, китайско-индийский конфликт 1962 г. не совсем корректно изображать в таком черно-белом цвете, как это сделал Тарчин в истории с совой. Также следует отметить интересный выбор птицы для образа КНР. В Тибете сова традиционно считалась «зловещей птицей» или «птицей дьявола»¹⁷³⁵, что как раз соотносится с образом КНР, который редактор стремился создать в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг.

Последний пример иносказательного наставления Тарчина, который хотелось бы привести в рамках анализа тона дискурса, – это «Легенда о глупом плотнике и деревьях»¹⁷³⁶ из первого выпуска 28-го года издания за январь 1963 г.:

Раньше в одной деревне в Китае жил глупый плотник. На иждивении у него находилось много детей, и был он бедным и нуждающимся. На очень высоких деревьях возле его дома в изобилии росли ветви и листва, и [были они] полны цветов и плодов. [Плотник] зарабатывал на жизнь продажей тех цветов и фруктов. Более того, когда светило солнце, [деревья] давали тень, а, когда дул ветер, защищали от ветра.

Однажды старый отец-глупец подумал: «Помимо укрытия моего дома от солнца и защиты от ветра, деревья только вредят и не приносят каких-либо других благ для жизни. Поэтому будет выгоднее срубить данные деревья и сжечь их в печи зимой». Его дети собрались [вместе], выкорчевали деревья и были горды [собой].

Затем, когда бросили влажное дерево в огонь, поднялось большое количества дыма, поэтому старик-отец сказал детям: «Даже если жечь эти бесполезные деревья в огне, на моих глазах пища и дом покрываются копотью, поэтому что бы [мы] с ними ни делали, они бесполезные и точно являются [нашими] врагами». Все они [дети] согласились и уничтожили бревна, бросив их в воду. После этого, утратив также и свои средства к существованию, он[и], отец с матерью, и [их] дети были вынуждены много страдать¹⁷³⁷.

Редактор «Зеркала Тибета» назидательно рассказывает читателям о плотнике, который сделал неправильное решение и сломал не только свою жизнь, но и жизнь

¹⁷³³ Shakyа 2000: 285.

¹⁷³⁴ Shakyа 2000: 285.

¹⁷³⁵ Англ. *ill-omened bird* и англ. *bird of the devil* (см. Pemba Lhamo 2007: XV).

¹⁷³⁶ Тиб. *shing mkhan blun po zhig dang shing sdong gi lo rgyus*.

¹⁷³⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4.

всей своей семьи. В данном случае Тарчин тоже привел толкование аллегории, предоставив развернутое пояснение во второй части публикации:

Так же, как в этом примере, китайские коммунисты уничтожили прекрасную древнюю традиционную религию, культуру, власть и величие своего государства. Более того, хотя «Большой скачок» социалистического прогресса продемонстрировал наличие беспрецедентного благополучия [в КНР], в действительности [китайские коммунисты] как этот глупый плотник вместо того, чтобы принести благо для развития своего региона и основных прав своих граждан, нанесли вред путем исключительного разрушения. В настоящее время, из-за нищеты народа в материковом Китае [там] не только множество смертей от голода, но также из года в год [государственная] экономика, благосостояние и все свободы приходят во все больший и больший упадок и не показывают ни малейшего прогресса. Если посмотреть на [данную] фактическую ситуацию, политическая власть [китайских коммунистов] не сможет оставаться сильной в течение длительного времени. Если сравнить обстановку в Тибете раньше и сейчас, это как день и ночь, как быть сытым и быть голодным, как рай и ад. Вскоре он [Тибет?] сам же выполнит задачу по разрушению себя же¹⁷³⁸.

Жаль, что Тарчин не снабжал подобным толкованием каждую басню или притчу, которую публиковал в «Зеркале Тибета». В пояснении к легенде о плотнике редактор рисует угнетающую картину низменной политики китайских коммунистов и мрачной жизни в КНР: «нищета народа»¹⁷³⁹; «множество смертей от голода»¹⁷⁴⁰; «уничтожили прекрасную древнюю традиционную религию, культуру, власть и величие своего государства»¹⁷⁴¹; «из года в год [государственная] экономика, благосостояние и все свободы приходят во все больший и больший упадок»¹⁷⁴²; «вместо того, чтобы принести благо для развития своего региона и основных прав своих граждан, нанесли вред путем исключительного разрушения»¹⁷⁴³. Изображая в тех же красках обстановку в Тибете, Тарчин вводит антитезу, которая отчетливо демонстрирует, каким идеальным Тибет был раньше

¹⁷³⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4.

¹⁷³⁹ Тиб. *rgya nag skam sa chen por gnas pa 'i mi dmangs rnams kyi 'tsho ba tha zhan*.

¹⁷⁴⁰ Тиб. *ltogs pas shi skyon byung ba mang ba*.

¹⁷⁴¹ Тиб. *rgya dmar gung bran nas kyang /_rang gi rgyal khab kyi ngsar srol bzang po 'i chos dang shes rig mnga' thang dpal 'byor rnams rtsa rlags btang*.

¹⁷⁴² Тиб. *lo re nas lo le rgyal khab kyi dpal 'byor/_bde skyid/_rang dbang tshang ma ji nyams ji rgud du 'gro ba las yar rgyas spu tsam med*.

¹⁷⁴³ Тиб. *rang gi lung par yar rgyas dang mi ser gyi thob dbang bde rtsa bcas par phan pa 'i tshab tu gnod gyur gtor rlags kho na btang*.

и каким он стал к 1963 г. по вине КНР: «это как день и ночь, как быть сытым и быть голодным, как рай и ад»¹⁷⁴⁴.

В очередной раз выступая в роли пророка, редактор предсказывает близящийся закат коммунистического режима в Китае: «политическая власть [китайских коммунистов] не сможет оставаться сильной в течение длительного времени»¹⁷⁴⁵ и «вскоре он сам же выполнит задачу по разрушению себя же»¹⁷⁴⁶. При этом непонятно, кого Тарчин имел в виду под «он»¹⁷⁴⁷ в самом последнем предложении. Возможно два варианта того, что или кто скрывается за местоимением «он»: либо «он» – это Тибет, так как в предыдущем предложении говорилось о Тибете, и в таком случае Тарчин утверждает, что жителей Тибета заставят уничтожить себя же и свою культуру, либо редактор намекал на то, что «он» – это коммунистический режим в Китае или лидер КНР Мао Цзэдун.

Также примечательно, что в аллегорической части публикации редактор обозначает Китай с помощью сочетания тибетских слогов *tsi na*, которые созвучны английскому термину Китай (англ. *China*). Однако далее в пояснении к легенде Тарчин использует стандартный для «Зеркала Тибета» термин *rgya dmar* (букв. «коммунистический Китай»), а во всех остальных проанализированных публикациях за 1949–1963 гг. обозначает Китай либо термином *rgya dmar*, либо *rgya nag* (букв. «Китай»). Возможно, что в данном единичном случае Тарчин ввел термин *tsi na* в самом начале публикации для большей запутанности и иносказательности, или это произошло, так как легенду о плотнике редактор «Зеркала Тибета» заимствовал из какого-то источника на английском языке.

Авторы «Собрания тибетских пословиц и поговорок» К. Кюпперс и П. Сёренсен убеждены, что жителям Тибета всегда нравилось выражаться в форме поговорок и афоризмов, поскольку иносказательность позволяет говорить о сложных темах не напрямую, а более гибко и завуалированно¹⁷⁴⁸. В подтверждение

¹⁷⁴⁴ Тиб. *bod la cha bzhang na sngon dang da lta'i gnas tshul gnyis nyin mo dang mtshan mo/_'grangs ba dang ltogs pa/_lha yul dang dmyal khams mshungs par btang ba red.*

¹⁷⁴⁵ Тиб. *kho'i srid dbang yun ring sra brtan thub kyi ma red.*

¹⁷⁴⁶ Тиб. *ring min kho rang yang phung pa'i las ka kho rang gis byed kyi yod pa red.*

¹⁷⁴⁷ Тиб. *kho rang.*

¹⁷⁴⁸ Cüppers and Sørensen 1998: XI, XXII.

своим словам исследователи приводят тибетскую поговорку: «[Речь] без поговорок [так же] трудно понять, [как] сосуд без ручки трудно держать»¹⁷⁴⁹. К. Кюпперс и П. Сёренсен полагают, что изощренные не прямые способы самовыражения, как правило, использовались для упоминания острых социально-политических тем, табуированных в обществе, а также как утонченный инструмент подачи сарказма¹⁷⁵⁰. По мнению самих тибетцев, тибетские пословицы служат не только способом обучения, то есть краткими уроками мудрости, которую поколения веками передавали из уст в уста, но и вербальным оружием, с помощью которого можно в соответствующий момент укрепить свою позицию в споре¹⁷⁵¹. Крылатые изречения, по словам автора сборника тибетских пословиц Лхамо Пемба, традиционно помогали жителям Тибета усваивать общие ценности и различать то, что представляется справедливым и несправедливым, что есть добро и зло, что следует одобрять и с чем бороться¹⁷⁵².

Таким образом, введение элементов традиционного тибетского фольклора в антикоммунистический дискурс Тарчина можно расценивать одновременно и как применение более меткого словесного «оружия», и как вариант для передачи сарказма, и как более образный и искусный способ завоевать интерес и симпатию читателей к тем идеям, которые редактор регулярно воспроизводил в рамках конструируемого метанарратива тибетской независимости в 1950–1960-е гг. С помощью рубрики «Тампе» Тарчин актуализировал в «Зеркале Тибета» все те же проблемы, что и в обычных новостных и аналитических публикациях, а именно осуждал политику КНР в Тибете, отстаивал идею независимости Тибета, призывал к отказу от сотрудничества с представителями КНР в Тибете, наставлял тибетоязычных читателей обратиться к тем мировым державам, которые могли бы поддержать «тибетский вопрос» на международном уровне, убеждал в необходимости единения жителей всего Тибетского плато в борьбе против

¹⁷⁴⁹ Тиб. *gtam dpe med de go dka' . snod lung med de 'ju dka'* (Cüppers and Sørensen 1998: XXVII).

¹⁷⁵⁰ Cüppers and Sørensen 1998: XXVI.

¹⁷⁵¹ Pemba Lhamo 2007: XI.

¹⁷⁵² Pemba Lhamo 2007: XII.

«чужих» и важности сохранения лояльности традиционному тибетскому правительству, Далай-ламе и трем главным тибетским монастырям Гелуг.

2.2.4.2.2. Предсказания

Изобретательность Тарчина выходила далеко за пределы пословиц, басен и притч в «Зеркале Тибета», вследствие чего антикоммунистический дискурс редактора находил выражение и в форме такого необычного для публицистики жанра как предсказания. А. Заверталь подсчитала, что в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. размещено 24 предсказания¹⁷⁵³. При этом необходимо отметить, что не все из этих предсказаний были посвящены теме тибетской независимости. Поскольку в некоторых предсказаниях за 1950–1960-е гг. Тарчин приводит отрывки из Библии (например цитаты из «Откровения Иоанна Богослова»)¹⁷⁵⁴ или предсказывает Третью мировую войну¹⁷⁵⁵, в данном подразделе предлагается рассмотреть лишь несколько примеров, которые имеют непосредственное отношение к «тибетскому вопросу».

Рубрика с предсказаниями, аналогично письмам в редакцию «Зеркала Тибета» и рубрике «От сведущего», способствовала утверждению воспроизводимого Тарчином образа КНР как агрессора и «врага Учения», поскольку авторы предсказаний и писем так же, как и сам редактор, были настроены решительно против коммунистической власти в Тибете. Например, в девятом выпуске 20-го года издания за декабрь 1952 г. под заголовком «Старый монгол сделал предсказание»¹⁷⁵⁶ Тарчин публикует следующее:

40 лет назад [1912 г.] было сделано несколько предсказаний следующего [содержания]: «Китайцы причинят страдания Внешней Монголии. Из-за этого коммунистическая Россия будет притеснять Внешнюю Монголию. Постепенно коммунизм распространится по всему Китаю. Затем наступит время, когда коммунисты предпримут попытку насильно захватить

¹⁷⁵³ Sawerthal 2018a: 251.

¹⁷⁵⁴ Например, *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.3, June 1953: 6–7; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.4, April–May 1963: 8 (подробнее см. Sawerthal 2018a: 252).

¹⁷⁵⁵ Например, *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952: 7; *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952: 4–5; *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 1 (подробнее см. Sawerthal 2018a: 253).

¹⁷⁵⁶ Тиб. *sog po mi rgan zhid gis lung bstan bshad 'dug*.

и тибетский религиозный регион. Тем не менее в тибетскую религиозную страну, например, [коммунизм] придет всего ненадолго. Поскольку это будет словно солнечное и лунное затмения, с тех пор коммунистическая власть точно будет становиться все слабее и слабее, в особенности начиная с года Дракона [1952 г.]. Поэтому в год Змеи [1953 г.] во всем мире начнется великая война, и мощь врагов Учения-последователей коммунизма будет сокрушена. В год Овцы [1955 г.] заключат перемирие. В год Обезьяны [1956 г.], в соответствии с прекрасными древними традициями, которые были у разных наций в мире, в каждой стране назначат нового правителя, и над всем миром поднимется восходящее солнце счастья».

Из того, что говорилось в предсказании, многое сбылось. Не сбудется ли также и остальное? Предсказание, которое недавно сделали в Японии, и предсказание из Монголии почти одинаковые¹⁷⁵⁷.

Монгольское предсказание было опубликовано в декабре 1952 г., поэтому, если оно действительно было сделано 40 лет назад, это должен был быть 1912 г. Попытка Тарчина привлечь внимание к содержанию предсказания в 1952 г. говорит о том, что редактор «Зеркала Тибета» считал его уместным и актуальным для этого времени, а год Дракона, о котором говорится в предсказании как о начале периода заката коммунистического режима, шел как раз тогда, когда вышел данный выпуск газеты. В 1953 г., согласно предсказанию, должна была начаться Третья мировая война против коммунистического блока, а к 1956 г. ожидалось, что коммунисты потерпят полное поражение и в мире наступит прекрасный новый порядок. На момент выхода данного выпуска «Зеркала Тибета» уже два с половиной года длилась Корейская война (1950–1953), поэтому Тарчин, вероятно, был склонен верить, что при дальнейшей эскалации конфликта на Корейском полуострове антикоммунистические настроения охватят еще большую часть мирового сообщества и коммунистические страны (в первую очередь ненавистная ему КНР) утратят свои позиции в мире.

Монгольское предсказание отличается такой же стилистической выразительностью, что и публикации под авторством самого Тарчина: распространение коммунизма изображается как нечто кратковременное «словно

¹⁷⁵⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952: 5.

солнечное и лунное затмения»¹⁷⁵⁸, а метафора солнца уподобляет будущую победу над коммунизмом солнечному восходу, который осчастливит весь мир («над всем миром поднимется восходящее солнце счастья»¹⁷⁵⁹).

Моделируя желаемое будущее с помощью предсказания от имени неизвестного монгола («коммунистическая власть точно будет становиться все слабее и слабее»¹⁷⁶⁰, «мощь врагов Учения-последователей коммунизма будет сокрушена»¹⁷⁶¹, «в тибетскую религиозную страну [коммунизм] придет всего ненадолго»¹⁷⁶²), Тарчин дополняет свою публикацию дискурсивной тактикой экстраполяции прецедентов. Использование данной тактики предполагает прогнозирование будущей ситуации на основании имеющихся прецедентов¹⁷⁶³: если какие-то фрагменты монгольского предсказания сбылись, то и оставшееся должно сбыться («многое сбылось, [...] не сбудется ли также и остальное?»¹⁷⁶⁴).

Предсказания периодически появлялись в «Зеркале Тибета» на той же странице, что и рубрика «Тамне». Так, в третьем выпуске 23-го года издания за октябрь 1955 г. прямо перед «Притчей о стратегической победе» зеленых мягкоперых попугаев над ядовитой змеей, которая воровала их яйца, Тарчин размещает публикацию под заголовком «Из предсказаний будущего»¹⁷⁶⁵, подготовленную на основании перевода «Откровения Иоанна Богослова»¹⁷⁶⁶. А в сдвоенном втором–третьем выпуске 20-го года издания за май–июнь 1952 г. практически на одном уровне в двух соседних столбиках Тарчин публикует тамне о том, что «над независимым правитель нашел способ властвовать» и «названное “освобождением” вызывает большое удивление», и симметрично рядом размещает «Предсказание будущего»¹⁷⁶⁷ из четырех девятисложных строк:

Из-за девяти молний пороха, [выпущенных с помощью] злой магии разновидностью перерождения [демона] Мары, когда на человеческом языке заговорит железная коробочка,

¹⁷⁵⁸ Тиб. *nyi zla gzas 'dzin pa ltar*.

¹⁷⁵⁹ Тиб. *'dzam gling yongs su bde skyid kyi nyi ma 'char ba zhig yong gi red*.

¹⁷⁶⁰ Тиб. *dmар po 'i dbang thang je zhan je zhan du 'gyur nges*.

¹⁷⁶¹ Тиб. *bstan dgra dmar lugs kyi rjes 'brang pa 'i stobs shugs rtsa med du gtong*.

¹⁷⁶² Тиб. *bod chos ldan gyi zhing du bslebs pa de ni yud tsam*.

¹⁷⁶³ Подробнее см. Чернявская, Молодыченко 2014: 112.

¹⁷⁶⁴ Тиб. [...] *ches lung bstan bshad 'dug pa las mang po bsgrubs 'dug cing da dung yang bsgrub mi yong ngam*.

¹⁷⁶⁵ Тиб. *ma 'ongs lung bstan las* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955: 6).

¹⁷⁶⁶ Подробнее о такого рода предсказаниях см. Sawerthal 2018a: 249–253.

¹⁷⁶⁷ Тиб. *ma 'ong lung bstan*.

добродетельные люди во всех уголках мира ежедневно будут слушать каждый раз новые истории.

В соответствии с данным Гуру Падмасамбхавой предсказанием, в настоящее время каждый день кроме неприятных новостей [другого] не услышишь¹⁷⁶⁸.

Тарчин обращается к авторитету Падмасамбхавы, полупоупендарного индийского буддийского учителя-тантрика VIII в., который прославился тем, что усмирил местных тибетских божеств, препятствовавших проникновению буддизма в Тибет, и впоследствии приобрел статус культового героя как Гуру-ринпоче¹⁷⁶⁹ (букв. «драгоценный учитель») ¹⁷⁷⁰. Принимая во внимание контекст других антикоммунистических публикаций в «Зеркале Тибета» в этот период, которые уже были описаны в предыдущих подразделах диссертации, можно сделать вывод о том, что Тарчин придумал обыграть псевдопредсказание Падмасамбхавы как отсылку к распространению широкого радиовещания в Тибете, появление которого якобы еще сам Падмасамбхава определил как злонамеренные происки демона-искусителя Мары. В комментарии к предсказанию редактор «Зеркала Тибета» подчеркивает свое негативное отношение к китайскому радио, отмечая, что сейчас передают исключительно «неприятные» ¹⁷⁷¹ новостные сводки, и намекая на то, что распространяемые правительством КНР в Тибете радиосообщения, по его убеждению, являются пропагандой и ложью.

В третьем выпуске 28-го года издания за февраль–март 1963 г. Тарчин опубликовал еще одно необычное предсказание сразу под двумя заголовками: тибетским «Посмотрите на перевод на английский язык приведенного выше предсказания защитника Дхармы»¹⁷⁷² и более коротким под ним на английском языке – «Оракул»¹⁷⁷³. Перевод предсказания оракула с английского языка звучит следующим образом:

¹⁷⁶⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 10.

¹⁷⁶⁹ Тиб. *gu ru rin po che*.

¹⁷⁷⁰ Островская-младшая 2008: 65–66; van Schaik 2011: 35.

¹⁷⁷¹ Тиб. *mi snyan pa 'i gtam gsar*.

¹⁷⁷² Тиб. *gong gsal chos skyong gi bka' lung dbyin skad du bsgyur par gzigs*. Буквальным переводом тибетского термина *chos skyong* является «защитник Дхармы». Однако данный термин также использовался для обозначения государственных оракулов в Тибете (см. Goldstein 1992: 140), в связи с чем для английского перевода заголовка предсказания Тарчин выбрал лаконичное сокращенное название «Оракул».

¹⁷⁷³ Англ. *Oracle*.

Я выражаю мое почтение Короне, Мунидре (т.е. Будде). Кармические плоды всех существ в мире, включая долготерпеливых людей посередине Гималаев, действительно чудесны! Свет (т.е. сострадание) моего [бодхисаттвы] Падмапани (т.е. Далай-ламы) распространился по всему миру, и влияние истины вскоре ясно откроется. Главное – это то, что всем монахам и мирянам следует медитировать на клятву (единства) на вершине своей головы (т.е. следует непрерывно держать ее в уме). Они [все монахи и миряне] должны отказаться от раздельных групп и создать одну сильную (объединенную) группу.

Позиция Восточной Красной Свињи (т.е. Мао Цзэдуна) долго не просуществует, а разветвится как радуга. Затем произойдет перемена, и урожаем Свињи поглотит Собака. Разгневанный Тигр Юга лежит на границе. Через некоторое время наступит великая буря заблуждения, поэтому не верьте ей [буре?]. Змея и Лягушка Запада будут наступать и отступать различными путями. Они не понимают, что сами будут погублены. Кобра Севера вытягивает два языка. Это в некоторой степени опасно для всех существ. Страдания нашего Чинтамани Гималаев (т.е. Далай-ламы) станут ясными как солнце¹⁷⁷⁴.

Предсказание было написано неким Таши¹⁷⁷⁵, однако перевод на английский и расшифровку метафорических имен главных персонажей (Мунидры, Падмапани и Свињи), вероятно, выполнил сам Тарчин. Из текста предсказания ясно, что «долготерпеливые люди посередине Гималаев», чьи кармические плоды «действительно чудесны»¹⁷⁷⁶ – это население Тибетского плато. Также ясно, кого называют Свињей. При этом сложно утверждать с уверенностью, кто является Собакой, Коброй Севера, Тигром Юга, Змеей и Лягушкой Запада. Загадкой остается и то, что подразумевалось под «урожаем»¹⁷⁷⁷ Свињи, который будет поглощен Собакой, и что за два языка вытягивает Кобра Севера. Помимо призыва к единению всех монахов и мирян Тибета, предсказание интересно с точки зрения средств выразительности. Далай-ламу метафорически именуют «Чинтамани Гималаев»¹⁷⁷⁸, что уподобляет его магическому буддийскому камню, исполняющему желания. Прибегая к сравнению, автор предсказывает, что положение Мао Цзэдуна на политической арене «долго не просуществует, а

¹⁷⁷⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4.

¹⁷⁷⁵ Англ. *Tashi*.

¹⁷⁷⁶ Англ. *the karma-result of all the beings in the world, including the long-suffering people in the middle of the Himalayas, is indeed wonderful!*

¹⁷⁷⁷ Англ. *the Pig's harvest*.

¹⁷⁷⁸ Англ. *our Chintamani of the Himalayas (i.e. the Dalai Lama)*.

развеется как радуга»¹⁷⁷⁹, и страдания Далай-ламы XIV в будущем «станут ясными как солнце»¹⁷⁸⁰ для всего мира.

Жанр предсказаний в «Зеркале Тибета» представляется наиболее сложным для интерпретации современным небуддийским читателем. Как утверждает А. Заверталь, к предсказаниям в Тибете традиционно обращались в наиболее сложные времена, и предсказанное всегда обладало достаточно большим авторитетом¹⁷⁸¹. Все рассмотренные в данном подразделе предсказания гармонично встраиваются в антикоммунистический дискурс Тарчина и помогают конструировать ту часть метанарратива независимости, которая отвечает за события из области будущего. Редактор «Зеркала Тибета» использовал жанр предсказаний как альтернативу обычным новостным сводкам и письмам очевидцев в редакцию, чтобы обеспечить дополнительную возможность представить КНР в образе злого агрессора и сформировать негативное отношение к коммунистической власти в Тибете. В то же время в рамках жанра предсказаний Тарчин убеждал читателей «Зеркала Тибета», что власть КПК в Китае – лишь кратковременное явление, и «тибетское религиозное государство» непременно освободится от засилья коммунистов в будущем.

2.2.4.2.3. Оппозиционные песни и стихи

В отдельную группу специфических жанров, с помощью которых Тарчин стилистически обогащал конструируемый метанарратив независимости, необходимо выделить провокационные оппозиционные песни и стихи. Большинство таких публикаций в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. построено на использовании синтаксического параллелизма и символизма, и, если посыл одних песен довольно эксплицитен, то другие кажутся настолько инносказательными, что не несут очевидного, на первый взгляд, смысла. Например, в пятом выпуске 19-го года издания за август 1951 г. Тарчин публикует «новую

¹⁷⁷⁹ Англ. *the position of the East Red Pig (i.e. Mao Tse Tung) will not last long, but will vanish like a rainbow.*

¹⁷⁸⁰ Англ. *the sufferings [...] will become clear like the sun.*

¹⁷⁸¹ Sawerthal 2018a: 257.

песню»¹⁷⁸² из двенадцати шестисложных строк, которую, как он слышал, поют сейчас в Лхасе:

Пекинское правительство метнуло [камень] пятнистой черно-белой пращой, сплетенной из мягкой шерсти. Попало в лхасское правительство. Лхасское правительство Кашаг перед камнем подхалимничает. Мирное и белое, оцепенев снаружи, стало руководствоваться свирепостью и красным изнутри. Оцепенев от власти, которой обладают, стали руководствоваться властью, которой не обладают. Мирное и белое ли, свирепое и красное ли, посмотрите на вращающееся колесо [Дхармы]¹⁷⁸³!

Учитывая время выхода публикации (август 1951 г.), можно предположить, что автор песни предпринял попытку поиронизировать над добровольным сотрудничеством некоторых тибетских чиновников с представителями КНР в Тибете после подписания Соглашения из 17 пунктов. Однако совершенно непонятно, что автор скрыл за метафорой «пятнистой пращи» (тиб. *'ur rdo chu mig dgu sgril*). Веревожку черно-белой расцветки с ромбовидным узором из девяти элементов, изображающих кольца разводов на воде (что по-тибетски называется как раз *chu mig dgu sgril*, как и в названии пращи из песни), в Тибете традиционно наделяли функцией оберега и прикрепляли к одежде для защиты от злых сил¹⁷⁸⁴. Тибетские пастухи вплетали узор черно-белой пятнистой расцветки в пращу, считая, что тем самым повышают эффективность своего оружия. Более того, такая праща считалась одним из девяти видов оружия гневных божеств. Известно, что позднее, с конца 1980-х гг., черно-белая пятнистая расцветка в ромбик стала ассоциироваться с тибетскими плетеными браслетами – символами борьбы против китайских коммунистов как «врагов Учения»¹⁷⁸⁵. Была ли какая-то связь между обновлением символического смысла плетеной веревочки черно-белой расцветки в ромбик и текстом данной оппозиционной песни, которую Тарчин разместил в «Зеркале Тибета» еще летом 1951 г., сейчас установить невозможно. Тем не менее пересечение символики такой расцветки одновременно в «Зеркале Тибета» в

¹⁷⁸² Тиб. *gzhas gsar pa*.

¹⁷⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 5.

¹⁷⁸⁴ “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html> (дата обращения: 27.06.2022); Norbu Jamyang 1986: 12.

¹⁷⁸⁵ “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html> (дата обращения: 27.06.2022).

рамках антикоммунистического дискурса Тарчина и последующем антикоммунистическом движении в среде тибетской диаспоры представляется неслучайным и позволяет допустить, что за публикацией песни из Лхасы скрывается более утонченный смысл, который совершенно точно был понятнее тибетоязычным читателям в начале 1950-х гг.

В восьмом выпуске 19-го года издания за 1 ноября 1951 г. прямо перед инносказательной «Басней о красноречивом попугае» и периоде тотального упадка в Тибете, которая была описана в подразделе 2.2.4.2.1. Дидактические публикации, Тарчин разместил «Новую песню об освобождении народа»¹⁷⁸⁶:

Юноши Тибета, мы дадим [Вам] зарплату и продовольствие. Пришло время демонстрировать Ваши природные ресурсы. Возвращайтесь в семью [народов Китая]! Возвращайтесь, возвращайтесь!

Девушки Тибета, мы подружмся [с Вами]. Пришло время Вам увеличивать количество населения. Возвращайтесь в семью! XXX.

Люди Тибета, мы освободим [Вас]. Пришло время использовать Ваши общественные богатства. Возвращайтесь в семью, возвращайтесь! Возвращайтесь! XX.

Земледельцы Тибета, мы увеличим [Ваше] благополучие. Пришло время съесть Ваш урожай. Возвращайтесь в семью! XXX.

Рабы Тибета, мы освободим [Вас]. Пришло время Вам работать общественными слугами. Возвращайтесь в семью, возвращайтесь! XXX.

Знать Тибета, мы преподнесем [Вам] главные должности в правительстве¹⁷⁸⁷. Пришло время Вам осуществить тщательные расчеты. Возвращайтесь в семью! XXX.

Ламы и монахи Тибета, мы почтительно сделаем [Вам] подношения. Пришло время Вам искать пропитание для занятий религиозной практикой. Возвращайтесь в семью! XXX.

Народности Тибета, мы будем поступать добровольно. Пришло время совместно использовать общественное имущество. Возвращайтесь в семью, возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь!

Ха-ха-ха! Благополучие-благополучие-благополучие! Хи-хи-хи-хи! Получили-получили-получили! Ху-ху-ху-ху-ху! От цепей-цепей-цепей! Хе-хе-хе-хе-хе! Освободили-освободили-освободили! Хо-хо-хо-хо-хо¹⁷⁸⁸!

¹⁷⁸⁶ Тиб. *mi dmangs bcings bkrol gyi glu gzhas gsar pa*.

¹⁷⁸⁷ Перевод использованного в песне тибетского термина *tog go* как «главные должности в правительстве» (тиб. *tog gnas mgo*) носит предположительный характер.

¹⁷⁸⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

Прибегая к семантическим повторам, синтаксическому параллелизму и сарказму как средству речевого воздействия, автор песни обыгрывает псевдообращение от имени китайских «освободителей» ко всем категориям тибетских граждан, намекая на то, что за «мирным освобождением» силами НОАК и «возвращением» Тибета в большую многонациональную семью народов Китая скрывается совсем не бескорыстное проявление участия к судьбе жителей Тибета, а практически ориентированное желание КНР политически и экономически подчинить все население Тибета своей власти.

В сдвоенном втором–третьем выпуске 20-го года издания за май–июнь 1952 г. Тарчин просит читателей обратить внимание на еще одну новую оппозиционную песню, которая якобы пользуется популярностью в Лхасе:

Хотя освобождение пришло в Тибет, гордость не будет сломлена. Хотя Панчен-лама прибыл в Тибет, благословения [у него] не будут просить.

Оставив желтые грибы на поляне, белые грибы есть не хотят. Оставив религиозную и светскую власть, не время просить об освобождении. Вставайте! Вставайте! Вставайте!

Братья шести кланов¹⁷⁸⁹, определив независимость как цель своей жизни, нужно построить забор из своих тел! Братья шести кланов, не поступайте малодушно! Чтобы защитить свою Родину, необходимо подняться и всем вместе ударить!

Даже если умрете, это будет ради Учения. Даже если проиграете, это будет ради Учения.

Пусть даже каким-то образом умрете или проиграете, но не попадете под чужую власть!

Пришло время продемонстрировать чудесные способности *сиддхи*! Пришло время продемонстрировать сообразительность ученого! Пришло время продемонстрировать храбрость молодых!

Не забыла. Не забыла. Тибетская нация. Историю года Водяного Петуха [1933 г.]. Братья-тибетцы. Год. Год. Год. Проиграть. Проиграть. Проиграть. Армия вводящих в заблуждение духов. Победить. Победить. Победить. Радостно победить¹⁷⁹⁰.

В самом конце публикации в круглых скобках Тарчин просит читателей узнать, правда ли в Тибете сочинили такую песню, что позволяет установить, что авторство оппозиционной песни не принадлежит самому редактору «Зеркала Тибета».

¹⁷⁸⁹ Тиб. *gdung drug*, букв. «шесть кланов». Согласно мифическим представлениям, существовало четыре или шесть родоначальных тибетских кланов, от которых позднее произошли тибетоязычные племена (Kapstein 2006: 34–35).

¹⁷⁹⁰ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 2–3, May–June 1952: 8

Поскольку использованная автором исходная область грибов не вызывает никаких ассоциаций с историей Тибета в 1950-е гг., самой непонятной метафорой в песне представляются желтые и белые грибы («оставив желтые грибы на поляне, белые грибы есть не хотят»¹⁷⁹¹). Что касается остального содержания, все более однозначно. В оппозиционной песне в очередной раз поднимается тема необходимости единения всего тибетоязычного населения во имя сопротивления «чужой»¹⁷⁹² коммунистической власти, защиты буддийского учения и отстаивания независимости Тибета. Предлагая в качестве объединяющего фактора мифические представления о существовании нескольких родоначальных тибетских кланов, автор песни обращается к «братьям шести кланов»¹⁷⁹³ с целью пропаганды идеи единой «родины» всех жителей Тибетского плато, которая нуждается в защите («чтобы защитить свою Родину»¹⁷⁹⁴) от «армии вводящих в заблуждение духов»¹⁷⁹⁵, то есть китайских коммунистов.

Еще одним загадочным фрагментом песни остается упомянутый год Водяного Петуха. Последний год Водяного Петуха на момент выхода данной публикации начался 28 декабря 1932 г. и закончился 18 декабря 1933 г.¹⁷⁹⁶. Одним из знаковых событий года Водяного Петуха стала смерть Далай-ламы XIII Тубтэн Гьяцо 17 декабря 1933 г.¹⁷⁹⁷. Тем не менее, исходя из того, что год Водяного Петуха упоминается в окружении таких слов как «армия», «победить»¹⁷⁹⁸ и «проиграть»¹⁷⁹⁹, создается впечатление, что концовка песни скорее имеет отношение к каким-то военным действиям. Соответственно, можно предположить, что отсылка к году Водяного Петуха связана с китайско-тибетским конфликтом в восточном Тибете в указанный период, который завершился как раз после смерти Далай-ламы XIII.

¹⁷⁹¹ Тиб. *ser sha spang la bzhaq nas/ dkar sha za 'dod mi 'dug*. Аналогичную строку про желтые и белые грибы можно встретить в другой уличной песне, которую М. Голдштейн приводит в качестве примера во втором томе своей монографии по истории Тибета, однако он тоже не дает пояснение для грибной метафоры (см. Goldstein 2007: 257).

¹⁷⁹² Тиб. *gzhan gi 'og la ma 'dong*.

¹⁷⁹³ Тиб. *gdungs drug gi spun zla rnam s u muö. gdungs drug gi spun rigs tsho*.

¹⁷⁹⁴ Тиб. *rang tsho 'i pha yul srung ched*.

¹⁷⁹⁵ Тиб. *log 'dren dpung*.

¹⁷⁹⁶ Годы по тибетскому календарю см. "Tibetan Astrology—Table of Year-Animal-Element" // Kunpel Lama Gangchen. URL: <https://kunpen.ngalso.org/en/tibetan-calendar/tibetan-astrology-table-of-year-animal-element/> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁷⁹⁷ Goldstein 1992: 141–142.

¹⁷⁹⁸ Тиб. *rgyal*.

¹⁷⁹⁹ Тиб. *'pham*.

В 1930–1932 гг. в восточном Тибете произошло несколько крупных китайско-тибетских столкновений: первые победы тибетской стороны позволили войскам тибетского правительства продвинуться в регионе восточнее верхнего течения р. Янцзы, что относилось уже к территории Китая, однако успехи тибетской армии были кратковременны, и к середине 1932 г. тибетские войска, ведя военные действия сразу на двух фронтах в восточном Тибете и терпя поражения, были потеснены обратно к р. Янцзы¹⁸⁰⁰. Опасаясь дальнейшего продвижения китайских войск вглубь Тибета, в августе 1932 г. Далай-лама XIII обратился к правительству Британской Индии с просьбой оказать давление на Китай, чтобы тот остановил военные действия в восточном Тибете, но активного британского вмешательства не последовало¹⁸⁰¹. Вскоре, в силу того что фокус внимания правительства Китая сместился на оккупированную Японией Маньчжурию и учрежденное в марте 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-го, Чан Кайши предложил тибетцам прямые переговоры без британского посредничества и благосклонно отнесся к идее прекращения огня в восточном Тибете¹⁸⁰². 10 октября 1932 г. тибетские представители и генерал Лю Вэньхуэй¹⁸⁰³ из Сычуани подписали соглашение о перемирии, а 15 июня 1933 г. был заключен мир с генерал-лейтенантом Ма Буфаном, наступавшим на тибетскую армию со стороны Цинхяя¹⁸⁰⁴. После подписания мирных соглашений тибетские войска, однако, продолжали периодически совершать вылазки, нарушая установленную границу по р. Янцзы и занимая территории восточнее согласованной границы. 16 декабря 1933 г. Комитет по делам Монголии и Тибета при китайском правительстве направил обращение к Далай-ламе XIII с требованием немедленно прекратить все военные действия, однако уже на следующий день Далай-лама умер, а вместе с этим приостановились и столкновения в Каме¹⁸⁰⁵. По мнению тибетца К. Дондуба, который посвятил целую книгу под названием «Год Водяного Петуха и другие годы»¹⁸⁰⁶ Далай-

¹⁸⁰⁰ Goldstein 1992: 222.

¹⁸⁰¹ Goldstein 1992: 222–223.

¹⁸⁰² Goldstein 1992: 223; Кычанов, Мельниченко 2005: 248–249.

¹⁸⁰³ Кит. 刘文辉; 1895–1976.

¹⁸⁰⁴ Goldstein 1992: 223; Кычанов, Мельниченко 2005: 248–249.

¹⁸⁰⁵ Кычанов, Мельниченко 2005: 249.

¹⁸⁰⁶ Англ. *The Water-Bird and Other Years*.

ламе XIII как защитнику независимости Тибета, подписание упомянутых выше соглашений о перемирии с Китаем было лишь тактическим шагом со стороны тибетского правительства, в то время как в действительности Далай-лама XIII, отстаивая независимый политический статус Тибета, продолжал предпринимать попытки переговоров с китайским правительством об ином урегулировании восточной границы Тибета¹⁸⁰⁷.

Возвращаясь к тексту песни, опубликованной Тарчином в 1952 г., можно предположить, что автор призывал жителей Тибета вспомнить об успехах тибетской армии в 1930–1933 гг. в столкновениях с китайскими войсками, чтобы указать на то, что с войсками НОАК не только можно и нужно бороться, но также есть шанс, что, как и тогда в год Водяного Петуха, китайцы еще могут потерпеть поражение, а тибетское правительство может отстаивать свою независимую линию и не подчиняться Соглашению из 17 пунктов.

В десятом выпуске 23-го года издания за октябрь 1956 г. Тарчин опубликовал еще одну похожую «Песнь независимости»¹⁸⁰⁸:

Поднимайтесь! Повелевающие своей судьбой люди в решительной солидарности поднимают в воздух сжатые железные кулаки. Сейчас без конца [приходится] терпеть издевательства китайских коммунистических демонов. Вставайте! Вставайте! Братья шести кланов, вставайте в плоти и крови [ради] счастья независимости!

Поднимайтесь! Люди, которые не хотят быть прислугой чужих, [вытащив] из закровов, запускают развеяться любимый национальный флаг как раньше. Толстоногая система трудовой повинности сейчас не имеет границ. Вставайте! Вставайте! Братья шести кланов, вставайте в плоти и крови [ради] счастья независимости!

Поднимайтесь! Люди, которые имеют статус животных, объединяются в нерушимой клятве на [своей] плоти и крови. Прислуга чужих, которую никогда не освободят, сейчас без конца прислуживает. Вставайте! Вставайте! XXX шести кланов, вставайте!

Поднимайтесь! Люди, которые едят *цанту*, люди 10 миллионов кровей мысленно объединяются. Расправу в ходе притеснений сейчас испытывают без конца. Вставайте! Вставайте! Братья шести кланов, вставайте в плоти и крови [ради] счастья независимости¹⁸⁰⁹!

¹⁸⁰⁷ Dhondub K. 1986: 37.

¹⁸⁰⁸ Тиб. *rang dbang gi glu*.

¹⁸⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 4.

В конце песни в круглых скобках Тарчин указывает: «от сведущего»¹⁸¹⁰. Как уже упоминалось, в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960 гг. регулярно встречались и другие публикации «от сведущего», например письма в редакцию и притчи, однако, кто были эти «сведущие» авторы, неизвестно. Хотя данная «Песнь независимости», как и предыдущая, посвящена призыву к борьбе за независимость Тибета, она отличается от всех рассмотренных ранее оппозиционных песен более ожесточенной риторикой. Обращение к населению Тибета как «братьям шести кланов»¹⁸¹¹ с рефреном «восстать в плоти и крови [ради] счастья независимости»¹⁸¹² повторяется в песне трижды. При этом светлому образу будущего «счастья независимости» противопоставляется угнетающая картина несправедливой политики КНР в Тибете в настоящем: «своим» «без конца [приходится] терпеть издевательства китайских коммунистических демонов»¹⁸¹³, «без конца прислуживать» «чужим»¹⁸¹⁴, «без конца испытывать расправу в ходе притеснений»¹⁸¹⁵, а «система трудовой повинности не имеет границ»¹⁸¹⁶.

Мотив необходимости единения тибетоязычных «братьев» ради совместного восстания во имя национальной независимости повторялся в большинстве оппозиционных песен, опубликованных в «Зеркале Тибета» в рассматриваемый период. Так, в одиннадцатом выпуске 24-го года издания за 1 марта 1958 г. в «Песне о наслаждении независимостью Тибета»¹⁸¹⁷ Тарчин снова призывает «братьев из тибетского региона»¹⁸¹⁸ «восстать путем совместных усилий»¹⁸¹⁹ и «восстать в плоти и крови [ради] счастья независимости»¹⁸²⁰.

Поэтические призывы к единению тибетских «братьев» публиковались в «Зеркале Тибета» не только в виде песен, но и в форме стихов. В одиннадцатом

¹⁸¹⁰ Тиб. *mkhyen ldan zhig nas*.

¹⁸¹¹ Тиб. *mi'u gdung drug gi spun zla tsho*.

¹⁸¹² Тиб. *rang btsan gyi bde skyid sha dang khrag gis longs shog*.

¹⁸¹³ Тиб. *krung btsan dmar po'i brnyas bzod da ni khur tshod med*.

¹⁸¹⁴ Тиб. *thar dus med pa'i phyi g.yog da ni rgyag tshod med*.

¹⁸¹⁵ Тиб. *thub tshod btang ba'i dmar bsad da ni myong tshod med*.

¹⁸¹⁶ Тиб. *tshil rkang gi 'u lag da ni rgyugs tshod med*.

¹⁸¹⁷ Тиб. *bod rang dbang la dga' ba'i glu gzhas* (*Melong* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1).

¹⁸¹⁸ Тиб. *bod ljongs kyi spun zla rnam*s.

¹⁸¹⁹ Тиб. *gdungs shugs gcig bsgril gyis longs shog*.

¹⁸²⁰ Тиб. *rang btsan gyi bde skyid sha dang khrag gis longs shog*.

выпуске 23-го года издания за ноябрь 1956 г. Тарчин обращается к жителям Тибета с кратким обращением-наставлением из восьми семисложных строк:

Вы, тибетские братья, отбросьте всю имеющуюся прежнюю ненависть!

Работайте над обретением независимости!

Приведите в согласие все имеющиеся личные интересы и противоречия ради общей цели!

Почему мощь подобна единодушию, а слабость подобна разногласиям^{1821?}

В качестве ответа на риторический вопрос Тарчина в конце стихотворения можно предложить его же *тампе*, который он дважды опубликовал двумя выпусками «Зеркала Тибета» позднее, а именно во втором выпуске 24-го года издания за май 1957 г. и в третьем выпуске 24-го года издания за июль 1957 г.:

Нет другой такой мощи как единодушие.

Нет другой такой слабости как разногласие.

Задумавшись об этом принципе, братья тринадцати *тикор*,

Единодушно претворите в жизнь независимость^{1822!}

Таким образом, на протяжении 1950-х гг. Тарчин настойчиво пропагандировал необходимость сплочения жителей Тибета как «братьев», потомков «шести кланов», народа «тринадцати *тикор*» или «*чолкасум*» во имя ведения национально-освободительной борьбы против КНР, тем самым конструируя все более всеобъемлющий нарратив тибетской независимости и прибегая для этой цели к самого разного рода жанрам – от более сдержанных новостных заметок до полных аллегорий *тампе*, насыщенных метафорами песен и стихов.

Самым ярким поэтическим примером оппозиционного воззвания к жителям Тибетского плато за 1950-е гг., вероятно, является напечатанная тибетским курсивом, но при этом с заголовком на английском языке, «Прокламация Тибетской добровольческой армии защитников Учения»¹⁸²³ из сдвоенного второго–третьего выпуска 26-го года издания за июль–август 1959 г.:

Вселенная зародилась так:

На основе, сотканной из сетей ветра,

¹⁸²¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 5.

¹⁸²² *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: suppl.2; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 7.

¹⁸²³ Англ. *Proclamation of Tibetan Volunteer Army for Defence of Religion.*

Образовалась золотая земля.
 На золотой земле
 Сформировалось озеро Ролпа.
 В центре озера
 Поднялась гора Меру.
 Четыре высших мира возникли
 [По четырем сторонам горы Меру].
 Земля была на южной стороне.

Тибет – земля, окруженная забором снежных вершин.
 Верхняя часть [Тибета] содержит Нгари Корсум,
 В центре – У–Цанг Руши,
 А внизу – До–Кам Гангдуг.
 Душой Тибета является Далай-лама,
 Чья жизнь тверда как алмаз,
 Лучи которого освещают все четыре стороны [света].

Андуг Гонпо Таши посеял белый рис заслуг.
 Рисовое поле хорошенько подросло,
 И в Тибете созрел хороший урожай счастья.

Поскольку шесть хребтов разграничивают землю,
 Врагов буддизма-коммунистов
 Уничтожили словно солнце растопило замерзшую росу на камнях.
 Поскольку через долины протекают четыре реки,
 Песчаные доны коммунизма смыло.
 Флаг процветания буддизма подняли над шестью хребтами!
 Знамя долголетия развеивается над четырьмя реками!

Белая мраморная ступа мира
 Без заблуждений находится в трех сферах пребывания
 И долго существует без негативного влияния на тело, ум или речь.

Рожденная из ума *дхармараджи*
 Слава лидера [повстанческого движения] «Чуши Гангдуг» громче грома.

Ради всех живых существ и буддизма
 Мы поклялись уменьшить врагов буддизма до [размера] пылинок.
 Новая эра дуалистичной системы [сочетания] религии и политики пришла.
 Возрадуйтесь! Возрадуйтесь!

С восточной границы нашей дорогой страны Тибет
 Языки горящего пламени указывают на восток.
 С востока [китайские] войска сбросили бомбы [так] словно [пошел] дождь.
 Ох, не чудо ли это?
 Дождь из бомб не потушил пламя.
 Наоборот, пламя разгорелось даже сильнее.
 Оно горит по всему Тибету,
 Горит с грохочущим звуком,
 И из горящего пламени звучат слова:
 «Дайте Тибету быть независимым! Позвольте нам защитить Учение!».

Это чудо: пламя становится сильнее.
 Слава горящего пламени распространяется по миру.
 Есть причина, по которой пламя становится сильнее:
 Ветер поддержки справедливости дует со всех уголков мира.
 Для тех, кто верит в Дхарму, сейчас – время поддержать пламя.
 Это пламя и есть основа собственного пламени Дхармы.
 Его невозможно погасить дождем из бомб.
 Его невозможно задуть ветрами обмана.

Люди Кама и У–Цанг, вставайте сейчас!
 Тибетцы, которые состоят из одной плоти и крови, сейчас – время восстать!
 Восстаньте ради независимости Тибета и тибетского буддизма¹⁸²⁴!

От общепобуддийских космологических представлений автор «Прокламации защитников Учения» переходит к специфически тибетским реалиям, изображая Тибет как единое государство, территория которого соотносится с ныне утвержденным ЦТА толкованием концепции «чолкасум» (т.е. территориальное

¹⁸²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 11. Данный перевод выполнен с английского языка на основании перевода К. Макгрэнэхан (см. McGranahan 2001: 282–283).

единство Нгари Корсум, У–Цанг Руши, До–Кам Гангдуг), и возвышая Далай-ламу как важнейшую фигуру для всего населения Тибета – метафорическую «душу Тибета»¹⁸²⁵ и «состоящих из одной плоти и крови тибетцев»¹⁸²⁶. Аналогично Тарчину в его публикациях в «Зеркале Тибета» за 1950-е гг., автор прокламации сталкивает два мира-антагониста: КНР предстает образе агрессора-«врага буддизма» (китайские коммунисты «сбросили бомбы [так] словно [пошел] дождь»¹⁸²⁷), в то время как тибетоязычные повстанцы под предводительством Андуг Гонпо Таши «посеяли белый рис заслуг»¹⁸²⁸ и вырастили в Тибете «хороший урожай счастья»¹⁸²⁹. Представляя повстанческое движение «Чуши Гангдуг» с помощью метафоры праведного «горящего пламени»¹⁸³⁰, благодаря которому удалось «уничтожить врагов буддизма-коммунистов»¹⁸³¹, автор «Прокламации» обращается, в первую очередь, к верующим жителям Тибетского плато с призывом «поддержать пламя»¹⁸³² восстания во имя защиты тибетского буддизма и «независимости Тибета»¹⁸³³. Автор «Прокламации» стимулирует читателей присоединиться к повстанческому движению и подчеркивает успешность деятельности повстанцев с помощью ярких метафорических образов: «слава горящего пламени распространяется по миру»¹⁸³⁴, «пламя становится сильнее»¹⁸³⁵, а «ветер поддержки справедливости дует со всех уголков мира»¹⁸³⁶. Более того, богатая на средства выразительности речи «Прокламация» пытается создать впечатление абсолютной уникальности происходящего: автор называет движение повстанцев «чудом»¹⁸³⁷, которое «невозможно погасить дождем из бомб»¹⁸³⁸ и «невозможно задуть ветрами обмана»¹⁸³⁹.

¹⁸²⁵ Англ. *the soul of Tibet [...], whose life is as strong as a diamond, the rays of which light all four of the directions.*

¹⁸²⁶ Англ. *Tibetans, who share the same flesh and blood.*

¹⁸²⁷ Англ. *the [Chinese] troops fired down bombs like rain.*

¹⁸²⁸ Англ. *has sown the white rice of merit.*

¹⁸²⁹ Англ. *a good harvest for happiness in Tibet was reaped.*

¹⁸³⁰ Англ. *the burning fire.*

¹⁸³¹ Англ. *the enemies of Buddhism, the Communists, have been demolished.*

¹⁸³² Англ. *now is the time for those with faith in dharma to stoke the fire.*

¹⁸³³ Англ. *stand up for the independence of Tibet and Tibetan Buddhism.*

¹⁸³⁴ Англ. *the glory of the burning fire spreads around the world.*

¹⁸³⁵ Англ. *the fire gets stronger.*

¹⁸³⁶ Англ. *the wind of support for justice blows from all corners of the world.*

¹⁸³⁷ Англ. *a miracle.*

¹⁸³⁸ Англ. *it cannot be put out with the rain of bombs.*

¹⁸³⁹ Англ. *it cannot be blown out by the winds of deceit.*

Помимо песен и стихотворений с открытыми призывами восстать против коммунистической власти, Тарчин также публиковал в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг. поэтические произведения, призванные сформировать негативное отношение к представителям КНР и поднять «национальный дух» жителей Тибета как единого народа, который, претерпевая несправедливое отношение со стороны коммунистического агрессора, должен бороться за свою национальную независимость. В качестве примера подобного рода поэтического обращения Тарчина к читателям в Тибете можно привести дидактическое стихотворение о добре и зле из первого выпуска 28-го года издания за январь 1963 г. Построенное на синтаксическом параллелизме наставление из десяти семисложных строк является стилистически незамысловатым и весьма прямолинейно проводит четкое разделение между Тибетом как «силой добра»¹⁸⁴⁰ и «безнравственной»¹⁸⁴¹ политикой КНР:

Высшая степень добродетели побеждает.

Высшая степень лжи терпит поражение.

Плодом нравственного деяния становится безмятежность.

Плодом безнравственного деяния становится страдание.

Добро в конце концов побеждает.

Зло в конце концов разрушает.

Даже если сведущий [человек] побежден, в конце концов победит.

Даже если глупец победил, в конце концов потерпит поражение.

Даже если коммунистический Китай победит, в конце концов потерпит поражение.

Даже если сила добра терпит поражение, в конце концов победит¹⁸⁴².

Сразу после стихотворения Тарчин добавляет резюмирующее воззвание к читателям: «Прошу всех добросовестно служить правительству!»¹⁸⁴³. Учитывая, что публикация вышла в 1963 г., очевидно, что редактор имеет в виду добросовестное служение правительству Тибета в изгнании.

Интересно, что в антикоммунистических песнях, которые регулярно появлялись в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг., Тарчин изображал жертвой

¹⁸⁴⁰ Тиб. *dkar phyogs*.

¹⁸⁴¹ Тиб. *mi dge'i*.

¹⁸⁴² *The Tibet Mirror* Vol. XXVIII No.1, January 1963: 4

¹⁸⁴³ Тиб. *ishang mas gzhung gi zhabs 'degs legs par zhus shig* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVIII No.1, January 1963: 4).

агрессии КНР не только Тибет, но и, например, Индию. В третьем выпуске 28-го года издания за февраль–март 1963 г. под выделенным прописными буквами заголовком на английском языке «СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ»¹⁸⁴⁴ Тарчин опубликовал длинную песню на тибетском языке, сразу после чего разместил ее перевод на английском:

Как грохочущее летнее наводнение
 Прибыли грабители-китайцы в большом количестве
 На эту индийскую землю, которая любит мирный порядок.
 Неожиданно они проявили агрессию,
 Китайцы сами предложили разоружение
 И сами в итоге отступили.
 Поначалу красный китаец пришел как бешеный тигр,
 Скитаясь по джунглям Агентства Северо-Восточной границы¹⁸⁴⁵.
 Затем как вороватый кобель,
 Пряча хвост между ног, он бежал.
 Считая, что кусок раскаленного железа – это сырое мясо,
 Он проголодался и хотел сожрать его.
 Но увы! Он обжег пасть, язык и горло
 И вынужден был оставить его на прежнем месте
 Над выложенным глиной очагом.
 С великой надменностью он хлопнул по своим ляжкам,
 Ну и сколько он мог демонстрировать свою силу?
 Более не в живых, сейчас он прикончен.
 Вот наша Индия, страна, которая любит мирный порядок,
 Единая со всеми другими странами в своей непорочности.
 Ох сейчас, наши соотечественники, с храбростью
 Защищайте свою землю и приходите с дрекольем.
 Многие другие дружественные страны,
 Предоставляя боевые средства и вооружение,
 Одна за другой прибыли.

¹⁸⁴⁴ Англ. *CURRENT SONG*. После основного заголовка Тарчин приводит дополнительное пояснение в круглых скобках: «Опубликованная в январском выпуске и переизданная здесь с английским переводом» (англ. *Published in January issue is Reprinted again here below – with English translation*).

¹⁸⁴⁵ Англ. *the North-East Frontier Agency (NEFA)*, административная часть Британской Индии, а позднее Республики Индия. До 1972 г. Агентство Северо-Восточной границы относилось к штату Ассам, затем – к штату Аруначал-Прадеш.

«Обосновав» свои голословные претензии на пограничные [территории],
 Они [китайские коммунисты] создали проблемы относительно порядка.
 Желая быть властителем Индии,
 Этот коммунистический Китай сходит с ума?
 Хотя шакал хвастает, что отрастил красный мех,
 Тем не менее ему не следует смотреть свысока на спящего льва.
 Ну, сейчас уже недолго осталось
 До того, как Ваше [КНР] существование обречено на погибель.
 Преклонитесь! Перед лидером, нашим премьер-министром [Индии],
 Под его искусным [правлением], с его мудростью и храбростью
 Возрадуйтесь, поскольку тот день обязательно наступит,
 Когда красные китайцы будут хорошенько поджарены.
 Индия, наша страна, которая любит мирный порядок,
 Всегда будет пребывать в мире и свободе
 Вместе со всеми другими дружественными странами.
 Да пребудет славная победа с ИНДИЕЙ¹⁸⁴⁶.

«Современная песня» звучит особенно ожесточенно и обозленно по отношению к Китайской Народной Республике (автор песни называет КНР «бешеным тигром»¹⁸⁴⁷ и «вороватым кобелем»¹⁸⁴⁸, а также утверждает, что «коммунистический Китай сходит с ума»¹⁸⁴⁹ и «обязательно наступит» день, когда китайские коммунисты будут «хорошенько поджарены»¹⁸⁵⁰). Необходимо понимать, что данную песню Тарчин впервые опубликовал в «Зеркале Тибета» в январе 1963 г.¹⁸⁵¹, в то время как только-только в ноябре 1962 г. закончилась Китайско-индийская пограничная война. Пограничный конфликт стал кульминацией обострившейся напряженности в китайско-индийских отношениях после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию, что объясняет целенаправленный выбор враждебной тональности при упоминании Китая и хвалебное прославление Индии в «Современной песни». Очевидно, что песня так понравилась Тарчину, что

¹⁸⁴⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4–5.

¹⁸⁴⁷ Англ. *a mad tiger*.

¹⁸⁴⁸ Англ. *a thieving dog*.

¹⁸⁴⁹ Англ. *is it going mad that, Red China?*

¹⁸⁵⁰ Англ. *a day will surely rise when the Red Chinese will be nicely fried*.

¹⁸⁵¹ На тибетском языке данная песня под названием «Согласно современной песни» (тиб. *deng sang gi glu gsal*) была размещена впервые в первом выпуске 28-го года издания (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 6).

он решил опубликовать ее в своей газете дважды и даже выполнил перевод на английский язык. Интересно и то, что аналогично образу Тибета в других газетных публикациях, которые были проанализированы с точки зрения метанаррации независимости, Индия изображается как исключительно мирное государство («страна, которая любит мирный порядок, единая со всеми другими странами в своей непорочности»¹⁸⁵²), которое стало жертвой неадекватной агрессии со стороны китайских коммунистов – «грабителей»¹⁸⁵³ и «шакалов»¹⁸⁵⁴. Наличие единого «врага» и схожего опыта тем самым роднит Индию и Тибет и способствует формированию образа Индии как «товарища по несчастью» в глазах тибетоязычных читателей «Зеркала Тибета».

Говоря о поэтической форме антикоммунистической риторики в «Зеркале Тибета», следует упомянуть еще один специфический жанр – акrostихи. Будучи более сложным способом самовыражения, чем обычные стихотворения и песни, акrostихи добавляли разнообразия и усиливали выразительность тона дискурса Тарчина в 1950–1960-е гг. Например, в двенадцатом выпуске 24-го года издания за апрель 1958 г. редактор опубликовал акrostих из 60 семисложных строк, который делится на две равные части. Первая часть представлена в обратном алфавитном порядке и начинается с последней буквы тибетского алфавита *a*:

a Ох! Коммунистические руководители,

ha Не надо [нас] запугивать!

sa Эту тибетскую столицу на земле

sha Хватит распродавать, потому что не любите ее,

la И скупать частями да подсчитывать хватит, эх!

ra Словно ведете коз и овец на скотобойню,

ya Как ужасающа эта странная резня!

'a Помимо того, что занимаются низменными деяниями и хвастают этим,

za Не осознают [своей] коррумпированности

zha Некоторые слепые особи мужского и женского пола из высшей аристократии

wa [И] гоняются словно лисы за коммунистическим Китаем.

¹⁸⁵² Англ. *India, the peace-loving country, with all other states one in purity.*

¹⁸⁵³ Англ. *the plundering Chinese [sic].*

¹⁸⁵⁴ Англ. *the jackal.*

dza Распущенное поведение наводило мир до краев.
tsha Видя горячие и холодные страдания [в аду],
tsha Как куропатки упрямятся.
ma С помощью злонамеренного аккуратного одурачивания
ba Растянули паутину повсюду – и сверху, и снизу.
pha Вдобавок к тому, что разделяют родителей и детей,
pa Сыновья сажают отцов в тюрьму.
na Когда стареют, помещают [стариков] в ямы.
da Также задают многочисленные вопросы, [но]
tha В конечном счете занимаются лишь резней.
ta Учение Татхагаты
nya Словно рыба, которую вытащили на поверхность.
ja Из-за чая, *чанга* и денег Учение утрачено.
cha Распространяют безвкусные газеты,
ca Занимаются лишь пустой эгоцентричной болтовней.
nga «Кроме меня, [никого] нет», –
ga Повсюду стали вещать.
kha Ни одно действие не соответствовало [Вашим] словам,
ka Изучали [они] тибетский алфавит¹⁸⁵⁵.

Вторая часть акростиха в таком же обвинительном тоне продолжается в обычном алфавитном порядке, начинаясь со строк на *ka*, *kha*, *ga*, *nga* и заканчиваясь строками на последние буквы тибетского алфавита *sha*, *sa*, *ha*, *a*:

[...]

sha Эти подобные плотоядным демонам коммунисты
sa Являются всеобщими врагами живых существ на Земле.
ha Если не осознали ясно [смысл акростиха],
a Подумайте еще и еще, ох¹⁸⁵⁶!

Акростихи звучат менее складно, чем обычные стихотворения или песни, что, вероятно, является результатом необходимости соблюдения определенного ритма и условия, чтобы первое слово в каждой новой строке начиналось именно с той буквы, очередь которой идет по алфавиту. Рассмотренный акростих представлен в традиционной для «Зеркала Тибета» рубрике «От сведущего», и необходимо отдать

¹⁸⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958: 2.

¹⁸⁵⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958: 2.

должное «сведущему» по имени Муне Шасанадхара¹⁸⁵⁷, который смог воплотить свои антикоммунистические идеи и националистические чувства в таком длинном непростом стихотворении. Примечательно, что некоторые утверждения и использованные «сведущим» инвективные ярлыки для китайских коммунистов (например «подобные плотоядным демонам [китайские] коммунисты»¹⁸⁵⁸ и «всеобщие враги живых существ на Земле»¹⁸⁵⁹, которые «запугивают»¹⁸⁶⁰, «злонамеренно аккуратнo одурачивают»¹⁸⁶¹, «разделяют родителей и детей»¹⁸⁶², «занимаются лишь резней»¹⁸⁶³, «занимаются лишь пустой эгоцентричной болтовней»¹⁸⁶⁴) аналогичны высказываниям самого Тарчина в его публикациях.

Таким образом, в рамках метанаррации независимости редактор «Зеркала Тибета» достигал высокой стилистической выразительности за счет активного использования средств выразительности речи и подключения таких нетривиальных жанров газетных публикаций как предсказания, пословицы, басни, притчи, песни и стихотворения. Мотивы Тарчина для изобретения многих запутанных аллегорий вместо опубликования новостей в более типичной для публицистического стиля форме заметок, статей или, к примеру, репортажей, не совсем очевидны. На данный момент трудно ответить однозначно, было ли это редакторским ноу-хау Тарчина, вдохновлялся ли он какими-то другими газетами в качестве источников, или же такая замысловатая манера подачи информации являлась необходимым условием, чтобы миновать цензуру в рассматриваемый период.

Креативный подход к изложению информации и стилистические изыскания редактора «Зеркала Тибета», вероятно, можно отчасти объяснить тем, что аллегории считаются особенно удобными для перемещения на первый план политических взглядов и моральных убеждений автора¹⁸⁶⁵. Кроме того, подобные

¹⁸⁵⁷ Тиб. *mu ne sha sa na d+ha ra.*

¹⁸⁵⁸ Тиб. *sha sa 'dra ba 'i gung bran.*

¹⁸⁵⁹ Тиб. *sa steng skye 'gro 'i spyi dgra.*

¹⁸⁶⁰ Тиб. *thub tshod [...] gtong.*

¹⁸⁶¹ Тиб. *ma rung khog bcug 'jam bslus.*

¹⁸⁶² Тиб. *pha ma bu phrug kha 'phral.*

¹⁸⁶³ Тиб. *dmar gsod kho na byed.*

¹⁸⁶⁴ Тиб. *ca co rang 'dod sha stag bshad.*

¹⁸⁶⁵ Moskaleva 2018: 146.

публикации Тарчина создавали более яркий образный ряд. Отказываясь от строгости и формальности, редактор эффективнее воздействовал на восприятие информации читателями, пробуждая их воображение и вызывая желаемый эмоциональный отклик. Понятные любому бинарные категории «добра – зла», «счастья – страдания», «истины – лжи», с помощью которых Тарчин интерпретировал тибетские новости в 1950–1960-е гг., упрощали конструируемую им картину мира и являлись более запоминающимися для неграмотных тибетоязычных читателей.

Путем оппозиционных стихов, песен, басен и поговорок редактор «Зеркала Тибета» страстно стремился пробудить националистические настроения в тибетоязычном обществе. Наряду с регулярным воспроизведением демонизированного образа «чужих», Тарчин навязывал тибетоязычным читателям образ единого тибетского народа, объединенного «одной плотью и кровью», буддийской верой и общей целью борьбы за независимость своей родины.

2.2.5. Средства визуального воздействия

По мнению А.А. Даниловой, скрытое языковое воздействие газетных публикаций дополняется и усиливается средствами других семиотических систем, например сопровождающими текст иллюстрациями¹⁸⁶⁶. Зрительный образ, оказывая быстрое и эффективное влияние на сознание и подсознание читателя, зачастую оставляет еще более запоминающееся впечатление, чем текст статьи¹⁸⁶⁷. В исследованных выпусках «Зеркала Тибета» (Vol.XVIII No.1–Vol.28 No.8) за 1949–1963 гг. содержится более 250 страниц с разнообразными дискурсивными иллюстративными материалами. Дискурсивные изображения пронационалистической направленности и подписи к ним представляют еще один интересный формат конструирования метанарратива тибетской независимости. Выполняя функцию средств визуального воздействия на читательскую аудиторию, данные иллюстрации актуализировали принятые ныне в среде тибетоязычной

¹⁸⁶⁶ Данилова 2014: 157.

¹⁸⁶⁷ Данилова 2014: 158.

диаспоры национальные символы и поддерживали навязывание негативного образа Китайской Народной Республики как «врага» Тибета и положительных образов Индии, Тайваня и США как «друзей» Тибета.

2.2.5.1. Национальные символы тибетской диаспоры

В 1950–1960-е гг. Дордже Тарчин публиковал в «Зеркале Тибета» не только многочисленные тексты на тему исторической независимости Тибета и призывы к освободительной борьбе против «чужих», но и регулярно размещал на страницах своего издания различные иллюстрации, которые служили дополнительным визуальным подтверждением тибетской независимости и должны были способствовать развитию национального самосознания населения Тибетского плато.

Главным символом независимого Тибета в исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за указанный период можно назвать Далай-ламу XIV Тэндзин Гьяцо. Особо почтительное отношение к фигуре Далай-ламы прослеживается на основании частоты публикуемых Тарчином фотографий Далай-ламы XIV и членов его семьи, а также соответствующих подписей к этим фотографиям, которые утверждали в лице Далай-ламы XIV верховного политического и религиозного лидера независимого Тибета.

Всего в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. размещено 48 изображений Далай-ламы XIV, среди которых встречаются как одиночные фотографии Далай-ламы крупного плана, так и фотографии с ним дальнего и среднего планов. Помимо этого, в выпусках «Зеркала Тибета» за рассматриваемый период содержится 11 фотографий с членами семьи Далай-ламы XIV, в частности его матери, братьев и сестры. Для подписей к фотографиям Далай-ламы XIV Тарчин использовал разнообразные витиеватые эпитеты и даже целые стихотворения.

Например, в первом–втором сдвоенном выпуске 19-го года издания за декабрь 1950 г.–январь 1951 г. фотография Далай-ламы XIV на первой полосе

«Зеркала Тибета» сопровождается полным набором традиционных эпитетов и приложений (см. рис. 4):

Подлинная фотография божества Страны снегов – великого всеведущего и всевидящего победоносного владыки – достопочтенного четырнадцатого перерождения Далай-ламы¹⁸⁶⁸.

Рис. 4. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 1.

Иногда в одном выпуске «Зеркала Тибета» редактор мог опубликовать сразу несколько фотографий с Далай-ламой XIV. Так, на следующей странице того же первого–второго сдвоенного выпуска 19-го года издания Тарчин размещает другую фотографию совсем юного Далай-ламы XIV и дополняет ее еще более развернутой поэтической подписью (см. рис. 5):

Он [– тот], кого называют перерождением великого учителя Будды – Господина *Мандалы*, [кого называют] солнцем тысячи солнц, блистающем в чудодейственном бытии [сансаре и нирване], улыбающимся в лотосе заслуг живых существ Страны снегов. Приведенная выше фотография, на которой запечатлено обнаружение [его], всеведущего Далай-ламы, в монастыре Кумбум в год Земляного Зайца [1939 г.], была опубликована ранее в двенадцатом выпуске газеты [«Зеркало Тибета»] 10-го года издания, когда в год Металлического Дракона [1940 г.] происходили празднования по случаю возведения на престол¹⁸⁶⁹.

¹⁸⁶⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 1.

¹⁸⁶⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 2.

Рис. 5. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 2.

Одни и те же фотографии Далай-ламы XIV Тарчин публиковал в выпусках «Зеркала Тибета» по несколько раз с разными подписями. Описанную выше фотографию с первой полосы сдвоенного первого–второго выпуска 19-го года издания редактор повторно разместил в шестом выпуске 19-го года издания за сентябрь 1951 г. в окружении двух других фотографий с Далай-ламой XIV и с несколько видоизменной подписью, в которой сделал акцент на том, что Далай-лама официально является полноправным светским и духовным лидером Тибета (см. рис. 6):

Фотография интронизации великого всеведущего и всевидящего Далай-ламы в качестве духовного и светского правителя Страны снегов в результате единодушного согласия тибетских поданных – духовенства и мирян¹⁸⁷⁰.

¹⁸⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 4.

Рис. 6. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 4.

Та же фотография Далай-ламы XIV снова появляется, к примеру, в двенадцатом выпуске 19-го года издания за март 1952 г. с подписью: «Благая фотография достопочтенного божества Страны снегов, победоносного защитника, великого всеведущего и всевидящего Далай-ламы»¹⁸⁷¹ (рис. 7).

Рис. 7. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 2.

¹⁸⁷¹ Тиб. *gangs ljongs lha gcig gong sa skyabs mgon rgyal ba thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog gi sku par dge* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 2).

Фотография Далай-ламы на троне композиционно расположена в центре страницы в окружении пяти фотографий других национальных символов тибетского государства (см. рис. 7): это три фотографии трех крупнейших тибетских монастырей традиции Гелуг (Гандэн в верхнем левом углу, Дэпунг слева под ним и Сера в правом верхнем углу) с указанием количества проживающих там монахов и расстояния от этих монастырей до Лхасы, а еще ниже в левой колонке размещены две фотографии Цуглагканга (также известного как Джоканг) – самого старого и священного храма в Лхасе, возведенного во времена правления первого буддийского царя Тибета Сонгцэн Гампо и символизирующего «жизненную ось» всего тибетского государства¹⁸⁷². Кроме того, на следующей странице того же выпуска «Зеркала Тибета» Тарчин продолжает конструирование метанарратива независимого Тибета, размещая карту «великого города тибетского государства – Лхасы»¹⁸⁷³ и еще двенадцать различных фотографий празднований тибетского Нового года в «великом религиозном государстве Тибет»¹⁸⁷⁴ (рис. 8):

Рис. 8. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3.

¹⁸⁷² Powers and Templeman 2012: 342–343.

¹⁸⁷³ Тиб. *bod rgyal khab lha sa grong khyer chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3).

¹⁸⁷⁴ Тиб. *bod chos ldan rgyal khab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3).

Тарчин публиковал в своей газете и другие изображения, которые способствовали утверждению Далай-ламы XIV в роли признанного политического и религиозного лидера Тибета. Например, на первой полосе третьего выпуска 19-го года издания за июнь 1951 г. редактор «Зеркала Тибета» размещает фотографию с подписью, на которой Далай-лама предстает под титулом «достопочтенный властитель всей религиозной и светской власти в Стране снегов, великий всеведущий и всевидящий защитник и победоносный владыка»¹⁸⁷⁵ (рис. 9):

Рис. 9. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 1.

Ту же самую фотографию Тарчин опубликовал еще раз в следующем четвертом выпуске 19-го года издания за июль 1951 г., при этом он видоизменил подпись к фотографии так, что Далай-лама получил еще более грандиозный титул «достопочтенного держателя всего буддийского учения на Земле, великого всеведущего всевидящего защитника и победоносного владыки»¹⁸⁷⁶ (рис. 10):

¹⁸⁷⁵ Тиб. *gangs ljongs chos srid yongs rdzogs kyi mnga' bdag gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen gzigs chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 1).

¹⁸⁷⁶ Тиб. *sa steng rgyal bstan yongs kyi bdag po gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 2).

Рис. 10. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 2.

Идентичный грандиозный титул Тарчин использовал для подписи к другой фотографии Далай-ламы XIV на первой полосе того же четвертого выпуска 19-го года издания¹⁸⁷⁷ (рис. 11):

Рис. 11. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 1.

В третьем выпуске 19-го года издания за июнь 1951 г¹⁸⁷⁸. и на первой полосе пятого выпуска 19-го года издания за август 1951 г¹⁸⁷⁹. размещена одна и та же фотография Далай-ламы XIV, под которой Тарчин еще раз воспроизводит тот же

¹⁸⁷⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 1.

¹⁸⁷⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 2.

¹⁸⁷⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 1.

длинный изысканный титул Далай-ламы как «держателя всего буддийского учения на Земле» (рис. 12):

Рис. 12. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 1.

Не менее почтительно Тарчин называл Далай-ламу XIV и в подписях к фотографиям его родственников. Указывая на уникальную связь Далай-лам с бодхисаттвой Авалокитешварой, редактор, к примеру, публиковал фотографии «великой матушки достопочтенного божества Страны снегов великого всеведущего и всевидящего победоносного владыки [Далай-ламы XIV]»¹⁸⁸⁰ (рис. 13) и «уважаемого Гьело Дондуба, среднего брата достопочтенного божества Страны снегов и всеведущего победоносного владыки Далай-ламы [XIV]»¹⁸⁸¹ (рис. 14).

Рис. 13. *Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 3.

¹⁸⁸⁰ Тиб. *gangs ljongs lha gcig rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog gi rgyal yum chen mo* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 3).

¹⁸⁸¹ Тиб. *gangs ljongs lha skal gong sa rgyal dbang thams cad mkhyen pa mchog gi sku mched sras sku 'bring rgyal blo don grub mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 20).

Рис. 14. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 20.

Справедливо отметить, что, помимо изображений Далай-ламы XIV, в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. Тарчин размещал фотографии Далай-ламы XIII (всего 11 изображений), Панчен-ламы IX (шесть изображений) и Панчен-ламы X (десять изображений). Однако при сравнении очевидно, что количество публикаций с фотографиями этих верховных иерархов Тибета в разы уступало количеству публикаций с Далай-ламой XIV.

Фотографии Далай-ламы XIV также использовались в «Зеркале Тибета» в качестве символики движения за независимость Тибета. Например, на первой полосе третьего выпуска 22-го года издания за июль 1954 г. Тарчин, привлекая внимание читателей к публикации с помощью обрамления из декоративного узора, публикует под единым заголовком «Речь о жажде независимости всего Тибета»¹⁸⁸² фотографию восседающего на троне юного Далай-ламы XIV (рис. 15) и стихотворение из 12 девятисложных строк:

На твердой вершине пути с [имеющейся] военной мощью и вооружением [из] религиозных деяний

Власть солнца живых существ, бодхисаттвы Авалокитешвары, ясно сияет.

Ох, сейчас огромный демон Раху, [вызывающий солнечное затмение], спустил тучи,

¹⁸⁸² Тиб. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gnam*.

Вот-вот напустит тьму на Тибет.
 Из-за сгустившихся облаков¹⁸⁸³ низменной общественной кармы
 Усиленно взвился бурный ураган [из] внутренних врагов.
 Мощная сила польхющего грома внешних врагов
 Немного сдвинула даже глыбу ваджры всеобщей драгоценности [Далай-ламы].
 Тем не менее, если при твердости нашего героического духа
 Всеобщие старания не будут остановлены,
 Вскоре наступит время исполняющей желания драгоценности [Далай-ламы]
 И обретения независимости [во имя] всеобщего блага¹⁸⁸⁴.

Рис. 15. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 1.

С помощью иллюстративных публикаций Тарчин представлял Далай-ламу не просто как воплощение живого божества, которое обладает верховной религиозной и политической властью в Тибете, а изображал его как живой символ независимости Тибета. Неудивительно, что позднее уже после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию, учреждения Центральной тибетской администрации и широкой интернационализации «тибетского вопроса» власти КНР запретили

¹⁸⁸³ Тиб. *than sprin* – особый вид облаков, которые считаются дурным предзнаменованием или ассоциируются с грядущей засухой (Goldstein 2004: 487).

¹⁸⁸⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 1.

распространение и хранение фотографий Далай-ламы XIV на территории Тибета¹⁸⁸⁵.

Формирование связи между фигурой Далай-ламы XIV и тибетским национализмом в «Зеркале Тибета» прослеживается не только на уровне изображений самого Далай-ламы, но и в отдельных материалах, где соответствующие новости о Далай-ламе Тарчин размещал в непосредственной близости от других национальных символов, например флага независимого Тибета. Так, на первой полосе четвертого выпуска 22-го года издания за август 1954 г. редактор публикует очередную поэтическую «Речь о жажде независимости всего Тибета»¹⁸⁸⁶, а как иллюстрацию к ней – флаг Тибета, при этом все остальное свободное пространство на первой странице занято материалами о Далай-ламе XIV (см. рис. 16). Тарчин сообщает, что население Тибета объединяется в молитвах о долголетию Далай-ламы XIV и его скорейшем благополучном возвращении из поездки по Китаю, и в деталях описывает, какие материальные пожертвования народ делает ради «счастья великого Далай-ламы»¹⁸⁸⁷:

[...] Также, когда собрались делать пожертвования для проведения масштабной религиозной службы и церемонии воскуривания благовоний, чтобы уменьшить препятствия счастью великого Далай-ламы [XIV] и [он] смог вскоре вернуться [в Тибет], то многие мужчины, [сняв] с ушей золотые серьги, [а] многие женщины, сняв [свои] украшения, преподнесли [их]. Другие же преподнесли также зерно, *цампу*, масло и деньги, поэтому нет сомнений, что всеобщее желание быстро исполнится¹⁸⁸⁸.

¹⁸⁸⁵ См. Barnett 2012: 75–81.

¹⁸⁸⁶ Тиб. *bod spyi 'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1).

¹⁸⁸⁷ Тиб. *gong sa chen po 'i sku phywar*.

¹⁸⁸⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

Рис. 16. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

Тарчин не упускал возможности осветить в «Зеркале Тибета» и то, как молятся о благополучии Далай-ламы XIV тибетцы в Индии. Во втором выпуске 23-го года издания за январь 1955 г. редактор размещает фотографию нескольких тибетцев в церемониальных шарфах *хадаках* с флагом Тибета и фотографией Далай-ламы XIV в руках, а на оставшейся части страницы публикует материал под заголовком «Речь о мирном обретении независимости Тибета»¹⁸⁸⁹ (рис. 17). В дополнение к этому на трех предыдущих страницах в данном выпуске Тарчин публикует пять фотографий (см., например, рис. 18) религиозных церемоний в честь Далай-ламы XIV, которые провели представители тибетской общины в Индии, и тексты их петиций на тибетском и английском языках к Далай-ламе XIV, к Мао Цзэдуну и к премьер-министру Индии с просьбой о скорейшем возвращении

¹⁸⁸⁹ Тиб. *bod rang dbang zhi bas sgrub pa'i gtam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6).

«единственного главы и защитника религиозного Тибета [Далай-ламы]»¹⁸⁹⁰ из Китая на Родину.

Рис. 17. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6.

Рис. 18. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3.

Как уже упоминалось, события, связанные с деятельностью «Народного собрания» в Лхасе и подношением золотого трона Далай-ламе XIV в 1957 г., Ж. Дрейфус считает знаковыми в процессе становления раннего тибетского национализма¹⁸⁹¹. В случае с «Зеркалом Тибета» можно говорить о том, что Тарчин еще раньше, а именно с самого начала 1950-х гг., осознанно продвигал идею единения всего буддийского населения Тибета вокруг фигуры Далай-ламы как живого божества и уникального духовного и политического лидера Тибета, а также параллельно с этим регулярно тиражировал в своей газете фотографии самого Далай-ламы XIV и изображения культа Далай-ламы в Тибете и Индии бок о бок с

¹⁸⁹⁰ Англ. *His Holiness Dalai Lama the only head and Savior of Religious Tibet [sic] (The Tibet Mirror Vol.XXIII No.2, January 1955: 4).*

¹⁸⁹¹ Dreyfus 2005: 11.

оппозиционными публикациями, призывающими к достижению независимости Тибета.

После иммиграции Далай-ламы XIV в Индию и учреждения там правительства Тибета в изгнании, Тарчин продолжил размещать в «Зеркале Тибета» фотографии Далай-ламы XIV на троне, символизирующие сохранение его власти несмотря на эмиграцию за пределы Тибета. Кроме того, редактор также стал публиковать иллюстрации, которые демонстрировали, как Далай-лама XIV заботится о благополучии общины тибетоязычных иммигрантов в Индии. Среди выпусков «Зеркала Тибета» за 1960-е гг. встречаются фотографии, изображающие, как Далай-ламу XIV приветствует тибетская молодежь в Массури¹⁸⁹² (рис. 19) и тибетские школьники в Дхарамсале¹⁸⁹³ (рис. 19), как Далай-лама дает религиозные наставления своим подданным соотечественникам в Индии¹⁸⁹⁴ (рис. 20), как Далай-лама навещает больных тибетских беженцев¹⁸⁹⁵ (рис. 20), как Далай-лама открывает новую мастерскую тибетских ремесел для тибетских беженцев в Дальхузи¹⁸⁹⁶ и другие подобные изображения¹⁸⁹⁷ (рис. 21).

Рис. 19. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1.

¹⁸⁹² См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1.

¹⁸⁹³ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1–2.

¹⁸⁹⁴ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

¹⁸⁹⁵ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

¹⁸⁹⁶ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 1.

¹⁸⁹⁷ См., например, *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 7.

Рис. 20. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

Рис. 21. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 1.

В качестве еще одного символа независимости Тибета Тарчин пропагандировал дворец Потала в Лхасе, изображение которого десять раз встречается в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг.¹⁸⁹⁸. Начавшееся в XVII в. при Далай-ламе V Нгагванг Лобсанг Гьяцо¹⁸⁹⁹, строительство внушительного комплекса правительственных кабинетов, покоев и храмовых построек на руинах дворца Сонгцэн Гампо, первого из трех буддийских царей Тибета, должно было символизировать историческую связь между Тибетской империей и новым дуалистичным режимом Далай-ламы V, который сосредоточил в своих руках

¹⁸⁹⁸ См. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.6, September 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 11; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.11, September 1961: 1–2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.2, February 1963: 7.

¹⁸⁹⁹ Тиб. *ngag dbang blo bzang rgya mtsho*; 1617–1682.

одновременно религиозную и светскую власть¹⁹⁰⁰. Этимологически восходящее к названию острова-обители бодхисатвы Авалокитешвары в Индийском океане, название «Потала» было выбрано специально для упрочения ассоциации Далай-ламы с Авалокитешварой¹⁹⁰¹. Начиная с XVII в. образ Далай-ламы как эманации Авалокитешвары и исторического преемника прославленных царей Тибетской империи обретал все большую силу, а зимняя резиденция Далай-лам Потала стала символом верховной власти традиционного правительства Далай-ламы Гандэн Поданг над политическим Тибетом¹⁹⁰².

Анализируя изображения Поталы в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг., следует отметить, что четыре из имеющихся десяти публикаций размещены на первой полосе и еще четыре из десяти снабжены поэтическим текстом, воспевающим Далай-ламу, буддизм и традиционный уклад Тибета до 1951 г. Например, в десятом выпуске 23-го года издания за октябрь 1956 г. Тарчин размещает в верхней части первой полосы по центру фотографию Поталы (рис. 22), при этом все остальное пространство на странице занимают описанная в подразделе 2.2.4.2.1 притча о сыновьях лесах и нижеследующее полное аллегорий стихотворение из восьми шестисложных четверостиший:

Далай-лама Тэндзин Гьяцо
 Пребывает в украшениях Учения.
 Учение Шакьямуни в Тибете неспособно
 Прийти в упадок.

Когда солнце поднимается в небе,
 Нет места темноте.
 Когда на земле прекрасные [горные] вершины и леса,
 Нет места ледникам.

Невообразимая бумажная тигрица
 Устрашающа и величественна.

¹⁹⁰⁰ Тиб. *chos srid gnyis ldan*, букв. «сочетающий религиозное и светское» (Powers and Templeman 2012: 535; Kapstein 2006: 139).

¹⁹⁰¹ Powers and Templeman 2012: 535.

¹⁹⁰² van Schaik 2011: 124.

Когда клятва встретится с огнем,
Тигрица проявит свою природу.

Небесные гром и молния
Славятся [своим] бесстрашием.
Когда встречается с отвесной скалой,
Молния становится подобна сливочному маслу.

На горных вершинах Тибета
Появилось дурное предзнаменование [в виде] попугая.
Правитель острова – великий [снежный] лев –
Размахивает гривой [своих кармических] деяний.

Черные горы на востоке
Хотят закрыть солнце.
[Но] нет способа преградить небесный путь, преисполненный
[Благими] кармическими деяниями, молитвами, душевными и физическими силами.

Старшие и младшие братья шести кланов,
Пусть будут светлыми [Ваши] намерения в Учении!
Луна намерений и сознания
Взойдет с вершин снежных гор.

Циркулирующее счастье обращается по кругу,
Перемещается в красном сиянии.
Встречусь с другом
С вершины [дворца] Потала в Лхасе¹⁹⁰³.

---

¹⁹⁰³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1.

Рис. 22. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1.

Представляется интересным контекстуальное расположение изображения дворца Потала в двенадцатом выпуске 23-го года издания за ноябрь 1956 г. Весь выпуск состоит из всего четырех страниц, но при этом на каждой из страниц размещены ключевые для метанарратива тибетской независимости иллюстрации. На первой полосе сначала опубликованы фотографии Далай-ламы XIII и Панчен-ламы IX, под ними – изображения Далай-ламы XIV и Панчен-ламы X (рис. 23). На второй странице справа Тарчин поместил еще одну фотографию Далай-ламы XIV и поэтическую подпись к ней, а слева – флаг независимого Тибета, изображение Поталы и фотографию четырех министров «тибетского правительства великого религиозного государства [Тибет]»¹⁹⁰⁴ (рис. 24). На третьей странице этого же выпуска Тарчин среди прочего опубликовал совместную фотографию Далай-ламы XIV и Панчен-ламы X с «великим премьер-министром религиозного правительства Индии»¹⁹⁰⁵ Дж. Неру, а ниже – фотографию самого старшего брата Далай-ламы Тубтэн Джигме Норбу (рис. 25). На последней четвертой странице выпуска

¹⁹⁰⁴ Тиб. *bod gzhung chos ldan rgyal khab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2).

¹⁹⁰⁵ Тиб. *rgya gar chos ldan gzhung gi srid blon chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3).

размещена фотография матери Далай-ламы XIV – та же, что и в указанном выше третьем выпуске 19-го года издания (см. рис. 13).

Рис. 23. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 1.

Рис. 24. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2.

Рис. 25. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3.

Среди других изображений Поталы в «Зеркале Тибета» привлекает внимание двудесятый–девяностый выпуск 25-го года издания за февраль–март 1959 г., где под крупным заголовком «Коммунистические атеисты-еретики противозаконно обстреливают артиллерийским огнем Лхасское религиозное государство»¹⁹⁰⁶ Тарчин опубликовал рассказ о начале восстания в Лхасе в марте 1959 г. в сопровождении двух иллюстраций – дворца Потала и улиц «религиозной земли Лхасы»¹⁹⁰⁷ (рис. 26).

Рис. 26. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12.

¹⁹⁰⁶ Тиб. *lha sa chos ldan rgyal khab tu chos med log spyod gung bran gyis khrims med me sgyog 'phen 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁹⁰⁷ Тиб. *lha sa chos ldan zhing* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

Хотя в подписях к фотографиям Поталы Тарчин ни разу не опубликовал прямое требование предоставить Тибету независимость, при исследовании выпусков газеты за 1950–1960-е гг. становится очевидным, что изображение зимней резиденции Далай-лам было вспомогательным средством актуализации пронационалистического дискурса в «Зеркале Тибета» и само по себе символизировало идею исторической независимости Тибета.

Еще одним национальным символом, который Тарчин стремился популяризировать в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг., является флаг Тибета. Репродукции тибетского флага встречаются в исследованных выпусках шесть раз¹⁹⁰⁸, при этом четыре из них размещены на первой полосе и сопровождаются соответствующими поэтическими текстами, восхваляющими независимое тибетское государство (рис. 27).

Рис. 27. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1.

В указанном выше одиннадцатом выпуске 21-го года издания за февраль 1954 г. (рис. 27) и в двенадцатом выпуске 23-го года издания за ноябрь 1956 г. под изображением тибетского флага Тарчин публикует практически идентичные возвышенные подписи из четырех девятисложных строк:

На троне, блистающем в свете солнца и луны дуалистичной системы сочетания
религиозной и светской власти,

¹⁹⁰⁸ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

Прославленное умиротворенное великое [тибетское правительство] Гандэн Поданг.
 Всеобщий национальный символ – благое боевое знамя [Тибета],
 Известного во [всем] мире религиозного государства¹⁹⁰⁹.

На первой полосе четвертого выпуска 22-го года издания за август 1954 г. под заголовком «Речь о жажде независимости всего Тибета»¹⁹¹⁰ Тарчин снова размещает флаг независимого Тибета и публикует под ним поэтическое обращение из шестнадцати девятисложных строк, в котором заверяет тибетоязычных читателей, что они «непреренно обретут счастье независимости»¹⁹¹¹ (см. рис. 16):

На религиозной земле посадили тотемное дерево истины.
 На белой снежной горе истинной идеологии
 Наделенный силой истины великий бесстрашный снежный лев
 Пусть поднимет флаг истины! Соплеменники,
 Здесь в Тибете, прославленном как [земля] наслаждающихся обителью богов,
 Пусть мирно живущие люди практикуют Дхарму!
 Благодаря добродетельному претворению [в жизнь] благого желанья счастья
 Нет сомнений в том, что быстро обретут плоды счастья.
 Колесницу времени встряхнул ветер тирании.
 На некоторое время солнце буддизма и живых существ отвернулось к другим.
 Тем не менее, на вершине планеты единодушной стратегии
 Молятся о том, чтобы [солнце] вскоре взошло в Стране снегов.
 Центр *мандалы* земли непоколебимой храбрости
 На величественной горе нерушимых клятв
 Обойдите по кругу [подобно] потоку безупречных стремлений!
 Нет сомнений в том, что быстро обретете счастье независимости¹⁹¹².

Тибетский флаг в своем современном виде был введен по инициативе Далай-ламы XIII в 1912 г. в качестве символики для тибетских военных подразделений¹⁹¹³. Считается, что по предложению японского путешественника-исследователя Аоки

¹⁹⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1. Версия подписи к флагу в двенадцатом выпуске 23-го года издания (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2) отличается лишь тем, что вместо эпитета «великое» (тиб. *che*) с правительством Гандэн Поданг использовано словосочетание «так называемое» (тиб. *zhes*), а вместо «известного во [всем] мире религиозного государства» (тиб. *'dzam gling grags ldan chos kyi rgyal khab*) религиозного государства написано «прославленное великое религиозное государство» (тиб. *grags ldan chos kyi rgyal khab chen po*).

¹⁹¹⁰ Тиб. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gnam*.

¹⁹¹¹ Тиб. *rang dbang bde skyid myur du 'thob par nges*.

¹⁹¹² *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

¹⁹¹³ Powers and Templeman 2012: 240–241.

Бункэ¹⁹¹⁴, проживавшего в то время в Лхасе, дизайн флага могли заимствовать у японского военного знамени под названием «Флаг восходящего солнца»¹⁹¹⁵. Однако пронационалистически-настроенные представители тибетоязычной диаспоры оспаривают тезис об использовании японского флага в качестве источника вдохновения и настаивают, что дизайн тибетского флага придумал сам Далай-лама XIII¹⁹¹⁶. После 1959 г. тибетский флаг получил статус официального флага Центральной тибетской администрации в Индии и символа движения за независимость Тибета, вследствие чего его запретили к использованию в КНР¹⁹¹⁷. В настоящее время изображение тибетского флага регулярно воспроизводится в школьных учебниках и других видах материалов, издаваемых по инициативе ЦТА¹⁹¹⁸. Тибетский флаг является отражением популярных среди тибетской диаспоры нарративов и ассоциируется с желанием тибетских эмигрантов, чтобы Тибет освободился из-под власти КНР¹⁹¹⁹.

Примечательно, что символизм дизайнера тибетского флага пересекается с регулярно повторяющимися образами из поэтических публикаций в «Зеркале Тибета»: белоснежная горная вершина на флаге, по сообщению ЦТА, символизирует «великую нацию Тибета-Страны снегов»; два снежных льва олицетворяют дуализм традиционной политической системы Тибета, сочетающей религиозную и светскую власть; солнце представляет собой благополучие, счастье и свободу всех живых существ Тибета; шесть красных лучей солнца изображают шесть родоначальных тибетских кланов; трехцветная пылающая драгоценность служит символом Будды, буддийского учения и сангхи¹⁹²⁰.

Также необходимо отметить, что современное изображение тибетского национального флага и те изображения флага, которые публиковал Тарчин в

¹⁹¹⁴ Яп. 青木 文教; 1886–1956.

¹⁹¹⁵ Яп. 旭日旗. См. Powers and Templeman 2012: 241.

¹⁹¹⁶ См., например, Norbu Jamyang 2007.

¹⁹¹⁷ Powers and Templeman 2012: 241.

¹⁹¹⁸ Powers 2021: 8.

¹⁹¹⁹ Powers 2021: 8.

¹⁹²⁰ Powers and Templeman 2012: 241–242; Powers 2021: 9; “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/> (дата обращения: 27.06.2022).

«Зеркале Тибета», имеют два заметных отличия. Во-первых, в четырех¹⁹²¹ из шести публикаций Тарчин использует изображение тибетского флага со стоящими вертикально на двух лапах снежными львами (см. рис. 16, рис. 24, рис. 27, рис. 28), в то время как в двух других публикациях в «Зеркале Тибета»¹⁹²² (см. рис. 17, рис. 29) и в современном исполнении тибетского флага, размещенном, например, на официальном сайте ЦТА, снежные львы располагаются горизонтально (см. рис. 30). Второе отличие заключается в том, что на единственном цветном и наиболее хорошо сохранившемся изображении тибетского флага в исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг., а именно в третьем выпуске 28-го года издания за февраль–март 1963 г.¹⁹²³, каждый из снежных львов держит в лапе по одной закручивающейся двухцветной драгоценности (см. рис. 29), в то время как в современной версии тибетского флага снежные львы вместе держат всего одну закручивающуюся двухцветную драгоценность, которая, по выражению ЦТА, символизирует самодисциплину, необходимую для этически правильного поведения людей в соответствии с практикой буддийских добродетелей (см. рис. 30)¹⁹²⁴. Исходя из этих фактов, не совсем понятно, откуда Тарчин заимствовал изображения флага для своих публикаций, почему у редактора «Зеркала Тибета» было два разных варианта исполнения тибетского флага и почему оба его варианта флага отличаются от тиражируемой ныне версии национального флага Тибета, которая, как убеждают члены тибетской диаспоры, была придумана и принята еще при Далай-ламе XIII, то есть задолго до газетных публикаций Тарчина. Единственным объяснением подобного противоречия представляется то, что изображение национального флага Тибета все-таки не было унифицировано и широко известно в 1950–1960-е гг., поэтому в Индии, где выходило «Зеркало Тибета», существовало как минимум два варианта возможного дизайна национального флага Тибета.

¹⁹²¹ См. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1.

¹⁹²² См. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁹²³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁹²⁴ “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/> (дата обращения: 27.06.2022).

Рис. 28. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1.

Рис. 29. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

Рис. 30. Тибетский национальный флаг, размещенный на сайте ЦТА¹⁹²⁵.

Еще одним символом, призванным поддержать конструируемый Тарчином метанарратив тибетской независимости, были картографические изображения территории Тибета как политики, которые встречаются в исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. пять раз¹⁹²⁶. К сожалению, некоторые газетные

¹⁹²⁵ “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁹²⁶ См. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4, 7; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.1, December 1954: 6.

страницы плохо сохранились, а сами изображения весьма схематичны, что затрудняет оценку представленных на них карт. Тем не менее, можно говорить о том, что на всех пяти картах в «Зеркале Тибета» территория «тибетского религиозного государства»¹⁹²⁷ приблизительно совпадает с территорией, на которую претендует Центральная тибетская администрация как преемник правительства Гандэн Поданг. При сравнении карт из «Зеркала Тибета» с картой территории Тибета, размещенной на сайте ЦТА, существенным отличием представляется небольшой участок на юге – ныне территория Дечен-Тибетского автономного округа провинции Юньнань. Данный участок не отмечен на картах в «Зеркале Тибета», но представлен на карте Центральной тибетской администрации (ср. рис. 31–35).

Рис. 31. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 7.

¹⁹²⁷ Например, тиб. *gangs ljongs chos ldan rgyal khab kyi sa bkra* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4), тиб. *bod chos ldan rgyal khab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 7) и тиб. *bod gangs ljongs chos ldan rgyal khab* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949: 3).

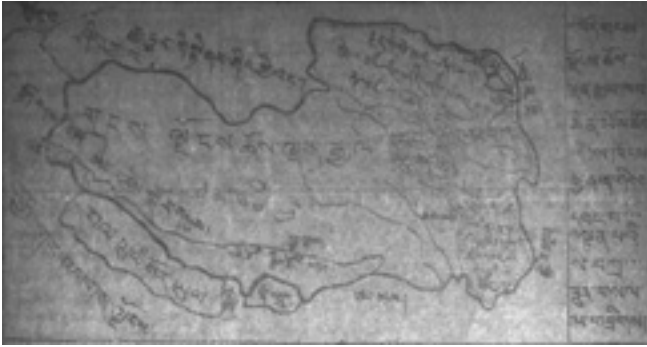

Рис. 32. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4.

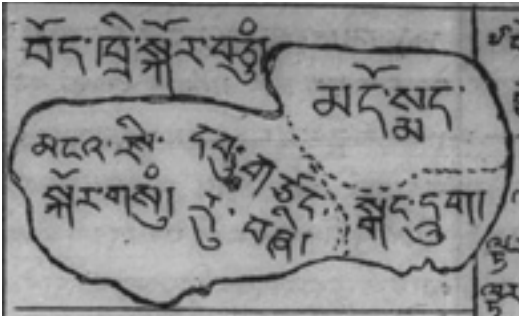

Рис. 33. Тринадцать тибетских *микор* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5).

Рис. 34. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954: 2.

Рис. 35. Карта Тибета в современном толковании «чолкаsum» ЦТА¹⁹²⁸.

Кроме того, в седьмом выпуске 22-го года издания за сентябрь 1954 г. Тарчин опубликовал карту «тринадцати тибетских *тикор*»¹⁹²⁹ (рис. 33). Данное изображение подтверждает то, что, по убеждению редактора «Зеркала Тибета», границы Тибета в рамках концепции «тринадцати тибетских *тикор*» охватывали территорию У–Цанг, Амдо и Кама и таким образом совпадали с границами Тибета, пропагандируемыми Центральной тибетской администрацией в современном толковании концепции «чолкаsum» как подвластной Гандэн Поданг территории независимого Тибета, которую оккупировала КНР. Стоит еще раз подчеркнуть, что современное толкование концепции «чолкаsum» необъективно отражает действительность, поскольку к середине XX в. власть Гандэн Поданг была ограничена существенно меньшей территорией политического Тибета и не включала обширные территории Амдо и Кама, на которые претендует ЦТА. Также интересно, что в исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. не встретилось ни одной карты Тибета как территории «чолкаsum», что позволяет предположить, что до 1963 г. данная концепция все еще находилась в разработке и стала более распространенной в среде тибетской диаспоры в Индии лишь позже.

О дискурсивном характере и политически-значимом символизме изображений карты «тибетского государства» в «Зеркале Тибете» свидетельствует и то, что после соответствующей иллюстрации Тарчин иногда публиковал

¹⁹²⁸ "Map of Tibet" // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/map-of-tibet/> (дата обращения: 27.06.2022).

¹⁹²⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5.

соответствующие материалы на тему независимости. Например, в восьмом выпуске 22-го года издания за сентябрь 1954 г. прямо под картой Тибета, которая из всех пяти карт в «Зеркале Тибета» максимально похожа на карту, пропагандируемую в настоящее время ЦТА, Тарчин разместил «Речь о жажде независимости всего Тибета»¹⁹³⁰ (рис. 34).

Четыре описанных в данном подразделе национальных символа, а именно Далай-лама XIV, карта «независимого тибетского государства», национальный флаг Тибета и дворец Потала, были использованы в 1974 г. австралийским филателистом Нельсоном Юстисом¹⁹³¹ для создания дизайна тибетских марок при поддержке Далай-ламы XIV и Центральной тибетской администрации (рис. 36)¹⁹³². Однако, поскольку ЦТА по-прежнему остается непризнанной на международном уровне, эмиссия марок была осуществлена лишь в пропагандистских целях. Данные марки не могли быть использованы по своему почтовому назначению и носят название «почтовые призраки»¹⁹³³.

Рис. 36. Тибетские марки-«почтовые призраки» 1974 г. (Warren 2003: 16).

Таким образом, начиная с 1950-х гг. путем регулярных публикаций с иллюстративными материалами Тарчин способствовал возвеличиванию Далай-ламы XIV как единого духовного и политического лидера жителей всего Тибетского плато и символа независимости Тибета. Редактор также неоднократно размещал в «Зеркале Тибета» изображения дворца Далай-ламы Потала, карты и национального флага «великого религиозного государства Тибет». По словам Церинг Шакьи, после 1959 г. Центральная тибетская администрация занялась возвращением политической осознанности и продвижением идеи единения в тибетской диаспоре с помощью манипуляции символами и осознанным

¹⁹³⁰ Тиб. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam* (*The Tibet Mirror* Vol. XXII No.8, September 1954: 2).

¹⁹³¹ Англ. *Nelson Eustis*; 1915–2003.

¹⁹³² Warren 2003: 15.

¹⁹³³ Шевченко 1991: 64.

изобретением традиций¹⁹³⁴. Однако на основании анализа выпусков «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. можно заключить, что в рамках конструирования метанарратива независимости Тарчин практически на десятилетие предвосхитил идеологические разработки ЦТА, начав свою пропаганду символики независимого Тибета еще в ноябре 1949 г.¹⁹³⁵, то есть всего месяц спустя после официального образования Китайской Народной Республики.

2.2.5.2. «Друзья» Тибета

Тот факт, что «Зеркало Тибета» выходило в Индии, а издатель газеты Дордже Тарчин позиционировал себя не только как тибетский патриот, но и как лояльный гражданин Индии, объясняет достаточно большое количество иллюстративных материалов с индийскими официальными лицами, индийским национальным флагом и гербом независимой Индии, так называемой «львиной капителью». Подавляющее большинство посвященных Индии иллюстративных публикаций за 1949–1963 гг., равно как и подписи к ним, передают положительную тональность дискурса Тарчина. Более того, при исследовании выпусков «Зеркала Тибета» за указанный период складывается впечатление, что для своих тибетоязычных читателей редактор газеты целенаправленно изображал Индию как достойный пример для подражания в борьбе за независимость.

Тарчин прославлял независимость Индии и воспевал первых лиц Индии, которые боролись за независимость своей страны. Всего в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Тарчин опубликовал 51 изображение первого премьер-министра независимой Индии Джавахарлала Неру (годы службы 1947–1964), 20 изображений первого президента независимой Индии Раджендры Прасада (годы службы 1950–1962) и 13 изображений самого известного лидера движения за независимость Индии Мохандаса Карамчанда (Махатмы) Ганди (годы жизни 1869–1948)¹⁹³⁶. Изображения Дж. Неру, Р. Прасада и М. Ганди почти ежегодно

¹⁹³⁴ Shakyа 1993: 11.

¹⁹³⁵ Карты «великого религиозного государства Тибет» за ноябрь 1949 г. см. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4, 7.

¹⁹³⁶ Хин. मोहनदास कर्मचन्द (महात्मा) गान्धी.

появлялись на первой полосе «Зеркала Тибета» все одновременно вместе с изображениями индийского флага и иногда герба Индии по случаю празднования Дня независимости Индии 15 августа ¹⁹³⁷ (см. рис. 37–39). После отставки Р. Прасада в последний год издания «Зеркала Тибета» (1963 г.) Тарчин выпустил аналогичную праздничную первую полосу в честь Дня независимости Индии с индийскими флагами, Дж. Неру, М. Ганди и уже новым президентом Индии Сарвепалли Радхакришной (годы службы 1962–1967) ¹⁹³⁸ (см. рис. 40).

Рис. 37. *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 9, August 1956: 1.

¹⁹³⁷ В рассматриваемый период с 1949 по 1963 гг. вышло восемь таких выпусков «Зеркала Тибета» (*The Tibet Mirror* Vol. XVIII No. 10, September 1950: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 6, September 1952: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXII No. 5, September 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 9, August 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No. 5, September 1957: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 5, September–October 1958: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 2–3, July–August 1959: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No. 10, August 1961: 1). В другие годы Тарчин также посвящал Дню независимости Индии специальные публикации, но они могли содержать изображения не всех трех борцов за независимость Индии одновременно (например, *The Tibet Mirror* Vol. XIX No. 6, September 1951: 2) или занимали не только первую полосу, а размещались на двух страницах (например, *The Tibet Mirror* Vol. XXI No. 6, September 1953: 1–2; *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No. 1, August–September 1960: suppl. 1–suppl. 2).

¹⁹³⁸ Хин. सर्वपल्ली राधाकृष्णन. См. *The Tibet Mirror* Vol. XXVIII No. 7, October 1963: 1.

Рис. 38. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 1.

Рис. 39. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 2.

Рис. 40. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 1.

Помимо этого, Тарчин неоднократно делал разнообразные тематические публикации с иллюстрациями¹⁹³⁹ в честь еще одного индийского национального праздника – Дня Республики, который ежегодно отмечается 26 января по случаю принятия Конституции Индии (рис. 41).

Рис. 41. *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 5, February 1956: 1.

Многочисленные фотографии индийского премьер-министра Дж. Неру и подписи к ним в «Зеркале Тибета» способствовали формированию дружественного расположения к Индии у тибетоязычных читателей, поскольку, помимо установления прямой ассоциации Дж. Неру с успешной борьбой за независимость Индии, Тарчин также делал в своих публикациях акцент на том, что «уважаемый премьер-министр Индии Пандит [Дж.] Неру – тот, кто трудится во имя мира во всем мире»¹⁹⁴⁰ и, более того, является «великим премьер-министром» не просто правительства Индии, а «индийского религиозного правительства»¹⁹⁴¹. На фотографиях в «Зеркале Тибета» Дж. Неру предстал в образе толерантного политика, который чтит традиции народов: например, Тарчин показывал Дж. Неру в традиционной «тибетской одежде жителей Ладакха»¹⁹⁴² (рис. 42) и в бутанском

¹⁹³⁹ Например, *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 2, January 1955: 16; *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 5, February 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No. 9–10, January–February 1958: 2–3; *The Tibet Mirror* Vol. XXVIII No. 1, January 1963: 3.

¹⁹⁴⁰ Тиб. 'dzam gling yongs su zhi bde yong thabs mdzad po rgya gar srid blon paN Di ta ne ha ru mchog (*The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 2, January 1955: 9).

¹⁹⁴¹ Тиб. rgya gar chos ldan gzhung gi srid blon chen po paN Di ta ne ha ru mchog (*The Tibet Mirror* Vol. XXIII No. 12, November 1956: 3).

¹⁹⁴² Тиб. la dwags pa'i bod chas bzhes pa'i sku par dge'o (*The Tibet Mirror* Vol. XVIII No. 10, September 1950: 5); *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 6, September 1952: 2.

национальном костюме¹⁹⁴³ (рис. 43). Отмечая взаимно почтительное отношение со стороны буддийского духовенства, редактор «Зеркала Тибета» демонстрировал, как «монахи бутанского правительства» с почетом провожали премьер-министра Индии с духовыми инструментами и бубном¹⁹⁴⁴ (рис. 44).

Рис. 42. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5.

Рис. 43. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 1.

¹⁹⁴³ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 1.

¹⁹⁴⁴ Тиб. 'brug gzhung gi dge 'dun rnams nas phebs bskyel ched du rnga rol dung rgya giong (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 4).

Рис. 44. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 4.

На других фотографиях в «Зеркале Тибета» Дж. Неру сам почтительно приветствовал с церемониальным тибетским *хадаком* Далай-ламу XIV¹⁹⁴⁵ (рис. 45) и Панчен-ламу X¹⁹⁴⁶ (рис. 46) во время их визита в Индию, устраивал в честь тибетских духовных иерархов праздничный обед¹⁹⁴⁷ (рис. 47), открывал двери новой индо-тибетской буддийской библиотеки в столице Сиккима Гангтоке¹⁹⁴⁸ (рис. 48), обращался с торжественной речью к многотысячной толпе на площади в Дели по случаю празднования Дня Республики Индия¹⁹⁴⁹ (рис. 41) или, например, выступал за сдерживание распространения и испытаний ядерного оружия во всем мире¹⁹⁵⁰ (рис. 49).

¹⁹⁴⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 1.

¹⁹⁴⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 2.

¹⁹⁴⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

¹⁹⁴⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 9.

¹⁹⁴⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 1.

¹⁹⁵⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 1.

Рис. 45. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 1.

Рис. 46. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 2.

Рис. 47. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

Рис. 48. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 9.

Рис. 49. *The Tibet Mirror* Vol. XXIV No.3, July 1957: 1.

Интересно, что последняя иллюстрация к публикации о позиции Дж. Неру по ядерному вооружению размещена на первой полосе рядом с фотографией Далай-ламы XIV, опубликованной в честь празднования дня рождения тибетского духовного лидера, при этом все оставшееся место на странице занимает новость об угнетении Тибета Китайской Народной Республикой, то есть даже в этом случае можно говорить о виртуальном противопоставлении КНР как «агрессора» миролюбивой Индии, воплощенной в образе Дж. Неру, и религиозному Тибету, представленному в образе Далай-ламы XIV.

Все перечисленные выше примеры в конструируемом Тарчином метанарративе тибетской независимости сближают «мирных» тибетцев и «тибетское религиозное государство» именно с Индией, которая кардинально отличается в «Зеркале Тибета» от атеистической Китайской Народной Республики и ее руководителя-«агрессора» Мао Цзэдуна. Кроме того, необходимо отметить, что в исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. нет публикаций с фотографиями, на которых были бы запечатлены Далай-лама XIV или Панчен-лама X совместно с высшими официальными лицами КНР, но в то же время есть иллюстративные публикации со встреч Далай-ламы XIV и Панчен-ламы X с

премьер-министром Индии¹⁹⁵¹ (рис. 50–51) и с президентом Индии¹⁹⁵² (рис. 51), а также имеются фотографии, сделанные во время посещения Далай-ламой XIV и Панчен-ламой X мемориала М. Ганди в Дели¹⁹⁵³ (рис. 52) или, например, радушного приема, оказанного Далай-ламе XIV тибетцами в Дели¹⁹⁵⁴.

Рис. 50. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 3.

Рис. 51. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 4.

¹⁹⁵¹ Например, *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 3; 4.

¹⁹⁵² *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 4.

¹⁹⁵³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

¹⁹⁵⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 6.

Рис. 52. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

Последняя иллюстративная публикация на тему индийско-тибетских отношений, которую следует упомянуть в данном подразделе, это изображения из третьего выпуска последнего 28-го года издания за февраль–март 1963 г. Данный выпуск вышел уже после учреждения Центральной тибетской администрации в Индии и Китайско-индийской пограничной войны в конце 1962 г., что, вероятно, объясняет то, что Тарчин максимально сближает Индию и Тибет как соратников в борьбе против агрессии Китая, размещая рядом с пожеланиями победы Индии и «тибетскому государству»¹⁹⁵⁵ в один ряд сразу три изображения-символа: портрет Далай-ламы XIV, флаг Индии и флаг Тибета (рис. 53).

Рис. 53. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁹⁵⁵ Тиб. *rgya gar rgyal gyur cig* и тиб. *bod rgyal khab rgyal gyur cig* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1).

Другим важным потенциальным союзником Тибета против КНР в «Зеркале Тибета» предстает правительство Гоминьдан на о. Тайвань. В исследованных выпусках за 1950–1960-е гг. размещены 29 изображений видов войск и вооружения, принадлежащих правительству Гоминьдан, 17 изображений лидера партии Гоминьдан Чан Кайши и даже три фотографии основателя партии Гоминьдан Сунь Ятсена. Нейтральная или положительная тональность подписей ко всем изображениям, связанным с правительством Гоминьдан, повторяет озвученное в текстовых публикациях благосклонное отношение редактора «Зеркала Тибета» к Гоминьдану как главному противнику китайских коммунистов в борьбе за материковый Китай. Например, Сунь Ятсена Тарчин называл «уважаемым доктором Сунь Ятсеном – учредителем и прославленным председателем первой Китайской Республики»¹⁹⁵⁶ (рис. 54) или «уважаемым прародителем и достопочтимым отцом государства Китайская Республика»¹⁹⁵⁷. Рядом с Сунь Ятсеном редактор неизменно публиковал фотографию «жизненной опоры правительства Гоминьдан Китайской Республики – уважаемого маршала Чан Кайши», который уже сделал так, что «народы на о. Тайвань живут в независимости» и их «жизнь во всех отношениях благополучна»¹⁹⁵⁸, и который теперь также обещает в скором времени «освободить тех, кто попал под гнет [китайского] коммунистического правительства»¹⁹⁵⁹ или, другими словами, «вытащить [жителей Тибета] их из-под гнета коммунистических бандитов»¹⁹⁶⁰.

¹⁹⁵⁶ Тиб. *rgya nag mi ser rgyal khab thog ma rtsa btsugs byed po sgrag Tar sun yad sen nam tsung li mtshan snyan par bsgrags pa mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2)

¹⁹⁵⁷ Тиб. *krung ha ming go'i rgyal khab kyi mes po yab rje sun krung hran mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

¹⁹⁵⁸ Тиб. *da'i wan gyi mi dmangs rnam rang dbang rang btsan du gnas shing 'tsho ba sogs gang ci nas phun sum tshogs pa yod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

¹⁹⁵⁹ Тиб. *rgya nag mi ser rgyal khab ko min tang gzhung gi srog shing mar shal cang kai shag mchog nas [...] dmar po'i gzhung gi btsan dbang du tshud pa rnam la being bkrol byed rgyu yin zhes legs sbyar gngang* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2).

¹⁹⁶⁰ Тиб. *de tshor ring min gung jag gi btsan mnar 'og nas 'don thabs byed* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

Рис. 54. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2.

Тарчин внушал тибетоязычным читателям, что войска Гоминьдана имеют прекрасное современное вооружение для ведения боевых действий как на суше и воде, так и в небе, а также указывал на то, что Гоминьдан тщательно готовится к масштабному наступлению на материковый Китай¹⁹⁶¹. Редактор «Зеркала Тибета» подкреплял текстовые материалы о воинственных намерениях Чан Кайши соответствующим визуальным рядом, который должен был производить впечатление военной мощи и уверенного превосходства Гоминьдана над КПК (рис. 55–57).

Рис. 55. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 6.

¹⁹⁶¹ См., например, *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2.

Рис. 56. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

Рис. 57. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.3.

Тарчин привлекал внимание читателей к сотрудничеству Гоминьдана с правительством США, еще одним даже более могущественным врагом коммунистического Китая. Редактор «Зеркала Тибета», вероятно, стремился вселить в сторонников независимости Тибета, с одной стороны, еще большую надежду на скорую победу Гоминьдана над КПК, а, с другой, желание сотрудничать с правительствами Гоминьдан и США в борьбе против КНР. Совместные изображения Чан Кайши с президентом США трижды¹⁹⁶² появляются в «Зеркале Тибета» за рассматриваемый период (рис. 58–59).

Рис. 58. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

Рис. 59. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961: 9.

Что касается иллюстративных материалов, непосредственно связанных с самими Соединенными Штатами Америки, то их существенно меньше, чем

¹⁹⁶² *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 9; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961: 9.

изображений, посвященных Индии или Тайваню. Из наиболее значимых публикаций в «Зеркале Тибета» можно упомянуть седьмой выпуск 25-го года издания за декабрь 1958 г., в котором первую полосу и вторую страницу Тарчин посвящает новостям из «сильного независимого религиозного государства»¹⁹⁶³ США. По утверждению редактора, в США «не притесняют и не запрещают» религии мира¹⁹⁶⁴, там «разрешено [...] практиковать любую религию»¹⁹⁶⁵ и, более того, «по своему желанию [там] можно практиковать религию везде»¹⁹⁶⁶. А еще в США строят буддийские храмы и поддерживают буддийскую общину (рис. 60–61). Образ США как доброго «религиозного государства» в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. таким образом составляет полную противоположность образу КНР как атеистического «агрессора». Вместе с тем подчеркнутая «религиозность» США в нарративе Тарчина предполагает достаточное основание для сближения Соединенных Штатов с «тибетским религиозным государством».

Рис. 60. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1.

¹⁹⁶³ Тиб. *a me ri ka'i rgyal khab de ni stobs ldan rang dbang dang ldan pa'i chos ldan rgyal khab gcig yin* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁹⁶⁴ Тиб. *'dzam gling du gnas pa'i chos lugs gzhan dag la mi 'dod pas btsan gnong bkag 'doms sogs med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁹⁶⁵ Тиб. *yul mi su zhig gis rang gi dad mos yod pa'i chos lugs ji 'dra zhig la'ang blo 'dod ltar nyams len byed chog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁹⁶⁶ Тиб. *a me ri ka zhes bya'i rgyal khab der/ chos lugs kun la rang 'dod bsten chog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 2).

Рис. 61. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 2.

Помимо этого, в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. размещены две заметные иллюстративные публикации на тему контактов независимого Тибета с США в 1940-е гг. Так, в выпуске за декабрь 1950 г.–январь 1951 г. Тарчин представляет визуальное доказательство того, что представители «уважаемого тибетского правительства» в 1946 г. проводили официальную встречу с «великими представителями США» в Дели¹⁹⁶⁷ (рис. 62).

Рис. 62. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 21.

А на первой полосе выпуска «Зеркала Тибета» за март 1958 г. справа от «Песни о любви к тибетской независимости»¹⁹⁶⁸ редактор размещает визуальное подтверждение того, что в 1945 г. «независимое тибетское правительство»

¹⁹⁶⁷ Тиб. *bod gzhung mchog* и тиб. *a me ri ka'i sku tshab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 21).

¹⁹⁶⁸ Тиб. *bod rang dbang la dga' ba'i gla gnas*.

контактировало с гражданами США, свидетелями чему были представители правительства Гоминьдан и представители Британской Индии в Тибете¹⁹⁶⁹ (рис. 63).

Рис. 63. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в иллюстративных публикациях «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. наиболее широко представлены три основных союзника или «друга» независимого Тибета: это индийское правительство, правительство Гоминьдан и правительство США. Положительное отношение к Индии и США обусловлено в первую очередь тем, что эти страны так же, как и Тибет, изображались «религиозными государствами». Кроме того, в тематических иллюстративных публикациях об Индии Тарчин регулярно восхвалял героев индийского национально-освободительного движения и показывал читателям пример успешной борьбы за независимость. Что касается третьего «друга» Тибета, находящегося на территории о. Тайвань, целесообразность потенциального сотрудничества с правительством Гоминьдан объяснялась тем, что представители Гоминьдана так же, как и сторонники тибетской независимости, были настроены решительно против коммунистического режима в Китае. Иллюстративные материалы из выпусков «Зеркала Тибета» за указанный период также демонстрировали то, что правительство Гоминьдан пользовалось поддержкой

¹⁹⁶⁹ Тиб. *bod rang dbang gzhung*. Речь идет о пилотах американского самолета, совершавшего перелет из Китая в Индию и потерпевшего крушение на территории Тибета (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1).

США и обладало достаточной военной мощью и мотивацией, чтобы успешно противостоять КНР.

2.2.5.3. Политические карикатуры и агитационные иллюстрации

В выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. размещено более 40 дискурсивных рисунков, которые либо относительно реалистично, либо, наоборот, гротескно изображали последние новости в контексте официального присоединения Тибета к КНР. С помощью иллюстраций Тарчин освещал попытки правительства КНР организовать реформирование на территории Тибетского плато и противостояние местного тибетоязычного населения проводимым реформам, а также обсуждал место «тибетского вопроса» на международной арене и текущее соотношение сил социалистического и капиталистического блоков в мире. В основу большинства рисунков и подписей к ним заложена та же жесткая антикоммунистическая и одновременно пронационалистическая риторика, которую редактор «Зеркала Тибета» озвучивал в уже рассмотренных текстовых публикациях, однако эмоциональный посыл изображений определенно представлялся еще более эксплицитным и запоминающимся для читателей, чем просто текст.

Следует подчеркнуть, что иллюстративные материалы в «Зеркале Тибета» играли особенно важную роль в 1950-е гг., поскольку население Тибета оставалось преимущественно неграмотным. По мнению И. Энгельхардт, сам жанр политической карикатуры впервые появился в тибетской прессе именно благодаря новаторству Тарчина¹⁹⁷⁰. В 1930-е гг. редактор начал публиковать в «Зеркале Тибета» карикатуры на тему усиления позиции А. Гитлера в Европе и агрессии Японии в Азии с целью привлечения внимания к избранным новостным сообщениям в силу визуальной доступности иллюстраций даже для самых неискушенных тибетоязычных читателей¹⁹⁷¹.

---

¹⁹⁷⁰ Engelhardt 2018b: 41.

¹⁹⁷¹ См. Sawerthal 2017; Engelhardt 2018b: 41.

Вскоре после того, как правительство КНР официально объявило о намерении «освободить» Тибет, Тарчин стал систематически изображать КНР в образе агрессора в рубрике «Новости в рисунках»¹⁹⁷². В исследованных выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 г. трижды встречаются анималистические изображения КНР в виде свирепого дракона. На самом раннем рисунке за январь 1950 г. разъяренного дракона не могут сдержать люди в форме (вероятно, изображающие британских или индийских солдат)¹⁹⁷³ (рис. 64). На втором рисунке за июнь 1959 г. дракон убивает людей в Тибете, в то время как Далай-лама из Индии пытается привлечь к этому внимание мировой общественности¹⁹⁷⁴ (рис. 65). На третьем изображении за сентябрь–октябрь 1959 г. дракон восседает на горных вершинах Тибета, а человек-«Индия» сдерживает от смыкания его открытую пасть с помощью человека, подписанного как «Ладакх»¹⁹⁷⁵ (рис. 66).

Рис. 64. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 3.

¹⁹⁷² Тиб. *ri mo'i gsar 'gyur* (например, *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949: 4 или *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8).

¹⁹⁷³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 3.

¹⁹⁷⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

¹⁹⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 12.

Рис. 65. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

Рис. 66. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 12.

Помимо анималистических образов КНР как целого государства, Тарчин публиковал и более узконаправленные карикатуры на лидера КНР Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун появлялся в «Зеркале Тибета» в облике маленького шакала с человеческой головой, которому противостоит статный лев с надписью на английском языке «мирная Индия пробудилась»¹⁹⁷⁶ (рис. 67), и в виде огромной «надменной» жабы с человеческой головой, которая присела на границе с Индией и в животе которой уже находятся Китай, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Синьцзян и отдельно отграниченный (т.е. «независимый») Тибет¹⁹⁷⁷ (рис. 68).

¹⁹⁷⁶ Англ. *Peace Loving India Is Awaken* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8).

¹⁹⁷⁷ Тиб. *sbal dmar nga rgyal can* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960: 10).

Рис. 67. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8.

Рис. 68. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960: 10.

Как можно заметить из приведенных примеров, для дискурсивных рисунков характерны следующие особенности. Во-первых, в то время как другие страны мира и их лидеры представлены в антропоморфной форме, КНР и Мао Цзэдуна редактор «Зеркала Тибета» чаще изображал в более низком по статусу облике животных. Во-вторых, на многих иллюстрациях Тарчин оставлял надписи как на тибетском языке, так и на английском, тем самым делая изображаемое более доступным для нетибетоязычных читателей «Зеркала Тибета». В-третьих, в карикатурной форме редактор допускал умеренную критику (рис. 66) индийского правительства за то, что Индия, стремясь сохранить дружественные отношения с КНР, не желала открыто выступать в поддержку независимости Тибета и до китайско-тибетского конфликта 1962 г. придерживалась сдержанной позиции по «тибетскому вопросу».

В виде рисунков Тарчин так же, как и в текстовых публикациях, убеждал читателей в том, что «мирное освобождение» Тибета силами НОАК, на самом деле, не является мирным и несет в себе лишь обман, разрушения и страдания для жителей Тибетского плато. Например, с подписью «Новости в рисунках об освобождении»¹⁹⁷⁸ редактор «Зеркала Тибета» публиковал иллюстрации, где изображалось, как после «мирного освобождения» монахов в Тибете используют в качестве пахотных животных¹⁹⁷⁹ (рис. 69), а с помощью рогатого скота осуществляют четвертование людей¹⁹⁸⁰ (рис. 70), в то время как построенные по приказу правительства КНР автомобильные дороги в Тибете представляют опасность для местных жителей и доставляют удобство лишь самим китайцам¹⁹⁸¹ (рис. 71).

Рис. 69. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 7.

Рис. 70. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 10.

¹⁹⁷⁸ Тиб. *bcing bkrol ri mo'i gsar 'gyur*.

¹⁹⁷⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 7.

¹⁹⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 10.

¹⁹⁸¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 3.

Рис. 71. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 3.

Кроме того, в «Зеркале Тибета» Тарчин неоднократно публиковал иллюстрации, изображающие неуважительное отношение китайских коммунистов к религиозным объектам в Тибете. Так, в восьмом выпуске 28-го года издания за ноябрь 1963 г. редактор размещает рисунок, на котором китайские солдаты, подвесив за шею буддийского монаха и статую Будды вместе с книгой, призывают стоящих рядом тибетцев посмотреть на это и ответить, смогут ли их теперь защитить ламы и Будда. Всего в одном рисунке Тарчин изображает, как китайские коммунисты, будучи непримиримыми атеистами, жестоко надругались сразу над тремя драгоценностями буддизма, которые представлялись символами веры для всего буддийского населения Тибета. В подписи к рисунку на английском языке Тарчин восклицает: «Посмотрите, что коммунисты делают в Тибете»¹⁹⁸² (рис. 72).

Рис. 72. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

¹⁹⁸² Англ. *Look What the Communists Are Doing in Tibet* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14).

Усилению эмоционального накала и созданию зрительной ассоциации китайских коммунистов с варварством и жестокостью также способствовали достаточно крупные и подробные изображения, иллюстрировавшие процесс разрушения войсками НОАК монастырей в восточном Тибете. Помимо своего впечатляющего размера (иллюстрации занимали больше половины страницы или целую страницу), подобные визуальные материалы в «Зеркале Тибета» отличались особой выразительностью за счет экспрессивных подписей к ним и точной детализации жертв агрессии. Например, в одиннадцатом выпуске 23-го года издания за ноябрь 1956 г. Тарчин размещает рисунок, на котором изображено, как самолеты НОАК бомбардируют с воздуха здания и население в Тибете. Видны человеческие жертвы и разрушенные здания, а монахи пытаются вести ответный огонь из ружей (рис. 73). Иллюстрация также дополнена эмоциональной подписью на английском языке:

Они убивают несколько тысяч наших свободолюбивых, храбрых и плохо вооруженных *кампа* с помощью современного вооружения и разрушают монастыри. Мир протестует против агрессии в Европе и [западной] Азии, но увы, [протеста] во имя Тибета не звучит¹⁹⁸³.

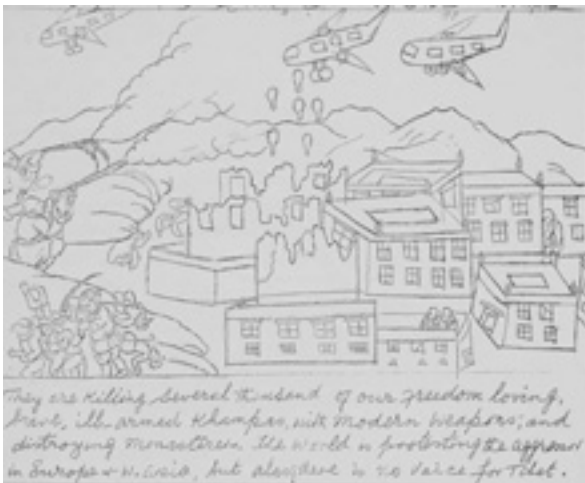

Рис. 73. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

¹⁹⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

Хотя в подписи к иллюстрации Тарчин не называет напрямую агрессора, читателям понятно, что «они» – это китайские коммунисты, чьи самолеты отмечены на рисунке пятиконечными звездами-символами коммунизма. И, несмотря на то что жители восточного Тибета сами вступили в вооруженный конфликт с представителями КНР и тоже убивали людей (китайских коммунистов), Тарчин представляет их «нашими»: более слабыми в плане вооружения, однако «свободолюбивыми» и «храбрыми»¹⁹⁸⁴ жертвами агрессии, но никак не воинственными зачинщиками конфликта или убийцами.

Позднее в третьем выпуске 24-го года издания за июль 1957 г. на четырех страницах, следующих друг за другом, Тарчин снова опубликовал детальные иллюстрации с изображениями разрушений монастырей и убитых людей в восточном Тибете (рис. 74–77). В подписях к иллюстрациям на тибетском и английском языках редактор просит читателей посмотреть, как китайские коммунисты разрушают различные монастыри, и, нагнетая напряжение, приводит дополнительную информацию относительно точного количества жертв агрессии: «было 1800 монахов, сейчас, говорят, осталось семь»¹⁹⁸⁵; «было примерно 1000 монахов, сейчас ни одного не осталось»¹⁹⁸⁶; «было 700 монахов, сейчас ни одного не осталось»¹⁹⁸⁷; «было 3700 монахов, а сейчас осталось только десять»¹⁹⁸⁸. Также, в очередной раз вводя исторические параллели, Тарчин обращается к жителям Кама как к «тибетским Тито Кама»¹⁹⁸⁹ и призывает их, несмотря на кровопролитные столкновения, продолжить восстание против китайских коммунистов.

¹⁹⁸⁴ Англ. *our freedom loving, brave, ill-armed khampas.*

¹⁹⁸⁵ Тиб. *grwa pa 1800tham pa yod/ da lta bdun las med skad* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 3).

¹⁹⁸⁶ Тиб. *grwa pa 1000tsam yod/ da lta gcig kyang med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 4).

¹⁹⁸⁷ Тиб. *grwa pa bdun brgya yod/ da lta gcig kyang med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5).

¹⁹⁸⁸ Англ. *Lithang monastery. 3700 monk [sic] used to be, but now only 10 left* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6).

¹⁹⁸⁹ Тиб. *longs shog longs shog khams bod Ti To tsho* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5).

Рис. 74. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 3.

Рис. 75. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 4.

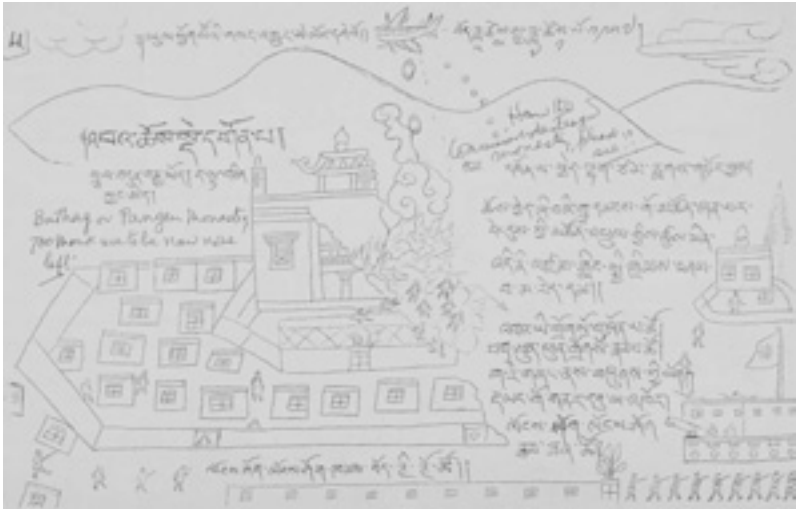

Рис. 76. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5.

Рис. 77. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6.

В форме карикатур Тарчин убеждал читателей «Зеркала Тибета», что Мао Цзэдун является главным злодеем-агрессором, чьи планы по территориальной экспансии совсем не ограничиваются территорией Тибета. В первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. под заголовком «Разоблачение тайного восточного

умысла»¹⁹⁹⁰ редактор опубликовал карикатуру, на которой огромный Мао Цзэдун вяжет из Тибета спицами «стратегию угнетения и захвата китайцами»¹⁹⁹¹ мира, в то время как маленькая овца из Индии с лицом Дж. Неру смотрит на это (рис. 78).

Рис. 78. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7.

Столь критическое и несвойственное для текстовых публикаций Тарчина изображение Индии на приведенной выше карикатуре можно объяснить, прежде всего, тем, что автором карикатуры был не сам редактор «Зеркала Тибета» и даже не другой гражданин Индии. Тарчин заимствовал карикатуру у известного британского художника Стэнли Артура Франклина¹⁹⁹². С.А. Франклин опубликовал свою карикатуру в мае 1959 г. в Лондоне, однако рисунок, очевидно, так понравился редактору «Зеркала Тибета», что через месяц, заменив английский текст на несколько видоизмененный тибетский вариант, Тарчин разместил карикатурное «разоблачение» Мао Цзэдуна в своей газете.

Позднее в сдвоенном четвертом–пятом выпуске 26-го года издания за сентябрь–октябрь 1959 г. редактор опубликовал еще одну (вероятно, также заимствованную из иностранных источников) карикатуру, на которой Мао Цзэдун уже начал есть (т.е. захватывать) земной шар, в то время как три других мировых лидера, а именно руководитель СССР Никита Сергеевич Хрущев (1953–1964) с серпом и молотом в руках, премьер-министр Индии Дж. Неру с табличками «Панча шила» и «Мирное сотрудничество»¹⁹⁹³ и президент США Дуайт Эйзенхауэр (1953–

¹⁹⁹⁰ Тиб. *shar phyogs kyi gsang don dgrol ba*.

¹⁹⁹¹ Тиб. *rgya mis btsan gnon 'dzin zung byed pa 'i srid byus* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

¹⁹⁹² Англ. *Stanley Arthur Franklin*; 1930–2004. Подробнее о заимствованной Тарчином оригинальной карикатуре см. Engelhardt 2018b: 44.

¹⁹⁹³ Тиб. *zhi mthun nmyam 'brel* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 9).

1961) с мешком американских долларов и боеголовкой, лишь наблюдают за происходящим (рис. 79).

Рис. 79. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 9.

Следует отметить, что Тарчин винил именно Мао Цзэдуна в том, что премьер-министр Индии Дж. Неру не предоставляет поддержку защитникам независимости Тибета и не способствует решению «тибетского вопроса» на международном уровне в пользу Тибета. В первом выпуске 26-го года издания за июнь 1959 г. на карикатуре под заголовком «О Тибете»¹⁹⁹⁴, созданной по мотивам известной японской композиции XVII в. с тремя обезьянами, Мао Цзэдун закрывает уши, глаза и рот Дж. Неру. При этом карикатура подписана так, словно Мао Цзэдун повелевает Дж. Неру: «Ничего не слушай! Ничего не смотри! Ничего не говори!»¹⁹⁹⁵ (рис. 80).

Рис. 80. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

¹⁹⁹⁴ Тиб. *bod kyi skor*.

¹⁹⁹⁵ Тиб. *gang yang ma nyon/ gang yang ma ltos/ gang yang ma shod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6).

После иммиграции Далай-ламы XIV в Индию Тарчин, предвещая разрыв индийско-китайского соглашения 1954 г., в карикатурной форме навязывал читателям идею о том, что Мао Цзэдун не настроен мирно сосуществовать с Индией и явно имеет притязания на территорию Индии и других народов Гималаев. Редактор дважды размещал в «Зеркале Тибета» (до Китайско-индийской пограничной войны 1962 г. и уже после) две похожие карикатуры, изображающие Дж. Неру в облике восседающего на территории Индии полуобнаженного Шивы с трезубцем, на которого нападают китайские коммунисты¹⁹⁹⁶ (рис. 81–82).

Рис. 81. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14.

Рис. 82. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10.

¹⁹⁹⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 3 (повтор карикатуры из *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14).

Открыто демонизируя Мао Цзэдуна в 1960-е гг., Тарчин опубликовал в сдвоенном восьмом–девятом выпуске 27-го года издания за май–июнь 1961 г. карикатуру, присваивающую главе КНР ярлык «коммунистического демона с востока», который с помощью денег и «приятных», но «лживых» обещаний заманивает к себе в мешок малочисленные народы Гималаев, чтобы затем демоническим способом лишить их жизни¹⁹⁹⁷ (рис. 83).

Рис. 83. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961: 2.

Сравнивая «все приятные ластивые речи» китайских коммунистов с «камешками в войлоке, рогами в мешке и пометом осла»¹⁹⁹⁸, Тарчин в форме иллюстраций предостерегал читателей, что, несмотря на декларативные обещания «коммунистического бандита»¹⁹⁹⁹, Мао Цзэдун на самом деле держит за спиной

¹⁹⁹⁷ Тиб. *ri mo dang po ni hi ma la yi 'i ri bryud du gnas pa 'i grangs nyung mi rigs rnam la shar phyogs srin mo dmar mos rgyal dang gnam snyan gyi bslu thabs brtsom par tshang mas mgo bo 'khor na/ ri mo gnyis pa ltar srin mo 'i dbugs rkyal nang du mi 'i srog dbugs 'du nges gian yin* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961: 2).

¹⁹⁹⁸ Тиб. *de tshos kha 'jam snyan tshig lab pa tshang ma 'phying pa 'i nang gi rdo dang / _sgye mo 'i nang gi rwa co/ _bond bu 'i og ril 'dra po red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8).

¹⁹⁹⁹ Тиб. *rgya dmar gung jag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8).

наготове нож и целую армию, которая готова напасть на малочисленные народы Гималаев (рис. 84).

Рис. 84. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

В качестве последнего примера карикатуры на тему разоблачения Тарчином «лживой» сущности КНР можно упомянуть третий выпуск 27-го года издания за ноябрь–декабрь 1960 г. На иллюстрации китайские коммунисты, скрывая свой истинный злобный оскал за масками с дружелюбным выражением лица, стоят на границе Гималаев и протягивают руки представителям Ладакха, Непала, Сиккима и Бутана, однако последние держат в руках дубинки и готовятся отбиваться от китайских коммунистов при поддержке, вероятно, индийской армии²⁰⁰⁰ (рис. 85).

Рис. 85. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960: 3.

²⁰⁰⁰ Полный перевод подписи к иллюстрации см. Engelhardt 2018b: 49.

После китайско-индийского пограничного конфликта осенью 1962 г. Тарчин демонстрировал в форме карикатур, что Индия защитит проживающие в Гималаях народы от нападения Мао Цзэдуна. Например, в выпуске «Зеркала Тибета» за декабрь 1962 г. редактор опубликовал изображение головы Мао Цзэдуна, который хочет съесть Тибет, Непал, Бутан и Сикким, однако Индия втыкает ему в рот трезубец Шивы, секиру и прочие острые виды оружия и тем самым мешает закрыть рот, т.е. проглотить вышеперечисленные народы, а из глаз Мао Цзэдуна при этом текут слезы²⁰⁰¹ (рис. 86).

Рис. 86. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

Хотя ненавистная Тарчину коммунистическая идеология была распространена не только в КНР, но и в СССР, редактор «Зеркала Тибета» изображал лидера КНР более опасным для всего мира, чем лидера СССР. В выпуске за август 1963 г. Тарчин представил читателям разлад в советско-китайских отношениях в виде карикатуры, на которой колонна коммунизма раскалывается надвое. При этом левая половина колонны с бюстом Н.С. Хрущева с брошью в виде символа мира голубя обозначена на рисунке как «мирный коммунизм»²⁰⁰², а правая половина колонны с бюстом Мао Цзэдуна с брошью в виде боеголовки подписана как «насильственный коммунизм»²⁰⁰³ (рис. 87).

²⁰⁰¹ Полный перевод подписи к иллюстрации см. Engelhardt 2018b: 44.

²⁰⁰² Тиб. *zhi dmar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7).

²⁰⁰³ Тиб. *drag dmar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7).

Рис. 87. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7.

Необходимо отметить, что с помощью иллюстративных материалов Тарчин не только пытался вызвать у читателей негативное отношение к КНР как агрессору. Редактор также прибегал к иллюстративной форме для призывов к объединению жителей Тибетского плато с целью совместного противостояния «иностранным врагам» и борьбы за независимость Тибета. Наиболее интересной иллюстративной публикацией на тему единения «тибетской нации» в «Зеркале Тибета» является изображение слона, сформированного из соединивших руки выходцев из различных регионов Тибетского плато. Голова слона – это люди из Нгари²⁰⁰⁴, тело слона – люди из У–Цанг²⁰⁰⁵, задняя часть слона – люди из Амдо и Кама²⁰⁰⁶. Верхом на слоне сидит человек, обозначенный как «тибетское правительство»²⁰⁰⁷. В подписи к иллюстрации Тарчин призывает всех «братьев тринадцати тибетских тикор»²⁰⁰⁸ объединиться, чтобы «путем соединения вместе рук в единодушии вновь учредить независимое правительство» Тибета²⁰⁰⁹ (рис. 88).

²⁰⁰⁴ Тиб. *stod mnga' ris*.

²⁰⁰⁵ Тиб. *bar dbus gtsang*.

²⁰⁰⁶ Тиб. *smad mdo khams*.

²⁰⁰⁷ Тиб. *bod gzhung*.

²⁰⁰⁸ Тиб. *bod khri skor bcu gsum gyi spun zla rnam*.

²⁰⁰⁹ Тиб. *rang cag bod rigs rnam kyang gcig mthun lag 'brel thog rang dbang rang btsan gyi gzhung yang skyar tshugs*.

Рис. 88. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 3.

Приведенную выше иллюстрацию под заголовком «Единение – сила»²⁰¹⁰ Тарчин опубликовал в августе 1957 г. Через четыре года в десятом выпуске 27-го года издания за август 1961 г. редактор «Зеркала Тибета» под таким же заголовком разместил очень похожий, но все же немного видоизмененный рисунок слона из человеческих тел, в очередной раз призвав тибетоязычных читателей объединяться во имя независимости Тибета (рис. 89).

Рис. 89. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961: 7.

²⁰¹⁰ Тиб. *gcig mthun ni stobs shugs yin*.

Данное изображение слона отличается от более ранней версии тем, что идентифицирующих надписей на человеческих телах нет, а верхом на слоне сидит не «тибетское правительство», а протягивающий руку человеку внизу буддийский учитель в островерхой шапке с так называемым «колесом радости»²⁰¹¹, который олицетворяет собой Далай-ламу XIV. Другим важным отличием от предыдущей иллюстрации со слонем является то, что в 1961 г. Тарчин обратился к своим тибетоязычным читателям уже не как к «братьям тринадцати тибетских *тикор*», а как к «народу тибетских *чолкадум*»²⁰¹². Очевидно, что после иммиграции Далай-ламы XIV в Индию и учреждения правительства Тибета в изгнании редактор формировал устойчивую ассоциацию Далай-ламы XIV с единением всей тибетоязычной диаспоры и возвеличивал Далай-ламу XIV как верховного правителя «тибетской нации». Более поздняя иллюстративная публикация со слонем также подтверждает то, что после учреждения ЦТА для описания населения «тибетского государства» Тарчин перешел от первоначального термина «тринадцать тибетских *тикор*» к понятию «*чолкадум*».

Авторство многих дискурсивных иллюстраций в выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. на данный момент установить невозможно. Среди источников карикатурных рисунков редактор отмечает британскую газету «Дейли Геральд»²⁰¹³ и тайваньское издание на английском языке «Чайна Пост»²⁰¹⁴. На еще одной публикации с восьмью карикатурами, иллюстрирующими, как «бандитское правительство коммунистического Китая улучшает жизнь китайского народа»²⁰¹⁵, сохранены подписи на китайском языке, в связи с чем можно заключить, что Тарчин, вероятно, заимствовал иллюстрацию из какого-то тайваньского источника. На некоторых карикатурах оставлены инициалы их авторов: шесть иллюстраций подписаны псевдонимом «Риг» (англ. *RIG*)²⁰¹⁶, трижды указан автор с инициалами

²⁰¹¹ Тиб. *dga' 'khyil*. Подробнее об этом символе см. Beer 2003: 209.

²⁰¹² Тиб. *rang cag bod chol kha gsum gyi mi dmangs* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVII No. 10, August 1961: 7).

²⁰¹³ Англ. *London Daily Herald* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVII No. 4, November–December 1960: 6).

²⁰¹⁴ Англ. *China Post* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: 6).

²⁰¹⁵ Тиб. *rgya dmar jag gzhung gis rgya nag mi dmangs rnam ky'i 'tsho ba yar rgyas ji ltar gtong mus pa'i ri mo'i gsar 'gyur 'di la gzigs dang* (*The Tibet Mirror* Vol. XXVIII No. 6, July–August 1963: 4).

²⁰¹⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 2–3, July–August 1959: 14; *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 4–5, September–October 1959: 10, 12; *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 8–9, January–February 1960: 10; *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No. 12, December 1962: 3, 8.

«Т.Р.» (англ. *T.R.*)²⁰¹⁷, по одному разу встречаются авторы по имени «Риг Вангпа» (тиб. *rig dbang pa*)²⁰¹⁸ и «Пури» (англ. *Puri*)²⁰¹⁹. Похожие псевдонимы «Риг» и «Риг Вангпа», по всей видимости, принадлежат одному и тому же человеку – родственнику Тарчина по имени Ригдзин Вангпо, которого редактор «Зеркала Тибета» привлекал к сотрудничеству в работе над газетой²⁰²⁰. Иллюстрация под авторством «Пури» была идентифицирована И. Энгельхардт как карикатура индийского художника Раджиндера Пури²⁰²¹ из индийской газеты на английском языке «Хиндустан Таймс»²⁰²². Информации относительно автора карикатур с инициалами «Т.Р.» найти не удалось. Таким образом, можно говорить о том, что в качестве источников иллюстративных материалов и идей для вдохновения Тарчин использовал главным образом британские, тайваньские и индийские периодические издания.

Карикатурные изображения, усиливающие эмоциональный заряд текстовых публикаций на тему «тибетского вопроса», не ограничиваются представленными в данном подразделе примерами. Иллюстрации в выпусках «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. оживляли воображение читателей и помогали лучше представить редуцированные оппозиции «чужие – свои» и «агрессор – жертва». Отталкивающие визуальные образы КНР и Мао Цзэдуна олицетворяли жестокость и варварство политики китайских коммунистов в Тибете и внушали тибетоязычным читателям отвращение и желание сопротивляться власти «иностранным врага».

2.3. Выводы

Широкая подборка проанализированных публикаций за 1949–1963 гг. позволяет говорить о наличии в «Зеркале Тибета» регулярной антикоммунистической и одновременно пронационалистической дискурсивной

²⁰¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7, 8; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

²⁰¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 3.

²⁰¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8.

²⁰²⁰ Иллюстративные публикации Ригдзин Вангпо для «Зеркала Тибета» упоминают М. Фибк (Viehbeck 2017b: 288) и И. Энгельхардт (Engelhardt 2018b: 54).

²⁰²¹ Англ. *Rajinder Puri*; 1934–2015.

²⁰²² Англ. *Hindustan Times* (см. Engelhardt 2018b: 45).

формации. Несмотря на то, что авторство каждой публикации установить на данный момент невозможно, главным редактором издания на протяжении всего рассматриваемого периода неизменно был Дордже Тарчин, поэтому именно его следует считать автором конструируемого в «Зеркале Тибета» метанарратива независимости Тибета.

В 1950–1960-е гг. Тарчин регулярно выпускал газетные публикации на тему «тибетского вопроса», представляя всю общность тибетоязычного населения Тибетского плато как единую «нацию», независимость которой была нарушена вторжением Китайской Народной Республики. Через модальную последовательность фактов, выборочную деконтекстуализацию и искажение исторической действительности редактор «Зеркала Тибета» конструировал националистическую версию истории Тибета, доказывающую незаконность притязаний КНР на территории проживания тибетоязычного населения. С самого начала 1950-х гг. Тарчин стремился привить читателям чувство неприязни к китайским коммунистам, противопоставляя настоящее под коммунистической властью утраченному «золотому веку» Тибета и убеждая читателей в лицемерности заявлений руководства КНР относительно их планов в Тибете. Редактор «Зеркала Тибета» призывал все население Тибетского плато объединиться в борьбе против власти «чужих» во имя возвращения независимости «тибетского религиозного государства» и, представляя желаемое за действительное, внушал читателям идею о том, что в будущем Тибет непременно будет независимым.

Современные тибетско-китайские отношения в 1950–1960-е гг. Тарчин описывал в рамках фрейма «конфликт». При этом актуализированные редактором бинарные оппозиции «свой vs. чужие» и «жертва vs. агрессор» были призваны подрывать возможности сотрудничества и ведения конструктивного диалога между конфликтующими сторонами. В то время как за китайскими коммунистами Тарчин закрепил инвективные ярлыки «врагов Учения», «варваров», «демонов» и «бандитов», Тибет неизменно изображался в «Зеркале Тибета» в образе слабого, но исторически независимого «религиозного государства» с «прекрасными древними

традициями». Идеализируя жителей Тибетского плато как исключительно «мирных» и «добродушных» людей, Тарчин приводил примеры вопиющего насильственного поведения «врагов Учения» и систематических нарушений прав человека в КНР.

Вместе с тем редактор «Зеркала Тибета» не ограничивался религиозным дискурсом, рассчитанным лишь на тибетоязычную читательскую аудиторию. Тарчин внедрял в конструируемый метанарратив тибетской независимости современные социально-политические термины, которые были привычны для потенциальных читателей газеты из стран Запада и могли обеспечить более успешную презентацию «тибетского вопроса» мировому сообществу. Занимаясь интернационализацией «тибетского вопроса», Тарчин настаивал на том, что китайские коммунисты несут опасность не только для тибетских буддистов, а для всего мира, в связи с чем другие государства и ООН должны поддержать борьбу за независимость Тибета от КНР.

В «Зеркале Тибета» Тарчин также сформировал виртуальную международную группу поддержки «тибетского вопроса» и тибетоязычных беженцев, в которой состояли Индия, Великобритания, США и, как ни странно, правительство Гоминьдан. Несмотря на то, что представители Гоминьдана никогда не отказывались от своих притязаний на тибетские территории, по сообщениям редактора «Зеркала Тибета», правительство Гоминьдан гарантировало предоставление Тибету независимости. Кроме того, в публикациях Тарчина вышеуказанные «друзья» Тибета получали больший кредит доверия еще и потому, что принципиально отличались от пропагандирующей атеизм Китайской Народной Республики по критерию религиозной политики.

Редактор «Зеркала Тибета» творчески подходил к изложению информации, зачастую прибегая к использованию разнообразных средств выразительности речи и представляя последние новости и прогнозы на будущее в виде поговорок, притч, басен, стихотворений, песен и даже предсказаний. С помощью запоминающегося образного языка повествования Тарчин производил подмену рациональных обоснований суждений на неоднозначные иррациональные аргументы и

стимулировал читательскую аудиторию на большой эмоциональный отклик. Для абсолютного большинства газетных материалов на тему политики КНР в Тибете в 1950–1960-е гг. характерна экспрессивность, оценочность и манипулятивность. Уничижительный тон при описании «чужих» в некоторых случаях дополнялся приемом амелиорации для «своих». Назидательные публикации, написанные Тарчином наподобие традиционного тибетского жанра *тампе*, завуалированно разъясняли «истину», клеймили несогласных и наставляли читателей, как нужно поступать и как делать нельзя.

В «Зеркале Тибета» Тарчин начал пропагандировать концептуальное наполнение понятия «тибетская нация» практически за десятилетие до того, как к разработке национальной идеологии приступила Центральная тибетская администрация в Индии. Территория «тибетского религиозного государства», оформленная в публикациях Тарчина сначала, в 1950-е гг., в виде «тринадцати тибетских *тикор*», и позднее, с 1960-х гг., в концепции «*чолка сум*», занимала все Тибетское плато, включая те области на востоке, которые к 1950 г. уже на протяжении двух столетий находились под властью Китая. Помимо тезиса о единой территории проживания, редактор газеты пытался объединить всех тибетоязычных жителей на основании общности языка, религии и культуры. В качестве дополнительных необходимых атрибутов современной нации, доказывающих независимость «тибетского религиозного государства», Тарчин указывал тибетскую национальную валюту, флаг, армию и почту. После иммиграции Далай-ламы XIV в Индию редактор «Зеркала Тибета» способствовал утверждению Далай-ламы как верховного политического и духовного лидера тибетской нации в изгнании и легитимации власти Центральной тибетской администрации как демократически избранного правительства народа Тибета.

Тарчин усиливал вербальность дискурсивных текстов за счет еще более действенного экстралингвистического графического воздействия на сознание и подсознание реципиентов. Представленные в «Зеркале Тибета» в виде фотографий, рисунков и карикатур, иллюстративные материалы поддерживали и развивали озвученные в текстовых публикациях тезисы о независимом статусе Тибета,

коварной политике китайских коммунистов в Тибете и опасности лидера КНР Мао Цзэдуна как главного мирового агрессора. Иллюстрации воспроизводили ту же редуцированную оппозицию, что и текстовые публикации: КНР зрительно ассоциировалась с агрессией и жестокостью, а Тибет – с жертвой этой агрессии. Индия в большинстве иллюстративных материалов служила примером мира и «счастья независимости». Изображения правительства Гоминьдан демонстрировали военную мощь и прогресс Тайваня.

В выпусках «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. отсутствовали иллюстрации каких-либо благ, привнесенных китайскими коммунистами в Тибет вследствие «мирного освобождения». Ни открытие новых школ и больниц, ни другие инфраструктурные изменения в Тибете не отражены в иллюстративных публикациях как положительные заслуги правительства КНР. Более того, на одной из иллюстраций новые шоссейные дороги, построенные по инициативе коммунистического руководства, наоборот, получили негативную оценку Тарчина.

Параллельно с визуальной демонизацией КНР Тарчин настойчиво пропагандировал символы независимого Тибета: фотографии Далай-ламы XIV и его резиденции в Лхасе дворца Потала, изображения карты и национального флага независимого «тибетского религиозного государства».

Подводя итоги анализа подборки публикаций «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. можно говорить о том, что, попеременно перемещаясь в трех временных измерениях – прошлом, настоящем и будущем, – Дордже Тарчин успешно конструировал всеохватывающий метанарратив тибетской независимости. Эффективность речевого воздействия редактора «Зеркала Тибета» обеспечивалась посредством подключения суггестивных и персуазивных приемов, аргументации с использованием фактических искажений и многочисленных средств выразительности речи, манипулятивных угроз, просьб и призывов к действию. В дополнение к вербальному воздействию редактор нередко обогащал свои рассказы впечатляющим визуальным контентом. Конструируя метанарратив независимости, Тарчин воспроизводил идею о существовании единой тибетской национальной

идентичности всего населения Тибетского плато и вел пропаганду тибетского национально-освободительного движения против иностранных врагов.

В следующей главе предлагается рассмотреть, как «Зеркало Тибета» могло повлиять на общественную мысль тибетоязычных читателей и какие идеи Тарчина продолжили свое существование в работах по истории Тибета представителей тибетской диаспоры.

Глава 3. Историко-культурное наследие «Зеркала Тибета»

3.1. «Зеркало Тибета» как инструмент социально-политической модернизации Тибета

По мнению отечественных историков Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко, Тибет никогда не отличался избытком внешнеполитических контактов, а после 1793 г. полностью закрылся для иностранцев²⁰²³. Правящая элита опасалась влияния извне и нарушения традиционного социально-политического устройства Тибета. Политика изоляции продолжалась на протяжении всего XIX в., и, даже вступая в XX в., тибетское правительство Гандэн Поданг игнорировало настойчивое предложение сотрудничества со стороны Великобритании. Так продолжалось вплоть до 1903–1904 гг., когда вооруженная экспедиция британского полковника Ф. Янгхазбенда силой заставила тибетских представителей сесть за стол переговоров и согласиться вступить в торговые отношения. Впоследствии неожиданно для самих тибетцев установление связей с Британской Индией и, соответственно, Великобританией обернулось не таким ужасным, каким представлялось первоначально. Более того, в свете приближения китайской армии к Лхасе в 1910 г. Далай-лама XIII Тубтэн Гьяцо, прежде бежавший в Монголию во время наступления Ф. Янгхазбенда на Тибет, теперь по собственной воле решил бежать именно на территорию Британской Индии²⁰²⁴. Из Индии Далай-лама XIII вернулся через два года, когда династия Цин уже пала в Китае²⁰²⁵. Подружившись с британским советником по политическим вопросам в Сиккиме Чарльзом Беллом и расширив благодаря ему свои познания в области современной международной политики, по возвращению Далай-лама XIII провозгласил независимость Тибета и приступил к внутривластным реформам.

По оценке А.Д. Цендиной, в первой половине XX в. в Тибете по-прежнему отсутствовало единство даже между центральными областями У и Цанг, духовенство и светская элита соперничали за власть, система управления

²⁰²³ Кычанов, Мельниченко 2005: 156.

²⁰²⁴ Goldstein 1992: 51–52.

²⁰²⁵ Goldstein 1992: 53–54.

оставалась архаичной, а общественный уклад существенно отставал от уровня передовых стран мира²⁰²⁶. Однако в ходе реформ Далай-лама XIII изменил форму денежных единиц, ввел новые налоги и пошлины, реорганизовал армию, отправил четырех тибетцев в Англию обучаться военному и горному делу и работе с электротехникой и телеграфом²⁰²⁷. При Далай-ламе XIII в Тибете начали строить первую гидроэлектростанцию, из Гьелце в Лхасу протянули телеграфную линию, а в 1923 г. в Гьелце открыли первую светскую школу²⁰²⁸. Имеются сведения о том, что в тот же период Далай-лама XIII, возможно, даже планировал начать издание газеты на тибетском языке²⁰²⁹. Хотя реформы Далай-ламы XIII нельзя назвать радикальными, консервативное большинство правящей элиты увидело в них опасность для стабильности традиционного теократического устройства и попытку ограничения влияния буддийского духовенства в Тибете²⁰³⁰. Поэтому Далай-ламе XIII вскоре пришлось свернуть реформирование, а Тибет вернулся к своему более привычному, но в то же время во многом обособленному от внешнего мира и отсталому существованию²⁰³¹.

Изолированность Тибета и фокус правящей элиты на поддержании традиций оказали влияние и на тибетскую словесность. Отношение тибетцев к образованию и знаниям традиционно было почтительным²⁰³². История письменных текстов в Тибете тесно связана с распространением буддизма, вследствие чего искусство письма, как правило, ассоциировалось с религией и священным: испытывая глубокое уважение к книгам, тибетцы рассматривали их как объект религиозного культа, а содержание письменных текстов считали неоспоримой истиной²⁰³³. Вплоть до начала XX в. тибетская литература главным образом состояла из религиозных текстов и была доступна для чтения лишь малой части населения Тибета²⁰³⁴.

---

²⁰²⁶ Цендина 2006: 225.

²⁰²⁷ Кычанов, Мельниченко 2005: 228–229.

²⁰²⁸ Кычанов, Мельниченко 2005: 230.

²⁰²⁹ Sawerthal 2011: 57.

²⁰³⁰ Goldstein 1992: 818.

²⁰³¹ Кычанов, Мельниченко 2005: 234–235.

²⁰³² Михайлова 2014b: 78.

²⁰³³ Shakya 2004: 21; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 75; Schaeffer 2009: VI.

²⁰³⁴ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 76.

Говоря о периодической печати, А. Заверталь отмечает, что в то время как современная пресса существовала в пограничных с Тибетом государствах уже практически более ста лет (с 1780 г. в Индии и с 1815 г. в Китае), первые газеты на тибетском языке стали выходить только в 1900-е гг. под началом западных миссионеров и китайских амбаней²⁰³⁵. Ранние газеты на тибетском языке с большим трудом отвоевывали право воспроизведения так называемой «воображаемой реальности» для тибетоязычной читательской аудитории. И фактически ни миссионерам, ни амбаням так и не удалось запустить действительно популярное периодическое издание. Газеты миссионеров, обращаясь прежде всего к образованному меньшинству, а именно аристократии и монастырской элите, не могли заинтересовать все слои населения Тибета и достичь пантибетского масштаба распространения²⁰³⁶. Что касается газеты цинских императорских наместников, попытки амбаней расширить свое влияние в административной области и сфере образования в Тибете, как правило, вызывали негатив и сопротивление со стороны консервативной тибетской элиты²⁰³⁷. Считая тибетцев невежественными, цинский амбань Лянь Юй²⁰³⁸ решил заняться массовым просвещением с помощью газеты на разговорном тибетском языке, однако в связи с начавшейся в 1911 г. Синьхайской революцией амбаньская газета просуществовала в Тибете совсем недолго²⁰³⁹.

Первой удачной попыткой издания газеты на тибетском языке, которая изменила традиционные стандарты тибетской письменной словесности и обратилась ко всей общности тибетоязычных читателей без каких-либо географических ограничений, называют «Зеркало Тибета». По мнению тибетского исследователя Церинг Шакьи, уже сам выбор названия газеты – «Зеркало Тибета» – свидетельствовал об осознанной стратегии Тарчина охватить весь географический Тибет (в отличие от узкоспециализированных местных газет миссионеров под названием «Новости Ладакха» или, например, «Новости

---

²⁰³⁵ Sawerthal 2011: 43; Erhard and Hou 2018: 8.

²⁰³⁶ Shakya 2004: 21.

²⁰³⁷ Sawerthal 2011: 55.

²⁰³⁸ Кит. 联豫; годы службы 1906–1912.

²⁰³⁹ Sawerthal 2011: 52, 55.

Кьеланга») и указывал на то, что издатель ориентируется на пантибетские культурные реалии²⁰⁴⁰. Для последователей тибетского буддизма слово «зеркало» имеет важное значение как объект, который ассоциируется с ритуальными подношениями и предсказаниями, поэтому, по убеждению Церинг Шакьи, с помощью подобного акцента на автохтонные обычаи и традиционную культуру Тарчин подготовил условия для потенциального объединения тибетоязычных читателей «Зеркала Тибета» в осмыслении себя единым сообществом²⁰⁴¹.

«Зеркало Тибета» повлияло на формирование нового мышления тибетцев, поскольку сам факт создания газеты подрывал существующую гегемонию преимущественно религиозных форм словесности. По оценке Церинг Шакьи, бросив вызов традиционному отношению к письменному слову в Тибете, Тарчин первым из носителей тибетского языка создал новый универсальный и доступный для всех социальных классов источник информации²⁰⁴². Как считает американский тибетолог Н. Уиллок, с момента учреждения «Зеркала Тибета» в тибетской письменной культуре, наконец, появился светский контент и, в частности, инновационный жанр новостей²⁰⁴³. Оспорив с помощью «Зеркала Тибета» привилегированное право монастырской элиты на производство печатных текстов, Тарчин способствовал секуляризации книжной культуры Тибета²⁰⁴⁴.

Отдельно нужно отметить роль личности издателя «Зеркала Тибета» и его культурного багажа. Церинг Шакья полагает, что для организации революции в традиционной тибетской культуре требовалась не только восприимчивая к новым идеям читательская аудитория, но и лидер, который мог выпускать газету и управлять своей аудиторией²⁰⁴⁵. Грамотное, убедительное обоснование необходимости модернизации и противостояния консерватизму требовало импульса извне. Несмотря на то, что многие жители Тибета, как светские, так и религиозные лица, периодически путешествовали в Индию и имели представление

---

²⁰⁴⁰ Shakya 2004: 21.

²⁰⁴¹ Shakya 2004: 21.

²⁰⁴² Shakya 2004: 22.

²⁰⁴³ Willock 2016: 149.

²⁰⁴⁴ Willock 2016: 156.

²⁰⁴⁵ Shakya 2004: 21.

о масштабах развития современных технологий, они не могли и во многих случаях не пытались привнести аналогичные инновации в Тибет²⁰⁴⁶. Наиболее прогрессивные и заинтересованные в реформах представители населения Тибета, как правило, оказывались в оппозиции к доминирующей во власти монастырской элите и аристократии, которые видели в переменах исключительно опасность. Тарчин же, несмотря на тибетское происхождение, вырос в Индии. В отличие от большинства жителей Тибета он принял христианское вероисповедание и получил хоть и не однозначно светское, но совершенно точно не традиционное буддийское образование. Наблюдая передовые достижения современности в Британской Индии, редактор «Зеркала Тибета» смог критически осмыслить тибетские культурные реалии и предпринять шаги для модернизации традиционного Тибета путем расширения кругозора своих тибетоязычных читателей. В «Зеркале Тибета» Тарчин на доступном литературном языке через призму собственного мироощущения и опыта стремился показать жителям Тибетского плато, с одной стороны, насколько многообразен современный мир, а, с другой, что такое Тибет и как Тибет вписывается в этот мир²⁰⁴⁷. И, пока попытки реформ внутри самого Тибета проваливались, разбиваясь об авторитет традиций и консерватизм, Тарчин из Калимпонга вел хронику последних мировых новостей и фиксировал на страницах «Зеркала Тибета» наиболее значимые события в истории Тибета²⁰⁴⁸. Указывая на новаторский характер многих газетных материалов, исследователи заслуженно отводят «Зеркалу Тибета» роль одного из ключевых источников международных и местных новостей на тибетском языке на протяжении почти четырех десятилетий XX в. с 1925 по 1963 гг.²⁰⁴⁹

Рассчитывая завоевать большее внимание тибетоязычной читательской аудитории и изменить их представления о современном мире за пределами Тибетского плато, Тарчин приглашал к сотрудничеству в работе над газетными публикациями наиболее прогрессивных мыслителей из Тибета, мнение которых в

---

²⁰⁴⁶ Shaky 2004: 39.

²⁰⁴⁷ Hackett 2018: 82; Willock 2016: 153.

²⁰⁴⁸ Engelhardt 2011: 259.

²⁰⁴⁹ Shaky 2004: 17, 22; Engelhardt 2012: 186; Erhard and Hou 2018: 1.

тот период едва ли публично озвучивалось где-либо еще в силу их маргинального положения в консервативном тибетском обществе²⁰⁵⁰. Помимо Далай-ламы XIII, в числе сторонников модернизации и общественного просвещения в Тибете в первой половине XX в. следует упомянуть, в первую очередь, учредителей «Партии реформ западного Тибета» – Рабга Помдацанга²⁰⁵¹, Чангlochэн Сонам Гьелпо²⁰⁵² и Гедун Чопела²⁰⁵³. Интересно, что начало их партии, как и «Зеркалу Тибета», тоже было положено вне Тибета и именно в Калимпонге. Там же в Калимпонге члены партии познакомились и начали сотрудничать с редактором «Зеркала Тибета». Из «Партии реформ западного Тибета» наиболее важным соратником Тарчина в написании текстов для «Зеркала Тибета» стал Гедун Чопел (1903–1951)²⁰⁵⁴.

Один из самых известных тибетских ученых и литераторов XX в., фигуру которого тибетцы ставят в один ряд с XIII-м и XIV-м Далай-ламами, Гедун Чопел не случайно сдружился с редактором «Зеркала Тибета». Ученому были близки идеи Тарчина о необходимости перемен в Тибете. Шумный и суетливый Калимпонг в отличие от консервативной Лхасы предоставил для Гедун Чопела бóльшую свободу для интеллектуальной деятельности²⁰⁵⁵. Гедун Чопел критиковал узость кругозора жителей Тибета и, выступая против закостенелого традиционализма, развивал в своих трудах – порой в достаточно радикальной форме – тему модернизации Тибета²⁰⁵⁶. Отдельные материалы, подготовленные Гедун Чопелом к изданию в «Зеркале Тибета», считаются поистине революционными для тибетоязычной читательской аудитории того периода. Например, в эссе под названием «Круглый или сферический мир»²⁰⁵⁷, опубликованном в выпуске «Зеркала Тибета» за 1938 г., Гедун Чопел, ссылаясь на западных ученых, утверждает, что Земля является круглой и тем самым подрывает постулаты традиционной буддийской космологии, которые имели на тот момент

²⁰⁵⁰ Sawerthal 2011: 89; Willock 2016: 152; Hackett 2018: 82.

²⁰⁵¹ Тиб. *rab dga' spom mda' tshang*; 1902–1974.

²⁰⁵² Тиб. *lcang lo can bsod nams rgyal po*; 1897–1972.

²⁰⁵³ Тиб. *dge 'dun chos 'phel*. См. Кычанов, Мельниченко 2005: 254.

²⁰⁵⁴ Shakyu 2004: 23.

²⁰⁵⁵ Михайлова 2014а: 53.

²⁰⁵⁶ Михайлова 2014а: 59.

²⁰⁵⁷ Тиб. *'jig rten ril mo'am zlum po* (*The Tibet Mirror* Vol.X No.1, June 1938: 11).

непререкаемый авторитет для абсолютного большинства верующего буддийского населения Тибета. В качестве другой занимательной публикации под авторством Гедун Чопела можно привести сатирическое стихотворение в выпуске «Зеркала Тибета» за 1936 г., где он открыто осуждает консерватизм тибетского общества²⁰⁵⁸. Еще одно поэтическое произведение Гедун Чопела в «Зеркале Тибета» посвящено лично Дордже Тарчину – это акrostих, в котором он называет своего друга «безупречным» и восхваляет особую широту взглядов и великодушие редактора газеты²⁰⁵⁹.

«Зеркало Тибета», однако, оставило свой след не только в истории развития светской литературы на тибетском языке или как образовательная платформа для адептов традиционной буддийской культуры, преваляровавших среди жителей Тибета. Значимой составляющей творческого наследия Тарчина стали его труды по подготовке необходимых условий для развития современной политической культуры тибетоязычной читательской аудитории. В «Зеркале Тибета» редактор долго и настойчиво пропагандировал новый курс политического развития Тибета, включающий три основные идеи: как Тибет может стать современным, объединенным и независимым от Китая²⁰⁶⁰.

О значении понятия «современный» можно сделать выводы на основании уже сказанного выше о критических статьях Гедун Чопела и воззрениях самого Тарчина на тему важности общественного просвещения и модернизации в Тибете. Помимо этого, к понятию «современный» можно отнести вопрос интеграции Тибета в современную систему международных отношений. По мнению И. Энгельхардт, Тарчин прикладывал все возможные усилия для того, чтобы воодушевить Тибет открыться меняющемуся современному миру²⁰⁶¹. Еще в июле 1943 г. редактор опубликовал в «Зеркале Тибета» карту мира, на которой отметил все современные государства-члены ООН и изобразил их государственные флаги²⁰⁶². И. Энгельхардт убеждена, что, если бы консервативно-настроенная

²⁰⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.8, October–November 1936: 1.

²⁰⁵⁹ *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.10, January 1937: 1.

²⁰⁶⁰ McGranahan 2001: 244.

²⁰⁶¹ Engelhardt 2011: 257.

²⁰⁶² *The Tibet Mirror* Vol.XI No.12, July 1943: suppl. [no number].

правящая элита Тибета еще в 1940-е гг. обратила внимание на ценность предоставленной Тарчином информации, озаботившись проблемой актуализации «тибетского вопроса» при посредничестве ООН, то, возможно, призыв тибетского правительства о помощи против наступающей НОАК в 1950 г. был бы воспринят остальным миром совсем иначе²⁰⁶³.

Переходя к концепции «объединенного» Тибета, следует сказать, что Тарчин публиковал в «Зеркале Тибета» как «Новости Тибета» (что могло подразумевать в некоторых случаях только центральный Тибет), так и «Новости Амдо» и «Новости Кама» (т.е. восточного Тибета), а также «Новости Бутана», «Новости Сиккима», «Новости Ладакха» и других местностей, где проживал большой процент тибетоязычного населения. Тем самым редактор моделировал обширное транснациональное тибетоязычное сообщество, географические охваты которого не ограничивались территорией под непосредственным контролем тибетского правительства Гандэн Поданг, а имели «лингвистические» границы ареала распространения тибетской письменности²⁰⁶⁴. Тарчин неоднократно призывал в своих публикациях к масштабному пантибетскому единению всего населения Тибета, что особенно заметно в материалах за 1950–1960-е гг., когда Тибет уже официально вошел в состав КНР. Как было продемонстрировано во второй главе данной диссертации, сводки новостей в «Зеркале Тибета» нередко заканчивались призывами к жителям Тибетского плато прекратить внутреннюю вражду и объединиться ради освободительной борьбы за независимость «тибетского религиозного государства».

Что касается концепции «независимого тибетского государства», по мнению К. Макгрэнэхан, Тарчин никогда не относился к проблемам тибетско-китайских отношений в XX в. как к внутреннему делу Китайской Народной Республики, настаивая на обсуждении «тибетского вопроса» исключительно с точки зрения суверенного статуса Тибета²⁰⁶⁵. В материалах «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. можно найти многочисленные подтверждения озвученному К. Макгрэнэхан

---

²⁰⁶³ Engelhardt 2011: 257.

²⁰⁶⁴ Shakya 2004: 23; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 77.

²⁰⁶⁵ McGranahan 2001: 246.

мнению. Вместе с тем, если обратиться к более раннему периоду 1940-х гг., согласно исследованию А. Заверталь, вплоть до августа 1942 г. Тарчин не использовал тибетский термин *rgyal khab* «государство»/«нация» применительно к Тибету²⁰⁶⁶. Более того, А. Заверталь пришла к выводу, что только в ноябре 1946 г. редактор «Зеркала Тибета» впервые назвал Тибет «независимым государством», употребив тибетский термин *rang btsan*²⁰⁶⁷ «независимость»/«свобода». Примечательно, что в тот же период в 1940-е гг. (а именно с июля 1942 г.) «Зеркало Тибета» стало получать финансирование со стороны британского правительства, а Тарчина обязали консультироваться относительно редакционной политики с британским советником по политическим вопросам в Сиккиме. Совпадение времени начала финансовой поддержки «Зеркала Тибета» британским правительством и введения в публикациях терминологии, направленной на формирование образа современной «тибетской нации», подтверждает гипотезу о важной роли британских чиновников в развитии протибетского националистического дискурса Тарчина.

Как было отмечено во второй главе данной диссертации, в публикациях за 1950–1960-е гг. Тарчин неизменно пропагандировал образ исторически независимого Тибета, суверенитет которого был силой нарушен правительством КНР. Подчеркивая различия тибетской и китайской культуры, редактор «Зеркала Тибета» конструировал тибетскую национальную идентичность, в первую очередь, через понятие религиозности населения Тибета, которая акцентированно противопоставлялась атеизму китайских коммунистов²⁰⁶⁸. Независимое «тибетское религиозное государство» в интерпретации Тарчина охватывало границы всего географического Тибета и включало те области Тибета, которые еще при власти Цин отошли к Китаю, а позднее во времена КНР стали частью китайских провинций Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань. В нарративе Тарчина во главе «тибетского религиозного государства» стоял Далай-лама, который, будучи

---

²⁰⁶⁶ Sawerthal 2018a: 169–171.

²⁰⁶⁷ Тиб. *rang btsan bod ljongs chos srid gnyis ldan gyi rgyal khab* (*The Tibet Mirror* Vol.XV No.1, November 1946: 1). См. Sawerthal 2018a: 171.

²⁰⁶⁸ Willock 2016: 155.

наделен верховной светской и религиозной властью, обладал безусловной поддержкой всего народа Тибета.

Излагая свою точку зрения на проблему становления тибетского национализма, Тарчин в июне 1950 г. убеждал советника по политическим вопросам в Сиккиме, что для успешного противостояния коммунистической пропаганде жители Тибета должны иметь возможность регулярно читать статьи на пронационалистическую тематику на тибетском языке:

Если бы какой-нибудь тибетский чиновник или любой сведущий человек писал хорошие статьи о независимости Тибета и важности буддийской религии в Тибете, все представители тибетской культуры в Амдо и Каме, а также люди Панчен-ламы в Кукуноре и Китае могли бы задуматься о будущем Тибета и осознать великую опасность, [исходящую] от коммунистического Китая²⁰⁶⁹.

Исходя из содержания выпусков «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг., можно заключить, что Тарчин, не дожидаясь «сведущего человека» из Тибета, решил сам заполнять медийное пространство на тибетском языке антикоммунистическими материалами. По мнению Х.Л. Фейдера, Тарчин верил, что в деле борьбы за независимость его газета выполняла следующие функции:

1. Информировала тибетцев и других заинтересованных лиц обо всех значимых событиях в отношениях Тибета с его соседями.
2. Исправляла любую неправильную информацию и дезинформацию, которую могли распространять в других газетах (индийских или западных).
3. Противостояла пропаганде китайских коммунистов, которую вещали по радио на тибетском языке.
4. Обучала тибетцев и сочувствующую [читательскую] аудиторию верному представлению о Китае.
5. Никак не в меньшей степени предупреждала, вразумляла и наставляла тибетское правительство относительно того, что можно и нужно сделать внутри [страны], чтобы повысить шансы Тибета на выживание перед лицом внешней угрозы²⁰⁷⁰.

П. Хэккетт считает, что в 1950-е гг. «Зеркало Тибета» в полной мере трансформировалось из средства ведения периодической христианской

²⁰⁶⁹ Письмо Тарчина за 19 июня 1950 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library).

²⁰⁷⁰ Fader 2009: 416.

пропаганды и хроники мировых новостей в двигатель идеологической борьбы за освобождение Тибета от власти китайских коммунистов²⁰⁷¹. Из личной корреспонденции Тарчина также следует, что он начал публиковать антикоммунистические материалы с начала 1950 г.²⁰⁷². Однако И. Энгельхардт полагает, что Тарчин занялся планомерной антикитайской пропагандой еще раньше и уже во второй половине 1940-х гг. при помощи авторитета Далай-ламы XIII стремился убедить своих читателей в том, что над Тибетом нависла угроза китайского вторжения²⁰⁷³. Для этого Тарчин неоднократно размещал в «Зеркале Тибета» предостережение Далай-ламы XIII о том, что Тибет должен быть готов защитить себя, поскольку «красные коммунисты», будучи «худшими их худших», неизбежно принесут с собой лишь «террор и разрушения»²⁰⁷⁴.

При обсуждении культурно-исторического наследия «Зеркала Тибета» необходимо также обозначить роль газеты в процессе модернизации общественно-политической лексики на тибетском языке. По оценке А. Колос, политический язык современного Тибета эволюционировал в результате, с одной стороны, влияния китайских коммунистов и конфронтации с ними, а, с другой, вдохновения, полученного от тибетской диаспоры в Индии²⁰⁷⁵. В случае с «Зеркалом Тибета» можно говорить и о задании раннего импульса на модернизацию языка извне по инициативе представителя тибетоязычной общины в Индии, и о неизбежном влиянии установления коммунистической власти в Тибете на язык публикаций Тарчина. «Зеркало Тибета» начало выходить еще в 1925 г., в связи с чем происходящий из тибетской диаспоры политический активист Джамьянг Норбу оспаривает заявления тех исследователей, которые приписывают правительству КНР организацию всего процесса модернизации научной и политической лексики

---

²⁰⁷¹ Hackett n.d.: 3–4.

²⁰⁷² Письмо советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. и письмо за 6 сентября 1961 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library).

²⁰⁷³ Engelhard 2012: 186.

²⁰⁷⁴ 13th Dalai Lama *cit. ex* Engelhardt 2012: 186. См. *The Tibet Mirror* Vol.XV No.4–5, February–March 1947: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XVII No.6, March 1949: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 3; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2–3.

²⁰⁷⁵ Kolås 1996: 54.

на тибетском языке²⁰⁷⁶. Джамьянг Норбу убежден, что большое количество современных политических терминов на тибетском языке были впервые использованы именно в «Зеркале Тибета»²⁰⁷⁷. Среди примеров терминов, которые скорее всего закрепились в современном тибетском языке благодаря «Зеркалу Тибета», писатель приводит в частности: *rang dbang* «свобода», *rang btsan* «независимость», *mi ser rgyal khab* «республика», *phyogs bsgril spangs pa* «нейтралитет», *chab srid* «политика», *chab 'bangs* и *mi ser* «гражданин», *'os* «голосовать», *'os shog* «избирательный бюллетень», *'os bsdu* «выборы», *srid blon* «премьер-министр», *srid 'dzin spyi khyab* (позднее *srid 'dzin*) «президент», *phyi rgyal las khungs* «министерство иностранных дел», *lta ba* «идеология»²⁰⁷⁸. Кроме того, еще более интересным примером является широко использованный в «Зеркале Тибета» современный тибетский термин *gung khran* «коммунистический». Джамьянг Норбу утверждает, что в 1920–1930-е гг. применительно к советскому коммунизму использовался термин *u lang*²⁰⁷⁹ *dmar po*, образованный от монгольского слова *улаан* «красный» и тибетского слова *dmar po* «красный»²⁰⁸⁰. Поэтому, по убеждению тибетского активиста, новый тибетский термин для коммунизма *gung khran* был закреплён именно благодаря «Зеркалу Тибета».

Тарчину однозначно не стоит приписывать создание всей современной общественно-политической лексики на тибетском языке, но вполне можно допустить, что некоторые из перечисленных Джамьянг Норбу примеров впервые могли появиться в «Зеркале Тибета». Принимая во внимание мысльформирующую функцию языка, нужно еще раз подчеркнуть, что «Зеркало Тибета» определенно стимулировало изменения в традиционном мировоззрении тибетоязычной читательской аудитории и способствовало модернизации тибетской политической культуры.

²⁰⁷⁶ Своими оппонентами Джамьянг Норбу называет, в частности, Хань Суинь и М. Голдстейна. По мнению Джамьянг Норбу, они оба искаженно представляют масштабы влияния представителей Китайской Народной Республики на модернизацию тибетской лексики.

²⁰⁷⁷ Norbu Jamyang 2005.

²⁰⁷⁸ Norbu Jamyang 2005.

²⁰⁷⁹ Джамьянг Норбу использует фонетическую транскрипцию, поэтому в данном случае запись слова *u lang* в транслитерации Вайли носит предположительный характер.

²⁰⁸⁰ Norbu Jamyang 2005.

Следует также сказать несколько слов о динамике роста популярности «Зеркала Тибета». Как уже упоминалось, Калимпонг был центром индо-тибетской торговли, в связи с чем торговцы, паломники и высокопоставленные аристократы из Тибета регулярно бывали в городе. Это обстоятельство само по себе должно было предопределить успешность проекта Гарчина, так как тибетские путешественники, возвращаясь на родину, могли брать выпуски «Зеркала Тибета» с собой и распространять газету среди соотечественников²⁰⁸¹. Однако фактически заинтересованность в газете и порог восприятия содержания публикаций читателями из Тибета, особенно в первые годы издания «Зеркала Тибета», оставляли желать большего. В первой половине XX в. любой издатель газеты на тибетском языке сталкивался не только с консервативным настроем подавляющего большинства тибетской элиты, но и с еще более серьезной проблемой – отсутствием системы современного светского образования и масштабной безграмотностью населения Тибета, которые не могли не сказываться на охвате читательской аудитории²⁰⁸².

Порог восприятия материалов «Зеркала Тибета» тибетскими читателями в 1930-е гг. может быть проиллюстрирован через занимательную историю про Далай-ламу XIII и рекламу «волшебных» свеч, которую А. Заверталь приводит в качестве примера разницы в уровне читательской аудитории в Тибете и Индии²⁰⁸³. Несмотря на прогрессивность взглядов Далай-ламы XIII, стремление к познанию мира за пределами Тибета, опыт проживания в Индии и инициативы по модернизации самого Тибета, даже он не всегда понимал специфику нового для тибетской литературы публицистического стиля. В рекламных текстах, как известно, допускаются преувеличения, и в данном случае в выпуске «Зеркала Тибета» за ноябрь 1932 г. в рекламе с иллюстрацией горящей свечи на верхушке глобуса производитель анонсировал, что их свечи будут служить «факелами, [озаряющими весь] мир»²⁰⁸⁴. Поэтому, восприняв рекламное объявление буквально,

---

²⁰⁸¹ Shakya 2004: 18.

²⁰⁸² Shakya 2004: 38.

²⁰⁸³ Sawerthal 2011: 91.

²⁰⁸⁴ Тиб. 'dzam gling mun sel (*The Tibet Mirror* Vol.VI No.11, November 1932: 8).

Далай-лама XIII, вероятно, захотел способствовать мировому «озарению» и заказал доставку в Лхасу сразу двух мулов, навьюченных этими свечами²⁰⁸⁵.

Несмотря на упорные усилия Тарчина по предоставлению понятной и интересной для читателей информации, в первой половине XX в. заслуги редактора «Зеркала Тибета» в повышении осведомленности населения Тибета в области международных новостей оставались незначительными. В Тибете газета Тарчина пользовалась поддержкой преимущественно тех, кого считали «модернизаторами», при этом некоторые консервативно-настроенные члены тибетского правительства не только выступали против финансовой поддержки «Зеркала Тибета», но и, более того, стремились препятствовать распространению издания²⁰⁸⁶. Пребывая в Лхасе в 1937 г., Тарчин сообщал в письме бывшему советнику по политическим вопросам в Тибете, Бутане и Сиккиме Ч. Беллу, что некоторые тибетские чиновники весьма заинтересованы в современных идеях и хотят знать о них больше, но в то же время боятся недовольства монахов и лам²⁰⁸⁷. Заявляя о том, что за последние пять лет в Тибете мало что изменилось, британский дипломат Х. Ричардсон похоже описывал свои впечатления в отчете за июль 1944 г. британскому советнику по политическим вопросам в Сиккиме Б. Гулду. По выражению Х. Ричардсона, большинство тибетских чиновников не владели какими-либо сведениями о том, что выходит за пределы сферы их ограниченной компетенции, а Тибет можно было охарактеризовать «невежеством» в международной политике, «отсутствием доступа к международной прессе», «самодовольной апатией» и «веками поддерживаемой изоляцией от внешнего мира»²⁰⁸⁸.

По мнению И. Энгельхардт, Тарчина, тем не менее, не стоит винить в том, что представители правящей элиты Тибета сами не желали читать «Зеркало Тибета» и эффективно использовать возможность получения информации о внешнем мире на их родном языке²⁰⁸⁹. Церинг Шакья связывает ранние сложности Тарчина на пути популяризации «Зеркала Тибета» в Тибете и модернизации

---

²⁰⁸⁵ Fader 2004: 272.

²⁰⁸⁶ Sawerthal 2018a: 125, 272.

²⁰⁸⁷ Fader 2004: 269.

²⁰⁸⁸ *Cit. ex* Engelhardt 2011: 255.

²⁰⁸⁹ Engelhardt 2011: 257.

мировосприятия тибетоязычной аудитории с тем, что редактор не имел аристократических корней и не получил традиционное буддийское образование, а происходил из периферии, в связи с чем в первые годы издания газеты его не рассматривали как равную и достаточно сильную фигуру, способную всерьез бросить вызов доминирующим в Лхасе консервативным аристократам и монастырской элите²⁰⁹⁰.

Из письма Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за декабрь 1963 г. следует, что в первые годы читатели в Тибете не были заинтересованы в «Зеркале Тибета» и, соответственно, не понимали важности роли периодической печати, но, когда издание Тарчина пришлось по душе Далай-ламе XIII, тот поддержал начинания издателя, и постепенно остальные тибетцы тоже начали осознавать ценность газеты²⁰⁹¹. Редактору также удалось завоевать большее расположение тибетоязычной читательской аудитории после Второй мировой войны. По словам Тарчина, поскольку все прогнозы, опубликованные в его газете во время Второй мировой войны, оказались правдой и таким образом «сбылись» в восприятии читателей, тибетцы писали ему, что «Зеркало Тибета» дает предсказания будущего и очень нравится им²⁰⁹². По подсчетам Тарчина, в сентябре 1948 г. у «Зеркала Тибета» было 600 подписчиков и 1000 читателей, из которых 40% составляли высшие чиновники, 45% – торговцы высшего и среднего класса, 10% – ламы среднего класса, 5% – простолюдины низшего класса²⁰⁹³. На территории Индии редактор распространял около 200 выпусков «Зеркала Тибета», несколько копий он высылал в Китай, Америку и Европу, а еще 800 копий отправлял в Тибет, поскольку его главной целевой аудиторией были именно читатели в Лхасе²⁰⁹⁴. Среднестатистическое количество читателей одной копии газеты в конце 1940-х гг. Тарчин оценивал в 15 человек²⁰⁹⁵.

---

²⁰⁹⁰ Shaky 2004: 40.

²⁰⁹¹ Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library).

²⁰⁹² Письмо Тарчина советнику по политическим вопросам в Сиккиме за 16 декабря 1963 г. (Архив Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library).

²⁰⁹³ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 270.

²⁰⁹⁴ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 271.

²⁰⁹⁵ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 270.

О еще большей популярности журналистских начинаний Тарчина можно говорить после включения Тибета в состав КНР. Например, в августе 1952 г. под заголовком «От сведущего»²⁰⁹⁶ Тарчин опубликовал в «Зеркале Тибета» полученное по почте письмо в редакцию следующего содержания:

Просьба к господину, [обладающему] всесторонними познаниями. Если можете снова и снова отправлять в Тибет Вашу газету, которая подобна солнечной звезде, просим снова и снова отправлять, так как [благодаря ей] народ Тибета, монахи и миряне слышат и обдумывают полезные для Тибета советы и сведения об обстановке в мире. Поскольку [у Вас] имеется собственное мнение и краткое [обобщение] взглядов о Лхасе, просим присылать в новостях²⁰⁹⁷.

Действительно ли труды редактора «Зеркала Тибета» вызывали в 1952 г. подобные эмоции у всех читателей в Тибете, неизвестно. Но еще позднее, в 1954 г., Тарчин утверждал, что сейчас тибетцы поистине осознали ценность его газеты²⁰⁹⁸. Рост популярности в 1950-е гг. можно объяснить жесткой антикоммунистической позицией Тарчина и актуализацией в «Зеркале Тибета» эмоционального протибетского националистического дискурса, призывающего к единению жителей Тибета и совместному противостоянию «коммунистическому гнету». Примечательно, что отмеченная Тарчином в 1954 г. волна признания «Зеркала Тибета» совпадает по времени с началом сотрудничества редактора с Гьело Дондубом, целью которого была организация эффективного повстанческого движения в Тибете при поддержке ЦРУ. В связи с этим можно предположить, что с 1954 г. популяризация «Зеркала Тибета» на территории Тибетского плато дополнительно стимулировалась радеющей за независимость Тибета группой тибетских иммигрантов в Индии во главе с Гьело Дондубом и, возможно, осуществлялась не без помощи ЦРУ.

Что касается оценки журналистской деятельности Тарчина современниками, в юбилейном выпуске «Зеркала Тибета» за декабрь 1950 г.–январь 1951 г. редактор приводит отрывки из писем многих именитых читателей газеты. Например,

²⁰⁹⁶ Тиб. *mkhyen ldan zhig nas*.

²⁰⁹⁷ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 5, August 1952: 8.

²⁰⁹⁸ *The Tibet Mirror* Vol. XXII No. 6, September 1954: 15; *cit. ex* Sawerthal 2018a: 123; *cit. ex* Engelhardt 2011: 60.

бывший британский торговый агент в Гьелце и Ятунге Д. Макдоналд²⁰⁹⁹ определил «Зеркало Тибета» как единственную в мире газету на тибетском языке, а также отметил, что она служит прочным мостом между Индией и Тибетом и даже попадает во многие другие зарубежные страны²¹⁰⁰. Кроме того, Д. Макдоналд сделал комплемент и самому редактору «Зеркала Тибета», назвав Тарчина уважаемым гражданином, ученым и знатоком тибетской культуры, который заслужил общественное признание как честный человек и цельная личность²¹⁰¹. В опубликованном в этом же выпуске письме правителя Сиккима Таши Намгьела²¹⁰² сообщается, что многие читают «Зеркало Тибета» в Сиккиме и ценят издание за здравость озвучиваемых в публикациях суждений, в то время как в Тибете газета, вероятно, является единственным источником мировых новостей для большинства населения²¹⁰³. Советник по политическим вопросам в Сиккиме Х. Даял в своем поздравлении не менее высоко оценил роль «Зеркала Тибета» в распространении международных новостей среди тибетоязычной читательской аудитории, назвав издание Тарчина единственной газетой на тибетском языке²¹⁰⁴. О трудах Тарчина с теплом отзывался и принц Петр Греческий и Датский, заявляя, что он ценит все то благо, которое «Зеркало Тибета» приносит Тибету²¹⁰⁵. В опубликованном письме помощника главы филиала индийского разведывательного бюро в Калимпонге Лха Церинга²¹⁰⁶ говорится, что газеты служат главным источником информации для просвещения народа Тибета о происходящих в мире событиях и современной политической ситуации, при этом «Зеркало Тибета», будучи единственным изданием на тибетском языке, великолепно реализует данную задачу и высоко ценится тибетоязычной читательской аудиторией, которая с нетерпением ждет новых выпусков²¹⁰⁷.

²⁰⁹⁹ Англ. *David Macdonald*; 1870/73–1962.

²¹⁰⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

²¹⁰¹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

²¹⁰² Тиб. *bkra shis rnam rgyal*; 1893–1963.

²¹⁰³ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 13.

²¹⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 9.

²¹⁰⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 17.

²¹⁰⁶ Тиб. *lha tse ring*; годы жизни неизвестны.

²¹⁰⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

Среди тех, кто ценил старания Тарчина, были не только вышперечисленные деятели, проживающие за пределами Тибета, но и отдельные представители аристократии из Тибета, например, влиятельный тибетский министр Царонг²¹⁰⁸. Еще в 1927 г. во время визита Тарчина в Лхасу Царонг давал редактору «Зеркала Тибета» советы, как лучше развивать его издательский проект, и рекомендовал обратиться за финансовой поддержкой к тибетскому правительству. По воспоминаниям Тарчина, Царонг проявил большой интерес к «Зеркалу Тибета» и отметил, что благодаря данной газете «Тибет может стать цивилизованным»²¹⁰⁹.

Сам Далай-лама XIV с детства был подписчиком «Зеркалом Тибета» и испытывал большой интерес к иллюстрациям с загадками, которые Тарчин публиковал в рубрике с развлекательными материалами²¹¹⁰. Интересно, что рубрика с загадками, по замечанию И. Энгельхардт, выходила в «Зеркале Тибета» только в 1936–1939 гг., и после начала Второй мировой войны данные материалы уже не публиковались, однако интронизация Далай-ламы XIV прошла только в 1940 г., когда ребенку еще не было и пяти лет, в связи с чем, соответственно, можно сделать вывод о том, что, если учителя Далай-ламы XIV смогли предоставить мальчику выпуски «Зеркала Тибета» за более ранние годы издания, в окружении Далай-ламы кто-то специально собирал и хранил газетные публикации на протяжении нескольких лет²¹¹¹.

Отмечая популярность «Зеркала Тибета» среди тибетцев, Церинг Шакья называет издание Тарчина самой успешной и наиболее долго существовавшей в тот период газетой на тибетском языке²¹¹². Поскольку редактор предоставлял возможность высказаться в своей газете субалтерным выходцам из Тибета и способствовал развитию нового типа мышления тибетоязычных читателей, исследователи также называют «Зеркало Тибета» прогрессивным изданием²¹¹³. По оценке К. Макгрэнэхан, благодаря газете Тарчина всевозрастающее число

---

²¹⁰⁸ Тиб. *tsha rong*; 1888–1959.

²¹⁰⁹ Fader 2004: 268.

²¹¹⁰ Fader 2002: IX.

²¹¹¹ Engelhardt 2013: 146–147.

²¹¹² Shakya 2004: 17.

²¹¹³ Shakya 2004: 22; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 73; Willock 2016: 152.

тибетоязычных людей задумывалось о себе и своем положении относительно других народов под совершенно новым углом²¹¹⁴. И, если бы правящие классы Лхасы больше прислушивались к тому, что публиковал Тарчин, по мнению профессора Университета Джавахарлала Неру тибетца Дава Норбу, современная судьба Тибета могла бы быть совершенно иной²¹¹⁵. А. Заверталь считает, что «Зеркало Тибета» заложило основу дискурса о независимости Тибета и продолжило оказывать влияние на тибетскую диаспору даже после смерти Тарчина: тибетоязычные читатели до сих пор возвращаются к публикациям в «Зеркале Тибета» и читают их, а наследие Тарчина было интегрировано в национальный нарратив тибетской диаспоры²¹¹⁶.

Хотя практически сразу после включения Тибета в состав КНР китайское правительство запустило свои современные издательские проекты в Лхасе, Синине и Пекине, тибетским иммигрантам в Индии потребовалось немало времени для того, чтобы начать выпуск собственных периодических изданий²¹¹⁷. Практически до конца 1950-х гг. типография Тарчина сохраняла за собой статус единственной современной частной типографии, где печатали тексты на тибетском языке, и только в 1960 г. в Индии появилась еще одна газета на тибетском языке, которая поддержала протибетскую националистическую повестку²¹¹⁸. Соответственно, можно с уверенностью утверждать, что на протяжении 1950-х гг. «Зеркало Тибета» служило источником самых ранних образцов протибетского антикоммунистического медийного дискурса на тибетском языке.

В рамках этого дискурса в «Зеркале Тибета» Тарчин, несмотря на задание курса на модернизацию, не призывал к полной секуляризации тибетской культуры. Опираясь современными социально-политическими терминами и пропагандируя видение Тибета как полноправного самостоятельного субъекта международных отношений, редактор «Зеркала Тибета» вплетал в свой нарратив буддийские реалии и развивал идею единой национальной идентичности всего населения

---

²¹¹⁴ McGranahan 2010: 72.

²¹¹⁵ Norbu Dawa 2002: XI.

²¹¹⁶ Sawerthal 2018a: 316.

²¹¹⁷ Sawerthal 2011: 57.

²¹¹⁸ См. Shakya 2004: 20.

Тибетского плато на основании, в первую очередь, общности буддийского вероисповедания. Именно религиозность была представлена в «Зеркале Тибета» в 1950–1960-е гг. как одновременно главный объединяющий элемент тибетской национальной идентичности и непреодолимая разграничительная линия между жителями Тибета и китайскими коммунистами-атеистами, сосуществование с которыми на одной территории изображалось невозможным и тем самым оправдывало применение насилия в противостоянии с КНР.

3.2. «Зеркало Тибета» и национальный нарратив тибетской диаспоры

Индолог Е.Ю. Ванина в монографии «Индия: история в истории» объясняет свой выбор источников так:

Историю пишут, особенно в настоящее время, не только историки. Изложением и, главное, интерпретацией исторических событий занимаются устные традиции, передаваемые из поколения в поколение, публицистика, художественная литература, кино, телевидение, визуальные искусства. С этой точки зрения, исторический роман или фильм, газетная статья или даже излияния на исторические темы в интернете являются для моего исследования не менее важным источником, чем научный труд, ибо конструируют и питают, каждый по-своему, историческую память²¹¹⁹.

Действительно, можно сказать, что современные историки – это не только ученые, вовлеченные в воссоздание исторического прошлого по долгу профессии, но и в том числе работники средств массовой информации. Поэтому, принимая во внимание обстоятельства истории Тибета во второй половине XX в. и усилия Дордже Тарчина по превращению своей газеты в инструмент социально-политической модернизации тибетского общества, при изучении исторической памяти тибетоязычной диаспоры представляется целесообразным включить в исследование анализ материалов «Зеркала Тибета».

В ходе рассказов о пережитом индивидуальная память очевидцев событий превращается в коллективную память определенной группы людей, на основании которой последующие поколения интерпретируют историю и конструируют свои

---

²¹¹⁹ Ванина 2014: 10–11.

образы мира, тем самым устанавливая свои согласованные версии прошлого и создавая свою историческую память²¹²⁰. Для формирования коллективной памяти факты проходят этап отбора, этап упорядочивания и этап трансформации в образы и нарративы, гармонирующие с интересами и психологическими установками «информаторов»²¹²¹. После этого процесс внесения изменений замедляется, и возникает стабилизированная версия произошедшего, то есть «история»²¹²². В случае с «Зеркалом Тибета» речь идет об осознанной работе с фактами и трансформации во всеобъемлющий исторический нарратив индивидуального опыта редактора газеты Дордже Тарчина. И, хотя Тарчин вряд ли осуществлял всю работу над «Зеркалом Тибета» в одиночку, в 1950–1960-е гг. он был бессменным главным редактором издания и дополнял своими авторскими комментариями практически любую публикуемую информацию. В коллективную память читателей «Зеркала Тибета» редактор закладывал как свои личные впечатления и мысли, так и рассказы о пережитом живых очевидцев событий в Тибете во второй половине XX в., однако и эти «версии прошлого» сначала проходили через процесс отбора и редакторской обработки Тарчина.

Известно, что по силе воздействия прессу метафорически определяют как «четвертую власть» после законодательной, исполнительной и судебной. Исследователи считают, что средства массовой информации настолько существенно влияют на общественное сознание, что манипулятивное воздействие можно назвать одной из важнейших функций периодической печати²¹²³. Путем манипулирования в сознание читателя закладывают определенные идеи, образы, ассоциации и стереотипы, которые способны стимулировать читателя полностью пересмотреть свое отношение к конкретному предмету/явлению и даже изменить картину мира целой социальной группы²¹²⁴. В результате выборочной организации и соответствующей интерпретации событий прошлого с целью решения задач в настоящем и проектирования будущего автор текста может создавать не просто

---

²¹²⁰ Решина 2011: 428.

²¹²¹ Решина 2011: 428–429.

²¹²² Решина 2011: 429.

²¹²³ Данилова 2014: 11

²¹²⁴ Данилова 2014: 12

единое «коллективное прошлое», а утверждать коллективную идентичность и чувство принадлежности определенной нации ²¹²⁵. Британский политолог Б. Андерсон указывает на связь между развитием массового воспроизведения печатных материалов и формированием национального самосознания. В классическом труде «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон утверждает, что периодические издания обеспечивают «воображаемую связь» ²¹²⁶ для определенного социума, и, хотя в каждом обществе такая связь уже, как правило, имеется в наличии за счет общего языка и других существующих текстов, для газет характерны регулярность, с которой они обращаются к читателям с тем, что есть «здесь и сейчас», и осознанное единовременное потребление (то есть коллективное «воображение») содержания газетных материалов читательской аудиторией, создающее ощущение воображаемой связи с остальными членами этого сообщества – читателями газеты ²¹²⁷.

Корреляция продвижения «воображаемой связи» тибетоязычных читателей в прессе на тибетском языке и формирования идеи единой тибетской национальной идентичности, присущей тибетской диаспоре, на данный момент остается недостаточно исследованной. В данном разделе предлагается рассмотреть, как конструируемый Тарчином метанарратив независимости отражается в популярном в тибетоязычной диаспоре историческом нарративе, который возвысился до уровня «национального», т.е. доминирующего и идеологически объединяющего всех членов диаспоры под властью Центральной тибетской администрации, а также претендующего на право определять коллективную идентичность представителей этой диаспоры. Для проведения сравнения примеры популярных в тибетской диаспоре суждений были заимствованы из трудов по истории Тибета известных членов диаспоры, официально выпускаемых ЦТА публикаций и аналитических работ зарубежных исследователей. Не все использованные в данном разделе источники национальных нарративов тибетоязычной диаспоры полностью идентичны по содержанию или даже структуре, однако все их авторы разделяют и

---

²¹²⁵ Ванина 2014: 7–8.

²¹²⁶ Англ. *imagined linkage*.

²¹²⁷ Anderson 2016: 33–36.

продвигают идею об исторической независимости Тибета, которую в 1950–1960-е гг. настойчиво пропагандировал Тарчин в «Зеркале Тибета».

Тибетский профессор Дава Норбу называл Тарчина «первым тибетским журналистом во всем тибетоязычном мире», «одиноким модернизатором консервативного [тибетского] общества» и, главное, «самым красноречивым поборником свободы Тибета»²¹²⁸. В предисловии к биографии Тарчина под авторством Х.Л. Фейдера Далай-лама XIV, живое воплощение бодхисаттвы и самое авторитетное лицо в тибетской диаспоре, восхваляет жизненный путь редактора «Зеркала Тибета» как источник «вдохновения и пример для многих других тибетцев», а также подтверждает мнение Дава Норбу, что газета Тарчина заложила важное направление в развитии консервативного Тибета²¹²⁹. Многие члены тибетоязычной общины в Индии считают Тарчина «отцом тибетской журналистики», а «Зеркало Тибета» – «поистине» первой тибетской газетой, которая «оказала влияние на мышление тибетцев»²¹³⁰. Представители тибетоязычной диаспоры также высказывают мнение, что фигура Тарчина «не отделима» от дела борьбы за независимость Тибета от КНР²¹³¹. Соответственно, учитывая, что опора на авторитет является столпом эффективной персуазивной функции текста, а Тарчин пользовался большим уважением и заслужил доверие своих тибетоязычных современников, можно предположить, что публикации редактора «Зеркала Тибета» как издателя одной из крайне немногочисленных в рассматриваемый период газет на тибетском языке, вероятно, оказали колоссальное влияние на формирование общественного мнения его тибетоязычной читательской аудитории и развитие идеологии тибетского национализма.

Западные тибетологи оценивают роль «Зеркала Тибета» в становлении протибетской националистической парадигмы не менее высоко, чем члены тибетской диаспоры. К. Макгрэнэхан настаивает на том, что «Зеркало Тибета»

---

²¹²⁸ Norbu Dawa 2002: XI.

²¹²⁹ Dalai Lama XIV 2004: IX–X.

²¹³⁰ Sawerthal 2018a: 310, 312. При этом среди диаспоры, по замечанию А. Заверталь, встречается и альтернативное мнение: принимая во внимание особенности биографии Тарчина, некоторые члены диаспоры выражают убежденность в том, что его нельзя считать настоящим тибетцем, а «Зеркало Тибета», соответственно, нельзя называть «тибетской газетой» (см. Sawerthal 2018a: 312–313).

²¹³¹ Fader 2009: 339.

было «бесценным» источником новостей из Тибета в 1950-е гг., а «редакционный национализм» Тарчина стал «важной частью той истории, которую мы сейчас рассказываем о данном периоде в Тибете»²¹³². Э. Холмс-Тагчунгдарпа на основании результатов своего полевого исследования в восточных Гималаях в 2007–2012 гг. подтверждает, что «Зеркало Тибета» внесло существенный вклад в пропаганду концепции «транснациональной тибетской идентичности»²¹³³. Исследовательница сообщает, что старшее поколение местного тибетоязычного населения считает газету Тарчина «прекрасным источником для понимания [...] истории» данного региона, который «оказал значимое влияние на их осведомленность о событиях того периода»²¹³⁴. Более того, из-за использования Тарчином письменности *учэн*, на которой традиционно издавали буддийские тексты в Тибете, некоторые буддисты из региона восточных Гималаев сохраняют и чтят коллекции старых выпусков «Зеркала Тибета» как «особый религиозный предмет»²¹³⁵.

Что касается самого издателя «Зеркала Тибета», судя по его публикациям, очевидно, что он имел весьма высокое мнение о потенциале использования своей газеты для целей пропаганды тибетского национализма. По убеждению Дж. Пауэрса, в деле обретения или отстаивания независимости «производство» истории воспринимается многими как самое убедительное оружие в идеологической войне²¹³⁶. Тарчин разделял это убеждение, в связи с чем на данную тему в одном из выпусков «Зеркала Тибета» он разместил загадку с готовым ответом:

Вопрос 1. Что больше силы тысячи солдат?

[Вопрос] 2. Что больше силы атомной бомбы?

[Ответ 1]. Первое – это распространение газеты среди народа.

²¹³² McGranahan 2001: 250.

²¹³³ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90–91.

²¹³⁴ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90.

²¹³⁵ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90.

²¹³⁶ Powers 2004: 147–148.

[Ответ 2]. Второе – это изложение истории собственного государства и [информации] о происхождении [его] независимости путем распространения эффективных новостей в газетах и по радио в [разных] государствах²¹³⁷.

Загадку Тарчин опубликовал в ноябре 1950 г. С тех пор и вплоть до ноября 1963 г. антикоммунистические протибетские дискурсивные материалы в том или ином виде появлялись практически в каждом выпуске «Зеркала Тибета». Тарчин, по всей видимости, надеялся, что конструируемый им метанарратив тибетской независимости по эффективности своего воздействия на общественное мнение будет сравним с атомной бомбой, самым мощным видом оружия в тот период. Более того, несмотря на трудности с распространением «Зеркала Тибета» на территории Тибетского плато в 1950-е гг., редактор неизменно продолжал верить в то, что его газета помогает контролировать общественное мнение жителей Тибета и «мысли народа» не обращаются «в сторону других», то есть китайских коммунистов²¹³⁸. Похожее сравнение из области военной сферы, опубликованное Тарчином через 13 лет после загадки про атомную бомбу в предпоследнем сохранившемся выпуске «Зеркала Тибета» за октябрь 1963 г., свидетельствует о том, что редактор до самого конца оставался все так же убежден в пользе и эффективности своей газеты в идеологическом противостоянии:

Сила одной газеты подобна [силе] война. Каждая газета способна разбить противника, [состоящего из] многих сотен тысяч воинов. Хотя ранее, кроме этой газеты, не было [других], которые бы боролись против коммунизма, сейчас [«Зеркало Тибета»] вместе с другими четырьмя газетами, [т.е. целых] пять газет, противостоят коммунизму. Поэтому вскоре [эти газеты] точно выкорчуют из Тибета множество сотен тысяч коммунистических солдат²¹³⁹.

Хотя по сравнению с атомной бомбой в данной публикации масштабы потенциального воздействия газет на сознание читателей несколько сокращены, Тарчин не упустил возможность в очередной раз обратиться к антикоммунистической риторике и, выдавая желаемое за действительное, внушить читателям надежду на победу над коммунизмом в Тибете.

---

²¹³⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 4.

²¹³⁸ Sawerthal 2018a: 183.

²¹³⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7.

Представления Тарчина о важном влиянии прессы на развитие националистического дискурса в обществе не безосновательны. Подробный анализ выпусков газеты за 1950–1960-е гг. позволяет утверждать, что «Зеркало Тибета» было первым медийным рупором тибетского национализма на тибетском языке и раньше всех стало воспроизводить для тибетоязычной читательской аудитории фрагменты популярного ныне в тибетоязычной диаспоре национального нарратива. Для критического осмысления концептуального наполнения «исторической памяти» тибетоязычной общины в изгнании, необходимо обозначить, откуда Тарчин мог черпать вдохновение для конструирования метанарратива независимости и когда его метанарратив приобрел особую актуальность.

А. Маккей убежден, что британские колониальные чиновники создали доминирующий политический образ Тибета, который хорошо приняли на Западе и который во многом заимствовало правительство Тибета в изгнании²¹⁴⁰. В первой половине XX в. заинтересованные в использовании Тибета как буферного государства на границе Британской Индии британские колониальные чиновники, ориентируясь на Лхаса-центричное представление о Тибете, способствовали оформлению образа становящейся тибетской нации и пропагандировали как данность идею о сосредоточении верховной светской и религиозной власти над всем Тибетским плато в руках Далай-ламы, а также тезис о том, что население Тибета как единая нация единогласно поддерживало эту власть²¹⁴¹. Тибетскую нацию при этом представляли как пример древней уникальной культуры, сохранение которой имело высокую ценность для всего мира²¹⁴². В нарративе британских колониальных чиновников носители тибетской культуры отличались дружелюбностью, открытостью и религиозностью, причем последнее качество особо сближало тибетцев с религиозным британским народом, но никак не китайским²¹⁴³. Предложенный образ Тибета был исключительно положительным и нивелировал существование региональных и конфессиональных различий, а также

---

²¹⁴⁰ McKay 1995: 191.

²¹⁴¹ McKay 1995: 189–191.

²¹⁴² McKay 1995: 191, P.194.

²¹⁴³ McKay 1995: 190.

исключал возможность того, что жители отдельных районов на востоке Тибета выступали за более тесные связи с Китаем²¹⁴⁴. Однако в действительности преобладавшая в Тибете региональная идентификация была настолько сильна, что вплоть до второй половины XX в. едва ли можно было говорить о появлении крупного харизматического лидера, которому бы удалось объединить все разнородные группы тибетоязычных жителей в единую тибетскую нацию²¹⁴⁵. По мнению Церинг Шакьи, еще с X в., после смерти так называемых трех тибетских буддийских царей (Сонгцэн Гампо, Тисонг Децэна²¹⁴⁶ и Рэлпачэна²¹⁴⁷), политическая власть в Тибете уже более никогда не была централизованной, а светская власть Далай-лам никогда не выходила за пределы центрального Тибета и даже там имела конкуренцию в виде власти Панчен-ламы в Цанге²¹⁴⁸. Таким образом, политическое и социальное подданство в Тибете традиционно определялось через лояльность своему региону, религиозной традиции, семье и местным вождям, но не нации²¹⁴⁹. Вместе с тем тибетское правительство Гандэн Поданг не признавало утрату политического влияния над территориями на востоке Тибета, а между различными регионами Тибетского плато сохранялись культурные, религиозные и торговые связи²¹⁵⁰. На основании этих связей и исходя из своих прагматических причин, британцы и взялись с энтузиазмом за создание «тибетской национальной идентичности»²¹⁵¹.

Политолог Б. Хилман поддерживает тезис А. Маккея о том, что представление о жителях Тибетского плато как культурно-гомогенной группе возникло именно из-за ряда известных работ нескольких британских чиновников, которые жили и работали в центральном Тибете в начале XX в.²¹⁵². Интересно, что аналогичные представления о населении Тибетского плато стремился презентовать и Тарчин в своих публикациях в «Зеркале Тибета». А. Заверталь считает, что

²¹⁴⁴ McKay 1995: 191, P.196.

²¹⁴⁵ Shakya 1993: 9.

²¹⁴⁶ Тиб. *khri srong lde btsan*; годы правления 754–прибл.799.

²¹⁴⁷ Тиб. *ral pa can*; годы правления 815–836.

²¹⁴⁸ Shakya 1993: 9.

²¹⁴⁹ McKay 2001a: 97.

²¹⁵⁰ Yeh 2013: 275.

²¹⁵¹ McKay 2001a: 97.

²¹⁵² Hillman 2018: 716.

«Зеркало Тибета» было частью британской колониальной стратегии по созданию образа независимого Тибета как современной нации под властью Далай-ламы и тибетского правительства Гандэн Поданг²¹⁵³. Поэтому Тарчин смело пропагандировал в «Зеркале Тибета» соответствующее видение «тибетской нации», которое поддерживалось одновременно и британскими колониальными чиновниками (в частности Ч. Беллом), и Далай-ламой XIII²¹⁵⁴. В рамках актуализируемой в «Зеркале Тибета» концепции «тибетской нации» Тарчин, с одной стороны, воспроизводил традиционную политическую идеологию тибетского правительства Гандэн Поданг (например сохранение политической системы, совмещающей одновременно религиозную и светскую власть в руках Далай-ламы и Гандэн Поданг), а, с другой, внедрял отсутствовавшие фрагменты национального нарратива, благодаря которым Тибет мог более обоснованно претендовать на роль современной нации в глазах мирового сообщества²¹⁵⁵.

Хотя установление коммунистической власти и первые административные реформы в Кама и Амдо прошли достаточно гладко и без сильного сопротивления со стороны местного населения, поскольку многие местные жители хотели сотрудничать с коммунистами и приветствовали их²¹⁵⁶, Тарчин с самого начала 1950-х гг. стремился регулярно вербализовать в «Зеркале Тибета» любые возникающие противоречия между местным населением Тибетского плато и представителями власти КНР, тем самым нагнетая антагонизм и внушая читателям идею четкого разграничения на «своих» и «чужих». Конструируемый Тарчином метанарратив независимости Тибета, однако, приобрел настоящую актуальность не в начале 1950-х гг., а только после иммиграции Далай-ламы XIV и тибетского правительства в Индию в 1959 г. Несмотря на то, что доля эмигрантов из центрального Тибета оценивается как преобладающая в тибетоязычной диаспоре в Южной Азии, примерно четверть членов тибетоязычной диаспоры все же приходится на эмигрантов из Кама, и также имеется более малочисленная группа

---

²¹⁵³ Sawerthal 2018a: 320–321.

²¹⁵⁴ Sawerthal 2018a: 326.

²¹⁵⁵ Sawerthal 2018a: 323.

²¹⁵⁶ См. Shakya 2000: 136–138.

эмигрантов из Амдо²¹⁵⁷. При этом чиновники традиционного тибетского правительства Гандэн Поданг, которые эмигрировали вместе с Далай-ламой и составили новую политическую элиту «Тибета в изгнании», происходили из центрального Тибета и представляли традиции религиозных школ Гелуг и Сакия, вследствие чего часть выходцев из восточного Тибета в первые годы после эмиграции отказывалась признавать власть Центральной тибетской администрации²¹⁵⁸. Для внутренней легитимации власти непризнанной ни одним государством Центральной тибетской администрации над растущей общиной тибетоязычных эмигрантов в Индии и поддержания видения независимого Тибета как общей цели всей тибетской диаспоры было критически важно воспроизводить идею о существовании утраченной общей Родины, сохранять и воссоздавать воспоминания о ней²¹⁵⁹. И материалы «Зеркала Тибета» как нельзя лучше обеспечивали данную потребность.

Сейчас в тибетоязычной диаспоре в Индии принято использовать единый термин «тибетец» (тиб. *bod pa*) для народов У–Цанг, Кама и Амдо, однако изначально обобщающего термина для обозначения любого тибетоязычного жителя Тибетского плато не существовало²¹⁶⁰. После восстания 1959 г. призывы к единению тибетоязычных иммигрантов как тибетской нации способствовали относительно успешному вытеснению традиционных конфессиональных и региональных различий и объединению вокруг Далай-ламы как единого лидера всей тибетоязычной диаспоры в Индии²¹⁶¹. Идентичность выходцев из Тибета стала определяться моделью «чолкасум», то есть представлением о своей родине Тибете как союзе трех областей У–Цанг, Кам и Амдо, в то время как для молодых членов тибетоязычной диаспоры были организованы условия для соответствующей социализации, нацеленной на гомогенизацию существующих внутри диаспоры различий и устранение противоречий²¹⁶². Пропаганда единой тибетской

---

²¹⁵⁷ Anand 2010: 272.

²¹⁵⁸ Asfuroglu 2012: 20, 45; Brox 2012: 460.

²¹⁵⁹ Kolás 1996: 57; Anand 2010: 278.

²¹⁶⁰ Shakya 1993: 9.

²¹⁶¹ Powers 2004: 144–145.

²¹⁶² Shakya 1993: 11.

идентичности среди разнородной тибетоязычной общины в изгнании велась не только для реализации целей внутренней политики ЦТА, но и для того, чтобы все мировое сообщество уверовало в объединенную гомогенную тибетскую нацию и прониклось большей симпатией к протибетской позиции ЦТА по «тибетскому вопросу»²¹⁶³. В этих же целях были переосмыслены старые тексты по истории Тибета и разработаны новые светские исторические нарративы²¹⁶⁴.

Представители правительства Тибета в изгнании активно популяризировали среди тибетоязычных иммигрантов свой национальный нарратив, с помощью которого пропагандировали наличие объединяющих культурных ценностей и традиций (а именно общего мифа о происхождении, языка, религиозных ценностей, костюма, украшений, досуга, пищи), сглаживали имеющиеся в диаспоре разногласия и акцентировали отличия Тибета от Китая²¹⁶⁵. Чтобы обеспечить стандартизацию языка общения и тем самым преодолеть диалектные различия эмигрантов из разных частей Тибетского плато, Центральная тибетская администрация постановила использовать лхасский диалект в качестве официального языка тибетской общины в изгнании²¹⁶⁶. В дополнение к утверждению такой необходимой атрибутики национализма, как национальные флаг и гимн, ЦТА также занялась повышением политической осознанности и солидарности тибетоязычной иммигрантской общины в Индии путем разработки новых стандартов школьного образования и введения новоизобретенных объединяющих групповых ритуалов, например таких ежегодных национальных праздников как «День тибетского национального восстания» 10 марта, который поддерживает память о восстании в Лхасе в 1959 г., «День рождения Далай-ламы XIV» 6 июля, «День тибетской демократии» 2 сентября, в который отмечают дату учреждения тибетского парламента в изгнании в 1960 г., и даже «День Нобелевской

---

²¹⁶³ Asfuroglu 2012: 44

²¹⁶⁴ Подробнее см. Kolás 1996: 58.

²¹⁶⁵ См. Powers 2021.

²¹⁶⁶ Asfuroglu 2012: 31.

премии мира» 10 декабря, в который празднуют годовщину вручения Нобелевской премии мира Далай-ламе XIV в 1989 г²¹⁶⁷.

Что касается создания системы светского образования для членов тибетоязычной общины в Индии, именно школы стали тем институтом, где представителей диаспоры с юных лет социализируют надлежащим образом, обучая национальной истории, национальному языку и национальной символике²¹⁶⁸. Исследователи подчеркивают, насколько важную роль до сих пор отводят изучению истории и культуре Тибета среди молодого поколения диаспоры²¹⁶⁹. Роль памяти является ключевой для воображения Тибета как нации среди представителей диаспоры, поэтому в тибетской общине в изгнании уделяют много внимания поддержанию связного исторического нарратива, в котором конструируется история Тибета как независимого государства до 1951 г²¹⁷⁰. Согласно данным последних полевых исследований, члены диаспоры руководствуются убеждением о том, что уроки по национальной истории формируют идентичность учеников и тем самым спасают тибетскую нацию от уничтожения, с связи с чем учителя отмечают среди своих первостепенных задач в школе возвращение «национальной идентичности» и развитие «национального духа», опровержение заявлений КНР о праве на территорию Тибета, представление доказательств независимости Тибета и привлечение внимания международного сообщества к «тибетскому вопросу»²¹⁷¹. Среди фундаментальных «национальных истин», которым обучают школьников и которые, в свою очередь, составляют национальный нарратив тибетоязычной диаспоры, можно выделить следующие:

1. Тибет был независимым государством до «жестокого вторжения» КНР. Оккупация Тибета Китайской Народной Республикой незаконна и противоречит нормам международного права.

---

²¹⁶⁷ Shakyu 1993: 11. Составленный ЦТА перечень всех тибетских национальных праздников на 2022 год см. “22 Holiday List” // Bureau of His Holiness the Dalai Lama, New Delhi. URL: <https://tibetbureau.in/2017-holiday-list/> (дата обращения: 26.12.2022).

²¹⁶⁸ Asfuroglu 2012: 29.

²¹⁶⁹ Подробнее см. Powers 2021.

²¹⁷⁰ Anand 2010: 277–278; Powers 2004: 147.

²¹⁷¹ Powers 2021: 7.

2. Население Тибета – «жертвы», которые пострадали от «зверств» китайских «агрессоров»-«чужаков».
3. Тибетский язык, религию и культуру необходимо спасти от уничтожения «агрессором».
4. Ранее Тибет был чистой и прекрасной землей, где не было природных бедствий и было мало проблем, а люди наслаждались счастливой и безмятежной жизнью.
5. Все жители Тибетского плато представляют собой одну общую семью и состоят из одной плоти и крови.
6. Тибетцы – глубоко верующие, мирные, трудолюбивые, честные, вежливые и воспитанные люди, которые, будучи естественным образом предрасположены к практике буддизма и проявлению сострадания к другим живым существам, традиционно поклонялись покровителю Тибета бодхисаттве Авалокитешваре.
7. Единая тибетская культура и религия сформировали единую тибетскую идентичность, которая оставалась неизменной на протяжении тысячелетий. Чтобы сохранять тибетскую идентичность и культурное наследие, необходимо практиковать буддизм и принимать прибежище в трех драгоценностях буддизма.
8. Тибетский буддизм – уникальное явление мировой культуры, поэтому его упадок по вине китайских коммунистов будет трагедией для всего мира.
9. Главным источником внешнего влияния на тибетскую культуру была Индия, а не Китай²¹⁷².

По мнению Пелин Асфуроглу, все основные политические концепции и практики, которые сформировали фундамент протибетского политического дискурса и способствовали развитию национализма среди тибетской диаспоры, были заложены в первое десятилетие после учреждения правительства Тибета в изгнании²¹⁷³. П. Асфуроглу полагает, что сразу после эмиграции новая

---

²¹⁷² См. Powers 2021: 3–23.

²¹⁷³ Asfuroglu 2012: 14.

политическая элита Тибета в изгнании инициировала процесс национального строительства через актуализацию таких идеологем, как «угроза геноцида» народа Тибета, «возвращение на Родину» и «историко-культурная близость» Тибета с Индией²¹⁷⁴. При этом именно дискурс геноцида стал главным «идеологическим оружием» ЦТА, с помощью которого удалось заслужить как лояльность тибетоязычной диаспоры в Индии, так и участливое внимание стран Запада к судьбе тибетской общины в изгнании в противостоянии с КНР²¹⁷⁵.

При сравнении очевидно, что все десять перечисленных выше «национальных истин» Тарчин раскрывал и популяризовал в «Зеркале Тибета» еще в 1950-е гг. Тогда же редактор параллельно занимался пропагандой национальной символики независимого Тибета, которая приобрела свою актуальность для тибетоязычной диаспоры уже после учреждения ЦТА: изображения Далай-ламы как верховного политического и религиозного лидера всех жителей Тибетского плато, иллюстрации с национальным флагом Тибета, карты тибетского государства и фотографии дворца Поталы как традиционной резиденции Далай-лам и тибетского правительства Гандэн Поданг. Транслируемый Тарчином метанарратив независимости Тибета нашел отражение в официальных материалах, публикуемых по инициативе Департамента информации и международных связей ЦТА, трудах Далай-ламы XIV, его старших братьев Тубтэн Джигме Норбу и Гьело Дондуба, а также таких небезызвестных в тибетской диаспоре фигур как Ципон Шакабпа, Дава Норбу и Джамьянг Норбу.

Из примеров конкретных идей, которые Тарчин озвучивал в публикациях «Зеркала Тибета» и которые позднее воспроизводились в нарративах представителей тибетской диаспоры, стремящихся доказать историческую независимость Тибета, следует упомянуть, в первую очередь, регулярную практику обращения к периоду Тибетской империи. Подобно Тарчину в «Зеркале Тибета», авторы составленных при поддержке Далай-ламы XIV школьных пособий прославляют победы Тибетской империи в конфликтах с империей Тан, а

---

²¹⁷⁴ Asfuroglu 2012: 23.

²¹⁷⁵ Asfuroglu 2012: 24.

выгравированный на стелах в IX в. договор между Тибетом и Китаем представляют как свидетельство того, что исторически Тибет был отдельным и независимым от Китая государством²¹⁷⁶. Отсылки к данному договору и стелам как важному свидетельству мощи и независимого статуса Тибета встречаются и у самого Далай-ламы XIV²¹⁷⁷, и у его старшего брата Тубтэн Джигме Норбу²¹⁷⁸, и у бывшего тибетского министра Ципона Шакабпы²¹⁷⁹, и в специальных материалах, подготовленных Департаментом информации и международных связей ЦТА с целью влияния на позицию мирового сообщества по «тибетскому вопросу»²¹⁸⁰. Авторы «Исторического словаря Тибета» Дж. Пауэрс и Д. Темплман отмечают, что многие тибетцы с гордостью воспроизводят воспоминания о военных успехах Тибетской империи, вследствие чего можно утверждать, что эти ассоциации приобрели мощное символическое значение для сторонников тибетского национализма²¹⁸¹.

В качестве другого важного элемента национального нарратива тибетской диаспоры необходимо отметить религиозное идеологическое обрамление исторического повествования и, в частности, применение всеобъясняющей концепции «*чойон*», т.е. специфического формата отношений «светский покровитель – религиозный наставник», для описания отношений Тибета с Китаем²¹⁸², к которой прибегал и Тарчин в своих публикациях. Тибетско-китайские контакты на протяжении веков трактовались в тибетских исторических трудах в терминах сложившихся отношений «светский покровитель – религиозный наставник»²¹⁸³. Поддерживая традицию рассмотрения тибетско-китайских отношений с точки зрения концепции «духовный наставник – светский покровитель», Тарчин размывал реальный исторический контекст политического подчинения Тибета династиями Юань и Цин²¹⁸⁴. Исключительно религиозная

²¹⁷⁶ Powers 2021: 12; Powers 2004: 144.

²¹⁷⁷ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 50.

²¹⁷⁸ Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 172.

²¹⁷⁹ Shakabpa 1984: 49.

²¹⁸⁰ Tibet Proving Truth from Facts: 9.

²¹⁸¹ Powers and Templeman 2012: 716.

²¹⁸² Подробнее см. Klieger 1989: 3.

²¹⁸³ Klieger 1989: 12–13.

²¹⁸⁴ См. Sperling 2004: 30.

интерпретация исторических взаимоотношений Тибета с Китаем и отсылки к концепции «*чойон*» регулярно встречаются в трудах представителей тибетоязычной диаспоры²¹⁸⁵. Повторяя за Тарчином, ЦТА идентично оспаривает тезис о подчинении Тибета империей Цин, заявляя, что амбани не несли административных функций и были отправлены в Тибет для обеспечения защиты Далай-ламы как духовного наставника китайского императора²¹⁸⁶.

Еще одним значимым элементом национального нарратива тибетской диаспоры является полемика относительно правомерности использования термина «сюзеренитет» для описания китайско-тибетских отношений в период империи Цин. Так, Дава Норбу, автор известной книги «Политика Китая относительно Тибета»²¹⁸⁷, среди прочего включил в свой научный труд подробный разбор британского термина «сюзеренитет» применительно к тибетско-китайским отношениям. Аналогично Тарчину в «Зеркале Тибета», Дава Норбу заявляет, что китайский термин «сюзеренитет» не означал китайский «суверенитет» над Тибетом²¹⁸⁸. Более того, Дава Норбу также разделяет мнение Тарчина, что Англо-тибетская конвенция 1904 г. служила свидетельством того, что «Великобритания признала право Тибета заключать договоры»²¹⁸⁹. Таковую же точку зрения пропагандирует и Ципон Шакабапа в своем прославленном труде под названием «Тибет: политическая история»²¹⁹⁰, который не только получил признание Далай-ламы XIV, но и на который ссылаются многие западные исследователи: Англо-тибетская конвенция 1904 г. «полностью опровергает любые китайские заявления о суверенитете или сюзеренитете над Тибетом»²¹⁹¹. Аналогичные заявления авторитетно воспроизводят и сам Далай-лама XIV²¹⁹², и Центральная тибетская

²¹⁸⁵ Tibet Proving Truth from Facts: 9–11; Shakabpa 1984: 71, 252, 324; Norbu Dawa 2001: 154; текст петиции тибетского правительства к ООН от 11 ноября 1950 г. *cit. ex* Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 214.

²¹⁸⁶ Tibet Proving Truth from Facts: 11.

²¹⁸⁷ Англ. *China's Tibet Policy*.

²¹⁸⁸ Norbu Dawa 2001: 149, 166–167.

²¹⁸⁹ Norbu Dawa 2001: 169.

²¹⁹⁰ Англ. *Tibet: A Political History*.

²¹⁹¹ Shakabpa 1984: 217–219.

²¹⁹² Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 53.

администрация в объемной брошюре под названием «Тибет доказывает истину по фактам»²¹⁹³.

Среди популярных в тибетоязычной диаспоре аргументов в поддержку образа исторически независимого Тибета неизменно встречается упоминание договора о взаимном признании и дружбе, заключенного в 1913 г. между Тибетом и Монголией. Как и Тарчин в «Зеркале Тибета»²¹⁹⁴, Далай-лама XIV указывает на существование данного договора как доказательства независимости Тибета в петиции о включении обсуждения «тибетского вопроса» в повестку заседания Генеральной Ассамблеи ООН за сентябрь 1960 г.²¹⁹⁵. Кроме того, в перечень доказательств тибетской независимости данный договор включает и Департамент информации и международных связей ЦТА²¹⁹⁶.

Обвиняя правительство КНР в искажении фактов, Центральная тибетская администрации в своей попытке представить подлинную версию истории Тибета повторяет большинство тезисов в поддержку тибетской независимости, озвученных Тарчином в «Зеркале Тибета». Например, тибетские чиновники в изгнании, воспроизводя актуализированный Тарчином метанарратив независимости, заявляют, что, поскольку правительство Тибета выпускало собственную валюту и почтовые марки, а также имело в распоряжении собственную армию, нападение КНР на Тибет было нарушением международного права²¹⁹⁷. Дополняя свою аргументацию, тибетские чиновники в изгнании утверждают, что в Лхасе находились представительства нескольких иностранных государств, статус китайского представительства ничем не отличался от других, и китайская делегация Хуан Мусуна в 1934 г. прибыла в Тибет не по политическим причинам, а для почтительного выражения соболезнований по поводу смерти Далай-ламы XIII²¹⁹⁸. Такую же версию толкования истории Тибета поддерживают

²¹⁹³ Tibet Proving Truth from Facts: 12–13.

²¹⁹⁴ Например, см. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.11, November 1954: 4 или рассмотренная в предыдущей главе публикация из *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954: 10–12.

²¹⁹⁵ Текст петиции Далай-ламы XIV к ООН от 20 сентября 1960 г. *cit. ex Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 223.*

²¹⁹⁶ Tibet Proving Truth from Facts: 5.

²¹⁹⁷ Tibet Proving Truth from Facts: 4–5.

²¹⁹⁸ Tibet Proving Truth from Facts: 5–6.

Далай-лама XIV и Ципон Шакабпа, добавляя ко всему перечисленному выше еще одно свидетельство тибетской независимости из арсенала Тарчина: в 1948 г. тибетские чиновники официально путешествовали за границу по выданным тибетским правительством паспортам, которые были признаны во всех посещенных ими странах («Индии, Китае, Франции, Италии, Великобритании и США») ²¹⁹⁹.

В протибетских версиях истории Тибета также регулярно воспроизводится мнение Тарчина о том, что авторитетное заключение по «тибетскому вопросу», подготовленное Международной комиссией юристов в 1959 г., является объективным и отражает подлинное положение дел в Тибете при власти китайских коммунистов. Упоминания о важности беспристрастной деятельности данной комиссии в контексте приведения доказательств независимого политического статуса Тибета есть в работах Далай-ламы XIV ²²⁰⁰, Гьело Дондуба ²²⁰¹, Дава Норбу ²²⁰², Ципон Шакабпы ²²⁰³ и Центральной тибетской администрации ²²⁰⁴. Как и редактор «Зеркала Тибета», представители тибетской диаспоры цитируют отрывки из доклада Международной комиссии юристов при предъявлении обвинений КНР в организации геноцида тибетского народа ²²⁰⁵.

В 1950–1960-е гг. Тарчину удалось актуализировать в «Зеркале Тибета» устойчивые тропы антикоммунистического протибетского дискурса и дискурсивные конструкты национального нарратива тибетской диаспоры. «Геноцид», как и многие другие тиражируемые в «Зеркале Тибета» идеологемы, например «коммунистические зверства», «уничтожение религии», «враги Учения», «коммунистические демоны», «коммунистические агрессоры», «коммунистические оковы» и «коммунистический гнет», проросли в протибетском

²¹⁹⁹ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57; Shakabpa 1984: 296, 323. О позиции Далай-ламы XIV по вопросу исторической независимости Тибета также см. Grunfeld 1996: 254–255.

²²⁰⁰ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57–58, 183.

²²⁰¹ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 197.

²²⁰² Norbu Dawa 2001: 276.

²²⁰³ Shakabpa 1984: 323.

²²⁰⁴ Tibet Proving Truth from Facts: 4, 27.

²²⁰⁵ См., например, Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 185, 193; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 197; Norbu Dawa 2001: 423; Tibet Proving Truth from Facts: 27, 40.

дискурсе и плотно закрепились в понятийно-терминологическом аппарате тибетской диаспоры²²⁰⁶.

Одним из ключевых дискурсивных конструкторов, пропагандируемых Тарчином в «Зеркале Тибета», стало изображение всего тибетоязычного населения Тибетского плато как «тибетской нации» сначала в виде модели «тринадцать тибетских *тикор*», а после 1960 г. с помощью понятия «*чолкасум*». На эти же понятия в 1967 г. сослался в своем труде по истории Тибета и Ципон Шакабпа. Не вдаваясь в исторические сложности использования данной терминологии для описания территории Тибета и лишь кратко пояснив, что первоначальный термин «тринадцать *тикор*» позднее заменили на термин «*чолкасум*»²²⁰⁷, Ципон Шакабпа в своей книге, подобно Тарчину в «Зеркале Тибета», ложно уравнивал два разных понятия и тем самым исказил их историческое значение. В настоящее время, как уже говорилось, у большинства авторов из тибетской диаспоры встречается лишь понятие «*чолкасум*» в его обновленном толковании, поддерживаемом ЦТА.

В нарративах членов тибетской общины в изгнании также неизменно повторяется тезис о том, что тибетская нация отличается от китайской, а Тибет никогда не был частью Китая²²⁰⁸. В своих публикациях Центральная тибетская администрация продолжает развивать идеи Тарчина, утверждая концепцию «тибетской нации» и заявляя, что сложно найти более правильный пример отдельного народа, который бы отвечал всем необходимым требованиям, а именно обладал «общностью исторического развития, языка, культуры, этнической принадлежности и других проявлений коллективной идентичности»²²⁰⁹. Тибетская национальная идентичность определяется ЦТА как неотделимая от религии, поэтому в официальном нарративе тибетской диаспоры, как и публикациях в

²²⁰⁶ См., например, Powers 2004: 132; примеры использования подобной терминологии в нарративе Norbu Thubten Jigme 1961: 190, 192, 198, 206, 208, 214–215, 229, 237; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 195, 197, 199; Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 99; 107, 126, 128, 169, 183–185; Tibet Proving Truth from Facts: 18, 20, 24; Shakabpa 1984: 304; тексты петиций тибетского правительства и Далай-ламы XIV к ООН *cit. ex Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 217, 220–221, 228–229.*

²²⁰⁷ Shakabpa 1984: 2.

²²⁰⁸ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57; Tibet Proving Truth from Facts: 5; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 114–115, 195, 297, 300; Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 52; текст петиции тибетского правительства к ООН от 11 ноября 1950 г. *cit. ex Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 217.*

²²⁰⁹ Tibet Proving Truth from Facts: 13.

«Зеркале Тибета», Тибет предстает в образе «гордой буддийской нации», которая обладала независимостью до 1951 г., но затем оказалась под угрозой уничтожения из-за агрессии «врагов Учения»²²¹⁰.

Помимо этого, в материалах «Зеркала Тибета» Тарчин популяризировал важный миф о национальном характере тибетского народа. Идеализированный образ чистой религиозной земли Тибета, населенной до прихода к власти китайских коммунистов глубоко духовным мирным тибетским народом, превратился в мощное идеологическое оружие и получил широкую поддержку не только среди членов диаспоры, но и среди протибетски-настроенных представителей мировой общественности. Заявлениям Тарчина о добродетельном национальном характере всего народа Тибета вторил в своей истории Тибета, к примеру, Ципон Шакабпа: «тибетцы очень сострадательны, честны, жизнерадостны», они «преданные, открытые, кроткие и добрые» люди²²¹¹. В петиции тибетского правительства Гандэн Поданг к ООН с просьбой о защите от «агрессии» КНР в ноябре 1950 г. прослеживается аналогичная риторика: как «нация, ориентированная на мирное существование», тибетцы, давно отказавшись от насилия, живут мирно и практикуют толерантность²²¹². Такую же позицию озвучил и Далай-лама XIV в так называемом «Мирном плане из пяти пунктов», с которым он обратился в 1987 г. к Конгрессу США²²¹³. Воспроизводя в своих воспоминаниях фрагменты метанарратива тибетской независимости из «Зеркала Тибета», старший брат Далай-ламы XIV Тубтэн Джигме Норбу утверждал, что народ Тибета был усмирен бодхисаттвой Авалокитешварой и стал настолько мирным, что тибетцам не хотелось лишать жизни даже животных, не говоря уже о том, чтобы лишить жизни человека²²¹⁴. Кроме того, в нарративе Тубтэн Джигме Норбу Тибет до 1951 г. представлен настолько идеальным, что даже местные разбойники, которые жили тем, что регулярно грабили торговые караваны,

²²¹⁰ Tibet Proving Truth from Facts: 37.

²²¹¹ Shakabpa 1984: 13.

²²¹² Текст петиции тибетского правительства к ООН от 11 ноября 1950 г. *cit. ex* Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 214, 217.

²²¹³ Англ. *Five Point Peace Plan*. Содержание плана см. "Five Point Peace Plan (1987)" // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet3.html> (дата обращения: 27.06.2022).

²²¹⁴ Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 37.

описаны как «хорошие» и «глубоко верующие» люди²²¹⁵. По выражению Тубтэн Джигме Норбу, Тибет «жил в мире и достатке сотни лет», пока «враги» тибетцев (под которыми читатель автоматически узнает китайских коммунистов) не решили, что могут захватить и подчинить их страну²²¹⁶. Воспроизведение мирного образа тибетской нации достигло апогея в официальном выступлении Далай-ламы XIV в июне 1988 г. в Страсбурге. В своем обращении к членам Европейского парламента лидер тибетской общины в изгнании авторитетно заявил, что «уникальная история и великое духовное наследие» Тибета делают его «идеально подходящим для роли мирной обители в сердце Азии», и, если бы Тибет освободился от «оккупации» КНР, можно было бы обеспечить «мир и безопасность для Азии, равно как и для всего мира», в то время как сам Тибет служил бы «мирной гаванью, где люди и природа существовали бы в гармоничном балансе»²²¹⁷.

Риторика с акцентом на мирный дух и религиозность населения Тибета органично поддержала идеологическое оформление протибетской модели репрезентации истории Тибета в нарратив невинных жертв необоснованной агрессии КНР. Непрерывное нагнетание напряженности в тибетско-китайских отношениях путем актуализации идеи потенциальной угрозы уничтожения всего тибетского китайскими коммунистами, с точки зрения внутренней политики ЦТА, помогло логично объяснить необходимость сближения разрозненных членов тибетоязычной диаспоры перед лицом общего «врага», а, с другой стороны, в рамках интернационализации «тибетского вопроса» способствовало утверждению тибетской культуры и религии в статусе ценного объекта мирового культурного наследия. Прием Тарчина по изображению жителей Тибета как «беспомощных жертв», которым требуется внимание и поддержка всего мирового сообщества, поскольку они неспособны защитить себя сами, был заимствован представителями тибетской общины в изгнании и продолжен в их трудах²²¹⁸.

---

²²¹⁵ Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 42–43.

²²¹⁶ Norbu Thubten Jigme 1961: 197; Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 37.

²²¹⁷ Tibet Proving Truth from Facts: 50.

²²¹⁸ См. Powers 2004: 150.

Что касается описания процесса «освобождения» Тибета и первых лет в составе КНР, созданный Тарчином нарратив о том, как угнетение жителей Тибета китайскими коммунистами и ответное сопротивление тибетского народа началось сразу же после прибытия войск НОАК в Лхасу, воспроизводится, например, в историческом труде Ципона Шакабпы и в официальной версии истории Тибета, представленной Центральной тибетской администрацией²²¹⁹.

Среди других придуманных Тарчином традиций репрезентации истории Тибета, которые были продолжены в нарративах представителей тибетской диаспоры, следует указать героизацию восставших против власти китайских коммунистов в Тибете и изображение разрозненных восстаний в восточном Тибете как составных частей всеобщего пантибетского национального движения за независимость. Такое видение истории Тибета и, в частности, воспоминания о деятельности лидера «Чуши Гангдуг» Андуг Гонпо Таши живут в трудах Джамьянг Норбу²²²⁰, Гьело Дондуба²²²¹ и Дава Норбу²²²².

Интересно, что в памяти членов тибетской диаспоры живут даже опубликованные Тарчином политические карикатуры на тему угнетения Тибета китайскими коммунистами в 1950-е гг.: например, в январе 2019 г. карикатуры из «Зеркала Тибета» вспомнил и особо отметил в своей статье на тему визуальной фиксации событий, связанных с восстанием в Лхасе в марте 1959 г., Джамьянг Норбу²²²³.

Единственной темой, которую Тарчин развивал в «Зеркале Тибета», но которая при этом не получила поддержки в национальном нарративе тибетской диаспоры, были взаимоотношения и потенциальное сотрудничество Тибета с правительством Гоминьдан. По заключению японского тибетолога Кенсаку Окавы, в официальном национальном нарративе тибетской диаспоры в Индии тема проживания тибетоязычных эмигрантов на Тайване табуирована, поскольку сам факт существования там группы эмигрантов из Тибета подрывает утверждаемую

²²¹⁹ Shakabpa 1984: 304; Tibet Proving Truth from Facts: 18.

²²²⁰ Norbu Jamyang 2014.

²²²¹ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 169.

²²²² Norbu Dawa 2001: 217–220.

²²²³ Norbu Jamyang 2019.

Центральной тибетской администрацией перспективу на национальную историю Тибета и пропагандируемую ей политику, согласно которой все тибетские эмигранты желают независимости Тибета от Китая безотносительно того, кто представляет интересы Китая – КПК или Тайвань²²²⁴. Среди изученных работ членов тибетской диаспоры только в нарративе Гьело Дондуба лидер Гоминьдана маршал Чан Кайши представлен как добрый «старый друг», который желал Тибету «оставаться независимым»²²²⁵, в то время как правительство Гоминьдан выражало готовность помогать тибетскому повстанческому движению финансово и оружием²²²⁶. В истории Тибета, опубликованной Гьело Дондубом в 2015 г., политика Гоминьдана относительно Тибета и в особенности фигура Чан Кайши представлены аналогично, если еще даже не более дружелюбно и благосклонно, чем в публикациях Тарчина в «Зеркале Тибета». Совпадение тона дискурса, однако, в данном случае скорее подразумевает не влияние Тарчина на формирование взглядов Гьело Дондуба, а, возможно, наоборот, воздействие Гьело Дондуба как спонсора «Зеркала Тибета» на редакционную политику Тарчина.

Проводя сравнение конструируемого Тарчином метанарратива независимости и примеров национального нарратива представителей тибетской диаспоры, можно отметить еще одну общую отличительную особенность. При анализе материалов «Зеркала Тибета» нередко удивляет нелинейный порядок изложения событий, отрывочность повествования и выборочность используемых исторических фактов. В некоторых случаях создается впечатление, словно приведенная в публикации информация служит ответом на возможные возражения со стороны прокитайски-настроенных читателей, которые представляют свое видение истории Тибета и пытаются опровергнуть протибетскую версию Тарчина. Такую же особенность применительно к историческим нарративам членов тибетской диаспоры отмечает в своем подробном исследовании Дж. Пауэрс²²²⁷.

---

²²²⁴ Okawa 2007: 607.

²²²⁵ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 75, 146.

²²²⁶ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

²²²⁷ См. Powers 2004: 6–8.

«Зеркало Тибета», вероятно, представило первые образцы письменных публицистических текстов на тибетском языке, где были введены все самые важные современные общественно-политические термины, ранее не использованные в трудах по истории Тибета. Поэтому, когда Тарчин совмещал в публикациях элементы традиционной тибетской историографии (например акцент на священной роли Далай-ламы для китайского императора в рамках концепции «*чойон*» или преступность нарушения Китаем давней клятвы о дружбе с Тибетом) с обвинениями КНР в нарушении прав человека и норм международного права в Тибете, то для современного читателя подобные фрагменты метанарратива независимости могут звучать несколько гротескно, наивно или непоследовательно. Стиль аргументации редактора «Зеркала Тибета», однако, имеет много общего с тем, как Центральная тибетская администрация адаптировала западную практику ведения дискурса о национализме для успешного воспроизведения протибетской версии истории Тибета. Осознавая необходимость внешней поддержки «тибетского вопроса» для легитимации своего видения истории Тибета и успеха борьбы за независимость, политическая элита тибетской общины в изгнании уже в иммиграции училась языку международной политики, определяла и стандартизировала понятия «тибетская культура» и «тибетская идентичность», а также, переписывая и интерпретируя по-новому старые факты, производила новые тексты по истории Тибета, доказывающие обоснованность своих претензий на независимость²²²⁸. Регулярно прорабатывая данную проблему с самого начала 1950-х гг., Тарчин практически на десятилетие опередил чиновников ЦТА и создал необходимую базу для их будущих трудов.

Последний сохранившийся выпуск «Зеркала Тибета» датирован ноябрем 1963 г. В том же 1963 г. Далай-лама XIV издал проект первой конституции правительства Тибета в изгнании, в которой, по его выражению, совместил «учение Будды, духовное и светское наследие Тибета, идеи и идеалы современного мира»²²²⁹. Тибетская конституция официально закрепила за Далай-ламой статус

---

²²²⁸ Anand 2010: 281; Kolås 1996: 57–59.

²²²⁹ “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html> (дата обращения: 27.06.2022).

«верховного главы государства» и «верховного религиозного лидера» тибетской нации, определила основные права, свободы и обязанности тибетских граждан, включая такие обязанности как «быть истинно преданным тибетскому государству», «добросовестно соблюдать государственные законы» и «выполнять соответствующие обязательства в случае угрозы национальной безопасности»²²³⁰. В предисловии Далай-лама XIV, обращаясь к «народу в Тибете и за его пределами», заявил, что Конституцию специально обнародовали в знаменательную дату 10 марта, которая отмечает четвертую годовщину «восстания тибетского народа против китайских агрессоров», и озвучил надежду на то, что Тибет вскоре «вновь станет свободным и независимым», а «истина и справедливость к концу концов одержат победу»²²³¹. Как можно заметить, в своем вступительном слове и тексте основного закона тибетской общины в изгнании Далай-лама XIV повторил сразу несколько дискурсивных конструктов, актуализированных Тарчином в «Зеркале Тибета». Воспроизведение метанарратива тибетской независимости в среде тибетоязычной диаспоры представлялось чрезвычайно важным вплоть до 1988 г., когда Далай-лама XIV объявил о том, что более не стремится к независимости Тибета от Китая, а лишь призывает правительство КНР предоставить большую автономию Тибету, после чего соответствующие смягчающие коррективы в идеологическую политику внесла и Центральная тибетская администрация²²³².

По мнению К. Макгрэнэхан, проблемой «Зеркала Тибета» были реальные охваты грамотного читающего населения в Тибете и регулярность «потребления» газетных публикаций Тарчина²²³³. Читательская аудитория в Тибете не всегда могла одновременно получать газетные выпуски, а после введения запрета на распространение «Зеркала Тибета» на территории КНР и вовсе с трудом получала доступ к газете Тарчина. Вместе с тем, если у Тарчина, действительно, было ограниченное количество регулярных читателей в Тибете, на кого он мог

---

²²³⁰ “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html> (дата обращения: 27.06.2022).

²²³¹ Dalai Lama. “Foreword / Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html> (дата обращения: 27.06.2022).

²²³² Asfuroglu 2012: 63.

²²³³ McGranahan 2010: 72.

воздействовать с помощью своей антикоммунистической пронационалистической риторики, то у Далай-ламы XIV и Центральной тибетской администрации совершенно точно уже не было каких-либо ограничений и препятствий для свободного распространения националистической идеологии среди членов тибетской общины в изгнании. Дискурс Далай-ламы XIV и ЦТА имеет колоссальный авторитет для тибетской диаспоры, а руководство тибетоязычной общины в изгнании обладает символической властью контролировать общественное мнение «своих граждан»²²³⁴. При этом пропагандируемый Далай-ламой XIV и ЦТА национальный нарратив, который создал «тибетскую нацию в изгнании» и обеспечил относительную успешность общины тибетоязычных эмигрантов, вероятно, во многом сформировался благодаря Тарчину и «Зеркалу Тибета». Соответственно, можно говорить о том, что созданный Тарчином метанарратив тибетской независимости предопределил развитие национального самосознания членов тибетской диаспоры и был интегрирован в историческую память «тибетской нации в изгнании», став таким образом важным политическим инструментом в борьбе за независимость Тибета и процессе интернационализации «тибетского вопроса».

3.3. Выводы

Первоначальный фокус «Зеркала Тибета» на изменении традиционного мировосприятия и массовом просвещении тибетоязычных читателей путем представления последних достижений мирового прогресса и новостей стран за пределами Тибетского плато сместился после установления власти КПК в Китае на организацию эффективной антикоммунистической пропаганды и распространение протибетской националистической идеологии. С помощью публикаций в «Зеркале Тибета» Тарчин стремился модернизировать общественно-политическую лексику тибетского языка, сформировать новую политическую культуру тибетоязычных читателей и вписать Тибет в систему современных международных отношений на правах равного. Будучи одним из немногочисленных периодических изданий на

---

²²³⁴ Brox 2006: 103.

тибетском языке в рассматриваемый период с 1949 по 1963 гг., «Зеркало Тибета» заняло роль первого медийного рупора становящегося тибетского национализма.

Сразу после официального провозглашения КНР курса на «освобождение» Тибета в 1949 г. Тарчин приступил к конструированию метанарратива тибетской независимости. Переосмыслив всю историю тибетско-китайских отношений с позиции идеолога тибетского национализма, редактор создал в «Зеркале Тибета» националистическую версию исторического прошлого и настоящего Тибета как тибетского государства и нации, которая может обоснованно претендовать на независимость от КНР. В материалах «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг. Тарчин актуализировал концепцию «тибетской нации» как единого тибетоязычного народа, проживающего на территории «тринадцати тибетских *тикор*» или трех областей Тибета «*чолка сум*», а также предложил основные характеристики «тибетской национальной идентичности» и особенности «тибетского национального характера». Пропагандируя необходимость пантибетского единения в границах независимого «тибетского религиозного государства» и ведения национально-освободительной борьбы против китайских «захватчиков»-атеистов, редактор «Зеркала Тибета» воспроизводил утопические воспоминания о Тибете до прихода к власти китайских коммунистов и нагнетал антагонизм в отношениях местного тибетоязычного населения с представителями КНР. Изображая атеистическую коммунистическую идеологию КНР в виде главной угрозы тибетскому буддизму, традиционному религиозно-светскому укладу и такой неотъемлемой части тибетской идентичности как религиозность, Тарчин проводил в «Зеркале Тибета» непреодолимую границу между непримиримыми ценностями «чужих» и «своих».

Вопреки сложностям в распространении выпусков «Зеркала Тибета» на территории Тибетского плато в 1950-е гг., газета Тарчина до 1960 г. сохраняла статус единственного издания на тибетском языке, которое освещало события в русле протибетской националистической парадигмы. Редактору «Зеркала Тибета» вряд ли удалось обеспечить полноценную регулярную «воображаемую связь» читателей в Тибете в 1950-е гг., однако необходимо признать, что Тарчин подготовил необходимые условия для продвижения идеи борьбы за независимость

Тибета от КНР и рождения «тибетской нации в изгнании». После 1959 г. сконструированный Тарчином метанарратив независимости нашел отражение в официальной идеологии учрежденного в Индии правительства Тибета в изгнании и получил развитие в национальном нарративе тибетской диаспоры. Пропагандируемая Тарчином протибетская репрезентация истории Тибета и тибетско-китайских отношений продолжает жить в нарративном пространстве тибетской общины в изгнании, находя выражение в публицистической, научной и учебной литературе, производимой не только для внутренних нужд диаспоры, но и на экспорт для международного сообщества сочувствующих «тибетскому вопросу». Пейоративы, тропы, сюжеты, исторические «доказательства», идеологемы и даже иллюстрации, тиражируемые в «Зеркале Тибета» в рамках метанарратива тибетской независимости, воссоздаются в трудах Далай-ламы XIV, его старших братьев, чиновников Центральной тибетской администрации, тибетских публицистов и других представителей тибетской диаспоры.

История несет функцию легитимации: у нации должно быть свое историческое прошлое, которое считается национальной историей, чтобы легитимировать существование нации в настоящем и обеспечить ее будущее²²³⁵. Тарчин помог предоставить такую легитимирующую базу для «тибетской нации в изгнании». По мнению выпускницы аспирантуры Женевского института международных отношений Энн-Софи Бенц, современные тибетские историки выработали связный исторический нарратив, охватывающий историю Тибета со времен тибетского царя Сонгцэн Гампо вплоть до 1951 г., переосмыслив и интерпретировав все события с точки зрения концепции «тибетской независимости», и именно эту версию поддержала и презентовала всему миру как официальную версию истории Тибета Центральная тибетская администрация²²³⁶. Однако на основании проведенного анализа можно утверждать, что национальный нарратив тибетской диаспоры пронизан фрагментами метанарратива независимости Тибета, сконструированного Тарчином еще в 1950-е гг.

---

²²³⁵ Bentz 2006: 66.

²²³⁶ Bentz 2006: 64.

Популярные ныне аргументы и контраргументы, поддерживающее видение исторической независимости Тибета среди тибетской диаспоры, проникли в протибетские версии историков Тибета благодаря новаторским статьям Тарчина в «Зеркале Тибета» и предложенному им метанарративу независимости. Используя специально отобранные факты и дополняя их соответствующим авторским толкованием, Тарчин занял почетное место в авангарде первых «историков», которые трансформировали историю Тибета в национальную историю тибетского народа.

Как и Тарчин, члены тибетоязычной диаспоры в своих работах по истории Тибета делают акцент на общих буддийских культурных маркерах, подчеркивают отличия тибетской культуры от китайской и в то же время сходства с индийской, отсылают читателей к периоду былого величия Тибетской империи как обоснованию независимости Тибета, обвиняют КНР в незаконной агрессии и геноциде тибетского народа, идеализируют жизнь в Тибете до 1951 г., распространяют миф об особом мирном и добродушном характере тибетского народа и т.д. Как и в «Зеркале Тибета», в трудах представителей тибетской диаспоры многие факты из истории Тибета получили толкование в религиозном обрамлении, а буддийское вероисповедание стало основным источником идентификации тибетской нации.

Сразу после публикаций в поддержку независимости Тибета Тарчин иногда напоминал читателям о необходимости ценить «Зеркало Тибета» и проявлять заинтересованность в публикуемой им информации, утверждая, что его газета является «вратами для речей тех, кому нравится народная свобода»²²³⁷. Редактор гордился тем, что его труды по изданию «Зеркала Тибета» ценили как Далай-лама XIII, так и Далай-лама XIV, и указывал на это читателям, неоднократно размещая в своей газете копию письма от Далай-ламы XIII²²³⁸ и перепечатанное письмо от Далай-ламы XIV²²³⁹. И, несмотря на то, что на массовом уровне призывы Тарчина

²²³⁷ Тиб. *mi dmangs rang dbang la dga' ba rnam kyi smra sgo* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6). Также см., например, *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

²²³⁸ См. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 10; *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 4–5.

²²³⁹ См. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.10, January 1952: suppl. [no number].

к пантибетскому единению на просторах Тибетского плато ради независимости Тибета не привели к какому-либо значимому результату в период до 1959 г., на этапе иммиграции после аналогичных призывов уже от имени национального «нравственного гида»²²⁴⁰ в лице Далай-ламы XIV выходцам из разных регионов Тибета удалось сплотиться в относительно единый фронт из солидарных, преданных и альтруистичных граждан, которые верят в национальную историю независимого Тибета и стремятся к достижению национальной идеи по сохранению тибетской культуры и религии.

Вклад Тарчина в пропаганду протибетской точки зрения на дискурс о «тибетском вопросе» обусловил то, что многогранное историко-культурное наследие «Зеркала Тибета» живет в памяти членов общины тибетоязычных иммигрантов в Индии и в то же время является вычеркнутым из памяти тибетоязычного населения, проживающего на территории КНР²²⁴¹.

Последним, что следует упомянуть в итогах данной главы, – это немаловажный фактор влияния британских колониальных чиновников на «Зеркало Тибета» и редакционную политику Тарчина. Редактор «Зеркала Тибета» долгое время сотрудничал с британскими спецслужбами, получал при помощи британских колониальных чиновников периодическое финансирование для своей газеты и, очевидно, во многом вдохновлялся их трудами, конструируя свой метанарратив независимости Тибета в 1950–1960-е гг.

---

²²⁴⁰ Данный поэтический термин вводит применительно к Далай-ламе XIV Гьело Дондуб в своей книге воспоминаний о Тибете и борьбе за независимость (Thondup Gyalo and Thurston 2015: 301).

²²⁴¹ Подробнее см. Sawerthal 2018a: 308–319.

Заключение

Наряду с изданиями западных миссионеров в Ладакхе и Кьеланге, газетой китайских амбаней и газетой Панчен-ламы IX²²⁴² «Зеркало Тибета» входит в число самых ранних периодических изданий на тибетском языке. Газета публиковалась в г. Калимпонг (ныне штат Западная Бенгалия, Индия) с 1925 по 1963 гг. под редакцией Дордже Тарчина, известного общественного деятеля этнически тибетского происхождения, и, несмотря на географическое расположение места издания газеты за пределами Тибета, на протяжении почти 40 лет сохраняла статус единственного периодического издания на тибетском языке, публикуемого регулярно и в течение столь длительного временного отрезка.

Годы издания «Зеркала Тибета» совпали с важным периодом в современной истории Тибета, охватывающим такие определяющие этапы и события как так называемая де-факто независимость Тибета, официальное включение Тибета в состав КНР в 1951 г., первые пятнадцать лет при коммунистической власти и начало реформ в Тибете, развитие повстанческого движения, восстание в Лхасе в марте 1959 г., эмиграция Далай-ламы XIV Тэндзин Гьяцо из КНР, учреждение в Индии Центральной тибетской администрации и первые годы существования тибетоязычной общины в изгнании.

Как любой исторический источник газета «Зеркало Тибета» имеет свои преимущества и свои ограничения, которые необходимо принимать во внимание при анализе содержания публикаций. Помимо таких сложностей как частое отсутствие ссылок на источник информации, низкая степень сохранности некоторых страниц, специфическое оформление публикуемой информации на странице и орфографическая вариативность написаний терминов, при обращении к «Зеркалу Тибета» как историческому источнику в первую очередь следует учитывать существенную ангажированность²²⁴³ издания. Даже в настоящее время едва ли можно найти действительно независимое средство массовой информации,

²²⁴² Тиб. *thub bstan chos kyi nyi ma*; 1883–1937.

²²⁴³ Т. ван Дейк, однако, считает нормальным то, что газета поддерживает какого-то конкретного кандидата или отражает определенные взгляды, если это поддержано соответствующей аргументацией и фактами, но не манипуляцией посредством замалчивания важной информации, лжи или искажения фактов (van Dijk 2006: 364).

что, вероятно, было еще сложнее сделать в разгар напряженного противостояния сторонников капитализма и коммунизма в ходе Холодной войны в середине XX в., когда издатель «Зеркала Тибета», очевидно, не без идеологической поддержки со стороны представителей капиталистического лагеря, решил задействовать свое небольшое издание для ведения пропаганды пронационалистической версии истории Тибета и организации движения за независимость Тибета.

Мировоззрение редактора «Зеркала Тибета» сформировалось в условиях социализации в Британской Индии и сотрудничества с британскими и индийскими спецслужбами. Будучи выходцем из неполной малообеспеченной семьи, Дордж Тарчин рос в окружении западных миссионеров и приложил большие усилия для реализации колоссального карьерного роста от простого разнорабочего до владельца типографии, издателя и главного редактора одного из самых популярных периодических изданий на тибетском языке. Овладев несколькими иностранными языками и умело используя свое тибетское происхождение, индийское гражданство и личную предприимчивость, Тарчин завел судьбоносные знакомства с высокопоставленными лицами как в Индии, так и в Тибете и стал глубокоуважаемым человеком в Калимпонге, заняв место доверенного посредника в самых разных вопросах, касающихся членов тибетоязычной общины в Индии. Совмещая работу над изданием газеты с подпольным сбором разведанных для британских и индийских спецслужб, Тарчин неотступно придерживался антикоммунистических взглядов и с большим энтузиазмом размещал в «Зеркале Тибета» материалы, посвященные обоснованию исторической независимости Тибета и полемике на тему «тибетского вопроса».

В 1940-е гг. культивирование образа независимого тибетского государства представляло практическую выгоду для британских колониальных чиновников, заинтересованных в Тибете как стабильном буферном пространстве на северных границах Британской Индии, а в 1950-е гг. биполярный раскол мира пробудил интерес США к «Зеркалу Тибета» как платформе для пропаганды пронационалистических взглядов среди населения Тибета и своеобразному рычагу воздействия на КНР. Вероятно, благодаря участию группы политически активных

тибетских иммигрантов в Калимпонге во главе со старшим братом Далай-ламы XIV Гьело Дондубом и какой-то помощи со стороны США в рамках их многогранной антикоммунистической стратегии в Холодной войне угасание интереса Великобритании к судьбе Тибета и, соответственно, урезание их финансирования «Зеркала Тибета» после обретения Индией независимости в 1947 г. не остановили Тарчина, который продолжил выпускать свою газету и, наоборот, усилил протибетскую риторику в 1950–1960-е гг. Факт привлечения Тарчина к сотрудничеству Гьело Дондубом в 1950-е гг., вероятно, может объяснить и благоприятную редакционную политику «Зеркала Тибета» относительно возглавляемого Чан Кайши правительства Гоминьдан: руководство Тайваня пользовалось поддержкой США и было симпатично самому Гьело Дондубу, который в свое время учился в Нанкине и имел тесные связи с лидером Гоминьдана.

Из сохранившихся писем Тарчина известно, что относительно содержания некоторых публикаций о Тибете издатель «Зеркала Тибета» совершенно точно консультировался с советником по политическим вопросам в Сиккиме, Бутане и Тибете. При этом официально Тарчин отрицал стороннее финансирование «Зеркала Тибета» и позиционировал себя как независимый издатель и преданный тибетский патриот, который выступает против коммунистического вторжения в Тибет как нарушения норм международного права.

«Зеркало Тибета» имеет свои преимущества как исторический источник. Издатель «Зеркала Тибета» балансировал на стыке интересов пронационалистически-настроенных представителей Тибета, Великобритании, Индии, США и даже Гоминьдана, поэтому его публикации на тему «тибетского вопроса» отличаются высокой степенью оригинальности. Несмотря на то, что редакция газеты располагалась не в самом Тибете, а в Калимпонге, фактически это был второй по приоритетности после самого Тибета эпицентр сосредоточения тибетских новостей, так как в первой половине XX в. в Калимпонг регулярно приезжали торговцы и аристократы со всей протяженности Тибетского плато, а в 1950-е гг. город стал транзитным пунктом на пути тибетоязычных эмигрантов из Китая, что не могло не способствовать редактору «Зеркала Тибета» в получении

новостей из Тибета из первых уст. Предлагая необычную протибетскую точку зрения на события в Тибете в 1949–1963 гг., «Зеркало Тибета» дополняет имеющиеся сведения по истории тибетско-китайских отношений и позволяет проследить, как в указанный период проходило становление протибетской националистической парадигмы, которая впоследствии легла в основу идеологической политики Центральной тибетской администрации.

Вплоть до 1960 г. «Зеркало Тибета» было единственным периодическим изданием, отражающим антикоммунистическую и в то же время протибетскую позицию. В условиях весьма ограниченного числа альтернативных источников информации на тибетском языке в 1950-е гг. «Зеркало Тибета», безусловно, имело свой вес и вносило свой вклад в процесс развития современного тибетского национализма и утверждения широко принятого идеализированного образа Тибета. Рожденный на территории Индии Тарчин не являлся тибетцем по праву почвы, однако его труды над изданием «Зеркала Тибета» были высоко оценены членами тибетоязычной диаспоры, в связи с чем можно говорить об особом статусе редактора как раннего тибетоязычного идеолога тибетского национализма и одного из основоположников (а в 1949–1950-е гг., возможно, единственного автора) медийного дискурса независимости на тибетском языке.

После официального провозглашения руководством КНР курса на «освобождение» Тибета в 1949 г. Тарчин начал регулярно публиковать дискурсивные публикации, в которых актуализировал видение независимого прошлого, настоящего и будущего Тибета, а также пропагандировал идею нелегитимности власти коммунистического правительства не только в Тибете, но и в Китае. Стремясь внести отчуждение и антагонизм в отношении местных тибетоязычных жителей и представителей КНР в Тибете, редактор с самого начала 1950-х гг. изображал тибетско-китайские отношения в рамках фрейма «конфликт» и внушал читателям, что «чужим»-атеистам нельзя верить, а их нововведения принесут лишь вред и лишения населению Тибета. Во второй половине 1950-х гг. Тарчин в деталях описывал подавление восстаний в восточном Тибете и убеждал реципиентов своего дискурса в том, что китайские коммунисты – это не просто

«чужие», а «враги», «демоны», «варвары» и «бандиты», сосуществование с которыми на одной территории представляется абсолютно невозможным для мирного и глубоко религиозного народа Тибета.

В 1950–1960-е гг. редактор «Зеркала Тибета» выступал в роли тибетоязычного историка-мифотворца и летописца своей эпохи. Опираясь на одобренную британскими колониальными чиновниками концепцию «тибетской нации», Тарчин заполнял имеющиеся пробелы в пронационалистической версии репрезентации истории Тибета искажающими восприятие исторической действительности эмоциональными ремарками, яркими метафорами и сравнениями, модальной последовательностью изложения информации и деконтекстуализированными фактами, «подтверждающими» независимость Тибета в прошлом и утверждающими право Тибета на независимость в настоящем и будущем. Поддерживать связность метанарратива тибетской независимости редактору также удавалось с помощью навязывания образа идеального «золотого века» Тибета, который был утрачен в результате несправедливого вторжения китайских коммунистов, но который еще можно было вернуть, если жители Тибета и весь мир немедленно вступят в борьбу против «всеобщего врага»-КНР во имя будущего «счастья независимости» Тибета.

Помимо радикальных призывов к вооруженной национально-освободительной борьбе против китайских коммунистов и наивысшему самопожертвованию в форме лишения жизни ради общего блага Тибета, Тарчин предлагал другие интересные шаги для достижения независимости, например беречь истинную историю Тибета, не передавать в руки «чужих» тексты договоров Тибета с другими странами и сохранять традиционную религиозно-светскую идеологию и правовую систему Тибета, тибетский язык и письменность, национальный костюм, валюту, почту и телеграф. Кроме того, редактор «Зеркала Тибета» учил тибетоязычную аудиторию, с какими государствами целесообразно дружить и как нужно грамотно презентовать «тибетский вопрос» мировой общественности, чтобы заручиться поддержкой других стран мира и ООН.

Создавая образ независимого на протяжении истории Тибета, редактор размещал в «Зеркале Тибета» как собственные размышления, так и сообщения очевидцев описываемого «коммунистического гнета» в Тибете, комментарии «сведущих» анонимов, высказывания в поддержку независимости Тибета зарубежных экспертов и даже мнение самой авторитетной фигуры для тибетской диаспоры – Далай-ламы. В надежде привлечь внимание большей аудитории к «тибетскому вопросу» в конце 1950-х–1963 г. Тарчин периодически выпускал материалы о Тибете на английском языке.

Конструируя метанарратив тибетской независимости, Тарчин представлял Тибет до и после подписания Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. как «рай» и «ад» на Земле. Редактор сталкивал в публикациях два эффектных утрированных образа: неадекватного «агрессора» в лице лицемерных китайских коммунистов и их злонамеренного вождя Мао Цзэдуна и несчастной «жертвы» агрессора – жестоко притесняемых добродетельных жителей Тибета и их милосердного лидера Далай-ламы XIV, который вынужденно иммигрировал в Индию во имя благополучия своего народа. Во многих материалах «Зеркала Тибета» редактор демонстрировал, как представители КНР пренебрегали традиционными тибетскими ценностями и безжалостно оскверняли объекты религиозного культа в Тибете. Прочтение новостей о вопиющем произволе китайских коммунистов определенно не могло порождать у тибетоязычных читателей ничего, кроме чувства несправедливости и неприязни по отношению к КНР. В нарративе Тарчина подобное поведение китайских коммунистов в Тибете также объясняло, почему мирные религиозные жители Тибета должны вступить, если еще не вступили, на путь «праведной» борьбы с «врагами Учения».

Хотя тибетский национализм в «Зеркале Тибета» нашел свое выражение преимущественно в религиозных терминах (например «тибетское религиозное государство» (тиб. *bod chos ldan rgyal khab*), «тибетская религиозная земля» (тиб. *bod chos ldan gyi zhing*), «сочетание религиозного и светского» (тиб. *chos srid gnyis ldan*), «буддийский правитель» (тиб. *chos rgyal*), «Учение Победоносного» (тиб.

rgyal bstan) и «враги Учения» (тиб. *bstan dgra*)), «преображая прошлое»²²⁴⁴, Тарчин параллельно с традиционным тибетским религиозным обрамлением исторического нарратива вводил в оборот современную социально-политическую терминологию и ссылаясь на основные принципы международного права, что помогало сделать его дискурс о «тибетском вопросе» более понятным и убедительным для западных реципиентов.

Для усиления персуазивного эффекта редактор «Зеркала Тибета» нередко прибегал к лексическому манипулированию, различным тропам и фигурам речи. Используя творческий подход к изложению информации и провоцируя читателей на эмоциональный отклик, Тарчин публиковал предсказания будущего, дидактические поговорки, притчи и басни, оппозиционные песни и стихотворения. Для большинства публикаций на тему политики КНР в Тибете в 1950–1960-е гг. характерна экспрессивность, оценочность и манипулятивность. Уничжительный тон в описаниях «чужих» в некоторых случаях дополнялся применением амелиорации для характеристики не менее насильственных действий «своих». Говоря о видах речевых актов в дискурсивных материалах «Зеркала Тибета», следует выделить генерализирующие утверждения, укорительные замечания, обвинения, риторические вопросы, предупреждения, угрозы и просьбы-призывы к действию.

Редактор «Зеркала Тибета» воздействовал на сознание и подсознание своих реципиентов и через соответствующий визуальный ряд, дополнительно накалявший эмоциональный заряд информации. Выпуски «Зеркала Тибета» за 1949–1963 гг. содержат большое количество иллюстративных материалов (политические карикатуры, рисунки, фотографии, карты), которые популяризировали символы независимого Тибета, воспроизводили положительные образы иностранных «союзников» Тибета в борьбе за независимость и формировали негативный образ КНР как жестокого «агрессора», притесняющего

---

²²⁴⁴ О «вечном преобразении прошлого» путем изменения его «смысловой, выразительной, говорящей стороны» см. Бахтин 1986: 430.

не только слабый независимый Тибет, но и потенциально опасного для всех остальных «мирных» государств.

Призывая с самого начала 1950-х гг. к консолидации всех жителей Тибета как единого тибетского народа, Тарчин способствовал оформлению ключевого объединяющего понятия «тибетская нация», которое сначала воплотилось в «Зеркале Тибета» в виде концепции «тринадцати тибетских *тикор*», а затем в 1960-е гг. было преобразовано в модель «*чолкасум*». Понятие «тибетская нация», равно как и разработанные редактором способы аргументации, идеологемы, национальные «истины» и «доказательства» исторической независимости Тибета приобрели особую актуальность после эмиграции Далай-ламы XIV за пределы Тибета, когда политической элите «Тибета в изгнании» понадобился свой официальный нарратив, легитимирующий власть Центральной тибетской администрации над растущей тибетоязычной общиной иммигрантов, сближающий разрозненных выходцев из разных регионов Тибетского плато в единую «тибетскую нацию в изгнании» и обеспечивающий эффективную интернационализацию «тибетского вопроса» в сложившихся условиях.

Вполне возможно, что некоторые дискурсивные конструкты, актуализированные в «Зеркале Тибета» в 1950-е гг., были впервые введены в обращение протибетских авторов именно благодаря Тарчину. Фрагменты созданного в «Зеркале Тибета» метанарратива тибетской независимости нашли свое отражение в трудах видных членов тибетской диаспоры и были инкорпорированы в официальный национальный нарратив тибетской общины в изгнании. Вслед за Тарчином Далай-лама XIV и чиновники ЦТА продолжили воспроизводить образ Тибета до 1951 г. как исключительно «мирной буддийской обители»²²⁴⁵, население которой жило в полной гармонии на протяжении многих веков и существование которой в настоящем оказалось под угрозой тотального уничтожения по вине китайских коммунистов. Заложенная редактором «Зеркала Тибета» традиция изображения тибетцев как невинных жертв агрессии и религиозных преследований представителей КНР также повлияла на то, что сейчас

---

²²⁴⁵ Brox 2006: 96.

Далай-ламу XIV и членов тибетской общины в изгнании воспринимают как «хранителей древней культуры» Тибета, в то время как китайские коммунисты, по выражению Церинг Шаки, считаются «разрушителями» этой культуры²²⁴⁶.

И, если у редактора «Зеркала Тибета» были объективные сложности с распространением выпусков газеты в Тибете в 1950-е гг. и единовременным «потреблением» его пронационалистических публикаций читательской аудиторией, необходимым для мобилизации тибетоязычного населения в «воображении» себя в качестве представителей единой тибетской нации, то у Далай-ламы XIV и чиновников ЦТА в 1960-е гг. каких-либо ограничений для коммуникации с тибетской диаспорой уже не было. Будучи повторяем и институционализирован, властный дискурс Далай-ламы XIV и Центральной тибетской администрации занял привилегированное положение в тибетской диаспоре, поскольку в рамках именно этого дискурса происходит социализация членов диаспоры и формирование их представлений о том, кто такие тибетцы²²⁴⁷. Таким образом, можно говорить о том, что после 1959 г. актуализированная Тарчином в «Зеркале Тибета» пронационалистическая репрезентация истории Тибета была трансформирована в политическое оружие правительства Тибета в изгнании в их виртуальной борьбе за независимость.

Историческое прошлое является одним из наиболее важных элементов нации²²⁴⁸. Устанавливая единство во времени через синтез опыта прошлого и ожиданий будущего, историческое сознание определяет направленность прошлого к настоящему и будущему. Сконструированный Тарчином метанарратив тибетской независимости нес проективную функцию, благодаря которой в первые годы после иммиграции формировалась коллективная память представителей «тибетской нации в изгнании», идентифицирующая группу разобщенных тибетоязычных иммигрантов в Индии, наделяющая их «чувством» общего прошлого и определяющая их коллективные устремления на будущее²²⁴⁹. Всеобъемлющий

---

²²⁴⁶ Shakya 2000: 413.

²²⁴⁷ Brox 2006: 103.

²²⁴⁸ Bentz 2006: 56.

²²⁴⁹ О роли и функционировании коллективной памяти см. Репина 2011: 454.

метанарратив тибетской независимости в «Зеркале Тибета» также подготовил условия для того, чтобы подавить частные нарративы тех, кто не разделял Лхаса-центричную перспективу на историю Тибета и отвергал утвержденную ЦТА модель тибетской нации как «чолкасум». Чтобы избежать культурного давления и соответствовать установленным идеалам групповой идентификации, члены тибетской диаспоры были вынуждены либо приобщиться к предложенному Центральной тибетской администрацией официальному национальному нарративу, либо отказаться от своей идентификации как представители «тибетской нации в изгнании».

Список использованных источников и литературы

Источники

1. The Tharchin Collection. C.V. Starr East Asian Library, Columbia University. [Описание архива см. Columbia University Libraries. URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books---special-collections/tharchin.html (дата обращения: 27.06.2022)].
2. *The Tibet Mirror* Vol.I No.1, October 1925.
3. *The Tibet Mirror* Vol.VI No.11, November 1932.
4. *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.8, October–November 1936.
5. *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.10, January 1937.
6. *The Tibet Mirror* Vol.X No.1, June 1938.
7. *The Tibet Mirror* Vol.XI No.12, July 1943.
8. *The Tibet Mirror* Vol.XV No.1, November 1946.
9. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949.
10. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949.
11. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949.
12. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950.
13. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.5, February–March 1950.
14. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.7, June 1950.
15. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950.
16. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950.
17. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950.
18. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.11, October 1950.
19. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950.
20. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951.
21. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951.
22. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951.
23. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951.
24. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951.

25. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951.
26. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951.
27. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.10, January 1952.
28. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952.
29. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952.
30. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952.
31. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952.
32. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952.
33. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952.
34. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.1, April 1953.
35. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.2, May 1953.
36. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.3, June 1953.
37. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.4, July 1953.
38. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953.
39. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953.
40. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953.
41. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954.
42. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954.
43. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954.
44. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954.
45. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954.
46. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954.
47. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.6, September 1954.
48. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954.
49. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954.
50. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.9, September 1954.
51. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.11, November 1954.
52. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.1, December 1954.
53. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955.
54. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955.

55. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956.
56. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.8, July 1956.
57. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956.
58. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956.
59. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956.
60. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956.
61. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957.
62. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957.
63. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957.
64. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.5, September 1957.
65. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.9–10, January–February 1958.
66. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958.
67. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958.
68. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1, May 1958.
69. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958.
70. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958.
71. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.5, September–October 1958.
72. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958.
73. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958.
74. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959.
75. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959.
76. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959.
77. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959.
78. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959.
79. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959.
80. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959.
81. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959.
82. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960.
83. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960.
84. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960.

85. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960.
86. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960.
87. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960.
88. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960.
89. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961.
90. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961.
91. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961.
92. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961.
93. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961.
94. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.11, September 1961.
95. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962.
96. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963.
97. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.2, February 1963.
98. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963.
99. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.4, April–May 1963.
100. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.5, May–June 1963.
101. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.6, July–August 1963.
102. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963.
103. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963.
104. “Yul phyogs so so’i gсар ’gyur me loñ” [Электронное собрание выпусков газеты «Зеркало Тибета»] // Columbia University Libraries Digital Collections.
URL:
http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html (дата обращения: 27.06.2022).

Литература

На русском языке

105. Бахтин М.М. 1986. Эстетика словесного творчества. Москва: Издательство «Искусство».

106. Брандес М.П. 2004. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд. Москва: Прогресс-традиция, ИНФРА-М.
107. Ванина Е.Ю. 2014. Индия: история в истории. Москва: Наука – Восточная литература.
108. Владинец Н.И. 1984. Филателистическая география. Страны Азии (без СССР). Москва: Радио и связь.
109. Гарри И.Р. 2009. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX–начало XXI вв.). Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
110. Гарри И.Р. 2020. «Культ Авалокитешвары и конкурирующие национализмы сино-тибетского пограничья (1911–1951 гг.)» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Выпуск №1 (38). С.13–36.
111. Гроховский П.Л. (ред.). 2014. Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики: науч. издание. СПб: Филологический факультет СПбГУ.
112. Данилова А.А. 2014. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 3-е изд. Москва: Добросвет, Издательство «КДУ».
113. Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. 2008. История России: учебник. Москва: ТК Велби, Издательство Проспект.
114. Денисов Ю.П. 2011. «Категория “дискурс” в историческом познании» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы, 2-е изд., под ред. Л.П. Репиной. Москва: Издательство ЛКИ. С.165–181.
115. Дылыкова В.С. 1973. «Назидательные речения Сакья Пандиты» // Изучение китайской литературы в СССР: сборник статей к шестидесятилетию члена-корреспондента АН СССР Н.Т. Федоренко, под ред. М.Е. Шнейдер. Москва: Наука. С.42–56.
116. Касевич В.Б. 1996. Буддизм. Картина мира. Язык. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение».
117. Кукарцева М.А. 2018. Исследования по философии истории, политики, безопасности. Том 1: Философия истории и историческая наука. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°».

118. Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. 2005. История Тибета с древнейших времен до наших дней. Москва: Восточная литература РАН.
119. Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой / Под ред. А.Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС.
120. Левшенко Ю.И. 2012. «Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов» // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Выпуск №7 (21). Ч.II. С.100–108.
121. Маслов Е.С. 2015. «Понятие “метанарратив” Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии» // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Выпуск №2 (52). Ч.II. С.150–152.
122. Михайлова Н.Н. 2014а. «Жизнь и творчество Гедун Чопела (1903–1951) – первого современного тибетского ученого, литератора, просветителя» // Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики: науч. издание, под ред. П.Л. Гроховского. СПб: Филологический факультет СПбГУ. С.33–70.
123. Михайлова Н.Н. 2014б. «Значение газеты “Юлчог сосой саргьюр мелонг” (1925–1963) для модернизации тибетского литературного языка и создания светской литературы на тибетском языке» // Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики: науч. издание, под ред. П.Л. Гроховского. СПб: Филологический факультет СПбГУ. С.71–121.
124. Москалева Н.Н. 2017. «Газета “Зеркало Тибета” как исторический источник» // Проблемы Дальнего Востока. Выпуск №2. С.117–127.
125. Москалева Н.Н. 2020. «Газета “Зеркало Тибета” и формирование идеологии тибетского национализма в 1950–1960-е гг.» // Этносоциокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема

- идентичности. Сборник Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва: Пробел-2000. С.231–234.
126. Островская Е., Рудой В. 2009. Космос и карма. Введение в буддийскую культуру. Санкт-Петербург: Издательство «СПБКО».
127. Островская-младшая Е.А. 2008. Тибетский буддизм. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика»; «Петербургское востоковедение».
128. Потапова Н.Д. 2015. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
129. Репина Л.П. 2011. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная история и историографическая практика. Москва: Кругъ.
130. Репина Л.П. 2020. «Историческая память и нарративы национальной идентичности: “практика истории на службе памяти”» // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы идентичности: коллективная монография, под общ. ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон. С.9–36.
131. Рынков В.М. 2010. «Периодическая печать: место в системе исторических источников» // Отечественные архивы. Выпуск №3. С.44–50.
132. Сапожников А.И. 2009. «Газетные публикации как исторический источник (подробности сражения при Шёнграбене в статьях из гамбургской газеты)» // Библиотекосведение. Выпуск №2. С.53–57.
133. Тихвинский С.Л. (ред.). 2017. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Том VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / Отв. ред. Ю.М. Галенович. Москва: Наука.
134. Уайт Х. 2002. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
135. Ферро М. 2014. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с франц. Е.И. Лебедевой. Москва: Книжный клуб 36.6.

136. Фуко М. 1996. «Диспозитив сексуальности» // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. Табачниковой, под общей ред. А. Пузыря. Москва: Касталь. С.175–238.
137. Фуко М. 2002. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса, под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Москва: Практис.
138. Цендина А.Д. 2006. ... и страна зовется Тибетом. 2-е изд. Москва: Восточная литература.
139. Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. 2014. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». Москва: Ленанд.
140. Шевченко И. 1991. «Почтовые призраки» // Филателия. Выпуск № 11. С.64.
141. Шнирельман В.А. 1999. «Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика» // Македония: проблемы истории и культуры, под ред. Р.П. Гришиной. Москва: Институт славяноведения РАН. С.9–24.
142. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. 2010. История Индии. XX в. Москва: Институт востоковедения РАН.

На иностранных языках

143. Adams V. 1996. “Karaoke as Modern Lhasa, Tibet: Western Encounters with Cultural Politics” // Cultural Anthropology. Vol.11, No.4. P.510–546.
144. Anand D. 2010. “(Re)imagining Nationalism: Identity and Representation in the Tibetan Diaspora of South Asia” // Contemporary South Asia. Vol.9, No.3. P.271–287.
145. Anderson B. 2016. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London and New York: Verso.
146. Asfuroglu P. 2012. The Politics of Representation: The Construction of the Tibetan National Identity in Exile. MA Thesis. Leiden: Universiteit Leiden.

147. Barnett R. 2001. “‘Violated Specialness’: Western Political Representations of Tibet” // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications. P.269–316.
148. Barnett R. 2006. *Lhasa: Streets with Memories*. New York: Columbia University Press.
149. Barnett R. 2012. “Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet” // *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol.41, No.4. P.45–107.
150. Barnett R. 2020. “Introduction” // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.1–36.
151. Barnett R., Weiner B., and Robin F. (eds.). 2020. *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*. Leiden and Boston: Brill.
152. Basu S. 2018. In *Diasporic Lands: Tibetan Refugees and Their Transformation since the Exodus*. Delhi: Orient Blackswan.
153. Baumgartner J. 1981. “Newspapers as Historical Sources” // *Philippine Quarterly of Culture and Society*. Vol.9, No.3. P.256–258.
154. Beer R. 2003. *The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols*. Chicago and London: Serindia,
155. Bentz A.-S. 2006. “Reinterpreting the Past or Asserting the Future? National History and Nations in Peril–The Case of the Tibetan Nation” // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol.6, No.2. Special Issue: Nations and Their Pasts. P.56–70.
156. Brox T. 2006. “Tibetan Culture as Battlefield: How the Term ‘Tibetan Culture’ is Utilized as Political Strategy” // *Buddhismus in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltsigkeit im Buddhismus*, Vol.X, ed. by L. Schmithausen. Hamburg: Universität Hamburg. P.85–105.
157. Brox T. 2012. “Constructing a Tibetan Demos in Exile” // *Citizenship Studies*. Vol.16, Nos.3–4. P.451–467.

158. Brox T. and Zeitzen M.K. 2017. "Prince Peter's Seven Years in Kalimpong: Collecting in a Contact Zone" // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone"*, ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.245–272.
159. Brox T. and Zeitzen M.K. 2021. "Measuring the Tibetan Nation: Anthropometry in 1950s Kalimpong" // *Modern Asian Studies* (Online Publication, December 23). P.1–26.
160. Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. 1997. *My Land and My People: The Original Autobiography of His Holiness the Dalai Lama of Tibet*. New York and Boston: Warner Books.
161. Bulag U.E. 2002. *The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
162. Chilton P. 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London and New York: Routledge.
163. Claude R.P. 1994. "Book Review. The International Commission of Jurists: Global Advocates for Human Rights" // *Human Rights Quarterly*. Vol.16, No.3. P.576–578.
164. Cüppers Ch. and Sørensen P. 1998. *A Collection of Tibetan Proverbs and Sayings: Gems of Tibetan Wisdom and Wit*. Stuttgart: Steiner.
165. Dalai Lama XIV. 2004. "Foreword" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press. P.IX–X.
166. Davenport J.T. (transl.). 2000. *Ordinary Wisdom: Sakya Panditas Treasury of Good Advice*. Boston: Wisdom Publications.
167. David-Neel A. 1986. *My Journey to Lhasa*. Boston: Beacon Press.
168. de Heering X. 2020. "Re-remembering the Day 'Times Turned Around': The Arrival of 'Chinese Soldiers' at Chukhama in 1958" // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.443–477.

169. Deb B. 2020. "A Short History of Tibet Postage Stamps" // *Postal Himal*. No.183. P.4–9.
170. Derrida J. 1978. *Writing and Difference*. Chicago: The University of Chicago Press.
171. Dhondub K. 1986. *The Water-Bird and Other Years. A History of the Thirteenth Dalai Lama and After*. New Delhi: Rang Wang Publishers.
172. Dreyfus G. 2005. "Are We Prisoners of Shangrila? Orientalism, Nationalism, and the Study of Tibet" // *Journal of the International Association of Tibetan Studies*. No.1. P.1–21.
173. Engelhardt I. 2011. "Reflections in *The Tibet Mirror*: News of the World, 1937–1946" // *Mapping the Modern in Tibet*. PIATS 2006: Tibetan Studies: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Königswinter, ed. by G. Tuttle. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH. P.205–264.
174. Engelhardt I. 2012. "Tharchin's One Man War with Mao" // *Studies on the History and Literature of Tibet and the Himalaya*, ed. by R. Vitali. Katmandu: Vajra Books. P.183–211.
175. Engelhardt I. 2013. "Tharchin's *Tibet Mirror*: A Christian Oriented Newspaper?" // *Historical and Philological Studies of China's Western Regions*. No.6. Beijing: Science Press. P.129–155.
176. Engelhardt I. 2018a. "A Dedicated Initiator of Cultural Exchange: Tharchin's Innovative Communication of Knowledge between the Tibetan and Western Worlds" // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. P.91–109.
177. Engelhardt I. 2018b. "The Quip as the Whip: Political Cartoons in the *Melong*" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.41–57.
178. Erhard F.X. 2015. "Tibetan Mass Media: A Preliminary Survey of Tibetan Language Newspapers" // *The Illuminating Mirror. Contributions to Tibetan*

- Studies, Vol.12, ed. by O. Czaja and G. Hazod. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. P.155–171.
179. Erhard F.X. and Hou H. 2018. “The *Melong* in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960” // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.1–39.
180. Fader H.L. 2002. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
181. Fader H.L. 2004. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
182. Fader H.L. 2009. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.3. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
183. Feldman D. 2017. *Tibet, the Olsson and Larsson Collections*. Auction, Geneva (December 5, 2017). Kassel: Meinster Print & Media GmbH.
184. Fisher R. 2011. *The Dialogical Construction of Tibetan-ness: Narratives of Tibetan Identity and Memory*. PhD Diss. Dallas: Southern Methodist University.
185. Foucault M. 1984. “Truth and Power” // *The Foucault Reader*, ed. by P. Rabinau. New York: Penguin Books. P.51–75.
186. Goldstein M. 1992. *A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State*. Berkeley: University of California Press.
187. Goldstein M. 1997. *The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet, and the Dalai Lama*. Berkeley, Los Angeles, and Oxford: University of California Press.
188. Goldstein M. 2004. *The New Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd.
189. Goldstein M. 2007. *A History of Modern Tibet, Vol.2. The Calm before the Storm: 1951–1955*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
190. Goldstein M. 2014. *A History of Modern Tibet, Vol.3. The Storm Clouds Descend: 1955–1957*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.

191. Goldstein M. 2019. A History of Modern Tibet, Vol.4. In the Eye of the Storm: 1957–1959. Oakland: University of California Press.
192. Grunfeld T. 1996. The Making of Modern Tibet. Revised Edition. Armonk: M.E. Sharpe.
193. Hackett P.G. 2018. “On the Outside Looking In, On the Inside Looking Out: Tharchin Babu’s Two-way ‘Mirror’ on Twentieth Century Tibet and the World” // Cahiers du Mirror, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.81–89.
194. Hackett P.G. n.d. “Kalimpong, Gergan Dorje Tharchin, and His Mirror Newspaper. The Tharchin Collection Introductory Article” // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/eastasian/Mirror_Hackett.pdf (дата обращения: 27.06.2022).
195. Halliday M.A.K. 1989. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Hong Kong: Oxford University Press.
196. Hansen P.H. 2003. “Why is There no Subaltern Studies for Tibet?” // The Tibet Journal. Vol.28, No.4. P.7–22.
197. Harrer H. 2009. Seven Years in Tibet. New York: Tarcher.
198. Harris T. 2013. Geographical Diversions: Tibetan Trade, Global Transactions. Athens and London: The University of Georgia Press.
199. Henry F. and Tator C. 2002. Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-Language Press. Toronto: University of Toronto Press.
200. Hess J. 2009. Immigrant Ambassadors: Citizenship and Belonging in the Tibetan Diaspora. Stanford: Stanford University Press.
201. Hillman B. 2018. “Studying Tibetan Identity” // The Sage Handbook of Contemporary China, Vol.2, ed. by W. Wu and M. Frazier. London: Sage Publication. P.713–735.
202. Holmes-Tagchungdarpa A. 2014. “Representations of Religion in The Tibet Mirror. The Newspaper as Religious Object and Patterns of Continuity and Rupture in Tibetan Material Culture” // Material Culture and Asian Religions: Text, Image,

- Object, ed. by B.J. Fleming and R.D. Mann. New York and London: Routledge. P.73–93.
203. Horlemann B. 2020. “The ‘Liberation’ of Golog as Reflected in the Memoir Wang Yuying” // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.89–108.
204. Kapstein M. 2006. *The Tibetans*. Oxford: Blackwell Publishing.
205. Kapstein M. 2009. “The Treaty Temple of the Turquoise Grove” // *Buddhism between Tibet and China*, ed. by M. Kapstein. Somerville: Wisdom Publications. P.21–73.
206. Kauffmann T. 2015. *The Agendas of Tibetan Refugees: Survival Strategies of a Government-in-Exile in a World of Transnational Organizations*. New York and Oxford: Berghahn.
207. Klieger Ch. 1989. “Ideology and the Framing of Tibetan History” // *The Tibet Journal*. Vol.14, No.4. P.3–16.
208. Knaus J.K. 2003. “Official Policies and Covert Programs: The U.S. State Department, the CIA, and the Tibetan Resistance” // *Journal of Cold War Studies*. Vol.5, No.3. P.54–79.
209. Kobayashi R. 2019. “The Political Status of Tibet and the Simla Conference (1913–14): Translated Concepts in Modern Tibet” // *A World History of Suzerainty: A Modern History of East and West Asia and Translated Concepts*, ed. by O. Takashi. Tokyo: Toyo Bunko. P.199–215.
210. Kolås Å. 1996. “Tibetan Nationalism: The Politics of Religion” // *Journal of Peace Research*. Vol.33, No.1. P.51–66.
211. Koselleck R. 2004. *Futures Past. On the Semantics of Historical Time*. Transl. by K. Tribe. New York: Columbia University Press.
212. Lakoff G. 2004. *Don’t Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. White River Junction: Chelsea Green Publishing.

213. Lin H. 2006. *Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928–49*. Vancouver and Toronto: UBC Press.
214. McGranahan C. 2001. *Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet*. PhD Diss. Ann Arbor: The University of Michigan.
215. McGranahan C. 2010. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. Durham and London: Duke University Press.
216. McKay A. 1995. *Tibet and the British Raj, 1904–47: The Influence of the Indian Political Department Officers*. PhD Thesis. London: SOAS London University.
217. McKay A. 2001a. “‘Kicking the Buddha’s Head’: India, Tibet and Footballing Colonialism” // *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*, ed. by P. Dimeo and J. Mills. London: Franc Cass. P.89–104.
218. McKay A. 2001b. “‘Truth,’ Perception, and Politics: The British Construction of an Image of Tibet” // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications. P.67–89.
219. McKay A. 2003. “‘We Want a United Tibet’” // *The History of Tibet. Vol.3. The Modern Period: 1895–1959. The Encounter with Modernity*, ed. by A. McKay. London and New York: RoutledgeCurzon. P.646–661.
220. McKay A. 2012. “The British Invasion of Tibet, 1903–04” // *Inner Asia. Vol.14, No.1*. P.5–25.
221. Mehra P. 2003. “The Mongol–Tibetan Treaty of January 11, 1913” // *The History of Tibet. Vol.3. The Modern Period: 1895–1959. The Encounter with Modernity*, ed. by A. McKay. London and New York: RoutledgeCurzon. P.175–190.
222. Mills M.A. 2014. “Who Belongs to Tibet? Governmental Narratives of State in the Ganden Podrang” // *Facing Globalization in the Himalayas: Belonging and the Politics of the Self*, ed. by G. Toffin and J. Pfaff-Czarnecka. New Delhi: SAGE Publications India Pvt Ltd. P.397–418.

223. Misra A. 2003. "A Nation in Exile: Tibetan Diaspora and the Dynamics of Long Distance Nationalism" // *Asian Ethnicity*. Vol.4, No.2. P.189–206.
224. Moskaleva N. 2016. "Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963)" // *Revue d'Etudes Tibétaines*. No.37. P.247–261.
225. Moskaleva N. 2018. "'What Does Babu Say?', a Pinch of Artistic Approach to News Reporting in *The Tibet Mirror* (1949–1963)" // *Revue d'Etudes Tibétaines*. No.46. P.98–148.
226. Moskaleva N. 2020. "*The Tibet Mirror* and History Spinning in the 1950s and 1960s" // *Revue d'Etudes Tibétaines*. No.55. P.409–439.
227. Moskaleva N. and Grokhovskiy P. 2018. "*The Tibet Mirror* Vol.I No.1: Transliterated and Translated" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.147–167.
228. Munson R.V. 2001. *Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
229. Nor brang o rgyan. 2008. *Chos rnam kun btus, Bar cha* [Dictionary of Buddhist Terminology Arranged in Numerical Enumeration, Vol.2]. Beijing: Kh rung go'i bod rig pa dpe skrun khang.
230. Norbu Dawa. 1998. "Pioneer and Patriot: An Extract from an Interview with Rev. G. Tharchin" // *Lungta*. No.11. P.11–12.
231. Norbu Dawa. 2001. *China's Tibet Policy*. Richmond: Curzon Press.
232. Norbu Dawa. 2002. "Introduction" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press. P.XI–XII.
233. Norbu Jamyang. 1986. *Warriors of Tibet: The Story of Aten and the Khampa's Fight for the Freedom of Their Country*. London: Wisdom Publications.
234. Norbu Jigme Thubten, Turnbull C. 1983. *Tibet: Its History, Religion and People*. New York: Penguin Books.
235. Norbu Thubten Jigme. 1961. *Tibet Is My Country, as Told to Heinrich Harrer*. Transl. by E. Fitzgerald. London: Readers Union Rupert Hart-Davis.

236. Okawa K. 2007. "Lessons from Tibetans in Taiwan: Their History, Current Situation, and Relationship with Taiwanese Nationalism" // 东洋文化研究所纪要. 第 152 册 [Summary of the Institute of Research of East Asian Culture. No.152]. P.581–601.
237. Pemba Lhamo. 2007. Tibetan Proverbs. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, Indraprastha Press.
238. Petech L. 1972. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: E.J. Brill.
239. Petech L. 1990. Central Tibet and the Mongols: The Yuan–Sa-skya Period of Tibetan History. Rome: Istituto Italiano Per Il Medio Ed Estremo Oriente.
240. Poddar P. and Lindkvist Zhang L. 2017. "Kalimpong: The China Connection" // Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone", ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.149–174.
241. Powers J. 2004. History as Propaganda. Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China. New York: Oxford University Press.
242. Powers J. 2021. "A Glorious People: Buddhism and Tibetan Nationalism" // Virginia Review of Asian Studies. No.23. P.1–26.
243. Powers J. and Templeman D. 2012. Historical Dictionary of Tibet. Lanham, Toronto, and Plymouth (UK): The Scarecrow Press, Inc.
244. Raymond A. 2020. "Mao, the Chinese Communist Party and the Tibetan Question, 1949–50" // Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.217–236.
245. Reynolds J.M. (transl.). 1996. The Golden Letters. The Three Statements of Garab Dorje, the First Teacher of Dzogchen, together with a Commentary by Dza Patrul Rinpoche, Entitled "The Special Teaching of the Wise and Glorious King". Ithaca: Snow Lion Publications.
246. Ryavec K.E. 2015. A Historical Atlas of Tibet. Chicago and London: The University of Chicago Press.

247. Samuel G. 1993. *Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press.
248. Sawerthal A. 2011. *The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press*. MA Diss. Vienna: University of Vienna.
249. Sawerthal A. 2017. "Foreign News in Early Tibetan-Language Newspapers: Covering Adolf Hitler in the *Melong*" // *Ancient Currents, New Traditions*. Papers Presented at the Fourth International Seminar of Young Tibetologists Held at the Leipzig University from September 7–12, 2015, ed. by F.X. Erhard *et al.* Potsdam: Edition Tethys. P.315–334.
250. Sawerthal A. 2018a. *A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the "Tibet Mirror" (Yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long, 1925–1963) from Kalimpong*. PhD Diss. Heidelberg: Heidelberg University.
251. Sawerthal A. 2018b. "The Round World in Early Tibetan-language Newspapers" // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. P.151–168.
252. Schaeffer K. 2009. *The Culture of the Book in Tibet*. New York: Columbia University Press.
253. Schwieger P. 2015. *The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation*. New York: Columbia University Press.
254. Shakabpa Tsepon W.D. 1984. *Tibet: A Political History*. New York: Potala Publications.
255. Shakya Tsering. 1990. "1948 Tibetan Trade Mission to United Kingdom" // *The Tibet Journal*. Vol.15, No.4. P.97–114.
256. Shakya Tsering. 1993. "Whither the Tsampa Eaters?" // *Himal*. Vol.6, No.5. P.8–11.
257. Shakya Tsering. 2000. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*. New York: Penguin Compass.

258. Shakya Tsering. 2004. *The Emergence of Modern Tibetan Literature—gsar rtsom*. PhD Diss. London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London.
259. Sharma J. 2017. “Kalimpong as a Transcultural Missionary Contact Zone” // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a “Contact Zone”*, ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.25–53.
260. Singh Rohit. 2015. “Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity” // *Oxford Handbooks Online*. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7> (дата обращения: 27.06.2022).
261. Singh Teshu. 2013. “India, China and the Nathu La: Understanding Beijing’s Larger Strategy towards the Region” // *Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) Issue Brief #204*. January 2013. P.1–4.
262. Smith P.J. 2013. “Bhutan-China Border Disputes” // *Beijing’s Power and Border Disputes: Twenty Neighbors in Asia*, ed. by B. Elleman, S. Kotkin, and C. Schofield. Armonk and London: M.E. Sharpe. P.23–35.
263. Smith W. 1996. *Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations*. Boulder and Oxford: Westview Press.
264. Snellgrove D., Richardson H. 1968. *A Cultural History of Tibet*. New York and Washington: Frederick A. Praeger Inc. Publishers.
265. Sperling E. 2004. *The Tibet-China Conflict: History and Polemics*. Washington DC: East-West Center.
266. Spiegel G.M. 1990. “History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages” // *Speculum*. Vol.65, No.1. P.59–86.
267. Tashi Tenzin C. 2010. “Barmiok Athing Tashi Dadul Densapa: Colossus of Sikkim” // *Talk Sikkim* (July 2010). P.37–39.
268. Thondup Gyalo and Thurston A.F. 2015. *The Noodle Maker of Kalimpong: My Untold Story of the Struggle for Tibet*. London: Rider.

269. Tibet Proving Truth from Facts. n.d. Dharamsala: Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration.
270. Tolley H.B. Jr. 1994. *The International Commission of Jurists: Global Advocates for Human Rights*. Pennsylvania: The University of Pennsylvania Press.
271. Topgyal Sonam. 2018. *bod kyi dpe mdzod khang du bzhugs pa'i yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long gi dkar chag dge'o*// [Table of Contents of the Issues of the Tibet Mirror Collection Kept in LTWA] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.169–215.
272. Topla Tsangdruk. 2018. «*gsar 'gyur me long*» *las byung ba'i kun gzigs paN chen sku phreng gnyis kyi gсар 'gyur*/ [News concerning the Ninth and the Tenth Panchen Lama in the *Mirror*] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.59–80.
273. Tsering Tashi. 1998. “The Life of Reverend G. Tharchin, Missionary and Pioneer” // *Lungta*. No. 11. P.9–10.
274. van Dijk T.A. 1985. “Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline” // *Handbook of Discourse Analysis, Vol.1: Disciplines of Discourse*, ed. by T.A. van Dijk. Orlando: Academic Press. P.1–10.
275. van Dijk T.A. 1993. “Principles of Critical Discourse Analysis” // *Discourse & Society, Vol.4, No.2 Special Issue: Critical Discourse Analysis*. P.249–283.
276. van Dijk T.A. 1997. “The Study of Discourse” // *Discourse as Structure and Process, Vol.1. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, ed. by T.A. van Dijk. London: Sage Publications. P.1–34.
277. van Dijk T.A. 2001. “Critical Discourse Analysis” // *The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. Malden and Oxford: Blackwell Publishers. P.352–371.
278. van Dijk T.A. 2006. “Discourse and Manipulation” // *Discourse and Society, Vol.17, No.3*. P.359–383.
279. van Dijk T.A. 2015. “Critical Discourse Analysis” // *The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1, Second Edition*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. West Sussex: Wiley Blackwell. P.466–485.

280. van Schaik S. 2011. *Tibet: A History*. New Haven and London: Yale University Press.
281. van Walt van Praag M.C. *The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law*. London: Wisdom Publications, 1987.
282. Viehbeck M. (ed.). 2017a. *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a “Contact Zone”*. Heidelberg: Heidelberg University Publishing.
283. Viehbeck M. 2017b. “‘The First Tibetan at a Western University?’—Entanglements of Scholarship, Buddhism, and Power in Kalimpong and Beyond” // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a “Contact Zone”*, ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.273–300.
284. Wang-Toutain F. 2018. “Le retour en Asie des reliques de Śāriputra et Maudgalyāyana d’après le Mirror” [The Return to Asia of the Relics of Śāriputra and Maudgalyāyana according to the Mirror] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.91–146.
285. Wang-Toutain F. and Preziosi M. (eds.). 2018. *Cahiers du Mirror*. Paris: BET, Collège de France.
286. Warren A. 2003. “Memoriam: Nelson Eustis 1915–2003” // *Postal Himal*. No.116. P.15–16.
287. Willock N. 2016. “Dorjé Tharchin, the *Mélong*, and the Tibet Mirror Press: Negotiating Discourse on the Religious and the Secular” // *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*. Vol.36, No.1. P.145–162.
288. Woolf D. 2007. “Of Nations, Nationalism, and National Identity. Reflections on the Historiographic Organization of the Past” // *The Many Faces of Clio. Cross Cultural Approaches to Historiography*, ed. by Q.E. Wang and F.L. Fillafer. New York and Oxford: Berghahn Books. P.71–103.
289. Yang E. 2016. “Tracing the *Chol kha gsum*: Reexamining a Sa skya-Yuan Period Administrative Geography” // *Revue d’Etudes Tibétaines*. No.37. P.551–568.

290. Yeh E. 2013. Taming Tibet: Landscape Transformation and the Gift of Chinese Development. Ithaca and London: Cornell University Press.
291. Zayul Lobsang Nyandak. n.d. International Resolutions and Recognition of Tibet (1959 to 2004). Dharamsala: Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration.

Интернет-ресурсы

292. «Формоза» // Большая советская энциклопедия онлайн. URL: <https://bse.slovaronline.com/47936-FORMOZA> (дата обращения: 27.06.2022).
293. “22 Holiday List” // Bureau of His Holiness the Dalai Lama, New Delhi. URL: <https://tibetbureau.in/2017-holiday-list/> (дата обращения: 26.12.2022)
294. “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html> (дата обращения: 27.06.2022).
295. “Five Point Peace Plan (1987)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet3.html> (дата обращения: 27.06.2022).
296. “Map of Tibet” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/map-of-tibet/> (дата обращения: 27.06.2022).
297. “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/> (дата обращения: 27.06.2022).
298. Norbu Jamyang. 2005. “Newspeak & New Tibet: Part III” // Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <http://jnorbu.blogspot.ru/2007/02/newspeak-new-tibet-part-iii.html> (дата обращения: 27.06.2022).
299. Norbu Jamyang. 2007. “Freedom Wind, Freedom Song: Dispelling Modern Myths about the Tibetan National Flag and National Anthem” // TibetWrites. URL: <https://www.tibetwrites.in/articles/freedom-wind-freedom-song-dispelling-modern-myths-about-the-tibetan-national-flag-and-national-anthem/> (дата обращения: 15.01.2022).

300. Norbu Jamyang. 2014. “The Political Vision of Andrugtsang Gompo Tashi” // Shadow Tibet: Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2014/09/27/the-political-vision-of-andrugtsang-gompo-tashi/> (дата обращения: 27.06.2022).
301. Norbu Jamyang. 2016. “Untangling the Mess of Petrified Noodles” // Shadow Tibet. Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2016/06/29/untangling-a-mess-of-petrified-noodles/> (дата обращения: 27.06.2022).
302. Norbu Jamyang. 2019. “Political Cartoons from March 1959” // Shadow Tibet: Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2019/01/28/political-cartoons-from-march-1959/> (дата обращения: 27.06.2022).
303. “Question of Tibet: Resolution / Adopted by the General Assembly 1959” // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/664377?ln=en> (дата обращения 27.06.2022).
304. “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html> (дата обращения: 27.06.2022).
305. “Resolution 1001 (ES-I)” // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/208418?ln=en> (дата обращения 27.06.2022).
306. “The Extended Wylie Transliteration Scheme” // The Tibetan and Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/transliteration/#essay=/thl/ewts> (дата обращения: 27.06.2022).
307. “Voting Data: Hungary” // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data&p=hungary&f=&action_search=Search&rm=&ln=en&sf=&so=d&rg=50&c=Voting+Data&c=&of=hb&fti=0&fti=0 (дата обращения 27.06.2022).

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript Copyright

Natalia N. Moskaleva

**CONSTRUCTING THE METANARRATIVE OF INDEPENDENCE IN
THE TIBET MIRROR NEWSPAPER IN THE 1950S AND 1960S**

5.6.2. History

DISSERTATION

submitted in conformity with the requirements
for the degree of Candidate of Historical Sciences

Translation from Russian

Academic advisors

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pavel L. Grokhovskiy

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Alexey A. Rodionov

St. Petersburg

2023

Introduction	4
Chapter 1. <i>The Tibet Mirror</i> as a Historical Source	31
1.1. Newspapers as Historical Sources	31
1.2. Historical and Geographical Context of <i>The Tibet Mirror</i>	33
1.3. Publisher of <i>The Tibet Mirror</i>	38
1.4. History of Production and Distribution of <i>The Tibet Mirror</i>	45
1.5. Conclusion	65
Chapter 2. Exploring <i>The Tibet Mirror</i> through the Sieve of Metanarrating Independence in the 1950s and 1960s	69
2.1. History of Tibet in the Discourse of Politics and Genesis of Tibetan Nationalism	69
2.2. <i>The Tibet Mirror</i> Publications in Terms of Discourse Analysis	80
2.2.1. Brief Introduction of Discourse Analysis	80
2.2.2. Tenor of Discourse	86
2.2.3. Field of Discourse	97
2.2.3.1. Constructing the Past.....	99
2.2.3.2. Constructing the Present	129
2.2.3.3. Constructing the Future	171
2.2.3.4. Constructing the Image of the Other	194
2.2.3.5. Constructing the Image of the Self.....	223
2.2.3.6. Constructing the Group of Tibet’s “Friends” and Internationalization of the Tibet Question.....	253
2.2.4. Mode of Discourse	289
2.2.4.1. Lexical Means and Stylistic Devices	289
2.2.4.2. Genre Diversity	304
2.2.4.2.1. Didactic Publications.....	305
2.2.4.2.2. Prophecies	331
2.2.4.2.3. Songs and Poems.....	336

2.2.5. Means of Visual Support of Discourse	353
2.2.5.1. National Symbols of Tibetan Diaspora	354
2.2.5.2. “Friends” of Tibet	383
2.2.5.3. Political Cartoons and Propaganda Visuals	400
2.3. Conclusion	419
Chapter 3. Historical and Cultural Heritage of <i>The Tibet Mirror</i>	425
3.1. <i>The Tibet Mirror</i> as a Tool for Socio-Political Modernization of Tibet.....	425
3.2. <i>The Tibet Mirror</i> and National Narrative of Tibetan Diaspora.....	443
3.3. Conclusion	468
Conclusion	473
List of Primary Sources and Secondary Literature	482

Introduction

Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long (lit. “The Mirror of News from Various Countries,” also known as *The Tibet Mirror*,¹ published from 1925 to 1963) was probably the first periodical in the Tibetan language started by a publisher of Tibetan ethnic origin. Although it was produced in the bordering area with Tibet, that is, in Kalimpong (the present-day state of West Bengal, India), *The Tibet Mirror* served as an important source of information for Tibetan speakers both in India and Tibet. As one of the few Tibetan-language media outlets in the first half of the 20th century, *The Tibet Mirror* made a significant impact on the traditional worldview of Tibetan-speaking readers and the development of contemporary Tibetan socio-political thought.

Dorje Tharchin Babu² (1890–1976), the chief editor of *The Tibet Mirror*, became famous among Tibetans as a prominent public figure and a Christian missionary, as well as an implacable opponent of communism who repeatedly warned the Tibetan government of the “imminent danger” of communist “invasion” of Tibet.³ It is obvious that Tharchin—as the main ideologist and author of publications in *The Tibet Mirror*—could have hardly avoided expressing his evaluative judgments in the articles and presenting his own interpretation of the events described. Starting from the year of 1950, the editor had been openly criticizing the policy of the Chinese communist government and encouraging his readers to engage in a joint struggle for the independence of Tibet. Tharchin’s propagandistic publications on the independent historical development of Tibet formed the basis of a pro-Tibetan discourse on the pages of *The Tibet Mirror* and were the examples of the first pro-nationalist publicistic texts in Tibetan published by an ethnic Tibetan. Throughout the 1950s and 1960s, Tharchin had been creating his pro-Tibetan version of the history of one Tibetan nation, reproducing Tibetan national symbols, and actualizing the so-called “Tibet Question” within the frame of

---

¹ Since the editor of the newspaper used *The Tibet Mirror* as an abbreviated English title for his periodical, I will, therefore, also use this name in the present dissertation.

² Tib. *rdo rje mthar phyin sba' sbu*.

³ Engelhardt 2012: 186.

the Tibetan–Chinese conflict, thus constructing an overarching metanarrative⁴ of Tibetan independence that was later favorably received by the Tibetan-speaking community in India and was further developed by pro-nationalist authors from the Tibetan diaspora in their publications on Tibetan history.

The Tibet Question, or the problem of interpretation of historical facts paramount for determining the holder of the legitimate right to rule over the Tibetan Plateau,⁵ has evolved throughout the years by passing through several stages—from complete obscurity to the international community and Tibetans’ failure to draw the attention of the General Assembly of the United Nations (UN) to their issue in 1950 to the first UN resolution that condemned the policy of the People’s Republic of China (PRC) in Tibet in 1959 and the subsequent popularization of the campaign for a free Tibet in a large number of countries of the world. The official incorporation of central Tibet into the PRC—as a result of the peaceful signing of the 17-Point Agreement in Beijing in 1951—did not stop but, on the contrary, stimulated the pro-Tibetan lobby of the Tibet Question, of which the editor of *The Tibet Mirror* was definitely a member, to act more proactively. Having transformed his newspaper into a tool of ideological struggle against communism, in the 1950s, Dorje Tharchin regularly promoted pro-Tibetan nationalist ideas and openly called for resistance to the establishment of the Chinese communist rule in Tibet.

After a large-scale armed conflict in Lhasa in March 1959, the 14th Dalai Lama Bstan ’dzin Rgya mtsho (1935–present time) and tens of thousands of Tibetans emigrated outside the PRC, thus giving rise to the so-called “Tibetan exile community.” The emigration of the Dalai Lama from Tibet and the establishment in India of the unrecognized “Tibetan government-in-exile” (also known as the Central Tibetan Administration or CTA) have enhanced the importance of the Tibet Question in the sphere of international relations. For more than 70 years already, the

---

⁴ The term “metanarrative,” or “grand narrative,” became popular after *The Postmodern Condition* was published by the French philosopher Jean-François Lyotard (1924–1998) in 1979. In the context of historical studies, the theory of historical narratives was actively developed by the American theorist of poststructuralist philosophy of history Hayden White (1928–2018) in his work entitled “Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe” (1973). The rationale for applying this term in the present dissertation will be discussed in more detail in the subsection on the research methodology.

⁵ Powers 2004: 4.

problem of interpreting Tibetan history has been troubling Tibetan and Chinese scholars, as well as other researchers from academic institutions all around the world. From the 1950s till the present, through the efforts of the Tibetan immigrant community—alongside with the help of other interested political actors—the Tibet Question has been continuously internationalized, often being a trigger of controversy and serving as a litmus test for relations of a country with the PRC. The Tibet Question has been played out in such a way that the political elite of “Tibet-in-exile,” having developed their version of the history of the Tibetan nation, not only managed to legitimize their right to represent and rule over the community of Tibetan-speaking emigrants from the PRC, but also succeeded in attracting the sympathy and support of a large part of the international community for the pro-Tibetan view on the Tibet Question, while Tibetans themselves, in the words of the former professor of Columbia University and the founder of the Tibet House in the United States, Robert Thurman (1941–present time), have become “the baby seals of the human rights movement.”⁶

The study of the Tibet Question and competing representations of Tibetan history requires an analysis of the genesis of ideology of Tibetan nationalism and a critical reassessment of the entire history of Tibet in the discourse of its politicization. This dissertation presents an attempt to elaborate on the construction of the metanarrative of Tibetan independence and the corresponding pro-nationalist model of representation of Tibetan history based on the analysis of examples of publications from a Tibetan-language periodical which was published in the 1950s and 1960s and, hence, on the one hand, was a contemporary of the many controversially assessed events of modern Tibetan history and, on the other hand, stood at the forefront of publicistic writing on Tibetan nationalism in the Tibetan language.

---

⁶ R. Thurman *cit. ex* Barnett 2001: 277.

Relevance of the Research Topic

The relevance of the present research stems from the fact that newspaper publications remain largely understudied in terms of the influence of Tibetan-language print media on the development of national consciousness and popularization of the narrative of historically independent Tibet. The study of the early period of formation of modern Tibetan nationalism and the role of *The Tibet Mirror* as a channel for actualization of the pro-nationalist discourse allows one to track how a set of political tools of the ruling elite of “Tibet-in-exile” was developed and explain with the help of which linguistic and extralinguistic means the manipulation of mass consciousness was conducted.

Materials for the study of *The Tibet Mirror* have become available to the international academic community relatively recently. In May 2009, a small selection of scanned newspaper issues was posted on the website with digital collections of the Columbia University Libraries.⁷ The selection has been gradually supplemented and by 2020, it comprised 70% of extant issues of *The Tibet Mirror*. Most publications of *The Tibet Mirror* are still practically unexplored by both Russian scholars and foreign Tibetologists. At the same time, the research on *The Tibet Mirror* always sparks an interest of fellow colleagues and encouraging feedback from them. As far as it is known from recent meetings and a discussion of the current state and prospects of research on *The Tibet Mirror* at a conference in Paris in November 2016, there have been no scholarly works on the topic of metanarrative of Tibetan independence and there have been no Tibetologists who studied *The Tibet Mirror* in terms of interpretation of its publications from the 1950s and 1960s for the purpose of studying the development of Tibetan nationalism. Given that, foreign colleagues insist that *The Tibet Mirror* as a historical source deserves much more attention than it has received so far.⁸

⁷ See “Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me loñ” // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html. Accessed June 27, 2022.

⁸ E.g., see Engelhardt 2012: 187; Willock 2016: 146.

The topicality of the dissertation can also be explained by a high degree of politicization of the Tibet Question and the invariably emotional charge of debates on the status of Tibet in Sino–Tibetan relations. It is difficult to discuss the phenomenon of Tibetan nationalism and the history of movement for Tibetan independence or, on the contrary, a campaign against Tibetan separatism in a neutral tone without falling into a trap of “sentimental scholarship” that is typical of research on the subject.⁹ Tibetan Studies scholars regularly have to deal with objections and even accusations of their pro-Tibetan or pro-Chinese opponents depending on the views they advocate for in their papers, which, in its turn, presents some difficulties and prompts many Tibetologists to abandon their research on the Tibet Question in favor of exploring “safer” politically-neutral topics.

Literature Review and Extent of Conducted Research on the Topic

There is an extensive list of academic literature on the history of Tibet from ancient times up to the beginning of the 21st century. Many of these works, however, are characterized by a certain degree of politicization and ideologization, which entails the need for prior inquiry into the biographical data of the authors of works on Tibetan history and requires a more critical assessment of the information that is to be borrowed from these works. For this dissertation, I used monographs and articles on Tibetan history published by both Russian and foreign researchers.¹⁰ Among the key sources on Tibetan history, first of all, I should mention the four-volume modern Tibetan history written by the American Tibetologist Melvin Goldstein,¹¹ as well as his monograph *The Snow Lion and the Dragon: China, Tibet, and the Dalai Lama*, which examines the history of Sino–Tibetan relations in the context of political

---

⁹ Misra 2003: 203; Asfuroglu 2012: 13.

¹⁰ For more convenience, this subsection on the literature review offers full bibliographic data of the monographs and articles used for the research. In the main body of the dissertation, I will employ the abbreviated form of references (e.g., Willock 2016: 146).

¹¹ Goldstein M. *A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State*. Berkeley: University of California Press, 1992; Goldstein M. *A History of Modern Tibet, Vol.2. The Calm before the Storm: 1951–1955*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2007; Goldstein M. *A History of Modern Tibet, Vol.3. The Storm Clouds Descend: 1955–1957*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2014; Goldstein M. *A History of Modern Tibet, Vol.4. In the Eye of the Storm: 1957–1959*. Oakland: University of California Press, 2019.

rhetoric.¹² Selected aspects of various periods of Tibetan history are presented based on the research of the Italian historian Luciano Petech,¹³ the Professor of Tibetology at the University of Bonn Peter Schwieger,¹⁴ the Tibetan historian Tsering Shakya,¹⁵ the Professor Emeritus of the École Pratique des Hautes Études Matthew Kapstein,¹⁶ the British Tibetologist Sam van Schaik,¹⁷ the Russian scholars Irina R. Garri,¹⁸ Evgeny I. Kychanov and Boris N. Melnichenko.¹⁹ *Historical Dictionary of Tibet* compiled by the American Tibetologist John Powers and the senior researcher at La Trobe University David Templeman²⁰ was used as an auxiliary reference book on the history of Tibet.

The scholarly works on the political status of Tibet, the existing images of Tibet, the specifics of the Tibet Question controversy, the genesis of Tibetan nationalism, and the ideological policy in the Tibetan exile community can be compared in their number and degree of discursiveness to the research on the more general topic of Tibetan history. The initial conceptualization of this dissertation originated from a monograph *History as Propaganda: Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China* of the aforementioned J. Powers.²¹ Apart from that, in my dissertation I have also relied on the analytical research of the New Zealand

---

¹² Goldstein M. *The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet, and the Dalai Lama*. Berkeley, Los Angeles, and Oxford: University of California Press, 1997.

¹³ Petech L. *China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet*. Leiden: E.J. Brill, 1972; Petech L. *Central Tibet and the Mongols: The Yuan–Sa-skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano Per Il Medio Ed Estremo Oriente, 1990.

¹⁴ Schwieger P. *The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation*. New York: Columbia University Press, 2015.

¹⁵ Shakya Tsering. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*. New York: Penguin Compass, 2000.

¹⁶ Kapstein M. *The Tibetans*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

¹⁷ van Schaik S. *Tibet: A History*. New Haven and London: Yale University Press, 2011.

¹⁸ Garri I.R. *Buddizm i Politika v Tibetskom Raione KNR (II Polovina XX–nachalo XXI vv.)* [Buddhism and Politics in the Tibetan Region of the PRC (Second Half of the 20th Century–Beginning of the 21st Century)]. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTS SO RAN, 2009.

¹⁹ Kychanov E.I. and Melnichenko B.N. *Istoriya Tibeta s Drevneishikh Vremen do Nashikh Dnei* [History of Tibet from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2005.

²⁰ Powers J. and Templeman D. *Historical Dictionary of Tibet*. Lanham, Toronto, and Plymouth (UK): The Scarecrow Press, Inc., 2012.

²¹ Powers J. *History as Propaganda. Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China*. New York: Oxford University Press, 2004.

Tibetologist Alex McKay,²² the Swiss Tibetologist Georges Dreyfus,²³ the Norwegian anthropologist Åshild Kolås,²⁴ the American historian of Tibet Elliot Sperling,²⁵ the Head of School of Social Sciences at the University of Westminster Dibyesh Anand,²⁶ the Australian political scientist Ben Hillman,²⁷ the Professor Emeritus at Cardiff University Geoffrey Samuel,²⁸ the American anthropologist Christian Klieger,²⁹ the Norwegian Tibetologist Trine Brox,³⁰ the graduate student of the Graduate Institute of International Studies in Geneva Anne-Sophie Bentz,³¹ and the graduate student of the University of California in Santa Barbara Rohit Singh.³² Equally important sources on the history of Tibetan identity construction were the Master thesis entitled “The Politics of Representation: The Construction of the Tibetan National Identity in Exile” by Pelin Asfuroglu (Leiden University)³³ and the Doctoral dissertation entitled “The Dialogical Construction of Tibetan-ness: Narratives of Tibetan Identity and Memory” by Ryan Fisher (Southern Methodist

²² McKay A. “Tibet and the British Raj, 1904–47: The Influence of the Indian Political Department Officers.” PhD Diss. London: SOAS London University, 1995; McKay A. “‘Kicking the Buddha’s Head’: India, Tibet and Footballing Colonialism” // *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*, ed. by P. Dimeo and J. Mills. London: Franc Cass, 2001. P.89–104; McKay A. “‘Truth,’ Perception, and Politics: The British Construction of an Image of Tibet” // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications, 2001. P.67–89.

²³ Dreyfus G. “Are We Prisoners of Shangri-la? Orientalism, Nationalism, and the Study of Tibet” // *Journal of the International Association of Tibetan Studies*. No.1. 2005. P.1–21.

²⁴ Kolås Å. “Tibetan Nationalism: The Politics of Religion” // *Journal of Peace Research*. Vol.33, No.1. 1996. P.51–66.

²⁵ Sperling E. *The Tibet-China Conflict: History and Polemics*. Washington DC: East-West Center, 2004.

²⁶ Anand D. “(Re)imagining Nationalism: Identity and Representation in the Tibetan Diaspora of South Asia” // *Contemporary South Asia*. Vol.9, No.3. 2010. P.271–287.

²⁷ Hillman B. “Studying Tibetan Identity” // *The Sage Handbook of Contemporary China*, Vol.2, ed. by W. Wu and M. Frazier. London: Sage Publication, 2018. P.713–735.

²⁸ Samuel G. *Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1993.

²⁹ Klieger Ch. “Ideology and the Framing of Tibetan History” // *The Tibet Journal*. Vol.14, No.4. 1989. P.3–16.

³⁰ Brox T. “Tibetan Culture as Battlefield: How the Term ‘Tibetan Culture’ is Utilized as Political Strategy” // *Buddhismus in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltlosigkeit im Buddhismus, Vol.X*, ed. by L. Schmithausen. Hamburg: Universität Hamburg, 2006. P.85–105; Brox T. “Constructing a Tibetan Demos in Exile” // *Citizenship Studies*. Vol.16, Nos.3–4. 2012. P.451–467.

³¹ Bentz A.-S. “Reinterpreting the Past or Asserting the Future? National History and Nations in Peril—The Case of the Tibetan Nation” // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol.6, No.2. *Special Issue: Nations and Their Pasts*. 2006. P.56–70.

³² Singh Rohit. “Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity” // *Oxford Handbooks Online*. 2015. URL:

<https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7>. Accessed June 27, 2022.

³³ Asfuroglu P. “The Politics of Representation: The Construction of the Tibetan National Identity in Exile.” MA Thesis. Leiden: Universiteit Leiden, 2012.

University).³⁴ The collective monograph *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents* by the English Tibetologist Robert Barnett, the American historian of Tibet Benno Weiner, and the French Tibetologist Françoise Robin was used to examine the specifics of representations of events related to the establishment of the Chinese communist rule in Tibet and the subsequent reorganizations there in the 1950s.³⁵

The main source for describing the history of production of *The Tibet Mirror* was Dorje Tharchin's detailed biography published by the American researcher Herbert Louis Fader in three volumes in 2002–2009.³⁶ More details related to the history of distribution of *The Tibet Mirror* and the activities of its editor were borrowed from the research of the following Tibetologists: Anna Sawerthal,³⁷ Isrun Engelhardt,³⁸ Franz Xaver Erhard,³⁹ Paul Hackett,⁴⁰ Carol McGranahan,⁴¹ Nicole

---

³⁴ Fisher R. "The Dialogical Construction of Tibetan-ness: Narratives of Tibetan Identity and Memory." PhD Diss. Dallas: Southern Methodist University, 2011.

³⁵ Barnett R., Weiner B., and Robin F., eds. *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*. Leiden and Boston: Brill, 2020.

³⁶ Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol.1*. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002; Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol.2*. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004; Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin. Vol.3*. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2009.

³⁷ Sawerthal A. "The Melong: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press." MA Diss. Vienna: University of Vienna, 2011; Sawerthal A. "A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the 'Tibet Mirror' (*Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long*, 1925–1963) from Kalimpong." PhD Diss. Heidelberg: Heidelberg University, 2018.

³⁸ Engelhardt I. "Reflections in *The Tibet Mirror: News of the World, 1937–1946*" // *Mapping the Modern in Tibet. PIATS 2006: Tibetan Studies. Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Königswinter*, ed. by G. Tuttle. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH, 2011. P.205–264; Engelhardt I. "Tharchin's *Tibet Mirror*: A Christian Oriented Newspaper?" // *Historical and Philological Studies of China's Western Regions*. No.6. Beijing: Science Press, 2013. P.129–155; Engelhardt I. "Tharchin's One Man War with Mao" // *Studies on the History and Literature of Tibet and the Himalaya*, ed. by R. Vitali. Katmandu: Vajra Books, 2012. P.183–211; Engelhardt I. "The Quip as the Whip: Political Cartoons in the *Melong*" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.41–57; Engelhardt I. "A Dedicated Initiator of Cultural Exchange: Tharchin's Innovative Communication of Knowledge between the Tibetan and Western Worlds" // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. P.91–109.

³⁹ Erhard F.X. "Tibetan Mass Media: A Preliminary Survey of Tibetan Language Newspapers" // *The Illuminating Mirror. Contributions to Tibetan Studies, Vol.12*, ed. by O. Czaja and G. Hazod. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2015. P.155–171; Erhard F.X. and Hou H. "The *Melong* in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.1–39.

⁴⁰ Hackett P.G. "Kalimpong, Gergan Dorje Tharchin, and His *Mirror* Newspaper. The Tharchin Collection Introductory Article" // Columbia University Libraries Digital Collections. n.d. URL: http://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/eastasian/Mirror_Hackett.pdf. Accessed June 27, 2022.

⁴¹ McGranahan C. "Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet." PhD Diss. Ann Arbor: The University of Michigan, 2001; McGranahan C. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. Durham and London: Duke University Press, 2010.

Willcock,⁴² and Amy Holmes-Tagchungdarpa.⁴³ For my research, I have also used publicistic articles by Jamyang Norbu,⁴⁴ Dawa Norbu,⁴⁵ and Tashi Tsering, a preface by the 14th Dalai Lama⁴⁶ to the above-mentioned biography of Dorje Tharchin, and the extant archival materials which belonged to the editor of *The Tibet Mirror* and which are currently held at Columbia University.⁴⁷ Besides, the first chapter of the dissertation includes information from the collective monograph on the place of production of *The Tibet Mirror*, which consists of 14 articles analyzing the role of Kalimpong as a special zone of transcultural encounters and which was published by the postdoc researcher from the University of Vienna Markus Viehbeck in 2017.⁴⁸

The comparison between the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror* and fragments of the national narrative of the Tibetan exile community was drawn on the basis of publications of the 14th Dalai Lama Bstan 'dzin Rgya mtsho,⁴⁹ his two older brothers Thub bstan 'Jigs med Nor bu (1922–2008)⁵⁰ and Rgyal lo Don 'grub (1927–present time),⁵¹ employees of the

⁴² Willcock N. “Dorjé Tharchin, the *Mélong*, and the Tibet Mirror Press: Negotiating Discourse on the Religious and the Secular” // *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*. Vol.36, No.1, 2016. P.145–162.

⁴³ Holmes-Tagchungdarpa A. “Representations of Religion in *The Tibet Mirror*. The Newspaper as Religious Object and Patterns of Continuity and Rupture in Tibetan Material Culture” // *Material Culture and Asian Religions: Text, Image, Object*, ed. by B.J. Fleming and R.D. Mann. New York and London: Routledge, 2014. P.73–93.

⁴⁴ Norbu Jamyang. “Newspeak & New Tibet: Part III. June 2005” // Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <http://jnorbu.blogspot.ru/2007/02/newspeak-new-tibet-part-iii.html>. Accessed June 27, 2022; also see Norbu Jamyang. Shadow Tibet: Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/>. Accessed June 27, 2022.

⁴⁵ Norbu Dawa. “Introduction” // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2002. P.XI–XII; Norbu Dawa. “Pioneer and Patriot: An Extract from an Interview with Rev. G. Tharchin” // *Lungta*. No.11. 1998. P.11–12.

⁴⁶ Dalai Lama XIV. “Foreword” // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press, 2004. P.IX–X.

⁴⁷ The Tharchin Collection, C.V. Starr East Asian Library, Columbia University. For a description of the archive, see “The Tharchin Collection” // Columbia University Libraries. URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books---special-collections/tharchin.html. Accessed June 27, 2022. Unfortunately, when I visited Columbia University in September 2016 and took photographs of the archival materials there, the inventory number of a folder, to which each archival document belongs to, was not always caught by my camera. For this reason, in the dissertation, I cite references to the archival materials that were accessed by me in their reduced form without the folder’s inventory number and description.

⁴⁸ Viehbeck M., ed. *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a “Contact Zone.”* Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2017.

⁴⁹ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. *My Land and My People: The Original Autobiography of His Holiness the Dalai Lama of Tibet*. New York and Boston: Warner Books, 1997.

⁵⁰ Norbu Thubten Jigme. *Tibet Is My Country, as Told to Heinrich Harrer* / Transl. by E. Fitzgerald. London: Readers Union Rupert Hart-Davis, 1961; Norbu Jigme Thubten and Turnbull C. *Tibet: Its History, Religion and People*. New York: Penguin Books, 1983.

⁵¹ Thondup Gyalo and Thurston A.F. *The Noodle Maker of Kalimpong: My Untold Story of the Struggle for Tibet*. London: Rider, 2015.

Central Tibetan Administration, and other well-known members of the Tibetan diaspora.⁵²

As it was already mentioned, *The Tibet Mirror* is still a relatively understudied historical source. If one were to list all current areas of research on *The Tibet Mirror*, the contribution of the following authors⁵³ should be acknowledged:

- Paul Hackett (Columbia University) compiled a collection of extant issues of *The Tibet Mirror*, wrote an introductory article for the Tharchin Collection archive at Columbia University, and analyzed the topics of publications in *The Tibet Mirror*.⁵⁴
- Isrun Engelhardt (the University of Bonn) explored publications on Christianity, international news from 1937 to 1946, anti-communist articles, and political cartoons in *The Tibet Mirror*.
- Anna Sawerthal (*Der Standard*) studied the overall process of development of the Tibetan-language print media with *The Tibet Mirror* being her case study, as well as discussed publications on modern science and the foreign news column in *The Tibet Mirror*.⁵⁵
- Tsering Shakya (the University of British Columbia) assessed the role of *The Tibet Mirror* in the formation of modern Tibetan literature and Tibetan-language print media.⁵⁶
- Nicole Willock (Old Dominion University) examined the relationship of the religious discourse vs. the secular discourse in *The Tibet Mirror*.

---

⁵² E.g., Shakabpa Tsepon W.D. *Tibet: A Political History*. New York: Potala Publications, 1984; Norbu Dawa. *China's Tibet Policy*. Richmond: Curzon Press, 2001.

⁵³ The following list contains names of all researchers who have worked on *The Tibet Mirror*. However, those works, which have just been mentioned among sources for describing the history of production of *The Tibet Mirror*, are not going to be repeated here.

⁵⁴ Hackett P.G. "On the Outside Looking In, On the Inside Looking Out: Tharchin Babu's Two-way 'Mirror' on Twentieth Century Tibet and the World" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.81–89.

⁵⁵ Sawerthal A. "Foreign News in Early Tibetan-Language Newspapers: Covering Adolf Hitler in the *Melong*" // *Ancient Currents, New Traditions. Papers Presented at the Fourth International Seminar of Young Tibetologists Held at the Leipzig University from September 7–12, 2015*, ed. by F.X. Erhard et al. Potsdam: Edition Tethys, 2017. P.315–334; Sawerthal A. "The Round World in Early Tibetan-language Newspapers" // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. P.151–168.

⁵⁶ Shakya Tsering. "The Emergence of Modern Tibetan Literature–*gsar rtsom*." PhD Diss. London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London, 2004.

- Carol McGranahan (the University of Colorado Boulder) described the phenomenon of “new” Tibetan history based on the examples of news from eastern Tibet in *The Tibet Mirror*.
- Amy Holmes-Tagchungdarpa (Grinnell College) explored the coverage of religious materials in *The Tibet Mirror* and examined the role of the newspaper as a religious object.
- Tina Harris (the University of Amsterdam) conducted the analysis of trade-related publications in *The Tibet Mirror*.⁵⁷
- Françoise Wang-Toutain (East Asian Civilizations Research Centre, CRCAO) studied publications on Buddhism in India in *The Tibet Mirror*.⁵⁸
- Tsangdruk Topla (the College of Higher Tibetan Studies, Sarah) conducted research on news about the 9th and the 10th Panchen Lamas in *The Tibet Mirror*.⁵⁹
- Sonam Topgyal (Library of Tibetan Works and Archives) compiled a list of contents of issues of *The Tibet Mirror* held by the Library of Tibetan Works and Archives in Dharamsala.⁶⁰
- Franz Xaver Erhard (University of Leipzig) made an overview of all available periodicals in the Tibetan language and discussed the role and place of *The Tibet Mirror* among them.

Of all the above-listed scholars, the most comprehensive and complete research of *The Tibet Mirror* to date has been carried out by the Austrian Tibetologist A. Sawerthal in her Master thesis entitled “The *Melong*: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press” defended in 2011 and her Doctoral dissertation entitled

---

⁵⁷ Harris T. *Geographical Diversions: Tibetan Trade, Global Transactions*. Athens and London: The University of Georgia Press, 2013.

⁵⁸ Wang-Toutain F. “Le retour en Asie des reliques de Śāriputra et Maudgalyāyana d’après le *Mirror*” [The Return to Asia of the Relics of Śāriputra and Maudgalyāyana according to the *Mirror*] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.91–146.

⁵⁹ Topla Tsangdruk. «*gsar 'gyur me long » las byung ba'i kun gzigs paN chen sku phreng gnyis kyi gsar 'gyur* [News concerning the Ninth and the Tenth Panchen Lama in the *Mirror*] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.59–80.

⁶⁰ Topgyal Sonam. *bod kyi dpe mdzod khang du bzugs pa'i yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long gi dkar chag dge'o*// [Table of Contents of the Issues of the *Tibet Mirror* Collection Kept in LTWA] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France, 2018. P.169–215.

“A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the “Tibet Mirror” (*Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*, 1925–1963) from Kalimpong” defended in 2018.

The scholarly interest in *The Tibet Mirror* continues to grow. In November 2016, the first specialized conference on *The Tibet Mirror* entitled “*The Tibet Mirror, a Tibetan Newspaper in Kalimpong: Current Researches and Perspectives*” was held in Paris for three days. Dorje Tharchin’s grandson Daniel Tharchin and 13 Tibetologists from around the world who had previously done research on *The Tibet Mirror* were able to meet at the venue. The proceedings of the conference in Paris were published in late 2018 in the form of the first collective monograph dedicated to the research on *The Tibet Mirror* and entitled “Notes from *The [Tibet] Mirror*.”⁶¹

At the conference, it was also announced that a major research project on *The Tibet Mirror* was about to be officially launched in Paris. The aim of the project is the digitalization of all currently available issues of *The Tibet Mirror* through professional computer typing of the contents of the newspaper performed by Tibetans. The digitalization of *The Tibet Mirror* will open new perspectives for using the periodical as a source for research on a wide variety of topics. At present, the project is being led by the French researcher Alice Travers (the French National Center for Scientific Research, CNRS).

Purpose and Objectives of the Research

The purpose of this research is to conduct a comprehensive study of the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror* and to determine the points of intersection of this metanarrative with the pro-Tibetan version of Tibetan history which is popular in the Tibetan diaspora.

In order to achieve this goal the following objectives of the research were set forward: to describe the history of production of *The Tibet Mirror* and the specific features of the newspaper as a historical source; to apply discourse analysis to the selected publications from *The Tibet Mirror* on the topics related to Tibetan history and the

---

⁶¹ Wang-Toutain F. and Preziosi M., eds. *Cahiers du Mirror*. Paris: BET, Collège de France, 2018.

events which took place on the territory of geographical Tibet⁶² and its bordering areas between 1949 and 1963; to assess the cultural and historical heritage of *The Tibet Mirror* in the context of formation of the pro-nationalist representation of Tibetan history that is typical for Tibetan diaspora.

Object and Subject of the Research

The object of the research is the conceptualization of the Tibet Question and the development of the pro-nationalist model of Tibetan history representation in the periodicals in the Tibetan language in the 1950s and 1960s based on a case study of *The Tibet Mirror* newspaper.

The subject of the research is the process of construction of a specific metanarrative of historical independence of Tibet in issues of *The Tibet Mirror* newspaper published between 1949 and 1963, as well as the content and discursive features of this metanarrative.

Chronological Framework of the Research

The metanarrative of Tibetan independence was constructed in *The Tibet Mirror* through the actualization of the discursive frame of “conflict” between the local population of Tibet and representatives of the PRC. Therefore, the chronological framework for the present dissertation is set according to the date of the proclamation of the founding of the People’s Republic of China, that is, October 1, 1949, shortly after which the Chinese communist government proceeded with the “peaceful liberation” of Tibet, and November 1, 1963, that is, the date when the last surviving issue of *The Tibet Mirror* was published.

---

⁶² By “geographical Tibet,” I refer to the territory of the Tibetan Autonomous Region of the PRC and some areas of modern Chinese provinces of Qinghai, Gansu, Sichuan, and Yunnan, which are inhabited by the Tibetan-speaking population and which were earlier known by the Tibetan names of Kham (Tib. *kham*s) and Amdo (Tib. *a mdo*).

Source Base of the Research

The Tibetan-language newspaper entitled *The Tibet Mirror* served as the main source for the research. The analysis of selected publications of *The Tibet Mirror* dated from 1949 to 1963 was conducted based on the digital collection of scanned copies of this newspaper available at the website of Columbia University Libraries and an additional selection of scanned copies of *The Tibet Mirror* kindly provided to the author of the dissertation by Paul Hackett from his private collection.

The time interval under review covers 15 years, during which Tharchin published 115 issues of *The Tibet Mirror* from Vol.XVIII No.1 to Vol.XXVIII No.8, including 11 double issues (Vol.XIX No.1–2, Vol.XX No.2–3, Vol.XXIV No.7–8, Vol.XXIV No.9–10, Vol.XXV No.3–4, Vol. XXV No.9–10, Vol.XXVI No.2–3, Vol.XXVI No.4–5, Vol.XXVI No.6–7, Vol.XXVI No.8–9, Vol.XXVII No.8–9) and one triple issue (Vol.XX No.10–12).

There is a total number of 311 surviving issues of *The Tibet Mirror* dated from 1925 to 1963 (including 295 single issues, 23 double issues, and one triple issue). The newspaper extant issues are located in the libraries and archives in different countries, which explains the need for international cooperation for studying the materials of *The Tibet Mirror*. Issues of *The Tibet Mirror* are held in the collections of the Guimet Museum, the University of Bonn, Columbia University, the Library of Congress, the Bavarian State Library, the University of California, Berkeley, etc.

Approximately 50% of the total number of extant issues are held at the Library of Tibetan Works and Archives (Dharamsala, India), about 44% of extant issues are preserved at the Amnye Machen Institute (Dharamsala, India), and about 32% of extant issues belong to the Yale University Library. As for other collections, the fourth place is taken by the National Museum of Denmark in Copenhagen, where in 2014, a collection of 51 copies (16% of the total number of extant issues) of *The Tibet Mirror* dated from 1950 to 1957 was discovered among the archival materials of Prince Peter of Greece and Denmark. The fifth place is occupied by Columbia University (10%). The sixth place belongs to the University of California, Berkeley

(5%). All other institutions hold a collection of less than 5% of the total number of extant issues of *The Tibet Mirror*.

There is also information that some issues of *The Tibet Mirror* are preserved at the Bodleian Library of the University of Oxford. The Bodleian Library got the newspaper copies from the personal collection of the Tibetologist John Stapleton Driver (1931–2014), who was engaged in Tibetological field research in the 1960s and had a subscription for *The Tibet Mirror* to be delivered to his address in London. It is known that the J. Driver’s collection contains issues of *The Tibet Mirror* dated from 1957 to 1963 (from Vol.XXIV No.2 to Vol.XXVIII No.8), but the exact number and state of condition of the surviving copies have not yet been assessed by scholars.

The Austrian researcher A. Sawerthal mentions that issues of *The Tibet Mirror* are also preserved at the Namgyal Institute of Tibetology in Gangtok, Sikkim, the Tibetan Buddhist Resource Center in New York, the University of Washington in Seattle, and the Tibet Institute in Rikon, Switzerland.⁶³ It is quite possible that there are more issues of *The Tibet Mirror* held in some other archives and private collections that researchers have yet to discover in the future.

Research Methodology

Publications relevant for the research topic were selected from *The Tibet Mirror* issues dated between 1949 and 1963 based on thematic titles of newspaper columns, headlines of articles, and two lists of keywords. In addition to that, drawings, photographs, maps, and other specific forms of visual design were taken into consideration.

The thematic titles of the columns analyzed included, first of all, “Tibetan News” and “Chinese News,” secondly, news from the regions bordering Tibet such as “Indian News” and “Nepalese News,” and, thirdly, “International News” and other publications which seemed relevant for the research due to the key terms detected in them.

---

⁶³ Sawerthal 2011: 15.

Articles without headlines were examined with the help of two lists of keywords: a list of “ideal” terms in Russian (a set of basic concepts which hypothetically cover the topic of research and are related to Tibetan history, the process of Tibet’s incorporation into the PRC, and the developments in Tibet under the Chinese communist rule) and a list of “real” terms in Tibetan identified in the relevant publications of *The Tibet Mirror* and added to the list while reading the newspaper.

The “ideal” and “real” keywords were divided into the following thematic groups: *place names* (e.g., Tibet, China, the People’s Republic of China, Taiwan, Mongolia, Lhasa, Beijing, Chamdo, Mussoorie), *officials* (e.g., Mao Zedong, the Dalai Lama, the Panchen Lama), *political structures and positions* (e.g., a state, a government, the United Nations, a Chinese or Tibetan representative, a party, the Chinese Communist Party (CCP), the Kuomintang, communists, a chairman of the CCP), *military activities* (e.g., the People’s Liberation Army (PLA), the Tibetan Volunteer Army for Defense of Religion, military, a commander-in-chief, soldiers, a guerrilla army, an offensive, a military attack, a conflict, to arrest), *settlement of issues and development plan* (e.g., the 17-Point Agreement, negotiations, a delegation, a truce, a settlement, a development plan/program, economic development, a petition, etc.), and some other terms which are related to the political sphere (e.g., independence, freedom, propaganda, aggression, oppression, politics, rights, etc.).

The theoretical and methodological framework for research on *The Tibet Mirror* was developed on the basis of works of M. Ferro,⁶⁴ M. Foucault,⁶⁵ R.

---

⁶⁴ Ferro M. *Kak Rasskazyvaiut Istoriyu Detyam v Raznykh Stranakh Mira* [How the Past is Taught to Children] / Transl. by E.I. Lebedeva. Moscow: Knizhnyi Klub 36.6, 2014.

⁶⁵ Foucault M. 1996. *Volya k Istine po Tu Storonu Znaniya, Vlasti i Seksualnosti. Raboty Raznykh Let* [The Will to the Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from Different Years] / Transl. by S. Tabachnikova, ed. by A. Puzyreĭ. Moscow: Kastal, 1996; Foucault M. 2002. *Intellektualy i Vlast: Izbrannye Politicheskie Stati, Vystupleniia i Interviu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews] / Transl. by S.C. Ofertas, ed. by V.P. Vizgin and B.M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002; Foucault M. “Truth and Power” // *The Foucault Reader*, ed. by P. Rabinau. New York: Penguin Books, 1984. P.51–75.

Koselleck,⁶⁶ B. Anderson,⁶⁷ M.A.K. Halliday,⁶⁸ T.A. van Dijk,⁶⁹ P. Chilton,⁷⁰ L.P. Repina,⁷¹ A.A. Danilova,⁷² N.D. Potapova,⁷³ M.A. Kukartseva,⁷⁴ V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko.⁷⁵

The methodology is built on the instrumental analysis of language in the frame of historical research. The dissertation uses an interdisciplinary approach and combines elements of the expanded conceptual and terminological apparatus which was formed as a result of the linguistic turn in historiography.⁷⁶ Language

⁶⁶ Koselleck R. *Futures Past. On the Semantics of Historical Time* / Transl. by K. Tribe. New York: Columbia University Press, 2004.

⁶⁷ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition*. London and New York: Verso, 2016.

⁶⁸ Halliday M.A.K. *Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Hong Kong: Oxford University Press, 1989.

⁶⁹ van Dijk T.A. "Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline" // *Handbook of Discourse Analysis, Vol.1: Disciplines of Discourse*, ed. by T.A. van Dijk. Orlando: Academic Press, 1985. P.1–10; van Dijk T.A. "Principles of Critical Discourse Analysis" // *Discourse & Society, Vol.4, No.2 Special Issue: Critical Discourse Analysis*. 1993. P.249–283; van Dijk T.A. "The Study of Discourse" // *Discourse as Structure and Process, Vol.1. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, ed. by T.A. van Dijk. London: Sage Publications, 1997. P.1–34; van Dijk T.A. "Discourse and Manipulation" // *Discourse and Society*. Vol.17, No.3. 2006. P.359–383; van Dijk T.A. "Critical Discourse Analysis" // *The Handbook of Discourse Analysis*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. Malden and Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P.352–371; van Dijk T.A. "Critical Discourse Analysis" // *The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1, Second Edition*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. West Sussex: Wiley Blackwell, 2015. P.466–485.

⁷⁰ Chilton P. *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice*. London and New York: Routledge, 2004.

⁷¹ Repina L.P. *Istoricheskaya Nauka na Rubezhe XX–XXI vv.: Sotsialnaya Istoriya i Istoriograficheskaya Praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social History and Historiographical Practice]. Moscow: Krug, 2011; Repina L.P. 2020. "Istoricheskaya Pamyat i Narrativy Natsionalnoi Identichnosti: 'Praktika Istории na Sluzhbe Pamyati'" [Historical Memory and Narratives of National Identity: "The Practice of History in Service of the Memory"] // *Proshloe dlia Nastoiashchego: Istoriya-Pamyat i Narrativy Identichnosti. Kollektivnaya Monografiya* [Past for the Present: Historical Memory and Narratives of Identity. Collective Monograph], ed. by L.P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020. P.9–36.

⁷² Danilova A.A. *Manipulirovanie Slovom v Sredstvakh Massovoi Informatsii. 3-e izd.* [Verbal Manipulation in Mass Media. Third Edition] Moscow: Dobrosvet and Izdatelstvo KDU, 2014.

⁷³ Potapova N.D. *Lingvisticheskii Povорот v Istoriografii: Uchebnoe Posobie* [Linguistic Turn in Historiography: Textbook]. Saint-Petersburg: Evropeiskii Universitet v Sankt-Peterburge, 2015.

⁷⁴ Kukartseva M.A. *Issledovaniya po Filosofii, Istории, Politiki, Bezopasnosti. Tom 1. Filosofiya Istории i Istoricheskaya Nauka* [Studies in the Philosophy of History, Politics, Security. Vol. 1: Philosophy of History and Historical Science]. Moscow: Dashkov i Ko, 2018.

⁷⁵ Chernyavskaya V.E. and Molodychenko E.N. *Istoriya v Diskurse Politiki: Lingvisticheskii Obraz "Svoikh" i "Chuzhikh"* [History in Political Discourse: Linguistic Construction of Us and Them]. Moscow: Lenand, 2014.

⁷⁶ The term "linguistic turn" refers to the intellectual movement which originated in the 1920s from the traditions of formalism and logical positivism. The development of this movement led to the cooperation of logicians, linguists, literary scholars, drama theorists, and other researchers and the redirection of their focus on the study of the function of language (Potapova 2015: 56). The "linguistic turn," also defined as the "poststructuralism" or "postmodernism" in academia, is an umbrella term that brings together a variety of research areas and practices—from new historicism and cultural history to discourse criticism, critique of ideology, and new narrative history. All these new directions of research have marked the diffusion of a critical approach to the assessment of the historian's own consciousness and the role of language in historiographical works and have further problematized historical discourse and its ideologization (Potapova 2015: 11–12, 28). By shifting the focus of scholars on the role of language of an object of historical research, stylistics, rhetoric, and methods of plot construction, the linguistic turn led to the rethinking of models of representation and functions of historical narrative, which made historians borrow the methodological basis of structural and semantic analysis, sociolinguistics, narratology, tropology, and other disciplines (Kukartseva 2018: 20). Although there is no consensus on who exactly should be considered a true champion of the linguistic turn in historiography, among the key works on new trends in historical sciences and the development of the instrumental

“structures the reality” and shapes human perception of the reality, since any thought finds its embodiment in the form of language and depends on linguistic means of expression.⁷⁷ Being ideologically loaded, a language does not simply convey a meaning: it refracts the meaning and thus actively “creates, produces, sets the vision of the situation, and predetermines how one acts in it.”⁷⁸ In this regard, one can argue that any historiographical description is not neutral. A historian connects facts together with his own explanations, therefore, the historical source is both a meaning-carrying and meaning-shaping system.⁷⁹ Given that, not only an author of the text is responsible for the production of additional meanings, but also a reader himself/herself, for the latter—alongside with the author—participates in the creation of certain interpretations of the facts by “implementing or excluding the possibilities,” which were laid down by the historian in his/her description of the events.⁸⁰

In this dissertation, I assign the role of a historian to the chief editor of the newspaper Dorje Tharchin and analyze his publications as examples of a specific historical narrative⁸¹ that was created and disseminated by him in *The Tibet Mirror* during a crucial for modern Tibetan history period of 15 years. Applying the academic standards of objectivity and historicism, I explore *The Tibet Mirror* publications primarily in terms of their language, structure, and visual design. Fragments of Tharchin’s historical narrative, symbols of Tibetan nationalism, and antagonistic images of Tibet and China constructed in *The Tibet Mirror* are assessed with the help of elements of linguistic, semiotic, socio-cultural, content and discourse analysis.

---

apparatus that is now available to modern researchers, one should mention Hayden White’s *Metahistory*, *Tropics of Discourse*, and *The Content of the Form*, Paul Ricœur’s *Time and Narrative*, Reinhart Koselleck’s *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, Louis Mink’s *Narrative Form as a Cognitive Instrument*, and Frank Ankersmit’s *Narrative Logic* (Kukartseva 2018: 6–7).

⁷⁷ Potapova 2015: 56.

⁷⁸ Potapova 2015: 14.

⁷⁹ Denisov 2011: 166.

⁸⁰ Potapova 2015: 74.

⁸¹ The term “narrative,” akin but not identical to a “story,” has gained its popularity in the postmodern era and has become fundamental to social sciences and humanities. Narrative is a tool for adding coherence and creating a meaning that provide historical descriptions with a sense of continuity and consistency (Kukartseva 2018: 19, 176).

Relying on the theoretical findings of the French philosopher M. Foucault about the dominant role of ideology in the process of articulating the “true” knowledge, this dissertation analyzes the materials of *The Tibet Mirror* from the point of view that “any verbal message is an act which is aimed at an addressee and which implies influencing” the addressee.⁸² Since “language games” are “essentially power games,” in the course of which a “discursive construction of subjectivities and relational identities of social actors with their way of conceptualizing the world, their roles, norms, and evaluations” takes place,⁸³ the discourse analysis helps to bring to the surface the content of language games of the editor of *The Tibet Mirror*, namely, what lies underneath Tharchin’s rhetoric, the particular ways how he preferred to connect the facts into a story, his logic of reasoning, presuppositions, discursive strategies of influencing the reader, metaphors, and other tropes, i.e., everything that implicitly reproduced certain political and nationalist meanings and accustomed newspaper readers to perceive and share the promoted ideology as something “given, obvious, conventional, generally accepted, and firmly fixed at the level of common logic.”⁸⁴ Using the frame of basic discourse analysis modeled by the Australian linguist M. Halliday,⁸⁵ this dissertation examines the tenor of discourse, the field of discourse, and the tone of discourse in *The Tibet Mirror*. A more detailed description of the applied discourse analysis is presented in the second chapter of the dissertation.

As for the applicability of the term “metanarrative” to *The Tibet Mirror*, it would have been logical to explore the history of Tibet described in the newspaper in a chronological order, but the discourse constantly interrupts the temporal sequence of the narrative by introducing its additions or explanations. The discourse holds together a variety of news from Tibet, the unconventional interpretation of historical facts, and the peculiar forms of reasoning used by the newspaper editor and thus transforms the contents of multifarious publications of *The Tibet Mirror*

---

⁸² See Foucault 2002: 208, Potapova 2015: 155.

⁸³ See Spiegel 1990: 82; Potapova 2015: 157.

⁸⁴ Potapova 2015: 183.

⁸⁵ See Halliday 1989.

into a desired holistic pro-nationalist representation of Tibetan history and Tibetan–Chinese relations. When the text contains more than one statement that the “X event” occurred in relation to something that happened only once in the story being told, the excess of discourse is considered to constitute a metanarrative phenomenon.⁸⁶ Narrative demonstrates how the discourse manipulates the story, while “metanarrative speaks about the narrative and exists as a function of the discourse.”⁸⁷ As a “grand narrative” or an overarching narrative that explains and determines which stories are to be believed in and which are not, the metanarrative legitimizes the knowledge. Often being evaluative, the metanarrative portrays the phenomena and events “in black and white colors without any halftones.”⁸⁸ Due to the fact that some parts of the metanarrative describe the future events, the author of the metanarrative, who claims to present an adequate forecast of the future, predicts certain things in his accounts and displays them as the desired reality, in this way the metanarrative appears both as a prediction of how everything will be and as an instruction of how everything should be.⁸⁹ A detailed examination of the newspaper materials from 1949 to 1963 suggests that Tharchin’s regular reproduction of the idea of Tibet’s historical independence and the need to fight for Tibet’s future independence connects *The Tibet Mirror* publications on the relevant topics into a single metanarrative of Tibetan independence.

Novelty of the Research

The absolute majority of publications used for analysis in the present dissertation have been translated into Russian and English for the first time and thus have become more available to the international academic community. Research on the little-studied publications of *The Tibet Mirror* expands the source base for the study of the complicated historical period during which Tibet officially became part of the PRC and thus provides new prospects for a critical rethinking of narratives about

---

⁸⁶ Munson 2001: 27.

⁸⁷ Munson 2001: 21.

⁸⁸ Maslov 2015: 151.

⁸⁹ Maslov 2015: 150–151.

Tibet's historical past popular in the Tibetan diaspora, in particular, the canonical reproduction of history of the establishment of the Chinese communist rule in Tibet in the 1950s and 1960s. Studying of the first pro-Tibetan media discourse actualized by an author of Tibetan ethnic origin offers an interesting perspective on how the historical myths⁹⁰ and traditions of representation of the pro-Tibetan version of Tibetan history were created and popularized among the masses. Furthermore, it helps assessing the role of Tibetan-language periodicals in the process of emergence of modern Tibetan nationalism, theoretical structurization of the Tibet Question, and assertion of the ideology promoted by the Tibetan government-in-exile.

Theoretical and Practical Significance of the Research

The theoretical significance of the research is explained by the employment of an interdisciplinary approach and, in particular, discourse analysis for the study of the relationship between Tibetan-language periodicals, pro-Tibetan representations of Tibetan history, formation of Tibetan identity, and internal legitimization of the rule of the Tibetan government-in-exile. As far as it is known, there has been no similar research on the development of nationalist ideology and the assertion of a pro-nationalist version of Tibetan history conducted based on the publications of Tibetan-language periodicals from the 1950s and 1960s. The discursive features of the metanarrative of Tibetan independence identified during this research provide a ground for the rethinking of the process of conceptualization of the Tibet Question and suggest the need for a more critical approach to other samples of pro-Tibetan historical writings produced by Tibetan-speaking immigrants since the 1950s.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying the results of the research for writing new scholarly works on Tibetan history which would be freer from the pro-Tibetan/pro-Chinese ideological influence and the politicized international discourse on freedom and human rights. The results of the present research can also be used for teaching classes on Tibetan history, the Tibetan language, and contemporary Tibetan literature.

---

⁹⁰ For more information on the political function of ethno-historical myths, see Shnirelman 1999.

Structure of the Dissertation

The main body of the dissertation consists of three chapters, each of which contains several sections and a conclusion. For the ease of reading, sections of the second chapter were divided into smaller thematic subsections.

Research Examination and Practical Implementation of Research Results

The methodology developed in the process of writing of the present dissertation and the research findings were used for completing the research project No.14-31-01021 “Contemporary History of Tibet Based on the Materials of the Tibetan-Language Newspaper *The Tibet Mirror* (1949–1963)” sponsored by the Russian Research Foundation for Humanities. Some of the research findings were presented in the collective monograph *Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the PRC*,⁹¹ which was published by Pavel L. Grokhovskiy in 2014 as part of the research project No.12-34-09004 sponsored by the Russian Research Foundation for Humanities.

The present dissertation has been approbated in the form of two offline talks at the Nordic Institute of Asian Studies in Copenhagen (October 2014 and October 2017), an online lecture at the L’Università degli Studi di Napoli L’Orientale (October 2022), 16 paper presentations at international conferences, and four articles published in the peer-reviewed journals indexed in the Higher Attestation Commission (VAK) and the Web of Science (WoS).

List of Scholarly Works on the Topic of Dissertation (Articles Indexed in VAK, WoS, and Russian Science Citation Index (RSCI) and Paper Presentations at Russian and Foreign Conferences)

The following presentations on the research topic were given at the international conferences:

---

⁹¹ Grokhovskiy P.L. (ed.). *Tibetskaya Literatura v Sovremennom Literaturnom Protsesse Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the PRC]. Saint-Petersburg: Filologicheskii Fakultet SPbGU, 2014.

1. Moskaleva N. The Struggle between Good and Evil: Propaganda of the Resistance Movement in *The Tibet Mirror* Newspaper in the 1950s and 1960s. At the International Conference “Good and Evil in the East: Ethics, Politics, Economics.” Moscow, November 2022.
2. Moskaleva N. Unraveling the “Liberation” Discourse in *The Tibet Mirror* in the 1950s. At the 16th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (IATS). Prague, July 2022.
3. Moskaleva N. “Imagined” Tibet of Tibetan Diaspora: The Discourse of Nation-Building in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s. At the 31st International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa “In Honor of the 100th Anniversary of Establishment of the Contemporary Political and Cultural Ties.” St. Petersburg, June 2021.
4. Moskaleva N. Experimental Genres in *The Tibet Mirror* (1949–1963). At the 9th International Conference “Issues of Far Eastern Literatures.” St. Petersburg, January 2021.
5. Moskaleva N. *The Tibet Mirror* Newspaper and the Formation of Tibetan Nationalist Ideology in the 1950s and 1960s. At the International Conference of Young Scholars “Ethnic and Socio-Cultural Processes in Asian and African Countries: The Problem of Identity.” Moscow, October 2020.
6. Moskaleva N. *The Tibet Mirror* as a Factor of Tibetan Politics in the 1950s and 1960s. At the 30th International Conference on Source Studies and Historiography of Asia and Africa “In Honor of the 150th Anniversary of Academic Vasily Bartold (1869–1930).” St. Petersburg, June 2019.
7. Moskaleva N. Tibet’s “Friends” and “Enemies” in *The Tibet Mirror* (1949–1963). At the 5th International Seminar of Young Tibetologists (ISYT). St. Petersburg, September 2018.
8. Moskaleva N. Constructing Tibetan History: A Case Study of *The Tibet Mirror* (1949–1963). At the International Interdisciplinary Conference “Nations and Ethnicity in Humanities and Social Sciences. Colonialism and Neocolonialism: Discourses and Practices.” St. Petersburg, February 2018.

9. Moskaleva N. Tibetan History Telling on the Indo-Chinese Borderland: A Case Study of *The Tibet Mirror*. At the 10th International Convention of Asia Scholars (ICAS). Chiangmai, July 2017.
10. Moskaleva N. The Tibet Question in *The Tibet Mirror* Newspaper (1949–1963). At the 29th International Conference on Source Studies and Historiography of Asia and Africa “Asia and Africa: Legacy and Modernity.” St. Petersburg, June 2017.
11. Moskaleva N. Dorje Tharchin and *The Tibet Mirror* Figurative Stories on Tibet (1949–1959). At the conference “*The Tibet Mirror*, a Tibetan Newspaper in Kalimpong: Current Research and Perspectives.” Paris, November 2016.
12. Moskaleva N. Tibetan Newspaper *The Tibet Mirror* as a Tool for Propaganda? At the 21st Biennial Conference of the European Association for Chinese Studies (EACS). St. Petersburg, August 2016.
13. Moskaleva N. Image of Tibetans in *The Tibet Mirror* (1949–1959). At the 14th Seminar of the International Association for Tibetan Studies (IATS). Bergen, June 2016.
14. Moskaleva N. Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963). At the 4th International Seminar of Young Tibetologists (ISYT). Leipzig, September 2015.
15. Moskaleva N. The 1959 Tibetan Uprising in Lhasa in *The Tibet Mirror*. At the 28th International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa “Asia and Africa in the Changing World.” St. Petersburg, April 2015.
16. Mikhaylova N. Formation of Tibetan Political Discourse in *Yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long*. At the 6th International Conference “Issues of Far Eastern Literatures.” Saint Petersburg, June 2014.

In addition to that, the results of conducted research were discussed in the following six peer-reviewed articles:

1. Moskaleva N. “‘Imagined’ Tibet in *The Tibet Mirror* Newspaper in the 1950s and 1960s” // *Proceedings of the 31st International Congress on Source*

Studies and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. In Honor of the 100th Anniversary of the Establishment of Contemporary Political and Cultural Ties. St. Petersburg: IPK “NP-Print,” 2022. P.366–381 The proceedings volume is included in the RSCI. (In Russian)

2. Moskaleva N. “*The Tibet Mirror* Newspaper and the Formation of Tibetan Nationalist Ideology in the 1950s and 1960s” // *Proceedings of the International Conference of Young Scholars. Ethnic and Socio-Cultural Processes in Asian and African Countries: The Problem of Identity.* Moscow: Probel-2020, 2020. P.231–234. The proceedings volume is included in the RSCI. (In Russian)

3. Moskaleva N. “*The Tibet Mirror* and History Spinning in the 1950s and 1960s” // *Revue d’Etudes Tibétaines*, No.55. July 2020. P.409–439. The journal is indexed in the WoS.

4. Moskaleva N. “‘What Does Babu Say?’, a Pinch of Artistic Approach to News Reporting in *The Tibet Mirror* (1949–1963)” // *Revue d’Etudes Tibétaines*, No.46. October 2018. P.98–148. The journal is indexed in the WoS.

5. Moskaleva N. “*The Tibet Mirror* Newspaper as a Historical Source” // *The Far Eastern Affairs*, No.2. April 2017. P.117–127. The journal is indexed in the VAK. (In Russian)

6. Moskaleva N. “Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963)” // *Revue d’Etudes Tibétaines*, No.37. December 2016. P.247–261. The journal is indexed in the WoS.

Research Results Presented for the Defense

1. By arranging a platform for the conceptualization of the Tibet Question in the 1950s and 1960s and participating in the development of a pro-nationalist model of representation of Tibet’s historical past, present, and future, Dorje Tharchin implemented in *The Tibet Mirror* the project of the first Tibetan-language media mouthpiece of Tibetan nationalism.

2. The metanarrative of Tibetan independence constructed by Tharchin in *The Tibet Mirror* has contributed to the rise of antagonism in Tibetan–Chinese relations

and undermined the chances of fostering a constructive dialogue between local Tibetan-speaking population and representatives of the PRC. By portraying Chinese communists as “the Others,” “aggressors,” “barbarians,” “demons,” and “enemies of the Teaching,” since the early 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* tried to convince his Tibetan-speaking readers that the peaceful integration of Tibet into the PRC was impossible and, instead, encouraged them to engage in an open resistance to the Chinese communist rule.

3. While constructing the metanarrative of Tibetan independence, the editor of *The Tibet Mirror* designed the key unifying concepts of “Tibetan nation” and “Tibetan identity,” as well as the basic ideologemes, tropes, models of reasoning, national “truths,” and “proofs” that supported the vision of a historically independent political status of Tibet promoted by him.

4. The metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* supported the ideological framing of the pro-Tibetan historical narrative into a narrative of victims of aggression and contributed to the construction of an idealized image of Tibet as a pure religious land with exceptionally peaceful and virtuous people, the existence of which has been threatened by Chinese communists.

5. The metanarrative of Tibetan independence became especially relevant after the immigration of the 14th Dalai Lama to India in 1959. The national symbols, political myths, and nation-building ideas, which were reproduced in *The Tibet Mirror* throughout the 1950s and 1960s, have been further developed by the Central Tibetan Administration in its official narrative and have been embraced by members of the Tibetan-speaking diaspora in India and reflected in their own versions of Tibetan history. Thereby, *The Tibet Mirror* has made its significant contribution to the accomplishment of a major goal of the internationally unrecognized Tibetan government-in-exile aimed at uniting isolated Tibetan-speaking emigrants from the PRC into a relatively successful and solidary “Tibetan nation-in-exile” that recognizes the authority of the CTA.

General Remarks

For Tibetan texts in the dissertation, I used the standard Extended Wylie Transliteration Scheme (EWTS), the description of which is available at the website of the Tibetan and Himalayan Library.⁹²

For the Cyrillic spelling of Tibetan proper names and titles (except for a few established forms of Cyrillic spelling of Tibetan terms), I used the transcription system that has been developed based on the transcription of authors of the collective monograph *Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the PRC*.⁹³

The standard Cyrillic Palladian transcription was used to transcribe Chinese proper names.

The International Alphabet of Sanskrit Transliteration (IAST) was employed to record Sanskrit terms.

In direct quotations in square brackets, one can find the additions or clarifications made by the author of the dissertation.

All translations of *The Tibet Mirror* publications cited in the present dissertation were done by the author of the dissertation (unless otherwise is indicated).

---

⁹² “The Extended Wylie Transliteration Scheme” // The Tibetan and Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/transliteration/#essay=/thl/ewts>. Accessed June 27, 2022. In the English translation of the present dissertation, Tibetan proper names (except for a few relatively widely established forms of spelling such as, e.g., Kham, Amdo, Potala, Chamdo, Kumbum, Yatung, etc.) are provided in Wylie transliteration with the first letter of the name being capitalized.

⁹³ Grokhovskiy 2014: 6–7.

Chapter 1. *The Tibet Mirror* as a Historical Source

1.1. Newspapers as Historical Sources

Promptly informing the readership about current events is one of the key functions of newspapers, therefore, one can assume that after a while, a newspaper becomes outdated and loses its value for readers. However, despite the fact that “expired” newspapers do enjoy significantly lower readership, as the time passes by, such newspapers evolve from an ordinary source of news into a valuable historical source.⁹⁴

The Russian historian V.M. Rynkov argues that periodicals play an important role in the system of historical sources.⁹⁵ Newspapers are an essential source of information for research in the field of social sciences and humanities. Newspaper publications provide factual information about the time period, countries, and people which is often not mentioned in any other primary sources, e.g., archival materials. Periodicals reflect the political, social, and cultural realities of the society, as well as the general spirit of the time when they were published.

As a rule, historians use newspapers as an additional source of information to examine the historical context, to investigate specific facts and details of a particular event, or to search for any long-term trends in the periodical. In some cases, when official documents were lost or are not accessible to a historian, newspapers may even serve as the only surviving primary source.⁹⁶

The employment of a newspaper as a historical source offers its advantages. Firstly, newspaper reports are mostly written immediately after the event or while some events are still unfolding. Moreover, in many cases, information is gathered directly at the scene of a described event. Secondly, newspapers are published with a certain regularity, which makes it possible to follow one’s particular interest and to observe further developments of a problem in subsequent issues of the newspaper. Thirdly, newspapers often publish official decrees of the government and other

---

⁹⁴ Sapozhnikov 2009: 53.

⁹⁵ See Rynkov 2010.

⁹⁶ Baumgartner 1981: 256.

official documents that can replace a lost or classified primary source and help redirecting the efforts of a researcher toward looking for other archival documents. In addition to that, the general availability of periodicals helps historians easier find a desired newspaper issue, as there is always a relatively high chance that the issue has survived somewhere in an archive or in a private collection.

At the same time, it is obvious that periodicals have significant shortcomings, therefore, historians rarely rely solely on the information from newspapers. A newspaper is a specific source of information with its own peculiarities which entail a number of problems for a researcher. First of all, one must understand that the reliability of newspaper publications depends on the publisher: a newspaper can contain factual errors and newspaper articles always reflect a particular point of view. Newspaper reports often provide fragmented, biased, or inaccurate information. Many publishers do not try to correct the misrepresented information which they may have disseminated, and even if they do publish corrections or apologies, they do not place it on the front page of the periodical, so that fewer readers notice it.⁹⁷ The proximity of a published text to the original source of information may depend not only on the publisher's integrity, but also on the amount of physical space available for a publication, which is often quite limited.⁹⁸ Another crucial feature of newspapers is that sometimes journalists rather generally describe an event or retell the contents of a document.⁹⁹ Moreover, when publishing the materials, publishers usually assume that readers are familiar with the context of the described event, but in several years, historians may no longer know all the circumstances of what had happened back at the time. These difficulties, however, should not stop the historians from using a newspaper as their source of information.

Yul phyogs so so'i gсар 'gyur me long, or *The Tibet Mirror*, is one of the few early periodicals in the Tibetan language and most likely the first Tibetan-language newspaper that was launched and published by an editor of Tibetan origin. To

---

⁹⁷ Baumgartner 1981: 256.

⁹⁸ Rynkov 2010: 48.

⁹⁹ Rynkov 2010: 48.

introduce *The Tibet Mirror* as the historical source, it would be convenient to do that by answering the following questions:

1. Where and when was the newspaper published?
2. Who published the newspaper?
3. What was the purpose of publishing the newspaper?
4. Where did the funding for the newspaper come from?
5. Who read the newspaper?
6. What types of stories were published in the newspaper?
7. What sources of information were used?
8. What kind of editorial policy did the publisher follow?
9. Did the newspaper have any other competitors?

The answers to these questions are presented in the following three sections of this chapter.

1.2. Historical and Geographical Context of *The Tibet Mirror*

The most widely known Tibetan-language newspaper to date—*The Tibet Mirror*—was published from 1925 to 1963 in the Indian town of Kalimpong.¹⁰⁰ Despite the geographic location of the newspaper’s editorial office outside Tibet, for more than 30 years, *The Tibet Mirror* managed to maintain its status as the only early periodical in the Tibetan language that ran on a fairly regular basis and for such an extended period of time.¹⁰¹ The newspaper featured on its pages some of the most controversial stages in modern Tibetan history: from the period of the so-called “*de facto* independence” of Tibet to the official incorporation of Tibet into the People’s Republic of China in 1951, subsequent reforms conducted by the new communist government, the uprising in Lhasa in March 1959, the emigration of the 14th Dalai Lama Bstan ’dzin Rgya mtsho from Tibet, the relocation to India of a large group of Tibetan-speaking emigrants from the PRC, and the establishment of the “Tibetan government-in-exile” there.

---

¹⁰⁰ See Erhard and Hou 2018: 1.

¹⁰¹ Moskaleva 2017: 117.

Until 1959, Kalimpong was the first town to welcome Tibetans on their way to India after crossing the border.¹⁰² Kalimpong is located on the banks of the Teesta River in the northern part of the present-day Indian state of West Bengal. Until the 18th century, the town was part of Sikkim, then it came under the jurisdiction of Bhutan, and in 1865, as a result of clashes with the British, the Bhutanese ceded 1,300 km² of their territory to British India.¹⁰³ Kalimpong was part of that territory and soon became known as the center of British Bhutan. From a small quiet settlement Kalimpong had gradually grown into a big lively dynamic town which occupied an important position on the main Tibetan–Indian trade route laid by the military expedition of F. Younghusband in 1903–1904.

By 1920, half of all Indian–Tibetan trade was carried through the Lhasa–Kalimpong route and since foreigners were rarely allowed to cross the Tibetan border, Kalimpong was called the “harbor of Tibet.”¹⁰⁴ The Tibetan–British trade cooperation contributed to the development of Indian towns near the Tibetan border and led to the growth of a prosperous class of Tibetan traders.¹⁰⁵ Over the years, Kalimpong had become the economic capital of the region, from where Tibetan goods were first shipped to the port of Calcutta and then exported to Europe and America.¹⁰⁶

Tibetan traders brought a variety of goods to Kalimpong: yak tails, fur, sheep wool, musk, golden sand, turquoise, borax, salt.¹⁰⁷ Wool constituted the main item of Tibetan export and was most actively traded during winter, when traders had no fears that their goods would get wet because of monsoons. It is estimated that about 3,840 tons of wool was transported through Kalimpong annually.¹⁰⁸ Tibetan traders took back with them the goods which enjoyed a demand in Tibet, e.g., English cloth,

---

¹⁰² McGranahan 2001: 243.

¹⁰³ Fader 2002: 256–257.

¹⁰⁴ Fader 2002: 259.

¹⁰⁵ Snellgrove and Richardson 1968: 235.

¹⁰⁶ Brox and Zeitzen 2017: 251, 253.

¹⁰⁷ Fader 2002: 259.

¹⁰⁸ Fader 2002: 259.

tobacco, grain, sugar, paints, gems, pearls, corals, candles, lanterns, kerosene, cement, stationery, watches, medicine.¹⁰⁹

In the first half of the 20th century, Kalimpong was not only a thriving trade hub, but was also a place of intersection of a variety of cultures: the Nepalis, the Bengalis, the Lepcha, the English, the Tibetans, the Chinese, etc. In Kalimpong, all of them contacted on a daily basis with ideas, goods, and other peoples who were traditionally both geographically and historically distant from them.¹¹⁰ In Kalimpong, those Tibetans who had not previously crossed the borders of Tibet got their first opportunity to encounter the Europeans and such fascinating objects of modernity as copper plates and other industrially produced goods.¹¹¹

Besides, Kalimpong was a major site of missionary activities of several Christian churches. Kalimpong served as Tibet's "window" to the outside world: via this town Tibetans traveled outside Tibet, sent their children to Indian missionary schools, and learnt what was happening in the world.¹¹² Kalimpong was a favorite seasonal migration destination for Tibetans who stayed there waiting for the cold of Tibetan winters to pass by.¹¹³ Moreover, for some Tibetans, Kalimpong carried the status of an "ideal second home."¹¹⁴ By providing freedom and space for the intellectual pursuits, Kalimpong also attracted dissidents from Tibet: in 1939, the town became a place of origin of the revolutionary Tibet Improvement Party,¹¹⁵ members of which, being largely inspired by the Chinese political philosopher Sun Yat-sen (1866–1925), dreamt big of restructuring the traditional Tibetan government and society, but failed to spread their ideas any further beyond the Indian border.¹¹⁶

The Second World War, the Indian independence movement, the struggle for Tibetan independence, and an arrangement of other factors in the 1940s and 1960s turned Kalimpong into a "political gossip factory" for Tibetan news: the town

---

¹⁰⁹ Snellgrove and Richardson 1968: 235.

¹¹⁰ Sharma 2017: 26, 31.

¹¹¹ Sharma 2017: 32.

¹¹² Shakya 2000: 11.

¹¹³ Prince Peter of Greece and Denmark *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 257.

¹¹⁴ Basu 2018: 29.

¹¹⁵ Tib. *nub bod legs bcos skyid sdug*, Chin. 西藏革命党. For more details, see Goldstein 1992: 449–463.

¹¹⁶ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161n31.

became the epicenter of information flowing from various parts of India, Tibet, and the surrounding borderlands.¹¹⁷ Since the borders of Tibet were closed to foreign reporters, during the height of the Cold War, Kalimpong was considered the second-best place after Tibet proper for gathering information about what was happening on the Tibetan Plateau.¹¹⁸ Staying at the town, unfortunately, did not guarantee getting 100% reliable news reports, since the news heard at the town markets from Tibetan travelers or from European and American researchers, officials, and traders, who lived in Kalimpong, partly came from the imagination of the interviewees and partly was the product of the Kalimpong “gossip factory.”¹¹⁹

In the 1950s, politics took over Kalimpong’s life. Being involved in “a complicated game of chess”¹²⁰ of espionage and counterespionage of different nationalities, the town was described as “a nest of spies.”¹²¹ Kalimpong’s strategically advantageous geopolitical position was of interest not only to Tibetans and Indians. There was no shortage of other peoples in the town—officers of the British and Indian intelligence, agents of the U.S. Central Intelligence Agency (CIA) and the Kuomintang disguised as tourists, Russian Old Believers, exiled royalty and aristocrats from all over the Himalayas, Western anthropologists and missionaries, Tibetan pilgrims, traders, officials, and dissidents, Indian yogis, wizards, and sorcerers.¹²² After the official incorporation of Tibet into the PRC and the beginning of communist reforms in eastern and, later on, central Tibet, Kalimpong also served as a transit point for emigrants coming from China. Moreover, it was Kalimpong that became the headquarters of the Tibetan resistance movement, where—with the help of the elder brother of the 14th Dalai Lama Rgyal lo Don ’grub—the CIA and representatives of the Tibetan immigrant community in India collaborated on waging a long-term guerrilla war in Tibet.¹²³

---

¹¹⁷ Sawerthal 2011: 61; Brox and Zeitzen 2017: 254.

¹¹⁸ Brox and Zeitzen 2017: 255–256.

¹¹⁹ Brox and Zeitzen 2017: 255–256.

¹²⁰ J. Nehru *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 254.

¹²¹ G. Patterson *cit. ex* Brox and Zeitzen 2017: 254.

¹²² Brox and Zeitzen 2017: 258; McGranahan 2001: 244.

¹²³ Brox and Zeitzen 2017: 254–255; Brox and Zeitzen 2021: 3. For more information on subversive activities of members of the Tibetan immigrant community in India, see Goldstein 2007: 464–477; Goldstein 2014: 141–224, 335–409; Goldstein 2019: 74–100.

It is, therefore, not surprising that in the second half of the 1950s, Kalimpong came under the careful surveillance of the PRC as a problematic “command center” of “subversive activities” of Tibetan “reactionaries.”¹²⁴ After the Lhasa Uprising in March 1959, the government of the PRC accused the government of India that in Kalimpong, the Tibetans not only printed their subversive leaflets and published *The Tibet Mirror* newspaper that promoted reactionary and hostile views about the PRC, but they also colluded there with the United States of America and the Kuomintang against the PRC, engaged in subversive anti-communist activities, organized arms smuggling to Tibet, and prepared the Lhasa Uprising of 1959.¹²⁵

The Indian government recognized that in the second half of the 1950s, there were “more spies in Kalimpong than the town’s population,” and responded to the PRC’s accusations by issuing a warning to the authors of subversive leaflets, the publisher of *The Tibet Mirror*, and anyone suspected of questionable clandestine activities, but their warning had, in fact, little effect on the political heat of the town.¹²⁶ In December 1959, the Indian government decided to restrict the entry to Kalimpong: foreigners had to present their passports and a special permit to stay in the town for more than seven days.¹²⁷ Yet, it was only after the halt of trade as a result of the Sino–Indian armed conflict in 1962 and the complete seal off of the Sino–Indian border when Kalimpong began losing its significance as the important geopolitical center and the transcultural “contact zone” and many foreigners left the town.¹²⁸ The waning of the strategic role of Kalimpong coincided with the discontinuation of *The Tibet Mirror*, the last known surviving issue of which is dated November 1963.

---

¹²⁴ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161.

¹²⁵ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 162.

¹²⁶ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 161.

¹²⁷ Fader 2009: 530.

¹²⁸ Viehbeck 2017b: 287.

1.3. Publisher of *The Tibet Mirror*

Regarding the publisher and chief editor of *The Tibet Mirror*, one can read that Dorje Tharchin (or, as he was often called in India, Tharchin Babu¹²⁹) was a rather well-known public figure and a Christian proselytizer, as well as a secret agent of the intelligence services and the only person who could communicate with relative ease with anyone of the motley heterogeneous Kalimpong community in the 1950s.¹³⁰ Tharchin's numerous talents and secrets, which will be discussed in this section, played an important role in his rise to a status of, perhaps, the most famous Tibetan-speaking resident of Kalimpong and in the process of popularization of *The Tibet Mirror* among readers in Tibet.

Dorje Tharchin was born on April 18, 1890, in the village of Poo,¹³¹ which now belongs to Kinnaur district of the Indian state of Himachal Pradesh.¹³² The history of Kinnaur and its geographical location almost on the border with Tibet explain the relatively high percentage of population of Tibetan origin there, most of whom were traditionally Buddhists. However, Tharchin's fate was different and in 1892, he was baptized by the Moravian missionary Theodore Schreve (1860–1930).¹³³ Tharchin spent his early years in Poo, attending a school at the Moravian mission and learning Tibetan and Urdu. After the graduation, Tharchin got hired as a cook and a servant at the family of a local missionary. After his mother's death in 1906, Tharchin left his native village and decided to go to Tibet to study the Tibetan language in depth.¹³⁴ At first, Tharchin was looking for work in Delhi, where he took the job of a dishwasher in a hotel to save some money for his trip to Tibet, but then he contracted malaria and after a brief illness moved to Simla,¹³⁵ where he participated in the construction of the Hindustan–Tibet Road.¹³⁶ Later on, Tharchin

---

¹²⁹ “Babu” is a borrowing from Hindustani that designates a form of respectful address for “Mr.” or “Gentleman” (Fader 2004: 273).

¹³⁰ McGranahan 2001: 243–244.

¹³¹ Tib. *spu*.

¹³² Fader 2002: 20.

¹³³ Fader 2002: 20.

¹³⁴ Fader 2002: 144, 154.

¹³⁵ Simla is sometimes spelled as Shimla. However, since most Russian historiographical works spell the toponym as Simla and refer to the Simla Convention respectively, in the present dissertation, I will also use this version of the spelling.

¹³⁶ Fader 2002: 155, 164.

received a scholarship from the Indian government for a schoolteacher training program and, after moving to Bengal, among other things, undertook studying of English and Nepali. In 1916, Tharchin finished compiling a short Tibetan-language textbook that was published at the printing shop of the Baptist Mission in Calcutta in 1917, and in 1919, he completed his teacher training, soon after which he was invited to teach Tibetan at the Scottish Universities' Mission Institution (SUMI) of the Eastern Himalayan Mission of the Church of Scotland in Kalimpong, where he had settled for life.¹³⁷

Tharchin gained his fame as an educator who promoted the development of secular Tibetan-language literature, a journalist, a publisher, and a political activist. He published many reference books and manuals for the study of Hindi, Tibetan, and English, engaged with the Sikkim Research Institute of Tibetology in Gangtok, and was a member of the 14th Dalai Lama's board of education of Tibetan immigrants.¹³⁸ Portraying himself as a dedicated fighter for Tibetan independence and the preservation of Tibetan culture, Tharchin claimed that the people of Kham were fighting against the Chinese communist rule with arms, while he as a journalist was fighting it with his pen.¹³⁹

Tharchin's varied activities and talents—his command of Urdu, Hindi, Tibetan, and English, his preaching in Sikkim and repeated trips to Tibet, his work as a teacher of the Tibetan language, an interpreter, and a newspaper publisher—provided him with opportunities to meet all kinds of people: high-ranking Tibetan, British, and Indian officials, representatives of Tibetan aristocracy and clergy, Western missionaries, researchers, and travelers.¹⁴⁰ During his second trip to Tibet in 1927–1928, Tharchin received the first audience with the 13th Dalai Lama Thubstan Gyatso (1876–1933), and in 1940, he was employed as a guide and an interpreter to accompany to Lhasa the British Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet Basil Gould (1883–1956) and the British Trade Agent in Rgyal rtse and

---

¹³⁷ Fader 2004: 21, 28.

¹³⁸ Tsering Tashi 1998: 9; Sawerthal 2011: 73.

¹³⁹ Fader 2009: 415.

¹⁴⁰ Sawerthal 2011: 88.

Yatung Hugh Richardson (1905–2000) for the enthronement ceremony of the 14th Dalai Lama.¹⁴¹

Over the years, Tharchin’s social network had grown ever wider, and his house was often the first stop on the route of almost any intellectual arriving in Kalimpong.¹⁴² Every year, scholars and high-ranking lamas stayed at Tharchin’s place.¹⁴³ Upon the arrival in Kalimpong, Tibetans used to go to the office of the editor of *The Tibet Mirror* to share their stories about what was happening in Tibet.¹⁴⁴ Besides, any pilgrim from Lhasa was able to receive from the editor some leaflets and guide maps to the Buddhist cities in India along with an invitation to stay in a house opposite to Tharchin’s printing shop.¹⁴⁵ After 1959, many Tibetan emigrants, who came to Kalimpong, turned to Tharchin for help with settling down in India and a piece of advice on legal issues and immigration rules.¹⁴⁶

Known for his cosmopolitan views, Tharchin was held in high esteem by the Tibetans. According to Tharchin’s contemporaries, the little that some Tibetans knew about Westerners at the time, they learned from the editor of *The Tibet Mirror*.¹⁴⁷ The German scholar I. Engelhardt described Tharchin as the “intermediary between the two worlds,” for in Kalimpong, he was frequently sought after when a translation from or into Tibetan was needed and when there were conflicts to be resolved within the Buddhist community or with Westerners involved.¹⁴⁸

According to the British writer and Buddhist scholar Dennis Lingwood (also known as Sangharakshita; 1925–2018), Tharchin had a brilliant expertise in both spoken and classical Tibetan and was in great demand as a teacher of Tibetan among Western researchers.¹⁴⁹ Tharchin’s contacts comprised such eminent foreign scholars as the British David Snellgrove (1920–2016) and Marco Pallis (1895–1989),

---

¹⁴¹ Fader 2004: 309; Sawerthal 2011: 72.

¹⁴² Tsering Tashi *cit. ex* Sawerthal 2011: 88.

¹⁴³ Engelhardt 2011: 209.

¹⁴⁴ McGranahan 2001: 244.

¹⁴⁵ Sawerthal 2011: 88.

¹⁴⁶ Fader 2009: 537.

¹⁴⁷ McGranahan 2001: 244.

¹⁴⁸ Engelhardt 2018a: 91–92.

¹⁴⁹ Engelhardt 2018a: 93–94.

the Italian Giuseppe Tucci (1894–1984), the Czech René Nebesky-Wojkowitz (1923–1959), the French Jacques Bacot (1877–1965), the Greek Prince Peter of Greece and Denmark (1908–1980), the Russian George N. Roerich (1902–1960), and others.¹⁵⁰ With time, the editor of *The Tibet Mirror*, who reported in his autobiography on his humble descent from parents of the lowest social rank, had elevated his status to the leading Tibetan-speaking man of Kalimpong, while Tharchin's connections had even reached London, where his relative and protégé Rig 'dzin Dbang po (1920–1985) got a job of the Tibetan-language assistant at the School of Oriental and African Studies (University of London).¹⁵¹

Given that, some details of Tharchin's biography and memories of him shared by his contemporaries are difficult to put together and, instead, give an ambiguous impression of the personality of the editor of *The Tibet Mirror*. Tharchin seems to be a rather entrepreneurial and somewhat adventurous man, who was not burdened by the hard physical labor in the earliest days of his career and who, at the same time, was open to any opportunity to learn a new trade, owing to which he managed to achieve so much success in his later career.¹⁵² Tharchin's entrepreneurial spirit successfully coexisted with his mental dexterity. For example, one can find of interest the following episode from the autobiography of the editor of *The Tibet Mirror*. Tharchin described how in his early years, he saw an advertisement of a job vacancy at a printing shop and sent his application there, but he got a reply that the position had already been filled in and there was another open vacancy of a teacher of Hindi, therefore, the employer inquired whether Tharchin knew Hindi. Undeterred, on the same day, Tharchin bought a Hindi textbook to begin studying Hindi and replied to the printing shop that he was able to teach not only Hindi, but also Tibetan.¹⁵³

Furthermore, Tharchin's personal correspondence and his publications in *The Tibet Mirror* give the impression that he had a tendency for enjoying a certain degree

---

¹⁵⁰ Sawerthal 2018a: 108.

¹⁵¹ Viehbeck 2017b.

¹⁵² Engelhardt 2018a: 94.

¹⁵³ Dorje Tharchin *cit. ex* Engelhardt 2018a: 93–94.

of opportunism and used to change his identity depending on the situation and to emphasize either his Tibetan ethnic origin or his Indian citizenship—whatever was more relevant considering the time and place. Being, in fact, a citizen of British India and, later, independent India, Tharchin alternately identified himself either as a loyal British or Indian subject¹⁵⁴ or as a loyal Tibetan¹⁵⁵ and appeared either as a devout Christian and a determined preacher of Christianity¹⁵⁶ or as a Buddhist who stressed the importance of Buddhism in Tibet.¹⁵⁷ Tharchin's statements about his Indian identity and Christian views were regularly expressed in his letters to the British or Indian officials, while in *The Tibet Mirror*, the editor often presented himself as a Tibetan patriot and a concerned defender of the Buddhist religion.

Another important fact of the biography of the editor of *The Tibet Mirror*, which attests to his entrepreneurial spirit, is that while working on the dissemination of information in the Tibetan language in his newspaper, Tharchin simultaneously secretly reported news to other interested parties, namely the British and Indian intelligence officials. It is known that as early as 1928, Tharchin sold information to the British officials and since the 1940s, he officially worked for the British intelligence under the ATS23 number.¹⁵⁸ Tharchin was involved in the regular

---

¹⁵⁴ E.g., “I am a loyal British subject” in Tharchin's letter to Sir Charles Bell dated 1937 (*cit. ex Fader 2009: 332*). Tharchin's Indian identity is documented, for example, in his letter dated November 1962, written at the time of the Sino-Indian Border War: “Due to this cause all we Indian citizens—from children to old men and women, different communities—are all united into one; and we will fight and turn the aggressors [out] in the near future. The shameless Red Communists have disturbed not only we [*sic*] Indians who are a peace-loving people but also all other peace-loving countries in the world” (*cit. ex Fader 2009: 430*). In Tharchin's letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963, one can read the following: “As regards my loyal service, Your Honour might be aware that there is a large file in Your Honour's office which will relate all about my loyalty and works done for the Government” (The Tharchin Collection).

¹⁵⁵ E.g., “This was humbly written by the publisher of a newspaper who is immensely loyal to Tibet” (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5). Or in Tharchin's letter dated November 1952, one reads the following: “We are very sorry for our country as it is gone under the Red Chinese. We have tried our best but failed to defend as there were no helps [from outside powers]. Anyhow, still we are hoping that very soon again we may be able to get free from the bondage of the anti-religious, the ungodly Communists” (*cit. ex Fader 2009: 420*).

¹⁵⁶ See Norbu Dawa 2002: XI. In the words of H.L. Fader, Tharchin “had made the Christian conversion of Tibet and its people a specific daily matter of prayer for many, many years” (Fader 2009: 333). In a letter to Marco Pallis dated 1958, Tharchin wrote: “My life is not safe, but I trust in God. [...] But if God is on our side, who can harm us?” (*cit. ex Fader 2009: 430*).

¹⁵⁷ In *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7 dated October 1952, Tharchin addresses his readers in Tibet in the following way: “We, [...] native speakers of the unified [Tibetan] language, followers of Mahayana [Buddhism], brothers from [...] Tibet, must unite in [our] thoughts. [We] must strive to free ourselves from the oppression of [communist China]. When we are free from the oppression of the foreign enemy, [we] will destroy the inner demons, after which the people of [...] Tibet will be free and independent and the Teaching of the Buddha will be flourishing” (*The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8).

¹⁵⁸ Sawerthal 2011: 73.

exchange of official information between the British Trade Agents in Rgyal rtse and Yatung, the British Mission in Lhasa, and the British Political Officer in Sikkim and since 1948, also collected data for the Central Intelligence Bureau of India.¹⁵⁹ According to the British official in charge of Tibet policy at the Central Intelligence Bureau of India Eric Lambert (1909–1996), Tharchin served as his “most useful source of information” about Tibet.¹⁶⁰ Tharchin’s exceptional professionalism in his work as a secret agent of the British and Indian intelligence can be exemplified by the fact that, according to the author of Tharchin’s biography H.L. Fader, although the editor of *The Tibet Mirror* spent about 40 years on his secret missions of collecting and transmitting the intelligence, this aspect of Tharchin’s life had not been discovered neither by his two wives nor by any of his relatives, friends, or employees of the printing shop opened by him in 1948, which was believed to be his main place of occupation and thus offered a good cover for his covert work.¹⁶¹

Tharchin collected the information on the activities and movements of key Tibetan figures, as well as events, the content of conversations, telegrams, letters, and reports which had either a journalistic or political significance and could have been used as the intelligence and/or as a newsbreak to write an article.¹⁶² To gather the necessary data, Tharchin used the services of personal informants, both “stationary” residents of a particular area (Lhasa, Gzhis ka rtse, Phag ri, Rgyal rtse, Yatung, Kalimpong) and transients passing through Tibet and India on their way somewhere (e.g., traveling Mongolian monks).¹⁶³ In H.L. Fader’s opinion, Mongolian and Tibetan pilgrims, being “a mine of intelligence,” could not have been missed by such “a resourceful, skillful and strategically-placed person like Tharchin who quickly comprehended the unique situation” and “exploited it to the full.”¹⁶⁴ Apart from that, the editor reported on the people who stayed in his house.¹⁶⁵

---

¹⁵⁹ Sawerthal 2018a: 109.

¹⁶⁰ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 109.

¹⁶¹ Fader 2009: 347.

¹⁶² Fader 2009: 342–343.

¹⁶³ Fader 2009: 343–344.

¹⁶⁴ Fader 2009: 346.

¹⁶⁵ Sawerthal 2011: 74.

Neither Tharchin's guests nor the owners of the houses where the editor of *The Tibet Mirror* was staying himself were aware of the intelligence gathering. H.L. Fader gives an example that during a trip to Tibet in 1937, Tharchin felt the urgent need to inform the British official Charles Bell (1870–1945) of a highly confidential information which he had obtained from a personal conversation with the Tibetan official Tsha rong (1888–1959), while still being a guest at Tsha rong's house.¹⁶⁶ Even those informants of Tharchin who were acquainted with many representatives of the British and Indian intelligence—e.g., Bsod nams Stobs rgyal Ka dzi (1925–2009), the interpreter at the Indian Consulate in Lhasa,—were unaware that the editor of *The Tibet Mirror* was involved in the intelligence gathering operations in addition to his work at the printing shop.¹⁶⁷

After the independence of India was declared in 1947, Tharchin used the privileges of his Tibetan ethnic origin to continue his cooperation with the new Indian government. From 1955 to 1960, he took part in the production of an Indian periodical in Tibetan and Hindi and after the immigration of the 14th Dalai Lama to India, Tharchin participated in arranging the humanitarian aid for Tibetan immigrants, organizing a new educational system for their children, and publishing schools textbooks in Tibetan.¹⁶⁸ From Tharchin's archive at Columbia University, one can learn that even after *The Tibet Mirror* ceased its production in 1963, Tharchin continued to receive Tibetan news from his informants and he tried to offer this information to other newspapers, e.g., *The Statesman* published in Calcutta.¹⁶⁹ After finishing his career as the editor of *The Tibet Mirror*, Tharchin worked on the English-Hindi-Tibetan pocket dictionary, for which he was commended and rewarded by the 14th Dalai Lama in 1965, and was also engaged in publishing Buddhist treatises.¹⁷⁰ One of the last projects of the publisher of *The Tibet Mirror* was the Himalayan Children's Home orphanage in Kalimpong opened by him and

---

¹⁶⁶ Fader 2009: 341.

¹⁶⁷ Fader 2009: 328.

¹⁶⁸ The Tharchin Collection; Sawerthal 2018a: 112.

¹⁶⁹ See The Tharchin Collection.

¹⁷⁰ Fader 2009: 515–516; Tsering Tashi 1998: 10.

his wife in 1962.¹⁷¹ Dorje Tharchin passed away at the age of 85 on February 6, 1976.¹⁷²

1.4. History of Production and Distribution of *The Tibet Mirror*

The production of *The Tibet Mirror* was a big achievement and a source of special pride for Tharchin.¹⁷³ A story has it that Tharchin once stumbled upon a broken Roneo-duplicating machine¹⁷⁴ at the Scottish Mission in mid-1925 and was allowed to take it home by John Anderson Graham (1861–1942), his friend and the head of the Kalimpong Mission. Earlier, in a vain attempt to set up the machine, the staff of the Mission broke some of its parts and refused to use it. Having noticed the abandoned mimeograph on the floor, Tharchin got eager to use it to implement his long-held idea of publishing his own newspaper. Members of the Mission persisted in convincing the future editor of *The Tibet Mirror* that he would only waste his time and energy, since the machine was missing a certain mechanical part and could not be set up, but Tharchin thrived on the challenge and in a few weeks managed to make the machine work. The very first newspaper issue was printed rather awkwardly and consisted of only four pages hand-written by Tharchin, but a month later, the editor finally adjusted the machine and brought the first official copy of *The Tibet Mirror* to J. Graham, who heartily congratulated his friend on the success.¹⁷⁵

The first issue of *The Tibet Mirror* officially came out on October 1, 1925, with a print run of 50 copies.¹⁷⁶ One copy was sent personally to the 13th Dalai Lama, for which the latter expressed his admiration for Tharchin's work, sent a reward to the editor, and subscribed to the newspaper. The 14th Dalai Lama inherited his predecessor's subscription and was one of the official subscribers of *The Tibet Mirror* until 1959.¹⁷⁷

---

¹⁷¹ Fader 2009: 455–457.

¹⁷² Fader 2009: 622.

¹⁷³ For an interview with Tharchin, see Norbu Dawa 1998: 11.

¹⁷⁴ A Roneo-duplicating machine is a mimeograph machine that works by forcing ink through a stencil onto a paper.

¹⁷⁵ Fader 2004: 258–260.

¹⁷⁶ Fader 2004: 264.

¹⁷⁷ Fader 2004: 267.

In a letter to the Indian Political Officer in Sikkim dated December 1963, Tharchin reported that his main aim of publishing a newspaper was “to give the world-news to the Tibetan friends and to cultivate and renew the friendly relationship between India and Tibet.”¹⁷⁸ In the editor’s foreword to the very first issue of *The Tibet Mirror*, Tharchin explained the aim of his newspaper enterprise in more detail:

Nowadays, in India, China, and all big and small foreign countries there are newspapers in their own languages. Despite the considerable distances, newspapers help people to find out what is happening in [other] countries all over the world without the need to leave their homes. Newspapers inform us about unfavorable times, commercial profits and losses, provide information about the spread of knowledge and wisdom, news about the beginning of an epidemic, flood, famine, earthquake, etc. They also enable subjects to address their rulers with both their joys and sorrow. Because until now, in our Land of Snow there have been no such newspapers, I, Tharchin from Kunawar¹⁷⁹, and some other Tibetans residing in Kalimpong thought: “If something like that appears in our own language, then, would not we, Tibetans, have something useful, something helpful for reaching an understanding despite the difference in dialects?” [...] In order to make this newspaper useful for everybody, I hope to present [in it] various news from all countries, to recount the story about the spread and decline of Buddha’s doctrine in India for the good of monks, to provide information about goods and markets, railways, maps, and so on for the good of traders, different news for aristocrats, information about types of drugs for the sake of sick people, and study materials for children.¹⁸⁰

From this foreword, one can distinguish the two main functions of *The Tibet Mirror*: to disseminate information and to serve as a tool for cultural and educational work. At the same time, considering Tharchin’s work at the Mission and the fact that the initial production of *The Tibet Mirror* originated from the premises of the Scottish Mission, one can wonder if the editor aimed to use his newspaper (especially during its early years) to spread Christianity among the population of Tibet. A careful examination of the content of newspaper issues and the history of Tharchin’s

¹⁷⁸ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

¹⁷⁹ Kunawar, or Tib. *khu nu*, is a place in northern India where the village of Poo, i.e., the birthplace of Tharchin, is situated.

¹⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.I No.1, October 1925: 1. For an English translation of all publications of the very first issue of *The Tibet Mirror*, see Moskaleva and Grokhovskiy 2018: 147–167.

employment by the Mission (namely, his repeated arguments with the Mission leadership over the content of *The Tibet Mirror*), however, allows one to conclude that Tharchin's newspaper publications were predominantly secular. I. Engelhardt estimated that out of a total of 2,500 pages of *The Tibet Mirror* there are only about 100 pages that contain publications on Christianity.¹⁸¹ Moreover, being a connoisseur of Tibetan culture himself and taking into account the interests of his Tibetan-speaking readers, Tharchin invited for collaboration Buddhist clerics from Tibet and regularly published articles on Buddhism in his newspaper. In her research, I. Engelhardt discovered that in *The Tibet Mirror*, publications on Buddhism—both in terms of their total number and the amount of space provided for them in newspaper issues—had prevailed over publications on Christianity.¹⁸²

To describe *The Tibet Mirror* as a historical source, one should also analyze the financial aspect of the newspaper's production. *The Tibet Mirror* certainly brought fame to its editor, but, in the words of Tharchin himself, the newspaper "was never being self-supported."¹⁸³ The subscription fees coming from the readers and the profits made from publishing advertisements in *The Tibet Mirror* did not cover the expenses of the overall production. Money was scarce and sometimes there were forced gaps in the publishing process of the newspaper: in 1940, for example, Tharchin had to stop the production of *The Tibet Mirror* for two and a half years.¹⁸⁴ Until 1946, Tharchin published his newspaper at the printing shop of the Scottish Mission and was, therefore, able to use the printing press and the manpower there, however, since *The Tibet Mirror* was his own initiative, the lack of funds prompted the publisher to seek outside support and engage in cooperation.¹⁸⁵ From time-to-time, Tharchin got lucky: some funding came from the British colonial government in India and the Tibetan government in Lhasa. According to I. Engelhardt's

---

¹⁸¹ Engelhardt 2013: 153.

¹⁸² Engelhardt 2013: 152.

¹⁸³ Tharchin's letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection). In one letter dated September 1961, Tharchin writes that his newspaper was self-supported for a time period after 1948, however, in all other surviving letters in the archive, he claims otherwise.

¹⁸⁴ Sawerthal 2011: 80.

¹⁸⁵ Engelhardt 2011: 235.

estimations, for the most part, this support was yet irregular and relatively modest, especially from the Tibetan government.¹⁸⁶

During the Second World War, the British government in India decided to support the production of *The Tibet Mirror* “to carry out a little honest propaganda” in Tibet.¹⁸⁷ In a letter to the Indian Political Officer in Sikkim dated December 1963, Tharchin reported that in July 1942, through the mediation of the British Political Officer in Sikkim B. Gould, the editor went to Delhi where he met with several high-ranking military and civil officials, who “ordered” him to resume the production of his newspaper “under the kind guidance” of the Political Officer in Sikkim, and for that the British government offered its full financial support for all Tharchin’s expenses needed for the publishing process.¹⁸⁸ The British government also started covering payments for a subscription to 250 issues of *The Tibet Mirror* for its free distribution in Tibet, which substantially supported Tharchin and enabled the editor to resume publishing of his newspaper after a long hiatus from February 1940 to August 1942.¹⁸⁹ According to the British diplomat H. Richardson, their propaganda was “confined to the provision of straightforward news” about the Second World War, the British resources, successes, and certainty of victory.¹⁹⁰ However, the Tibetologist A. McKay, who devoted his dissertation to the study of the British colonial policy in Tibet, defined B. Gould’s arrangement of subsidies for *The Tibet Mirror* in the 1940s as a British means of promoting Tibet’s isolation from China aimed at strengthening Tibet’s position as a buffer state on the northeastern border of British India.¹⁹¹

The British extended their support to *The Tibet Mirror* even after the end of the Second World War, when Tharchin finally left the Scottish Mission in June 1946.¹⁹² Since July 1946, the publisher received a subsidy of 200 (later on, 250) rupees a month from the British colonial government and—what was more

---

¹⁸⁶ Engelhardt 2011: 245, 250.

¹⁸⁷ Engelhardt 2011: 242.

¹⁸⁸ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

¹⁸⁹ Engelhardt 2011: 242–243.

¹⁹⁰ Engelhardt 2011: 245.

¹⁹¹ McKay 1995: 217.

¹⁹² Sawerthal 2018a: 117.

significant for the newspaper—in early 1947, all Tibetan traders who applied to the British Political Officer in Sikkim for a permission to export cotton cloth from India were required to subscribe to *The Tibet Mirror*.¹⁹³ In addition to that, with the help of the British Political Officer in Sikkim Arthur John Hopkinson (1894–1953), Tharchin managed to obtain an interest-free loan from the Indian government and purchased a new printing press in 1947 and a piece of land for his future printing shop.¹⁹⁴ Using the interest-free loan, in March 1948, Tharchin established his own printing shop under the same name as his newspaper—“The Tibet Mirror Press.” According to Tharchin’s own account, the opening ceremony of The Tibet Mirror Press was honored with the presence of many high-ranking officials and more than a thousand Tibetans.¹⁹⁵

A. Sawerthal contends that only during the short period of time, when the British policy of compulsory subscription was enforced on Tibetan traders in 1947, did *The Tibet Mirror* cover its production costs.¹⁹⁶ But in early 1948, following India’s independence, the program of compulsory subscription of traders for *The Tibet Mirror* was abolished and the newspaper’s publisher ran again into his financial straits. To secure a resumption of subsidies for *The Tibet Mirror*, Tharchin repeatedly appealed to various Indian officials, up to such an unexpected source of subsidies as the Director of the School of Foreign Languages at Delhi’s Ministry of Defense, but his attempts remained relatively fruitless.¹⁹⁷ Given that, Tharchin’s printing shop was kept busy working and, apart from producing the newspaper, it carried out other printing orders, for which the publisher thanked Political Officers in Sikkim and assured them that even though it was officially his private enterprise, it had always worked “for the Government [of India] as well as for the Tibetans.”¹⁹⁸

In a letter dated December 1959, Tharchin assured the Indian Political Officer in Sikkim that for many years, he did his “best to serve our government [the

---

¹⁹³ Sawerthal 2011: 83–84; Sawerthal 2018a: 117–119.

¹⁹⁴ Fader 2009: 181–184.

¹⁹⁵ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

¹⁹⁶ Sawerthal 2018a: 119.

¹⁹⁷ Fader 2009: 428.

¹⁹⁸ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

Government of India] faithfully in various ways and specially so by publishing the Tibetan newspaper.”¹⁹⁹ Tharchin’s wording reinforces the impression that the financial support of the British and, later on, the Indian government did exist and did tangibly help Tharchin to produce his newspaper. The only thing that remains unclear is whether it was a permanent program of financial support for *The Tibet Mirror* started by the British (and then continued by the Indian) government or whether the financial assistance always remained irregular and was the result of a personal initiative of certain individuals, in particular, a few Political Officers in Sikkim who liked Tharchin or believed in his cause and, therefore, offered their help.

As for the support by the Tibetan government, both the 13th Dalai Lama and the 14th Dalai Lama expressed their appreciation of *The Tibet Mirror* and occasionally financially supported the newspaper. Tharchin’s personal correspondence reveals that from 1927 till 1932, the 13th Dalai Lama used to send the editor 20 rupees a year.²⁰⁰ I. Engelhardt reports that Tharchin also received from the Tibetan government: 100 rupees in 1937 with a request to continue sending his newspaper regularly to Lhasa, 100 rupees in 1940 and a “begging letter” sealed by the Tibetan government that allowed the editor to obtain subscriptions from Tibetan officials and traders, and 300 rupees in 1945 along with an encouragement not to give up the production of *The Tibet Mirror*.²⁰¹ Despite Tharchin’s appeals, the Tibetan government was not willing to provide bigger support to *The Tibet Mirror* and explained it by the fact that the newspaper was published outside of Tibet.²⁰² According to a letter from Tharchin’s archive at Columbia University, since 1949, the Tibetan government no longer paid anything to the publisher.²⁰³ However, other letters from the same archive read that Tharchin received from the 14th Dalai Lama 500 rupees in 1949 and 300 rupees in 1951.²⁰⁴ Besides, one can learn from Tharchin’s biography by H.L. Fader that during the visit of the 14th Dalai Lama to

---

¹⁹⁹ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 11, 1959 (The Tharchin Collection).

²⁰⁰ Sawerthal 2018a: 125; Tharchin’s letter dated September 6, 1961 (The Tharchin Collection).

²⁰¹ Engelhardt 2011: 246–250.

²⁰² Engelhardt 2011: 249; Sawerthal 2018a: 125.

²⁰³ The Tharchin Collection.

²⁰⁴ The Tharchin Collection.

India in 1956–1957, Bstan 'dzin Rgya mtsho forwarded Tharchin via his official a gift of 1,000 rupees to be used for the newspaper.²⁰⁵ It is also recorded that a week before his death, Tharchin received another 2,000 or 3,000 rupees from the 14th Dalai Lama.²⁰⁶

In 2012, I. Engelhardt contended that it remained unknown whether Tharchin had ever received any financial assistance from the United States of America.²⁰⁷ Regarding this topic, in 2018, A. Sawerthal cited the information from Tharchin's archive that in April 1950, the U.S. Embassy in Delhi and the U.S. Consulate in Calcutta, having expressed their interest in *The Tibet Mirror*, subscribed to the newspaper and requested copies of all earlier issues of the newspaper, after which next year, in May 1951, the U.S. State Department listed among its measures of support for the Tibet Question—the “assistance to Tharchin, the proprietor of the only Tibetan newspaper.”²⁰⁸ It is interesting that, according to the surviving correspondence in Tharchin's archives, the U.S. Embassy in Delhi applied for a subscription to *The Tibet Mirror* not directly to the newspaper's publisher but through the Indian Political Officer in Sikkim Harishwar Dayal (in office 1948–1952).²⁰⁹ According to H.L. Fader, in January 1951, the University of Washington also subscribed for *The Tibet Mirror* and in November 1952, the subscription was requested by the U.S. State Department's International Broadcasting in New York.²¹⁰

It is unclear what kind of assistance was provided to Tharchin by the U.S. State Department since 1951. A. Sawerthal argues that in 1954, *The Tibet Mirror*—not without a financial reward for it—got involved in political activities of Rgyal lo Don 'grub, who, as it was already mentioned, helped organizing the CIA-assisted resistant movement in Tibet.²¹¹ Given that, in the same year of 1954, Tharchin

---

²⁰⁵ Fader 2009: 477.

²⁰⁶ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 125.

²⁰⁷ Engelhardt 2012: 203.

²⁰⁸ The Tharchin Collection; Sawerthal 2018a: 122.

²⁰⁹ The Tharchin Collection.

²¹⁰ Fader 2009: 421.

²¹¹ Sawerthal 2018a: 122–123. M. Goldstein also reports that Rgyal lo Don 'grub's subversive group contacted Tharchin regarding the increase of frequency of publishing of *The Tibet Mirror* issues (Goldstein 2014: 167–168).

started publishing *The Tibet Mirror* weekly, with an even more distinct focus on the topic of struggle for Tibetan independence. The editor explained his decision to publish weekly issues of the newspaper by requests from his readers who had finally recognized the value of *The Tibet Mirror*.²¹²

According to A. Sawerthal, from the mid-1950s, Tharchin's wife, probably alongside with the British M. Pallis, co-financed *The Tibet Mirror*, and in 1958, Tharchin personally received funds for his newspaper from M. Pallis, who was not just a scholar himself but was also connected with the British intelligence.²¹³ Unfortunately, there is no other, more precise information about the third-party financing of *The Tibet Mirror* in the late 1950s and early 1960s. Neither is there any information regarding the financing of *The Tibet Mirror* by the Kuomintang.

It must be underlined that Tharchin officially denied any outside funding of *The Tibet Mirror*. In August 1952, the editor published a statement in *The Tibet Mirror* claiming that he published news in favor of Tibet, because he liked it, and whatever rumors may have been circulating about the possible financing of his newspaper by the Kuomintang, Chinese communists, the governments of Tibet, India, or any foreign countries, “up to date, no one had certainly provided any help” to the newspaper.²¹⁴

As for the no less important question of receiving feedback from the sponsors of *The Tibet Mirror*, it is known that the editor did not get his external funding with “no strings attached” and, in some cases, had to pay for it with his editorial policy's freedom. For example, during the period of British financial assistance, Tharchin promised not to publish anything “hostile” to the British government of India and was even forced to delete some publications, in accordance with the wishes of A. Hopkinson, the Political Officer in Sikkim.²¹⁵ Based on the analysis of Tharchin's personal correspondence, one can conclude that the editor consulted regarding the content of some articles on Tibet with the Political Officer in Sikkim, Bhutan, and

---

²¹² See Sawerthal 2018a: 123.

²¹³ Sawerthal 2018a: 110–111, 124, 267; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 168.

²¹⁴ Tib. *da bar su gang gis rogs ram byed mkhan med nges britan* (*The Tibet Mirror* Vol. XX No. 5, August 1952: 2). For a full translation of this publication, see Sawerthal 2018a: 156–157.

²¹⁵ For more information, see Sawerthal 2018a: 132n188.

Tibet even after India had gained its independence. For instance, in a letter dated June 1950, Tharchin asked the Indian Political Officer in Sikkim, H. Dayal whether he would object to an idea of publishing in *The Tibet Mirror* certain excerpts from the texts of the 1904 Anglo–Tibetan Convention, the 1906 Treaty between Great Britain and China, or the 1914 Simla Convention:

If your honour has no objections, I may be able to quote some of the texts in my paper for the benefit of Tibet, with some comments, may make some interesting article about the independence or autonomy of Tibet. If your honour has no objections, I shall be grateful to have the above-mentioned treaties in Tibetan copies for my use, time to time.²¹⁶

It is of particular interest that at the time of writing this letter in June 1950, the editor of *The Tibet Mirror* had not yet decided whether to emphasize the autonomy or the independence of Tibet in his forthcoming publication. However, in *The Tibet Mirror* itself in the 1950s and 1960s, Tharchin unequivocally described the Tibet Question as the problem of the PRC’s illegal invasion of the “independent Tibetan state.”

Or, for example, Tharchin’s letter to H. Dayal dated December 1949, reads the following:

Lately there have been many news items in the other papers about Tibet; I am not sure whether I should put them in my paper or not. I shall be grateful if your honour advise [*sic*] me whether I should translate these news items about Tibet....

Most of news may not be true, but the Chinese Reds from Peking are said to be broadcasting in Tibetan now and then. I think this is the time that the Tibetan government ought to take interest in the Tibetan newspaper and tell and give advice to the public through the paper so that in case any propaganda of the Reds comes to Tibet, the public should not open their ears. There are many rumours and talk going on among the Tibetans who are coming to India, and also they take back many rumours which they hear here. The Tibetan government ought to contradict the news which are published in papers.

I am not sure whether I would be wise to do so, but I have sometimes been thinking to request the Tibetan government that they ought to send articles and advices to the Tibetan public and to distribute the paper in every Dzong in Tibet and in the monasteries as well. If the public is warned in time, it may be benefited. I meet Tibetan people high and low, but almost all of them are speaking against their own Government. I think it is high time for the Tibetan

---

²¹⁶ The Tharchin Collection.

government to uplift the people and give good guidance. Perhaps your honour might advise them.

I am thinking to contradict in my paper the news items which are published in other papers, and also to show and try to prove that Tibet was not a part of China; but without the support of the Tibetan government, I think it may not carry any weight, as well as risk to myself; and also, people may not understand in Tibetan.

Kindly favour me with instructions and guidance so that I may publish the right news for the benefit and protection of Tibet so that the public may not be misled, inasmuch as Tibet is most important to our country India.²¹⁷

In a reply letter sent to Tharchin two days later, H. Dayal gave the following instructions:

[...] 3. As regards news on Tibet: much of what is published in Indian papers is inaccurate and if you propose to translate any such material for publication in your own newspaper, it would be best for you to consult me beforehand about its accuracy.

4. A statement given by the Tibetan government to Mr. Lowell Thomas²¹⁸ has already been published in the Indian papers. You might publish a translation of that in your newspaper.

You might similarly publish any other public statement that the Tibetan government issues.

5. I hope you will be able to find another agent in Lhasa to sell your paper. You might also try to get an agent in Ladakh. Ladakhi delegations sometimes visit India, and if you are able to interest them they might agree to help.²¹⁹

A. McKay avers that British India had a system of strict censorship and all publications were to reproduce the image of Tibet that suited British interests.²²⁰ British colonial officials understood that any inconsistency with the official British policy could hinder their career development and, therefore, had a sufficient incentive to impose self-censorship upon themselves.²²¹ Since Tharchin was initially a British employee, the regime of strict censorship and self-censorship was most likely applicable to *The Tibet Mirror* too. Given that the editor of *The Tibet Mirror* received funding for his newspaper from the British M. Pallis in the 1950s, it is possible that the censorship regime was still in place even after the British colonial

---

²¹⁷ Fader 2009: 417.

²¹⁸ A father and a son with the same name—Lowell Thomas (1892–1981) and Lowell Thomas Jr. (1923–2016)—were invited by the Tibetan government to film local life on the Tibetan Plateau and stayed in Tibet from 1949 to 1950.

²¹⁹ Fader 2009: 418.

²²⁰ McKay 1995: 218.

²²¹ McKay 1995: 216.

officials had left India and Tharchin continued to work under the guidance of Indian Political Officers in Sikkim.

Be that as it may, despite the recorded instances of financing of *The Tibet Mirror* by all the above-mentioned actors, Tharchin's newspaper was formally his private enterprise, that is why Tharchin's pro-Tibetan and anti-communist publications must have been the result of intersection of his personal interests as the chief editor and those of his sponsors. In spite of the evidence left in the form of correspondence between Tharchin and the Political Officer in Sikkim about the content of publications on Tibet, these letters seem to be of advisory nature. Moreover, nothing is known about how *The Tibet Mirror* articles were evaluated after they had been published and which sanctions were to be imposed for a deviation from the recommendations given by the Political Officer in Sikkim. At the same time, there is no evidence of any commissioned publications or Tharchin's consultations regarding the contents of *The Tibet Mirror* with the U.S. representatives in the 1950s.

As for subscribers of *The Tibet Mirror*, due to the fact that in the early 20th century, 90% of Tibetan-speaking peoples lacked reading skills, for the majority of Tibetans the information in *The Tibet Mirror* could have been accessible only if somebody read the news aloud.²²² The newspaper readership was represented by the elite minority of the population, which consisted mainly of aristocrats, abbots of monasteries, lamas, and wealthy traders.²²³ By 1928, the initial number of 14 subscribers of *The Tibet Mirror* had grown to 50, but, in fact, the real circulation exceeded that figure, for Tharchin used to send more than a 100 newspaper copies to Tibetan officials free of charge.²²⁴ By 1929, the circulation of *The Tibet Mirror* increased to about 200 copies and during the Second World War, Tharchin printed more than 500 copies of the newspaper since the British government of India bought most of the copies for a distribution in Tibet and the bordering areas of Darjeeling, Sikkim, Kashmir, Leh, Simla, and Bhutan. Provided the British support, the highest

---

²²² Sawerthal 2011: 85.

²²³ Tsering Tashi *cit. ex* Sawerthal 2011: 85.

²²⁴ Hackett n.d.: 3.

number of subscribers of *The Tibet Mirror* was estimated at 1,200 in 1947.²²⁵ Later, the number of subscribers declined again and in February 1953, the circulation of *The Tibet Mirror* was about 300–400 copies, while in the mid-1950s, it was estimated at 100–150 copies.²²⁶

The newspaper distribution area stretched from Kalimpong to Amdo along the Mongolian trade route and along the eastern Tibet's border with Assam.²²⁷ *The Tibet Mirror* reached Rgyal rtse and Gzhis ka rtse, the present-day provinces of Sichuan and Qinghai, the city of Chongqing, and Nepal.²²⁸ According to H.L. Fader, in the 1940s and 1950s, Tharchin had special agents who managed to deliver a sizable bundle of individually addressed copies of *The Tibet Mirror* to various parts of Tibet.²²⁹ One of Tharchin's letters from his archive reads that up to 1959, *The Tibet Mirror* reached Lhasa (at first, officially and then, in the late 1950s, secretly with the help of traders and pilgrims).²³⁰

In I. Engelhardt's opinion, the readership of *The Tibet Mirror* was actually larger than its small circulation, since each newspaper copy was read (or listened to if somebody read aloud) by several people.²³¹ In a letter to the Indian Political Officer in Sikkim dated June 1950, Tharchin shared how much surprised he was to receive a letter from the elder brother of the 14th Dalai Lama from Kumbum Monastery who thanked the editor for the work on *The Tibet Mirror* and asked to send copies of the newspaper directly to him, because the 14th Dalai Lama's brother actually did not have a formal subscription to *The Tibet Mirror*.²³²

The documents preserved at Tharchin's archive at Columbia University give the impression that Political Officers in Sikkim played a very significant role for the editor of *The Tibet Mirror*. Not only did Tharchin consult with Political Officers in Sikkim regarding the content of his future publications on Tibet, but he also kept

---

²²⁵ Sawerthal 2018a: 119.

²²⁶ The Tharchin Collection; Sawerthal 2018a: 282.

²²⁷ Fader 2004: 282.

²²⁸ Sawerthal 2011: 86; The Tharchin Collection.

²²⁹ Fader 2009: 419.

²³⁰ The Tharchin Collection.

²³¹ Engelhardt 2011: 214.

²³² The Tharchin Collection.

them informed about his subscribers and the number of copies of *The Tibet Mirror* sent to the Tibetan government. At the same time, members of the Indian Mission in Lhasa helped distributing Tharchin's newspaper in Tibet. For instance, in a letter dated April 28, 1950, Tharchin reports to the Head of the Indian Mission in Lhasa H. Richardson that so far, he has been unable to find a proper agent to distribute *The Tibet Mirror* in Lhasa, but earlier, he used to send 32 copies of his newspaper to the Tibetan government and five copies to the Mission itself, and at this time, he wishes to send nine newspaper copies and attaches a list of addressees.²³³ According to the surviving correspondence in the archive, exactly one week later, on May 5, 1950, Tharchin sent a copy of his letter to H. Richardson and the same list with addressees to the Indian Political Officer in Sikkim.

In August 1952, the staff of the Indian Mission—on the pretext of “certain objections in distributing foreign newspapers in Lhasa”—refused to provide any further assistance in delivering *The Tibet Mirror* to Tharchin's addressees and in July 1954, the government of the PRC fully blocked the distribution of *The Tibet Mirror* in Tibet.²³⁴ However, in a letter dated 1958, Tharchin reported to M. Pallis that, despite the ban imposed by the PRC, his newspaper enjoyed a great demand among Tibetans and copies of *The Tibet Mirror* still reached the remote areas of eastern Tibet, where it was read by thousands of laymen and monks.²³⁵ Tharchin also claimed that since 1959, *The Tibet Mirror* became especially popular among Tibetan-speaking immigrants in India, but they did not have money to pay for the subscription and the editor distributed his newspaper for free.²³⁶

The Tibet Mirror had subscribers outside India and Tibet. The Austrian traveler and a childhood friend of the 14th Dalai Lama, Heinrich Harrer (1912–2006), who visited Tibet and India in 1944–1952, mentioned *The Tibet Mirror* in his book *Seven Years in Tibet*. H. Harrer stated that the newspaper had a broad readership in Lhasa and that newspaper issues were sent to Tibetologists all around the world (e.g.,

²³³ Tharchin's letter dated April 28, 1950 (The Tharchin Collection).

²³⁴ Sawerthal 2018a: 278, 281.

²³⁵ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 281.

²³⁶ The Tharchin Collection.

the American Buddhologist Theos Bernard (1908–1947) and the German Tibetologist Johannes Schubert (1896–1976) were the subscribers).²³⁷ Articles attesting to the prominence of *The Tibet Mirror* in the world can be found in such foreign periodicals as *The New York Times*, *The Singapore Free Press*, and the *North China Herald*.²³⁸ Following the data cited by A. Sawerthal, one can notice that after Tibet was incorporated into the PRC in 1951, the number of foreign subscribers of *The Tibet Mirror* has been increasing and in September 1952, a copy of *The Tibet Mirror* was even delivered to Taiwan to the leader of the Kuomintang Marshal Chiang Kai-shek (1887–1975).²³⁹

Since the people of Tibet had very little access to international news, until the early 1960s, *The Tibet Mirror* maintained its status as one of the main sources of information in the Tibetan language. In her research, I. Engelhardt came to the conclusion that *The Tibet Mirror* contained descriptions of news from almost every country of the world, except for the countries of Latin America and Tropical Africa.²⁴⁰ But in the course of the research undertaken for the present dissertation, there was identified a publication dated January 1961, which mentions events even in Tropical Africa, namely the Congo Crisis.²⁴¹

The Tibet Mirror offered its readers a great variety of information: world news, reports from the battlefields, articles on the latest technical products and new weapons, political personalities, practical information for Tibetan traders, short didactic essays, information on foreign expeditions to the Himalayas, reports on foreign travelers and explorers who stayed in Kalimpong or visited Tibet, etc.²⁴² Although *The Tibet Mirror* published factual descriptions of events and newest inventions which had been borrowed from other newspapers or radio reports, most newspaper publications were accompanied by editorial commentaries written by Tharchin himself.²⁴³ Trying to broaden Tibetans' knowledge of world politics and

---

²³⁷ Harrer 2009: 90; Sawerthal 2011: 86.

²³⁸ Fader 2004: 273, 280; Engelhardt 2012: 210.

²³⁹ For more information on foreign subscribers of *The Tibet Mirror*, see Sawerthal 2018a: 279–280.

²⁴⁰ Engelhardt 2011: 215.

²⁴¹ *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.5, January 1961: 8.

²⁴² Moskaleva 2017: 122.

²⁴³ Hackett 2018: 82.

geography, Tharchin published the in-depth articles that provided readers with additional information on the history of the problem described and explained everything in the context of current events.²⁴⁴ To make publications more informative and visually appealing, the editor occasionally illustrated the news with photographs, maps, drawings, and political cartoons.

Despite the fact that The Tibet Mirror Press employed both rank-and-file staff on a regular basis and various scholars and important political figures on a short-term basis, Tharchin is described as “a one-man newspaper” because he himself simultaneously served as the publisher, the chief editor, and the author of newspaper publications.²⁴⁵ Tharchin borrowed news for his publications from different sources: foreign newspapers (mainly Indian and British periodicals in English, although the editor mentioned Chinese newspapers as his sources too), radio, and correspondence with his personal informants. According to Tharchin’s grandson, there were three to four transistor radios playing next to the editor’s bed, which he used to listen to almost all day long.²⁴⁶ It is likely that Tharchin’s usual mode of working on newspaper publications (except for publications written on the basis of information obtained from his personal informants) involved an initial review of available news in newspapers and on the radio, followed by a translation of the necessary materials into Tibetan, after which based on the translation the editor prepared his own articles for *The Tibet Mirror*.²⁴⁷

Tharchin rarely indicated the exact sources of information. Among his sources are, for example, one of the leading English-language newspapers in West Bengal *The Statesman*, the daily London-based periodical *The Times*, and the world’s first illustrated weekly periodical *The Illustrated London News*.²⁴⁸ Tharchin was also subscribed to the Kuomintang newspaper *Yindu Ribao*²⁴⁹ and the Indian newspapers *Amrita Bazaar Patrika*, the *Hindustan Standard*, and *The Illustrated Weekly of*

---

²⁴⁴ Engelhardt 2011: 220.

²⁴⁵ Sawerthal 2018a: 129–130; McGranahan 2001: 250.

²⁴⁶ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 112.

²⁴⁷ Sawerthal 2011: 87.

²⁴⁸ Moskaleva 2017: 122.

²⁴⁹ Chin. 印度日報.

India.²⁵⁰ Besides, after 1951, *The Tibet Mirror* featured articles in which Tharchin discussed publications from the Tibetan-language newspapers launched by the government of the PRC and the contents of Tibetan news broadcast over the loudspeakers in Lhasa.²⁵¹

Before exploring in detail the contents of *The Tibet Mirror* in the second chapter of the present dissertation, it is important to discuss Tharchin's political views and their influence on his editorial policy. H.L. Fader avers that at the time of Tibet's so-called "*de facto* independence," Tharchin's house was one of the meeting points for Tibetan nationalists who proclaimed as their goal the reformation of traditional Tibet.²⁵² It is hard to say what was more interesting for Tharchin during such meetings—to discuss the potential modernization of Tibet or to gather some relevant information for his employers from the intelligence. Be that as it may, the fact is that Tharchin was closely following Tibetan politics even before it became clearer who was going to win the political struggle in China. Given that, Tharchin was outspokenly critical of communism and any success of the Chinese Communist Party, yet he spoke rather favorably of the Kuomintang.

When Tharchin was once asked for his opinion on the 17-Point Agreement, he replied that this Sino-Tibetan agreement reminded him of an old Tibetan proverb saying it was "all wool with a hard stone in the center," which is, perhaps, equivalent to such Russian proverbs as "a wolf in sheep's clothing" or "a honey tongue, a heart of gall."²⁵³ It is also reported that in July 1951, Tharchin was the final speaker at the reception held in Kalimpong in honor of the visit of Zhang Jingwu,²⁵⁴ the official representative of the Chinese communist government in Tibet. When Tharchin's turn came to make his speech, he stated that Tibet was an independent country, the Chinese would have to give up their claims to the Tibetan Plateau, and in the future, Tibet would be free from the Chinese communist rule and would enjoy the freedom

---

²⁵⁰ Sawerthal 2018a: 112.

²⁵¹ For more details, see Sawerthal 2018a: 328.

²⁵² Fader 2009: 111.

²⁵³ *Cit. ex* Engelhardt 2012: 201.

²⁵⁴ Chin. 张经武; 1906–1971.

and independence as it had before.²⁵⁵ Similar statements were consistently reiterated by Tharchin in *The Tibet Mirror* throughout the 1950s and 1960s.

After the Chinese communist government officially proclaimed its goal to “liberate” Tibet in 1949, Tharchin started regularly publishing various propagandistic materials which formed a distinct anti-communist discourse in *The Tibet Mirror*. Tharchin’s anti-communist polemics quickly resonated in the world and attracted the attention of the international community. As early as September 1950, an article about the editor of *The Tibet Mirror* entitled “A Lone Battle with Mao” was featured in *The Singapore Free Press*. The article described Tharchin as “a small Tibetan with a sharp tongue, a ready smile and love of freedom” and claimed that Chinese communists had already learnt about *The Tibet Mirror*’s pejorative discourse on the policy of the PRC in Tibet, therefore, anyone caught with a newspaper copy in the border areas was “liable to be shot.”²⁵⁶

It is hard to fathom why Tharchin favored the Kuomintang in *The Tibet Mirror* if the Kuomintang, just like the CCP, adhered to the policy that Tibet was to be considered an integral part of China. At present, it is impossible to bring to light what Tharchin really believed in and what was his train of thought. The political views of the editor of *The Tibet Mirror* could only be hypothesized about based on his extant publications and correspondence. Firstly, it is possible that Tharchin sincerely hated communism, or rather atheism that was characteristic of the communist ideology, because he was a devout Christian. Secondly, Tharchin may also have been genuinely concerned about the fate of Tibet and may have truly believed in the idea of Tibet’s centuries-long independent political status. Thirdly, it is also possible that for some reason, Tharchin thought that the Kuomintang would grant independence to Tibet if the Kuomintang were to return to mainland China, that is why the editor published such information in his newspaper and even after 1949, argued that the legitimate government of China was the Kuomintang government.²⁵⁷ At the same time, one cannot avoid acknowledging the fact that

---

²⁵⁵ Poddar and Lindkvist Zhang 2017: 164–165.

²⁵⁶ *Cit. ex Engelhardt* 2012: 210–211.

²⁵⁷ For specific examples from *The Tibet Mirror*, see the second chapter of the present dissertation.

Tharchin worked for the British and Indian intelligence and later on, the editor most likely cooperated with the CIA. It is not known what kind of duties Tharchin had to carry out for his employers. But Tharchin did receive some funding for his newspaper and the editorial policy of *The Tibet Mirror* probably did not depend solely on the editor himself. Thus, one can assume that *The Tibet Mirror's* political agenda regarding the Tibet Question, the CCP, and the Kuomintang was determined by a combination of factors: namely, by Tharchin's personal views, by his socialization in British India and the professional work environment of the capitalist intelligence services, as well as, perhaps, partly by his work obligations. Taking into consideration Tharchin's propensity for opportunism and entrepreneurial spirit, it seems possible that the editor prepared anti-communist publications for *The Tibet Mirror* from his heart but received in return the financial support from the external interested parties who, similar to Tharchin, disapproved of the communist ideology.

Given *The Tibet Mirror's* editorial policy, it is not surprising that since 1950, the Chinese communist government had banned the distribution of the newspaper in Tibet and Tharchin could no longer send openly by mail newspaper copies to his Tibetan addressees.²⁵⁸ In spite of the relatively modest circulation of *The Tibet Mirror*, the PRC had monitored the contents of Tharchin's newspaper. The editor claimed that in the 1950s, Chinese communists had offered him money and a regular subscription to 500 copies of his newspaper in exchange for publications that would be creating a favorable image of the PRC, but, regardless of his financial straits, Tharchin turned their offer down.²⁵⁹ Besides, in 1958, the Foreign Office of the PRC issued an official protest to India complaining of the reactionary editorial policy of *The Tibet Mirror* and its hostile publications about the Chinese communist government, in response to which the Indian Ministry of External Affairs promised "to administer a severe warning" to Tharchin.²⁶⁰ However, as Tharchin described himself this accident in a letter to the Political Officer in Sikkim dated 1963, the

---

²⁵⁸ The Tharchin Collection.

²⁵⁹ Norbu Dawa 1998: 12.

²⁶⁰ The Tharchin Collection; Engelhardt 2012: 203–204.

Indian government was forced to issue a warning to him under the pressure from China, but he nevertheless continued carrying on his anti-communist propaganda.²⁶¹

To assess the role of *The Tibet Mirror* as a historical source, it is necessary to give a brief overview of main competitors of the periodical. The Tibetan-language newspapers produced by the missionaries—the predecessors and contemporaries of *The Tibet Mirror*²⁶² (namely, the *La dwags kyi ag bar*²⁶³ published from 1904 to 1907, the *La dwags pho nya*²⁶⁴ published from 1908 to 1910, the *Kye lang ag bar*²⁶⁵ published from 1926 to 1935, and the *La dwags pho nya*²⁶⁶ published from 1937 to 1947 and from 1952 to 1956/59)—primarily aimed at propagating Christianity, whereas the Tibetans were more interested in political news, history, and practical information for their trade business.²⁶⁷ Newspapers produced by the missionaries could not surpass the traditional conservatism and suspicion of local Tibetan-speaking population and could have hardly competed with Tharchin in winning over the Tibetan-speaking readership.²⁶⁸ The apparent popularity of Tharchin’s newspaper is confirmed by the question “What does Babu say?”²⁶⁹ (i.e., what does Tharchin Babu say in *The Tibet Mirror*?) which was common in Tibet in the first half of the 20th century.²⁷⁰

As for the newspapers produced in China, most of the Tibetan-language periodicals published during the Republican period ceased their production in the mid-1940s and until the new communist government of China established its press organs in the 1950s, Tharchin had no real competitors in China.²⁷¹ But since 1951, new Tibetan-language newspapers started gradually emerging in Lhasa, Xining, and

---

²⁶¹ The Tharchin Collection.

²⁶² For more information on newspapers of the missionaries in Russian, see “Role of the *Yul phyogs so so 'i gsar 'gyur me long* Newspaper (1925–1963) for the Modernization of the Tibetan Literary Language and Development of Secular Literature in the Tibetan Language” (Mikhaylova 2014b: 83–87).

²⁶³ Tib. *la dwags kyi ag bar*, lit. “Ladakh Newspaper.” The years of production of the missionaries’ newspapers are provided based on Sawerthal 2018a: 68–71.

²⁶⁴ Tib. *la dwags pho nya*, lit. “Messenger of Ladakh.”

²⁶⁵ Tib. *kye lang ag bar*, lit. “Kyelang Newspaper.”

²⁶⁶ Tib. *la dwags pho nya*, lit. “Messenger of Ladakh.”

²⁶⁷ Erhard 2015: 159.

²⁶⁸ Shakyā 2004: 21.

²⁶⁹ Tib. *bha bug ga re zer gyi*.

²⁷⁰ Erhard 2015: 160.

²⁷¹ Erhard 2015: 161; Erhard and Hou 2018: 15–17.

Beijing: in particular, the *Gsar 'gyur mdor bsdus*,²⁷² the *Bod ljongs nyin re'i tshags par*,²⁷³ the *Lha sa dgong dro tshags par*,²⁷⁴ and the *Mtsho sngon bod yig gsar 'gyur*.²⁷⁵ In a letter dated 1954, Tharchin complained that the Chinese in Beijing were publishing a colorful illustrated magazine in Tibetan and were sending it for free all around Tibet and even to Kalimpong.²⁷⁶ The editor also complained that the Chinese communist government had set up a printing press in Lhasa and was printing a newspaper²⁷⁷ there every five days, which was “pure propaganda,” but *The Tibet Mirror* still reached Tibet and he kept receiving many letters with requests for more anti-communist articles.²⁷⁸

Hence, one can conclude that even though after the official incorporation of Tibet into the PRC, *The Tibet Mirror* ran into its first challenging competitors, the 25-year history of production of the newspaper, Tharchin's journalistic experience by that time, the established target group of readership, and its anti-communist editorial policy conditioned the fact that *The Tibet Mirror* had managed to remain a competitive and viable product in the Tibetan-language print media market up to the early 1960s, when representatives of the Tibetan ruling exile elite decided to establish their own print organ. In March 1960, under the auspices and with the financial support of the 14th Dalai Lama's brother Rgyal lo Don 'grub, the *Rang dbang gsar shog*²⁷⁹ was launched. In addition to that, in July 1963, Rgyal lo Don 'grub's secretary began publishing his own weekly newspaper—the *Rang dbang srung skyobs gsar shog*.²⁸⁰

²⁷² Tib. *gsar 'gyur mdor bsdus*, lit. “News in Brief.” The newspaper was published every five days in central Tibet since 1953 (Sawerthal 2018a: 83).

²⁷³ Tib. *bod ljongs nyin re'i tshags par*, lit. “Tibetan Daily Newspaper.” Since 1955, the newspaper was published in Lhasa three times a week and since 1956, it was published daily (Sawerthal 2018a: 83–84).

²⁷⁴ Tib. *lha sa dgong dro tshags par*, lit. “Lhasa Evening Newspaper.”

²⁷⁵ Tib. *mtsho sngon bod yig gsar 'gyur*, lit. “News of Qinghai in Tibetan.” The newspaper was published in Xining since January 1951 (Sawerthal 2018a: 82; Erhard 2015: 161; Erhard and Hou 2018: 23).

²⁷⁶ Tharchin, probably, referred to the *Mi ser brnyan par*, which was later known as *Mi dmangs brnyan par*. The magazine was published in Beijing since 1951 and had a circulation of 6,000 copies (Sawerthal 2018a: 86).

²⁷⁷ Tharchin most likely referred to the *Gsar 'gyur mdor bsdus*.

²⁷⁸ The Tharchin Collection.

²⁷⁹ Tib. *rang dbang gsar shog*, lit. “Freedom Newspaper.”

²⁸⁰ Tib. *rang dbang srung skyobs gsar shog*, lit. “Defend Freedom Newspaper.” The division into two newspapers happened due to a conflict of newly arrived emigrants from Kham in Darjeeling. Later on, the 14th Dalai Lama intervened in the conflict resolution and in March 1965, the two newspapers were merged into one—the *Bod mi'i rang dbang* (lit. “Freedom of Tibetans”), which is still being published in Dharamsala (Sawerthal 2018a: 87–89).

The new exile newspapers certainly created serious competition for *The Tibet Mirror* and could not help weakening Tharchin's position of a key producer of the Tibetan-language print media in India. Since October 1961 till December 1962, Tharchin did not publish *The Tibet Mirror* due to his ill health and, probably, also because of his financial difficulties.²⁸¹ In Tharchin's three-pages-long letter to the Indian Political Officer in Sikkim dated December 1963, one can see an elaborate request of the editor to renew the financial support of *The Tibet Mirror*, which clearly demonstrates that the publisher believed in his newspaper until the very end and did not give up his hope to obtain additional funding to continue his work:

Although now there are several Tibetan papers yet all the Tibetans in India as a refugee [*sic*] even H.H. the Dalai Lama likes my paper very much and they request me to continue its publication as they have a great confidence on [*sic*] the news published in it, and I am trying my best to do so.²⁸²

Given all of his efforts, Tharchin, nevertheless, had to stop publishing *The Tibet Mirror*. The last surviving issue of *The Tibet Mirror* was published in November 1963. However, in her dissertation defended in 2001, C. McGranahan cited an excerpt from *The Tibet Mirror* issue dated October 9, 1964, which is quite unusual for none of the archival collections described to date contain any issues of *The Tibet Mirror* dated later than 1963.²⁸³

1.5. Conclusion

Summarizing the available information on the history of production of *The Tibet Mirror* and the life of its editor, it should be mentioned first that Dorje Tharchin published his newspaper in Kalimpong, an important geopolitical and transcultural center which served as a commercial and information hub on the territory of India. In the first half of the 20th century, Kalimpong was considered Tibet's "window" to the outside world and after the incorporation of Tibet into the PRC in 1951, the town, on the contrary, turned into a "window" for spying on what was happening on the

---

²⁸¹ The Tharchin Collection.

²⁸² Tharchin's letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

²⁸³ McGranahan 2001: 317.

Tibetan Plateau. Kalimpong lost its significance only when the Sino–Indian border was closed in 1962, shortly after which Tharchin stopped publishing *The Tibet Mirror*.

Using his entrepreneurial spirit and the privileges of Tibetan ethnic origin, Tharchin built an impressive career and developed influential connections among the officials of the Tibetan, colonial British, and Indian governments. Through his numerous contacts and work for the intelligence services, Tharchin gathered information for publications, recruited people for collaboration on his newspaper, acquired new subscribers for *The Tibet Mirror*, and delivered copies of his newspaper to Tibet. Despite the limited circulation, *The Tibet Mirror* had its readership not only in India and Tibet, but also in the West.

Tharchin's newspaper was published in the context of the global ideological confrontation of the Cold War and in the 1950s, it was the only anti-communist (and, what is equally important, pro-Tibetan) periodical in the Tibetan language. The production of *The Tibet Mirror* was Tharchin's personal initiative, but at certain periods, the newspaper was financially supported by external sponsors, including the British colonial government, the Tibetan government, and the 14th Dalai Lama. The editor of *The Tibet Mirror* also cooperated with the government of independent India and was involved by politically active Tibetan emigrants in assisting to their propaganda for the Tibetan independence movement.

Speaking of the shortcomings of *The Tibet Mirror* as a historical source, one should begin with the fact that Tharchin's newspaper, like any other periodical, provided fragmentary and incomplete information. Since the editorial board deliberately determines the content and order of the published information and the publishers tend to let their personal views and sympathies influence the choice of what is to be published in their periodical,²⁸⁴ it is difficult not to notice the impact of Tharchin's political views on his publications in *The Tibet Mirror* and the distinct anti-communist bias of the newspaper. Taking into account Tharchin's service for

---

²⁸⁴ See Baumgartner 1981: 256.

the British intelligence, it is fair to say that a number of publications in *The Tibet Mirror* explicitly promoted pro-British views.

The degree of accuracy and reliability of the information published presents another difficulty in using a newspaper as a historical source. While analyzing *The Tibet Mirror* publications, one must keep in mind that the limited financial resources sometimes encouraged Tharchin to print the news as densely as it was possible, which affected the proximity of a published text to its original source and the completeness of the information provided. The editor of *The Tibet Mirror* borrowed news from newspapers and radio programs available in India and, since any periodicals are censored, both Tharchin's sources and his own publications had to pass through the censorship of the British colonial government and, after 1947, of the Indian government. Moreover, it is clear from the surviving archival materials that in some cases Tharchin consulted regarding the content of his publications on Tibet with the Political Officer in Sikkim.

On the other hand, based on what is known about the production of *The Tibet Mirror*, one can talk about the exceptional advantages of using this newspaper as a historical source. First, the strategic location of the place where *The Tibet Mirror* was produced and Tharchin's access to eyewitness reports (i.e., of his personal informants in Tibet, Tibetan-speaking travelers, and Tibetan-speaking emigrants arriving in Kalimpong from China in the 1950s) facilitated the editor to gather first-hand news from Tibet. Even though in the 1940s, *The Tibet Mirror* continued to exist and received a significant boost in its distribution due to the external financial support, A. Sawerthal argues that Tharchin's newspaper "surely" cannot be called "a propaganda pamphlet."²⁸⁵ Tharchin was probably interested in making profits, yet he also strived to uphold the certain reputation of his newspaper and stuck to his anti-communist editorial policy even after 1954, when the Indian government signed the Sino-Indian Agreement and recognized Tibet as part of the PRC. The editor went to great lengths trying to prove the idea of Tibet's historical independence on the pages of his newspaper and until 1960, *The Tibet Mirror* was the only Tibetan-

---

²⁸⁵ Sawerthal 2011: 84.

language periodical that reflected Tibetan pro-nationalist views. Therefore, Tharchin can be considered the first author of the pro-Tibetan media discourse in Tibetan.

Those engaged in research on Tibetan history would certainly appreciate news from Tibet as the most valuable and enticing column in *The Tibet Mirror*. Reading through the descriptions of the process of “liberation” of Tibet by the PLA and subsequent developments on the Tibetan Plateau enables a researcher to observe the life of Tibetan-speaking population during the first 13 years after Tibet was officially incorporated into the PRC just as it was observed by a Tibetan-speaking contemporary of the described events. *The Tibet Mirror* publications from the 1950s and 1960s offer a pro-Tibetan perspective on the history of Tibet and supplement the available historical data on the history of Sino-Tibetan relations during that period. The lack of detailed research on *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s conditions the need for exploring this newspaper as a unique historical source for the study of the early construction of a pro-Tibetan model of representation of Tibetan history and the formation of the ideology of Tibetan nationalism.

Chapter 2. Exploring *The Tibet Mirror* through the Sieve of Metanarrating Independence in the 1950s and 1960s

2.1. History of Tibet in the Discourse of Politics and Genesis of Tibetan Nationalism

The Indologist E.Yu. Vanina writes in her monograph *India: History in History* that history and politics have become too closely intertwined in contemporary India.²⁸⁶ This situation, however, is not unique to India. History of many communities provides examples of the “actualization of the past” performed in order to rethink it from the perspective and in the interests of the present.²⁸⁷ Those in power or those who wish to acquire power seek to control the historical past as a powerful resource. According to the Russian historian L.P. Repina, the one who controls the past controls the future: “The shared or disputed meanings and ideals of the *past* ‘interweave’ into the understanding of the nation’s *present*, expectations of the common people and socio-political projects of the *future*.”²⁸⁸ The history of Tibet is no exception: being an object of power struggle, it serves as a vivid illustration of the existence of numerous “histories in history.”

While studying the history of Tibet, it seems appropriate to refer to the works of researchers who were engaged in theorization of the relationship between history and politics, or, more broadly, history and power, for example, M. Foucault, R. Koselleck, and M. Ferro. Speaking about the broad transformation of the functions of history in society which comes alongside the process of the development of science and changing of the ideology, the French historian M. Ferro states: “Our differing views of the past have, more than ever, become one of the factors in conflict between states, nations, cultures and ethnic groups. To control the past is to master the present, to legitimize dominion and justify legal claims.”²⁸⁹ M. Ferro is convinced that almost every nation has several representations of its own history,

---

²⁸⁶ Vanina 2014: 10.

²⁸⁷ Repina 2020: 14.

²⁸⁸ Repina 2020: 16.

²⁸⁹ Ferro 2014: 7–8.

which superimpose upon each other and confront each other. The phenomenon of multiple representations of the historical past is especially relevant for decolonized people, because after their liberation from the colonial dependence, they re-create their history by constructing a past that is opposite to what the colonialists tried to impose upon them before.²⁹⁰ And, although the tradition of using a term “colony” to refer to Tibet is not so widespread in modern historiography, since Tibet was not officially a colony of any of the European countries, the history of Tibet, nevertheless, can be reconsidered, among other things, from the point of view of post-colonial discourse and subaltern studies.²⁹¹

M. Ferro’s reflections intersect with the ideas of the German theorist of historical science R. Koselleck about the changeability of history. According to R. Koselleck, the predominance of history determines its “constructibility”: the future of modern history is unknown, as a result of which comes that history is subject to planning, and with each new plan a new level of uncertainty and inaccuracy is introduced. R. Koselleck argues that, as early as the 19th century, historical works became “not so much falsifiable as subject to manipulation.”²⁹² At the same time, historical manipulations can be offered in a very presentable and convincing “wrap” of a professional historian. M. Ferro, however, points out that even “the talk of science and methodology are no more than fig-leaves covering the nakedness of ideology,” and in the process of writing history, something is inevitably exaggerated, while something is glossed over and downplayed.²⁹³ This ability of history to simultaneously exercise the “therapeutic” and “militant” functions plays an important role in the construction of a nationalist version of history.²⁹⁴

---

²⁹⁰ Ferro 2014: 8.

²⁹¹ From a postcolonial perspective, the modern history of Tibet is defined by two important factors: first, in the first half of the 20th century, Tibet was part of the British imperial sphere of influence and, second, soon after the dissolution of the British Raj in 1947, the Tibetan Plateau became an arena of struggle for ideological domination of the People’s Republic of China and the United States of America (McGranahan 2001: 2). In this regard, in the words of C. McGranahan, “Tibetan historiography has been dominated by the colonialist and nationalist projects” (McGranahan 2001: 10). Among the scholarly works presenting an alternative point of view on the modern history of Tibet within the framework of subaltern studies, one can name C. McGranahan’s PhD dissertation. For more information on the possibility of applying a subaltern approach to the study of Tibetan history, see Hansen 2003.

²⁹² Koselleck 2004: 39.

²⁹³ Ferro 2014: 9–10.

²⁹⁴ Ferro 2014: 9.

Discussing his ideas on the relationship between history, power, and truth, the French philosopher M. Foucault observes:

The history which bears and determines us has the form of a war rather than that of a language: relations of power, not relations of meaning. History has no “meaning,” though this is not to say that it is absurd or incoherent. On the contrary, it is intelligible and susceptible to analysis down to the smallest detail—but this in accordance with the intelligibility of struggles, of strategies and tactics.²⁹⁵

The famous statement of the Polish researcher A. Korzybski “the map is not the territory” can logically develop the idea of M. Foucault by pointing out that likewise historiographical works are not reality, since they are just a depiction or representation of the past reality in the textual form. The authors of the book *History in the Discourse of Politics: The Linguistic Image of “Us” and “Others”* V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko believe that the method of representation widely used in historical research implies the replacement of the real object with a model—a linguistic structure, that is a text that acts as an intermediary between the historian and the object of knowledge itself. Given that, V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko raise a legitimate rhetorical question: can a historical model constructed in the form of a text be a true picture of the historical past?²⁹⁶ This question explains the need for a critical analysis of any of the existing historical models which must include a careful examination of the conditions of creation of each particular historical model and the alleged intentions of its creator.

While studying the history of Tibet, a researcher inevitably faces the problem of an acute polarization of the interpretations of historiographical works that makes difficult assessing historical facts and choosing in favor of one or another “true” model of the past. According to M. Foucault, ideology always stands “in virtual opposition to something else which is supposed to count as truth.”²⁹⁷ The American scholar J. Powers, who dedicated an entire monograph to the study of discourse on the history of Tibet, is also convinced that in our times, the hallmark of conflict

---

²⁹⁵ Foucault 1984: 56.

²⁹⁶ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 146.

²⁹⁷ Foucault 1984: 60.

between rival groups is an ideological battle fought over the reproduction of historical “truth” which continues even after the military subjugation has been achieved.²⁹⁸ Modern technology, including the affordability of desktop publishing and the capabilities of the Internet, allows those who have long lost the war on the battlefield to continue the ideological struggle by producing and reproducing their own version of events.²⁹⁹

The history of Tibet is inextricably entangled with politics and the notion of the 1959 Sino–Tibetan conflict, which took place more than half a century ago but the consequences of which continue to antagonize the conflicting parties up to the present day.³⁰⁰ The Lhasa uprising in March 1959 and subsequent events in Tibet not only led to the emigration of a large group of Tibetan-speaking population outside China and the establishment of the Tibetan government-in-exile in India, but also divided Tibetan historians into two competing factions.³⁰¹ The models of Tibetan history constructed by them represent the products of two main ideologies and their fundamental disagreement on the so-called “Tibet Question,” or the problem of historical interpretation of Tibet’s political status *vis-a-vis* China and the resulting conflict over the demand of some Tibetans for self-determination.³⁰² While pro-Chinese historians consider the Tibet Question an artificial concept promoted by separatists from the Tibetan diaspora and other political actors hostile to China, pro-Tibetan scholars see the debate over Tibet’s historical past as an opportunity to attract attention to what they see as a distorted interpretation of Tibet’s political status and a chance to defend Tibet’s right to be independent.

To get an idea of the point of contention, it is enough to review the most typical pro-Tibetan and pro-Chinese statements regarding the history of Tibet. According to the pro-Tibetan version of Tibetan history that is widely accepted in the Tibetan-speaking diaspora in India, before signing of the 17-Point Agreement in 1951, Tibet was an independent state based on Buddhist principles and Tibetan

---

²⁹⁸ Powers 2004: 3.

²⁹⁹ Powers 2004: 3–4.

³⁰⁰ Moskaleva 2020: 231.

³⁰¹ See Moskaleva 2020: 410.

³⁰² Powers 2004: 4; Goldstein 1997: IX.

culture originated from the autochthonous Tibetan myths and symbols which are different from the Chinese ones.³⁰³ As for pro-Chinese scholars, the People's Republic of China is a multinational state and even though more than 90% of its population are Han Chinese, the remaining 55 ethnic minorities, to which the Tibetans belong to, are an integral part of the Chinese "motherland" and have lived together with the Han Chinese population since ancient times. Some Chinese scholars argue that as early as the 7th century, Tibetans came into China's cultural orbit and since the establishment of formal Chinese sovereignty in the 13th century under the Yuan dynasty (1271–1368), Tibet has been continuously ruled by the Chinese government.³⁰⁴ Despite the fact that both of these interpretations of Tibetan history are radically generalizing and do not take into account the specifics of certain periods of Tibetan history, both the pro-Chinese historical representation and the pro-Tibetan one have their supporters outside the PRC and India, including Western scholars.

The polemic on Tibet's political status and Tibet's role in the international arena has been continuously stimulated since the fall of the Qing dynasty (1644–1912) and has finally managed to get the attention of the international community after the large-scale uprising in Lhasa in March 1959. At present, there are a lot of academic publications and publicistic analytical works on the historical development of Tibet. As a rule, authors either support the pro-Chinese views by calling for the protection of the territorial integrity of the PRC and urging to quell the Tibetan separatism or, on the contrary, they defend the pro-Tibetan perspective and thereby encourage Tibetan nationalist supporters to keep their hopes up and assert their historical "truth." At the same time, researchers acknowledge the fact that the polarized views on Tibetan history of the government of the PRC and the Central Tibetan Administration have significantly narrowed the space for research in the field of Tibetan studies that can remain free of any partisanship.³⁰⁵

---

³⁰³ Powers 2004: 4.

³⁰⁴ Powers 2004: 4. Also see Bentz 2006.

³⁰⁵ E.g., see Hansen 2003: 9.

Although nationalism is not the only way to legitimize statehood and to claim the right of a people to self-determination, it is considered to be predominant in modern times.³⁰⁶ The American Historical Association maintains that “nations must be constructed, sometimes imposed,” therefore, nationalism is “the result both of compulsion and consent, at once source and product of political power.”³⁰⁷ When did the phenomenon of Tibetan nationalism emerge, what was it related to, and the source of which political power did it become after 1959?

Tibetologists generally agree that Tibetan nationalism is a relatively late phenomenon.³⁰⁸ The development of nationalist ideas and the basis for an all-encompassing metanarrative of Tibetan independence began in the first half of the 20th century with the support of pragmatic British colonial officials interested in Tibet as a stable buffer zone on the northern frontiers of British India. The professor of the International Peace Research Institute in Oslo Å. Kolås suggests that the Western concept of “independence” was actualized in the Tibetan elite discourse only after the fall of the formal suzerainty of the Qing dynasty in Tibet in 1912 and it was also partly conditioned by the fact that the initial forced contacts of the Tibetan government with the representatives of British India during the invasion of F. Younghusband’s military expedition in 1903–1904 gradually turned into an impetus for innovative transformations in Tibet.³⁰⁹ The term “independence” itself is assumed to be officially introduced for the first time in 1913 in the so-called “Declaration of Independence” of the 13th Dalai Lama, in which the latter urged his subjects to work hard to “safeguard” and “maintain the independence” of Tibet.³¹⁰

To achieve the international recognition of Tibet’s independence, the Tibetan government not only had to provide sufficient evidence of the independent historical development of Tibet throughout the centuries, but also had to present to the world a convincing image of the modern Tibetan nation and state that was characterized by the territorial integrity, fixed borders, national symbols, and unique national

---

³⁰⁶ Kolås 1996: 61.

³⁰⁷ *Cit. ex* Woolf 2007: 71.

³⁰⁸ See Dreyfus 2005, Shakya 1993, Garri 2020.

³⁰⁹ Kolås 1996: 59.

³¹⁰ Kolås 1996: 59. For a text of the declaration, see Goldstein 1992: 61.

culture. Following the advice of the British Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet Ch. Bell, in 1913–1923, the 13th Dalai Lama introduced in Tibet most of the symbols and necessary attributes of a modern independent state.³¹¹ The 13th Dalai Lama adopted the national flag, Tibetan currency, and postage stamps, negotiated the boundaries of his territory in agreement with his British neighbors, and engaged in reforms of Tibetan economy, state apparatus, and local government.³¹² With the British support, the 13th Dalai Lama attempted to strengthen the Tibetan army, organize a system of secular education, introduce the national colors of the Tibetan state, and even pioneer a new national sport in Tibet—soccer.³¹³ Although rather soon, the 13th Dalai Lama had to give up his reforming initiatives and none of the above-mentioned innovations brought Tibet the international recognition as an independent political entity nor did they inspire the entire Tibetan-speaking population to set aside their regional and sectarian differences and to recognize themselves as a single nation inhabiting a single territorial space, i.e., the “Tibetan state,” A. McKay argues that the activities of the British colonial officers in Tibet laid a foundation for the subsequent development of Tibetan nationalism.³¹⁴

The Tibetologist G. Dreyfus contends that there were certain features of “proto-nationalism” on the territory of central Tibet, but “to a large extent Tibetans did not have a full-fledged nationalism before 1950.”³¹⁵ The development of modern Tibetan nationalism received a tangible boost after the official establishment of the People’s Republic of China when, first, the Tibetan elite and then, a little bit later on, the rest of the population of the Tibetan Plateau fully realized the determination of the Chinese communist government to integrate all Tibetan territories into the big multinational family of China. Even though officially Tibet peacefully became part of the PRC as a result of the 17-Point Agreement that had been signed in Beijing on

---

³¹¹ McKay 2001b: 78.

³¹² McKay 2001b: 78.

³¹³ For more on football in Tibet, see McKay 2001a.

³¹⁴ McKay 1995: 187.

³¹⁵ Dreyfus 2005: 10–11. As a form of particular manifestation of proto-nationalism, G. Dreyfus suggests the existence of unifying narratives presented in the collection of texts known as *Mani Kambum* (Tib. *ma ni bka’ ’bum*), which describes the special role of Avalokiteśvara for the Tibetan race and establishes his connection to the Tibetan king Srong btsan sgam po (c. 605–650).

May 23, 1951, in the narrative of Tibetan nationalists, since late 1949 and the very first steps of the People's Liberation Army towards the borders of the territory under the control of the 14th Dalai Lama, the struggle over preserving the rule of the traditional Tibetan government in Tibet was manifested in the ideological form of a "national liberation war" which came to serve as the "assemblage point" of the "Tibetan nation-in-exile."

In the 1950s, Tibetan nationalism was primarily characterized by its appeal to religious themes. Defining the "Tibetan nation" through such traditional Buddhist ideas as compassion, *karma*, and the special spiritual bond of Tibetan-speaking population with their patron deity bodhisattva Avalokiteśvara, supporters of Tibetan nationalism underlined a marked contrast between the religiousness of Tibet and the atheism of the People's Republic of China and thus explained the need for the mobilization of a unanimous resistance movement against the Other or "outsiders," i.e., Chinese "invaders" and "enemies of the Buddhist religion."³¹⁶ As one of the first manifestations of modern Tibetan nationalism, G. Dreyfus names the formation in Tibet in 1954 of the so-called "People's Assembly"³¹⁷ made of low-ranking officials and traders who advocated for the worship of local Tibetan deities and staged anti-Chinese protests.³¹⁸ As the second essential step for the development of modern Tibetan nationalism, G. Dreyfus suggests July 4, 1957, when Kham traders based in Lhasa succeeded in collecting donations from various areas of the Tibetan Plateau and presented a golden throne to the 14th Dalai Lama as a traditional symbol of power, thereby having promoted a symbolic union of Tibetan-speaking peoples with their spiritual leader and live emanation of the bodhisattva Avalokiteśvara, soon after which the establishment of the Chu bzhi sgang drug resistance movement was formally proclaimed.³¹⁹

Referring to Buddhism as the predominant religion of the population of the Tibetan Plateau at this early stage of development of Tibetan nationalism in the

---

³¹⁶ Dreyfus 2005: 12.

³¹⁷ Tib. *mi dmangs tshogs 'du*.

³¹⁸ Dreyfus 2005: 11.

³¹⁹ Tib. *chu bzhi sgang drug*, lit. "Four Rivers and Six Ranges," a traditional name for Kham (Dreyfus 2005: 11–12).

1950s, however, was not enough to foster a full-blown national unity. The Tibetan historian Tsering Shakya is convinced that before 1959, Tibetans hardly imagined themselves as representatives of one ethnic group.³²⁰ The individual perception of similar religious beliefs, language, and other cultural elements never transformed into the universal identification of Tibetan speakers as “a single people” and, moreover, never fueled “a sense of political unity.”³²¹ The decisive factor that conditioned further progress of modern Tibetan nationalism was the confrontation with “the Other” during the 1959 Sino–Tibetan conflict. Later on, due to the deliberate propagation of the nationalist ideology by the Central Tibetan Administration, as well as its manipulation with national symbols and new unifying traditions, isolated Tibetan-speaking immigrants embraced the standardized idea of their single national identity.³²²

G. Dreyfus agrees that after the immigration of a large group of Tibetan-speaking population to India and the promulgation of the draft of the “democratic constitution” of the Tibetan government-in-exile by the 14th Dalai Lama in 1963, Tibetan nationalism has continuously developed and, furthermore, enriched its conceptual framework by adding modern Western ideals, in particular, the secular concepts of “democracy” and “human rights.”³²³ Thus, one can say that after 1959, Tibetan nationalism became the source and the product of the political power of the Central Tibetan Administration in India.

Going back to the discussion of the relationship between history, power, and ideology in the context of Tibetan nationalism, it is hard to disagree with the statement of the American Historical Association that “history has always been important for the development of nations which draw meaning and identity from a real or invented common past.”³²⁴ Being part of the state ideology and a compulsory discipline at the level of secondary and higher education in many countries, history serves not just as a source for legitimizing power, but as an effective tool for creating,

---

³²⁰ Shakya 1993: 9.

³²¹ Shakya 1993: 9.

³²² Shakya 1993: 11.

³²³ Dreyfus 2005: 14.

³²⁴ *Cit. ex* Woolf 2007: 71.

reproducing, and popularizing nationalist ideas. Construction of the common historical past plays a key role for the development of national identity.³²⁵ National histories build the image of the nation and defend it.³²⁶ The production of historical knowledge “creates a gloss of obviousness” that naturalizes the covert intervention of ideology and “obscures inconsistencies, ruptures, and contradictions” in the narrative.³²⁷ The constructed historical knowledge provides the potential “nation” with a coherent narrative that encodes hidden cultural axioms and presents a particular representation of events as the only acceptable and plausible version.³²⁸ Given that, a metanarrative in its turn captures the individual and group narratives after which subjugates them through repetition and deprivation of freedom within the narrative space.³²⁹ Being an essential element of modern Tibetan nationalism, the metanarrative of independence has determined the pro-Tibetan nationalist version of representation of Tibetan history and became a “history in history,” which acquired a dominant status and started claiming its privileged position.³³⁰ Constructed within the frame of the Sino–Tibetan conflict, the metanarrative of Tibetan independence has assembled together the microhistories of the peoples of the Tibetan Plateau into a single history of an independent Tibetan nation and state and has risen to the leading position in the official narrative space of the Tibetan diaspora after 1959. Having built a heuristic line of reasoning with an emphasis solely on those facts that support the image of historically independent Tibet, the authors of the nationalistic representation of Tibetan history filled in the illogically interrupting gaps in their historical narrative with the help of an emotionally loaded tone of narration and appeal to specific cultural markers which are easily read by the Tibetan-speaking population and held dear by them. In the words of L.P. Repina, such linear unidirectional “big narratives” constructed as a result of a deliberate selection of “facts” (i.e., events, key persons, and statements) that leave no room for

---

³²⁵ Repina 2020: 30.

³²⁶ *Cit. ex* Woolf 2007: 71.

³²⁷ Powers 2004: 157.

³²⁸ Powers 2004: 157.

³²⁹ Fisher 2011: 104.

³³⁰ Fisher 2011: 103.

dissent, criticism, and freedom of choice between truth and fiction, are the most successful versions of “national histories.”³³¹

In terms of the Tibetan government-in-exile’s struggle for its ideological and political influence, the creation of the nationalistic representation of Tibet’s past as an independent nation and state helped fostering a sense of group solidarity and was an integral part of maintaining the protest mood of the Tibetan-speaking population. The metanarrative serves as a resource for identification, therefore, by adopting the metanarrative, an individual expresses a “cultural commitment” and proves his/her membership in the group to others.³³² For the Tibetan-speaking diaspora, in which one constantly needs to delineate the cultural boundaries between Tibetans and Chinese and where one wrong move can lead the rest of the community to question the identity of this individual member who “stepped wrong,” it is vital to conform to the ideals of group identification and demonstrate that every one of them shares the ideas of the metanarrative of independence.³³³ At present, many Tibetan-speaking immigrants believe that historical facts unequivocally prove Tibet’s independence and since before 1950, China played “a merely peripheral role” in Tibetan history, the claims of the PRC to the territory of their Tibetan homeland are not legitimate.³³⁴

L.P. Repina avers that images of the past are often used in political struggle to create an ideological matrix of negative perception of the present, with the help of which it is possible to compare the present to the utopian ideal of the lost “Golden Age” and the nostalgic image of the “lost” country.³³⁵ Since the early 1950s, this technique has been successfully used by masterminds of the ideology of Tibetan nationalism, who relentlessly foretold the imminent destruction of the unique culture of Tibet because of the Chinese communist rule. Now, owing to the circumstances of exile, representatives of the younger generation of the Tibetan-speaking diaspora, who were born outside of Tibet and have never been there, share the image of their

---

³³¹ Repina 2020: 20–21.

³³² Fisher 2011: 107.

³³³ Fisher 2011: 106–107.

³³⁴ Powers 2004: 147, 155.

³³⁵ Repina 2020: 16–17.

historical homeland which was formed in the prism of the metanarrative of Tibetan independence and that has replaced real Tibet for them.³³⁶ The imagined Tibet of the Tibetan diaspora is an ideal “lost country”—a deeply religious land of the omnipresent peace and tranquility that had been ruled by wise lamas for centuries long, until it was desecrated by the “Chinese invasion” and “illegally annexed” by the PRC in 1951.³³⁷

How was the metanarrative of Tibetan independence constructed and who stood at the frontline of the development of the ideology of Tibetan nationalism? The next section of the second chapter of the present dissertation offers the results of analysis of a wide selection of publications from *The Tibet Mirror* from 1949 to 1963 and discusses the work of the chief editor of the newspaper Dorje Tharchin as a representative of the vanguard of Tibetan nationalist ideology and an apologist of the metanarrative of Tibetan independence which has been subsequently largely adopted by the Tibetan-speaking diaspora.

2.2. *The Tibet Mirror* Publications in Terms of Discourse Analysis

2.2.1. Brief Introduction of Discourse Analysis

To introduce the research method, it seems necessary to start with a brief description of the term “discourse” itself and the type of discourse analysis employed.³³⁸ At present, discourse studies enjoy great popularity and spark lively discussions among researchers of socio-political processes. At the same time, there is still no academic consensus on the essence and content of the concept of “discourse,” nor there is one unified methodology for its study. One of the leading theorists of discourse studies the Dutchman T.A. van Dijk contends that the “discourse” concept itself is as vague as the concepts of “language,” “society,” and “culture.”³³⁹

---

³³⁶ Powers 2004: 148–149.

³³⁷ Powers 2004: 149–150.

³³⁸ On the history of development of discourse analysis as a new interdisciplinary approach in scholarship, see van Dijk 1985. For more details on applying a discourse approach to the study of historical sources, see Denisov 2011.

³³⁹ van Dijk 1997: 1.

The term “discourse” in its common sense usually refers to one’s form of language use or manner of speaking, for example, “the discourse of the President Barack Obama.” Another popular informal interpretation of the term “discourse” is suggested in the media and some of the social sciences: for instance, the “discourse of neoliberalism” refers not only to how neoliberal thinkers use their language, but also to the ideology or philosophy which is reproduced and propagated by these thinkers. As for historical research, the Russian scholar Yu.P. Denisov proposes to adhere to the following definition of the term “discourse”: discourse is a corpus of texts interconnected by the established content coherence, a prerequisite for the existence and functioning of which is an act of communication.³⁴⁰

According to M. Foucault, discourse is a “predetermined way of thinking”—a system of restrictions imposed on any possible statements due to a certain social, ideological, or research point of view.³⁴¹ M. Foucault perceived discourse as a resource for asserting one’s power, which reproduces relations of domination and contributes to maintaining inequality in the society.³⁴² Having extended to its maximum the interpretation of the concept of “discourse” in the context of the linguistic turn of the 20th century, the French postmodernist philosopher Jacques Derrida claimed that everything is discourse.³⁴³ Continuing the traditions of postmodernism, the Russian academics V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko state that any social phenomenon is determined by discursive practices: discourse is an expression of power and the power is expressed in discourse through a system of interrelated speech practices or textual means, specific forms, and techniques of persuasion.³⁴⁴ The power of discourse provides its author with an opportunity and conditions for the repeated reproduction of a particular ideology in the form of texts.³⁴⁵

---

³⁴⁰ Denisov 2011: 165.

³⁴¹ *Cit. ex* Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 18.

³⁴² Foucault 1996: 202.

³⁴³ Derrida 1978: 280.

³⁴⁴ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 19.

³⁴⁵ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 24.

When one applies the term “discourse analysis,” “discourse” does not mean merely the form of language use: reaching beyond the common interpretation of the term, a scholar makes sure in his/her analysis to study *who* speaks or writes, *how*, *why*, and *when*, because the process of speaking or writing is considered as something *bigger* than just an act of communication.³⁴⁶ Thus, one can say that the most general interpretation of the term “discourse analysis” is a study of an act of communication in context.

Being a means of shaping ideas about the world around us, the language determines that facts, processes, and events receive socially significant meanings through their expression in language structures.³⁴⁷ Exploring the role of language as an instrument of social dominance and struggle for power, critical discourse analysis aims at identifying the manipulative practices in each act of communication and in this regard seems particularly relevant for the study of mass media.³⁴⁸ Mass media create a special institutionalized space for the deployment and reproduction of discursive practices. Similar to politicians and other representatives of the ruling elite, journalists have the ability to define the boundaries of the “legitimate” and promote a particular ideology as the dominant discourse.³⁴⁹ The goal of the dominant discourse is not just to describe something, but to convince a recipient, to inspire certain intentions, to create a ground for manipulation, and to induce the recipient to act. Given that, the manipulation can become especially dangerous when the recipients of discourse do not have any specific knowledge that can be used to confront the manipulator.³⁵⁰

Critical discourse analysis allows the researcher to scan the textual structure and discern the speech strategies and tactics, techniques, and basic semantic elements with the help of which each specific intellectual construct was created, as well as to identify the socio-cultural characteristics of the author of discourse and

---

³⁴⁶ van Dijk 1997: 1–2.

³⁴⁷ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 12–13.

³⁴⁸ van Dijk 2015: 477.

³⁴⁹ Henry and Tator 2002: 25–26.

³⁵⁰ van Dijk 2006: 361.

his/her intended recipients.³⁵¹ There are several levels within the framework of critical discourse analysis. At the microlevel, the main task of a researcher is to study the semantics of the text, i.e., to analyze the meanings of particular words, phrases, expressions, and sentences, the relations and correlations between them, the stylistic and rhetorical means of constructing meanings.³⁵² During the analysis of discourse at the microlevel, the researcher pays attention to linguistic markers, the visual design of the text (e.g., the font size and employment of italics, bold, or capital letters), the use of figurative speech (e.g., hyperboles or litotes) which emphasizes in the text the message of the author and enhances the impression intended to be formed among discourse recipients.³⁵³ The next stage of analysis suggests working with the macrolevel of discourse, i.e., semantic macrostructures. Based on the study of the macrolevel, one can reconstruct the intellectual construct in terms of events of the narrative, the storyline of the text, the pace at which the described events develop, the theme and rheme of the message. At this stage, the researcher focuses on the rhetorical aspect of the constructed narrative and the specific means used by the author to make the text more convincing, to enable better memorizing of the information, and to deepen the impact on readers with the help of assonance at the phonological level, parallelism at the syntactic level, and various semantic techniques (e.g., metaphors or similes).³⁵⁴ Besides, while doing discourse analysis, it is important to distinguish discourse superstructures, such as an incorporation into a historical source of fragments of other texts, quotes, or references to supplementary sources which affect the perception of information and make it less or, on the contrary, more relevant and convincing for discourse recipients.³⁵⁵ However, the strict demarcation of these levels is conditional, since, in the words of Yu.P. Denisov, discourse encapsulates the entire “constellation of inseparably linked rationally organized rules of language use and interactions of separate statements within the

---

³⁵¹ Denisov 2011: 171.

³⁵² Denisov 2011: 172.

³⁵³ Denisov 2011: 173.

³⁵⁴ Denisov 2011: 174–175.

³⁵⁵ Denisov 2011: 178.

structure of communicative activity which is strictly determined by the environment in all its manifestations.”³⁵⁶

V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko recommend applying to discourse analysis such categories of cognitive linguistics as a “frame” and a “slot.”³⁵⁷ The term “frame” usually refers to a “scheme,” “plan,” “scenario,” or “conceptual model.” The frame is an area of experience in a particular culture, a theoretical construct of cognitive reality, and a mental structure that conceptualizes the type of situation and its expression in language.³⁵⁸ Frames set the focus of perception and have a significant influence on the interpretation of reality by an individual. Being a mental model, the frame explains isolated facts, processes, and phenomena as interdependent and implying each other.³⁵⁹ The frame conditions the perception of a situation through specific situational “slots,” i.e., interrelated structural units or meaning-carrying cells filled on the basis of encyclopedic, procedural, and other types of knowledge.³⁶⁰ By identifying the slots in the text and the special semantic relations of key words, discourse analysis reconstructs the structure of the frame that was set for the recipients by the author of discourse. Thus, if the word “forest” is surrounded by the slots “cut down,” “harm,” and “destruction,” the author of discourse sets the frame of “a forest in danger” and the text gets connected to ecological discourse. On the contrary, if the words “walk,” “benefit,” “quiet,” and “fresh air” are used next to the word “forest,” then the frame of “a forest as a place for recreation” will be fixed and a connection with a completely different discourse will be established respectively.³⁶¹

Apart from that, V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko argue that one of the key ideas for discourse analysis is the fundamental discursive opposition of the Self vs. the Other.³⁶² For conflicting ideologies, it is typical to form polarized relations which design a strict division between a group of “insiders” and a group of

---

³⁵⁶ Denisov 2011: 181.

³⁵⁷ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 23.

³⁵⁸ Chilton 2004: 51.

³⁵⁹ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 23.

³⁶⁰ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 23.

³⁶¹ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 23–24.

³⁶² Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 30.

“outsiders” and thus claim control over the semantic and linguistic structure of the text accordingly.³⁶³ The discursive opposition of Us vs. Them builds the antagonistic relations within the text based on two standardized categories of belonging that become an inseparable part of an individual’s schematic ideas about the structure of the society. At the same time, the identity of the Self is being constructed through the description of who the Others are and distancing from them.³⁶⁴ V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko believe that the group imagining of the ideological division into Us and Them is closely connected to the so-called “political myths” and the blind acceptance of stereotypes shared by the social group.³⁶⁵ The mythical representation of the Self and the Other is axiomatic and impossible to verify, as a result of which discourse enforces the simplification of perception of reality and causal relations between different objects and events. The structuring of discourse around “insiders” vs. “outsiders” often recreates the classic fairy tale scenario: there is a “hero,” a “villain,” a “crime,” and a “victim.”³⁶⁶

As a fundamental ideological basis of discourse at the macrotextual level, the binary opposition of the Self vs. the Other actualizes the frame of “conflict.” In order to impose the desired judgments about “outsiders” and “insiders” on discourse recipients, the author of discourse counterposes in the text the space of “fear” associated with the Other and the space of “peace” of the Self and presents a complex and multidimensional understanding of the problem in its reduced version which lacks particular aspects and details.³⁶⁷ Appealing to the stereotypes of collective consciousness, the author of discourse seeks to break the cognitive model of the text into parts that make it polarized (Them vs. Us, “black” vs. “white,” “bad” vs. “good”) without any shades of “gray” or neutral meanings.³⁶⁸ Among the most popular persuasive strategies of applying the “conflict” frame to discourse, V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko name the strategy of creating the group of

---

³⁶³ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 31.

³⁶⁴ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 33.

³⁶⁵ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 33.

³⁶⁶ Lakoff 2004: 71.

³⁶⁷ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 34–35.

³⁶⁸ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 36.

the Other,³⁶⁹ the strategy of creating the phantom threat,³⁷⁰ and the strategy of demonizing the enemy.³⁷¹ The specific examples of use of such discourse strategies in *The Tibet Mirror* will be provided further in the subsequent sections of the second chapter.

The present dissertation discusses the most interesting discursive constructs created by the editor of *The Tibet Mirror* within the prism of the metanarrative of Tibetan independence. The newspaper texts selected for the study were analyzed with the help of a basic model of discourse analysis suggested by the Australian linguist M.A.K. Halliday which combines three aspects:³⁷²

1. ***The tenor of discourse*** refers to the participants of discourse, their roles, and relationship.
2. ***The field of discourse*** identifies the nature of the social activity and what is happening, what the discourse is about.
3. ***The mode of discourse*** defines the role of the language used and what the participants of discourse expect from the language: the symbolic organization of the text, the status of the text, its function in the context, and the rhetorical modality of the text which can be described as persuasive, explicatory, didactic, etc.

2.2.2. Tenor of Discourse

In this dissertation, the tenor of discourse denotes the author of discourse and its recipients. It is obvious that the key participant of discourse in *The Tibet Mirror* was

---

³⁶⁹ The discourse strategy of creating the group of the Other enables the distancing of certain actors and their activities from the group of the Self. This strategy is rendered through the technique of creating the integral image of the enemy, the technique of particularization of image of the enemy, and the technique of polarization vs. the technique of cooperation (see Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 63–95).

³⁷⁰ The discourse strategy of creating the phantom threat creates the model of a threat coming from the enemy and is rendered through the technique of creating the image of the threat which is approaching from the enemy, the technique of modeling of the alternative future, the technique of extrapolation of the precedent, the technique of intensification of the degree of the threat, the technique of creating the unique threat, and the technique of personalization of the threat (see Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 95–123).

³⁷¹ The discourse strategy of demonizing the enemy intends to intimidate discourse recipients with the image of a particularly cruel, unprincipled, and treacherous enemy. The strategy of demonizing the enemy is usually rendered via a technique of attributing an opinion to the enemy, the technique of magnification of the enemy's aggression, and the technique of particularization of victims of the aggression (see Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 124–139).

³⁷² Halliday 1989: 12.

the chief editor and the founding father of the newspaper Dorje Tharchin, an ethnic Tibetan and an Indian citizen. A prominent public figure, translator, educator, and owner of the printing shop, Dorje Tharchin was not only held in high esteem among the Tibetan-speaking community in India but was also rather well-known in Tibet. As the leading ideologist and the owner of the newspaper, the journalist, and the editor of publications, Tharchin claimed his place at the forefront of developers of the metanarrative of Tibetan independence, having consistently constructed and broadcasted in *The Tibet Mirror* the pro-nationalist version of the past, present, and future of Tibet throughout the 1950s and 1960s.

To summarize the main background details of the editor of *The Tibet Mirror* described in depth in the first chapter of the present dissertation, one can underline that Dorje Tharchin grew up among Western missionaries and received his education in a missionary school which made a big impact on his worldview, including his political views. According to his contemporaries, Tharchin looked more Indian than Tibetan, however, the editor of *The Tibet Mirror* mastered his Tibetan language skills and acquired sufficient knowledge about Tibet while steadily building his career with a focus on his second identity, namely his Tibetan ethnic origin.³⁷³ Apart from missionaries, Tharchin established important connections among employees of the British colonial government in India, as a result of which he was recruited by and actively cooperated, first, with the British intelligence, then, with the Indian one, and later on, perhaps, with the intelligence services from the USA. The editor of *The Tibet Mirror* borrowed information for his publications from local Indian and foreign newspapers, radio, personal correspondence, and interviews with his informants. Although Tharchin denied any third-party financing of his newspaper and positioned himself as an independent publisher, one can say that *The Tibet Mirror* existed largely owing to the external financial support. Obviously, this funding could have hardly been coming free of charge and, in return, the sponsors probably expected something back from Tharchin. Moreover, there is evidence that regarding some publications on Tibet Tharchin certainly consulted with the Political

---

³⁷³ Fader 2009: 346.

Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet, who was also his intermediary for obtaining the financial support for *The Tibet Mirror*. Therefore, one can conclude that, on the one hand, Dorje Tharchin was the subject and the author of his own discourse in *The Tibet Mirror*, but, on the other hand, he was the object and the recipient of a global anti-communist discourse of the Capitalist Bloc, the ideological views of which he did not only share but deliberately promoted in his publications.

Dorje Tharchin has been rightfully named as “one of the strongest voices for Tibet in the face of the Chinese communist invasion.”³⁷⁴ Critical of the communist ideology in general, Tharchin expressed an even bigger antipathy towards the idea of possible spread of communism in Tibet. After the Chinese communist government officially proclaimed its goal to “liberate” Tibet in 1949, the editor started regularly publishing discursive materials in *The Tibet Mirror* in which he condemned the Chinese communist policy in Tibet, prophesized the future annihilation of Tibetan people and their culture, and urged to fight for the independence of Tibet. At the same time, Tharchin rejected any accusations of anti-Chinese chauvinism. The editor of *The Tibet Mirror* admitted expressing anti-communist ideas but claimed cherishing no hatred towards the Chinese in general. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5 dated August 1, 1953, Tharchin explained his position on China in the following way:

I do not dislike Chinese people. I like Chinese people a lot. Whatever is said, earlier, for many thousands of years they demonstrated to the [whole] world [their] intelligence, braveness, happiness, prosperity, and progress and [they had] great faith and respect to the pure religion. Besides, led by the esteemed emperor and [his] ministers, [the Chinese] teachers and students, parents, sons, and grandsons, friends and [their] wives were genuinely well skilled in honoring their serving position. [...]

Whatever happened in the world, I did not spoil [the news] by exaggerating [it] and published [the information that] what was pertaining to the truth only. There is no need to write about [my] resentment towards the Chinese in the news. For what reason? Chinese people and our ancestors were not enemies because of the killings. If only for the purpose of writing that the Chinese destroyed and discarded their own honorable ancestors, emperor’s ancient

---

³⁷⁴ McGranahan 2001: 250.

traditions, and the fine religious and secular system and for 40 years, their minds and hearts followed after and were handed over to the flourishing atheist communist system, that is why [now] the fine ancient religious and secular customs symbolizing the peace in the world are completely gone. Apart from disliking the communist followers, I absolutely do not dislike Chinese people.

Newspapers all around world, not to mention the recent newspapers from Formosa,³⁷⁵ do not agree on the [existing] situation. But, as you all know well, even within the Chinese people in the [very] same country and of the [very] same nationality, many hundreds of million people deeply dislike [having] their hearts rot in the labor system of the evil communist ideology. [...]

If to compare the present oppression by communist followers even here in Tibet, the true Chinese government never pressed down Tibet with such oppression. Even if [it] needed to press down [Tibet], [it] did not do [so]. Therefore, I only like Chinese people and do not dislike them. Nevertheless, I always dislike any communist followers. I will be praying that soon all Chinese people achieve peace and happiness by obtaining a real liberation from the communist oppression.³⁷⁶

In his publication Tharchin, indeed, tries to prove that he does not feel any hatred towards the Chinese. At the outset, the editor even uses the honorific form of the Tibetan pronoun “they” (Tib. *khong tsho*) to refer to the Chinese. Tharchin stresses that “earlier, for many thousands of years” the Chinese people “demonstrated to the [whole] world [their] intelligence, braveness, happiness, prosperity, and progress and [they had] great faith and respect to the pure religion.”³⁷⁷ However, now everything has changed.

As it was mentioned in the previous section of the dissertation, the opposition of the Self vs. the Other serves as a fundamental basis of political discourse and this excerpt from *The Tibet Mirror* provides a good example of constructing the image of the Other. Who are these Others and what is wrong with them? They are the Chinese communists who “destroyed” their ancestors, ancient traditions, and

³⁷⁵ Another name for the island of Taiwan. The name “Formosa” is reported to originate from the Portuguese “beautiful island” (Port. *Ilha Formosa*) and was given to the island by Portuguese sailors in the 16th century. (“Formoza” [Formosa] // *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya Onlain* [Great Soviet Encyclopedia Online]. URL: <https://bse.slovaronline.com/47936-FORMOZA>. Accessed June 27, 2022).

³⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXI No. 5, August 1953: 7.

³⁷⁷ Tib. *mi lo stong phrag du ma'i sngon nas 'dzam gling yongs su shes rig dpa' stobs bde skyid mnga' thang yar rgyas kyis mtshon dam pa'i chos lugs la dad gus che ba.*

splendid religious and secular way of life.³⁷⁸ These Others gave their minds and hearts to communism, and now “their hearts rot” because of the “evil communist ideology.”³⁷⁹ Do not the Others look completely alien to the Self, the pious people of Tibet who hold to the traditions? In Tharchin’s opinion, not only China suffers because of these Others. Because of Them, the whole world suffers as “the fine ancient religious and secular customs symbolizing the peace in the world” are completely gone.³⁸⁰ Should not the entire righteous world be wary of these Others? Moreover, the editor of *The Tibet Mirror* claims that “the true Chinese government never pressed down Tibet with such oppression” as the Chinese communist government does now, therefore, the recipients of discourse are bound to read the presupposition that the present government of the PRC is not “true,”³⁸¹ i.e., is not the legitimate government of China.

It is fair to say that Dorje Tharchin’s criticism was not confined to condemning the actions of Chinese communists. Even though in a much softer form, Tharchin expressed his regrets regarding, for example, the decision of the Indian Prime Minister J. Nehru (1889–1964) not to provide any military aid to Tibet in the Sino–Tibetan conflict of 1959 and condemned the short-sighted policy of the traditional Tibetan government of the Dalai Lama.³⁸² Besides, in the very beginning of the 1950s, there were publications in *The Tibet Mirror* in which Tharchin did not express any negative judgement on the Chinese communist policy in Tibet and neutrally described the news he heard. For instance, Tharchin reported on the construction of an airport³⁸³ and a highway³⁸⁴ in Tibet initiated by the new communist government without any additional evaluative comments. Or, for example, in *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7 dated October 1, 1951, one can find a short but comparatively positive assessment of the soldiers of the People’s Liberation Army: “The Chinese soldiers are said to have very strict discipline, they do not commit attacks on other people or

³⁷⁸ Tib. *rgya mis rang gi pha mes ya rabs gong ma'i sngar srol lam lugs bzang po'i chos srid rnams bshigs 'dor.*

³⁷⁹ Tib. *chos min dmar po'i las lugs kyi rjes su blo snying 'brang gtad; lta ngan dmar po'i las lugs la snying rul.*

³⁸⁰ Tib. *'dzam gling yongs la zhi bde mtshon gna' srol chos srid bzang po gtad nas med.*

³⁸¹ Tib. *rgya gzhung ngo mas bod la nam yang 'di lta'i btsan dbang du gnon yod pa ma red.*

³⁸² For an analysis of such publications in *The Tibet Mirror*, see Engelhardt 2012: 192–193, 197.

³⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

³⁸⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.1, April 1953: 4.

plunder.”³⁸⁵ However, later on in the 1950s, when Tharchin published any news describing the policy of the Chinese communist government in a positive way, he immediately contested those reports by accompanying vitriolic remarks that he had heard otherwise and that Chinese communists should not be ever trusted.³⁸⁶

T.A. van Dijk explains that for discourse analysis, it is important to understand who has control over the choice of topic of the message (i.e., semantic macrostructures of discourse) and who makes the decision to change the topic.³⁸⁷ To identify what kind of topics Dorje Tharchin chose to publish and how he selected them, one needs to distinguish which publications in *The Tibet Mirror* were written by the newspaper editor himself (based on his personal preferences) and which publications were borrowed directly from other sources and, if so, from which sources the information was borrowed. One can notice that Tharchin rarely indicated in *The Tibet Mirror* the exact source of news published, often restricting this information to: “there are news heard that ...,”³⁸⁸ “according to what is reported, ...,”³⁸⁹ “there are rumors that ...,”³⁹⁰ “as reported in a newspaper, ...,”³⁹¹ “as all learned men know, ...”³⁹² “these are the news in short.”³⁹³ Only occasionally the editor of *The Tibet Mirror* supplied a reader with some additional information on the geographical location of the source or, even less often, the name of his source: “as it is reported from New Delhi, ...,”³⁹⁴ “as it is known from Mussoorie, ...,”³⁹⁵ “news from Lhasa [published] in Kathmandu: ...,”³⁹⁶ “a rough translation from an English newspaper in Calcutta,”³⁹⁷ “according to the Calcutta newspaper

³⁸⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

³⁸⁶ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

³⁸⁷ van Dijk 1993: 256.

³⁸⁸ Tib. *gnas tshul thos* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

³⁸⁹ Tib. *brjod gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

³⁹⁰ Tib. *phan tshun nas go thos su* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5).

³⁹¹ Tib. *gsar 'gyur zhig nang gsal* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 5).

³⁹² Tib. *mkyen ldan tshang mas dgongs mnga' ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

³⁹³ Tib. *gnas tshul mdor bsdu* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 5).

³⁹⁴ Tib. *ne'u di li nas* [...] *gsar gsal du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

³⁹⁵ Tib. *ma su ri nas* [...] *gsar gsal du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6).

³⁹⁶ Tib. *ka Ta man Du nas* [...] *lha sa'i gnas tshul du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3).

³⁹⁷ Tib. *ka ta'i in ji'i gsar shog tu bkod 'dug pa las rags bsgyur mdor bsdu* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

Statesman, ...,”³⁹⁸ “from a Washington newspaper,”³⁹⁹ “from a Hong Kong newspaper,”⁴⁰⁰ “according to a Calcutta newspaper in English, ...”⁴⁰¹ “according to a newspaper from New Delhi, ...”⁴⁰² “the official statement of Chinese communists,”⁴⁰³ “the Chinese radio reports,”⁴⁰⁴ “according to the eyewitness [report], ...”⁴⁰⁵ “as it was seen by several people in Tibet with their own eyes,”⁴⁰⁶ “[the article] was written jointly with his [the above-mentioned deceased rebel’s] friends.”⁴⁰⁷ At the same time, even if Tharchin indicated his source of information, one gets the impression that publications in *The Tibet Mirror* were frequently supplemented with some editorial comments manifested in the form of figurative language and/or Tharchin’s judgmental remarks. Therefore, one can conclude that even when Tharchin notified his readers that he had borrowed news from a specific source, he made sure to revise and edit the borrowed information by adding elements of his own editorial style.

It is a fact that mass media often unavoidably loses in the attempt to present an independent piece of information. Even if it is not a partisan article, journalists still render information within a generally accepted media frame.⁴⁰⁸ As it was mentioned earlier, the degree of a potential third-party influence on the editorial policy of *The Tibet Mirror* cannot now be measured precisely and is only hypothetical. Apart from the correspondence of seemingly consultative nature with the Political Officer in Sikkim, there is no other hard evidence of Tharchin’s discussions with others of the content of his publications about Tibet or China. Moreover, the publisher himself, probably, sincerely shared the anti-communist views of sponsors of *The Tibet Mirror*. Therefore, one can assume that Tharchin had

³⁹⁸ Tib. *ka ta’i gsar shog si Te Ta man nang gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

³⁹⁹ Tib. *wa shing Ton gyi gsar gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

⁴⁰⁰ Tib. *hong kong gsar gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

⁴⁰¹ Tib. *ka ta’i dbyin yig gsar shog ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 4).

⁴⁰² Tib. *ni’u dil li’i gsar gsal ltar na* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 5).

⁴⁰³ Tib. *rgya dmar gyi khyab bsgrags* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2)

⁴⁰⁴ Tib. *rgya dmar gyi rlung ’phrin nang [...] gnas tshul mang po zhig shod kyi ’dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2).

⁴⁰⁵ Tib. *dnagos mthong* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2).

⁴⁰⁶ Tib. *mi ’ga’ shas nas bod du mig mthong byung gsal* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 8).

⁴⁰⁷ Tib. *khong gi grogs po lhan nas bris pa’o* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2).

⁴⁰⁸ Levshenko 2012: 102.

sufficient editorial freedom to make a final decision on what exactly and in which form he wanted to publish in his newspaper. As the chief editor, Tharchin had the opportunity to set himself the “frame” for rendering information in his newspaper and to narrow or expand it at his own discretion. Up to 1951, when the first Tibetan-language periodicals launched by the Chinese communist government began to appear in the PRC, *The Tibet Mirror* had no truly equal competitors, and the inhabitants of the Tibetan Plateau did not have any significant choice of alternative sources of news in the Tibetan language. Some of the modern socio-political concepts mentioned by Tharchin in his publications had no means of expression in the Tibetan language, hence, one can say that for Tibetan-speaking readership, *The Tibet Mirror* served as a primary source of neologisms and in this way influenced the formation of their ideas about the modern world. *The Tibet Mirror* publications mainly reflected the opinion of the newspaper editor and rendered his actual and/or desirable vision of both the Tibetan past and contemporary events in Tibet. Tharchin’s views on Tibetan history may have partially or entirely corresponded to the opinion of his Tibetan-speaking readership and yet, at the same time, for some readers, *The Tibet Mirror* definitely shaped their views. Thereby, one can say that Tharchin’s discourse was endowed with certain authority.

Scholars engaged in discourse analysis point out that the images broadcasted in the media are discursive formations that become an integral part of culture and everyday life of target-group readers of a particular media outlet.⁴⁰⁹ Since the “ideological climate” of the media source appears invisible and natural to its target-group readers, the author of discourse uses this opportunity to publicize his/her uncontested generalizations about what the world is and how it should be perceived.⁴¹⁰ Media discourse provides its author with the power to create images of social groups, as well as to identify, regulate, and construct social groups themselves by determining who is the Self in the “imagined community” and who is the Other.⁴¹¹ According to the anthropologist Å. Kolås, the power of the dominant legitimizing

---

⁴⁰⁹ Henry and Tator 2002: 27.

⁴¹⁰ Henry and Tator 2002: 27.

⁴¹¹ Henry and Tator 2002: 27.

discourse is also reflected in its ability to set standards for communication, to choose which prior agreements are valid, and to impose the limits of self-expression.⁴¹² It is precisely this power that Dorje Tharchin enjoyed when in the 1950s, he constructed the metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* and defined how the concepts of “Tibetan state,” “Tibetan culture,” and “Tibetan nation” are to be presented to his Tibetan-speaking readers and to the whole world.

The images and ideas promoted in the media play a key role for enabling the access of marginalized groups to cultural, social, economic, and political power. In the 1950s, propaganda of the metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* was critical for inciting the social protest against the communist rule in Tibet and for creating the conditions for ideological consolidation of the inhabitants of the Tibetan Plateau as one unified group of the Self that was forced to fight on its legitimate territory against the group of the Other. After the emigration of the 14th Dalai Lama from Tibet and later on in the 1960s, the metanarrative of Tibetan independence was by no means less significant for internationalizing the Tibet Question and legitimizing the power of the new Tibetan exile elite over the growing Tibetan-speaking diaspora in India.

Nevertheless, it should be said that Tharchin was not the exclusive tenor of discourse. Among other more passive or even silent participants of discourse (except for a few authors of letters to the editor published in *The Tibet Mirror*) were the recipients of news, that is, first of all, a rather news-inexperienced and news-hungry Tibetan-speaking readership, as well as some foreign readers, including Tharchin’s ideological adversary in this discourse—the Chinese communist government.

When one analyzes the Tibetan-speaking participants of Tharchin’s discourse, it is helpful to assess discourse recipients according to several criteria suggested by T.A. van Dijk:⁴¹³

1. Discourse recipients tend to accept the discursive beliefs, knowledge, and opinions of those whom they consider to be trustworthy, authoritative, and reliable

---

⁴¹² Kolås 1996: 51.

⁴¹³ van Dijk 2001: 357.

sources, such as scholars, experts, or members of the established media. As for *The Tibet Mirror*, one should keep in mind that Dorje Tharchin was a well-known educator and the owner of one of the very few early Tibetan-language newspapers, therefore, he certainly had the authority in the Tibetan community in India and he had earned the trust of his Tibetan-speaking readers.

2. In some cases, discourse participants have to be the recipients of discourse, for example, at school. The Tibetan-speaking readership of *The Tibet Mirror* obviously did not have much choice of sources of news in the Tibetan language. Moreover, in the 1950s, there were basically two possible options of which news in the Tibetan language to listen to: the pro-nationalist anti-communist appeals made by Tharchin or the proclamations of the Chinese communist leaders to gradually reform the traditional Tibetan lifestyle and to fight the anti-communist reactionaries in Tibet.

3. T.A. van Dijk contends that in many cases, there is no public discourse or media that can provide the information necessary for shaping alternative views. This point correlates well with the situation in Tibet and the Tibetan print media in the 1950s described in the second point mentioned above. It needs to be underlined that in the 1950s and 1960s, the perception of Tibetan-speaking recipients was influenced not only by the pro-nationalist ideological views promoted in *The Tibet Mirror*, but also by such global processes as the wave of decolonization after the Second World War and the unreconcilable clash of communist and capitalist ideologies which determined the division of the whole world into two ideological blocs.

4. Discourse recipients may not have the knowledge and expertise necessary to raise a doubt in and challenge the discursive information they are confronted with. This point also correlates with the conclusions regarding *The Tibet Mirror* indicated above in the second and third points.

While discussing the tenor of discourse in *The Tibet Mirror*, one last thing to be mentioned is that in the 1950s and 1960s, apart from Tibetan, Tharchin regularly used English in his publications on Tibet. Among the discursive materials analyzed

for the present dissertation, there were both publications where Tharchin gave only a title or a fragment of the article in English⁴¹⁴ and cases when the whole article was provided in two languages at once (in Tibetan with its full translation into English).⁴¹⁵ This fact suggests that, although Tharchin constructed the metanarrative of Tibetan independence primarily for his Tibetan-speaking readers, the editor expected among his potential recipients a much broader audience and sought to draw the attention of any English-speaking readers to the situation in Tibet so that he could successfully internationalize the Tibet Question and expand the group of Tibetan supporters in the United Nations and around the whole world.

To sum up, at first glance, it may seem that Tharchin was an ideal candidate for the role of author of the independent discourse that could compete against the nationalist and colonial representations of the history of Tibet, since the editor suggested his alternative view on the historical past and present of Tibet and provided space in *The Tibet Mirror* for a voice of subalterns from the Tibetan Plateau. However, detailed research on the biography of the editor and his mode of work on *The Tibet Mirror* made it clear that Tharchin was assisted by the British colonial officials and cooperated with a group of Tibetan elite *émigré* in India (probably, alongside with representatives of the CIA) who aimed to mobilize the anti-Chinese resistance movement in Tibet. Therefore, one can reasonably argue that it is not an entirely alternative representation of Tibetan history in *The Tibet Mirror* and it does not lay clearly outside the frame of current conflict of pro-Tibetan and pro-Chinese historians, but it is fair to say that Tharchin constructed the metanarrative of Tibetan independence which had effectively anticipated and predetermined the development of the pro-Tibetan nationalist model of representation of Tibetan history that was

---

⁴¹⁴ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 11; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

⁴¹⁵ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4–5; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.5, May–June 1963: suppl.1–2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.6, July–August 1963: suppl.1–4.

imposed by the Central Tibetan Administration upon the Tibetan-speaking diaspora after 1959.

2.2.3. Field of Discourse

The field of discourse in *The Tibet Mirror* can be defined by an attempt to problematize the process of “liberation” by the PLA of the territories inhabited by the Tibetan-speaking population. Using the sieve of metanarrative of independence to render current news on the establishment of communist rule in the Tibetan-speaking areas of China and to discuss the ensuing Chinese communist policy there, the editor of *The Tibet Mirror* concurrently propagated a pro-Tibetan nationalist representation of the historical past of Tibet and Sino-Tibetan relations. During the 15 years under review from 1949 to 1963, Tharchin invariably published texts with anti-communist and pro-Tibetan contents which demonstrated a certain regularity of the discourse and the existence of a single discursive configuration with corresponding nationalist semantics in *The Tibet Mirror*.

Discourse materials in *The Tibet Mirror* issues dated from 1949 to 1963 can be divided into two groups: textual publications (in Tibetan and English) and illustrative materials (photographs, maps, drawings, and political cartoons). Among the popular topics of discourse publications during this period, there were activities of the 14th Dalai Lama and the new communist government in Tibet, economic development of Tibet, socio-political instability in the PRC, confrontation of the CCP and the Kuomintang, local uprisings and Chinese military operations on the territory of the Tibetan Plateau, insurgent activities of the Tibetan Volunteer Army for Defense of Religion, life of the 14th Dalai Lama in immigration in India and his official statements there, petitions against the Chinese communist rule in Tibet, Tibetan appeals to the United Nations, existing international agreements on Tibet, assistance to Tibetan-speaking refugees, and pleas for a joint international struggle against Chinese communists. Most of Tharchin’s publications were accompanied by

his editorial comments, warnings, specific instructions, and requests for action against Chinese communists for the sake of Tibetan independence.

To assert the pro-Tibetan nationalist paradigm, the editor of *The Tibet Mirror* resorted to the following techniques:

1. Selective distorting of historical facts.
2. Employing historical analogies.
3. Non-linear narration with an emphasis on the information that supported the discourse of independence and simultaneously silenced the facts which compromised the constructed pro-nationalist representation of Tibetan history.
4. Broadcasting news within the discourse frame of “conflict” and arranging the clash of two vivid images of the Other as an aggressor and the Self as its victim.
5. Imposing the matrix of negative perception of the present by discrediting the communist regime in China, presenting hyperbolized emotionally charged descriptions of current events on the Tibetan Plateau, and reproducing an illusion of the “Golden Age” of independent Tibet lost due to the fault of Chinese communists.
6. Inculcating the Tibetan-speaking readership to anticipate the happy future of fully independent Tibet on the condition of a timely joint struggle in the name of liberation from the Other at present.
7. Intimidating readers with a looming threat of a future genocide of Tibetan-speaking population and the subsequent destruction of the whole world by Chinese communists.

In his publications, Tharchin either used the above-mentioned manipulative techniques singly or combined several of them together within the same publication. With the help of these techniques, the editor of *The Tibet Mirror* successfully constructed in *The Tibet Mirror* the desired representations of the independent past, present, and future of Tibet, developed a concept of the “Tibetan nation,” argued about the illegitimacy of the CCP’s rule in China, and shaped images of ruthless Chinese communists, oppressed Tibetans, and the truly merciful supreme leader of Tibet—the 14th Dalai Lama—who immigrated to India for the good of his people.

In terms of content, Tharchin's discursive publications in *The Tibet Mirror* issues dated from 1949 to 1963 can be classified into six categories. The first three categories are distinguished by the criterion of time and their focus on the discourse of Tibetan independence in the past, present, and future accordingly. The other three categories of publications are distinguished on the basis of the dominant group of actors, namely the Other, the Self, and the international community of supporters of pro-nationalist Tibetan sentiments. The most interesting examples of these six categories are presented in the following six subsections of the second section of the second chapter of the dissertation.

2.2.3.1. Constructing the Past

Dorje Tharchin referred to Tibet's historical past as one of the most important arenas of the ideological battle for Tibetan independence. The editor of *The Tibet Mirror* considered it extremely important to preserve the "true" history of Tibet⁴¹⁶ and the material evidence of Tibetan independence from China⁴¹⁷. Going as far back as the 7th century, Tharchin interpreted the history of Tibet and Sino-Tibetan relations by reassembling the facts and events from a wide selection of historical periods. The editor decontextualized historical facts and manipulated the information through the sieve of the metanarrative of Tibetan independence. Encouraging his readers to fight for Tibetan independence in the present, Tharchin consistently propagated nationalist ideas that predetermined the future pro-Tibetan representation of Tibetan history. For example, in September 1950, the editor of *The Tibet Mirror* presented his vision of the Tibetan concept *mchod yon*⁴¹⁸ (lit. "priest-patron relationship"),

⁴¹⁶ See "Appeal to Friends from Chinese and Tibetan Regions of Kham" (Tib. *kham srgya sde dang bod sde khul gyi grogs po rnams la zhu rgyur*) in *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8.

⁴¹⁷ See *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954: 12–14.

⁴¹⁸ The Tibetan term *mchod yon* is a contraction of the terms *mchod gnas* (i.e., a religious preceptor) and *yon bdag* (i.e., a secular donor). The *mchod gnas* provides religious services for the *yon bdag*, who in his turn is supposed to offer the political and material protection to the former (Kauffmann 2015: 86). In an attempt to prove Tibet's independence from China, supporters of the pro-Tibetan representation of Tibetan history keep arguing about the nature of the *mchod yon* relationship till the present day. However, according to the American Tibetologist E. Sperling, the concept of *mchod yon* surely not excluded the notion of "political domination" and "coexisted with Tibet's political subordination to the Yuan and the Qing" (Sperling 2004: 30).

which originated during the Yuan dynasty. Under the title “[Role of] Patron in the Priest–Patron [Relationship],”⁴¹⁹ Tharchin depicted the following picture:

For the sake of [his] followers, a lama by means of religion makes offerings to the Three Jewels and brings benefits to this life and the next. For that, a devout patron—via the idea of the Three Jewels or the real Buddha—acts with faith and hope according to the lama’s orders and holds [him] as [his] head. As Panchen Nāropa said: “In a time before there were lamas, there was not even the term ‘Buddha.’ Even the Buddhas of a thousand *kalpas*⁴²⁰ sought [refuge] in lamas.” Thus, is the lama more precious, or is the patron more precious? In the past, when the Mongolian emperors resided in China, a deity of the Land of Snow—the great all-knowing victorious bodhisattva Avalokiteśvara—was the religious guru of the emperor and the emperor was his devout patron. Accordingly, communities of monks of the main monasteries, the emperor of China, Chinese and Mongolian people [were engaged in] the priest–patron [relationship]. Therefore, the Chinese and Mongolian people were the spiritual subjects of Tibet, and hence China reverently made offerings [to Tibet].

In order to [make it so] that the Dalai Lama was a genuine religious guru of the emperor [who] received the religious prayer services, representatives of the emperor shook the golden urn. Except for that [measure], the selection of the new lama by the emperor was not coercive. At that time, the amban with security guards was placed by the emperor in Lhasa. That also was done only for the protection of the service of the emperor’s religious guru and not because [Tibet] was under the power of China.

In the past, *dharmarāja*⁴²¹ and the *dharmarāja* Srong btsan sgam po⁴²² waged war against China many times and controlled many Chinese territories. For the sake of friendly relations between China and Tibet in the future, [the emperor] even sent a Chinese wife to Tibet.

Furthermore, in addition to friendly relations between China and Tibet, oaths on the mutual nonaggression were written in letters on the stone pillars and set up. Up to now, there is [still] an inscription on the great stone pillar in Lhasa. Therefore, it seems like Tibet [was no] other than an independent country [and] never came under the rule of China.

However, gradually [China] forcefully ate [i.e., incorporated] many Tibetan territories in Amdo and Kham. After [the Chinese people] brought down [their] own emperor as a result

---

⁴¹⁹ Tib. *mchod yon sbyin bdag*.

⁴²⁰ Tib. *bskal pa*, a unit of time (a long cycle or period) in Buddhism (Kasevich 1996: 72).

⁴²¹ Tib. *chos rgyal*, or the “virtuous king,” is a title given to the kings who were protectors of Buddhism (Goldstein 2004: 377). The term can also be translated as a “religious king” or a “Dharma king.”

⁴²² Srong btsan sgam po is considered to be the first historical king of Tibet and one of the three great Buddhist kings (or *dharmarājas*) of Tibet. Although the three great Buddhist kings of Tibet are considered incarnations of the Buddha, in imperial times, they led bloody war campaigns to the territories of neighboring states and plundered the local population there (Powers and Templeman 2012: 717).

of the rebellion, [they] also sent troops to Tibet and attacked [it]. Because of that, the all-knowing 13th Dalai Lama, who underwent hardships and ignored difficulties, had to go to India.

Nevertheless, gradually—by the power of karmic retribution—the Chinese soldiers were cut off as the water flow from a water reservoir, and, as all know, up to now, the religious and secular government of Tibet has not degenerated but progressed, [while] the Chinese emperor [became] numb. Because [the Chinese army] attacked Tibet, the past oaths [on the mutual nonaggression] were violated, and not only until now, there has been no peace, but even in the future, it will be difficult for a peaceful lot to come [to China]. If the Tibetan Religious State is left [alone] in [its] full righteous freedom, [if] the new oaths of reverence are sworn and the past oath-breaking is repented, it is possible that the peaceful lot will come to China.

Therefore, You—the new and the old Chinese governments and all people—think well! If, in the same way, all Tibetan Buddhists residing in Chinese territories strive hard to [carry on] a loyal service beneficial for the improvement of their Religious State, [they] will surely accomplish [their] goal in this life and the next.

The said above was humbly written down by Khunu Tharchin, the one who makes the newspaper in the Tibetan language [named *The Mirror* in Kalimpong. If there are mistakes, please forgive [me]⁴²³.

In the article, Tharchin presents a simplified version of the history of Tibetan–Chinese relations and highlights those historical events that build well in the metanarrative of Tibetan independence and support his accusations of the Chinese in their wrongdoings being the reason for a rift in Sino–Tibetan relations. The timeline is not linear, and Tharchin’s interpretation of the facts is a little twisted around the religious-mythical mentality. The editor of *The Tibet Mirror* starts with a reference to Nāropa⁴²⁴, a widely known in Tibet Buddhist teacher and tantric yogin of the 11th and 12th centuries. Tharchin then shifts to the 13th century and then to the 18th century, but after that he goes back to the period between the 7th and the 9th centuries, from where on, omitting all successive centuries, he reaches straight to the beginning of the 20th century.

⁴²³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 3.

⁴²⁴ Tib. *nA ro pa*; 1016–1100 (Powers and Templeman 2012: 467).

Fact-checking of the content of the article also brings interesting results. First of all, according to Tharchin, as early as in the 13th century, the Chinese and Mongolian people became part of the Tibetan religious community. While nothing is mentioned regarding Tibet's tribute to China, Tharchin focuses on China making offerings to Tibet. He tries to present Tibet as a religious hegemon and the stationing of the ambans (i.e., the Chinese imperial governors-general) with a Manchu army in Lhasa as a gesture symbolizing the pious service of the Chinese emperor to the live emanation of “the deity of the Land of Snow—the great all-knowing victorious bodhisattva Avalokiteśvara.”⁴²⁵ The editor of *The Tibet Mirror* argues that Chinese ambans and soldiers were sent to Tibet “only for the protection of the service” of the Dalai Lama⁴²⁶ and if the Chinese emperor became “numb,”⁴²⁷ i.e., turned into an anachronism, “the religious and secular government of Tibet”—quite on the contrary—“has not degenerated but progressed.”⁴²⁸

Contemporary scholars offer a different interpretation of the Sino–Tibetan relations in the 18th century. Tibetologists contend that the Qing emperor established the Amban institute after the 1727–1728 civil war in Tibet, in order to strengthen his control of the political situation on the Tibetan Plateau.⁴²⁹ Although at first, the duties of the ambans mainly consisted of holding command of the small Chinese garrison in Lhasa and keeping the Qing emperor informed on Tibetan affairs, by the end of the 18th century, their power was greatly increased.⁴³⁰ In 1751, the ambans got a broad right of supervision of Tibetan officials, which in 1792, was reformed into the right of direct participation in the Tibetan government.⁴³¹ Since ambans officially supervised central Tibet until the fall of the Qing Empire, this period of Tibetan history is usually described as the time of Chinese protectorate. However, Tharchin insists that the ambans' service in Lhasa did not imply that Tibet was under the rule of China.

⁴²⁵ Tib. *gangs ljongs lha gcig phyag na pad mo rgyal ba thams cad mkhyen gzigs chen po mchog.*

⁴²⁶ Tib. *gong ma 'i dbu bla 'i zhabs 'degs sku srung ched du bzhas.*

⁴²⁷ Tib. *rgya nag gi gong ma spid [sprid].*

⁴²⁸ Tib. *bod ljongs chos srid rgyal srid gnyis ka deng bar mi nyams gong 'phel du yod.*

⁴²⁹ Schwiager 2015: 143–145; van Schaik 2011: 142–143.

⁴³⁰ Petech 1972: 256.

⁴³¹ Petech 1972: 256, 260.

Then, going back a few centuries, Tharchin reminds his readers of the Tibetan king Srong btsan sgam po, the “Dharma king,” who ruled Tibet in the 7th century, and that Tibet warred with China and seized “many” Chinese territories. Tharchin further reinforces his pro-nationalist narrative with some additional facts: “for the sake of friendly relations,”⁴³² a Chinese bride was sent to Tibet, and the oaths declaring mutual nonaggression were engraved on the stone pillars. This cursory journey into the distant past of Tibet ends with a definitive conclusion that “Tibet [was no] other than an independent country [and] never came under the power of China.”⁴³³

If one turns to the historical background of the described events, historians generally agree that in the 7th–9th centuries, the Tibetan state constituted a strong political entity that successfully played against its neighbors in Central Asia and, indeed, every so often dominated in conflicts with neighboring China, especially during the reign of Srong btsan sgam po. It is also a fact that as a diplomatic measure procuring the peacekeeping on the Sino–Tibetan border, Chinese princesses were dispatched to Tibet: princess Wencheng⁴³⁴ in 640–641 and princess Jincheng⁴³⁵ in 710.⁴³⁶ As for the oaths, they were sworn by Tibet and China in 822, and the so-called bilingual treaty of “Uncle and Nephew”⁴³⁷ was engraved on three pillars: one in Lhasa, one in the Chinese capital of Chang’an, and one on the Sino–Tibetan border in Qingshui.⁴³⁸

Nevertheless, although Tibet was not subordinate to China during the imperial period,⁴³⁹ while presenting the facts aimed to support his claim of Tibetan independence, Tharchin omits a long period of political disintegration of the Tibetan Empire that followed in the 9th–13th centuries, when Tibet’s “imperial glories were a thing of the past.”⁴⁴⁰ The editor also mentions neither those parts of Tibetan history

⁴³² Tib *rgya bod gnyis kyi dbar mthun lam gyi ched du*.

⁴³³ Tib *bod rang btsan gyi rgyal khab las rgya'i mnga' 'og tu nam yang tshud tshod mi 'dug*.

⁴³⁴ Chin. 文成; ruled in the 7th century.

⁴³⁵ Chin. 金成; ruled in the 8th century.

⁴³⁶ Powers 2004: 31; Kapstein 2006: 55, 63; Grunfeld 1996: 35.

⁴³⁷ Tib. *dbon zhang* (Kapstein 2009: 27).

⁴³⁸ van Schaik 2011: 42; Kapstein 2006: 78; Grunfeld 1996: 37.

⁴³⁹ Goldstein 1997: 1.

⁴⁴⁰ Kapstein 2006: 84.

when Mongols played their role in Tibet's administration during the rule of the Yuan dynasty and later again—in the 17th and the beginning of the 18th centuries,⁴⁴¹ nor the episode when the Chinese Emperor Kangxi's⁴⁴² army “arrived victorious in Tibet”⁴⁴³ in October 1720 and Tibet was subsequently “transformed from the battleground of competing Mongol factions” into a protectorate of the Qing dynasty in the first half of the 18th century.⁴⁴⁴

Following Tharchin's narrative, a reader jumps from the 9th century straight to the beginning of the 20th century. Tharchin downplays the actual role of the Chinese in Tibetan politics and creates the narrative of a strong Tibetan Empire that was betrayed by its “Uncle” China. He portrays China as an aggressor that forced the abdication of the last Chinese emperor, attacked Tibet, and violated the sacred oaths sworn during the imperial period. In this paragraph of the article, Tharchin probably refers to the 1910 military march to Lhasa of Zhao Erfeng,⁴⁴⁵ the Qing special commissioner, who was sent to stabilize the Tibetan political situation and to secure the Chinese control in Tibet.⁴⁴⁶ In the sight of the advancing Chinese army, the 13th Dalai Lama decided to flee to India. Factually, Tharchin distorts the timeline. The editor of *The Tibet Mirror* claims that the 13th Dalai Lama went to India after the overthrow of the Chinese emperor, but Zhao Erfeng's march to Lhasa preceded the 1911 Xinhai Revolution in China and the abdication of the last Qing emperor in 1912, respectively.

Tharchin's brief historical overview ends with his interpretation of the current period in Sino-Tibetan relations in 1950 and a prophesy for the future: the editor predicts that not only now there could not be any peace in China, but “even in the future, it will be difficult for a peaceful lot to come” to the PRC.⁴⁴⁷ However, Tharchin defines a condition upon which the alternative result could be achieved: if the new and the old Chinese governments, having repented their improper behavior,

---

⁴⁴¹ Kapstein 2006: 123.

⁴⁴² Chin. 康熙; ruled in 1654–1722.

⁴⁴³ van Schaik 2011: 140.

⁴⁴⁴ Kapstein 2006: 146.

⁴⁴⁵ Chin. 赵尔丰; 1845–1911.

⁴⁴⁶ Goldstein 1997: 27.

⁴⁴⁷ Tib. *slad du'ang bde ba dang ldan pa zhiig yong dka' ba yin.*

leave “the Tibetan Religious State” free, “it is possible that the peaceful lot will come to China.”⁴⁴⁸ It is not clear what the editor meant by bargaining “a peaceful lot” for China. Could he have meant a full stop of the strife between the supporters of the CCP and the Kuomintang? Be that as it may, in terms of political discourse, this part of the article presents an example of Tharchin’s employment of the discourse technique called “modeling the alternative future,” which was aimed at intimidating the Chinese recipients of his discourse.⁴⁴⁹ Given that, the editor of *The Tibet Mirror* appeals to all Tibetan Buddhists, even those residing in Chinese territories, to stand up for a special mission—“to strive hard to [carry on] a loyal service beneficial for the improvement of their Religious State,”⁴⁵⁰ i.e., to be loyal to the traditional Tibetan government of the Dalai Lama.

The article vividly constructs two antagonistic images of the Self and the Other which constitute the fundamental opposition of Tharchin’s discourse. The Self sees that the Other is an aggressor: those Others have violated their oath and betrayed the traditional model of relationship with their Tibetan priest, hence, their karmic retribution will be that there is and will be no peace in China. Those from the group of the Self are intentionally targeted by Tharchin with the narrative interwoven with Buddhist terms and images: “the [Buddhist] religion,” “the Three Jewels,” “Panchen Nāropā,” “the Buddhas of a thousand *kalpas*,” “a Tibetan deity,” “*dharmarāja*,” “a priest,” “spiritual subjects,” “the power of karmic retribution,” “to accomplish the goal in this life and the next,” “the Tibetan Religious State,” “the great all-knowing victorious bodhisattva Avalokiteśvara,” “the all-knowing 13th Dalai Lama,” etc. The Self clearly understands the rhetorical question at the end of the first paragraph of the article that contains a discourse superstructure in the form of an alleged quote of Nāropa: if somebody asked Nāropa, the venerable teacher would have certainly

---

⁴⁴⁸ Tib. *gal srid bod chos ldan rgyal khab la cog ge cam mer rang dbang du bzhaq nas gus bkur zhabs 'deg sogs zhu rgyu'i dam bca' gsar pa dang / sngon chad dam 'gal la 'gyod bshags byed na rgya nag tu bde ba dang ldan pa zhiq yong yang srid pas.*

⁴⁴⁹ Modeling the alternative future is a political discourse technique that addresses a discourse recipient with an alternative version of the future depending on the certain steps taken or not (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 108).

⁴⁵⁰ Tib. *rgya sde khul gnas pa'i bod rigs nang pa sangs rgyas pa tshang ma nas kyang rang ljongs chos ldan rgyal khab mi nyams gong 'phel la sman pa'i zhabs 'degs lhag bsam rnam dag zhu bar 'bad rtsol gnang na 'di phyi gnyis don 'grub nges so.*

replied that Tibet as the religious “priest” is more “precious” and important than its secular “patron” China which, among all other things mentioned, has violated the ancient oath on friendship and nonaggression. This type of narrative evokes the religious imagery and primes Tibetan readers to perceive communist China not just as a traitor and an aggressor, but as a religious antagonist, i.e., an enemy of Buddhism.

In the same newspaper issue, Tharchin continued elaborating on the construction of the image of historically independent Tibet in the article entitled both in Tibetan⁴⁵¹ and in English as a “Humble Proposal for Admittance into the U.N.O.”:

Last year, the Nepalese government submitted a petition [asking] to allow to admit [their] representative to the United Nations. The replies of the Nepalese government for the numerous questions of the United Nations were published in [*The Tibet Mirror*] newspaper issue earlier. The Tibetan government most likely have not submitted a similar petition to the United Nations.

[No matter whether] Tibet was or was not independent in ancient times, earlier in 1856, there was a war between Nepal and Tibet. The Tibetan government decided on its own to negotiate an agreement with the Nepalese government. Because the points of that agreement are lived up to till present, Tibet seems to have been paying and is still paying to the Nepalese government 100,000 rupees⁴⁵² every year.

Later on, in the Wood-Dragon Year, the year of 1904 according to the Western style, England—the country which has power in the world, [which has] wealth, prosperity, and strong weapons—sent a military expedition to Tibet. At that time, the Tibetan government [had] very poor troops and weapons and was, by all means, weaker in [terms of] military drills and military strategy. However, all know that in order to defend their motherland, [their] independent country, [Tibetans] bravely attacked the army of this powerful and wealthy country. Please take a look once more at the old news in the newspaper issue from the previous month. [I] published [there] what was written in a book regarding the situation when England attacked Tibet. The treaty signed between England and Tibet when English soldiers arrived in the Tibetan state is also proof that Tibet was independent.

Although at that time, a Chinese imperial amban with security guards remained in Lhasa for the protection of the Dalai Lama, owing to [the fact that] Tibet was independent, not only

⁴⁵¹ Tib. *'dzam gling spyi tshogs su 'tshud pa'i rmongs 'char*.

⁴⁵² Tib. *sgor mo*, a basic currency unit which can refer to any currency, e.g., a dollar/rupee/pound/yuan/etc. (Goldstein 2004: 280). In this case, the *sgor mo* probably refers to Nepalese rupees.

did [the amban] not provide [any] military support but [he] also did not interfere in the [process of] signing the treaty.

What is [wrong] with the [the Chinese] paying the [Tibetan] indemnity to England? Since the Dalai Lama was the religious guru of the [Chinese] emperor, China belonged to his religious subjects. If for the root guru, in whom [one] seeks refuge in this life and the next, one has to sacrifice even one's own life, what is to be surprised at in the [Chinese] indemnity payment?

After—as a result of the national uprising in China—the great emperor was brought down from the throne, the amban with [his] soldiers and retinue placed by the emperor to protect the Dalai Lama were expelled from Tibet.

Also, in 1914, representatives of the British government of India, the Chinese and Tibetan states gathered in Simla. When [they] were signing the agreement, the reason why England had to perceive Tibet in the shadow of China—or what is called “*suzerainty*”⁴⁵³ in English—is [because] at that time, this kind of perception [of Tibet] was needed for the own benefit of England. Nevertheless, the meaning of “*suzerainty*,”⁴⁵⁴ perhaps, did not render [the meaning] that [Tibet] was part of the Chinese territory or that it was a subject territory of China.

The Chinese government neither determined [the conditions] of that agreement [nor] even alter it. Moreover, the Chinese government did not act according to the points of the agreement, and in 1918 and later—quite a lot of times—there was even fighting on the Sino-Tibetan border. Besides, [the] communities in Kham, which were included in the Chinese territories, also many times rebelled and fought against China.

All know that in Tibet, there were foreign offices of independent countries and defense forces, as well as own national coins, banknotes, and postage stamps—all issued by the Tibetan state.

After the Chinese people made the emperor abdicate, China was no longer the patron in the priest-patron relationship. However, in 1934—after the death of the 13th Dalai Lama—the Chinese government, having sent its representatives for the [purpose of] friendly relations with the adjacent countries [and] in order to honor the death [of the 13th Dalai Lama], established a [Chinese] office in Lhasa. In the same way, there was also established an office of the Indian government. Last year [1949], according to the [Tibetan government's] order to deport [representatives of] the Chinese office, [the Chinese officials] were sent back.

In short, it is certain that Tibet is an independent country. Therefore, would it not be good if foreign countries, having considered [well], think of a way to admit [Tibet] into the United

---

⁴⁵³ The term “*suzerainty*” is written in English in the text of the article.

⁴⁵⁴ The term “*suzerainty*” is written in English in the text of the article.

Nations and provide help and support so that there will not be any harm done to the Religious State?

This was humbly written by the publisher of a newspaper who is immensely loyal to Tibet.

If there is a mistake, please forgive [me].⁴⁵⁵

Tharchin continues to unveil his perspective on the most crucial details in the history of Sino–Tibetan relations. He presents a compilation of nine additional facts aimed to support his metanarrative of Tibetan independence, after which he ends with a resolute statement that “it is certain that Tibet is an independent country.”⁴⁵⁶ In addition to that, the editor repeats three more times within the same article that earlier, Tibet also used to be independent (Tibetans fought “to defend their motherland, [their] independent country,”⁴⁵⁷ “proof that Tibet was independent,”⁴⁵⁸ “owing to [the fact that] Tibet was independent”⁴⁵⁹).

If one refers to other sources on Tibetan history, it becomes obvious that some of the facts offered as “proof” of Tibetan independence do certainly not look so definitive as Tharchin would like to present them to his readers. To persuade his readers that Tibet was independent, the editor decontextualizes the facts. For instance, Tharchin avers that since the Chinese amban neither provided the military support to the Tibetan government during the British military expedition to Tibet in 1903–1904, nor did he interfere when the 1904 Anglo–Tibetan Convention was signed, this treaty serves as proof of Tibetan independence. However, Tharchin’s depiction of the events must be supplemented with additional historical data.

First of all, the 1904 Anglo–Tibetan Convention was signed by the Tibetan officials left in charge by the 13th Dalai Lama, who—instead of negotiating with the British himself—decided to flee to exile in Mongolia. Secondly, the Lhasa amban is reported to refuse to sign that convention. Thus, since Tibet was not Britain’s dependency or a recognized independent country, the legitimization of the Anglo–Tibetan Convention of 1904 had to be secured from China.⁴⁶⁰ This being so, two

⁴⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5.

⁴⁵⁶ Tib. *bod rang btsan rgyal khab yin nges brtan*.

⁴⁵⁷ Tib. *rang ljongs rang dbang rgyal khab bsrung skyobs ched du [...] dpung rgol bgyis*.

⁴⁵⁸ Tib. *bod rang dbang yin pa'i rtags*.

⁴⁵⁹ Tib. *bod rang dbang yin stabs*.

⁴⁶⁰ Goldstein 1997: 25.

years later, Britain and China—not bothering to run their decision by the Tibetan government—signed the Anglo–Chinese Convention of 1906, which, in the opinion of contemporary Tibetologists, reaffirmed “China’s legitimate authority over its dependency Tibet.”⁴⁶¹ Moreover, according to this latter convention, China took upon itself the fulfillment of the provision of the 1904 Anglo–Tibetan Convention and paid the indemnity to Britain instead of Tibet. For the declining Qing Empire at the time, this was hardly a gesture of pious service to its spiritual leader, but rather a practical measure ensuring a swift withdrawal of British troops from Tibet. It is also important to underline that, for his decision to go to exile in Mongolia, the Dalai Lama had been stripped of his titles by the Chinese emperor and was summoned to the Qing court in 1908 before he could return to Lhasa.⁴⁶²

A similar ambiguous episode interpreted by Tharchin in favor of Tibet’s independence is a reference to the negotiations in Simla. The tripartite talks in 1913–1914 did not result in the official recognition of Tibet as an independent state. The main points of the negotiated convention dealt with the promise of Britain not to annex Tibet and the division of Tibet into “Inner Tibet,” which was subordinate to China, and autonomous “Outer Tibet” under the Chinese suzerainty.⁴⁶³ As the final agreement was not reached and the draft of the convention was not ratified, on July 3, 1914, the British and Tibetan representatives signed a bilateral note that bound them to the terms of the unsigned Simla Convention, while China was officially banned from enjoying any benefits of the convention until it signed it.⁴⁶⁴ But China neither recognized nor ever followed the Simla Convention.⁴⁶⁵ Tharchin repeatedly referred to the Simla Convention in his publications in *The Tibet Mirror*. According to the editor, the Simla Convention had a paramount importance for proving the independence of Tibet. All eight issues of the very last Vol. XXVIII of *The Tibet Mirror* published in 1963 contain an article with the text of the Simla Convention and the accompanying pro-nationalist commentaries made by Tharchin. The fact that

---

⁴⁶¹ Goldstein 1997: 25; Powers and Templeman 2012: 642.

⁴⁶² Kapstein 2006: 170.

⁴⁶³ Kapstein 2006: 172; van Schaik 2011: 194.

⁴⁶⁴ Kychanov and Melnichenko 2005: 224–225.

⁴⁶⁵ Goldstein 1997: 34.

Tibet signed the bilateral note with the British government, while China refused to sign the convention which openly stated that Tibet was under the Chinese suzerainty is still used by pro-Tibetan authors as proof of Tibet's right to independence from China.⁴⁶⁶

In the beginning of the article, the editor of *The Tibet Mirror* offers his assessment of the Tibetan–Nepalese conflict in 1855–1856. In Tharchin's words, the Tibetan government “decided on its own to negotiate an agreement with the Nepalese government.”⁴⁶⁷ As an implication of this statement, one can read that the Qing government did not help Tibet or interfere in its war with Nepal, which became a rather popular conviction in the Tibetan diaspora. However, the American Tibetologist M. Kapstein contends that the decision on holding talks with the Nepalese was made by the Chinese amban stationed in Lhasa.⁴⁶⁸ In spite of the agreement reached, the Nepalese decided to continue their attack and completely defeated Tibetans, thus forcing Tibet to sign a peace treaty on Nepalese terms. As a result of the conflict, a Nepalese embassy was opened in Lhasa, Nepalis living in Tibet were provided with an extraterritorial status, and Nepali merchants were given a right to trade freely.⁴⁶⁹ Moreover, the Tibetan government had to pay an annual indemnity to Nepal. Given that, the most distorted part of Tharchin's narrative is the amount of Tibetan indemnity. The editor gives the ten-times exaggerated digit of “100,000”⁴⁷⁰ for the indemnity paid to the Nepalese government. Obviously, the bigger the numbers, the more impressive they appear. Accusing Chinese communists of exaggerating the facts,⁴⁷¹ Tharchin did not run short of regular overstatements himself.

Tharchin discussed the Tibetan–Nepalese treaty in other publications in *The Tibet Mirror*. For instance, when the advancement of the PLA into eastern Tibet was anticipated in October 1950, the editor assured his readers that, as per the Tibetan–

---

⁴⁶⁶ Powers and Templeman 2012: 243.

⁴⁶⁷ Tib. *bod gzhung nas gor gzhung dang chings bsgrigs kyis rang thag bcad*.

⁴⁶⁸ Kapstein 2006: 164.

⁴⁶⁹ Powers and Templeman 2012: 261.

⁴⁷⁰ Tib *khri phrag bcu tham pa*.

⁴⁷¹ E.g., see *Melong* vol. XXV, no. 12, May 1959: 5, 8.

Nepalese treaty, “if Tibet gets attacked by other foreign state, the Nepalese government will provide its military help [to Tibet].”⁴⁷² However, to give a fuller idea of Tibet’s historical past, one should say that, apart from the Tibetan–Nepalese conflict in 1855–1855, Nepal also invaded Tibet earlier, in 1788. At that time, the Tibetan government could not defend Tibet on its own and the war ended only when the Chinese emperor sent an army of 70,000 soldiers to help his Tibetan vassal.⁴⁷³ The Tibetan–Nepalese conflict in 1788–1792 also ended with signing of a peace treaty, but the terms of that treaty were stipulated by the Chinese government. The Nepalese kingdom became a tributary of China and in 1792, the rights of Chinese ambans in Tibet were upgraded to an equal status of that of the Dalai Lama.⁴⁷⁴ Nevertheless, Tharchin avoids mentioning of this episode of Tibetan history since the Tibetan–Nepalese War of 1788–1792 does not fit the image of independent Tibet which he aimed to construct in *The Tibet Mirror*.

As for the Chinese Mission established in Tibet in 1934, in Tharchin’s interpretation, it was similar to the Indian Mission there. The implication of this statement suggests that India does not try to claim its power over Tibet, therefore, China has no right either. Besides, the editor draws the attention of his readers to the fact that in 1949, according to the decree of the Tibetan government, representatives of the Chinese government were expelled from Tibet. Tharchin explains the purpose of Huang Musong’s⁴⁷⁵ mission to Lhasa by the will of China to pay respects to the late 13th Dalai Lama and to reaffirm China’s friendship with Tibet. Unlike the editor of *The Tibet Mirror*, the American Tibetologist M. Goldstein interprets the purpose of Huang Musong’s mission to Lhasa and its role in Sino–Tibetan relations quite differently.⁴⁷⁶ In the words of M. Goldstein, Huang Musong’s mission was “a major attempt to reassert Chinese authority over Tibet” after the Xinhai Revolution and the proclamation of independence of Tibet made by the 13th Dalai Lama in 1913.⁴⁷⁷

---

⁴⁷² Tib. 'das lo 1856pa'i nang gor bod gnyis kyi chings don nang gsal gal srid bod la phyi rgyal su zhig nas dpung 'jug byed na gor gzhung nas dpung rogs byed rgyu yin.

⁴⁷³ Goldstein 1997: 19; Powers and Templeman 2012: 260.

⁴⁷⁴ Kapstein: 158, 190.

⁴⁷⁵ Chin. 黄慕松; 1883–1937.

⁴⁷⁶ Goldstein 1992: 213–214.

⁴⁷⁷ Goldstein 1992: 213.

Even though the 13th Dalai Lama failed to achieve the international recognition of Tibet's independence, since 1913, he attempted to pursue a policy of Tibet's *de facto* independence from China. M. Goldstein argues that Chiang Kai-shek considered Tibet an integral part of the Republic of China, but the Chinese government sought to obtain an official confirmation from Tibet that it recognized itself as part of China.⁴⁷⁸ At the same time, bled dry by the war with China in eastern Tibet, the Tibetan government was aware of the extremely high cost of maintaining the *de facto* independent status of Tibet and considered desirable a possible rapprochement with the new republican government of China, therefore, the arrival of the Chinese mission to Lhasa in 1934 was awaited by Tibetan officials "with hope and trepidation."⁴⁷⁹ As a result of negotiations held by Huang Musong and the Tibetan government, no agreement on the status of Tibet was reached, but in order to be able to maintain the Sino-Tibetan dialogue, the Tibetan officials allowed several Chinese representatives to remain in Lhasa and thus facilitated the conditions for the establishment of the Chinese Mission there.⁴⁸⁰ M. Goldstein describes Huang Musong's mission as "an enormous tactical success" of the Republic of China, owing to which the Chinese government not only managed to improve the attitude of Tibetan officials and clergy towards China, but also demonstrated to the whole world that China had restored its presence and power in Tibet.⁴⁸¹

The last point to be mentioned regarding Tharchin's ideas for the petition for Tibet's admission to the United Nations is the image of Tibet. At first, the editor tries to convince his recipients in the centuries-long independence of the Tibetan state and the highly developed patriotic spirit of the people of Tibet. Idealizing the sense of national identity of the inhabitants of the Tibetan Plateau, Tharchin states that at the time of the military expedition of F. Younghusband, despite the poor armament, Tibetans "bravely attacked" the British, an army of such "a powerful and wealthy country" because they fought in the name of saving "their motherland" and

---

⁴⁷⁸ Goldstein 1992: 214, 224.

⁴⁷⁹ Goldstein 1992: 224.

⁴⁸⁰ Goldstein 1992: 241.

⁴⁸¹ Goldstein 1992: 245.

their independence.⁴⁸² However, for a conclusion to his lengthy historical narrative Tharchin chooses a rhetorical question that portrays Tibet as an independent but weak “religious state,” which is in need of help from the outside world: “Would it not be good if foreign countries, having considered [well], think of a way to admit [Tibet] into the United Nations and provide help and support so that there will not be any harm done to the Religious State?”⁴⁸³ Upscaling the discourse on Tibetan independence to a whole new level, Tharchin engages in the internationalization of the Tibet Question and appeals to the world to admit Tibet into the UN, that is, to recognize the independence of Tibet.

Another illustrative example of Tharchin’s creative approach to interpreting facts related to the history of Sino–Tibetan relations and compiling a compelling collection of “evidence” of Tibet’s independence can be found in a voluminous publication in *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2 dated June 1, 1954. Employing a rhetorical question for the title of the article “In What Way Is Tibet a Chinese Territory?”,⁴⁸⁴ the editor lists ten points which, in his opinion, prove the historical independence of Tibet from China:

1. The Chinese government made [it so] that Tibet [now] is the Chinese territory in all respects. Although it is said that earlier, Chinese army controlled [the territory] up to Lhasa, in the royal genealogies of China and Tibet, there are well-known historical records which [describe how] in the past, hundreds of thousands of Tibetan soldiers controlled [the territory] up to the Chinese capital Beijing. Therefore, I ask to prove [that] now. [Please] think, can one say that China was under the Tibetan jurisdiction when Tibetans had the military power?
2. The Mongol or the Mongolian ruler named Khubilai Khan [1215–1294] who is from the lineage of the Mongolian ruler Genghis Khan [c.1162–1227], moved his capital from Karakorum in Mongolia to Beijing. Based on [that fact], the Chinese government argues that Tibet is a Chinese territory. As for that, at the time, China itself was under the power of the Mongolian ruler. Moreover, Korea, Russia, Tibet, different states of the Middle East, and different states of Eastern Europe were under the Mongolian rule. The Mongolian ruler only

---

⁴⁸² Tib. *bod gzhung dpung dmag go mtshon ha cang zhan khar dmag rtsed dmag byus sogs gang ci nas stobs zhan pa zhis yin rung rang ljongs rang dbang rgyal khab bsrung skyobs ched du rgyal khab stobs 'byor gyi dpung dmag dang dpa' rtsal snying stobs chen pos dpung rgol bgvis.*

⁴⁸³ Tib. *phyi rgyal mams nas dgongs bzhes thog 'dzam gling spyi tshogs su 'tshud thabs bsam chos ldan rgyal khab la nyes skyon gang yang mi 'byung ba'i rogs ram brgyab skyor gngang na mi legs sam.*

⁴⁸⁴ Tib. *bod rgya khongs ji ltar yin.*

moved his capital to China, [but], when the Mongolian state was central, [he] ruled over China and other [territories] indirectly. In the end, at the time of the so-called “Yuan dynasty,” which was established by Khubilai Khan, the Chinese people rebelled against the Mongolian ruler and [Mongols] were finally expelled. Precisely at that time, there was no reason left to argue that Tibet was the Chinese territory and these [disputes] became baseless.

3. At the time of the Mongolian ruler Godan Khan [1206–1251], the grandson of the ruler Genghis Khan, 'Gro mgon Chos rgyal 'Phags pa [1235–1280] from Sa skya was invited to Mongolia. At first, [he] was presented with the thirteen *khri skor*⁴⁸⁵ of Dbus and Gtsang and then, later, with the Tibetan *chol kha gsum*⁴⁸⁶—that is, the entire Dbus, Gtsang, Khams, and Stod. Therefore, the Tibetan lands were returned to Tibetan people. [When] the Chinese government contests [the fact] that Mongols gave back [the Tibetan lands], it is certainly a shameless exaggeration as big as a mountain, but the truth in it is [only] as big as a yak.

4. Also, the Mongolian ruler Gushi Khan Bstan 'dzin chos rgyal [1582–1655] gradually assembled all Tibetan lands up to Dar rtse mdo in the east and finally expelled the local governor from Gtsang. Ever since [Gushi Khan] offered the whole [territory of] Tibet to the Great Fifth Dalai Lama [1617–1682] and up till now, it has been so that there is an independent government [in Tibet].

5. Also, in 1913, the governments of the Republic of Mongolia and Tibet signed a treaty in Urga. In this treaty, [Mongolia and Tibet] mutually acknowledged that [their] governments had set free from the oppression of the Manchu emperor and [they] were independent. Moreover, [they agreed to] provide by all means the mutual help in [the times of both] peace and war.

6. According to the international practice of providing the proof of independence, [one can name the following things for Tibet]. The origin of Tibet, the [Tibetan] ethnic group, the [Tibetan] language, and any of the ancient [Tibetan] traditions do not resemble the Chinese [ones]. Moreover, [there were] independent [Tibetan] border defense troops, banks, postal [system], and foreign missions. For many years, it has been well-known that [Tibet] became an independent state.

7. Furthermore, large countries bring under their rule the small ones with the help of their military might. Later, when as a result of the revolt [the small country establishes its] own government, its independence is respected. According to this tradition, since the Water-Ox

---

⁴⁸⁵ Tib. *khri skor*. As a term for denoting the Tibetan administrative units, *khri skor* was introduced in Tibet by the Mongols during the Yuan dynasty and referred to a myriarchy of households (Yang 2016: 557). Although *khri sde*, the equivalent of the term *khri skor*, is mentioned in the documents dated as early as the 8th–9th centuries, at that time, it was not used to denote the subdivisions of Tibet proper (Petech 1990: 50).

⁴⁸⁶ Tib. *chol kha gsum*. For more information on the Tibetan term *chol kha gsum*, see the subsection 2.2.3.5. *Constructing the Image of the Self*.

Year [1913], when Tibetans drove out Chinese soldiers, and until now, for about forty years [Tibet] has been independent. During that time, the Indian government, the Chinese government, the Nepalese government, and the Mongolian government—all recognized the treaty [signed in Urga] alongside with [the fact] that Tibet was independent. What kind of additional proofs are needed?

8. In 1947, right after the establishment of the new Indian government, Tibetan representatives even arrived with passports [issued by their] own [Tibetan] government to a public conference meeting of independent Asian countries. After that, the trade representatives of the Tibetan government and [their] leader went with those passports [issued] by their own government to America, England, Italy, France, Switzerland, and China. At that time, they asked to acknowledge the fact [of using Tibetan passports] and thus achieved [a recognition of] the full independence [of Tibet], which became well-known to the whole world.

9. We, the Tibetan people, even in our thoughts, have not [ever] considered placing the Tibetan state under the rule of anyone and, in particular, [we have] never wanted to go under the rule of China. Even if one asks a Tibetan beggar, it is easy to learn that. Besides, all Tibetans in their motherland in all respects certainly managed [well] in [terms of] food and clothing and were fully satisfied with their freedom and peace. Since there was no oppression of any foreign country on the Tibetan territory, [Tibetans had] no wish [to be] liberated. [Now,] being in the extremely desperate straits, even the standard of living of all Tibetan people speaks for itself [asking] for the withdrawal of the so-called “liberation troops.” [The Chinese communist government] replies to [Tibetan] appeals regarding their difficulties with a reinforcement of the oppression. As you know, there is no agreement with people’s wishes. If [Tibetans] must be liberated, then the Chinese government will set Tibetans free one by one without [any] tricky interfering and, having inquired what kind of freedom is needed for [Tibetans], will act in accordance with the common international practice. According to the wish of every Tibetan, [the Chinese government] and equal representatives of different countries will arrange a vote. Only [then] everything will certainly be all right.

10. The [Sino-Indian] Agreement [of 1954], which has recently been signed in Beijing without representatives of the Tibetan government, was to demonstrate that there is no point in the so-called “Tibetan government.” Earlier, the trilateral agreement on Tibetan freedom [i.e., the Simla Convention] compiled by Great Britain, China, and Tibet was signed by the Chinese representative, but because he [the Chinese representative] did not seal it, [that agreement] is said to be not valid. However, [China] had to reckon with the amendments in

[the bilateral] agreement on Tibetan independence which was separately signed by Great Britain and Tibet [instead of the trilateral Simla Convention].

In that [bilateral Tibetan–British agreement], “the ruler of the entire India the great king of England” was written and, since there is now a new Indian government, [some people] assume that this agreement is not valid. Since Indian independence emerged at the behest of Great Britain, [Indian] legacy is not different [from that of British India]. Therefore, all undertakings have been and continue to be valid as they were at the times of British [India] without [a need] to make [any] special amendments.

When India gained independence, although [it] promised the Tibetan government to abide by the Simla Convention, [it] did not respect the agreement, which is what I am extremely sad about. Be that as it may, the [bilateral] agreement signed by Great Britain and Tibet in Simla is a genuine treaty proving the independence of Tibet. Therefore, it [the Simla Convention] must certainly be abided by.

Also, suppose that that the [bilateral Tibetan–British] agreement had not [been] signed. However, if the trilateral Simla Convention signed by Britain, China, and Tibet is to be abided by, then the armed invasion of the territory of Tibet launched by the Chinese government violates international law in general and clauses of the Simla Convention in particular. Look at it [the Simla Convention]!

Moreover, the Chinese government forced Tibetans to sign the so-called “17-Point Agreement” in Beijing against the wish of Tibet, thereby violating the fifth article of the Simla Convention.

[There are] reasons why the Simla Convention had to be abided by earlier and why it is necessary to abide by it now. The agreement signed in Lhasa in 1904 [the Lhasa Convention] had to be signed because the British troops pressured Tibet. [As for the Trade] Agreement signed in Calcutta in 1908 when the previous incarnation of the Dalai Lama was at Kumbum Monastery, the Tibetan government did not vest the Tibetan representatives with a right [to sign it]. Since the Chinese were pressuring [Tibet], the Tibetan government obeyed saying that it was not possible to honor both of the above-mentioned agreements. Then, as the Tibetans were weaker in terms of military might at the time, the Chinese government unilaterally attacked [Tibet]. Because of this, the previous incarnation of the Dalai Lama went to India and negotiated on a step-by-step basis with the British government. The details of those [negotiations] were later [applied] during [the process of] signing of the Simla

Convention, therefore, it is extremely important to respect [the terms of] both⁴⁸⁷ agreements.⁴⁸⁸

Tharchin published this article in June, after India and China had already signed the Agreement on Trade and Intercourse between Tibet Region of China and India on April 29, 1954. Both the negotiations in Beijing and the signing of the agreement were arranged bilaterally without Tibetan representatives, thus marking India's formal recognition of Chinese sovereignty over Tibet.⁴⁸⁹ Since relations between the Tibetan government and the Chinese communist government were rather cordial at the time, the 1954 Sino–Indian Agreement did not cause much dissent or even objection in Tibet.⁴⁹⁰ However, this agreement shocked the politically active Tibetan *émigré* in India, including the 14th Dalai Lama's brother Rgyal lo Don 'grub who still secretly hoped to secure Tibetan independence and encouraged the Tibetan opposition to confront the PRC from the territory of India, which eventually led to cooperation with the Indian intelligence and obtaining some financial support from India.⁴⁹¹ M. Goldstein claims that the organization of effective propaganda and struggle for the independence of Tibet from the territory of India involved among other things the dissemination of relevant information in a Tibetan-language newspaper.⁴⁹² Since there were only two Tibetan-language newspapers in India in 1954 (namely, *The Tibet Mirror* and the *La dwags pho nya* which focused on propagating the Christian gospel), one can conclude that it was precisely *The Tibet Mirror* and the cited above article on the history of Tibet that served the purpose of the Tibetan *émigré*'s ideological struggle for Tibetan independence.

Although in this article, Tharchin also ignores a rather long list of important historical events that could compromise the metanarrative of independence constructed by him, one can notice that he nevertheless does not jump chaotically

---

⁴⁸⁷ It is not clear why Tharchin wrote “both agreements.” It is hard to say whether the editor referred to both Simla Agreements—i.e., the one that China had not ratified and the one that Britain and Tibet had signed bilaterally in Simla—or whether he referred to the 1904 and 1908 Agreements, which were also mentioned by him in the text of this publication.

⁴⁸⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954: 10–12.

⁴⁸⁹ Goldstein 2007: 469.

⁴⁹⁰ Goldstein 2007: 471, 474.

⁴⁹¹ Goldstein 2007: 470–472, 477.

⁴⁹² Goldstein 2007: 475.

back and forth between the centuries as he did in his two articles in *The Tibet Mirror* issue dated September 1950 which were analyzed earlier in the present subsection of the dissertation. One must also admit that some of Tharchin's statements on Tibetan history in this article are viable, especially if they are properly explained or, at least, clarified. Yet some of the facts cited by Tharchin as proof of Tibet's independence from China distort the historical reality.

For example, in the first paragraph of the article, Tharchin emphasizes the military might of the Tibetan Empire (7th–9th centuries) that successfully fought the Chinese Tang Empire (7th–10th centuries). The editor of *The Tibet Mirror* states that Tibetans used to control the territory up to the Chinese capital Beijing. On the one hand, there is truth in Tharchin's statement, because in 763, the Tibetan army did indeed occupy the Chinese capital for 15 days.⁴⁹³ But, at the same time, one should clarify that the capital of the Tang Empire at that time was another city called Chang'an (Xi'an at present) and the toponym "Beijing" was coined only in the 15th century. Based on a single statement about the military success of the Tibetan army during a particular historical period, Tharchin finishes the first paragraph of the article with a generalizing rhetorical question which expands the area for polemics on the political status of Tibet: "Can one say that China was under the Tibetan jurisdiction when Tibetans had the military power?"⁴⁹⁴

Carrying on in the chronological order, the editor moves from the imperial period to the Yuan dynasty (13th–14th centuries). Focusing the attention of readers on the Mongolian origin of the Yuan dynasty and its overthrow by the Chinese themselves, Tharchin fends off imaginary objections made by pro-Chinese historians about the continuity of a line of succession of the ruling dynasties of China and qualifies as "baseless"⁴⁹⁵ the assertion that Tibet was part of China during the Yuan dynasty. The editor argues that "Korea, Russia, Tibet, different states of the Middle East, and different states of Eastern Europe were under the Mongolian

⁴⁹³ Kychanov and Melnichenko 2005: 55.

⁴⁹⁴ Tib. *gal te bod par dpung stobs yod tshe rgya nag bod kyi khongs yin ces brjod chog gam.*

⁴⁹⁵ Tib. *rtsa med.*

rule,⁴⁹⁶ therefore, one reads the only logical implication of this: if Tibet was part of some other state back at the time, then it was the Mongolian state, but not the Chinese one.

Since in 1954, when Tharchin published this article, the Mongols had long lost any interest in claiming their right to Tibet, the editor does not see it as a problem that his reasoning in support of Tibetan independence clearly depicts the Mongolian figures—Khubilai Khan (1215–1294), Godan Khan (1206–1251), and Gushi Khan (1582–1655)—as the key protagonists in the Tibetan political arena who managed to return the Tibetan lands and who centralized the political power in Tibet. Furthermore, in Tharchin’s narrative, after Gushi Khan “offered the whole [territory of] Tibet to the Great Fifth Dalai Lama and up till now,”⁴⁹⁷ Tibet has been continuously ruled by its own independent government of the Dalai Lama. However, if a reader compares Tharchin’s statements with the research of contemporary historians, the reader will learn that, as a matter of fact, having presented the territory of Tibet to the 5th Dalai Lama, Gushi Khan declared himself the king of Tibet and from the 17th century onwards until 1959, “no Tibetan government was able to rule” Tibet “without either active or tacit military support from outside.”⁴⁹⁸

Further elaborating on the topic of Tibetan–Mongolian relations, Tharchin points out that in 1913, Tibet and the “Mongolian Republic”⁴⁹⁹ signed an agreement on mutual recognition of each other’s independence, which it is partially true. The Mongolian People’s Republic was proclaimed only in 1924, but in January 1913, the Treaty of Friendship and Alliance between the Government of Mongolia and Tibet was indeed signed in Urga. On behalf of Tibet, the treaty was negotiated by the representative of the 13th Dalai Lama Agvan Dorjiev (1853–1938) who was officially a subject of the Russian Empire, that is why, the validity of the Mongolian–Tibetan treaty is often questioned.⁵⁰⁰ Besides, according to the British diplomat H.

⁴⁹⁶ Tib. *ko ri ya/ u ru su/ bod/ shar dbus ma’i rgyal khab khag/ yu rob shar phyogs kyi rgyal khab khag bcas sog pa’i mnga’ og tu yod.*

⁴⁹⁷ Tib. *bod yongs rdzogs rgyal dbang rgyal dbang lnga pa chen por phul pa nas da bar rang dbang gi gzhung dang bcas yod pa de ltar yin.*

⁴⁹⁸ Powers and Templeman 2012: 35.

⁴⁹⁹ Tib. *sog po’i mi ser rgyal khab.*

⁵⁰⁰ Mehra 2003: 175.

Richardson, later on, when the 13th Dalai Lama discussed the treaty with representatives of the British Empire, he did not want to create the impression that Tibet was more predisposed to rapprochement with Russia than with Great Britain, for this reason the 13th Dalai Lama denied the official status of the Mongolian–Tibetan treaty of 1913 and defined it himself not as “a regular treaty,” but rather a symbolic “exchange of friendly assurances.”⁵⁰¹

In the seventh paragraph of the article, Tharchin reassures his readers that the 1913 Mongolian–Tibetan treaty has been recognized by other states, namely by the governments of India, Nepal, and even China. But this is not true. The Mongolian–Tibetan treaty of 1913 was not recognized by the international community, nor was it recognized by the British Empire, to which the government of British India was officially subordinated in 1913.⁵⁰² Although Tharchin finishes the seventh paragraph with another rhetorical question asking “what kind of additional proofs [of independence] are needed”⁵⁰³ after all mentioned by him already, the editor of *The Tibet Mirror* nevertheless chooses to enhance the portrayed picture of independent historical past of Tibet with three more voluminous paragraphs.

In the eighth paragraph of the article, Tharchin suggests two other controversial historical events as proof of Tibetan independence: the participation of Tibetans in the Asian Relations Conference and the tour of the Tibetan trade delegation. In 1947, a Tibetan delegation attended the Asian Relations Conference in New Delhi. At the opening ceremony of the conference, the flag of independent Tibet and a map depicting Tibet as separate from China were displayed, but it prompted an immediate protest of the Republic of China and the removal of the Tibetan flag and the map.⁵⁰⁴ Thus, one cannot claim that Tibet was recognized as an independent state from China at the Asian Relations Conference.

As for the tour of the Tibetan trade delegation in 1947–1948, M. Goldstein defines it as “one of the most controversial episodes in modern Tibetan history.”⁵⁰⁵

---

⁵⁰¹ Smith W. 1996: 185–186.

⁵⁰² Kychanov and Melnichenko 2005: 223.

⁵⁰³ Tib. *de lhag khungs bskyel ci la dgos*.

⁵⁰⁴ Shakya 2000: 2–3.

⁵⁰⁵ Goldstein 1992: 570.

Apart from negotiating trade issues, members of the delegation were required to achieve the international recognition of their Tibetan passports, which the Tibetan government saw as tantamount to the recognition of the independent political status of Tibet.⁵⁰⁶ Having started their tour in India, Tibetan delegates then had to go to China and to use the Chinese passports which were issued for them by the Chinese Consulate in Calcutta specifically for the purpose of traveling.⁵⁰⁷ The British and American governments refused to issue visas to Tibetan passports in India and recommended members of the delegation to apply for their visas in China.⁵⁰⁸ Since the Chinese government protested against the use of Tibetan passports by the Tibetan delegation, Tibetan delegates decided to outwit the Chinese. After reassuring Chinese officials that they planned to return to Tibet from China via India, Tibetan delegates went to British Hong Kong, where they got rid of their Chinese passports, and after that managed to enter the United States (and later Great Britain) with their Tibetan passports.⁵⁰⁹ The Chinese protested against the incident and insisted that the Tibetan delegation must be accompanied in the United States and Great Britain by officials from the Chinese Embassy.⁵¹⁰ Thus, even though the Tibetan delegation succeeded in setting an interesting precedent with Tibetan passports, the Tibetans did not “achieve [a recognition of] the full independence [of Tibet]” as a result of their trip and the independence of Tibet did not “become well-known to the whole world,”⁵¹¹ as Tharchin argued in his publication. It is important to mention that until 1959, there was no standard form of an identification document for “Tibetan citizens” in Tibet, and the Tibetan government issued exactly four passports specifically for the purpose of traveling of the trade delegation abroad and setting this precedent.⁵¹² In the words of M. Goldstein, the visit of the Tibetan trade delegation to the USA and Great Britain did change neither the official British position on the status of

---

⁵⁰⁶ Shakya 1990: 107.

⁵⁰⁷ Goldstein 1992: 579–580.

⁵⁰⁸ Goldstein 1992: 576–578.

⁵⁰⁹ For more information on the trip of Tibetan delegation to the United States of America and Great Britain, see Goldstein 1992: 582–604.

⁵¹⁰ Goldstein 1992: 584–588.

⁵¹¹ Tib. *rang gzhung gi spA se bsnams te phebs skabs de dag gis de don ngos len zhus pa ni rang btsan gtsang ma yin pa'i sgrub rjes 'dzam ging yongs grags yin.*

⁵¹² Asfuroglu 2012: 53.

Tibet nor the American one, leaving Tibet as it is without the desired international recognition of its independence.⁵¹³

In the ninth paragraph of the article, the editor confidently declares on behalf of all Tibetan people that they have never wanted the “Tibetan state” to be under the rule of any other state and China, “in particular.”⁵¹⁴ Moreover, “all Tibetans in their motherland in all respects certainly managed [well] in [terms of] food and clothing and were fully satisfied with their freedom and peace,” but now, because of the “liberation” of Tibet by the PLA, the standard of living of Tibetan population has fallen dramatically.⁵¹⁵ To overcome the desperate economic problems, Tharchin proposes taking a very innovative initiative for the time and the place: the government of the PRC should “act in accordance with the common international practice” and arrange the voting “according to the wish of every Tibetan,”⁵¹⁶ thus providing Tibetans with a true freedom of choice—to be “liberated” by China or to be independent from China. It must be added here that, speaking on behalf of the entire Tibetan-speaking population under the Chinese communist rule, the editor exaggerates and distorts the historical reality. If one can generally agree with Tharchin’s statement on the unwillingness of the Tibetan government to be in a subordinate position to China, it is not entirely correct to speak so unambiguously about the opinion of people from eastern Tibet, for example. Unlike the editor of *The Tibet Mirror*, contemporary scholars argue that part of the population of eastern Tibet held in contempt the political rule of the Tibetan government of the Dalai Lama and advocated for autonomy or even closer ties with China.⁵¹⁷ Initially, many people in Kham viewed favorably the advancement of the PLA troops and the rise of Chinese communists to power, perceiving it as an opportunity for greater autonomy

---

⁵¹³ Goldstein 1992: 605.

⁵¹⁴ Tib. *rang re bod mi dmangs kyi 'dod par yang bod 'di rgyal khab su 'dra zhig gi 'og tu g tong sems cing / _lhag par rgya 'og tu nam yang 'gro sems med pa yin.*

⁵¹⁵ Tib. *bod mi tshang ma rang yul du zas gos gang sa nas khungs 'khyol nges dang / _rang dbang dga' bde chog shes chen pos gnas shing [...]* *bod mi dmangs yongs kyi skyid sdug gis kyang bcings dkrol dmag mi phyir 'then yod pa zhes 'u thug drag po.*

⁵¹⁶ Tib. *gal te bcings dkrol ci nas dgos kyi yod tshe rgya nag gzhung gis ngan g.yo the byus med par bod mi re re bzhin bcings dkrol dang / _rang dbang ci dgos zhes 'dzam gling spyi 'i srol dang mthun par btang snyoms rgyal khab khag gi sku tshab dang bcas bod mi so so 'i 'dod pa bzhin 'os tho bsdus tshe de kas 'grigs nges.*

⁵¹⁷ McKay 2003: 656; Hillman 2018: 719.

and freedom from the tax burden and conscription imposed on them by the Tibetan government.⁵¹⁸ M. Goldstein contends that in the mid-1940s, there were even many Tibetans in central Tibet, both among the clergy and secular officials, who wanted to restore closer relations with China.⁵¹⁹

In the tenth paragraph, the editor of *The Tibet Mirror* once again discusses at length the importance of the Simla Convention for the recognition of Tibet's independent political status. Although Tharchin admits that the Chinese representative did not affix his seal to the text of the Simla Convention, he nevertheless ambiguously refers to the convention as "signed by Britain, China, and Tibet."⁵²⁰ However, as it was stated earlier, the Simla Convention was neither ratified nor recognized by China and the Chinese government did not abide by it.

In the last paragraph of the article, Tharchin creates an illusion of Tibet's independence during the late Qing period, in particular at the time of signing of the Anglo-Chinese Trade Regulations in Tibet in April 1908 in Calcutta⁵²¹. The editor of *The Tibet Mirror* reports that back then, the 13th Dalai Lama was staying at Kumbum Monastery and the Tibetan government did not give its permission to Tibetan representatives to sign the text of the Trade Regulations. But this episode needs to be elucidated. First of all, the 13th Dalai Lama stayed at Kumbum Monastery in eastern Tibet from 1906 to 1908 by the order of the Chinese emperor. Having fled to Mongolia amid the British invasion of Tibet by F. Younghusband, the Dalai Lama had to wait in Kumbum until he would receive an official invitation for an audience with the Chinese emperor in Beijing in order to regain his right to return to Lhasa.⁵²² During the absence of the 13th Dalai Lama, the Qing ambans made attempts to Sinicize the Tibetan elite and to carry out pro-Chinese reforms in Tibet. In 1907, a Chinese school was opened in Lhasa and in 1908, they founded a Chinese military college.⁵²³ Besides, after China had paid in full the entire amount of the Tibetan

---

⁵¹⁸ Powers and Templeman 2012: 358.

⁵¹⁹ Goldstein 1992: 532.

⁵²⁰ Tib. *dbyin rgya bod gsum gyi bar bzhag pa 'i chings yig*.

⁵²¹ See van Walt van Praag 1987: 43.

⁵²² Goldstein 1992: 48.

⁵²³ Goldstein 1992: 47.

indemnity to Great Britain in accordance with the conditions of the Anglo–Chinese Convention of 1906, the representatives of China and Great Britain signed a new treaty on the trade regulations in Tibet, which tightened China’s control over the British–Tibetan trade.⁵²⁴ Having finally received the permission of the Chinese emperor, the 13th Dalai Lama returned to Lhasa in December 1909. But, having heard that an additional pull of Chinese troops was sent to Lhasa to ensure a proper control over Tibet, the 13th Dalai Lama fled to India, as a result of which he was stripped of all his titles again.⁵²⁵ Chinese troops had withdrawn from central Tibet only after the Xinhai Revolution, in spring 1912, and in January 1913, the 13th Dalai Lama managed to return to Lhasa, which was free from Chinese officials and troops for the first time since the 18th century.⁵²⁶ This being so, even after the Xinhai Revolution, the Chinese did not leave the territory of eastern Tibet, where armed clashes between the Chinese and the Tibetan-speaking population occasionally took place.⁵²⁷

The sixth paragraph of the article also deserves to be discussed. In the sixth paragraph, Tharchin makes another generalizing statement regarding the entire Tibetan-speaking population of the PRC by claiming that the origin of Tibet and the Tibetan ethnic group, Tibetan traditions, the Tibetan language, and the Tibetan script “do not resemble the Chinese [ones].”⁵²⁸ The renunciation of ties with China and the alienation of Chinese culture became an important part of the metanarrative of Tibetan independence. The image of the Self was constructed through comparison to the Other and distancing from it. The editor of *The Tibet Mirror* smoothed out the existing diversity of myths, dialects, social structures, religious practices, and rituals across the vast area of ethnic Tibet and created a collective image of all Tibetan-speaking peoples as one Tibetan nation.⁵²⁹ In the context of the sixth paragraph, it is interesting to observe that the 14th Dalai Lama was born in an area in eastern Tibet

---

⁵²⁴ Kychanov and Melnichenko 2005: 215.

⁵²⁵ Goldstein 1992: 51–52.

⁵²⁶ Goldstein 1992: 59.

⁵²⁷ Goldstein 1992: 65.

⁵²⁸ Tib. *bod yul gyi chags tshul dang / mi rigs/ skad yig/ sngar srol gang ci rgya nag dang 'dra ba min.*

⁵²⁹ For more on the heterogeneity of ethnic Tibet, see Samuel 1993: 39–114. For a discussion of myths, see Powers and Templeman 2012: 13.

where ethnically Tibetan population spoke a dialect of Chinese interspersed with Tibetan vocabulary, as a result of which the Dalai Lama himself refers to Chinese as his first language.⁵³⁰ The idea of a single Tibetan nation with homogeneous Tibetan culture different from, or even alien to, that of the Chinese was repeatedly propagated by Tharchin in his publications in *The Tibet Mirror*, the additional examples of which will be presented further in the second chapter of the present dissertation.

Tharchin elaborated on the topic of proofs of Tibetan independence not only in his textual publications, but also in the form of visual materials. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6 dated November 1958, the editor published the following illustration with a caption:

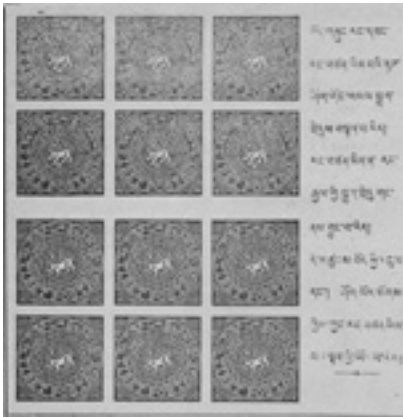

Fig. 1. Tibetan postage stamps (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958: 2).

Among the evidence [proving] that the Tibetan government was independent, there are postage stamps demonstrated here. If [Tibet] had not been independent, where did its own state postage stamps come from? Similarly, [Tibetan] coins and banknotes also serve as [proof] that [Tibet] is independent.⁵³¹

After F. Younghusband's military expedition to Tibet in 1903–1904, Indian postal stations were established along the Indian trade route to Lhasa and Tibetan postal items were sent abroad stamped with Indian stamps.⁵³² Having noticed the growing

⁵³⁰ Powers and Templeman 2012: 6.

⁵³¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958: 2.

⁵³² Vladinets 1984: 75.

British influence in Tibet, the Qing Empire did not step aside: in 1910, Chinese postal stations were established in Tibet and Chinese postage stamps were introduced respectively.⁵³³ However, after the Xinhai Revolution, Chinese post offices in Tibet were closed and in 1912, the 13th Dalai Lama, who had just returned from British India, initiated the modernization of Tibet that included among other measures the emission of first Tibetan postage stamps.⁵³⁴ In 1914 and 1933, two more emissions of Tibetan postage stamps were made.⁵³⁵ However, since the independence of Tibet was not recognized by the international community and Tibet was not a member of the Universal Postal Union, Tibetan postage stamps could have only be used at the territory of Tibet and were not valid abroad.⁵³⁶ Thus, the samples of Tibetan stamps of the 1914 emission⁵³⁷ presented by Tharchin in *The Tibet Mirror* can hardly qualify as a solid proof of the independence of Tibet.

A few words should be said about the Tibetan currency mentioned by Tharchin in his caption to the picture with Tibetan postage stamps. In the 17th century, Tibet used silver coins which were minted in Nepal.⁵³⁸ In 1763 and 1785, the Tibetan government issued its own coins for the first time.⁵³⁹ From 1792 until the 1830s, coins with inscriptions both in Chinese and Tibetan were mass produced in Tibet.⁵⁴⁰ From 1840 until 1954, the Tibetan government minted coins with inscriptions only in Tibetan.⁵⁴¹ In 1913, paper banknotes were introduced in Tibet for the first time.⁵⁴² However, according to the memoirs of A. David-Neel, a French explorer who visited Tibet in the first half of the 20th century, in the 1920s, Tibetan banknotes were still not widely used by the Tibetan population and Tibetan traders refused to accept them.⁵⁴³ Scholars report that Tibetan currency sometimes coexisted in Tibet along

---

⁵³³ Vladinets 1984: 74–75; Sawerthal 2018a: 41–42; Deb 2020: 5–9.

⁵³⁴ Vladinets 1984: 74–75.

⁵³⁵ Deb 2020: 7–8.

⁵³⁶ Sawerthal 2018a: 42.

⁵³⁷ Feldman 2017: 44.

⁵³⁸ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵³⁹ Ryavec 2015: 24.

⁵⁴⁰ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁴¹ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁴² Powers and Templeman 2012: 172.

⁵⁴³ David-Neel 1986: 268.

with other currencies.⁵⁴⁴ In the second half of the 19th century and the first third of the 20th century, British Indian rupees with the image of Queen Victoria were especially valued in Tibet and the people of Kham used them as their main currency.⁵⁴⁵ Apart from that, Tibetan currency had no value abroad, for example in India, that is why for trade purposes a barter was used there.⁵⁴⁶ In spite of introduction of Tibetan own coins and banknotes, the barter continued to be popular in many remote areas of the Tibetan Plateau too.⁵⁴⁷ Based on the very limited available data on the history of Tibetan currency circulation, one can conclude that at certain periods, the Tibetan government did issue its own currency, but there were also periods in the history of Tibet when Tibetan coins were minted with an inscription in Tibetan as well as in Chinese. Besides, there was no standardized and regulated use of Tibetan currency on the territory of the Tibetan Plateau which explained the need for barter and the circulation of Indian rupees and Chinese silver coins. Similar to Tibetan postage stamps, the fact of existence of Tibetan coins and paper banknotes cannot serve as an absolute proof of Tibet's independent political status throughout its history.

Summarizing the results of the analysis of publications on the historical past of Tibet in *The Tibet Mirror*, one can say that Tharchin constructed a narrative which was marked by distortion of historical reality and uncompromising reading of ambiguous facts in favor of the idea of Tibet's independence. In addition to misleading interpretations of historical facts, the editor strengthened the persuasive effect of his narrative with the help of various referential discourse markers (e.g., "... it is like that,"⁵⁴⁸ "because ...,"⁵⁴⁹ "due to ...,"⁵⁵⁰ "not only ...,"⁵⁵¹

---

⁵⁴⁴ Powers and Templeman 2012: 171.

⁵⁴⁵ Ryavec 2015: 24.

⁵⁴⁶ Powers and Templeman 2012: 701.

⁵⁴⁷ Shakabpa 1984: 10.

⁵⁴⁸ Tib. *de ltar yin*.

⁵⁴⁹ Tib. [...] *gshis*; [...] *par brten*.

⁵⁵⁰ Tib. [...] *stabs*.

⁵⁵¹ Tib. [...] *ma zad*.

“anyway ...;”⁵⁵² “then ...;”⁵⁵³ “similarly/also ...;”⁵⁵⁴ “if ..., then ...;”⁵⁵⁵ “however”⁵⁵⁶) and interpersonal discourse markers (e.g., “think carefully!”;⁵⁵⁷ “look!”;⁵⁵⁸ “look again!”;⁵⁵⁹ “this was written by a humble journalist who is truly faithful to Tibet”⁵⁶⁰), as well as generalizing statements (e.g., “everyone knows that ...;”⁵⁶¹ “well-known historical documents from ...;”⁵⁶² “there is no reason left to argue about ...;”⁵⁶³ “for many years, all knew that ...;”⁵⁶⁴ “the whole world knows that ...;”⁵⁶⁵ “it is well-known that ...;”⁵⁶⁶ “according to the wish of every Tibetan”⁵⁶⁷), rhetorical questions (e.g., “what is the use of ...?”;⁵⁶⁸ “what is so surprising about ...?”;⁵⁶⁹ “what kind of additional proofs are needed?”⁵⁷⁰), and other tropes (e.g., “the emperor became numb;”⁵⁷¹ China “forcefully ate” Tibetan regions;⁵⁷² “a shameless exaggeration as big as a mountain, but the truth in it is [only] as big as a yak”⁵⁷³).

In the 1950s, Tharchin used to portray Tibet as a weak—but for centuries-long independent—religious state which presently sought help of the international community because it was about to fall victim to the aggression of a traitor embodied in communist China. To attract the attention of Tibetan-speaking readers, the editor of *The Tibet Mirror* resorted to Buddhist concepts and allusions. To win the sympathy of Western countries, Tharchin compiled lists of historical “proofs” of the independence of Tibet and attempted to discuss the Tibet Question in the language

---

⁵⁵² Tib. *gang ltar* [...].

⁵⁵³ Tib. *de rjes* [...].

⁵⁵⁴ Tib. *yang* [...].

⁵⁵⁵ Tib. [...] *gal te*.

⁵⁵⁶ Tib. 'on *kyang*.

⁵⁵⁷ Tib. *bsam blo legs zhib thongs shig*.

⁵⁵⁸ Tib. *gzigs*.

⁵⁵⁹ Tib. *bskyar du gzigs zhib gnang bar mdzod*.

⁵⁶⁰ Tib. *zhes pa 'di yang bod la zhen che gsar 'gyur byed pos rmongs 'char du bkod*.

⁵⁶¹ Tib. *tshang mas mkhyen gsal*.

⁵⁶² Tib. *rgya bod gnyis ka'i sngar gyi rgyal rabs kyi yig cha yongs grags khag*.

⁵⁶³ Tib. *rtsod byed gzhi khungs med*.

⁵⁶⁴ Tib. *lo mang rang btsan rgyal khab tu gyur pa yongs grags*.

⁵⁶⁵ Tib. 'dzam *ging yongs grags yin*.

⁵⁶⁶ Tib. *shes gsal*.

⁵⁶⁷ Tib. *bod mi so so 'i 'dod pa bzhin*.

⁵⁶⁸ Tib. *don ci red*.

⁵⁶⁹ Tib. *ha las rgyu ga re yod pa red*.

⁵⁷⁰ Tib. *de lhag khungs bskyel ci la dgos*.

⁵⁷¹ Tib. *rgya nag gi gong ma spid* [sprid].

⁵⁷² Tib. *dbang yod kyis bod kyi sa a mdo dang khams khul mang po zas pa red*.

⁵⁷³ Tib. *ham ri bden gyag thob re kho nar nges*.

of modern politics (e.g., “to admit into the UN,”⁵⁷⁴ “violates international law,”⁵⁷⁵ “in accordance with the common international practice,”⁵⁷⁶ “to arrange a vote,”⁵⁷⁷ “with passports [issued by] their own government,”⁵⁷⁸ etc.). Thus, keeping in mind the religiosity of the target audience in Tibet, Tharchin simultaneously armed his Tibetan-speaking readers with a necessary knowledge of modern international relations and taught them to fight for Tibetan independence by building the argumentation that sounded more intelligible for Tibet’s supporters in the West. Fragments of the metanarrative of Tibetan independence constructed by Tharchin became particularly convincing for members of the Tibetan diaspora and were later reproduced by pro-Tibetan authors in their works on Tibetan history which will be analyzed in more detail in the third chapter of the present dissertation.

2.2.3.2. Constructing the Present

This subsection presents the analysis of a selection of publications from *The Tibet Mirror* on current events in Tibet in the 1950s and 1960s. In order to construct the metanarrative of Tibetan independence and awaken pro-nationalist sentiment in the Tibetan-speaking readership, Tharchin questioned the legitimacy of the Chinese communist rule on the Tibetan Plateau at present and criticized the policy of Chinese communists.

As early as September 1949, the CCP officially announced its plan to “liberate” Tibet, however, the offensive campaign of the PLA began only in 1950.⁵⁷⁹ The so-called “peaceful liberation” of Tibet finalized in the form of the 17-Point Agreement signed in May 1951 was a defining milestone in modern Tibetan history, which, in the words of M. Goldstein, opened a new chapter in Sino-Tibetan relations by officially ending the conflict over the Tibet Question.⁵⁸⁰ Given that, a thorough

⁵⁷⁴ Tib. *'dzam gling spyi tshogs su 'tshud*.

⁵⁷⁵ Tib. *'dzam gling spyi khrims dang [...] 'gal ba*.

⁵⁷⁶ Tib. *'dzam gling spyi'i srol dang mthun par*.

⁵⁷⁷ Tib. *'os tho bsdus*.

⁵⁷⁸ Tib. *rang gzhung gi lag 'khyer lam yig gam spA se bsnams*.

⁵⁷⁹ Shakya 2000: 8–9. For more details on the preparation of Tibet’s “liberation” by the PLA, see Raymond 2020: 217–236.

⁵⁸⁰ Goldstein 1997: 47.

reading of *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s reveals that Tharchin definitely did not see the Tibet Question settled even after May 1951, for the editor continued paying a lot of attention to “liberation” discourse in his newspaper and elaborating on the concept of “liberation” in the Tibetan language.

In October 1950, the PLA, having occupied a position on the eastern borders of political Tibet, confronted the Tibetan army in Chamdo and defeated it in 17 days, thereby paving a direct route for the attack on Lhasa and providing the CCP with a more effective means of pressuring the Tibetan government to engage in Sino–Tibetan negotiations.⁵⁸¹ Immediately after that, in *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12 dated November 1, 1950, Tharchin took up the topic of “liberation” and argued about Tibet’s independent political status in the article entitled “Attack of the Chinese Communist Government on the Tibetan Religious State”⁵⁸²:

Lately, after the negotiations [held] by the representative of communist China and representatives of the Tibetan government, Tibetan delegates went to Beijing. Even though [Tibetans] decided to negotiate and settle [the dispute], communist China suddenly ordered its troops to advance on Tibet. Does this not violate international law?

If the Chinese communist government does not withdraw soldiers [from Tibet] and conduct negotiations only peacefully, will [this] not become a public provocation against the [whole] world?

North Koreans, the followers of communist Russia, suddenly attacked South Korea. All know well that the followers of communist Russia got embarrassed because by the time they seized almost all southern areas, [it was] as if they went against the flow and now, they are on the verge of losing all northern areas.

To resume, the sudden attack of Chinese communists—the followers of Russia—on the Tibetan Religious State is not the [big] goal of [this] big country. Is not [their] task [to do so that] there is no religion and there is no karmic retribution?

The statement that “Tibet is the Chinese territory” is not true. Saying that “Tibet will be freed from [its] fetters” is also an inappropriate talk. Tibet has not been bound by anyone. Atheist communist China wishes to bind the independent Tibetan Religious State with a rope. Is the “liberation” not a brazen expression for that?

---

⁵⁸¹ Raymond 2020: 232.

⁵⁸² Tib. *rgya dmar gzhung nas bod chos ldan rgyal khab la dpung 'jug*.

The English and Indian governments acknowledge that Tibet is merely under the shadow of China. However, if all clearly recognize that Tibet is also a state [with] its own government which manages domestic and international affairs [on its own], what is the purpose of going on with the attack [on Tibet]?⁵⁸³

In this publication, Tharchin aims to simplify the perception of information by discourse recipients by employing the typical binary categories of “black” and “white,” “truth” and “lie,” “moral integrity” and “shame.” The editor of *The Tibet Mirror* expresses his outrage caused by the “sudden” advancement of the PLA into Tibet which occurred after the Tibetan delegation had agreed to go to Beijing for negotiations. However, if historical facts get double checked, one can argue with Tharchin regarding the unexpectedness of the PLA’s march to Tibet.

The Chinese Communist Party paid special attention to the problem of reunification of China within the borders of the Qing Empire, therefore, the return of Tibet to the Chinese “motherland” was one of the top priorities of the government of the PRC.⁵⁸⁴ On October 1, 1949, the People’s Republic of China was officially proclaimed, and the Tibetan government clearly saw the imminence of a future collision with the CCP’s decisive plans to “liberate” Tibet. On November 2, 1949, Tibetan officials sent a letter to Mao Zedong (1893–1976) asking the Chinese communist leader to assure them that China would not attack Tibet and stating that Tibet would like to discuss the return of Tibetan territories “annexed” by China several years ago, but the PRC did not provide the desired feedback to their letter.⁵⁸⁵

Eastern Tibet was chosen as a foothold for the beginning of the “liberation” of Tibet.⁵⁸⁶ By early 1950, the troops of the People’s Liberation Army reached borders of the territory that was under control of the Tibetan government. In January 1950, the government of the PRC ordered to begin preparations for a march on Tibet.⁵⁸⁷ In response to that, on February 19, 1950, a Tibetan delegation led by the Tibetan Minister of Finance Rtsis dpon Zhwa sgab pa (1907–1989) left Lhasa with

---

⁵⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

⁵⁸⁴ Goldstein 1992: 623.

⁵⁸⁵ Goldstein 1992: 624; Garri 2009: 33.

⁵⁸⁶ Garri 2009: 36.

⁵⁸⁷ Kychanov and Melnichenko 2005: 259.

instructions to engage in negotiations with the Chinese on a neutral territory.⁵⁸⁸ The British government did not allow the Tibetan delegation to hold the Tibetan–Chinese negotiations in Hong Kong or Singapore because it would have entailed stamping British visas on Tibetan passports of the delegates, and the official meeting between the Tibetan delegation and the Chinese ambassador in India took place only six months later—on September 16, 1950—in Delhi.⁵⁸⁹ The Chinese declared that the PRC would never recognize Tibet’s independence and put forward a three-point plan, according to which Tibet was to recognize itself as part of China and its foreign policy and national defense were to be administered by the central Chinese government.⁵⁹⁰ Rtsis dpon Zhwa sgab pa sent a telegram to Lhasa and requested a permission for Tibetan delegates to proceed to Beijing for further negotiations, but on October 4, 1950, the Tibetan government, still being not ready to accept the terms of the PRC, rejected the delegates’ request to proceed to Beijing and ordered to further stall the negotiations.⁵⁹¹ Three days later, on October 7, 1950, while the attention of the world was glued to the war in Korea, the PLA went on the offensive in eastern Tibet and attacked the Tibetan army.⁵⁹² After protracted discussions of Tibetan political elite, it was not until late January 1951 that the Tibetan government finally decided to negotiate with the PRC and agreed to send its delegates to Beijing.⁵⁹³

Now, going back to the analysis of Tharchin’s article, one can see that at the time when *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12 was published on November 1, 1950, the Tibetan delegates, contrary to the editor’s account, had not yet set off to Beijing for negotiations. One can also notice the five rhetorical questions that structure Tharchin’s narrative and serve as a compositional means of pragmatic focusing of the text. The first rhetorical question contains a presupposition stating that Sino–Tibetan relations are not a matter of internal affairs of the PRC and are subject to

---

⁵⁸⁸ Shakya 2000: 27.

⁵⁸⁹ Shakya 2000: 31.

⁵⁹⁰ Shakya 2000: 31.

⁵⁹¹ Goldstein 1992: 678.

⁵⁹² Shakya 2000: 43.

⁵⁹³ Goldstein 1992: 757–758; Shakya 2000: 62.

settlement in accordance with international law that has been violated: “[...] communist China suddenly ordered the troops to advance on Tibet, does this not violate international law?”⁵⁹⁴

Trying to expand the target group of recipients of his pro-independence discourse, Tharchin introduces the second question that addresses a larger audience beyond the range of Tibetan readers: “If the Chinese communist government does not withdraw soldiers [from Tibet] and conduct negotiations only peacefully, will this not become a public provocation against the [whole] world?”⁵⁹⁵ With the help of the presupposition “conduct negotiations only peacefully,” the editor accuses Chinese communists of the military pressuring of negotiations and plants the seed for eliciting the public outcry on behalf of the global community.

Next, Tharchin argues that the plan of the Other is not simply to intimidate “the Tibetan Religious State.” In the form of the third presuppositional question, the editor inquires if the Chinese communist government’s goal is not to go further and destroy the Buddhist religion: “Is not [their] task [to do so that] there is no religion and there is no karmic retribution?”⁵⁹⁶ The question cannot help entailing the positive answer, what else could the atheist Other want? Thus, a threat to the religion and “the Religious State” accordingly is created.

Alongside references to international law, Tharchin touches upon the topic of ethics and moral integrity. The Other is accused of lying that “Tibet is the Chinese territory”⁵⁹⁷ and of “inappropriate talks”⁵⁹⁸ of “freeing Tibet from [its] fetters,”⁵⁹⁹ when in fact, the atheist Other does the opposite, i.e., wants to bind independent Tibet with “a rope.”⁶⁰⁰ Thus, with his fourth question, Tharchin suggests that the term “liberation” is “a brazen expression”⁶⁰¹ for what communist China is actually plotting in Tibet. The editor counterposes the metaphor of freeing from the fetters

⁵⁹⁴ Tib. *rgya dmar nas glo bur du bod la dpung ’jug byas pa de ni ’dzam gling spyi khrim las ’gal pa min nam.*

⁵⁹⁵ Tib. *gal srid rgya dmar gzhung nas dmag mi phyir then thog zhi ba ’i sgo nas bka’ mol ma gnang na ’dzam gling spyi ’khrugs kyi rkyen du ’gyur mi yong ngam.*

⁵⁹⁶ Tib. *chos med las ’bras med pa ’i las ka ma red dam.*

⁵⁹⁷ Tib. *bod rgya ’i sa khongs yin.*

⁵⁹⁸ Tib. *’os min gyi skad cha.*

⁵⁹⁹ Tib. *bod bcings pa nas grol bar byed rgyu yin.*

⁶⁰⁰ Tib. *bod rang dbang rang btsan chos ldan rgyal khab de la rgya dmar chos min gyis thag pas bcing ’dod yod pa.*

⁶⁰¹ Tib. *de la bcing grol brjod pa ngo mi tsha ’am.*

with that of a bondage with a rope. The metaphors redirect the interpretation of the narrative into the sphere of emotional comprehension and, by turning on the imagination, make further factual arguments redundant.

The article ends with the fifth and final question: “If all clearly recognize that Tibet is also a state [with] its own government which manages domestic and international affairs [on its own], what is the purpose of going on with the attack [on Tibet]?”⁶⁰² The presupposition in Tharchin’s question suggests that “all clearly recognize,” that firstly, Tibet is “a state,” secondly, that Tibet has “its own government,” and thirdly, that Tibet “manages domestic and international affairs” on its own. Therefore, the only logical conclusion should be that there is no valid reason to attack Tibet. The end of the article once again points out the implied violation of international law. Given that, one must admit that Tharchin’s presupposition regarding this universal recognition of Tibet as a separate independent state cannot be accepted as a viable form of reasoning.

One can find Tharchin’s elaborate reflections on the interpretation of the term “liberation” from an even earlier period. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4 dated January 1, 1950, in a very long article written in the Tibetan language and entitled as “*LIBERATE*” in capital letters in English, the editor published the following:

If one translates into Tibetan the meaning of the [English] word “liberate,”⁶⁰³ it means “to liberate” or “to set free.” It is not entirely clear what the new Chinese government means when now it says again and again: “We will soon liberate Tibet.”

If someone forcibly puts someone in prison, or if an aggressor state forcibly subjugates a weak state, [and someone] virtuous, or a state that respects [the concept of] karmic retribution, releases the imprisoned one or that weaker state [using] a peaceful or military way without taking [any] risks and finds a way to leave [the prisoner or the weak state] independent, this is what “to liberate” or “to set free” means.

In this case, if one ponders about the meaning of the statements made by the new Chinese government that [Chinese communists] would liberate Tibet, it means then that an aggressor

⁶⁰² Tib. *bod rang gzhung phyi nang 'tsho 'dzin gyi rgyal khab yin pa'ang tshang mas ngos len gsal red na ga re don la dpung 'jug byas pa red.*

⁶⁰³ In the text of the article, the English term is spelled in Tibetan letters as *li sbe re Te.*

state has subjugated Tibet. However, since the [Tibetan] Religious State is independent, everyone knows that [Tibet] has not been subjugated by anyone.

Moreover, everyone knows that earlier, during the time of the Mongolian emperor, in the sphere of religious affairs China was converted into a territory of spiritual subjects subordinate to Tibet. Tibet is not subjugated by anyone.

Since [Tibet and China] were indeed engaged in the priest–patron relationship, as a foundation of their cordial relations the [Chinese] emperor stationed several Chinese soldiers in Tibet to protect [his] representatives [there] and the great Dalai Lama.

But when earlier, in the Wood-Dragon Year [1904], Britain sent a military expedition to Tibet, why did the Chinese soldiers not fight against the British? For what reason, so to speak, did they not hinder the British to make it through up to Lhasa? Since Tibet was independent, even though [it was] weaker in terms of weaponry and military forces, it fought with the powerful British government. At that time, where did the Chinese go?

During that period, the previous incarnation of the Dalai Lama went to the Beijing State. After the death of the emperor father, the Emperor [Puyi] Xuandong⁶⁰⁴ ascended the golden throne. When [the 13th Dalai Lama] returned back to his own state, since the Chinese people rebelled against their ruler, [the Emperor Puyi] was dethroned. [At that time] what was the point of sending the [Chinese] troops to Tibet?

Although due to that situation the venerable Dalai Lama and the Tibetan government had to relocate to India for an extended period of time, gradually Tibetan troops became completely victorious in the [Sino–Tibetan] war and the venerable Dalai Lama and his government returned to their state. The Chinese officials and soldiers, who had been left [in Tibet] by the [Chinese] emperor earlier for the sake of [maintaining] harmony and protecting the venerable Dalai Lama, as well as the group of Chinese troops which had arrived to invade Tibet from China [during a later period] were [all] expelled from Tibet.

Then in 1914, when an agreement between Great Britain, China, and Tibet was signed at a summer residence in Simla in India in order to settle the frontier [issues], the venerable omniscient victorious sovereign—[the 13th Dalai Lama]—appointed as [his] representative the great Prime Minister Mr. Bshad sgra.⁶⁰⁵ [During the negotiations] the following ideas of the Dalai Lama were voiced:

1. The Tibetan domestic policy strategy is to make Tibet self-sufficient.
2. The Tibetan government will independently manage Tibetan foreign affairs. Regarding the important issues, [the Tibetan government] will consult with the British government.

⁶⁰⁴ Chin. [溥仪] 宣统; 1906–1967.

⁶⁰⁵ Tib. *srid blon mi dbang bshad sgra ba chen po*; 1860–1919.

3. High-ranking and minor [officials] who represent the Chinese government and any [Chinese] soldiers [whatsoever] are not allowed to stay in Tibet.

4. All lands in eastern Tibet as far as Dar rtse mdo and areas inhabited by Tibetan people which have been held by the Chinese for about 200 years are to be returned to Tibet.

Back then, the representative of the Chinese government only signed the agreement, [but] did not [attach] the seal of the Chinese government. Besides, later on, [the Chinese representative] did not make any further amendments to that agreement. However, if one looks at what everyone knows, [i.e.,] how many agreements Britain and Tibet signed earlier which have been adhered to and used as a foundation [of Tibetan–British relations] up to the present, then why do [Chinese communists] say “We will liberate [Tibet],” given that Tibet is free [anyway]?

If Tibet is subjugated by the Kuomintang or any other state, Chinese communists say that they will not take any risks and will liberate [Tibet] from the foreign rule, [but] the Kuomintang [government] like a father has given up [the idea of] subjugating Tibet.

In the past, in accordance with the international practice, [states] mutually exchanged [their] representatives to guarantee [their will to maintain] friendly relations. However, as everyone has [already] realized, Tibetan representatives were recently withdrawn [from China], [and] representatives of the Chinese government were sent back [to China], thus, is not Tibet an independent state? If based on this evidence, one can come to a conclusion [regarding the independence of Tibet], then why do [Chinese communists] repeat “We will liberate” again and again?

For example, suppose there is a state that was subjugated by someone. That state did not ask another state for assistance in its liberation from the foreign rule by [providing any] help. [In that case] would it be possible to say: “[We] volunteered to liberate”?

Therefore, would not it be great if instead of saying that they will liberate Tibet, the new communist government of China finds a way to liberate Outer Mongolia and Korea, which have been subjugated by foreign powers and which used to belong to the territory of the Chinese?

The communist government continues to claim that it has liberated China. Is not it that, instead of being liberated, [the Chinese], having renounced their beautiful ancient traditions and having been caught with a lasso of communist ideology, subjugated themselves and others to the rule of [those who] do not recognize [the idea of] karmic retribution?

Alternatively, if [Chinese communists], having given up the [idea of] Tibet’s liberation, will return to the Tibetan state all the Tibetan people in northern and eastern Tibet which now live under the Chinese rule, there will be no limit to people’s admiration. And if they [also]

sign a new agreement on Sino–Tibetan friendship, [just] think how wonderful it will surely be for everyone.

If [one] bullies Tibet, [that one] will deeply regret it. If you ask why? [The answer is:] Tibet is a religious land. Think about it: nowadays, there is probably no other state in the world like [Tibet] where the ruler and the subjects, all monks and laymen, rely on the [idea of] karmic retribution, embrace the virtue and renounce the sinful [deeds], always sincerely prostrate and make offerings to the Three Jewels. How wonderful it would be if all reverently completely gave up [the idea of subjugating] this religious state. If they do not give up, they will be punished by the order of the Three Jewels.

You excel in the power of [Your] new mechanical firearms, [but] even if the enemy is larger than me, when I fully take refuge in a joint emanation of the Three Jewels, what will be the use of [Your] superiority in the power of mechanical firearms?

Therefore, if You, all states, leave [alone] and cherish as a magnificent ornament of the world or the treasury of Vaiśravaṇa, the Tibetan Religious State which up to now—without falling into decay—preserves the noble ancient traditions and the wonderful system of combining the religious and the secular, then [Tibet] will demonstrate You a splendid illustration of a beautiful example of the religious and secular [way of life]. Otherwise, if You maliciously bully Tibet by crushing [it] with plunder and tyranny, You will soon be overtaken by a series of severe punishments [inflicted upon You] by the order of the Three Jewels and [You] will surely get frightened that—instead of the present—[there will come] a horrible *kalpa* of war throughout the entire world.

To give an example: [the one who] sticks the tip of a knife into a rock in this direction will not make a hole in the rock, because the tip [of the knife] will bend backwards in the other direction. As per the [example], will not something similar [happen] when one attacks a state that takes refuge in the Three Jewels?

Moreover, do not follow the example of those hateful people who make a mess [with their] tails and [are like] a pot with feces, who, having accumulated the [negative] karmic results, left their homeland state and asked a foreign country to sit on their lap, or to surrender to the Other, who want to submit to the rule of the Other their own country, people, religion, and beautiful ancient traditions.

Those who are loyal to their people, their religion, and their government, who are loyal to their clan, and who, in addition [to that], know how to act unanimously and to defend their government without [any] enmity, will most likely not get deceived by a sharp knife smeared with honey and [a piece of] meat on the tip of an iron hook, [but instead] will make efforts to try to hold onto their native land with the unwavering strength of spirit.

Besides, if [a person] explains the reasons for [what has been done] and then makes an appeal to [his/her] own homeland state with a remorse for all the crimes committed, there is no doubt that the great Tibetan government will assuage its anger and accept back into its loving arms [those who repented their sins].

For example, two eyes are the main organs among the five senses. If one day [one's] eyes get sick, it is impossible to say: "I am suffering more and more, so now [I] do not need both of [my] eyes," and cut out [one's] own eyes with a sharp tip of the knife. Being careful with them [the eyes], one relies on patience during the [process of] treatment, after which, having got an even clearer vision than before, one rejoices when sees a variety of exceptionally amazing sights. It is similar to the meaning of this example.

All enumerated above came to my humble mind and was published in the Tibetan newspaper [called] *The Mirror* on the occasion of the Western-style New Year [celebration]. I ask everyone to look into it carefully. If there are mistakes, please forgive me!⁶⁰⁶

Having started the publication with a translation of the English term "liberate" into Tibetan, Tharchin introduces his vision of the "liberation" concept. It is not clear why the editor decided to resort to English and why he placed the English translation of the term right in the beginning of the article. But it is possible that Tharchin occasionally used English terms to mark those publications in *The Tibet Mirror* that could have been of interest either to one of his foreign subscribers or to the Indian, British, or American intelligence officers. However, this is just a hypothesis and there is no confirmation for it.

Discussing the meaning of the term "liberate," Tharchin insists that "everyone knows" that Tibet has not been and is not "subjugated by anyone,"⁶⁰⁷ and, therefore, cannot be "liberated." Moreover, in the words of the editor, "everyone knows" that China itself was once "subordinate"⁶⁰⁸ to Tibet, even if only in respect of religion. With the help of cut and paste method, Tharchin skillfully crops the real historical picture and distorts the facts. The editor employs almost the same set of plots as in his other publications on the topic of Sino-Tibetan relations.⁶⁰⁹ He depicts "the

⁶⁰⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 2, 7.

⁶⁰⁷ Tib. *chos ldan rgyal khab ni rang dbang rang btsan yin gshis gzhan dbang su zhig gi 'og tu tshud med pa tshang mas ha go don rtogs yin*, as well as Tib. *bod su zhig gi mnga' 'og tu tshud pa ni ma yin*.

⁶⁰⁸ Tib. *sngar sog po'i gong ma'i skabs su chos phyogs nas rgya nag bod kyi chos 'bang mnga' khongs su gtogs pa'ang tshang mas shes gsal*.

⁶⁰⁹ For a discussion of the arguments in favor of Tibet's independence presented in this article in terms of their impartiality, see the previous subsection 2.2.3.1. *Constructing the Past*.

Tibetan Religious State” as a steadily independent political entity throughout its history and portrays the Dalai Lama as the undeniable recognized leader of this state. First, Tharchin once again reminds his readers of the “priest–patron relationship” model designed at the time of the Yuan dynasty, after which he moves on to the 18th-century Qing dynasty and repeats twice that Chinese officials and soldiers were stationed in Lhasa to “protect”⁶¹⁰ the Dalai Lama. Then, the editor makes a special emphasis on the invasion of the British expedition of F. Younghusband to Tibet in 1903–1904 and underlines the lack of a timely assistance from China against the British. After that, he proceeds to the period of immigration of the 13th Dalai Lama to British India, the subsequent return of the Tibetan leader “to his own state”,⁶¹¹ and the deportation of Chinese soldiers from Tibet. Tharchin also mentions once again the tripartite negotiations in Simla in 1913–1914 and details the Tibetan conditions voiced on behalf of the 13th Dalai Lama (in particular, the demand of Tibet to pursue its own independent foreign policy and the return of all territories with Tibetan-speaking population by China). The editor of *The Tibet Mirror* silences again the fact that the Simla Convention was not recognized by China and ends his historical overview with a rhetorical question on the meaning of “liberation,” thus turning the focus back to the present and trying to convince his readers that Tibet is an independent state: “Why do [Chinese communists] say ‘We will liberate [Tibet],’ given that Tibet is free [anyway]?”⁶¹²

In Tharchin’s narrative, the Chinese themselves, instead of being “liberated,” got “caught with a lasso of communist ideology” and were forced to renounce not only “their beautiful ancient traditions” but also something especially important for Tibetan-speaking readers—the idea of “karmic retribution.”⁶¹³ To enhance the persuasive effect of the article, the editor figuratively compares the task of the PRC on Tibet’s “liberation” with “a sharp knife smeared with honey and [a piece of] meat

⁶¹⁰ Tib. *gong sa chen po'i sku srung du* and Tib. *rgyal dbang thams cad mkhyen pa mchog gi sku srung ched du*.

⁶¹¹ Tib. *rang ljongs rgyal khab tu phyir phebs bskyangs pa red*.

⁶¹² Tib. *bod rang dbang yin par ga re'i don la sgrol bar byed rgyu yin zhes brjod kyi yod pa red*.

⁶¹³ Tib. *gung phran gzhung nas rgya nag sgrol bar byas pa yin brjod mus su 'dug ste sgrol rgyu'i tshab tu rang gi sngar srol bzang po rnams spangs nas dmar po'i lta ba'i zhags thag tu tshud nas rang gzhon tshang ma las 'bras la khas len med pa'i dbang 'og tu tshud pa min nam*.

on the tip of an iron hook,”⁶¹⁴ i.e., a bait for the communist invasion of Tibet. With the help of another rhetorical question with a presupposition, Tharchin suggests that it would be “great” if China switches its focus to the “liberation” of Outer Mongolia and Korea which, unlike Tibet, “used to belong to the territory of the Chinese.”⁶¹⁵

Among other things, Tharchin does not leave out the issue of internationalization of the Tibet Question. The editor addresses “all states” with an appeal to cherish Tibet “as a magnificent ornament of the world or the treasury of Vaiśravaṇa”⁶¹⁶ and to see Tibet as “a splendid illustration of a beautiful example of the religious and secular [way of life]”⁶¹⁷, for there is absolutely “no other state in the world”⁶¹⁸ like Tibet. While imposing the image of Tibet as a deeply “religious land”⁶¹⁹ and a unique sanctuary that deserves the world heritage status, Tharchin tries to threaten any imaginary aggressor (in whom discourse recipients read the PRC) with the inevitable karmic retribution, namely “a series of severe punishments [inflicted] by order of the Three Jewels” and “a horrible *kalpa* of war [that would start] throughout the entire world.”⁶²⁰

Tharchin regularly referred to the topic of “liberation” during the first half of the 1950s. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated May–June 1952, that is, exactly one year after the 17-Point Agreement was signed, the editor publishes several articles that critically assess the situation in Tibet after its “liberation” by the PLA. Under the title “Liberation of Lhasa Craftsmen,”⁶²¹ Tharchin shares his opinion on whom one should see as the real “liberators” of the people of Tibet:

Recently, on the third day of the third Tibetan month, the Chinese Communist Party gathered Lhasa craftsmen for a [feast of] dainties. Along with the speeches [full of] elegant syllogisms,

⁶¹⁴ Tib. *sbrang rtsi byugs pa'i spu gri dang lcags kyu'i rtse yi sha.*

⁶¹⁵ Tib. *rgya gzhung gsar pa gung phran rang nas bod sgrol bar byed rgyu yin brjod pa'i tshab tu sngon du rgya mi'i khongs gtogs yin pa phyi sog dang ko ri yA la sogs pa gzhan dbang du tshud yod pa rnam sgrol thabs byed na mi legs sam.*

⁶¹⁶ Tib. *khyed cag rgyal khab tshang ma nas sngar srol ya rabs dam pa'i chos srid lugs srol bzang po da bar nyams chags med par 'dzin pa'i bod chos ldan rgyal khab 'di nyid la 'dzam gling mdzes pa'i rgyan gcig gam rnam sras bang mdzod ltar gces par gzung nas bzhang.*

⁶¹⁷ Tib. *khyed cag rnam la chos dang srid kyi dpe srol bzang po'i ri mo mdzes pa mig yul du bstan pa yin.*

⁶¹⁸ Tib. *rgyal khab 'di lta bu zhis deng dus 'dzam gling gang du 'ang e yod.*

⁶¹⁹ Tib. *bod chos ldan gyi zhis sa red.*

⁶²⁰ Tib. *mi ring dkon mchog gi bka' chad drag po rgyud thog de rang du 'phog nas 'dzam gling kun tu g.yul 'khrugs bskal ngan da lta las 'jigs pa zhis shar nges pa yin no.*

⁶²¹ Tib. *lha sar bzo rigs rnam la bcings dkrol.*

they said: “From today on, you are liberated.” Having secretly stolen [from the craftsmen], they gave each person as a gift a Chinese silver coin and a cup of tea with some bread.

Although [Chinese communist officials] told everyone that they were required to speak up regarding their joys, sorrows, and needs, since no petitioner came forward, [the Chinese] addressed [craftsmen] with questions again and again. In the end, there was not a single person who asked for [anything]. Nevertheless, the two—the Dalai Lama and the Panchen Lama—and the heads of the Three Monastic Seats together with their monks said that they had no need other than to pray that here, in Tibet, Buddhism would not fall into decay and [on the contrary] would [only] flourish.

Who has not shackled the Tibetan craftsmen? Is there any sense in saying “They have been liberated”?⁶²²

From early polemics on the baselessness of the PRC’s territorial claims to Tibet and the illogical intention of Chinese communists to “liberate” Tibet, Tharchin gradually moves onto the assessment of the “liberation” that has taken place and the criticism of the current policy of the Chinese communist leadership in Tibet. Cultivating an atmosphere of suspicion towards communist officials, the editor accuses Chinese communists of robbing Tibetan people immediately after they entered Tibet on the pretext of its “liberation” and suggests that the caring attitude of Chinese communists is a sham cover for their goal to “shackle”⁶²³ the inhabitants of Tibet in fetters. Tharchin ends his short news report with two guiding questions which are meant to give a hint to Tibetan readers that the true “liberation,” both physical and spiritual, cannot be achieved through collaboration with Chinese communists, but Tibetans can be liberated by the virtue of Tibetan Buddhist clergy (i.e., the Dalai Lama, the Panchen Lama, abbots and monks of the Three Monastic Seats) who implore Chinese communist officials so that Buddhism in Tibet does not “fall into decay” and, on the contrary, only “flourishes.”⁶²⁴ Thus, the editor reveals the names of alternative “liberators” of Tibet who genuinely care about those who belong to the group of the Self and who should be praised accordingly.

---

⁶²² *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2-3, May-June 1952: 3.

⁶²³ Tib. *bcings*.

⁶²⁴ Tib. *bod 'dir rgyal bstan mi nyams gong 'phel yong*.

On the same page of *The Tibet Mirror*, right after the article about Lhasa craftsmen, Tharchin continued convincing his readers in a semi-poetic form⁶²⁵ that, instead of bringing the “liberation,” the government of the PRC has “shackled” Tibet:

This year during the Great Prayer Festival,⁶²⁶ soldiers of the PLA from a military camp in Tibet made offerings to abbots and monks. Each [donated] ten silver coins. There were a few words on the leaflets distributed at that time. For instance, they [soldiers of the PLA] wrote “to brother monks.” [Whereas] all Buddhists recognize the precious sangha as one of the Three Jewels, did [Chinese communists] call monks by [the name of] “brothers” because there is no [concept of a precious sangha] in the barbarians’ own language? [...]

Although the new Tibet is called the new China, [Tibet’s] foundation lies in its state laws which [are based on] the combination of the religious and the secular, the Buddhist religion, and living beings. Having precisely determined [what] was devoid of the moral filth long time ago, [the people of Tibet] were guided [in their life] by kindness and followed [their own path].

In comparison to this, the so-called “liberation” [seems] undefined. No foreign state will subjugate [Tibet]. As for the victorious lord of our territory, [his] kindness is immense. Calling [it] “liberation” [only] in words, have they [Chinese communists] not put [Tibet] in shackles?⁶²⁷

Describing a rather benevolent gesture of Chinese communists on the occasion of the Great Prayer Festival, i.e., one of the major religious holidays in Tibet, Tharchin finds a way to portray the PRC from a less appealing angle and add a “fly in the ointment” to the Tibetan readers’ perception of the present. Labeling Chinese communists as ignorant “barbarians”⁶²⁸ who give alms but do not know anything about Buddhism, the editor demonstrates how Tibet is fundamentally different from the PRC. Tharchin elucidates a marked contrast between the “foundation”⁶²⁹ of Tibet that lies in the combination of the religious and the secular and high moral aspirations of the inhabitants of the Tibetan Plateau who

---

⁶²⁵ Part of this publication consists of 12 nine-syllable lines.

⁶²⁶ Tib. *smon lam chen mo*. Established in 1409 by Tsong kha pa (1357–1419), the annual religious prayer festival Monlam Chenmo is defined as one of the most important festivals in Tibetan Buddhism. Monlam Chenmo was particularly popular in Lhasa and traditionally attracted a lot of pilgrims from other parts of the Tibetan Plateau (Powers and Templeman 2012: 238, 651–652).

⁶²⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 3.

⁶²⁸ Tib. *kla klo*.

⁶²⁹ Tib. *chos srid gnyis ldan rgyal khrims bstan 'gro'i gzhi*.

have long been “guided [in their life] by kindness”⁶³⁰ vs. the atheistic ideology of Chinese communists and the “uncertainty”⁶³¹ of the “liberation” concept.

Having not had enough after two news reports on the “liberation” topic, Tharchin decided to place in the same issue of *The Tibet Mirror* dated May–June 1952 another protest-fueling publication under the telling title “Petition for the Need of Return of the Chinese [People’s] Liberation Army from Tibet”:⁶³²

Recently, in the second month according to the Tibetan style, the people of Tibet and monks of the Three Monastic Seats submitted a petition to the Chinese and Tibetan governments.

The [Tibetan] people and monastic community do not benefit from the arrival in Tibet of a large number of Chinese soldiers and only [endure] considerable hardship [caused by it]. Here, in the small land of Tibet, crops and resources are scarce, [and] because of the arrival of Chinese soldiers there is a great fear of famine [now].

Tibet does not need so many Chinese soldiers. For the sake of Sino–Tibetan friendship, it is necessary to leave a few employees of the Chinese Mission and about ten soldiers as guards, [while the rest of the Chinese] have to go back.

If [Chinese troops] do not withdraw in this way, instead of [letting] people die of hunger, we will die fighting against Chinese soldiers. Therefore, we ask the Tibetan government for help by distributing weapons [to us].⁶³³

Tharchin declares on behalf of all Tibetan-speaking population of the PRC that the presence of the PLA troops in Tibet is not merely useless but harmful for Tibet, for Chinese communists have brought with them only “considerable hardship”⁶³⁴ and “a great fear of famine.”⁶³⁵ The editor describes a real historical event that took place in Lhasa in late March 1952, but offers the news in a rather customized style which empowers his pro-nationalist discourse and distorts the facts. The structure of the publication and Tharchin’s generalizing statement in the first paragraph regarding the authors of the petition, namely “the people of Tibet and monks of the Three Monastic Seats,”⁶³⁶ are particularly misleading: the reader is primed to expect that

⁶³⁰ Tib. *dri ma med pa sngon nas legs tshugs par/_/bka' drin snying nas drangs te rjes su snyegs.*

⁶³¹ Tib. *bcings bkrol ces pa de bas ma nges.*

⁶³² Tib. *rgya dmag bcings bkrol bod nas phyir log dgos rgyu'i snyan zhu.*

⁶³³ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 2–3, May–June 1952: 8.

⁶³⁴ Tib. *dka' ngal ci che las phan pa zhig mi 'dug.*

⁶³⁵ Tib. *mu ge'i 'jigs pa che.*

⁶³⁶ Tib. *bod kyi mi dmangs rnams dang dgon sde che khag gsum gyi dge 'dun pa rnams.*

all people of the Tibetan Plateau and the monks of the three main Dge lugs monasteries have jointly composed the text of the petition which is presented below in the subsequent paragraphs of the news report. The actual content of the 1952 petition, however, differs significantly from the information provided by the editor in his publication. A key difference is the tone of the petition, especially the alleged threat of the petitioners to engage in armed resistance against soldiers of the PLA. In order to assess the impartiality of Tharchin's report, it is useful to compare the text of the petition published in *The Tibet Mirror* with the information about this episode of Tibetan history presented in other historical sources.

At the end of 1951, an organization called "People's Assembly" has emerged in Lhasa.⁶³⁷ The name of the organization explicitly indicates that its members were to represent the collective interests of Tibetan people. However, the People's Assembly was not founded by "common folk," it was initiated by representatives of a numerically small middle stratum of Tibetan-speaking society—worldly monks and ex-monks who used to be privately hired by Tibetan elite, monasteries, and government offices for administrative and managerial tasks and were thus well informed about current political situation in Tibet due to the specifics of their work.⁶³⁸ At the same time, the funding for the People's Assembly came from interested individuals from the strata of Tibetan aristocracy and clergy.⁶³⁹ The organization is reported to receive extensive ideological support from two Tibetan Prime Ministers and several other Tibetan officials who were strongly opposed to Chinese presence in Tibet.⁶⁴⁰ The leadership of the People's Assembly indeed aimed to petition the Chinese communist government on behalf of Tibetan people.⁶⁴¹ The organization formally registered thousands of members, but the names of these people were copied from the records of local Tibetan clerks and, according to M.

---

⁶³⁷ According to M. Goldstein, this organization had several names in Tibetan, such as, e.g., *mi dmangs 'thus tshogs* (lit. "Assembly of People's Representatives"), *mi dmangs tshogs 'du* or *mi dmangs tshogs pa* (lit. "People's Assembly"), see Goldstein 2007: 314. Russian works on Tibetan history usually refer to this organization as *Mi dmangs tshogs 'du*.

⁶³⁸ Goldstein 2007: 319–321.

⁶³⁹ Goldstein 2007: 323.

⁶⁴⁰ Goldstein 2007: 326–327, 329.

⁶⁴¹ Goldstein 2007: 321, 335, 338.

Goldstein, most members of the People's Assembly never actively participated in the organization and did not see the text of the petition written in their names.⁶⁴² Moreover, the three main Tibetan Dge lugs monasteries mentioned by Tharchin refused to send their official representatives to join the organization and did not support the idea of petitioning the government of the PRC.⁶⁴³

The text of the six-point petition was courteous and diplomatic and did not convey any sense of hostility towards the Chinese.⁶⁴⁴ On the contrary, members of the People's Assembly expressed their gratitude to the leadership of the PRC for the 17-Point Agreement and criticized the Tibetan government and problems of the traditional feudal system in Tibet. The petition also contained several requests in the name of Tibetan people, including a reduction of the total number of soldiers of the PLA deployed in Tibet, return to the "priest-patron" model of Sino-Tibetan relations used at the times of the Qing Empire, and lifting of the ban on wool export.⁶⁴⁵

From the point of view of Chinese officials, the activities of the People's Assembly were not limited to petitioning and were causing anti-Chinese sentiment and an increase in instability in Lhasa. From November 1951 to March 1952, there were registered instances of spreading anti-Chinese posters, songs, and rumors, as well as incidents of physical aggression against Chinese communists.⁶⁴⁶ However, soldiers of the PLA were instructed to observe strict discipline in their contacts with the local Tibetan population, even in cases of open provocation.⁶⁴⁷ Eventually, Chinese communist officials pressured the 14th Dalai Lama and the Tibetan government to take action, following which on April 27, 1952, the Tibetan Prime Ministers suspected of supporting the activities of the People's Assembly were dismissed and a decree on dissolution of the organization was issued on May 1,

---

⁶⁴² Goldstein 2007: 325.

⁶⁴³ Goldstein 2007: 325.

⁶⁴⁴ Goldstein 2007: 334.

⁶⁴⁵ For a full text of the petition, refer to Goldstein 2007: 335–338. It was not the PRC that imposed the ban on wool trade, but the U.S. (cf. Goldstein 2007: 263).

⁶⁴⁶ Goldstein 2019: 31.

⁶⁴⁷ Goldstein 2019: 27.

1952.⁶⁴⁸ Besides, despite the fact that the radical fall in price on Tibetan wool by 60% was not caused by the Chinese communist policy, but resulted from the ban of the U.S. on the purchase of goods from communist countries, as a response to the petition and as a measure of economic support of the local population—the Chinese government bought the wool from Tibetan traders at a high price.⁶⁴⁹ In the opinion of I. Garri, in general, the first year after signing of the 17-Point Agreement was successful for the Chinese communist leadership in Tibet: the PRC succeeded in eliminating its active opposition and continued earning the trust of the Tibetan elite.⁶⁵⁰

Thus, it is obvious that Tharchin omitted in his publication a number of important details of this historical event and manipulated with the title of the article. The editor created a not entirely objective impression of a full-scale diffusion of anti-Chinese sentiment in Tibetan society and thus tried to actualize the idea of armed resistance to the Chinese communist rule in Tibet.

Almost from the very day of arrival of Chinese communists to Tibet, Tharchin attempted to impose a matrix of negative perception of their policies in the region. Browsing through *The Tibet Mirror* issues from the first half of the 1950s, a reader can stumble upon a hyperbolized picture of a “real hell”⁶⁵¹ on Earth that seized the Tibetan Plateau under the Chinese communist rule as early as August 1952. On the last page of *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, the editor publishes a letter from an unknown “learned” expert who gloomily reports on the situation in Tibet and urges Tibetan compatriots to “free themselves [from] foreign enemies”.⁶⁵²

In the past, bodhisattva rulers and ministers sacrificed their lives for the sake of Dharma, the Teaching, and their subjects. Now aristocrats, for the sake of [saving] their property, life, and petty ambitions, deliver to Chinese officials at night all confidential conversations of the [Tibetan] government. To please Chinese officials, they openly or secretly give [the Chinese] their own women, relatives, and daughters. In words, they say that they cannot think [about no one else], except for the Dalai Lama and the [Tibetan] government, they let tears out of

⁶⁴⁸ Goldstein 2007: 345, 365, 367; Shakya 2000: 109.

⁶⁴⁹ Goldstein 2007: 263, 264, 338.

⁶⁵⁰ Garri 2009: 79.

⁶⁵¹ Tib. *dmyal ba mngon sum du myong* (*The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 8).

⁶⁵² Tib. *phyi 'i dgra* [...] *sgrol*.

their eyes, [fold] their palms, [and] bow respectfully. That very same evening, they think to themselves if they should report [to the Chinese] on any important confidential conversations. The eyes on the faces of Chinese officials roll back and forth. Oh, these are not two [different] men, [these are] two heads on one [same] body, two tongues in one mouth. How despicable [such] completely canine- and swine-like methods of [these] lovely aristocrats are. This is amazing!

I take refuge in the precious monks of the four main monasteries⁶⁵³ who are being deceived with alms and tea but who will not be fooled, who have nothing but the Dharma to think about and the Teaching to bear in their mind, who for the sake of this [life] and the next do not make mistakes in recognizing the good and the evil, and who can—not only in words—sacrifice their lives for the sake of Dharma and the Teaching.

I take refuge in the two precious Prime Ministers—the incarnations of Vishnu—who do not listen to the speeches of communist China, who cannot be deceived by [Tibetan] aristocrats with [their] cheating [tricks], who protect the weak, who persecute those in power, who are persistent in [their] faith, and who show no duplicity with regard to government affairs.

I take refuge in the precious people of Dbus, Gtsang, and Kham, who, even though [they] have no wealth, are not fooled by money, who, even though [they] are oppressed by taxes and the 'u lag⁶⁵⁴ [duty], think “[it is] for the sake of the Teaching,” who do not turn away from [the Dalai Lama’s government] Dga’ ldan Pho brang⁶⁵⁵, who know that there is poison behind the courteous speeches [of the Chinese], and who do not become corrupt by following [the example of] the Chinese.

Look! How much damage the monasteries have suffered in the area of Amdo and Kumbum. How much hardship the people [have to] endure [there]. [Chinese communists] do not [simply] deceive several Kuomintang officials [and] the people [there] but—being grandiose in [their] speeches [and] void [of anything good] in reality—hold [those people there] like little Chinese birds. Many tens of thousands of other [people] have been killed.

Not to mention China, look [how] many hundreds of thousands of rich traders from Xining, Sichuan, and Yunnan have been robbed and killed. Because old men and old women are not attended by those who [can] help [them] to prepare [their] food, they are [thus] being pushed to a painful death. Middle-aged people suffer from cultivating fields, building roads, and transporting weaponry. Soldiers have been killed with the weapons of evil-minded foreign

---

⁶⁵³ Tib. *gdan sa bzhi*.

⁶⁵⁴ Mong. *ulaya*, a form of transportation duty in Tibet.

⁶⁵⁵ Tib. *dga’ ldan pho brang*. The name of the traditional Tibetan government since the reign of the 5th Dalai Lama in the 17th century. The rule of the Dga’ ldan Pho brang did not extend over the entire Tibetan plateau: most of eastern Tibet remained independent and was controlled by local leaders (Powers and Templeman 2012: 190).

enemies. Buddhists have been killed with the weapon of doubt. Those in the middle [between soldiers and Buddhists] have been killed with hunger and [food] shortage. Look how all children from 13 to 24 years old, both boys and girls, are suffering from military training and living in real hell. [Just] ask!

Think! Think how little time [it] will take and [what] Tibet itself will definitely become of soon! Think about the future!

Strive! Strive! Strive to [find] a way to avoid [it]!

Protect! Protect! Protect the Dalai Lama!

Protect! Protect! Protect the policy of Dga' Idan Pho brang!

Unite! Unite! Dbus, Gtsang, and Kham, unite in your thoughts!

Liberate! Liberate! Liberate yourself [from] foreign enemies and your own vow-breakers!

Furthermore, I ask to publish in the news the suggested names of all vow-breakers.

[Your] humble [servant] 'Phris kun khyab presented [this] on the fifth day of the fourth Tibetan month.⁶⁵⁶

The origin of 'Phris kun khyab is unknown, but Tharchin publishes his letter in a regular column of *The Tibet Mirror* entitled “From a Learned One,”⁶⁵⁷ thereby marking the opinion of the author as competent and reliable. The “learned” author of the letter argues from a position of a devout Buddhist patriot asking for providing support to the 14th Dalai Lama, the Tibetan government Dga' Idan Pho brang, and even the two Tibetan Prime Ministers who were deposed for their covert anti-Chinese activities three months earlier. 'Phris kun khyab also requests that his list with the names of Tibetan collaborators is made public and unequivocally defines their status as “[Buddhist] vow-breakers.”⁶⁵⁸ Right from the beginning, the author divides the life into the ideal “past” when “bodhisattva rulers and ministers sacrificed their lives for the sake of Dharma, the Teaching, and their subjects,”⁶⁵⁹ and the depressing “present” when Tibetan aristocrats secretly pass on “all confidential conversations” of the Tibetan government to communist “enemies” “for the sake of [saving] their property, life, and petty ambitions.”⁶⁶⁰ Focusing in the text the lexemes

⁶⁵⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 8.

⁶⁵⁷ Tib. *mkhyen ldan zhig nas*.

⁶⁵⁸ Tib. *nang gi dam nyams*.

⁶⁵⁹ Tib. *sngar gyi rgyal blon byang chub sems dpa' rnam nas chos dang / _bstan pa mi ser gyi phyir sku srog blos btang*.

⁶⁶⁰ Tib. *deng sang gi sku drag che khag rnam nas rang gi rgyu srog phran bu'i don du/_gzhung gi nang gtam tshang ma mtshan mo rgya dpon gсар bskyel*.

with negative semantics such as “to deceive,” “to kill,” and “to suffer,” the author depicts a picture of the “hell”-like present in Tibet, where Chinese communists fool monks “with alms and tea”⁶⁶¹ and kill them with the “weapon of doubt,”⁶⁶² damage the monasteries,⁶⁶³ kill people with “hunger and [food] shortage,”⁶⁶⁴ “push to a painful death”⁶⁶⁵ old men and women, torture children with military training.⁶⁶⁶

Tharchin published the letter of 'Phris kun khyab in August 1952. Was indeed the situation in Tibet so desperate and dreadful at that time? The process of Tibet's “liberation” and subsequent political reforms in the region in the 1950s were uneven and differed depending on the specific territory and those who held leadership positions in that area. Given that, one must admit that in the early 1950s, the CCP required its officials and soldiers stationed in Tibet to observe a strict discipline and avoid interfering in the traditional Tibetan social and religious practices, thus, there were no reforms carried out in the first two years after the establishment of the communist rule on the Tibetan Plateau.⁶⁶⁷ Moreover, in the early 1950s, the Chinese communist government pursued the so-called “United Front” policy in Tibet and local leaders still remained in power on the territories inhabited by the Tibetan-speaking population.⁶⁶⁸ The French Tibetologist X. de Heering contends that in some areas of eastern Tibet, to which the region of Amdo mentioned by 'Phris kun khyab belongs, the administrative and political reforms under the communist leadership were not noticed by the local population until 1958.⁶⁶⁹ The British researcher R. Barnett shares a similar opinion: democratic reforms and related cases of armed resistance on the territory inhabited by Tibetan-speaking population began only in 1955–1956 in Kham, in 1958 in Amdo, and in 1959 in Lhasa.⁶⁷⁰

---

⁶⁶¹ Tib. *'gyed dang ja tshul gyis bslus*.

⁶⁶² Tib. *nang dwogs pa 'i mtshon chas bsad*.

⁶⁶³ Tib. *dgon khag la nyam chag ji gyur*.

⁶⁶⁴ Tib. *ltog chad mu ges bsad*.

⁶⁶⁵ Tib. *rgad po dang rgad mo rnams la lto g.yogs ma 'byor bas sdug shir 'gro ba*.

⁶⁶⁶ Tib. *phru gu [...] pho mo tshang ma dmag sbyong gi sdug bsngal [...] myong gi yod*.

⁶⁶⁷ Barnett 2020: 4; Shakya 2000: 115.

⁶⁶⁸ Shakya 2000: 107.

⁶⁶⁹ de Heering 2020: 472.

⁶⁷⁰ Barnett 2020: 4.

As for the “hunger and [food] shortage” described by ’Phris kun khyab, according to M. Goldstein, the grain shortage of 1951–1952 was artificially created by the Tibetan government in order to force the Chinese communist government to reduce the number of soldiers of the PLA deployed in Tibet on the pretext that their presence on the Tibetan Plateau could have not been adequately provisioned with modest Tibetan resources.⁶⁷¹ One should also add that the government of the PRC took measures to tackle the economic problems caused by the deployment of their troops in Tibet. For example, the Chinese communist government forbade its officials and military personnel to purchase food individually at local markets and to cut down trees even if Chinese soldiers ran out of fuel.⁶⁷² Besides, at the end of 1951, Chinese communist officials got a permission of the Tibetan government to start an experimental project on the plowing of uninhabited lands in the west of Lhasa for the purpose of vegetable gardening and arranged the Chinese import of food supplies to Tibet via India.⁶⁷³

Thus, despite the disturbing content of ’Phris kun khyab’s letter, there is no confirmation of the systematic abuse done by Chinese communists in Tibet in the early 1950s. Based on the available data, one can say that in the first half of the 1950s, communist officials, on the contrary, pursued a careful approach towards the traditional Tibetan way of life and sought ways to cooperate with local population in the most productive format. However, one must acknowledge that the letter of the “learned” ’Phris kun khyab seamlessly fits into Tharchin’s anti-communist discourse in *The Tibet Mirror* and reinforces the impression from similar publications on Tibet authored by the newspaper editor himself.

In the first half of the 1950s, Tharchin stimulated protest moods among his readers by offering all sorts of reasons for criticizing Tibet’s “liberation” by the PLA. For instance, in *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7 dated October 1952, the editor

---

⁶⁷¹ Goldstein 2007: 252.

⁶⁷² Goldstein 2007: 251, 255.

⁶⁷³ Goldstein 2007: 256, 258.

described the “unbearable suffering”⁶⁷⁴ of the poorest citizens of Lhasa caused by the vegetable-gardening idea of Chinese communists:

The Chinese who bought houses from [Tibetan] aristocrats and moved there told the numerous tenants that had been renting rooms there to move out quickly. However, it is difficult to find an accommodation in Lhasa.

Although those who have money and assets found their [new] houses, the poor destitute people can barely find the food and clothing [for themselves], that is why [they] did not find a [new] place to live at. It is reported that they have put up tents at the vacant areas in the vicinity of Lhasa and are living [there]. Apart from experiencing difficulties with food and clothing, since those tents have no doors, they suffer because even the little food and clothing they have is getting carried away by dogs and thieves. At the same time, the Chinese [People’s] Liberation Army says that there is a need [to set up] vegetable gardens even at those areas [newly occupied by the poor]. Thinking about the time when they [the poor Tibetans] go numb, they experience the unbearable suffering. They say they have [now] seen [what kind of] liberation it really is.⁶⁷⁵

Tharchin demonstrates that as a result of the “liberation,” the poorest stratum of the local Tibetan population suffers the most, but the People’s Liberation Army shows indifference and takes away from the poor even the little they had left. There is no criticism of the possible role of the Tibetan government or Tibetans themselves in these circumstances, and the blame is placed entirely on the alien Others. The editor of *The Tibet Mirror* concludes his news report with a discourse superstructure, namely an indirect quotation from the impoverished people of Lhasa who—being eyewitnesses to the described events—knowledgeably declare that they have now seen what kind of “liberation” (the implication is: a “liberation” full of suffering) the Chinese communists have “really”⁶⁷⁶ brought them. The Tibetan historian Tsering Shakya assesses this period in Tibetan history quite differently. In Tsering Shakya’s words, by late 1952, the government of the PRC had successfully established the necessary infrastructure in Tibet, while the local Tibetan population embraced with enthusiasm and trust many of the agricultural, construction, and industrial

⁶⁷⁴ Tib. *bzod rlags med pa’i sdug bsgal*.

⁶⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 7, October 1952: 7.

⁶⁷⁶ Tib. *bcings bkrol dngos su mthong byung zer gyi yod skad*.

innovations introduced by the Chinese.⁶⁷⁷ Moreover, in the first half of the 1950s, Chinese communists supported local Tibetan peasants, herders, and traders with loans, and after the problem of Chinese food supplies was resolved, the suspicion and resentment of the PLA's presence in Tibet was replaced by a "neo-Chinese" fashion that stimulated Tibetan-speaking locals to imitate the Chinese in dress, manners, and even the ideology.⁶⁷⁸

Throughout the 1950s, Tharchin framed his stories about Tibet's present as a narrative of something that had never happened before. Employing the most mundane examples from daily life, the editor of *The Tibet Mirror* tried to convince his readers that what was happening in Tibet under the Chinese communist rule went beyond the extraordinary and thus posed an unprecedented threat for all. For instance, in *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9 dated December 1952, Tharchin indignantly reports that a respectable gentleman from Kalimpong who was taking pictures of the Chinese baling up their hay was detained for that and brought to a Chinese official for an explanatory talk. According to the editor of *The Tibet Mirror*, this case clearly indicates the "evil manners"⁶⁷⁹ of Chinese communists. To illustrate a stark contrast, Tharchin points out that in India, one is allowed to move freely and take pictures regardless of its nationality. The editor insists that "before, it was not like this in Tibet,"⁶⁸⁰ but "now, the inherent inner glow of the communist oppression has manifested itself in reality."⁶⁸¹ Using a popular metaphor of the Cold War period, Tharchin argues that "in Tibet, the iron curtain has gradually formed a fence."⁶⁸² It is necessary to say that Tharchin's statement regarding Tibet's unprecedented seclusion from the outside world is questionable if one takes into account the long policy of isolation voluntarily pursued by the Tibetan government from the late 18th century until the beginning of the 20th century.

---

⁶⁷⁷ Shakya 2000: 115–117.

⁶⁷⁸ Shakya 2000: 117; Kychanov and Melnichenko 2005: 265.

⁶⁷⁹ Tib. *rgya dmar gyi byed stangs ngan pa ji yin* (*The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952: 7).

⁶⁸⁰ Tib. *de mtshungs sngon bod du'ang med pa yin*.

⁶⁸¹ Tib. *da ni dmar po'i btsan dbang gyi rang mdangs dngos su bston*.

⁶⁸² Tib. *rim pas bod la lcags kyi yol bas lcags ri brgyab*.

In depressing descriptions of the current state of affairs in Tibet in the 1950s, one can even find elements of the early ecological discourse which became especially popular in the Tibetan diaspora only much later, namely in the mid-1980s.⁶⁸³ On the front page of *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5 dated August 1953, under the headline “Oppression of People in Mnga’ ris,”⁶⁸⁴ Tharchin publishes news that several Chinese communists “forcibly”⁶⁸⁵ cut down about 2,000 trees in Mnga’ ris for free and used them for the construction of a military camp for the PLA, after which both men and women had to transport those tree trunks on their backs for free. To sum up his news report, the editor once again tries to prove that the present in Tibet is worse than before the arrival of Chinese communists, since Tibetan people are now suffering from the “incredible hardship” that is not comparable to what used to be in Tibet “before.”⁶⁸⁶

Among Tharchin’s key tasks for the effective promotion of the idea of Tibetan independence, one can see the task of undermining of the trust of local Tibetan-speaking population to Chinese communist officials and the construction of ideological obstacles for their cooperation. Therefore, in many publications in the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* focused on exposing the alleged lies and revealing the ulterior motives of which he accused Chinese communists. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.2 dated May 1953, Tharchin explains all socio-economic innovations in Tibet with a program specifically designed by Chinese communists for oppressing Tibetans:

These days, communist China has established many institutions all over Tibet, such as [for instance] loan [offices]. [The Chinese communist government] initiated an evil policy trying to trap Tibetans in these institutions.

For example, [the establishment of] bank offices is a means of collecting all Tibetan gold and silver, [the establishment of] offices for aiding the hunger or improving the living standards is a means to comprehend how much Tibetan arable land, grain, and resources

⁶⁸³ For more on the ecological discourse, see Asfuroglu 2012: 42–45.

⁶⁸⁴ Tib. *stod nga’ ris khul gyi mi ser la btsan gnon* (*The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 1).

⁶⁸⁵ Tib. *btsan dbang gis*.

⁶⁸⁶ Tib. *mi ser rnams la sngar dang mi ’dra’i dka’ sdug chen yod*.

there are. Handing out hundreds of thousands of white *da yang*⁶⁸⁷ for the procurement of Tibetan grain and property now is a means to make Tibetan people starve and catch [them] with a lasso trap. The construction of roads now is a means to transport many soldiers and weapons and gradually put Tibetans behind the secure iron fence. Sowing of many fields now is a means to bring in and gradually settle there many Chinese. Gradually, the Tibetan nation will surely be annihilated.

For example, what is the purpose of the so-called “increasing” of scarce population in Tibet now? The establishment of schools with instruction in the Tibetan language now is a trick. Saying that no damage will be done to the religion now is a trick. Whether it is a trick or not, one can understand if one takes a look at the Chinese soldiers that arrived in Tibet [and] whether or not [they] have a religion. Being good and friendly to aristocrats now is a trick too. When a long period of time passes, all will certainly see whether it is so or not. All know well what was done to the region of Amdo.⁶⁸⁸

The first part of the article is built on parallelism of five statements conveying that anything done by Chinese communists “is a means to ...”⁶⁸⁹ covertly achieve the opposite of the proclaimed objectives of the official development program. The second half of the article is built on parallelism of three similar claims: anything done by Chinese communists, in reality, is “a trick.”⁶⁹⁰ The editor suggests to evaluate the accuracy of his judgment (“whether it is a trick or not”) based on whether the Chinese soldiers in Tibet “have a religion.”⁶⁹¹ By repeating the lexeme “gradually,” Tharchin makes a gloomy forecast for Tibet under the communist rule: “gradually,” Tibetans will be “put behind the secure iron fence;”⁶⁹² “gradually,” many Chinese will be settled in Tibet;⁶⁹³ and “gradually, the Tibetan nation will be surely annihilated”⁶⁹⁴ by the Other.

In the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* supplemented any news report that could have positively characterized the Chinese communist policy in Tibet with an observation that if anyone had thought that there was something good under the

---

⁶⁸⁷ The term *da yang* refers to the Nationalist silver dollar or silver yuan, the currency used by the Chinese communist government in Tibet after its incorporation into the PRC (see Shakya 2000: 95).

⁶⁸⁸ *The Tibet Mirror* Vol. XXI No. 2, May 1953: 3.

⁶⁸⁹ Tib *thabs red*.

⁶⁹⁰ Tib *mgo skor red*.

⁶⁹¹ Tib *mgo skor yin min bod du bslebs pa 'i rgya mi chos yod med bltas na ha go thub kyi red*.

⁶⁹² Tib *bod kyi mi rnam la rim pas lcags ri bisan po 'i nang la bcug*.

⁶⁹³ Tib *rim pas rgya mi mang po 'khrid de 'jog*.

⁶⁹⁴ Tib *rim pas bod rigs rtsa med gtong nges red*.

communist rule, it was not what it seemed at first glance. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated November 1953, Tharchin commented on news from Tibet in the following way:

The Chinese Communist Party has now built a highway to Chamdo. Many hundreds of cars are reported to deliver goods and other things every day. [...]

I also heard news that a lot of schools and large army barracks were being built in Lhasa and Gzhis ka rtse. Although it is said that agriculture is developing and many good kinds of green vegetables have been planted and will continue to be planted, by now, I have not heard that the market prices of goods in Tibet have been changing on a day-to-day basis from rising to decreasing. It is said that up to the present time, the strict discipline and law-abiding conduct of Chinese soldiers have not provoked the Tibetan people [to start] any clashes. It is said that up to the present time, even [the practice of] the Tibetan religious teaching has not been obstructed in any way.

Even though this is so, since the market prices of goods are increasing, it is said that, in addition to [being] exhausting for the communities of the various monasteries, the [monastic] communities have all also been shrinking [in terms of their numbers]. Be that as it may, is not [this] like a hat made of wet leather? [...]

In Lhasa, now, as it was in the past, along with the prohibition to throw filth and urine everywhere, the streets are reported to be very clean. Although now, one can play dice, mahjong, and other games, it is said that you cannot make a bet in the form of money and jewelry. If it is true, it is very good. It is very good that [the Chinese] are learning our writing system and virtues, [have introduced] medical hygiene, and have established new hospitals. Nevertheless, I have not understood what meaning the claims of [Chinese communist] that they have liberated and will liberate [Tibet] carry, if Tibetans had not been tied by anyone. Although they say: “[We] voluntarily do no harm to the Teaching,” rumor has it that having piled up many thousands of precious [Buddhist] statues in one heap in the area of Xining, [they] sell those nice, beautiful pieces for five Chinese silver coins each. If [this] is true, the Teaching perhaps was not left to the personal discretion of everyone.

Also, according to the rumors, although earlier traders used to make large profits and goods were being bought, now, even when the capital has been roughly cut back, nobody buys [anything].

Published in accordance with what I have heard. Let those living in [that] area investigate whether it is true or not!⁶⁹⁵

---

⁶⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4.

Although during the earliest years of the Chinese communist rule, Chinese officials pursued a policy of smooth integration of Tibet into the PRC and gave no reason to doubt their intention to honor the Sino–Tibetan agreement, Tharchin sought to embitter his Tibetan readership and set them against the alien Others. Therefore, on the pages of *The Tibet Mirror*, one reads how Chinese communists hypocritically promised to protect the Buddhist religion and then piled up in a heap and sold out Tibetan sacred religious objects. Reproducing the metanarrative of Tibetan independence, the editor repeated over and over again that he did not understand why and from whom Chinese communists had “liberated” the people of Tibet if Tibetans were free by default anyway.⁶⁹⁶ To describe the current situation in Tibet in the most articulate and catchy way the editor also made use of a simile “like a hat made of wet leather”⁶⁹⁷, i.e., something that feels comfortable at first and then becomes terrible. To inspire a sense of fear in his recipients, Tharchin inculcated an idea that in the future, his Tibetan would be caught in a grip of “communist oppression,” even if now they believed that living under the Chinese communist rule was relatively comfortable.

Embedding negative news on Chinese communists in virtually every issue of *The Tibet Mirror* in the 1950s, the editor diligently downplayed the accomplishments of the PRC in Tibet and placed under a magnifying glass the burning socio-economic consequences of the “liberation” of Tibet. To create an illusion that the audience of *The Tibet Mirror* had a very similar depressing impression of the Chinese communist policy in Tibet, Tharchin employed a column with letters to the editor. For example, on the front page of *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10⁶⁹⁸ dated January 1954, the editor published a letter, the author of which complained that it was the third year since the PLA arrived in Tibet, but the local population “has still not understood the meaning of what is called ‘liberation.’”⁶⁹⁹ The author reported that prices have skyrocketed to unprecedented heights.

⁶⁹⁶ Tib. *bod kyi mi rnams la su gang zhig gis bcings med pa la bcings bkrol byas dang byed rgyu yin zhes pa'i don ga re yin nam ha go ma byung.*

⁶⁹⁷Tib. *ko rlon gyi zhwa ltar min nam.*

⁶⁹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

⁶⁹⁹ Tib. *bcing dkrol zhes pa ji yin don ni ha go ma song.*

Landlords were immensely raising annual rent “without [any] shame.”⁷⁰⁰ People could not think of anything else but what to eat and where to live. Corroborating Tharchin’s opinion, the author of the letter idealized Tibet prior to 1951 and argued that “it was not like that before.”⁷⁰¹ It is fair to add here that, according to M. Goldstein’s estimation, the inflation and problems with food supplies—although on a smaller scale than immediately after the PLA had entered Tibet—did occasionally worsen until late 1954, when the construction works on two highways from China to Tibet were completed.⁷⁰² However, at this moment, it is impossible to say with certainty whether the editor of *The Tibet Mirror* indeed received letters from pro-nationalist readers fondly reminiscing about the old days in Tibet before the communists’ rise to power or whether he composed them himself.

In *The Tibet Mirror* issue dated August 1953, Tharchin asks his readers to take a look at another “genuine”⁷⁰³ letter that was delivered to the office of his Tibet Mirror Press.⁷⁰⁴ The most interesting part of this reader’s appeal cited by Tharchin are the striking pejorative labels given by the author to the Chinese communists, namely “a herd of treacherous communist bandits,”⁷⁰⁵ and their followers who “have the mental abilities of the children of elderly peasants.”⁷⁰⁶ Perceiving the present through the simplified categories of “black” and “white,” the author of the letter argues that on the territory controlled by the PRC, Chinese officials “have destroyed all religious and secular traditions” and “do not distinguish between good and evil,”⁷⁰⁷ while “all citizens experience suffering being exploited like animals.”⁷⁰⁸ In the 1950s and 1960s, letters to the editor of *The Tibet Mirror* mainly contained complaints against the Chinese communist presence in Tibet and acute criticism of those Tibetans who decided to cooperate with Chinese communists instead of opposing them. The authors of most appeals were marked by Tharchin as

⁷⁰⁰ Tib. *khang yod rnam nas ngo tsha med pa’i khang gla lo bstar tshad med spar bzhin ’dug.*

⁷⁰¹ Tib. *de ni sngar mi grags pa’i gnas lugs la brten dka’ las khag po red.*

⁷⁰² Goldstein 2007: 407–408.

⁷⁰³ Tib. *yi ge zhig gsar khang du skyar ’dug pa’i ’dra shus ngo ma.*

⁷⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXI No. 5, August 1953: 6.

⁷⁰⁵ Tib. *ngan g.yo can dmar lugs ’dzin pa’i jag pa’i khyu.*

⁷⁰⁶ Tib. *dmal lugs ’dzin mkhan dmangs rigs zhing pa rgad po’i bu phrug shes rigs ldan pa.*

⁷⁰⁷ Tib. *chos srid lugs srol kun bstor nas bzang ngan dbye ’byed med.*

⁷⁰⁸ Tib. *mi ser thams cad dud ’gro lta bu gzhan dbang bkol bcod sdug bsngal myong ba.*

eyewitnesses of the events described, therefore, the content of such messages must have automatically sounded much more credible for readers of *The Tibet Mirror*. The typical anti-communist alignment of letters to the editor echoed the tone of Tharchin's discourse and amplified the persuasive effect of publications authored by the editor himself.

Apart from publishing anti-Chinese eyewitness testimonies and his own skeptical comments on the success of economic development of Tibet under the guidance of Chinese communist leadership, Tharchin argued in *The Tibet Mirror* with foreign journalists who had visited Tibet in 1955 and spread "false"⁷⁰⁹ information about the successful introduction of innovations in road construction and agriculture in Tibet by Chinese communists. Striving to prove the independent historical development of Tibet, in Vol.XXIII No.5 dated February 1956, the editor published an article claiming that foreign reporters were "confused,"⁷¹⁰ for, in fact, Tibetan people had been growing tomatoes and cauliflower long before the arrival of Chinese communists, and, if something had not existed in Tibet earlier, it was still not there in spite of any propaganda of the Chinese communist government. Pursuing the strategy of discrediting the policy of the PRC, Tharchin further accused Chinese communists of spreading all innovations in Tibet not for the benefit of Tibetan-speaking people, but solely "for the own sake"⁷¹¹ of [China] and admonished his readers against the development of Tibetan agriculture for it would bring only "harm instead of [any] good."⁷¹²

As tensions grew on the Tibetan Plateau in the second half of the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* spoke with an even greater vigor about manifestations of "communist oppression" and continued convincing his readers that the Chinese communist policy in Tibet focused solely on deceit rather than concern for the local population. Tharchin compared the present of Tibet under the communist rule to the

---

⁷⁰⁹ Tib. *bden pa ma red*.

⁷¹⁰ Tib. *gsar mkhan de mgo thoms pa red*.

⁷¹¹ Tib. *da lta gung phran nas 'bor chen spel gyi yod nges red/_de yang rang don ched du las bod kyi mi dmangs ched du e yin cha ma rtogs*.

⁷¹² Tib. *des so namis gong 'phel yong rgyu red ces pa de bod du so namis la phan pa las skyon du 'gyur srid kyi red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 2).

times before 1951 and idealized the past of Tibet. In *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11 dated April–May 1960, Tharchin published the following comparison of the present with the past under a long title with a ready-made accusation “Although various rumors are being spread that communist China is improving the living [conditions] in Tibet, in reality, [those are] empty and deceitful talks”⁷¹³:

At present, communist China has deceived and continues to deceive the rest of the world with their pleasant speeches about improving life in Tibet and various tricks. [But] all of [you] have no reason to trust [these words].

Before, there were no stories about Tibetan people dying of starvation. Even if a Tibetan was poor, he had enough money for his life [expenses]. Besides, [members of] the upper class made offerings to the Three Jewels, [members of] the lower class made donations to the poor, and those in between could take care of their relatives. In addition to that, [Tibetans] had enough provisions for at least one year. Thus, even beggars had no sorrow in life, therefore, [they] lived like singers, dancers, and musicians.

However, although the Chinese now claim that life in Tibet is improving, let alone the poor, but even those who are rich do not get more than eight seers⁷¹⁴ of grain a month. Because of a large number of people, it is difficult [to obtain] enough [grain] daily. Thus, only if you stay overnight at the doorstep of the building where the grain is distributed, you will [then] barely get your own ration. As a result of it, many elderly people die of hunger. Not only in Tibet, but also in China itself, one cannot get anything but a few sweet potatoes, and many people die of hunger.

As several people saw with their own eyes in Tibet, because the Chinese have taken to [corrective] labor camps the husbands of women who are mothers to many children, there is no one to take care about them [the families left]. Therefore, when children ask their mother for food, to trick the children she has to roll “*rtsam pa*” balls [made] of mud and to give it to them.

It used to be that a mother, after throwing her children into the water, then had to jump into the water herself as well. Lhasa, which used to be [a place where everything] was perfectly well, has now been really turned into an area of hungry ghosts. This is how the Chinese Communist Party is improving the life [in Tibet]. The fact that there is no *rtsam pa* to eat in [Tibet] corresponds to the fact that outside [Tibet they] pretend to eat soup.⁷¹⁵

⁷¹³ Tib. *rgya dmar nas bod la 'tsho ba yar rgyas gtong tshul gyi 'bir gtam sna tshogs grags kyang don dam bkyl brdzun bkyl nag red.*

⁷¹⁴ Tib. *sher*, a unit of weight used mainly in northern India, one seer is equal to 1.25 kg.

⁷¹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 8.

Imposing a sense of an indefinite duration of the dishonest policy of the Chinese communist leadership with the help of a grammatical-syntactic construction “has deceived and continues to deceive,”⁷¹⁶ the editor accuses Chinese communists not only of lying about improving the standard of living in Tibet, but also incriminates them with causing massive hunger of the PRC population. To describe the appalling situation in Tibet, Tharchin employs an intense metaphor from the netherworld: the Chinese communists have “really turned” Lhasa “into an area of hungry ghosts.”⁷¹⁷ By demonstrating that the most vulnerable social groups, namely the elderly, women left without their husbands to help, children, and the poor, suffer because of the Chinese communist rule, Tharchin enhances the emotional load and adds a sense of anxiety to the descriptions of Tibet’s desperate present. At the same time, Tharchin reinforces the persuasive effect of his narrative by stating that he did not publish his news report based on hearsay but received it from real eyewitnesses in Tibet. Comparing Tibet’s present to the ideal “Golden Age” before Chinese communists came to power, the editor assures his readers that Tibet used to have everything, “even beggars” had “no sorrow in life” and “lived like singers, dancers, and musicians,”⁷¹⁸ while in Lhasa all was “perfectly well.”⁷¹⁹

For another telling example of Tharchin’s attempt to impose the illusion of the fine past of pre-1951 Tibet which could not compare to its awful present, one can refer to a report entitled “Official Statement of Communist China”⁷²⁰ from Vol.XXVI No.1 dated June 1959:

The Chinese radio reports now that Tibetan citizens have been made happy and [they] have found the splendor of happiness. The numerous reports that [Tibetan] aristocrats and lamas had previously brought much suffering to the common people are being made up by Chinese communists themselves and [then] forced on [the other] people to be reproduced [in their stories]. This does not correspond to the wishes of the [Tibetan] citizens [themselves].

---

⁷¹⁶ Tib. *deng sang rgya dmar nas bod la 'tsho ba yar rgyas btang lugs skor phyi rgyar kha gnam snyan pos mgo bskor sna tshogs btang dang gtong mus.*

⁷¹⁷ Tib. *lha sa de ni deng sang yi dwags kyi yul dngos su btang 'dug.*

⁷¹⁸ Tib. *sprang po rnams kyang 'tsho gos kyis sems sdug med pas glu gar rol bzhin sdod rgyu yod.*

⁷¹⁹ Tib. *sngon du bde skyid phun sum tshogs.*

⁷²⁰ Tib. *rgya dmar gyi khyab bsgrags.*

Although earlier, lamas and aristocrats slightly mistreated [Tibetan citizens], there has never been such oppression as now. Earlier in the times of lamas and aristocrats, it has never been like [it is] now that a person does not have a right to food, a right to clothes, a right to freedom of movement, a right to talk, a right to make religious offerings to the Three Jewels, a right to one's own accumulated wealth, a right to strive [to accumulate] one's own wealth, as well as [it has never been] that [a person], after having done hard work all day, does not have enough of the distributed food to eat.

Although there may have been similar hardships [earlier], there has certainly never been such oppression as that of communist China in Tibet now.⁷²¹

Even though the editor of *The Tibet Mirror* admits in his article that Tibet was not a perfect place in the past, he contends that Tibetan aristocracy and clergy only “slightly mistreated”⁷²² Tibetan people. Right after that, Tharchin employs the discourse technique of creating the unique threat⁷²³ and focuses his publication on stressing the idea that “there has never been such oppression as now.”⁷²⁴ An almost identical line is repeated at the end of the article again: “Although there may have been similar hardships [earlier], there has certainly never been such oppression as that of communist China in Tibet now.”⁷²⁵ Between these two lines, Tharchin adds a very similar third one reiterating once again that “earlier in the times of lamas and aristocrats, it has never been like [it is] now.”⁷²⁶ Thus, a unique threat is created. The recipients of discourse are bound to understand that there is something extraordinary going on in Tibet under the communist rule. The editor specifies what is different now. Using a lexico-syntactic repetition (“a right to ...”⁷²⁷), Tharchin avers that, at present, Tibetans are not only oppressed with the hard work but are denied all basic human rights. Having accused Chinese communists in spreading propaganda in the media on behalf of Tibetan citizens, Tharchin steps up with his counterpropaganda

⁷²¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2–3.

⁷²² Tib. *sngon du bla sger khag gi phran bu re sdug po btang*.

⁷²³ The technique of creating the uniqueness of the threat is aimed at convincing the recipients of discourse of the special significance, uniqueness, and unprecedentedness of the existing threat (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 117).

⁷²⁴ Tib. *da lta lta bu 'i btsan dbang nam yang byung yod pa ma red*.

⁷²⁵ Tib. *ma gshis rdab bsigs 'dra byung yod srid kyang da lta 'i rgya dmar gyis mnar spyod ltar nam yang bod du byung med nges gtan red*.

⁷²⁶ Tib. *sngar bla sger khag gi dus su nam yang byung yod pa ma red*.

⁷²⁷ Tib. ... *pa 'i/kyi/gyi dbang cha*.

in the name of Tibetans and claims that the Tibetan-speaking population does not agree with the official statements of PRC.

In the second half of the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* actively engaged in covering breaking news on local uprisings on the Tibetan Plateau and cultivating the patriotic spirit of Tibetan-speaking peoples. Tsering Shakya voices the opinion that the very first clashes over the Chinese democratic reforms occurred in Kham and Amdo in late 1954.⁷²⁸ M. Goldstein believes that for the people of ethnographic Tibet, the first six years under the Chinese communist rule went without any significant changes: the religious and secular elite cooperated with communist officials on a mutually beneficial basis, they retained their land holdings and property and even received senior positions within the new communist government.⁷²⁹ According to M. Goldstein, it was not until late 1955 and early 1956, that discussions of further democratic reforms of the traditional way of life in Kham met the distrust and resistance from members of the local elite and finally led to the armed confrontation in the region.⁷³⁰ At the same time, in case of central Tibet where the 17-Point Agreement was in effect, all reforms were officially delayed for five to ten years and began only after the uprising in Lhasa in March 1959.⁷³¹ By February–March 1959, the Chinese communist leadership had been suppressing uprisings in eastern Tibet quite for a while, therefore, many people from the rebellious eastern areas fled to central Tibet and thereby created a higher tension on those Tibetan territories where, in fact, no democratic reforms had been undertaken so far and the traditional way of life was still intact. However, precisely at that time, the editor of *The Tibet Mirror* decided to use the crisis situation in eastern Tibet to “expose the lies of the PRC”⁷³² and to further intensify the protest mood of the Tibetan-speaking population:

Until now, the Chinese Communist Party has told the world only its blatant lies. “Besides the fact that we have provided and continue to provide Tibet with the necessary help, since

---

⁷²⁸ Shakya 2000: 138.

⁷²⁹ Goldstein 2014: 116–118.

⁷³⁰ Goldstein 2014: 118–119.

⁷³¹ Shakya 2000: 152, 156.

⁷³² Tib. *brdzun gtam mthil rdol*.

there is absolutely no oppression [whatsoever], all Tibetan monks and laymen, people of all classes, love communists. A few bandits have staged a riot,”—this is how they blatantly lied. The whole world knows that all monks and laymen of the thirteen Tibetan *khri skor* absolutely dislike Chinese communists and are all unanimous [in that]. In this regard, when Tibet needs help, everyone should promptly provide [it]. If you do not [provide your help], later you will regret it.⁷³³

In a rather brief news report, Tharchin accuses Chinese communists of “blatant lies”⁷³⁴ about the situation in Tibet twice, after that he introduces the generalizing statement on a pseudo-collective judgment of the entire population of Tibet (“all monks and laymen of the thirteen Tibetan *khri skor*”⁷³⁵) regarding their “unanimous” disliking of Chinese communists, which is simultaneously packed in a frame of a pseudo-collective opinion of the whole world (“the whole world knows” about it)⁷³⁶.

After the Lhasa uprising in March 1959 and the immigration of the 14th Dalai Lama to India, the editor of *The Tibet Mirror* got an opportunity to broadcast news about the situation in Tibet in the name of the 14th Dalai Lama himself. As an exceptionally authoritative figure for Tibetan-speaking readers, the 14th Dalai Lama definitely boosted the credibility of *The Tibet Mirror* with the readership and none of the ordinary eyewitnesses of events to whom Tharchin occasionally referred to could have compared to him as a source of information. By including excerpts from the official speeches of the 14th Dalai Lama into his publications, Tharchin increased the authority of his discourse and the status of *The Tibet Mirror* as an important media outlet in the Tibetan language. For example, in the Vol.XXVI No.1 dated June 1959, the editor published an interview given by the 14th Dalai Lama to a correspondent of *The Statesman* shortly after his arrival to India. The Dalai Lama’s account presented in Tharchin’s rendering under the title “News That More Than 65,000 Tibetans Have Been Killed,”⁷³⁷ contains his assessment of the Chinese

⁷³³ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 13.

⁷³⁴ Tib. *skyag brdzun skyag nag kho na bshad* and Tib. [...] *ces brjod pa skyag brdzun skyag nag red*.

⁷³⁵ For more details on what Tharchin included in the “thirteen Tibetan *khri skor*” model and how the editor conceptualized the Tibetan nation, see the subsection 2.2.3.5. *Constructing the Image of the Self*.

⁷³⁶ Tib. *bod khri skor bcu gsum gi ser skya mi mang tshang mas kho la dga’ gi med pa dang tshang ma chig sgril yin pa da lam ’dzam gling yongs kyis mkhyen gsal red*.

⁷³⁷ Tib. *bod mi _ 65000lhag tsam bsad ’dug pa’i gnas tshul*.

communist policy in Tibet which is identical to the rhetoric articulated by the newspaper editor himself:

[...] “The Chinese have made efforts only to completely destroy the entire Tibetan nation and Tibetan religious and secular culture. Since 1956, more than 65,000 Tibetans have been killed. More than 5 million Chinese have settled in the northeastern regions of Tibet as well as in [some] areas and districts in the east. Besides, in the regions of Dbus and Gtsang, 400,000 [Chinese] military, civilians, and laborers have settled. Moreover, the Chinese are trying to relocate another 400,000 people.

By 1958, [Chinese communists] have not only destroyed a thousand monasteries, but also killed countless lamas and monks. Having eradicated the Buddhist teaching, they are gradually trying to destroy the religious tradition.

Although the Chinese carry out such unbearable repressions by means of [their] brutal violent laws, the courage of Tibetans knows no fear or caution, [they] still remain persistent [in their struggle] and engage in resistance activities even now.

I will return to Tibet when I obtain the true power that Tibet had before the [Chinese communist] invasion,”—said the venerable 14th Dalai Lama. [...] ⁷³⁸

This fragment of the 14th Dalai Lama’s interview clearly demonstrates that the Tibetan ruler unequivocally regarded the PRC as an aggressor that “invaded” a foreign territory and deprived Tibet of “the true power” that it had “before the invasion.”⁷³⁹ The speech of the 14th Dalai Lama confirms the validity of accusations regularly made by Tharchin himself: the Chinese communist policy in Tibet is characterized by use of “brutal violent laws”⁷⁴⁰ and “unbearable repressions,”⁷⁴¹ and Chinese communists “have made efforts only to completely destroy the entire Tibetan nation and Tibetan religious and secular culture.”⁷⁴² The statistical data on chronology and numbers of the Chinese relocated to Tibet, monasteries destroyed, and Tibetan laymen, lamas, and monks killed supports Tharchin’s framing of pro-Tibetan representation of history of the Sino–Tibetan conflict into a narrative of Tibet as an innocent victim of the brutal aggression of the PRC. It is also necessary

⁷³⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6–7.

⁷³⁹ Tib. *btsan 'dzul ma byas pa'i gong du bden 'bral dbang cha ji yod la bod k'yis longs su spyad dbang de kho na thob mtshams bod la phyir phebs gnang gi yin zhes gong sa mchog gis gsungs byung.*

⁷⁴⁰ Tib. *btsan khrims drag po.*

⁷⁴¹ Tib. *mnar gcod mi bzad pa.*

⁷⁴² Tib. *rgya mis bod kyi mi rigs dang chos srid shes rigs tshang ma rtsa ba nas gtor thabs kho nar 'bad rtsol byed mus red.*

to note that in his speech, the 14th Dalai Lama acknowledges the anti-Chinese resistance activities of guerilla fighters in Tibet.

The editor of *The Tibet Mirror* seems to have been really enthusiastic about the news on the 14th Dalai Lama's decision to immigrate to India. Tharchin compared this event to the release of "a bird from a trap"⁷⁴³ and explained to his readers the idea of flight from the PRC as the only possible way to save the Tibetan leader. In Vol.XXV No.12 dated May 1959, under the title "Communist China's Strategy Deceived the Knowledgeable Ones,"⁷⁴⁴ the editor published the following fervent refutation of rumors circulating in the PRC that the Dalai Lama had been kidnapped by members of the Tibetan opposition:

Given that the Lord of the entire Victorious Teaching on Earth and the Wish-fulfilling Jewel—the 14th Dalai Lama—and his retinue could not risk remaining in the religious land of Tibet which [in fact] must be autonomous, it is simply wonderful that having escaped like a bird from a trap from under the powerful fence of communist oppression, [they] managed to arrive safely to the holy land of India.

Communist China has repeatedly declared: "As far as Tibet is concerned, it lags behind the rest of the world in all respects. Since [Tibetan] people have no knowledge, they are weak in terms of strength. Therefore, by providing aid and guidance in all aspects we will make them the people who have knowledge." Although [Chinese communists] say so, [this is] strange. Recently, the policy of the Tibetan state has become well-known throughout the whole world as brave, tolerant, and thoughtful, and [at the same time], everyone has understood what [kind of] strategy the Communist Party used.

In accordance with the meaning of a proverb "to lick [the wound] like a dog," [Chinese communists] were ashamed that they have been completely fooled, so they had no choice but to exaggerate, saving themselves [with claims] that the venerable Dalai Lama was kidnapped by [some] reactionaries.

If the venerable Dalai Lama were able to live freely and happily in Tibet [as] he would really wish [so] himself, then there would have been no point for [him] to go through such difficulties of fleeing to India without any purpose. Since their [Chinese communists'] soft speeches on the outside were twisted to violence from within [and Tibet] was deprived of [its] freedom, [the Dalai Lama] could not help leaving.

⁷⁴³ Tib. *bya rgyal gzeb nas thar ba bzhin du* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5).

⁷⁴⁴ Tib. *rgya dmar srid byus mkhas por thang khug g.yogs song*.

[...] We are not backward. Are you not backward yourselves?⁷⁴⁵

In the second paragraph of his article, Tharchin argues that it somehow “strange”⁷⁴⁶ that the government of the PRC propagates the idea of Tibet being backward and in need of guidance from Chinese communists. Therefore, it looks particularly sharp when the editor concludes his publication with a reply to his imaginary Chinese communist opponents in the form of a rhetorical question containing a presupposition: “Are you not backward yourselves?”⁷⁴⁷ The general rhetoric of the article is built on the immersion of the PRC in the semantic field of pejoratives (“a powerful fence of communist oppression,”⁷⁴⁸ “to lick like a dog,”⁷⁴⁹ “ashamed that they have been completely fooled,”⁷⁵⁰ “their soft speeches on the outside were twisted to violence from within”⁷⁵¹) and the simultaneous use of amelioration for the 14th Dalai Lama (“the Lord of the entire Victorious Teaching on Earth,”⁷⁵² “the Wish-fulfilling Jewel”⁷⁵³), Tibet (“the religious land of Tibet,”⁷⁵⁴ “brave, tolerant, and thoughtful” policy of the Tibetan state⁷⁵⁵), and even India as the new seat of the Tibetan leader (“the holy land of India”⁷⁵⁶). As a result of the clashing of images of the PRC and Tibet as complete opposites of each other, Tharchin seeks to prove that Tibet is not “backward,”⁷⁵⁷ and this fact is known “in the whole world.”⁷⁵⁸

After the immigration of the 14th Dalai Lama and some of Tibetan government officials to India, Tharchin consistently constructed a narrative aimed at legitimizing the continuity of the Tibetan government-in-exile established in India as the “genuine”⁷⁵⁹ government of Tibet:

⁷⁴⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5, 8.

⁷⁴⁶ Tib. *a ya mtshan*.

⁷⁴⁷ Tib. *khyed rang rjes lus 'thebs yod pa ma red pas*.

⁷⁴⁸ Tib. *gung bran btsan dbang leags ri btsan po*.

⁷⁴⁹ Tib. *khyi kha bskyangs nas chu ldag*.

⁷⁵⁰ Tib. *kho par lkug pa lkug nag la biang bas ngo tshas kha bskyangs*.

⁷⁵¹ Tib. *kho pa 'i phyi gtam snyan 'jam nang don btsan gcur rang dbang med par bzos*.

⁷⁵² Tib. *sa steng rgyal bstan yongs rdzogs kyi bdag po*.

⁷⁵³ Tib. *gong sa yid bzhin nor bu*.

⁷⁵⁴ Tib. *bod chos ldan zhing*.

⁷⁵⁵ Tib. *bod rgyal khab kyi srid byus de bzhin dpa' mdzangs khog grung dang ldan pa zhid yin*.

⁷⁵⁶ Tib. *rgya gar 'phags pa 'i yul*.

⁷⁵⁷ Tib. *nga tsho ni rjes lus 'thebs pa ma yin*.

⁷⁵⁸ Tib. *'dzam gling yongs grags su shes rtogs byung*.

⁷⁵⁹ Tib. *ngo ma*.

The venerable Dalai Lama and the Bka' shag⁷⁶⁰ determined the policy of the genuine independent government of Tibet. Moreover, Tibetans have recognized that the Tibetan government is where the venerable Dalai Lama and the *bka' blons*⁷⁶¹ reside.

Not only did the Chinese oppress, torture, kill, and hold Tibetans in great fear, but they also made many false accusations against the venerable Dalai Lama, called him a rebel, and even repeatedly insulted the Buddha. [...]. The venerable Dalai Lama and the Council of Ministers of the Tibetan government left Lhasa for the good of Tibetans. [...]

Furthermore, as for the Tibetan uprising now, [it] continues non-stop, and since the lands of Tibet are vast, the *kham pas*⁷⁶² continue [their] insurgent activities in many areas northeast of Lhasa.

Conducting the direct Sino–Tibetan negotiations is pointless. The Chinese will never abide by the clauses of a peace [agreement]. Therefore, representatives of foreign countries will be needed as mediators for China and Tibet.

The venerable Dalai Lama did not stage the uprising so that the Chinese would reconsider [their policy] in Tibet. In fact, the Chinese have caused [some] undesirable damage to [their] plan to arrange a favorable reformation of [the functions of] the venerable Dalai Lama and the Tibetan government.

The venerable Dalai Lama and the Tibetan government are Buddhists. For this reason, if it can be guaranteed that Tibet will regain the independence and freedom [enjoyed by it] before 1950, [then the Dalai Lama and the Tibetan government] are willing to solve the Tibet Question peacefully.

These are in brief the numerous statements voiced by the Dalai Lama. I have translated and published them.⁷⁶³

After March 1959, the editor invariably portrayed the 14th Dalai Lama and the Tibetan government officials who emigrated with him as the virtuous legitimate government of Tibet that strived “for the good”⁷⁶⁴ of its people. Tharchin described the establishment of the Tibetan government-in-exile as a rather democratic process: the 14th Dalai Lama and Tibetan ministers did not just unilaterally proclaim themselves as “a genuine independent government of Tibet,” for their initiative was officially supported by Tibetans who recognized the new government as the

⁷⁶⁰ Tib. *bka' shag*, a council of four ministers who led the traditional Tibetan government from 1751 to 1959 (Goldstein 2019: 9; Powers and Templeman 2012: 76, 81).

⁷⁶¹ Tib. *bka' blon*, one of the four ministers of the Bka' shag (Goldstein 2019: 14).

⁷⁶² Tib. *kham pa*, a native of Kham.

⁷⁶³ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: 2, 3.

⁷⁶⁴ Tib. *bod mi rnams la legs phan yong ched du*.

legitimate one.⁷⁶⁵ The statement that “the Dalai Lama and the Tibetan government are Buddhists” is remarkable for its implication that they are peaceful Buddhists and thus they can consider an idea of a ceasefire and holding peaceful negotiations with the PRC, but provided that “Tibet will regain the independence and freedom [enjoyed by it] before 1950.”⁷⁶⁶ While underlining a marked contrast between peaceful Buddhist officials of the Tibetan government-in-exile and cruel Chinese communists, Tharchin reinforces his discourse by quoting the 14th Dalai Lama who accused the PRC of the boundless aggression (“not only did the Chinese oppress, torture, kill, and hold in great fear the Tibetans”⁷⁶⁷), inexcusable sacrilege (“made many false accusations against the venerable Dalai Lama,”⁷⁶⁸ and “even repeatedly insulted the Buddha”⁷⁶⁹), and dishonorable conduct (“will never abide by the clauses of a peace [agreement]”⁷⁷⁰).

In his publications from the 1960s, Tharchin placed a special emphasis on the modern and democratic nature of the Tibetan government-in-exile. For instance, in Vol.XXVI No.12 dated June–July 1960, under the title “Elected Representatives of the Tibetan People,”⁷⁷¹ the editor reported on “the order of the Wish-fulfilling Jewel—the venerable [14th] Dalai Lama”⁷⁷²—to hold the elections in the Tibetan-speaking immigrant community in India, as a result of which the people of three Tibetan regions received a list with candidates and elected their representatives.⁷⁷³

Constructing the narrative of a legitimate democratic Tibetan government-in-exile, Tharchin even tried to assuage people’s suspicion and popular rumors about the possible misappropriation of public funds by Tibetan government officials. In the words of C. McGranahan, money is considered crucial by members of the

⁷⁶⁵ Tib. *gong sa mchog dang bka' shag lhan rgyas rnams kyis bod rang btsan gzhung ngo ma'i skor rtsa 'dzin gtan 'bebs gngang zhing / de yang gong sa mchog dang bka' blon lhan rgyas gang du sku bzhus gngang ba der bod mi rnams kyis bod gzhung du ngos 'dzin byed kyi yod pa red.*

⁷⁶⁶ Tib. *gong sa mchog dang bod gzhung gnyis nang pa yin par brten sngon spyi lo 1950gong du bod rang dbang rang btsan gang yod par 'gan len byas na zhi bde'i sgo nas bod don skor thag gcod byed par gra sgrigs yod.*

⁷⁶⁷ Tib. *rgya mis bod la btsan dbang mnar gsod 'tshabs chen btang.*

⁷⁶⁸ Tib. *gong sa mchog la ngo rgol gngang mi red ces brnyas 'dogs mang po [...] btang.*

⁷⁶⁹ Tib. *sangs rgyas la 'ang smad ra mang po btang.*

⁷⁷⁰ Tib. *rgya mis zhi mthun don tshan la rtsis 'jogs nam yang byed kyi ma red.*

⁷⁷¹ Tib. *bod mi dmangs spyi 'thus 'dems bskos.*

⁷⁷² Tib. *gong sa yid bzhin nor bu mchog.*

⁷⁷³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

Tibetan immigrant community in India, therefore, accusations of embezzlement, receiving any funding from Taiwan, or selfishly using one's own savings take a tremendous toll on one's reputation.⁷⁷⁴ This is why, apparently, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10 dated March 1960, the editor published an explanation of the 14th Dalai Lama as to whether his money had been really kept in Sikkim since 1951. Commenting on the rumors, the Dalai Lama confirmed that it was true, but clarified that the money belonged to his personal funds, and yet he nevertheless wished to spend them “for the benefit of the people of [his] own country.”⁷⁷⁵ With the help of such publications, Tharchin actualized and supported the image of the 14th Dalai Lama not only as a legitimate and democratic leader of the Tibetan exile community, but also as a selfless ruler who was wholeheartedly devoted to his people.

Apart from that, in the 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* regularly reiterated the idea that, unlike the Chinese communists who deliberately destroyed everything Tibetan, the Tibetan exile government located on the territory of India cared about Tibetan people and the preservation of Tibetan culture. For example, in Vol.XXVII No.6 dated February–March 1961, under the title “This Year the Lhasa[-based] Great Prayer Festival Was Held in Bodhgaya, India,”⁷⁷⁶ Tharchin describes how the tradition of celebrating this major Tibetan festival immigrated to India along with the 14th Dalai Lama:

On this occasion, the honorable Tibetan government distributed to each monk the alms [in the form of] money, tea, and soup. The Chu bzhi sgang drug [members] made an offering of a thousand of each of five items [flowers, incense, oil lamps, water offerings, and *gtor ma*] and [distributed] alms [in the form of] money, tea, and soup. [...] The monks of Se ra, 'Bras spungs, and Dga' ldan [monasteries] and the people of three Tibetan regions are receiving religious instructions in cultivating bodhicitta. [...]

How can the black palms of communist enemies of the Buddhist teaching

Cause the eclipse of the sun of true Dharma?

Even if [they] managed to cause a brief eclipse in Tibet,

How amazing is this shining light in Bodhgaya!

⁷⁷⁴ McGranahan 2001: 332.

⁷⁷⁵ Tib. *de ni sku sger gyi sku rdzas kho na yin stabs rang rang yul gyi mi rnams kyi phan don du phyag gron gnang rgyu'i thugs 'dod yod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 2, 3).

⁷⁷⁶ Tib. *'di lo lha sa smon lam che mo rgya gar rdor gdan du tshugs 'dug*.

Since the ephemeral light of the communist star is dim,
 Can anything compare to the daylight of the Victorious Teaching?
 The fact that malevolent communists with rotten guts and corrupt views
 Want to destroy the true Dharma is absurd.⁷⁷⁷

Unlike the news report mentioned earlier in this subsection of the dissertation in which Tharchin criticized the offerings to Tibetan monks made by ignorant Chinese communists on the occasion of the Great Prayer Festival in 1952, this account from the Monlam Chenmo celebration in India in 1961 clearly tells that the Tibetan government-in-exile honors Tibetan traditions and sets up nothing less but perfect conditions for the cultivation of the highest level of enlightenment and compassion in its subjects. In addition to the traditional distribution of alms performed by Tibetan government officials, the editor introduces a new political actor in his narrative: the Chu bzhi sgang drug organization, which had played a significant role in radicalizing the anti-Chinese sentiment in Tibet and escalating the Sino–Tibetan conflict, also participated in the festival and made its own generous donations. The article ends with a short poetic piece on the futility of struggle of Chinese communists against the Buddhist religion. Tharchin’s choice of metaphors enhances the emotional load of the poem: the editor depicts communism as a dim star the light of which is so short-lived that it cannot eclipse the bright light of the sun of Buddhism. By employing the invective “enemies of the Buddhist teaching,”⁷⁷⁸ Tharchin from the very first line of his poem draws an antagonistic relationship between the Tibetan government-in-exile which upholds the “shining light” of the Buddhist teaching and their enemies, i.e., the “malevolent communists with rotten guts and corrupt views”⁷⁷⁹ who “want to destroy the true Dharma.”⁷⁸⁰

To construct the desired narrative about Tibet’s present, Tharchin shifts the focus of his publications from an attempt to prove historical independence of Tibet to the conceptualization of Tibet’s “liberation” by the PLA. Right from the beginning of the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* strove to turn his readers

⁷⁷⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 5.

⁷⁷⁸ Tib. *bstan dgra gung bran*.

⁷⁷⁹ Tib. *log smon rgyud brlams lta ngan gung bran*.

⁷⁸⁰ Tib. *dam chos snub par 'dod*.

against Chinese communists and repeatedly reiterated that not only did Tibet not need the “liberation,” but the term “liberation” itself was only a euphemism for chaining Tibetans with the fetters of “communist oppression.” After the 17-Point Agreement was signed and officially recognized in Tibet in 1951, it became clear that both the 14th Dalai Lama and the majority of Tibetan clergy and aristocracy made their choice in favor of a new model of relations with the PRC, which at this stage seemed beneficial to them and ruled out the need for any immediate reformation of their traditional way of life. As a result, Tharchin concentrated on discrediting the policy of the PRC in Tibet and impressing *The Tibet Mirror* readers with his adroit criticism. The narrative constructed by the editor aimed at idealizing Tibet before 1951 and creating ideological obstacles for a smooth and peaceful integration of the Tibetan region into the PRC. The propagated image of Chinese communists as particularly dangerous and cunning liars was further embellished by Tharchin with such derogatory labels as “barbarians” and “enemies of the Buddhist teaching.” Besides, after the emigration of the 14th Dalai Lama in 1959, the editor began regularly reproducing the ideas that the Dalai Lama fled the PRC for the sake of Tibetan people and the legitimate government of Tibet was now located in India, where the “genuine” Tibetan leadership was working on the noble goal of preservation of Tibetan culture.

2.2.3.3. Constructing the Future

This subsection examines a selection of publications from *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s in which Dorje Tharchin promoted the desired vision of an independent future for Tibet, shared inspiring stories on the role models to be followed for achieving this goal, and voiced an alternative forecast for the future of Tibet and the whole world if his advice was not heeded.

Going beyond declarative statements that Tibet is an independent state and has been so for many centuries, in the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* regularly expressed his views on the relevant measures and concrete steps needed to be taken

to ensure Tibetan independence. For instance, on August 1, 1950, two months before the launch of offensive of the People's Liberation Army on Tibet in October 1950, Tharchin reminded his readers that 12 years ago he had already pointed out to one condition necessary for defending the independence of a state, which was maintenance of the combat readiness of the army:

At present, with the sole exception of the Tibetan Religious State, most states are only concerned with creating new poisonous machines that destroy both themselves and the others. How sad that is! [But] one surely cannot be blamed [for it]. If one does not do so, will the other not overtake that one? Will not the other oppress the one? [...]

It is crucially important that [Tibet's military] equipment is prepared for war and the military strategies and trained troops are [all kept] in perfect condition. For example, it was written in a book in English on the [topic of] war in Tibet in the Wood-Dragon Year [1904]: "*We killed several thousand of these brave, ill armed men.*"⁷⁸¹ If it is roughly translated into Tibetan, it means: "We killed several thousand of these brave, ill armed men." Although Tibetans are well known as those who are indeed brave and full of enthusiasm, if the weaponry is too weak, then the military command center of the entire Tibetan army [should] get busy with immediate strategical strengthening of the training of combat readiness and [equipping Tibetan] soldiers with weapons, machinery, and [relevant] physical training necessary for [engaging in] modern armed conflict. [They will thus] provide a way for Tibet to stay free and independent.

If there are mistakes in the information [published by Your] humble servant, please forgive me.⁷⁸²

Apart from a straightforward advice on the need to equip the Tibetan army with modern weapons and arrange its up-to-date military training, Tharchin's publication is interesting for its direct quote in English. It is not clear why the editor decided to publish this quote in English rather than simply translate it into Tibetan. Perhaps, as it was mentioned earlier, this could have been a means of attracting the attention to a particular article of foreign readers of *The Tibet Mirror* or Tharchin's employers from the intelligence services.

As another important step to be taken in order to ensure the independent status of the "Tibetan Religious State," Tharchin suggested the need for consolidation of

⁷⁸¹ This quote is provided in English in the text of the article.

⁷⁸² *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 2–3.

the entire Tibetan-speaking population of the Tibetan Plateau as one Tibetan nation. In *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12 dated November 1950, less than a month after the PLA entered the territory of eastern Tibet, the editor published an encouraging emotional address to his Tibetan readership under the title “Chinese Communist Government Sent Troops to Tibet”⁷⁸³:

However, all Tibetan people should not be afraid. All [Tibetans] need to unite in their thoughts and step up with a counterattack on the enemies of the Buddhist teaching—the [Chinese] communist army.

If the ruler and all subjects of the Tibetan Religious State, having united with the iron chain of the true Dharma, attack the enemies, they will certainly be completely victorious.

However, if they only care about [their] personal interests and do not unite in their thoughts, the communist flame will bring damage.⁷⁸⁴

Using the discourse technique of modeling the alternative future, Tharchin takes upon himself the role of a prophet. The editor voices a rather poetic appeal to “Tibetan people” to unite “with the iron chain of the true Dharma”⁷⁸⁵ and additionally articulates a more practically oriented recommendation to take up arms and attack “the enemies of the Buddhist teaching.” The editor promises his Tibetan-speaking readers that their unification against Chinese communists will surely bring success to the struggle for Tibetan independence. At the same time, in case of disobedience and inaction, Tharchin predicts the “damage” that will be brought upon his readers by “the communist flame.”⁷⁸⁶

Tharchin’s predictions often contained a warning not only for the people of Tibet but for the whole world. For instance, below on the same page of *The Tibet Mirror*, the editor further elaborates on his idea of potential communist “damage” and inflates the consequences of spreading of “communist flame” to the extent of the entire world:

The great Indian Religious State is the [place of] origin of Dharma. The small Tibetan Religious State is the iron fence of the great Indian Religious State. Tibet is the iron fence [stretching] for many thousands of miles from upper Ladakh and Kashmir to Indian Assam.

⁷⁸³ Tib. *rgya mi dmar gzhung gis bod la dmag mi btang 'dug*.

⁷⁸⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

⁷⁸⁵ Tib. *dam pa 'i chos kyi lcags thag gis bcings*.

⁷⁸⁶ Tib. *dmar mes skyon yong gi red*.

As the iron fence protects India, it is bringing great benefit. If it is done that there is no iron fence, there will certainly be a great danger of foreign enemies in India. Thus, for the [purpose of] protection, it is necessary to build a fence made of soldiers and military camps. Therefore, if at the time of misfortune, the government of India and the government of Pakistan do not protect the Tibetan state, which serves as the firm fence for India, by providing reinforcement, [they] will seriously regret [it] in the future.

If communist China does not give up the military offensive on Tibet, would not it be good if India finds a way to provide [Tibet with] military support? Or would not it be good to [re]direct the focus towards powerful religious states of the West, if India now does not stop getting very skillfully along with communist China? Would not it be good, if [the membership status of] those who now support communism in the United Nations will be withdrawn? Would not it be good if copper is forged while it is hot? All know that if copper becomes cold and hard, it is difficult to forge [it].

Communist China itself is not to be blamed. Because [China] got under the influence of communist Russia, it had no choice but to follow after [Russia]. That is why, would not it be good if India and [other] religious states in the world also find a way to set free from the lasso of communist Russia all people of China as soon as possible?

Claims that communist China will set Tibet free from the power of England, the United States of America, and other [countries] are black lies. In Tibet, there has been no interference of England, the United States of America, or others. Tibet is a self-sufficient state.

Is not it very malevolent that communist China wants to make it [Tibet] a prisoner? You, Chinese communists, say that [You] have set China free. [But] communist Russia tied You with the communist lasso, which is similar to fire, and, although You do not understand that now, [You] will certainly understand it later. If [You] understand, would not it be good if [You] stop bullying others and find a way to set yourself free from the power of Russia?

Anyway, if You, the Chinese communist government, having pulled back the offensive on Tibet, only peacefully conduct the negotiations on friendship and leave Tibet free and autonomous, it would be just wonderful. If not, [You] will have serious regrets in the future. If the United Nations Council does not stop the attack on Tibet by means of a strict order against the violation of law, the whole world will certainly be overtaken by communist fire. Think [about that]!⁷⁸⁷

---

⁷⁸⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 3.

While Chinese communists reported on their success in “liberating” Tibet, the editor of *The Tibet Mirror* appealed to the “religious states” of the world to urgently “liberate”⁷⁸⁸ the people of China from communism. Given that, Tharchin did not proclaim the PRC as the main source of evil, but instead endowed the Russian Soviet Federative Socialist Republic with a full responsibility and blame for everything.

Highlighting the religion as a factor for rapprochement, the editor emphasized the importance of Indian–Tibetan relations and brought up the Tibet Question within the military-political discourse of the territorial defense of India and Pakistan. In Tharchin’s narrative, both India and Tibet appear as “religious states,” which thereby opens an ideological abyss between them and their neighbor the PRC, i.e., the “enemy of the Buddhist teaching.” Anticipating the lack of interest of India and Pakistan in saving Tibet from communism, Tharchin came up with a new practical advice for his readers, that is, to turn to the United Nations and “powerful religious states of the West.”⁷⁸⁹

Tharchin structures the article with six rhetorical questions based on syntactic parallelism (“would not it be good if ...?”⁷⁹⁰), after which he states that “it would be just wonderful” if the PRC stops its offensive on Tibet, conducts peace talks and, most importantly, “leaves Tibet free and autonomous.”⁷⁹¹ It is interesting that in six months after this publication Tharchin’s wish actually came true by being implemented in the form of a 17-Point Agreement, but the editor of *The Tibet Mirror* was still dissatisfied and continued promoting the idea of an independent future of Tibet.

Written in Tharchin’s typical style, this article demonstrates the editor’s fascination with artistic expressions (“black lies;”⁷⁹² “if copper is forged while it is hot;”⁷⁹³ Tibet as a “fence”⁷⁹⁴ for protecting India; Russia tied China with a

⁷⁸⁸ Tib. *rgya gar dang 'dzam gling chos ldan rgyal khab rnams nas rgya nag mi dmangs tshang ma'ang u dmar gyi zhags thag nas grol thabs gang myur gngang na mi legs sam.*

⁷⁸⁹ Tib. *nub gling dbang ldan chos ldan rgyal khab rnams kyi phyogs su zhal bsgyur na mi legs sam.*

⁷⁹⁰ Tib. [...] *na mi legs sam.*

⁷⁹¹ Tib. *gang ltar khyed rgya dmar gzhung nas bod la dpung 'jug byed rgyu phyir then thog zhi ba'i sgo nas mthun lam gyi bka' mol gngang nas bod la rang dbang rang skyong du cog ge tsam mer bzhas na gang legs.*

⁷⁹² Tib. [...] *brjod pa kyag rdzun kyag nag red.*

⁷⁹³ Tib. *lcags dmar tsha po yod dus brdungs na mi legs sam.*

⁷⁹⁴ Tib. *bod chos ldan rgyal khab chung chung rgya gar chos ldan rgyal khab chen po'i lcags ri red.*

“communist lasso, which is similar to fire;”⁷⁹⁵ China “wants to make it [Tibet] a prisoner”⁷⁹⁶), as well as the persuasive strategy of creating the phantom threat, which is carried in this case in the form of technique of modeling the alternative future (if one does not stop the PRC now, then, firstly, India and Pakistan “will seriously regret [it] in the future”⁷⁹⁷, secondly, China itself “will have serious regrets in the future,”⁷⁹⁸ and, thirdly, “the whole world will certainly be overtaken by the communist fire”⁷⁹⁹).

Among other “prophecies” made by Tharchin in the 1950s, one can repeatedly encounter a prediction of future genocide of the people of Tibet. To avoid it, the editor asked the Tibetan-speaking population to be more lenient towards Tibetan officials and get preoccupied with the preservation of Tibetan history. In *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7 dated October 1952, Tharchin publishes the following “Appeal to Friends from Chinese and Tibetan Regions of Kham”⁸⁰⁰:

It is well known how much suffering you had endured earlier when you were under the Chinese yoke for many years. Although the new Chinese government, which blindly follows after atheistic Russia, is temporarily treating you well now, [it] will soon cause even [more] suffering than what the Chinese brought [upon you] earlier. [The Chinese communist government] will certainly destroy the people and the Teaching of the Tibetan Land of Snow. Therefore, in the name of loyalty to Your own nation and for the sake of preserving the history [of Tibet], it is extremely important that You need to think over [everything].

You, the Tibetans living on the territory of Tibetan Kham, are not to blame for the fact that a few border officials from Your own government have made [You] suffer and oppressed [You]. However, it is well known that this is [Your] *karma* [accumulated] in previous lives, and the suffering caused by one’s own officials is better than the annihilation of Your nation and the Teaching of the Victorious One as a result of being fooled with the tricks by the Others [i.e., Chinese communists]. Those sufferings that [You] have been inflicted upon by Your own [local Tibetan officials], will nevertheless gradually scatter, and the time will certainly come when [You] will be able to appeal with a petition to [Your] kind ruler and spiritual leader. For this reason, at the present moment, in order to liberate yourselves from

⁷⁹⁵ Tib. *khyed rnam la u ru su dmar po 'i zhags thag dmar po me dang mtshungs pa de yis bcings yod.*

⁷⁹⁶ Tib. *de la rgya dmar gyis btson pa bzo 'dod.*

⁷⁹⁷ Tib. *rgya gar gzhung dang pa gzhung gnyis ka nas bod rgyal khab rgya gar gyi leags ri btsan po yin pa de la bar chad yod dus rgyab snon gnang nas ma srung na phugs su 'gyod pa chen po 'i rgyu zhig 'byung gi red.*

⁷⁹⁸ Tib. *de min phugs su 'gyod pa chen po skye yong ngo.*

⁷⁹⁹ Tib. *bod la dpung 'jug byas pa ma bkag na 'dzam gling yongs su dmar me 'bar nges gtan la dgongs shig.*

⁸⁰⁰ Tib. *kham rgya sde dang bod sde khul gyi grogs po rnam la zhu rgyur.*

the yoke of foreign enemies, it is necessary to discard all existing internal disagreements and sorrows and, having all united, strive to gain independence.⁸⁰¹

Although Tharchin openly admits that in the past, Tibetan officials used to oppress Tibetan commoners, the editor diligently mitigates the guilt of the Tibetan elite, convincing his readers that this oppression was the result of the bad *karma* of the victims of the oppression themselves and it will anyway never compare with the alleged oppression that is going to be imposed upon them by Chinese communists in the future. Tharchin also admits that at the time when his article was published, namely October 1952, Chinese communist officials were treating well the people of Tibet, as a result of which local Tibetan population did not resist the establishment of the communist rule in the region. However, since Tharchin's task was to foster the patriotic spirit of his readers in Tibet, the editor promoted the ideological framing of Sino–Tibetan relations as the conflict of the Other vs. the Self. Resorting to the strategy of creating the phantom threat, Tharchin unfoundedly accused the Other that in the future, Chinese communists would “surely destroy the people and the Teaching of the Tibetan Land of Snow.”⁸⁰² Having repeated twice his allegation of the impending “genocide” of Tibetan people and the annihilation of Buddhism in Tibet,⁸⁰³ the editor made an appeal to Tibetan-speaking population to choose suffering under the rule of their “own,” to unite for the sake of liberation “from the yoke of foreign enemies”, i.e., Chinese communists, and to strive for gaining Tibetan independence.⁸⁰⁴

In order to ensure the independence of Tibet, Tharchin additionally recommended to keep safe all documentary “proof”⁸⁰⁵ of the independence and to maintain the necessary attributes of a modern state. In *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2 dated June 1954, the editor publishes a voluminous article entitled “Not to Be Deceived in the Future by Chinese Tricks,”⁸⁰⁶ in which he analyzes in detail the

⁸⁰¹ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952: 8.

⁸⁰² Tib. *bod gangs can ljongs kyi mi rigs dang bstan pa rtsa med giong nges brtan red.*

⁸⁰³ Tib. *rang rigs dang rgyal bstan rtsa rlag tu btang.*

⁸⁰⁴ Tib. *phyi dgra nang lhag gi btsan dbang 'og nas thar thabs su [...] tshang ma gcig mthun thog rang btsan lon thabs la 'bad dgos.*

⁸⁰⁵ Tib. *bod kyi rang dbang khungs bskyel.*

⁸⁰⁶ Tib. *'byung 'gyur rgya'i ngan g.yos dbu ma 'khor ba gnang rgyu'i skor.*

recent developments in Tibet in the context of strategic planning of achieving the future independence from the PRC:

Recently, the postal and telegraph offices were to be taken from Indians and then to be handed over to the Tibetan government. If the rumors about that are true, this [is] done not only to deceive Tibetans, [but it] is actually [also] beneficial for [exercising] the control over the meaning of [the term] “Tibet.”

Moreover, [Chinese communists] decided to withdraw a handful of Indian soldiers [from Tibet], [but] claimed to have expelled foreign troops [from there]. Although [they] can brag about it, in reality, in the recent Beijing Peace Agreement⁸⁰⁷ not only there is no [term] “Tibetan state,” [but] there is not even the term “Tibetan government.” Besides, they assigned new names [to refer] to Tibet that have not been known until now: “the territory of China” and “Tibet as the entirely Chinese territory.” By this alone China without much effort has already got an enormous benefit.

Also, in the recent Beijing Agreement [1954], it was stated that the power would be equally divided between the two governments [the Chinese one and the Indian one]. Except for [those residing on the territory of] India, no one in Tibet doubts that they will do so, that is why it is necessary not to have any delusions. In order to confer equal power as it was stated above, the Chinese government will now establish three [Chinese] trade offices in India similar to the three Indian trade offices that are still functioning on the territory of Tibet. Except for what was called “the chief trade representative and employees” of these [trade offices], there will not be even used the term “Tibet” [anymore]. If it is going to be possible to include one or two Tibetan employees in [the Chinese trade offices], they will be no more than servants of the Chinese.

Also, if the talks that the treaties on Tibet’s independence⁸⁰⁸ and borders were taken to China for a time being are true, it is like the heart and aorta of entire Tibet were handed in to the enemy. For this reason, if they [the treaties] are lost in the future, it is very important not to lose the opportunity to prove [that fact] with the help of this news report.

[The PRC] is destroying the evidence records [that confirm] the independence of Tibet. First, Chinese officials were appointed to the foreign office of the Tibetan government. Secondly,

---

⁸⁰⁷ Tharchin probably referred to the Agreement on Trade and Intercourse between Tibet Region of China and India signed in Beijing in April 1954.

⁸⁰⁸ In this article, Tharchin consistently uses the Tibetan term *rang dbang*. At present, the term *rang dbang* often conveys the meaning of “freedom,” while the term *rang btsan* is used to denote “independence.” However, in earlier times, e.g., during the reign of the 13th Dalai Lama, there was no such clear distinction and both terms—*rang dbang* and *rang btsan*—could have denoted “independence” (Kobayashi 2019: 202n5). Therefore, in this dissertation, in the cited texts from *The Tibet Mirror*, I translate the term *rang dbang* as either “freedom” or “independence” depending on the context and the presence/absence of the synonymous term *rang btsan* within the same publication.

the [Tibetan] troops which are guarding the Tibetan government, religion, and politics [are being reorganized so that] they become part of the Chinese troops. As for this [development], if one looks at the eighth paragraph of the Beijing Agreement [signed in 1951] between China and Tibet, everyone will become aware of the grand deception [aimed at] oppressing [Tibet]. Thirdly, in the Tibetan region of Amdo, there are Chinese banknotes in use, [but] in Lhasa—it is the Chinese silver yuan. [They] have set up banks, [but] do not carry out the money exchange to remove the Chinese silver yuan [from circulation]. Moreover, as a result of coercion and deceit they have seized the power plant in Grwa bzhi.⁸⁰⁹ Even the printing of banknotes was gradually transferred to the territory of China, [and] the emission of Tibetan banknotes was ceased. The circulation of the own Tibetan currency was stopped and up to now, [it is] being held still.

[All] these points are extremely important for proving that Tibet is independent. [These proofs] are like the heart and aorta of entire Tibet. Therefore, precisely [at the time] when the hypocritical Chinese government had finished flooding the sand with water by means of intimidation, it started the establishment of the Military Administrative Committee in accordance with the fifteenth paragraph of the [1951] Beijing Agreement. When [this committee] is thus imposed [from the above], the Tibetan religious and secular ideology, [human] rights, and all local laws will fall into decay. In accordance with the prophecy of the Dalai Lama's previous reincarnation [the 13th], not only those Tibetans of the upper, lower, and middle social strata who feel unsatisfied with the government, but even those opportunists who seek the protection of the Chinese government will be forced to unceasingly endure the terrible suffering and fear because they will be deprived [of their life in] freedom and safety. It will surely become so that having merely mentioned the terms "Tibetan land" and "Tibetans," the good [old] ways of their country, [or] the common and private freedom, they will be experiencing a hell [on Earth] while they have not died yet but [on the contrary] survived.

That is why, while anticipating this future, the ruler and his subjects, all monks and laymen, in spite of any temporary sorrows and joys, good and evil, [must discard]:

1. Internal strife and acts out of [feelings of] envy and [desire] to harm, for this is the main enemy of collective power.
2. Selfish deeds [committed] without devotion to one's own state in pursuit of the slightest opportunity [to receive some] benefit.

---

⁸⁰⁹ A place to the north of Lhasa and to the south of Se ra Monastery (Goldstein 2004: 208).

3. The power of the state does not rely solely on weapons, [it] depends on the enthusiasm and efforts of each person, therefore, it is necessary to discard cowardice, laziness, and sordid submission to the enemy's deceit.

All [Tibetans], similar to the living creatures in the ark, will unite in their powerful aspiration. Our Tibetan state will resist to the short-lived power of this strong hypocritical enemy. The great protector the Dalai Lama-[*cakravartin*⁸¹⁰] will turn the wheel of religious and secular deeds.

From now on, in order to gradually establish a fine government that is approved by all and which is protecting all, it is imperative that [Tibetans] sincerely strive, act with courage and intelligence, and lose in favor of China neither [their own] distinct national identity, nor the religious and secular power, nor the ideology, nor [their] language and system of writing, nor [their national] costume, nor the power and rights of the civil and military ministries [established according to] the distinct [Tibetan] law, nor the mint, nor the postal services and telegraph. It is also imperative to take the best possible care to never lose into the wrong hands any books and documents necessary for proving [Tibet's] independence, regardless of whether [these documents] are held by a government official or a private individual.⁸¹¹

In addition to the first use of the lexeme “deception” in the very title of the article (“not to be deceived [...] by Chinese tricks”⁸¹²), Tharchin repeats four more times in the text of the article various combinations with this lexeme (“to deceive Tibetans;”⁸¹³ “the grand deception [aimed at] oppressing”⁸¹⁴ Tibet; “as a result of coercion and deceit they have seized the [Tibetan] power plant;”⁸¹⁵ “to discard [...] sordid submission to the enemy's deceit”⁸¹⁶). Apart from that, the editor calls the Chinese government “hypocritical”⁸¹⁷ and repeats three times in regard to it the lexeme “enemy” (“handed in [...] to the enemy;”⁸¹⁸ “submission to the enemy's deceit;”⁸¹⁹ “resist to the short-lived power of this strong hypocritical enemy”⁸²⁰). By plunging the activities of the Chinese communist government in Tibet into a

⁸¹⁰ Skr. *cakravartin*, lit. “the one who turns the wheel,” an ideal Buddhist ruler of the Universe (Ostrovskaya and Rudoj 2009: 226).

⁸¹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954: 12–14.

⁸¹² Tib. *rgya 'i ngan g.yos dbu ma 'khor*.

⁸¹³ Tib. *bod mir mgo skor ched*.

⁸¹⁴ Tib. *btsan dbang mgo bskor che ba*.

⁸¹⁵ Tib. *glog 'phrul khang btsan shed mgo bskor gyis bzungs bsdad*.

⁸¹⁶ Tib. *mgo bskor gyi ngan dbang du song ba [...] spangs*.

⁸¹⁷ Tib. *rgya nag gzhung g.yo can*.

⁸¹⁸ Tib. *dgra lag tu sprad pa*.

⁸¹⁹ Tib. *dgra 'i mgo bskor ngan dbang du song ba*.

⁸²⁰ Tib. *stobs ldan g.yo can dgra bo 'i dbang 'og las ldog*.

semantic field of falsehood and hostility, Tharchin thereby achieves the effect of alienation and seeks to form the matrix of negative perception of the communist regime among the recipients of his discourse.

Among other things, Tharchin discusses the use of such terms as “Tibet,” “Tibetan state,” and “Tibetan government” after the establishment of the communist rule in the region. The editor assures his readers that the government of the PRC is pursuing a policy of gradual eradication of these terms and aims to additionally annihilate “the Tibetan religious and secular ideology, [human] rights, and all local laws”⁸²¹, as well as—what is even more significant—the “evidence records [that confirm] the independence of Tibet.”⁸²² Strengthening the persuasive tone of his publication by connecting to the emotional perception of his readers, Tharchin employs the means of figurative speech and compares twice the documental evidence of Tibet’s independence to “the heart and aorta of entire Tibet,”⁸²³ after which he likens the futility of Chinese attempts to destroy this evidence to “flooding the sand with water.”⁸²⁴

To frighten his readers, the editor hyperbolically depicts the future of Tibet under the rule of the Other as a space of total horror: due to the fault of Chinese communists, Tibetans “will be forced to unceasingly endure the terrible suffering and fear because they will be deprived [of their life in] freedom and safety,”⁸²⁵ and they “will be experiencing a hell [on Earth] while they have not died yet but [on the contrary] survived.”⁸²⁶ In Tharchin’s narrative, a salvation from the horror of the Chinese communist oppression is possible only if Tibet is left independent. In order to achieve this goal, the editor instructs his Tibetan-speaking readers not to get deceived by Chinese communists, not to be lazy, not to pursue selfish interests, and not to engage in internal conflicts, but rather unite, make efforts, and be “devoted” to their motherland.⁸²⁷ This being so, the most unusual and important strategical

⁸²¹ Tib. *bod kyi chos srid kyi lta spyod dang / dbang lung / yul khirms gang ci rtsa nyam du 'gro rgyu.*

⁸²² Tib. *bod kyi rang dbang khungs bskyel gyi rtsa ba gtor mus.*

⁸²³ Tib. *bod spyi 'i snying srog [...]* dang 'dra ba and Tib. *bod spyi 'i srog snying dang 'dra ba.*

⁸²⁴ Tib. *bye ma chu 'jigs su btang.*

⁸²⁵ Tib. *rang dbang bzod bde 'i go skabs bral ba 'i 'jigs rmgam sdug bsngal drag po rgyun ma chad du myong dgos.*

⁸²⁶ Tib. *dmyal ba ma shi gson steng nas myong.*

⁸²⁷ Tib. *rang gyi rgyal khab la sha zhen [...].*

advice of Tharchin seems to be his suggestion to preserve such essential attributes of a modern nation as the national identity, national language and system of writing, national costume, sovereign authority, ideology, and legal system, national currency, postal services, and telegraph.

In regard to Tharchin's advice, one cannot help commenting on his recommendation to preserve the national costume. It is not quite clear which clothes in particular the editor of *The Tibet Mirror* identified as Tibetan national costume, for the clothing traditions actually differed throughout the Tibetan Plateau. For example, Jamyang Norbu,⁸²⁸ a famous representative of the Tibetan-speaking diaspora in India and a well-known advocate for Tibetan independence, mentions that after moving to Lhasa, the mother of the 14th Dalai Lama refused to wear the traditional Lhasa female costume, which was meant to be worn by her considering her status, and instead preferred to continue wearing the traditional costume of her native Amdo region.⁸²⁹ The differences in traditional clothing of the people of Kham, Amdo, and the central Tibetan regions of Dbus and Gtsang are also recognized by the native of central Tibet and one of the leading scholars in the Tibetan diaspora Dawa Norbu.⁸³⁰ Thus, one can see that Tharchin shared relevant recommendations based on the ideal criteria of a modern nation and state, but not all of them could have been impeccably applied to the existing reality on the Tibetan Plateau.

To increase the persuasiveness of his rhetoric, Tharchin provided other Tibetan-speaking authors, who promoted pro-nationalist ideas, with an opportunity to speak up in *The Tibet Mirror*. For example, in Vol.XXII No.3 dated July 1954 and—six years later—in Vol.XXVII No.4 dated November–December 1960, the editor published twice the very same text under the title “Suggestion of a Thoughtful Tibetan.”⁸³¹ Tharchin did not specify who the “thoughtful Tibetan” was, but his rather long and elaborate publication on how one should strive for the independence

⁸²⁸ Tib. *'jam dbyangs nor bu*; 1949–present time.

⁸²⁹ Norbu Jamyang 2016. For specifics of traditional Kham clothes, also refer to, e.g., Adams 1996: 512.

⁸³⁰ Tib. *zla ba nor bu*; 1949–2006. See Norbu Dawa 2001: 338.

⁸³¹ Tib. *bod mi bsam yod zhig gis bsam 'char*.

aptly complements the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror* by the editor himself:

A request to those Tibetans who are virtuous and loyal to [their] country and, in particular, to the Tibetans of the great lineages who believe in the Victorious [Buddhist] Teaching and who are loyal to their [traditional] political regime.

Since for a [long] period of time our common moral virtues were low, it has become [so] that there are no compassionate officials who are working for the good of people, religion, and politics, no honest government, and no loyal men. For this reason, [our] homeland have fallen into the enemy's hands and [we] have lost the opportunity to secure [our] independence.⁸³²

Nevertheless, the collective power of [our] *karma* and prayers is not low now. Ever since [our] great protector the Dalai Lama took the responsibility for the secular and religious power, owing to his immeasurable care about the welfare of [his] subjects, everyone has been fully relying on faith. Seeing that the treacherous deception of communist China is like honey on the tip of a sharp knife, [we] are living in a state of fear and great wariness. Besides, in order to gain independence of [our] homeland, to establish a new government with representatives of Tibetan people which is approved by all, to expand the religious and secular power of the great Dalai Lama even more than before, from now on, each of us has an equal duty to take on the responsibility for the common good. Similarly, if to be indifferent, negligent, and disrespectful towards [all] that [what was just mentioned], our strength will gradually decline and [we] will have to live experiencing only suffering under the rule of the enemy.

In that case, if [you] wonder what kind of a person the one who takes on such a responsibility [for the common good] should be, he/she is like the following:

- 1) In order to gain independence of one's own country, the one uses something which is bigger than weapons, that is, acting with constant persistence and conscientiousness.
- 2) In order to achieve the goal, all [responsible people], in spite of any hardships that happen [to them], having completely discarded [their] doubts, dejection, destructive anger, and envy, unite in their powerful aspiration.
- 3) "Because the power of the enemy is strong now, there is no way to gain independence," —thus having said, the cowardly, idle, lazy, selfish, and timid people seek the protection of the enemy, rely on [the enemy], receive the salary and gifts from

---

⁸³² The Tibetan term *rang dbang* used in the publication is consistently translated in the quoted text as "independence."

the enemy, do clandestine work [for the enemy], etc. This is very improper. The [responsible] one discards the animal labor because it is despicable.

- 4) The knowledge and power of people are the basis for gaining independence. Therefore, in their spare time all [responsible people] make effort not to forget the whatever knowledge they have, the whatever handicrafts and [science of] logic they know, [as well as] develop their awareness, master [their skills], and study what they have not learnt yet. Moreover, each [responsible] individual thoroughly teaches all that he/she knows and spreads [the knowledge] among [his/her] servants, friends, neighbors, etc. In this way [the responsible people] provide a mutual help and work for the common progress.
- 5) A [responsible] individual educates each child about, first and foremost, one's own religion and virtues, [as well as] again and again teaches [the child] to cultivate loyalty to his/her own nation and country.

If one regularly recollects in one's mind and practices [all mentioned above], there is no doubt that soon, owing to the fruits of truth, the sun of independence and happiness will rise again.

The wisdom is deep and vast as a huge ocean.

The spirit is firm and fearless as a mountain.

The diligence has the power of the wind which is [blowing] without [any] interruption.

These three [qualities] are the weapons for winning over the enemy.

On the top of the spacious chariot of unanimous truth,

With the skillful helmsman in control,

On the continent of the universally approved independence, we

Will be enjoying the splendor of the good *kalpa*.⁸³³

Just like the editor of *The Tibet Mirror*, the “thoughtful Tibetan” labels the Chinese communist government as an “enemy” and reproduces the lexeme “enemy” as many as six times in the text: the “homeland have fallen into the enemy's hands;”⁸³⁴ “have to live experiencing only suffering under the rule of the enemy;”⁸³⁵ “the power of the enemy is strong now;”⁸³⁶ “weapons for winning over the enemy;”⁸³⁷ “the cowardly [...] people seek the protection of the enemy;”⁸³⁸ “receive the salary and

⁸³³ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960: 8–9.

⁸³⁴ Tib. *rang yul dgra lag tu shor*.

⁸³⁵ Tib. *dgra 'og tu sdug bsngal kho na myong bzhin sdod dgos*.

⁸³⁶ Tib. *da ni dgra bo stobs shugs btsan pa*.

⁸³⁷ Tib. *dgra las rgyal ba 'i mshon cha*.

⁸³⁸ Tib. *dpa' zhum pa [...] dgra la mgo bcol*.

gifts from the enemy, do the clandestine work”⁸³⁹ for the enemy. Furthermore, the “thoughtful Tibetan” accuses the government of the PRC of “the treacherous deception,”⁸⁴⁰ which is “like honey on the tip of a sharp knife.”⁸⁴¹ It is interesting to observe that in the 1950s and 1960s, this particular simile was used for expressing criticism of the Chinese communist policy in *The Tibet Mirror* articles authored by the editor himself, hence, one can assume that either the comparison with a sharp knife smeared with honey was especially popular at the time, or Tharchin himself was involved in composing or major editing of the so-called “letters to the editor.”

The “thoughtful Tibetan” counterposes the terrifying space of “deception” of communist “enemies,” in which Tibetan people are forced to live “in a state of fear and great wariness”⁸⁴² now and will be further “experiencing only suffering” in the future, to the ideal safe space of “independence,” “happiness,” and “truth,” for which Tibetans need to fight for right at this moment. Having repeated the lexeme “independence” seven times in the text of the article, the author, on the one hand, suggests that before communist “enemies” came to power, Tibet was independent (“have lost the opportunity to secure independence”⁸⁴³) and, on the other hand, encourages the Tibetan-speaking population to cultivate “the fruits of truth”⁸⁴⁴ to regain their independence (“in order to gain independence of [our] homeland;”⁸⁴⁵ only “cowardly, idle, lazy, selfish, and timid” people say “there is no way to gain independence;”⁸⁴⁶ “in order to gain the independence of one’s own country;”⁸⁴⁷ “the basis for gaining independence;”⁸⁴⁸ “the sun of independence and happiness will rise again;”⁸⁴⁹ “on the continent of the universally approved independence”⁸⁵⁰).

⁸³⁹ Tib. *dpa' zhum pa* [...] *dgra bo'i phogs dang rngan pa blangs te gsang ba'i las byed*.

⁸⁴⁰ Tib. *rgya dmar gyi gyo sgyu'i mgo bskor*.

⁸⁴¹ Tib. *spu gri'i rtse mor sbrang rtsi ltar*.

⁸⁴² Tib. *'jigs snang dang / 'dwoqs zon chen po'i ngang du gnas*.

⁸⁴³ Tib. *rang dbang bzod bde'i go skabs dang bral ba'i gnas su gyur*.

⁸⁴⁴ Tib. *bden pa'i 'bras bu*.

⁸⁴⁵ Tib. *rang yul rang dbang 'thob pa* [...] *ched du*.

⁸⁴⁶ Tib. *da ni* [...] *rang dbang yong thabs med ces dpa' zhus pa dang / 'sgyid lug le lo rang don / 'rang gzon gyis dgra la mgo bcol*.

⁸⁴⁷ Tib. *rang yul rang dbang thob thabs la* [...].

⁸⁴⁸ Tib. *rang dbang yong thabs kyi rtsa ba*.

⁸⁴⁹ Tib. *rang dbang bde skyid kyi nyi ma bskyar du 'char*.

⁸⁵⁰ Tib. *rang dbang kun dga'i gling chen por*.

The “thoughtful Tibetan” formulates a five-point code of conduct of an ideal fighter for Tibetan independence. According to the code, one should not engage in collaboration with the Chinese communist government but should demonstrate “loyalty” to one’s “country”⁸⁵¹ and the traditional Tibetan “political regime,”⁸⁵² should unite with one’s compatriots, make efforts, preserve, and spread the knowledge of traditional Tibetan sciences and crafts, as well as cultivate the patriotic spirit among the younger generation. The “thoughtful Tibetan” finishes his appeal with an earnest poetic self-hypnosis for the future victory over the “enemies” and the joy to be experienced from “the splendor of the good *kalpa*.”⁸⁵³

Tharchin himself also made use of the method of autosuggestion or wishful thinking in various materials in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s. For instance, in Vol.XXII No.5 published on September 1, 1954, when the 14th Dalai Lama went to Beijing to attend the first session of the National People’s Congress (NPC) of the first convocation and the first constitution of the PRC was to be adopted, the editor addressed his readership with a short “Speech on Longing for Independence of Entire Tibet.”⁸⁵⁴ Inspiring *The Tibet Mirror* readers to dream of the beautiful future of independent Tibet, Tharchin argued that “the venerable Dalai Lama—the great king of the victorious ones and the universal treasure of all living beings of Tibet”⁸⁵⁵—would soon return to “his own state,”⁸⁵⁶ and Tibet would gain independence “in accordance with the desire of the Tibetan people,”⁸⁵⁷ ergo, in addition to the “fortunate celebration” of the Independence Day of the “great Indian state,”⁸⁵⁸ which has already been celebrated for seven years, in the future, Tibetans would be celebrating the “mighty prosperous independence” of Tibet⁸⁵⁹.

Tharchin frequently spread in *The Tibet Mirror* the rumors he allegedly heard, provided that these rumors harmoniously supported the metanarrative of

---

⁸⁵¹ Tib. *yul zhen*.

⁸⁵² Tib. *chab srid la zhen*.

⁸⁵³ Tib. *bskal bzang dga' bde'i dpal la spyod par 'gyur*.

⁸⁵⁴ Tib. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 2).

⁸⁵⁵ Tib. *bod ljongs skye bo yongs kyi spyi nor gong sa skyabs mgon chen po mchog*.

⁸⁵⁶ Tib. *rang ljongs rgyal khab*.

⁸⁵⁷ Tib. *bod mi dmangs rnam kyi thugs mos ltar*.

⁸⁵⁸ Tib. *rgya gar rgyal khab chen po'i rang dbang lo ngo bdun pa'i skal bzang dus chen*.

⁸⁵⁹ Tib. *'byung 'gyur rang dbang stobs 'byor rgyas pa bcas kyi rten 'brel dga' ston dus gcig tu zhus*.

independence which he aimed to construct. For example, in Vol.XXV No.7 dated December 1958, the editor asks his readers to look at the translation of an anonymous message that “is said” to have been left on the facade of the Central University of Nationalities in Beijing in February 1957 “during the Anti-Rightist Campaign”⁸⁶⁰:

1. Did [they] not know that Tibet was independent?
2. Are those who cut their own meat off not in great poverty?
3. For whose benefit was the Kham–Tibet highway constructed?
4. Did they not construct [it] so that [Chinese communist] troops could uninterruptedly easily manage [their] invasion [into Tibet]?
5. What are the freedom and equality [they] are talking about? Do we know the true meaning [of these terms]?
6. Let us not engage in making of ourselves the lifelong slaves [of Others]!
7. Let us not engage in throwing our own nation down the pit of suffering!
8. Let us not engage into doing [such things] that there are only names left of our history and culture!
9. Let us not engage in ignorant living under the foreign rule without at least knowing the origin of our own nation!
10. Let us not engage in implementing reforms that rob us of the slightest bit of power!⁸⁶¹

The anonymous appeal consists of ten points. The first five points are rhetorical questions with presuppositions implying the independent political status of Tibet before its incorporation into the PRC and the communist oppression of Tibet at present. The succeeding five points are imperative constructions with a negation that encourage the Tibetan-speaking population to preserve their national history and culture and to resist further integration of Tibet into the PRC. The author of the appeal condemns non-resistance against the presence of Chinese communists in Tibet and defines it as “ignorant living under the foreign rule,”⁸⁶² voluntary

---

⁸⁶⁰ Tib. *kun spyod dag ther dang 'brel ba'i g.yas phyogs par ngo rgol las 'gul 'khrugs bzhin pa'i skabs der*. The events described by Tharchin in February 1957 most likely referred to the Hundred Flowers Campaign that was aimed at increasing the publicity and criticism of national policy of the central government of the PRC (see Tikhvinskiy 2017: 95–98 for details). The Anti-Rightist Campaign against “rightists” began only in July 1957 and was the aftermath of the Hundred Flowers Campaign that got out of control (Tikhvinskiy 2017: 101). Tharchin’s wording in this article, perhaps, indicates that the editor considered the Hundred Flowers Campaign to be a preparation for the subsequent suppression of the “rightists.”

⁸⁶¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 4.

⁸⁶² Tib. *gzhan dbang mun 'thoms su sdod rgyu*.

transformation into the “lifelong slaves”⁸⁶³ of the Other, and throwing one’s “own nation down the pit of suffering.”⁸⁶⁴

To stimulate the patriotic sentiment of his readership in Tibet, Tharchin also published in *The Tibet Mirror* laudatory articles in which he displayed the examples of how one should fight for Tibetan independence. For instance, in Vol.XXIII No.10 dated October 1956, the editor describes two exemplary “heroes”:⁸⁶⁵

Recently, the representative of Tibetan people A lo Chos mdzad,⁸⁶⁶ a hero who sacrificed his body and life for the sake of the Buddhist teaching and the independence of his homeland, was unjustly accused, put into prison, and held [there] without any [proper] investigation of the truth and the untruth according to the law. [I felt] uplifted [when I] heard the news that on the day of release of [A lo Chos mdzad] from prison, the people in Lhasa and a large number of major and minor traders actively welcomed [him] with *kha btags*, and [he] peacefully went home. I very much hope to publish [this story] again in detail next month. I felt upset when I heard the unpleasant news that [another] elderly representative [of Tibetan people] had passed away in prison. However, since he is a sublime being who sacrificed his life and body for the independence of his homeland and the Buddhist teaching, his beautiful deed will certainly be recorded in the national history of Tibet in the future. Moreover, he set a fine incomparable example to all for the benefit of independence and the Buddhist teaching. Even though he is dead, his name will never die.⁸⁶⁷

A wealthy Li thang trader named A los Chos mdzad⁸⁶⁸ was the leader of the Mi dmangs tshogs ’du, or the People’s Assembly, that was revived in 1954. A los Chos mdzad made his fortune through Tibetan–Indian trade and became politically active in Tibet after he had witnessed the independence movement in India.⁸⁶⁹ In the second half of the 1950s, members of the newly established People’s Assembly once again engaged in anti-Chinese propaganda among the population of Tibet, advocating, in particular, for the preservation of Tibetan currency, the independent status from

⁸⁶³ Tib. *rang nyid tshe g.yog rgyugs rgyu*.

⁸⁶⁴ Tib. *rang brgyud sdug bsngal gyi khung ’bur ’jug*.

⁸⁶⁵ Tib. *dpa’ bo*.

⁸⁶⁶ Birth and death date unknown.

⁸⁶⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 3.

⁸⁶⁸ In Vol.XXV No.3–4 dated July–August 1958, Tharchin even published a photograph of A los Chos mdzad with a caption in Tibetan “A photograph of A los Chos mdzad, the universally approved representative of the Tibetan people” (Tib. *bod mi dmangs spyis mos kyi thus mi a lo chos mdzad kyi sku par*) and a caption in English “Alo Chonnzed the Chief Leader of Mimang” (see *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2).

⁸⁶⁹ Shakya 2000: 145; Powers and Templeman 2012: 439.

China of the Tibetan army, and the full political power of the Dalai Lama.⁸⁷⁰ In 1956, at the request of the Chinese communist government, the Bka' shag issued a warning to A los Chos mdzad that he risked being arrested and was to stop his political endeavors since the activities of the People's Assembly were seen detrimental to Sino-Tibetan relations.⁸⁷¹ After the warning, A los Chos mdzad and two other members of the organization were nevertheless placed under the arrest and detained for several months. When A los Chos mdzad was released in August 1956 on the condition that he would further abstain from politics, he fled to Kalimpong and continued agitating for the independence of Tibet from there.⁸⁷²

The second member of the People's Assembly praised by Tharchin in his article was probably Lha phyug Grags pa 'Phrin las.⁸⁷³ A minor Tibetan government official named Lha phyug Grags pa 'Phrin las was arrested for his anti-Chinese dissident activities just like A los Chos mdzad, but he died in prison.⁸⁷⁴ In spite of Tharchin's promise to commemorate the "heroes" of the struggle for Tibetan independence for a duration of eternity, Lha phyug Grags pa 'Phrin las has remained less known than A los Chos mdzad and it is now very difficult to find any information about him.

In Tharchin's narrative, the two activists of the Tibetan independence movement selflessly "sacrifice" their "body and life for the sake of the Buddhist teaching and the independence" of their motherland.⁸⁷⁵ As a result, they acquire a status of not even mere "heroes" but of a much higher rank of "sublime beings."⁸⁷⁶ Presenting the two "fine" examples of the ideal pro-independence fighters within one publication at once, the editor shows that those who remain alive earn the esteem and respect of the society (they are being greeted with traditional ceremonial scarves *kha btags*), while those who die during their struggle are awarded with the immortal

---

⁸⁷⁰ Powers and Templeman 2012: 438–439.

⁸⁷¹ Powers and Templeman 2012: 440.

⁸⁷² Powers and Templeman 2012: 440.

⁸⁷³ Birth and death date unknown.

⁸⁷⁴ See Powers and Templeman 2012: 439–440.

⁸⁷⁵ Tib. *rgyal bstan dang rang ljongs rang dbang gi ched du lus srog blos btang*.

⁸⁷⁶ Tib. *skyes bu dam pa*.

glory of “heroes” (“his name will never die”⁸⁷⁷) and their “beautiful” deeds are “certainly” going to “be recorded in the national history of Tibet in the future.”⁸⁷⁸

As a role model of another exemplary defender of Tibetan independence, the editor of *The Tibet Mirror* suggested A ’brug Mgon po Bkra shis,⁸⁷⁹ a member of the People’s Assembly and the leader of the Chu bzhi sgang drug resistance movement formed by natives of eastern Tibet. In Vol.XXV No.11 dated April 1959, that is immediately after the uprising in Lhasa in March 1959, under the title “Hero Mgon po Bkra shis Takes Charge and Raises a Big Rebellion against Chinese Communists in Kong po,”⁸⁸⁰ Tharchin briefly explains why Tibetan “heroes” are rising against the rule of the PRC:

Since in Kong po in southeastern Tibet Chinese communists were senselessly oppressing [Tibetan people] and repeatedly firing [at them], the hero Mgon po Bkra shis took charge and raised an uprising of the Volunteer Army for Defense of Religion.

Communist China recognized as a right [idea] the decision to exterminate Tibetans under the leadership of the Volunteer Army for Defense of Religion. Therefore, recently, on January 25–26, 1959, communist China sent about 180 vehicles with weapons and soldiers from Lhasa to the area of Kong po to expel the *kham pa* soldiers [from there]. Besides, [the Chinese communist government] sent soldiers and so on from Lhasa and other military camps to the western regions of Tibet.⁸⁸¹

On the very same page after this report, Tharchin additionally embellished the images of China as a brutal aggressor and Tibet as its victim:

In Tibet, [people] pray that [Tibet] resists the increasing bullying of [Chinese] communists and their foul views, that Tibet is liberated from the oppression, and that [various] foreign countries which enjoy [their] independence can get to know about [all] that.⁸⁸²

The editor gives a number of reasons why the PRC should be unequivocally recognized as the aggressor: “senseless oppression,”⁸⁸³ arms and troops build-up, firing into the people, and the “decision to exterminate Tibetans.”⁸⁸⁴ At the same

⁸⁷⁷ Tib. *khong gi mtshan nam yang 'da' bar mi 'gyur ro.*

⁸⁷⁸ Tib. *mdzad bzang ni ma 'ongs bod kyi rgyal rabs su 'khod nges pa.*

⁸⁷⁹ Tib. *a 'brug mgon po bkra shis; 1905–1964.*

⁸⁸⁰ Tib. *dpa' bo mgon po bkra shis kyiis 'go 'khrid gnang nas kong po khul rgya dmar la ngo rgol chen po byed pa.*

⁸⁸¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 4.

⁸⁸² *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 4.

⁸⁸³ Tib. *rgya dmar nas don med btsan dbang gis me sg.yogs mang po rgyab.*

⁸⁸⁴ Tib. *bod rigs rnamtsa med gdong bar gtan 'khel ba.*

time, neither in the first report about the “Volunteer Army for Defense of Religion”⁸⁸⁵ and its heroic leader, nor in the next news after it about Tibetan prayers for the “liberation from the [communist] oppression,”⁸⁸⁶ Tharchin mentions the fact that Tibetan-speaking resistance fighters confronted Chinese communists not with peaceful prayers but carrying weapons in their hands. Instead, the editor praises such form of retaliatory physical aggression as a display of heroism. In the idealized descriptions of the resistance movement in *The Tibet Mirror*, Tharchin also never mentioned that in some cases, members of A ’brug Mgon po Bkra shis’s group forcibly took food, fodder, horses, and mules from the local Tibetan population.⁸⁸⁷ Moreover, some *kham pa* resistance fighters were noticed stealing jewelry and raping local women, thus making the people of the Tibetan Plateau, who had encountered such incidents, fearful of the Chu bzhi sgang drug if not disgusted by its members.⁸⁸⁸

One can find abundant evidence of Tharchin’s romanticizing of death in the name of Tibetan independence in the 1950s and 1960s. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10 dated March 1960, which was published exactly one year later after the uprising in Lhasa in March 1959, the editor discusses another deceased heroic rebel under the title “Young Hero Who Accomplished the Supreme Goal for the Sake of Freedom of Tibetan People and Freedom of Religion”.⁸⁸⁹

Not so long ago, in February, a group of people who joined the revolutionary opposition campaign against communist China in the Sde dge region of Kham planned to come to India. When [they] arrived at the border with upper Ladakh, [they] were attacked by Chinese communist soldiers who had been chasing after them for several days. In the end, 21 [young] men and women led by the young Tibetan [named] Bde chen Grags pa⁸⁹⁰ lost [their] lives. Two people from this group have arrived in India.

Bde chen Grags pa was a young man who would have turned 28 years old this year [1960]. He was a son of a minister of the great Buddhist ruler of Sde dge in Kham. In 1952, he

⁸⁸⁵ Tib. *bstan srung dang len dmag mi*.

⁸⁸⁶ Tib. *bod btsan gnon ’og nas thar ba*.

⁸⁸⁷ Goldstein 2019: 255, 257.

⁸⁸⁸ Goldstein 2019: 257–259.

⁸⁸⁹ Tib. *bod mi rigs kyi rang dbang dang /_chos lugs kyi rang dbang bcas kyi ched du las don mthar phyin pa’i dpa’ bo gzhon nu*.

⁸⁹⁰ Lit. “known as the happy [one].”

studied at the Chinese communist cadre school. In 1953, he served as a teacher of approximately 500 students in the so-called “Zhongzhou”⁸⁹¹ in Kham. In 1955, he served as a governor, [or] the so-called “*shengzhang*”⁸⁹² in Dpal yul *rdzong* in Kham. Because he had a good command of the Tibetan language, Tibetan culture, as well as the Chinese language, and was one of the extremely progressive people, in 1956, he left the communist bureau. He took the lead over people from different regions and, combining both civil and military ways, attacked groups of barbarian communists. In 1958, he arrived in Khyung po in Kham. Having taken charge of about 1,500 local soldiers [there], he [led] eight attacks in the course of which [his soldiers] killed and wounded more than 7,000 Chinese communist soldiers. In 1959, in the rear area of northern Nag chu kha in Tibet, he left with 500 cavalry soldiers and in the course of six attacks killed and wounded more than 1,000 Chinese soldiers. Finally, being unable to maintain a stable number of soldiers and a [stable] amount of [military] force he dissolved his [group] of soldiers. In February 1960, he, his paternal uncle A dge, and 23 other men and women planned to go into exile in India, therefore, they arrived in upper Ladakh and for three days they were fighting again and again with more than 5,000 Chinese communist soldiers who followed [them there]. In the end, according to the eyewitnesses’ reports, the land was covered with corpses of more than 1,000 Chinese soldiers who had been killed. 21 men and women led by the deceased hero himself also lost [their] lives.

Even if the deceased hero dies in his next life, his sacred name will never be forgotten in this Universe. His particularly virtuous deeds will be able to stay forever in the hearts of all Tibetan monks and laymen.

Following [the example of] the deceased young hero who accomplished the goal by carrying the responsibility of a revolutionary and conducting attacks on communist China, we have decided that we would certainly be thoroughly implementing all of his ideas and would not indulge in idleness even if for a second. [The article] was written together with his [the deceased hero’s] friends.⁸⁹³

While presenting in detail the story of a young and, most importantly, “extremely progressive”⁸⁹⁴ leader of Tibetan-speaking resistance fighters, Tharchin repeats the lexeme “hero”⁸⁹⁵ all together four times (first, in the title of the article and then, three times in the text). In Tharchin’s narrative, this young man’s heroism is explained by

⁸⁹¹ Tib. *krung byo’u*. Tharchin probably referred to a city in Henan Province, Chin. 中州.

⁸⁹² Tib. *zhan krang*. Tharchin probably referred to the Chinese term 省长, lit. a “chairman of the provincial people’s government” or a “governor of a province.”

⁸⁹³ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 10, March 1960: 2.

⁸⁹⁴ Tib. *ha cang sngon thon*.

⁸⁹⁵ Tib. *dpa’ bo*.

the fact that he studied at a communist cadre school and yet left his high-ranking position in the Chinese government to become a “revolutionary”⁸⁹⁶ and rebel against the rule of Chinese communists. In addition to that, the editor illustrates his heroism with the impressive numbers of soldiers of the PLA who were killed during the past three years by Tibetan-speaking resistance fighters under the leadership of this young man (“killed and wounded more than 7,000 Chinese communist soldiers;”⁸⁹⁷ “killed and wounded more than 1,000 Chinese soldiers;”⁸⁹⁸ “in the end, according to the eyewitnesses’ reports, the land was covered with corpses of more than 1,000 Chinese soldiers who were killed”⁸⁹⁹). While the editor once again straightforwardly labels Chinese communists as “barbarians,”⁹⁰⁰ he does not recognize the activities of Tibetan rebels as any violation of universal moral principles and ethics, but, on the contrary, uses amelioration and describes their acts of insurgency as “particularly virtuous deeds”⁹⁰¹ that must be taken as an example by the entire population of Tibet. Creating an image of the ideal rebel patriot, Tharchin assures his Tibetan readers that the “sacred name”⁹⁰² of such a hero who “accomplished the [supreme] goal”⁹⁰³ by killing Chinese communists “will be never forgotten in this Universe”⁹⁰⁴ and his “deeds will be able to stay forever in the hearts of all Tibetan monks and laymen.”⁹⁰⁵ At the time of writing this dissertation, the name Bde chen Grags pa, however, was not found in any sources on modern Tibetan history, therefore, one can assume that the character depicted by Tharchin in his article, perhaps, was not a historical figure, but an imaginary role model created to be referred to in *The Tibet Mirror*.

Summarizing the results of analysis of the selection of publications from *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s, one can conclude that in the process of construction of the metanarrative of independence Tharchin simultaneously

---

⁸⁹⁶ Tib. *rgya dmar la 'thabs rgo! byed pa'i gsar brje'i las 'khur*.

⁸⁹⁷ Tib. *rgya dmar gyi dmag mi bdun stong lhag tsam bsad rmas byas*.

⁸⁹⁸ Tib. *rgya dmag chig stong lhag tsam bsad rmas byas*.

⁸⁹⁹ Tib. *rgya dmag gcig stong lhag tsam dngos mthong bsad de mi ros yul ljongs khengs par byas 'dug*.

⁹⁰⁰ Tib. *kla klo dmar po*.

⁹⁰¹ Tib. *mdzad bzang khyad par can*.

⁹⁰² Tib. *mtshan dam pa*.

⁹⁰³ Tib. *mtshar phyin pa*.

⁹⁰⁴ Tib. *'jig rten du nam yang med par 'gyur mi thub*.

⁹⁰⁵ Tib. *khong gi mdzad bzang khyad par can de ni bod rigs ser skya yongs rdzogs kyi snying dbus su rtag tu gnas thub pa yong gi red*.

predicted how events would unfold in Tibet, pointed to how everything should be, and suggested what needs to be done to accomplish that. The editor portrayed the enticing happy future of independent Tibet and, at the same time, intimidated his readers with the horrifying impending genocide of Tibetan-speaking population in case Tibet stayed under the communist rule. Employing the method of wishful thinking, Tharchin promised that Tibet would certainly be independent if inhabitants of the Tibetan Plateau followed the ideas and step-by-step guidance for gaining independence promoted in *The Tibet Mirror*. Introducing elements of the discourse strategy of creating the phantom threat, the editor sought to undermine prospects of constructive interaction between the local Tibetan population and representatives of the PRC and tried to convince his readers to take up arms so that they would jointly rebel and destroy the “enemies of the Buddhist teaching.” In order to “liberate” Tibet from the communist oppression, as early as the first half of the 1950s, Tharchin stressed the importance of such attributes of a modern nation as the national language, costume, currency, and army and urged to preserve any documentary evidence of the independent political status of Tibet, to maintain full combat readiness of Tibetan soldiers, and to cooperate with the United Nations and the “religious states” of the world. The editor romanticized death in the name of Tibetan independence and regularly provided inspiring examples of “heroism” of Tibetan-speaking individuals. Tharchin defined such behavior both as an ideal reference for the national liberation war and as a means to achieve one’s supreme goal in Buddhism.

2.2.3.4. Constructing the Image of the Other

To maintain the coherence of the metanarrative of Tibetan independence, Tharchin needed not only to provide evidence in his publications that Tibet had been independent in the past but was he also to inspire his readers to fight for Tibetan independence in the present and in the future. The construction of the Other or a group of “outsiders,” i.e., those against whom one had to fight for the independence,

in *The Tibet Mirror* and in the perception of readers of the newspaper respectively was an important factor for organizing the movement for Tibetan independence. The confrontation between “us” and “them” is the basic binary opposition of the political discourse and is an integral part of any liberation war, which, in its turn, serves as the “assemblage point” of a nation.

The “outsiders” in Tharchin’s narrative are representatives of the Chinese communist government in Tibet, troops of the PLA, and communists in general. In the 1950s and 1960s, the discourse opposition of the Self vs. the Other was implemented in *The Tibet Mirror* within the frame of “conflict” which was filled with such slots as “communist oppression,” “bullying,” “repressions,” “cruel,” “hypocritical,” “bandits,” “murderers,” “invasion,” “seized by force,” “military clashes,” “arrests,” “false accusations,” “improperly,” “killed,” “coercion,” “tyranny,” “torture,” etc. Thus, the space of the Other was firmly associated with “fear,” “deception,” “violence,” and “cruelty.”

The discourse strategy of creating the group of the Other was actualized in *The Tibet Mirror* through the alienation of Chinese communists from the group of the Self. In Tharchin’s narrative, “they” or “outsiders” are continuously expressing hostility towards Tibet and its people. “They” have invaded independent Tibet. “They” have no respect for Tibetan religion. “They” talk about progress and development, but, in fact, “they” want to destroy Tibetan people and Tibetan culture. “They” carry out repressions. “They” lie that people in Tibet live happily under “their” rule. “They” force Tibetan monks to engage in inappropriate activities and desecrate Buddhist shrines. “They” show no mercy even for the elderly and children. “They” violate the universal norms of morality and ethics. “They” attempt to lead a devout Tibetan lama astray by sending a young attractive Chinese woman to sleep with him and then, having failed in their seduction plan, make the lama work as a wagoner.⁹⁰⁶ “They” turn the famous monastery of Bla brang Bkra shis ’khyil into a military camp for 10,000 Chinese soldiers and torture over 4,000 monks there.⁹⁰⁷

⁹⁰⁶ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.3.

⁹⁰⁷ See *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 2.

Contesting the official narrative of the Chinese communist government on the return of Tibet to the big family of nations of the Chinese motherland, Tharchin constructed his own alternative narrative of Tibet that was independent from China. From the very beginning of the 1950s and the arrival of Chinese communists to the territory of the Tibetan Plateau, the editor emphasized in his publications that Tibet was not part of the Chinese motherland and the Chinese were “aliens” in Tibet, who missed there their real motherland, i.e., China. For instance, in Vol.XXI No.6 dated September 1953, Tharchin shares the following rumors:

There are rumors that many soldiers from various units of the Communist Party of Red China miss their motherland, parents, brothers, and sisters. A great number of people are very much longing to see [their relatives] and are [thus] making attempts to flee to their motherland. About 500 [soldiers] who fled [from Tibet] were captured and are now imprisoned in Lhasa together with [ordinary] prisoners. During the daytime, they are being taken outside and forced to do very hard work. [This is] the news I heard.⁹⁰⁸

In a rather short publication, Tharchin provides an ideological counterbalance to the official narrative of the PRC by repeating twice that Chinese soldiers have “their own motherland”⁹⁰⁹ and, moreover, they dream of leaving Tibet. Thus, a logical implication of this news report suggests that the people of Tibet are not “brothers” and “sisters” of the Chinese and Tibet is not part of China.

At the same time, from the very beginning of the 1950s, Tharchin consistently reproduced the image of Chinese communists as militant atheists and, hence, bitter enemies of Tibetan Buddhism. Since in November 1953, the Chinese communist officials pursued a cautious policy in central Tibet and tried to earn the trust of the local population, the editor of *The Tibet Mirror* devised a way to expose the Chinese communists’ lack of respect for religion and cultural heritage by drawing on the example of China proper:

The new Chinese communist government has not only banned in China the studying and reading of many valuable books with ancient religious commentaries but has also burned many hundreds of thousands maunds⁹¹⁰ of books. I heard news that afterwards, they produce

---

⁹⁰⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 5.

⁹⁰⁹ Tib. *rang yul*.

⁹¹⁰ A unit of weight used in Asia, one maund is approximately 37 kg.

paper by dumping many tons of books into the machines at a paper recycling plant. In particular, they destroy all religious books, treatises on discipline and moral vows of parents and children, distant relatives, spouses, and close friends. If anyone knows someone who hid [the banned literature], [Chinese communists] will apply a vicious law of intolerance to that person.⁹¹¹

In his publication, Tharchin demonstrates to Tibetan-speaking readers that if “outsiders” ban and destroy religious treatises and punish with the “vicious law”⁹¹² those who withhold books on forbidden topics even in China itself, then in the future, “they” will surely do the same in religious Tibet.

Throughout the 1950s and 1960s, the “outsiders” in Tharchin’s narrative invariably accumulated their bad *karma* from the various malign acts committed against the Tibetan state, the monastic community, and the common people of Tibet. For example, in Vol.XXIII No.10 dated October 1956, the editor accuses the “outsiders” of the “shameless bullying”⁹¹³ of the population of eastern Tibet:

Although the Chinese speak well of Dkar mdzes⁹¹⁴ Monastery in Kham, more than 300 monks fled [from there]. Recently, three Chinese planes flew to ‘Ba’ and Li thang in Kham, [they] fired many [times] from machine guns at people and monasteries, as if it was hail falling down. That is how [they] shamelessly bullied people.⁹¹⁵

Embellishing his publications with vivid memorable tropes and figures of speech, Tharchin further complemented the “hail”⁹¹⁶ simile with the metaphor of “a bomb rain”⁹¹⁷ used as a title of the following news report in *The Tibet Mirror* issue dated May 1957:

I heard the news that last year [1956], Chinese communists dropped 138 bombs in Kham, including 73 bombs on Chos sde Monastery in ‘Ba’, 63 bombs on Cha phrin Monastery, one on Li thang Monastery, and one on Gling khag bzhi. Moreover, the planes went down and fired machine gun bullets like hail and lightning. At present, a rich, strong, and well-armed state has accumulated an irredeemably bad *karma* as a result of oppressing the functioning monasteries, a weak poorly armed state, and a community of monks. [This] oppression

⁹¹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

⁹¹² Tib. *khriims sdug po*.

⁹¹³ Tib. ‘di ‘dra khrel med mi dmangs la thub tshod byas ‘dug.

⁹¹⁴ Tib. *dkar mdzes*.

⁹¹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 2.

⁹¹⁶ Tib. *mi ser dang dgon pa nams kyi steng la ser ba ‘babs pa ‘dra ‘i sbag sbag mang po ‘phangs ‘dug*.

⁹¹⁷ Tib. *sbom gyi char pa*.

violates international law. The fruits of the bad *karma* which have been accumulated not only in the past lives but are also [going to be further accumulated in the present] will certainly return to them in the future.⁹¹⁸

Having started with some statistical data on the shelling of Tibetan monasteries, Tharchin then resorts to the means of artistic expression, namely the simile comparing Chinese machine-gun fire to “hail and lightning.”⁹¹⁹ The editor thus avoids the need to cite his source of information and instead redirects into the Buddhist paradigm the analysis of activities of the Other in Tibet. Tharchin portrays Tibet and the PRC as two separate states-antagonists: the “weak poorly armed state”⁹²⁰ of Tibetans is the unfortunate victim of the “rich, strong, and well-armed state”⁹²¹ of the Other that “violates international law”⁹²² and thereby accumulates the “irredeemably bad *karma*.”⁹²³ Practicing the wishful thinking, the editor chooses to conclude his news report with a promise to his Buddhist readers that the Others will surely pay for their “fruits of the bad *karma*.”⁹²⁴

In the late 1950s, Tharchin continued regularly accusing the PRC of bullying Tibetans and violating the norms of international law in Tibet. Over the years, the editor’s derogatory publications about Chinese communists increased exponentially, while the policy of the Other was described as an unprecedented threat not only to the Tibetan-speaking population but to the whole world. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated September–October 1959, under the title “In Unpleasant News Heard from Tibet,”⁹²⁵ Tharchin tries to convince his readers that the Others are currently engaging in the “lawlessness” the scope of which is absolutely “unprecedented anywhere in the world”⁹²⁶:

⁹¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 9.

⁹¹⁹ Tib. 'bag 'bag gi mde'u thog ser ltar 'phangs pa red.

⁹²⁰ Tib. go mtshon zhan pa'i rgyal khab stobs chung zhig.

⁹²¹ Tib. go mtshon ldan pa'i rgyal khab stobs 'byor gnyis ldan zhig.

⁹²² Tib. 'dzam gling spyi khrims dang 'gal ba'i gnya' gnon.

⁹²³ Tib. btsan gnon gyis mtshams med las ngan bsags.

⁹²⁴ Tib. las ngan bsags pa'i rnam smin rang log la 'khor rgyu ni nges gtan red.

⁹²⁵ Tib. bod kyi gnas tshul mi snyan pa go thos su.

⁹²⁶ Tib. rgya dmar gung bran tang gis 'dzam gling yongs su med pa'i khrims med thog [...].

By means of the unprecedented anywhere in the world lawlessness, the Chinese Communist Party has arrested and abused, has murdered and is murdering [now] lamas, *tulkus*,⁹²⁷ abbots, and disciples of various Tibetan monasteries.⁹²⁸

To maintain the image of the PRC as a brutal aggressor, Tharchin persistently provided vivid examples of oppression of the population of Tibet. In *The Tibet Mirror* issue dated November–December 1959, under a long title “In Tibet, the Property and Goods of the People of Kham and Amdo Have Been Destroyed, the Three Pillars of Buddhism, Religious Objects, and All Monks in the Monasteries Have Been Destroyed,”⁹²⁹ the editor accuses Chinese communists of the brutal massacre of natives of Kham and Amdo, but at the same time, omits mentioning the information that the reason for such policy of the PRC was the militant insurgency of the *khams pas* and *a mdo bas*⁹³⁰:

From April to November this year [1959], soldiers of the PLA had to execute the following official order of the commander: “In major settlements in Tibet—Lhasa, Gzhis ka rtse, Rgyal rtse, Phag ri, Ru thog, and other [towns]—*khams pa* migrants and natives of Amdo [are to] be destroyed. All their lands, houses, property, and goods [are to be] confiscated. In addition to this, young people are to be forced to do hard physical labor, the children are to be sent to schools, and the elderly are to be arrested. Besides, if starting from today, any Tibetan is henceforth caught secretly hiding a *khams pa* or an *a mdo ba* at home, they [both] will be severely punished.” They are making sure that now, in the regions of Dbus and Gtsang, there are no more than just names left of *khams pas* and *a mdo bas*.⁹³¹

The creation and use of an abnormal crisis situation is considered to be the main means of stirring up the feelings of discourse recipients and redirecting their perception into the sphere of emotions which start dominating over the recipient’s ability to think clearly and rationally.⁹³² As for *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, the key crisis situation was the uprising in Lhasa in March 1959. Therefore, the most graphic images of the Other were designed precisely as part of the large-

⁹²⁷ Tib. *sprul ku*, a title applied in Tibetan Buddhism to reincarnate lamas.

⁹²⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10.

⁹²⁹ Tib. *bod du khams pa dang a mdo'i rgyu zog rtsa gtor dang dgon sde khag gi rten gsum chos rdzas dang dge 'dun pa tshang ma rtsa gtor biang 'dug*.

⁹³⁰ Tib. *a mdo ba*, a native of Amdo.

⁹³¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959: 6.

⁹³² Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 104.

scale descriptions of the 1959 Uprising and the subsequent suppression of the resistance movement in Tibet by the PRC. For an example of Tharchin's rhetoric on this topic, one can refer to an excerpt from an article entitled "Published according to the Extremely Disturbing News Heard from Lhasa"⁹³³ in *The Tibet Mirror* issue dated February–March 1959:

Recently, during the first week of March 1959, Chinese communist officials in Lhasa invited the venerable Dalai Lama to a reception. However, [they] asked him to come to the dinner reception without bodyguards. [They said that] if bodyguards were nevertheless needed, [the guards] should come without any weapons. Such an invitation was sent.

When it was time to go [to the dinner reception], about 30,000 Tibetans spontaneously gathered outside the Nor gling Bskal bzang Palace. They prostrated themselves in front of the Dalai Lama and vigorously beseeched him, saying that if he were to go to the reception, then he should definitely decline the invitation to go to China because of the evil intentions of Chinese communists. Given that, apart from 500 [official] bodyguards who were [protecting the Dalai Lama], weapons from a private military camp were distributed to additional 500 volunteer bodyguards. For this reason, the radio from the Chinese communist military camp in Nor thod Park broadcasted: "All Tibetan people live happily, and the venerable Dalai Lama is not going to be invited to China."

In addition to that, the next day, the above-mentioned people—old and young, and even children—about 30,000 people in total, [including] about 5,000 women, marched in a procession through Bar skor⁹³⁴ and the streets of Lhasa. Having raised up the national flag [of Tibet], [they] loudly yelled: "As of today, Tibet is a fully independent free state. Communist China has no need at all to interfere in Tibetan affairs. We will never be able to live under the Chinese rule. You, all Chinese communist civilian and military officials, must leave the land of Tibet!" Not only did they march [through Lhasa] with heroic screams, but when they reached the headquarters of the Tibetan religious and secular government Dga' ldan Pho brang, Tibetan monks and laymen alongside with various officials compiled and signed [a petition] stating that [they all] shared their solidarity in regard to [Tibet's] freedom and independence. Having reached the Indian, Nepalese, and Bhutanese foreign bureau offices in Bde bskyid Park in Lhasa, [they] said: "We ask you to be the witnesses of the demands [we] want to convey to the Chinese!" Then, the yelling [protesters] went to the bureau of communist China. More than 5,000 women, along with the elderly, young people,

⁹³³ Tib. *lha sa'i gnas tshul shin tu 'tshabs che ba'i skor go thos byung gsal ltar bkod pa gsham gsal ltar ro.*

⁹³⁴ Tib. *bar skor*, a popular area around the famous Jo khang temple in Lhasa used for circumambulation by both Buddhist pilgrims and Tibetan locals.

and children—about 30,000 [men] in total—were marching in a procession and loudly yelling. Moreover, Tibetan soldiers even took off their Chinese uniforms and put on their Tibetan clothes. Following their example, many people who worked for the Chinese quit their jobs.

In the course of massive suppression [of Tibetans] by force and terror, Chinese communists besieged Lhasa with the help of more than 50,000 Chinese soldiers. They even had to close Chinese schools and similar institutions.

If Chinese communists represent a state that has culture and knowledge, they cannot inappropriately suppress like that such small religious states as Tibet. Be that as it may, after the Tibetan government holds peace negotiations with the Chinese, will the Chinese, having listened to and understood them [Tibetan officials], not go peacefully to their own place of residence?

Because there were still Chinese communist officials and troops in the Rgyal rtse fortress and storage warehouse, military groups of [Tibetan] defenders of the religion have surrounded them like a [chain of] iron mountains and continue to keep them [under siege].

Earlier, for a decade long, resorting solely to coercion that does not show respect to religion, the law of karmic retribution, and any moral principles, Chinese communists in the regions of Tibet and Greater Tibet⁹³⁵ have been seizing the control and bullying, killing, arresting, and intimidating in every possible way the Tibetan monks and laymen, lamas, and *tulku* and have thus been gradually committing the unspeakable, unbearable, and disturbing evil acts. [...] ⁹³⁶

In the passage cited above, one can clearly identify a group of “outsiders” whose actions are immersed in the semantic field of evil and violence. To describe the policy of the Other, Tharchin chooses pragmatically charged lexical units with pejorative semantics and employs the synergistic effect to explicitly accuse the PRC of the gravest crimes against the people of Tibet: “because of the evil intentions of Chinese communists,”⁹³⁷ “massive suppression [of Tibetans] by force and terror;”⁹³⁸ “the unspeakable, unbearable, and disturbing evil acts;”⁹³⁹ “killed, arrested, and intimidated in every possible way;”⁹⁴⁰ “seized the control and bullied;”⁹⁴¹ “resorting

⁹³⁵ Tib. *bod chen po*.

⁹³⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 9–10, February–March 1959: 12.

⁹³⁷ Tib. *rgya dmar gyis bsam ngan khog gcug*.

⁹³⁸ Tib. *bitsan dbang 'jigs gnon chen po*.

⁹³⁹ Tib. *mi bzod pa 'i bya ngan 'tshab che brjod lyes mi lang ba*.

⁹⁴⁰ Tib. *bsad bzung gang thub kyis 'jigs 'tsher*.

⁹⁴¹ Tib. *bdag bzung dbang gnon dang 'brel*.

solely to coercion that does not show respect to religion, the law of karmic retribution, or any moral principles.”⁹⁴² In the conditional sentence “If Chinese communists represent a state that has culture and knowledge, they cannot inappropriately suppress like that such small religious states as Tibet,”⁹⁴³ Tharchin inserts a logical implication that Chinese communists probably lack any culture and knowledge and that is why behave in this way in Tibet. Immediately after the conditional with the implication, the editor introduces an interrogative sentence (“Be that as it may, after the Tibetan government holds peace negotiations with the Chinese, will the Chinese, having listened to and understood them [Tibetan officials], not go peacefully to their own place of residence?”⁹⁴⁴) which contains a presupposition that Tibet is not the place for the Chinese and that the Chinese must have a more appropriate “own place of residence.”

Tharchin manipulates with the detailedness of description by specifying the number of Tibetan protesters and the number of Chinese soldiers sent as a reinforcement to Lhasa. The editor mentions three times the total number of Tibetan protesters (30,000 people) which is almost two times smaller than the number of the soldiers of the PLA (50,000 people), gives twice the additional details on the number women among the protesters, and also mentions the elderly and children, thus covering all age and gender groups. Tharchin’s narrative does not portray Tibetans as instigators of a major chaotic anti-government unrest in Lhasa, but rather depicts them as peaceful civilized protesters against the aggression of the “outsiders” and heroic advocates for Tibetan independence.

In the article, the editor—both on behalf of himself and the Tibetan protesters—repeats three times that Tibet is an “independent” state from China: “such small religious states as Tibet,”⁹⁴⁵ “Tibet is a fully independent free state;”⁹⁴⁶ “solidarity in regard to [Tibet’s] freedom and independence”⁹⁴⁷ of Tibet. In addition

⁹⁴² Tib. *chos dang las 'bras sogs mi chos khrims lung gang la 'ang mi ltos pa'i btsan shed kho nas.*

⁹⁴³ Tib. *rgya dmar de dag shes rigs slob sbyong ldan pa'i rgyal khab gcig yin na.*

⁹⁴⁴ Tib. *gang ltar bod gzhung sogs nas rgya mi dang zhi mthun bka' mol gnang nas der rgya mis nyan shes thog zhi 'jam rang gnas su gnas mi yong ngam.*

⁹⁴⁵ Tib. *chos byed rgyal khab chung ngu bod 'dra ba.*

⁹⁴⁶ Tib. *bod 'di nyi ma da ring nas bzung rang dbang rang btsan gtsang ma'i rgyal khab yin.*

⁹⁴⁷ Tib. *rang dbang rang btsan gyi phyogs la blo sems chig bsgril yin.*

to that, Tharchin actualizes in the text such markers of Tibetan independence as Tibetan “national flag,”⁹⁴⁸ Tibetan national “clothes,”⁹⁴⁹ “Tibetan affairs,” in which the Chinese communists “have no need at all to interfere,”⁹⁵⁰ and the “land” of Tibet that Chinese communists “must leave.”⁹⁵¹

In the very same issue of *The Tibet Mirror*, there is another typical example of the discourse strategy of creating the group of the Other. In the article entitled “Briefly on the Uprising of the [Tibetan] Volunteer Army,”⁹⁵² the editor states that he “published a rough translation from a newspaper in English,”⁹⁵³ but it is obvious that Tharchin enriched the translation with his own comments to further strengthen his pro-independence discourse:

In the Earth-Dog Year [1958] in the seventh Tibetan month, after Chinese communists had made all sorts of unacceptable false charges against the monks practicing the religion, [they] forced their way into [Ra nyag Monastery]. Therefore, to defend the Teaching, the monks put down their prayer beads, [took up] weapons, and risking their lives, rose against [their] enemies—the Chinese communists. However, because the strong and the weak got into a fight, [the monks] could not stand for long and were inevitably defeated. [Chinese communists] burned the monastery and most of the Three Pillars of Buddhism [statues, books, and stupas]. [Chinese communists] killed most of the lamas and monks [there] with evil sentences. This situation, which was unbearable to watch, [happened] about five months ago.

Moreover, now, Chinese communist troops have gathered up like piles of pills and are staying near the crossroads in Lhasa. [Chinese soldiers] have erected fortifications on the roofs of various Buddhist religious buildings to serve as a place to put [their] machine guns, which [is done] against the will of Tibetans and against local traditions. [...]

The Chinese communists in Tibet have been [engaging] for a long time and are still engaging now in the continuous brutal bullying of [Tibetans]. Since Tibetan indigenous people, religion, and politics have been destroyed and have fallen into a total decay, there is certainly not even a name left of Tibet and Tibetans. [...]

---

⁹⁴⁸ Tib. *rgyal dar*.

⁹⁴⁹ Tib. *bod chas*.

⁹⁵⁰ Tib. *rgya dmar nas bod don the byus byed dgos gtan nas med*.

⁹⁵¹ Tib. *rgya dmar zhi drag dpon dmag tshang ma bod kyi sa thog nas phyir log 'gro dgos*.

⁹⁵² Tib. *dang len dmag mi rnam kyi ngo rgol mdor bsduis ni*.

⁹⁵³ Tib. *dbyin yig gсар 'gyur nas rags bsgyur tsam bkod pa'o*.

Even though the Chinese communists in Tibet, just as in China, perhaps, achieved a semblance of minor progress as a result of the violent reforms that run against local customs and traditions, [they achieved it] only in the sphere of Tibetan politics, there is no such [progress] in the sphere of religion and freedom [in Tibet].⁹⁵⁴

In the propositional structure of the text, Chinese communists are once again portrayed as the agent of cruel and unjust actions, while the Tibetans who take a defensive stance are the patient of the unfair aggression. To convince his Tibetan-speaking readers in the “unbearability”⁹⁵⁵ of the policy of the Other, Tharchin exacerbates the situation with semantic and lexical repetitions: “made all sorts of unacceptable false charges against the monks”⁹⁵⁶ and “killed [...] monks with evil sentences;”⁹⁵⁷ “burned [...] most of the Three Pillars of Buddhism”⁹⁵⁸ and “killed most of the lamas and monks;”⁹⁵⁹ placed the machine guns “against the will of Tibetans and against local traditions,”⁹⁶⁰ “violent reforms that run against local customs and traditions.”⁹⁶¹

Tharchin inserts a logical implication into the antithesis “the strong and the weak got into a fight,”⁹⁶² which recipients of his discourse are bound read in one and only way: although “to defend the Teaching,” the Tibetan monks had to “risk their lives” and do something completely extraordinary, namely “put down their prayer beads” and take up weapons⁹⁶³, they turned out to be weaker than the strong Other and were defeated. Hyperbolizing the scope of Sino–Tibetan conflict, Tharchin argues that due to the “continuous brutal bullying”⁹⁶⁴ of the Other, not only “Tibetan indigenous people, religion, and politics have been destroyed and have fallen into a total decay,”⁹⁶⁵ but “there is certainly not even a name left of Tibet and Tibetans.”⁹⁶⁶

⁹⁵⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 9–10, February–March 1959: 5, 7.

⁹⁵⁵ Tib. *gnas lugs lta bur mi bzod pa de nyid ni zla ba lnga tsam gyi gong du byung song.*

⁹⁵⁶ Tib. *dge 'dun pa rnam la mi 'dod bsnyad btags 'dra min sna tshogs brjod.*

⁹⁵⁷ Tib. *dge rnam [...] khrims gcod ngan pas bkrongs.*

⁹⁵⁸ Tib. *rtan gsum chos rdzas phal cher bsregs btang ba.*

⁹⁵⁹ Tib. *bla dge rnam phal cher [...] bkrongs.*

⁹⁶⁰ Tib. *bod mi 'i blo mos yul srol dang 'gal ba 'i mi sin gan sogs bzhag.*

⁹⁶¹ Tib. *yul gyi goms gshis lam srol dang mi mthun pa 'i btsan gnon bsgyur bcos gtong ba.*

⁹⁶² Tib. *stobs che chung thug pa.*

⁹⁶³ Tib. *dge 'dun pa rnam kyis phreng ba bzhag nas go mtshon thog ste bstan srung slad rang srog dang bcas pa blos btang.*

⁹⁶⁴ Tib. *yun ring rgya dmar gtan gnas kyis da mus bzhin dbang gnon btsan po byas.*

⁹⁶⁵ Tib. *bod kyi rtsa ba 'i mi rigs chos srid dang bcas pa rtsa brlags 'chal 'chol gang min du song.*

⁹⁶⁶ Tib. *bod yul dang / _bod mi 'i ming tsam lthag lus med par gyur nges.*

A sense of dismay and alienation of the Other is further infused into Tibetan readers or, even broader, any Buddhist readers through a description of how Chinese soldiers station their machine guns on the roofs of religious buildings in the sacred city of Lhasa.

To increase the credibility of reports on the atrocities of the Other, Tharchin also employed eyewitness accounts. However, he most likely edited the eyewitness stories in his own style and thus enhanced the persuasive power of his discourse. For example, one can refer to a very long detailed emotional account of a monk who fled to India from 'Bras spungs Monastery published under the title "According to Oral Account on the Lhasa Uprising in Brief"⁹⁶⁷ in Vol.XXVI No.1 dated June 1959:

Because of the beginning of the uprising on the first day of the second Tibetan month [1959], on the 11th day [of the second Tibetan month] starting at around 11 a.m., Chinese communists violated international law and repeatedly shelled the Potala Palace, the residence of [our] protector the Dalai Lama who represents a line of succession of the religious kings of Tibet. Although [Chinese communists] were shelling [the palace] for nearly 24 hours without interruption, apart from destroying the rooms of monks in Rnam rgyal⁹⁶⁸ Monastery [at Potala], they did not actually do any damage to the palace.

On the 12th day [of the second Tibetan month] at around 3 p.m., [they] started heavily shelling the Buddhist temple complex of Gtsug lag khang [in Lhasa] from the G.yu thog military camp. When several bullets hit the figure of Mañjuśrī, the bullets [were fired] with [such] an immense force that the walls [of the building] turned into ashes. Then, as the people were not able to remain inside their houses, when it got darker, I got out through a window in the lower part of the house and ran through the Ramoche Temple to Mountain Mi chung⁹⁶⁹. While [I] was walking, the Chinese fired from their artillery cannons, and the whole area got illuminated with [such] light as if the sun rose [in the sky]. [The Chinese] fired from machine guns and rifles into everyone who was fleeing then and killed [people]. Nevertheless, by the virtue of compassion of the Three Jewels, I somehow managed to escape from the bullet rain. Then at around 5 a.m., [I] arrived at the convent [located] on Mountain Mi chung. There I rested for a while. When I looked at Lhasa, [the Dalai Lama's summer palace] Nor bu gling ka, [the monastery] Kun bde gling, [the sacred mountain] Lcog po ri, as well as the Lhasa Gtsug lag khang, the Ramoche Temple, the upper and lower colleges of Rme ru Tantric

⁹⁶⁷ Tib. *lha sar zing 'khrugs lang pa'i skor ngag thog nas brjod gsal mdor bsdus.*

⁹⁶⁸ Tib. *rtse rnam rgyal grwa tshang.*

⁹⁶⁹ Tib. *mi chung ri.*

Monastery—the whole area was ablaze with massive fire. Because [everything] was covered with ashes swirling [in the air], it looked as if the whole atmosphere [had] become opaque. [I] felt sad, and tears poured from my eyes. Looking down on Lhasa from the ridge of Mountain Mi chung, [I] made three prostrations and uttered a fervent prayer.

When I was climbing down from the Yer pa mountain range, because of the heavy snowstorm at the top and the harsh and painful journey, many Tibetan men, women, and even some [Tibetan] aristocrats became exhausted at the top [of the mountain range], their lips turned blue, and [they] were left there [at the top].

On the 13th day, the Chinese planes fired from machine guns and killed the people who were climbing down from the mountain ridge.

On the 14th day, after the Chinese communists launched three artillery attacks at 'Bras spungs, [the monastery] surrendered.

Having circumambulated for several days [the area] of Phan yul Shar bum pa, which [is] behind Yer pa, a few of us were waiting. Then, on one of those days, they sent [us] a letter sealed with the seals of the abbots of colleges of each of the Three Monastic Seats, as well as [with the seals] of different fellow countrymen communities [of the monasteries]. Since [they] wrote in it [the letter] many pleasant exhortations [saying] that those monks who fled should return, that everyone's religious views would be left in accordance with the old traditions, and that [they] would not conduct [any] reforms, [we], having relied on the seals of the abbots of the [main] monasteries, went back then. Upon the arrival at 'Bras spungs Gsham dar lpag Monastery, [the monks] looked up and [saw that] a large number of huge red flags of [Chinese] communists had been hoisted on the roof of each college and at the main prayer hall, that is why [we] wanted to weep from the grief [felt at this moment]. After that, when they entered the monastery, it was not that each [monk] followed to his own room, but the monks were separated and placed in separate colleges. Then, since all the monks got locked up in the prayer hall, those [monks there] who were familiar [with us] said: "Why did you, having escaped from death, fall into the hands of [these] butchers again? Day and night we are gravely suffering from the fact that [we will never] escape from here."

Around the 17th day [of the second Tibetan month], all monks were gathered on the stone floor of the prayer hall. [The Chinese], having encircled the monks with cannons and machine guns, bullied [them] and prepared to kill them by opening fire. [The Chinese] said: "Starting from today, you must hand in [all] weapons from each of your colleges, [as well as] from your rooms and those parts of the monastery which belong to the fellow countrymen communities. Besides, if any kinds of weapons, even [just] a penknife, are found during an inspection of your rooms later, then, in addition to arranging a [thorough] search, a severe

punishment [for this] will definitely follow.” After [they] said that, [we] had no choice but to hand in everything up to the needles and threads from every room.

Then, having locked up monks in the prayer hall and handed out Chinese newspapers, they made [the monks] read. According to what was written in the newspapers, someone stated: “If we, the Chinese communist government, have not only taken over India, but are also now fighting with America, you, even if you flee to India, will not escape [from us]. Even though the venerable Dalai Lama fled to India, he is now under the arrest in India. Soon, [we] will bring [him] back to Tibet.” A lot of [such] unbelievable false news was written in [those newspapers]. Furthermore, someone stated: “India up to [the city of] Siliguri is our territory, therefore, we [Chinese communists] will take [that land back] soon. Even if you flee from Tibet to some [other] area, you will not escape [from us].”

Chinese communists also showed movies in the prayer hall and set up schools in each of the colleges and the central conference hall. There, young monks were taught Chinese songs and forced to sing Tibetan songs. Although the young monks were given tasty food and money, we, the old monks, had to stay in the prayer hall without any food for about three days.

Earlier, the monastic community used to be about 10,000 monks, but now, it was divided into three groups of about 3,000 men each. The abbots, *tulku*, and top monastic officials from the first group were locked up in the lower part of the assembly building. The higher class of monks from the second group, who were college and monastery sponsors, were locked up in the temple of the monastery. The remaining ordinary monks were locked up in the prayer halls of each of the colleges and were further divided into three age categories. Those who were 70 to 60 years old were allowed to remain in their rooms. Those who were between 60 and 20 years old were subject to a rigorous inspection and excruciating tortures. Those who were between 20 and 15 years old had to learn Chinese songs.

Then, Chinese communists took the keys to all [rooms of] the fellow countrymen communities of the colleges. Then, having separated the *kham pas*, Tibetans, Mongols, and *a mdo bas*, [the Chinese] appointed a foreman in charge of each ten people to supervise them. Also, during the movie shows and radio broadcasts, the Chinese did not allow to exchange [any] remarks. At 5 a.m., [the Chinese] took [monks] out of the prayer halls, and until 5 p.m., [they] had to listen about the wonderful plans of the Chinese. [Monks] were not allowed to go to their rooms except for ten minutes to eat. [They] enforced a strict law according to which the monks of Blo gsal gling could not know what was being done to the monks of Sgo mang College.

Then, one day, Chinese communists said that now, there was the manager of Sgo mang College named 'Jigs med⁹⁷⁰ who was a supporter of the reactionaries. [They] insulted him with a variety of false accusations that he had handed over guns and 300 *khal*⁹⁷¹ of grits to the reactionaries. After that, Chinese communists secretly distributed food and money to the young monks, who had lost their abilities to think critically, and repeatedly incited [them] to do evil deeds. Therefore, in the end, the monks stood up and repeatedly voiced groundless criticism of the manager of the college, after which the monks one by one were forced to beat [the manager]. Eventually, his whole body and head turned red with blood. Later, when the ordinary monks were questioned as to whether something should be done if he [the manager of the college] could no longer stand his punishment, one Tibetan and one Mongol stood up and spoke out. After [they] had insistently appealed [to Chinese communists saying] "Please, there is no need to execute him. You can make him do some extra work," these two [petitioners] were also declared to be a group of reactionaries and were detained. After that, the ordinary monks could do nothing, since they were in a hopeless situation [they] had no choice but to raise their arms in the air and say: "Please kill [the manager]." Later on, when they also brought the assistant of the abbot of Sgo mang College, an *a mdo ba* by origin, named Hehe, [he] was [also] criticized and beaten up similar to what had happened earlier, [and] his whole body and head were covered with blood.

The next day, the abbot of Sgo mang College was going to be brought in. When they said: "The abbot must be criticized and killed," [I] was terrified by [that] sin and thus on the very same night, I firmly decided to flee [from the monastery].

On the very same night, we, the three monks, got ready to flee. Having taken a little bit of food and six Buddhist manuscripts, at about midnight, we set out from 'Bras spungs. Having taken our shoes off, we walked in the back of the gorge behind the monastery. Though our feet sometimes treaded on thorns, we continued to walk [as if] there were no thorns, and at around 5 a.m., we reached the top of the mountain [where] Dga' gdong [Monastery is located]. Then, as we were climbing down from there, [we saw that] many monks remained in the mountain caves. [The journey] to Nya sog took 11 days. During that time, we crossed 11 mountain passes. It is owing the virtue of compassion of the Three Jewels that we, having passed through Rong nang, Sras rin rtse *rdzong*, La chen, and La chung and having nearly died, were able to come here.

---

⁹⁷⁰ Lit. "fearless."

⁹⁷¹ Tib. *khal*, a standard Tibetan measure of volume equal to about 30 pounds of barley (Goldstein 2004: 118).

I publish here what I heard from a monk who came from one of the Three Monastic Seats of Tibet—the famous monastery 'Bras spungs.⁹⁷²

Eyewitness accounts confirmed and reinforced the image of the Other constructed by Tharchin. In this particular case, the editor prepared his voluminous article based on the emotional account of an elderly monk who, having fled from China, narrated in detail how the Others spread “unbelievable false news”⁹⁷³ and “a variety of false accusations,”⁹⁷⁴ “violated international law,”⁹⁷⁵ shot, tortured, and killed Tibetan-speaking people, as well as tried to destroy such sacred religious buildings and cultural heritage sites as the Gtsug lag khang Temple and the Potala Palace, the residence of the 14th Dalai Lama—the “protector” of Tibetans and “the successor of the religious kings of Tibet.”⁹⁷⁶ Apart from that, according to the eyewitness account, the Others starve the old monks and cloud the minds of young monks with money and food. The danger coming from the Other is actualized in the article with the help of lexemes denoting the meaning of “firing,” which are repeated seven times in the text: “repeatedly shelled the palace;”⁹⁷⁷ “were shelling [the palace] for nearly 24 hours without interruption;”⁹⁷⁸ “started heavily shelling [...] the Buddhist temple complex of Gtsug lag khang;”⁹⁷⁹ “fired from the artillery cannons;”⁹⁸⁰ “fired from machine guns and rifles [...] and killed;”⁹⁸¹ “fired from machine guns and killed the people;”⁹⁸² “launched three artillery attacks at 'Bras spungs.”⁹⁸³ Besides, the eyewitness coins a new invective label for Chinese communists, namely the “butchers,”⁹⁸⁴ that has not been encountered in any other publications earlier.

In Tharchin's rendering, the old monk reconstructs the picture of the suppression of the uprising in Lhasa and his escape to India by providing relatively

⁹⁷² *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 4–5.

⁹⁷³ Tib. *rna bar mi 'gro ba'i gsar 'gyur brdzum ma*.

⁹⁷⁴ Tib. *brnyas 'dogs sna tshogs pa*.

⁹⁷⁵ Tib. *'dzam gling spyi khrims las 'gal*.

⁹⁷⁶ Tib. *bod kyi chos rgyal rim pas mtshon skyabs mgon ta la 'i bla ma'i bzhuḡs gnas pho brang po ta la*.

⁹⁷⁷ Tib. *pho brang po ta lar me sgyogs grangs mang 'phen*.

⁹⁷⁸ Tib. *ha lam chu tshod nyer bzhi ring bar med du phangs*.

⁹⁷⁹ Tib. *gtsug lag khang du me sgyogs shugs chen 'phen*.

⁹⁸⁰ Tib. *glog rdzas me mdel zhiḡ 'phangs*.

⁹⁸¹ Tib. *ma shin gan dang me 'da' 'phangs nas bsad*.

⁹⁸² Tib. *mi rnam la 'bag 'bag rgyab nas gsod gyi 'dug*.

⁹⁸³ Tib. *'bras spung la me sgyogs gsum 'phang*.

⁹⁸⁴ Tib. *gshan pa*.

realistic, detailed descriptions with references to the exact dates and toponyms and, at the same time, by applying figurative means of expression, e.g., metaphors (“to escape from the bullet rain”⁹⁸⁵), similes (“fired [...],and the whole area got illuminated with [such] light as if the sun had risen [in the sky]”⁹⁸⁶), hyperboles (not only weapons, the monks “had no choice but to hand in everything up to the needles and threads from every room;”⁹⁸⁷ “when several bullets hit the figure of Mañjuśrī, [...] the walls [of the building] turned into ashes”⁹⁸⁸). The eyewitness of the events also supplements his narrative with the remarks that illustrate his highly disturbed psycho-emotional state (“[I] felt sad, and tears poured from my eyes;”⁹⁸⁹ “wanted to weep from the grief;”⁹⁹⁰ “[I] was terrified”⁹⁹¹). As a result, discourse recipients are inclined to build deeper trust in the words of the eyewitness and to feel bigger sympathy for the oppressed people of Tibet.

In *The Tibet Mirror* publications on Tibet in the 1950s and 1960s, one can also encounter examples of the discursive technique of particularization of victims of the aggression.⁹⁹² As a means of pragmatic focusing in the text of the idea of particular cruelty of the enemy, this technique helped Tharchin to strategically complement the image of the Other with such qualities as cold-heartedness, unprincipledness, and ruthlessness towards the most vulnerable and innocent victims of the aggression. For example, in *The Tibet Mirror* issue dated June 1959, Tharchin reports on news from eastern Tibet in the following way:

[In Rmar khams], there were about 15,000 military defenders of the religion. Chinese communists decided that they need to exterminate [them]. [Therefore], 11 divisions [of the PLA] surrounded [the rebels], and more than 20,000 Chinese soldiers arrived.

They fought for 14 days and nights. [Chinese soldiers] killed 150 defenders of the religion [who came] from [both] monks and laymen. [They] killed for no reason women of humble

⁹⁸⁵ Tib. *me mdel char babs pa'i 'og nas thar tsaṃ byung.*

⁹⁸⁶ Tib. *'phangs pas sa g'zhi tshang ma nyi ma shar ba ltar gsal gyi 'dug.*

⁹⁸⁷ Tib. *khab skud yan chad rtsis sprod.*

⁹⁸⁸ Tib. *'jam dbyangs dkyil du 'phogs skabs [...] rtsig pa thal phug tu biang.*

⁹⁸⁹ Tib. *sems skyo zhing mig nas mchi ma lug.*

⁹⁹⁰ Tib. *sems sdug la ngu bro ba zhig byung.*

⁹⁹¹ Tib. *'tshabs ha cang che ba.*

⁹⁹² The particularization of victims of the aggression is a political discourse technique which intentionally supplements the text with additional information on the details of the victims (name, age, etc.) and in this way shifts the pragmatic focus of the text on the cruelty of the enemy (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 136).

origin and children about five years old and above—killed [all] together 55 [men]. [They] completely destroyed the government of Rmar khams and all Buddhist [objects] in Dgon glu ra Monastery. [Chinese soldiers] sat on the Bka' 'gyur and the Bstan 'gyur and trampled on the [religious] images and statues. [They] dropped many bombs from the planes. On the ground, [they] fired from the artillery 30 times in front [of them] and destroyed about half [of the buildings]. [They] killed about 30 old lamas and little monks who could not join the [resistance] army. Since the rest [of the men of the Tibetan Volunteer Army for Defense of Religion] were not familiar with the surrounding area, [they] were taken captive in [just] a minute. 20 little and big monasteries were made non-existent. [Chinese soldiers] looted about 400 horses and mules from citizens and carried away [all] the harness [they] found. [The Chinese] fired for no reason a countless number of times in Lama Skar ma⁹⁹³—the true emanation of Rechung, [the student of] the enlightened Milarepa, who [starting] from the time when he was 17 years old had only meditated and lived as a hermit in the caves and under the trees. Chinese communists put [him] into prison. In about four days, that disciple was obliterated and [the Chinese] said that he died himself.⁹⁹⁴

The editor thoroughly details the victims and objects of the enemy's aggression: "150 defenders of the religion [who came] from [both] monks and laymen,"⁹⁹⁵ 55 "women of humble origin and children about five years old and above,"⁹⁹⁶ "the government of Rmar khams and all Buddhist [objects] in Dgon glu ra Monastery,"⁹⁹⁷ "about 30 old lamas and little monks who could not join the [resistance] army,"⁹⁹⁸ "20 little and big monasteries,"⁹⁹⁹ and, most importantly, "the true emanation of Rechung, [the student of] the enlightened Milarepa, who [starting] from the time when he was 17 years old had only meditated and lived as a hermit in the caves and under the trees."¹⁰⁰⁰ Moreover, Tharchin even provides such a detail as the name of the innocent Buddhist hermit killed.

It is clear from Tharchin's description that communist China as the aggressor significantly outnumbered in force the Tibetan resistance army (20,000 Chinese

⁹⁹³ Tib. *bla ma skar ma*.

⁹⁹⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: 3–4.

⁹⁹⁵ Tib. *bstan srung ser skya mi grangs* 150.

⁹⁹⁶ Tib. *mi ser skye dman dang phru gu lo nga tshan yan la*.

⁹⁹⁷ Tib. *rmar khams khul gzhung dgon glu ra dgon pa'i nang bstan tshang ma*.

⁹⁹⁸ Tib. *bla rgan dang grwa pa chung chung dmag la phebs ma thub pa*.

⁹⁹⁹ Tib. *dgon pa che chung* 20.

¹⁰⁰⁰ Tib. *bla ma skar ma zer ba'i sangs rgyas mi la ras chung rnam sprul 'phrul med dgung lo bcu bdun nas sgrub pa kho na gngang nas dben gnas spang ri la bsten nas brag phug dang / _shing sdong rtsa bar bzhus pa'i bla ma*.

soldiers vs. 15,000 Tibetan guerilla fighters) and undertook unreasonably brutal actions not just against the rebellious defenders of Tibetan independence, but against the most vulnerable non-combatant social groups (women, children, elderly lamas, little monks, an enlightened Buddhist ascetic), against civilians (laymen, commoners), against local authorities (the government of Rmar khams), and against the Buddhist religion in general (monasteries, religious texts, images, and statues).

In this short passage, the editor uses four times the lexeme “killed”¹⁰⁰¹ and repeats five more times the synonymous lexemes with the meaning “to destroy.”¹⁰⁰² In Tharchin’s narrative, the savage, barbarian, and unjust actions of the aggressor are exemplified not only by the fact that Chinese soldiers “killed for no reason,”¹⁰⁰³ “totally destroyed,”¹⁰⁰⁴ and “obliterated”¹⁰⁰⁵ all the above-mentioned categories of people, but are also represented by those actions of the Chinese which are completely not compatible with the Buddhist religion of the majority of the population of Tibet (they “sat on the Bka’ ’gyur and the Bstan ’gyur and trampled on the [religious] images and statues,”¹⁰⁰⁶ “fired for no reason a countless number of times” at an innocent ascetic¹⁰⁰⁷).

In the 1950s and 1960s, Tharchin also actively used for descriptions of the official policy of the PRC the discourse strategy of demonizing the enemy.¹⁰⁰⁸ During the period under review, the editor repeatedly published articles in which he depicted the behavior of Chinese communists both as something “alien” from the point of view of traditional Tibetan culture and as something absolutely bizarre and extreme for the entire civilized world. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated February–March 1959, in the column with “Chinese News,”¹⁰⁰⁹ Tharchin publishes the information that he allegedly borrowed from Chinese newspapers, however, the

---

¹⁰⁰¹ Tib. *bsad*.

¹⁰⁰² Tib. *rtsa med gtong dgos*; Tib. *rtsa med gtor*; Tib. *gtor*; Tib. *ming med btang*; Tib. *rlags*.

¹⁰⁰³ Tib. *don med* [...] *bsad*.

¹⁰⁰⁴ Tib. *rtsa med gtor*.

¹⁰⁰⁵ Tib. *rlags*.

¹⁰⁰⁶ Tib. *bka’ ’gyur rten ’gyur la rkub steg byas/ _sku ’dra la rkang rdzis byas*.

¹⁰⁰⁷ Tib. *don med mda’ grangs med rgyab*.

¹⁰⁰⁸ The strategy intends to undermine the reputation of the Other and to intimidate discourse recipients with the image of a particularly cruel, unprincipled, bloodthirsty, and treacherous enemy (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 124).

¹⁰⁰⁹ Tib. *rgya nag gi gnas tshul*.

authorship of a poetic introduction to the news report most likely belongs to the editor himself:

Instead of [eating] excrements of people, dogs, and pigs

Insects are fed with the flesh of human corpses.

Quails are fed with human bones.

[One] has not experienced earlier [such type of] production of

The liquor and the liquor wort.

[Intended to] produce fat chickens,

[But they] turned into fat pigs.

Our innovations are strange.

Seems like [they] are able to make petrol and kerosene of yak urinations. It is both frightening and funny. It is said that if one mixes chemicals with excrements of people, dogs, pigs, etc., it is possible to prepare a tasty nutritious liquor [of] the best [quality].

Also, according to the news [from] Hong Kong [published] in the *Guangzhou Workers* newspaper dated February 15, [1959], there is news that this year, the government [of the PRC] imposed an excrement tax on soldiers of the PLA. To be precise, per the decree issued by the government: “Every month you need to hand in to the government your excrements in accordance with the amount of the military salary one makes monthly and the equivalent quantity of all food one consumes daily.” When one hands in his monthly excrements, if [he] is short of [his own excrements], [this] is not okay, therefore, some people need to steal excrements from other people, and, moreover, the strong and the weak vie with each other arguing over the excrements. Having formed the [collected] excrements into a shape of bread, [the Chinese] must deliver them via planes to the valleys of Russia [to be used] as field manure.

Furthermore, when maggots grow in human corpses buried underground, if the maggots are given to chickens, [the chickens] will overgrow and become larger. Also, if the bones are burnt and given to pigs, the pigs will grow very big. Owing to that, although earlier there were separate graveyards, nowadays, according to the new campaign on corpse utilization which has been started, corpses are gathered in large common socialist graveyards. Moreover, graveyards of [those buried] a thousand years ago are rummaged through, and a good medicine is extracted from the marrow of their bones. Therefore, even ancient graves are being dug into. This news is a summary of the rough translation from the *Beijing Workers Daily*.¹⁰¹⁰

---

¹⁰¹⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 11.

The meaning of the sarcastic poetic introduction is not clear to readers at first, but it reveals itself to the full after reading Tharchin's summary of news from China that follows right after it. In this publication, the editor does not talk about anything that is directly related to the discourse of Tibetan independence but instead attempts to prove that Chinese communists are pursuing an absolutely barbaric policy even on the territory of their own homeland: they disgracefully treat human corpses, desecrate graves of their ancestors and their contemporaries, and sow enmity among soldiers of their own army for such an absolutely odd reason as the need to comply with the norm on the excrement tax. By citing Chinese newspapers as a source of information, Tharchin discredits Chinese communists and achieves the effect of alienation of the group of the Other from both the target group of Tibetan-speaking¹⁰¹¹ readers of *The Tibet Mirror* and the rest of the civilized world.

On the very same page of *The Tibet Mirror*, immediately after the news on the excrements tax and exhumation of corpses, Tharchin completes the depiction of the strange Other with additional heartbreaking strokes:

Nowadays, in a large row of administrative units under the jurisdiction of Bla brang Bkra shis shis 'khyil Monastery which belongs to the territory of Gansu Province—[namely] A mchod, Dga' brgya, Hor tshang, Mi'u, and others—the highest aristocrats, serfs, lamas, *tulkus*, and monks are being rectified in [the course of] a social cooperation campaign. All clergy and laymen [are] mixed together in a big household [and] need to make use of the food, lodging, and beds jointly.

Besides, during the cold wintertime, large groups of clergy and laymen are oppressed with harsh laws. Naked people are tied with a rope around their necks and hanged down. Both [of their] feet are put up on ice and the cold water is poured over [their] heads. In addition to this means of killing, [they] are also being beaten, and because of the freezing cold [outside] the flesh of [their] displayed bodies cracks. It is similar to [what one] experiences in the eight cold hells. As for some people, [their] outer skin breaks down, and [one can] see [their] lungs and heart inside and so on.

---

¹⁰¹¹ M. Goldstein reports that the use of human or animal excrements as a land fertilizer was seen by some Tibetans as an insult to the local deities who guarded that land (Goldstein 2007: 256–257).

Because of the punishment with [such] unbearable harsh laws, several old men died of terror after seeing that. As for the young men, after seeing that, [they] have fled and are [still] fleeing.

[This is] genuine news written in brief according to what [I] heard from the person who escaped from those places.¹⁰¹²

Tharchin publishes an eyewitness account of the terrifying “genuine news”¹⁰¹³ on what is happening in Tibet under the Chinese communist rule. The editor stresses that all categories of citizens without exception are subject to the “rectification” campaign (“aristocrats, serfs, lamas, *tulkus*, and monks”¹⁰¹⁴), and that the aggression of the enemy knows no limits being simultaneously directed at laymen and clergy alike. Tharchin accuses the Other of enforcing “harsh laws”¹⁰¹⁵ against the Tibetan-speaking population but does not inform his readers about the reason for such severe sentences—instead, to boost the visualization skills of his readers, the editor makes a reference to the Buddhist cosmology and compares the brutal tortures of Tibetans with going through “eight cold hells.”¹⁰¹⁶

The editor of *The Tibet Mirror* also tried to reach the effect of alienation of Chinese communists through elements of the discourse technique of magnification of the enemy’s aggression.¹⁰¹⁷ Using this technique in Vol.XXVI No.1 dated, Tharchin publishes a short news report under the title “World Liberation”:¹⁰¹⁸

According to one newspaper, ever since the [Chinese] Communist Party established its rule in Beijing, [communists] have been digging into all tombs of [their] ancient ancestors, emperors, and local chieftains, and extracting [from there] sacred objects from the period of the ancient good *kalpa* and [other] priceless things. [They] dispatch [these things] for the [purposes of] construction of modern houses, heavy machinery, military equipment, etc. [They] will soon make efforts to liberate the whole world.

Having dug up the real corpses, they plunder the surviving people.

They cut their own throats and make weapons.

¹⁰¹² *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 11.

¹⁰¹³ Tib. *gnas tshul ngo ma*.

¹⁰¹⁴ Tib. *mi drag dang / mi ser dgon pa 'i bla sprul dge 'dun pa rnam*.

¹⁰¹⁵ Tib. *khriims drag pos mnar*.

¹⁰¹⁶ Tib. *grang dmyal brgyad*.

¹⁰¹⁷ The discursive technique of magnification of the enemy aggression aims to amplify and globalize the scale of aggression of the enemy by presenting it as a threat for the entire “civilized” world (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 134).

¹⁰¹⁸ Tib. *'dzam gling bcing dkrol*.

They say that the world needs to be liberated.

Having intoxicated with arrogant pride, they are mad.¹⁰¹⁹

It is interesting that the editor of *The Tibet Mirror* does not indicate his exact source of the information published, therefore, there is a chance that the poetic punchline at the end of the publication could have been composed by Tharchin himself. Similar to the majority of examples given earlier in this chapter, Chinese communists are once again portrayed as the evil Others who are crossing the line and engaging in the morally wrong doings. Having started with an accusation of Chinese communists of looting ancient tombs of their ancestors and having mentioned that before the establishment of the Chinese communist rule in China, the Chinese—just like Tibetans—used to enjoy their period of “Golden Age,” the editor nevertheless concludes the news report in accordance with the stated topic of the publication. Magnifying the future potential aggression of the enemy, Tharchin steps up with an uncompromising groundless statement: “[They] will soon make efforts to liberate the whole world.”¹⁰²⁰ After that, switching to the poetic form of expression, Tharchin employs the discourse technique of attributing an opinion to the enemy¹⁰²¹ and strengthens the persuasive effect of his statement on the alleged impending threat to the whole world coming from the PRC: “They say that the world needs to be liberated.”¹⁰²²

For another example of a publication that contributed to the alienation of Chinese communists because of their inhumane and antisocial behavior, one can refer to a short news report entitled “I Saw the Extraordinary: Nowadays, People Are Riding People”¹⁰²³ in Vol.XXV No.1 dated May 1958:

In my homeland, there was a [woman] named Brag g.yab Phun tshogs Dbang mo. Earlier, she worked as a manager, and back then, she treated common people with love and compassion. However, when the Chinese started conducting reforms, they told [her]: “Since you were a manager, [your] crimes are immense.” The Chinese put a horse bridle over [her]

¹⁰¹⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 5.

¹⁰²⁰ Tib.ring min 'dzam gling yongs la bcing dkrol gtong thabs la 'bad kyi yod pa red.

¹⁰²¹ The discursive technique of attributing an opinion to the enemy is used to attribute a particular opinion, judgment, or aspiration to the enemy. As a rule, the author of discourse does not express explicitly in the text any markers of subjectivity of his judgment on the enemy's views or aspirations (Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 131–132).

¹⁰²² Tib. 'dzam gling bcing dkrol gtong dgos zer.

¹⁰²³ Tib. ngas mshar mo zhig mthong byung / _deng sang mi yis mi zhon nas 'gro gi 'dug.

mouth and a horse saddle on [her] back and, having saddled her up, [they] rode on [her]. Ever since I saw it with [my own] eyes, there has been a thought spinning in my head. No matter what they had said [before], I knew [it] from the very beginning that the Chinese were conducting experiments and toying with us, the Tibetan people in Kham. This was written by Gung btsan.¹⁰²⁴

Since the report is said to be written by an eyewitness of the events, Gung btsan's story must have automatically gained trust of *The Tibet Mirror* readership. By contrasting the inhumane attitude of the Other during the period of socialist reforms (the Chinese treat people like horses¹⁰²⁵) with the humane attitude of the Self before Chinese communists came to power in Tibet (the manager “treated common people with love and compassion”¹⁰²⁶), the author reinforces the constructed image of the PRC as the unprincipled aggressor. To add an even sharper vividness to the image, Gung btsan employs a metaphor at the end of the article to conclude that Chinese communists are “toying”¹⁰²⁷ with the people of Tibet.

Apparently, Tharchin got so much fond of Gung btsan's story that he did not limit himself to one publication and continued elaborating on the topic in the succeeding Vol.XXV No.2 dated June 1958. There, in the column entitled “News in Drawings,”¹⁰²⁸ the editor supplied his readers with an illustration to visualize how “one man was riding another one”¹⁰²⁹ (see Fig. 2).

¹⁰²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1, May 1958: 5.

¹⁰²⁵ Tib. *kha la rta yi srab bkon/ rgyab la rta yi sga rgyab te rgya mi tshos zhon nas 'gro gi 'dug.*

¹⁰²⁶ Tib. *mo rang sngon dpon mo byed skabs mi ser la byams pa dang / snying rje byed mkhan zhig red.*

¹⁰²⁷ Tib. *rgya mis nga tsho khams bod mi dmangs kyis rtsed mo rtsed dpyad byed kyin yod.*

¹⁰²⁸ Tib. *ri mo 'i gsar 'gyur.*

¹⁰²⁹ Tib. *mis mi la zhon pa'i 'dra ri 'di la gzigs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958: 5).

Fig. 2. News in drawings (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958: 5).

In *The Tibet Mirror* issues from the 1960s, Tharchin’s anti-communist rhetoric is noticeably harsher. For one of the most striking examples, one can refer to a very long article entitled both in Tibetan and in English as “Rocket for Attacking Communists”¹⁰³⁰ in Vol.XXVII No.1. The editor emotionally describes an “absolutely unbearable hopeless situation”¹⁰³¹ that unfolded in Tibet by September 1960 because of “the Chinese communist bandits”.¹⁰³²

The Chinese communist bandits—the flesh-eating demons that have gone completely beyond the [norms] of human behavior—violently invaded and seized the state of our dear beloved ancestors, the Tibetan Land of Snow. [They] slaughtered a countless number of our peaceful virtuous parents, relatives, and close friends, young and old [people]. [They] flooded every part of the pure beautiful Tibetan land with blood and tears.

Since 1956 in particular, the angry ferocious form of these flesh-eating demons revealed [itself]. We, the Tibetan people who enjoyed [our] peace and fine traditions, were pressed down with the severe oppression that was double the size of what had been earlier. Therefore, we, all kinsmen and friends from all over of the Tibetan state, got [trapped] in an absolutely unbearable hopeless situation.

On March 10, 1959, because of the very difficult conditions of great danger and terror in our capital Lhasa, the flames of our righteous anger joined together in a single bonfire and [our]

¹⁰³⁰ Tib. *dmar por rgol ba'i me shugs 'phur mdel*; Eng. *Rocket for Assailing the Red*.

¹⁰³¹ Tib. *'u thug bzod thabs rbad bral gyi gnas*.

¹⁰³² Tib. *rgya dmar jag pa*.

rocket attacked communists from a top of the spacious world and set everywhere on fire. Owing to it, at the international meeting of all people [who are] enjoying peace, the fake mask of the so-called (“Five Principles of Peaceful Coexistence” of) communist China was broken into pieces. Their evil conspiracy of pretending stood no chances and [Chinese communists] were left with no choice but to bring out in the open the real [situation].

More than a year passed, and we need to be reminded once again about that success now. We, all concerned Tibetans, think about the great importance of the need to look into our past conditions in detail. This [happened] owing to the courage [of the people of Tibet] and [it] is worthy of our praise. [This] is a genuine story of paying the expenses in flesh and blood.

Parents, relatives, and close friends, old and young [people]—[all] without exception in our homeland—are forced to [wear] clothes [made of] sun, moon, snow, and rain and to eat field manure and dust while [their] bodies are suffering from the unbearable pressure of twines, iron chains, horse whips, sticks, bullets, and explosives. Under these difficult conditions, [their] unceasingly strong righteous fire [of anger] has been yet increasing and [they] have steadfastly opposed and are [still] opposing the bandit gangs of Chinese communist demons. Betraying and confronting Chinese communist demons is the sole objective of all our Tibetan people. All understand that this objective is lawful and right. Even the venerable Dalai Lama teaches us all the time: “We need to focus [our] minds on the Three Jewels and those people in the world who are principled and peaceful sentient beings. They will provide us with support and help. They know that our objective is lawful and right. Therefore, we will certainly be victorious in our striving.”

As for the many witnesses who are able to prove that obvious situation, our very brave and enthusiastic relatives and close friends get to be [them in the course of] continuous attacks on bandit gangs of Chinese communist demons. They¹⁰³³ have become [those who] need to stay astonishingly vigilant be it day or night.

From the times immemorial, we, the Tibetan people, were a nation that was fond of peace and happiness. That is why, according to the habit kept [by our] ancestors even in [the most] extreme [conditions], we have treated with compassion and love [all] animate beings, including insects. That is why, we have never put into practice [any] violent and harsh [ways of] conduct. Nevertheless, we absolutely cannot endure the hardship of betraying and confronting them—the heartless damagers of the human race, the demons, the Chinese communist bandit gangs. We, all Tibetan people, no matter how difficult the conditions [we

---

¹⁰³³ The Tibetan term *kho tsho* “they” does not belong to the honorific register. Therefore, it can refer to Chinese communists. However, it is also possible that by the pronoun *kho tsho* Tharchin meant Tibetan relatives and friends.

are] put under and no matter how much weaker [we are] in terms of power, nevertheless, will certainly persistently see through to the end the campaign of attacking [Chinese] communists.

Among us, the Tibetans [who] wander around and live in India, Nepal, Bhutan, and Sikkim, the old and young ethnic groups of kinsmen, only a few Tibetans [are] devoid of the idea of loyalty to [our] nation. As for others, there is not a single person who is not concerned that our homeland has gone through so much hardship and that our parents, relatives, and close friends, having been turned into the demons' food and slaves, are enduring endless suffering. At the same time, the ethnic groups of kinsmen, who have been put in [the position of] the enemy's slaves, admire from [the bottom of their] hearts joined in unanimous agreement those truly glorious acts of fighting against Chinese communist demons under the very difficult conditions and send their best wishes [to those who fight against communist enemies]. For the common good, we need to further join together with the firm unifying oath on [our] glittering white altruist aspirations, which are like the highest in the world snow peak Everest, and to persistently support all the potential of those ethnic groups of kinsmen who have [already] joined fighting [against Chinese communists].

We need to make possible taking stronger steps towards the powerful objective and the splendor of what is called "independence" and "freedom." It is determined that we will certainly be victorious.

Published according to the received news.¹⁰³⁴

This article draws a distinctive dividing line between the violent Other and the peaceful Self. In addition to the already well-known invective label of the "enemy" of Tibetan-speaking population, to describe Chinese communists Tharchin uses eight times the lexeme "demon,"¹⁰³⁵ repeats three times "bandit gangs,"¹⁰³⁶ and refers to them once as simply "bandits."¹⁰³⁷ The editor also provides them with a new telling label of "the heartless damagers of the human race."¹⁰³⁸

The demonization of the enemy is achieved not only through the metaphorical embodiment of Chinese communists in the form of "flesh-eating demons that have gone completely beyond the [norms] of human behavior."¹⁰³⁹ By immersing the

¹⁰³⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 2.

¹⁰³⁵ Tib. *srin po*.

¹⁰³⁶ Tib. *jag tshogs*.

¹⁰³⁷ Tib. *jag pa*.

¹⁰³⁸ Tib. *mi'i rigs rgyud dang bcas par ya nga bral ba'i gnod 'tshes byed mkhan*.

¹⁰³⁹ Tib. *mi'i spyod pa las yongs su 'das pa'i srin po rgya dmar*.

actions of Chinese communists in the semantic field of total evil, Tharchin specifies the excruciating details of the enemy's aggression: they "violently invaded and seized the state" of "the dear beloved ancestors"¹⁰⁴⁰ of Tibetans; "pressed down [Tibetans] with the severe oppression;"¹⁰⁴¹ forced Tibetans "to eat field manure and dust"¹⁰⁴² and to suffer from "the unbearable pressure of twines, iron chains, horse whips, sticks, bullets, and explosives;"¹⁰⁴³ caused "endless suffering" of Tibetans by turning them into "the demons' food and slaves;"¹⁰⁴⁴ "slaughtered a countless number" of Tibetan "peaceful virtuous parents, relatives, and close friends, young and old"¹⁰⁴⁵ people alike, and "flooded every part of the pure beautiful Tibetan land with blood and tears,"¹⁰⁴⁶ thereby having brought "so much hardship" to "the homeland"¹⁰⁴⁷ of Tibetan-speaking people.

In the article, the group of the Other is visibly counterposed to the group of the Self. The editor successfully achieves the persuasive effect by creating a tension between the semantics of the space of the violent aggressor and the space of the innocent victim. To define the space of the Self, Tharchin employs four times the lexical repetition "difficult conditions": the Tibetans are experiencing "the very difficult conditions of great danger and terror;"¹⁰⁴⁸ "under these difficult conditions," the "unceasingly strong righteous fire"¹⁰⁴⁹ of Tibetan anger grows ever bigger; the Tibetans "admire [...] those truly glorious acts of fighting against Chinese communist demons under the very difficult conditions;"¹⁰⁵⁰ "no matter how difficult the conditions" the Tibetans are "put under,"¹⁰⁵¹ they will nevertheless fight to the end for their independence.

¹⁰⁴⁰ Tib. *nga tsho 'i dga' zhing gces pa 'i pha mes kyi rgyal khab [...] drag po 'i btsan 'dzul byas pa nas bzung.*

¹⁰⁴¹ Tib. *bod mi mangs thog btsan gnon drag po [...] btang.*

¹⁰⁴² Tib. *sa lud thal ba zas su byed.*

¹⁰⁴³ Tib. *lus la rtsa thag dang / lcags thag rta lcag dang / rgyug pa / me mdel 'bar rdzas kyi reg bya mi bzod pa myong.*

¹⁰⁴⁴ Tib. *srin po 'i zas dang bran g.yog tu gyur pa 'i sdug bsngal bar med myong.*

¹⁰⁴⁵ Tib. *zhi dul dge sems can gyi pha ma spun nye rgan gzhon grangs las 'das pa dmar gsod btang.*

¹⁰⁴⁶ Tib. *gtsang zhing yid du 'ong ba 'i bod sa gang sar khrag dang / mig chus khengs pa zhig bzos.*

¹⁰⁴⁷ Tib. *pha yul la sdug po 'di tsam byung.*

¹⁰⁴⁸ Tib. *'jigs dngangs nyen tshabs shin tu che ba 'i gnas tshul ha cang khag po 'i 'og nas.*

¹⁰⁴⁹ Tib. *gnas tshul khag po 'i 'og tu da dung mu mthud stobs ldan bden pa 'i me shugs je chir bskyed.*

¹⁰⁵⁰ Tib. *gnas tshul shin tu khag po de 'i nang du rgya dmar srin por 'thab 'dzings byed pa 'i bya ba gzi brjid can ngo ma de la sems mthud dang 'brel ba 'i snying nas gus bkur.*

¹⁰⁵¹ Tib. *gnas tshul khag po gang 'dra zhig gi 'og tu tshud.*

Employing lexical amelioration, Tharchin portrays the Tibetan people not only as peaceful martyrs, but as noble and almost divine beings: before the invasion of the Other, the Tibetan people “enjoyed peace and fine traditions;”¹⁰⁵² “from the times immemorial,” the Tibetan people “were a nation that was fond of peace and happiness;”¹⁰⁵³ according to the traditions, even in the most extreme conditions Tibetans “have treated with compassion and love [all] animate beings, including insects;”¹⁰⁵⁴ the Tibetans “have never put into practice [any] violent and harsh [ways of] conduct.”¹⁰⁵⁵

In Tharchin’s narrative, the irresolvable antagonism of the Self and the Other determines the fact that the “confronting” of “Chinese communist demons” is “the sole objective”¹⁰⁵⁶ of all Tibetan people now. To fully convince readers of the “righteousness”¹⁰⁵⁷ of Tibetan anger directed at the PRC, the editor even introduces a generalizing statement that reflects a pseudo-collective judgment of the entire international community: “All understand that this objective is lawful and right.”¹⁰⁵⁸ In just a few lines, Tharchin reinforces the persuasive effect of this statement by attributing an almost identical opinion to the 14th Dalai Lama himself: “They [i.e., the “principled and peaceful” people in the world¹⁰⁵⁹] know that our objective is lawful and right.”¹⁰⁶⁰

The editor concludes the article with an encouraging appeal to his readers to fight for “the splendor of what is called ‘independence’ and ‘freedom,’”¹⁰⁶¹ after which, resorting to the practice of wishful thinking, he roughly repeats the words of the 14th Dalai Lama cited a few lines earlier: “It is determined that we will certainly

¹⁰⁵² Tib. *zhi bde lugs bzang la dga' ba'i bod mi mangs.*

¹⁰⁵³ Tib. *bod mi mangs ni dus rabs thog ma'i skabs nas zhi bde la dga' ba'i mi rigs shig yin.*

¹⁰⁵⁴ Tib. *mi brgyud du bzhang pa'i goms gshis kyang mtha' na srog chags 'bu srin yan chad la snying rje dang brtse sems yod pa zhig yin.*

¹⁰⁵⁵ Tib. *drag cing rtsub pa'i bya spyod lag len nam yang mi bstar ba yin.*

¹⁰⁵⁶ Tib. *rgya dmar srin por rgyab gtod ngo rgol byed pa de ni nga tsho bod rigs yongs kyi dmigs yul gcig pu kho na yin.*

¹⁰⁵⁷ Tib. *bden pa dang ldan pa'i khong khro.*

¹⁰⁵⁸ Tib. *dmigs yul 'di yang lugs mthun yang dag cig yin pa kun gyis rtogs gsal ltar yin.*

¹⁰⁵⁹ Tib. *'dzam gling ya rabs zhi sems can gyi mi mangs.*

¹⁰⁶⁰ Tib. *khong rnam pas rang tsho'i dmigs yul de lugs mthun yang dag yin pa mkhyen yod.*

¹⁰⁶¹ Tib. *rang dbang dang rang bisan zhes pa'i gzi brjid.*

be victorious.”¹⁰⁶² The final sentences of the article harmoniously fit into the metanarrative of Tibetan independence: in the end, the “villains” will be defeated, while the righteous people of Tibet will be victorious and will gain the desired independence.

Thus, in the 1950s and 1960s, Tharchin contributed to the coining and further actualization of the following evaluative pejorative nominations of Chinese communists: “opponents,” “enemies,” “enemies of the Buddhist teaching,” “barbarians,” “butchers,” “Chinese communist bandits,” “flesh-eating demons,” “[those who] have mental abilities of the children of elderly peasants,” “a herd of treacherous communist bandits.” The People’s Liberation Army of China was attributed with the invective label of the “bandit army.”¹⁰⁶³ Combining various discourse techniques and rhetorical means of expression in *The Tibet Mirror*, the editor depicted the PRC as the brutal aggressor that disrespected all traditional values of the Tibetan-speaking population and encroached on the sacred, namely the Buddhist religion and the well-being of the supreme spiritual leader of Tibet—the 14th Dalai Lama. Tharchin insistently attempted to discredit Chinese communists in order to sabotage any forms of voluntary cooperation of the local Tibetan-speaking population with Chinese communist government officials and to obstruct a smooth integration of Tibet into the PRC respectively, as well as to turn the whole world against communist China as an alleged source of global danger.

2.2.3.5. Constructing the Image of the Self

The creation of the metanarrative of independence conditioned the need to define what “Tibet” was and who were the protagonists in the struggle against the Other for Tibetan independence. In the 1950s and 1960s, Tharchin not only reproduced in *The Tibet Mirror* the pro-nationalist representation of history of the independent

---

¹⁰⁶² Tib. *rgyal kha nges par du thob kyi red*; Tib. *rgyal kha ni nges par du nga tshor thob rgyur gtan 'khel ba zhig yin no.*

¹⁰⁶³ Tib. *gung bran jag dmag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3).

Tibetan state throughout the centuries, but also formed the concept of one unified “Tibetan nation” inhabiting that state.

By offering the recipients a specific preconditioned way of thinking, the discourse sets a framed space around the Self. In *The Tibet Mirror*, Tharchin actualized the space of the Self through the discursive construct of “independent Tibet”—a beautiful peaceful Buddhist sanctuary in which faith and spirituality were paramount in people’s lives, an independent state the sovereignty of which was clearly violated by the invasion of the PRC, and a deeply religious country ruled for centuries long by the venerable Dalai Lama—the successor of the religious kings of Tibet and the emanation of Avalokiteśvara, the bodhisattva of infinite compassion.

The Self in *The Tibet Mirror* refers to the entire Tibetan-speaking population of the Tibetan Plateau, Buddhist monks and laymen, the deeply revered figure of the Dalai Lama, and his traditional religious and secular government Dga’ ldan Pho brang. In some publications, perhaps, due to Tharchin’s Indian citizenship and the fact that *The Tibet Mirror* was published in Kalimpong, the group of the Self included a wider range of Tibetan-speaking peoples residing in India, Sikkim, Bhutan, and Nepal as well.

The image of the Self was constructed via idealization of Tibet prior to 1951 and the ultimate distancing from the Other. Those from the group of the Self—the noble, religious, decent, compassionate, and peaceful Tibetans—were contraposed to the Other—the ignoble, atheist, evil, hypocritical, and aggressive Chinese communists. In Tharchin’s narrative, while the Other initiated an armed invasion of Tibet, the Self “prayed day and night in large and small Tibetan monasteries and begged the Three Jewels to remove the communist threat.”¹⁰⁶⁴ The space of the Self in *The Tibet Mirror* was associated with “certainty,” “peace,” “spirituality,” “harmony,” and “happiness” which had all been destroyed by the Chinese communist invasion but which could have been regained in the course of a liberation war against the Other.

---

¹⁰⁶⁴ Tib. *bod kyi dgon sde che chung khag tu bla gra tshang ma nas dmar po’i nyen mi ’byung ched du nyin mtshan med par zhabs brtan dang dkon mchog la gsol ’debs gngang* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 4).

For the Self in *The Tibet Mirror*, Tharchin reproduced special keywords that carried a regulatory function and were aimed at affecting the emotions of discourse recipients by referring them to traditional Buddhist cultural codes: “the [Buddhist] Teaching,” “a religious king,” “the priest–patron relationship,” “the religious and secular government,” “the Three Jewels [of Buddhism],” “the Three Monastic Seats of Tibet,” “the Three Pillars of Buddhism,” “sacred [religious] texts,” “sacred [religious] buildings,” “sacred [religious] images and statues,” “prayers,” “moral laws,” “karmic retribution,” “Tibetan traditions,” etc. While discussing the topic of confronting communist “enemies of the Teaching” in Tibet, the editor systematically filled the discourse frame of “conflict” with such slots as the “defense of religion,” “liberation,” “freedom,” “struggle for independence,” “heroism,” “unanimous agreement,” etc.

In most issues of *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s, traditional Tibetan cultural markers were viciously desecrated by Chinese communists. In Tharchin’s publications, everything that was embedded from a young age in the minds of traditional Tibetan Buddhist recipients as something dear and sacred fell victim to the blatant violence and lawlessness of the policy of the PRC. News like that, published by a respected publisher in one of the very few Tibetan-language newspapers in the 1950s, must have obviously disturbed readers of *The Tibet Mirror* and inspired them to feel nothing but injustice, aversion, and even hatred towards Chinese communist “aggressors.”

Since some examples of Tharchin’s rhetoric have already been discussed in detail in previous subsections of the second chapter of the present dissertation, this subsection focuses on how the editor constructed the very concept of the “Tibetan nation,” the peoples which he included in the group of the Self, and how he stimulated Tibetan-speaking readers to unite against their common communist “enemy.”

For instance, in *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7 dated October 1952, Tharchin suggests the following definition of those who belong to the group of the Self:

We—the *rtsam pa* eaters, *phyu pa* wearers, dice players, raw and dried meat eaters, native speakers of one unified [Tibetan] language, followers of Mahayana [Buddhism], brothers from Stod Mnga' ris Skor gsum, Dbus Gtsang Ru bzhi, Mdo Kham Sgang drug,¹⁰⁶⁵ the thirteen *khri skor* of Tibet—must unite in [our] thoughts. [We] must strive to free ourselves from the oppression of [communist China]. When we are free from the oppression of the foreign enemy, [we] will destroy the inner demons, after which the people of the thirteen *khri skor* will be free and independent and the Teaching of the Buddha will be flourishing. For the sake of this, everyone should make great efforts! The publisher of the newspaper humbly reminds about this and asks [his] friends to [make efforts].¹⁰⁶⁶

In the 1950s, Tharchin defined the “Tibetan nation” as the people of the thirteen Tibetan *khri skor*. According to Tibetan historical sources, in the 13th century, Khubilai Khan presented the thirteen *khri skor* to the Sa skya leader 'Phags pa Blo gros rgyal mtshan (1235–1280) for his service.¹⁰⁶⁷ The thirteen *khri skor* are assumed to be originally confined to the territory of central Tibet (namely Dbus and Gtsang).¹⁰⁶⁸ However, in *The Tibet Mirror*, this term seems to have a different meaning, denoting the three regions of Mnga' ris in the west, the four regions of the central provinces Dbus and Gtsang, and the six ranges of Amdo and Kham in the east. Thus, Tharchin's thirteen *khri skor* occupy the territory of the so-called “cultural” or “ethnographic” Tibet and are comparable to the three bigger regions of Tibet now known among the Tibetan exile community as the *chol kha gsum*.

According to the modern interpretation of the *chol kha gsum* concept promoted by the Central Tibetan Administration, the Tibetan nation comes from three regions or *chol kha* of Tibet, i.e., Dbus–Gtsang, Amdo, and Kham.¹⁰⁶⁹ The term *chol kha* is a transliteration of the Mongolian word *čiyulyan* (lit. “assembly”), which is an equivalent of the Chinese term for an administrative unit *lu* (Chin. 路).¹⁰⁷⁰ The exact time of origin and the initial meaning of the Tibetan term *chol kha gsum* are not known. Starting from the 15th century, the term *chol kha gsum* referred to an

¹⁰⁶⁵ Tib. *stod mnga' ris skor gsum dbus gtsang ru bzhi mdo kham sgang drug*.

¹⁰⁶⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XX No. 7, October 1952: 8.

¹⁰⁶⁷ Yang 2016: 561.

¹⁰⁶⁸ Nor brang o rgyan 2008: 2798.

¹⁰⁶⁹ For more information on the *chol kha gsum* concept during different periods of Tibetan history, see Mills 2014.

¹⁰⁷⁰ Mills 2014: 404; Yang 2016: 553.

additional part of the territory of Tibet assigned by Khubilai Khan to the Sa skya leader 'Phags pa Blo gros rgyal mtshan for his religious initiation.¹⁰⁷¹ The geographical scope of the territory defined by the *chol kha gsum* differs in the sources, however, back at the time of Khubilai Khan, unlike now, this term most likely did not mean the three regions of Dbus–Gtsang, Amdo, and Kham.¹⁰⁷²

Although the *chol kha gsum* term has a complicated story of origin and could be traced back to the 14th-century historical sources, after 1959, it has become “a postexile conceptual configuration” of the three areas that members of the Tibetan diaspora consider to constitute Tibet.¹⁰⁷³ The anthropologist C. McGranahan avers that at present, the *chol kha gsum* model has united the population of Dbus–Gtsang, Amdo, and Kham as the “Tibetan nation and state” and being “a cultural and political organizing force” has become particularly efficient in presenting “a strong, united front” of the Tibetan exile community.¹⁰⁷⁴ Given that, the *chol kha gsum* ideology is argued to offer a “central Tibetan perspective” and to reflect the influence of people from Dbus–Gtsang in the CTA. Some natives of Kham and Amdo contend that “were never consulted” about the *chol kha gsum* notion, therefore, it has been largely rejected by them.¹⁰⁷⁵

While encouraging readers to fight against the “foreign enemy”¹⁰⁷⁶ for their “freedom and independence,”¹⁰⁷⁷ Tharchin did not limit his conceptualization of the Tibetan nation to a mere idea of the people sharing a common territory of residence within the borders of “thirteen Tibetan *khri skor*.” The editor suggested the unification of Tibetan-speaking population based on such common cultural characteristics as the national food (“*rtsam pa*,”¹⁰⁷⁸ “raw and dried meat”¹⁰⁷⁹), national clothing (“*phyu pa*”¹⁰⁸⁰), national language, and common religion. The

---

¹⁰⁷¹ Yang 2016: 561.

¹⁰⁷² Yang 2016: 561–564.

¹⁰⁷³ Powers and Templeman 2012: 147.

¹⁰⁷⁴ McGranahan 2010: 51.

¹⁰⁷⁵ Powers and Templeman 2012: 147.

¹⁰⁷⁶ Tib. *phyi dgra*.

¹⁰⁷⁷ Tib. *rang dbang rang btsan*,

¹⁰⁷⁸ Tib. *tsam pa za mkhan*.

¹⁰⁷⁹ Tib. *sha dmar dang / sha skam za mkhan*.

¹⁰⁸⁰ Tib. *phyu pa gyon mkhan*.

Tibetan historian Tsering Shakya applauds Tharchin for pointing out to “the most basic element which united the Tibetan-speaking world,” namely the roasted barley flour that is known as *rtsam pa*, since barley was indeed a staple part of the traditional diet of the inhabitants of the Tibetan Plateau irrespective of their linguistic, sectarian, and regional differences.¹⁰⁸¹

At the same time, Tharchin’s statement on the single language and single religion of the “Tibetan people” slightly simplifies the real situation in Tibet. According to a popular Tibetan saying, “every valley has its own dialect, every lama has his own religious tradition.”¹⁰⁸² Although the Tibetan script is uniform in all regions of the Tibetan Plateau, there are numerous regional dialects of the Tibetan language, some of which are not mutually intelligible.¹⁰⁸³ However, Tharchin’s initiative in *The Tibet Mirror* to distinguish only one common Tibetan language and to promote it as the national language of the entire population of Tibet is consistent with the policy that has been pursued by the CTA in regard to the Tibetan diaspora in India after 1959.¹⁰⁸⁴

As for one single religion of the inhabitants of Tibet, the above-mentioned Tibetan saying quite accurately indicates that Tibetan Buddhism has been long known for its division into religious schools or traditions. In addition to the four major religious schools, i.e., Dge lugs, Sa skya, Rnying ma, and Bka’ brgyud, there are also other smaller lineages in Tibetan Buddhism. In the words of Tsering Shakya, until 1959, a sectarian division into schools of Buddhism had dominated over the Tibetan society, therefore, a sense of loyalty to one’s “root guru”¹⁰⁸⁵ always prevailed over the individual perception of oneself as a representative of a single united nation.¹⁰⁸⁶ At certain periods, the frictions between different schools of Tibetan Buddhism were so strong that, for example, in the 17th century, the 18th holder of the throne of the ’Brug pa lineage Ngag dbang Rnam rgyal (1594–1651),

---

¹⁰⁸¹ Shakya 1993: 9.

¹⁰⁸² Tib. *lung pa re la skad lugs red/ /bla ma re la chos lugs red.*

¹⁰⁸³ Powers and Templeman 2012: 396.

¹⁰⁸⁴ Hess 2009: 22.

¹⁰⁸⁵ Tib. *rtsa ba’i bla ma.*

¹⁰⁸⁶ Shakya 1993: 10.

being persecuted by the Dge lugs school, fled to the territory of Bhutan where he united various regions into a kingdom under his rule and continued to uphold the 'Brug pa lineage.¹⁰⁸⁷ The struggle for power of the Dge lugs as the main school of Tibetan Buddhism led to its full domination in central Tibet. However, in the 19th century, Kham, for instance, became the place of origin of the new Ris med movement, followers of which stood up against the sectarian divisions in Tibetan Buddhism, and this region thus remained diverse in terms of religious traditions.¹⁰⁸⁸ Moreover, Tharchin's conceptualization of the "Tibetan nation" as solely Buddhist excluded from it the followers of the early pre-Buddhist religion of Tibet Bon,¹⁰⁸⁹ as well as such religious minorities as Tibetan Muslims and Christians.¹⁰⁹⁰

Similar appeals for consolidation of the Tibetan-speaking population throughout the entire Tibetan Plateau are found in other issues of *The Tibet Mirror*. It is interesting that Tharchin attempted to develop a unified concept of the "Tibetan nation" and to inspire a sense of national self-awareness among the people of Tibet at the very beginning of the 1950s, that is, almost ten years before the establishment of the CTA in India and, hence, ten years earlier than the beginning of a systematic propaganda of the unifying *chol kha gsum* concept in the official narrative of the Tibetan diaspora. Among issues of *The Tibet Mirror* published in the 1950s and 1960s, one of the earliest instances of promotion of the "thirteen Tibetan *khri skor*" model was found in Vol.XVIII No.10 dated September 1950:

In the single Tibetan Religious State, there are so-called "thirteen Tibetan *khri skor*" of Stod,¹⁰⁹¹ Dbus, Gtsang, Mdo smad,¹⁰⁹² etc. However, all of them are one Tibetan nation. Therefore, [even though] I am called a *dbus pa*, you are a *gtsang pa*, he is a *stod pa*,¹⁰⁹³ they are *khams pa*, [Tibetans as] one nation with a single language and a single religion, having distinguished [some] differences do not break up into factions. Imagining all [of us being]

¹⁰⁸⁷ Powers and Templeman 2012: 480–481. Shakya 1993: 10–11.

¹⁰⁸⁸ McGranahan 2001: 22.

¹⁰⁸⁹ It should be mentioned that sometimes, the Bon religion is included in the Tibetan concept of "Dharma" or "religion" (Tib. *chos*) (Brox 2006: 97). Bon representatives are also now recognized by the Central Tibetan Administration and can be elected to the Tibetan parliament-in-exile (Brox 2012: 459).

¹⁰⁹⁰ Brox 2012: 461; Singh Rohit 2015.

¹⁰⁹¹ Western Tibet.

¹⁰⁹² The term *mdo smad* is now considered to be a second name for Amdo, but it is not clear from the cited publication whether Tharchin was referring only to Amdo or, more broadly, to the entire territory of eastern Tibet.

¹⁰⁹³ Tib. *stod pa*, a native of western Tibet.

one nation or the ones tamed by the Tibetan deity of the Land of Snow—the bodhisattva Avalokiteśvara, [we, the Tibetans,] all live in mutual agreement.

Would not it be good if nowadays, those [who] split [into factions] in many countries take Tibet as an example accordingly? What is the purpose of [splitting into] North and South Korea? What is the purpose of [splitting into] Indians and Pakistanis? What is the purpose of [splitting into] East and West Germany? What is the purpose of [splitting into] Israelis and Arabs? Nowadays, because of the factions made [as a result] of splitting a single state into many parts, it became [so] that there is no peace in the world. Those who have intelligence, [please] think well whether it is not the truth!

Even though one body has many limbs, all of them are joined together. What will become of the body if all body limbs keep arguing [with each other] saying: “I am more important than you,” and “You are stronger than me,” and “You are weaker than me,” and “You are smaller than me,” [etc.]? Whatever the value [one limb] has and whatever the strength [another one] has, each [limb] stays in its own place and because each [limb] does the work that is there [to be done], the body and mind are in peace.¹⁰⁹⁴

The editor of *The Tibet Mirror* constructs the concept of “one Tibetan nation”¹⁰⁹⁵ based on the combination of four major characteristics: a common statehood and a common geographical area of residence (the “Tibetan Religious State” encompasses the territory of the “thirteen Tibetan *khri skor* of Stod, Dbus, Gtsang, Mdo smad, etc.”¹⁰⁹⁶), the Tibetan language, and the Buddhist religion.¹⁰⁹⁷ Apart from that, Tharchin suggests the fifth unifying element which defines the Tibetan national identity, that is, the “taming”¹⁰⁹⁸ of Tibetans by Avalokiteśvara, “the Tibetan deity of the Land of Snow” and the bodhisattva of compassion.¹⁰⁹⁹ Since, in the words of Tharchin, Tibetan people “all live in mutual agreement,”¹¹⁰⁰ the editor presents Tibet as an ideal role model to be followed by other countries in the world.

The article was published in September 1950, when Chinese communists had already taken over some of the areas of cultural Tibet and when it was obvious that

¹⁰⁹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 6.

¹⁰⁹⁵ Tib. *bod rigs gcig*.

¹⁰⁹⁶ Tib. *bod chos ldan rgyal khab gcig la bod khri skor bcu gsum zhes pa stod dbus gtsang mdo smad la sogs pa yod rung tshang ma bod rigs gcig yin*.

¹⁰⁹⁷ Tib. *mi rigs gcig pa/_skad rigs chos lugs gcig pa yin*.

¹⁰⁹⁸ Tib. *'dul bya yin*.

¹⁰⁹⁹ Tib. *bod gangs can ljongs kyi lha gcig phyag na pad mo'i 'dul bya yin*.

¹¹⁰⁰ Tib. *phan tshun tshang ma gcig mthun du bzugs*.

the advancement of the People’s Liberation Army into central Tibet was merely a question of time. In this respect, it is a questionable statement that the population of Dbus–Gtsang, Amdo, and Kham did see themselves at the time as one nation and one state and, moreover, shared a bond of mutual agreement. Members of the Tibetan diaspora report that due to a limited contact with people from distant parts of the Tibetan Plateau prior to the exile, back then the majority of them used to perceive themselves primarily as “residents of a particular area” of Tibet or as “members of a certain clan,” but not “Tibetans.”¹¹⁰¹ The idea of a shared pan-Tibetan identity gained a powerful impetus only after 1959 and ever since has been actively promoted among the exile community in India by the CTA.

A few words should also be said regarding the territory that was subject to the Tibetan government Dga’ ldan Pho brang in 1951 at the time of signing of the 17-Point Agreement. The borders of the territory ruled by the Tibetan government prior to 1951 do not correspond to the model of the “Tibetan state” as the entire territory of Dbus–Gtsang, Kham, and Amdo that was depicted in *The Tibet Mirror*. In eastern regions of Tibet, Kham in particular, the local population could have recognized the religious authority of the Dalai Lama, but at the same time, denied the secular authority of the Dga’ ldan Pho brang government based in Lhasa.¹¹⁰² As a matter of fact, in the years preceding to the incorporation of Tibet into the PRC, the Tibetan government had its political power in Dbus–Gtsang, however, since 1932, the Republic of China had established its rule over the eastern regions of Kham¹¹⁰³ and in 1939, this territory was transformed into the Chinese province of Xikang.¹¹⁰⁴ As for Amdo, the predominantly nomadic population there had not been ruled by Lhasa since the 18th century and had an independent organization within the tribal unions, which were nominally subordinate to China, whereas the areas with sedentary agriculture were controlled by the aristocratic families of Amdo and several large monasteries.¹¹⁰⁵ In the 1930s, the northeastern part of Amdo was incorporated into

---

¹¹⁰¹ Powers 2004: 156.

¹¹⁰² McKay 2001a: 96.

¹¹⁰³ The territory to the east of the upper Yangtze River.

¹¹⁰⁴ Goldstein 2014: 86; Kolås 1996: 53.

¹¹⁰⁵ Goldstein 2014: 83; Kolås 1996: 53; McKay 2001: 96.

the Chinese province of Qinghai.¹¹⁰⁶ Therefore, one can see that by the time of the advancement of the People's Liberation Army into Tibet, the regions of Kham and Amdo had already been legally subordinate to China for some time.¹¹⁰⁷ According to A. McKay, even on the territory of central Tibet, in the regions of Dbus and Gtsang, the idea of a single Tibetan identity was far from being universally accepted.¹¹⁰⁸ Over the history, Dbus and Gtsang had been in a relationship of rivalry that reached the point of open confrontation.¹¹⁰⁹ Gzhis ka rtse, the second largest city on the Tibetan Plateau, belonged to the region of Gtsang and was traditionally considered the territory of the Panchen Lama, the second-ranking Buddhist hierarch in Tibet after the Dalai Lama. The Panchen Lama not only had his own court, but also ran his own foreign policy that was independent of the government of the Dalai Lama.¹¹¹⁰ Much of the local population of Gtsang perceived the Panchen Lama as their supreme leader and were hostile to the policy of centralization pursued by Lhasa.¹¹¹¹ Given that, the Dga' ldan Pho brang government in Lhasa did not recognize the loss of its influence in Kham and Amdo,¹¹¹² therefore, after the immigration of 14th Dalai Lama and his officials to India in 1959, their national ideology was represented in the form of the modernized *chol kha gsum* concept described earlier in this subsection.¹¹¹³

Tharchin strengthened his narrative on the sovereign "Tibetan Religious State" and the unique Tibetan national identity with the help of another prominent advocate for Tibetan independence, that is, the elder brother of 14th Dalai Lama Rgyal lo Don 'grub. For instance, in Vol.XVIII No.8 dated July 1950, the editor of *The Tibet Mirror* publishes the following excerpt from the interview given by Rgyal lo Don 'grub after his visit to Taiwan:

---

¹¹⁰⁶ Powers and Templeman 2012: 51.

¹¹⁰⁷ Shakya 2000: 136.

¹¹⁰⁸ McKay 2001a: 96.

¹¹⁰⁹ Powers and Templeman 2012: 281.

¹¹¹⁰ McKay 2001a: 96

¹¹¹¹ McKay 2001a: 96.

¹¹¹² For example, in 1936, while searching for the rebirth of the 13th Dalai Lama, representatives of the Dga' ldan Pho brang government decided to go to Amdo (Qinghai Province), a subordinate territory of China, where they found the 14th Dalai Lama (see Goldstein 1992: 314–321).

¹¹¹³ Goldstein 2014: 80.

Tibet is a religious land. This does not please [Chinese] communists. They are the global enemies. We, the ethnic groups of Tibet, stand apart from the Chinese people. [Our] language, social structure, and religious system are separate [from China]. We are a small state. [...] Strong and wealthy foreign states should not look down on Tibet, but [instead] should provide assistance in the form of weapons and military equipment. If [we are] supported in this way, the communists will not attack Tibet. Even if they attack, we will be able to stop [them]. If [other countries] want to help in this way, it must be done immediately. If Tibet falls under the communist rule, since Tibet is like the mouth and lips of India, and India is like the teeth, a great danger will [arise] for India too. This request for help to Tibet is [addressed] to all nations and is [for] the global good. [...] If [you] wish to help Tibet, do not take long to consider [it]. If [you] help immediately, it will be wonderful.

In line with Tharchin's metanarrative of Tibetan independence, Rgyal lo Don 'grub argues that, firstly, Tibet is a "state"¹¹¹⁴ independent from China. Secondly, he contends that Tibetan-speaking people "stand apart" from the Chinese due to their distinct ethnic characteristics,¹¹¹⁵ as well as a separate "language, social structure, and religious system."¹¹¹⁶ Rgyal lo Don 'grub does not indicate which parts of the Tibetan Plateau he identifies as "the Tibetan state," but, employing the means of artistic expression, he mentions the importance of Tibet's geopolitical position for India and for the whole world: "If Tibet falls under the communist rule, since Tibet is like the mouth and lips of India, and India is like the teeth, a great danger will [arise] for India too."¹¹¹⁷ Toying with the opposition of the "religious land"¹¹¹⁸ of Tibet and the abode of "global enemies"¹¹¹⁹ represented by the PRC, Rgyal lo Don 'grub describes the help to Tibet in fighting off Chinese communists as "the global good."¹¹²⁰

Later on in the 1950s, Tharchin often elaborated on the topic of unification of Tibetan-speaking people without specifying any particular characteristics on the basis of which the ethnic groups of Tibet were to recognize themselves as

¹¹¹⁴ Tib. *nga tsho rgyal khab chung chung zhig red.*

¹¹¹⁵ Tib. *nga tsho bod kyi mi rigs rnam/ rgya'i mi rigs las khag khag red.*

¹¹¹⁶ Tib. *skad yig lam lugs chos lugs sogs khag khag red.*

¹¹¹⁷ Tib. *gal srid bod gung phran gyis dbang dbang du song na/ bod 'di rgya gar gyi kha dang mchu 'dra zhing / rgya gar so dang 'dra ba yin pas/ rgya gar la 'ang nyen kha che.*

¹¹¹⁸ Tib. *bod chos ldan gyi zhing red.*

¹¹¹⁹ Tib. *khong tsho 'dzam gling spyi'i dgra bo red.*

¹¹²⁰ Tib. *bod la rogs ram ched du 'dzam gling rgyal khag tshang mar zhus pa de yang 'dzam gling spyi don red.*

representatives of one Tibetan nation. As a main incentive for the need to unite, the editor proclaimed the liberation war against the “enemies of the Buddhist teaching.”¹¹²¹ For example, in *The Tibet Mirror* issue dated February–March 1959, that is, right at the time of the uprising in Lhasa, Tharchin publishes an empowering article under the title “Unity of All People of the Thirteen Tibetan *Khri skor*”:¹¹²²

Although the enemies of the Buddhist teaching of the great Tibetan state are unceasingly trying again and again to make Tibet only colder, that is similar to drawing a picture on the water [surface], and [they] will not be able to do [any] harm [to Tibet]. The reason for this is that, from the Tibetan religious point of view, the great holders of Dharma, which come from the Tibetan [regions of] Dbus, Gtsang, Khams, Stod, etc., will not ever be split into parties. Even the so-called “*lha sa ba*” from such place as the capital Lhasa are addressed as people of the thirteen Tibetan *khri skor*.

Among the continuous patrons of [Tibetan] religion, there are devoted Tibetan [disciples] from aristocratic families, high-profile traders, and others [who reside on a vast piece of land stretching] from Amdo in the east and up to Mount Kailash in the west. There are also [devoted] government officials and even representatives of the highest stratum of aristocracy, for example, the Mdo mkhar ba Ra ga shar family of aristocrats from Kham, the G.yu thog family, [...] the Phun khang family. [...] There are also [devoted] lamas and aristocrats from Khams, Stod, Gtsang, and other areas, who are now permanently residing in Dbus, and the family of the [14th] Dalai Lama from Amdo in particular.

If one asks those who know well, [they] will confirm it is a proven truth that in reality, [Tibet] is one state which does not have subdivisions in the so-called “Dbus,” “Gtsang,” “Khams,” and “Stod.” Henceforth, if all Tibetan people unite, nobody will be able to harm [Tibet] by causing disagreement and [Tibetan people] will surely be completely victorious in all respects. This was written according to what [the editor] received from one learned man.¹¹²³

The publication is interesting not only for its appeal to Tibetans to unite in order to fight against the “enemies of the Buddhist teaching” who, according to the presupposition in the first sentence and the penultimate one (“will not be able to do harm”¹¹²⁴ and “nobody will be able to harm”¹¹²⁵), are planning to do harm to Tibet, but also for the fact that the “learned man” whom Tharchin indicated as his source

¹¹²¹ Tib. *bstan dgra rnam*s (e.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

¹¹²² Tib. *bod khri skor bcu gsum gyi mi dmangs yongs rdzogs mdung shugs gcig sgril*.

¹¹²³ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7.

¹¹²⁴ Tib. *skyon byed mi nus*.

¹¹²⁵ Tib. *gnod mi thub*.

of information did not include Amdo in the “Tibetan state.” Residents and natives of Amdo are listed in the publication as “patrons of [Tibetan] religion,”¹¹²⁶ however, after that it is stated that Tibet “is one state which does not have subdivisions in the so-called ‘Dbus,’ ‘Gtsang,’ ‘Khams,’ and ‘Stod,’”¹¹²⁷ but not Amdo. This type of conceptualization of the “Tibetan nation” differs from other examples of the metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* mentioned earlier in the present dissertation. Besides, it is also unusual that the “learned man” made an emphasis on the inhabitants of Lhasa: “even the so-called ‘*lha sa ba*’” are included in the “thirteen Tibetan *khri skor*.”¹¹²⁸

The cases of inconsistent representation of the “Tibetan nation” or “Tibetan people” in *The Tibet Mirror* in the 1950s confirm the hypothesis of modern scholars on the relatively short history of the very concept of the “Tibetan nation” itself and its progressive development only after 1959, when the CTA has engaged in designing the official national policy of the Tibetan exile community. However, in the 1950s and 1960s, there was, on the contrary, an invariable element of almost every publication on the topic of nation-building in *The Tibet Mirror*, namely Tibetan Buddhism and the religiosity of the people of Tibet. The theme of religion was especially important for Tibetan-speaking readers of *The Tibet Mirror*, for in the 1950s, due to the virtual absence of a notion of single Tibetan identity and due to the widely accepted form of self-identification through the prism of regional differences, the inhabitants of the Tibetan Plateau did not think that there were “Tibetans” and “non-Tibetans,” but they imagined the division into the “insiders,” or “Buddhists” (Tib. *nang pa*), and “outsiders,” or “non-Buddhists” (Tib. *phyi pa*).¹¹²⁹ The anthropologist Å. Kolås voices an opinion that for the Tibetan diaspora, the Tibetan concept of “Dharma” or “religion” (Tib. *chos*) has become “the main idiom of Tibetan identity” and “a source of unity between all Tibetans.”¹¹³⁰ After

¹¹²⁶ Tib. *mchod rgyun sbyin bdag*.

¹¹²⁷ Tib. *dbus gtsang khams stod ces dbye ba med pa 'i rgyal khab gcig yin pa*.

¹¹²⁸ Tib. *rgyal sa lha ldan lta bu 'i yul mi lha sa ba zhes pa rnam kyang bod khri skor bcu gsum gyi mi 'dus pa rnam la zer*.

¹¹²⁹ Kolås 1996: 53.

¹¹³⁰ Kolås 1996: 64.

1959, the religion—as an instrument for collective identification of those who are to be called “Tibetans”—has become a means of conceptualization and collective imagining of “Tibet.”¹¹³¹ Therefore, one can argue that in the early 1950s, Tharchin managed to secure himself a place at the forefront of Tibetan-speaking authors who contributed to the construction and popularization of the image of the religious Tibetan nation and state.

The same issue of *The Tibet Mirror* dated February–March 1959 featured another voluminous article on the topic of conceptualization of “Tibetan people” in the context of confronting the “enemies of the Buddhist teaching”:

We, all ethnic groups of Tibet and Greater Tibet that comprise [the territory] from Ladakh in the west, Dar rtse mdo in the east, lake Kokonor in the north, and that of the Bhutanese in the south, are all people [who] rely on the special knowledge of combining the religious and the secular and believe in accepting the virtue and discarding the vice. [All of us] are like brothers with the same parents [who] stay connected [under] a white flag of unity.

Owing to the life in spiritual prosperity, peace, and happiness, Tibet had been greater than paradise. However, Chinese communists, these enemies of the Buddhist teaching, invaded Tibet—as if the big insect ate the small one—and by [using] solely deceitful methods of infinite fooling and instigating conflicts destroyed the unity [of people] in the regions of Tibet. After that, in our Mdo smad region in particular, having called lamas the “yellow bandits” and the monks—the “red thieves,” [they] forcibly robbed the religious lineages to the full. Lamas and officials were stripped off their titles. Having unjustly accused, [they] even gradually destroyed the chiefs from the highest aristocracy. [They] forcibly took away all wealth of the high- and low-rank aristocrats, including up to the needles and threads. Apart from [the fact that] privately owned property is banned, the [Chinese communist] oppression is increasing day by day, and people are forced to do the miserable work of animals. [...] ¹¹³²

In this article, Tharchin refrains from demarcating Tibet within the borders of the thirteen *khri skor* in favor of scaling up the total area inhabited by one Tibetan people. The editor introduces a definition of the Tibetan cultural area which covers the large territory of “Tibet and Greater Tibet,” that is “from Ladakh in the west, Dar rtse mdo

¹¹³¹ Kolås 1996: 53, 65.

¹¹³² *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 3–5.

in the east, lake Kokonor in the north, and that of the Bhutanese in the south.”¹¹³³ In Tharchin’s narrative, in addition to the territory, all Tibetan people share common cultural norms: Tibetan ethnic groups, “rely on the special knowledge of combining the religious and the secular and believe in accepting the virtue and discarding the vice.”¹¹³⁴ To portray the Tibetan cultural area more graphically, the editor employs a simile with the help of which he compares the relations of various Tibetan-speaking ethnic groups to that of “brothers with the same parents.”¹¹³⁵ The deeply spiritual life of Tibetan people before the arrival of Chinese communists to Tibet is illustrated with a hyperbole of a “paradise” on Earth: “Owing to the life in spiritual prosperity, peace, and happiness, Tibet had been greater than paradise.”¹¹³⁶

However, because of the invasion of “enemies of the Buddhist teaching,” the idyllic Tibetan realm has faced a threat of destruction. To increase the emotional strain and further dramatize the events described, Tharchin introduces one more simile: not only did the “enemies” destroy the unity of Tibetan people with their “solely deceitful methods of infinite fooling and instigating conflicts,¹¹³⁷ but they took over Tibet “as if the big insect ate the small one.”¹¹³⁸ The editor also accuses “enemies of the Buddhist teaching” of other inappropriate acts: they have “forcibly robbed,”¹¹³⁹ “unjustly accused,”¹¹⁴⁰ and “gradually destroyed”¹¹⁴¹ the Tibetan aristocracy and clergy. Hyperbolizing the scale of atrocities, Tharchin claims that Chinese communists “forcibly took away” everything “up to the needles and threads,”¹¹⁴² the “oppression” of “enemies of the Buddhist teaching” is only

¹¹³³ Tib. *nga rang tsho bod dang bod chen po'i mnga' khongs su gtogs pa'i nub la dwags/_shar dar mdo byang mtsho sngon lho 'brug pa tshun gyi mi rigs tshang ma.*

¹¹³⁴ Tib. *chos srid gnyis ldan gyi dge mtshan la brten nas dge sdir gnyis kyi blang dor la yid ches kyi mi dmangs.*

¹¹³⁵ Tib. *pha ma gcig gi bu spun bzhin mthun bsgril dar dkar yug gcig tu gnas.*

¹¹³⁶ Tib. *chos 'byor bde skyid kyi 'tsho bas bod ljongs lha yul las lhag pa yod.*

¹¹³⁷ Tib. *bod nang khul la mgo bskor phung dkrugs tshad med kyi g.yo thabs kho nas mthun sgril gtor gshigs su btang.*

¹¹³⁸ Tib. *'bu ches chung bzos pa ltar.* This expression can also be translated as “the strong one took advantage of the weak one” or “the strong one exploited the weak one” (Goldstein 2004: 763). This idiom was apparently popular among Tibetans because, according to Tsering Shakya, in the mid-1940s, it was used to refer to the British officials who attempted to expand the territory of India in the north at the expense of territories which the Dga' ldan Pho brang government considered to be Tibetan (Shakya 2000: 279).

¹¹³⁹ Tib. *bisan dbang gis [...] rtsa 'phrog.*

¹¹⁴⁰ Tib. *nag med nyes 'gel.*

¹¹⁴¹ Tib. *rim bzhin [...] rtsa med du btang.*

¹¹⁴² Tib. *mkhar dbang khab skud yan chad phrog.*

increasing “day by day,” and the life of Tibetan people is, therefore, far from paradise now, for Tibetans are “forced to do the miserable work of animals.”¹¹⁴³

Although in the majority of publications in *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s, Tibetans are portrayed as innocent victims who relentlessly suffer from the oppression of the PRC, Tharchin also constructed an alternative narrative in which he explained why “peaceful” and “virtuous” Tibetans began violently attacking Chinese communists and how the resistance movement started in Tibet. In the second half of the 1950s, the editor of *The Tibet Mirror* devoted much attention to the description of armed clashes in eastern Tibet. He referred to local rebels as “heroes”¹¹⁴⁴ and presented the outbreaks of unrest of the population of eastern Tibet as the struggle of one Tibetan people for the independence of the Tibetan state. In his broad definition of “Tibetans,”¹¹⁴⁵ Tharchin even included the people of the Mgo log¹¹⁴⁶ area of Amdo. The natives of Mgo log were long known as warlike independent tribes who recognized neither the authority of the traditional Tibetan government of Dga’ ldan Pho brang nor China and who were “feared as warriors and bandits far and wide.”¹¹⁴⁷ However, in *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.8 dated July 1956, under the title “Endless Tortures,”¹¹⁴⁸ Tharchin describes how the “heroic people”¹¹⁴⁹ of Mgo log, who have lived for many hundreds of years on the territory subject to Tibet “as if they were under their own rule”¹¹⁵⁰ and who have become especially famous for hindering the troops of the CCP from retreating through their territory earlier, at the time when the CCP had lost to the Kuomintang, are now being “tortured by [Chinese communists] even harder than the majority of [other] Tibetans.”¹¹⁵¹ In the news report, Tharchin not only uses a presupposition that triggers his readers to believe that the people of Mgo log are just as “Tibetan” as the

¹¹⁴³ Tib. *mi la sems can dud 'gro las sdug pa'i las bskul gyi btsan dbang nyin re las nyin re ji cher btang byung.*

¹¹⁴⁴ Tib. *dpa' bo.*

¹¹⁴⁵ Tib. *bod mi.*

¹¹⁴⁶ Tib. *mgo log.*

¹¹⁴⁷ Horlemann 2020: 91.

¹¹⁴⁸ Tib. *sdug sbyong tshad med (The Tibet Mirror Vol.XXIII No.8, July 1956: 6).*

¹¹⁴⁹ Tib. *dpa' bo'i mi rigs.*

¹¹⁵⁰ Tib. *bod khongs nas sger btsan lta bur gnas.*

¹¹⁵¹ Tib. *da lam de'i zhe nad 'khon 'dzin gyis rgya mis bod du bslebs pa nas bzungs mgo log par bod mi byings las sdug sbyongs che ba giong ba'i dgos pa de yin pa phran tshos go thos ltar (The Tibet Mirror Vol.XXIII No.8, July 1956: 6).*

rest of those who inhabit the Tibetan Plateau, but at the same time presents the “liberation” of Mgo log by the PLA as a consequence of the “deep hatred”¹¹⁵² harbored by Chinese communists ever since that time when they had to retreat after the defeat from the Kuomintang.

A little further in the same issue of *The Tibet Mirror*, the editor publishes a fervent proclamation under the title “Suggestion that Inspires Loyalty,”¹¹⁵³ in which he addresses the people of Mgo log and the rest of Tibet as “Tibetan brothers”¹¹⁵⁴ and encourages them to fight for the independence of their country:

Tibetan brothers, listen up! Recently on May 3, [1956], representatives of about 15 different foreign countries arrived at a ceremony [in honor of] the maharaja of Nepal. As soon as [they] heard that the Tibetan people of Mgo log¹¹⁵⁵ had killed [lit. “sent to death”] about 900 Chinese communists, several representatives of East Asian countries expressed their doubts regarding the news that Tibetans¹¹⁵⁶ had killed [lit. “sent to death”] about 900 Chinese communists and said: “[They] have probably not killed.”

Be that as it may, [the news] has spread. Therefore, one can hear in all world news that Tibet has united together monks, common people, soldiers, and police, [and] that Tibetan people¹¹⁵⁷ in Kham, Mgo log, and other areas have been fearlessly rebelling and protesting with great courage against the Chinese for the independence of their homeland, because [they] are disgusted with the tyranny of Chinese communists and hate [them] with all of their hearts. Moreover, Tibetans¹¹⁵⁸ believe that the independence of Tibet is even more important than their own life.

For several years up to the present, due to the oppression of communist China, [Tibetans] have been resisting and protesting against violence. Apart from enduring endless hardship and abuse, in all [their] peaceful appeals to officials about the problems, [they] have only voiced in great haste the violation of law in the form of oppression that they had not [ever] experienced in the past. In addition to depriving Tibetan people¹¹⁵⁹ of their freedom of speech, thought, movement, and action, [Chinese communists] have planned to establish the

---

¹¹⁵² Tib. *zhe nad 'khon 'dzin*.

¹¹⁵³ Tib. *zhen bskul bsam 'char*.

¹¹⁵⁴ Tib. *bod rigs spun zla rnams*.

¹¹⁵⁵ Tib. *bod mi mgo log pa*.

¹¹⁵⁶ Tib. *bod pa*.

¹¹⁵⁷ Tib. *bod mi*.

¹¹⁵⁸ Tib. *bod mi rnams*.

¹¹⁵⁹ Tib. *bod mi*.

so-called “autonomous government” to make it [more] convenient for China to rule over Tibet.

Having exhausted hundreds of ways, [the Tibetans] are rebelling, [because they] see all the attempts to gradually destroy the Tibetan nation¹¹⁶⁰ and the beautiful religious and secular system [of the Tibetan state] with the help of exceptional deception [organized by Chinese communists] in all respects. Since the Mother Earth is watching over this with her pure gaze [filled with] love, all Tibetans,¹¹⁶¹ having united, are now sacrificing their lives in order to expel the forces of the communist oppression.

It is extremely important to act patiently and courageously now both behind the back and [directly] in the face regarding the independence of [Tibetan] politics and the Buddhist teaching. The support to those who demonstrate the devotion will surely come from everywhere in the world. Therefore, be brave in your heart!¹¹⁶²

Tharchin immerses the activities of the Other in the semantic field of violence, which is filled with solely pejorative vocabulary: “tyranny of Chinese communists,”¹¹⁶³ “violence,”¹¹⁶⁴ “endless hardship and abuse,”¹¹⁶⁵ “oppression of communist China,”¹¹⁶⁶ “forces of the communist oppression,”¹¹⁶⁷ “violation of law in the form of oppression that they had not [ever] experienced in the past,”¹¹⁶⁸ “attempts to gradually destroy the Tibetan nation and the beautiful religious and secular system [of the Tibetan state] with the help of exceptional deception [organized by Chinese communists].”¹¹⁶⁹ In contrast to the Other, the inhabitants of Tibet appear in the publication not just as martyrs and victims, but, in spite of their violent actions (“killed about 900 Chinese communists”¹¹⁷⁰), they carry a halo of virtuous patriotism: Tibetans “have been fearlessly rebelling and protesting with great courage against the Chinese for the independence of their homeland,”¹¹⁷¹ “believe that the

¹¹⁶⁰ Tib. *bod kyi mi rigs*.

¹¹⁶¹ Tib. *bod mi tshang ma*.

¹¹⁶² *The Tibet Mirror* Vol. XXIII No.8, July 1956: 8.

¹¹⁶³ Tib. *rgya dmar btsan dbang*.

¹¹⁶⁴ Tib. *dbang shed*.

¹¹⁶⁵ Tib. *dka' ngal sdug sbyongs tshod med*.

¹¹⁶⁶ Tib. *rgya dmar btsan dbang*.

¹¹⁶⁷ Tib. *dmar btsan dbang gi dbang shugs*.

¹¹⁶⁸ Tib. *btsan gnong nghan ma grags pa kho nas khrims 'gal*.

¹¹⁶⁹ Tib. *bod kyi mi rigs dang / 'chos srid srol gna' bzang po sogs mgo bskor kho na'i ngang / 'rim pas rtsa med gtong thabs*.

¹¹⁷⁰ Tib. *rgya dmar dgu brgya tsam lnga lam du btang*.

¹¹⁷¹ Tib. *bod mis rgya mir dpa' snying chen pos rang yul rang dbang gi ched du gyen lang ngo rgol zhun pa med par byed*.

independence of Tibet is even more important than their own life,”¹¹⁷² “are sacrificing their lives.”¹¹⁷³ One can also notice that the editor resorts to the euphemization to describe the activity of the Self and, that is why, replaces the usual term “killed” (Tib. *bsad*) with “sent to death” (Tib. *lnga lam du btang*).

In the footnotes to the translation of this publication cited above, one can see a variety of terms employed by Tharchin to convey the collective ethnonyms of “Tibetans,” “Tibetan people,” and “Tibetan nation”: “*bod rigs*,” “*bod kyi mi rigs*,” “*bod mi*,” “*bod mi rnams*,” and “*bod pa*.” According to Å. Kolås, the terms “Tibet” and “Tibetan” serve as political tools and are used in discourse to challenge the territory belonging to Tibet and the people who can be called “Tibetans.”¹¹⁷⁴ Initially, the Tibetan term *bod* or “Tibet” only referred to the territory of Dbus–Gtsang, i.e., central Tibet, while the territory of Amdo, Kham, and Dbus–Gtsang all together was known by the Tibetan term *bod chen* or “Great Tibet.”¹¹⁷⁵ The Tibetan historian Tsering Shakya argues that earlier, the Tibetan term *bod pa* was used by the nomads of the Changtang Plateau to refer to the sedentary population of the Lhasa Valley, while the people of Kham and Amdo used *bod pa* to refer to the population of central Tibet, i.e., the regions of Dbus and Gtsang.¹¹⁷⁶ Moreover, it was not common to use the term *bod pa* for self-identification, and those who were called *bod pa* did not call themselves by this name.¹¹⁷⁷ As for the population of Amdo and Kham, they identified themselves and were known in other regions of Tibet as *a mdo bas* and *khams pas* respectively.

In Tsering Shakya’s opinion, the regional identification that is reflected in the diversity of names used for denoting the peoples of the Tibetan Plateau was not merely nominal and played an essential role in the relations of these peoples, who until 1959, did not identify themselves as representatives of one Tibetan nation or even one political entity.¹¹⁷⁸ Therefore, when the troops of the PLA first crossed the

---

¹¹⁷² Tib. *bod mi rnams nas bod kyi rang dbang 'di nyid srog las kyang thag par brtsis*.

¹¹⁷³ Tib. *srog blos btang*.

¹¹⁷⁴ Kolås 1996: 52.

¹¹⁷⁵ Kolås 1996: 52.

¹¹⁷⁶ Shakya 1993: 9.

¹¹⁷⁷ Shakya 1993: 9.

¹¹⁷⁸ Shakya 1993: 9.

upper reaches of the Yangtze River in the fall of 1950, which at the time served as the border between China and the territory controlled by the Dga' ldan Pho brang government, the Chinese hired the local *kham pa* militia to attack Chamdo, and the *kham pa* militia did not see this offer as an invitation to participate in the attack on their compatriots.¹¹⁷⁹ Similarly, when the *kham pas* were suffering from the severe consequences of the Great Leap Forward in the second half of the 1950s, in central Tibet—where socialist reforms had been postponed under the terms of the 17-Point Agreement for an unspecified period of time—the people showed very little to no support to the natives of Kham.¹¹⁸⁰ The widespread stereotype of the *kham pas* as rough ferocious bandits contributed to the fact that in the second half of the 1950s, when the PLA was suppressing the unrest in eastern Tibet and rebels from Kham attempted to flee to central Tibet, the local population of Dbus–Gtsang was hostile to the *kham pa* refugees.¹¹⁸¹ Besides, most of the *kham pas* spoke a dialect of Tibetan which the natives of central Tibet could understand only with much difficulty due to the specifics of its phonetics and dialecticisms.¹¹⁸² M. Goldstein argues that “Kham traditionally was neither culturally homogeneous nor a unified political entity”: the *kham pas* were known for their internecine conflicts and religious diversity and they used to look down upon central Tibetans and officials of the Dga' ldan Pho brang government.¹¹⁸³ Furthermore, M. Goldstein adds that before 1951, Tibetan officials also did not speak fondly of the *kham pas* either and called them “stupid, uncouth, and rash” with ears “located in their asses.”¹¹⁸⁴ The Dalai Lama's elder brother Rgyal lo Don 'grub confirms that the relations between the *kham pas* and the Tibetan government Dga' ldan Pho brang were difficult and avers that the local population of Kham was hostile to the Tibetan army soldiers stationed in their region who were notorious for “corruption and rape.”¹¹⁸⁵

---

¹¹⁷⁹ Shakya 1993: 9.

¹¹⁸⁰ Shakya 1993: 9.

¹¹⁸¹ Garri 2009: 94–95; McGranahan 2001: 22.

¹¹⁸² Powers and Templeman 2012: 355–356.

¹¹⁸³ Goldstein 2019: 74–75, 96.

¹¹⁸⁴ In M. Goldstein's opinion, the Tibetan officials meant that the *kham pa* listened to them only after they had been physically punished by flogging (Goldstein 2019: 96).

¹¹⁸⁵ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 101.

Taking into consideration these circumstances, one must admit that Tharchin's statements regarding the struggle of the population of eastern Tibet for the "independence of Tibet" are not entirely objective. When the people of eastern Tibet rebelled, they were primarily standing up for their native land, their traditional way of life, and their religious views, but not for the independence of the Tibetan nation, for before their emigration, they had not identified themselves as representatives of this nation.¹¹⁸⁶ At the same time, the flight of the 14th Dalai Lama and a large group of Tibetan-speaking population from the PRC, the struggle for the independence of Tibet from the immigration, the institutionalization of the Tibetan-speaking immigrant community in India, and the striving of the Central Tibetan Administration to assume the position of "the sole legitimate voice" of all Tibetans both in Tibet and in exile¹¹⁸⁷ necessitated the development of a pro-nationalist ideology, the introduction of appropriate terminology, and the standardization of such concepts as "Tibetan," "Tibetan culture," and "Tibetan identity," as a result of which after 1959, the Tibetan diaspora started using the term *bod pa* to refer to the population of all regions of Tibet.¹¹⁸⁸ Tharchin's attempts to coin the missing collective ethnonyms for "Tibetans" as early as the beginning of the 1950s prove that in the course of his virtual struggle for Tibetan independence in *The Tibet Mirror*, the editor sought to construct a convincing image of the independent Tibetan nation and state long before the wave of mass emigration of Tibetans outside the PRC in 1959 and the establishment of the CTA in India. It also means that *The Tibet Mirror* publications created in the 1950s within the frame of the metanarrative of independence contain some of the earliest examples of the nation-building discourse in the Tibetan language which continued to develop throughout the 1960s in the form of the official policy of the CTA and the writings of Tibetan-speaking diaspora members.

For nation-building purposes, Tharchin also repeatedly published in *The Tibet Mirror* the news on the golden throne offering to the 14th Dalai Lama, an event which,

---

¹¹⁸⁶ Goldstein 2014: 384–385; Shakya 1993: 10.

¹¹⁸⁷ See Brox 2006: 89.

¹¹⁸⁸ Kolás 1996: 52.

according to G. Dreyfus, predetermined the formation of Tibetan national identity.¹¹⁸⁹ For instance, in Vol.XXIV No.2 dated May 1957, the editor published the following report under the title “Preparations to Present a Throne and *Maṅḍala* of Pure Gold to the Venerable Protector of the Land of Snow—the Avalokiteśvara Deity”:¹¹⁹⁰

Subjects from the thirteen Tibetan *khri skor* and even, in particular, from Amdo, Xining, Mgo log, Ser phra, Chamdo, Sde dge, Brag g.yab, 'Ba', Li thang, Ta'u, Cha phren, Nyag rong, the four royal colleges of regents in Lhasa,¹¹⁹¹ Rje gdams, Dar gyas Monastery, Gong dkar, all Tibetan religious followers, monastic communities, high-profile and minor traders, high-profile and other [people] from the northeast, southeast, and the remaining part [of the Tibetan Plateau] will unite in their shared aspiration. It was decided that this year, on the great day of the Saga Dawa¹¹⁹² Festival, a magnificent throne of pure gold and a golden *maṅḍala* would be presented to the venerable deity of the Land of Snow—the Holder of the White Lotus. The news about [that] have marked the advent of a good *kalpa* which is worth of admiration. If during this period of the good *kalpa*, all the high-profile and minor traders, who are [currently] based in the corresponding region of the thirteen Tibetan *khri skor*, gather here in the Religious State, it will be absolutely wonderful. I learnt this news from a letter that was sent [to me].¹¹⁹³

In *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4 dated August 1957, Tharchin published a teaser of another future publication about the golden throne offering that had taken place and asked his readers to “cherish”¹¹⁹⁴ this information:

I hope to publish in detail next month how the people of the thirteen Tibetan *khri skor* offered the golden throne to the Wish-fulfilling Jewel—the Dalai Lama—and how [he] gave the religious teaching. Everyone [should] cherish [this] news!¹¹⁹⁵

In the teaser announcement, Tharchin limits himself to the term “thirteen Tibetan *khri skor*” and refrains from listing all the different territories in the east mentioned

¹¹⁸⁹ See Dreyfus 2005: 12.

¹¹⁹⁰ Tib. *gangs can lha gcig skyabs mgon phyag na pad+mo mchog la gser btso ma'i bzhugs khri dang 'khor lo 'bul rgyu'i sta gon.*

¹¹⁹¹ Tib. *gling khag*, the four main monasteries of the Dge lugs lineages of incarnations in Lhasa (Rwa sgreng, Bstan rgyas gling, Tshe smon gling, and Kun bde gling) from which members the regents of the Dalai Lama were usually chosen (Goldstein 2004: 210).

¹¹⁹² Tib. *sa ga zla ba*. The Saga Dawa Festival is held on the 15th day of the fourth month. It celebrates the birth, awakening, and death of Buddha Śākyamuni (Powers and Templeman 2012: 238).

¹¹⁹³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 9.

¹¹⁹⁴ Tib. *gsar 'gyur la tshang mas gces 'dzin gnang bar mdzod.*

¹¹⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 4.

by him in the previous publication on the golden throne offering. This fact could be probably interpreted as an indication that the editor of *The Tibet Mirror* indeed included all the above-mentioned areas (Amdo, Xining, Mgo log, Ser phra, Chamdo, Sde dge, Brag g.yab, 'Ba', Li thang, Ta'u, Cha phren, Nyag rong) within the thirteen Tibetan *khri skor* and thus contradicted the factual historical denotation of the term.

The Tibetologist G. Dreyfus maintains that July 4, 1957 marked “the birth of Tibetan nationalism.”¹¹⁹⁶ On that day, a group of wealthy *kham pa* traders who lived in Lhasa held a religious ceremony in honor of the 14th Dalai Lama at his summer residence Nor bu gling ka and made an offering of a golden throne to him. To collect donations for the offering, the future “hero” of the Chu bzhi sgang drug resistance movement A 'brug Mgon po Bkra shis, who has already been mentioned earlier in the present dissertation, sent a group of his men to various regions of Tibet.¹¹⁹⁷ G. Dreyfus believes that the offering of the golden throne as a symbol of power helped strengthening the bond between the people of Tibet and the 14th Dalai Lama as their leader and conditioned the subsequent formation of the Chu bzhi sgang drug movement.¹¹⁹⁸ According to the Tibetan historian Tsering Shakya, the offering of the golden throne was likely driven, first and foremost, by the religious motives of Tibetan-speaking population and signified the peoples' recognition of the Dalai Lama as the religious leader of Tibet.¹¹⁹⁹ At the same time, given the beginning of socialist reforms in eastern Tibet and the development of a negative attitude of the local population there towards Chinese communists as the “enemies of the Buddhist teaching,” in the words of Tsering Shakya, the offering of the golden throne to 14th Dalai Lama also symbolized the “defiance” of people to Chinese reforms and their faith in the Dalai Lama as their national leader and protector.¹²⁰⁰ The American Tibetologist M. Goldstein suggests an alternative interpretation of this historical event and maintains that the offering of the golden throne provoked a significant response from the people of Tibet because the 14th Dalai Lama had just returned

---

¹¹⁹⁶ Dreyfus 2005: 12.

¹¹⁹⁷ Shakya 2000: 165.

¹¹⁹⁸ Dreyfus 2005: 12.

¹¹⁹⁹ Shakya 2000: 165.

¹²⁰⁰ Shakya 2000: 165–166.

from his long tour to India where he traveled to celebrate the 2500th anniversary of the Buddha's *parinirvāṇa*.¹²⁰¹ Explaining the golden throne offering from its practical angle, M. Goldstein insists on a completely different implication of this event for Tibetan history: the start of socialist reforms and their outcome in the form of scattered anti-Chinese uprisings in eastern Tibet had created a dangerous situation with *khams pa* refugees flocking to central Tibet, therefore, Chinese officials closely monitored any insurgent activities in Lhasa and A 'brug Mgon po Bkra shis needed a plausible cover for his clandestine meetings with other *khams pas* interested in forming an opposition to the Chinese communist rule.¹²⁰² For this reason, to conceal his activity on managing an insurgent movement of natives from eastern Tibet, A 'brug Mgon po Bkra shis came up with an idea to initiate the collection of donations for the golden throne for the Dalai Lama.¹²⁰³

As for the official establishment of the resistance organization of A 'brug Mgon po Bkra shis, as early as April 1957, the United States started a secret CIA operation aimed at training insurgence fighters from Tibet.¹²⁰⁴ And in May 1957, the work on the golden throne had been started in Tibet, shortly after which the Chu bzhi sgang drug movement was formed.¹²⁰⁵ Thus, the beginning of the consolidation of the population of Tibet and the growth of anti-Chinese sentiment in the late 1950s, which G. Dreyfus defines as “the birth of Tibetan nationalism” and associates with the ceremony of the golden throne offering, probably, cannot be attributed solely to the success of this symbolic ceremony in honor of the Dalai Lama, since the manufacturing of the throne ran parallel to large-scale activities on the formal arrangement of the anti-Chinese opposition and the military and ideological training of the Tibetan-speaking resistance fighters that was carried out by members of the

---

¹²⁰¹ Goldstein 2019: 76.

¹²⁰² Goldstein 2019: 75–76.

¹²⁰³ Goldstein 2019: 76

¹²⁰⁴ Goldstein 2019: 80. C. McGranahan argues that in 1955, representatives of Tibet asked for military aid of the U.S. and the next year, i.e., in 1956, the CIA launched its program of help to guerilla fighters in Tibet (McGranahan 2001: 264).

¹²⁰⁵ M. Goldstein thinks that A 'brug Mgon po Bkra shis' movement officially formed as early as May 1957 (see Goldstein 2019: 76–79). However, J. Powers and D. Templeman in their *Historical Dictionary of Tibet* point to June 16, 1958 as the official date of formation of the Chu bzhi sgang drug (Powers and Templeman 2012: 160).

Gcen mkhan rtsis gsum¹²⁰⁶ *émigré* group in Kalimpong, representatives of the CIA, and even Tharchin himself.

In *The Tibet Mirror*, Tharchin did not leave out the history of the very establishment of the Chu bzhi sgang drug insurgent movement. For example, in Vol.XXVI No.1 dated June 1959, in the article entitled as the “Unceasing Campaign of the Chinese Communist Party,”¹²⁰⁷ the editor explained where the rebels came from and why Tibetans immigrated to India:

As all learned men know, Chinese communists unceasingly bombed the monasteries in Kham and as a result of brutal torturing caused deaths of countless monastic communities and civilians. When the natives of Kham, being unable to remain in their homelands, went to the Lhasa region¹²⁰⁸ to save their lives, [Chinese] communists resorted to an evil policy [in accordance with which] they were to detain [the *kham pas*] if all of them did not return home. That is why, when many *kham pas* set off from Lhasa to other areas, since [Chinese] communists attacked them [right] on their way [there], they had no choice but to attack back. Gradually, the clashes became more and more intense, and the Chu bzhi sgang drug [movement], or the Volunteer Army for Defense of Religion, was formed. The heroic fighters killed [lit. “sent to death”] many thousands of Chinese communists.

Apart from pointing out to the considerable damage done by the fact that the Tibetan government worked in collusion with the Volunteer Army for Defense of Religion, Chinese communists also gradually unceasingly prepared evil acts towards the Wish-fulfilling Jewel—the venerable Dalai Lama. [...]

Then, more and more reinforcements arrived for the Chinese communist army, and because Tibetans were outnumbered and outgunned [by the Chinese], [they] had no choice but to surrender during the fight. After that Tibetans of the high and low social strata were arrested and the monks of the Three Monastic Seats were detained and exposed to unspeakable

¹²⁰⁶ Tib. *gcen mkhan rtsis gsum*, literally a contraction of the three following terms “elder brother,” “secular official of the *rtsis dpon* rank,” and “monk official of the 4th rank.” The Gcen mkhan rtsis gsum was an anti-Chinese group of Tibetan-speaking *émigrés* formed in the 1950s in Kalimpong by the elder brother of the 14th Dalai Lama Rgyal lo Don 'grub, the former Tibetan minister Rtsis dpon Zhwa sgab pa, and the Tibetan monk official of the 4th rank Mkhan chung Blo bzang Rgyal mtshan. Since 1954, the group unofficially cooperated with the Indian government and the Indian Intelligence Bureau as a pro-Indian Tibetan organization and even received funding from India to gather intelligence on the situation in Tibet and on the border of India with the PRC (Goldstein 2014: 155–157, 161, 163, 168–169). For more details, see Goldstein 2014: 141–206.

¹²⁰⁷ Tib. *rgya dmar gung phran tang gis mtshams med kyi las 'gul*.

¹²⁰⁸ Tib. *lha sa rgyal khab*. In this article, I translate the Tibetan term *rgyal khab* as “region,” however, this is the only case when the term *rgyal khab* does not seem to mean a “state” or a “nation” in *The Tibet Mirror* publications from the 1950s and 1960s. Therefore, I can conclude that the article could have been either compiled not by Tharchin himself, but by some other author who indeed used the term *rgyal khab* to denote a “region,” or the author was Tharchin, which in that case means that there were times when the editor of *The Tibet Mirror* contradicted his own concept of the “Tibetan Religious State” as the “thirteen Tibetan *khri skor*” and distinguished a separate “Lhasa State.”

tortures. Therefore, many thousands of monks, as well as defenders of the religion from the Lhoka area, were forced to follow their Wish-fulfilling Jewel [the Dalai Lama] and to leave for a temporary refuge in India.¹²⁰⁹

The meaning of the “unceasing campaign” mentioned in the title of the article is elucidated in the text through the repetition of the lexeme “unceasing” (Tib. *mtshams med*): “Chinese communists unceasingly bombed the monasteries in Kham”¹²¹⁰ and “unceasingly prepared evil acts towards the Wish-fulfilling Jewel—the venerable Dalai Lama.”¹²¹¹ In addition to the “evil acts” towards Buddhist monasteries and the Dalai Lama, the Others are accused twice of “torturing” (Tib. *mnar gcod*) monks: “as a result of brutal torturing caused deaths of countless monastic communities and civilians”¹²¹² and “the monks of the Three Monastic Seats were detained and exposed to unspeakable tortures.”¹²¹³ The author makes a special emphasis that the aggression of the Other is directed against the highest religious hierarch of Tibet, whose status is additionally underlined twice with the reverential appositive epithet (“Wish-fulfilling Jewel”¹²¹⁴), and against Tibetan monks who were also traditionally revered in Tibet because of their higher status than ordinary laymen.¹²¹⁵

It is not clear from Tharchin’s narrative why the Others started bombing such sacred places for any Buddhist followers as the monasteries. The article implies only one logical explanation of the actions of Chinese communists, that is, the wickedness of their policy in Tibet and their low moral standards. The editor of *The Tibet Mirror* chooses not to mention that in the second half of the 1950s, there were not only monks in the monasteries of Kham. Since some monasteries supported anti-Chinese uprisings, local rebels were allowed to hide inside, and monasteries actively resisted the troops of the PLA and refused to surrender peacefully.¹²¹⁶ As some monasteries were transformed into centers accommodating armed militant protesters against the socialist reformation, the Chinese communist soldiers symmetrically responded with

¹²⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1.

¹²¹⁰ Tib. *rgya dmar gyis khams khul mtshams med kyis dgon sde khag la sbom [...] btang.*

¹²¹¹ Tib. *gong sa yid bzhin nor bu mchog la’ang mtshams med kyi las ngan bshams.*

¹²¹² Tib. *dge ’dun gyi sde dang mi dmangs grangs med la mnar gcod drag pos srog skyon du btang.*

¹²¹³ Tib. *gdan sa rnam gsum gyi dge sde rnam la’ang do dam thog mnar gcod brjod kyis mi lang ba btang.*

¹²¹⁴ Tib. *gong sa yid bzhin nor bu mchog.*

¹²¹⁵ Goldstein 2019: 2.

¹²¹⁶ Shakya 2000: 140–141.

force and used weapons to crush the rebels.¹²¹⁷ In Tharchin's narrative, those from the group of the Self, however, were forced to do what they did due to the fault of the Others: *khams pas*, unlike Chinese communists, "had no choice but to attack back."¹²¹⁸ Moreover, to describe the violent actions of the Self, the editor resorts to euphemization: the "heroic fighters" did not kill but "sent to death" many thousands of Chinese communists.¹²¹⁹ Thus, those from the group of the Self had to form the Chu bzhi sgang drug resistance movement, even though they did so voluntarily in the name of their religion. In spite of exemplary heroism, the "defenders of the religion" were outnumbered and outgunned by the Others, therefore, Tibetans were forced to follow their "Wish-fulfilling Jewel," i.e., the Dalai Lama and to go into exile.

It is interesting that very soon after the establishment of the Central Tibetan Administration in India, the editor of *The Tibet Mirror* shifted from the thirteen Tibetan *khri skor* model to the *chol kha gsum* concept. For instance, as early as June–July 1960,¹²²⁰ i.e., a little more than a year after the immigration of the 14th Dalai Lama to India, Tharchin published news on the election of representatives of the Tibetan people and portrayed the "Tibetan nation" as "the people of the three Tibetan provinces" (lit. "the people of the three Tibetan *chol kha*," Tib. *bod chol kha gsum gyi mi dmangs*) which consisted of "Dbus–Gtsang *chol kha*,"¹²²¹ "Amdo *chol kha*,"¹²²² and "Kham *chol kha*."¹²²³

In the 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* got an opportunity to promote the modernized unifying *chol kha gsum* model and appeal to the "Tibetan nation" on behalf of the 14th Dalai Lama himself. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1 dated August–September 1960, the Tibetan leader addresses his subjects using the *chol kha gsum* concept under the title provided both in Tibetan and English

---

¹²¹⁷ Shakya 2000: 140.

¹²¹⁸ Tib. *rgya dmar gyis* [...] *tshur rgol byas stabs phar rgol mi byed ka med du gyur*.

¹²¹⁹ Tib. *apa' dmag rnams kyis rgya dmar stong phrag du ma lnga lam du btang*.

¹²²⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

¹²²¹ Tib. *dbus gtsang chol kha*.

¹²²² Tib. *mdo smad a mdo'i chol kha*.

¹²²³ Tib. *khams bod chol kha*.

“From the Advice Recently Given by the Venerable Dalai Lama to the People at Dalhousie”:¹²²⁴

“Some appear to think that those who rather call [themselves] as *a mdo* [*ba*] and *kham pa* are not Tibetans. This is a mistake. It is a very big mistake. In that case, I am a native of Amdo, am I a Tibetan or not?

Even if one is an *a mdo ba*, even if one is a *kham pa*, even if one is a *gtsang pa*, even if one is a *dbus pa*, even if one is a man from any other Tibetan area, all [of us] are Tibetans. All [of us] are Tibetan nation.

Not only all [of us] are surely one nation, but [we] are not like any other nation, which is of mixed origin. All [of us] grew up in one Tibetan state.

All [of us] are no one else but those who jointly live through happiness and misery. All [of us] surely have one [shared] goal. Having united the entire population of the Tibetan *chol kha gsum*, all [of us] strive to regain the independence and freedom of the Tibetan state.

However, some people make pathetic attempts [to provoke] the internecine dissension. Those who do not see the meaning of [our] main goal as the common good for the Tibetan nation do not understand the actual meaning of the [term] ‘nation.’ You need to develop a better understanding regarding this [issue],”—said [the Dalai Lama].¹²²⁵

While promoting the *chol kha gsum* model among the Tibetan-speaking diaspora in India, the 14th Dalai Lama stresses that the single “Tibetan nation” (Tib. *bod rigs*) consists of “Tibetans” (Tib. *bod pa*) and not independent representatives of the separate regions of Tibet listed by him (i.e., “*a mdo ba*,” “*kham pa*,” “*gtsang pa*,” “*dbus pa*,” etc.). Relying on his authority (“in that case, I am a native of Amdo, am I a Tibetan or not?”¹²²⁶), the exiled Tibetan leader repeats seven times the lexeme “all” (Tib. *tshang ma*) to fully convince his subjects that “all” representatives of the Tibetan nation “grew up in one Tibetan state,”¹²²⁷ are “not like any other nation,”¹²²⁸ “surely have one [shared] goal,”¹²²⁹ and “having united, [...] strive to regain the

¹²²⁴ Tib. *gong sa mchog gis nye lam Da la 'o sir mi mangs la bka' slob gnang ba las*; Eng. *His Holiness the Dalai Lama's Address on Unity Delivered to the Tibetans at Dalhousie*.

¹²²⁵ *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.1, August–September 1960: 2, 11, 12. Pages 11 and 12 are missing from the electronic collection of *The Tibet Mirror* issues on the website of Columbia University Libraries, but they were kindly provided to me by Paul Hackett.

¹²²⁶ Tib. *'o na nga a mdo sa skyes rdo skyes kyi mi zhig yin/ nga bod pa red dam ma red?*

¹²²⁷ Tib. *tshang ma bod rgyal khab gcig gi nang la 'tshar longs byas*.

¹²²⁸ Tib. *tshang ma mi rigs gcig rang red ma gtogs/ gzhan gyi 'dres yod mi rigs gzhan dag gang yang ma red*.

¹²²⁹ Tib. *tshang ma 'i dmigs yul gcig rang red*.

independence and freedom of the Tibetan state.”¹²³⁰ These instructions articulated by the 14th Dalai Lama himself confirm that in the early years after the emigration, the self-identification as a “Tibetan” or a representative of the “Tibetan nation” did not exist among the Tibetan-speaking diaspora in India and the traditional regional identification still prevailed. The authoritarian rhetoric of the 14th Dalai Lama also explains the dissatisfaction of emigrants from eastern regions of the Tibetan Plateau that the natives of central Tibet have occupied a dominant position in the Central Tibetan Administration and the dominant Tibetan nation-building discourse respectively.¹²³¹

Having cited the speech of the 14th Dalai Lama, Tharchin continued to develop ideas of the Tibetan leader within the same publication himself:

Given that, even though our truth will certainly become clear in the end, people need to do something for it. [Our goal] will not be achieved as [something] spontaneous [and] self-arising. While always thinking vastly and for a long period of time, we need to find and get together all possible means [to achieve our common goal]. [...]¹²³²

Attempting to switch the perception of his readers to the “black and white” binary mode of seeing only “truth” and “lies,” Tharchin claims that “our truth” about the Tibetan state and Tibetan nation “will certainly become clear in the end,”¹²³³ yet at the same time, he still tries to control the process of asserting the “truth” and imperatively urges his readers to “do something for it”¹²³⁴ and to “find and get together all possible means”¹²³⁵ to achieve their common goal.

Based on the analysis of *The Tibet Mirror* publications from the 1950s and 1960s, one can conclude that Tharchin had dived in his ideological war for Tibetan independence almost a decade before the Tibetan government-in-exile was established in India. As a result, the editor started developing the concepts of the “Tibetan nation” and the “Tibetan state” much earlier than the officials of the Central

---

¹²³⁰ Tib. *tshang mas bod chol kha gsum gyi mi mang thams cad gcig sgril gyi thog nas bod rgyal khab rang dbang rang btsan skyar du lon thabs la 'bad brtson byed.*

¹²³¹ For more information on conflicts of eastern Tibetan-speaking immigrants in India with the CTA in the 1960s and 1970s, see Brox 2012: 460.

¹²³² *The Tibet Mirror* Vol. XXVII No.1, August–September 1960: 2, 11, 12.

¹²³³ Tib. *nga tsho 'i bden pa 'i mtha' gsal rgyu nyag gcig.*

¹²³⁴ Tib. *de la mi yis thabs shes byed dgos.*

¹²³⁵ Tib. *thabs shes yod rgu btsal sgrug byed dgos.*

Tibetan Administration. Tharchin constructed his metanarrative of independence in the form of history of the Tibetan nation and state falling as an innocent victim to the aggression of the PRC that was not an ordinary “foreign enemy,” but a “global” one. The editor of *The Tibet Mirror* promoted an idealized image of Tibet as a unique “religious state” and a “pure beautiful land,” where prior to 1951, “peaceful and virtuous” Tibetan Buddhists enjoyed “spiritual prosperity, peace, and happiness.” Besides, before the Chinese communist takeover, all Tibetans in *The Tibet Mirror* spoke a single Tibetan language, shared the traditions of national cuisine (ate *rtsam pa* and raw and dried meat), national costume (wore *phyu pa*), and even national leisure activities (played dice). In his publications, Tharchin also reproduced the unifying ethno-historical myth of the “taming” of Tibetans by the bodhisattva Avalokiteśvara and the idea of Tibetan national endowments of unique morality and spirituality. Moreover, in Tharchin’s narrative, the Tibetan nation was pointedly depicted as a distinct one from the Chinese. Describing the relationship between the people of the Tibetan Plateau and Chinese communists within the discourse frame of “conflict” in the 1950s and 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* appealed to the entire Tibetan-speaking population to form a united pan-Tibetan front and to take active part in the liberation war in the name of the defense of Tibetan Buddhism and the independence of the Tibetan state. Although the territorial boundaries of the Tibetan nation did not correspond in all publications of *The Tibet Mirror*, until 1959, Tharchin most frequently used the concept of thirteen Tibetan *khri skor*, which included, in his interpretation, those areas of eastern Tibet that had long been officially under the Chinese jurisdiction. From the early 1960s, the editor actualized in *The Tibet Mirror* the new *chol kha gsum* model of the Tibetan nation which in terms of territory invariably included three major regions: Dbus–Gtsang, Kham, and Amdo. It is obvious that the invention of the new modernized interpretation of the *chol kha gsum* concept did not belong to Tharchin himself, for this model emerged in *The Tibet Mirror* only after the CTA had been established in India.

2.2.3.6. Constructing the Group of Tibet's "Friends" and Internationalization of the Tibet Question

Tharchin was obviously aware of the importance of support for the Tibetan cause from the international community. Therefore, in the 1950s and 1960s, in addition to his own reflections and opinions of "learned" experts, the editor of *The Tibet Mirror* also regularly published news about various "friends" of Tibet, that is, foreign individuals who expressed their support for the independence of Tibet or countries that provided help to the people of Tibet either in word or in deed or both.

One of the earliest examples of such publications during the period under review can be found in *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10 dated September 1, 1950. There Tharchin published one after another two short notes of thanks to two British "friends" of Tibet. In the first one entitled as the "Support of Tibetan Independence,"¹²³⁶ the editor of *The Tibet Mirror* gave his credit to the Greek-British researcher Marco Pallis:

The esteemed Mr. Marco Pallis, [also] known by his spiritual name Thub bstan Bstan 'dzin, who has acquired a perfect knowledge of the beautiful ancient traditions of the Tibetan Religious State and the teaching of the Buddha, recently spread the [following] information in English newspapers: "If all countries, having negotiated their support for the independence of the Tibetan Religious State, find a way to leave [Tibet] as an ornament of the world, it will surely be very beneficial for all countries of the world."

[I would like to] express my gratitude for this [public statement] and say thanks to him.¹²³⁷

Immediately after that, Tharchin expressed his gratitude to the British diplomat Arthur Hopkinson:

The esteemed [Mr. A.] Hopkinson, the renowned former Political Officer in Sikkim, also spread the word via radio and newspapers that Tibet was independent. I am very much obliged [to him] as well.¹²³⁸

Tharchin described both "friends" of Tibet in a rather flattering manner, so that the authority of their opinion on Tibetan independence was not to be questioned by *The Tibet Mirror* readers. Moreover, if A. Hopkinson limited himself to a terse remark

¹²³⁶ Tib. *bod rang btsan la brgyab skyor*.

¹²³⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 9.

¹²³⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 9.

on Tibetan independence, M. Pallis who, according to the editor, was well familiar with Tibetan history and culture (“has acquired a perfect knowledge of the beautiful ancient traditions of the Tibetan Religious State and the teaching of the Buddha”¹²³⁹) appealed to other countries in the world with a request not only to support the idea of Tibetan independence, but to grant Tibet a specific metaphorical status of “an ornament of the world.”¹²⁴⁰ Furthermore, M. Pallis promised that this gesture would “surely be very beneficial for all countries of the world,” but Tharchin’s brief news report did not include any clarification of the potential benefit of such recognition for other countries.

It is interesting that these two supporters of Tibetan independence were both connected with the British intelligence. A. Hopkinson, the last British Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet (in office 1945–1947), previously worked as the British Trade Agent in the third largest city in Tibet Rgyal rtse from 1927 to 1928.¹²⁴¹ In the words of A. McKay, “trade was of little concern” to British Trade Agents since their main task was to cultivate friendly relations with Tibetans and to collect relevant information about the political and socio-economic situation on the Tibetan Plateau.¹²⁴² The so-called “Trade Agents” belonged to the diplomatic corps of the Government of British India and were under the direct control of the Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet who was based in the capital of Sikkim Gangtok.¹²⁴³ As to the position of a Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet, he was directly responsible for the British relations with these territories and was in charge of the British Mission in Lhasa during his visits to the Tibetan capital.¹²⁴⁴ As it was mentioned earlier, A. Hopkinson and the editor of *The Tibet Mirror* collaborated in the context of Tharchin’s work for the British intelligence.

As for M. Pallis, he was known for his fondness of mountaineering and studying Tibetan Buddhism. According to the elder brother of the 14th Dalai Lama

---

¹²³⁹ Tib. *bod chos ldan rgyal khab kyi gna' srol bzang po dang sangs rgyas kyi bstan par yid kyi rab tu bsten.*

¹²⁴⁰ Tib. *'dzam gling mdzes brgyan du 'jogs thabs gnang.*

¹²⁴¹ McKay 1995: 263–264.

¹²⁴² McKay 2001a: 94.

¹²⁴³ McKay 2001a: 94.

¹²⁴⁴ McKay 1995: 1, 270.

Rgyal lo Don 'grub, M. Pallis was so “deeply immersed in the study of Tibet” that he used to dress in a Tibetan *phyu pa*.¹²⁴⁵ What seems no less important is that M. Pallis was also associated with the British intelligence: Rgyal lo Don 'grub reports that in the early 1960s, M. Pallis organized his meeting with the director of the British Secret Intelligence Service MI6 in London.¹²⁴⁶ The involvement of M. Pallis in intelligence activities in connection to Tharchin and the financial support of *The Tibet Mirror* is further confirmed by the Austrian researcher A. Sawerthal in her PhD dissertation.¹²⁴⁷

In A. McKay's opinion, the political status of Tibet did not play such a significant role for the British, but it was important for them that Tibet stood as a stable northern frontier of British India and helped them securing an effective barrier against their big rival in Central Asia—Russia.¹²⁴⁸ Therefore, until India gained its independence in 1947, British colonial officials supported the traditional Tibetan government of the Dalai Lama and encouraged Dga' ldan Pho brang to aim at strengthening and unifying Tibet so that it could claim “its place among the world's nation-states.”¹²⁴⁹ In the 1950s and 1960s, a few former British colonial officials who had previously served in Tibet made attempts to give more publicity to the Tibet Question.¹²⁵⁰ Given that, despite their efforts, both before 1947 and after, the British government itself never officially recognized Tibet as an independent state and, on the contrary, avoided damaging Sino–British relations because of an overly explicit support of Tibet by Great Britain. Tsering Shakya contends that after India gained its independence, Great Britain completely lost interest in Tibet and left the Tibet Question to the discretion of independent India.¹²⁵¹

Despite Britain's withdrawal from Tibetan politics after 1947, Tharchin continued to reproduce its positive image in *The Tibet Mirror* in the 1950s. For example, in Vol.XVIII No.12 dated November 1950, the editor reports that

---

¹²⁴⁵ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 168.

¹²⁴⁶ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 168.

¹²⁴⁷ Sawerthal 2018a: 109–111, 121, 124, 267.

¹²⁴⁸ McKay 2001a: 97.

¹²⁴⁹ McKay 2001a: 97.

¹²⁵⁰ McKay 1995: 254.

¹²⁵¹ Shakya 2000: 19.

representatives of the Tibetan delegation were “pleased” by the British government’s promise to provide them with “the best possible assistance”¹²⁵² when they would be traveling through Hong Kong to Beijing for Sino–Tibetan negotiations.¹²⁵³ Tharchin also frequently repeated in his publications that the British colonial government participated in the negotiations in Simla, and in the Simla Convention, Great Britain recognized that Tibet was not under the Chinese rule but was “merely in the shadow of China”:¹²⁵⁴

When the agreement was signed in Simla in 1914, Great Britain recognized that Tibet was merely in the shadow of China. However, the Chinese government did not object to that. According to the agreement, the Chinese government was not allowed to control Tibet, to take over [Tibet], to expand [its territory in Tibet], and to interfere into anything [in Tibet]. Now [November 1950], the Tibetan government has ordered its representatives to negotiate [with the PRC] precisely on the basis of that earlier agreement [reached] in Simla.¹²⁵⁵

After a large group of Tibetan-speaking people followed into India taking after the example of the Dalai Lama, Great Britain still occupied the position of Tibet’s “friend” in Tharchin’s publications. For instance, in Vol.XXVII No.6 dated February–March 1961, the editor published a report entitled as the “Help to Tibetan Refugees by the British Government,”¹²⁵⁶ which publicized the financial support of the benevolent British “friends” of Tibet:

Recently, on March 17, an esteemed ambassador of the British government in India Sir Paul Gore-Booth¹²⁵⁷ handed over to his colleague K.L Mehta, the Secretary General of the Indian Foreign Ministry, the help of the British government for the Tibetan refugees that arrived in India in the form of 50,000 English pounds which is equal to 666,000 Indian rupees.¹²⁵⁸

In the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror* the 1950s and 1960s, India appeared as another good old “friend” of Tibet. India was portrayed by Tharchin as the “country of bodhisattvas”¹²⁵⁹ with a “religious

¹²⁵² Tib. *in gzhung nas grogs ram gang drag gnang rgyu.*

¹²⁵³ Tib. *in ji nas grogs ram gnang rgyu'i bka' mol la 'thus mi nmams thugs mnyes po byung 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 6).

¹²⁵⁴ Tib. *in ji nas bod rgya nag gi grib 'og tsam du ngos len gnang 'dug.*

¹²⁵⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 6.

¹²⁵⁶ Tib. *bod kyi skyabs bcod ba nmams kyi ched du dbyin gzhung gi mthun rkyen.*

¹²⁵⁷ In the publication, Tharchin slightly distorts his name as “Sir Paul Gore Broth.”

¹²⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

¹²⁵⁹ Tib. *rgya gar 'phags pa'i yul* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959: 5).

government,”¹²⁶⁰ which thereby connected it to the “Tibetan Religious State.” In the 1950s, the editor regularly raised the subject of close cultural and religious ties of Tibet with India, but not with China. For example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5 dated September 1954, the editor emphasized the impressive centuries-old connections of India and Tibet in the sphere of religion, science, and trade and elaborated on the prosperity of friendship and mutual assistance of the two countries.¹²⁶¹ After the uprising in Lhasa in 1959, Tharchin continued to promote with an even greater enthusiasm the narrative of ancient Tibetan–Indian friendship. In Vol.XXV No.11 dated April 1959, one can find the following “abridged summary of a rough translation of news”¹²⁶² from the Calcutta-based newspaper *The Statesman* dated March 31, 1959:

I [would like to] briefly report on a few key points from a detailed discussion of Tibet by the esteemed Prime Minister [J.] Nehru during a meeting of the Indian Council of Ministers [*sic*] Lok Sabha¹²⁶³ [held] on March 30, [1959] in New Delhi.

It has been about three years since the Indian government welcomed [here] the independent autonomous government of Tibet that was in the shadow of China. When the Indian government gained its complete independence from the British rule, other regions that had previously been taken under the British control did not think that India would take control [into its own hands] and refused to accept this seizure of power.

In terms of politics, by acting in accordance with the law, India cannot do anything about the Tibet [Question]. However, from a religious point of view, based on its close longstanding cultural and religious ties with Tibet, [India] feels profound sympathy for Tibetans and [sees] the damage, which has been brought by communist China to the numerous monastic communities as a result of its unprincipled violence and which has become the reason for a [total] decay of good virtues.

Since we want to maintain close ties and pure mutual friendship with Tibetans, we urge to expand their freedom and independence. At the same time, it is extremely important for us to maintain [our] friendly relations with China as well. Although he [China] is such a state, [we] do not capitulate to them [i.e., the Chinese] [when they] give an order to India.

¹²⁶⁰ Tib. *rgya gar chos ldan gzhung* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3).

¹²⁶¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 4.

¹²⁶² Tib. *gnas tshul rags bsgyur mdor bsdus*.

¹²⁶³ Tib. *rgya gar log sa ba zhes pa'i bka' shag lhan rgyas*. Lok Sabha (Hin. लोकसभा, lit. “House of the People”) is the lower house of India’s bicameral Parliament.

Although India and Tibetans have strong kinship, cultural, and other ties, we have not interfered in the boiling [process] of Tibetan politics. Therefore, when earlier about 55 years ago [1904], the Indian government sent troops into Tibet under the command of the officer [F.] Younghusband, although [we] certainly intervened, it was not a daunting intervention with a takeover sanctioned by the government's order. It is a legacy that has been inherited [by us] from Great Britain and the Indian government of the time.

When seizing control over the Tibetan territories, India was always renouncing [its right to] them so that [they] would keep [the same status as before]. However, no matter what policy regarding the Tibet [Question] has been pursued [by India], in response—communist China has established the practice of not following [a similar path]. We had no desire to establish such a rule in any country of the world. [...]

Although every Chinese government claimed that Tibet belonged to China, successive Tibetan governments did not recognize [it]. We should not interfere with the existing laws, or reality, and act as witnesses.

The esteemed [Prime Minister J.] Nehru recalled that when the Premier of the People's Republic of China Zhou Enlai arrived in India two and a half years ago [in 1956], the two of them discussed the situation in Tibet. Now, he [J. Nehru] will not recall what questions [they] asked each other with regard to that situation. However, [J. Nehru said the following:] "According to his [Zhou Enlai's] statement then, although Tibet is part of China, Tibet is not China, [and] since Tibet has always been a subordinate territory of China with its [own] autonomous government, [China] even had the intention to grant a full autonomy [to Tibet]. As I [J. Nehru] remember, he made such statements about politics concerning the Tibet Question. I myself was very much pleased that he insisted on granting Tibet full autonomy and independence. I replied to him [Zhou Enlai]: "If, in accordance with what you said, Tibet is granted full autonomy and independence, the difficulties that arose earlier in Tibet will surely diminish. [...]"¹²⁶⁴

Summarizing a long speech by J. Nehru in Tharchin's adaptation, it is necessary to mention, first of all, the emphasis placed on the strength and closeness of historical ties between India and Tibet which is repeated three times in the text. J. Nehru argues that such ties exist between India and Tibet ("India and Tibetans have strong kinship, cultural, and other ties"¹²⁶⁵), that India is guided by these ties in its policy on Tibet ("based on its close longstanding cultural and religious ties with Tibet, [India] feels

¹²⁶⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 2–3.

¹²⁶⁵ Tib. *rgya gar dang bod mi rnam gyis bar la/ nye tshan gyi 'brel ba dang shes rig sogs kyi 'brel ba britan por yod.*

profound sympathy for Tibetans”¹²⁶⁶), and that India wishes to preserve these ties with Tibet (“we want to maintain close relations and pure mutual friendship with the Tibetans”¹²⁶⁷).

In Tharchin’s article, J. Nehru criticizes the PRC for using physical force against Tibetan monks (India sees “the damage, which has been brought by communist China to the numerous monastic communities as a result of its unprincipled violence and which has become the reason for a [total] decay of good virtues”¹²⁶⁸) and “urges” to “expand” the “freedom and independence”¹²⁶⁹ of Tibet. As if echoing the editor of *The Tibet Mirror* himself, J. Nehru in Tharchin’s interpretation declares that the Tibetan government has never recognized its subordination to China.¹²⁷⁰ Thus, with respect to the Sino–Tibetan confrontation, India in *The Tibet Mirror* is completely on the side of Tibet, even though formally—“in terms of politics”—its hands are tied¹²⁷¹ and at the same time, it would even like to maintain its friendly relations with the PRC.

One more thing to be discussed in regard to this publication is the smoothening of the brutal “legacy” of colonial India and Great Britain. During F. Younghusband’s military expedition to Tibet, British soldiers killed hundreds of primitively armed Tibetans with modern artillery weapons and machine guns, plundered monasteries and forts, and forced the Tibetan government to sign a treaty on the conditions that were favorable for the British.¹²⁷² However, J. Nehru in Tharchin’s rendering mitigates the facts related to F. Younghusband’s invasion to Tibet and contends that “it was not a daunting intervention with a takeover sanctioned by the government’s order.”¹²⁷³ Another controversial part of J. Nehru’s speech seems to be his statement that India, even if it had seized Tibetan territories before, always renounced its right

¹²⁶⁶ Tib. *bod dang sngon nas shes rig dang chos sogs kyi 'brel gnas dam por yod par brten/_bod mi rnams la sha tsha'i sems tshor chen por yod.*

¹²⁶⁷ Tib. *nga tshos bod mi rnams dang mthun 'brel gtsang mar nye 'brel byed 'dod yod.*

¹²⁶⁸ Tib. *rgya dmar nas tshul min dbang gis dgon sde khag mang gtor skyon btang ba de ni gang min bsod nams nyams pa'i rgyu red.*

¹²⁶⁹ Tib. *nga tsho khong tshor rang dbang rang btsan yar 'phel yong rgyur yid 'dod chen po zhu gi yod.*

¹²⁷⁰ Tib. *rgya nag gzhung re re nas bod 'di rgya khongs yin par brjod 'dug kyang /_bod gzhung rim pa nas ngo len byas mi 'dug.*

¹²⁷¹ Tib. *rgya gar nas khirms bstun ltar bod skor srid phyogs nas gang yang byed mi thub.*

¹²⁷² Powers and Templeman 2012: 271, 740–741. McKay 2012: 14, 19.

¹²⁷³ Tib. *'di ni bkas bskos rgyud 'dzin pa'i dbang gnon the byus byas pa ma red.*

to them. According to Tsering Shakya, two months after India gained its independence, in October 1947, the Tibetan government demanded from India to return the Tibetan territories that had been “gradually annexed by the British,” but J. Nehru dismissed this demand as unrealistic.¹²⁷⁴ Later, in the light of activities of the Tibetan-speaking guerilla fighters in the late 1950s and early 1960s and the flight of the 14th Dalai Lama to India, the unresolved territorial disputes on the border of India and Tibet led to an escalation of tension in the region and the Sino–Indian War in October–November 1962.

The statements of the Prime Minister of India on the Tibet Question published in *The Tibet Mirror* during a later period of time are, however, more reserved and diplomatic in their tone. For example, in July 1959, Tharchin includes in his publication another excerpt from J. Nehru’s speech, but this time the Indian Prime Minister says nothing regarding the political status of Tibet and confines himself to a report on the current conditions of Tibetan-speaking immigrants in India:

As it was reported in the news from New Delhi on July 7, [1959], during a monthly meeting with journalists in Delhi, the esteemed Prime Minister [J.] Nehru made a speech.

The esteemed Prime Minister [J.] Nehru [said] regarding the venerable Dalai Lama: “It is difficult to distinguish what must be said, [but] we clearly see how he is doing and [how] is not [doing]. We are equally aware of [his] feelings [because of] the difficulties. The venerable Dalai Lama has reached the age of 25.¹²⁷⁵ Not only he [himself], but his fellow countrymen too have lived through a terrifying experience.

As you understand, since he is the main religious leader [of Tibet], we paid him our respects with a warm welcome. As long as the venerable Dalai Lama is in India, we will show him great love and respect. [We] have not only welcomed about 12,000 more people [from Tibet], but after gradually dividing the Tibetans who asked for asylum into groups, we will send them to various mountain areas. Refugees will not be sent to the plains. [Some of them] will be sent to the ancient monasteries of Sikkim, while some will be settled in other areas that

---

¹²⁷⁴ Shakya 2000: 280.

¹²⁷⁵ The 14th Dalai Lama Bstan ’dzin Rgya mtsho was born on July 6, 1935, which means that in 1959, he was 24 years old according to the Western system of age-counting. J. Nehru, in Tharchin’s account, is apparently using the East Asian system of age-counting, in which one year is added to the child’s age after the birth. Tsering Shakya reports that 1959, when the 14th Dalai Lama turned 25, was considered to be astrologically unfavorable for the Tibetan leader, that is why some Tibetans were inclined to believe that 1959 would bring difficulties not only for the 14th Dalai Lama himself, but for all of his people (Shakya 2000: 191). Perhaps, J. Nehru mentions the 14th Dalai Lama’s age in his speech in connection with this prejudice popular among the Tibetans back at the time.

are not related to Sikkim. Children of [Tibetan] refugees have been and are being sent [now] to schools and similar institutions. We are trying to gradually overcome these difficult circumstances.”¹²⁷⁶

In Tharchin’s narrative, India gives “a warm welcome”¹²⁷⁷ to the 14th Dalai Lama and the Tibetans who fled after him, takes into consideration the high-altitude factor of Tibetan native areas while arranging the refugee settlements, and tries to resolve the existing difficulties. J. Nehru expresses his sympathy and empathy for the people of Tibet and the Dalai Lama, yet he makes it clear that Bstan ’dzin Rgya mtsho has a status of a “religious leader,”¹²⁷⁸ not a political one. Even though the Indian Prime Minister reckons the experience of the Dalai Lama as “terrifying,”¹²⁷⁹ he diplomatically refers to Tibetan refugees as the Dalai Lama’s “fellow countrymen,”¹²⁸⁰ but not as his “subjects,” or his “people.”

It is interesting that right before this news report, Tharchin placed a short publication that consisted of just one sentence: “Any kind of Tibetan government on the Indian territory will not be recognized.”¹²⁸¹ Perhaps, no matter how much the editor of *The Tibet Mirror* would have liked the opposite, but this time, J. Nehru’s speech held strictly within the frame of Indian humanitarian aid did not let him develop the topic of support for Tibetan independence on behalf of India.

In the same issue of *The Tibet Mirror* dated July 1959, Tharchin devoted another publication to creating positive images of India and Sikkim as “friends” of Tibet who readily came to help Tibetan immigrants:

The Indian government has provided asylum for all those [people] who went into exile from Tibet after the Dalai Lama. For about 10,000 monks and laymen who came through Rta dbang in the Mon region and a few thousand monks and laymen who came through Bhutan—over 13,000 people in total—the Indian government has made arrangements for their temporary settlement in [the area] called Mussoorie and in [the area] called Buxa Dooars at

¹²⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7–8.

¹²⁷⁷ Tib. *dga’ bsu zhus*.

¹²⁷⁸ Tib. *chos kyi dbu gtso*.

¹²⁷⁹ Tib. *jigs rung gi nyams myong myangs pa red*.

¹²⁸⁰ Tib. *khong gi lung pa’i mi rnams*.

¹²⁸¹ Tib. *rgya gar sa gnas su bod gzhung dang ’dra zhiq yin rung ngos ’dzin byed kyi ma red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

the border with Bhutan. [The Indian government] continues to improve the [living] conditions [there].

Because of the efforts on relocating [Tibetans] to cooler areas within a short period of time, the government of Sikkim—by the virtue of its enormous mercy to Tibetans—also provided over 2,000 people with work on roads construction in the cooler areas of Sikkim, and by now, over about 1,000 [Tibetans] have relocated to Gangtok.

The esteemed government of Sikkim provides significant assistance in treating many [Tibetans] who fell ill because of the hot [weather] conditions. Moreover, during a brief encounter in Gangtok, I witnessed how the honorable Mrs. Phun khang¹²⁸² of the [11th] Dalai Lama's¹²⁸³ family together with the Princess of Sikkim and the son of the distinguished Sikkimese official 'Bar thing¹²⁸⁴ examine and comfort the sick [people] on a daily basis, for which I must express my gratitude [to them].

Besides, many lamas and *tulku* set off on their own and have arrived in Kalimpong because the heat made it uncomfortable for them to stay in Mussoorie. However, although virtually everyone may experience difficulties, what matters most is that the venerable Dalai Lama and the Tibetan government will certainly make every possible effort [for Tibetans].

Apart from that, the Kalimpong district is arranging the necessary conditions for collecting donations for about 100 refugees. The esteemed Acharya Kripalani¹²⁸⁵ has recently arrived here. When [he] petitioned for the appointment of the Assembly of Administrative Managers, the head of administrative managers replied that help would come, however, the conditions have not yet been right, but there is a big hope that the [conditions] would be right soon.

The Indian government also pays considerable attention and makes arrangements for more than 1,500 scholar monks with a *geshe* degree to relocate to the Buxa area and [to start] teaching [there], [makes] arrangements for more than 500 lamas who are lineage holders [of the Buddhist teaching] to arrive and settle in Punjab in an area called Dalhousie, as well as makes every possible effort for ordinary monks.¹²⁸⁶

In Tharchin's narrative, India comes to the rescue and does "everything possible"¹²⁸⁷ for Tibetans who fled the PRC: it provides asylum for all refugees, tries to settle them in cooler areas, improves their living conditions, organizes a collection of

¹²⁸² Tib. *yab gzhi phun khang tha lcam mchog*.

¹²⁸³ Tib. *mkhas grub rgya mtsho*; 1838–1856.

¹²⁸⁴ Tib. 'bar thing. Tharchin probably referred to a son of the Sikkimese official Barmiok Athing (1904–1988). See Tashi Tenzin 2010.

¹²⁸⁵ Acharya Kripalani (1888–1982) was an Indian politician and independence activist.

¹²⁸⁶ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No.1, June 1959: suppl.1.

¹²⁸⁷ Tib. *thabs shes gang drag gngang mus su mchis*.

donations for them, takes good care of Tibetan lamas and monks. Sikkim¹²⁸⁸ as another important “friend” of Tibet also provides substantial assistance and is portrayed no less sympathetic to Tibetan immigrants. At the same time, Tharchin underlines in his publication: “what matters most” is that despite the difficulties, “the venerable Dalai Lama and the Tibetan government will certainly make every possible effort”¹²⁸⁹ for the Tibetans. The editor of *The Tibet Mirror* thus supports the construction of a narrative in which the Tibetan Dga’ ldan Pho brang government, having immigrated along with the 14th Dalai Lama to India, did not lose its legitimacy and continued working for the benefit of its subjects, with the only difference that now it was to perform its duties from the territory of India.

Tharchin’s publications about India’s concern for the Tibet Question were not limited to reports about Indian humanitarian aid for Tibetan immigrants. In the late 1950s and early 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* also made room in his newspaper for different individuals from India who expressed solidarity in condemning the Chinese communist oppression and human rights violation in Tibet. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated November–December 1959, under the loud reverberating title “A Drama of Suffering and Terror Is Being Played in Tibet,”¹²⁹⁰ Tharchin publishes a translation of a speech on the Tibet Question of the Indian politician Kanaiyalal Maneklal Munshi (1887–1971):

According to the latest news from Agra from December 13, [1959], the leader of a group called “Independent India,” who had previously served as the governor of Uttar Pradesh, Mr. K.M. Munshi, held a two-day meeting on the Tibet Question. This is a rough translation of what he said then:

“We heard that now in Tibet, there is a terrifying situation with the oppression [of people] by the unbearable suffering. For this reason, we have been sincerely greatly distressed too. Given that, earlier Tibet used to be an independent religious state just like us. The introduction of any malevolent and highly improper measures [aimed] at the restriction of human rights and the religious sphere of an independent state are nothing but indecent evil acts which violate the ethical norms. Moreover, by combining an ancient political strategy

¹²⁸⁸ The Indologists F.N. Yurlov and E.S. Yurlova define Sikkim of that period as “a quasi-sovereign state which was a protectorate of India” (Yurlov and Yurlova 2010: 313).

¹²⁸⁹ Tib. *gtso che gong sa mchog dang bod gzhung nas thabs shes gang drag gnang nges.*

¹²⁹⁰ Tib. *bod du mya ngan dang 'jigs skrag can gyi zlos gar zhig khrab bzhin pa red.*

with the communist ideology, communist China has been exacerbating the terrible situation in Tibet.

Since this does not concern solely Tibet and is spreading at our doorway, we cannot [afford] making a slightest mistake. Those people in China called the Han have conducted and are conducting the campaign of violent expansionism. They have said and are saying that they will liberate not only Tibet, [but] all people of Asia.

As it was stated by esteemed [Rtshis dpon] Zhwa sgab pa, the minister and political frontman (the mastermind of the political strategy) whom the venerable 14th Dalai Lama sent [here] specifically for this meeting, communist China has unbearably oppressed and is [currently] oppressing Tibet. [Chinese communists] have undertaken the extermination of the fine ancient traditional religion and culture of the entire Tibetan nation, as well as the social norms, rights, and basic welfare of [all] human beings. Some people believe that, except for only a few lamas, monks, and officials, [Chinese communists] do not treat in such an inappropriate way [any] other [people]. Although [some people] think so, this is not true. Communist China has been destroying the entire Tibetan nation regardless of the high or inferior origin [of people], religion, or anything else. Therefore, it is important to help [lay] the foundation of peace in Tibet with a fair ethical-legal system.”¹²⁹¹

If Tharchin had not announced at the beginning of the publication that it was a translation of K.M. Munshi’s speech, one may have thought that the editor of *The Tibet Mirror* had provided himself this highly critical assessment of the Chinese communist policy in Tibet. The Indian K.M. Munshi, an activist of the Indian independence movement, politician, and writer, speaks in *The Tibet Mirror* on behalf of entire India. This statement was made nine months after the Dalai Lama’s immigration to India but comparing to the aforementioned speeches by J. Nehru from April 1959, K.M. Munshi’s rhetoric sounds much harsher. In K.M. Munshi’s rendering, India no longer talks about Chinese suzerainty and shifts the emphasis on the fact that earlier Tibet was certainly independent (“earlier Tibet used to be an independent religious state just like us”¹²⁹²). Moreover, an additional ambivalence is created because, speaking about relatively recent times when Tibet has already officially been part of the PRC, K.M. Munshi implies that even then Tibet still held its “independent” political status: “The introduction of any malevolent and highly

¹²⁹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959: 9.

¹²⁹² Tib. *sngon du bod 'di ni nga tsho dang 'dra bas chos ldan rang btsan rgyal khab gcig yin.*

improper measures [aimed] at the restriction of human rights and the religious sphere of an independent state are nothing but indecent evil acts which violate the ethical norms.”¹²⁹³

Similar to the publications written by *The Tibet Mirror* editor himself, the PRC in the speech of this Indian politician appears as an aggressor and a tyrant. In three consecutive sentences, K.M. Munshi uses grammatical constructions with the help of which he aggravates the described situation and creates the effect of an indefinite duration of the Chinese aggression that is aimed not only at Tibet, but hypothetically at the entire continent of Asia: Chinese communists “have conducted and are conducting the campaign of violent expansionism,”¹²⁹⁴ “have said and are saying that they will liberate not only Tibet, [but] all people of Asia,”¹²⁹⁵ “have unbearably oppressed and are [currently] oppressing Tibet.”¹²⁹⁶

The Indian speaker emphasizes twice that the Chinese communist policy in Tibet terrifies India (“now in Tibet, there is a terrifying situation with the oppression [of people] by the unbearable suffering;”¹²⁹⁷ “communist China has been exacerbating the terrible situation in Tibet”¹²⁹⁸) and accuses the PRC of destroying the Tibetan people and their culture (“have undertaken the extermination of the fine ancient traditional religion and culture of the entire Tibetan nation, as well as the social norms, rights, and basic welfare of [all] human beings;”¹²⁹⁹ “has been destroying the entire Tibetan nation”¹³⁰⁰). K.M. Munshi concludes his speech with an assurance of India’s sympathy for Tibet and concern about the Tibet Question: “It is important to help [lay] the foundation of peace in Tibet.”¹³⁰¹

¹²⁹³ Tib. *rang btsan rgyal khab de 'i mi 'i dbang tshad dang / chos phyogs su shin tu mi mtshams pa 'i lag len ngan pa ji dang ji bstar ba rnam ni mi chos khrims 'gal gyi las ngan 'tshabs chen sha stag bgyis.*

¹²⁹⁴ Tib. *rgya nag han zer ba 'i mi rigs de dag ni rgya 'gyed btsan bshed ring lugs kyi las 'gul byas dang byed mus red.*

¹²⁹⁵ Tib. *de tshos bod tsam ma yin par e she ya 'i mi rigs yongs la bcing bkrol btang gi yin zhes brjod dang brjod mus red.*

¹²⁹⁶ Tib. *rgya dmar nas bod la mnar gcod mi bzod pa btang dang g tong bzhin.*

¹²⁹⁷ Tib. *bod yul du deng sang mya ngan mi bzod pas mnar ba 'i gnas lugs 'jigs su rung ba 'i skor thos.*

¹²⁹⁸ Tib. *rgya dmar nas [...] bod la gnas lugs ngan pa rgya cher spel ba red.*

¹²⁹⁹ Tib. *bod rigs yongs rdzogs kyi sngar srol bzang po 'i chos dang shes rig rnam dang 'gro ba mi 'i tshad dbang bde rtsa rnam rtsa med bzo 'gyur brtsams pa red.*

¹³⁰⁰ Tib. *bod rigs yongs rdzogs rtsa med bzos pa red.*

¹³⁰¹ Tib. *bod la zhi bde 'thob pa 'i gzhi rtsar phan grogs nges par gnang dgos gal che zhes gsungs 'dug.*

Not only K.M. Munshi has contributed to the construction of the image of the PRC as a dangerous neighbor “at the doorway”¹³⁰² of India. Tharchin actively promoted this idea himself and thus tried to induce some alienation into the relations of India and China. For instance, in Vol.XXVII No.6 dated February–March 1961, the editor published an ominous warning with a creative poetic ending entitled “Fears That Happiness of Ethnic Minorities of the Himalayas Is Going to Be Eaten by Red Demons from the East”¹³⁰³:

Nowadays, communist China is obsessed with the prosperity and power of the independent Indian state, and it is applying various harsh and gentle strategies to satisfy its hunger.

If one asks why [communist China uses] such strategies? [It does so] to swallow and bully the key areas which are similar to fingers in the north of India—the regions of the upper Ladakh and the lower eastern Assam, [as well as such] neighboring states of [India as] Nepal, Sikkim, and Bhutan in between them. On a pretext of feigned love, [Chinese communists] are trying to spread the communist strategies [there] and isolate [these areas] from India. In other words, [Chinese communists] are trying to harm the strength of India so that it becomes like, for example, a palm without fingers which is left without any strength.

Besides, earlier, for example, there was an independent Tibetan Religious State between India and China, therefore, the two powerful states did not need to meet face to face and they were able to exist [each] in one’s own place. Or [one can say that] the independent Tibetan state stood like a border guard for the two mutually prosperous states.

However, when communist China invaded Tibet in 1950, even though the independent Tibetan government submitted a petition to the United Nations and to the government of [its] neighbor India, since [the petition] was disregarded and neglected, there was not anyone who paid attention to [it] and gave it [any] credibility.

Furthermore, since Tibet was perceived as a constituent of China, the independent Tibetan state has no choice but to remain under the rule of communist China at present. As all people, high and low, monks and laymen from Kham and Tibet did not foresee [the danger], they have all suffered from being fooled by the deceitful words of Chinese communist demons in the 17-Point Agreement, which is like a razor with smeared honey and a hat made of wet leather. As for now, look at the real experience of suffering in the human realm from

¹³⁰² Tib. *rang re’s sgo ’gram la*.

¹³⁰³ Tib. *hi ma la ya’i ri bsul du chags pa’i mi rigs grangs nyung rnams kyi bde skyid la shar phyogs srin dmar gyis za sems la dwogs zon*.

committing a suicide with the razor, from squeezing one's own head by the hat made of wet leather, and from other hardships.

Similarly, now Chinese communists will be telling pleasant demonic lies to the small states and peoples [located] between India and Tibet. It will be very good if [you] stay very cautious regarding that and do not get fooled. Otherwise, [you] will [also] inevitably [experience] what [you] see and hear [now] about the situation in China and Tibet.

With the 17-Point Agreement

Having been fooled, the entire Tibetan nation has been annihilated.

With the Five Principles of Peaceful Coexistence

Having been fooled, India has been put in an uneasy position.¹³⁰⁴

In the article, Tharchin discusses the conspiracy theory of the “Five Fingers,” which are assumed to be of critical importance to India and which are, in his opinion, going to be seized¹³⁰⁵ by the PRC in order to undermine the “strength”¹³⁰⁶ of India. The conception of the foreign policy theory called “The Five Fingers of Tibet”¹³⁰⁷ is attributed to Mao Zedong,¹³⁰⁸ but no official information has been found to confirm that. According to the theory, the leader of the PRC held Tibet as a “palm” and the territories of Nepal, Bhutan, Sikkim, Ladakh, and present-day Arunachal Pradesh as the five “fingers” of this palm.¹³⁰⁹ After the incorporation of Tibet into the PRC in 1951, Chinese communists allegedly sought to create a buffer zone on the Sino–Indian border which the so-called “five fingers” were to form.¹³¹⁰ By promoting the “Five Fingers of Tibet” theory, Tharchin, first and foremost, tries to antagonize India against the PRC, but—parallel to it—he also provocatively urges Sikkim, Nepal, and Bhutan to “stay very cautious” and “not get fooled”¹³¹¹ by the promises of the Chinese.

¹³⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

¹³⁰⁵ Tib. *rgya gar gyi byang phyogs su lag sor lta bu 'i sa gnas 'gag rtsa che ba nub stod la dwags dang smad shar a sam khul dang / bar du khyim mtshes rgyal khab bal yul dang 'bras 'brug khag la [...] za sems dbang gnon byed phyir dmar po 'i srid byus spel thabs dang / rgya gar nas tha dad du 'phral thabs byed kyi yod pa red.*

¹³⁰⁶ Tib. *rgya gar gyi stobs shugs la gnod thabs byed kyi yod pa red.*

¹³⁰⁷ Chin. 西藏的五指.

¹³⁰⁸ In particular, this hypothesis has been promoted by Teshu Singh from the Institute of Peace and Conflict Studies in India, however, she does not cite her source of information (Singh Teshu 2013: 1).

¹³⁰⁹ Singh Teshu 2013: 1. The professor of the US Nawal War College Paul J. Smith argues that the author of the “five fingers” metaphor was the British journalist Desmond Doig, who published an article entitled “India to Protect Border States” in *The Washington Post* in August 26, 1959 (Smith P.J. 2013: 27, 34). It is interesting that the publications on the “Five Fingers” theory by both Teshu Singh and Paul J. Smith came out in 2013.

¹³¹⁰ Teshu Singh 2013: 1; Smith P.J. 2013: 27.

¹³¹¹ Tib. *de la dwags zon chen po ghang zhing / dbu ma 'khor na ha cang yag po red.*

The editor uses the invective label of “demons”¹³¹² for Chinese communists, and, in this article, literally alienates them from “the human realm,”¹³¹³ where representatives of the PRC cause only “the real experience of suffering.”¹³¹⁴ To characterize the policy of “communist demons,” Tharchin introduces graphic similes (the 17-Point Agreement is “like a razor with smeared honey and a hat made of wet leather;”¹³¹⁵ to “harm” India so that it is “like [...] a palm without fingers which is left without any strength”¹³¹⁶), metaphors (owing to the fault of “demons,” Tibetans suffer from “committing a suicide with the razor [smeared with honey]”¹³¹⁷ and “squeezing” of their heads “by the hat made of wet leather”¹³¹⁸ that starts to dry up), and epithets (“feigned love,”¹³¹⁹ “pleasant demonic lies”¹³²⁰). At the same time, the editor repeats four times that Tibet was and still is an “independent state”: “earlier, there was an independent Tibetan Religious State between India and China,”¹³²¹ “the independent Tibetan state stood like a border guard,”¹³²² “the independent Tibetan government submitted a petition,”¹³²³ “the independent Tibetan state has no choice but [...]”¹³²⁴

Concluding the article with four seven-syllable lines, Tharchin resorts to a hyperbole to declare the destruction of “the entire Tibetan nation”¹³²⁵ and uses syntactic and lexical parallelism to liken the Five Principles of Peaceful Coexistence (also known as the Panchsheel,¹³²⁶ adopted by India and the PRC in 1954 in the Preamble to the Sino–Indian Agreement on Trade and Intercourse between Tibet Region of China and India¹³²⁷) to the 17-Point Agreement, in which Tibet officially

¹³¹² Tib. *srin mo*; Tib. *srin dmar*.

¹³¹³ Tib. *mi yul*.

¹³¹⁴ Tib. *sdug bsngal* [...] *dngos myang ji byung la gzigs*.

¹³¹⁵ Tib. *sbrang rtsi byugs pa 'i spu gri dang klo rlon zhwa mo dang 'dra ba 'i gros mthun don mtshan 17pa*.

¹³¹⁶ Tib. *sor mo med pa 'i lag mthil la nus shugs gang yang bral ba ltar rgya gar* [...] *la gnod*.

¹³¹⁷ Tib. *spu gris rang srog bead*.

¹³¹⁸ Tib. *ko rlon zha mos rang mgo btsir*.

¹³¹⁹ Tib. *bcos ma 'i brtse ba*.

¹³²⁰ Tib. *rgya dmar srin mo 'i g.yo gtam snyan po*.

¹³²¹ Tib. *sngon du rgya gar dang rgya nag gnyis kyi bar la bod chos ldan rang btsan rgyal khab yod*.

¹³²² Tib. *bod rang dbang rgyal khab kyi* [...] *sa srung ba lta bur gnas yod pa red*.

¹³²³ Tib. *bod rang btsan gzhung gis* [...] *snyan gseng zhus*.

¹³²⁴ Tib. *rang btsan bod rgyal khab de yang da cha rgya dmar btsan 'og tu mi tshud ka med byung ba red*.

¹³²⁵ Tib. *bod rigs thams cad phung*.

¹³²⁶ Hin. पंचशील.

¹³²⁷ Tikhvinskiy 2017: 570.

recognized itself as part of the PRC in 1951. The editor tries to convince India that it was deceived by China in 1954 and thereby seeks causing tension in Sino-Indian relations.

Who else, in Tharchin's opinion, was among the "friends" of Tibet? As it was already mentioned, in the 1950s and 1960s, representatives of the Kuomintang—unlike Chinese communists—were described in *The Tibet Mirror* not as "enemies" of Tibet, but rather as allies of Tibetans. Tharchin referred to the Kuomintang as the "true" or "genuine" Chinese government¹³²⁸ and, most importantly, claimed that the Kuomintang government would grant Tibet independence if it gained control over mainland China again.¹³²⁹ In Chinese news in the 1950s and 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* advocated for the return of the Kuomintang to mainland China and predicted Chiang Kai-shek's success in confronting the CCP.¹³³⁰

Tharchin repeatedly placed news about the Kuomintang alongside news from Tibet. For example, on the front page of *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10 dated January 1954, the editor publishes amidst news about the Kuomintang—a letter from Tibet, the author of which criticizes the policy of the PRC and the "liberation" of Tibet by the PLA.¹³³¹ Directly above this letter, Tharchin places the news that the Kuomintang government is about to attack the Chinese Communist Party. Immediately after the letter from Tibet, the editor shares the news that the government of the United States is currently assisting the Kuomintang with arms and that the Kuomintang troops will very soon be seen entering mainland China.¹³³²

In the 1950s and 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* portrayed the Kuomintang as a valuable ally for resolving the Tibet Question not only because any "enemy" of the PRC automatically became a "friend" of defenders of Tibetan independence, but because, in Tharchin's interpretation, the alliance with the Kuomintang was virtually equivalent to the alliance with the United States of

---

¹³²⁸ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2 or *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 7.

¹³²⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

¹³³⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

¹³³¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

¹³³² *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954: 1.

America. The editor recurrently emphasized that the Kuomintang enjoyed a broad support of the United States, therefore, a potential coalition of these two governments left the PRC with no chance for winning. For example, in Vol.XXII No.5 dated September 1954, under the title “Exaggeration regarding the Liberation of Formosa or Taiwan,”¹³³³ Tharchin demonstrates that any threats to Taiwan’s security made by the government of the PRC would meet an equally strong response from the government of the United States:

The Beijing radio recently announced: “Soon, we will certainly liberate the island of Formosa. No foreign state is allowed to interfere at the time. If anyone does so [i.e., interferes], he will get into trouble.”

The American President replied something like that: “The 7th Marine Regiment [of the United States] will certainly defend the island of Formosa.”

When I look at such statements, I clearly see that if the [Chinese] Communist Party invades the island of Formosa, the United States will provide support to Chiang Kai-shek. Given the circumstances, would not the conflagration of the Third World War get ignited at Formosa, as a result of which soldiers and communist fire would destroy themselves and others?¹³³⁴

With the help of a lexical repetition of “certainly,” Tharchin presents his version (“replied something like that”¹³³⁵) of a symmetrical response of the USA to the statement of the PRC on the impending liberation of Taiwan. The editor shows that there will inevitably come an equal resistance to the Chinese communist aggression: the PRC “will certainly liberate,”¹³³⁶ but the United States “will certainly defend.”¹³³⁷

Immediately following this news on the same page of *The Tibet Mirror*, under the title “Liberation of China,”¹³³⁸ Tharchin reports on the decisive plans of the Kuomintang leader himself:

The genuine ruler of China Chiang Kai-shek said: “All people of China that are [still] left in the isolated areas will soon be certainly made happy as a result of liberation from the oppression of the followers of communist Russia.”

¹³³³ Tib. *phor mo sa'am da'i wan bcings bkrol gtong rgyu'i 'ur gtan.*

¹³³⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 11.

¹³³⁵ Tib. *de'i lan lta bu.*

¹³³⁶ Tib. *ring ming phor gling bcings bkrol byed nges gtan.*

¹³³⁷ Tib. *phor gling la mtsho dmag ang bdun pas bsrung skyobs byed nges gtan yin.*

¹³³⁸ Tib. *rgya nag bcings dkrol.*

Not only did he [Chiang Kai-shek] say that, [but] he said that Tibetan Buddhism, which is being forcefully harmed by [the spread of] atheism in the religious region, will also be liberated. It is said that even a program, according to which Tibet will be left independent in the future, was settled.

In any case, even though both sides claim that they will liberate each other, at present, one can only wonder who will set whom free. If [the Kuomintang] does not liberate [Tibet], then the Third World War will liberate [it].¹³³⁹

While Chinese communists in Tharchin's narrative only oppress the people of China and forcibly harm Tibetan Buddhism, the leader of the Kuomintang Chiang Kai-shek, who is identified as "the genuine ruler of China,"¹³⁴⁰ uses the same lexeme "certainly," similar to the leading characters from the previous news report on the same page, to make a promise to bring a liberation and happiness to all the oppressed: "All the people of China [...] will soon be certainly made happy as a result of liberation from the oppression of the followers of communist Russia."¹³⁴¹ At the same time, according to the editor of *The Tibet Mirror*, the Kuomintang leader guarantees Tibet not only its liberation, but independence.¹³⁴² Moreover, Tharchin complements the image of the Kuomintang government with an important touch of patronizing attitude towards the Tibetan religion ("Tibetan Buddhism [...] will also be liberated"¹³⁴³) and thereby once again stresses the fundamental difference between the Kuomintang and Chinese communists, the "enemies of the Buddhist teaching."

Throughout the 1950s and 1960s, the editor repeatedly published articles intended to imbue his readers with a sense of trust in the benevolent intentions of the Kuomintang. In Tharchin's rendering, the Kuomintang government fully supported anti-communist uprisings in Tibet and even planned to provide some help to Tibetan-speaking peoples. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated July–August 1958, the editor publishes the following news:

¹³³⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 11.

¹³⁴⁰ Tib. *rgya gzhung ngo ma 'i spyi khyab cang kai shag*.

¹³⁴¹ Tib. *bisan dbang nas rgya nag yongs kyi mi dmangs mya ngam thang lus rnam la bcings bkrol thog bde la 'god rgyu nges gtan yin*.

¹³⁴² Tib. *slad phyin bod rang dbang rang bisan du 'jog rgyu 'i rtsa 'dzin sogs kyang gtan la phab bsgrubs*.

¹³⁴³ Tib. *bod chos chos ldan ljongs la chos min gyis bisan gnod byas pa 'ang bkrol*.

According to the rough translation of a report from a Chinese newspaper [published] in Calcutta, the Mongolian and Tibetan Affairs Commission in Formosa stated:

“[We] are very pleased that at present, the people in the Tibetan region of Kham, having gathered their own army, are organizing a major uprising against communist China in order to protect their religious system and independence. The situation with their needs, goals, etc. will be analyzed in detail, and in the future, the Mongolian and Tibetan Affairs Commission plans to provide relevant large-scale assistance. By relocating a large number of Chinese people to Tibet, communist China has been thus employing numerous strategies to destroy the Tibetan nation. Tibetans certainly need to be cautious of this.”¹³⁴⁴

A vivid interest of the Kuomintang to the Tibet Question is expressed in their utter “pleasure”¹³⁴⁵ caused by the anti-communist endeavors of the Tibetan-speaking population that rebelled in the name of Tibetan independence and Buddhist religion. The Kuomintang’s sympathy to Tibet is also expressed in their concern for the migration policy pursued by the Chinese communist government, which, according to the Kuomintang officials just as it was according to the publications written by Tharchin himself, aims to “destroy the Tibetan nation.”¹³⁴⁶ Besides, the image of the Kuomintang in *The Tibet Mirror* differs fundamentally from that of Chinese communists also because, instead of claiming its right to the territory of Tibet, the Kuomintang promises “to provide large-scale assistance”¹³⁴⁷ to defenders of the independence of Tibet.

After March 1959, Tharchin covered in his newspaper the Kuomintang’s assistance to Tibetan-speaking immigrants. For instance, in *The Tibet Mirror* issue dated November–December 1959, under the title “Head of the Kuomintang Mongolian and Tibetan Affairs Commission Li Yongxin¹³⁴⁸ Said [the Following] at the Meeting,”¹³⁴⁹ the editor published an excerpt of a “rough translation”¹³⁵⁰ of the official’s speech on behalf of the Kuomintang government:

¹³⁴⁴ *The Tibet Mirror* Vol. XXV No. 3–4, July–August 1958: 12.

¹³⁴⁵ Tib. *deng dus khams bod khul du rang gi chos lugs dang rang dbang bsrung ched* [...] *rgya dmar la ngo rgoi chen po byed kyi yod 'dug pa de la ha cang dga' spro chen po byung.*

¹³⁴⁶ Tib. *rgya dmar nas rgya yi mi dmangs mang po bod du biang nas bod kyi mi rigs med pa byed pa'i thabs byus mang po byed kyi yod pa red.*

¹³⁴⁷ Tib. *gang la gang 'os kyi rogs ram rgya chen po byed rtsis yin.*

¹³⁴⁸ Chin. 李永新; 1901–1972.

¹³⁴⁹ Tib. *go min tang gi bod sog las khungs kyi dpon po rlis yun shing nas tshogs 'dur gsungs par.*

¹³⁵⁰ Tib. *rags bsgyur.*

“After the uprising in Lhasa in March 1959, there are more than 25,000 Tibetan monks and laymen who went into flight. The government of Taiwan needs to find a way to accommodate all of them. Apart from that, more than 5,000 of them [Tibetan refugees] sent the [following] petition to the government of Taiwan: ‘Since we will certainly expel Chinese communists, [we] ask for help, support, and assistance.’ Therefore, in order to save Tibetan brothers, the government of Taiwan will find a way to accommodate [them],”—said [Li Yongxin].

Among Taiwan citizens, there are more than 700 people in the government who voluntarily help their Tibetan brothers. Moreover, people who donate money gave more than 800 Taiwanese dollars¹³⁵¹ to the government of Taiwan to help Tibet.

Nowadays, there are all together 466 Tibetans and Mongols among the residents of Taiwan.

The government provides them with help, and their living conditions are very good.¹³⁵²

Li Yongxin’s speech indicates, firstly, that the Kuomintang government has been carefully monitoring the events in Tibet and, secondly, that it is concerned about the fate of Tibetan-speaking refugees. The Head of the Mongolian and Tibetan Affairs Commission repeats twice that the Kuomintang government wants to accommodate Tibetans in Taiwan (“the government of Taiwan needs to find a way to accommodate all of them”¹³⁵³ and “the government”¹³⁵⁴ of Taiwan will find a way to accommodate”¹³⁵⁴ Tibetan refugees) and addresses Tibetans twice as “brothers” (“to save Tibetan brothers”¹³⁵⁵ and “voluntarily help their Tibetan brothers”¹³⁵⁶). In Tharchin’s narrative, the Kuomintang appears as a kind patron who helps even those Tibetans who are not refugees but live permanently in Taiwan (“the government provides them with help, and their living conditions are very good”¹³⁵⁷). The last sentence of the news report carries an implication that if any other Tibetan-speaking emigrants decide to go to Taiwan now, the Kuomintang government will help them as well and provide them with equally “good” living conditions.

¹³⁵¹ Tharchin used the basic term *sgor* which can refer to any currency. Due to the fact that this publication is a translation of a speech of the Kuomintang government official from Taiwan, the Tibetan term *sgor* is translated as “Taiwanese dollars.”

¹³⁵² *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959: 9.

¹³⁵³ Tib. *de tshang ma da'i wan gzhung nas tshur blang thabs byed dgos.*

¹³⁵⁴ Tib. *da'i wan gzhung nas [...] tshur blang thabs byed kyi yin.*

¹³⁵⁵ Tib. *bod rigs spun zla rnams la rogs skyabs slad.*

¹³⁵⁶ Tib. *bod rigs spun zla rnams la dwangs blang rogs ram byed.*

¹³⁵⁷ Tib. *de tshor gzung nas rogs ram gnang zhing 'tsho gos sogs ha cang yag po 'dug.*

To further confirm the Kuomintang's patronizing attitude towards Buddhism, Tharchin featured news on how the Kuomintang government made offerings to Tibetan monks during the Monlam Chenmo celebrations in India. In *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6 dated February–March 1961, on the next page after the report on the offerings made during the Great Prayer Festival by the Tibetan government-in-exile and members of the Chu bzhi sgang drug, the editor published news about a similar pious gesture of the Kuomintang:

I heard the news that recently, during the Lhasa Monlam Chenmo Festival celebration at the Tibetan monastery in Bodhgaya, the Kuomintang government of China respectfully presented each monk with an offering of money, tea, and soup.¹³⁵⁸

In Tharchin's anti-communist discourse, the Kuomintang government occupies an important position of a "friend" of Tibet and the Tibetan-speaking diaspora: the Kuomintang promises to grant independence to Tibet if it wins over the CCP, the Kuomintang supports anti-communist uprisings in Tibet, the Kuomintang followers demonstrate a sympathetic attitude to Tibetans living in Taiwan, and—unlike the representatives of the CCP—express a profound respect for Tibetan Buddhism. However, the official position of the Central Tibetan Administration on Tibetan ties with the Kuomintang is now strikingly different from this "friendship" mode promoted by Tharchin in the 1950s and 1960s.

Tsering Shakya reports that in March 1959, the United States succeeded in persuading Chiang Kai-shek to declare the future prospect of Tibet's self-determination on the condition that the Kuomintang returns to mainland China.¹³⁵⁹ Representatives of the Kuomintang also, indeed, offered financial aid and arms to the Tibetan-speaking insurgents.¹³⁶⁰ However, the possibility of Tibet's self-determination under the Kuomintang's rule did not mean that the Kuomintang government renounced the idea of Chinese suzerainty over Tibet. Moreover, the Japanese scholar Kensaku Okawa contends that since any cooperation with the Kuomintang could have obviously compromised the image of Tibet as being

¹³⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

¹³⁵⁹ Shakya 2000: 231.

¹³⁶⁰ Shakya 2000: 170–172; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

independent from China, the Tibetan government-in-exile has eventually recognized as “betrayers” those Tibetans who cooperated with the Kuomintang government in the 1960s and 1970s, and it is still maintaining such rhetoric in the Tibetan diaspora now.¹³⁶¹

Although the current policy of the Central Tibetan Administration is at odds with the image of the Kuomintang as a “friend” of Tibet reproduced by Tharchin in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, the opinion of Tibetan politicians on the cooperation with the Kuomintang government has not always been negative either. In particular, before the United States began showing a bigger interest in the Tibet Question, the 14th Dalai Lama’s elder brother Rgyal lo Don ’grub, who had formerly studied in China on the terms of full financial support of Chiang Kai-shek, used to speak favorably of both the Kuomintang government and the Kuomintang leader. As per Rgyal lo Don ’grub’s account, Chiang Kai-shek treated him “as a son,” “never said that Tibet had ever been part of China,” and “was also willing for Tibet to remain independent.”¹³⁶² Besides, Rgyal lo Don ’grub was married to a daughter of the leading general in the Kuomintang army who was considered to be a Kuomintang agent in disguise.¹³⁶³ In May 1950, Rgyal lo Don ’grub, having arrived in Taiwan with a passport issued by the Kuomintang government, met with Chiang Kai-shek, who offered him the position of the Head of the Mongolian and Tibetan Affairs Commission.¹³⁶⁴ After 16 months in Taiwan with Chiang Kai-shek’s full financial support, Rgyal lo Don ’grub left for the United States with the same passport issued by the Kuomintang government and a check for 50,000 US dollars from the Kuomintang leader.¹³⁶⁵ It was only after his visit to the United States that Rgyal lo Don ’grub changed his mind on cooperation with the Kuomintang regarding the Tibet Question and, instead, prioritized direct contacts with the United States. In his book *The Noodle Maker of Kalimpong. My Untold Story of the Struggle for Tibet*,¹³⁶⁶

---

¹³⁶¹ Okawa 2007: 607, 599.

¹³⁶² Thondup Gyalo and Thurston 2015: 73–75.

¹³⁶³ Knaus 2003: 64; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 80, 121.

¹³⁶⁴ Shakya 2000: 40; Okawa 2007: 600; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 118.

¹³⁶⁵ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 121, 123.

¹³⁶⁶ The book was published in 2015, co-authored with Anne F. Thurston.

Rgyal lo Don 'grub explains his change of heart by the divergence of goals of fighting against Chinese communists of the Kuomintang and the supporters of Tibetan independence (namely, the return to power in mainland China vs. “the struggle for a free and independent Tibet” without any Chinese troops respectively) and writes that in those years, it seemed to him that “the United States was so great and powerful that it could make almost anything happen.”¹³⁶⁷

In his memoirs, Rgyal lo Don 'grub also confirms that a group of Tibetan immigrants in Kalimpong who had been working on the Tibet Question in India in the 1950s and 1960s (i.e., Gcen mkhan rtsis gsum) “persuaded” Dorje Tharchin to increase the production of *The Tibet Mirror* to once a week.¹³⁶⁸ Given that, the cooperation between Tharchin and Rgyal lo Don 'grub was probably not limited to a one-time contact in regard to the increase in frequency of the newspaper production. The views on the Tibet Question, certain wordings, and specific individuals which Rgyal lo Don 'grub mentioned in his book largely coincide with what Tharchin reproduced in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s.

References to the United States in *The Tibet Mirror* are found not only in the context of the U.S. government’s assistance aimed at transforming Taiwan into an “unsinkable aircraft carrier”¹³⁶⁹ that posed a threat to the CCP. In his newspaper, Tharchin also featured panegyrics acclaiming the splendor of the United States in general. In *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1 dated May 1958,¹³⁷⁰ the editor places symmetrically on the page the titles of two articles. The first title on the left is: “America Is the Good Mother of Asian Countries.”¹³⁷¹ The second title, which is located symmetrically opposite on the right, reads: “Communist China Has Become a Common Enemy of All Asian Countries.”¹³⁷² Whereas Tharchin labeled the People’s Republic of China in *The Tibet Mirror* as a “common enemy” or a “global enemy,” he depicted the United States of America as a “good mother” who provided

¹³⁶⁷ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

¹³⁶⁸ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 149.

¹³⁶⁹ The metaphor is borrowed from Tikhvinskiy 2017: 569.

¹³⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1, May 1958: 6.

¹³⁷¹ Tib. *a mi ri ka ni e she ya'i rgyal khab rnams kyi a ma bzang po zhig yin.*

¹³⁷² Tib. *rgya nag gung bran ni e she ya'i rgyal khab tshang ma'i spyi dgrar longs 'dug.*

financial aid (in this article, it was 399 million US dollars) to various Asian countries (namely South Korea, Japan, Taiwan, the Republic of Vietnam, the Philippines, Thailand, Laos) and thus protected Asia from the “great danger” that Asian countries were certain to be exposed to if they were to “fall into the hands of communists.”¹³⁷³

Suggesting that the USA shares something else—no less important—in common with the “Tibetan Religious State,” Tharchin reproduced the image of the “American Religious State”¹³⁷⁴ in *The Tibet Mirror*. Offering for a visual evidence five photographs of the Mongolian community in the United States and a new Buddhist temple that American citizens built for the Mongols,¹³⁷⁵ the editor highlighted the supportive attitude of the United States towards Buddhism and the potential for the development of friendly relations between the U.S. and Tibet.

The positive image of the United States as a “friend” of Tibet was also built on the basis of the American position on the Tibet Question in their relations with the Kuomintang government. Tharchin demonstrated in *The Tibet Mirror* that the United States had great influence on the government of Chiang Kai-shek and that Americans supported Tibetan independence, therefore, if the Kuomintang returned to mainland China, provided the American support, Tibet was sure to become independent again. For example, in Vol.XXV No.11 dated April 1959, Tharchin publishes “news from Washington”¹³⁷⁶ which indicates that the United States welcome the idea of Tibetan independence:

The Press Secretary of the U.S. government said: “The esteemed leader of the Kuomintang government of China Chiang Kai-shek and his government repeated that since [they] treated with respect the religious and secular autonomous government of Tibet, they would be granting independence [to Tibet]. This fact made us happy.”¹³⁷⁷

In addition to the description of joy of the U.S. government over Taiwan’s decision to grant independence to Tibet, Tharchin covered in his news the supplies of the American humanitarian aid to Tibetan emigrants. In two news reports published

¹³⁷³ Tib. *gal srid* [...] *gung bran gyi lag tu shor na e she ya rgyal khab tshang ma gnas thabs med pa'i nyen kha chen po zhig yod.*

¹³⁷⁴ Tib. *chos ldan rgyal khab a me ri ka* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹³⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1, 2.

¹³⁷⁶ Tib. *wa shing Ton gyi gсар gsal ltar.*

¹³⁷⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3.

immediately after the proclamation of the Tibetan Volunteer Army for Defense of Religion, the title of which was provided in both Tibetan and English¹³⁷⁸, Tharchin, first, claims that the United States is ready to assist in the education of Tibetan youth and the arrangement of a permanent place of residence for Tibetan emigrants, after which in his second report, the editor details the humanitarian aid delivered to Tibetans by the United States in the form of medicinal drugs and vitamins for a total value of 410,000 US dollars.¹³⁷⁹ It is interesting that immediately after the news about the American aid, Tharchin publishes news that Taiwan also provides assistance to Tibetan emigrants and the Tibetan government-in-exile thanks the Kuomintang government for its help.¹³⁸⁰ Given that, among the issues of *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s, there was no mentioning of the CIA assistance to the Tibetan-speaking rebels, for this type of aid, if Tharchin knew about it, was not supposed to be publicized.

While constructing the metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror*, Tharchin not only shaped images of specific countries as “friends” of Tibet, but also elaborated on the need for support of the Tibet Question by the international community. Tharchin discussed in the context of his pro-independence discourse the role of such modern intergovernmental structure as the United Nations. As early as October 1, 1949, when the founding of the PRC was formally proclaimed, in an article entitled “Nepalese Government Attempts to Join the United Nations,”¹³⁸¹ the editor of *The Tibet Mirror* tried to persuade his Tibetan-speaking readers in the importance of membership status in the UN:

According to a recent news report, the Nepalese government has filed a petition to join the United Nations. A rough translation from English of the Nepalese government’s response to the questions of the United Nations is presented below:

“The Nepalese government is an independent state. [We] were able to protect our lands on our own. In addition to the fact that we send our official representatives to foreign countries, [we] are not under the rule of any powerful country. Earlier in 1815, the Gorkha [Kingdom],

¹³⁷⁸ Tib. *bstan srid dmag sgar gyis dril bsgrags*; Eng. *Proclamation Made by the Tibetan Volunteer Army for Defence [sic] of Religion on 19-3-1959*.

¹³⁷⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 15 [i.e. 17].

¹³⁸⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 15 [i.e. 17].

¹³⁸¹ Tib. *gor Sha gzhung 'dzam gling mthun tshogs su tshud thabs*.

or Nepal, was at war with the British, and there was even a peace treaty signed. Also, when [we] attacked China in 1792 and when we fought with Tibet in 1855, at the time when the treaties were concluded, [we] made decisions independently without any third party or an intermediary state. Considering [all the above-mentioned facts] and the fact that [certain] internal adjustments were made [in the country], Nepal is requesting a permission to join the United Nations.

The claim that the property and income of Nepal are controlled by India is not true. Since the Nepalese own resources and goods are comparable to the Indian ones, [we] develop [our] trade relations with foreign countries. In order to be able to defend the territory of Nepal on our own, [we] have well-equipped troops and sufficient weaponry for conducting military operations. There is not a single foreigner in the Nepalese government and military structures. The Nepalese government can even declare a war and order the mobilization of its troops. [The Nepalese government also] has the power to sign a peace treaty on its own.”¹³⁸²

By describing this request of the Nepalese government to join the United Nations, Tharchin displays a list of sample arguments that prove independence of a state and provide sufficient justification for applying for membership in the UN. Later on, in September 1950, the editor of *The Tibet Mirror* mentioned this article on the Nepalese application from October 1949 and provided his readers with an example of his own reasoning for Tibet’s admittance to the UN.¹³⁸³ One can say that ever since the early 1950s, Tharchin had been consistently portraying the UN as another potential “friend” of Tibet, the attention of which Tibetans needed to get for their independence to be officially recognized by the international community.

The editor of *The Tibet Mirror* collected any kinds of evidence of the international community’s sympathetic support for Tibet in its fight against the Chinese communist “aggressor.” For instance, in Vol.XXVI No.12 dated June–July 1960, Tharchin reports that the oppression of Tibet by Chinese communists was recognized by such an authoritative organization as the International Commission of Jurists:

A group of international jurists wrote down in a book the reliable information about the Tibet Question and submitted [it] to the United Nations General Assembly. [They reported that]

¹³⁸² *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949: 5.

¹³⁸³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5. For a full translation of the publication, see the subsection 2.2.2.1. *Constructing the Past*.

communist China had continuously oppressed and was [still] oppressing Tibet. In order to fully exterminate the Buddhist teaching, [Chinese communists] destroyed the protecting stupas and other [religious objects]. By means of “struggle sessions,” [Chinese communists] killed many prominent lamas and *tulku*, etc.¹³⁸⁴

The International Commission of Jurists was established in 1952 to serve as an objective counterbalance to the International Association of Democratic Lawyers which came under the control of the Soviet Union during the Cold War era and was thus perceived as a pro-communist organization. However, the International Commission of Jurists can hardly be called entirely independent and objective either, for the organization was designed as a political tool of the United States to be used in the Cold War and until 1967, it was secretly sponsored by the CIA.¹³⁸⁵ According to Tsering Shakya, the report of the International Commission of Jurists on the situation in Tibet mentioned by Tharchin in his publication was “unashamedly pro-Tibetan.”¹³⁸⁶ But, even though it was obvious that the organization prepared its report on Tibet in the strong anti-communist spirit of the 1950s and 1960s, the conclusion of the International Commission of Jurists still played a significant role in giving publicity to the Tibet Question and further internationalizing it.¹³⁸⁷

The topic of internationalization of the Tibet Question was developed by Tharchin in many other publications. For example, in *The Tibet Mirror* issue dated August–September 1960, under the title “Assembly of States of the World,”¹³⁸⁸ the editor reminds his readers again of the UN and the conclusion of the International Commission of Jurists made in regard to the policy of the PRC in Tibet:

On the 20th of this month [September 1960], in the big American city called “New York,” there is going to be held the [15th] Session of the UN General Assembly. The Tibet Question is to be discussed during this meeting.

A group of international jurists carefully examined the Tibet Question. They presented a book which described in detail the destruction of the true Dharma by communist China and the complete annihilation of Tibetans.

¹³⁸⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 10.

¹³⁸⁵ Tolley 1994: 31; Claude 1994: 576–577.

¹³⁸⁶ Shakya 2000: 223.

¹³⁸⁷ Shakya 2000: 223.

¹³⁸⁸ Tib. *'dzam gling spyi'i rgyal khab tshogs 'du*.

Recently, the Indian government via its operational group¹³⁸⁹ also submitted a petition to the [UN General] Assembly to request support for the Tibet Question.

When last year [1959], the Tibet Question was discussed during [the 14th Session] of the [UN General] Assembly, representatives of the Nepalese government not only did not support their neighbor Tibet, with which [the Nepalese] share a thousand years of mutual love for religion, but, furthermore, even initiated a harmful discussion¹³⁹⁰ [on the Tibet Question]. Therefore, we, Tibetans, became greatly disheartened. If the Nepalese government has understood well what the policy of communist China is like, will not they provide support to the Tibet Question this time?¹³⁹¹

The motion to include the Tibet Question in the agenda of the 15th Session of the UN General Assembly, however, did not gain enough support from the UN member states (49 countries voted for, 13 countries voted against, and 35 countries abstained¹³⁹²), therefore, in 1960, in spite of the conclusion of the International Commission of Jurists on the genocide of Tibetans, neither the independence of Tibet nor the resolution on Tibetan human rights violation in China was passed by the UN.

While instructing the Tibetan-speaking audience on the importance of engaging with the United Nations in the course of struggle for Tibet's independence from China, Tharchin provided his readers with concrete ideas for gaining more international support and successfully presenting the Tibet Question without even any need to argue on the political status of Tibet. In five successive issues of *The Tibet Mirror* published from June to October 1950,¹³⁹³ the editor consistently placed on the very last page an advertisement in English on gramophone records and Tibetan textbooks, however, it is not the goods that attract the attention in this advertisement, but Tharchin's rationale for the current relevance of studying Tibetan:

---

¹³⁸⁹ Tib. *ape ro e she yan tshogs pa*. Unfortunately, it was not possible to establish a precise translation of this term used by Tharchin.

¹³⁹⁰ According to the results of the vote on the UN General Assembly resolution on the Tibet Question that was conducted on October 21, 1959, Nepal abstained from the voting ("Question of Tibet: Resolution / Adopted by the General Assembly 1959" // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/664377?ln=en>. Accessed June 27, 2022).

¹³⁹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 12.

¹³⁹² Shakya 2000: 234.

¹³⁹³ See *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.7, June 1950: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 8; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.11, October 1950: 6.

THE TIBETAN LANGUAGE CAN NOW BE LEARNT AT HOME WITHOUT A
TEACHER¹³⁹⁴

Tibet is now rapidly gaining international fame and importance in world Politics. In fact the great powers of the world are taking more interest in Tibetan affairs. Tibet is not only a land of mystery but also the “MUSEUM” of the world, because it can claim to have preserved the ancient culture, religion and arts of Asia from ruin. The modern world can learn many things good from Tibet. Tibet has preserved vast ancient Sanskrit literature with faithful translation into Tibetan which are missing from India. It is, therefore, high time that India and all the powers of the world should take more interest in studying its religion, culture and various ancient manners and customs apart from its politics. One can learn many things from Tibet for bringing peace to the world. It is, therefore, very important that one should know the language well. This can now be done very easily with the help of a set of Tibetan language gramophone records and text books. The records are prepared by the Govt. of India and the text books by Sir B.J. Gould, C.M.G., C.I.E. the former Political Officer in Sikkim & Mr. H.E. Richardson, O.B.E., I.C.S. the present Officer Incharge of Indian Mission Lhasa, Tibet.

The text books and set of records are now available from THE TIBET MIRROR PRESS, KALIMPONG P.O. (W.Bengal.) India.¹³⁹⁵

Upholding the British colonial tradition of reproducing the mysterious image of Tibet, Tharchin maintains that Tibet is a “land of mystery.”¹³⁹⁶ Parallel to that, the editor outlines the importance of Tibet for world politics and places an even greater emphasis on the cultural heritage of Tibet. Defining Tibet as the “museum” of the world, Tharchin reiterates twice that Tibetans protect the Asian cultural heritage (“preserved the ancient culture, religion and arts of Asia from ruin” and “preserved vast ancient Sanskrit literature”) and that the whole world has a lot to learn from them (“the modern world can learn many things good from Tibet” and “one can learn many things from Tibet for bringing peace to the world”). Thus, Tharchin’s narrative suggests that the endorsement of Tibetan independence is essential for establishing and preserving peace in the whole world.

¹³⁹⁴ Tharchin’s original orthography and syntax are presented in the cited advertisement intact.

¹³⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 6.

¹³⁹⁶ For more information on the image of Tibet constructed by the British colonial officials, see McKay 1995: 189–198.

A. McKay contends that, at the international level, the reproduction of the mystical image of Tibet contributed to the promotion of the idea that Tibet was a separate state.¹³⁹⁷ The mystical image was also supposed to form an impression of Tibet as a cradle of Buddhism and a center of spirituality.¹³⁹⁸ After 1959, counterposing of the image of unique Tibetan culture and the idea of exceptional spirituality of Tibetans to the atheism of Chinese communists was used by the 14th Dalai Lama and the Central Tibetan Administration as a political strategy aimed at internationalizing the Tibet Question and winning sympathy of the international community for the Tibetan cause and the Tibetan diaspora.¹³⁹⁹ In the second half of the 20th century, owing to the efforts of the CTA, the culture of Tibet became so widely known across the world that it has been acknowledged as part of the world's cultural heritage which deserves patronage of the international community.¹⁴⁰⁰ By proclaiming a policy of preserving Tibetan culture in the Tibetan diaspora, the CTA has secured its status of the only legitimate representative of authentic Tibetan culture that supports genuine cultural and religious traditions of Tibetans.¹⁴⁰¹

For another important strategy for internationalizing the Tibet Question in *The Tibet Mirror*, Tharchin suggested the employment of historical parallels. Discussing the situation on the Tibetan Plateau in the broader context of world history and politics, the editor pointed out to the precedents of other countries, which have either recently achieved the international recognition of their independence or received support from the UN in the course of their struggle for independence. Among such publications, one can find, for example, an article about Outer Mongolia which similar to Tibet was part of the Qing Empire but managed to gain its independence owing to the support of the Soviet Union.¹⁴⁰² Perhaps, for the same purpose Tharchin

---

¹³⁹⁷ McKay 1995: 193.

¹³⁹⁸ McKay 1995: 193–194.

¹³⁹⁹ Brox 2006: 93.

¹⁴⁰⁰ Brox 2006: 93

¹⁴⁰¹ Brox 2006: 89

¹⁴⁰² *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 6.

repeatedly published on the front page of *The Tibet Mirror* colorful materials on the independence of India.¹⁴⁰³

Besides, placing the Tibet Question in the context of world politics, Tharchin drew an analogy between the situation in eastern Tibet under the rule of the PRC and the Soviet–Yugoslav confrontation in 1948–1953. In this regard, in Vol.XXI No.4 dated July 1953, Tharchin appealed to the people of Kham to rise up “like Tito”:

Brothers residing in the Tibetan region of Kham! Due to the need conditioned by the current circumstances, you are [all] brothers [to each other]. Although it is probably impossible to disobey the orders of the Other [Chinese communists], rise up in the near future for the independence like Tito!

The Tito[ists] residing in the Tibetan region of Kham! In order for your motherland to remain an independent state forever, [you,] being creative, enthusiastic, and very brave, rise up in the near future for the independence like Tito!

I, the old man, know that there are many Tito[ists] in the Tibetan region of Kham. Enthusiastic and very brave Tito[ists]! Rise up in the near future for the independence like Tito!¹⁴⁰⁴

Using an epiphora, Tharchin repeats three times his call for an uprising against “the Other”¹⁴⁰⁵ in eastern Tibet in the name of “independence” of the entire Tibetan “motherland”:¹⁴⁰⁶ “Rise up in the near future for the independence like Tito!”.¹⁴⁰⁷ The leader of Yugoslavia Josip Broz Tito (1892–1980) is famous for initiating his own independent political and economic program of development of Yugoslavia. As a result of it, in the late 1940s, he ran into a disagreement with the Chairman of the USSR Council of Ministers Joseph Stalin (1878–1953), and Yugoslavia was expelled from the Cominform, while the Soviet Union–Yugoslavia relations were severed.¹⁴⁰⁸ A thaw in the Soviet Union–Yugoslavia relations started only after J. Stalin’s death in March 1953, shortly after which in July 1953, Tharchin published this appeal to the “Tito[ists]”¹⁴⁰⁹ of Kham. By making a reference to the

¹⁴⁰³ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 1. Illustrative materials are presented in the subsection 2.2.5.2. “*Friends*” of Tibet.

¹⁴⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.4, July 1953: 3.

¹⁴⁰⁵ Tib. *gzhan*.

¹⁴⁰⁶ Tib. *rang ljongs rgyal khab rang btsan yun gnas ched*.

¹⁴⁰⁷ Tib. *mi ring Ti To bzhin du sger langgs shog*.

¹⁴⁰⁸ Dvornichenko, Tot, and Khodyakov 2008: 398–399.

¹⁴⁰⁹ Tib. *kham bod khul du bzhugs pa’i Ti To rnams*.

image of the world-famous politician J.B. Tito, Tharchin put on a par Yugoslavia, the independence of which had not been disputed since the Second World War, with Tibet, the independence of which had never been officially recognized. In A.A. Danilova's opinion, historical parallels are instrumental for manipulating the perception of discourse recipients, because by emphasizing the external similarity of two compared objects, the author of discourse "substitutes one phenomenon for another" and introduces—alongside with the historical parallel—a ready set of associations, emotions, and connotations that are relevant to the subject of comparison, but that do not necessarily reflect the reality related to the object of comparison.¹⁴¹⁰

Later on, resorting to historical parallels once again, the editor of *The Tibet Mirror* compared the conflict of the *khams pas* and Chinese communists in eastern Tibet to the suppression of the Hungarian Uprising by Soviet troops in 1956:

According to international law, a powerful state is not allowed to drop bombs from the sky and to fire from its tanks on the ground into any protesters [who stood up] in the name of independence of their state, which is inferior in terms of strength and weapons. It is an illegal evil act that Chinese communists dropped bombs on the barely armed Tibetans who were practicing religion and standing up for the independence [of Tibet]. It is reported that now, due to their fear of a recurrence of uprisings, [Chinese communists] additionally sent a few tanks to Lhasa.

Recently, Russian communists carried out in a similar manner the invasion of Hungary by [bringing in] tanks and [dropping] bombs onto people who stood up for their independence. However, it is reported that the people [of Hungary] continued resisting and fighting with even greater courage.

Recently, Great Britain and France invaded a republican country, and [in response] all states declared that it was unacceptable. However, there is probably not even one who would say "unacceptable" for the sake of our Tibet.

If there is no peace in Tibet, then there will probably be no peace in the whole world.¹⁴¹¹

The Hungarian Uprising began in the fall of 1956 with a demonstration of many thousands of students who demanded among other things—a renegotiation of

---

¹⁴¹⁰ Danilova 2014: 84.

¹⁴¹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

Soviet–Hungarian relations, the withdrawal of Soviet troops from the Hungarian territory, and the establishment of a new government led by Imre Nagy (1896–1958).¹⁴¹² After the peaceful demonstration turned into an armed confrontation, the USSR decided to start a large-scale military operation to overthrow the government of I. Nagy. Many countries condemned the brutality of the Soviet Union’s suppression of the Hungarian Uprising and called for an end to Soviet interference in the internal affairs of Hungary and the withdrawal of Soviet forces from the region, which was officially articulated in several UN resolutions on the Hungarian Uprising adopted in November 1956.¹⁴¹³ Although the Soviet Union did use its tanks and armored personnel carriers to suppress the Hungarian rebels, the aerial bombardment of Hungary reported by Tharchin (“Russian communists carried out in a similar manner the invasion of Hungary by [bringing in] tanks and [dropping] bombs on people who stood up for independence [...]”¹⁴¹⁴) cannot be confirmed. Therefore, merely taking into consideration this single parameter, one cannot objectively identify as equal the two compared situations in Hungary and in eastern Tibet. An even more significant difference is that the 1956 Hungarian Uprising presented by Tharchin to his Tibetan-speaking readers as an ideal of courageous pro-independent spirit (“people continued resisting and fighting with even greater courage”¹⁴¹⁵) took place on the territory of the sovereign Hungarian state which had already been listed as a UN member at the time, unlike the Tibetan state that was not recognized by the international community.

In his publication, Tharchin brought up one more interesting precedent to draw another misleading historical parallel, that is, the Suez Crisis. The Anglo–French–Israeli tripartite aggression against Egypt over the Egyptian nationalization of the Suez Canal in the fall of 1956 resulted in its condemnation by the international

¹⁴¹² Dvornichenko, Tot, and Khodyakov 2008: 410–411.

¹⁴¹³ For the resolutions on Hungary and the voting data, see the website of United Nations Digital Library (“Voting Data: Hungary” // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data&p=hungary&f=&action_search=Search&rm=&ln=en&sf=&so=d&rg=50&c=Voting+Data&c=&of=hb&fti=0&fti=0. Accessed June 27, 2022).

¹⁴¹⁴ Tib. nye ngon hang ge rir u dmar gyis kyang de mshungs de ga’i mi dmangs rang dbang la dga’ ba rnams la sbom char dang Teng+ga gis dpung ’jug byas ’dug.

¹⁴¹⁵ Tib. mi dmangs rnams da dung snying stobs chen pos rgol ’dzings byed mus su yod skad.

community, the exerting of diplomatic pressure on Britain, France, and Israel, and the first ever deployment of the United Nations Emergency Force for securing a cease-fire on the Egyptian-Israeli border.¹⁴¹⁶ Just as it is in the case with the Hungarian Uprising, Tharchin's comparison of the UN intervention in the Suez Crisis is not entirely reasonable in the context of discussion of the suppression of uprisings in eastern Tibet by the PLA, because Egypt had its status of the UN member state since 1945.

The last thing, which is worth commenting on in Tharchin's article, is its prophetic ending. The editor once again declares the importance of Tibet's geopolitical position and tries to convince his readership that the lack of peaceful settlement of the Tibet Question is to lead to the instability in the whole world.¹⁴¹⁷

In *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11 dated April 1959, that is, three years later after the publication cited above and one month after the 1959 Uprising in Lhasa, Tharchin turned again to the precedent of the 1956 Hungarian Uprising to prove that he was not alone in seeing those similarities between the Soviet suppression of Hungarian protesters and the suppression of uprisings in Tibet by the PLA:

According to a news report from March 30, [1959] from the Malay capital of Kuala Lumpur, the government of the Federation of Malaya stated: the attempt of the Chinese communist government to annihilate [protesters] in Tibet [by means of] ruthless oppression is identical to [the case of] the 1956 Hungarian Uprising against the USSR.¹⁴¹⁸

The publications analyzed in this subsection of the dissertation comprise only a small part of discourse examples found in *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s. However, even based on this limited selection of publications, one can see that in the process of construction of the metanarrative of Tibetan independence, Tharchin did not only create vivid images of the Self and the Other, but also built a group of international supporters of Tibet in its struggle against the PRC. Main members of the support group included Great Britain, India, the United States of

¹⁴¹⁶ See the UN General Assembly Resolution 1001 (ES-I) adopted on November 7, 1956 ("Resolution 1001 (ES-I)" // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/208418?ln=en>. Accessed June 27, 2022).

¹⁴¹⁷ Tib. *gal srid bod du bde ba ma byung na / dzam gling yongs su bde ba zhig e yong.*

¹⁴¹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 8.

America, and the Kuomintang government. Contrary to other historical sources, in *The Tibet Mirror*, the Kuomintang resolutely guaranteed that it would grant independence to Tibet. The Kuomintang's policy on Tibet aligned with Tibetan interests and looked markedly different from the policy of the CCP: e.g., the Kuomintang government consistently supported Tibetan Buddhism and took care of Tibetan emigrants. Furthermore, the editor highlighted that the Kuomintang was in close contact with the powerful "mother of Asian countries," that is, the United States.

Tharchin also brought to the attention of his readership such essential aspects of the struggle for independence as the need to internationalize the Tibet Question and the need to engage with modern international organizations, e.g., the United Nations. The editor taught his Tibetan-speaking readers how the Tibet Question should be presented to the international community, which facts and historical parallels should be used for arguing for Tibetan independence, and where to seek support for the Tibet Question.

Tharchin's ideas have definitely been heeded and further developed by policymakers of the Tibetan government-in-exile. To confirm the validity of this statement, one can look into, for example, the 300-page publication entitled "International Resolutions and Recognition of Tibet (1959 to 2004)"¹⁴¹⁹ released by the Department of Information and International Relations of the Central Tibetan Administration in India, in which Tibetan exile officials compiled together all available references to Tibet made during the meetings of the UN General Assembly, International Commission of Jurists, European Parliament, US Congress, Australian Parliament, Bundestag, Italian Parliament, Landtag of Liechtenstein, Belgian Federal Parliament, Hungarian Parliament, and parliaments of other countries, as well as during the 1989 award ceremony of the Norwegian Nobel Committee that granted its Peace Prize to the 14th Dalai Lama. For more examples, one can refer to the CTA's booklet entitled "Tibet Proving Truth from Facts." In their list of evidence

---

¹⁴¹⁹ Lobsang Nyandak Zayul, Kalon. *International Resolutions and Recognition of Tibet (1959 to 2004)*. Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration. Dharamsala, India. n.d.

supporting the claim for Tibetan independence, authors of the booklet name, in particular, Nepal’s “independent diplomatic relations with Tibet” as reported by the Nepalese government in its application for the UN membership.¹⁴²⁰ Moreover, in this booklet, the CTA—just like Tharchin in *The Tibet Mirror*—offers as a proof of recognition of “Tibet’s right to self-determination”—the speech on the Tibet Question delivered by J. Nehru in the Lok Sabha in 1959.¹⁴²¹

2.2.4. Mode of Discourse

The mode of discourse is manifested in the general voice tone of the narrative and the language used by the author of discourse. Although numerous examples of Tharchin’s tools of linguistic manipulation have already been mentioned in the previous subsections of the present dissertation, this subsection recapitulates a kit of linguistic means employed by the editor of *The Tibet Mirror* and discusses in more detail the specific genres that contributed to the construction of the metanarrative of Tibetan independence in the 1950s and 1960s.

2.2.4.1. Lexical Means and Stylistic Devices

The authors of discourse resort to various means of persuasion, including the use of lexical manipulation and playing with connotations of words and concepts, for instance, the notions of “war” vs. “special military operation.” According to N.D. Potapova, such games introduce “a game with a point of view,” with the help of which the author conveys a certain attitude towards the described figure or phenomenon.¹⁴²² As for *The Tibet Mirror*, it was particularly interesting to find a spelling game with the name of Mao Zedong. In the earlier issues (e.g., Vol.XVIII No.1 dated October 1, 1949¹⁴²³ or Vol.XVIII No.5 dated February–March 1950¹⁴²⁴),

¹⁴²⁰ “Nepal not only concluded peace treaties with Tibet and maintained an Ambassador in Lhasa, but also formally stated to the United Nations in 1949, as part of its application for UN membership, that it maintained independent diplomatic relations with Tibet” (Tibet Proving Truth from Facts: 5).

¹⁴²¹ Tibet Proving Truth from Facts: 14.

¹⁴²² Potapova 2015: 143.

¹⁴²³ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949: 3.

¹⁴²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.5, February–March 1950: 7.

Tharchin spelled his name with a combination of syllables *dma' tshe thung*, which literally stand for “low”/“inferior,” “life,” and “short” respectively and which could be interpreted as “the inferior [one] who has a short life.” However, in *The Tibet Mirror* publications from a later period, Mao Zedong’s name was spelled with a different combination of syllables which did not carry any derogative connotations. For instance, in Vol.XIX No.6 dated September 1, 1951—it is *ma'o tshe tung*,¹⁴²⁵ in Vol.XIX No.7 dated October 1, 1951—it is *ma'o rtse tung*,¹⁴²⁶ in Vol.XXI No.5 dated August 1953—it is *ma'o tshe thong*,¹⁴²⁷ in Vol.XXI No.8 dated November 1, 1953—it is *ma'o tse tong*.¹⁴²⁸ Another notable example of the spelling game with Mao Zedong’s name was found in a political cartoon in Vol.XXVII No.12 dated December 1962.¹⁴²⁹ The cartoon depicts the head of Mao Zedong with *dmag tshe ltungs* inscribed on his forehead. The syllables literally mean “military,” “life”/“time,” and “violate the law/rule.” This spelling of Mao Zedong’s name can be thus interpreted as Tharchin’s attempt to label the Chinese communist leader as a “war criminal.”

Tharchin’s attitude towards certain events and people was also expressed in his choice of honorific register of Tibetan vocabulary. There are three registers in the Tibetan language: regular, honorific, and higher honorific forms. The analysis of *The Tibet Mirror* publications from the 1950s and 1960s demonstrates that the editor talked with utmost respect about the 14th Dalai Lama and his family and always used the exceptional honorific language (honorific and higher honorific forms) to refer to them. Moreover, the editor frequently employed different epithets for the 14th Dalai Lama, e.g., “great,”¹⁴³⁰ “great all-knowing and all-seeing,”¹⁴³¹ “surpassing others in his wisdom,”¹⁴³² as well as such longer appositive epithets as “the wish-fulfilling

¹⁴²⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 7.

¹⁴²⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 5.

¹⁴²⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 4.

¹⁴²⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4.

¹⁴²⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

¹⁴³⁰ Tib. *gong sa chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴³¹ Tib. *gong sa thams cad mkyen gzigs chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 4).

¹⁴³² Tib. *gzhan las lhag pa'i mkhyen rtogs gsal po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

jewel,”¹⁴³³ “the great lord and universal jewel of all living beings of Tibet,”¹⁴³⁴ “the unsurpassed protector and defender of all living beings, including the deities, the venerable great all-knowing and all-seeing guardian and victorious lord,”¹⁴³⁵ etc. As for the 13th Dalai Lama, Tharchin also added elegant epithets next to his name, for instance, “the great 13th reincarnation of the victorious lord unrivaled in [his] kindness.”¹⁴³⁶

Another means of expressing Tharchin’s attitude to the figure described was the use (or absence) of the function word *mchog* (lit. “the best of one’s kind”) after the name of the person, which in most cited translations in the present dissertation was rendered as “venerable,” “esteemed,” “distinguished,” or “honorable.” The results of the analysis of *The Tibet Mirror* reveal that the function word *mchog* had almost never been used after Mao Zedong’s name. The only exception found in Tharchin’s publications from 1949 to 1963 is a petition to Mao Zedong published in *The Tibet Mirror* in January 1955 on behalf of the Tibetan community in India, members of which appealed for arranging favorable conditions for a swift return of the 14th Dalai Lama to Tibet from his trip to China.¹⁴³⁷ Another example of the absence of the lexeme *mchog* was identified in a news report from Vol.XIX No.5 dated August 1951 on the Chinese military commander Zhang Jingwu who visited India.¹⁴³⁸ However, it should be added that in the next issue of *The Tibet Mirror* dated September 1951, the editor nevertheless put *mchog* next to the name of Zhang Jingwu.¹⁴³⁹

At the same time, the names of high-ranking Tibetan, Indian, British, and American individuals were usually accompanied by the lexeme *mchog*: e.g., “the

¹⁴³³ Tib. *gong sa yid bzhin nor bu* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 9; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 4).

¹⁴³⁴ Tib. *bod ljongs skye bo yongs kyi spyi nor gong sa skyobs mgon chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 2).

¹⁴³⁵ Tib. *lha dang bcas pa'i 'gro ba yongs kyi mgon skyabs dang dpung gnyen mtshungs zla mi mchis pa gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3).

¹⁴³⁶ Tib. *bka' drin zla med rgyal dbang sku 'phreng bcu gsum pa chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.9, September 1954: 3).

¹⁴³⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3.

¹⁴³⁸ Tib. *rgya dpon sku tshab krang cing u* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 5).

¹⁴³⁹ Tib. *rgya'i sku tshab krang cing u'u mchog rgya dpon krang cing mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 5).

four venerable *bka' blons* [ministers] of the Bka' shag of the great Tibetan government,"¹⁴⁴⁰ "arrested the venerable all-seeing Panchen-Rinpoche,"¹⁴⁴¹ "the esteemed Prime Minister [J.] Nehru,"¹⁴⁴² "the esteemed government of Sikkim,"¹⁴⁴³ "the honorable Mrs. Phun khang of the [11th] Dalai Lama's family,"¹⁴⁴⁴ "the son of the distinguished Sikkimese official 'Bar thing,"¹⁴⁴⁵ "the honorable Queen Elizabeth [II] of the English government,"¹⁴⁴⁶ "the distinguished [Political] Officer [in Sikkim] Sir Charles Bell,"¹⁴⁴⁷ "the honorable Prime Minister [of Great Britain Maurice Harold] Macmillan,"¹⁴⁴⁸ "the honorable great President [of the United States Dwight David Eisenhower]." ¹⁴⁴⁹

Besides, Tharchin used the lexeme *mchog* to refer to Chiang Kai-shek: e.g., "the esteemed Chairman of the Chinese Kuomintang government Chiang Kai-shek."¹⁴⁵⁰ It is interesting that the editor also employed *mchog* for such a controversial figure as the Chinese Lieutenant General Ma Bufang.¹⁴⁵¹ In July–August 1958, Tharchin published a photograph with a brief caption saying that "the esteemed great Ma Bufang"¹⁴⁵² had been appointed as the representative of the Kuomintang government in Saudi Arabia.¹⁴⁵³ Many people in eastern Tibet associated Ma Bufang with the annexation of northeastern Amdo to Qinghai Province of China and the repressions there.¹⁴⁵⁴ In order to subjugate the local Tibetan-speaking population in the 1930s and 1940s, Ma Bufang organized a series of punitive campaigns and destroyed several Buddhist monasteries in the region.¹⁴⁵⁵

¹⁴⁴⁰ Tib. *bod gzhung chen po'i bka' shag bka' blon lhan rgyas rnam bzhi mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 5).

¹⁴⁴¹ Tib. *kun gzigs paN chen rin po che mchog la rgya dmar gyis do dam byas skad* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁴⁴² Tib. *srid blon neh ru mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 2).

¹⁴⁴³ Tib. *'bras gzhung mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴⁴⁴ Tib. *yab gzhi phun khang lha lcam mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴⁴⁵ Tib. *'bras blon 'bar thing mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴⁴⁶ Tib. *dbyin gzhung btsun mo i li sa bed mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁴⁴⁷ Tib. *sar cal 'bel blon mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 8).

¹⁴⁴⁸ Tib. *srid blon meg mi lon mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁴⁴⁹ Tib. *spyi khyab chen po mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁴⁵⁰ Tib. *rgya gzhung ko min tang gzhung gi srid skyong cang ki shag mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.11, April 1959: 3).

¹⁴⁵¹ Chin. 马步芳; 1903–1975.

¹⁴⁵² Tib. *zi ling zhing chen gyi dpon po ma bu phang chen po mchog*.

¹⁴⁵³ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 11.

¹⁴⁵⁴ Powers and Templeman 2012: 51.

¹⁴⁵⁵ Lin 2006: 113; Bulag 2002: 54.

Among other things, Ma Bufang became famous for forcing the Tibetan government to pay a large sum of money to allow the little 14th Dalai Lama to travel for the enthronement ceremony in Lhasa in 1939 through the territories under his control in Amdo.¹⁴⁵⁶ None of this, however, stopped Tharchin from respectfully addressing Ma Bufang in his news report in *The Tibet Mirror* in the late 1950s.

For another form of lexical refraction through a prism of the metanarrative of Tibetan independence, one can explore the attempts of the editor of *The Tibet Mirror* to interpret the key term of the 1950s—that is, “liberation.” For example, in Vol. XIX No.7 dated October 1, 1951, Tharchin presents a short publication entitled the “Liberation.”¹⁴⁵⁷ At first glance, one may think that the editor is explicating the terminology in general, but, provided the context, it is clear that he refers his discourse recipients to the preconstruction of the “peaceful liberation” of Tibet by the PLA:

Now, many people ask what the meaning is of the so-called “liberation,” and many people discuss this [topic]. I will present here a brief plain and simple interpretation of the meaning [of the term “liberation”]:

1. *Bcings* is the past tense form of the verb *'ching* “to tie,” which means tying or restraining [somebody or something] with a rope. For instance, a powerful aggressor tied the limbs of someone weak and powerless with a rope or shackles. Or, [for example], a cruel hunter hunted down with a lasso and encaged animals that were carelessly living in the wilderness before—gazelles and [such] predators [as] tigers, lions, etc.—and [at present, these animals] have to live begging for [their] food from the hunter. Or, an aggressor-state which has political power, money, and military might and which has its [own] distinct people and its [own] distinct language, hid its peaceful and military strategies and subjugated a weak but independent state.
2. *Bkrol* is the past tense form of the verb *'grol* “to untie”/“to set free.” It means that somebody who possesses the power and righteous intentions protects and helps those that were tied, caught with a lasso, or subjugated with military and peaceful strategies, as in the above-mentioned example [with the verb *'ching* “to tie”], and [from now on] they can live on their own in freedom and independence [as they did] earlier.

¹⁴⁵⁶ Powers and Templeman 2012: 333; Goldstein 1992: 320–324.

¹⁴⁵⁷ Tib. *bcings bkrol*.

This is a brief [explanation] of the meaning of the term “liberation.”¹⁴⁵⁸

Taking into consideration Tharchin’s discourse on the “peaceful liberation” of Tibet described in the subsection 2.2.3.2. *Constructing the Present*, one can conclude that via this seemingly abstract explication of the term “liberation” the editor once again allegorically restates that the “weak but independent state”¹⁴⁵⁹ of Tibet had not been subjugated by anyone until the PLA came to “liberate” it in 1950. In the second part of his publication, Tharchin implies that even if Tibet needed to be “liberated,” as it was claimed by the Chinese communist government, then, after a genuine “liberation,” Tibet would have been “untied” or “set free”¹⁴⁶⁰ from the “rope or shackles,”¹⁴⁶¹ however, this was not the case, for Tibetans were not allowed “to live on their own in freedom and independence as [they did] earlier.”¹⁴⁶²

Tharchin’s lexical manipulation is also evident, for example, in *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8 dated November 1953, where the editor spreads discrediting rumors about Chinese communists under the title “News that There Are No Happy and Content [People] in Skyid mgu mdo”¹⁴⁶³:

After communist China placed under arrest two soldiers in the area of Skyid mdo, one of them was forced to dig a hole in the ground. Then, [Chinese communists] suddenly started firing at [them] and [they] almost died. After that, while they were not yet dead, [Chinese communists] threw them into a hole [that was dug] in the ground and scattered hot embers on the top of [them]. Then, [Chinese communists] are reported to have scattered soil [on the top] and, while [the soldiers] were not yet dead, buried [them] alive. When it is investigated whether it is true, [everyone] will know [about this fact].

Nowadays, there is not a single [person] anywhere in the world who could create a real hell with such evil laws. Will not the executors of such evil laws suffer from the savagery of the harm that they inflict upon others, while being [guided] by their blind faith?

Oh how sad, oh how sad! Compassion, compassion. Be careful, be careful! They eat *rtsam pa*, they wear *phyu pa*. Tibetan people. Tibetan people.¹⁴⁶⁴

¹⁴⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951: 2.

¹⁴⁵⁹ Tib. *rang btsan rgyal khab stobs zhan zhig*.

¹⁴⁶⁰ Tib. *bkrol*.

¹⁴⁶¹ Tib. *thag pa'am lcags sgrog*.

¹⁴⁶² Tib. *sngar mus ltar rang gnas rang dgar gnas thub*.

¹⁴⁶³ Tib. *skyid mgu mdo la skyid po dang mgu po'i med pa'i gnas tshul*.

¹⁴⁶⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

Tharchin's lexical game with the title of the article is built on the placement of the Skye dgu mdo (Tib. *skye dgu mdo*)¹⁴⁶⁵ toponym next to the Tibetan words “happy” (Tib. *skyid po*) and “content” (Tib. *mgu po*) which are spelled slightly differently from the syllables comprising the name of the area, but which have a very similar pronunciation. Having changed the first two syllables of the original name of the town (*skye* is replaced with a similarly pronounced *skyid* from the above-mentioned adjective “happy” and *dgu* is substituted with *mgu* of the adjective “content”), the editor created a witty punning combination of syllables with a “happy” connotation for the alternative spelling of *skye dgu mdo* as *skyid mgu mdo*. Explaining why there are “no happy and content” people in Skye dgu mdo, Tharchin portrays Chinese communists in a terrifying image of cruel killers who have created the unprecedented “real hell [on Earth] with [...] evil laws”¹⁴⁶⁶ and who, being guided by the “blind faith,” demonstrate their “savagery” towards human beings.¹⁴⁶⁷

Moving on to the next level of analysis of the mode of discourse, one cannot help admiring the variety of tropes and figures of speech with which Tharchin embellished his publications in *The Tibet Mirror*. The American historian H. White insists that researchers must study the tropological dimension of historical discourse, because then they can distinguish why a particular discourse has its “meaning” in spite of the factual inaccuracies and logical contradictions that it may contain.¹⁴⁶⁸ By being instrumental in creating images of objects that are no longer perceptible and endowing them with an aura of “reality,” figurative language helps fitting these objects more appropriately into the techniques of explanation and interpretation chosen by the historian.¹⁴⁶⁹

Browsing through *The Tibet Mirror* materials on Tibet or China, one can get an impression that Tharchin was certainly fond of rather poetical news descriptions and frequently made use of epithets. *The Tibet Mirror* reads articles about an “evil

¹⁴⁶⁵ In the past, Skye dgu mdo or Skye dgu was an important trading center in eastern Tibet, now, it is the administrative center of Yushu Tibetan Autonomous Prefecture of Qinghai Province.

¹⁴⁶⁶ Tib. *deng dus 'dzam gling gang du 'ang 'di lta bu 'i khrims ngan dmyal ba dngos las thub gtong mkhan yod pa na red.*

¹⁴⁶⁷ Tib. *'di 'dra 'i khrims ngan gtong mkhan de tsho 'tsho ba chos su smra ba 'i kla klo.*

¹⁴⁶⁸ White 2002: 8.

¹⁴⁶⁹ White 2002: 9.

strategy,”¹⁴⁷⁰ “brutal tortures,”¹⁴⁷¹ and “unbearable evil acts of Chinese communists,” “the retribution for which [will be] great and indescribable.”¹⁴⁷² Whereas, in response to the communist aggressor, the people of Tibet uttered “fervent prayers”¹⁴⁷³ for their salvation from the “enemies of the Buddhist teaching,” participated in “powerful uprisings that were voluntarily started by the brave *kham* *pas* in Tibet,”¹⁴⁷⁴ and engaged in “intense fighting”¹⁴⁷⁵ for Tibetan independence.¹⁴⁷⁶

Similes constitute another popular essential of Tharchin’s articles on Tibet and China. For example, in *The Tibet Mirror* Vol. 25 No.9–10 dated February–March 1959, Tharchin created a vivid imagery of the guerrilla movement in Tibet by claiming that Tibetan uprisings spread everywhere “like summer flood”¹⁴⁷⁷ and that “clever and brave” Tibetans were expected to be “able to gain a clean fine victory soon which [would] be like a sun without clouds.”¹⁴⁷⁸ The editor further emotionally described guerrilla soldiers who “abandoned their fields, property, families, friends, food, and homes as if they casted a stone of the Changtang Plateau”¹⁴⁷⁹ and “like wild animals relied on the mountains and forests as a place of residence,”¹⁴⁸⁰ who ensnared troops of the PLA “as a cat in a trap”¹⁴⁸¹ and surrounded their Chinese enemies “as a wall,” or literally “as the iron mountains.”¹⁴⁸² It should be mentioned that the last simile that draws a comparison with the “iron mountains” sounds especially relevant to Buddhist readers, for it

¹⁴⁷⁰ Tib. *byus ngan* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴⁷¹ Tib. *mnar gcod drag po* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: suppl.1).

¹⁴⁷² Tib. *mi bzod pa'i bya ngan 'tshab che brjod kyi mi lang ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁴⁷³ Tib. *smon lam btsan po* (*The Tibet Mirror* Vol.26 No.1, June 1959: 4–5).

¹⁴⁷⁴ Tib. *bod du khams rigs dpa' ngar nmams kyi rgya dmar la rang rang dang len gyis ngo rgol shugs chen byed pa de dag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁴⁷⁵ Tib. *'thab 'dzing shugs chen* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 5).

¹⁴⁷⁶ For more examples, see Moskaleva 2016: 257–258.

¹⁴⁷⁷ Tib. *dbyar gyi chu log ltar rgya khyab tu bsnon bzhin pa red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁴⁷⁸ Tib. *mgo grung khog mdzangs kyi ring min nyi ma sprin bral ltar bkra shis bde legs kyi rgyal kha gtsang bzhes* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁴⁷⁹ Tib. *rang btsan lon thabs su sa zhing rgyu nor pha ma bu phrug grogs za thang sogs byang tshang gi sa rdo ltar dor* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁴⁸⁰ Tib. *gcan gzan ri dwags bzhin du sdod gnas ri brag nags tshal sogs la brten* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁴⁸¹ Tib. *byi la rgyar btsud pa ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁴⁸² Tib. *lcags ri ltar mtha' bskor* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

refers them to the Buddhist cosmology and the circle of iron mountains known as Cakravāḍa.¹⁴⁸³

Tharchin also shared in *The Tibet Mirror* that news from Tibet brought him various thoughts “similar to a photograph which makes one’s mind terrified,”¹⁴⁸⁴ that the Chinese communist soldiers gathered in the vicinity of Lhasa “as a pile of pills,”¹⁴⁸⁵ that because of Chinese communists the situation at Bkra shis lhun po Monastery, the residence of the Panchen Lama, was getting increasingly “terrible,” or literally “as if a hat made from the wet skin was drying up.”¹⁴⁸⁶ The latter comparison to “a hat made from the wet skin,”¹⁴⁸⁷ as well as the comparison of the Chinese communist policy in Tibet to “a sharp knife smeared with honey”¹⁴⁸⁸ or “honey on the tip of a sharp knife”¹⁴⁸⁹ repeatedly appeared in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s and apparently were particularly relished by Tharchin.

The British linguist P. Chilton contends that “meaning is not always expressed in explicit form, nor indeed it is always possible to do so.”¹⁴⁹⁰ Tropes and figures of speech are instrumental for provoking an emotional response, creating an emphasis, and inducing the effect of persuasion.¹⁴⁹¹ In comparison to strictly formal factual news reports, figurative metaphorical descriptions present a more efficient way of evoking feelings, inspiring visualization, and stimulating one’s mental representation. Therefore, Tharchin’s abandonment of a strictly official style in favor of ample use of stylistic devices in *The Tibet Mirror* must have appeared more intelligible and memorable for his Tibetan-speaking readers who had a relatively

¹⁴⁸³ See Ostrovskaya and Rudoï 2009: 226.

¹⁴⁸⁴ Tib. *sems nang 'jigs sngangs can gyi par dang 'dra ba'i 'char sgo sna tshogs thon byung* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6).

¹⁴⁸⁵ Tib. *lha sa'i lam mdo'i nye 'gram du rgya dmar gyi dmar nams ril bu spungs pa ltar tshogs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 5, 7).

¹⁴⁸⁶ Tib. *bkras lhun du 'ang rgya dmar gyi ko rlon zha mo phal cher skam bzhin yod tshod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.4).

¹⁴⁸⁷ E.g., see Tib. *ko rlon gyi zhwa ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 4); Tib. *klo rlon zhwa mo dang 'dra ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6).

¹⁴⁸⁸ E.g., see Tib. *sbrang rtsi byugs pa'i spu gri [...] dang 'dra ba* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6).

¹⁴⁸⁹ E.g., see Tib. *spu gri'i rtse mor sbrang rtsi ltar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 3–4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960: 8–9).

¹⁴⁹⁰ Chilton 2004: 61.

¹⁴⁹¹ Brandes 2004: 367.

limited experience in reading secular texts back at the time (or rather listening to these texts while someone read aloud to those who were illiterate).¹⁴⁹²

In terms of discourse analysis, metaphors are considered a deliberate means of persuasion aimed at changing the perception of discourse recipients and imposing a desired metaphorical image upon them.¹⁴⁹³ N.D. Potapova believes that a metaphor in historiography “is always intentionally biased,” because “it carries ideology and specifies one’s guidance for action.”¹⁴⁹⁴ The intent of a metaphor is to “understand and experience” the essence of one kind or sort in “terms of the essence of another kind.”¹⁴⁹⁵ Metaphorical descriptions work by unconscious “mapping well-understood source domains of experience onto more schematic ones.”¹⁴⁹⁶ These mappings are used for arguing about target domains that are being ill understood, unclear or controversial and in order to derive “inferences, which would be otherwise not conceptually available or vague.”¹⁴⁹⁷ By launching a mechanism of associative thinking, metaphors produce a stable poetic image which slows down the process of rational comprehension of an object or phenomenon by the recipient.¹⁴⁹⁸

Among the most memorable metaphorical images created in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, one can name “the [Chinese] Communist Party epidemic”¹⁴⁹⁹ reported by Tharchin on the front page of Vol.XXV No.11 dated April 1959:

In order to liberate from the epidemic caused by the [Chinese] Communist Party that spread among all Tibetans, monks and layman, all people of the high and middle [classes] are now sacrificing their lives. [They] have been searching and will continue searching for a means to put an end to this infectious disease. If the countries that enjoy [their] independence do not help in treating [the disease] now, so that to defeat the epidemic which is flourishing in Tibet, this epidemic will certainly spread even in your countries.¹⁵⁰⁰

---

¹⁴⁹² Moskaleva 2018: 109.

¹⁴⁹³ Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 54.

¹⁴⁹⁴ Potapova 2015: 293.

¹⁴⁹⁵ Lakoff and Johnson 2004: 27.

¹⁴⁹⁶ Chilton 2004: 51–52.

¹⁴⁹⁷ Chilton 2004: 52.

¹⁴⁹⁸ Danilova 2014: 106.

¹⁴⁹⁹ Tib. *gung phran tang gi rims nad*.

¹⁵⁰⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 1.

Employing the source domain of an “epidemic,”¹⁵⁰¹ Tharchin creates a mental representation of a rapidly spreading infectious disease among a large number of people. The editor implicitly imposes upon his readers a feeling of danger and instigates them either to immediately treat the disease or flee in an attempt to escape an exposure to the infection. Tharchin maps the “epidemic” frame onto the CCP and thus sets one’s perception of the communist rule onto the metaphoric image of “infectious disease.” The exacerbation of the potential threat to people’s lives is achieved with the help of nominalization of the process of spreading the disease among Tibetans: “to liberate from the spreading epidemic [caused] by the [Chinese] Communist Party”¹⁵⁰² and “to defeat the epidemic which is actively flourishing in Tibet.”¹⁵⁰³ In this way, the editor manages to portray the metaphor of the communist “epidemic” in Tibet as an entity that lives a life of its own.

The intensification of the phantom threat of “infecting” other countries of the world with communism is achieved through the discourse techniques of magnification of the enemy’s aggression and modeling the alternative future: “If the countries that enjoy [their] independence do not help in treating [the disease] now, so that to defeat the epidemic which is flourishing in Tibet, this epidemic will certainly spread even in your countries.”¹⁵⁰⁴ Tharchin suggests a hypothetical scenario that could occur depending on the steps taken (or not) by foreign readers of *The Tibet Mirror*. Formulated as a warning, the end of this short article implies the need for immediate action against the Chinese Communist Party.

Another thing that should not be spared the attention in this publication is the expression “the countries that enjoy [their] independence.”¹⁵⁰⁵ Establishing a strong association between national independence and a sense of pleasure, Tharchin used this rather poetic expression to refer to major Western countries in several other newspaper articles on the topic of Tibetan independence.¹⁵⁰⁶

---

¹⁵⁰¹ Tib. *rims nad*.

¹⁵⁰² Tib. *bod kyi mi rigs tshang mar gung phran tang gis rims nad khyab pa de las sgröl thabs su*.

¹⁵⁰³ Tib. *bod du dar khyab che ba’i rims nad ’joms thabs su*.

¹⁵⁰⁴ Tib. *rang dbang la dga’ ba’i rgyal khyab rnam kyi grogs ram gyi sman thabs ma gnang na rims nad ’di ni khyed tsho’i rgyal khab tu ’ang rim gyis dar khyab yong nges gtan red*.

¹⁵⁰⁵ Tib. *rang dbang la dga’ ba’i rgyal khab rnam*.

¹⁵⁰⁶ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3.

It is interesting that the same page of the same issue of *The Tibet Mirror* (Vol.XXV No.11) features an article where Tharchin further deepens his engagement with medical metaphors and employs a metaphor of a sick person to portray Tibet. The article entitled “Kuomintang’s Help to Tibet”¹⁵⁰⁷ reads:

According to what is published now in various newspapers, the Kuomintang government is to provide major help to Tibet. If the published statement [of the Kuomintang] that “Tibet will be recognized as independent” is true, then, it will probably be helpful if alongside with the official announcement on the recognition of Tibet’s independence by the United Nations, there will be troops sent to the central regions of China. If it is not so [is not true], what is the use of help in words only?

Similarly, although all countries that enjoy [their] independence do a lot of talking about helping Tibet, if, in fact, [they] do not help, what is the use of help in words only?

If a sick person who is still alive is not treated, what is the use of regrets after he dies?¹⁵⁰⁸

The inferences generated out of this metaphorical mapping are that of a weak Tibet, which is still alive but is on the brink of dying. The reader is bound to understand that Tibet deserves attention and real physical help from other independent countries. To structure the last three sentences of the article, Tharchin employs the stylistic figure of repetition (“if [...], what is the use of [...]”¹⁵⁰⁹) and thereby turns his rhetorical questions into an implicit reproach for inaction and a directive for the rest of the world to provide immediate help to Tibet. The editor predicts the future of Tibet in case of absence of help of other nations against Chinese communists: Tibet, its people, and culture will “die,” if “a sick person who is still alive is not treated,”¹⁵¹⁰ that is, if foreign powers do not support the anti-communist resistance movement in Tibet.

Among other metaphorical descriptions from a medical source domain, one can find a publication about Tibetan guerrilla soldiers who did not simply kill Chinese communists, but “stopped the enemies’ pulse.”¹⁵¹¹ A.A. Danilova avers that

¹⁵⁰⁷ Tib. *ko min tang gis bod la grogs ram*.

¹⁵⁰⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 1.

¹⁵⁰⁹ Tib. *ci la phan*.

¹⁵¹⁰ Tib. *nad pa ma 'chi gong sman thabs ma byas na*.

¹⁵¹¹ Tib. *dgra bo 'i snying rtsa bcad* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

that the use of pragmatically loaded medical terminology is characteristic of the style of manipulative publicistic texts.¹⁵¹²

Given that, Tharchin did not confine his artistic self-expression to medical metaphors. One can also discover Tharchin's metaphorical mappings based on a natural phenomenon as a source domain. For example, in the publication entitled the "Great Uprising against Chinese Communists in Tibet"¹⁵¹³ dated February–March 1959, the editor emotionally whips up the tension by depicting the anti-communist insurgence in Tibet in the metaphorical image of "fire"¹⁵¹⁴ and "whirlwind":¹⁵¹⁵

The militant fire of the uprising against Chinese communists has spread everywhere in Tibet.
[...]

If the Dalai Lama is deprived of secular and religious power when the entire Tibet is spinning in the whirlwind of uprising, there will come a very big danger to any efforts for the good of Tibetan Buddhism and [for this reason] all [Tibetan] minds [now] are dwelling in the utmost terror.¹⁵¹⁶

Predicting the future in light of the political instability on the Tibetan Plateau in 1959, Tharchin warns his Tibetan-speaking readers of the "very big danger"¹⁵¹⁷ of the Dalai Lama's loss of the religious and secular power which is equal in his interpretation to endangering Tibetan Buddhism at large.

In 1951, Tharchin also used the metaphor of fire to describe the confrontation between the CCP and the Kuomintang, e.g., "the blazing fire of civil war between the Kuomintang and the Chinese Communist Party has risen."¹⁵¹⁸

Later on, in Vol.XXVII No.5 dated January 1961, the editor employed the metaphor of "red fire"¹⁵¹⁹ to describe the civil war in Cuba, Congo, and Laos that was caused by the infiltration of communist ideology in these countries. Predicting the outbreak of the Third World War if the UN "fails to put out the red fire,"¹⁵²⁰

¹⁵¹² Danilova 2014: 89.

¹⁵¹³ Tib. *bod du rgya dmar la ngo rgol chen po*.

¹⁵¹⁴ Tib. *bod du rgya dmar la ngo rgol gyi dmag me rgya khyab tu mched bzhin pa red*.

¹⁵¹⁵ Tib. *bod du phan tshun ngo rgol rlung dmar 'tshubs*.

¹⁵¹⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 6.

¹⁵¹⁷ Tib. *ha cang nyen kha chen po shar*.

¹⁵¹⁸ Tib. *ko gung gnyis kyi dbar nang 'khrug gi me 'bar bar 'go tshugs* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 6).

¹⁵¹⁹ Tib. *me dmar* and Tib. *dmar me*.

¹⁵²⁰ Tib. *rgyal spyis me dmar gsod* [...] *thub min* [...] *'dzam gling dmag chen gsum pa mi lang ba'i nges pa med*.

Tharchin placed immediately after this news report a separate publication that comprised just two seven-syllable lines meant to imitate the traditional Tibetan genre of didactic sayings and to further actualize the metaphor of communist fire:

If the red fire is not put out while [it] is small, [then], when [it] grows, it will be difficult to put out [this fire].¹⁵²¹

All examples with metaphors built on the basis of elements of fire and air create similar inferences of something strong, spontaneous, and beyond the control of an ordinary man that is suddenly entering the life of people. While the fire could have associated with tension, anger, and destruction, “the whirlwind of uprising” symbolized freedom, willpower, invincibility, and the future changes in Tibet. Such figurative additions to news reports certainly brought more emotional strain to Tharchin’s narrative.

Sometimes Tharchin resorted to obvious exaggerations in *The Tibet Mirror* that appeared in the form of hyperboles. For instance, the editor stated that Chinese communists “not only tortured in unimaginable ways but frightened almost to death”¹⁵²² the Panchen Lama. Or, for example, Tharchin cited the words of Tibetan monks who complained that “day and night” they were “gravely suffering from the fact that we would not escape”¹⁵²³ from the hands of Chinese communists who seized their monastery.

Tharchin’s linguistic choices in *The Tibet Mirror* can also be discussed from the point of pragmatics. While going through the publications on Tibet and China, one can come across Tharchin’s frequent use of presuppositions. For example, in Vol.XVIII No.1 that was issued on October 1, 1949, when the founding of the PRC was officially proclaimed, Tharchin already started discussing how one can overthrow the communist government of China as soon as possible:

¹⁵²¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 8.

¹⁵²² Tib. *khong la brjod mi thub pa'i mmar spyod byas pas mi tshad ha lam bkrongs rgyu'i 'jigs res bskul 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 4).

¹⁵²³ Tib. *nga tsho ni 'di nas mi thar ba'i sems sdug chen pos nyin mtshan mi 'khyol ba zhig 'dug ces brjod byung* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 4).

If [one] thinks well about the crimes of the communist regime [and] if the [Chinese] army and people support the [Kuomintang] government once again, the communist government will not be able to hold out for a long time.¹⁵²⁴

The presupposition introduced by Tharchin in this sentence suggests that the “crimes of the communist regime”¹⁵²⁵ definitely exist, however, it is left to the reader’s discretion to establish what this expression actually refers to.

Much later, in Vol.XXVI No.1 dated June 1959, the editor of *The Tibet Mirror* finally detailed the body of crimes of Chinese communists. In the title “Communist Party’s Seven Years of Massacre in China,”¹⁵²⁶ Tharchin uses nominalization to transform the process of “mass murdering” into an entity that lives a life of its own and successfully achieves the alienation of Chinese communists not only as “criminals,” but also as “murderers” now:

In seven years, the leaders of the Communist Party slaughtered 20 million people, [while] 25 million people starved to death during their work in China. Do the countries that enjoy [their] independence know about the above-mentioned [facts]?

Even if they know but leave it [as it is] without giving it [any] thought, there is no certainty that the same will not happen soon in your countries. If you, [having thought about that], do not take measures to stand up against the communist regime right now and just leave it in peace, then [you] will seriously regret about that [later]. [But] at that time, it will be too late.¹⁵²⁷

Apart from the nominalization, this short article gives another example of Tharchin’s employment of the discourse technique of modeling the alternative future and sending a warning “message” to the world to stand up against the PRC in the name of Tibetan independence.

In the words of N.D. Potapova, historians engage in the montage of specific images and facts borrowed from sources and literature.¹⁵²⁸ As for *The Tibet Mirror*, one can conclude that Tharchin was a so-to-say annalist of Tibetan history in the 1950s and 1960s, who did not limit himself to putting together certain facts of the

¹⁵²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949: 3.

¹⁵²⁵ Tib. *dmar po'i las lugs kyi nyes skyon rnams*.

¹⁵²⁶ Tib. *rgya nag tu gung tang gis lo bdun nang dmar bsad btang ba*.

¹⁵²⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 3.

¹⁵²⁸ Potapova 2015: 294.

past and who no less skillfully designed the desired images of the *present* with the help of expressive speech, which enabled him to resort to emotional reasoning and avoid the need of following a strict logical order of presenting the information. A wide variety of lexical means and stylistic techniques assisted the editor in his reproduction of the two vivid images united by the metanarrative of Tibetan independence: i.e., a cruel antagonist represented by Chinese communists and its ideal protagonist represented by the people of Tibet. The contacts between the antagonist and the protagonist were depicted by Tharchin in the form of a continuous conflict of two incompatible worlds. Embodied in the figures of “communist bandits” and “enemies of the Buddhist teaching,” the antagonists deceived, killed, bullied, intimidated, and insulted Tibetan Buddhist followers. Whereas the protagonists, at first, embodied in the unfortunate civilians of the weak “Religious State,” which fell victim to the Chinese communist aggression, evolved in the late 1950s by begetting an alternative dynamic subcharacter: the rebellious “defenders of the religion,” or an “army of deities,”¹⁵²⁹ whose armed attacks on Chinese communists were extolled by Tharchin as examples of a heroic righteous struggle against the “communist oppression” and “humiliation.”¹⁵³⁰ One can argue that there are times when the language of the editor of *The Tibet Mirror* may sound bizarre and naive to modern readers, but in the 1950s and 1960s, such style of narration surely resonated much higher with Tibetan-speaking readers than any dry official text of a newspaper article or radio program.

2.2.4.2. Genre Diversity

While analyzing the mode of discourse, T.A. van Dijk suggests paying attention not only to the topic of publication, but also to such characteristic of the text as its genre.¹⁵³¹ It is necessary to acknowledge Dorje Tharchin’s ingenuity in terms of the

¹⁵²⁹ Tib. *lha dmag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 7).

¹⁵³⁰ Tib. *bod la gung phran gyis* [...] *dma’ ’bebs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959: 3).

¹⁵³¹ van Dijk 1993: 271–272.

genre composition of the metanarrative of Tibetan independence. The editor employed such unusual artistic genres for the publicistic style as:

1. Proverbs and sayings (Tib. *gtam dpe*), aphorisms (Tib. *legs bshad*), didactic stories (fables/parables, i.e., Tib. *gtam*, and legends, i.e., Tib. *lo rgyus*).
2. Prophecies (Tib. *lung bstan*).
3. Songs and poems.

2.2.4.2.1. Didactic Publications

A broad group of didactic publications in *The Tibet Mirror* includes sayings, proverbs, fables, parables, and legends. In the 1950s and 1960s, Tharchin regularly published the *gtam dpe* column, in which he touched upon not just any abstract subject, but intentionally presented something in the vein of his anti-communist discourse and the metanarrative of Tibetan independence.

Ch. Cüppers and P. Sørensen, who did their extensive research on Tibetan *gtam dpe*, contend that aphorisms and metaphorical proverbs were typical for all genres of Tibetan literature throughout its history.¹⁵³² Given that *gtam dpe* is an umbrella term for a wide variety of didactic sayings and even entire stories, the quadrisyllabic *gtam dpe* has been traditionally considered to be a particularly popular type of sayings in Tibet.¹⁵³³ Some *gtam dpe* in *The Tibet Mirror* consist of just two or three lines, while other publications in the same column contain a whole allegorical story. The most frequently used form of *gtam dpe* in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s was a seven-syllable *gtam dpe*. According to A. Sawerthal, being an excellent mnemonic device, the seven-syllable format is very popular among Tibetans.¹⁵³⁴

Ch. Cüppers and P. Sørensen point out that the idiomatic genre of *gtam dpe* is characterized by the employment of allegories, metaphors, and euphemisms, and

¹⁵³² Cüppers and Sørensen 1998: XII.

¹⁵³³ Cüppers and Sørensen 1998: XIII–XIV.

¹⁵³⁴ Sawerthal 2018a: 188.

one statement can contain several meanings at once.¹⁵³⁵ Hence, it is not surprising that not all *gtam dpe* published by Tharchin are clear, especially for modern readers of non-Tibetan origin. It should also be said that several examples of publications from *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s were selected as discourse-charged for the present analysis only based on of their location on the page, namely after, before, or surrounded by relevant news about Tibet or China. Tharchin did accompany some of his sayings and parables with an explanation where he revealed his true intention, however, some *gtam dpe* abruptly end with a cryptic question or remark of the editor: e.g., “What is the meaning of this statement?”¹⁵³⁶ or “I ask everyone to think about the meaning of this proverb.”¹⁵³⁷ Although all allegorical materials from the *gtam dpe* column were selected and interpreted in close connection to the date of publication and the historical context of the respective time period, it should be emphasized that interpretations of the cited examples from *The Tibet Mirror* provided further in this subsection are still limited by the imagination of the author of the present dissertation and thus cannot qualify for the one and only way of interpretation.

Tharchin was rather fond of *gtam dpe* and regularly used it to express his opinion and ideas on an important topic, give some advice, or edify his readers. One of the earliest discourse-charged examples of *gtam dpe* from the 1950s can be found in *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9 dated August 1, 1950:

If the food lost its taste, [there] is no difference [whether] a bowl is big or small. If a man lost his courageous [spirit], there are neither too few, nor too many soldiers.¹⁵³⁸

This *gtam dpe* of four seven-syllable lines was placed on the page right after the news on the growing anxiety in eastern Tibet caused by the fear of advancement of the PLA. If one thinks of the historical background at the end of summer of 1950, Tharchin’s *gtam dpe* starts making sense. Tsering Shakya claims that as early as 1949, the atmosphere of fear spread in Lhasa and some aristocratic Tibetan families

¹⁵³⁵ For more information, see Cüppers and Sørensen 1998: XXV–XXVI.

¹⁵³⁶ Tib. *ces pa'i gtam dpe'i go don ga re red*.

¹⁵³⁷ Tib. *gtam dpe 'di'i don ga re red tshang mas dgongs bzhes yod pa zhu*.

¹⁵³⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950: 2.

started moving their families and valuables to India.¹⁵³⁹ The very first military contact between the Chinese and Tibetan armies dates back to July 1950,¹⁵⁴⁰ that is precisely a month prior to this *gtam dpe* publication. The anticipation of further advancement of the People's Liberation Army to Tibet was clearly in the air by August 1950, and it was just as clear that the Tibetan army would not be able to stand long against the troops of the PLA. Hence, Tharchin's *gtam dpe*, perhaps, could be interpreted as a creative attempt to reproach Tibetan-speaking readers for their pessimism and to boost the morale of those people on the Tibetan Plateau who did not favor the perspective of submitting to the rule of Chinese communists.

In the *gtam dpe* column in *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5 dated August 1, 1951, Tharchin introduces a *gtam dpe* of two nine-syllable lines, which stresses the importance of analysis that must necessarily precede any step taken:

[One] will not catch up with a rabbit that was frightened by a splash of water. Whatever [is] done, always analyze [it] well [first].¹⁵⁴¹

On the one hand, this rather general didactic saying could serve as a universal advice for anyone. On the other hand, Tharchin published this *gtam dpe* in August 1951, when he had already engaged in building his anti-communist discourse in *The Tibet Mirror*. Besides, this advice was placed after news on China and Tibetan business news. Therefore, in the broadest sense, considering the context of Tibetan history, one could interpret this publication as a reference to, for example, the decision of the Tibetan government to send its delegates to Beijing and the Sino-Tibetan negotiations, which expeditiously ended with signing of the 17-Point Agreement in May 1951. Signing of the 17-Point Agreement, an official document that legitimized the right of the PRC to rule over Tibet, surely did not make Tharchin happy, and the moves of Tibetan delegates during the negotiations in Beijing may have seemed too rash and ill-considered to him. Moreover, in July 1951, an official delegation of the PRC arrived in Yatung, the temporary residence of the 14th Dalai Lama who moved

---

¹⁵³⁹ Shakya 2000: 10.

¹⁵⁴⁰ Goldstein 1992: 679.

¹⁵⁴¹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 8.

there from Lhasa in fear of the advancement of the PLA to central Tibet.¹⁵⁴² Chinese delegates provided the 14th Dalai Lama with a copy of the 17-Point Agreement and a letter from Mao Zedong, soon after which the Dalai Lama returned to Lhasa and then, in five months after the Sino-Tibetan negotiations had been held in Beijing, he officially expressed the unanimous support of the people of Tibet for the 17-Point Agreement.¹⁵⁴³ Thus, Tharchin's choice of *gtam dpe* about the frightened hare could have also characterized the decision of the 14th Dalai Lama and the Tibetan government to recognize the 17-Point Agreement.

In *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8 dated November 1, 1951, in the "Tibetan News" column right after a news report on a wife of one Tibetan soldier getting killed by a daughter of another Tibetan soldier, Tharchin published another edifying *gtam dpe*:

As it is in the [above-mentioned] example, [when one] is not able to fight with the external [problem], internal fights happen. If a family gets into a fight, not only [one's] inner strength lessens, [but] the strength of outsiders certainly gets bigger. Besides, [one's internal fights] will be a reason to feel embarrassed in front of outsiders. If one is able to set as much cordiality and solidarity in the family as one can, then people will admire your happiness. Otherwise, people will surely come to criticize your troubles. I beg you all to remember that.¹⁵⁴⁴

By November 1, 1951, the 14th Dalai Lama and the Tibetan government had expressed their formal approval of the 17-Point Agreement, and the soldiers of the PLA marched into Lhasa.¹⁵⁴⁵ Predictably, the reaction of Tibetans was controversial. Therefore, the meaning of this *gtam dpe* seems relatively clear. The editor of *The Tibet Mirror* obviously implied that Tibetans could not openly protest against the changes that came to Tibet from outside along with the soldiers of the PLA and their inner frustration caused internecine conflicts. Given that, in the words of Tharchin, "the inner strength"¹⁵⁴⁶ of the people of Tibet lessened, while "the strength of

¹⁵⁴² Garri 2009: 65.

¹⁵⁴³ Kychanov and Melnichenko 2005: 262; Goldstein 1992: 812.

¹⁵⁴⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 3.

¹⁵⁴⁵ Shakya 2000: 92; Goldstein 1992: 812.

¹⁵⁴⁶ Tib. *nang stobs je zhan* [...] 'gyur.

outsiders,¹⁵⁴⁷ i.e., Chinese communists, was increasing and the Others appreciated that they were given a reason to criticize Tibetans.

In Vol.XX No.2–3 dated May–June 1952, Tharchin published a short *gtam dpe* of four nine-syllable lines, which apparently expresses the editor’s opinion on the political status of Tibet prior to the signing of the 17-Point Agreement:

The ruler has found a way to rule over the independent [one],

What is called “liberation” makes one greatly surprised.

Even if the Other has the power to rule,

Watch how you yourselves will fall under [the rule of that] Other!¹⁵⁴⁸

In the first two lines, Tharchin most likely refers by the “independent”¹⁵⁴⁹ one to Tibet before 1951. With the help of *gtam dpe*, the editor once again questions the legitimacy of the Chinese communist rule on the Tibetan Plateau and immerses the “liberation” of Tibet by the PLA into the field of discourse. In the following two lines, Tharchin makes a hint that even if the PRC is a strong state now, this does not exclude a possibility that Chinese communists may lose their power in China if a stronger opponent attacks them. There is also possible an alternative interpretation of the last two lines of the *gtam dpe*: if by the “Other”¹⁵⁵⁰ Tharchin refers to Chinese communists and by “you yourselves”¹⁵⁵¹ he indicates those Tibetans who approved of the 17-Point Agreement and engaged in cooperation with Chinese communists in Tibet.

In *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5 dated September 1, 1954, a bit strange and abrupt *gtam dpe* reads the following:

No England—no strategy. No America—no wealth. No France—no ornaments. No Germany—no knowledge. What is the meaning of that saying?¹⁵⁵²

As a matter of fact, more than 65 years later, it is really hard for a non-Tibetan reader to distinguish what the meaning of this *gtam dpe* was indeed. In the next article published right after this *gtam dpe* under the title “Defending Southeast Asia,”¹⁵⁵³

¹⁵⁴⁷ Tib. *phyi stobs je cher 'gyur*.

¹⁵⁴⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 10.

¹⁵⁴⁹ Tib. *rang btsan de la btsan pos dbang thabs byas/_ming la bcings bkrol btags pa ngo mtshar che*.

¹⁵⁵⁰ Tib. *gzhan la dbang ba 'i stobs shugs yod na yang*.

¹⁵⁵¹ Tib. *rang nyid gzhan gyi 'og tu tshud la ltos*.

¹⁵⁵² *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 6.

¹⁵⁵³ Tib. *shar lho e she 'i srung skyobs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 7).

Tharchin described the discussions held by the United States, Great Britain, and France regarding the protection of the Southeast Asia and “building a dam against the red flood”¹⁵⁵⁴ in the region. Therefore, Tharchin’s *gtam dpe* most likely relates to this article with a metaphor of the “red flood” that created an impression of the unrestrained spontaneous spread of communist ideology in Asia. Given that, if the statements about the United States, Great Britain, and Germany sound more or less logical, it remains a mystery what the editor meant by the French “ornaments.”¹⁵⁵⁵ Perhaps, in terms of Tharchin’s anti-communist discourse, this *gtam dpe* probably also aimed to hint Tibetan-speaking readers about the current power balance in the arena of international relations, so that they understood the attention of which countries it was particularly useful to attract in order to obtain support for the Tibet Question.

For the *gtam dpe* column in *The Tibet Mirror*, Tharchin employed rather different stories in terms of their style and volume. For example, in Vol.XXVI No.4–5 dated September–October 1959, the editor published another type of didactic sayings compiled of eight seven-syllable lines:

When the end of a rabid dog’s life is near, [it] bites everything. When the end of communism is near, [communists get] busy liberating other places. Attaching fruits to the driftwood, a barren woman giving birth to a son, and the communist rule getting more widespread are the three signs of destroying oneself in the end.¹⁵⁵⁶

Tharchin uses syntactic parallelism and oxymoronic combinations (e.g., “a barren woman giving birth to a son”¹⁵⁵⁷) to promote his idea of absurdity of further spread of communist power in the world and to model the imminent end of the communist rule. In this case, the editor provided an explanation of his *gtam dpe* in the form of an additional commentary published below on the same page:

According to the stated [above], if [you] take a look at the map on page 7, [you] will understand. Lately, because of the desire to exercise power over a larger part of the territory of Outer Mongolia and many [territories] on the border with India, Pakistan, and Burma, the

¹⁵⁵⁴ Tib. *dmar po’i chu rud la chu rags rgyag*.

¹⁵⁵⁵ Tib. *pha med mdzes rgyan med*.

¹⁵⁵⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 8.

¹⁵⁵⁷ Tib. *mo gsham la ni bu skyes*.

communist state has behaved and is still behaving improperly. If [you] look at that, is it not like in the above-mentioned saying?¹⁵⁵⁸

Tharchin emphasizes that the PRC has been acting “improperly.”¹⁵⁵⁹ If one flips a page back, there is indeed a map with an explanation at the bottom that the black contour marks the territories which “communist China brazenly wishes to own”¹⁵⁶⁰ (see Fig. 3).

Fig. 3. Illustration for the publication on page 8 (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 7).

In *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1 dated August–September 1960, Tharchin published another interesting abrupt *gtam dpe* after a report on the session of the United Nations in New York where the Tibet Question was to be discussed:

A discussion is never welcomed. If the discussion is welcomed, it is like [the situation with] Chandrakirti’s father.¹⁵⁶¹

Tharchin’s allusion to Chandrakirti’s father suggests that the reader remembers his story, which goes as: “Chandrakirti’s father lay upon his bed beneath a large sack of rice suspended by a rope from the roof beam of his hut. As he speculated and daydreamed about what he would do with his new-found wealth, represented by this quantity of rice, the rope broke. The sack fell upon his head, and he was killed

¹⁵⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 8.

¹⁵⁵⁹ Tib. *deng gung bran rgyal khab kyis* [...] *tshul min byas dang byed mus*.

¹⁵⁶⁰ Tib. *rgya dmar gyis gzhan sa ham pas dbang 'dod kyi rtags*.

¹⁵⁶¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: 12 [i.e. 16].

instantly.”¹⁵⁶² Tharchin was obviously alluding to the analogy between the death of Chandrakirti’s father and the outcome of discussion of the Tibet Question at the UN in 1960. The Tibet Question was raised at the United Nations several times. After a relatively successful discussion of the Tibet Question at the UN resulted with a resolution on the human rights violation in Tibet in October 1959, Tibetans continued to seek another opportunity to get a more promising resolution on the political status of Tibet.¹⁵⁶³ In the summer of 1960, Thailand and Malaya proposed to include the discussion of the Tibet Question to the agenda of the 15th Session of the United Nations General Assembly, but their motion did not receive sufficient support from other UN member states, therefore, the discussion did not happen.¹⁵⁶⁴ While using an allusion to a story about Chandrakirti’s father in *The Tibet Mirror* issue dated August–September 1960, Tharchin probably implied that Tibetan exile officials had high expectations of initiating another discussion of the Tibet Question at the international level and had already imagined a certain outcome in the form of a new desired resolution of the 15th Session of the UN General Assembly, but in reality, they got neither a more effective resolution on Tibet nor anything at all.

Sometimes the *gtam dpe* column took the form of a direct appeal to stand up for the independence of Tibet. For instance, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12 dated December 1962, Tharchin addresses his Tibetan-speaking readers with the following *gtam dpe*:

There is nothing like happiness from [one’s] freedom and suffering from being under the power of the Other.

According to this, in order [to achieve] independence, [one] needs not only to sacrifice [one’s own] possessions, but [to sacrifice] even [one’s own] life. I ask [you] all to serve to [your] government and, furthermore, do more than that!¹⁵⁶⁵

Having started with this short *gtam dpe* of two seven-syllable lines, Tharchin continues cultivating pro-nationalist sentiment among his readership with an unambiguous request to the Tibetan diaspora to serve their “government,” i.e., the

¹⁵⁶² Reynolds 1996: 112.

¹⁵⁶³ Garri 2009: 112–114.

¹⁵⁶⁴ Shakya 2000: 233–234.

¹⁵⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10.

Central Tibetan Administration in India. Moreover, the editor calls Tibetans to sacrifice not only their financial resources, but their lives in the struggle for Tibetan independence. In the 1950s and 1960s, similar appeals to sacrifice one's life for the good of Tibet were regularly reiterated by Tharchin on the pages of *The Tibet Mirror* and, in addition to the *gtam dpe* column, appeared in the form of anti-communist songs and poems, which contributed to the radicalization of the Tibetan independence movement.

Short didactic sayings were also represented in *The Tibet Mirror* by the *legs shad* or “Aphorism” column.¹⁵⁶⁶ The *legs shad* genre was traditionally popular both among the educated elite of Tibet and the largely illiterate common people.¹⁵⁶⁷ In Vol.XXVI No.12 dated June–July 1960, under the title “From the *Precious Treasury of Good Advice* [of Sa skya Paṇḍita],”¹⁵⁶⁸ Tharchin instructs the younger generation of the Tibetan diaspora in the following way:

[One] memorized the necessary information word by word every day.

Even though a drop of water is weak, if it blends with the ocean, it will not dry up.

According to that saying, nowadays, [Tibetan] young men and women, who escaped from the [communist] oppression to the territory of India and pursue their studies of the language and other subjects in schools [here], do make effort and be diligent in [your] studying!¹⁵⁶⁹

To attract the attention of young people, the editor refers to a widely known 13th-century treatise which has always been held in high esteem by the Tibetan-speaking population.¹⁵⁷⁰ Tharchin frames his appeal within a quotation of one of the most eminent Tibetan Buddhist scholars of all times—Sa skya Paṇḍita Kun dga' Rgyal mtshan (1182–1251). Tharchin does not borrow any specific four-line aphorism of Sa skya Paṇḍita in its full form, but instead connects together the first two seven-syllable lines of a modified version of the 449th aphorism from the chapter entitled “An Examination of the Dharma”¹⁵⁷¹ and the last two seven-syllable lines of the

¹⁵⁶⁶ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 4.

¹⁵⁶⁷ Sawerthal 2018a: 204.

¹⁵⁶⁸ Tib. *sa skya legs bshad las*.

¹⁵⁶⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: suppl.2.

¹⁵⁷⁰ For more information, see Davenport 2000: 8 and Dylykova 1973: 42–56.

¹⁵⁷¹ For the original version of the 449th aphorism, see Davenport 2000: 286.

unmodified 311th aphorism from the chapter entitled “An Examination of Deeds.”¹⁵⁷² After that, encouraging the young members of the diaspora in India to study the Tibetan language more diligently, the editor implies a parallel to Sa skya Paṇḍita’s saying: if Tibetan-speaking immigrants come together to maintain Tibetan traditions, no matter how small their community is and no matter how little the efforts of the diaspora on preserving their cultural heritage may seem at the moment, all together they would come as a powerful force and they would always have their own “Tibet” in India.

Sometimes Tharchin was livening up ordinary news reports by incorporating well-known Tibetan proverbs and sayings in them. For instance, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1 dated June 1959, under the title “Rabbit Goes Back to Its Den,” or what can also be translated as “Groom Returns Home after a Failed Marriage,”¹⁵⁷³ the editor reports:

Although the genuine Chinese government resides in Taiwan now, soon [they] will get back all Chinese territories of their motherland. Therefore, there are being arranged major preparations so that, along with the rabbits returning back to their den, those people who continue to live and go through a hell on Earth do get liberated soon. [...]

According to the information from the Kuomintang newspapers that is disseminated at present, when they return to China as rabbits to [their] dens, [they] will grant independence [to Tibet] in accordance with the wishes of many Tibetans. Besides, the Tibetan government, which is residing abroad now, will [also] certainly return as a rabbit to [its] den.¹⁵⁷⁴

This report was published in June 1959, i.e., just two months later after the uprising in Lhasa in March 1959 and the emigration of the 14th Dalai Lama from the PRC. Forecasting the future return of “the genuine Chinese government” to China and the return of the Dga’ ldan Pho brang government to Tibet “after a failed marriage,” Tharchin labels the Kuomintang government as “genuine”¹⁵⁷⁵ and thus creates a logical implication that the Chinese communist government is not “genuine,” i.e., not legitimate. The editor further allegorically adds that Tibet will be “liberated” by

¹⁵⁷² For the original version of the 311th aphorism, see Davenport 2000: 201.

¹⁵⁷³ Tib. *ri bong tshang log*.

¹⁵⁷⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

¹⁵⁷⁵ Tib. *rgya nag gi gzhung ngo ma*.

the Kuomintang “rabbits” and granted independence “in accordance with the wishes of many Tibetans,”¹⁵⁷⁶ who are “going through a hell on Earth.”¹⁵⁷⁷ By mapping the metaphorical domain of hell on the life of people, Tharchin creates an impression of unbearable sufferings that permeated people’s life in the PRC in the 1950s and challenges the Chinese communist official narrative of “peaceful liberation” with his alternative narrative of “liberation” of Tibet from the communist rule by the Kuomintang.

In the same issue of *The Tibet Mirror*, Tharchin published another creative example of embellishing an ordinary news report with a sparkle of *gtam dpe*:

As the saying goes: “What cannot be done to an elder brother can be done to his dog.” A man, who recently arrived from Tibet, saw with his own eyes that Chinese communists painted a large portrait of the esteemed great Dpal ldan mi dbang Zur khang pa.¹⁵⁷⁸ [In the picture, he] is surrounded by Chinese communists with guns and knives, while from the windows of the house [one can see that] his grieving weeping wife, children, and relatives are placed next to the walls. With regard to this, a new saying was suggested: “What cannot be done to a man [can be done] to his portrait.”¹⁵⁷⁹

Tharchin most likely refers to Zur khang Dbang chen Dge legs (1910–1977), an aristocrat and one of the most influential Tibetan ministers who served in the Tibetan government from 1943 until the 1959 Lhasa Uprising.¹⁵⁸⁰ In light of the advancement of the PLA to Tibet and the subsequent signing of the 17-Point Agreement in 1951, Zur khang advocated for the 14th Dalai Lama’s immigration to the United States and the non-recognition of the 17-Point Agreement.¹⁵⁸¹ According to J. Powers and D. Templeman, in the 1950s, Zur khang “helped financing” the anti-Chinese initiatives of the Mi dmangs tshogs ’du.¹⁵⁸² In March 1959, after he was accused of being part of the anti-Chinese uprising in Lhasa, Zur khang immigrated

¹⁵⁷⁶ Tib. *bod mi mang rnams kyi ’dod mos bzhin du rang dbang sprod.*

¹⁵⁷⁷ Tib. *dmyal ba mi yul du myong bzhin pa rnams la ring min bcing bkrol gngang rgyu’i sta gon chen po gngang mus su ’dug.*

¹⁵⁷⁸ Tib. *dpal ldan mi dbang zur khang pa chen po mchog.* In this name provided by Tharchin, Dpal ldan (lit. “glorious” or “illustrious”) and Mi dbang (lit. “lord”) were probably used as titles to denote the author’s respect.

¹⁵⁷⁹ *The Tibet Mirror* Vol. XXVI No. 1, June 1959: suppl. 3.

¹⁵⁸⁰ Barnett 2006: 199.

¹⁵⁸¹ Shakya 2000: 82–83; Barnett 2006: 199.

¹⁵⁸² Powers and Templeman 2012: 440.

to India after the Dalai Lama.¹⁵⁸³ Later on, due to a conflict within the Central Tibetan Administration and the loss of his leading role in the exile government in favor of the 14th Dalai Lama's older brother Rgyal lo Don 'grub, Zur khang immigrated to Taiwan where he collaborated with the Kuomintang.¹⁵⁸⁴ That is why, in his memoirs, Rgyal lo Don 'grub calls Zur khang a "two-faced Tibetan official" and accuses him of being "an informer" of Chinese communist officials at first and then, after his immigration to Taiwan in 1971, in subverting the CTA on behalf of the Kuomintang.¹⁵⁸⁵

As for the stylistic sophistication of the editor of *The Tibet Mirror*, one cannot help acknowledging Tharchin's wit and skillful incorporation of folklore into newspaper articles. The transformation of the Tibetan proverb "What cannot be done to an elder brother, can be done to his dog"¹⁵⁸⁶ into its new version "What cannot be done to a man [can be done] to his portrait"¹⁵⁸⁷ certainly added a flavor of expressiveness to Tharchin's news report and made it more memorable for his readers.

Apart from proverbs and sayings, Tharchin also published longer allegorical stories entitled as a "Fable," "Parable," or "Legend," which are more elaborate and seem much harder for interpretation than shorter *gtam dpes*. One of the examples of a longer figurative story on the situation in Tibet can be found in *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8 dated November 1, 1951, under the title "Fable of the Eloquent Parrot"¹⁵⁸⁸:

During the era of degeneration, there are many things that are missing. A government without a king. Ministers without a king. Subjects without a king. Citizens without a king. Children without parents. The Dharma without lamas. Disciples without teachers. A tail without a head. Servants without lords and so on. Out of many other items missing [I] articulated here ten.¹⁵⁸⁹

¹⁵⁸³ Shakya 2000: 207, 253.

¹⁵⁸⁴ Okawa 2007: 600.

¹⁵⁸⁵ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 135–136, 213–214.

¹⁵⁸⁶ Tib. *jo la ma thub khyi la thub*.

¹⁵⁸⁷ Tib. *mi la ma thub 'dra par la [thub]*.

¹⁵⁸⁸ Tib. *smra mkhas ne tso 'i gtam*.

¹⁵⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

Built on the syntactic parallelism of nine six-syllable lines, the fable is placed in the newspaper issue immediately after a song entitled the “New Song on People’s Liberation,”¹⁵⁹⁰ which ironically comments on the promises of Chinese communist officials to improve the life of Tibetans after the “liberation.” The parrot’s speech, perhaps, carried a much more obvious meaning for readers of *The Tibet Mirror* in 1951, however, now, the meaning can only be hypothetically reconstructed. Why did the editor choose the parrot and what should the readers have been encouraged to do after listening to its speech? In Tibetan proverbs, the parrot is often portrayed as a talented orator, while its main advantage in comparison to other birds is explained by its abilities to learn and to speak.¹⁵⁹¹ It is possible that the choice in favor of the character of a parrot was made precisely to add some authority to the speech that Tharchin placed into the “mouth” of this bird.

The one thing which is more or less clear about the parrot fable is that the editor implied that “the era of degeneration”¹⁵⁹² was at that very moment, that is, November 1951. As it was mentioned earlier, the biggest highlight of that period in Tibetan history was signing of the 17-Point Agreement between the Tibetan government and the PRC in May 1951 and its subsequent official recognition by the 14th Dalai Lama in October 1951.¹⁵⁹³ The 17-Point Agreement formally legitimized the Chinese sovereignty over Tibet and provided the Chinese communist government with an efficient mechanism for the gradual transformation of the traditional Tibetan social and economic system.¹⁵⁹⁴ As for the “king”¹⁵⁹⁵ mentioned by the parrot, the 14th Dalai Lama was only 15 years old, when it was decided that

¹⁵⁹⁰ Tib. *mi dmangs bcings bkrol gyi glu gzhaz gzar pa*. A full translation of the song is presented in the subsection 2.2.4.2.3 of the present dissertation.

¹⁵⁹¹ E.g., “The parrot for its skill of speech is put into a cage, the other birds for their dumbness enjoy the freedom of the sky” (Tib. *ne tso smra bas gzeb tu tshud/ /dab chags lkugs ba bde bar rgyu*; see Pemba Lhamo 2007: 99); “The peacock’s wonder is its feathers; the parrot’s wonder is its speech” (Tib. *rma byar ngom rgyu sgro gdongs/ /ne tsor ngom rgyu yig drug*; see Pemba Lhamo 2007: 167); “Neither an eloquent parrot nor the cock which accurately heralds the dawn” (Tib. *sgra mkhas can gyi ne tso min/ /nam tshod thig pa’i de pho yang min*; see Pemba Lhamo 2007: 53); “Without learning, there is no scholarship, [but] with learning, even a parrot can recite prayers” (Tib. *ma bsblabs mkhas pa yod mi srid/ /bsblabs na ne tsos ma Ni ’don*; see Pemba Lhamo 2007: 147).

¹⁵⁹² Tib. *snyigs ma’i dus*.

¹⁵⁹³ Goldstein 1992: 812.

¹⁵⁹⁴ Goldstein 1992: 772.

¹⁵⁹⁵ Tib. *rgyal po*.

he was to assume his full political power in November 1950.¹⁵⁹⁶ Maybe, Tharchin meant by this *gtam* that in the long-term perspective, signing of the 17-Point Agreement was undermining the authority of the traditional Tibetan government and leading to the so-to-say disorder, comparing to what used to be in Tibet for centuries long prior to the arrival of Chinese communists.

The metaphorical character of a parrot can also be found in other publications in *The Tibet Mirror*. For example, in Vol.XXI No.8 dated November 1953, under the title “Parrot,”¹⁵⁹⁷ Tharchin publishes another allegorical story:

The parrot was guided everywhere. Now, it will be guided while being held captive. And even later on, it will be guided. They want an amazing show. However, [it] is not a show, [it] is a deception. For discussions on the radio, [they] make [people] compose letters. [If people] did not invent a slogan, [they] need to show it. [If they] did not compose something, [they] need to write [a letter] again. [One] needs to show it again. [Then] they say it needs to be corrected again. Eventually, after making multiple adjustments, You will help [them] make [what they want]. If [You are] asked for [something], [You] will write [it] with great joy and give [them] what they want. Then, you will need to talk on the radio like a parrot. You deceive your own people. You have no choice but [to act] in this way. Do not believe it! [It] is a red dung worm on an iron hook in [one’s] mouth. [It] is a sharp knife smeared with honey. [It] is a trap for catching wild animals. [It] is a lasso for catching monkeys.¹⁵⁹⁸

The story consists of 23 seven-syllable lines and a concluding six-syllable line. Using the familiar metaphor of a “sharp knife smeared with honey”¹⁵⁹⁹ to describe the Chinese communist policy in Tibet, Tharchin warns Tibetans who cooperate with Chinese communists of the danger of collaborationism and accuses them of deceiving their fellow countrymen by misrepresenting the real situation in Tibet under the Chinese communist rule. Insisting that such actions could only be the result of one’s coercion by Chinese communists, the editor urges his Tibetan-speaking readers not to believe the information disseminated on the radio by Chinese communists. Using three additional metaphors, which were not found in any other issues of *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s, Tharchin compares the

¹⁵⁹⁶ Garri 2009: 42.

¹⁵⁹⁷ Tib. *a’u ne tso*.

¹⁵⁹⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953: 2.

¹⁵⁹⁹ Tib. *sbrang rtsi byugs pa’i spu gri*.

Chinese communist policy to “a red dung worm on an iron hook in [one’s] mouth,”¹⁶⁰⁰ “a trap for catching wild animals,”¹⁶⁰¹ and “a lasso for catching monkeys.”¹⁶⁰² In all four metaphors, including the one with a knife, the editor puts an emphasis on the idea that the cooperation with Chinese communists in Tibet has a delusive appeal and, in reality, leads to a threat of losing one’s freedom and life.

In Vol.XXIII No.3 dated October 1955, Tharchin published another allegorical story involving parrots under the title “Parable of Strategic Victory”¹⁶⁰³:

According to one ancient legend, in a country with a temperate climate and fertile soil—a beautiful, charming dwelling place of peaceful good-natured people who acted in accord with the Dharma and possessed the highest virtue—there was a tall tree with extremely abundant foliage. [The trunk of the tree was] as high as heaven and more massive at [its] particularly firm base. Having settled in the foliage [of that tree] since the time of their forebears, two green parrots—a husband and wife—have been living in joy and increasing their offspring.

At some point, a calamity befell [upon them]: the eggs, which were daily laid by the female green parrot in the nest, were getting daily destroyed. Therefore, the husband and wife naturally became sad. Having agreed that it was necessary to investigate what was the cause of this [misfortune], they hid in the foliage and huddled together. In a little while, [they] saw with their own eyes how a vicious, cruel poisonous snake crawled out of a cavity in the trunk of [their] tree and ate [their] eggs.

Having seen this, the female [parrot] got horrified and said to her husband: “If you and I do not move from this beautiful forest to another one now, it will be difficult to live here in peace.” The male [parrot] replied: “Since [we] have settled on this tree since the time of our forefathers, there is no need to move from here. We need to devise the best possible strategy [to] oust [this] cruel poisonous snake from here.”

By gradually getting rid of the poisonous snake with the help of a strategy, the green parrot spouses became complete victorious. [Ever since] their offspring was increasing and [they] lived in joy.

Well, what kind of peaceful and military strategies did those two [parrots] use to remove the poisonous snake from the cavity [in] their tree?¹⁶⁰⁴

¹⁶⁰⁰ Tib. *lcags kyu'i kha yi 'bu dmar*.

¹⁶⁰¹ Tib. *ri dwags 'dzin pa'i rnyi zhig*.

¹⁶⁰² Tib. *spre'u 'dzin pa'i zhags pa*.

¹⁶⁰³ Tib. *thab shes kyi rnam rgyal dpe gnam*.

¹⁶⁰⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955: 6.

In the title of the publication, Tharchin uses the term *dpe gtam*, that is, literally “a story with an example,” or in the broadest sense, “a parable.” One can identify that “a beautiful, charming dwelling place of peaceful good-natured people who acted in accord with the Dharma and possessed the highest virtue”¹⁶⁰⁵ mostly likely alludes to an idealized image of Tibet. The married couple of green parrots is perhaps an allegory for the traditional Tibetan government Dga’ ldan Pho brang, whereas the poisonous snake embodies the Chinese communist government. In Tibetan culture, a snake is usually associated with deep hatred and evil.¹⁶⁰⁶ Therefore, the eating of eggs by the snake probably symbolizes the spread of “evil” communist ideology among the people of Tibet, the loss of influence of the traditional Tibetan government over its people, i.e., the “offspring,” and the attempts of Chinese communists to bring an end to the “Golden Age” of Tibet. Tharchin’s question at the end of the parable suggests that back then, a reader of *The Tibet Mirror* understood what kind of strategies the green parrots resorted to, however, at present, it is unclear how the Tibetan “parrots” could have eliminated the “snake” and what they did in order to “live in joy”¹⁶⁰⁷ again at their old place.

The editor of *The Tibet Mirror* introduced other animal characters in his parables. In Vol.XXIII No.10 dated October 1956, on the front page, next to the poetic panegyric in honor of the 14th Dalai Lama and the photograph of the Potala Palace, under the title “From a Learned One,”¹⁶⁰⁸ Tharchin publishes a long edifying parable about sons of the forest and black monkeys:

When I went on a pilgrimage to the noble country of India, in the vicinity of Bodhgaya, a sacred place for [all] pilgrims, on the right bank of the Nirañjanā River¹⁶⁰⁹ in the grove of Ma smra’i skyes mos,¹⁶¹⁰ a great lot of the so-called “sons of the forest,” who were young compassionate and able to speak and understand, were playing around everywhere. Later on, many strong black monkeys suddenly waged a war against the sons of the forest. [The black

¹⁶⁰⁵ Tib. *yul ljongs tsha grang snyom pa/ _sa bcud dang ldan pa/ _mi rnams bde zhing rang brgyud ’jam pa/ _chos dang mthun pa’i spyod lam spyod pa sogs ya rabs kyi yon tan dang ldan pa’i gnas mdzes shing yid du ’ong ba zbig.*

¹⁶⁰⁶ Pemba Lhamo 2007: XV.

¹⁶⁰⁷ Tib. *dga’ mgu’i ngang du gnas pa red.*

¹⁶⁰⁸ Tib. *mkhyen ldan zbig nas.*

¹⁶⁰⁹ Skr. *Nirañjanā*, the Nirañjanā River is also known as the Falgu River.

¹⁶¹⁰ Tib. *ma smra’i skyes mos tshal*, lit. “the grove of those who do not speak,” or “the grove of the silent ones.” The corresponding toponym was not established. Perhaps, the name of the grove is fictional.

monkeys] unbearably oppressed [sons of the forest]: [they] brutally killed [sons of the forest] with various weapons, robbed, and beat up as much as [they] could.

Then, sons of the forest, having gathered together, initiated a discussion, and the son of the forest [named] Saturn said: “At present, absolutely any living being has the happiness of freedom, why is it that when sons of the forest live on their own at their own home, these despicable monkeys shamelessly intimidate and oppress [them]?”

The eldest [son of the forest named] Mars said: “Does anyone know if this power of world freedom is consistent with our social traditions? Does not this darkness of the fact that no one saw that we were enslaved as servants for the Other suffocate [anyone]?”

The youngest son [of the forest named] Mercury said: “If a person makes efforts in his endeavors, then, nothing is impossible. Although birds are navigators of the sky, a man has invented something that is faster [than birds]. Although fish are navigators of the sea, a man has invented something that is faster [than fish]. The power of unity is more intense than a lightning. The unification in harmony is firmer than iron. How beautiful it will be if sons [of the forest] from all areas will not get divided and protect [our] common freedom. Do not let the despicable old bandit monkeys stay like that in [our] country.”

Uncle Sun said: “The vast thickets of monkeys are like a jungle. Strong monkeys are like a strike of thunder and lightning. Wealthy monkeys are like the sons of Nāgas. Sons of the forest will never be able to withstand the competition [with black monkeys]. Moreover, if [we], having made [our] offerings of sweet fruits from the trees [to monkeys], act in accordance with what [the monkeys] order [us] to do, then, [we] will be happy.”

At that moment, the old monkey Ngo leb said: “Sons of the forest have not been deceived. We are of the same race [with you]. The old monkeys have come to help the unfortunate sons of the forest. There is no need for war and conflict. Heed the command of peaceful [Uncle] Sun!”

Since all sons of the forest had been listening to the instruction of [Uncle] Sun for a little while, the old monkeys appointed Uncle Sun as a deputy manager. When a few days passed, the old monkey Ngo leb said: “Ignorant sonnies of the forest, the diversity of tree fruits is inexhaustible. [One] is not allowed to own private property. Having offered your property to the monkey government, do engage in hard [physical] labor! If you do not do this, you will not [be able to] hide [from us even] beneath the ground.”

[The monkey Ngo leb thus] said, and the old generation of sons of the forest was imprisoned. Several [old people] were killed. Having turned daughters of the forest into the wives of old monkeys, they took them to faraway [lands]. Even though the son [of the forest named] Sun

fled with the old monkeys, one old monkey said: “Because there is a danger that he will turn against us, kill him immediately!” and [Uncle Sun] was killed.

If one surrenders to a stranger, there is a danger of being sentenced without any guilt. [This is a] parable [I] composed.¹⁶¹¹

A reference to the ban on private property and a statement on the kinship linkage between the “monkeys” and the “sons of the forest” make it clear that the “despicable old bandit monkeys”¹⁶¹² are an allegory of Chinese communists, whereas the “young compassionate and able to speak and understand”¹⁶¹³ “sons of the forest”¹⁶¹⁴ who were freely “playing around”¹⁶¹⁵ before the arrival of the aggressive monkeys is an allegory of the inhabitants of the Tibetan Plateau. Summarizing the moral of the parable in the concluding sentence, the editor of *The Tibet Mirror* hints to his readers that any collaboration with Chinese communists not only leads to no good but may end in conviction and punishment or even a murder of a collaborator. Tharchin published the parable in October 1956, when anti-communist rebellions had already started breaking out in eastern Tibet and a certain tension was further building up throughout the entire Tibetan Plateau.¹⁶¹⁶ It is likely that with the help of this parable the editor was once again trying to admonish his readers in Tibet not to trust the official promises of the Chinese communist government and not to cooperate with Chinese communists, but rather unite around those people who suggested joining their resistance to the oppression of the alien Other.

In Vol.XXIV No.11 dated March 1958, Tharchin published another creative example of an intricate story alluding to the Sino–Tibetan relations in the 1950s:

For the purpose of concealing in a metaphor from communist China. Now, the leaves of the red radish could not flourish on the ground, therefore, one can ask which root do they depend on? Three red insects had been eating the root of the radish. When one says: “If those red insects had not been exterminated, the leaves of the radish would have never been able to grow,” who are those three red insects? Are the three red insects not the so-called “Three Monastic Seats?” If one asks what is the red radish under the ground? Is it not the communist

¹⁶¹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1–2.

¹⁶¹² Tib. *khrel med sprel rgan jag pa tsho*.

¹⁶¹³ Tib. *smra shes don go byams sems lang tsho dang ldan pa*.

¹⁶¹⁴ Tib. *shing gi bu chung*.

¹⁶¹⁵ Tib. *rtse zhing 'dug go*.

¹⁶¹⁶ Garri 2009: 89.

power? If one asks what are the leaves? Does it not seem that they are the Tibetan people? Now, owing to the Three Monastic Seats and the kindness of the venerable Dalai Lama, the policy of oppression [designed by] communist China could not continue expanding [any] further. Therefore, I ask to take an interest in the need to recognize that and to investigate [that] again anyway.¹⁶¹⁷

This story exemplifies a rather elaborate amalgamation of allegories: the “red radish”¹⁶¹⁸ is the communist power, the “leaves”¹⁶¹⁹ of the radish are the people of Tibet, and the “three red insects,”¹⁶²⁰ which ate the roots of the radish, are the three largest Tibetan monasteries of the Dge lugs tradition (’Bras spungs, Dga’ ldan, and Se ra). Despite the fact that Tharchin “conceals” his message “in a metaphor from communist China”¹⁶²¹ and yet, at the same time, disambiguates all what he tried to conceal, it is still not easy to get the ultimate meaning of his story. If the editor meant to demonstrate with his allegory that by the virtue of “the Three Monastic Seats and the kindness of the venerable Dalai Lama,”¹⁶²² Chinese communists failed to grow their supporters among the population of Tibet, then, the choice of red color for the “radish,” i.e., the communist government, appears logical, but it does not make sense that the “insects,” i.e., the three main Tibetan monasteries, are also red. Whether Tharchin chose red for the insects to confuse the reader and make the “concealing in a metaphor” more sophisticated, or whether the story has another additional layer of metaphorical meaning remains unclear.

This story was published in March 1958. By the beginning of 1958, thousands of *kham*s fled to central Tibet, where the Chinese communist government bound by the conditions of the 17-Point Agreement could not take any punitive action against them.¹⁶²³ The violent suppression of the anti-reform protests in eastern Tibet had caused a concern of the 14th Dalai Lama and by 1957, the Chinese communist officials took a more cautious approach promising that reforms in central Tibet

¹⁶¹⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 2.

¹⁶¹⁸ Tib. *la phug dmar po*.

¹⁶¹⁹ Tib. *la phug dmar po 'i lo ma rnams*.

¹⁶²⁰ Tib. *'bu dmar po gsum*.

¹⁶²¹ Tib. *rgya dmar nas dpe bkab don du*.

¹⁶²² Tib. *gdan sa chen po rnam gsum dang / gong sa mchog gi bka' drin*.

¹⁶²³ Shakya 2000: 163, 166.

would be further postponed for several years.¹⁶²⁴ Thus, one can say that in a way, due to the courtesy of the 14th Dalai Lama, “the policy of oppression [designed by] communist China could not continue expanding [any] further.”¹⁶²⁵ Perhaps, the story on the red radish and insects was an allusion to these events.

In *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8 dated January 1959, under the title “Story about a Frog and a Crab,”¹⁶²⁶ Tharchin published an allegory with no direct hints on who was who there. The story reads:

Earlier, in some area, there was a lake where a frog and a crab lived. When one day, a lot of baby fish came to the lake in that area in a fear of inundation, the frog and the crab thought that those creatures were of a different ethnic group and [said] that there was a need to drive them out. The baby fish heard that discussion. In reality, they [the frog and the crab] did not need to fight with the baby fish. The frog and the crab were induced to disunity.

One day, when the frog and the fish almost came out of the water and were fighting ashore, a fisherman came and took away the crab and the frog. When [they] were carried [away] caught in a net, the anger they felt during the fight disappeared, they hugged each other and felt regret that [they] fought. No matter how [hard] they [tried] to think of something what could be done, they could not return anything back and they were cut off from their beloved life. That is why, that lake became like a homeland to the baby fish. (I ask everybody to think over what is the meaning of this parable).¹⁶²⁷

In Tibetan proverbs, frogs traditionally symbolized sin and ugliness.¹⁶²⁸ Therefore, Tharchin’s choice of this animal for the main character of the parable was, perhaps, not accidental. The story ends with an appeal of the editor to his readers to reflect on the meaning of the allegory. Tharchin published the parable in January 1959. By that time, thousands of *khams pas*, facing the pressure of the advancing People’s Liberation Army on the rebellious areas of eastern Tibet, had crossed the border with central Tibet, the territory of which was still exempted from socialist reforms by the terms of the 17-Point Agreement.¹⁶²⁹ However, the people in Lhasa either remained indifferent or expressed their resentment to the increasing number of *khams pas* in

¹⁶²⁴ Shakya 2000: 152, 156.

¹⁶²⁵ Tib. *rgya cher dar rgyas byung ma thub*.

¹⁶²⁶ Tib. *spal pa dang sdig srin gnyis kyi gtam*.

¹⁶²⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 6.

¹⁶²⁸ See Pemba Lhamo 2007: XIV–XV.

¹⁶²⁹ Shakya 2000: 163.

the Tibetan capital.¹⁶³⁰ Hence, with the help of this didactic allegorical story Tharchin most likely intended to show his readers how the arrival of Chinese communists to Tibet in general and the lack of sympathy from the people of central Tibet for the *khams pas* in particular was to lead to the same outcome that the crab and the frog ran into: the Tibetan-speaking population would be forced to leave their native lands, Tibet would become “like a homeland”¹⁶³¹ to Chinese communists, and the people of Tibet would have nothing left but regrets over their internecine disagreements.

Mysterious allegorical stories regularly appeared in *The Tibet Mirror* in the 1960s too. For an example from a later period, one can read a story entitled “Owl’s Six Lies”¹⁶³² in Vol.XXVII No.12 dated December 1962:

1. Earlier, a man asked an owl a question: why is your head flat? The [owl] answered: the head became flat because I asked for the religious instruction and religious initiation a lot.
2. [The man] asked again: why did your ears become deaf? The [owl] answered: because I have never heard even a word of the Buddhist teaching.
3. [The man] asked again: why are your eyes yellow? The [owl] answered: because I always drink only melted butter.
4. [The man] asked again: why are there cracks in the cuticle of your claws? The [owl] answered: because I have not seen [any] fat with my own eyes.
5. [The man] asked again: why are your eyes able to see very clearly at night? The [owl] answered: this is the result of me bringing a great benefit to all [of you].
6. [The man] asked again: why do you not go outside during daytime? The [owl] answered: since I bring harm to all, there is not a place where I get out during daytime.¹⁶³³

Fortunately, in this case Tharchin provided an explanation for his allegory, so there is no need to guess who was compared to the inconsistent owl:

The above-mentioned lies of the owl and the lies of communist China now are one and the same. All news that communist China reports on the radio are only lies. If [you] do not listen to them at all, it will be good. But [if you] listen [to the Chinese communist radio programs], [you] need to understand that all [their] claims that they did this and that good was [actually]

¹⁶³⁰ van Schaik 2011: 227.

¹⁶³¹ Tib. *pha yul lta bu*.

¹⁶³² Tib. *'ug pa 'i rdzun gtam drug*.

¹⁶³³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10–11.

bad. For example, those Tibetans in Tibet, who do not [wish to] make false statements, are bullied to speak into a phonograph.

They say on the radio: “Earlier, I have drunk nothing except for black tea similar to water. The fact that nowadays, I drink butter tea similar to a soup is [a result of] Mao Zedong’s kindness.” [One] needs to understand that the meaning of this is: if earlier, [Tibetans] drank butter tea similar to a soup, now, because of Mao Zedong’s tyranny, instead of tea [they] do not drink even boiled water.

It is well-known to the whole world that, although communist China has certainly invaded the border [territories] of the peaceful religious Indian state, the PRC makes claims similar to the owl’s lies: “Because India attacked the territory of Tibet, [we] could not help responding with violence.” However, nobody believed this [lie]. Never get fooled with lies like this! [Dear] friends, if [you] get fooled, [you] will regret it later.¹⁶³⁴

Although, at first, Tharchin’s choice of an owl for an allegorical reference, the number of questions, and the owl’s answers do not give a clear idea to a modern non-Tibetan reader what the author of the story was getting at, the anti-communist rhetoric in the second part of the publication puts everything in its place: “all news that communist China reports on the radio are only lies,”¹⁶³⁵ “it is well-known to the whole world”¹⁶³⁶ that “communist China has certainly invaded the border [territories] of the peaceful religious Indian state,”¹⁶³⁷ and, if anybody believes the “lies” of Chinese communists, this person “will regret it later.”¹⁶³⁸ By claiming that “it is well-known to the whole world” of the Chinese communist invasion of India, Tharchin attributes his own opinion to the international community and thus tries to raise the credibility of his accusation of the PRC in being the aggressor and the invader of the “peaceful religious state” of India.

If one thinks of the historical background of the “Owl’s Six Lies,” it was published in December 1962, i.e., the next month after there was declared a unilateral ceasefire in the Sino–Indian War which took place in October–November 1962. Tharchin depicts this border conflict as an evil act of invasion of the PRC on

¹⁶³⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 10–11.

¹⁶³⁵ Tib. *rgya dmar gyis rlung 'phrin nang bshad pa'i gsar 'gyur tshang ma rdzun gnam kho na red.*

¹⁶³⁶ Tib. *'dzam gling yongs kyis shes gsal ltar.*

¹⁶³⁷ Tib. *rgya dmar gyis rgya gar chos ldan zhi bde'i rgyal khab kyi sa mtshams su btisan 'dzul byas nges gtan yin.*

¹⁶³⁸ Tib. *rjes su 'gyod pa skyed yong.*

yet another “peaceful religious state.” However, Tsering Shakya presents a different assessment of the conflict by maintaining that after the Dalai Lama’s flight to India, the Sino–Indian confrontation seemed inevitable.¹⁶³⁹ Furthermore, Tsering Shakya reports that “throughout the early 1960s, the Chinese deployed large numbers of troops of the PLA” along the Sino–Indian border “only to find that the border regions were still inadequately guarded.”¹⁶⁴⁰ By 1962, the Indian government had established 24 new posts along the Sino–Indian border and the government of the PRC had set up 30 new border posts.¹⁶⁴¹ In Tsering Shakya’s words, the “Indian attempts to push back the PLA were naturally seen by the Chinese as an act of provocation and aggression.”¹⁶⁴² Hence, the Sino–Indian conflict could be hardly objectively described in such “black and white” terms as Tharchin did in his owl story. One should also comment on the interesting choice of a bird for the image of the PRC. In Tibet, the owl was traditionally considered an evil, deceitful character and was called an “ill-omened bird” or the “bird of the devil,”¹⁶⁴³ which perfectly correlates with the image of the PRC promoted by Tharchin in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s.

The last example of Tharchin’s allegorical instruction that must be cited as part of the analysis of the mode of discourse is the “Legend of the Stupid Carpenter and [His] Trees”¹⁶⁴⁴ from Vol.XXVIII No.1 dated January 1963:

Once, there was a stupid carpenter in a village on the territory of China. He had many children and was poor and needy. Very tall trees with branches and leaves full of flowers and fruits grew in abundance near his house. [The carpenter] was making his living by selling those flowers and fruits. Moreover, when the sun was shining, [the trees] provided a shade, and when the wind was blowing, [they] protected against the wind.

One day, the stupid old father thought: “Apart from covering my house from sunlight and protecting it against the wind, these trees are bringing only harm and no other benefits to [our] life. For this reason, it will be more beneficial to cut these trees and burn them in the

---

¹⁶³⁹ Shakya 2000: 277.

¹⁶⁴⁰ Shakya 2000: 285.

¹⁶⁴¹ Shakya 2000: 285.

¹⁶⁴² Shakya 2000: 285.

¹⁶⁴³ See Pemba Lhamo 2007: XV.

¹⁶⁴⁴ Tib. *shing mkhan blun po zhig dang shing sdong gi lo rgyus*.

fire [place] during winter.” His children gathered [together], uprooted the trees and were proud [of themselves].

Then, when [they] threw wet logs in the fire, a lot of smoke was coming [from it], so the old father told his children: “Even if to burn these useless trees in the fire, the food and the house are getting covered with soot in my own eyes. Thus, no matter what you do with them, they are useless and are really [our] enemies.” They all agreed and destroyed the [remaining] logs by throwing them in the water. After that, having also lost their means of livelihood, he and his family had to suffer a lot.¹⁶⁴⁵

The allegorical legend portrays a carpenter who made a wrong decision and ruined his own life alongside with the life of his family members. In the second paragraph of the publication, Tharchin, fortunately, provided his readers again with a detailed explanation of the meaning of this legend:

As in this example, Chinese communists have destroyed the beautiful old traditional religion, culture, power, and glory of their own state. Moreover, although the Great Leap Forward of socialist progress has showed the unprecedented welfare [of the people in the PRC], in reality, [Chinese communists] are as that stupid carpenter, who instead of doing good for the development of their own country and the fundamental rights of their citizens, have brought only harm as a result of the extraordinary destruction. At present, because of the poverty of people residing in mainland China, not only there are many deaths from hunger, but also year by year the state economy, welfare, and all freedoms are falling into greater decay and do not show even the slightest progress. If one looks at the real situation, [one can see that] the political power [of Chinese communists] will not be able to stay strong much longer.

If one compares the earlier and the present situation in Tibet, it is like day and night, like being full and being hungry, like paradise and hell. Soon, he himself will do the work of destroying even himself.¹⁶⁴⁶

It is a pity Tharchin did not provide such an explanation for each of his fables and parables in *The Tibet Mirror*. The editor presents a rather gloomy picture of desperate life of people in the PRC and detrimental policies of the Chinese communist government: “the poverty of people;”¹⁶⁴⁷ “many deaths from hunger;”¹⁶⁴⁸ “destroyed the beautiful old traditional religion, culture, power, and

¹⁶⁴⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4.

¹⁶⁴⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4.

¹⁶⁴⁷ Tib. *rgya nag skam sa chen por gnas pa'i mi dmangs rnam ky'i 'tsho ba tha zhan.*

¹⁶⁴⁸ Tib. *ltogs pas shi skyon byung ba mang ba.*

glory of their own state;”¹⁶⁴⁹ “year by year the state economy, welfare, and all freedoms are falling into greater decay;”¹⁶⁵⁰ “instead of doing good for the development of their own country and the fundamental rights of their citizens, have brought only harm as a result of the extraordinary destruction.”¹⁶⁵¹ Describing the present situation in Tibet in the same manner, Tharchin introduces an antithesis that clearly demonstrates how ideal the life in Tibet had been earlier and how dreadful it was in 1963 owing to the fault of the PRC: “it is like day and night, like being full and being hungry, like paradise and hell.”¹⁶⁵²

Once again playing the role of a prophet, the editor predicted the imminent end of the communist rule in China: “the political power [of Chinese communists] will not be able to stay strong much longer”¹⁶⁵³ and “soon, he himself will do the work of destroying even himself.”¹⁶⁵⁴ Given that, it is not clear whom Tharchin referred to by the pronoun “he”¹⁶⁵⁵ in the very last sentence. There are two possible options as to what or who was behind the pronoun “he”: either “he” was Tibet, since the previous sentence clearly refers to Tibet, in which case Tharchin claimed that the people of Tibet would be forced to destroy themselves and their culture, or—what seems more likely—the editor implied that “he” was the Chinese communist regime or the Chinese communist leader Mao Zedong.

One can also notice that in the allegorical part of the publication, the editor denotes China using a combination of Tibetan syllables *tsi na*, which sound similar to the English term *China*. However, further in the explanation of the legend Tharchin uses his standard term *rgya dmar* (lit. “communist China”), and in all other analyzed publications from *The Tibet Mirror* issues from 1949 to 1963, the editor referred to China either by the term *rgya dmar* or *rgya nag* (lit. “China”). One can

¹⁶⁴⁹ Tib. *rgya dmar gung bran nas kyang / _rang gi rgyal khab kyi sngar srol bzang po'i chos dang shes rig mnga' thang dpal 'byor nams rtsa rlags btang.*

¹⁶⁵⁰ Tib. *lo re nas lo le rgyal khab kyi dpal 'byor/ _bde skyid/ _rang dbang tshang ma ji nyams ji rgud du 'gro ba las yar rgyas spu tsam med.*

¹⁶⁵¹ Tib. *rang gi lung par yar rgyas dang mi ser gyi thob dbang bde rtsa bcas par phan pa'i tshab tu gnod gyur gtor rlags kho na btang.*

¹⁶⁵² Tib. *bod la cha bzhag na sngon dang da lta'i gnas tshul gnyis nyin mo dang mshan mo/ _'grangs ba dang ltogs pa/ lha yul dang dmyal khams mishungs par btang ba red.*

¹⁶⁵³ Tib. *kho 'i srid dbang yun ring sra brtan thub kyi ma red.*

¹⁶⁵⁴ Tib. *ring min kho rang yang phung pa'i las ka kho rang gis byed kyi yod pa red.*

¹⁶⁵⁵ Tib. *kho rang.*

imagine that in this single case, Tharchin introduced the term *tsi na* at the very beginning of his legend to create an even bigger confusion and allegorality, or it happened because the legend of the carpenter was borrowed by the editor from a source in the English language.

The authors of *A Collection of Tibetan Proverbs and Sayings* Ch. Cüppers and P. Sørensen contend that “the people of Tibet have always been fond of expressing themselves proverbially or aphoristically,” for allegories allow a speaker to address difficult topics indirectly, in a more flexible and vague manner.¹⁶⁵⁶ To support their claim, the researchers cite a Tibetan proverb: “[Speech] without proverbs is difficult to comprehend, [just as] a vessel without a handle is difficult to hold.”¹⁶⁵⁷ Ch. Cüppers and P. Sørensen believe that sophisticated or indirect means of communication were usually used by Tibetans to handle social or political taboos, as well as to achieve a degree of subtlety for presenting a sarcasm.¹⁶⁵⁸ According to Tibetans themselves, Tibetan proverbs serve not only as a way of instruction, i.e., succinct lessons of wisdom that have been passed on orally by the previous generations, but also as a verbal weapon, with which one can strengthen one’s position in a dispute if needed.¹⁶⁵⁹ According to the author of a collection of Tibetan proverbs Lhamo Pemba, aphorisms have traditionally helped Tibetans to learn common moral values and to distinguish between what is fair and what is not, what is good and what is evil, what should be celebrated and what should be opposed.¹⁶⁶⁰

Thus, the introduction of elements of traditional Tibetan folklore into Tharchin’s anti-communist discourse can be construed as an attempt to adorn the editor’s reasoning with a sharper verbal “weapon,” as a means to convey sarcasm, and as an elaborate imagination-provoking technique aimed at catching the interest of readers and winning their sympathy for the ideas reproduced within the frame of the metanarrative of Tibetan independence in the 1950s and 1960s. With the help of the *gtam dpe* column, Tharchin exposed in *The Tibet Mirror* all the same problems

¹⁶⁵⁶ Cüppers and Sørensen 1998: XI, XXII.

¹⁶⁵⁷ Tib. *gtam dpe med de go dka’/ snod lung med de ’ju dka’* (Cüppers and Sørensen 1998: XXVII).

¹⁶⁵⁸ Cüppers and Sørensen 1998: XXVI.

¹⁶⁵⁹ Pemba Lhamo 2007: XI.

¹⁶⁶⁰ Pemba Lhamo 2007: XII.

as he did in his ordinary news reports and articles: namely, he condemned the Chinese communist policy in Tibet, advocated for Tibetan independence, warned against any forms of cooperation with Chinese communists, tried to persuade his Tibetan-speaking readers to seek help of those world powers which could efficiently support the Tibet Question in the international arena, urged the inhabitants of the entire Tibetan Plateau to unite in their struggle against the Other and to be loyal to the Dalai Lama, the Tibetan Dga' ldan Pho brang government, and the three main Tibetan monasteries of the Dge lugs tradition.

2.2.4.2.2. Prophecies

Tharchin's creativity went far beyond proverbs, fables, and parables, therefore, the anti-communist rhetoric of the editor of *The Tibet Mirror* also found its form of expression in a rather bizarre genre of prophecies. A. Sawerthal calculated that there are all together 24 prophecies in *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s.¹⁶⁶¹ However, not all of those prophecies were devoted to the topic of Tibetan independence. Since in some prophecies from the 1950s and 1960s, Tharchin quoted passages from the Bible¹⁶⁶² or predicted the Third World War,¹⁶⁶³ this subsection offers just a few examples which are directly related to the Tibet Question.

Similar to the column with letters to the editor and the column entitled “From a Learned One”, the prophecy column contributed to the reinforcement of the image of the PRC as an aggressor and “enemy of the Buddhist teaching” reproduced by Tharchin himself, for the authors of prophecies and letters—just like the editor himself—strongly disapproved of the idea of establishment of the communist rule in Tibet. For example, in Vol.XX No.9 dated December 1952, under the title “Old Mongol Made a Prophecy,”¹⁶⁶⁴ Tharchin published the following information:

¹⁶⁶¹ Sawerthal 2018a: 251.

¹⁶⁶² E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.3, June 1953: 6–7; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.4, April–May 1963: 8 (for more information, see Sawerthal 2018a: 252).

¹⁶⁶³ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952: 7; *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952: 4–5; *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953: 1 (for more information, see Sawerthal 2018a: 253).

¹⁶⁶⁴ Tib. *sog po mi rgan zhig gis lung bstan bshad 'dug*.

40 years ago [1912], several prophecies were made: “The Chinese will cause a lot of suffering in Outer Mongolia. Because of that, communist Russia will oppress Outer Mongolia. Communism will gradually spread throughout the entire China. Then, a time will come when communists make an attempt to seize coercively the Tibetan religious country as well. However, [communism] will come to the Tibetan religious country, for example, only for a little while. Since it will be like a solar eclipse and a lunar [eclipse], from then on, in particular, starting from the Year of the Dragon [1952], the communist power will be certainly getting weaker and weaker. Therefore, in the Year of the Snake [1953], throughout the entire world the great war will begin and forces of the communist followers, who are enemies of the Buddhist teaching, will be destroyed. In the Year of the Sheep [1955], a truce will be signed. In the Year of the Monkey [1956], in accordance with the fine old traditions, a new ruler will be appointed in every country and the sun of happiness will rise over the entire world.”

Many [things] from the prophecy have come true. Will not the rest come true as well? The prophecy recently made in Japan and the prophecy from Mongolia are roughly the same.¹⁶⁶⁵

The Mongolian prophecy was published in *The Tibet Mirror* issue dated December 1, 1952, therefore, if it was indeed made 40 years ago, it must have been around 1912. Tharchin’s attempt to draw the attention of his readers to the prophecy in 1952 suggests that the editor of *The Tibet Mirror* considered it relevant and important for the present moment. According to the traditional Tibetan calendar, “the Year of the Dragon” mentioned in the prophecy as the beginning of the period of the decline of the communist regime was right at the time when this newspaper issue came out. In 1953, according to the prophecy, the Third World War was to be waged against the Communist Bloc, and by 1956, all communists were expected to be completely defeated and a beautiful new order was to be established in the world. At the time when this issue of *The Tibet Mirror* was published, the Korean War (1950–1953) had already lasted for two and a half years, so Tharchin probably hoped that with further escalation of the conflict on the Korean Peninsula, an even larger part of the international community would embrace the anti-communist sentiment and the communist countries (first and foremost, the PRC) would lose their position in the world.

---

¹⁶⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952: 5.

The Mongolian prophecy is characterized by the same stylistic expressiveness as Tharchin's own publications: the spread of communism is depicted as something very short-lived "like a solar eclipse and a lunar [eclipse],"¹⁶⁶⁶ and the sun metaphor compares the future victory over communism to a sunrise that is meant to bring happiness to the entire world ("the sun of happiness will rise over the entire world"¹⁶⁶⁷). Modeling the desired future with predictions uttered in the name of an unknown Mongol ("the communist power will be certainly getting weaker and weaker;"¹⁶⁶⁸ "forces of the communist followers, who are enemies of the Buddhist teaching, will be destroyed;"¹⁶⁶⁹ "[communism] will come to the Tibetan religious country only for a little while"¹⁶⁷⁰), in the very end, Tharchin enhances the rhetoric of his publication with the discourse technique of extrapolation of the precedent. The employment of this technique involves predicting the future based on some existing precedents:¹⁶⁷¹ if some fragments of the Mongolian prophecy have come true, then the rest must also come true ("Many [things] from the prophecy have come true. Will not the rest come true as well?"¹⁶⁷²).

Sometimes prophecies were published in *The Tibet Mirror* on the same page with the *gtam dpe* column. For instance, in Vol.XXIII No.3 dated October 1955, right before the "Parable of Strategic Victory" of the green parrots over the poisonous snake that was stealing their eggs, Tharchin places a publication under the title "From a Prophecy of the Future"¹⁶⁷³ written on the basis of a translation from the *Book of Revelation*.¹⁶⁷⁴ Or, for example, in Vol.XX No.2–3 dated May–June 1952, on the very same page and almost on the same level in two adjacent columns, Tharchin publishes a *gtam dpe* mentioned in the previous subsection (about the ruler who "has found a way to rule over the independent [one]" and "what

¹⁶⁶⁶ Tib. *nyi zla gzas 'dzin pa ltar*.

¹⁶⁶⁷ Tib. *'dzam gling yongs su bde skyid kyi nyi ma 'char ba zhig yong gi red*.

¹⁶⁶⁸ Tib. *dmar po 'i dbang thang je zhan je zhan du 'gyur nges*.

¹⁶⁶⁹ Tib. *bstan dgra dmar lugs kyi rjes 'brang pa 'i stobs shugs rtsa med du giong*.

¹⁶⁷⁰ Tib. *bod chos ldan gyi zhing du bslebs pa de ni yud tsam*.

¹⁶⁷¹ For more information, see Chernyavskaya and Molodychenko 2014: 112.

¹⁶⁷² Tib. [...] *ches lung bstan bshad 'dug pa las mang po bsgrubs 'dug cing da dung yang bsgrub mi yong ngam*.

¹⁶⁷³ Tib. *ma 'ongs lung bstan las* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955: 6).

¹⁶⁷⁴ For more information on this type of prophecies, see Sawerthal 2018a: 249–253.

is called ‘liberation’ makes one greatly surprised”) and places symmetrically next to it the following “Prophecy of the Future”¹⁶⁷⁵ composed of four nine-syllable lines:

Due to the nine lightning bolts of gunpowder [fired with the help of] evil magic of Mara’s reincarnation, an iron box will start speaking in human language, and virtuous people in all corners of the world will be listening to new stories all the time on a daily basis.

In accordance with the prophecy made by Guru Padmasambhava, at present, one will not hear any other than unpleasant news on a daily basis.¹⁶⁷⁶

Tharchin refers to the authority of Padmasambhava, a semi-legendary Indian tantric Buddhist teacher of the 8th century who is believed to have acquired his status of an iconic master Guru Rinpoche¹⁶⁷⁷ (lit. a “precious teacher”) for subduing local Tibetan deities that hindered the spread of Buddhism in Tibet.¹⁶⁷⁸ Taking into consideration the context of other anti-communist publications in *The Tibet Mirror* during this period, which have already been described in full in the previous subsections of the present dissertation, one can conclude that Tharchin made up himself the pseudo-prophecy of Padmasambhava on the establishment of radio broadcasting in Tibet to devise an association of the Chinese communist radio with the malicious intrigues of the demon Mara. Commenting on the prophecy, the editor underlines his negative attitude towards the communist radio by saying that it broadcasts only “unpleasant”¹⁶⁷⁹ news and thus implies that the government of the PRC tries to fool the population of Tibet with its propaganda.

Another unusual prophecy entitled in Tibetan as “Look at the English Translation of a Prophecy of the Dharma Protector Cited above”¹⁶⁸⁰ and much shorter in its English version as “Oracle” was published in *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3 dated February–March 1963. The original English translation of the prophecy provided by Tharchin reads the following:

---

¹⁶⁷⁵ Tib. *ma ’ong lung bstan*.

¹⁶⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 10.

¹⁶⁷⁷ Tib. *gu ru rin po che*.

¹⁶⁷⁸ Ostrovskaya-Jr. 2008: 65–66; van Schaik 2011: 35.

¹⁶⁷⁹ Tib. *mi snyan pa ’i gam gsar*.

¹⁶⁸⁰ Tib. *gong gsal chos skyong gi bka’ lung dbyin skad du bsgyur par gzigs*. The literary translation of the Tibetan term *chos skyong* is a “Dharma protector.” However, this term was also used to refer to state oracles in Tibet (see Goldstein 1992: 140), that is why in his English translation Tharchin abridged the Tibetan title to the “Oracle.”

I pay my respects, as to the Crown, to Munindra (i.e. the Buddha). The karma-result of all the beings in the world, including the long-suffering people in the middle of the Himalayas, is indeed wonderful! My Padmapani's (i.e. the Dalai Lama's) light (i.e. compassion) has spread all over the world and the effect of the truth will soon be clearly revealed. The main thing is that all the monks and laymen should meditate on the oath (of unity) as being on the top of their head (i.e. should earnestly bear it in mind). They must abandon their separate parties and create one strong (united) party. The position of the East Red Pig (i.e. Mao Tse Tung) will not last long, but will vanish like a rainbow. Then a change will take place, and the Pig's harvest will be devoured by the Dog. The angry Tiger of the South is lying on the border. After a time the great storm of delusion will come, so don't believe it. The Snake and the Frog of the West will advance and withdraw in various ways. They don't see that they themselves will be ruined. The Cobra of the North is stretching out two tongues. It is somewhat dangerous to all beings. The sufferings of our Chintamani of the Himalayas (i.e. the Dalai Lama) will become clear like the sun.¹⁶⁸¹

This prophecy was written by someone named "Tashi," but the English translation and the disambiguation of the main characters (Munindra, Padmapani, the Pig) employed by Tashi must have been done by Tharchin himself. It is clear from the text that the population of the Tibetan Plateau are the "long-suffering people in the middle of the Himalayas," whose karmic result is "indeed wonderful." It is also clear who was called the Pig. However, it is hard to say who were the Dog, the Cobra of the North, the Tiger of the South, the Snake, or the Frog of the West. It is also a mystery what kind of "Pig's harvest" was going to be devoured by the Dog and what are the "two tongues" that "the Cobra of the North is stretching out." Apart from the appeal for the unity of all monks and laymen of Tibet, the prophecy is noteworthy for its figurative means of expression. The Dalai Lama is metaphorically labeled as the "Chintamani of the Himalayas," which likens him to a magical Buddhist jewel that fulfils wishes. With the help of similes, the author predicts that Mao Zedong's position in the political arena "will not last long, but will vanish like a rainbow," and then, the sufferings of the 14th Dalai Lama "will become clear [for the entire world] like the sun."

---

¹⁶⁸¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4.

The genre of prophecies in *The Tibet Mirror* seems to be the most difficult for interpretation by a modern non-Buddhist reader. According to A. Sawerthal, people in Tibet traditionally resorted to prophecies at the most difficult times and the predicted information has always been attributed with rather large credibility.¹⁶⁸² All prophecies discussed in this subsection harmoniously integrate into Tharchin's anti-communist discourse and help constructing an essential part of the metanarrative of Tibetan independence which is related to predetermining the future of Tibet. The editor of *The Tibet Mirror* used the genre of prophecies as an alternative to ordinary news reports and letters from eyewitnesses in order to secure an additional opportunity to reinforce the image of the PRC as an evil aggressor and to further imbue his readers with anti-communist sentiment. At the same time, Tharchin applied the frame of the genre of prophecies to convince the readership of *The Tibet Mirror* that the CCP's rule in China was just a temporary phenomenon and, in the future, the "Tibetan Religious State" would certainly free itself from the oppression of Chinese communists.

2.2.4.2.3. Songs and Poems

The genre of provocative oppositional songs and poems constitutes another important form of Tharchin's creative self-expression and stylistic means of enlivening the constructed metanarrative of independence. In the 1950s and 1960s, most poetic publications in *The Tibet Mirror* were built on the use of syntactic parallelism and symbolism, and whereas the message of some oppositional songs appears quite explicit, other songs sound completely allegorical and do not make any sense to a modern non-Tibetan reader. For example, in Vol.XIX No.5 dated August 1951, Tharchin published a "new song"¹⁶⁸³ of 12 six-syllable lines which was allegedly popular in Lhasa at the time:

Beijing government threw the nine-eyed sling braided of soft wool. [It] got into the Lhasa government. The Lhasa Bka' shag government is being sycophantic in front of the stone.

---

¹⁶⁸² Sawerthal 2018a: 257.

¹⁶⁸³ Tib. *gzhas gsar pa*.

Peaceful and white, it has become numb on the outside, [so it] is [now] guided by fierceness and red from the inside. Having become numb in the power it had, [it] is [now] guided by the power [it] does not have. Whether [it] is peaceful and white or fierce and red, look at the [Dharma] wheel turning around!¹⁶⁸⁴

Given the date of the publication (i.e., August 1951), one can assume that the author of the song attempted to tease the Tibetan officials who decided to cooperate with the Chinese communist government in Tibet after the 17-Point Agreement was signed. But it is not clear why the author chose the metaphor of a “nine-eyed sling” (Tib. *'ur rdo chu mig dgu sgril*) for his song. In Tibet, a rope of black and white color with a rhombic pattern of nine elements depicting eye-shaped lines on the water (that is called *chu mig dgu sgril* in Tibetan) was traditionally attributed with the function of an amulet and was attached to one's clothes for protection against evil forces.¹⁶⁸⁵ Tibetan herdsmen wove the black and white eye-pattern into their slingshots, because they believed that it increased the effectiveness of their weapons. Moreover, the nine-eyed sling was considered to be one of the nine types of weapons of wrathful deities. Since the late 1980s, the black and white rhombic design was associated with Tibetan wristbands which were symbols of the struggle against Chinese communist “enemies of the Buddhist teaching.”¹⁶⁸⁶ It is now not possible to establish whether there is any connection between the modernized symbolic meaning of the braided rope with the black and white rhombic design and the text of this oppositional song published by Tharchin in *The Tibet Mirror* in the summer of 1951. However, the simultaneous overlapping of design symbolism of Tharchin's anti-communist discourse in the 1950s and the ensuing anti-communist movement in the Tibetan diaspora in the 1980s does not seem accidental and suggests that there was a more subtle meaning hidden behind the imagery of the oppositional song from Lhasa, which was certainly clearer to Tibetan-speaking readers of *The Tibet Mirror* back at the time.

¹⁶⁸⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 5.

¹⁶⁸⁵ “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html>. Accessed June 27, 2022; Norbu Jamyang 1986: 12.

¹⁶⁸⁶ “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html>. Accessed June 27, 2022.

In Vol.XIX No.8 dated November 1, 1951, right before the allegorical “Fable of the Eloquent Parrot” and the era of degeneration in Tibet, which was discussed in the subsection 2.2.4.2.1. *Didactic Publications*, Tharchin published the “New Song about People’s Liberation”:¹⁶⁸⁷

Tibetan young men, we will give you salaries and food. It is time to show [us] your natural resources! Return to the family [of nations of your Chinese motherland]! Return, return!

Tibetan girls, we will make friends with you. It is time for you to increase the population. Return to the family! XXX.

Tibetan people, we will liberate [you]. It is time to make use of your national wealth. Return to the family, return! Return! XX.

Tibetan farmers, we will increase [your] welfare. It is time to eat your crops. Return to the family! XXX.

Tibetan serfs, we will liberate [you]. It is time for you to work as public servants. Return to the family, return! XXX.

Tibetan aristocrats, we will offer [you] the key positions in the government.¹⁶⁸⁸ It is time for you to do the detailed calculations. Return to the family! XXX.

Tibetan lamas and monks, we will humbly make offerings to you. It is time for you to look for the food for [your] religious practice. Return to the family! XXX.

Tibetan ethnic groups, we are allowed to act according to our own will. It is time to jointly use the public property. Return to the family, return, return, return!

Ha-ha-ha! Happiness-happiness-happiness! Hee-hee-hee-hee! Obtained-obtained-obtained!
Hu-hu-hu-hu-hu! From the chains-chains-chains! He-he-he-he-he! Liberated-liberated-liberated!
Ho-ho-ho-ho-ho!¹⁶⁸⁹

Using semantic repetitions, syntactic parallelism, and sarcasm as a means of persuasion, the author of the song composes this pseudo-address on behalf of Chinese “liberators” to all social groups of Tibetan population. The song implies that the Chinese communist government did not intend to “peacefully liberate” Tibet and “return” it to the Chinese “family” of nations out of sheer altruism and sympathy for the people of Tibet, but it was a careful well-calculated practical step of the PRC taken in order to achieve the political and economic subjugation of Tibet.

¹⁶⁸⁷ Tib. *mi dmangs bcings bkrol gyi glu gzhas gsar pa*.

¹⁶⁸⁸ The translation of the Tibetan term *tog go* as “key positions in the government” (Tib. *tog gnas mgo*) is hypothetical.

¹⁶⁸⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951: 4.

In Vol.XX No.2–3 dated May–June 1952, Tharchin brings to the attention of his readers another new song that was allegedly popular in Lhasa:

Although the liberation reached Tibet, the pride will not be broken down. Although Panchen Lama arrived in Tibet, [he will] not be asked to give blessings.

Having left yellow mushrooms on the meadow, [one] does not want to eat white mushrooms. Having put aside both the religious and secular power, it is not the time to ask for the liberation. Stand up! Stand up! Stand up!

Brothers of the six clans,¹⁶⁹⁰ having set the independence as the goal of your life, [you] need to build a wall of your bodies! Brothers of the six clans, do not be faint hearted! In order to protect your own motherland, it is necessary to stand up and strike unanimously!

Even if [you] die, it will be for the Buddhist teaching. Even if [you] get defeated, it will be for the Buddhist teaching. Even if you die or get defeated, you will not fall under the rule of the Other.

It is time to demonstrate the miraculous abilities of the *siddhi*! It is time to show the wits of a scholar! It is time to show the courage of young people!

Do not forget. Do not forget. Tibetan nation. The history of the Water-Bird Year [1933]. Tibetan brothers. The year. The year. The year. Defeated. Defeated. Defeated. The army of misleading spirits. Win. Win. Win. Joyfully win.

[I] heard that this is the song that is being reproduced [in Lhasa].

(Please investigate whether it is true or not).¹⁶⁹¹

Based on the fact that at the very end of his publication, Tharchin asks his readers to investigate whether such song was indeed reproduced in Tibet, one can conclude that the editor of *The Tibet Mirror* was not the author of the song.

Since the source domain of mushrooms does not evoke any associations with Tibetan history in the 1950s, the metaphor of yellow and white mushrooms seems to be the most mysterious part of the song: “Having left yellow mushrooms on the meadow, [one] does not want to eat white mushrooms.”¹⁶⁹² As for the rest, it is more explicit. The oppositional song brings up the issue of the need of unity of the entire

¹⁶⁹⁰ Tib. *gdung drug*, lit. “six clans.” According to the myths, there were four or six ancestral Tibetan clans from which the indigenous Tibetan tribes derived (Kapstein 2006: 34–35).

¹⁶⁹¹ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952: 8

¹⁶⁹² Tib. *ser sha spang la bzhaq nas/ dkar sha za 'dod mi 'dug*. A similar line on yellow and white mushrooms can be found in a different street song cited by M. Goldstein in his history of Tibet, however, he did not provide any interpretation of the mushroom metaphor (see Goldstein 2007: 257).

Tibetan-speaking population in the name of resistance to the “alien”¹⁶⁹³ communist rule and preservation of the Buddhist teaching and Tibetan independence. Having referred to the myth of the six ancestral Tibetan clans as the fundamental unifying factor, the author of the song appeals to the “brothers of the six clans” to foster the idea of a common “motherland” of all inhabitants of the Tibetan Plateau that needs to be “protected”¹⁶⁹⁴ from the “army of misleading spirits,”¹⁶⁹⁵ i.e., Chinese communists.

Another mysterious fragment of the song is the Water-Bird Year mentioned by the author at the very end. At the time when the song was published, the last Water-Bird Year begun on December 28, 1932 and ended on December 18, 1933.¹⁶⁹⁶ One of the most important historic events of the Water-Bird Year in Tibet was the death of the 13th Dalai Lama Thub bstan Rgya mtsho on December 17, 1933.¹⁶⁹⁷ But due to the fact that the Water-Bird Year is placed in the context of lexemes “army,”¹⁶⁹⁸ “win,”¹⁶⁹⁹ and “defeat,”¹⁷⁰⁰ one gets an impression that the final lines of the song have something to do with a military action. Therefore, one can make a guess that the reference to the Water-Bird Year is related to the Sino–Tibetan conflict in eastern Tibet, which ended right after the death of the 13th Dalai Lama. In 1930–1932, there were several major Sino–Tibetan confrontations in eastern Tibet: the first victories of the Tibetan army encouraged the Tibetan government to order its troops to advance into the areas east of the Yangtze River which belonged to the Chinese, but the success of the Tibetan army did not last long, and by mid-1932, Tibetan troops in eastern Tibet were forced to fight in two combat zones at once, while suffering defeats and being pushed back by the Chinese army.¹⁷⁰¹ In August 1932, to prevent the escalation of the conflict and further advancement of

¹⁶⁹³ Tib. *gzhan gi 'og la ma 'dong*.

¹⁶⁹⁴ Tib. *rang tsho 'i pha yul srung ched*.

¹⁶⁹⁵ Tib. *log 'dren dpung*.

¹⁶⁹⁶ On the years according to the Tibetan calendar, see “Tibetan Astrology–Table of Year-Animal-Element” // Kunpen Lama Gangchen. URL: <https://kunpen.ngalso.org/en/tibetan-calendar/tibetan-astrology-table-of-year-animal-element/>. Accessed June 27, 2022.

¹⁶⁹⁷ Goldstein 1992: 141–142.

¹⁶⁹⁸ Tib. *dpung*.

¹⁶⁹⁹ Tib. *rgyal*.

¹⁷⁰⁰ Tib. *'pham*.

¹⁷⁰¹ Goldstein 1992: 222.

the Chinese army into Tibet, the 13th Dalai Lama asked the British government of India to put pressure on the Chinese government to stop all military operations in eastern Tibet, however, the British did not intervene.¹⁷⁰² At the same time, since the Chinese government also had to deal with the Japanese invasion of Manchuria and the puppet state of Manchukuo established there in March 1932, Chiang Kai-shek stepped up with his own initiative on holding direct Sino–Tibetan negotiations without any British mediation and welcomed the idea of a ceasefire in eastern Tibet.¹⁷⁰³ On October 10, 1932, representatives of the Tibetan government and General Liu Wenhui¹⁷⁰⁴ of Sichuan signed a truce agreement, and on June 15, 1933, a ceasefire was settled with Lieutenant General Ma Bufang, who was fighting the Tibetan army from the Qinghai direction.¹⁷⁰⁵ However, even after the official truce, Tibetan troops still carried out sporadic attacks, thus violating the established border at the Yangtze River and trying to occupy additional territories in the east. On December 16, 1933, the Mongolian and Tibetan Affairs Commission of the Chinese government sent its official address to the 13th Dalai Lama and demanded the immediate cease of hostilities at the border, but on the next day, i.e., December 17, the 13th Dalai Lama died, and with his death the Sino–Tibetan clashes in Kham came to an end too.¹⁷⁰⁶ In the opinion of the Tibetan author K. Dhondub, who devoted an entire book *The Water-Bird and Other Years* to the 13th Dalai Lama and his role in securing Tibetan independence, the aforementioned ceasefire agreements with China were signed only as a tactical move of the Tibetan government, whereas in reality, in order to defend the independent political status of Tibet, the 13th Dalai Lama continued seeking a renegotiation of the settlement on the eastern frontier from the Chinese government.¹⁷⁰⁷

Going back to the text of the song published by Tharchin in 1952, one can assume that the author intended to remind the people of Tibet of the success of

---

¹⁷⁰² Goldstein 1992: 222–223.

¹⁷⁰³ Goldstein 1992: 223; Kychanov and Melnichenko 2005: 248–249.

¹⁷⁰⁴ Chin. 刘文辉; 1895–1976.

¹⁷⁰⁵ Goldstein 1992: 223; Kychanov and Melnichenko 2005: 248–249.

¹⁷⁰⁶ Kychanov and Melnichenko 2005: 249.

¹⁷⁰⁷ Dhondub 1986: 37.

Tibetan troops in the confrontations with the Chinese army in 1930–1933 and to persuade them that not only the PLA could be fought against but there was even a chance that—similar to what happened during the Water-Bird Year—the Chinese would be defeated and the Tibetan government would be able to repudiate the 17-Point Agreement and follow its independent policy from then on.

In *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10 dated October 1956 under the title “Song of Independence,”¹⁷⁰⁸ Tharchin published another “proof” of popular anti-communist sentiment in Tibet:

Stand up! The people, who command their own destiny, having firmly clenched their iron fists in resolute solidarity, are raising [the fists] up to the sky. Now, [you have] to bear the boundless abuse of Chinese communist demons. Stand up! Stand up! Brothers of the six clans, stand up in [your] flesh and blood for the happiness of independence!

Stand up! People, who do not want to be servants of the Other, having pulled their dear national flag out of [their] closets, are hoisting it as [they did] earlier. Now, the fat-footed [system of] corvee labor is boundless. Stand up! Stand up! Brothers of the six clans, stand up in [your] flesh and blood for the happiness of independence!

Stand up! People, who have the status of animals, are getting united by the unshakable oath [sworn] on [their] flesh and blood. Now, servants of the Other, who is never going to liberate [them], are doing the boundless work. Stand up! Stand up! XXX of the six clans, stand up!

Stand up! *Rtsam pa* eaters, the people of ten million bloods are uniting in their thoughts. Now, [they] are going through a boundless massacre as a result of the bullying. Stand up!

Stand up! Brothers of the six clans, stand up in [your] flesh and blood for the happiness of independence!¹⁷⁰⁹

At the end of the song, Tharchin indicates in parentheses: “from a learned one.”¹⁷¹⁰ As it was already mentioned, in the 1950s and 1960s, *The Tibet Mirror* regularly featured publications “from a learned one” in the form of letters to the editor and parables, but it is not known who these “learned” authors were. Although the “Song of Independence,” just like the Water-Bird Year song from a previous example, is devoted to the very same topic of nation-building and standing up for Tibetan independence, this song differs in its harsher rhetoric from all other oppositional

¹⁷⁰⁸ Tib. *rang dbang gi glu*.

¹⁷⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 4.

¹⁷¹⁰ Tib. *mkhyen ldan zhig nas*.

songs that have been analyzed so far in the present subsection of the dissertation. The appeal to the people of Tibet as “brothers of the six clans”¹⁷¹¹ with a refrain to “stand up in flesh and blood for the happiness of independence”¹⁷¹² is repeated three times within the song. Given that, the enticing image of the future “happiness of independence” is contrasted with the depressive picture of the current oppressive policies of Chinese communists in Tibet. Through a reiteration of “boundless,”¹⁷¹³ the author of the song describes the gloomy reality under the Chinese communist rule: the Self has “to bear the boundless abuse of Chinese communist demons,”¹⁷¹⁴ to “do the boundless work” of serving the Other,¹⁷¹⁵ to “go through a boundless massacre as a result of the bullying,”¹⁷¹⁶ and in addition to that, “the corvee labor is boundless.”¹⁷¹⁷

The theme of the need of unification of Tibetan “brothers” for a joint uprising in the name of Tibetan independence was reiterated in the majority of oppositional songs published in *The Tibet Mirror*. For instance, on the very front page of Vol.XXIV No.11 dated March 1958, Tharchin places the “Song of Joy of Tibetan Independence,”¹⁷¹⁸ which voices a similar call for all “brothers from the Tibetan region”¹⁷¹⁹ to “stand up in solidarity”¹⁷²⁰ and to “stand up in [their] flesh and blood for the happiness of independence.”¹⁷²¹

Poetic appeals for the unity of Tibetan “brothers” were published in *The Tibet Mirror* not only in the form of songs, but also in the form of poems. In Vol.XXIII No.11 dated November 1956, Tharchin addresses the people of Tibet with the following didactic message of eight seven-syllable lines:

You, Tibetan brothers, discard all the old hatred!

Work for gaining [Tibetan] independence!

¹⁷¹¹ Tib. *mi'u gdung drug gi spun zla tsho*.

¹⁷¹² Tib. *rang btsan gyi bde skyid sha dang khrag gis longs shog*.

¹⁷¹³ Tib. *tshod med*.

¹⁷¹⁴ Tib. *krung btsan dmar po'i brnyas bzod da ni khur tshod med*.

¹⁷¹⁵ Tib. *thar dus med pa'i phyi g.yog da ni rgyag tshod med*.

¹⁷¹⁶ Tib. *thub tshod btang ba'i dmar bsad da ni myong tshod med*.

¹⁷¹⁷ Tib. *tshil rkang gi 'u lag da ni rgyugs tshod med*.

¹⁷¹⁸ Tib. *bod rang dbang la dga' ba'i glu gzhas* (*Melong* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1).

¹⁷¹⁹ Tib. *bod ljongs kyi spun zla nmams*.

¹⁷²⁰ Tib. *gdungs shugs gcig bsgril gyis longs shog*.

¹⁷²¹ Tib. *rang btsan gyi bde skyid sha dang khrag gis longs shog*.

Reconcile all existing personal interests and differences for the sake of one common goal!

Why the strength is similar to unanimity and the weakness is similar to discord?¹⁷²²

Reinforcing his idea on the importance of “unanimity” articulated in the form of rhetorical question at the end of the publication, Tharchin restated it again a little bit later in the form of a *gtam dpe*-styled poem published by him twice in *The Tibet Mirror* (namely in Vol.XXIV No.2 dated May 1957 and in Vol.XXIV No.3 dated July 1957):

There is no [bigger] strength than unanimity.

There is no [bigger] weakness than discord.

Brothers of the thirteen *khri skor*, having thought of this idea,

Work unanimously for [your] independence!¹⁷²³

Thus, one can see that Tharchin enabled the construction of the increasingly all-encompassing metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* by experimenting with different kinds of genres throughout the 1950s—i.e., relatively reserved news articles and, on the contrary, emotional eyewitness reports, allegorical parables and cryptic fables, passionate oppositional songs and poems,—all of which were used by him to persistently promote the idea that the people of Tibet have to unite as “Tibetan brothers,” descendants of “the six clans,” and people of “the thirteen *khri skor*,” or “*chol kha gsum*,” in order to wage their national liberation war against the PRC.

The Tibet Mirror Vol.XXVI No.2–3 dated July–August 1959 features, perhaps, the most striking poetic example of a pro-independence inspirational appeal to the inhabitants of the Tibetan Plateau from the 1950s. Written in the Tibetan cursive script but with the English title “Proclamation of Tibetan Volunteer Army for Defence [*sic*] of Religion,” it reads as:

The universe was started in this way:

On a foundation made of webs of wind,

A golden land was formed.

On the golden land,

Rolpa Lake was formed.

¹⁷²² *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 5.

¹⁷²³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: suppl.2; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 7.

In the center of the lake,
 Mount Meru arose.
 Four supreme worlds emerged
 [On the four sides of Mount Meru].
 The earth was on the southern side.

Tibet, the land surrounded by a fence of snowy mountains,
 The upper side of which contains Mnga' ris skor gsum.
 In the center, Dbus gtsang ru bzhi,
 And in the lower part, Mdo khams sgang drug.
 The soul of Tibet is His Holiness the Dalai Lama,
 Whose life is as strong as a diamond,
 The rays of which light all of the four directions.

A 'brug Mgon po Bkra shis has sown the white rice of merit,
 The paddy has grown well,
 And a good harvest for happiness in Tibet has reaped.

As the six ranges mark the land,
 The enemies of Buddhism, the Communists,
 Have been demolished like the sun melting frozen dew on rocks.
 As the four rivers run through the valleys,
 The sand dunes of communism have been washed away.
 The flag of prosperity for Buddhism has been raised atop the six ranges!
 The banner of long-life spans the four rivers!

The world's white marble stupa
 Remains without delusion in the three realms of existence
 And lives long without negative effect to body, mind, or speech.

Born from the mind of the dharma king,
 The fame of the leader of Chu bzhi sgang drug is louder than thunder.
 For the sake of all sentient beings and for Buddhism,
 We have pledged to reduce the enemies of Buddhism to mere specks of dust.
 A new era of the dual system of religion and politics has come—

Rejoice! Rejoice!

From the eastern border of our beloved country of Tibet,
 The flames of fires burning point to the east.
 From the east, the [Chinese] troops fired down bombs like rain.
 Oh, is not it a miracle?
 The rain of bombs has not put out the fire,
 Instead, the fire burns even stronger.
 It is burning all over Tibet.
 It burns with a roaring sound,
 And the words from the burning fire say,
 “Let Tibet be independent! Let us protect the dharma!”

It is a miracle: the fire gets stronger.
 The glory of the burning fire spreads around the world.
 There is a reason why the fire gets stronger:
 The wind of support for justice blows from all corners of the world.
 Now is the time for those with faith in dharma to stoke the fire.
 This fire is the very foundation of the dharma’s own fire.
 It cannot be put out with the rain of bombs.
 It cannot be blown out by the winds of deceit.

Now stand up people of Kham and Dbus gtsang!
 Tibetans, who share the same flesh and blood, now is the time to stand up!
 Stand up for the independence of Tibet and Tibetan Buddhism!¹⁷²⁴

The author of the proclamation smoothly moves from a brief introductory passage on the general Buddhist cosmological notions to a description of distinctly Tibetan realities. The proclamation portrays Tibet as a single state, the territory of which corresponds to the modern interpretation of the *chol kha gsum* concept promoted by the CTA in the diaspora (i.e., the territorial unity of Mnga’ ris skor gsum, Dbus gtsang ru bzhi, and Mdo khams sgang drug), and exalts the Dalai Lama as the most important figure for the entire population of Tibet—the metaphorical “soul of Tibet”

---

¹⁷²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 11. The English translation of the proclamation is borrowed from McGranahan 2001: 282–283.

and “Tibetans, who share the same flesh and blood.” Similar to Tharchin in his publications in *The Tibet Mirror* in the 1950s, the author of the proclamation depicts a confrontation of two antagonistic worlds: whereas the PRC appears as the destructive aggressor and “enemy of Buddhism” (e.g., Chinese communist “troops fired down bombs like rain”), the Tibetan-speaking rebels under the leadership of A ’brug Mgon po Bkra shis demonstrate their constructive nature for they have “sown the white rice of merit” and successfully cultivated “a good harvest for happiness” in Tibet. Presenting the Chu bzhi sgang drug resistance movement through a metaphor of the righteous “burning fire” that “demolishes” “the enemies of Buddhism,” the proclamation makes an appeal to the pious inhabitants of the Tibetan Plateau to “stoke the fire” of uprising for the sake of protection of Tibetan Buddhism and “the independence of Tibet.” Encouraging the people of Tibet to join the resistance movement, the author puts the focus on the success of insurgent activities of the Chu bzhi sgang drug with the help of a vivid metaphorical imagery: “the glory of the burning fire spreads around the world,” “the fire gets stronger,” and “the wind of support for justice blows from all corners of the world.” The lavish expressive language of the proclamation stimulates the imagination of readers to perceive what is happening in Tibet as something absolutely extraordinary: the author defines the resistance movement as “a miracle” that “cannot be put out with the rain of bombs” and “cannot be blown out by the winds of deceit.”

Apart from the songs and poems explicitly suggesting staging a rebellion against the communist rule, in the 1950s and 1960s, Tharchin composed poetic publications designed to discredit representatives of the PRC and to elevate the spirits of his Tibetan-speaking readers by counterposing the alleged darkness of malice of Chinese communists and the inherent light of virtues of the population of Tibet. For an example of such poetic address, one can refer to a didactic poem on the good and the evil in *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1 dated January 1963. Built on the use of syntactic parallelism, Tharchin’s instruction of ten seven-syllable

lines draws a conspicuous dividing line between Tibet defined as the “force of good”¹⁷²⁵ and the PRC as the “evil”¹⁷²⁶ and the source of “unvirtuous deeds”:¹⁷²⁷

The highest degree of virtue becomes victorious.

The highest degree of lies becomes defeated.

The fruit of a virtuous deed is serenity.

The fruit of an unvirtuous deed is suffering.

The good eventually becomes victorious.

The evil eventually destroys itself.

Although the learned man is defeated, he will eventually be victorious.

Although the foolish man is victorious, he will eventually be defeated.

Although communist China is victorious, it will eventually be defeated.

Although the force of good is defeated, it will eventually be victorious.¹⁷²⁸

Immediately after the poem, Tharchin places a straightforward appeal to his readers: “I ask everyone to serve faithfully to the government!”¹⁷²⁹ Given that the poem was published in 1963, it is obvious that the editor meant a faithful service to the CTA.

In the anti-communist songs in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, Tharchin portrayed as a victim of the aggression of the PRC not only Tibet but also India. In Vol.XXVIII No.3 dated February–March 1963, under a title that was written in English and highlighted in capital letters as the “CURRENT SONG,”¹⁷³⁰ the editor published a rather long song in the Tibetan language supplied with its English translation placed immediately after:

Like the summer flood that roars
 Came the plundering Chinese [*sic*] in great force
 On this peace-loving Indian soil,
 Suddenly they made an aggression,
 The Chinese themselves proposed disarmament,
 And they themselves have in the end withdrawn.
 At first, like a mad tiger came the Red Chinese,

¹⁷²⁵ Tib. *dkar phyogs*.

¹⁷²⁶ Tib. *ngan pa*.

¹⁷²⁷ Tib. *mi dge*.

¹⁷²⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4

¹⁷²⁹ Tib. *tshang mas gzhung gi zhabs 'degs legs par zhus shig* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 4).

¹⁷³⁰ After the main title, Tharchin places in parenthesis an additional explanation in English: “Published in January issue is Reprinted again here below – with English translation.”

Wandering about in the jungles of NEFA.¹⁷³¹
 Secondly, like a thieving dog
 Hiding his tail between his legs he fled.
 Thinking a lump of red-hot iron was flesh
 He got angry and wanted to gobble it up.
 But alas! he burnt his mouth, tongue and throat
 And had to leave it just as it was
 Above the mud-covered firepit.
 With great pride he slapped his thighs,
 Yet how much could he show his strength?
 Now, no more alive, he shall be finished.
 This is our India, the peace-loving country,
 With all other states one in purity.
 Oh now, our countrymen, with courage
 Defend your soil, and come with staves.
 Many other friendly countries
 Contributing arms and weapons
 One after another came.
 Having 'proved' their baseless claim to the border
 They created trouble about the order,
 Wanting to be the master of India—
 Is it going mad, that Red China?
 Though the jackal boasts of having grown red fur
 Yet it should not despise the sleeping lion.
 Well, now it will be not long
 Before your life is doomed.
 Hail! to the leader, our Prime Minister,
 Under his skill, with wisdom and bravery
 Rejoice, for a day will surely rise
 When the Red Chinese will be nicely fried.
 India, our peace-loving country,
 Shall always remain in peace and freedom

---

¹⁷³¹ The North-East Frontier Agency (NEFA), formerly known as the North-East Frontier Tracts, was one of the political divisions in British India and later the Republic of India. Until 1972, it was part of the state of Assam. After 1972, it became part of Arunachal Pradesh.

With all other friendly nations.

May glorious victory be to INDIA.¹⁷³²

The “Current Song” sounds really harsh and vitriolic in regard to the PRC (e.g., having labeled the PRC as a “mad tiger” and a “thieving dog,” the author claims that “Red China” is “going mad” and that “a day will surely rise when the Red Chinese will be nicely fried”). One should keep in mind that the song was first published in *The Tibet Mirror* in January 1963,¹⁷³³ and the Sino–Indian War had just ended in November 1962. The border conflict was a culmination of the escalating tension in Sino–Indian relations after the immigration of the 14th Dalai Lama to India, which explains the deliberate choice of a particularly hostile tone with regard to China and the words of praise for India in the “Current Song.” The editor apparently liked the song so much that he decided to publish it twice in his newspaper and even translated it into English. It is also interesting that, similar to the image of Tibet in *The Tibet Mirror*, India is portrayed as another remarkably peaceful state (e.g., “the peace-loving country, with all other states one in purity”), which fell victim to the “mad” aggression of Chinese communists, or the “plundering” “jackals.” For Tibetan-speaking readers of *The Tibet Mirror*, the sharing of a common “enemy” in the face of the PRC and a similar traumatic experience caused by the enemy’s aggression enabled establishing a deeper connection between India and Tibet and contributed to the construction of the image of India as a “partner” of Tibet in its misfortune.

While discussing the poetic form of anti-communist rhetoric in *The Tibet Mirror*, one should mention one more specific genre employed by the editor, that is, acrostics. As a more complex form of expression than ordinary poems and songs, acrostics added variety and enhanced the eloquence of Tharchin’s mode of discourse in the 1950s and 1960s. For example, in Vol.XXIV No.12 dated April 1958, the editor publishes an acrostic of 60 seven-syllable lines, which is divided into two equal parts. The first part of the acrostic is written in reverse alphabetical order and starts with *a*, the last letter of Tibetan alphabet:

¹⁷³² *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 4–5.

¹⁷³³ This song was first published in Tibetan under a title “According to a Modern Song” (Tib. *deng sang gi glu gsal*) in *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 6.

a Oh! Communist leaders,

ha Do not dreadfully bully [us]!

sa This Tibetan capital on Earth

sha Stop selling off because [you] do not love [it]

la And stop buying [it] in parts and calculating [everything], oh!

ra As if [you are] taking goats and sheep to the slaughterhouse,

ya How horrifying is this strange massacre!

'a In addition to doing evil deeds and boasting about it,

za [They] do not understand how corrupted [they] are.

zha Those blind male and female [ones] from the highest stratum of the aristocracy

wa Are running in zigzags like foxes after Chinese communists.

dza The reckless behavior has filled the world to the brim.

tsha While seeing hot and cold sufferings [in hell],

tsa [They] are being stubborn as a partridge.

ma While malevolently gently deceiving,

ba [They] have spread a cobweb everywhere—both upwards and downwards.

pha In addition to splitting parents and children apart,

pa Sons imprison [their] fathers.

na When [those] get older, [they] put [their old men] into deep holes.

da [They] also ask many questions, [but]

tha In the end, [they] do nothing but massacre.

ta The Tathāgata's religious teaching is

nya Like a fish that has been taken out to the surface.

ja Owing to tea, beer, and money, the Buddhist teaching is lost.

cha [They] are distributing tasteless newspapers,

ca [And] engage in nothing but idle egocentric chatter.

nga "Except for me, there is not anyone else,"—

ga Is being broadcast everywhere.

kha Not a single action has squared with [your] words,

ka [You,] learners of Tibetan alphabet and writing.¹⁷³⁴

In the second part of the acrostic, the author continues with his accusations of Chinese communists in the usual alphabetical order, starting with lines in *ka*, *kha*, *ga*, *nga* and ending with lines in *sha*, *sa*, *ha*, *a*:

¹⁷³⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958: 2.

[...]

sha These communists, who are like flesh-eating demons,

sa Are the global enemies of [all] living beings on Earth.

ha If you have not understood [the meaning of this acrostic],

a Think again and again, oh!¹⁷³⁵

The acrostics sound less smooth than ordinary poems or songs, which is probably the result of the need to follow a certain rhyme and the condition that the first word of each new line starts with the next letter of the alphabetical order. This acrostic was presented in *The Tibet Mirror*'s regular column "From a Learned One," and one must give credit to the learned man named Mune Shasanadhara,¹⁷³⁶ who managed to render his anti-communist ideas and pro-nationalist sentiments in the form of such a long and difficult poem. One can notice that some statements and invective labels used by the "learned one" to describe Chinese communists (e.g., the "flesh-eating demons"¹⁷³⁷ and "global enemies of [all] living beings on Earth,"¹⁷³⁸ who "bully,"¹⁷³⁹ "malevolently gently deceive,"¹⁷⁴⁰ "split parents and children apart,"¹⁷⁴¹ "do nothing but massacre,"¹⁷⁴² "engage in nothing but idle egocentric chatter"¹⁷⁴³) are identical to Tharchin's own wordings on this topic in his own publications.

One can sum up by saying that the editor of *The Tibet Mirror* achieved a high level of stylistic expressiveness of his metanarrative of independence through ample use of various means of figurative speech and regular employment of such peculiar genres for a newspaper as prophecies, proverbs, fables, parables, songs, and poems. Tharchin's motive for inventing the numerous intricate allegories instead of publishing news in the form of typical publicistic genres of news reports and articles is not entirely clear. At the present moment, it is difficult to establish with certainty whether this creativity in terms of figurativeness and choice of genres was Tharchin's editorial know-how, or whether he was inspired by other media outlets

¹⁷³⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958: 2.

¹⁷³⁶ Tib. *mu ne sha sa na d+ha ra*.

¹⁷³⁷ Tib. *sha sa 'dra ba 'i gung bran*.

¹⁷³⁸ Tib. *sa steng skye 'gro 'i spyi dgra*.

¹⁷³⁹ Tib. *thub tshod [...]* gton.

¹⁷⁴⁰ Tib. *ma rung khog bcug 'jam bslus*.

¹⁷⁴¹ Tib. *pha ma bu phrug kha 'phral*.

¹⁷⁴² Tib. *dmar gsod kho na byed*.

¹⁷⁴³ Tib. *ca co rang 'dod sha stag bshad*.

used as sources, or whether such an elaborate way of presenting information was a necessary condition to pass the Indian censorship in the 1950s and 1960s.

The creative approach to rendering news and the stylistic sophistication of the editor of *The Tibet Mirror* perhaps can be partly explained by the fact that allegories are considered particularly instrumental for putting forward the political or moral point of view of the author.¹⁷⁴⁴ Besides, such publications created a more vivid imagery. Largely avoiding strictness and formality in his style, the editor effectively influenced his readers' perception, awakened their imagination, and provoked the desired emotional response. The binary categories of "good" vs. "evil," "happiness" vs. "suffering," and "truth" vs. "lies," with the help of which Tharchin interpreted Tibetan news in the 1950s and 1960s, simplified the "picture of the world" promoted by him in *The Tibet Mirror* and were more intelligible for illiterate Tibetan-speaking readers.

Tharchin used oppositional songs, poems, parables, and sayings to encourage the birth of common nationalist sentiment in the Tibetan-speaking society. Along with the reproduction of the demonized image of the Other, the editor passionately imposed on his readers the image of the Self as one Tibetan people united by the same "flesh and blood," the Buddhist religion, and the common goal of fighting for the independence of their motherland.

2.2.5. Means of Visual Support of Discourse

In the opinion of A.A. Danilova, the ulterior linguistic impact of newspaper publications is complemented and enhanced by means of other semiotic systems, for example, illustrations that accompany the text.¹⁷⁴⁵ A visual image makes a fast and effective impact on the conscious and subconscious perception of a reader, often leaving an even more memorable impression than the text of the article.¹⁷⁴⁶ The analyzed issues of *The Tibet Mirror* (Vol.XVIII No.1–Vol. XXVIII No.8) dated

---

¹⁷⁴⁴ See Moskaleva 2018: 146.

¹⁷⁴⁵ Danilova 2014: 157.

¹⁷⁴⁶ Danilova 2014: 158.

from 1949 to 1963 contain over 250 pages with various discourse-charged illustrative materials. The pro-nationalist discourse-charged images and their captions constitute another interesting format employed by Tharchin for the construction of his metanarrative of Tibetan independence. Being a means of visual persuasion, these illustrations reproduced the unifying national symbols, which are now popular in the Tibetan-speaking diaspora, and enforced the imposition of an unfavorable visual image of the People's Republic of China as the "enemy" of Tibet and the positive visual images of India, Taiwan, and the United States as "friends" of Tibet.

2.2.5.1. National Symbols of Tibetan Diaspora

In the 1950s and 1960s, Dorje Tharchin reproduced in *The Tibet Mirror* not only texts on historical independence of Tibet or appeals to wage a liberation war against the Other, but also regularly published various illustrations which served as additional visual confirmation of the independence of Tibet and were supposed to foster the national consciousness of the population of the Tibetan Plateau.

Based on the conducted analysis, I can conclude that the 14th Dalai Lama Bstan 'dzin Rgya Mtsho was the main symbol of independent Tibet in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s. One can notice a particularly respectful attitude to the figure of the Dalai Lama in *The Tibet Mirror*, judging on the total number of photographs of the 14th Dalai Lama and his family members published by Tharchin, as well as on the corresponding captions to these photographs that enabled the acknowledgement of the 14th Dalai Lama as the supreme political and religious leader of independent Tibet.

A total of 48 images of the 14th Dalai Lama were published in *The Tibet Mirror* from 1949 to 1963, including both close-up portraits of the Dalai Lama, long-distance shots, and medium-distance photographs with him. In addition to that, issues of *The Tibet Mirror* from the period under review contain 11 photographs with the 14th Dalai Lama's family members, in particular his mother, sister, and

brothers. To captions the photographs of the 14th Dalai Lama, Tharchin resorted to a variety of ornate epithets and even entire poems.

For example, on the front page of *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2 dated December 1950–January 1951, there is a photograph of the 14th Dalai Lama accompanied by a full set of traditional epithets (see Fig. 4): “An authentic photograph of the deity of the Land of Snow, the great all-knowing and all-seeing victorious lord, the venerable 14th rebirth of the Dalai Lama.”¹⁷⁴⁷

Fig. 4. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 1.

Sometimes, the editor published several photographs of the 14th Dalai Lama within the very same issue of *The Tibet Mirror*. For example, on the next page of the same Vol.XIX No.1–2, Tharchin places another photo of the 14th Dalai Lama in his early years and supplements the picture with an even more elaborate poetic caption (see Fig. 5):

He [is the one] who is called the rebirth of the great teacher Buddha, the Lord of the *Maṇḍala*, [who is called] the sun of a thousand suns shining in the miraculous being of [*samsāra* and *nirvāṇa*] and smiling in the lotus of merit of the living beings of the Land of Snow. The photograph above, which depicts the discovery of the all-knowing Dalai Lama at Kumbum

¹⁷⁴⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 1.

Monastery in the Earth-Hare Year [1939], was already published earlier in [*The Tibet Mirror*] Vol.X No.12, when in the Metal-Dragon Year [1940], the celebrations on the occasion of [the Dalai Lama's] enthronement were held.¹⁷⁴⁸

Fig. 5. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 2.

Several times Tharchin published the same photographs of the 14th Dalai Lama in different issues of *The Tibet Mirror* with altered captions. The photo presented above from the front page of Vol.XIX No.1–2 was reprinted by the editor in Vol.XIX No.6 in September 1951, however, in this later edition, Tharchin added two other photos of the 14th Dalai Lama and wrote a modified caption emphasizing that the Dalai Lama was officially the full-fledged secular and spiritual leader of Tibet (see Fig. 6): “A photograph of the enthronement of the great all-knowing and all-seeing Dalai Lama as the spiritual and secular ruler of the Land of Snow as a result of the unanimous consent of [his] Tibetan subjects—the clergy and the laity.”¹⁷⁴⁹

¹⁷⁴⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 2.

¹⁷⁴⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 4.

Fig. 6. *The Tibet Mirror* Vol. XIX No. 6, September 1951: 4.

The same picture of the 14th Dalai Lama appeared again, for example, in Vol. XIX No. 12 dated March 1952, with a slightly different caption: “An auspicious photograph of the venerable deity of the Land of Snow, the victorious protector, the great all-knowing and all-seeing Dalai Lama”¹⁷⁵⁰ (Fig. 7).

Fig. 7. *The Tibet Mirror* Vol. XIX No. 12, March 1952: 2.

¹⁷⁵⁰ Tib. *gangs ljongs lha gcig gong sa skyabs mgon rgyal ba thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog gi sku par dge* (*The Tibet Mirror* Vol. XIX No. 12, March 1952: 2).

The picture of the 14th Dalai Lama seated on the throne is located in the center of the page and is surrounded by five images of other national symbols of the Tibetan state (see Fig. 7). Namely, there are three photographs of the three largest Tibetan Dge lugs monasteries (Dga' ldan in the upper left corner, 'Bras spungs on the left below, and Se ra in the upper right corner) with captions indicating the total number of monks living there and the distance from those monasteries to Lhasa. Further below in the left column, there are two pictures of Gtsug lag khang (also known as Jo khang), the oldest and most sacred temple in Lhasa, which was built during the rule of the first Buddhist king Srong btsan sgam po and which symbolizes the “life pole” of the entire Tibetan state.¹⁷⁵¹ In addition to that, on the next page of the same issue of *The Tibet Mirror*, Tharchin continues constructing the metanarrative of independent Tibet by placing a map of “Lhasa, the great city of the Tibetan state,”¹⁷⁵² and 12 more photographs of the Tibetan New Year celebrations held in the “great religious state of Tibet”¹⁷⁵³ (Fig. 8):

Fig. 8. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3.

¹⁷⁵¹ Powers and Templeman 2012: 342–343.

¹⁷⁵² Tib. bod rgyal khab lha sa grong khyer chen po (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3).

¹⁷⁵³ Tib. bod chos ldan rgyal khab chen po (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952: 3).

Tharchin also published other images in his newspaper that helped promoting the perception of the 14th Dalai Lama as the recognized political and religious leader of Tibet. For instance, on the front page of Vol.XIX No.3 dated June 1951, the editor placed a photograph with a caption describing the Dalai Lama as “the venerable sovereign of all religious and secular power in the Land of Snow, the great all-knowing and all-seeing protector and the victorious lord”¹⁷⁵⁴ (Fig. 9):

Fig. 9. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 1.

Tharchin published the very same photograph again in the next Vol.XIX No.4 dated July 1951. In a modified caption of the photograph, the Dalai Lama was given an even grander title of “the venerable holder of the entire Buddhist teaching on Earth, the great all-seeing protector and the victorious lord”¹⁷⁵⁵ (Fig. 10):

¹⁷⁵⁴ Tib. gangs ljongs chos srid yongs rdzogs kyi mnga' bdag gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen gzigs chen po mchog (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 1).

¹⁷⁵⁵ Tib. sa steng rgyal bstan yongs kyi bdag po gong sa skyabs mgon rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 2).

Fig. 10. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 2.

Tharchin used the identical impressive title to caption a different photograph of the 14th Dalai Lama that was placed on the front page of the same Vol.XIX No.4¹⁷⁵⁶ issue of *The Tibet Mirror* (Fig. 11):

Fig. 11. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 1.

Moreover, Vol.XIX No.3¹⁷⁵⁷ dated June 1951 and the front page of Vol.XIX No.5¹⁷⁵⁸ dated August 1951 feature another photo of the 14th Dalai Lama, beneath which

¹⁷⁵⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951: 1.

¹⁷⁵⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 2.

¹⁷⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 1.

Tharchin again reproduces the same long, exquisite title of the Dalai Lama of “the holder of the entire Buddhist teaching on Earth” (Fig. 12):

Fig. 12. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 1.

Tharchin was no less reverential in his captions to the photographs of 14th Dalai Lama’s relatives. Reproducing the idea of the Dalai Lama’s unique connection with the bodhisattva Avalokiteśvara, the editor published, for example, pictures of “the great mother of the venerable deity of the Land of Snow, the great all-knowing and all-seeing victorious lord [the 14th Dalai Lama]”¹⁷⁵⁹ (Fig. 13) and of “the esteemed Rgyal lo Don ’grub, the middle brother of the venerable deity of the Land of Snow and the all-seeing victorious lord [the 14th Dalai Lama]”¹⁷⁶⁰ (Fig. 14).

Fig. 13. *Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 3.

¹⁷⁵⁹ Tib. *gangs ljongs lha gcig rgyal dbang thams cad mkhyen cing gzigs pa chen po mchog gi rgyal yum chen mo* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951: 3).

¹⁷⁶⁰ Tib. *gangs ljongs lha skal gong sa rgyal dbang thams cad mkhyen pa mchog gi sku mched sras sku 'bring rgyal blo don grub mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 20).

Fig. 14. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 20.

Apart from the 14th Dalai Lama's images, in 1949–1963, Tharchin also reproduced in *The Tibet Mirror* photographs of the 13th Dalai Lama (11 images in total), the 9th Panchen Lama (six images), and the 10th Panchen Lama (ten images). However, if one compares the numbers, it is obvious that the number of photos of these Tibetan hierarchs was much smaller than the total number of publications with the 14th Dalai Lama's images.

Photographs of the 14th Dalai Lama were promoted in *The Tibet Mirror* as a symbol of the Tibetan independence movement. For example, on the front page of Vol.XXII No.3 dated July 1954, Tharchin draws the attention of his readers to a publication in an ornamental frame, within which he places a photograph of the young 14th Dalai Lama seated on the throne (Fig. 15) and a poem of 12 nine-syllable lines entitled as the “Speech on Longing for Independence of Entire Tibet”.¹⁷⁶¹

On the firm apex of [our] path with the [available] military might and armament of religious deeds,

¹⁷⁶¹ Tib. *bod spyi'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam*.

The power of the sun of [all] sentient beings—the bodhisattva Avalokiteśvara—is shining bright.

Oh my, the great demon Rahu, [who causes solar eclipses], has thickened the clouds now, [He] is about to cast darkness upon Tibet.

Due to the overcast of clouds¹⁷⁶² of bad *karma* of [our] society,

A heavy storm of inner enemies has risen mightily.

The mighty force of the blazing thunder of external enemies

Has even slightly moved the boulder of the *vajrā* of the Universal Jewel [the Dalai Lama].

Nevertheless, if with the firmness of our heroic spirit

[Our] unanimous endeavors do not get halted,

The time of the Wish-fulfilling Jewel [the Dalai Lama] and

Obtaining the independence in the name of common good will soon come.¹⁷⁶³

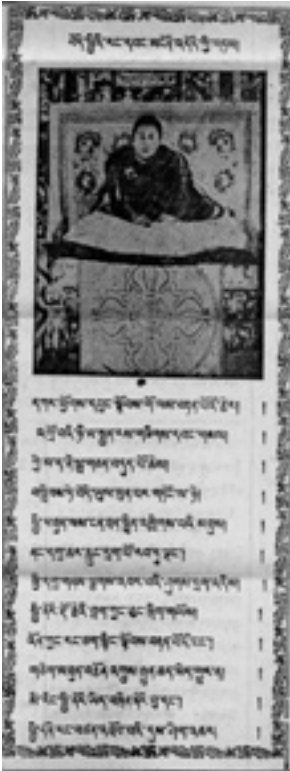

Fig. 15. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 1.

¹⁷⁶² Tib. *than sprin*, the clouds which are believed to bare bad omens or indicate drought (Goldstein 2004: 487).

¹⁷⁶³ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 1.

By means of illustrative publications Tharchin portrayed the Dalai Lama not just as the incarnation of a living deity that wields the supreme religious and political power in Tibet but represented him as a living symbol of Tibetan independence. It thus does not sound surprising that later on, after the immigration of the 14th Dalai Lama to India, the establishment of the Central Tibetan Administration, and the broader internationalization of the Tibet Question, the government of the PRC banned the distribution and storage of photographs of the 14th Dalai Lama on the territory of Tibet.¹⁷⁶⁴

The development of connection between the figure of the 14th Dalai Lama and Tibetan nationalism in *The Tibet Mirror* can be established not only based on the publications with the images of the Dalai Lama himself, but also based on those publications, in which Tharchin placed relevant news about the 14th Dalai Lama in a close proximity to other national symbols of independent Tibet, for example, the national flag. On the front page of Vol.XXII No.4 dated August 1954, the editor published another poetic “Speech on Longing for Independence of Entire Tibet”¹⁷⁶⁵ and used the flag of Tibet as an illustration for it. At the same time, Tharchin allocated all the remaining space on the front page for news about the 14th Dalai Lama (see Fig. 16). The editor reported that the population of Tibet had united in their prayers for the longevity of the 14th Dalai Lama and his speedy and safe return from a trip to China and described in detail the material donations made by the people for the “happiness of the great Dalai Lama”:¹⁷⁶⁶

[...] Also, when they gathered to make donations for arranging a large-scale religious service and incense burning ceremony to reduce the obstacles for the happiness of the great [14th] Dalai Lama and so that [he] could return soon [to Tibet], many men, [having removed] the gold earrings from their ears, [and] many women, having removed [their] jewelry, offered [it as a donation]. Others also offered grain, *rtsam pa*, butter, and money. Therefore, there is no doubt that what everyone desires will soon be fulfilled.¹⁷⁶⁷

¹⁷⁶⁴ See Barnett 2012: 75–81.

¹⁷⁶⁵ Tib. *bod spyi 'i rang dbang mngon 'dod kyi gtam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1).

¹⁷⁶⁶ Tib. *gong sa chen po 'i sku phywar*.

¹⁷⁶⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

Fig. 16. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

Tharchin could not miss an opportunity to cover in *The Tibet Mirror* how Tibetans in India also prayed for the well-being of the 14th Dalai Lama. In Vol.XXIII No.2 dated January 1955, the editor placed a photograph of several Tibetans wearing ceremonial *kha btags* scarves and holding the flag of Tibet and a photograph of the 14th Dalai Lama in their hands. All the remaining space on that page is provided for a publication entitled the “Speech on Peaceful Attainment of Tibetan Independence”¹⁷⁶⁸ (Fig. 17). Besides, on three previous pages of the same newspaper issue, Tharchin published all together five photographs (e.g., see Fig. 18) of religious ceremonies held in honor of the 14th Dalai Lama by the Tibetan community in India. He also supplied those pictures with the texts of petitions in Tibetan and English to the 14th Dalai Lama, to Mao Zedong, and to the Prime Minister of India submitted by the Tibetan community, members of which requested the speedy return of the

¹⁷⁶⁸ Tib. *bod rang dbang zhi bas sgrub pa'i gnam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6).

“His Holiness Dalai Lama the only head and Savior of Religious Tibet [sic]”¹⁷⁶⁹ from China to his homeland.

Fig. 17. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6.

Fig. 18. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 3.

As it was already mentioned, the events related to the activities of the People’s Assembly in Lhasa and the offering of the golden throne to the 14th Dalai Lama in 1957 are considered by G. Dreyfus as a turning point in the process of development of Tibetan nationalism.¹⁷⁷⁰ However, the analysis of *The Tibet Mirror* clearly demonstrates that Tharchin got a head start in that process, for from the very early 1950s, he deliberately propagated the idea of unification of the entire Buddhist population of Tibet around the figure of the 14th Dalai Lama as a living deity and a unique spiritual and political leader of Tibet. In parallel to that, the editor regularly reproduced pictures of the 14th Dalai Lama and images of the Dalai Lama’s worship in Tibet and India, which were published side by side with the oppositional publications encouraging Tibetan readers to gain their independence from the PRC.

¹⁷⁶⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 4.

¹⁷⁷⁰ Dreyfus 2005: 11.

After the immigration of the 14th Dalai Lama to India and the establishment of the Tibetan government-in-exile there, Tharchin continued reproducing in his newspaper photographs of the 14th Dalai Lama seated on the throne, which symbolized the continuity of Dalai Lama's authority despite his emigration outside Tibet. In addition to that, the editor started publishing illustrations that showed how the 14th Dalai Lama cared about the welfare of the Tibetan-speaking exile community in India. In *The Tibet Mirror* issues from the 1960s, one can see photographs depicting how the 14th Dalai Lama is being greeted by the Tibetan youth in Mussoorie¹⁷⁷¹ (Fig. 19) and by Tibetan schoolchildren in Dharamsala¹⁷⁷² (Fig. 19), how the Dalai Lama is giving religious instruction to Tibetans in India¹⁷⁷³ (Fig. 20), how the Dalai Lama is visiting sick Tibetan refugees¹⁷⁷⁴ (Fig. 20), how the Dalai Lama is opening a new Tibetan crafts workshop for Tibetan refugees in Dalhousie,¹⁷⁷⁵ and other similar images¹⁷⁷⁶ (Fig. 21).

Fig. 19. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1.

¹⁷⁷¹ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1.

¹⁷⁷² See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960: 1–2.

¹⁷⁷³ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

¹⁷⁷⁴ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

¹⁷⁷⁵ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 1.

¹⁷⁷⁶ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 7.

Fig. 20. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 2.

Fig. 21. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961: 1.

Among other symbols of Tibetan independence, Tharchin promoted the Potala Palace in Lhasa. From 1949 to 1963, the image of the palace was printed all together ten times in *The Tibet Mirror*.¹⁷⁷⁷ The construction of the impressive complex of government offices, residences, and shrine buildings on the ruins of the palace of Srong btsan sgam po, the first of the three Buddhist kings of Tibet, was started in the 17th century during the life of the 5th Dalai Lama Ngag dbang Blo bzang Rgya mtsho (1617–1682), and was to symbolize a historical link between the Tibetan Empire and the new dualistic system of rule of the 5th Dalai Lama, which combined

¹⁷⁷⁷ See *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 4; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.6, September 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 11; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.11, September 1961: 1–2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.2, February 1963: 7.

the religious and secular authority.¹⁷⁷⁸ Etymologically deriving from the name of the bodhisattva Avalokiteśvara’s visionary abode island in the Indian Ocean, the name “Potala” was chosen specifically “to bolster the association of the Dalai Lamas with Avalokiteśvara.”¹⁷⁷⁹ Since the 17th century, the image of the Dalai Lama as an emanation of Avalokiteśvara and a historical successor of the glorious kings of the Tibetan Empire “grew more and more potent,” and the Potala Palace became a symbol of power of the Dalai Lama’s traditional government Dga’ ldan Pho brang.¹⁷⁸⁰

While analyzing images of the Potala Palace in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, one can notice that four of the ten publications are placed on the front page of a newspaper issue and another four of the ten images are accompanied by poetic panegyric texts praising the Dalai Lama, Buddhism, and the traditional Tibetan socio-political system before 1951. For instance, in Vol.XXIII No.10 dated October 1956, Tharchin places a photograph of the Potala Palace (Fig. 22) at the top central part of the front page, while the remaining space on the page is allocated for the parable of the sons of the forest described in subsection 2.2.4.2.1. *Didactic Publications* and the following allegorical poem of eight six-syllable quatrains:

Dalai Lama Bstan ’dzin Rgya Mtsho
 Is dwelling in the ornaments of the Buddhist teaching.
 In Tibet, the Teaching of Śākyamuni cannot
 Fall into decay.

When the sun rises in the sky,
 There is no room for darkness.
 When there are beautiful [mountain] peaks and forests on Earth,
 There is no place for glaciers.

The unconceivable paper tigress
 Is formidable and magnificent.

¹⁷⁷⁸ Tib. *chos srid gnyis ldan*, lit. “combining the religious and the secular” (Powers and Templeman 2012: 535; Kapstein 2006: 139).

¹⁷⁷⁹ Powers and Templeman 2012: 535.

¹⁷⁸⁰ van Schaik 2011: 124.

When the oath meets the fire,
The tigress will manifest her nature.

Celestial thunder and lightning
Are glorious for [their] fearlessness.
When it meets a steep rock,
The lightning becomes like butter.

On the mountain peaks of Tibet,
A bad omen has appeared [in the form of] a parrot.
The ruler of the island—the great [snow] lion—
Is waving the mane of [his karmic] deeds.

The black mountains in the east
Want to cover the sun.
[But] there is no way to block the celestial path which is full of
[Good] karmic deeds, prayers, spiritual and physical strength.

Older and younger brothers of the six clans,
May [your] intentions be well-disposed towards the Buddhist teaching!
The moon of intention and consciousness
Will rise from the peaks of the snowy mountains.

The flowing happiness turns round and round,
[It] moves in the red glow.
I will meet my friend
From the top of the Potala [Palace] in Lhasa.¹⁷⁸¹

---

¹⁷⁸¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1.

Fig. 22. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956: 1.

One can find interesting the contextualization of the Potala Palace image in Vol.XXIII No.12 dated November 1956. The entire newspaper issue comprises only four pages, and each page contains key illustrations of the metanarrative of Tibetan independence. The upper part of the front page features photographs of the 13th Dalai Lama and the 9th Panchen Lama, whereas the lower part of the front page features images of the 14th Dalai Lama and the 10th Panchen Lama (Fig. 23). On the second page on the right, Tharchin placed another photograph of the 14th Dalai Lama and a poetic caption for it, and on the left, the editor printed the flag of independent Tibet, an image of the Potala Palace, and a photograph of four ministers of the “Tibetan government of the great religious state [of Tibet]”¹⁷⁸² (Fig. 24). On the third page of the same issue, among other things, Tharchin published a group photo of the 14th Dalai Lama and the 10th Panchen Lama with J. Nehru, “the great Prime Minister of the religious government of India,”¹⁷⁸³ and below, there is a photo of the Dalai Lama’s eldest brother Thub bstan ’Jigs med Nor bu (Fig. 25). On the last fourth page

¹⁷⁸² Tib. *bod gzhung chos ldan rgyal khab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2).

¹⁷⁸³ Tib. *rgya gar chos ldan gzhung gi srid blon chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3).

of the issue, there is a photo of 14th Dalai Lama's mother, which is the same image as in the previously mentioned Vol.XIX No.3 (see Fig. 13).

Fig. 23. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 1.

Fig. 24. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2.

Fig. 25. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3.

One can also refer to a depiction of the Potala Palace in *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10 dated February–March 1959. There, under a long title “Communist Atheist Heretics Unlawfully Fire Artillery into the Lhasa Religious State,”¹⁷⁸⁴ Tharchin published an account of the beginning of the uprising in Lhasa in March 1959 and accompanied it with two illustrations: i.e., the Potala Palace and the streets of the “religious land of Lhasa”¹⁷⁸⁵ (Fig. 26).

Fig. 26. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12.

Although none of the captions to the Potala Palace images contained an explicit call to fight for the independence of Tibet, the analysis of newspaper issues from the

¹⁷⁸⁴ Tib. *lha sa chos ldan rgyal khab tu chos med log spyod gung bran gyis khirms med me sgyog 'phen 'dug* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

¹⁷⁸⁵ Tib. *lha sa chos ldan zhing* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 12).

1950s and 1960s clearly demonstrates that the depiction of the winter residence of the Dalai Lamas was an auxiliary means of fostering the pro-nationalist discourse in *The Tibet Mirror* and served as a symbol for the idea of historical independence of Tibet.

Another national symbol that Tharchin sought to popularize in *The Tibet Mirror* was the flag of Tibet. In the newspaper issues from 1949 to 1963, one can find all together six reproductions of the Tibetan flag,¹⁷⁸⁶ with four of them being placed on the front page and additionally complemented with corresponding poetic texts praising the independent Tibetan state (Fig. 27).

Fig. 27. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1.

On the front page of Vol.XXI No.11 dated February 1954 (Fig. 27) presented above and on the second page of Vol.XXIII No.12 dated November 1956, Tharchin published an image of the Tibetan flag with almost identical awe-inspiring captions of four nine-syllable lines:

On the throne, which is shining in the light of sun and moon of the dualistic system of religious and secular power,

The illustrious great [Tibetan government] Dga' Idan Pho brang is resting peacefully.

The common national symbol is the auspicious war banner of [Tibet],

¹⁷⁸⁶ See *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

The world-renowned religious state.¹⁷⁸⁷

On the front page of Vol.XXII No.4 dated August 1954, under the headline “Speech on Longing for Independence of Entire Tibet,”¹⁷⁸⁸ Tharchin reproduced the flag of independent Tibet once again and published under the image a poetic address of 16 nine-syllable lines, in which he reassured Tibetan readers that they would “certainly attain the happiness of independence”¹⁷⁸⁹ (see Fig. 16):

A life-tree of truth was planted on the religious land.
 On the white snow mountain of true ideology
 Let the great fearless snow lion endowed with the power of truth
 Raise the flag of truth! Kinsmen,
 Here, in Tibet, which is famous as the realm of the gods,
 Let the peacefully dwelling people practice the Dharma!
 Owing to the virtuous fulfilment [of] the auspicious desire for happiness,
 There is no doubt that they will soon attain the fruits of happiness.
 The chariot of time was shaken by the wind of tyranny.
 For a time being, the sun of Buddhism and living beings turned away to others.
 Nevertheless, on the top of the planet of unanimous strategy,
 The prayer that [the sun] would soon rise in the Land of Snow is being uttered.
 [Please] circumambulate [with] a stream of [your] flawless aspirations
 The center of the *maṇḍala* of the land of unwavering courage,
 [Which is located] on the majestic mountain of unbreakable vows!
 There is no doubt that you will soon attain the happiness of independence.¹⁷⁹⁰

The Tibetan flag in its modern form was introduced by the 13th Dalai Lama as a symbol of the Tibetan military in 1912.¹⁷⁹¹ J. Powers and D. Templeman contend that the design of the flag was reportedly borrowed from the Japanese military banner known as the “Rising Sun Flag”¹⁷⁹² at the suggestion of the Japanese explorer

¹⁷⁸⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1. The version of the flag caption in *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12 (November 1956: 2) differs only minorly: namely, instead of the epithet “great” (Tib. *che*) for the Dga’ ldan Pho brang government the author used “so-called” (Tib. *zhes*) and instead of the “world-renowned religious state” (Tib. *'dzam gling grags ldan chos kyi rgyal khab*) the author wrote “the famous great religious state” (Tib. *grags ldan chos kyi rgyal khab chen po*).

¹⁷⁸⁸ Tib. *bod spyi 'i rang dbang mngon 'dod kyi gnam*.

¹⁷⁸⁹ Tib. *rang dbang bde skyid myur du 'thob par nges*.

¹⁷⁹⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

¹⁷⁹¹ Powers and Templeman 2012: 240–241.

¹⁷⁹² Jap. 旭日旗.

and Buddhist priest Aoki Bunkyō,¹⁷⁹³ who used to live in Lhasa at the time.¹⁷⁹⁴ However, representatives of the Tibetan-speaking diaspora argue against the idea that the Japanese flag was used as a source of inspiration and instead insist that the design of their flag was created by the 13th Dalai Lama himself.¹⁷⁹⁵ After 1959, the Tibetan flag received the status of the official flag of the Central Tibetan Administration in India and became the symbol of the Tibetan independence movement, as a result of which it has been banned in the PRC.¹⁷⁹⁶ At present, the Tibetan flag is regularly reproduced in school textbooks and other types of official publications produced by the CTA.¹⁷⁹⁷ Being a reflection of narratives popular in the Tibetan diaspora, the Tibetan flag is commonly associated with the aspiration of Tibetan exiles for a future Tibet that is free from the rule of the PRC.¹⁷⁹⁸

The symbolism of the flag design largely overlaps with the imagery of poetic publications in *The Tibet Mirror*: according to the CTA, the snow-white mountain peak on the flag stands as a symbol for “the great nation of Tibet, widely known as the Land Surrounded by Snow Mountains;” the two snow lions represent the duality of the traditional political system of Tibet, which combines the religious and secular authority; the sun embodies the freedom, happiness, and prosperity of all Tibetan living beings; the six red streams of light are the six ancestral Tibetan clans; the three-colored blazing jewel serves as a symbol of Buddha, the Buddhist teaching, and the Buddhist monastic community.¹⁷⁹⁹

It must also be said that the modern depiction of the Tibetan national flag and the images of the flag reproduced by Tharchin in *The Tibet Mirror* have two noticeable differences. First, in four¹⁸⁰⁰ of the six publications, Tharchin uses an image of the Tibetan flag with snow lions standing vertically on their two paws (see

---

¹⁷⁹³ Jap. 青木 文教; 1886–1956.

¹⁷⁹⁴ See Powers and Templeman 2012: 241.

¹⁷⁹⁵ E.g., see Norbu Jamyang 2007.

¹⁷⁹⁶ Powers and Templeman 2012: 241.

¹⁷⁹⁷ Powers 2021: 8.

¹⁷⁹⁸ Powers 2021: 8.

¹⁷⁹⁹ Powers and Templeman 2012: 241–242; Powers 2021: 9; “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/>. Accessed June 27, 2022.

¹⁸⁰⁰ See *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1.

Fig. 16, Fig. 24, Fig. 27, and Fig. 28), but in the two other publications¹⁸⁰¹ in *The Tibet Mirror* (see Fig. 17 and Fig. 29) and in the modern version of the Tibetan flag displayed on the official website of the CTA, the snow lions are placed horizontally (see Fig. 30). The second difference is that on the only one colored (and at the same time best-preserved) image of the Tibetan flag in *The Tibet Mirror* issues from 1949 to 1963 (namely in Vol.XXVIII No.3 dated February–March 1963¹⁸⁰²), each of the snow lions holds in its paw a two-colored swirling jewel (see Fig. 29), whereas in the modern version of the Tibetan flag, the snow lions hold together just one two-colored swirling jewel, which, according to the CTA, symbolizes the self-discipline necessary for ethically correct behavior in line with the practice of Buddhist virtues (see Fig. 30).¹⁸⁰³ Due to the existence of these specifics, it is not quite clear where Tharchin originally borrowed the images of the flag for his publications, why the editor used two different versions of the Tibetan flag, and why both of his versions of the flag differ from the currently reproduced version of the national flag of Tibet, which, in the opinion of members of the Tibetan diaspora, was designed and adopted back at the times of the 13th Dalai Lama, i.e., long before Tharchin’s publications came out. I can imagine only one plausible explanation for this inconsistency—that is, in the 1950s and 1960s, the image of the national flag of Tibet was still neither standardized nor widely known, therefore, in India, where *The Tibet Mirror* was published, at least two possible designs of the Tibetan flag were circulated.

---

¹⁸⁰¹ See *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁸⁰² *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁸⁰³ “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/>. Accessed June 27, 2022.

Fig. 28. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960: 1.

Fig. 29. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

Fig. 30. Tibetan national flag which is displayed at the website of the CTA.¹⁸⁰⁴

¹⁸⁰⁴ “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/>. Accessed June 27, 2022.

Another symbol introduced to support the metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* was the cartographic depiction of the territory of Tibet as a polity reproduced by Tharchin five times¹⁸⁰⁵ from 1949 to 1963. Unfortunately, some newspaper pages are poorly preserved, and the images are very schematic, which thus makes it difficult to assess the maps published by the editor. Nevertheless, one can establish that on all five maps in *The Tibet Mirror*, the territory of the “Tibetan Religious State”¹⁸⁰⁶ roughly corresponds to the territory claimed by the Central Tibetan Administration as the successor of the Dga’ ldan Pho brang government. If one compares the maps in *The Tibet Mirror* with the map of Tibet reproduced on the website of the CTA, there is one significant difference in the form of a small area in the south that is now the territory of the Bde chen Tibetan Autonomous Region of Yunnan Province. This area was not marked on the maps in *The Tibet Mirror*, but it is depicted on the map of the Central Tibetan Administration (see Figs. 31–35).

Fig. 31. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 7.

¹⁸⁰⁵ See *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4, 7; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954: 2; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.1, December 1954: 6.

¹⁸⁰⁶ E.g., Tib. *gangs ljongs chos ldan rgyal khab kyi sa bkra* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4), Tib. *bod chos ldan rgyal khab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 7), and Tib. *bod gangs ljongs chos ldan rgyal khab* (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949: 3).

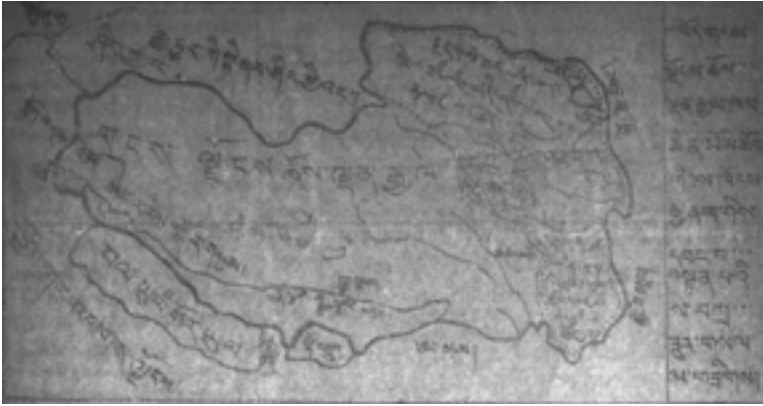

Fig. 32. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4.

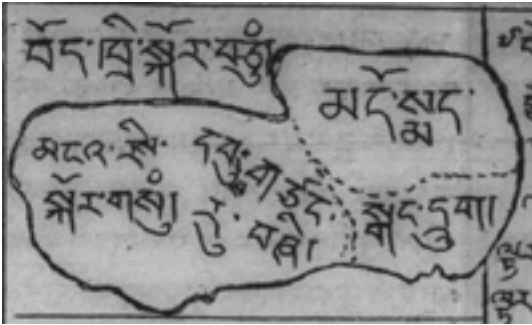

Fig. 33. Thirteen Tibetan khri skor (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5).

Fig. 34. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954: 2.

Fig. 35. Map of Tibet in the CTA's modern interpretation of the *chol kha gsum* concept¹⁸⁰⁷. In Vol.XXII No.7 dated September 1954, Tharchin published a map of “the thirteen Tibetan *khri skor*”¹⁸⁰⁸ (Fig. 33). This image confirms that, in the opinion of the editor of *The Tibet Mirror*, the thirteen Tibetan *khri skor* covered the territory of Dbus–Gtsang, Amdo, and Kham and thus corresponded to the modern interpretation of the *chol kha gsum* concept promoted by the Central Tibetan Administration and argued to be the territory of independent Tibet subject to the Dga’ ldan Pho brang government that was illegally occupied by the PRC. It is necessary to emphasize once again that the modern interpretation of the *chol kha gsum* concept does not reflect the reality objectively, because by the mid-20th century, the territory under the rule of the Dga’ ldan Pho brang government was limited to a much smaller area of political Tibet and did not include vast territories of Amdo and Kham, which the CTA attempts to claim now. It is also interesting that in *The Tibet Mirror* issues from 1949 to 1963, there is not a single map of Tibet marked as the *chol kha gsum* territory, which suggests that at least up to 1963, the *chol kha gsum* model was still being developed, and it became more common in the Tibetan diaspora in India only later.

The discourse-charged nature and political symbolism of the images of the map of the “Tibetan state” in *The Tibet Mirror* can be additionally proved by the fact that after a map illustration, Tharchin sometimes published relevant materials on the topic of independence. For example, in Vol.XXII No.8 dated September 1954,

¹⁸⁰⁷ “Map of Tibet” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/map-of-tibet/>. Accessed June 27, 2022.

¹⁸⁰⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954: 5.

immediately below the map of Tibet, which—of all five images in *The Tibet Mirror*—bears the biggest resemblance to the map currently promoted by the CTA, Tharchin placed another “Speech on Longing for Independence of Entire Tibet”¹⁸⁰⁹ (Fig. 34).

In 1974, the four national symbols described in this subsection, namely the 14th Dalai Lama, the map of the “independent Tibetan state,” the flag of Tibet, and the Potala Palace, were used for the design of a set of Tibetan stamps produced by the Australian philatelist Nelson Eustis (1915–2003) under the auspices of the 14th Dalai Lama and the Central Tibetan Administration (Fig. 36).¹⁸¹⁰ However, since at the international level, the CTA remains officially unrecognized, those stamps were issued only for the purposes of propaganda. The Tibetan stamps of the 1974 emission are known as Cinderella stamps, for they cannot be used for their postal purpose.¹⁸¹¹

Fig. 36. Tibetan Cinderella stamps of the 1974 emission (Warren 2003: 16).

Thus, from the beginning of the 1950s, with the help of regular illustrated publications, Tharchin promoted the worship of the 14th Dalai Lama as the supreme spiritual and political leader of the people of the entire Tibetan Plateau and the symbol of Tibetan independence. The editor of *The Tibet Mirror* also repeatedly reproduced images of the Dalai Lama’s Potala Palace, the flag of Tibet, and the map of the “great religious state of Tibet.” In the words of Tsering Shakya, after 1959, the Central Tibetan Administration engaged in cultivating the political consciousness and unity of the Tibetan-speaking diaspora through the deliberate manipulation of symbols and the invention of new traditions.¹⁸¹² However, based on the analysis of *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s, one can conclude that Tharchin’s efforts on the construction of the metanarrative of Tibetan

¹⁸⁰⁹ Tib. *bod spyi 'i rang dbang mngon 'dod kyi gnam* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954: 2).

¹⁸¹⁰ Warren 2003: 15.

¹⁸¹¹ Shevchenko 1991: 64.

¹⁸¹² Shakya 1993: 11.

independence antedated the future ideological policy of the CTA by almost a decade, for the editor begun his propaganda of the symbols of independent Tibet as early as November 1949,¹⁸¹³ that is, only a month after the founding of the People's Republic of China was officially proclaimed.

2.2.5.2. "Friends" of Tibet

The fact that *The Tibet Mirror* was published in India, and that the newspaper publisher Dorje Tharchin described himself not only as a Tibetan patriot, but also as a loyal Indian citizen, explains a rather large number of illustrative materials that depict Indian officeholders, the national flag of India, and the state emblem of India, that is, the so-called "Lion Capital of Ashoka." The absolute majority of images related to India from 1949 to 1963, as well as their captions, convey the favorable tone of Tharchin's discourse. Moreover, the analysis of *The Tibet Mirror* issues of the period under review gives the impression that the editor deliberately portrayed India as a role model to be followed by Tibetan-speaking readers in their struggle for the independence.

Tharchin extolled the independence of India and praised activists of the Indian independence movement. From 1949 to 1963, Tharchin published in *The Tibet Mirror* all in all: 51 image of the first Prime Minister of independent India Jawaharlal Nehru (in office 1947–1964), 20 images of the first President of independent India Rajendra Prasad (in office 1950–1962), and 13 images of the most widely-known leader of the Indian independence movement Mohandas Karamchand (Mahatma) Gandhi (1869–1948). Almost every year, on the occasion of celebration of the Indian Independence Day on August 15,¹⁸¹⁴ Tharchin featured images of J. Nehru, R.

¹⁸¹³ E.g., see maps of the "great Tibetan Religious State" in *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949: 4, 7.

¹⁸¹⁴ During the period under review between 1949 and 1963, Tharchin published eight issues of *The Tibet Mirror* with such publications (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.5, September 1957: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.5, September–October 1958: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961: 1). During other years, Tharchin also devoted special attention to the Indian Independence Day in his newspaper, but the celebratory publications either did not contain pictures of the three activists of Indian independence all together at once (e.g., *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951: 2) or did not occupy the front page of the issue and,

Prasad, and M. Gandhi on the front page of *The Tibet Mirror* all at once, alongside with the depiction of the Indian flag and, occasionally, the Indian state emblem (see Figs. 37–39). After the resignation of R. Prasad in 1963 (the final year when *The Tibet Mirror* was still produced), Tharchin printed one newspaper issue with a front page commemorating the Indian Independence Day with the images of Indian flags, J. Nehru, M. Gandhi, and the new Indian President Sarvepalli Radhakrishnan (in office 1962–1967)¹⁸¹⁵ (see Fig. 40).

Fig. 37. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 1.

instead, were placed on two separate pages (e.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 1–2; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960: suppl.1–suppl.2).

¹⁸¹⁵ See *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 1.

Fig. 38. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 1.

Fig. 39. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953: 2.

Fig. 40. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 1.

Besides, Tharchin repeatedly printed thematic publications with illustrations¹⁸¹⁶ commemorating another Indian national holiday—i.e., the Republic Day, which celebrates the date when the Constitution of India came into effect on January 26 (Fig. 41).

Fig. 41. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 1.

The numerous photographs of the Indian Prime Minister J. Nehru and their captions in *The Tibet Mirror* enabled the imbueement of the Tibetan-speaking readership with a sense of friendliness towards India. Apart from establishing a direct association of J. Nehru with India’s successful struggle for independence, Tharchin also emphasized in his publications that “the esteemed Indian Prime Minister Pandit [J.] Nehru is the one who works for peace in the whole world”¹⁸¹⁷ and, furthermore, he is a “great prime minister” of not simply a government, but the “religious Government of India.”¹⁸¹⁸ On the photographs in *The Tibet Mirror*, J. Nehru was portrayed as a tolerant politician who honored the traditions of different peoples: for example, Tharchin depicted J. Nehru in the traditional “Tibetan dress of the people of Ladakh”¹⁸¹⁹ (Fig. 42) and in the Bhutanese national costume¹⁸²⁰ (Fig. 43).

¹⁸¹⁶ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 16; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.9–10, January–February 1958: 2–3; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 3.

¹⁸¹⁷ Tib. ‘dzam gling yongs su zhi bde yong thabs mdzad po rgya gar srid blon paN Di ta ne ha ru mchog (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 9).

¹⁸¹⁸ Tib. rgya gar chos ldan gzhung gi srid blon chen po paN Di ta ne ha ru mchog (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3).

¹⁸¹⁹ Tib. la dwags pa’i bod chas bzhes pa’i sku par dge’o (*The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5); *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952: 2.

¹⁸²⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 1.

Tharchin also highlighted the equally respectful attitude of the Buddhist clergy towards the Indian leader and showed how the “monks of the Bhutanese government” deferentially saw the Indian Prime Minister off with their musical instruments¹⁸²¹ (Fig. 44).

Fig. 42. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 5.

Fig. 43. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 1.

¹⁸²¹ Tib. 'brug gzhung gi dge 'dun rnams nas phebs bskyel ched du rnga rol dung rgya giong (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 4).

Fig. 44. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959: 4.

On other photographs in *The Tibet Mirror*, J. Nehru respectfully greeted the 14th Dalai Lama¹⁸²² (Fig. 45) and the 10th Panchen Lama¹⁸²³ (Fig. 46) with the ceremonial Tibetan *kha btags* scarves during their visit to India, held a festive dinner in honor of the two Tibetan spiritual hierarchs¹⁸²⁴ (Fig. 47), opened the doors of the new Indo–Tibetan Buddhist library in the capital of Sikkim Gangtok¹⁸²⁵ (Fig. 48), delivered a speech to a large crowd of people at the public square in Delhi on the occasion of celebration of the Republic Day¹⁸²⁶ (Fig. 41), and even advocated for restraining the spread and testing of nuclear weapons in the world¹⁸²⁷ (Fig. 49).

¹⁸²² *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 1.

¹⁸²³ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 2.

¹⁸²⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

¹⁸²⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959: 9.

¹⁸²⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956: 1.

¹⁸²⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 1.

Fig. 45. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 1.

Fig. 46. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 2.

Fig. 47. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

Fig. 48. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9-10, February-March 1959: 9.

Fig. 49. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 1.

It is interesting that the last illustrated publication on J. Nehru's speech on the non-proliferation of nuclear weapons is placed on the front page of *The Tibet Mirror* next to a photograph of the 14th Dalai Lama published in honor of the birthday of the Tibetan spiritual leader. Given that, the remaining bottom part of the front page is occupied by news on the oppression of Tibet by the People's Republic of China. Thus, even in this case, one can argue about Tharchin's attempt to create a virtual opposition of the "aggressor"-communist China vs. the "peace-maker"-India represented by J. Nehru and "peaceful" religious Tibet represented by the 14th Dalai Lama.

Within the frame of Tharchin's metanarrative of Tibetan independence, all illustrations mentioned above brought together the peaceful "Tibetan Religious State" and peaceful India, which was depicted in *The Tibet Mirror* radically different from the atheistic People's Republic of China and its chief "aggressor" Mao Zedong. Besides, it must be underlined that *The Tibet Mirror* issues from 1949 to 1963 do not contain any photographs showing either the 14th Dalai Lama or the 10th Panchen Lama together with representatives of the Chinese communist leadership. At the same time, one can clearly see in *The Tibet Mirror* the visuals of the meetings of the

14th Dalai Lama and the 10th Panchen Lama with the Prime Minister of India¹⁸²⁸ (Figs. 50–51) and with the President of India¹⁸²⁹ (Fig. 51), as well as photographs taken during the visit of the 14th Dalai Lama and 10th Panchen Lama to the Mahatma Gandhi Memorial in Delhi¹⁸³⁰ (Fig. 52) and during a welcome party arranged in honor of the 14th Dalai Lama by Tibetans in Delhi.¹⁸³¹

Fig. 50. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 3.

Fig. 51. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 4.

¹⁸²⁸ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956: 3; *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 3; 4.

¹⁸²⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 4.

¹⁸³⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

¹⁸³¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 6.

Fig. 52. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957: 5.

One more illustrated publication on the topic of Indian–Tibetan relations, which must be discussed in this subsection, is from the last issue of *The Tibet Mirror*, namely Vol.XXVIII No.3 dated February–March 1963. The newspaper issue came out after the establishment of the Central Tibetan Administration in India and the Sino–Indian War in late 1962. These two factors can probably explain why on the front page of Vol.XXVIII No.3, Tharchin depicts India and Tibet as “comrades in arms” against their shared “enemy”—i.e., the Chinese communist “aggressor.” Alongside wishes for the victory of India and the “Tibetan state,”¹⁸³² the editor places the three symbolic images next to each other in one row: a portrait of the 14th Dalai Lama, the flag of India, and the flag of Tibet (Fig. 53).

Fig. 53. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1.

¹⁸³² Tib. *rgya gar rgyal gyur cig* and Tib. *bod rgyal khab rgyal gyur cig* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963: 1).

The Kuomintang government in Taiwan was presented in *The Tibet Mirror* as another important potential ally of Tibet in its struggle against the PRC. The newspaper issues published in the 1950s and 1960s contain all together 29 images of different branches of the armed forces and types of weapons belonging to the Kuomintang government, 17 images of the leader of the Kuomintang Party Chiang Kai-shek, and even three photographs of the founder of the Kuomintang Party Sun Yat-sen. The neutral or positive tone of captions to all images related to the Kuomintang government in *The Tibet Mirror* echoes Tharchin's favorable attitude to the Kuomintang expressed in his textual publications. For example, Tharchin respectfully referred to Sun Yat-sen as "the esteemed Dr. Sun Yat-sen, the founder and the illustrious chairman of the first Republic of China"¹⁸³³ (Fig. 54), or "the esteemed progenitor and the venerable father of the Republic of China."¹⁸³⁴ Next to Sun Yat-sen's image, the editor invariably published a picture of "the life-pillar of the Kuomintang government of the Republic of China—the distinguished Marshal Chiang Kai-shek"¹⁸³⁵—who already made it so that "the people of Taiwan [got to] live in independence" and their "life was perfect in every respect"¹⁸³⁶ and who also promised to "liberate those who fell under the oppression of the [Chinese] communist government,"¹⁸³⁷ or, in other words, to "pull [the people of Tibet] from under the oppression of communist bandits."¹⁸³⁸

¹⁸³³ Tib. *rgya nag mi ser rgyal khab thog ma rtsa btsugs byed po sgrag Tar sun yad sen nam tsung li mtshan snyan pa par bsgrags pa mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2)

¹⁸³⁴ Tib. *krung ha ming go 'i rgyal khab kyi mes po yab rje sun krung hran mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

¹⁸³⁵ Tib. *rgya nag mi ser rgyal khab ko min tang gzhung gi srog shing mar shal cang kai shag mchog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2).

¹⁸³⁶ Tib. *da'i wan gyi mi dmangs rnams rang dbang rang btsan du gnas shing 'tsho ba sogs gang ci nas phun sum tshogs pa yod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

¹⁸³⁷ Tib. *mar shal cang kai shag mchog nas [...] dmar po 'i gzhung gi btsan dbang du tshud pa rnams la bcing bkrol byed rgyu yin zhes legs sbyar gngang* (*The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2).

¹⁸³⁸ Tib. *de tshor ring min gung jag gi btsan mnar 'og nas 'don thabs byed* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963: 10).

Fig. 54. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2.

Tharchin inculcated in his Tibetan-speaking readers the idea that the Kuomintang troops had excellent modern weapons ready for fighting on land, at sea, and in the air and additionally pointed out that the Kuomintang was carefully preparing for a large-scale offensive on mainland China.¹⁸³⁹ The editor supported his textual publications on Chiang Kai-shek's bellicose intentions with appropriate visuals, which were intended to give an impression of the military might and confident competitiveness of the Kuomintang army vs. the PLA (Figs. 55–57).

Fig. 55. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950: 6.

¹⁸³⁹ See, e.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2; *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954: 2.

Fig. 56. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.2.

Fig. 57. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: suppl.3.

Tharchin brought to the attention of his readers the cooperation of the Kuomintang government with another powerful “enemy” of communist China, that is, the United States of America. The editor of *The Tibet Mirror* probably sought to instill in Tibetan independence activists, on the one hand, a bigger hope for the imminent triumph of the Kuomintang over the CCP and, on the other hand, an intention to cooperate with both the Kuomintang government and the U.S. government in their joint struggle against the PRC. During the period under review, Tharchin published three group photos¹⁸⁴⁰ of Chiang Kai-shek with the President of the United States (Figs. 58–59).

Fig. 58. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6.

Fig. 59. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961: 9.

¹⁸⁴⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960: 9; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961: 6; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961: 9.

As for the illustrative materials directly related to the United States, it is necessary to admit that those are considerably fewer in number than images associated with India or Taiwan. For the most significant illustrations related to the U.S. from the 1950s, one can refer to *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7 dated December 1958. Tharchin dedicates the front page and the second page of this newspaper issue to the “strong independent religious state”¹⁸⁴¹ of the United States. According to the editor, the U.S. government “does not oppress or forbid” any world religions¹⁸⁴² and, on the contrary, “permits [...] the practice of any religion.”¹⁸⁴³ Furthermore, on the territory of the USA, “one can practice religion anywhere one likes.”¹⁸⁴⁴ The U.S. government also builds Buddhist temples and supports the Buddhist community (see Figs. 60–61). The image of the United States as a benign “religious state” in *The Tibet Mirror* was thus counterposed to the image of the PRC as an atheistic “aggressor.” At the same time, Tharchin’s narrative implied that the conspicuous “religiosity” of the United States was a sufficient basis for a rapprochement of the United States with the “Tibetan Religious State.”

Fig. 60. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1.

¹⁸⁴¹ Tib. *a me ri ka 'i rgyal khab de ni stobs ldan rang dbang dang ldan pa 'i chos ldan rgyal khab gcig yin* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁸⁴² Tib. *'dzam gling du gnas pa 'i chos lugs gzhan dag la mi 'dod pas btsan gnon bkag 'doms sogs med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁸⁴³ Tib. *yul mi su zhig gis rang gi dad mos yod pa 'i chos lugs ji 'dra zhig la 'ang blo 'dod ltar nyams len byed chog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 1).

¹⁸⁴⁴ Tib. *a me ri ka zhes bya 'i rgyal khab der/ chos lugs kun la rang 'dod bsten chog* (*The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 2).

Fig. 61. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958: 2.

In addition to that, in *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s, one can find two remarkable illustrated publications on the topic of contacts of the “independent Tibetan government” with the United States in the 1940s. In the first one from *The Tibet Mirror* dated December 1950–January 1951, Tharchin provides a visual proof that in 1946, representatives of the “esteemed Tibetan government” held an official meeting with the “great representatives of the United States” in Delhi¹⁸⁴⁵ (Fig. 62).

Fig. 62. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 21.

¹⁸⁴⁵ Tib. *bod gzhung mchog* and Tib. *a me ri ka'i sku tshab chen po* (*The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 21).

The second illustration is published next to the “Song of Love for Tibetan Independence”¹⁸⁴⁶ on the front page of *The Tibet Mirror* dated March 1958. The caption to the photograph confirms that the editor perceived the image as a visual proof of Tibetan independence, for it depicted that in 1945, the “independent Tibetan government” was in contact with U.S. citizens, which was witnessed by representatives of the Kuomintang government and British India¹⁸⁴⁷ (Fig. 63).

Fig. 63. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1.

To sum up, in 1949–1963, there were three main “allies” or “friends” of Tibet that were most widely represented in the illustrative materials in *The Tibet Mirror*: namely the Indian government, the Kuomintang government, and the U.S. government. The favorable attitude towards India and the United States was primarily conditioned by the fact that these two countries were portrayed by the editor as “religious states,” just like Tibet. Besides, the format of large illustrated publications was regularly used by Tharchin to honor the heroes of the Indian independence movement and show his readers an example of the successful struggle for independence accordingly. As for the third “friend” of Tibet located on the territory of Taiwan, the practicability of potential cooperation with the Kuomintang government was explained by the fact that representatives of the Kuomintang shared

¹⁸⁴⁶ Tib. *bod rang dbang la dga' ba'i gla gnas*.

¹⁸⁴⁷ Tib. *bod rang dbang gzhung*. Tharchin was talking about the pilots of an American plane that flew from China to India and crashed in Tibet (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958: 1).

with supporters of Tibetan independence not only their disapproval of the communist rule in China, but one and the same practical goal of overthrowing Chinese communists. During the period under review, the illustrative materials in *The Tibet Mirror* also compellingly demonstrated that the Kuomintang government was backed up by the United States and had enough military might and motivation to successfully confront the PRC.

2.2.5.3. Political Cartoons and Propaganda Visuals

The Tibet Mirror issues dated from 1949 to 1963 contain more than 40 discourse-charged drawings, which either relatively realistically or, on the contrary, rather grotesquely depict news in the context of Tibet's official incorporation into the PRC. Tharchin used visuals to spotlight the tension caused by the Chinese communist government's attempt of conducting reforms on the Tibetan Plateau and the corresponding opposition to it of the local Tibetan-speaking population, as well as to elaborate on the place of the Tibet Question in the international arena and the current balance of power in the world shared between the Communist and Capitalist Blocs. Most of the drawings and their captions are characterized by the same harsh anti-communist and simultaneously pro-nationalist rhetoric that was voiced by the editor in his textual publications. However, one must admit that the emotional load of drawings may seem even more explicit and memorable than Tharchin's verbal expression.

It must be underlined that this visual support in *The Tibet Mirror* played a particularly important role in the 1950s, since the population of Tibet remained predominantly illiterate at the time. I. Engelhardt contends that the genre of political cartoons first appeared in the Tibetan-language press owing to the pioneering efforts of Tharchin.¹⁸⁴⁸ In the 1930s, due to the visual accessibility of illustrations to the most unsophisticated Tibetan-speaking readers, the editor of *The Tibet Mirror* began

---

¹⁸⁴⁸ Engelhardt 2018b: 41.

publishing cartoons on the topic of A. Hitler's rise to power in Europe and the Japanese aggression in Asia.¹⁸⁴⁹

Shortly after the Chinese communist government officially announced its goal to “liberate” Tibet, Tharchin started systematically portraying the PRC as the aggressor in the column entitled “News in Drawings.”¹⁸⁵⁰ In *The Tibet Mirror* issues dated from 1949 to 1963, one can encounter three times the animalistic image of the People's Republic of China represented by a violent dragon. In the earliest drawing from January 1950, several men in uniform, who most likely embody either the British or the Indian soldiers, fail to restrain an enraged dragon¹⁸⁵¹ (Fig. 64). In the second drawing from June 1959, a dragon is killing people in Tibet, whereas the Dalai Lama is trying to draw the attention of the international community to that fact from the territory of India¹⁸⁵² (fig. 65). In the third image from September–October 1959, the dragon is sitting on the mountain peaks of Tibet and a tall man marked as “India” is pushing into the dragon's open mouth a shorter man marked as “Ladakh”¹⁸⁵³ (Fig. 66).

Fig. 64. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 3.

¹⁸⁴⁹ See Sawerthal 2017; Engelhardt 2018b: 41.

¹⁸⁵⁰ Tib. *ri mo 'i g sar 'gyur* (e.g., *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949: 4 or *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8).

¹⁸⁵¹ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950: 3.

¹⁸⁵² *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

¹⁸⁵³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 12.

Fig. 65. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

Fig. 66. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4-5, September–October 1959: 12.

In addition to the animalistic depiction of the PRC as an entire state, Tharchin also published more narrowly targeted caricatures of the leader of the PRC Mao Zedong. For example, Mao Zedong appeared in *The Tibet Mirror* in the form of a small jackal with a human face, which is being confronted by a regal lion captioned in English as “peace loving India is awoken”¹⁸⁵⁴ (Fig. 67), and in the form of a huge “arrogant” toad with a human head, which squatted on the border with India and which contains inside its belly China, Inner Mongolia, Manchuria, Xinjiang, and separately delineated (i.e., “independent”) Tibet¹⁸⁵⁵ (Fig. 68).

¹⁸⁵⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8.

¹⁸⁵⁵ Tib. *shal dmar nga rgyal can* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8-9, January–February 1960: 10).

Fig. 67. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8.

Fig. 68. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960: 10.

All discourse-charged cartoons discussed above share some typical features. First, whereas other countries of the world and their leaders were represented in *The Tibet Mirror* in the anthropomorphic form, the PRC and Mao Zedong were frequently depicted in the lower-status form of animals. Secondly, many illustrations carried an inscription in both Tibetan and English and were thereby more accessible to non-Tibetan readers of *The Tibet Mirror*. Thirdly, in the form of cartoons, the editor allowed himself to express a moderate criticism of the Indian government (e.g., Fig. 66) for the official Indian policy with respect to maintaining friendly relations with the PRC, India's unwillingness to openly support Tibetan independence, and its reserved comments in regard to the Tibet Question until the Sino–Tibetan War in 1962.

The ideas stressed by Tharchin in his textual publications were additionally reinforced in the form of drawings which aimed to fully convince readers of *The*

Tibet Mirror that the “peaceful liberation” of Tibet by the PLA was in fact not so peaceful and brought only deception, destruction, and suffering to the inhabitants of the Tibetan Plateau. For example, one can refer to the “Liberation News in Drawings,”¹⁸⁵⁶ which show how after the “peaceful liberation,” monks in Tibet were used as draft animals for plowing fields¹⁸⁵⁷ (Fig. 69), people were being dismembered by quartering with the help of cattle¹⁸⁵⁸ (Fig. 70), and the highways in Tibet built by the order of the Chinese communist government were presenting a danger to the local population and were convenient only to the Chinese themselves¹⁸⁵⁹ (Fig. 71).

Fig. 69. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 7.

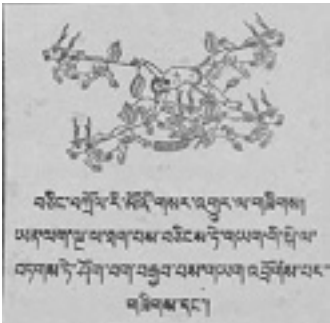

Fig. 70. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 10.

¹⁸⁵⁶ Tib. *bcing bkrol ri mo'i gsar 'gyur*.

¹⁸⁵⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 7.

¹⁸⁵⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 10.

¹⁸⁵⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 3.

Fig. 71. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956: 3.

Besides, Tharchin repeatedly reproduced in *The Tibet Mirror* illustrations, which demonstrated a disrespectful attitude of Chinese communists towards religious sites and objects in Tibet. For instance, in Vol.XXVIII No.8 dated November 1963, the editor published a drawing of Chinese soldiers who hung by the neck a Buddhist monk and Buddha's statue with a book attached to it. The drawing is inscribed with the alleged speech of Chinese soldiers who urge Tibetans that stand nearby to look at the hanging monk and answer whether the lamas or the Buddha can protect them now. Thus, just in one drawing, Tharchin manages to depict how Chinese communists, being merciless atheists in their nature, are abusing all the Three Jewels of Buddhism at once, i.e., desecrate the symbols of faith of the entire Buddhist population of Tibet. In the English caption to the drawing, Tharchin exclaims: "Look what the communists are doing in Tibet"¹⁸⁶⁰ (Fig. 72).

Fig. 72. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

¹⁸⁶⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

Rather large and detailed images illustrating the destruction of monasteries in eastern Tibet by the PLA also contributed to enhancing the emotional strain and strengthening the visual association of Chinese communists with barbarity and cruelty. Apart from impressing readers with the size (these illustrations occupied more than half a page or a full page), such visuals in *The Tibet Mirror* were especially graphic due to their expressive captions and meticulous detailing of victims of the aggression of Chinese communists. For example, in Vol.XXIII No.11 dated November 1956, Tharchin published a drawing of the planes of the PLA that were bombing from air the buildings and people. One can see human casualties and destroyed houses, as well as monks who attempt to return fire with a rifle (Fig. 73). The illustration is accompanied by the following emotional caption in English:

They are killing several thousand of our freedom loving, brave, ill-armed *khampas*, with modern weapons, and distroying [*sic*] monasteries. The world is protesting the aggressor in Europe and W. Asia, but alas, there is no voice for Tibet.¹⁸⁶¹

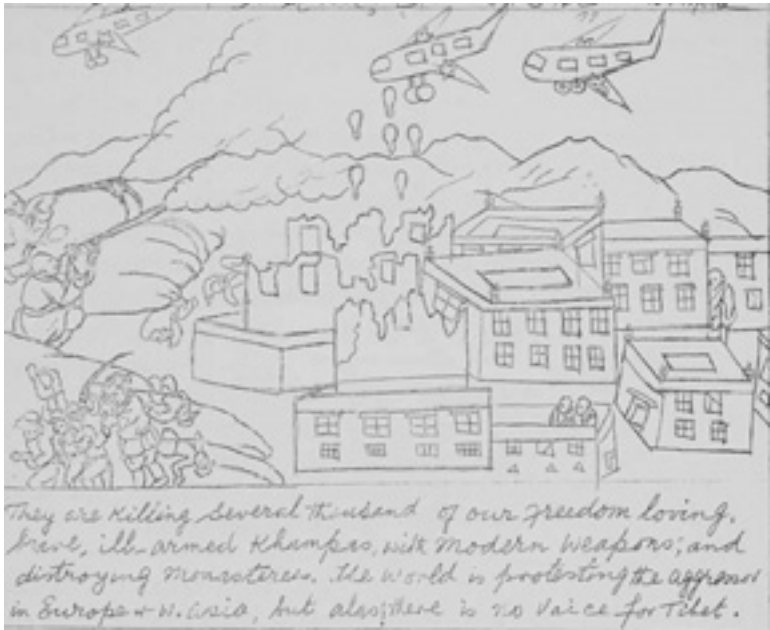

Fig. 73. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

¹⁸⁶¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956: 4.

Although in the caption, Tharchin does not name the aggressor explicitly, it is clear to readers that “they” are Chinese communists and it is “their” planes that are marked in the drawing by a five-pointed star, the symbol of communism. Even though it was not rare that the inhabitants of eastern Tibet were the ones who started armed conflict and killed Chinese communist officials for initiating socialist reforms in their area, Tharchin presents *kham*s *pas* as “our” people: weaker in terms of weaponry, but “freedom loving” and “brave” victims of aggression, and in no way the militant instigators of the clashes or the killers.

Later, in Vol.XXIV No.3 dated July 1957, on four consecutive pages, Tharchin published more illustrations depicting in detail the destruction of monasteries and human casualties in eastern Tibet (Figs. 74–77). In the captions to the illustrations provided either in Tibetan or in English, the editor asked his readers to have a look at how Chinese communists were destroying various monasteries and, to further instill the tension, also gave the additional information on the exact number of victims of the aggression: “there were 1,800 monks, they say only seven are left now;”¹⁸⁶² “there were about 1,000 monks, there is not even one left now;”¹⁸⁶³ “there were 700 monks, there is not even one left now;”¹⁸⁶⁴ “3700 monk [*sic*] used to be, but now only ten left.”¹⁸⁶⁵ Resorting to historical parallels, Tharchin once again referred to the people of Kham as “Tibetan Tito[ists] of Kham”¹⁸⁶⁶ and urged them to continue their rebellion against Chinese communists in spite of all the blood spilt.

---

¹⁸⁶² Tib. *grwa pa 1800tham pa yod/ da lta bdun las med skad* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 3).

¹⁸⁶³ Tib. *grwa pa 1000tsam yod/ da lta gcig kyang med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 4).

¹⁸⁶⁴ Tib. *grwa pa bdun brgya yod/ da lta gcig kyang med* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5).

¹⁸⁶⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6.

¹⁸⁶⁶ Tib. *longs shog longs shog khams bod Ti To tsho* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5).

Fig. 74. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 3.

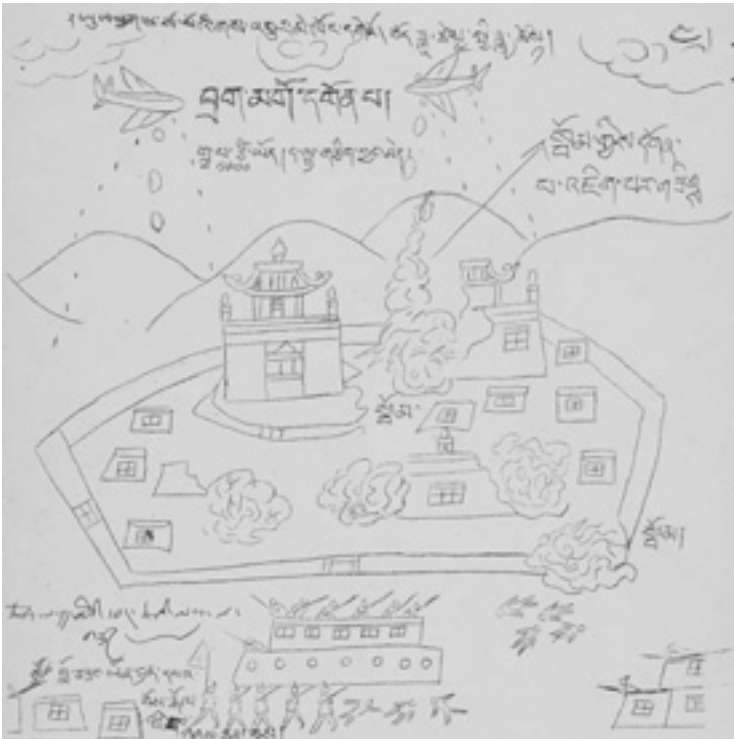

Fig. 75. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 4.

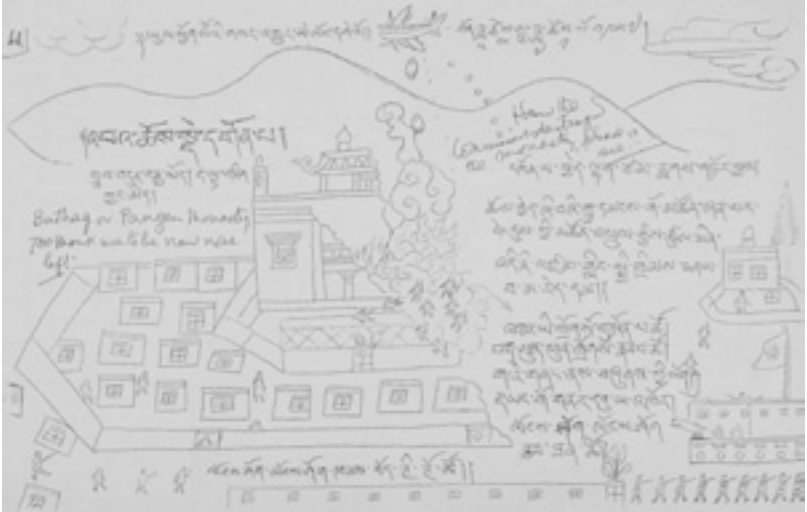

Fig. 76. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 5.

Fig. 77. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957: 6.

Tharchin used political cartoons to persuade readers of *The Tibet Mirror* that Mao Zedong was the main villain and the aggressor whose plans for the territorial expansion were not limited to the territory of Tibet. In Vol.XXVI No.1 dated June

1959, under the title “Elucidation of the Eastern Secret,”¹⁸⁶⁷ the editor published an image depicting a huge Mao Zedong who was knitting a “strategy of oppression and takeover [of the world] by the Chinese”¹⁸⁶⁸ using the yarn made of Tibet, while a small sheep with the face of J. Nehru was watching him from the territory of India (Fig. 78).

Fig. 78. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7.

Such an unusually critical for Tharchin image of India in the above-mentioned cartoon can be explained, first of all, by the fact that the author of the cartoon was neither the editor of *The Tibet Mirror* nor even another citizen of India. Tharchin borrowed the cartoon from the renowned British artist Stanley Arthur Franklin (1930–2004).¹⁸⁶⁹ S.A. Franklin published his cartoon in May 1959 in London, but the editor of *The Tibet Mirror* apparently liked the drawing so much that a month later, he replaced the English text with a slightly modified Tibetan version and published the depiction of Mao Zedong’s “secret” intentions in his own newspaper.

Later on, in Vol.XXVI No.4–5 dated September–October 1959, Tharchin published another cartoon which was probably also borrowed from foreign sources. In the picture, Mao Zedong has already started eating (i.e., taking over) the globe, whereas the three other world leaders, namely the Soviet leader Nikita Khrushchev (1953–1964) with a sickle and a hammer in his hands, the Indian Prime Minister J. Nehru with tablets inscribed as “Panchsheel” and “Peaceful Cooperation,”¹⁸⁷⁰ and

¹⁸⁶⁷ Tib. *shar phyogs kyi gsang don dgrol ba*.

¹⁸⁶⁸ Tib. *rgya mis btsan gnon 'dzin zung byed pa'i srid byus* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 7).

¹⁸⁶⁹ For more information on the original cartoon, see Engelhardt 2018b: 44.

¹⁸⁷⁰ Tib. *zhi mthun mnyam 'brel* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 9).

the U.S. President Dwight Eisenhower (1953–1961) with a bag of American dollars and a warhead, are just standing and watching Mao Zedong do what he does (Fig. 79).

Fig. 79. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 9.

Tharchin also blamed Mao Zedong for J. Nehru’s reserved policy on Tibet as a result of which India did not openly support advocates for Tibetan independence and did not help promoting the Tibet Question in the international arena. In Vol.XXVI No.1 dated June 1956, under the title “In regard to Tibet”¹⁸⁷¹, the editor published a cartoon based on the well-known 17th-century Japanese pictorial maxim with the three wise monkeys. Depicting how Mao Zedong is covering J. Nehru’s ears, eyes, and mouth, the cartoon is captioned as if Mao Zedong commands J. Nehru: “Hear nothing! See nothing! Say nothing!”¹⁸⁷² (Fig. 80).

Fig. 80. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

¹⁸⁷¹ Tib. *bod kyi skor*.

¹⁸⁷² Tib. *gang yang ma nyon/ gang yang ma ltos/ gang yang ma shod* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6).

After the 14th Dalai Lama's immigration to India, Tharchin employed caricatures to foretell the breach of the 1954 Sino–Indian Agreement and to impose the idea that Mao Zedong was not inclined to support the peaceful coexistence of the PRC and India for long, because the Chinese communist leader clearly had a claim to the territory of India and other Himalayan peoples. The editor placed twice in *The Tibet Mirror* (before the 1962 Sino–Indian War and after it) two similar cartoons depicting J. Nehru as a half-naked Shiva with a trident seated on the Indian territory and being attacked by the PLA¹⁸⁷³ (Figs. 81–82).

Fig. 81. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14.

Fig. 82. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10.

¹⁸⁷³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 3 (a reprint of the cartoon from *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14).

Explicitly demonizing Mao Zedong in the 1960s, Tharchin published a cartoon in Vol.XXVII No.8–9 dated May–June 1961, in which he labeled the leader of the PRC as the “communist demon from the East” who used money and “pleasant” but “false” promises to lure the small peoples of the Himalayas into his bag so that to demonically kill them all later¹⁸⁷⁴ (Fig. 83).

Fig. 83. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961: 2.

Comparing “all the pleasant flattering speeches” of Chinese communists to “pebbles in a felt, horns in a sack, and the dung of a donkey,”¹⁸⁷⁵ Tharchin warned his readers in the form of illustrations that despite the declarative promises of the “communist bandit,”¹⁸⁷⁶ Mao Zedong actually held a knife behind his back alongside with his entire army ready to attack the small peoples of the Himalayas (Fig. 84).

¹⁸⁷⁴ Tib. *ri mo dang po ni hi ma la yi 'i ri brgyud du gnas pa'i grangs nyung mi rigs rnams la shar phyogs srin mo dmar mos rgyu dngul dang gtam snyan gyi bslu thabs brtsom par tshang mas mgo bo 'khor na/ ri mo gnyis pa ltar srin mo'i dbugs rkyal nang du mi'i srog dbugs 'du nges gtan yin* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961: 2).

¹⁸⁷⁵ Tib. *de tshos kha 'jam snyan tshig lab pa tshang ma 'phying pa'i nang gi rdo dang /_sgye mo'i nang gi rwa co/ bong bu 'i og ril 'dra po red* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8).

¹⁸⁷⁶ Tib. *rgya dmar gung jag* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8).

Fig. 84. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

For a final notable example of a caricature in which Tharchin aimed to expose of the “false” nature of Chinese communists, one can refer to Vol.XXVII No.3 dated November–December 1960. The illustration depicts how Chinese communists, who are hiding their “true” evil grin behind the masks with friendly facial expressions, stand on the Himalayan border and extend their hands for a handshake to representatives of Ladakh, Nepal, Sikkim, and Bhutan, but the latter are holding sticks and are ready to fight off these fake Chinese friends with the help of the Indian army¹⁸⁷⁷ (Fig. 85).

Fig. 85. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960: 3.

¹⁸⁷⁷ For a full translation of the caption, see Engelhardt 2018b: 49.

After the Sino–Indian border conflict in the fall of 1962, Tharchin demonstrated in the form of cartoons that India would protect the peoples living in the Himalayas from Mao Zedong’s aggression. For instance, in December 1962, the editor published an image of Mao Zedong’s head that apparently wanted to eat Tibet, Nepal, Bhutan, and Sikkim, but India stuck a Shiva trident, a poleaxe, and several other types of sharp weapons into Mao Zedong’s upper teeth and thus prevented him from closing his mouth, i.e., from swallowing or seizing all the above-mentioned territories. Therefore, there were now tears running from Mao Zedong’s eyes¹⁸⁷⁸ (Fig. 86).

Fig. 86. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 8.

Although Tharchin claimed to despise the communist ideology in general, the editor of *The Tibet Mirror* clearly depicted the Chinese communist leader being more dangerous for the world than the leader of the USSR. In August 1963, Tharchin published a caricature on the rift in Sino–Soviet relations, in which the pillar of communism is splitting into two parts. The left half of the pillar with a bust of N. Khrushchev wearing a pin in the shape of a dove, i.e., a symbol of peace, is labeled as “peaceful communism.”¹⁸⁷⁹ The right half of the column with the bust of Mao

¹⁸⁷⁸ For a full translation of the caption, see Engelhardt 2018b: 44.

¹⁸⁷⁹ Tib. *zhi dmar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7).

Zedong wearing with a pin in the form of a warhead is inscribed as “violent communism”¹⁸⁸⁰ (Fig. 87).

Fig. 87. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7.

It must be added that with the help of illustrative materials Tharchin not only tried to instill into his Tibetan-speaking readers the feeling of hostility towards the PRC as the aggressor. In the 1950s and 1960s, the editor also used visuals for his creative appeals to the inhabitants of the Tibetan Plateau to unite and jointly oppose the “foreign enemies” in the name of the independence of Tibet. The most interesting illustrative publication on the theme of unity of the “Tibetan nation” is the image of an elephant designed of natives of different regions of the Tibetan Plateau, who joined their hands together. The head of the elephant is formed of the people from Mnga’ ris,¹⁸⁸¹ the body of the elephant is shaped by the people from Dbus–Gtsang,¹⁸⁸² and the back of the elephant is represented by the people from Amdo and Kham.¹⁸⁸³ On the top of the elephant, there is a man sitting who is inscribed as the “Tibetan government.”¹⁸⁸⁴ In the caption to the illustration, Tharchin asks “the

¹⁸⁸⁰ Tib. *drag dmar* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7).

¹⁸⁸¹ Tib. *stod mnga’ ris*.

¹⁸⁸² Tib. *bar dbus gtsang*.

¹⁸⁸³ Tib. *smad mdo khams*.

¹⁸⁸⁴ Tib. *bod gzhung*.

brothers of the thirteen Tibetan *khri skor*¹⁸⁸⁵ to unite so that “by joining [their] hands together in unanimity [they] could re-establish the independent government” of Tibet¹⁸⁸⁶ (Fig. 88).

Fig. 88. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 3.

Tharchin published the elephant illustration under the title “Unity Is Strength”¹⁸⁸⁷ in August 1957. Four years later, in *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10 dated August 1961, the editor published a very similar, yet slightly modified, drawing of an elephant designed of human bodies under the same title and once again urged Tibetan-speaking readers to unite in the name of the independence of Tibet (Fig. 89).

Fig. 89. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961: 7.

¹⁸⁸⁵ Tib. *bod khri skor bcu gsum gyi spun zla rnam*s.

¹⁸⁸⁶ Tib. *rang cag bod rigs rnam kyang gcig mthun lag 'brel thog rang dbang rang btsan gyi gzhung yang skyar tshugs*.

¹⁸⁸⁷ Tib. *gcig mthun ni stobs shugs yin*.

The elephant image of 1961 has three major differences with the version of 1957. First, there are no identifying inscriptions on the human bodies. Secondly, it is no longer the “Tibetan government” that sits on the top of the elephant, but a Buddhist teacher in a *paṇḍit* hat with a pointed top who holds the so-called “wheel of joy”¹⁸⁸⁸ in his right hand and extends his left hand to a man below. The third significant difference from the 1957 elephant illustration is that in 1961, Tharchin no longer appealed to his Tibetan-speaking readers as the “brothers of the thirteen Tibetan *khri skor*,” but addressed them as “the people of Tibetan *chol kha gsum*.”¹⁸⁸⁹ The Buddhist teacher at the top embodies the 14th Dalai Lama. It is obvious that after the immigration of the 14th Dalai Lama to India and the establishment of the Tibetan government-in-exile there, the editor of *The Tibet Mirror* tried to form a stable association of the 14th Dalai Lama with the unity of the entire Tibetan-speaking diaspora and exalted Bstan ’dzin rgya mtsho as the supreme ruler of the “Tibetan nation.” The 1961 image of the elephant also confirms that after the establishment of the CTA, in the portrayal of the population of the “Tibetan state,” Tharchin switched from his initial thirteen Tibetan *khri skor* model to the *chol kha gsum* concept.

At present, it is hard to establish the authorship of discourse-charged illustrations in *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s. Among the sources of cartoon illustrations, the editor cited the British newspaper *London Daily Herald*¹⁸⁹⁰ and the Taiwanese newspaper in English *China Post*.¹⁸⁹¹ One illustrated publication from 1963 with eight cartoons depicting how “the bandit government of communist China is improving the life of the Chinese people,”¹⁸⁹² offers the captions in Chinese, therefore, one can conclude that Tharchin probably borrowed these images from another Taiwanese source. Some cartoons carry the initials of their authors: six

¹⁸⁸⁸ Tib. *dga' khyil*. For more information on this symbol, see Beer 2003: 209.

¹⁸⁸⁹ Tib. *rang cag bod chol kha gsum gyi mi dmangs* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961: 7).

¹⁸⁹⁰ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960: 6.

¹⁸⁹¹ E.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959: 6.

¹⁸⁹² Tib. *rgya dmar jag gzhung gis rgya nag mi dmangs rnam ky'i 'tsho ba yar rgyas ji ltar giong mus pa'i ri mo'i gsar 'gyur 'di la gzigs dang* (*The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.6, July–August 1963: 4).

images are signed with the pseudonym “RIG,”¹⁸⁹³ three cartoons bear the initials “T.R.,”¹⁸⁹⁴ one cartoon is signed by “Rig dbang pa,”¹⁸⁹⁵ and one is signed by “Puri.”¹⁸⁹⁶ The similar pseudonyms “Rig” and “Rig dbang pa” most likely belong to the same person, a relative of Tharchin named Rig ’dzin Dbang po, who is known to have occasionally helped the editor with his editorial work on *The Tibet Mirror*.¹⁸⁹⁷ The illustration signed by Puri was identified by I. Engelhardt as a cartoon of the Indian artist Rajinder Puri (1934–2015) from the *Hindustan Times*, an Indian newspaper published in English.¹⁸⁹⁸ Unfortunately, no information was found regarding the author of the three cartoons with the “T.R.” initials. Thus, one can say that Tharchin used mainly British, Taiwanese, and Indian periodicals as sources of illustrative materials and ideas for inspiration.

The political cartoons which intensified the emotional strain of textual publications on the Tibet Question were not limited to the examples discussed in this subsection of the present dissertation. In 1949–1963, illustrated publications enlivened the imagination of *The Tibet Mirror* readership and presented in a more graphic way the binary oppositions of the Other vs. the Self and the “aggressor” vs. the “victim” actualized by Tharchin in his newspaper. Harmoniously resonating with textual reports on the brutal nature of the Chinese communist policy in Tibet, the repulsive visual images of the PRC and its leader Mao Zedong embittered Tibetan-speaking readers and infused them with the desire to resist the rule of the vile “foreign enemy.”

2.3. Conclusion

The analysis of a wide selection of publications dated from 1949 to 1963 testifies to the existence of a regular anti-communist and, at the same time, pro-Tibetan

---

¹⁸⁹³ *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959: 14; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959: 10, 12; *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960: 10; *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962: 3, 8.

¹⁸⁹⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7, 8; *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963: 14.

¹⁸⁹⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957: 3.

¹⁸⁹⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 8.

¹⁸⁹⁷ Rig ’dzin Dbang po’s illustrations in *The Tibet Mirror* are mentioned by M. Viehbeck (2017b: 288) and I. Engelhardt (2018b: 54).

¹⁸⁹⁸ See Engelhardt 2018b: 45.

nationalist discourse in *The Tibet Mirror*. In spite of the fact that it is now impossible to establish the authorship of each discourse-charged publication, Dorje Tharchin continuously served as the chief editor of the newspaper during the whole period under review, therefore, I argue that he should be considered the author of the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror*.

In the 1950s and 1960s, *The Tibet Mirror* repeatedly featured articles on the Tibet Question that portrayed all Tibetan-speaking ethnic groups of the Tibetan Plateau as a single Tibetan nation and state, the independence of which was violated by the invasion of the People's Republic of China. By abandoning the linear order of presenting historical data and, instead, resorting to the selective decontextualization, glossing, and distorting the historical reality, the editor of *The Tibet Mirror* attempted to construct a nationalist version of Tibetan history and prove the illegality of Chinese claims to the areas inhabited by Tibetan-speaking peoples. Since the early 1950s, Tharchin sought to instill in his readers a sense of distrust and hostility towards Chinese communists by drawing a sharp contrast between the present of Tibet under the communist rule and the lost "Golden Age" of the Tibetan past and by persuading his readers in the hypocrisy of the Chinese communist leadership and their promises for a better future for Tibet. Tharchin urged the entire population of the Tibetan Plateau to unite in their collective struggle against the power of the Other for the sake of regaining independence of the "Tibetan Religious State" and inculcated his readers with the idea that Tibet must be and would certainly be independent in the future.

Tharchin described contemporary Sino-Tibetan relations of the 1950s and 1960s within the frame of "conflict." By imposing the binary oppositions of "the Self vs. the Other" and "the victim vs. the aggressor," the editor intended to undermine the prospects of potential cooperation of "natives" of the Tibetan Plateau with Chinese communist "aliens" and restrain the possibility of their engagement in a constructive dialogue. Whereas Chinese communists were labeled with such invectives as "enemies of the Buddhist teaching," "barbarians," "demons," and "bandits," Tibet was consistently depicted in *The Tibet Mirror* as a weak but

historically independent “religious state” with “beautiful ancient traditions.” While idealizing the inhabitants of the Tibetan Plateau as exceptionally “peaceful” and “virtuous” people, Tharchin provided examples of the egregious violent acts of the “enemies of the Buddhist teaching” and systematic human rights abuse in the PRC.

Given that, the editor of *The Tibet Mirror* did not limit himself to the religious discourse intended solely for the Tibetan-speaking readership. To construct the all-encompassing metanarrative of Tibetan independence, Tharchin introduced modern socio-political terms and concepts which were more familiar to the target readership from the West and which enabled a more successful presentation of the Tibet Question for the international community. To enable a smoother process of internationalization of the Tibet Question, Tharchin insisted that—due to the fact that Chinese communists manifested a grave danger not only to Tibetan Buddhists, but to the entire world—the United Nations and all states were to jointly support the struggle for Tibetan independence from the PRC.

In *The Tibet Mirror*, Tharchin also formed a virtual international support group of the Tibet Question and Tibetan-speaking exile community, which comprised India, Great Britain, the United States, and—what appears oddly enough at the present—the Kuomintang government. Although representatives of the Kuomintang never gave up their claims to Tibetan territories, the editor of *The Tibet Mirror* argued that the Kuomintang government guaranteed granting independence to Tibet. Moreover, in Tharchin’s narrative, all aforementioned “friends” of Tibet received additional credibility and favorable publicity because they fundamentally differed from the atheist People’s Republic of China based on the criterion of their religious policy.

The editor of *The Tibet Mirror* was very creative in his style of rendering information. He frequently employed various figurative means of expression and offered latest news and future forecasts in the form of proverbs, fables, parables, poems, songs, and even prophesies. The catchy figurative language of Tharchin’s narrative facilitated a subtle arrangement of supplantation of the logical rational reasoning by the ambiguous irrational argumentation and helped stimulating a more

vibrant emotional response from the readership. The majority of newspaper articles on the Chinese communist policy in Tibet in the 1950s and 1960s are expressive, judgmental, and manipulative. In some cases, the pejorative tone of descriptions of the Other was supplemented by the use of amelioration for the Self. Tharchin's edifying publications presented in the form of the traditional Tibetan *gtam dpe* genre allegorically explained the "truth," stigmatized those who disagreed, and instructed Tibetan-speaking readers on what must be done and what cannot be done.

In *The Tibet Mirror*, Tharchin started promoting his ideas on the conceptualization of the Tibetan nation and state almost a decade before the Central Tibetan Administration in India initiated the development of its national policy. Framed in Tharchin's publications, first, in the 1950s, within the thirteen Tibetan *khri skor* concept and later, since the 1960s, in the form of the *chol kha gsum* model, the territory of the "Tibetan Religious State" occupied the entire Tibetan Plateau and included those areas in the east which had long been under the Chinese rule by 1950. In addition to the shared territory, the editor of the newspaper tried to unite Tibetan-speaking ethnic groups based on the idea of a shared common language, religion, and culture. Among other important attributes of a modern nation, which were necessary for proving the independence of the "Tibetan Religious State," Tharchin pointed out to the existence of the Tibetan national currency, flag, army, and postage stamps. After the immigration of the 14th Dalai Lama to India, the editor of *The Tibet Mirror* helped promoting the image of the Dalai Lama as the supreme political and spiritual leader of the "Tibetan nation-in-exile" and legitimizing the authority of the Central Tibetan Administration as the democratically elected government of the people of Tibet.

Tharchin strengthened the verbleness of his discourse-charged textual publications by means of an even more effective extra-linguistic pictorial influence on the recipients' consciousness and subconsciousness. The illustrative materials—featured in *The Tibet Mirror* in the form of photographs, drawings, and political cartoons—reinforced and developed the ideas articulated by Tharchin in his textual publications: e.g., the independent political status of Tibet, the insidious duplicitous

policy of Chinese communists in Tibet, the danger of the Chinese communist leader Mao Zedong as the key world aggressor, etc. The illustrations reproduced the very same simplified opposition as the one imposed in the textual form: the PRC was visually associated with aggression and brutality, whereas Tibet was a humble victim of that aggression. In most illustrative materials, India served as the ideal model of peace and “happiness of independence.” Images of the Kuomintang government demonstrated the military might and overall progress of Taiwan.

In *The Tibet Mirror* issues from the 1950s and 1960s, one will not find an illustration of anything good or beneficial brought to Tibet by Chinese communists as a result of the “peaceful liberation.” Neither the opening of new schools and hospitals nor any other infrastructural changes in Tibet received good publicity in the form of illustrated publications and were acknowledged as an accomplishment of the government of the PRC. Moreover, in one illustration, the new highways built in Tibet at the initiative of the Chinese communist leadership, on the contrary, received Tharchin’s negative assessment.

In parallel to the visual demonization of the PRC, Tharchin insistently promoted the symbols of independent Tibet: photographs of the 14th Dalai Lama and the Potala Palace as his residence, reproductions of the map and the national flag of the independent “Tibetan Religious State.”

Summing up the results of the analysis of the selection of publications from *The Tibet Mirror* from 1949 to 1963, one can conclude that Dorje Tharchin successfully constructed the all-encompassing metanarrative of Tibetan independence by alternately moving in three temporal dimensions—the past, the present, and the future. The effectiveness of Tharchin’s verbal persuasion was ensured by the employment of an array of suggestive and persuasive discourse techniques, a reasoning based on the factual distortions, the use of figurative language, manipulative threats, pleas, and calls to action. To enhance the verbal impact, the editor frequently enriched his news content with impressive visuals. While constructing the metanarrative of independence, Tharchin fostered the idea of existence of a single Tibetan national identity shared by the entire Tibetan-speaking

population of the Tibetan Plateau and vigorously promoted the Tibetan national liberation movement against the foreign enemies.

The next chapter of the present dissertation will focus on the role of *The Tibet Mirror* in modernizing of the world outlook of Tibetan-speaking readership and will discuss certain ideas of Tharchin which were later reproduced and further developed in the works on Tibetan history published by representatives of the Tibetan diaspora.

Chapter 3. Historical and Cultural Heritage of *The Tibet Mirror*

3.1. *The Tibet Mirror* as a Tool for Socio-Political Modernization of Tibet

According to the Russian historians E.I. Kychanov and B.N. Melnichenko, the engagement in numerous international contacts was never typical of Tibet, and after 1793, the country was completely closed to foreigners.¹⁸⁹⁹ The ruling elite feared any detrimental influence from the outside and the potential disruption of Tibet's traditional socio-political system. The policy of isolation continued throughout the 19th century, and even in the beginning of the 20th century, the Tibetan government Dga' ldan Pho brang preferred to ignore the insistent British offers of cooperation. This was the case until 1903–1904, when the armed expedition of the British Colonel F. Younghusband forcibly pressured representatives of the Tibetan government to start negotiations and agree to engage in trade relations. As a quite unexpected result for the Tibetans themselves, the establishment of ties with British India and, hence, Britain itself, did not turn out to be as terrifying as it was originally imagined. Moreover, when the Chinese army approached Lhasa in 1910, the 13th Dalai Lama Thub bstan Rgya mtsho, who had previously fled to Mongolia during F. Younghusband's invasion of Tibet, this time voluntarily decided to flee to the territory of the new partner of Tibet—i.e., British India.¹⁹⁰⁰ The 13th Dalai Lama returned from India two years later, when the Qing dynasty had already fallen in China.¹⁹⁰¹ Having befriended the British Political Officer in Sikkim Charles Bell, the 13th Dalai Lama broadened his knowledge of modern international politics with the help of his new friend, and upon his return from India, proclaimed the independence of Tibet and started domestic policy reform.

A.D. Tsendina argues that in the first half of the 20th century, there was still no unity in Tibet even between the central regions of Dbus and Gtsang, the clergy and the secular elite were competing for power, the governmental system remained archaic, and the social order was far behind that of the modern countries of the

---

¹⁸⁹⁹ Kychanov and Melnichenko 2005: 156.

¹⁹⁰⁰ Goldstein 1992: 51–52.

¹⁹⁰¹ Goldstein 1992: 53–54.

world.¹⁹⁰² However, the 13th Dalai Lama initiated the reforms, as a result of which he changed the form of monetary units, introduced new taxes, reorganized the army, sent four Tibetans to England to study the trade of war, mining engineering and the use of electrical and telegraphic equipment.¹⁹⁰³ During the rule of the 13th Dalai Lama, the first hydroelectric power plant was built in Tibet, a telegraph line was extended from Gyal rtse to Lhasa, and in 1923, the first secular school was opened in Gyal rtse.¹⁹⁰⁴ There are rumors that during the very same period, the 13th Dalai Lama even considered starting his own newspaper in the Tibetan language.¹⁹⁰⁵ Although the reforms of the 13th Dalai Lama do not seem radical now, the conservative majority of the ruling elite back at the time saw the modernization as a threat to the stability of the traditional theocratic system and an attempt at limiting the power of the Buddhist clergy in Tibet. Therefore, in a rather short time, the 13th Dalai Lama had to roll back his reforms and, in the words of E.I. Kychanov and B.N. Melnichenko, Tibet returned to its more familiar, but at the same time, largely backward and isolated from the outside world mode of existence.¹⁹⁰⁶

Tibet's isolation and its ruling elite's focus on maintaining traditions have also influenced Tibetan literature. The Tibetans traditionally have been very respectful in regard to education and knowledge.¹⁹⁰⁷ The history of written texts in Tibet is closely connected to the spread of Buddhism, therefore, the art of writing was generally associated with the religion and the sacred: Tibetans deeply revered books and regarded them as an object of religious worship, while the content of written texts was considered to be the unquestionable truth.¹⁹⁰⁸ Up to the beginning of the 20th century, Tibetan literature consisted mainly of religious texts and was only read by a small part of the Tibetan-speaking population.¹⁹⁰⁹

---

¹⁹⁰² Tsendina 2006: 225.

¹⁹⁰³ Kychanov and Melnichenko 2005: 228–229.

¹⁹⁰⁴ Kychanov and Melnichenko 2005: 230.

¹⁹⁰⁵ Sawerthal 2011: 57.

¹⁹⁰⁶ Kychanov and Melnichenko 2005: 234–235.

¹⁹⁰⁷ Mikhaylova 2014b: 78.

¹⁹⁰⁸ Shakya 2004: 21; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 75; Schaeffer 2009: VI.

¹⁹⁰⁹ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 76.

As far as the periodical press is concerned, A. Sawerthal observes that modern print media had already existed in the states bordering Tibet for almost more than a century (since 1780 in India and since 1815 in China), when in the 1900s, the first Tibetan-language newspapers were launched by Western missionaries and Chinese ambans.¹⁹¹⁰ Early Tibetan-language periodicals struggled to win the right to reproduce the so-called “imagined reality” for the Tibetan-speaking readership. In fact, neither the missionaries nor the ambans were able to produce a truly popular newspaper in the Tibetan language. Appealing primarily to the Tibetan educated minority, namely the aristocracy and monastic elite, the newspapers of the missionaries could not spark the interest of all strata of the Tibetan-speaking population and thus achieve a pan-Tibetan scale of distribution.¹⁹¹¹ As for the newspaper of the Qing imperial governors-general, the attempts of the ambans to expand their influence in the administrative and educational spheres in Tibet tended to provoke the negative response and resistance of the conservative Tibetan elite.¹⁹¹² Criticizing Tibetans as being “ignorant and difficult to be educated in a short time,” the Qing amban Lian Yu¹⁹¹³ engaged in Tibetan mass education by producing a newspaper in spoken Tibetan, however, due to the outbreak of the Xinhai Revolution in 1911, the amban newspaper did not stay for long in Tibet.¹⁹¹⁴

The Tibet Mirror is generally considered to be the first successful attempt of publishing a newspaper in Tibetan, which managed to change the traditional standards of Tibetan writing and appeal to the widest possible range of Tibetan-speaking readers without any geographical restrictions. In the opinion of the Tibetan scholar Tsering Shakya, the very choice of the name of the newspaper—*The Tibet Mirror*—indicated Tharchin’s deliberate strategy of covering all areas of geographic Tibet (in contrast to the more narrowly specialized local newspapers of the missionaries called the *Ladakh Newspaper* or the *Kyelang Newspaper*, for example) and showed that the publisher intentionally focused on the pan-Tibetan cultural

---

¹⁹¹⁰ Sawerthal 2011: 43; Erhard and Hou 2018: 8.

¹⁹¹¹ Shakya 2004: 21.

¹⁹¹² Sawerthal 2011: 55.

¹⁹¹³ Chin. 联豫; in office 1906–1912.

¹⁹¹⁴ Sawerthal 2011: 52, 55.

specifics.¹⁹¹⁵ For followers of Tibetan Buddhism, the word “mirror” plays an important role being an object that is associated with ritual offerings and divination, that is why Tsering Shakya is convinced that by making an emphasis on the Tibetan autochthonous customs and traditional culture, Tharchin prepared the conditions for the potential unification of Tibetan-speaking readers of *The Tibet Mirror* in imagining themselves being a single community.¹⁹¹⁶

The Tibet Mirror influenced the formation of a new way of thinking among Tibetans, for the very fact of producing a secular newspaper undermined the existing hegemony of predominantly religious forms of written literature. Tsering Shakya believes that Tharchin attempted to contest the traditional attitude of Tibetan-speaking people to written texts and thus became the first ethnic Tibetan who created a new comprehensive source of information accessible for all social classes in Tibet.¹⁹¹⁷ According to the American Tibetologist N. Willock, since the establishment of *The Tibet Mirror*, the secular content and, in particular, the innovative genre of news finally emerged in the Tibetan literary culture.¹⁹¹⁸ By challenging the privileged right of the monastic elite to produce printed texts in the Tibetan language, Tharchin and his newspaper contributed to the secularization of the book culture in Tibet.¹⁹¹⁹

One cannot spare mentioning the role of the personality of the publisher of *The Tibet Mirror* and his cultural baggage. Tsering Shakya contends that organizing a revolution in traditional Tibetan culture required not only a receptive readership, but also a leader who was able to produce a newspaper and to effectively manage his audience.¹⁹²⁰ A well-articulated and convincing rationale for the necessity to initiate a modernization and to stand up against the crusty conservatism of the Tibetan society required an impetus from the outside. Although many Tibetans, both secular and religious figures, occasionally traveled to India and were well aware of

---

¹⁹¹⁵ Shakya 2004: 21.

¹⁹¹⁶ Shakya 2004: 21.

¹⁹¹⁷ Shakya 2004: 22.

¹⁹¹⁸ Willock 2016: 149.

¹⁹¹⁹ Willock 2016: 156.

¹⁹²⁰ Shakya 2004: 21.

the extent of modern technologies, they could not and did not attempt to bring any similar innovations to Tibet.¹⁹²¹ The most progressive members of the Tibetan society who were enthusiastic with respect to the idea of reforms had to stand in opposition to the monastic elite and aristocracy who dominated over the Tibetan society and who saw danger in any potential changes. As for Tharchin, in spite of his Tibetan ethnic origin, he grew up in India. Unlike most Tibetans, Tharchin was converted to Christianity and, since he was educated by the missionaries, he received not an unequivocally secular education but, at the same time, certainly not the traditional Buddhist education. Observing the cutting edge of modernity in British India, the editor of *The Tibet Mirror* was able to analyze the Tibetan cultural specifics and to take relevant steps for the modernization of traditional Tibet by broadening the world outlook of his Tibetan-speaking readers. In *The Tibet Mirror*, Tharchin used the accessible literary language and the prism of his own worldview and experience to show the inhabitants of the Tibetan Plateau, on the one hand, how diverse the modern world was and, on the other hand, what Tibet was and how Tibet fitted into that modern world.¹⁹²² While the internal attempts of reforms failed in Tibet being shattered by the authority of tradition and conservatism, Tharchin chronicling from Kalimpong the latest world news and featuring the most significant events of Tibetan history on the pages of *The Tibet Mirror*.¹⁹²³ Pointing to the pioneering nature of the majority of Tharchin's newspaper publications, researchers credit *The Tibet Mirror* for its service as one of the key sources of international and local news in the Tibetan language for nearly four decades of the 20th century, from 1925 to 1963.¹⁹²⁴

Trying to attract the attention of a larger group of Tibetan-speaking readership and to change their perception of the modern world beyond the territory of the Tibetan Plateau, Tharchin invited for collaboration the progressive thinkers from Tibet, whose opinion at the time was hardly publicly voiced elsewhere due to their

---

¹⁹²¹ Shakya 2004: 39.

¹⁹²² Hackett 2018: 82; Willock 2016: 153.

¹⁹²³ Engelhardt 2011: 259.

¹⁹²⁴ Shakya 2004: 17, 22; Engelhardt 2012: 186; Erhard and Hou 2018: 1.

marginal position in the conservative Tibetan society.¹⁹²⁵ In addition to the 13th Dalai Lama, among the supporters of modernization and social enlightenment in Tibet in the first half of the 20th century, one should mention the founding members of the Tibet Improvement Party—Rab dga' Spom mda' tshang (1902–1974), Lcang lo can Bsod nams Rgyal po (1897–1972), and Dge 'dun Chos 'phel (1903–1951).¹⁹²⁶ It is interesting that not only was their party started outside Tibet, just like *The Tibet Mirror*, but to be precise, it was founded in Kalimpong. Also there, in Kalimpong, the party members met and engaged in cooperation with the editor of *The Tibet Mirror*. Of the three founding members of the Tibet Improvement Party, Dge 'dun Chos 'phel became the most important associate of Tharchin in writing texts for *The Tibet Mirror*.¹⁹²⁷

A renowned Tibetan scholar and writer of the 20th century, whose figure Tibetans rank alongside the 13th and 14th Dalai Lamas, Dge 'dun Chos 'phel did not befriend the editor of *The Tibet Mirror* by mere accident. The scholar shared Tharchin's ideas about the need for change in Tibet. In contrast to conservative Lhasa, noisy and bustling Kalimpong offered Dge 'dun Chos 'phel a greater freedom for his intellectual endeavors.¹⁹²⁸ Dge 'dun Chos 'phel criticized the narrow-mindedness of inhabitants of the Tibetan Plateau and, speaking out against any forms of rigid traditionalism, elaborated in his writings on the topic of the modernization of Tibet.¹⁹²⁹ Some of Dge 'dun Chos 'phel's publications written for *The Tibet Mirror* are considered truly revolutionary for the Tibetan-speaking readership of the time. For example, in the essay entitled “World Is Round or Spherical,”¹⁹³⁰ published in *The Tibet Mirror* in 1938, Dge 'dun Chos 'phel referred to Western scholars to argue that the Earth was round and thus undermined the tenets of traditional Buddhist cosmology, which had then unquestionable authority for the majority of the religious population in Tibet. Another interesting publication by Dge 'dun

¹⁹²⁵ Sawerthal 2011: 89; Willock 2016: 152; Hackett 2018: 82.

¹⁹²⁶ See Kychanov and Melnichenko 2005: 254.

¹⁹²⁷ Shakya 2004: 23.

¹⁹²⁸ Mikhaylova 2014a: 53.

¹⁹²⁹ Mikhaylova 2014a: 59.

¹⁹³⁰ Tib. 'jig rten ril mo'am zlum po (*The Tibet Mirror* Vol.X No.1, June 1938: 11).

Chos 'phel is a satirical poem in *The Tibet Mirror* dated 1936, in which the author openly condemned the conservatism of Tibetan society.¹⁹³¹ In *The Tibet Mirror*, Dge 'dun Chos 'phel also published a poem specifically dedicated to Dorje Tharchin. It was an acrostic, in which Dge 'dun Chos 'phel called his friend “flawless” and praised the broad-mindedness and generosity of the newspaper editor.¹⁹³²

The Tibet Mirror, however, not only influenced the development of secular literature in the Tibetan language and served as an educational platform for adherents of the traditional Buddhist culture who prevailed in Tibet, for a significant part of Tharchin's creative legacy is formed of his writings on preparing the essential conditions for upbringing the modern political culture of the Tibetan-speaking readership. The editor persistently promoted in *The Tibet Mirror* a new course of political development of Tibet that included three basic ideas: how Tibet could become modern, united, and independent from China.¹⁹³³

The meaning of “modern” Tibet can be inferred from what has been just said above about the critical articles of Dge 'dun Chos 'phel and Tharchin's own views on the importance of general education and modernization in Tibet. Besides, the idea of “modern” Tibet implied Tibet's need to get integrated into the modern system of international relations. According to I. Engelhardt, Tharchin made every possible effort to encourage Tibet to open up to the changing modern world.¹⁹³⁴ As early as July 1943, the editor published a world map in *The Tibet Mirror* and marked on it all modern UN member states as well as their national flags.¹⁹³⁵ I. Engelhardt is convinced that if the conservative Tibetan ruling elite had realized the value of Tharchin's information as early as the 1940s and had attempted to bring up the Tibet Question at the UN, then, in 1950, the whole world would, perhaps, have perceived rather differently the Tibetan government's cry for help against the advancing PLA.¹⁹³⁶

---

¹⁹³¹ *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.8, October–November 1936: 1.

¹⁹³² *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.10, January 1937: 1.

¹⁹³³ McGranahan 2001: 244.

¹⁹³⁴ Engelhardt 2011: 257.

¹⁹³⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XI No.12, July 1943: suppl. [no number].

¹⁹³⁶ Engelhardt 2011: 257.

As for “united” Tibet, Tharchin published in *The Tibet Mirror* “Tibetan News” (which in some cases, implied only news from central Tibet), “Amdo News” and “Kham News” (i.e., two eastern Tibetan regions), as well as “Bhutanese News,” “Sikkimese News,” “Ladakhi News,” and news of other areas where a large percentage of Tibetan-speaking population lived. By doing so, the editor modeled a vast transnational Tibetan-speaking community, the geographic scope of which was not limited to the territory under the direct control of the Dga’ ldan Pho brang government but had “linguistic” boundaries of all areas where the Tibetan script was used.¹⁹³⁷ In *The Tibet Mirror*, Tharchin repeatedly called for the pan-Tibetan unity of the entire Tibetan-speaking population, which is especially characteristic of his publications from the 1950s and 1960s, when Tibet has already officially become part of the PRC. As it was demonstrated in the second chapter of the present dissertation, news reports in *The Tibet Mirror* often ended with appeals to the inhabitants of the Tibetan Plateau to stop their internal strife and unite in their joint liberation struggle for the sake of independence of the “Tibetan Religious State.”

Elaborating on Tharchin’s concept of the “independent Tibetan state,” C. McGranahan argues that the editor of *The Tibet Mirror* never discussed the issues of Sino–Tibetan relations in the 20th century as the internal affair of the People’s Republic of China and insisted on discussing the Tibet Question only in terms of Tibet’s sovereign status.¹⁹³⁸ C. McGranahan’s opinion can be corroborated by the numerous examples in *The Tibet Mirror* published between 1949 and 1963. At the same time, if one turns to the earlier period of the 1940s, according to A. Sawerthal, until August 1942, Tharchin did not use the Tibetan term *rgyal khab* “state”/ “nation” with respect to Tibet.¹⁹³⁹ Moreover, A. Sawerthal concluded that it was not until November 1946, that the editor of *The Tibet Mirror* for the first time called Tibet an “independent state” with the Tibetan term *rang btsan*¹⁹⁴⁰ (lit. “independence”/ “freedom”). It is noteworthy that during the same period in the 1940s (namely from

¹⁹³⁷ Shakya 2004: 23; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 77.

¹⁹³⁸ McGranahan 2001: 246.

¹⁹³⁹ Sawerthal 2018a: 169–171.

¹⁹⁴⁰ Tib. *rang btsan bod ljongs chos srid gnyis ldan gyi rgyal khab* (*The Tibet Mirror* Vol.XV No.1, November 1946: 1). See Sawerthal 2018a: 171.

July 1942), *The Tibet Mirror* started receiving the financial support from the British government and Tharchin was required to consult with the British Political Officer in Sikkim regarding his editorial policy. The coinciding timing of the beginning of the British financial support for *The Tibet Mirror* and the introduction of pro-independence terminology in the newspaper articles aimed at shaping the image of Tibet as the modern nation and state confirms the hypothesis that British officials played an important role in the development of Tharchin's pro-Tibetan nationalist discourse.

As it was mentioned in the second chapter of this dissertation, in the 1950s and 1960s, Tharchin invariably promoted the image of historically independent Tibet, the sovereignty of which had been brutally violated by the government of the PRC. Stressing the differences between the Tibetan and Chinese cultures, the editor of *The Tibet Mirror* constructed the Tibetan national identity primarily based on the idea of the exceptional religiosity of Tibetan population vs. the markedly accentuated atheism of Chinese communists.¹⁹⁴¹ In Tharchin's interpretation, the independent "Tibetan Religious State" encompassed the borders of all geographic Tibet and included those areas of Tibet that had long fallen to China during the Qing period and later became part of the Chinese provinces of Qinghai, Gansu, Sichuan, and Yunnan under the rule of the PRC. In Tharchin's narrative, the head of the "Tibetan Religious State" was the Dalai Lama, who, being endowed with the supreme secular and religious power, enjoyed the unconditional support of the entire population of the Tibetan Plateau.

Elaborating on the development of Tibetan nationalism, in June 1950, Tharchin tried to persuade the Political Officer in Sikkim that in order to successfully resist the communist propaganda, the people of Tibet should be provided with an opportunity to regularly read articles on pro-nationalist topics in the Tibetan language:

I think if some Tibetan official or any learned man write some good articles about the independence of Tibet and about the importance of the Buddhist religion in Tibet, I think all

---

¹⁹⁴¹ Willock 2016: 155.

those Tibetan cultured people in Amdo and Kham as well as the Panchen Lama's men in Kokonor and China may think over about the future Tibet and the great danger of the Red China which they may realize.¹⁹⁴²

Judging by the content of *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s, one can conclude that Tharchin did not spare time waiting for a “learned man” from Tibet and decided to fill the media gap in the Tibetan language with the anti-communist materials himself. According to H.L. Fader, Tharchin perceived that his newspaper could serve the following functions in the struggle for Tibet's independence:

1. Inform the Tibetan and other interested publics about all relevant events pertaining to Tibet in her affairs with her neighbours.
2. Correct whatever misinformation and disinformation would be disseminated in other newspapers, whether Indian or Western.
3. Counter Red Chinese propoganda that was by now being broadcast in Tibetan over the airwaves.
4. Educate the Tibetan and supportive publics on the right perspective to take *vis-à-vis* China.
5. By no means least, warn, admonish and instruct the Tibetan government itself on what could and should be done internally to increase Tibet's chances to survive the external threat.¹⁹⁴³

P. Hackett avers that by the 1950s, *The Tibet Mirror* was fully transformed from an “occasional medium for Christian propoganda” and “a Tibetan-language chronicle of world events” into “a vehicle for the fight for Tibetan freedom from the Chinese invasion and occupation.”¹⁹⁴⁴ Letters from Tharchin's personal correspondence also confirm that the editor began publishing anti-communist materials from the beginning of 1950.¹⁹⁴⁵ However, I. Engelhardt contends that Tharchin had engaged in the systematic anti-Chinese propoganda even earlier and as early as the second half of the 1940s, tried to use the authority of the 13th Dalai Lama to convince his readers that Tibet was threatened by the imminent Chinese invasion.¹⁹⁴⁶ For this

---

¹⁹⁴² Tharchin's letter dated June 19, 1950 (The Tharchin Collection).

¹⁹⁴³ Fader 2009: 416.

¹⁹⁴⁴ Hackett n.d.: 3–4.

¹⁹⁴⁵ Tharchin's letters to the Political Officer in Sikkim dated September 6, 1961 and December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

¹⁹⁴⁶ Engelhardt 2012: 186.

purpose, Tharchin repeatedly reprinted in *The Tibet Mirror* the warning of the 13th Dalai Lama that Tibet must be prepared to defend itself, since the “red communists,” being “the worst of the worst,” would inevitably bring with them the “terror and destruction.”¹⁹⁴⁷

While discussing the cultural and historical heritage of *The Tibet Mirror*, it is necessary to outline the role of this newspaper in the process of modernization of the socio-political vocabulary in the Tibetan language. In the words of Å. Kolås, the political language of present-day Tibet has evolved, on the one hand, as a result of “the influence of and confrontations” with Chinese communists and, on the other hand, “through the inspiration” from the Tibetan diaspora in India.¹⁹⁴⁸ As for *The Tibet Mirror*, one can see both an early impulse for modernization of the Tibetan language from the outside initiated by a representative of the Tibetan-speaking community in India and the inevitable impact of the establishment of the communist rule in Tibet on the language of Tharchin’s publications. Since *The Tibet Mirror* was started as early as 1925, the political activist from the Tibetan diaspora Jamyang Norbu disagrees with the claims of those researchers who attribute to the government of the PRC the entire process of modernization of the scientific and political vocabulary in the Tibetan language.¹⁹⁴⁹ Jamyang Norbu is convinced that a large number of modern political terms in Tibetan were used in *The Tibet Mirror* for the first time.¹⁹⁵⁰ Among examples of the terminology which most likely was coined in the modern Tibetan language owing to the efforts of Tharchin, Jamyang Norbu suggests the following: *rang dbang* “freedom,” *rang btsan* “independence,” *mi ser rgyal khab* “republic,” *phyogs bsgril spangs pa* “neutrality,” *chab srid* “politics,” *chab ’bangs* and *mi ser* “citizen,” *’os* “to vote,” *’os shog* “ballot,” *’os bsdu* “election,” *srid blon* “prime minister,” *srid ’dzin spyi khyab* (later *srid ’dzin*) “president,” *phyi*

---

¹⁹⁴⁷ 13th Dalai Lama *cit. ex Engelhardt* 2012: 186. See *The Tibet Mirror* Vol.XV No.4–5, February–March 1947: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XVII No.6, March 1949: 1; *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951: 3; *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 12; *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958: 2–3.

¹⁹⁴⁸ Kolås 1996: 54.

¹⁹⁴⁹ Jamyang Norbu names as his opponents M. Goldstein and Han Suyin, in particular. In Jamyang Norbu’s opinion, they both misrepresent the extent of influence of representatives of the People’s Republic of China on the modernization of Tibetan vocabulary.

¹⁹⁵⁰ Norbu Jamyang 2005.

rgyal las khungs “ministry of foreign affairs,” *lta ba* “ideology.”¹⁹⁵¹ Besides, there is an even more interesting example in *The Tibet Mirror*, that is, the widely used modern Tibetan term *gung khran* “communist.” Jamyang Norbu argues that in the 1920s and 1930s, the term *u lang*¹⁹⁵² *dmар po*, which is formed from the Mongolian word *ulayan* “red” and the Tibetan word *dmар po* “red,” was used with respect to Soviet communism.¹⁹⁵³ For this reason, Jamyang Norbu is convinced that the new Tibetan term for communism *gung khran* has been coined precisely owing to Tharchin’s publications in *The Tibet Mirror*.

Tharchin certainly should not be credited with the creation of all modern socio-political vocabulary in the Tibetan language, but it is possible to assume that some of the examples listed by Jamyang Norbu could have first appeared in *The Tibet Mirror*. Taking into consideration the critical role of a language in shaping thoughts, it must be reiterated and emphasized that *The Tibet Mirror* definitely stimulated changes in the traditional worldview of the Tibetan-speaking readership and contributed to the modernization of Tibetan political culture.

A few words should also be said about the dynamics of the growth of popularity of *The Tibet Mirror*. As it was already mentioned, Kalimpong was the center of Indian–Tibetan trade, therefore, the town was frequented by merchants, pilgrims, and high-ranking aristocrats from Tibet. This circumstance in itself could have predetermined the success of Tharchin’s project, for Tibetan travelers who were returning to their homeland could have taken copies of *The Tibet Mirror* with them to distribute among their compatriots.¹⁹⁵⁴ However, as a matter of fact, the interest in the newspaper and the level of cognitive perception of the content of publications by readers from Tibet, especially in the early years of *The Tibet Mirror*, left much to be desired. In the first half of the 20th century, any publisher of a newspaper in the Tibetan language had to deal not only with the conservative attitude of the overwhelming majority of the Tibetan elite, but with an even more serious

---

¹⁹⁵¹ Norbu Jamyang 2005.

¹⁹⁵² In his article, Jamyang Norbu uses the phonetic transcription. For this reason, the spelling of the word *u lang* in the Wylie transliteration is hypothetical.

¹⁹⁵³ Norbu Jamyang 2005.

¹⁹⁵⁴ Shakya 2004: 18.

problem, that is, the lack of modern secular education and the widespread illiteracy of the Tibetan population which was unfavorably affecting the reach of the readership.¹⁹⁵⁵

The level of cognitive perception of the materials of *The Tibet Mirror* by Tibetan-speaking readers in the 1930s can be illustrated with an entertaining story about the 13th Dalai Lama and an advertisement of “magic” candles provided by A. Sawerthal in her MA thesis as an example of the difference in the readership in Tibet and India.¹⁹⁵⁶ Despite the progressiveness of the 13th Dalai Lama, his openness to learning more about the world beyond the borders of Tibet, his experience of living in India, and his own initiatives on Tibet’s modernization, even he could not always understand the specifics of the publicistic style that was still novel for Tibetan literature in the 1930s. Advertising texts are known for their exaggerations. In *The Tibet Mirror* in November 1932, Tharchin placed an illustrated advertisement of a candle depicted burning on the top of a globe, the manufacturer of which promised that it would serve as a “torch [illuminating the whole] world.”¹⁹⁵⁷ Therefore, interpreting the advertisement literally, the 13th Dalai Lama decided to contribute to the world enlightenment and ordered the delivery to Lhasa of two mules loaded with these candles.¹⁹⁵⁸

Despite Tharchin’s persistent efforts to provide clear and interesting information for his readers, in the first half of the 20th century, the editor of *The Tibet Mirror* did not really succeed much in raising the awareness of the Tibetan-speaking population in international news. In Tibet, Tharchin’s newspaper was mainly supported by those who were considered “modernizers,” whereas some conservative members of the Tibetan government argued against providing any financial support for *The Tibet Mirror* and even sought to obstruct the distribution of the newspaper on the territory of Tibet.¹⁹⁵⁹ In 1937, Tharchin reported from Lhasa in a letter to the former Political Officer in Tibet, Bhutan, and Sikkim Ch. Bell that certain Tibetan

---

¹⁹⁵⁵ Shakya 2004: 38.

¹⁹⁵⁶ Sawerthal 2011: 91.

¹⁹⁵⁷ Tib. *’dzam gling mun sel* (*The Tibet Mirror* Vol.VI No.11, November 1932: 8).

¹⁹⁵⁸ Fader 2004: 272.

¹⁹⁵⁹ Sawerthal 2018a: 125, 272.

officials were genuinely interested in modern ideas and wanted to know more, but at the same time they feared the disapproval of monks and lamas.¹⁹⁶⁰ In July 1944, claiming that very little had changed in Tibet over the past five years, the British diplomat H. Richardson similarly described his impression in a report submitted to the British Political Officer in Sikkim B. Gould. As H. Richardson put it, most Tibetan officials had no knowledge of anything beyond their “limited purview,” while Tibet was characterized by “ignorance” of international politics, “lack of access to the world press,” and “complacent apathy bred by centuries of isolation” from the outside world.¹⁹⁶¹

I. Engelhardt, nevertheless, defends Tharchin since the editor could not be blamed for the fact that the Tibetan ruling elite was not willing to read *The Tibet Mirror* and effectively use the opportunity to receive information about the outside world in their native language.¹⁹⁶² Tsering Shakya explains Tharchin’s early difficulties in popularizing *The Tibet Mirror* in Tibet and modernizing the worldview of the Tibetan-speaking readership by the fact that the editor had neither an aristocratic origin nor a traditional Buddhist education, but came from the periphery, that is why in the beginning, the conservative aristocracy and monastic elite dominating in Lhasa did not see him as an equal and a strong enough competitor who was able to challenge their authority.¹⁹⁶³

From Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 1963, it follows that in the early years, readers in Tibet were not interested in *The Tibet Mirror* and did not understand the importance of the periodical, but when the 13th Dalai Lama acknowledged the value of Tharchin’s periodical and supported the efforts of the publisher, the remaining Tibetan readership also began gradually realizing the value of the newspaper.¹⁹⁶⁴ Furthermore, the editor succeeded in winning a larger favor with Tibetan-speaking readers after the Second World War. According to Tharchin, since all the predictions published in his newspaper during

---

¹⁹⁶⁰ Fader 2004: 269.

¹⁹⁶¹ *Cit. ex* Engelhardt 2011: 255.

¹⁹⁶² Engelhardt 2011: 257.

¹⁹⁶³ Shakya 2004: 40.

¹⁹⁶⁴ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

the Second World War proved to be true and in this way “came true” in the perception of his readers, Tibetans wrote to the editor that *The Tibet Mirror* was “a prophecy-teller” and they liked it very much.¹⁹⁶⁵ Tharchin estimated that in September 1948, *The Tibet Mirror* had 600 subscribers and 1,000 readers, of whom 40% were senior officials, 45% were upper and middle class merchants, 10% were middle class lamas, and 5% were lower class commoners.¹⁹⁶⁶ The editor distributed about 200 issues of *The Tibet Mirror* on the territory of India, he also used to send a few copies of his newspaper to China, America, and Europe, and another 800 copies were delivered to Tibet, for his main target group audience was located in Lhasa.¹⁹⁶⁷ In the late 1940s, the average number of readers per newspaper copy was estimated by Tharchin at 15 people.¹⁹⁶⁸

Tharchin’s journalistic undertakings became all the more popular after the incorporation of Tibet into the PRC. For example, in August 1952, under the headline “From a Learned One,”¹⁹⁶⁹ Tharchin published the following letter he received by mail:

A request to the Sir who [has] absolute knowledge. If You are able to send to Tibet again and again Your newspaper, which is like the Sun star, please send it again and again, because [thanks to it] the people of Tibet, monks and lay people, hear and ponder about the advice useful for Tibet and about the information on the situation in the world. Since [You] have Your own opinion and views on Lhasa, please send it [to us] in [Your] news[paper].¹⁹⁷⁰

It is not known whether Tharchin’s articles, indeed, evoked such a deep emotional response in all readers of *The Tibet Mirror* in Tibet in 1952. However, later on, in 1954, the editor claimed that it was now that Tibetans, at last, truly recognized the value of his newspaper.¹⁹⁷¹ The rise in the periodical’s popularity in the 1950s can be probably explained by the strong anti-communist stance taken by Tharchin in *The Tibet Mirror* and the actualization of his pro-Tibetan nationalist discourse which

---

¹⁹⁶⁵ Tharchin’s letter to the Political Officer in Sikkim dated December 16, 1963 (The Tharchin Collection).

¹⁹⁶⁶ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 270.

¹⁹⁶⁷ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 271.

¹⁹⁶⁸ *Cit. ex* Sawerthal 2018a: 270.

¹⁹⁶⁹ Tib. *mkhyen ldan zhig nas*.

¹⁹⁷⁰ *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952: 8.

¹⁹⁷¹ *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.6, September 1954: 15; *cit. ex* Sawerthal 2018a: 123; *cit. ex* Engelhardt 2011: 60.

passionately encouraged the pan-Tibetan unity and full-scale opposition to the “communist oppression.” A wave of recognition of *The Tibet Mirror* mentioned by Tharchin in 1954 coincides with the beginning of the editor’s collaboration with Rgyal lo Don ’grub, who aimed at organizing an effective insurgency in Tibet with the CIA support. In this respect, one can conclude that since 1954, a pro-independence immigrant group of Tibetan activists based in India, led by Rgyal lo Don ’grub, and aided by the CIA deliberately contributed to further popularization of *The Tibet Mirror* on the Tibetan Plateau.

As for the assessment of Tharchin’s journalistic talents by his contemporaries, in the Silver Jubilee Number of *The Tibet Mirror* dated December 1950–January 1951, the editor cited excerpts from letters written to him by many distinguished readers of the newspaper. For instance, the former British Trade Agent in Rgyal rtse and Yatung David Macdonald (1870/73–1962) identified *The Tibet Mirror* as “the only Tibetan newspaper in the world” and commended its role of “a strong bridge between India and Tibet” which also reached many other foreign countries.¹⁹⁷² Besides, making a compliment to the editor of *The Tibet Mirror* himself, D. Macdonald called Tharchin “a highly respected citizen,” scholar, and expert on Tibetan culture who had earned his reputation of a honest man.¹⁹⁷³ According to the letter from Bkra shis Rnam rgyal (1893–1963), the ruler of Sikkim, published in the same newspaper issue, many people in Sikkim read *The Tibet Mirror* and appreciated it “for the sanity of its views and charity of thought,” while in Tibet, it was probably “the only vehicle of world news” for the majority of population.¹⁹⁷⁴ In his congratulatory message, the Political Officer in Sikkim H. Dayal similarly defined *The Tibet Mirror* as “the only newspaper published in the Tibetan language” and praised Tharchin for his “remarkable” achievement in “bringing the Tibetan reading public into touch with affairs throughout the world.”¹⁹⁷⁵ Prince Peter of Greece and Denmark also fondly spoke of Tharchin’s “splendid record” and stated

¹⁹⁷² *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

¹⁹⁷³ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

¹⁹⁷⁴ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 13.

¹⁹⁷⁵ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 9.

that he appreciated all “the good work” that *The Tibet Mirror* was doing throughout Tibet.¹⁹⁷⁶ A letter by Lha Tsering, the Assistant Director of the Kalimpong Branch of the Indian Intelligence Bureau, published in the Silver Jubilee Number reads that the newspapers are “the chief source of information to enlighten the Tibetan people about world events and the international political situation” and *The Tibet Mirror* as the only newspaper in the Tibetan language “is admirably serving the purpose.”¹⁹⁷⁷ In his congratulations, Lha Tsering also claimed that *The Tibet Mirror* was “greatly appreciated by Tibetan knowing public” and “eagerly waited for and read by all Tibetans and Tibetan knowing people.”¹⁹⁷⁸

Among those who appreciated Tharchin’s efforts were not only the above-mentioned figures who lived outside Tibet, but there were also representatives of Tibetan aristocracy, for example, the influential Tibetan minister Tsha rong (1888–1959). As early as 1927, during Tharchin’s visit to Lhasa, Tsha rong gave advice to the editor of *The Tibet Mirror* on how to develop his publishing project and recommended him to seek the financial support of the Tibetan government. According to Tharchin’s own account of his meeting with the Tibetan minister, Tsha rong expressed a great interest in *The Tibet Mirror* and said that Tibet could become “civilized” through his newspaper.¹⁹⁷⁹

Since childhood years, the 14th Dalai Lama was a subscriber of *The Tibet Mirror* and especially enjoyed illustrations with riddles, which Tharchin published in the entertainment column.¹⁹⁸⁰ I. Engelhardt made an interesting observation that the column with riddles was published in *The Tibet Mirror* from 1936 to 1939 and since the start of the Second World War, the riddles were discontinued, but the 14th Dalai Lama was enthroned only in 1940 when he was just four years old, hence, one can conclude that if teachers of the 14th Dalai Lama were able to provide the boy

---

¹⁹⁷⁶ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 17.

¹⁹⁷⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

¹⁹⁷⁸ *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 11.

¹⁹⁷⁹ Fader 2004: 268.

¹⁹⁸⁰ Fader 2002: IX.

with earlier copies of *The Tibet Mirror*, someone in the Dalai Lama's entourage had been intentionally collecting and storing the newspaper issues for several years.¹⁹⁸¹

Elaborating on the popularity of *The Tibet Mirror* among Tibetans, Tsering Shakya describes Tharchin's newspaper as the most successful and longest-running Tibetan-language periodical of its time.¹⁹⁸² Since the editor gave voice in his newspaper to subaltern natives of Tibet and fostered a new kind of thinking among Tibetan-speaking readership, researchers have also credited *The Tibet Mirror* for being a progressive periodical.¹⁹⁸³ In the words of C. McGranahan, Tharchin's newspaper enabled an increasing number of Tibetan-speaking people to think about themselves and their position in relation to other peoples in a profoundly new way.¹⁹⁸⁴ Furthermore, in the opinion of the Tibetan professor of the Jawaharlal Nehru University Dawa Norbu, if the ruling elite in Lhasa had paid more attention to what Tharchin published, the fate of modern Tibet may have been rather different.¹⁹⁸⁵ A. Sawerthal believes that *The Tibet Mirror* laid the foundation for the discourse on Tibetan independence and continued to influence the Tibetan diaspora even after Tharchin's death: Tibetan readers still engage in rereading publications of *The Tibet Mirror* and Tharchin's legacy has been integrated into the national narrative of the Tibetan exile community.¹⁹⁸⁶

Although very soon after Tibet was incorporated into the PRC, the Chinese communist government launched its modern publishing projects in Lhasa, Xining, and Beijing, it took a much longer time for Tibetan immigrants in India to start producing their own periodicals.¹⁹⁸⁷ Until the late 1950s, Tharchin's printing shop maintained its status as the only modern private press that printed texts in Tibetan, and only in 1960, a new Tibetan-language newspaper, which supported the pro-Tibetan nationalist editorial policy, was started in India.¹⁹⁸⁸ Hence, it is safe to say

---

¹⁹⁸¹ Engelhardt 2013: 146–147.

¹⁹⁸² Shakya 2004: 17.

¹⁹⁸³ Shakya 2004: 22; Holmes-Tagchungdarpa 2014: 73; Willock 2016: 152.

¹⁹⁸⁴ McGranahan 2010: 72.

¹⁹⁸⁵ Norbu Dawa 2002: XI.

¹⁹⁸⁶ Sawerthal 2018a: 316.

¹⁹⁸⁷ Sawerthal 2011: 57.

¹⁹⁸⁸ See Shakya 2004: 20.

that throughout the 1950s, *The Tibet Mirror* was the source of the earliest examples of pro-Tibetan anti-communist media discourse in the Tibetan language.

Within the frame of this discourse in *The Tibet Mirror*, Tharchin prepared the setting for the modernization of Tibet but, at the same time, did not suggest the complete secularization of Tibetan culture. Operating in modern socio-political terms and promoting a vision of Tibet as a full-fledged independent political actor in the international arena, the editor of *The Tibet Mirror* simultaneously interwove Buddhist notions into his narrative and articulated the idea of a single national identity of the entire population of the Tibetan Plateau based, first and foremost, on the commonality of the Buddhist teaching. In the 1950s and 1960s, it was the religion that was presented in *The Tibet Mirror* as both the core unifying element of Tibetan national identity and the distinct dividing line between the local Tibetan-speaking peoples of the Tibetan Plateau and Chinese communist atheists, coexistence with whom on the very same territory was depicted as being impossible and thus justified the use of violence in confrontations with representatives of the PRC in Tibet.

3.2. *The Tibet Mirror* and National Narrative of Tibetan Diaspora

The Indologist E.Yu. Vanina in her monograph “India: History in History” explains her choice of sources as follows:

History is written, especially at the present time, not only by historians. Oral traditions handed down from generation to generation, journalism, fiction, cinema, television, and visual arts—[all] engage in presenting and, most importantly, interpreting historical events. From this point of view, a historical novel or a movie, a newspaper article or even some elaborations on the topic of history posted online on the Internet are a no less significant source for my research than a scholarly work, because each of it, in its own way, constructs and nourishes the historical memory.¹⁹⁸⁹

Indeed, contemporary historians are not only scholars involved in the reconstruction of the historical past *ex officio*, but also mass media employees. Taking into account the run of historical events on the territory of the Tibetan Plateau in the second half

---

¹⁹⁸⁹ Vanina 2014: 10–11.

of the 20th century and Dorje Tharchin's efforts aimed at transforming his newspaper into the instrument of social and political modernization of Tibet, one can contend that scholars doing their research on the formation of historical memory of the Tibetan-speaking diaspora must include in their study the analysis of *The Tibet Mirror* publications.

When eyewitnesses of an event share their experience, the individual memory transforms into the collective memory of a certain group of people. Then, on this basis, the subsequent generations interpret their history and construct their images of the world, thereby establishing their consensual versions of the past and creating their historical memory.¹⁹⁹⁰ To become part of the collective memory, facts usually go through a stage of selection, a stage of rearranging, and a stage of transformation into images and narratives which lay in harmony with the interests and feelings of initial "informants."¹⁹⁹¹ After that, the process of altering information slows down, and a stabilized version of what happened, i.e., "history," emerges.¹⁹⁹² In the case of *The Tibet Mirror*, it is fair to say that Dorje Tharchin carefully selected the facts and transformed his individual experience into the comprehensive historical narrative of the people of Tibet. And, even though it is unlikely that Tharchin did all the work on *The Tibet Mirror* solely by himself, in the 1950s and 1960s, it was him who continuously served as the chief editor of the newspaper and who supplemented with his editorial commentaries almost any information published. The editor filled the collective memory of readers of *The Tibet Mirror* with his personal impressions and thoughts, as well as the accounts of the real eyewitnesses of the events in Tibet of the second half of the 20th century. However, eyewitnesses' "versions of the past" also went through a process of selection and editorial processing by Tharchin.

Print media is metaphorically defined as "the fourth branch of power" after the legislative, executive, and judicial branches. Since mass media leaves a major impact on the public awareness, the manipulative effect is named as one the most

---

¹⁹⁹⁰ Repina 2011: 428.

¹⁹⁹¹ Repina 2011: 428–429.

¹⁹⁹² Repina 2011: 429.

essential functions of the periodical press.¹⁹⁹³ Through manipulation, one can plant the desired ideas, images, associations, and stereotypes into the mind of a reader and thus stimulate this reader to completely reconsider his/her attitude towards a specific subject or phenomenon or even alter the world outlook of an entire social group.¹⁹⁹⁴ As a result of the selection process and subsequent relevant interpretation of the events of the past, the author of the text does not only create the “collective past,” but constructs a collective identity and a sense of belonging to a particular nation and in this way contributes to solving the existing problems in the present and projecting the desired future.¹⁹⁹⁵ The Anglo–Irish political scientist Benedict Anderson has pointed out to the important connection between the development of mass reproduction of printed materials and the formation of national consciousness. In his classic work *Imagined Communities*, B. Anderson avers that periodicals provide an “imagined linkage” of a social group and, while, as a rule, every society already has such a connection in the form of the common language and other existing texts, newspapers are characterized by the regularity with which they address their readers with what is “here and now” and the simultaneous consumption of the news content by the readership.¹⁹⁹⁶ Thus, this “steady onward clocking of homogeneous, empty time” and the collective “imagining” of the “newspaper-as-fiction” root “the imagined world” into everyday life and create a sense of imaginary connection with other community members, i.e., newspaper readers.¹⁹⁹⁷

The correlation between the promotion of the “imagined linkage” of Tibetan-speaking readers in the Tibetan-language press and the formation of an idea of a unified Tibetan national identity specific to Tibetan diaspora remains understudied at the present. The second section of the third chapter of the dissertation suggests examining how Tharchin’s metanarrative of independence is reproduced in the popular historical narrative of the Tibetan-speaking diaspora which has been elevated to the level of a “national” narrative, i.e., the one dominating and

---

¹⁹⁹³ Danilova 2014: 11

¹⁹⁹⁴ Danilova 2014: 12

¹⁹⁹⁵ Vanina 2014: 7–8.

¹⁹⁹⁶ Anderson 2016: 33–36.

¹⁹⁹⁷ Anderson 2016: 33–36.

ideologically uniting all members of the diaspora under the rule of the Central Tibetan Administration, as well as possessing the authority to define the collective identity of the diaspora. The comparison between Tharchin's narrative and what has been published on the same topic after him is based on the examples of popular opinions voiced in the Tibetan diaspora which were borrowed from works on Tibetan history of the prominent diaspora members, officially issued publications by the CTA, and research of foreign scholars. Sources of national narratives of the Tibetan-speaking diaspora used in this section are not completely identical in terms of their content or even structure, but all authors share and promote in their works the idea of Tibet's historical independence which was consistently promoted by Tharchin in *The Tibet Mirror* in the 1950s and 1960s.

The Tibetan professor Dawa Norbu called Tharchin "the first Tibetan journalist in the entire Tibetan-speaking world," "a lone modernizer of the tradition-bound [Tibetan] society," and "the most articulate spokesman for Tibet's freedom."¹⁹⁹⁸ In the preface to Tharchin's biography published by H.L. Fader, the 14th Dalai Lama, the living embodiment of a bodhisattva and the most highly respected person in the Tibetan diaspora, applauds the life of the editor of *The Tibet Mirror* as "an inspiration and example to many other Tibetans" and reaffirms Dawa Norbu's opinion that Tharchin's newspaper paved the way of change and development for conservative Tibet.¹⁹⁹⁹ Many members of the Tibetan-speaking community in India consider Tharchin the "father of Tibetan journalism" and see *The Tibet Mirror* as the first "truly" Tibetan newspaper that made "an impact on Tibetan thinking."²⁰⁰⁰ Representatives of the Tibetan-speaking diaspora also believe that Tharchin's figure is "indispensable" for the cause of their struggle for Tibet's independence from the PRC.²⁰⁰¹ Hence, given that Tharchin was highly respected and trusted by his Tibetan-speaking contemporaries and the fact that the reliance on

---

¹⁹⁹⁸ Norbu Dawa 2002: XI.

¹⁹⁹⁹ Dalai Lama XIV 2004: IX–X.

²⁰⁰⁰ Sawerthal 2018a: 310, 312. Given that, according to A. Sawerthal, there is also an alternative opinion in the diaspora: taking into account the details of Tharchin's biography, some members of the diaspora argue that he cannot be considered a real Tibetan and *The Tibet Mirror* cannot be called a "Tibetan newspaper," respectively (see Sawerthal 2018a: 312–313).

²⁰⁰¹ Fader 2009: 339.

the authority stands as a pillar of the effective persuasive function of a text, one can assume that the editor of *The Tibet Mirror*, being the publisher of one of the very few Tibetan-language newspapers in the period under review, must have had a tremendous influence on the opinion of his Tibetan-speaking readership and the development of the ideology of Tibetan nationalism.

Similar to members of the Tibetan diaspora, Western Tibetologists speak no less highly of the role of *The Tibet Mirror* in the formation of the pro-Tibetan nationalist paradigm. C. McGranahan insists that *The Tibet Mirror* was an “invaluable” source of news from Tibet in the 1950s and that Tharchin’s “editorial nationalism” was “an important part of how we now tell the history of this period in Tibet.”²⁰⁰² Sharing the results of her field research in the eastern Himalayas between 2007 and 2012, A. Holmes-Tagchungdarpa confirms that *The Tibet Mirror* contributed significantly to the promotion of the concept of “transnational Tibetan identity.”²⁰⁰³ A. Holmes-Tagchungdarpa reports that the older generation of the local Tibetan-speaking population sees Tharchin’s newspaper as “an excellent source for understanding trans-Himalayan history” and contends that it “had a considerable influence on their own knowledge of events at the time it was published.”²⁰⁰⁴ Moreover, because Tharchin used the *dbu can* script, in which Buddhist texts were traditionally published in Tibet, devout Buddhist practitioners from the eastern Himalayan region, having preserved their collection of old issues of *The Tibet Mirror*, hold it in reverence as “a special religious object.”²⁰⁰⁵

As for *The Tibet Mirror* publisher himself, it is obvious from his publications that he had a very high opinion of the potential of using his newspaper for the purposes of propaganda of Tibetan nationalism. According to J. Powers, the “production of history is connected with the cause of independence” and is perceived by many Tibetan exiles as “the most potent weapon” in their ideological struggle.²⁰⁰⁶ Clearly trying to impose this conviction on his Tibetan-speaking readers since the

---

²⁰⁰² McGranahan 2001: 250.

²⁰⁰³ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90–91.

²⁰⁰⁴ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90.

²⁰⁰⁵ Holmes-Tagchungdarpa 2014: 90.

²⁰⁰⁶ Powers 2004: 147–148.

early 1950s, Tharchin elaborated on the topic in *The Tibet Mirror* by publishing a riddle with a ready-made answer:

Question 1. What is bigger than the power of a thousand soldiers?

[Question] 2. What is bigger than the power of an atomic bomb?

[Answer 1]. The first [is] distributing of a newspaper among the people.

[Answer 2]. The second [is] reproducing the history of one's own country and the origin of [its] independence through the dissemination of effective news in newspapers and on the radio in [different] countries.²⁰⁰⁷

Tharchin published the riddle in November 1950. From then on and until November 1963, anti-communist pro-Tibetan discourse-charged materials were published in virtually every issue of *The Tibet Mirror*. Tharchin apparently hoped that the metanarrative of Tibetan independence constructed by him in his newspaper would be so powerful in influencing the opinion of his readers that it was relevant to compare it to the atomic bomb, the most potent weapon of the respective time period. Moreover, in spite of the difficulties in distributing *The Tibet Mirror* on the Tibetan Plateau in the 1950s, the editor still continued to believe that his newspaper helped shaping the public opinion in Tibet and prevented “the thoughts of the people” from turning “towards the Other,” i.e., Chinese communists.²⁰⁰⁸ In 13 years after the atomic bomb riddle, in the penultimate extant issue of *The Tibet Mirror* dated October 1963, Tharchin published another simile based on use of the military source domain, which demonstrates that to the very end, the editor remained convinced of the usefulness and effectiveness of his newspaper for the anti-communist ideological struggle:

The power of one newspaper is similar to [the power of] a warrior. Each newspaper can defeat the enemy [that comprises] many hundreds of thousands of warriors. Although earlier, apart from this newspaper, there were no [other periodicals] that would fight against communism, now, [*The Tibet Mirror*] alongside with four other newspapers, [i.e., all together] five newspapers, stand against communism. Therefore, soon [these newspapers] will definitely uproot many hundreds of thousands of communist soldiers from Tibet.²⁰⁰⁹

²⁰⁰⁷ *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950: 4.

²⁰⁰⁸ Sawerthal 2018a: 183.

²⁰⁰⁹ *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963: 7.

Although in this publication, Tharchin somehow reduced the hypothetical impact of a newspaper on the reader's mind comparing to the previous atomic bomb simile, the editor did not miss an opportunity to resort to the anti-communist rhetoric once again and use a technique of wishful thinking to induce his readers to hope that communism was to be defeated in Tibet very soon.

Tharchin's views on the importance of print media for the development of a nationalist discourse in the society are not groundless. The detailed analysis of the newspaper issues from the 1950s and 1960s makes it reasonable claiming that *The Tibet Mirror* was the first Tibetan-language media mouthpiece of Tibetan nationalism and was the first one to start regularly reproducing fragments of the national narrative which are now popular in the Tibetan diaspora. To assess the conceptual content of the "historical memory" of the Tibetan-speaking community in exile, it is necessary to indicate what Tharchin most likely used for his inspiration for constructing the metanarrative of independence and when this metanarrative became particularly relevant.

A. McKay contends that British colonial officials created a dominant political image of Tibet which has been received rather well in the West and which the Tibetan government-in-exile largely borrowed for their policy.²⁰¹⁰ In the first half of the 20th century, British colonial officials were interested in using Tibet as a buffer state on the border of British India. Therefore, having taken for a reference the Lhasa-centric view of Tibet, they were reproducing the image of an emerging Tibetan nation and promoting as a given idea that the supreme secular and religious power over the entire Tibetan Plateau belonged to the Dalai Lama, while the Tibetan-speaking ethnic groups as one single nation unanimously supported his rule.²⁰¹¹ The Tibetan state was depicted as an example of a unique ancient culture and its preservation was thus explained as representing a value to the whole world.²⁰¹² In the British colonial officials' narrative, Tibetan culture was distinguished by friendliness, openness, and religiosity. Furthermore, the latter quality pointedly

---

²⁰¹⁰ McKay 1995: 191.

²⁰¹¹ McKay 1995: 189–191.

²⁰¹² McKay 1995: 191, P.194.

established a connection of Tibetans with the religious British people, but not with the Chinese.²⁰¹³ The promoted image of Tibet was overwhelmingly positive, it smoothed out the existence of regional and sectarian differences and ruled out any chances that residents of certain areas of eastern Tibet favored forging closer ties with China.²⁰¹⁴ However, in reality, the regional identification that prevailed in Tibet was so strong that until the second half of the 20th century, one could hardly speak of one truly charismatic leader who could have, indeed, united all the diverse groups of Tibetan-speaking peoples into a single Tibetan nation.²⁰¹⁵ According to Tsering Shakya, ever since the 10th century, after the death of the so-called “three Tibetan Buddhist kings” (Srong btsan sgam po, Khri srong Lde btsan,²⁰¹⁶ and Ral pa can²⁰¹⁷), the political power in Tibet was never centralized again and the secular power of the Dalai Lamas never went beyond central Tibet.²⁰¹⁸ Moreover, even in central Tibet, the Dalai Lama’s authority has been challenged by the Panchen Lama in Tsang.²⁰¹⁹ Thus, the political and social allegiance in Tibet has been traditionally defined through a loyalty to one’s region, religious tradition, family, and local chiefs, but not loyalty to the nation.²⁰²⁰ Given that, the Tibetan government Dga’ ldan Pho brang has not recognized the loss of its political influence over territories in eastern Tibet and the various regions of the Tibetan Plateau maintained cultural, religious, and trade relations between them.²⁰²¹ Based on these ties and guided by their own pragmatic reasons, the British colonial officials enthusiastically set out to create the “Tibetan national identity.”²⁰²²

The political scientist B. Hillman supports A. McKay’s hypothesis that the image of the inhabitants of the Tibetan Plateau as a culturally homogeneous group has emerged due to a number of well-known works of several British officials who

---

²⁰¹³ McKay 1995: 190.

²⁰¹⁴ McKay 1995: 191, P.196.

²⁰¹⁵ Shakya 1993: 9.

²⁰¹⁶ Ruled in 754–c. 799.

²⁰¹⁷ Ruled in 815–836.

²⁰¹⁸ Shakya 1993: 9.

²⁰¹⁹ Shakya 1993: 9.

²⁰²⁰ McKay 2001a: 97.

²⁰²¹ Yeh 2013: 275.

²⁰²² McKay 2001a: 97.

had lived and worked in central Tibet in the early 20th century.²⁰²³ It is interesting that Tharchin sought to reproduce similar ideas about the population of the Tibetan Plateau in his publications in *The Tibet Mirror*. A. Sawerthal believes that *The Tibet Mirror* was part of the British colonial strategy aimed at building the image of independent Tibet as a modern nation and state under the rule of the Dalai Lama and the Tibetan government Dga' ldan Pho brang, that is why, in his newspaper Tharchin explicitly promoted the desired vision of the Tibetan nation which was supported by both British colonial officials (Ch. Bell in particular) and the 13th Dalai Lama.²⁰²⁴ Within the frame of “the Tibetan nation” concept actualized in *The Tibet Mirror*, Tharchin, on the one hand, reproduced the traditional political ideology of the Dga' ldan Pho brang government (e.g., maintaining the political system that combined the religious and secular power vested in the hands of the Dalai Lama and the Dga' ldan Pho brang) and, on the other hand, introduced necessary, yet missing fragments of the national narrative, which in the eyes of the international community made it more legitimate for Tibet to claim its status of a modern nation.²⁰²⁵

The establishment of the communist rule and the first administrative reforms in Kham and Amdo went rather smoothly and met “very little open resistance” from the local population, since many locals wanted to cooperate with communists and welcomed them.²⁰²⁶ However, since the early 1950s, Tharchin was regularly verbalizing in *The Tibet Mirror* any tensions emerging between the local population of the Tibetan Plateau and Chinese communist officials, thereby increasing the antagonism and instilling in his readers the idea of a clear distinction between the Self and the Other. Yet the metanarrative of independence of the Tibetan nation and state constructed by Tharchin gained its momentum and real relevance not in the early 1950s, but only when the 14th Dalai Lama and the Tibetan government officials immigrated to India in 1959. Although the total number of emigrants from central Tibet is estimated as being predominant in the Tibetan-speaking diaspora in South

---

²⁰²³ Hillman 2018: 716.

²⁰²⁴ Sawerthal 2018a: 320–321; 326.

²⁰²⁵ Sawerthal 2018a: 323.

²⁰²⁶ See Shakya 2000: 136–138.

Asia, about a quarter of the Tibetan-speaking diaspora consists of emigrants from Kham, and there is also a smaller group of emigrants from Amdo.²⁰²⁷ At the same time, the officials of the traditional Tibetan government Dga' ldan Pho brang, who emigrated with the Dalai Lama and formed the new political elite of "Tibet-in-exile," originated from central Tibet and mainly represented the Dge lugs and Sa skya religious traditions, therefore, in the early years after emigration, some natives of eastern Tibet refused to recognize the authority of the Central Tibetan Administration over the entire exile community.²⁰²⁸ In order to internally legitimize the authority of the internationally unrecognized Central Tibetan Administration over the growing community of Tibetan-speaking emigrants in India and to maintain the vision of independent Tibet as the common goal of all members of the Tibetan diaspora, it was crucial to reiterate the idea of the existence of a lost common homeland and to preserve and recreate memories of it.²⁰²⁹ The analysis of *The Tibet Mirror* from the 1950s and 1960s proves that Tharchin's publications provided this need in the best possible way.

Now, the Tibetan-speaking diaspora in India uses a single term "Tibetan" (Tib. *bod pa*) for the ethnic groups of Dbus–Gtsang, Kham, and Amdo, but originally there was no general umbrella term for a Tibetan-speaking inhabitant of the Tibetan Plateau.²⁰³⁰ After the 1959 Uprising, the persistent work on the goal of unification of all Tibetan-speaking immigrants as one Tibetan nation have contributed to the relatively successful suppression of traditional sectarian and regional differences and the consolidation around the figure of the 14th Dalai Lama as the one common undisputable leader of the entire Tibetan-speaking diaspora in India.²⁰³¹ The identity of natives of Tibet was to be defined by the *chol kha gsum* model, that is, the perception of the common Tibetan homeland as a union of the three regions of Dbus–Gtsang, Kham, and Amdo, while the socialization of young members of the Tibetan-speaking diaspora was arranged so that the differences within the diaspora were to

---

²⁰²⁷ Anand 2010: 272.

²⁰²⁸ Asfuroglu 2012: 20, 45; Brox 2012: 460.

²⁰²⁹ Kolås 1996: 57; Anand 2010: 278.

²⁰³⁰ Shakya 1993: 9.

²⁰³¹ Powers 2004: 144–145.

be homogenized and any contradictions were to be avoided or eliminated.²⁰³² The promotion of the idea of one unified Tibetan identity of the heterogeneous Tibetan-speaking exile community was undertaken not only to accomplish the goals of the CTA's internal policy, but also to encourage the international community to believe in the narrative of one unified homogeneous Tibetan nation and to become more sympathetic to the CTA's pro-Tibetan stance on the Tibet Question.²⁰³³ To the same end, old texts on Tibetan history were reconceptualized and new secular historical narratives were developed in the diaspora.²⁰³⁴

Tibetan exile officials have been actively promoting their national narrative among Tibetan-speaking immigrants, with the help of which they fostered common cultural values and traditions of the diaspora (e.g., a myth of common ancestry, a single language, shared religious practices, traditional dress, ornaments, leisure, and cuisine), aired the frictions arising between members of the diaspora, and emphasized the difference between Tibet and China.²⁰³⁵ To standardize the medium of communication and overcome the dialectal differences of emigrants from different parts of the Tibetan Plateau, the Central Tibetan Administration decided to use the Lhasa dialect as the official language of the Tibetan exile community.²⁰³⁶ In addition to establishing such necessary attributes of modern nationalism as the national flag and anthem, the CTA also engaged in raising the political awareness and solidarity of the Tibetan-speaking immigrant community in India by developing new schooling standards and introducing newly invented unifying group rituals, e.g., annual national holidays: the Tibetan National Uprising Day on March 10, which commemorates the 1959 Lhasa Uprising; the 14th Dalai Lama's Birthday on July 6; the Democracy Day of Tibet on September 2, which honors the inauguration date of the Tibetan Parliament-in-Exile in 1960; and even the Nobel Peace Prize Day on

---

²⁰³² Shakya 1993: 11.

²⁰³³ Asfuroglu 2012: 44

²⁰³⁴ For more information, see Kolás 1996: 58.

²⁰³⁵ See Powers 2021.

²⁰³⁶ Asfuroglu 2012: 31.

December 10, which celebrates the anniversary of the conferment of the Nobel Peace Prize on the 14th Dalai Lama in 1989.²⁰³⁷

As for the arrangement of secular education for members of the Tibetan-speaking community in India, the schools have become the fundamental institution where starting from a young age, representatives of the diaspora are being properly socialized through studying their national history, national language, and national symbols.²⁰³⁸ The researchers emphasize that until the present time, the study of Tibetan history and culture is still deemed being of a paramount importance for the upbringing of the younger generation of the diaspora.²⁰³⁹ In the diaspora, the collective memory plays a key role for imagining Tibet as one nation, therefore, the Tibetan exile community pays much attention to maintaining a coherent historical narrative that represents the history of Tibet before 1951 as one of an independent state.²⁰⁴⁰ According to the results of recent field studies, members of the diaspora are guided by the belief that history lessons shape the identity of students and thereby save the Tibetan nation from its destruction, that is why, among their primary tasks at school, the diaspora teachers name the cultivation of the “national identity” and fostering of the “national spirit,” the refutation of the PRC’s claims of the right to the territory of Tibet, the provision of evidence of Tibet’s historical independence, and drawing the attention of the international community to the Tibet Question.²⁰⁴¹ One can identify the following key “national truths” which are taught to schoolchildren and which, at the same time, constitute the national narrative of the Tibetan-speaking diaspora:

1. Tibet was an independent state before the “brutal invasion” of the PRC. The occupation of Tibet by the People’s Republic of China is illegal and invalid under international law.

---

²⁰³⁷ Shakya 1993: 11. For an entire list of Tibetan national holidays compiled by the CTA, refer to “22 Holiday List” // Bureau of His Holiness the Dalai Lama, New Delhi. URL: <https://tibetbureau.in/2017-holiday-list/>. Accessed December 26, 2022.

²⁰³⁸ Asfuroglu 2012: 29.

²⁰³⁹ For more details, see Powers 2021.

²⁰⁴⁰ Anand 2010: 277–278; Powers 2004: 147.

²⁰⁴¹ Powers 2021: 7.

2. The people of Tibet are “victims” who suffered from the “atrocities” of Chinese “aggressors,” the “aliens” in Tibet.
3. The Tibetan language, religion, and culture must be saved from the destruction by the “aggressor.”
4. Tibet used to be a pure beautiful land where people had very few problems and enjoyed their happy tranquil lives.
5. All the inhabitants of the Tibetan Plateau are one family and are of one flesh and blood.
6. Tibetans are deeply religious, peaceful, hardworking, honest, polite, and well-mannered people, who being naturally predisposed to the practice of Buddhism and compassion for other living beings, have traditionally worshipped the patron deity of Tibet—the bodhisattva Avalokiteśvara.
7. The distinct Tibetan culture and religion shaped the Tibetan identity, which remained unchanged for hundreds of years. To preserve the Tibetan identity and cultural heritage, it is necessary to practice Buddhism and take refuge in the Three Jewels of Buddhism.
8. Tibetan Buddhism is a unique phenomenon of the world cultural heritage, therefore, its decline due to the fault of Chinese communists will be a tragedy for the whole world.
9. The main source of external influence on Tibetan culture was India, not China.²⁰⁴²

In Pelin Asfuroglu’s opinion, all basic political concepts and practices that formed the foundation of the pro-Tibetan political discourse and contributed to the development of nationalism in the Tibetan diaspora were laid in the first decade after the establishment of the Tibetan government-in-exile.²⁰⁴³ P. Asfuroglu believes that immediately after the emigration, the new political elite of “Tibet-in-exile” initiated the process of nation-building through the articulation and promotion of such

---

²⁰⁴² See Powers 2021: 3–23.

²⁰⁴³ Asfuroglu 2012: 14.

ideologemes as the “genocide threat,” the “return to homeland,” and the “cultural affinity and historical ties between India and Tibet.”²⁰⁴⁴ Given that, the discourse on genocide became the main “ideological weapon” of the CTA, with the help of which exile officials managed to earn both the loyalty of the Tibetan-speaking diaspora in India and the Western countries’ sympathetic attention to the fate of the Tibetan exile community in their confrontation with the PRC.²⁰⁴⁵

If one compares, it is obvious that all ten of the above-mentioned “national truths” have been put forward and popularized by Tharchin in *The Tibet Mirror* back in the 1950s. At the very same time, the editor was also promoting the national symbols of independent Tibet which became particularly relevant for the Tibetan-speaking diaspora after the establishment of the CTA: photographs of the Dalai Lama as the supreme political and religious leader of all inhabitants of the Tibetan Plateau, illustrations with the national flag of Tibet, maps of the Tibetan state, and images of the Potala Palace as the traditional residence of the Dalai Lamas and the Tibetan government Dga’ ldan Pho brang. The metanarrative of Tibetan independence constructed and broadcast by Tharchin in the 1950s and 1960s has been echoed in the official materials published at the initiative of the Department of Information and International Relations of the CTA, the works of the 14th Dalai Lama, his older brothers Thub bstan ’Jigs med Nor bu and Rgyal lo Don ’grub, and other prominent figures of the Tibetan diaspora such as Rtsis dpon Zhwa sgab pa, Dawa Norbu, and Jamyang Norbu.

Among the examples of specific ideas which Tharchin voiced in his publications in *The Tibet Mirror* and which were later reproduced in the narratives of members of the Tibetan diaspora who sought to prove the historical independence of Tibet, one should mention, first of all, the regular practice of making references to the period of the Tibetan Empire. Similar to Tharchin in *The Tibet Mirror*, authors of Tibetan exile school textbooks published under the auspices of the 14th Dalai Lama glorify the victories of the Tibetan Empire in its conflicts with the Tang

---

²⁰⁴⁴ Asfuroglu 2012: 23.

²⁰⁴⁵ Asfuroglu 2012: 24.

Empire and present the Sino–Tibetan treaty engraved on the stone pillars in the 9th century as evidence that historically Tibet was a separate independent state from China.²⁰⁴⁶ This treaty and the stone pillars are also referred to as important evidence of Tibet’s military might and independent status by the 14th Dalai Lama himself,²⁰⁴⁷ his elder brother Thub bstan ’Jigs med Nor bu,²⁰⁴⁸ the former Tibetan Minister Rtsis dpon Zhwa sgab pa,²⁰⁴⁹ and in the booklet of the Department of Information and International Relations of the CTA that was produced specifically for articulating the “truth” of the Tibet Question and “restating the facts plainly” for the international community.²⁰⁵⁰ J. Powers and D. Templeman, the authors of *Historical Dictionary of Tibet*, further observe that many Tibetans invoke memories of the military victories of the Tibetan Empire with pride, therefore, one can contend that these associations have acquired a powerful symbolic meaning for supporters of Tibetan nationalism.²⁰⁵¹

Another important element of the national narrative of the Tibetan diaspora is the religious ideological framing of historical accounts and, in particular, the employment of the overarching *mchod yon* concept for the description of Tibet’s relations with China,²⁰⁵² which Tharchin also resorted to in his publications. Over the centuries, Tibetan historical records explained Tibetan–Chinese contacts in terms of the specific format of the “priest–patron relationship.”²⁰⁵³ Upholding the tradition of interpreting Tibetan–Chinese relations from the point of view of the “priest–patron relationship,” Tharchin blurred the real historical context of the political subjugation of Tibet by the Yuan and Qing dynasties.²⁰⁵⁴ The exclusively religious interpretation of Tibet’s historical ties with China and references to the *mchod yon* concept are regularly reproduced in the writings of representatives of the Tibetan-speaking diaspora. Resonating with Tharchin’s metanarrative of

²⁰⁴⁶ Powers 2021: 12; Powers 2004: 144.

²⁰⁴⁷ Bstan-’dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 50.

²⁰⁴⁸ Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 172.

²⁰⁴⁹ Shakabpa 1984: 49.

²⁰⁵⁰ Tibet Proving Truth from Facts: 2, 9.

²⁰⁵¹ Powers and Templeman 2012: 716.

²⁰⁵² For more details, see Klieger 1989: 3.

²⁰⁵³ Klieger 1989: 12–13.

²⁰⁵⁴ See Sperling 2004: 30.

independence, the CTA identically argues against the assertion that Tibet was subordinated to the Qing Empire and claims that the Qing ambans “were not viceroys or administrators” and were sent to Tibet to protect the Dalai Lama, for the latter served as the Chinese emperor’s spiritual guru.²⁰⁵⁵

A no less significant element of the national narrative of the Tibetan diaspora is the heated debate over the legitimacy of applying the term “suzerainty” for explaining the format of Sino–Tibetan relations during the period of the Qing Empire. For instance, the author of *China’s Tibet Policy* Dawa Norbu included in his book, among other things, a detailed discussion of the British term “suzerainty” in the context of Sino–Tibetan relations. Similar to Tharchin in *The Tibet Mirror*, Dawa Norbu avers that Chinese “suzerainty” did not mean Chinese “sovereignty” over Tibet.²⁰⁵⁶ Moreover, Dawa Norbu also shares Tharchin’s view that the Anglo–Tibetan Convention of 1904 served as evidence that “Britain recognized Tibet’s treaty-making power.”²⁰⁵⁷ The same opinion is advocated by Rtsis dpon Zhwa sgab pa in his famous work entitled *Tibet: A Political History* that has not only been acknowledged by the 14th Dalai Lama, but to which many Western scholars refer: the 1904 Anglo-Tibetan Convention “completely negates any Chinese claim of sovereignty or suzerainty over Tibet.”²⁰⁵⁸ Similar statements were authoritatively reproduced by the 14th Dalai Lama himself²⁰⁵⁹ and the Central Tibetan Administration in the voluminous booklet *Tibet Proving Truth from Facts*.²⁰⁶⁰

In the Tibetan-speaking diaspora, the invariably popular reasoning in support of the image of historically independent Tibet also includes a reference to the 1913 Treaty of Friendship and Alliance between the Government of Mongolia and Tibet. Like Tharchin in *The Tibet Mirror*,²⁰⁶¹ the 14th Dalai Lama pointed to this treaty as the proof of independence of Tibet in his petition to add the Tibet Question to the

---

²⁰⁵⁵ *Tibet Proving Truth from Facts*: 11.

²⁰⁵⁶ Norbu Dawa 2001: 149, 166–167.

²⁰⁵⁷ Norbu Dawa 2001: 169.

²⁰⁵⁸ Shakabpa 1984: 217–219.

²⁰⁵⁹ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 53.

²⁰⁶⁰ *Tibet Proving Truth from Facts*: 12–13.

²⁰⁶¹ E.g., see *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.11, November 1954: 4 or a publication from *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2 (June 1954: 10–12) translated in the previous chapter of the present dissertation.

agenda of the UN General Assembly meeting in September 1960.²⁰⁶² Besides, the Department of Information and International Relations of the CTA similarly lists this treaty in their set of proofs of Tibet's independence.²⁰⁶³

While accusing the government of the PRC of distorting historical facts, the Central Tibetan Administration attempts to present the "true" version of Tibetan history and repeats most of the statements voiced in *The Tibet Mirror* in support of Tibet's independence. For example, reproducing Tharchin's metanarrative of independence, Tibetan exile officials argue that since the Tibetan government issued its own currency and postage stamps and had its own army, the attack of the PRC on Tibet was a violation of international law.²⁰⁶⁴ Further complementing their reasoning, Tibetan exile officials contend that several foreign countries had their missions in Lhasa, the status of the Chinese Mission was no different from the others, and the Chinese mission of Huang Musong visited Tibet in 1934 not for a political reason, but to offer humble condolences on the occasion of death of the 13th Dalai Lama.²⁰⁶⁵ The same version of Tibetan history is supported by the 14th Dalai Lama and Rtsis dpon Zhwa sgab pa who add to the above-mentioned one more proof of Tibetan independence from Tharchin's ideological arsenal: in 1948, official representatives of Tibet traveled abroad with passports which were issued by the Tibetan government and which were "recognized and accepted by all the countries they visited" (namely, "India, China, France, Italy, the United Kingdom, and the United States of America").²⁰⁶⁶

The pro-Tibetan versions of Tibetan history also regularly repeat Tharchin's opinion that in 1959, the esteemed International Commission of Jurists made a reliable objective conclusion on the Tibet Question, which reflected the true situation in Tibet under the rule of Chinese communists. References to the importance of the impartial activities of this commission in the context of providing

---

²⁰⁶² The text of the 14th Dalai Lama's petition to the UN dated September 20, 1960 *cit. ex* Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 223.

²⁰⁶³ Tibet Proving Truth from Facts: 5.

²⁰⁶⁴ Tibet Proving Truth from Facts: 4–5.

²⁰⁶⁵ Tibet Proving Truth from Facts: 5–6.

²⁰⁶⁶ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57; Shakabpa 1984: 296, 323. On the 14th Dalai Lama's views on the question of historical independence of Tibet, also see Grunfeld 1996: 254–255.

evidence of the independent political status of Tibet can be found in publications of the 14th Dalai Lama,²⁰⁶⁷ Rgyal lo Don 'grub,²⁰⁶⁸ Dawa Norbu,²⁰⁶⁹ Rtsis dpon Zhwa sgab pa,²⁰⁷⁰ and the Central Tibetan Administration.²⁰⁷¹ Taking after the editor of *The Tibet Mirror*, representatives of the Tibetan diaspora cite excerpts from the report of the International Commission of Jurists when they accuse the PRC of organizing the genocide of the people of Tibet.²⁰⁷²

In the 1950s and 1960s, Tharchin managed to actualize in his newspaper the persistent tropes of anti-communist pro-Tibetan discourse and the discursive constructs of the national narrative of the Tibetan-speaking diaspora. The ideologeme of “genocide” as well as many other ideologemes publicized in *The Tibet Mirror*, such as the “destruction of religion,” “communist atrocities,” “enemies of the Buddhist teaching,” “communist demons,” “communist aggressors,” “communist shackles,” and the “communist oppression,” seized the pro-Tibetan discourse and became firmly embedded in the conceptual and terminological apparatus of the Tibetan diaspora.²⁰⁷³

One of the key discursive constructs promoted by Tharchin in *The Tibet Mirror* was the depiction of the entire Tibetan-speaking population of the Tibetan Plateau as one “Tibetan nation,” which, at first, was modelled with the help of the thirteen Tibetan *khri skor* concept and later, after 1960, was transformed in the *chol kha gsum* model. As early as 1967, Rtsis dpon Zhwa sgab pa referred to the very same concepts in his work on the history of Tibet. Without going much into the details of the historical development of this terminology and having only briefly explained that the original Tibetan term “thirteen *khri skor*” used to describe the

²⁰⁶⁷ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57–58, 183.

²⁰⁶⁸ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 197.

²⁰⁶⁹ Norbu Dawa 2001: 276.

²⁰⁷⁰ Shakabpa 1984: 323.

²⁰⁷¹ Tibet Proving Truth from Facts: 4, 27.

²⁰⁷² See, e.g., Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 185, 193; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 197; Norbu Dawa 2001: 423; Tibet Proving Truth from Facts: 27, 40.

²⁰⁷³ See, e.g., Powers 2004: 132. For examples of employment of such terminology, see narratives of Norbu Thubten Jigme 1961: 190, 192, 198, 206, 208, 214–215, 229, 237; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 195, 197, 199; Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 99; 107, 126, 128, 169, 183–185; Tibet Proving Truth from Facts: 18, 20, 24; Shakabpa 1984: 304; texts of petitions of the Tibetan government and the 14th Dalai Lama to the UN *cit. ex* Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 217, 220–221, 228–229.

territory of Tibet was later replaced by the term “*chol kha gsum*,”²⁰⁷⁴ Rtsis dpon Zhwa sgab pa, similar to Tharchin in *The Tibet Mirror*, misinterpreted in his book and incorrectly presented as equal these two different concepts. At present, as it was already mentioned, most authors from the Tibetan diaspora only refer to the *chol kha gsum* concept in its modernized interpretation promoted by the CTA.

Members of the Tibetan exile community also invariably repeat in their narratives the statement that the Tibetan nation is different from the Chinese nation and that Tibet has never been part of China.²⁰⁷⁵ The Central Tibetan Administration continues to develop Tharchin’s ideas in its own publications by asserting the concept of one “Tibetan nation” and claiming that “it is difficult to conceive a better example of a distinct people, with all the characteristics fulfilled: commonalities in history, language, culture, ethnicity and other manifestations of shared identity and experience.”²⁰⁷⁶ The CTA defines Tibetan national identity as being “indistinguishable from its religion,” therefore, the official narrative of the Tibetan diaspora, just like Tharchin’s publications in *The Tibet Mirror*, portrays Tibet as “a proud [...] Buddhist nation,” which enjoyed its independence until 1951, but was then threatened with destruction as a result of the brutal aggression of the “enemies of the Buddhist teaching.”²⁰⁷⁷

Apart from that, in *The Tibet Mirror*, Tharchin popularized an important myth about the national character of the Tibetan people. The idealized image of the purely religious land of Tibet inhabited by deeply spiritual and peaceful Tibetan people before the arrival of Chinese communists has become a potent ideological weapon and has gained wide support not only among members of the diaspora but also among foreign supporters of Tibetan independence all around the world. Tharchin’s claims about the virtuous national character of Tibetans were echoed and additionally amplified in Rtsis dpon Zhwa sgab pa’s history of Tibet: “Tibetans are

---

²⁰⁷⁴ Shakabpa 1984: 2.

²⁰⁷⁵ Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 57; Tibet Proving Truth from Facts: 5; Thondup Gyalo and Thurston 2015: 114–115, 195, 297, 300; Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 52; the text of a petition of the Tibetan government to the UN dated November 11, 1950 *cit. ex* Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV 1997: 217.

²⁰⁷⁶ Tibet Proving Truth from Facts: 13.

²⁰⁷⁷ Tibet Proving Truth from Facts: 37.

very sympathetic, honest, cheerful,” they are “loyal, open, gentle, and kind” people.²⁰⁷⁸ The petition of the Tibetan government Dga’ ldan Pho brang for the protection of Tibet of against the Chinese “aggression,” which was submitted to the United Nations in November 1950 and which was later reproduced by the 14th Dalai Lama in his autobiography, suggests a similar rhetoric: as a “nation dedicated to peace,” the Tibetans “had long eschewed the art of warfare, practiced peace and tolerance, and for the defense of their country relied on [...] noninvolvement in the affairs of other nations.”²⁰⁷⁹ The very same perspective was voiced by the 14th Dalai Lama in his so-called “Five-Point Peace Plan” with which he addressed the U.S. Congress in 1987.²⁰⁸⁰ The 14th Dalai Lama’s elder brother Thub bstan ’Jigs med Nor bu also reproduces in his “history of Tibet”²⁰⁸¹ fragments of Tharchin’s metanarrative of independence by claiming that the people of Tibet were pacified by the bodhisattva Avalokiteśvara and “became so peaceful” that they were “unwilling to take even animal life,” let alone taking a human life.²⁰⁸² Furthermore, in Thub bstan ’Jigs med Nor bu’s narrative, pre-1951 Tibet is depicted so perfect that even the local brigands, who lived by regularly robbing caravans, are described as “good people” and “among the most religious” Buddhist followers in Tibet.²⁰⁸³ In the words of Thub bstan ’Jigs med Nor bu, Tibet “had lived in peace and prosperity for hundreds of years” until the “enemies” of Tibetans (whom a reader instantly identifies with Chinese communists) “thought that they could make” Tibetan people “captive” and take their country.²⁰⁸⁴ The reproduction of a peaceful image of the Tibetan nation culminated in the official speech given by the 14th Dalai Lama in Strasbourg in June 1988. In his address to members of the European Parliament, the leader of the Tibetan exile community authoritatively declared that Tibet’s “unique

---

²⁰⁷⁸ Shakabpa 1984: 13.

²⁰⁷⁹ The text of a petition of the Tibetan government to the UN dated November 11, 1950 *cit. ex Bstan-'dzin-rgya-mtsho*, Dalai Lama XIV 1997: 214, 217.

²⁰⁸⁰ For the contents of the plan, see “Five Point Peace Plan (1987)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet3.html>. Accessed June 27, 2022.

²⁰⁸¹ In the introduction to his book, Thub bstan ’Jigs med Nor bu states that his book is “effectively a history of Tibet,” which “attempts to give an understanding of the Tibet of today, its people and their way of life and thought, by connecting them with their past *as they see it*” (Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 7).

²⁰⁸² Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 37.

²⁰⁸³ Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 42–43.

²⁰⁸⁴ Norbu Thubten Jigme 1961: 197; Norbu Thubten Jigme and Turnbull 1983: 37.

history and profound spiritual heritage render it ideally suited for fulfilling the role of a sanctuary of peace at the heart of Asia,” and if Tibet were “no longer an occupied land, oppressed by force, unproductive and scarred by suffering,” then “peace and security for Asia as well as for the world at large can be enhanced,” while Tibet itself would become “a free haven where humanity and nature live in harmonious balance.”²⁰⁸⁵

The rhetoric with an emphasis on the peaceful nature and religiosity of the Tibetan population has impeccably supported the construction of the ideological framing for the pro-Tibetan representation model of the history of Tibet as a narrative of innocent victims of the unjustified aggression of the PRC. The continuous escalation of a tension in Sino–Tibetan relations as a result of imposing the idea of a potential threat of destruction of everything Tibetan by Chinese communists, in terms of the internal policy of the CTA, helped providing a logical explanation for the need for rapprochement and unification of the detached members of the Tibetan-speaking diaspora in the face of one common “enemy,” and, on the other hand, in terms of the internationalization of the Tibet Question, contributed to the public elevation of Tibetan culture and religion to the status of a valuable part of world cultural heritage. Tharchin’s approach to portraying Tibetans as “helpless victims” who need the attention and support of the entire international community because they are “incapable of defending themselves” has been largely adopted by members of the Tibetan exile community and further developed in their writings.²⁰⁸⁶

As for the description of Tibet’s “liberation” and its first years under the Chinese communist rule, Tharchin’s narrative on the oppression of Tibetans by Chinese communists, which started immediately after the arrival of the PLA in Lhasa, is reproduced, for example, by Rtsis dpon Zhwa sgab pa and the Central Tibetan Administration in its official account of Tibetan history.²⁰⁸⁷

Among other traditions of representation of Tibetan history, which were originally designed by Tharchin and later reproduced in the narratives of

---

²⁰⁸⁵ Tibet Proving Truth from Facts: 50.

²⁰⁸⁶ See Powers 2004: 150.

²⁰⁸⁷ Shakabpa 1984: 304; Tibet Proving Truth from Facts: 18.

representatives of the Tibetan diaspora, one should mention the heroicizing of rebels against the Chinese communist rule in Tibet and the depiction of separate uprisings in eastern Tibet as being part of a general pan-Tibetan national movement for independence. This vision of Tibetan history and, in particular, recollections of the activities of the Chu bzhi sgang drug leader A 'brug Mgon po Bkra shis live on in the writings of Jamyang Norbu,²⁰⁸⁸ Rgyal lo Don 'grub,²⁰⁸⁹ and Dawa Norbu.²⁰⁹⁰

It is interesting that Tharchin's political cartoons on the topic of the Chinese communist oppression in the 1950s also live on in the memory of members of the Tibetan diaspora: for instance, in January 2019, the cartoons from *The Tibet Mirror* were brought to the attention of modern Tibetan diaspora members by Jamyang Norbu in his article on visual records of the March 1959 Lhasa Uprising.²⁰⁹¹

The only theme that was developed by Tharchin in *The Tibet Mirror*, but which did not gain support in the national narrative of the Tibetan diaspora, is the relationship and potential collaboration of Tibet with the Kuomintang government. The Japanese Tibetologist Kensaku Okawa contends that the official national narrative of the Tibetan diaspora in India has tabooed the topic of Tibetan-speaking immigrants in Taiwan because the very existence of a group of Tibetan immigrants there undermines the version of Tibetan history and the national policy promoted by the Central Tibetan Administration, according to which all Tibetan emigrants stand for the independence of Tibet from China regardless of whether it is the CCP or Taiwan that represents China.²⁰⁹² Among the works of Tibetan diaspora members used in the present dissertation, only Rgyal lo Don 'grub presents the Kuomintang leader Chiang Kai-shek as a good "old friend" who wished Tibet to "remain independent."²⁰⁹³ In Rgyal lo Don 'grub's account, the Kuomintang government was willing to help "the Tibetan cause" and was "prepared to contribute arms and money" to the Tibetan resistance movement.²⁰⁹⁴ The history of Tibet published by Rgyal lo

---

²⁰⁸⁸ Norbu Jamyang 2014.

²⁰⁸⁹ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 169.

²⁰⁹⁰ Norbu Dawa 2001: 217–220.

²⁰⁹¹ Norbu Jamyang 2019.

²⁰⁹² Okawa 2007: 607.

²⁰⁹³ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 75, 146.

²⁰⁹⁴ Thondup Gyalo and Thurston 2015: 146.

Don 'grub in 2015 depicts the Kuomintang policy on Tibet and especially Chiang Kai-shek in a very similar manner to Tharchin in *The Tibet Mirror*, if not even more favorable and supportive. However, this match in the mode of discourse does not imply Tharchin's influence on shaping Rgyal lo Don 'grub's views, but perhaps rather, on the contrary, suggests the influence of Rgyal lo Don 'grub as the sponsor of *The Tibet Mirror* on Tharchin's editorial policy.

If to compare Tharchin's metanarrative of Tibetan independence with examples of the national narrative of the Tibetan diaspora, it is possible to notice one more shared distinctive feature. While analyzing the materials of *The Tibet Mirror*, one often gets puzzled by the non-linear order chosen for presenting the data, the fragmentary nature of the narration, and the selectivity of the historical facts used. In some cases, one gets the impression that the information provided in the publication serves as a response to a possible objection of a pro-Chinese reader who wants to present an alternative view of Tibetan history and who would try to counter the pro-Tibetan version of Tharchin. The same peculiarity of historical narratives of members of the Tibetan diaspora was observed by J. Powers in his detailed research on the topic of Tibetan historical discourse.²⁰⁹⁵

One can argue that *The Tibet Mirror* contains the very first examples of written publicistic texts in the Tibetan language which introduced the important modern socio-political terms that had not been previously used in writings on Tibetan history. For this reason, when Tharchin combined in his publications elements of traditional Tibetan historiography (e.g., the emphasis on the Dalai Lama's sacred role for the Chinese emperor encapsulated in the *mchod yon* concept and the villainy of China's violation of its longstanding oath of friendship with Tibet) with accusations of human rights and international law violations by the PRC in Tibet, these fragments of the metanarrative of Tibetan independence may sound for modern readers somewhat grotesque, naive, or inconsistent. Tharchin's style of reasoning, however, shares much in common with how the Central Tibetan Administration has adapted Western nationalist discourse practices to reproduce its

---

²⁰⁹⁵ See Powers 2004: 6–8.

pro-Tibetan version of Tibetan history. Recognizing the importance of external support for the Tibet Question needed in order to legitimize the pro-nationalist vision of Tibetan history and to succeed in the struggle for independence, the political elite of the Tibetan exile community was already in immigration, when they started learning the language of international politics, defining and standardizing the concepts of “Tibetan culture” and “Tibetan identity,” rewriting and reinterpreting the old facts, so that they could produce new texts on Tibetan history which prove the validity of their claims to independence.²⁰⁹⁶ By regularly working on this problem since the early 1950s, Tharchin got almost a decade ahead of the CTA officials and thus created the essential ideological and terminological basis for their future writings.

The last extant issue of *The Tibet Mirror* is dated November 1963. In the same year, the 14th Dalai Lama issued the first Draft Constitution of the Tibetan government-in-exile, in which, in his own words, he combined “the doctrines enunciated by Lord Buddha, the spiritual and temporal heritage of Tibet and the ideas and ideals of the modern world.”²⁰⁹⁷ The Constitution formalized the Dalai Lama’s status as the supreme secular and spiritual leader of the Tibetan nation and described the fundamental rights, freedoms, and duties of Tibetan citizens, including such obligations as “bearing true allegiance to the State of Tibet,” “faithfully complying with and observing the Constitution and the laws of the State,” “performing such obligations as may be imposed by law in the event of a threat to national security,” etc.²⁰⁹⁸ In the foreword, the 14th Dalai Lama addressed his “people in and outside Tibet” and stated that the Constitution was specifically proclaimed on the important date of March 10, which marked the fourth anniversary of “the uprising of the people of Tibet against the Chinese aggressors.”²⁰⁹⁹ In addition to that, the 14th Dalai Lama voiced his hope that Tibet would soon “become

---

²⁰⁹⁶ Anand 2010: 281; Kolås 1996: 57–59.

²⁰⁹⁷ “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html>. Accessed June 27, 2022.

²⁰⁹⁸ “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html>. Accessed June 27, 2022.

²⁰⁹⁹ Dalai Lama. “Foreword / Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html>. Accessed June 27, 2022.

once more free and independent” and “truth and justice” would “prevail in the end.”²¹⁰⁰ One can see that both in his foreword and the text of the fundamental principles that constitute the legal foundation of the Tibetan exile community, the 14th Dalai Lama repeated several discursive constructs actualized by Tharchin in *The Tibet Mirror*. The reproduction of the metanarrative of Tibetan independence in the Tibetan-speaking diaspora appeared particularly important until 1988, when the 14th Dalai Lama announced that he no longer sought Tibet’s independence from China but only appealed to the government of the PRC for providing a wider autonomy to Tibet, after which the Central Tibetan Administration added attenuating adjustments to its ideological policy accordingly.²¹⁰¹

In C. McGranahan’s opinion, the problem of *The Tibet Mirror* laid in the very modest number of the literate reading population in Tibet and the irregularity of “consumption” of Tharchin’s publications.²¹⁰² The readership in Tibet could not always receive and “consume” newspaper issues at the same time, and after the ban on the distribution of *The Tibet Mirror* in the PRC, it became even more difficult to get access to Tharchin’s news. Given that, if Tharchin, indeed, had a limited number of regular readers in Tibet on whom he could make impact with his anti-communist pro-nationalist rhetoric, the 14th Dalai Lama and the Central Tibetan Administration did not have any limitations on the promotion of their nationalist ideology among the Tibetan exile community. The discourse of the 14th Dalai Lama and the CTA enjoys enormous credibility with the Tibetan diaspora and the leadership of the Tibetan-speaking immigrant community has the symbolic unrestricted power of control of the public opinion of Tibetan exile “citizens.”²¹⁰³ However, the national narrative promoted by the 14th Dalai Lama and the CTA, which created the “Tibetan nation-in-exile” and ensured the success of the Tibetan-speaking exile community, was initially largely shaped by Tharchin and *The Tibet Mirror*. Hence, one can conclude that the metanarrative of Tibetan independence constructed by Tharchin in

---

²¹⁰⁰ Dalai Lama. “Foreword / Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html>. Accessed June 27, 2022.

²¹⁰¹ Asfuroglu 2012: 63.

²¹⁰² McGranahan 2010: 72.

²¹⁰³ Brox 2006: 103.

the 1950s and 1960s predetermined the development of national consciousness of members of the Tibetan diaspora and was deliberately integrated into historical memory of the “Tibetan nation-in-exile,” having thus become an important political tool in the struggle for Tibetan independence and the process of internationalization of the Tibet Question.

3.3. Conclusion

The initial focus of *The Tibet Mirror* on altering the traditional worldview and providing general education for Tibetan-speaking readers through presenting news on the latest world progress and modern developments beyond the Tibetan Plateau shifted after the establishment of the CCP rule in China to running effective anti-communist propaganda and publicizing the pro-Tibetan nationalist ideology. With the help of his publications in *The Tibet Mirror*, Tharchin attempted to modernize the socio-political vocabulary of the Tibetan language, to shape the new political culture of Tibetan-speaking readers, and to secure Tibet’s equal footing in the system of modern international relations. Being one of the few Tibetan-language periodicals in the period under review from 1949 to 1963, *The Tibet Mirror* was the first media mouthpiece of the emerging Tibetan nationalism.

Immediately after the PRC officially proclaimed its goal to “liberate” Tibet in 1949, Tharchin commenced the construction of his metanarrative of Tibetan independence. Having reinterpreted the entire history of Sino–Tibetan relations from the perspective of a proponent of Tibetan nationalism, the editor created in *The Tibet Mirror* a nationalist version of Tibet’s historical past and present as a nation and state that could have reasonably claimed its independence from the PRC. In the 1950s and 1960s, Tharchin elaborated in his newspaper on the concept of the “Tibetan nation” as a single Tibetan-speaking people living either within the “thirteen Tibetan *khri skor*” model or the three regions of Tibet, i.e., the *chol kha gsum* model, as well as the specifics of the “Tibetan national identity,” and the essential personality characteristics of the “Tibetan national character.” Promoting the need for pan-Tibetan unity within the boundaries of the independent “Tibetan

Religious State” and urging to start the national liberation war against Chinese atheist “aggressors,” the editor of *The Tibet Mirror* reproduced the utopian memories of Tibet before the Chinese communists’ rise to power and encouraged any forms of antagonism of the local Tibetan-speaking population in regard to representatives of the PRC. By presenting the atheist communist ideology of the PRC as a major threat to Tibetan Buddhism, the traditional socio-political system in Tibet, and the religiosity of Tibetan people, Tharchin used *The Tibet Mirror* to draw a distinct dividing line between the irreconcilable values of the Other and the Self.

Despite certain difficulties in distributing issues of *The Tibet Mirror* on the territory of the Tibetan Plateau in the 1950s, Tharchin’s newspaper maintained the status of the only Tibetan-language periodical that covered events within the frame of the pro-Tibetan nationalist paradigm right until the year of 1960. The editor of *The Tibet Mirror* could have hardly succeeded in providing a full-fledged regular “imaginary linkage” for readers in Tibet in the 1950s, but it must be recognized that Tharchin has effectively prepared the necessary conditions for planting the idea of a joint pan-Tibetan struggle for Tibet’s independence from the PRC and the birth of a “Tibetan nation-in-exile.” After 1959, the metanarrative of independence constructed by Tharchin has been echoed in the official ideology of the Tibetan government-in-exile established in India and has been further developed in the national narrative of the Tibetan diaspora. The pro-Tibetan representation of Tibetan history and Sino–Tibetan relations fostered by Tharchin in *The Tibet Mirror* continues to live on in the narrative space of the Tibetan exile community and finds its expression in the journalistic, scholarly, and academic literature produced not only for the internal needs of the diaspora, but also for export aimed at attracting additional sympathy of the international community for the Tibet Question. The pejoratives, tropes, plots, historical “proofs,” ideologemes, and even illustrations popularized in *The Tibet Mirror* within the metanarrative of Tibetan independence have been reproduced in the works of the 14th Dalai Lama, his elder brothers, officials of the Central Tibetan Administration, Tibetan publicists, and other representatives of the Tibetan diaspora.

History carries a function of legitimation: a nation must have its historical past, which is “to be regarded as its national history,” to legitimize the existence of the nation in the present and to ensure its future.²¹⁰⁴ Tharchin did the work on establishing such legitimizing setting for the “Tibetan nation-in-exile.” Anne-Sophie Bentz, a PhD student of the Graduate Institute of International Studies in Geneva, suggests that contemporary Tibetan historians were the ones who produced a coherent historical narrative covering the history of Tibet from the time of Srong btsan sgam po and up to 1951 and reinterpreting all historical events “with a special emphasis on the newly acquired concept of independence” that has been subsequently supported and presented to the world as the official history of Tibet by the Central Tibetan Administration.²¹⁰⁵ However, based on the analysis of *The Tibet Mirror*, one can argue that the national narrative of the Tibetan diaspora is permeated by fragments of the metanarrative of Tibetan independence that has been articulated by Tharchin back in the 1950s. A number of arguments and counterarguments supporting the vision of Tibet’s historical independence which enjoy popularity in the diaspora have penetrated the pro-Tibetan representations of history of modern Tibetan historians owing to the pioneering articles of Tharchin and his metanarrative of independence. Selectively choosing historical facts and supplementing them with a relevant persuasive interpretation, Tharchin has taken a place of honor in the vanguard of the first “historians” who were engaged in transforming the history of Tibet into the national history of Tibetan people.

In their works on Tibetan history, members of the Tibetan-speaking diaspora, similar to Tharchin, emphasize common Buddhist cultural markers, stress the differences between Tibetan culture and Chinese culture and, at the same time, highlight the similarities with Indian culture, refer readers to the period of the former glory of the Tibetan Empire as a justification for Tibet’s potential to be independent, accuse the PRC of illegal aggression and genocide of the people of Tibet, idealize life in Tibet before 1951, reproduce the myth of an especially peaceful and good-

---

²¹⁰⁴ Bentz 2006: 66.

²¹⁰⁵ Bentz 2006: 64.

natured personality of Tibetan people, etc. As it was the case in *The Tibet Mirror*, in the writings of representatives of the Tibetan diaspora many facts of Tibetan history are interpreted within a religious frame, while the Buddhist religion is represented as the main source of identification for the Tibetan nation.

Right after publications in support of Tibetan independence, Tharchin occasionally reminded his readers to appreciate *The Tibet Mirror* and to take interest in the information published by him, since his newspaper was a “gateway to the speeches of those who enjoy public freedom.”²¹⁰⁶ Being very proud that both the 13th Dalai Lama and the 14th Dalai Lama acknowledged his work on *The Tibet Mirror*, the editor pointed this fact out to his readers by publishing a copy of the 13th Dalai Lama’s letter²¹⁰⁷ and by placing a retyped letter of the 14th Dalai Lama in his newspaper.²¹⁰⁸ Even though at the mass level, Tharchin’s calls for the pan-Tibetan unity of peoples of the entire Tibetan Plateau and fighting for the cause of regaining Tibetan independence did not lead to any meaningful result in the period before 1959, at the stage of immigration, after similar appeals were voiced by the Tibetan national “moral guide”²¹⁰⁹ embodied in the person of the 14th Dalai Lama, natives of different regions of Tibet managed to forge a relatively united front of solidary, committed, and altruistic citizens who believe in the CTA’s representation of history of independent Tibet and who strive to achieve the national idea of preserving Tibetan culture and religion.

Tharchin’s input in the promotion of a pro-Tibetan point of view on the discourse on the Tibet Question has conditioned the fact that the multilayered historical and cultural legacy of *The Tibet Mirror* lives on in the memory of the Tibetan-speaking exile community in India and, at the same time, it is erased from the memory of the Tibetan-speaking population in the PRC.²¹¹⁰

²¹⁰⁶ Tib. *mi dmangs rang dbang la dga’ ba rnam kyī smra sgo* (*The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955: 6). Also see, e.g., *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954: 1.

²¹⁰⁷ See *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950: 10; *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951: 4–5.

²¹⁰⁸ See *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.10, January 1952: suppl. [no number].

²¹⁰⁹ This poetic term is introduced in relation to the 14th Dalai Lama by Rgyal lo Rgyal lo Don ’grub in his book of memories of Tibet and the struggle for independence (Thondup Gyalo and Thurston 2015: 301).

²¹¹⁰ For more information, see Sawerthal 2018a: 308–319.

The last thing that should be mentioned in the conclusion to this chapter is an important factor of the British colonial officials' influence on *The Tibet Mirror* and Tharchin's editorial policy. For an extended period of time, the editor of *The Tibet Mirror* collaborated with the British intelligence services, received funding for his newspaper with the help of British colonial officials, and was obviously largely inspired by their writings while constructing his own metanarrative of Tibetan independence in the 1950s and 1960s.

Conclusion

The Tibet Mirror stands among the earliest periodicals in the Tibetan language alongside the newspapers of Western missionaries in Ladakh and Kyelang, the newspaper of the Chinese ambans, and the newspaper of the 9th Panchen Lama.²¹¹¹ *The Tibet Mirror* was published from 1925 to 1963 in Kalimpong (at present, West Bengal, India) by Dorje Tharchin, a well-known public figure of ethnic Tibetan origin. In spite of the geographical location of the editorial office outside Tibet, for almost 40 years *The Tibet Mirror* maintained the status of the only Tibetan-language periodical that was continuously published during such a long period of time.

The period when *The Tibet Mirror* was published has coincided with a crucial timeline of modern Tibetan history that covered such defining stages and historical events as the so-called “*de facto* independence” of Tibet, the official incorporation of Tibet into the PRC in 1951, the first 15 years under the Chinese communist rule and the beginning of socialist reforms in Tibet, the formation of the anti-communist resistance movement, the Lhasa Uprising in March 1959, the emigration of the 14th Dalai Lama Bstan ’dzin Rgya mtsho from the PRC, the establishment of the Central Tibetan Administration in India, and the first years in immigration of the Tibetan-speaking exile community.

Like any other historical source, *The Tibet Mirror* has its advantages and its limitations which must be taken into consideration when one analyzes the content of newspaper publications. Apart from such difficulties as frequent absence of references to the source of information, low quality of some badly preserved newspaper pages, oddly designed positioning of published information on the pages, and orthographic inconsistency of spelling, when *The Tibet Mirror* is used as a historical source, one should take into account the apparent bias²¹¹² of the periodical. Even nowadays, one can hardly find a truly independent media and an unbiased media outlet was probably all the more difficult to find in the midst of the tense

²¹¹¹ Tib. *thub bstan chos kyi nyi ma*; 1883–1937.

²¹¹² However, T. van Dijk avers that it is okay for a newspaper to support or favor a certain candidate and to take a side, but this should be done “with arguments, facts, etc., i.e., through adequate reasoning and persuasion, and not through manipulation” by omitting important information, lying, or distorting the facts (van Dijk 2006: 364).

confrontation of capitalist and communist followers during the Cold War in the mid-20th century when the publisher of *The Tibet Mirror*—with some ideological support of representatives of the Capitalist Bloc—decided to use his small periodical to promote a pro-nationalist version of Tibetan history and lead his media campaign for the independence of Tibet.

The world outlook of the chief editor of *The Tibet Mirror* was shaped by his socialization in British India and collaboration with British and Indian intelligence services. As a child from a single-parent low-income family, Dorje Tharchin grew up surrounded by Western missionaries and worked hard to build a tremendous career of a simple laborer who became an owner of a print shop business, a publisher, and a chief editor of one of the most popular Tibetan-language periodicals. Tharchin mastered several foreign languages and was skillfully using his Tibetan ethnic origin, Indian citizenship, and entrepreneurial spirit to make pivotal connections with dignitaries both in India and Tibet and establish himself as a highly respected figure in Kalimpong who came to claim the position of a trusted intermediary in a variety of matters concerning members of the Tibetan-speaking community in India. While combining his work on the newspaper with clandestine intelligence gathering for the British and Indian secret services, Tharchin remained unwaveringly steadfast in expressing his anti-communist views in *The Tibet Mirror* and was very enthusiastic about defending the idea of Tibet's historical independence and explaining the controversy over the Tibet Question.

In the 1940s, the cultivation of the image of an independent Tibetan nation was of practical benefit to the British colonial officials interested in Tibet as a stable buffer on the northern frontiers of British India and in the 1950s, the ideological bipolar division of the world aroused the interest of the United States towards *The Tibet Mirror* as a platform for promoting pro-nationalist views among the people of Tibet and as a form of leverage on the PRC. Perhaps, due to the involvement of a group of politically active Tibetan immigrants in Kalimpong led by the elder brother of the 14th Dalai Lama Rgyal lo Don 'grub and some assistance from the United States as part of their multifaceted anti-communist Cold War strategy, the waning

of the British interest to the fate of Tibet and the respective cutback in their funding of *The Tibet Mirror* after 1947, when India gained its independence, did not stop Tharchin who continued publishing his newspaper and, on the contrary, intensified his pro-Tibetan rhetoric in the 1950s and 1960s. The fact that Rgyal lo Don 'grub invited Tharchin for cooperation in the 1950s can also explain the favorable editorial policy of *The Tibet Mirror* towards the Kuomintang government and Chiang Kai-shek: the Taiwanese leadership enjoyed the support of the USA and Rgyal lo Don 'grub himself favored it, for he had formerly studied in Nanjing and developed close ties with the Kuomintang leader.

Based on Tharchin's extant correspondence, one can conclude that the publisher of *The Tibet Mirror* consulted with the Political Officer in Sikkim, Bhutan, and Tibet regarding the content of his publications on Tibet. Given that, Tharchin officially denied any external funding of *The Tibet Mirror* and positioned himself as an independent publisher and a devoted Tibetan patriot who fought against the communist invasion of Tibet since it was a violation of international law.

The Tibet Mirror has its advantages as a historical source. The publisher of *The Tibet Mirror* was balancing between the interests of pro-nationalist Tibetans, Britain, India, the United States, and even the Kuomintang, that is why Tharchin's publications on the Tibet Question are distinguished by a high degree of originality. Although the newspaper's editorial office was located not in Tibet itself but in Kalimpong, it was, in fact, the second most important epicenter of Tibetan news after Tibet itself, since in the first half of the 20th century, traders and aristocrats from all regions of the Tibetan Plateau regularly came to Kalimpong and in the 1950s, the town became a transit stop for Tibetan-speaking emigrants coming from China. Therefore, even though the editor of *The Tibet Mirror* was not physically in Tibet, he had a privilege of getting first-hand news from Tibet while being stationed in India. Offering an unusual pro-Tibetan perspective on events in Tibet, *The Tibet Mirror* thus adds to the available information on the history of Sino-Tibetan relations in 1949–1963 and enables the researchers to trace the formation of the pro-

Tibetan nationalist paradigm which later laid foundation to the ideological policy of the Central Tibetan Administration.

Up until 1960, *The Tibet Mirror* was the only periodical that reflected anti-communist and, at the same time, pro-Tibetan views. Given a very limited number of alternative sources of information in the Tibetan language in the 1950s, *The Tibet Mirror* certainly had its sway over and contributed to the process of development of modern Tibetan nationalism and the establishment of a widely accepted idealized image of Tibet. Indian-born Tharchin was not Tibetan *jus soli*, however, his writings in *The Tibet Mirror* have been acknowledged and highly appreciated by members of the Tibetan-speaking diaspora. Hence, it is possible to speak of the editor's special status as the early Tibetan-language ideologist of Tibetan nationalism and one of the founders (and, perhaps, the only author in the 1950s) of the pro-independence media discourse in the Tibetan language.

After the PRC officially proclaimed its goal to "liberate" Tibet in 1949, Tharchin began regularly reproducing discourse-charged publications with the help of which he encouraged the vision of the independent past, present, and future of Tibet and promoted the idea of the illegitimacy of the Chinese communist rule not only in Tibet, but also in China. Trying to instill into the local population of Tibet a feeling of alienation and antagonism towards Chinese communists, from the beginning of the 1950s, the editor depicted Sino-Tibetan interactions within the ideological frame of "conflict" and inculcated his readers with an attitude that "foreign" atheists should not be trusted and that their innovations would bring only harm and hardship to Tibetan people. In the second half of the 1950s, Tharchin described in detail the suppression of uprisings in eastern Tibet and indoctrinated the recipients of his discourse that Chinese communists were not simply the Other but were "enemies," "demons," "barbarians," and "bandits," the coexistence with whom on the very same territory was presented as something impossible and unbearable for the peaceful and deeply religious people of Tibet.

In the 1950s and 1960s, the editor of *The Tibet Mirror* took upon himself the role of a Tibetan-language historian-mythmaker and chronicler of his epoch. Relying

on the Tibetan nation concept promoted by the British colonial officials, Tharchin filled the gaps in the pro-nationalist representation of Tibetan history with emotional remarks, vibrant metaphors and similes, modal sequencing of events and decontextualized facts that “proved” Tibet’s independence in the past and allowed to claim Tibet’s right for independence at the present and in the future. The editor managed to maintain the coherence of his metanarrative of independence by imposing the image of the ideal “Golden Age” of Tibet, which was lost due to the unjustified invasion of Chinese communists, but which could still be brought back if Tibetans and the whole world immediately took action and joined the fight against the PRC as their “global enemy” for the sake of future “happiness of independence” of Tibet.

In addition to radical calls for the armed national liberation struggle against Chinese communists and performing the highest form of altruism by sacrificing one’s life for the good of Tibet, Tharchin suggested other interesting steps that needed to be taken to achieve independence: namely, to protect the genuine history of Tibet, to prevent handing over to the Other any texts of Tibetan treaties with foreign countries, and to preserve the traditional religious and secular ideology and legal system of Tibet, the Tibetan language, national dress, currency, postal system, and telegraph. Furthermore, the editor of *The Tibet Mirror* instructed his Tibetan-speaking readership which world powers Tibet should be friends with and how to present the Tibet Question competently to the international community in order to gain the support of other countries of the world and the UN.

Building an image of Tibet as the independent nation throughout its history, the editor offered in *The Tibet Mirror* not only his own reflections on the topic of Sino–Tibetan relations, but also publicized the reports of eyewitnesses of the “communist oppression” in Tibet, comments of the anonymous “learned ones,” statements in support of Tibetan independence made by foreign experts, and even the opinion of the most authoritative figure for the Tibetan diaspora—the Dalai Lama. Seeking to attract the attention to the Tibet Question of a wider readership in

the late 1950s and 1960s, Tharchin occasionally published materials about Tibet in English.

While constructing the metanarrative of Tibetan independence, Tharchin portrayed Tibet before signing of the 17-Point Agreement in 1951 and after it as a “paradise” and “hell” on Earth respectively. In his publications, the editor confronted the two spectacularly hyperbolized images: the insane erratic “aggressor” represented by hypocritical Chinese communists and their evil leader Mao Zedong vs. and the unfortunate “victim” of the aggressor—the brutally oppressed virtuous Tibetans and their gracious leader the 14th Dalai Lama who was forced to immigrate to India for the good of his people. In many articles in *The Tibet Mirror*, the editor demonstrated how Chinese communist officials disregarded traditional Tibetan values and mercilessly desecrated Tibetan religious sites. News about the outrageous tyranny of Chinese communists certainly sparked in Tibetan-speaking readers nothing but feelings of injustice and resentment towards the PRC. In Tharchin’s narrative, the disgraceful behavior of Chinese communists in Tibet, on the one hand, explained why the peaceful religious people of Tibet should embark, if they have not done it already, on the path of “righteous” struggle against the “enemies of the Buddhist teaching” and, on the other hand, justified any violent acts of Tibetans aimed at Chinese communists.

Tibetan nationalism in *The Tibet Mirror* was largely articulated in religious terms (e.g., “the Tibetan Religious State” (Tib. *bod chos ldan rgyal khab*), “the Tibetan religious land” (Tib. *bod chos ldan gyi zhing*), “a combination of the religious and the secular” (Tib. *chos srid gnyis ldan*), “a Buddhist king” (Tib. *chos rgyal*), “the Teaching of the Victorious One” (Tib. *rgyal bstan*), and “enemies of the Buddhist teaching” (Tib. *bstan dgra*)). However, along with the traditional Tibetan religious framing of the historical narrative, while “reinventing the past,”²¹¹³ Tharchin introduced modern socio-political terminology and referred to basic

---

²¹¹³ For more information on the “perpetual reinventing of the past” through changing its “semantic, expressive, and narrative aspects,” see Bakhtin 1986: 430.

principles of international law, which helped making his discourse on the Tibet Question more comprehensible and convincing for Western recipients.

To enhance the persuasive effect of his narrative, the editor of *The Tibet Mirror* frequently resorted to lexical manipulation, various tropes, and figures of speech. Being creative in his approach to presenting information and provoking an emotional response from his readers, Tharchin published prophecies of the future, didactic sayings, parables and fables, oppositional songs and poems. Most publications on the Chinese communist policy in Tibet in the 1950s and 1960s can be characterized as expressive, evaluative, and manipulative. The derogatory tone in the descriptions of the Other was in some cases supplemented by the employment of amelioration to describe the no less violent actions of the Self. Elaborating on the types of speech acts in discourse-charged materials of *The Tibet Mirror*, one can distinguish generalizing statements, reproachful remarks, explicit accusations, rhetorical questions with presuppositions, warnings, threats, and requests, or rather demanding calls, to take action.

To further inflame the emotional load of the information published, the editor of *The Tibet Mirror* manipulated the consciousness and subconsciousness of the recipients of his discourse with the help of pertinent visuals. Issues of *The Tibet Mirror* dated from 1949 to 1963 contain a large number of illustrative materials (political cartoons, drawings, photographs, and maps) which popularized the symbols of independent Tibet, reproduced favorable images of foreign “friends” of Tibet, and reinforced a negative image of the PRC as the cruel “aggressor” that was oppressing not only the weak yet independent “Tibetan Religious State,” but the one that was dangerous for all other “peaceful” states of the world.

Through his appeals for consolidation of the entire population of Tibet as one Tibetan people, from the very beginning of the 1950s, Tharchin promoted the key unifying notion of the “Tibetan nation,” which, at first, was presented in *The Tibet Mirror* in the form of the thirteen Tibetan *khri skor*, and later, in the 1960s, was transformed into the *chol kha gsum* model. The concept of “Tibetan nation” as well as the lines of reasoning, ideologemes, national “truths,” and “proofs” of Tibet’s

historical independence developed by the editor became especially relevant after the emigration of the 14th Dalai Lama outside Tibet, when the political elite of “Tibet-in-exile” recognized the need for an official narrative which would legitimize the right of the Central Tibetan Administration to represent the interests of the growing Tibetan-speaking immigrant community, which would bring together natives of different regions of the Tibetan Plateau as a single “Tibetan nation-in-exile,” and which would ensure the effective internationalization of the Tibet Question.

It is quite likely that some of the discursive constructs actualized in *The Tibet Mirror* in the 1950s have been introduced for the first time into the discourse of pro-Tibetan authors owing to Tharchin’s efforts. Fragments of the metanarrative of Tibetan independence constructed in *The Tibet Mirror* were later reflected in the writings of prominent members of the Tibetan diaspora and incorporated into the official national narrative of the Tibetan exile community. Taking after Tharchin, the 14th Dalai Lama and officials of the CTA continued to reproduce the image of pre-1951 Tibet as a “peaceful Buddhist sanctuary,”²¹¹⁴ the population of which for centuries long had lived in perfect harmony and the existence of which at present had been threatened by the total destruction by Chinese communists. The tradition of depicting Tibetans as innocent victims of Chinese aggression and religious persecution initiated by the editor of *The Tibet Mirror* also contributed to the fact that the 14th Dalai Lama and the Tibetan exile community are now perceived as “guardians” of Tibetan culture, while Chinese communists, in the words of Tsering Shakya, are portrayed as “the destroyers of this unique culture.”²¹¹⁵

While the editor of *The Tibet Mirror* struggled with real obstacles for distributing issues of his newspaper in Tibet in the 1950s and the simultaneous “consumption” of his pro-nationalist publications by the readership, which was necessary to mobilize the Tibetan-speaking population in “imagining” themselves as representatives of the single Tibetan nation, in the 1960s, the 14th Dalai Lama and the CTA no longer had any limitations for communicating their ideas to the Tibetan

---

²¹¹⁴ Brox 2006: 96.

²¹¹⁵ Shakya 2000: 413.

diaspora. Being institutionalized and continuously repeated, the powerful discourse of the 14th Dalai Lama and the Central Tibetan Administration has claimed its privileged position in the Tibetan diaspora, for it is precisely this discourse that guides the socialization process of members of the diaspora and that dictates their perception of who Tibetans are. Thus, one can say that after 1959, the pro-nationalist representation of Tibetan history actualized by Tharchin in *The Tibet Mirror* was transformed into a political weapon of the Tibetan government-in-exile in their virtual struggle for independence.

The historical past is “one of the most important elements” of a nation.²¹¹⁶ By establishing the unity in time through the synthesis of memories of the past and expectations of the future, historical consciousness determines the orientation of the past towards the present and the future. Tharchin’s metanarrative of Tibetan independence carried a projective function, owing to which in the first years after the immigration, the collective memory of the “Tibetan nation-in-exile” was formed. This memory was identifying a group of divided Tibetan-speaking immigrants in India, providing them with a “sense” of the shared past, and determining their collective aspirations for the future.²¹¹⁷ The overarching metanarrative of Tibetan independence in *The Tibet Mirror* also set the stage for suppressing the individual narratives of those who did not share the Lhasa-centric perspective on Tibetan history and who rejected the CTA-approved *chol kha gsum* model of the Tibetan nation. To avoid the cultural pressure and to conform to the established ideals of the group identity, members of the Tibetan diaspora were forced either to yield to the official national narrative offered by the Central Tibetan Administration or to abandon their identification as members of the “Tibetan nation-in-exile.”

---

²¹¹⁶ Bentz 2006: 56.

²¹¹⁷ For more information on the role and functions of collective memory, see Repina 2011: 454.

List of Primary Sources and Secondary Literature

Primary Sources

1. The Tharchin Collection. C.V. Starr East Asian Library, Columbia University. [For a description of the archive, see Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://library.columbia.edu/locations/eastasian/special_collections/tibetan-rare-books---special-collections/tharchin.html. Accessed June 27, 2022].
2. *The Tibet Mirror* Vol.I No.1, October 1925.
3. *The Tibet Mirror* Vol.VI No.11, November 1932.
4. *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.8, October–November 1936.
5. *The Tibet Mirror* Vol.VIII No.10, January 1937.
6. *The Tibet Mirror* Vol.X No.1, June 1938.
7. *The Tibet Mirror* Vol.XI No.12, July 1943.
8. *The Tibet Mirror* Vol.XV No.1, November 1946.
9. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.1, October 1949.
10. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.2, November 1949.
11. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.3, December 1949.
12. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.4, January 1950.
13. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.5, February–March 1950.
14. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.7, June 1950.
15. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.8, July 1950.
16. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.9, August 1950.
17. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.10, September 1950.
18. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.11, October 1950.
19. *The Tibet Mirror* Vol.XVIII No.12, November 1950.
20. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.1–2, December 1950–January 1951.
21. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.3, June 1951.
22. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.4, July 1951.
23. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.5, August 1951.
24. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.6, September 1951.

25. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.7, October 1951.
26. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.8, November 1951.
27. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.10, January 1952.
28. *The Tibet Mirror* Vol.XIX No.12, March 1952.
29. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.2–3, May–June 1952.
30. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.5, August 1952.
31. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.6, September 1952.
32. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.7, October 1952.
33. *The Tibet Mirror* Vol.XX No.9, December 1952.
34. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.1, April 1953.
35. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.2, May 1953.
36. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.3, June 1953.
37. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.4, July 1953.
38. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.5, August 1953.
39. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.6, September 1953.
40. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.8, November 1953.
41. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.10, January 1954.
42. *The Tibet Mirror* Vol.XXI No.11, February 1954.
43. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.2, June 1954.
44. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.3, July 1954.
45. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.4, August 1954.
46. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.5, September 1954.
47. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.6, September 1954.
48. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.7, September 1954.
49. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.8, September 1954.
50. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.9, September 1954.
51. *The Tibet Mirror* Vol.XXII No.11, November 1954.
52. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.1, December 1954.
53. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.2, January 1955.
54. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.3, October 1955.

55. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.5, February 1956.
56. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.8, July 1956.
57. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.9, August 1956.
58. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.10, October 1956.
59. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.11, November 1956.
60. *The Tibet Mirror* Vol.XXIII No.12, November 1956.
61. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.2, May 1957.
62. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.3, July 1957.
63. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.4, August 1957.
64. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.5, September 1957.
65. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.9–10, January–February 1958.
66. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.11, March 1958.
67. *The Tibet Mirror* Vol.XXIV No.12, April 1958.
68. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.1, May 1958.
69. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.2, June 1958.
70. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.3–4, July–August 1958.
71. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.5, September–October 1958.
72. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.6, November 1958.
73. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.7, December 1958.
74. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.8, January 1959.
75. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.9–10, February–March 1959.
76. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No. 11, April 1959.
77. *The Tibet Mirror* Vol.XXV No.12, May 1959.
78. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.1, June 1959.
79. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.2–3, July–August 1959.
80. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.4–5, September–October 1959.
81. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.6–7, November–December 1959.
82. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.8–9, January–February 1960.
83. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.10, March 1960.
84. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.11, April–May 1960.

85. *The Tibet Mirror* Vol.XXVI No.12, June–July 1960.
86. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.1, August–September 1960.
87. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.3, November–December 1960.
88. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.4, November–December 1960.
89. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.5, January 1961.
90. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.6, February–March 1961.
91. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.7, April 1961.
92. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.8–9, May–June 1961.
93. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.10, August 1961.
94. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.11, September 1961.
95. *The Tibet Mirror* Vol.XXVII No.12, December 1962.
96. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.1, January 1963.
97. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.2, February 1963.
98. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.3, February–March 1963.
99. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.4, April–May 1963.
100. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.5, May–June 1963.
101. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.6, July–August 1963.
102. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.7, October 1963.
103. *The Tibet Mirror* Vol.XXVIII No.8, November 1963.
104. “Yul phyogs so so’i gсар ’gyur me loñ” [The Mirror of News from Various Countries]. Kālimpong: edited by Dorje Tharchin, 1925–<1963>. Electronic Reproduction. Vol.II No.5 (1927), Vol.V No.1 (1930)– Vol.XXVIII (1963) // New York: Columbia University Libraries Digital Collections, 2009. URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/cul/texts/ldpd_6981643_000/index.html. Accessed June 27, 2022.

Secondary Literature

In Russian

105. Bakhtin M.M. 1986. *Estetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.

106. Brandes M.P. 2004. *Stilistika Teksta. Teoreticheskiy Kurs: Uchebnik. 3-e izd.* [Text Stylistics. Theoretical Course: Textbook. Third Edition]. Moscow: Progress-Traditsiya and INFRA-M.
107. Chernyavskaya V.E. and Molodychenko E.N. 2014. *Istoriya v Diskurse Politiki: Lingvisticheskiy Obraz "Svoikh" i "Chuzhikh"* [History in Political Discourse: Linguistic Construction of Us and Them]. Moscow: Lenand.
108. Danilova A.A. 2014. *Manipulirovanie Slovom v Sredstvakh Massovoi Informatsii. 3-e izd.* [Verbal Manipulation in Mass Media. Third Edition] Moscow: Dobrosvet and Izdatelstvo KDU.
109. Denisov Yu.P. 2011. "Kategorii 'Diskurs' v Istoricheskom Poznanii" [The Category of 'Discourse' in Historical Knowledge] // *Istoricheskaya Nauka Segodnia: Teorii, Metody, Perspektivy. 2-e izd.* [Historical Science Today: Theories, Methods, and Perspectives. Second Edition], ed. by L.P. Repina. Moscow: Izdatelstvo LKI. P.165–181.
110. Dvornichenko A.Yu., Tot Yu.V., and Khodyakov M.V. 2008. *Istoriya Rossii: Uchebnik* [History of Russia: Textbook]. Moscow: TK Velbi and Izdatelstvo Prospekt.
111. Dylykova V.S. 1973. "Nazidatelnye Recheniia Sakya Pandity" [Sa skya Paṇḍita's Didactic Sayings] // *Izuchenie Kitaiskoi Literatury v SSSR: Sbornik Statei k Shestidesiatiletiiu Chlena-Korrespondenta AN SSSR N.T. Fedorenko* [Studies of Chinese Literature in the USSR: A Collection of Articles in Honor of the 60th Anniversary of N.T. Fedorenko, the Associate Member of the Academy of Sciences of the USSR], ed. by M.E. Shneider. Moscow: Nauka. P.42–56.
112. Ferro M. 2014. *Kak Rasskazyvaiut Istoriyu Detyam v Raznykh Stranakh Mira* [How the Past is Taught to Children] / Transl. by E.I. Lebedeva. Moscow: Knizhniy Klub 36.6.
113. Foucault M. 1996. "Dispozitiv Seksualnosti" [Dispositive of Sexuality] // *Volya k Istine po Tu Storonu Znaniya, Vlasti i Seksualnosti. Raboty Raznykh Let* [The Will to the Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works from

- Different Years] / Transl. by S. Tabachnikova, ed. by A. Puzyrei. Moscow: Kastal. P.175–238.
114. Foucault M. 2002. *Intellektualy i Vlast: Izbrannyye Politicheskie Stati, Vystupleniya i Interviu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews] / Transl. by S.C. Ofertas, ed. by V.P. Vizgin and B.M. Skuratov. Moscow: Praksis.
115. Garri I.R. 2009. *Buddizm i Politika v Tibetskom Raione KNR (II Polovina XX–nachalo XXI vv.)* [Buddhism and Politics in the Tibetan Region of the PRC (Second Half of the 20th Century–Beginning of the 21st Century)]. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTS SO RAN.
116. Garri I.R. 2020. “Kult Avalokiteshvary i Konkuriruyushchie Natsionalizmy Sino-Tibetskogo Pogranichia (1911–1951 gg.)” [The Cult of Avalokiteśvara and Competing Nationalisms of the Sino-Tibetan Frontier (1911–1951)] // *Gosudarstvo, Religiya, Tserkov v Rossii i za Rubezhom*, No.1 (38) [State, Religion, and Church in Russia and Abroad, No.1 (38)]. P.13–36.
117. Grokhovskiy P.L. (ed.). 2014. *Tibetskaya Literatura v Sovremennom Literaturnom Protsesse Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the PRC]. Saint-Petersburg: Filologicheskii Fakultet SPbGU.
118. Kasevich V.B. 1996. *Buddizm. Kartina Mira. Yazyk* [Buddhism. Picture of the World. Language]. Saint-Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie.”
119. Kukartseva M.A. 2018. *Issledovaniya po Filosofii, Istorii, Politiki, Bezopasnosti. Tom 1. Filosofiya Istorii i Istoricheskaya Nauka* [Studies in the Philosophy of History, Politics, Security. Vol. 1: Philosophy of History and Historical Science]. Moscow: Dashkov i Ko.
120. Kychanov E.I. and Melnichenko B.N. 2005. *Istoriya Tibeta s Drevneishikh Vremen do Nashikh Dnei* [History of Tibet from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN.

121. Lakoff G. and Johnson M. 2004. *Metafori, Kotorymi My Zhivem* [Metaphors We Live By] / Transl. by A.N. Baranov and A.V. Morozova / Ed. by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
122. Levshenko Yu.I. 2012. “Politicheskii Diskurs: Analiticheskii Obzor Teoretiko-Metodologicheskikh Podkhodov” [Political Discourse: An Analytical Review of Theoretical and Methodological Approaches] // *Istoricheskie, Politicheskie, Filosofskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiia i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki* [Historical, Political, Philosophical, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art History. Issues of Theory and Practice]. No.7 (21). Part II. P.100–108.
123. Maslov E.S. 2015. “Poniatie Metanarrativ Zh.-F. Liotara v Kontekste Narratologii” [The Concept of “Metanarrative” of J.-F. Lyotard in the Context of Narratology] // *Istoricheskie, Politicheskie, Filosofskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiia i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki* [Historical, Political, Philosophical, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art History. Issues of Theory and Practice]. No.2 (52). Part II. P.150–152.
124. Mikhaylova N.N. 2014a. “Zhizn i Tvorchestvo Gedun Chopela (1903–1951)—Pervogo Sovremennogo Tibetskogo Uchenogo, Literatora, Prosvetatelya” [The Life and Work of Dge ’dun Chos ’phel (1903–1963)—the First Modern Tibetan Scholar, Writer, and Educator] // *Tibetskaya Literatura v Sovremennom Literaturnom Protsesse Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the PRC], ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: Filologicheskiiy Fakultet SPbGU. P.33–70.
125. Mikhaylova N.N. 2014b. “Znachenie Gazety ‘Yulchog sosoi sargiur melong’ (1925–1963) dlia Modernizatsii Tibetskogo Literaturnogo Yazyka i Sozdaniia Svetskoi Literatury na Tibetskom Yazyke” [Role of the *Yul phyogs so so’i gsar ’gyur me long* Newspaper (1925–1963) for the Modernization of the Tibetan Literary Language and Development of Secular Literature in the Tibetan Language] // *Tibetskaya Literatura v Sovremennom Literaturnom Protsesse Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the

- PRC], ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: Filologicheskiiy Fakultet SPbGU. P.71–121.
126. Moskaleva N.N. 2017. “Gazeta ‘Zerkalo Tibeta’ kak Istoricheskii Istochnik” [*The Tibet Mirror* Newspaper as a Historical Source] // *Problemy Dalnego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. No.2. P.117–127.
127. Moskaleva N.N. 2020. “Gazeta ‘Zerkalo Tibeta’ i Formirovanie Ideologii Tibetskogo Natsionalizma v 1950–1960-e gg.” [*The Tibet Mirror* Newspaper and the Formation of Tibetan Nationalist Ideology in the 1950s and 1960s] // *Etno-Sotsiokulturnye Protsessy v Stranakh Azii i Afriki: Problema Identichnosti. Sbornik Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii Molodykh Uchenykh* [Proceedings of the International Conference of Young Scholars. Ethnic and Socio-Cultural Processes in Asian and African Countries: The Problem of Identity]. Moscow: Probel-2020. P.231–234.
128. Ostrovskaya E. and Rudoi V. 2009. *Kosmos i Karma. Vvedenie v Buddiiskuiu Kulturu* [Space and Karma. Introduction to the Buddhist Culture]. Saint-Petersburg: SPbKO.
129. Ostrovskaya-Jr. E.A. 2008. *Tibetskii Buddizm* [Tibetan Buddhism]. Saint-Petersburg: Izdatelskii Dom “Azbuka-Klassika” and “Peterburgskoe Vostokovedenie.”
130. Potapova N.D. 2015. *Lingvisticheskii Povорот v Istoriografii: Uchebnoe Posobie* [Linguistic Turn in Historiography: Textbook]. Saint-Petersburg: Evropeiskii Universitet v Sankt-Peterburge.
131. Repina L.P. 2011. *Istoricheskaya Nauka na Rubezhe XX–XXI vv.: Sotsialnaya Istoriya i Istoriograficheskaya Praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social History and Historiographical Practice]. Moscow: Krug.
132. Repina L.P. 2020. “Istoricheskaya Pamyat i Narrativy Natsionalnoi Identichnosti: ‘Praktika Istorii na Sluzhbe Pamyati’” [Historical Memory and Narratives of National Identity: “The Practice of History in Service of the Memory”] // *Proshloe dlia Nastoiashchego: Istoriya-Pamyat i Narrativy*

- Identichnosti. Kollektivnaya Monografiya* [Past for the Present: Historical Memory and Narratives of Identity. Collective Monograph], ed. by L.P. Repina. Moscow: Akvilon. P.9–36.
133. Rynkov V.M. 2010. “Periodicheskaya Pechat: Mesto v Sisteme Istoricheskikh Istochnikov” [The Place of Periodicals in the System of Historical Sources] // *Otechestvennyye Arkhivy* [Domestic Archives]. No.3. P.44–50.
134. Sapozhnikov A.I. 2009. “Gazetnye Publikatsii kak Istoricheskie Istochnik (Podrobnosti Srazheniia pri Shengrabene v Statiakh iz Gamburskoi Gazety)” [Newspaper Publications as a Historical Source (Details of the Battle of Schöngrabern in Articles of a Hamburg Newspaper)] // *Bibliotekovedenie* [Library Studies]. No.2. P.53–57.
135. Shevchenko I. 1991. “Pochtovye Prizraki” [Cinderella Stamps] // *Filateliya* [Philately]. No.11. P.64.
136. Shnirelman V.A. 1999. “Natsionalnye Simvoly, Etnoistoricheskie Mify i Etnopolitika” [National Symbols, Ethnohistorical Myths, and Ethnopolitics] // *Makedoniya: Problemy Istorii i Kultury* [Macedonia: Issues in History and Culture], ed. by R P Grishina. Moscow: Institut Slavianovedeniia RAN. P.9–24.
137. Tikhvinskiy S.L. (ed.). 2017. *Istoriya Kitaya s Drevneishikh Vremen do Nachala XXI veka: v 10 t.* [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: 10 vols.], ed. by S.L. Tikhvinskiy. *Tom VIII. Kitaiskaya Narodnaya Respublika (1949–1976)* [Vol.8: The People’s Republic of China (1949–1976)], ed. by Yu.M. Galenovich. Moscow: Nauka.
138. Tsendina A.D. 2006. ... *i Strana Zovetsya Tibetom. 2-e izd.* [... and the Land is Called Tibet. Second Edition]. Moscow: Vostochnaya Literatura.
139. Vanina E.Yu. 2014. *Indiya: Istoriya v Istorii* [India: History in History]. Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura.
140. Vladinets N.I. 1984. *Filatelistskaya Geografiya. Strany Azii (bez SSSR)* [Philatelic Geography. Asian Countries (without the USSR)]. Moscow: Radio i Sviaz.

141. White H. 2002. *Metaistoriya: Istoricheskoe Voobrazhenie v Evrope XIX Veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe] / Transl. by E.G. Trubina and V.V. Kharitonov. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta.
142. Yurlov F.N. and Yurlova E.S. 2010. *Istoriya Indii* [History of India. 20th Century]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.

In Foreign Languages

143. Adams V. 1996. "Karaoke as Modern Lhasa, Tibet: Western Encounters with Cultural Politics" // *Cultural Anthropology*. Vol.11, No.4. P.510–546.
144. Anand D. 2010. "(Re)imagining Nationalism: Identity and Representation in the Tibetan Diaspora of South Asia" // *Contemporary South Asia*. Vol.9, No.3. P.271–287.
145. Anderson B. 2016. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition*. London and New York: Verso.
146. Asfuroglu P. 2012. "The Politics of Representation: The Construction of the Tibetan National Identity in Exile." MA Thesis. Leiden: Universiteit Leiden.
147. Barnett R. 2001. "‘Violated Specialness’: Western Political Representations of Tibet" // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications. P.269–316.
148. Barnett R. 2006. *Lhasa: Streets with Memories*. New York: Columbia University Press.
149. Barnett R. 2012. "Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet" // *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol.41, No.4. P.45–107.
150. Barnett R. 2020. "Introduction" // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.1–36.

151. Barnett R., Weiner B., and Robin F. (eds.). 2020. *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*. Leiden and Boston: Brill.
152. Basu S. 2018. *In Diasporic Lands: Tibetan Refugees and Their Transformation since the Exodus*. Delhi: Orient Blackswan.
153. Baumgartner J. 1981. "Newspapers as Historical Sources" // *Philippine Quarterly of Culture and Society*. Vol.9, No.3. P.256–258.
154. Beer R. 2003. *The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols*. Chicago and London: Serindia,
155. Bentz A.-S. 2006. "Reinterpreting the Past or Asserting the Future? National History and Nations in Peril–The Case of the Tibetan Nation" // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol.6, No.2. *Special Issue: Nations and Their Pasts*. P.56–70.
156. Brox T. 2006. "Tibetan Culture as Battlefield: How the Term 'Tibetan Culture' is Utilized as Political Strategy" // *Buddhismus in Geschichte und Gegenwart: Gewalt und Gewaltlosigkeit im Buddhismus*, Vol.X, ed. by L. Schmithausen. Hamburg: Universität Hamburg. P.85–105.
157. Brox T. 2012. "Constructing a Tibetan Demos in Exile" // *Citizenship Studies*. Vol.16, Nos.3–4. P.451–467.
158. Brox T. and Zeitzen M.K. 2017. "Prince Peter's Seven Years in Kalimpong: Collecting in a Contact Zone" // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone,"* ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.245–272.
159. Brox T. and Zeitzen M.K. 2021. "Measuring the Tibetan Nation: Anthropometry in 1950s Kalimpong" // *Modern Asian Studies* (Online Publication, December 23). P.1–26.
160. Bstan-'dzin-rgya-mtsho, Dalai Lama XIV. 1997. *My Land and My People: The Original Autobiography of His Holiness the Dalai Lama of Tibet*. New York and Boston: Warner Books.
161. Bulag U.E. 2002. *The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

162. Chilton P. 2004. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London and New York: Routledge.
163. Claude R.P. 1994. "Book Review. The International Commission of Jurists: Global Advocates for Human Rights" // *Human Rights Quarterly*. Vol.16, No.3. P.576–578.
164. Cüppers Ch. and Sørensen P. 1998. *A Collection of Tibetan Proverbs and Sayings: Gems of Tibetan Wisdom and Wit*. Stuttgart: Steiner.
165. Dalai Lama XIV. 2004. "Foreword" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press. P.IX–X.
166. Davenport J.T. (transl.). 2000. *Ordinary Wisdom: Sakya Panditas Treasury of Good Advice*. Boston: Wisdom Publications.
167. David-Neel A. 1986. *My Journey to Lhasa*. Boston: Beacon Press.
168. de Heering X. 2020. "Re-remembering the Day 'Times Turned Around': The Arrival of 'Chinese Soldiers' at Chukhama in 1958" // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.443–477.
169. Deb B. 2020. "A Short History of Tibet Postage Stamps" // *Postal Himal*. No.183. P.4–9.
170. Derrida J. 1978. *Writing and Difference*. Chicago: The University of Chicago Press.
171. Dhondub K. 1986. *The Water-Bird and Other Years. A History of the Thirteenth Dalai Lama and After*. New Delhi: Rang Wang Publishers.
172. Dreyfus G. 2005. "Are We Prisoners of Shangrila? Orientalism, Nationalism, and the Study of Tibet" // *Journal of the International Association of Tibetan Studies*. No.1. P.1–21.
173. Engelhardt I. 2011. "Reflections in *The Tibet Mirror*: News of the World, 1937–1946" // *Mapping the Modern in Tibet. PIATS 2006: Tibetan Studies: Proceedings of the Eleventh Seminar of the International Association for Tibetan*

- Studies*, Königswinter, ed. by G. Tuttle. Andiast: International Institute for Tibetan and Buddhist Studies GmbH. P.205–264.
174. Engelhardt I. 2012. “Tharchin’s One Man War with Mao” // *Studies on the History and Literature of Tibet and the Himalaya*, ed. by R. Vitali. Katmandu: Vajra Books. P.183–211.
175. Engelhardt I. 2013. “Tharchin’s *Tibet Mirror*: A Christian Oriented Newspaper?” // *Historical and Philological Studies of China’s Western Regions*. No.6. Beijing: Science Press. P.129–155.
176. Engelhardt I. 2018a. “A Dedicated Initiator of Cultural Exchange: Tharchin’s Innovative Communication of Knowledge between the Tibetan and Western Worlds” // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. P.91–109.
177. Engelhardt I. 2018b. “The Quip as the Whip: Political Cartoons in the *Melong*” // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.41–57.
178. Erhard F.X. 2015. “Tibetan Mass Media: A Preliminary Survey of Tibetan Language Newspapers” // *The Illuminating Mirror. Contributions to Tibetan Studies*, Vol.12, ed. by O. Czaja and G. Hazod. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. P.155–171.
179. Erhard F.X. and Hou H. 2018. “The *Melong* in Context: A Survey of the Earliest Tibetan Language Newspapers 1904–1960” // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.1–39.
180. Fader H.L. 2002. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
181. Fader H.L. 2004. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.2. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
182. Fader H.L. 2009. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.3. Kalimpong: Tibet Mirror Press.
183. Feldman D. 2017. *Tibet, the Olsson and Larsson Collections. Auction, Geneva (December 5, 2017)*. Kassel: Meinster Print & Media GmbH.

184. Fisher R. 2011. "The Dialogical Construction of Tibetan-ness: Narratives of Tibetan Identity and Memory." PhD Diss. Dallas: Southern Methodist University.
185. Foucault M. 1984. "Truth and Power" // *The Foucault Reader*, ed. by P. Rabinau. New York: Penguin Books. P.51–75.
186. Goldstein M. 1992. *A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State*. Berkeley: University of California Press.
187. Goldstein M. 1997. *The Snow Lion and the Dragon. China, Tibet, and the Dalai Lama*. Berkeley, Los Angeles, and Oxford: University of California Press.
188. Goldstein M. 2004. *The New Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd.
189. Goldstein M. 2007. *A History of Modern Tibet, Vol.2. The Calm before the Storm: 1951–1955*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
190. Goldstein M. 2014. *A History of Modern Tibet, Vol.3. The Storm Clouds Descend: 1955–1957*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
191. Goldstein M. 2019. *A History of Modern Tibet, Vol.4. In the Eye of the Storm: 1957–1959*. Oakland: University of California Press.
192. Grunfeld T. 1996. *The Making of Modern Tibet*. Revised Edition. Armonk: M.E. Sharpe.
193. Hackett P.G. 2018. "On the Outside Looking In, On the Inside Looking Out: Tharchin Babu's Two-way 'Mirror' on Twentieth Century Tibet and the World" // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.81–89.
194. Hackett P.G. n.d. "Kalimpong, Gergan Dorje Tharchin, and His Mirror Newspaper. The Tharchin Collection Introductory Article" // Columbia University Libraries Digital Collections. URL: http://library.columbia.edu/content/dam/libraryweb/locations/eastasian/Mirror_Hackett.pdf. Accessed June 27, 2022.

195. Halliday M.A.K. 1989. *Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Hong Kong: Oxford University Press.
196. Hansen P.H. 2003. "Why is There no Subaltern Studies for Tibet?" // *The Tibet Journal*. Vol.28, No.4. P.7–22.
197. Harrer H. 2009. *Seven Years in Tibet*. New York: Tarcher.
198. Harris T. 2013. *Geographical Diversions: Tibetan Trade, Global Transactions*. Athens and London: The University of Georgia Press.
199. Henry F. and Tator C. 2002. *Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-Language Press*. Toronto: University of Toronto Press.
200. Hess J. 2009. *Immigrant Ambassadors: Citizenship and Belonging in the Tibetan Diaspora*. Stanford: Stanford University Press.
201. Hillman B. 2018. "Studying Tibetan Identity" // *The Sage Handbook of Contemporary China, Vol.2*, ed. by W. Wu and M. Frazier. London: Sage Publication. P.713–735.
202. Holmes-Tagchungdarpa A. 2014. "Representations of Religion in The Tibet Mirror. The Newspaper as Religious Object and Patterns of Continuity and Rupture in Tibetan Material Culture" // *Material Culture and Asian Religions: Text, Image, Object*, ed. by B.J. Fleming and R.D. Mann. New York and London: Routledge. P.73–93.
203. Horlemann B. 2020. "The 'Liberation' of Golog as Reflected in the Memoir Wang Yuying" // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.89–108.
204. Kapstein M. 2006. *The Tibetans*. Oxford: Blackwell Publishing.
205. Kapstein M. 2009. "The Treaty Temple of the Turquoise Grove" // *Buddhism between Tibet and China*, ed. by M. Kapstein. Somerville: Wisdom Publications. P.21–73.
206. Kauffmann T. 2015. *The Agendas of Tibetan Refugees: Survival Strategies of a Government-in-Exile in a World of Transnational Organizations*. New York and Oxford: Berghahn.

207. Klieger Ch. 1989. "Ideology and the Framing of Tibetan History" // *The Tibet Journal*. Vol.14, No.4. P.3–16.
208. Knaus J.K. 2003. "Official Policies and Covert Programs: The U.S. State Department, the CIA, and the Tibetan Resistance" // *Journal of Cold War Studies*. Vol.5, No.3. P.54–79.
209. Kobayashi R. 2019. "The Political Status of Tibet and the Simla Conference (1913–14): Translated Concepts in Modern Tibet" // *A World History of Suzerainty: A Modern History of East and West Asia and Translated Concepts*, ed. by O. Takashi. Tokyo: Toyo Bunko. P.199–215.
210. Kolås Å. 1996. "Tibetan Nationalism: The Politics of Religion" // *Journal of Peace Research*. Vol.33, No.1. P.51–66.
211. Koselleck R. 2004. *Futures Past. On the Semantics of Historical Time* / Transl. by K. Tribe. New York: Columbia University Press.
212. Lakoff G. 2004. *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives*. White River Junction: Chelsea Green Publishing.
213. Lin H. 2006. *Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928–49*. Vancouver and Toronto: UBC Press.
214. McGranahan C. 2001. "Arrested Histories: Between Empire and Exile in 20th Century Tibet." PhD Diss. Ann Arbor: The University of Michigan.
215. McGranahan C. 2010. *Arrested Histories: Tibet, the CIA, and Memories of a Forgotten War*. Durham and London: Duke University Press.
216. McKay A. 1995. "Tibet and the British Raj, 1904–47: The Influence of the Indian Political Department Officers." PhD Thesis. London: SOAS London University.
217. McKay A. 2001a. "'Kicking the Buddha's Head': India, Tibet and Footballing Colonialism" // *Soccer in South Asia: Empire, Nation, Diaspora*, ed. by P. Dimeo and J. Mills. London: Franc Cass. P.89–104.
218. McKay A. 2001b. "'Truth,' Perception, and Politics: The British Construction of an Image of Tibet" // *Imagining Tibet: Perceptions, Projections,*

- and Fantasies*, ed. by Th. Dodin and H. Räther. Boston: Wisdom Publications. P.67–89.
219. McKay A. 2003. ““We Want a United Tibet”” // *The History of Tibet. Vol.3. The Modern Period: 1895–1959. The Encounter with Modernity*, ed. by A. McKay. London and New York: RoutledgeCurzon. P.646–661.
220. McKay A. 2012. “The British Invasion of Tibet, 1903–04” // *Inner Asia*. Vol.14, No.1. P.5–25.
221. Mehra P. 2003. “The Mongol–Tibetan Treaty of January 11, 1913” // *The History of Tibet. Vol.3. The Modern Period: 1895–1959. The Encounter with Modernity*, ed. by A. McKay. London and New York: RoutledgeCurzon. P.175–190.
222. Mills M.A. 2014. “Who Belongs to Tibet? Governmental Narratives of State in the Ganden Podrang” // *Facing Globalization in the Himalayas: Belonging and the Politics of the Self*, ed. by G. Toffin and J. Pfaff-Czarnecka. New Delhi: SAGE Publications India Pvt Ltd. P.397–418.
223. Misra A. 2003. “A Nation in Exile: Tibetan Diaspora and the Dynamics of Long Distance Nationalism” // *Asian Ethnicity*. Vol.4, No.2. P.189–206.
224. Moskaleva N. 2016. “Sketches of Contemporary Tibetan History in *The Tibet Mirror* (1949–1963)” // *Revue d’Etudes Tibétaines*. No.37. P.247–261.
225. Moskaleva N. 2018. ““What Does Babu Say?”, a Pinch of Artistic Approach to News Reporting in *The Tibet Mirror* (1949–1963)” // *Revue d’Etudes Tibétaines*. No.46. P.98–148.
226. Moskaleva N. 2020. “*The Tibet Mirror* and History Spinning in the 1950s and 1960s” // *Revue d’Etudes Tibétaines*. No.55. P.409–439.
227. Moskaleva N. and Grokhovskiy P. 2018. “*The Tibet Mirror* Vol.I No.1: Transliterated and Translated” // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.147–167.
228. Munson R.V. 2001. *Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

229. Nor brang o rgyan. 2008. *Chos rnam kun btus, Bar cha* [Dictionary of Buddhist Terminology Arranged in Numerical Enumeration, Vol.2]. Beijing: Khrung go'i bod rig pa dpe skrun khang.
230. Norbu Dawa. 1998. "Pioneer and Patriot: An Extract from an Interview with Rev. G. Tharchin" // *Lungta*. No.11. P.11–12.
231. Norbu Dawa. 2001. *China's Tibet Policy*. Richmond: Curzon Press.
232. Norbu Dawa. 2002. "Introduction" // Fader H.L. *Called from Obscurity: The Life and Times of a True Son of Tibet Gergan Dorje Tharchin*. Vol.1. Kalimpong: Tibet Mirror Press. P.XI–XII.
233. Norbu Jamyang. 1986. *Warriors of Tibet: The Story of Aten and the Khampa's Fight for the Freedom of Their Country*. London: Wisdom Publications.
234. Norbu Jigme Thubten, Turnbull C. 1983. *Tibet: Its History, Religion and People*. New York: Penguin Books.
235. Norbu Thubten Jigme. 1961. *Tibet Is My Country, as Told to Heinrich Harrer* / Transl. by E. Fitzgerald. London: Readers Union Rupert Hart-Davis.
236. Okawa K. 2007. "Lessons from Tibetans in Taiwan: Their History, Current Situation, and Relationship with Taiwanese Nationalism" // *东洋文化研究所纪要*. 第152册 [Summary of the Institute of Research of East Asian Culture. No.152]. P.581–601.
237. Pemba Lhamo. 2007. *Tibetan Proverbs*. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, Indraprastha Press.
238. Petech L. 1972. *China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet*. Leiden: E.J. Brill.
239. Petech L. 1990. *Central Tibet and the Mongols: The Yuan–Sa–skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano Per Il Medio Ed Estremo Oriente.
240. Poddar P. and Lindkvist Zhang L. 2017. "Kalimpong: The China Connection" // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone,"* ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.149–174.

241. Powers J. 2004. *History as Propaganda. Tibetan Exiles Versus the People's Republic of China*. New York: Oxford University Press.
242. Powers J. 2021. "A Glorious People: Buddhism and Tibetan Nationalism" // *Virginia Review of Asian Studies*. No.23. P.1–26.
243. Powers J. and Templeman D. 2012. *Historical Dictionary of Tibet*. Lanham, Toronto, and Plymouth (UK): The Scarecrow Press, Inc.
244. Raymond A. 2020. "Mao, the Chinese Communist Party and the Tibetan Question, 1949–50" // *Conflicting Memories. Tibetan History under Mao Retold: Essays and Primary Documents*, ed. by R. Barnett, B. Weiner, and F. Robin. Leiden and Boston: Brill. P.217–236.
245. Reynolds J.M. (transl.). 1996. *The Golden Letters. The Three Statements of Garab Dorje, the First Teacher of Dzogchen, together with a Commentary by Dza Patrul Rinpoche, Entitled "The Special Teaching of the Wise and Glorious King."* Ithaca: Snow Lion Publications.
246. Ryavec K.E. 2015. *A Historical Atlas of Tibet*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
247. Samuel G. 1993. *Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies*. Washington and London: Smithsonian Institution Press.
248. Sawerthal A. 2011. "The *Melong*: An Example of the Formation of a Tibetan Language Press." MA Diss. Vienna: University of Vienna.
249. Sawerthal A. 2017. "Foreign News in Early Tibetan-Language Newspapers: Covering Adolf Hitler in the *Melong*" // *Ancient Currents, New Traditions. Papers Presented at the Fourth International Seminar of Young Tibetologists Held at the Leipzig University from September 7–12, 2015*, ed. by F.X. Erhard *et al.* Potsdam: Edition Tethys. P.315–334.
250. Sawerthal A. 2018a. "A Newspaper for Tibet: Babu Tharchin and the "Tibet Mirror" (*Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*, 1925–1963) from Kalimpong." PhD Diss. Heidelberg: Heidelberg University.

251. Sawerthal A. 2018b. “The Round World in Early Tibetan-language Newspapers” // *Modernizing the Tibetan Literary Tradition*, ed. by P.L. Grokhovskiy. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. P.151–168.
252. Schaeffer K. 2009. *The Culture of the Book in Tibet*. New York: Columbia University Press.
253. Schwieger P. 2015. *The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation*. New York: Columbia University Press.
254. Shakabpa Tsepon W.D. 1984. *Tibet: A Political History*. New York: Potala Publications.
255. Shakya Tsering. 1990. “1948 Tibetan Trade Mission to United Kingdom” // *The Tibet Journal*. Vol.15, No.4. P.97–114.
256. Shakya Tsering. 1993. “Whither the Tsampa Eaters?” // *Himal*. Vol.6, No.5. P.8–11.
257. Shakya Tsering. 2000. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*. New York: Penguin Compass.
258. Shakya Tsering. 2004. “The Emergence of Modern Tibetan Literature—*gsar rtsom*.” PhD Diss. London: School of Oriental & African Studies (SOAS), University of London.
259. Sharma J. 2017. “Kalimpong as a Transcultural Missionary Contact Zone” // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a “Contact Zone,”* ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.25–53.
260. Singh Rohit. 2015. “Reimagining Tibet through the Lens of Tibetan Muslim History and Identity” // *Oxford Handbooks Online*. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199935420.001.0001/oxfordhb-9780199935420-e-7>. Accessed June 27, 2022.
261. Singh Teshu. 2013. “India, China and the Nathu La: Understanding Beijing’s Larger Strategy towards the Region” // *Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) Issue Brief #204*. January 2013. P.1–4.

262. Smith P.J. 2013. “Bhutan-China Border Disputes” // *Beijing’s Power and Border Disputes: Twenty Neighbors in Asia*, ed. by B. Elleman, S. Kotkin, and C. Schofield. Armonk and London: M.E. Sharpe. P.23–35.
263. Smith W. 1996. *Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations*. Boulder and Oxford: Westview Press.
264. Snellgrove D. and Richardson H. 1968. *A Cultural History of Tibet*. New York and Washington: Frederick A. Praeger Inc. Publishers.
265. Sperling E. 2004. *The Tibet-China Conflict: History and Polemics*. Washington DC: East-West Center.
266. Spiegel G.M. 1990. “History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages” // *Speculum*. Vol.65, No.1. P.59–86.
267. Tashi Tenzin C. 2010. “Barmiok Athing Tashi Dadul Densapa: Colossus of Sikkim” // *Talk Sikkim* (July 2010). P.37–39.
268. Thondup Gyalo and Thurston A.F. 2015. *The Noodle Maker of Kalimpong: My Untold Story of the Struggle for Tibet*. London: Rider.
269. *Tibet Proving Truth from Facts*. n.d. Dharamsala: Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration.
270. Tolley H.B. Jr. 1994. *The International Commission of Jurists: Global Advocates for Human Rights*. Pennsylvania: The University of Pennsylvania Press.
271. Topgyal Sonam. 2018. *bod kyi dpe mdzod khang du bzhugs pa’i yul phyogs so so’i gsar ’gyur me long gi dkar chag dge’o*// [Table of Contents of the Issues of the Tibet Mirror Collection Kept in LTWA] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.169–215.
272. Topla Tsangdruk. 2018. «*gsar ’gyur me long*» *las byung ba’i kun gzigs paN chen sku phreng gnyis kyi gsar ’gyur*/ [News concerning the Ninth and the Tenth Panchen Lama in the *Mirror*] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.59–80.
273. Tsering Tashi. 1998. “The Life of Reverend G. Tharchin, Missionary and Pioneer” // *Lungta*. No. 11. P.9–10.

274. van Dijk T.A. 1985. "Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline" // *Handbook of Discourse Analysis, Vol.1: Disciplines of Discourse*, ed. by T.A. van Dijk. Orlando: Academic Press. P.1–10.
275. van Dijk T.A. 1993. "Principles of Critical Discourse Analysis" // *Discourse & Society*. Vol.4, No.2 Special Issue: Critical Discourse Analysis. P.249–283.
276. van Dijk T.A. 1997. "The Study of Discourse" // *Discourse as Structure and Process, Vol.1. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, ed. by T.A. van Dijk. London: Sage Publications. P.1–34.
277. van Dijk T.A. 2001. "Critical Discourse Analysis" // *The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. Malden and Oxford: Blackwell Publishers. P.352–371.
278. van Dijk T.A. 2006. "Discourse and Manipulation" // *Discourse and Society*. Vol.17, No.3. P.359–383.
279. van Dijk T.A. 2015. "Critical Discourse Analysis" // *The Handbook of Discourse Analysis, Vol.1, Second Edition*, ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, and D. Schiffrin. West Sussex: Wiley Blackwell. P.466–485.
280. van Schaik S. 2011. *Tibet: A History*. New Haven and London: Yale University Press.
281. van Walt van Praag M.C. *The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law*. London: Wisdom Publications, 1987.
282. Viehbeck M. (ed.). 2017a. *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone."* Heidelberg: Heidelberg University Publishing.
283. Viehbeck M. 2017b. "'The First Tibetan at a Western University?'—Entanglements of Scholarship, Buddhism, and Power in Kalimpong and Beyond" // *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone,"* ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg University Publishing. P.273–300.
284. Wang-Toutain F. 2018. "Le retour en Asie des reliques de Śāriputra et Maudgalyāyana d'après le Mirror" [The Return to Asia of the Relics of Śāriputra

- and Maudgalyāyana according to the Mirror] // *Cahiers du Mirror*, ed. by F. Wang-Toutain and M. Preziosi. Paris: BET, Collège de France. P.91–146.
285. Wang-Toutain F. and Preziosi M. (eds.). 2018. *Cahiers du Mirror*. Paris: BET, Collège de France.
286. Warren A. 2003. “Memoriam: Nelson Eustis 1915–2003” // *Postal Himal*. No.116. P.15–16.
287. Willock N. 2016. “Dorjé Tharchin, the *Mélong*, and the Tibet Mirror Press: Negotiating Discourse on the Religious and the Secular” // *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*. Vol.36, No.1. P.145–162.
288. Woolf D. 2007. “Of Nations, Nationalism, and National Identity. Reflections on the Historiographic Organization of the Past” // *The Many Faces of Clio. Cross Cultural Approaches to Historiography*, ed. by Q.E. Wang and F.L. Fillafer. New York and Oxford: Berghahn Books. P.71–103.
289. Yang E. 2016. “Tracing the *Chol kha gsum*: Reexamining a Sa skya-Yuan Period Administrative Geography” // *Revue d’Etudes Tibétaines*. No.37. P.551–568.
290. Yeh E. 2013. *Taming Tibet: Landscape Transformation and the Gift of Chinese Development*. Ithaca and London: Cornell University Press.
291. Zayul Lobsang Nyandak. n.d. *International Resolutions and Recognition of Tibet (1959 to 2004)*. Dharamsala: Department of Information and International Relations, Central Tibetan Administration.

Internet Sources

292. “22 Holiday List” // Bureau of His Holiness the Dalia Lama, New Delhi. URL: <https://tibetbureau.in/2017-holiday-list/>. Accessed December 26, 2022.
293. “Constitution of Tibet (1963)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet2.html>. Accessed June 27, 2022.
294. “Five Point Peace Plan (1987)” // Tibet Justice Center. URL: <http://www.tibetjustice.org/materials/tibet/tibet3.html>. Accessed June 27, 2022.

295. “Formoza” [Formosa] // Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya Onlain [Great Soviet Encyclopedia Online]. URL: <https://bse.slovaronline.com/47936-FORMOZA>. Accessed June 27, 2022.
296. “Map of Tibet” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/map-of-tibet/>. Accessed June 27, 2022.
297. “National Flag” // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/about-tibet/the-tibetan-national-flag/>. Accessed June 27, 2022.
298. Norbu Jamyang. 2005. “Newspeak & New Tibet: Part III” // Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <http://jnorbu.blogspot.ru/2007/02/newspeak-new-tibet-part-iii.html>. Accessed June 27, 2022.
299. Norbu Jamyang. 2007. “Freedom Wind, Freedom Song: Dispelling Modern Myths about the Tibetan National Flag and National Anthem” // TibetWrites. URL: <https://www.tibetwrites.in/articles/freedom-wind-freedom-song-dispelling-modern-myths-about-the-tibetan-national-flag-and-national-anthem/>. Accessed January 15, 2022.
300. Norbu Jamyang. 2014. “The Political Vision of Andrugtsang Gompo Tashi” // Shadow Tibet: Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2014/09/27/the-political-vision-of-andrugtsang-gompo-tashi/>. Accessed June 27, 2022.
301. Norbu Jamyang. 2016. “Untangling the Mess of Petrified Noodles” // Shadow Tibet. Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2016/06/29/untangling-a-mess-of-petrified-noodles/>. Accessed June 27, 2022.
302. Norbu Jamyang. 2019. “Political Cartoons from March 1959” // Shadow Tibet: Jamyang Norbu’s Online Blog. URL: <https://www.jamyangnorbu.com/blog/2019/01/28/political-cartoons-from-march-1959/>. Accessed June 27, 2022.
303. “Question of Tibet: Resolution / Adopted by the General Assembly 1959” // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/664377?ln=en>. Accessed June 27, 2022.

304. “Rangzen Band” // Friends of Tibet. URL: <http://www.friendsoftibet.org/main/rangzenband.html>. Accessed June 27, 2022.
305. “Resolution 1001 (ES-I)” // United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/208418?ln=en>. Accessed June 27, 2022.
306. “The Extended Wylie Transliteration Scheme” // The Tibetan and Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/transliteration/#essay=/thl/ewts>. Accessed June 27, 2022.
307. “Voting Data: Hungary” // United Nations Digital Library. URL: https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Voting+Data&p=hungary&f=&action_search=Search&rm=&ln=en&sf=&so=d&rg=50&c=Voting+Data&c=&of=hb&fti=0&ftj=0. Accessed June 27, 2022.